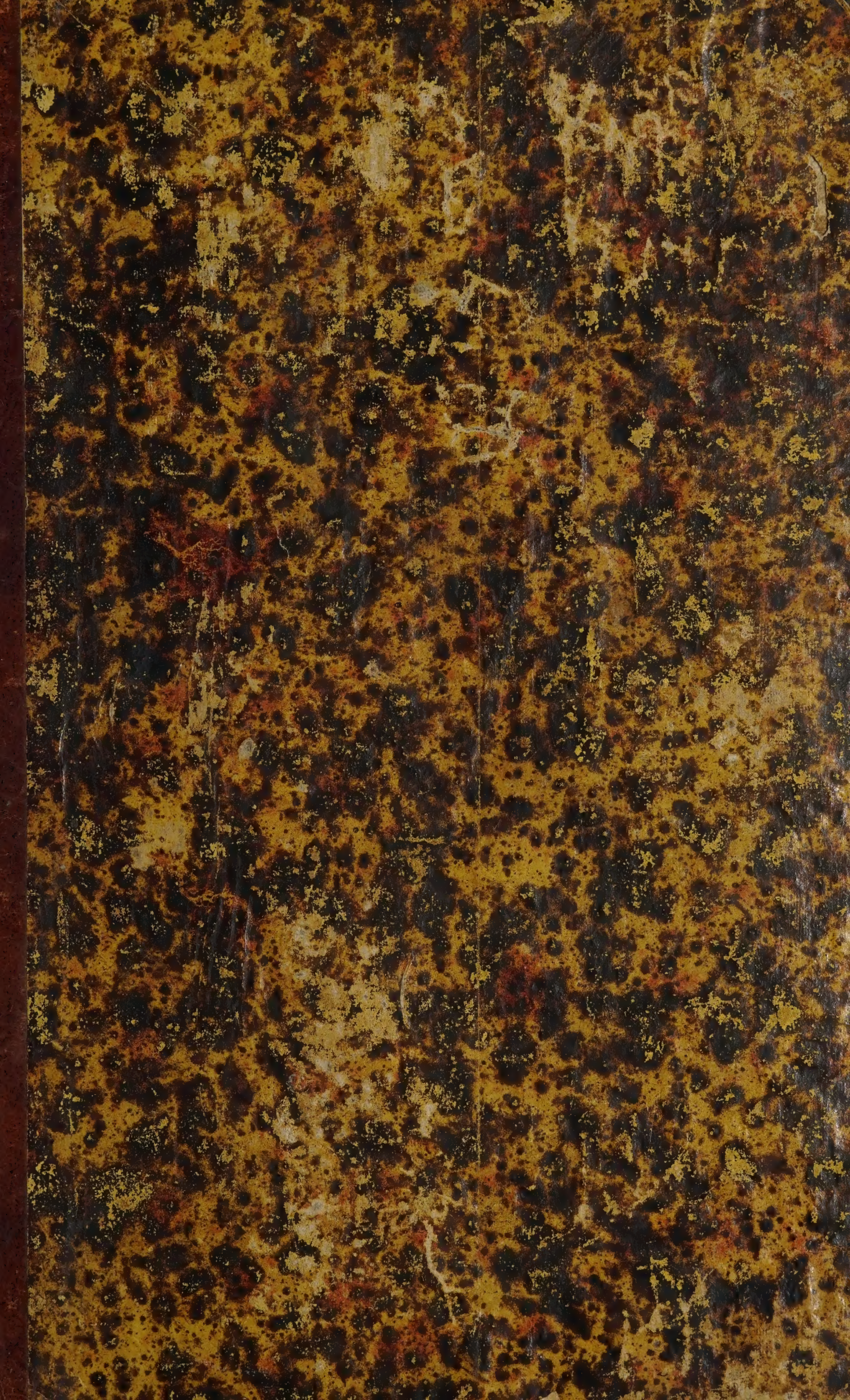


ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

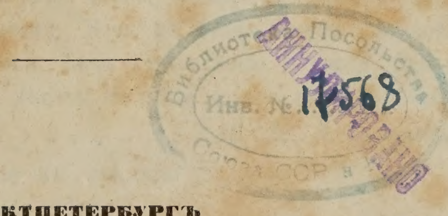
ИЗДАВАЕМЫЙ

М. ХАНОМЪ

ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ОКТЯБРЬ

3 книги



САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДОКТОРА М. ХАНА ВЪ БОЛОТНОЙ УЛИЦѢ Д. № 5

1867

СОДЕРЖАНІЕ.

О подпискѣ на журналъ „Всемірный Трудъ" 1868 г.
Объ изданіи новой газеты „Русско-славянскіе Отголоски".

Приложеніе.

Одиннадцатый номеръ журнала выдетъ около 15 ноября.

ИЗГНАНІЕ ЗА ЗАКОННЫЙ БРАКЪ.

Мы бѣдные русскіе! Стоитъ намъ только сдѣлать шагъ и на насъ нападаютъ. Въ Германіи, во Франціи и во многихъ другихъ странахъ смотрятъ на нашу матушку Русь, какъ на край полуварварскій, полудикій, полуразвитый, только что начинающій выходить изъ мрака невѣжества. Нравы и обычаи московскіе нерѣдко смѣшиваются съ обрядами мусульманъ или другихъ сыновъ отдаленной Азіи, и даже наши университетскіе города, напр. Харьковъ и Казань, звучатъ столько же малоизвѣстно и чуждо ушамъ тюрингенскаго горца или какого нибудь нюрнбергскаго шписбюргера, сколько отдаленный городъ Тегеранъ или, быть можетъ, г. Ниневія, о которыхъ старательные нѣмцы когда-то учились въ географіи и въ исторіи, но о которыхъ они ровно ничего не помнятъ. Такое невѣденіе тѣмъ болѣе поразительно, что рельсовые пути нѣсколько лѣтъ уже соединяютъ нашу столицу со всею западною Европою и что мы вошли не только съ того времени, но уже и прежде въ самыя тѣсныя сношенія съ средне-европейскими государствами, передавая имъ всѣ наши умственныя произведенія, выходящія на иностранныхъ языкахъ, и сами частенько отправляясь за границу. Въ мѣстахъ, нѣсколько отдаленныхъ отъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, еще до сихъ поръ разсказываютъ такія небылицы про Россію, что непонятно, какъ до сихъ поръ прилежные нѣмцы, изучившіе микроскопическій міръ и всю допотопную старину своей родины, не позаботились о томъ, чтобы глубже вникнуть во все, что касается одной изъ первокласныхъ державъ Европы и величайшаго въ свѣтѣ государства. Еслибъ они насъ сколько нибудь знали, еслибъ они умѣли оцѣнить всю нравственную дѣятельность и широкую натуру русскую, то, конечно, составили-бы себѣ другое понятіе о Россіи. Но въ самой Германіи, въ этой благодатной странѣ, куда мы

ѣздимъ на лѣто тратить наши деньжонки, съ трудомъ заработанныя въ Россіи, столь много несообразностей и подъ-часъ несправедливостей, что не понимаешь, какъ при сравненіи Россіи съ Германіею въ соціальномъ отношеніи, русскіе еще до сихъ поръ отдаютъ преимущество странѣ древнихъ тевтоновъ предъ московскимъ государствомъ; случись въ Россіи которое либо изъ тѣхъ происшествій, театромъ которыхъ чуть ли не ежедневно бываетъ почва нѣмецкая, всѣ бы ахнули и восклицали: „ну-да въ Россіи немудрено, что дѣлаются такія варварскія вещи.“ Мы, русскіе, ѣздимъ за-границу на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, мы снабжены по большей части необходимыми денежными средствами, отдѣлались отъ вседневныхъ заботъ и дрязгъ, живемъ въ гостинницахъ, переѣзжаемъ съ мѣста на мѣсто, наслаждаемся историческими памятниками, галереями, великолѣпною природою, насъ интересуютъ иногда новыя личности въ вагонахъ и на рейнскихъ пароходахъ; но мы, не имѣя времени вникнуть глубже въ самый бытъ проѣзжаемой нами страны, не можемъ конечно и ознакомиться со всѣми пятнами соціальной жизни, и потому, видя все въ лучшемъ свѣтѣ, мы кричимъ во все горло: а у насъ-то какой мракъ, вездѣ дымъ да дымъ и копоть! Но поживите подольше въ какомъ нибудь изъ тѣхъ нѣмецкихъ городковъ, о которыхъ у васъ осталось восторженное воспоминаніе, оглянитесь внимательнѣе и ознакомьтесь ближе съ соціальными и юридическими отношеніями на практикѣ, которыя намъ извѣстны только въ теоріи, и вы убѣдитесь, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ пресловутой теоріи, которую мы цѣнимъ такъ высоко именно въ Германіи. Вникнувъ въ подробности административныхъ порядковъ, особенно въ мелкихъ германскихъ государствахъ, восклицаешь отъ глубины души: „слава Богу, что мы живемъ въ варварской Россіи, а не въ восхваленной Германіи.“ Въ художественной и класической Италіи подобное восклицаніе вырвется даже послѣ непродолжительнаго путешествія по мѣстностямъ, наиболѣе посѣщаемымъ иностранцами.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ и во избѣжаніе упрека, что мы увлекаемся пристрастіемъ къ родной странѣ, мы разскажемъ одинъ случай, который можетъ нѣсколько выяснить нынѣшнее состояніе административныхъ порядковъ въ Германіи. Каждое изъ

мелкихъ германскихъ государствъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свой особый типъ, т. е. свои особыя несообразности и оригинальности. Нѣкоторыя изъ этихъ государствъ просто отстали въ соціальномъ отношеніи отъ другихъ и сохранили какіе-то средневѣковые обычаи и формальности, весьма обременительныя для частныхъ лицъ.

Въ одномъ небольшомъ и полусамостоятельномъ германскомъ государствѣ ([1]) довелось нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣзжему русскому, но лютеранину, вступить въ законный бракъ съ подданною другаго германскаго государства, проживавшей однако нѣсколько лѣтъ уже въ той странѣ, гдѣ должно было совершиться бракосочетаніе. Зная уже впередъ, что для этого въ городѣ, гдѣ проживала невѣста, требуются очень многія свидѣтельства и бумаги, онъ вступилъ еще до поѣздки за границу въ письменныя сношенія съ пасторомъ, который долженъ былъ обвѣнчать его, и получилъ длинный списокъ бумагъ, необходимыхъ для того, чтобы его могли соединить съ будущею спутницею его жизни. Не будетъ лишнимъ замѣтить, что у насъ въ Россіи для этой цѣли отъ состоящаго въ государственной службѣ требуется: 1) письменное разрѣшеніе отъ служебнаго начальства (ст. 9 т. X св. гражд. зак.) и 2) троекратное оглашеніе (ст. 26 тамъ же). Разрѣшеніе отъ начальства по службѣ замѣняетъ всѣ прочіе документы, удостовѣряющіе личность, потому что на службу никого не принимаютъ, у кого бумаги не въ порядкѣ. Въ городѣ же, гдѣ слѣдовало совершить бракосочетаніе русскаго лютеранина, не питаютъ довѣрія къ русскому служебному начальству, а потому отъ нашего соотечественника потребовали: 1) метрическое свидѣтельство, 2) видъ о конфирмаціи, 3) свидѣтельство о троекратномъ оглашеніи, 4) свидѣтельство о причащеніи св. Тайнъ, 5) письменное разрѣшеніе отъ начальства по службѣ, 6) письменное согласіе отца, 7) такое же согласіе матери на вступленіе въ бракъ. Собрать всѣ эти бумаги стоило и времени, и денегъ, но наконецъ онѣ были собраны, и нашъ женихъ вдобавокъ получилъ отъ лютеранскаго пастора своего прихода въ Россіи свидѣтельство,

---

([1]) Событія 1866 г. доказали, что офиціальная самостоятельность мелкихъ германскихъ государствъ на практикѣ почти не существуетъ.

что онъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ закона въ Россіи относительно вступленія его въ бракъ и что онъ немедленно можетъ быть обвѣнчанъ. Разрѣшеніе отъ начальства было переведено на нѣмецкій языкъ, на которомъ уже были выданы прочіе документы, и потомъ всѣ бумаги до единой были представлены консулу подлежащаго государства въ Россіи для того, чтобы онъ удостовѣрилъ подлинность ихъ. Положивъ затѣмъ всѣ эти многочисленные документы въ карманъ, счастливый женихъ, получившій только кратковременный отпускъ по службѣ, весело отправился въ путь и помчался туда, гдѣ его ожидали и любящее сердце, и распростертыя объятія. Явившись на другое утро послѣ прибытія со своею кипою бумагъ къ пастору города, гдѣ проживало семейство его будущей жены, онъ былъ немало удивленъ, когда узналъ, что все это далеко недостаточно и что магистратъ города на основаніи такихъ недостаточныхъ документовъ никакъ не дастъ разрѣшенія на заключеніе брака.

— Какой магистратъ? спросилъ женихъ съ удивленіемъ. Мнѣ кажется, что мнѣ до него никакого нѣтъ дѣла.

— У насъ иначе не вѣнчаютъ иностранцевъ какъ съ разрѣшенія магистрата, возразилъ пасторъ, потому что бывали случаи, что пріѣзжали съ подложными документами или хотя и съ подлинными, но они принадлежали другой личности.

— Да помилуйте, г. пасторъ, вѣдь это все до меня не относится. Во-первыхъ, консулъ вашего государства въ Россіи удостовѣрилъ своею подписью и печатью подлинность всѣхъ этихъ бумагъ и во-вторыхъ, вы меня лично знаете уже нѣсколько лѣтъ, я часто пріѣзжалъ сюда и всегда имѣлъ честь бывать у васъ въ домѣ.

— Все это прекрасно, но у насъ такъ заведено.

— Однако, если магистратъ и позаймется разборомъ подлинности подписи вашего консула, то какимъ же образомъ онъ удостовѣрится въ моей личности?

— У насъ такъ заведено, былъ единственный холодный отвѣтъ, котораго добился нетерпѣливый молодой искатель супружества.

Нечего было дѣлать, бумаги были посланы въ магистратъ, не смотря на то, что молодой человѣкъ еще показалъ свой паспортъ въ надеждѣ избавиться отъ лишней проволочки.

Послѣ нѣсколькихъ дней онъ отправился въ магистратъ, гдѣ онъ нашелъ надъ дверьми каждой отдѣльной комнаты надписи, но до того мудреныя, что никакъ не могъ догадаться, подъ которую изъ нихъ могло бы быть подведено его дѣло. Наконецъ онъ рѣшился войти въ помѣщеніе, гдѣ была надпись: Abtheilung für Heimathssachen, ближе всего подходящая къ его дѣлу, по его крайнему разумѣнію.

Комната была невысокая и узкая, но довольно длинная. Шкапы съ книгами и дѣлами раздѣляли ее на шесть или семь очень неширокихъ пространствъ, и въ каждомъ такомъ пространствѣ стоялъ письменный столъ, за которымъ работалъ чиновникъ. Атмосфера была душная, и невольно молодому русскому чиновнику пришли на умъ тѣ высокія и великолѣпныя помѣщенія, которыми пользуется у насъ чиновный людъ во время служебныхъ занятій.

Подходя на выдержку къ одному изъ столовъ, онъ спросилъ:

— Не у васъ дѣла свадебныя?

— Да у меня. Не вы ли г. N...

Молодой человѣкъ былъ пораженъ; ему показалось, что онъ въ первый разъ въ жизни видитъ лице своего собесѣдника, и онъ вмѣсто отвѣта обратился къ нему съ новымъ вопросомъ:

— Почему же вы меня знаете?

— Не знаю, но догадываюсь.

— Вѣроятно, у васъ въ настоящее время только одно текущее дѣло.

Органъ тевтонскаго правительства отвѣчалъ на это замѣчаніе одною улыбкою, но улыбка эта доказала, что предположеніе русскаго было основательно.

— Позвольте васъ спросить, скоро ли я получу разрѣшеніе магистрата?

— Магистратъ не можетъ дать вамъ разрѣшенія, потому что бумаги ваши не въ порядкѣ.

— Какъ не въ порядкѣ? Я представилъ всевозможные документы; какихъ же еще недостаетъ?

— Вы не представили разрѣшенія высшаго начальства.

— Какъ не представилъ? Развѣ вы не получили свидѣтельства отъ моего начальника по службѣ съ приложеніемъ печати присут-

ственнаго мѣста и за скрѣпою ближайшаго моего начальника. Это свидѣтельство переведено на нѣмецкій языкъ и всѣ подписи удостовѣрены вашимъ консуломъ въ Россіи.

— Мы все это получили и видѣли, но у васъ нѣтъ разрѣшенія высшаго начальства.

— Какого же высшаго начальства?

— Министра того вѣдомства, гдѣ вы состоите на службѣ.

— Извините, г. чиновникъ, но наши министры заняты дѣлами болѣе важными, чѣмъ подписывать разрѣшенія на бракъ, и если вы сомнѣваетесь въ томъ, что въ Россіи директоръ департамента имѣетъ право разрѣшить служащему подъ его начальствомъ брачный союзъ, то лучше всего бы было справиться о томъ въ русскомъ посольствѣ, акредитованномъ при дворѣ вашего правительства...

— Нѣтъ, у насъ этого не заведено. Такъ какъ нѣтъ разрѣшенія вашего министра, то вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только нашимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и къ его превосходительству бумаги ваши уже отправлены.

Каковъ сюрпризъ! Въ перспективѣ кратковременный отпускъ и на ряду съ нимъ длинная процедура административная! Дѣла изъ магистрата переходятъ, конечно, не прямо въ министерство, какъ узналъ озадаченный женишекъ, а поступаютъ еще въ какую-то вторую инстанцію съ какимъ-то мудренымъ названіемъ. Нечего было дѣлать, молодой человѣкъ разсудилъ, что подобная процедура, которую въ Россіи, гдѣ все пахнетъ дымомъ да копотью, либеральные нѣмцы назвали бы китайщиною, въ просвѣщенной Германіи должна имѣть *глубокомысленное* значеніе. Однакожъ на другой день, гонимый нетерпѣніемъ, онъ направилъ шаги свои во вторую инстанцію, запасшись сначала визитною карточкою упомянутаго уже пастора, который самъ ее предложилъ ему, объясняя, что безъ такого пособія ему труднѣе будетъ узнать, въ какомъ положеніи его дѣло.

Вторую инстанцію даже трудно было отыскать; мизернѣйшій домикъ въ одной изъ мизернѣйшихъ улицъ стоялъ на томъ мѣстѣ, которое указали нашему просителю. Съ трудомъ разобралъ онъ почернѣвшую надпись на упомянутомъ ветхомъ зданіи и поднял-

ся по крутой темной лѣстницѣ въ храмъ Ѳемиды. Не было ни швейцара, ни сторожей, не говоря уже о паркетныхъ полахъ и высокихъ, свѣтлыхъ окнахъ, и опять невольно припомнились ему всѣ удобства для посѣтителей присутственныхъ мѣстъ на дорогой родинѣ.

Маленькій лысый чиновникъ съ надутою отъ пива физіономіею объявилъ ему, что дѣло его разсматривается здѣсь, но что рѣшеніе второй инстанціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ему сообщено, что дѣло потомъ будетъ отправлено къ министру, отъ котораго оно получится обратно, вѣроятно, дней черезъ десять.

Десять дней! Немудрено, въ просвѣщенной Германіи все дѣлается точно и глубокомысленно, а для глубокомысленнаго обсужденія дѣла требуется время.

— Позволите ли вы мнѣ навѣдываться по истеченіи этого срока и узнать тогда резолюцію г. министра, спросилъ нашъ соотечественникъ, привыкшій дѣлать подобные вопросы въ Россіи, на которые всегда получалъ утвердительный и любезный отвѣтъ.

— Навѣдываться вы можете, но это ни къ чему не поведетъ, потому что резолюцію г. министра сообщитъ вамъ магистратъ.

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана свой паспортъ, развернулъ его и показалъ лысому чиновнику слѣдующія слова, курсивомъ напечатанныя: „того ради всѣ высокія Области приглашаются по состоянію чина и достоинства, кому сіе предъявится, такого-то не только безъ задержанія вездѣ пропускать, но и *всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать.*“

Неумолимый органъ правительства пожималъ плечами, и сказалъ мнимо-вѣжливымъ тономъ: „у насъ такъ заведено.“

Прошло десять дней. Для младой четы они пролетѣли быстро, но поневолѣ имъ подъ-часъ приходило на умъ, что резолюція министра можетъ разстроить всю ихъ будущность. На десятый день нашъ проситель пошелъ въ магистратъ, въ знакомое уже ему отдѣленіе „für Heimathssachen.“

— Изъ второй инстанціи еще ничего не получено.

— Такъ когда же будетъ? Вѣдь мнѣ пора ѣхать въ Россію.

— Узнайте во 2-й инстанціи, не получено ли тамъ ваше дѣло

изъ министерства. Они по полученіи немедленно должны препроводить его къ намъ.

Замѣчательно, что въ варварской и полудикой Россіи въ подобныхъ случаяхъ всегда говорится: „не угодно ли вамъ справиться“, или „не потрудитесь ли вы съѣздить“, или нѣчто въ этомъ родѣ; но въ цивилизованной и передовой Германіи подобныя выраженія или неизвѣстны, или они признаются совершенно лишними, если вы являетесь въ присутственное мѣсто по вашимъ частнымъ дѣламъ. Какъ ни не хотѣлось бѣдному русскому во второй разъ войти въ тотъ мизерный домъ съ почернѣвшею надписью, гдѣ уже ему напередъ сказали, что ему ничего не сообщатъ и что онъ прійдетъ совершенно по-напрасному, однако необходимость куда не сведетъ человѣка! Въ Германіи быстро мчатся по желѣзнымъ дорогамъ только люди комерческіе, дѣла же по административнымъ инстанціямъ путешествуютъ еще медленнѣе пѣшехода. Во второй инстанціи преспокойно лежало дѣло, полученное нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ министерства, а она еще и не позаботилась объ отсылкѣ его по принадлежности. Лысый чиновникъ, увидя аспиранта гименея, расширилъ ноздри и ротъ и кричалъ ему на встрѣчу: „ваше дѣло получено изъ министерства и, *кажется*, рѣшено въ вашу пользу.

— Отчего же вы говорите: кажется?

— Оттого, что я навѣрное не знаю, но я готовъ посмотрѣть.

Хорошъ гусь! подумалъ нашъ женихъ, у него одно дѣло всего на всего, и онъ не знаетъ, какъ оно рѣшено.

Чиновникъ подошелъ между тѣмъ къ шкафу или, вѣрнѣе сказать, къ этажеркѣ со многими книжками и взялъ въ руки довольно толстое дѣло. Неужели это все обо мнѣ, подумалъ удивленный русскій, послѣ того какъ бумаги мои въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Онъ приблизился къ лысому и хотѣлъ бросить взглядъ въ кипу, которую онъ имѣлъ передъ глазами, но нѣмецъ поспѣшно закрылъ дѣло и сдѣлалъ одною рукою отстранительный жестъ, между тѣмъ какъ онъ другою рукою держалъ дѣло, чуть ли не скомкавъ его.

— Нѣтъ, вы не можете видѣть его, это не водится у насъ.

— Но вѣдь дѣло касается лично меня, я же вамъ предъявилъ паспортъ мой, воскликнулъ удивленный русскій, который горѣлъ жела-

ніемъ знать результатъ всѣхъ своихъ похожденій въ чужой землѣ, чтобы добиться совершенно законнаго дѣла.

— Не требуйте того, что прямо противорѣчитъ моей служебной присягѣ, въ азартѣ воскликнулъ чиновникъ, сознавая въ эту минуту всю важность своего сана. Я не сомнѣваюсь въ вашей личности, продолжалъ онъ, успокоившись, но я не могу исполнить вашего желанія. У меня первое дѣло обязанности по службѣ, а уже потомъ все остальное.

— Но вѣдь вы уже сказали, что, на сколько вамъ кажется, дѣло рѣшено въ мою пользу.

— Да, дѣйствительно, я вамъ уже сказалъ слишкомъ много: вамъ разрѣшено жениться, но съ условіемъ.

— Какое же это можетъ быть условіе? Рѣшительно не понимаю.

— Это условіе вы узнаете отъ магистрата. Ваше дѣло сейчасъ будетъ отправлено туда, и вы черезъ часъ можете узнать всѣ подробности резолюціи г. министра.

Лице лысаго чиновника засіяло при этихъ словахъ. Онъ сначала проговорился, сказавъ, что дѣло рѣшено въ пользу русскаго, но потомъ выпутался, указавъ на существованіе какого-то условія, котораго онъ не выдалъ. Какая примѣрная скрупулезность! Нѣмецъ позволяетъ себѣ держать дѣло нѣсколько лишнихъ дней, но не сообщитъ никому резолюціи преждевременно, даже по самому невинному дѣлу, какъ позволеніе жениться. Куда намъ, русскимъ, понять такую тонкую честность? Подобный невѣжливый отказъ русскаго чиновника истолковался бы желаніемъ содрать взятку.

Ровно шестьдесятъ минутъ спустя женихъ явился въ магистратъ.

— Поступило дѣло обо мнѣ?

— Нѣтъ, не поступило, но зайдите къ вечеру.

Присутственныя мѣста въ Германіи бываютъ открыты въ послѣобѣденное время, съ четырехъ часовъ до семи, и въ исходѣ шестаго часа будущій отецъ семейства входилъ въ отдѣленіе Heimathssachen,“ зная уже такъ отлично дорогу туда, какъ будто онъ самъ въ немъ служитъ.

Какое же это условіе, съ соблюденіемъ котораго мнѣ разрѣшаютъ жениться? Или я удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ закона, или я не удовлетворилъ имъ. Въ первомъ случаѣ должно мнѣ разрѣшить

безусловно, а во второмъ совсѣмъ не разрѣшатъ. Могутъ ли быть со стороны административной власти условія при совершеніи важнаго религіознаго акта, для котораго предвидѣны всевозможные случаи законодательствами всѣхъ государствъ. Я понимаю, что сами брачущіеся могутъ заключать какія-либо условія, не противорѣчащія нравственности и духу законодательства, напр. объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, но какія же условія можетъ предписать административная власть?.. Мысль эта не выходила изъ головы нетерпѣливаго жениха въ продолженіе цѣлаго дня, и онъ заинтересовался даннымъ юридическимъ случаемъ, независимо отъ того, что дѣло касалось до него лично.

Его старый знакомый, чиновничишка сидѣлъ по обыкновенію на своемъ мѣстѣ и на этотъ разъ встрѣтилъ его съ пріятною улыбкою, показывая почернѣвшіе отъ куренія зубы.

— Ваше дѣло рѣшено и вамъ сейчасъ же объявятъ резолюцію г. министра.

Онъ вышелъ изъ комнаты и вернулся послѣ нѣсколькихъ минутъ.

— Я доложилъ о васъ нашему начальнику, и онъ васъ ожидаетъ у себя въ кабинетѣ. Пойдемте.

Нашъ женишекъ послѣдовалъ за нимъ, соображая, что формальность по временамъ можетъ быть умѣстна, но что она подъ-часъ можетъ становиться очень тягостною.

Въ небольшомъ кабинетѣ, въ которомъ рѣшительно не было никакого комфорта, сидѣлъ высокій мужчина пріятной наружности съ огромною черною бородою. Онъ слегка кивнулъ головою при видѣ пришельца, у котораго билось сердце почти какъ у преступника, знающаго, что ему тотчасъ объявятъ приговоръ.

— Не угодно ли вамъ присѣсть, было первое слово начальника, но ни въ жестахъ, ни въ наружномъ видѣ его не высказывалась личность высоко-поставленная или вращающаяся въ лучшихъ сферахъ общества.

— Мнѣ сказали, что вы мнѣ сообщите резолюцію министра по моему дѣлу о вступленіи въ бракъ, вѣжливо сказалъ нашъ растревоженный соотечественникъ.

— Да, я вамъ тотчасъ прочту ее, и потомъ отъ васъ будетъ

зависѣтъ, захотите ли вы подвергнуться условію, при которомъ вамъ разрѣшаютъ супружескій союзъ.

Онъ вынулъ бумагу изъ извѣстнаго уже его собесѣднику толстаго дѣла и прочиталъ ему вслухъ слѣдующее: „вслѣдствіе представленія такого-то присутственнаго мѣста о томъ-то г. министръ резолюцію постановилъ: что такому-то разрѣшается сочетаться здѣсь бракомъ, если (вся душа молодаго человѣка сосредоточивалась въ эту секунду въ его слуховомъ органѣ) *онъ обяжется подписью, что никогда не поселится въ нашемъ государствѣ.*

Вотъ каково было условіе, составлявшее въ продолженіе цѣлаго дня предметъ заботливости молодаго парня. Оно, какъ видно, не касалось ни самаго религіознаго акта, ни отношеній супруговъ, личныхъ или по имуществу, а носило типъ и характеръ, до того оригинальный, что русскій невольно улыбнулся, тѣмъ болѣе, что мигомъ разрушились въ прахъ всѣ его опасенія по отношенію къ большой денежной суммѣ, которую, быть можетъ, съ него взыщутъ въ пользу города или бѣдныхъ, или что все-таки съ него потребуютъ разрѣшенія высшаго начальства въ Россіи. „Только-то,“ думалъ онъ про себя, „это я исполню съ большимъ удовольствіемъ и даже радъ, что навсегда отдѣлаюсь отъ этой страны.“

Чернобородый начальникъ однако не далъ иноземному просителю долго размышлять. Кончивъ чтеніе, онъ спросилъ его офиціальнымъ и весьма серьёзнымъ, почти торжественнымъ тономъ, согласенъ ли онъ подвергнуться предложенному условію?

— Согласенъ, сказалъ молодой человѣкъ, выпрямясь и сознавая при этомъ вопросѣ собственное свое достоинство, совершенно согласенъ, я обѣщаю, что никогда здѣсь не поселюсь, но не могу не замѣтить, что такое условіе — извините за выраженіе — нѣсколько странно, не говоря уже о несправедливости его, потому что я не понимаю, за что меня изгоняютъ. До сихъ поръ я дѣлалъ вашему отечеству одно добро; я часто пріѣзжалъ сюда, конечно изъ личныхъ интересовъ, но всегда оставлялъ здѣсь деньги, велъ себя всегда чинно и безукоризненно, жалобъ на меня никакихъ не было, такъ какъ я никого не обижалъ, или неужели у васъ изгоняютъ

за то, что увозятъ одну изъ вашихъ красавицъ въ другое государство, хотя-бы и на самомъ законномъ основаніи?

— Вы не такъ понимаете дѣло. Вамъ разрѣшили жениться, но могли бы и не разрѣшить, потому что вы не имѣете позволенія отъ надлежащаго начальства.

— Изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что если бы мой непосредственный начальникъ по службѣ былъ бы человѣкъ, выше поставленный въ государственной іерархіи, то меня бы не изгоняли, тогда я могъ бы со временемъ когда нибудь здѣсь поселиться. Но я васъ прошу объяснить мнѣ причину и мотивы такой резолюціи, уже не потому, что дѣло касается лично меня, но ради куріоза, потому что я при всемъ моемъ желаніи и стараніи не могу добиться этой причины.

— Можетъ случиться, что вы, поселившись у насъ, обѣднѣете и тогда вы, жена ваша и дѣти могутъ быть намъ въ тягость. Вы захотите тогда, можетъ быть, получать пособія изъ нашихъ благотворительныхъ заведеній, и вотъ почему васъ просятъ здѣсь не поселиться.

Какова логика! Вѣроятно, что еслибъ несчастный русскій имѣлъ разрѣшеніе высшаго начальника въ своемъ отечествѣ, то онъ могъ бы впослѣдствіи поселиться, гдѣ угодно; еслибъ еще его жена была подданная того микроскопическаго государства, въ которомъ выдумываютъ такія остроумныя резолюціи, то дѣло другое, но она только временно жила въ странѣ, о которой идетъ рѣчь, и только вслѣдствіе временнаго пребыванія ея, свадьба должна была совершиться въ этой странѣ. Не переселиться же въ другое мѣсто, изъ за капризовъ правительства, всѣмъ тетушкамъ и кумушкамъ, желающимъ поплакать, повздыхать и наставленія читать въ высокоторжественный день бракосочетанія. Еслибъ невѣста принадлежала этой гостепріимной странѣ, то дальновидное правительство пожалуй могло бы еще разсуждать такъ, что когда нибудь обѣднѣвшему ея мужу можетъ придти на умъ поселиться на родинѣ своей жены. Но невѣста вовсе не была подданною этой страны, и если бы и была, то отчего же нужно было именно позволеніе высшаго русскаго начальства въ Петербургѣ, чтобы дать разрѣшеніе безъ условія. Или въ упомянутой странѣ не опредѣляется мѣстожительство жены мѣстожительствомъ мужа, какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, а наоборотъ? Хорошъ

вообще взглядъ на женитьбу, что только тотъ можетъ поселиться и пользоваться въ случаѣ необходимости благотворительными заведеніями или вообще расположеніемъ къ себѣ, кто у нихъ не женился!

Во время этихъ разсужденій, сдѣланныхъ иноземцемъ молча, черновласый органъ правительства написалъ длинную бумагу; окончивъ писать, онъ взялъ ее въ руки и прочелъ вслухъ: „Въ такой-то день такого-то года была прочитана резолюція г. министра такому-то о томъ, что онъ обязуется никогда не поселиться въ нашемъ государствѣ, ни онъ, ни жена его, ни будущее потомство, если желаетъ сочетаться у насъ законнымъ бракомъ, и на соблюденіе этого условія онъ устно изъявилъ согласіе и подтверждаетъ таковое согласіе своею подписью.“

Подавъ затѣмъ перо иноземцу, онъ всталъ съ мѣста и женихъ-изгнанникъ приступилъ къ подписанію собственнаго своего приговора; изобразивъ письменными знаками чинъ, имя и фамилію, онъ невольно улыбнулся при мысли, что онъ теперь дѣйствительно изгнанъ изъ страны, и съ нѣкоторою робостью спросилъ:

— Долго ли я еще могу остаться въ вашемъ государствѣ?

— Недѣлю или двѣ, если вамъ угодно.

Молодой человѣкъ вышелъ, получивъ еще бумагу для предъявленія пастору о томъ, что теперь никакихъ нѣтъ препятствій къ вѣнчанію, и заплативъ неизвѣстно за что около шести рублей иностранными деньгами.

Не говоря уже о безсмысленности и нелогичности этого условія, нельзя также не удивляться варварству такого изгнанія, возможность котораго трудно представить себѣ въ наше время. Положимъ, что вышедшая замужъ при такихъ условіяхъ когда нибудь придетъ въ такое положеніе, что ея родительскій домъ останется для нея единственнымъ пріютомъ,—тогда изгнанная несчастная должна будетъ бѣдствовать единственно потому, что не можетъ возвратиться къ родителямъ своимъ, оттого что они живутъ въ германскомъ городѣ, гдѣ ее обвѣнчали безъ разрѣшенія высшаго русскаго начальства своего мужа. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о гуманности просвѣщенной Германіи!

Пасторъ имѣлъ особенную канцелярію. Дорогою изгнанный ино-

земецъ сообразилъ, что до отъѣзда осталось немного времени и что на оглашеніе потребуется три дня воскресныхъ. Остаться дольше двадцати-девяти-дневнаго отпуска онъ не хотѣлъ, потому что далъ начальнику слово вернуться къ сроку, а на письмѣ въ рапортѣ изложить всю правду не могъ, потому что — не повѣрятъ. Прибѣгнуть къ обыкновенному средству въ подобныхъ случаяхъ, къ внезапной, чуть-ли не смертельной болѣзни, удостовѣренной медицинскимъ свидѣтельствомъ, онъ не хотѣлъ, такъ какъ эта отговорка уже до нельзя избита и никто уже не вѣритъ этимъ свидѣтельствамъ. Скажутъ: „кутитъ себѣ за-границею,“ съ молодою женою. Вдругъ ему пришла мысль просить пастора объ оглашеніи разомъ во второй и въ третій разъ, на что въ Россіи требуется разрѣшеніе евангелическо-лютеранской консисторіи, и если нѣтъ особенныхъ причинъ отказа, то консисторія у насъ разрѣшаетъ просьбу, но, конечно, она должна быть мотивирована надлежащимъ образомъ. Спрошу-ка, думалъ нашъ изгнанникъ, и посмотримъ, какія у нихъ на этотъ счетъ правила.

Достойный пастырь церкви благосклонно принялъ измученнаго жениха, подавшаго ему разрѣшеніе свѣтской власти, и выслушалъ его просьбу сдѣлать второе и третье оглашеніе одновременно.

— Возможно ли это по вашимъ правиламъ?

— Отчего же нѣтъ, возразилъ пасторъ, такая диспенсація у насъ можетъ быть куплена (!?).

Слышать подобную вещь въ Германіи, прославленной своею неподкупною честностью, и сверхъ того изъ устъ священнослужителя, немало поразило русскаго.

— Какъ же мнѣ поступить и къ кому обратиться? спросилъ русскій.

— Я вамъ все это устрою, отвѣтилъ пасторъ, и потомъ представлю вамъ *счетъ* (!?).

Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Пасторъ берется дать взятку и подать о ней счетъ. Быть можетъ, онъ не хотѣлъ облечь свои слова въ столь рѣзкую форму, но вышло и по-чиновнически, и по-купечески. Еслибъ онъ сказалъ, что пожертвованіемъ извѣстной суммы въ пользу бѣдныхъ можно разсчитывать на разрѣшеніе консисторіи или духовной власти, то ничего пожалуй тутъ не было бы поразитель-

наго. Какъ обдѣлалъ дѣло пасторъ, неизвѣстно, но въ слѣдующее затѣмъ воскресенье оглашали чиновника-жениха въ первый разъ, а еще въ слѣдующее во второй и въ третій разъ. Впрочемъ оглашеніе въ Германіи состоитъ въ прибитіи списка съ именами желающихъ вступить въ бракъ къ дверямъ церкви и притомъ съ внутренней стороны, такъ что его видятъ только выходящіе изъ церкви послѣ богослуженія. Во всю недѣлю церковь бываетъ заперта.

По совершеніи оглашенія нашъ женишекъ, заплативъ *по счету* пастора рублей шестнадцать за диспенсацію, получилъ изъ канцеляріи пастора бумагу, что дозволяется церковнослужителю вступить съ женихомъ въ переговоры относительно брачнаго обряда.

Церковнослужитель или Kirchner имѣлъ тоже свою канцелярію и съ большой любезностью представилъ такой *счетъ*, что у бѣднаго русскаго мурашки пробѣжали по тѣлу. Что берутъ за органъ, за освѣщеніе и за стулья, еще понятно, но на какомъ основаніи требовать опредѣленныя суммы въ кассу учениковъ церковнаго прихода, въ пользу бѣдныхъ, въ пользу дежурнаго пастора за то, что женихъ вѣнчался не у него, но у своего знакомаго, и т. п.?

Наконецъ состоялась свадьба; все шло какъ нельзя лучше и молодая чета вскорѣ послѣ брачнаго обряда покинула негостепріимный городъ съ запрещеніемъ и намѣреніемъ никогда въ немъ не поселиться.

Таковы бываютъ свадьбы за-границею! Это впрочемъ не должно пугать тѣхъ, которые бы влюбились въ хорошенькую нѣмочку и пожелали увезти ее съ собою аки хозяйку дома; но мы дружески совѣтуемъ имъ не сочетаться супружескими узами внѣ предѣловъ Россіи, не запасшись двумя необходимѣйшими для этого предметами: терпѣніемъ и деньгами. —Въ мрачной Россіи, какъ говорятъ русскіе путешественники по свѣтлымъ странамъ Европы, все дымъ да дымъ,—а жениться-то, право, очень легко и удобно.

Б. фонъ-Биркенгофъ.

ПУГАЧЕВСКІЙ ПОЛКОВНИКЪ ИВАНОВЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Пугачевщины.

I.

Если въ послѣднее время чтеніе монографій по естественнымъ наукамъ стало едва-ли не любимѣйшимъ занятіемъ русской читающей публики, если трактаты о нравахъ, обычаяхъ и такъ сказать объ исторіи цивилизаціи у муравьевъ, съ изслѣдованіями рабовладѣльческаго и аристократическаго элемента у этихъ насѣкомыхъ, въ большинствѣ читателей чуть-ли не стали предпочитаться трактатамъ объ исторіи цивилизаціи въ Европѣ и о рабовладѣльческомъ элементѣ у сѣверо-американцевъ, то едва-ли мы много погрѣшимъ противъ истины, если будемъ утверждать, что явленіе это происходитъ не отъ того, чтобы насѣкомыя сдѣлались для развитаго человѣка любопытнѣе и поучительнѣе людей, или чтобы изученіе общественнаго строя у лисицъ и муравьевъ успѣшнѣе двигало человѣчество впередъ къ политическому и соціальному совершенству, чѣмъ изученіе строя человѣческихъ обществъ и поступательнаго хода ихъ развитія. Явленіе это лежитъ въ исторической косности большинства русскаго общества, которое, къ сожалѣнію, можетъ переваривать серьезную мысль только въ подслащенномъ и разжеванномъ видѣ, въ формѣ разсказовъ и повѣстей, да и то такихъ, которые не мѣшали бы нашей исторической сонливости читать и за чтеніемъ сны видѣть, которые не выбивали бы изъ проторенной колеи нашъ инертный умъ,— и вотъ отсюда исторіи о лисицахъ, муравьяхъ и

мотылькахъ, заурядъ съ романами и повѣстями, читаются, если не вполнѣ охотно, то, по крайней мѣрѣ, съ относительно меньшей потяготой и позѣвотой, чѣмъ мало-мальски серьезные трактаты и разсказы о предметахъ болѣе человѣчнаго свойства.

Отсюда происходитъ то эпидемическое популяризованье научныхъ предметовъ, которое охватило всею русскою литературою и заставляло г. X. раскольничью литературу изъ сборника Кельсіева переносить въ охотно-поглощавшіяся публикою повѣсти о „Русановѣ" и „Пророчицѣ", г. У. серьезные соціальные трактаты превращать въ романы въ родѣ „Что дѣлать" и г. Z. учить русское общество исторіи и современной политикѣ передовыми газетными статьями. Отсюда же происходитъ наоборотъ и то, что романы г. Тургенева „Отцы и дѣти", а равно „Дымъ" становятся современными историческими памятниками или *документами*, какъ называетъ ихъ рецензентъ русскаго спеціальнаго историческаго журнала (¹), а критика ихъ вмѣстѣ съ критикой театральныхъ драматическихъ пьесъ гг. Толстаго, Островскаго, Чаева и Аверкіева, а равно критика оперъ гг. Глинки и Сѣрова, занимаютъ одинаковое мѣсто въ серьезномъ журналѣ г. Стасюлевича съ критикой такихъ историческихъ трудовъ: какъ „Geschichte des Russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann" или „Der General und Admiral Franz Lefort von Dr. Moritz Posselt" и т. д.

Отъ этой косности русскаго общества происходитъ то, что хотя это общество и кричало, что ему надоѣли легкіе журналы и что оно охотно почитало бы чего либо поболѣе „серьезнаго", однако, когда вышелъ прекрасный журналъ г. Стасюлевича, подписка на него шла довольно туго и во всякомъ случаѣ гораздо туже, чѣмъ можно было ожидать, судя по умнымъ и серьезнымъ рѣчамъ общества, скучавшаго будто-бы по дѣльному чтенію, и при всемъ томъ журналъ этотъ часто оставался не разрѣзаннымъ, а если и разрѣзывался, то или на г. Костомаровѣ, котораго хотя и обви-

---

(¹) П. В. Анненковъ въ «Вѣстникѣ Европы» во II т. за 1867 г. въ статьѣ: «Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева: «Дымъ».

11

няютъ серьезные ученые въ томъ, что онъ „слишкомъ художественъ", но въ которомъ эта-то художественность и составляетъ приманку для читателей, или на г. Островскомъ, въ послѣднихъ трудахъ котораго историческія дрожжи не заглушаютъ художественности и жизненной правды.

Неудивительно послѣ этого, что монографіи о лисицахъ, муравьяхъ и мотылькахъ вытѣснили собою всякое другое, такъ-называемое серьезное чтеніе. Только самая легкая пища переваривается большинствомъ нашихъ желудковъ — и потому этимъ желудкамъ надо давать подходящую пищу. Людямъ, ничего не дѣлающимъ, надо давать такое чтеніе, занимаясь которымъ они воображали бы, что продолжаютъ свое *дѣло;* людямъ, ратующимъ на зеленомъ полѣ, понравится только такое чтеніе, которое казалось бы имъ *такимъ же* умнымъ и занимательнымъ, какъ игра въ штосъ или калибракъ; людямъ безносымъ поэтому никогда не понравится чтеніе, гдѣ говорится о прекрасныхъ и большихъ носахъ.

Такимъ образомъ не капризъ писателей, а высота уровня общественнаго пониманія и развитія обусловливаетъ то или другое направленіе и содержаніе литературы и даже ту или другую форму чисто-литературныхъ и ученыхъ произведеній. Чтобы быть выслушаннымъ и понятымъ, надо знать прежде всего, съ кѣмъ имѣешь дѣло, чтобы, сообразно кругу пониманія слушающаго и въ предѣлахъ его міровоззрѣнія, передавать ему то или другое, а иначе слушатель вашъ или уснетъ, или вовсе не станетъ васъ слушать, справедливо полагая, что не думающему легче живется, и не замѣчая при этомъ, что по такой логикѣ всего легче живется idioту, міровоззрѣніе котораго и потребности граничатъ съ міровоззрѣніемъ и потребностями горилы. При косномъ состояніи мысли въ большинствѣ читателей всѣ болѣе или менѣе серьезныя произведенія мысли русскихъ дѣятелей остаются непрочитанными и съ именами этихъ дѣятелей русское общество знакомо или только по наслышкѣ, или вовсе незнакомо. Кого же винить въ равнодушіи русскаго общества къ тѣмъ отраслямъ наукъ, которыя въ Европѣ стоятъ на первомъ планѣ въ ряду человѣческихъ знаній? Ужъ конечно не общество, не потребителей продуктовъ человѣческой мысли, а производителей, не читателей, а писателей, которые пишутъ, не при-

норавливаясь къ величинѣ умственнаго кругозора своихъ потребителей. Какъ всякій продуктъ труда человѣческаго, литературное и ученое произведеніе не должно имѣть въ виду только выставку, т. е. оцѣнку, критику и рецензію такихъ же производителей, какъ и самъ пишущій, а запросъ самихъ потребителей: что идетъ на выставку для экспертовъ и на показъ для публики, то нейдетъ въ массу, не потребляется ею, а служитъ только образцомъ для усовершенствованія подобнаго рода произведеній. Бѣдная развитіемъ масса можетъ проѣхать только на палубѣ парохода, который везетъ общество къ совершенствованію и къ возможному уравненію съ европейскимъ образованнымъ обществомъ, или въ вагонѣ 3-го класса, а мнимые кондукторы этой массы толкаютъ ее во 2-й или 1-й классы, которые для бѣднаго пасажира не по карману, и выходитъ, что вагоны первыхъ двухъ классовъ остаются пустыми, тогда какъ палубы пароходовъ и третьекласные вагоны русскихъ литературныхъ чугунокъ биткомъ набиты чернымъ народомъ.

Занимаясь разработкой архивныхъ дѣлъ прошлаго вѣка, особенно смутной эпохи Пугачевщины, пишущій эти строки нерѣдко обѣгалъ такія подробности, которыя хотя бы и служили прекрасными, характерными чертами изучаемой эпохи, однако казались негармонирующими съ требованіями строгой исторической науки, какою она является у историковъ запада, особенно новѣйшихъ. Подъ вліяніемъ такого взгляда на историческія работы, богатые матеріалы, разсѣянные въ архивныхъ дѣлахъ, которыми я пользовался для напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ монографіи о Пугачевѣ, были разработаны мною только по отношенію къ главному дѣйствующему лицу въ этой исторической трилогіи, тогда какъ побочныя личности и побочные факты представляются нерѣдко еще болѣе рельефными и болѣе драматичными. На это-то отсутствіе подробностей, на эту компактность и скупость въ отступленіяхъ отъ главнаго ядра сказанной эпохи указывали рецензенты „Пугачевщины“, а читатели прямо мнѣ говорили, что чтеніе „Пугачевщины“ въ томъ видѣ, въ какомъ я напечаталъ ее, только раздражало ихъ любопытство, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ недосказаннаго мною или сказаннаго вскользь, мимоходомъ, слегка. На это я отвѣчалъ, что для обработки пугачевской эпохи со всѣми ея подробностями,

со всѣми соприкасающимися съ ней побочными явленіями, не менѣе крупными, потребовалось бы нѣсколько лѣтъ исключительной и въ высшей степени усидчивой работы, и притомъ разработка такихъ матеріаловъ, которые кромѣ государственнаго архива разсѣяны по сотнямъ уцѣлѣвшихъ архивовъ провинціальныхъ городовъ, въ фамильныхъ бумагахъ частныхъ лицъ, въ семейныхъ преданіяхъ, наконецъ въ народныхъ воспоминаніяхъ.

Вслѣдствіе всего этого и въ виду высказаннаго мною мнѣнія о вкусахъ русской читающей публики, которая нерѣдко предпочитаетъ красивыя подробности дѣла самому дѣлу, легкую занимательность деталей самой идеѣ и сухой, голой исторической правдѣ, я и рѣшаюсь ввести читателя въ міръ такихъ подробностей взятой мною эпохи, которыя хотя и не заставляютъ меня жертвовать исторической правдой въ пользу привлекательности растравляющихъ воображеніе подробностей, но все-таки заставятъ нѣсколько отступить съ дороги, указанной наукою для историка. Я знаю, что историческая критика осудитъ меня за это и—будетъ не права.

Разбитый Михельсономъ подъ Казанью и перебравшись на правый берегъ Волги, Пугачевъ, все еще страшный для цѣлой Россіи, не могъ не чувствовать, что счастливая звѣзда его начинаетъ клониться къ западу. Сила, на которую онъ опирался, все еще была непобѣдима; пожаръ, вспыхнувшій въ малолюдномъ Заволжьѣ и по обѣимъ сторонамъ Уральскаго Сырта, на разстояніи тысячи верстъ, переходилъ на эту сторону Поволжья, перебрасывался въ густо-населенныя провинціи, изъ окраинъ переходилъ въ центры; зарево виднѣлось въ самой глубинѣ Россіи; вспышки пожара отдавались въ правительственныхъ центрахъ государства; населеніе обѣихъ столицъ было неспокойно, все это говорило, что нравственная сила самозванца не умалялась, потому что сила эта опиралась на вѣковомъ гнетѣ народа, который рвался сбросить съ себя все давящее и опутывающее его, начиная отъ „немилостивыхъ помѣщиковъ“ и кончая „судіями съ омраченными душами“. Глухая боль вызывала

судорожныя движенія въ больномъ, изнуренномъ организмѣ государства, и движенія эти были не спорадическія, проявлялись отъ времени до времени и до Пугачева какою-то всеобхватывающею эпидеміею, какою-то моровою язвою, которая заражала и здоровыхъ не только черезъ физическое соприкосновеніе съ больнымъ, но и посредствомъ бродившихъ въ народѣ слуховъ, перешептываній и „ядомъ зараженныхъ“ писемъ, которыя, сколько ихъ не жгли на площадяхъ рукою палачей и подъячихъ, не могли быть сожжены и истреблены никакою силою, потому что писались невѣдомо кѣмъ и невѣдомо гдѣ, писались всякою грамотною рукою и разносились изъ села въ село, отъ кабака къ кабаку. При всемъ томъ самозванецъ, какъ сказочный Илья Муромецъ, выпившій, по совѣту калѣкъ перехожихъ, излишній ковшъ браги, чувствовалъ, что нравственной силы его, внутри его самого, немножко убыло, что если и вколотить въ землю и въ небо колъ желѣзный, то уже не повернетъ онъ вокругъ себя и небо, и землю. Внутри самого себя онъ чувствовалъ умаленіе этой страшной силы, которая все еще казалась для другихъ непобѣдимою, для него же самого казалась слабою, жалкою, потому что самъ онъ переставалъ вѣрить въ свое призваніе. Въ заволжской степи, съ киргизами, татарами, чувашами, черемисами и яицкими казаками, онъ еще могъ царствовать — тамъ онъ былъ всѣхъ выше цѣлою головою; тамъ ничего не значило выгнать изъ всѣхъ крѣпостей комендантовъ, сжечь города и селенія, налить пушекъ, мортиръ, „дробниковъ“, начеканить на заводахъ монеты съ своимъ изображеніемъ; тамъ ничего не стоило держать въ осадѣ и смертной боязни генералъ-губернатора фонъ-Рейнсдорпа, пугать казнью генерала фонъ-Брандта, и безъ того обезумѣвшаго отъ ужаса; въ заволжской глуши можно было вести дипломатическіе переговоры съ дикими толпами посредствомъ своихъ генераловъ съ вырванными ноздрями и острожными клеймами; тамъ можно было посылать безграмотные манифесты, подписанные чужою рукою или каракулями своей собственной лжевысочайшей безграмотной десницы, или же вовсе неподписанные; а загадывая идти на Москву и Петербургъ, надо было думать, что придется столкнуться съ цивилизаціей, хотя незавидной, но все же страшной для человѣка безграмотнаго, выросшаго въ захолустной, станичной глуши и развив-

шагося въ бѣгахъ и въ острожномъ уединеніи; что придется въ самомъ дѣлѣ наткнуться на такія обличенія, которыя скоро раскрыли бы весь обманъ, державшій темныя массы народа въ ослѣпленіи. Нельзя было не задуматься надъ тѣмъ, что будетъ дальше. Оставалось одно, идти на смерть, потому что возврата прошлому уже не было; отступать уже было невозможно. Зайдено было слишкомъ далеко, надо было идти впередъ.

— „Дальняго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ, я не имѣлъ, ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ къ правленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способнымъ, а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться или убиту на войнѣ быть... Все я заслужилъ смерть,—такъ лучше умереть на войнѣ...“

Вотъ что говорилъ Пугачевъ о своихъ намѣреніяхъ. Чѣмъ больше онъ узнавалъ подробностей въ сложномъ механизмѣ государственнаго управленія, тѣмъ болѣе меркла его счастливая звѣзда, тѣмъ менѣе онъ находилъ себя способнымъ поддержать то имя, которое онъ, въ ослѣпленіи страсти и подстрекаемый умами болѣе изворотливыми, принялъ на свою погибель. Но все же надо было поддержать это имя до послѣдней возможности—до смерти. Буйные генералы самозванца манили его въ Москву и въ Петербургъ, они меньше Пугачева сознавали всю щекотливость положенія на остреѣ меча, на которомъ находился самозванецъ; коноводы раскольниковъ ослѣпляли его самого мнимыми подарками отъ наслѣдника престола, отъ великаго князя Павла Петровича, и самозванцу оставалось показывать видъ, что онъ вѣритъ, а чтобы и народъ вѣрилъ ему, онъ говорилъ, что къ нему на встрѣчу выѣзжаетъ наслѣдникъ съ войскомъ.

Но показывая видъ, что онъ выжидаетъ только покорности всей Россіи и потому медлитъ идти въ столицы, Пугачевъ раздумывалъ, куда бы ему безопаснѣе унести свою буйную голову, но такъ, чтобы этого не замѣтили его собственные генералы, раздраженные неудачей подъ Казанью и почти постоянно пьяные. Когда самозванецъ въ такомъ раздумьѣ стоялъ на нагорной сторонѣ Волги, къ нему подошелъ одинъ изъ его сообщниковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ агентъ раскольнической стороны, и сказалъ:

— Время теперь, батюшка, надежа-государь, ѣхать возвратно

къ твоему Павлу Петровичу и объявить ему, что ваше величество перешелъ съ арміею за Волгу и чтобъ поспѣшалъ съ обѣщанною силою къ тебѣ на помощь скорѣе.

Хотя самозванецъ очень хорошо зналъ, что мнимое посольство его къ великому князю—измышленіе усерднаго агента, однако, чтобъ поддержать при народѣ свое величіе, высыпалъ ему изъ своей полы пятьдесятъ рублей денегъ и „отпустилъ въ Москву, дабы тѣмъ утвердить въ мысляхъ невѣждъ, что злодѣй не только не самозванецъ, но и ожидаетъ подкрѣпленія себѣ.“

— Какъ велишь, надёжа-государь, пріѣзжать его высочеству—одному или вмѣстѣ съ ея высочествомъ? спрашивалъ мнимый посолъ мнимаго царя.

— Пускай пріѣзжаетъ вмѣстѣ и чтобъ они скорѣе изъ Петербурга выѣзжали! отвѣчалъ самозванецъ.

Отпустивъ посла, Пугачевъ двинулся къ югу. Другія партіи подъ предводительствомъ разныхъ генераловъ и преимущественно полковниковъ, разбрелись по всѣмъ направленіямъ, перекрещивая населенныя мѣста нынѣшней симбирской, пензенской и саратовской губерній. Мы не будемъ слѣдить за самимъ Пугачевымъ, а направимся за шайкой одного изъ его полковниковъ, похожденія котораго особенно рельефно рисуются въ архивныхъ дѣлахъ того времени. Имя этого полковника, какъ и имена многихъ изъ предводителей отдѣльныхъ шаекъ, было Ивановъ. Имя это принималось разбойниками, конечно, изъ боязни выдать свое настоящее имя.

Въ концѣ іюля мы застаемъ партію Иванова въ селѣ Воскресенскомъ—нынѣ Хвалынскъ, уѣздный городъ саратовской губерніи, на берегу Волги. Въ Воскресенскомъ Пугачевъ началъ свои похожденія уже въ качествѣ самозванца, потому что Воскресенское было въ частыхъ сношеніяхъ съ иргизскими поселеніями, гдѣ жили раскольники, первые выдвинувшіе Пугачева на арену его страшной дѣятельности.

Когда шайка эта подходила къ Воскресенскому, предводитель ея выслалъ въ село гонцовъ съ извѣстіемъ, что идетъ „императорскаго величества полковникъ съ манифестомъ и царскою милостію.“ Гонцы приказывали въ селѣ, чтобъ полковникъ и его шайка встрѣчены

были съ хлѣбомъ-солью. Въѣхавъ на середину села и принимая отъ жителей хлѣбъ-соль, Ивановъ спросилъ:

— Кто здѣсь начальство?

— Нѣтъ у насъ начальства, батюшка, отвѣчали ему: всѣ наши начальники ушли въ Саратовъ.

— Взять ихъ пожитки въ царскую казну, а домы ихъ сжечь, распорядился полковникъ, и приказаніе его тотчасъ было исполнено. Въ то время, когда пламя вспыхнуло въ разныхъ концахъ села, предводитель шайки приказалъ „вычесть“ вслухъ всего народа пугачевскій манифестъ, который возилъ съ собою.

— Снимай шапки, кричали приближенные изъ толпы Иванова къ тѣмъ, которые стояли съ покрытыми головами.

— Читай, святой отецъ, сказалъ полковникъ, обращаясь къ монаху, который слѣдовалъ за его шайкой. Это былъ раскольническій монахъ, котораго имени намъ не удалось найти въ бумагахъ.

Монахъ взошелъ въ коляску, принадлежавшую полковнику, и, поднимаясь надъ народомъ, сталъ читать. Народъ снялъ шапки.

Монахъ читалъ: „Божіею милостію, мы Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, старшинамъ и старикамъ и всему россійскому крестьянству во всенародное извѣстіе.

„Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что подъ скипетръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ склонилась. Сверхъ того донскаго и вольскаго войскъ казаки и старшины оказываютъ къ службѣ нашей, во искорененіе противниковъ, разорителей и возмутителей имперіи — дворянъ, ревность и усердіе, и получили себѣ свободную вольность и нашу монаршую милость и награжденіе древняго святыхъ отецъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами.

„Того ради какъ мы есть всемилостивѣйшій монархъ и попечитель обо всѣхъ вѣрноподданныхъ рабахъ, желаемъ преклонить въ единственное вѣрноподданство всѣхъ и васъ, и видѣть доказательство къ службѣ нашей ревности отъ васъ.

„Вы же нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска и государевыхъ людей хотѣли раздѣлить въ

крестьянство и истребить казачій родъ; мы однакожъ, по власти всевышнёй десницы, надѣемся, что вы, признавъ оказанныя противъ нашей монаршей власти и своего государя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погибель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете получить монаршее наше прощеніе и сверхъ того награжденіе такое-жъ, каковое получили отъ насъ склонившіеся вѣрноподданные рабы.

„Во свидѣтельство того мы собственной рукою подписать соизволили.— *Петръ*."

Прочитавъ манифестъ, монахъ перекрестился. За нимъ перекрестился Ивановъ и всѣ приближенные его.

— Творите крестное знаменіе и вы, рабы божіи, обратился монахъ къ народу.

Народъ повиновался и всѣ перекрестились.

— Святой отецъ, твори волю пославшаго тебя, сказалъ атаманъ.

— Вѣмъ волю пославшаго мя и творю таковую, отвѣчалъ монахъ.

— Веди же подданныхъ Петра третьяго въ храмъ божій, къ царской присягѣ.

— Храмъ божій на всякомъ мѣстѣ владычествія его, сказалъ монахъ и сталъ приводить народъ къ присягѣ на площади, доставъ изъ коляски крестъ и евангеліе.

Пока происходила эта церемонія, по народу прошелъ шумъ, что по Волгѣ плыветъ судно и на этомъ суднѣ качаются повѣшенныя на мачтѣ и на другихъ снастяхъ мертвыя тѣла. Дѣйствительно, по рединѣ Волги плыла расшива, управляемая двумя неизвѣстными людьми, а надъ палубой висѣли трупы, повѣшенные одни за шею, другіе за ноги. Кромѣ двухъ человѣкъ не видно было на суднѣ никого живаго—все были мертвецы, совершенно обнаженные, да на краю борта стояла собака и жалобно выла.

Сказали объ этомъ предводителю шайки.

— Это бунтовщики и возмутители, сказалъ онъ;—такъ будетъ поступлено со всякимъ, кто воспротивится монаршей волѣ.

— Я видѣлъ это судно выше Воскресенскаго, сказалъ одинъ изъ толпы;—на немъ дворяне.

— Привести судно къ берегу, распорядился полковникъ, и нѣсколько лодокъ отправлено было перехватить плывшую съ трупами расшиву.

На расшивѣ, дѣйствительно, оказалось только двое живыхъ, а всѣ остальные были повѣшенные; нѣкоторые изъ мертвецовъ были сильно изувѣчены. На мачтѣ, надъ головой одного изъ повѣшенныхъ, прибита была бумажка, на которой написано было: *собачій родъ дворяне.*

— Чья посудина? спросилъ полковникъ приведенныхъ къ нему съ судна живыхъ людей.

— Не знаемъ, отвѣчали тѣ.

— А какъ вы попали на нее?

— Мы ѣхали съ господами, на насъ напали злодѣи и всѣхъ повѣсили.

— Какіе злодѣи! -- злодѣи тѣ, что повѣшены, а вѣшали ихъ царскіе слуги, закричалъ полковникъ; — я и васъ велю повѣсить съ вашими господами, чтобъ было кому имъ служить на томъ свѣтѣ, холопы природёные.

Тѣ повалились въ ноги полковнику.

Оказалось, что судно съ повѣшенными пасажирами отправилось изъ Казани въ то время, когда на этотъ городъ сдѣлалъ нападеніе Пугачевъ.

Нѣкоторые изъ дворянъ, въ виду приближенія страшнаго непріятеля, особенно когда городъ уже не могъ возлагать надежды ни на войска императрицы, ни на губернатора фонъ-Брандта, отъ страха окончательно лишившагося способности дѣйствовать, рѣшились спасти свою жизнь и имущество бѣгствомъ изъ Казани и для этого наняли судно, въ которое снесли самую цѣнную и удобоподвижную часть своихъ достояній, намѣреваясь отплыть заблаговременно внизъ по Волгѣ. Но несчастные бѣглецы были перехвачены шайками Пугачева и были подвержены самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Когда бѣглецы не хотѣли выдать разбойникамъ свое имущество, тѣ клали ихъ подъ вѣсы, находившіеся на суднѣ, и прибавляли на вѣсовую доску гирю за гирей, доходя такимъ обра-

зомъ до десяти и пятнадцати пудовъ, такъ что несчастные погибали самою медленною и мучительною смертью. Иногда вмѣстѣ съ гирями становились на вѣсы сами разбойники и давили свои жертвы до тѣхъ поръ, пока тѣ не испускали дыханія. Затѣмъ удушенныхъ или заколотыхъ пиками раздѣвали до-нага и вѣшали на снастяхъ барки. Какого-то помѣщика Скосырева, который въ своемъ имѣніи пользовался средневѣковыми обычаями сюзереновъ, бароновъ и графовъ, въ отношеніи къ своимъ кліентамъ и аллодамъ, т. е. въ отношеніи къ крестьянскимъ дѣвушкамъ (jus primae noctis), мучили особенно ужасно. Когда находившіеся въ этой шайкѣ крестьяне Скосырева показали на него, что онъ постоянно пользовался рыцарскимъ правомъ primae noctis, то разбойники привѣсили гири къ той части его, которая наиболѣе согрѣшила въ жизни... Мучили преимущественно тѣхъ ихъ дворянъ, которые наиболѣе жестоко обходились со своими крестьянами. Одна помѣщица, находившаяся на суднѣ, по показанію людей, нарочно уморила ребенка у своей кормилицы, чтобы молоко этой несчастной не раздѣлялось между барченкомъ и „хамовымъ отродьемъ". Когда злодѣи начали мучить ребенка, мать его закричала:

— Лучше бы ты не родился на свѣтъ Божій!

— Зачѣмъ же ты родила, сука? Вотъ мы тебѣ опять засунемъ въ брюхо твоего щенка проклятаго, заговорили нѣкоторые изъ бунтовщиковъ.

Для этого они разрѣзали животъ у несчастной жертвы и вложили ей въ утробу живаго ребенка. Жену одного чиновника, которая не давала своимъ людямъ соли для пищи, наказывали розгами и по избитымъ до крови мѣстамъ посыпали солью, приговаривая: „просаливай ее, просаливай!.."

Двое людей, оставленные живыми на суднѣ, бѣжали изъ Казани вмѣстѣ съ своими господами. Когда на суднѣ мучили дворянъ, люди эти ничего не показывали противъ господъ, и потому ихъ, хотя и не повѣсили вмѣстѣ съ господами, однако оставили на ограбленномъ суднѣ съ тѣмъ, чтобы они сплавили его внизъ по Волгѣ до самой Астрахани и вездѣ говорили бы, какъ жестоко государь Петръ третій наказываетъ дворянъ за ихъ жестокое обращеніе съ крестьянами. Надъ головами этихъ-то замучен-

ныхъ, на мачтѣ, приклеена была бумажка съ надписью: *„собачій родъ дворяне."*

II.

Полковникъ Ивановъ со своей шайкою пробылъ въ Воскресенскомъ только нѣсколько часовъ. Онъ услыхалъ отъ пришедшихъ въ его толпу новыхъ бродягъ, что Пугачевъ быстро идетъ отъ Казани по направленію къ Саратову. Всѣ города, встрѣчавшіеся ему на пути, были взяты и разграблены, за исключеніемъ маленькаго городка Керенска, который спасся какимъ-то чудомъ отъ общей страшной участи, постигшей всѣ города средняго и нижняго Поволжья. Дѣйствительно, въ нашихъ бумагахъ есть подтвержденіе того обстоятельства, что Керенскъ не былъ взятъ самозванцемъ, не смотря, какъ говорится въ бумагахъ, на „троекратное на него собравшеюся подъ именемъ самозванца, измѣнника и бунтовщика Пугачева злодѣйскою толпою нападеніе" (1). Сомнительно, чтобы Керенскъ

(1) Въ имѣющейся у насъ грамотѣ тогдашняго главнокомандующаго войсками, графа Петра Панина, данной керенскому дворянству, положительно говорится, что мѣстные дворяне, чиновники и инвалидная команда отстояли Керенскъ отъ Пугачева. Вотъ этотъ документъ: «Высокоблагородному и почтенному господину секундъ-маіору, благороднаго керенскаго дворянства предводителю и всему оному благородному дворянству, достойнымъ моимъ собратіямъ. Сколько изъ поданныхъ мнѣ рапортовъ, а паче по прибытіи въ городъ Керенскъ и самолично нашелъ я, что оной отъ троекратнаго на него собравшеюся подъ именемъ самозванца, измѣнника и бунтовщика Пугачева злодѣйскою толпою нападенія вами, обще съ воеводскимъ товарищемъ, канцелярскими служителями и съ инвалидною командою, защищенъ и обороненъ, а оные злодѣи отъ города прогнаны и до грабительства не допущены, за которое ваше, какъ прямыхъ сыновъ отечества, къ службѣ ея императорскаго величества и къ сохраненію высочайшаго интереса ревностное усердіе, защищеніе и обороненіе сего города, ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ, по пріобщеннымъ у сего повышеніямъ, каждаго по одному чину, на которое имѣете вы въ вѣрности службы ея императорскому величеству учинить присягу. А о дачѣ вамъ патен-

не былъ взятъ самозванцемъ потому, что его храбро защищали канцелярскіе чиновники и инвалидная команда, — и не такія войска и не такіе защитники падали отъ натисковъ нестройныхъ и дикихъ скопищъ Пугачева. Пугачевъ доказалъ, что онъ умѣлъ брать города. Иностранные инженеры, случайно видѣвшіе его тактику при взятіи крѣпостей, при постройкѣ верковъ и проч., находили въ этомъ безграмонтомъ самозванцѣ геній великаго Вобана. Пугачевскія скопища также умѣли доказать, что для нихъ не страшны хорошо вооруженныя войска, а не то чтобы жалкіе канцеляристы и не менѣе жалкія инвалидныя команды, которыя предшественникъ графа Панина, знаменитый и страшный противникъ самозванца, А. И. Бибиковъ называлъ то „негодницей“, то „скаредами и срамцами“. Скорѣе всего, что Керенскъ уцѣлѣлъ, благодаря той поспѣшности, съ которою Пугачевъ стремился вдоль праваго берега Поволжья. Преслѣдуемый по пятамъ Михельсономъ, онъ, конечно, поступилъ бы безразсудно, еслибъ замедлилъ хоть однимъ днемъ, стараясь взять такой ничтожный городишка, какъ Керенскъ, при взятіи котораго нельзя было расчитывать даже на порядочную поживу. Напротивъ, еслибъ этотъ городъ былъ богатъ и силенъ, то генералы Пугачева, подбиваемые жадною до грабежей шайкою, непремѣнно взяли бы Керенскъ, какъ взяли Саратовъ и много другихъ городовъ, гдѣ не торчали соломенныя крыши, а бѣлѣлись каменныя палаты и каменныя церкви.

Какъ бы то ни было, до полковника Иванова дошла вѣсть,

товъ писано въ государственную военную колегію. Графъ Петръ Панинъ. Сентября 5 дня 1774 года. Керенскъ.» Всѣхъ пожаловано 25 человѣкъ, имена которыхъ, безъ сомнѣнія, любопытно и пріятно прочитать ихъ потомкамъ. Вотъ эти имена: князь Ив. Енгалычевъ, Семенъ Сурминъ, Анд. Богдановъ, Ив Патрикеевъ, Лука Семенеевъ, Богдановъ, Ломоносовъ, Фагостовъ, Митковъ, Савинъ, Балушевъ, С. Семенеевъ, Никита Пожидаевъ, Петръ Дураковъ, Пл. Дубасовъ, Наз. Кашаевъ, гр. Волотовъ, кн. Алексѣй Булушевъ, Дм. Дураковъ, кн. Прок. Булушевъ, кн. Өед. Булушевъ, вахм. Ник. Богдановъ, Ив. Кашаевъ, Мих. Өоминъ и Ульянъ Іевлевъ. Документъ этотъ сообщенъ намъ Т. И. Шишкинымъ.

что Пугачевъ, не взявши Керенска, а между тѣмъ ограбивъ другіе встрѣчные города, приближается къ Петровску и Саратову. Изъ пугачевской толпы пришелъ къ полковнику родной его братъ и привелъ въ подмогу брату немалую шайку, и этотъ-то братъ сообщилъ Иванову подробности о слѣдованіи главныхъ силъ Пугачева.

Когда Ивановъ, забравши въ Воскресенскомъ все, что было можно захватить, какъ бы въ наказаніе жителей за то, что они повиновались не истинному государю, а похитительницѣ престола, назвавшеюся императрицею Екатериною II, уже собирался выступить въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Саратову, ему донесли, что противъ Воскресенскаго переправляется черезъ Волгу небольшая лодка съ неизвѣстными людьми. Полковникъ приказалъ привести къ себѣ этихъ неизвѣстныхъ. При обыскѣ у одного изъ пріѣхавшихъ найденъ пакетъ, запечатанный сургучной печатью и надписанный *по секрету*. Пакетъ адресованъ былъ на имя саратовскаго коменданта, полковника Бошняка. Это тотъ знаменитый Бошнякъ, который храбро защищалъ Саратовъ отъ скопищъ Пугачева, не смотря на всѣ свои пререканія съ бригадиромъ Ладыженскимъ и знаменитымъ поэтомъ Державинымъ изъ-за того, кто изъ нихъ старшій — полковникъ или бригадиръ, пререканія, которыя, можетъ быть, были главной причиной того, что Саратовъ не устоялъ противъ Пугачева. Дѣло въ томъ, что самолюбивый Державинъ, въ то время еще молодой гвардейскій офицеръ, но уже извѣстный своими стихотвореніями, присланъ былъ въ видѣ чиновника особыхъ порученій главнокомандующаго, собственно по секретной части, и находясь то въ Малыковкѣ, то за Волгой, то въ Саратовѣ, то въ Петровскѣ, вмѣшался въ споръ Ладыженскаго (онъ былъ управляющій иностранными поселенцами въ Саратовѣ, т. е. колонистами) съ Бошнякомъ изъ за того, кто изъ нихъ долженъ защищать городъ и распоряжаться какъ войсками, такъ и устройствомъ самой обороны Саратова.

Къ этому-то Бошняку адресованъ былъ секретный пакетъ, перехваченный полковникомъ Ивановымъ.

— Ты кто такой? спрашивалъ полковникъ неизвѣстнаго, у котораго найденъ пакетъ.

— Службы ея императорскаго величества капитанъ, отвѣчалъ тотъ.

— Врешь, собака! ея императорскаго величества нѣтъ, а есть его императорское величество Петръ третій, императоръ, закричалъ на него Ивановъ; какое воровское письмо везешь ты?

— Я везу не воровское письмо, а промеморію.

— Какую промеморію?

— О злодѣѣ и бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачевѣ...

— Связать его, измѣнника! закричалъ полковникъ, и нарочнаго связали.

Полковникъ, распечатавъ пакетъ, велѣлъ монаху читать вложенную въ этотъ пакетъ бумагу.

Въ бумагѣ написано было: „Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и саратовскій комендантъ, государь мой! Вчерашняго числа получилъ я изъ сызранской воеводской канцеляріи промеморію съ прописаніемъ подлиннаго изъ симбирской провинціальной канцеляріи указа, коимъ знать дано, что сверхъ многихъ разныхъ и частію, можетъ быть, неосновательныхъ извѣстій, 14-го числа той канцеляріи отправленнаго въ Казань и назадъ возвратившагося той канцеляріи секретаря Зайцева рапортомъ донесено, что по пріѣздѣ его къ Верхнему Услону и видно ему было въ разныхъ мѣстахъ пылающее пламя, а выбѣжавшіе изъ Казани господскіе люди ему объявили, что государственный бунтовщикъ, злодѣй Пугачевъ...“

— Врутъ они, измѣнники! прервалъ полковникъ чтеніе; — они злодѣи и бунтовщики, а Казань взялъ не Пугачевъ, а его императорское величество, подлинный государь всероссійскій, царь Петръ Ѳеодоровичъ... Читай дальше.

— ...Что государственный бунтовщикъ, злодѣй Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, учинилъ пожаръ, да 15 го числа выбѣгшіе изъ города Казани симбирскій купецъ, да провіантмейстера Арцыбашева дворовой человѣкъ, пріѣхавъ въ Симбирскъ, и въ той канцеляріи обще съ тамошнимъ комендантомъ, господиномъ полковникомъ Рычковымъ были спрашиваны и объявили, что подлинно извѣстный злодѣй Пугачевъ...

— Лгутъ, собаки! Ежелибы онъ подлинно былъ злодѣй Пуга-

чевъ, то-бы вся Россія подъ скипетръ и корону его добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ не склонилась", опять прервалъ полковникъ.

Монахъ продолжалъ читать:... „что подлинно извѣстный злодѣй Пугачевъ со своими толпами городъ Казань выжегъ и овладѣлъ, а господинъ казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ и прочіе генералитеты, также и изъ гражданъ доброжелающіе, кто могъ успѣть уйтить отъ злодѣевъ, въ имѣющуюся городовую крѣпость, взойдя, затворились. А сколь скоро я сіи неподатныя (неподобныя?) увѣдомленія получилъ, то нашелъ для лучшаго обо всемъ ономъ развѣдыванія о подлинности сихъ извѣстій нарочнаго отправить съ рапортомъ къ его высокопревосходительству господину аншефу, кавалеру и казанскому губернатору Якову Ларіоновичу фонъ-Брандту, приказавъ тому посланному накрѣпко о семъ извѣстіи и вѣроятно развѣдывать по тракту, а есть ли въ случаѣ найдетъ безопасность, то и въ Казань проѣхалъ, о чемъ и вашему высокоблагородію знать чрезъ сіе даю."

— Все? спросилъ полковникъ.

— Все, отвѣчалъ монахъ.

— Такъ объ этомъ пишутъ по секрету? Секретъ, что Казань взята и выжжена! Да этотъ секретъ и слѣпой видѣлъ, и глухой слышалъ — вся Россія знаетъ, а они якобы секреты другъ дружкѣ пишутъ... Это ли царскіе слуги?

Дѣйствительно, секретными ордерами и промеморіями воеводскія канцеляріи и коменданты сообщались между собою о томъ, что молва народная давно уже разнесла по всему Поволжью, и неудивительно, что Пугачевъ и его толпы опережали своими дѣйствіями всякія правительственныя распоряженія, замедлявшіяся и канцелярской волокитой и канцелярской тайной. Посылавшіеся съ такими секретными бумагами нарочные или опаздывали, или пропадали безъ вѣсти, то попадая въ руки бунтовщиковъ, то передаваясь добровольно въ ихъ толпу. Нерѣдко случалось, что не на чемъ было послать нарочнаго съ самонужнѣйшими бумагами, отъ которыхъ зависѣла участь цѣлыхъ городовъ и жизнь тысячи несчастныхъ, потому что не было лошадей, и нарочные, какъ древніе скороходы, ходили пѣшкомъ съ секретными пакетами и государственными тай-

пами за пазухой, а между тѣмъ въ то же самое время астрахан скій губернаторъ, знаменитый генералъ Петръ Кречетниковъ, собираясь (когда уже впрочемъ было слишкомъ поздно!) идти на встрѣчу Пугачеву, предписываетъ выставить на станціяхъ по *пятидесяти лошадей* только подъ его собственную персону и притомъ тамъ, гдѣ нарочные бѣгаютъ съ пакетами пѣшкомъ. Къ такимъ несчастнымъ нарочнымъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и перехваченный полковникомъ Ивановымъ капитанъ, который везъ изъ Самары секретную промеморію къ саратовскому коменданту Бошняку. Само собою разумѣется, что перехваченную бумагу Ивановъ не отправилъ къ Бошняку, а оставилъ ее у себя. Нарочнаго онъ велѣлъ повѣсить, впрочемъ не потому, что жестокость была главной пружиной его дѣйствій, а потому, что несчастный капитанъ, имени котораго намъ не удалось узнать, самъ накликалъ на себя казнь своей горячностью. Когда полковникъ приказалъ привести его къ присягѣ, этотъ несчастный сказалъ, что онъ дворянинъ и присягать Емелькѣ „такому же холопу, какъ и онъ, холопій полковникъ" не намѣренъ.

Повѣсивъ капитана, Ивановъ повелъ свою толпу далѣе, переходя изъ села въ село. Никто не оказывалъ сопротивленія. Если вѣрить запискамъ современниковъ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что только счастливый случай спасъ Россію отъ конечнаго разоренія. Всѣ начальствующія лица, войско, дворяне, гарнизонные „срамцы" и „скареды"—всѣ эти люди, по выраженію одного современника-нѣмца, отдавались бунтовщикамъ безъ сопротивленія, или какъ овцы подъ обухъ [1]. Самъ полковникъ ѣхалъ въ коляскѣ и только въ необходимыхъ случаяхъ садился верхомъ на лошадь. Въ коляскѣ съ нимъ сидѣлъ монахъ, а въ другой коляскѣ везли

(1) Спасенія потому ни откуда не видѣлось, по словамъ очевидца нѣмца, «dass man in den Städten nicht an die Vertheidigung dachte, da die Woyewoden und übrigen kaiserlichen Offizianten, sobald sie in des Rebellen Hände fielen, einen schimpflichen Tod erwarten, und alsobald ihren Hals als geduldige Schaafe hinstrecken mussten.» Bemerkungen über.... Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungs-Geschichte Pugatschews. Prag u. Leipzig, 1792, стр. 253.

молодую дѣвушку, которую Ивановъ называлъ своей женой. Кто была эта молодая особа—намъ неизвѣстно, но, вѣроятно, это была несчастная плѣнница изъ „проклятаго рода дворянъ", которыхъ такъ много находилось въ пугачевской толпѣ. Извѣстно, что въ поѣздѣ самаго Пугачева слѣдовало немало молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ, которыя находились въ палаткѣ самозванца, прислуживали ему, а также прислуживали его женѣ и сыну. Когда Михельсонъ разбилъ самозванца ниже Царицына и взялъ въ плѣнъ большую часть его нестройнаго полчища, то, отправляя свою добычу въ Царицынъ, болѣе 5000 человѣкъ плѣнныхъ, пушки, единороги, мортиры и прочіе военные снаряды, писалъ царицынскому коменданту Цыплетеву, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посылаетъ „немалое число *дворянскихъ дѣвицъ* и дворянъ." По всѣмъ вѣроятіямъ, одна изъ этихъ „дворянскихъ дѣвицъ" находилась и у Иванова, который и выбралъ ее себѣ въ сожительницы. Толпа, слѣдовавшая съ Ивановымъ, была весьма многочисленна. Около его коляски толпились конные, преимущественно казаки и всѣ, кто имѣлъ въ себѣ хотя какія нибудь кавалерійскія качества. Тутъ же съ толпою слѣдовала и артилерія, въ которой считалось до 20 пушекъ, набранныхъ толпою въ разныхъ мѣстахъ. Въ толпѣ было множество пѣшихъ. За толпою слѣдовалъ огромный обозъ, нагруженный всѣмъ, что только могло быть награблено во время похода. На ночлеги шайка останавливалась иногда въ степи, и тогда раскладывались костры, разставлялись треножники для варенія пищи, выкатывались изъ обоза боченки и даже бочки съ виномъ и начинались попойка, шумъ, пѣніе пѣсень, брань и драки. Въ то же время по окраинамъ разбойничьяго стана разставлены были часовые, которые спрашивали всякаго проходящаго и проѣзжающаго, и подозрительныхъ людей приводили къ полковнику. О всякомъ, не принадлежащемъ къ сообщникамъ Пугачева и признававшемъ законную власть не въ лицѣ самозванца, а въ лицѣ императрицы, говорили, что это — „злодѣйской руки."

На степи между Воскресенскимъ и Малыковкою, т. е. между нынѣшними городами Хвалынскомъ и Вольскомъ, толпа наткнулась на „маяки," разставленные по возвышеннымъ мѣстамъ. Маяки въ то время замѣняли телеграфъ настоящаго времени: маяки состояли

изъ высокихъ шестовъ, разставленныхъ въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобъ отъ одного маяка взоръ достигалъ до другаго. Шесты обвивались соломою сверху до низу. Когда нужно было дать знать о приближеніи какой-либо опасности, тогда зажигалась солома и пламя тотчасъ доходило до вершины шеста. Затѣмъ, когда замѣчалось это пламя, вспыхивалъ слѣдующій маякъ и такимъ образомъ отъ маяка до маяка передавалась вѣсть о томъ, что приближается опасностъ и что надобно готовиться ко всякой неожиданности. Такими маяками обыкновено давалось знать о приближеніи калмыковъ и киргизовъ, которые въ прошломъ вѣкѣ часто переходили съ луговой стороны Волги на нагорную и, опустошивъ прибрежные города и села, забравъ скотъ и имущество жителей, переправлялись обратно въ заволжскія степи.

Маяки, на которые наткнулась толпа Иванова, были тотчасъ же уничтожены, такъ что въ Малыковку, гдѣ въ то время находился Державинъ, некому было подать вѣсть о приближеніи грозы. Маяки постигла такая жалкая участь по оплошности солдата, который приставленъ былъ къ тому маяку, на который прежде всего наткнулась толпа. Старый гарнизонный солдатъ спалъ подъ маякомъ, такъ что передовые наѣздники изъ шайки успѣли захватить его въ свои руки, прежде чѣмъ онъ собрался зажечъ солому. Солома была ободрана съ маяка, а къ шесту тотчасъ придѣлана перекладина въ видѣ „рели“ (висѣлицы), и на этой висѣлицѣ, въ посмѣяніе властямъ, повѣшенъ былъ оплошный часовой, но только не за шею, а „подъ мышки,“ такъ что онъ могъ долго оставаться живымъ и могъ быть снятъ съ висѣлицы по удаленіи шайки.

III.

Время Пугачева замѣчательно тѣмъ, что отдѣльныя, весьма характеристическія подробности о немъ, можно сказать положительно, неисчерпаемы. Чего нѣтъ въ письменныхъ документахъ, чего не сохранили архивныя дѣла и офиціальныя бумаги, то сохранила народная память, и эти народные разсказы историкъ не въ правѣ обхо-

дить, потому что они съ одной стороны рельефнѣе, чѣмъ самые письменные документы, рисуютъ картину этой эпохи въ частностяхъ. Съ другой стороны они выражаютъ взглядъ народа на эту эпоху. А этихъ преданій о Пугачевѣ и его сообщникахъ такъ много, эта эпоха до того богата подробностями, что эпоха смутнаго времени первыхъ самозванцевъ (XVII-го вѣка), передъ этой эпохою оказывается совершенно бѣдною.

Вотъ почему я не считаю себя въ правѣ умалчивать и о тѣхъ эпизодахъ изъ временъ Пугачевщины, которые сохранились въ народныхъ разсказахъ и пополняютъ собою недосказанное уцѣлѣвшими отъ того времени бумагами. Я даже считаю обязанностью историка не давать погибнуть этимъ разсказамъ, какъ погибли разсказы о другихъ временахъ нашей исторіи, болѣе отдаленныхъ. На насъ, близко живущихъ къ событіямъ прошлаго вѣка, лежитъ прямая обязанность передъ потомствомъ, передать ему въ печати то, что мы слышали отъ нашихъ стариковъ и сверстниковъ и чего наши потомки не могутъ услышать ни отъ кого, если не прочитаютъ въ книгахъ, которыя мы имъ оставимъ, какъ единственную о нашемъ существованіи память.

Къ похожденіямъ шайки полковника Иванова и къ той мѣстности, гдѣ мы оставили его въ своемъ разсказѣ, мы находимъ вполнѣ основательнымъ пріурочить слѣдующій характеристическій разсказъ, слышанный нами въ Саратовѣ:

Въ Пугачевщину, когда всякій дворянинъ, помѣщикъ и чиновникъ ждалъ вѣрной смерти въ случаѣ, еслибъ несчастная судьба бросила его въ руки волновавшагося крестьянства, помѣщики и чиновники, видя неминуемую опасность, нерѣдко старались не выдавать своего происхожденія и для того, чтобъ не быть похожими на „проклятаго рода дворянъ,“ нерѣдко одѣвались въ крестьянское платье, чтобы быть принятыми за происходящихъ „изъ подлости“, какъ тогда выражались о „неблагородномъ“, недворянскомъ происхожденіи. Иногда сами крестьяне, желая спасти своихъ добрыхъ господъ, переряжали ихъ въ крестьянское платье, пачкали имъ лице и руки, чтобъ „по бѣлымъ рукамъ“ ихъ не приняли за благородныхъ. Эта хитрость иногда удавалась. Крестьянское ободранное платье, всклокоченные волосы и грязныя руки нерѣд-

ко спасали несчастныхъ отъ неминуемой смерти. Если же открывался обманъ, если руки оказывались бѣлыми, дворянскими, если грязь не могла придать лицу и рукамъ дворянина видъ загара и грубости, то разбойники тотчасъ кричали: „на рели, на рели! это бѣлоручка!"

Ниже Воскресенскаго въ толпу бунтовщиковъ привели одного переряженнаго дворянина.

— Кто ты? спрашиваетъ начальникъ толпы.

— Мужикъ, крестьянинъ.

— А покажи руки.

Переряженный дворянинъ показалъ руки, которыя оказались подозрительными.

— Вымыть ихъ, приказывалъ начальникъ.

Помытыя руки оказались бѣлыми и нѣжными, далеко не мужицкими.

— Какъ же ты говоришь, что ты мужикъ?

— Мужикъ, батюшка.

— А косить умѣешь?

— Умѣю.

Дали несчастному косу: оказалось не умѣетъ косить.

— А молотить умѣешь?

— Умѣю.

Дали ему цѣпъ: оказалось — не умѣетъ владѣть цѣпомъ. Потомъ заставляли его жать, подмазывать колеса и вообще испытывали во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Во всемъ оказался неспособнымъ. Тогда начальникъ шайки велѣлъ его повѣсить, приговаривая: „не коси чужими руками, не живи чужимъ умомъ."

Нельзя не замѣтить, что во многихъ народныхъ воспоминаніяхъ о дѣйствіяхъ Пугачева и его шаекъ сквозитъ какая-то жесткая иронія надъ сословіемъ, противъ котораго направлены были жестокости самозванца. Въ отношеніяхъ своихъ къ народу онъ является какимъ-то благодѣтелемъ, и вся тяжесть его гнѣва ложится на привилегированныя сословія. Тѣмъ же отличались и всѣ его полковники, большею частью казацкіе старшины какъ съ Яика, такъ и съ Дона. Нерѣдко намъ приходилось слышать въ Землѣ Войска Донскаго разсказы о стычкахъ казаковъ съ толпами само-

званца и по этимъ разсказамъ трудно рѣшить, кто шелъ за кого и противъ кого. Встрѣчаются, говорятъ, казаки съ пугачевцами, идутъ казаки бить враговъ царскихъ, вооружены казаки длинными пиками, поютъ казаки для смѣлости пѣсни старинныя:

Кто бы намъ, братцы, сказалъ про батюшку тихій Донъ,
Про того-ли казачка Игнатку измѣньшичка,—

а пугачевцы въ отвѣтъ имъ и, какъ бы на смѣхъ, затягиваютъ другую, донскую же, пѣсню:

Я въ походы хаживалъ,
Языки я бирывалъ,
Меня Богъ помиловалъ...

А тамъ запоетъ другую пѣсню какой-нибудь пугачевецъ, урекая своему станичному атаману его неправды за то, что атаманъ выгналъ его на службу безъ очереди —

Какъ и Богъ-то судья нашему правленьицу, станичному атаманушкѣ!
Какъ безъ очереди меня, добра молодца, въ службу нарядили,
Безъ поры-то, безъ времени, меня, добраго молодца, провожали...

И начинается свалка между пугачевцами-донцами и донцами царскими, и бьютъ донцы-пугачевцы донцовъ царскихъ, а все-таки, подъ конецъ, царскіе донцы побѣждаютъ и освобождаютъ изъ полона „русскихъ дворянчиковъ.“

„Русскіе дворянчики“, „проклятый родъ дворяне,“ „собачій родъ дворяне“ — эти слова и эти понятія играли едва ли не главную роль во всемъ, что тогда дѣлалось. И въ самомъ дѣлѣ положеніе бѣдныхъ „дворянчиковъ“ было по истинѣ ужасное: страшное ожесточеніе со стороны массъ, которыя, какъ вода, порвавши плотины, неудержимо стремились на все поставленное выше этихъ массъ и уничтожали все на своемъ пути, а умилостивить эти массы было ничѣмъ невозможно: какой нибудь самодѣльный полковникъ Ивановъ, какой нибудь самодѣльный генералъ съ рваными ноздрями, генералъ—бывшій каторжникъ, всякій мужикъ, лѣнившійся работать на барина и на себя и потому нищенствовавшій, всякая баба, отдавшая въ рекруты своего любимаго сына и, при всякомъ при-

готовленіи варева для своего мужа и дѣтей, сознававшая, что дорога соль, и вслѣдствіе того готовая взяться за рогатину—все это шло противъ дворянъ, все искало взобраться наверхъ труповъ „господъ“ и „благородныхъ“. Каторжники дѣйствовали именемъ какого-то царя, генералы съ рваными ноздрями, полковники, сѣченные за воровство и убійство, во имя этого призрачнаго царя, объявляли народу волю, освобождали его отъ податей, прощали ему недоимки, сбавляли цѣну на соль—больное мѣсто русскаго народа, и все это говорило, что препятствіемъ на дорогѣ къ земному раю стояли все тѣже „дворяне“, что дворяне не позволяли царю дать народу волю, что дворяне не позволяли ему освобождать народъ отъ податей, дворяне не совѣтовали прощать народу недоимки, дворяне мѣшали царю сбавлять цѣну на соль. Бѣдные „дворянчики“ ни откуда не видѣли спасенія: какой нибудь полковникъ Ивановъ, темная, можетъ быть, преступная личность, да раскольничій, можетъ быть, бѣглый монахъ, могли пройти пожаромъ по нѣсколькимъ губерніямъ, чинить дикій судъ и дикую расправу по произволу, по движенію страсти, и никто не могъ выйти имъ на встрѣчу, чтобъ остановить этотъ пожаръ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, бросая эти города на произволъ и управленіе канцеляристовъ, и винить за это воеводъ едва-ли по совѣсти можно, потому что не на кого имъ было положиться: въ гарнизонахъ сидѣли „скареды“ и „срамцы“, да и этихъ скаредовъ и срамцевъ было слишкомъ мало, тогда какъ на города нападали тысячи и десятки тысячъ народа, почуявшаго волю, безначальность, безподатную жизнь и дешевую, даже даровую соль, съ добавкою того, что удастся награбить въ городахъ, въ кладовыхъ этихъ воеводъ, комендантовъ, дворянъ и всего богатаго и чиновнаго люда. Войска были далеко, на нихъ нечего было расчитывать: войска воевали съ Турціею, и когда-то еще они могли поспѣть на мѣсто пожара? А полковникъ Ивановъ, раскольничій монахъ, и какой нибудь генералъ-рудокопъ, бѣжавшій изъ нерчинскихъ рудниковъ, были тутъ и все опрокидывали, лишь бы захватить въ свои немилостивыя руки этихъ „дворянчиковъ“, надъ которыми смѣялись казаки, хотя и защищали во имя прежней присяги. Наконецъ хотя съ трудомъ и набрано было войско, но не было полководца: полководецъ умеръ въ самомъ началѣ сво-

ихъ умныхъ распоряженій (Бибиковъ), а у другихъ полководцевъ, назначавшихся на его мѣсто, все какъ-то вываливалось изъ рукъ; генераламъ и полковникамъ императрицы тоже не везло — генералы-рудокопы, генералы-каторжники и полковники изъ остроговъ побѣждали на каждомъ шагу генераловъ и полковниковъ императрицы, и народъ не могъ не вѣрить, что истинные генералы именно тѣ, которые ушли изъ остроговъ, а не тѣ, которые пріѣхали изъ Петербурга. Россія какъ бы потеряла голову, Россія какъ бы не имѣла людей, чтобы защитить себя отъ разгулявшагося народа, и современникъ-нѣмецъ въ правѣ былъ воскликнуть, что его сердце бьется гордымъ сознаніемъ, что Россія спасена *нѣмцемъ* (Михельсономъ) (1).

Но возвратимся къ полковнику Иванову и его шайкѣ.

Оставивъ за собою село Воскресенское (Хвалынскъ), Ивановъ не пошелъ на Малыковку (Вольскъ), а поворотилъ въ сторону отъ Волги на встрѣчу Пугачеву, для соединенія съ главными силами самозванца. Въ Малыковку онъ потому не пошелъ, что получилъ оттуда неблагопріятныя вѣсти. Тамъ въ это время находился Державинъ (2) и въ ожиданіи нападенія на это село скопищъ самозванца принялъ такія предосторожности, которыя не могли не заставить пугачевцевъ своротить съ дороги, ведущей на Малыковку. Мы говорили выше, что Державинъ жилъ поперемѣнно то въ Малыковкѣ, то въ Саратовѣ, наблюдая за тѣмъ, что происходило въ этой мѣстности, которая служила посредствующимъ пунктомъ въ сношеніяхъ донскихъ, вольскихъ и яицкихъ казаковъ съ иргизскими раскольниками, а этихъ послѣднихъ съ раскольниками малороссійскими и заграничными (вѣтковскими) (3), въ рукахъ которыхъ

---

(1) «Stolz auf den deutschen Namen unsers Erretters, ergoss sich mein Herz in Segenswünschen für seine Person und ich werde, so lange ich lebe, den Namen Michelson nie ohne das innigste Wohlgefallen und ohne die grösste Hochachtung nennen hören.» Bemerkungen über... Russland» и т. д. стр. 205.

(2) ...«находящійся тамъ (въ Малыковкѣ) по секретной объ извѣстномъ злодѣѣ комисіи гвардіи поручикъ Державинъ.»

(3) Извѣстная слобода Вѣтка, заселенная раскольниками, принадлежала тогда Польшѣ и считалась за границею.

находились главныя нити, приводившія въ движеніе эту запутанную и таинственную интригу. Въ это время Державинъ писалъ секретно изъ Малыковки астраханскому губернатору Кречетникову, что „вѣроятныя до него дошли извѣстія, якобы съ Дону Филоновской станицы донской казакъ Моисей Ивановъ сынъ Ястребовъ пріѣзжалъ для развѣдыванія, будучи посланъ отъ своихъ казаковъ будто къ полковнику Денисову (одинъ изъ популярныхъ въ то время героевъ Дона), что подлинно-ль государь Петръ Ѳедоровичъ живъ и онъ ли это, который воюетъ, и „ежели де онъ, то де и мы будемъ готовы;“ но какъ сей посланный Ястребовъ, не доѣзжая Яика, на степи былъ встрѣченъ раскольничьимъ старцомъ Іевомъ и будто увѣренъ, что то бунтовщикъ, а не государь, то съ симъ извѣстіемъ возвратился на Донъ, и что по нынѣшнимъ несчастнымъ обстоятельствамъ, какъ ничего не должно полагать за неважное, то и требовалъ о семъ казакѣ гдѣ надлежитъ точнѣе изслѣдовать.“ Но какъ раскольники черезъ своихъ агентовъ, которые у нихъ были вездѣ, и въ арміи государыни, и въ скопищахъ Пугачева, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, знали все, гдѣ что дѣлалось, какія принимались мѣры, то они и извѣстили Иванова и находящагося при немъ раскольничьяго монаха, что за всѣми подозрительными людьми слѣдятъ въ Малыковкѣ „недреманнымъ окомъ“ и велѣно де „накрѣпко“ развѣдывать, не появятся ли соумышленники Пугачева, что около Малыковки разставлены караулы и что потому идти туда будетъ небезопасно.

Вслѣдствіе этихъ слуховъ Ивановъ поворотилъ свою шайку по направленію къ Петровску. Не доходя села Одоевщины, онъ узналъ, что въ этихъ мѣстностяхъ свирѣпствуетъ какая-то новая шайка подъ предводительствомъ полковника Саврасова, что шайка эта безчинствуетъ, выжигаетъ до тла поселки, грабитъ народъ безъ разбора, не обращая вниманія на разность сословій. Шайка эта стояла станомъ въ Одоевщинѣ и бѣжавшіе изъ Одоевщины крестьяне сообщили Иванову, что они не знаютъ, куда имъ дѣваться и гдѣ искать защиты. Узнавъ объ этомъ, Ивановъ повелъ свою толпу прямо на Одоевщину для того, какъ онъ говорилъ, чтобы защитить невинныхъ людей отъ напраснаго пролитія крови. Не входя въ Одоевщину, Ивановъ послалъ своихъ людей узнать, кто начальникъ

отряда, засѣвшаго въ Одоевщинѣ, отъ кого онъ получилъ власть, какое имѣетъ званіе и чьимъ именемъ производитъ разбой. Саврасовъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросы гонцовъ, а только велѣлъ сказать, что онъ вѣрноподданный его величества, Петра третьяго.

— Недѣльное онъ говоритъ, сказалъ Ивановъ по полученіи этого извѣстія: вѣрноподданные его величества не чинятъ обидъ никому, токмо измѣнникамъ-дворянамъ.

— Мы его изловимъ и приведемъ къ тебѣ, сказали приближенные Иванову.

— Я самъ изловлю злодѣя-самозванца и повѣшу, сказалъ полковникъ и велѣлъ готовиться идти на Одоевщину.

Одоевщина въ это время горѣла.

— Кто запалилъ Одоевщину? спросилъ Ивановъ, приближаясь къ толпѣ неизвѣстныхъ людей на лошадяхъ, съ пиками, рогатинами и ружьями за плечами.

— Мы запалили, закричали тѣ, а тебѣ какая нужда?

— Вотъ какая! отвѣчалъ Ивановъ и выстрѣлилъ въ кучу.

Тѣ отвѣчали выстрѣлами. Ивановъ приказалъ построиться въ рядъ всѣмъ своимъ конникамъ и вооруженнымъ и велѣлъ сдѣлать залпъ изъ всѣхъ ружей. Завязалась перестрѣлка. Въ это время прискакалъ самъ Саврасовъ на бѣломъ конѣ, пьяный, съ пистолетами—однимъ въ правой рукѣ, а двумя другими за поясомъ.

— По указу его императорскаго величества Петра Ѳедоровича я приказываю вамъ положить оружіе.

— А указывалъ тебѣ его императорское величество жечь поселки и грабить его крестьянъ?... Стрѣляй въ него, злодѣя, скомандовалъ Ивановъ; вяжи ихъ, на рели ихъ, окаянныхъ.

Большая часть толпы, предводительствуемой Ивановымъ, бросилась на тѣхъ, которыми предводительствовалъ Саврасовъ. Послѣдніе не выдержали и побѣжали.

— Стой! кричалъ Саврасовъ; я васъ всѣхъ перевѣшаю.

Но толпа не слушала его. По бѣжавшимъ стрѣляли въ догонку. Многихъ ранили. Саврасовъ, выстрѣливъ изъ всѣхъ своихъ пистолетовъ, хотѣлъ тоже бѣжать, но его понесла лошадь, онъ упалъ и зацѣпился ногой за стремя.

Лошадь его была перехвачена и Саврасовъ приведенъ былъ къ Иванову. Онъ былъ въ крови и шатался.

— Ты кто такой? спрашивалъ Ивановъ.

— А ты кто, что допрашиваешь меня? отвѣчалъ Саврасовъ.

— Я слуга его императорскаго величества; меня самъ царь пожаловалъ въ Бердѣ полковникомъ, когда мы Оренбургъ доставали. А тебя кто жаловалъ?

— Онъ же, отвѣчалъ тотъ.

— Покажи грамоту, требовалъ Ивановъ.

Саврасовъ сопротивлялся и назвалъ Иванова злодѣемъ.

Ивановъ ударилъ его въ щеку.

— Вотъ тебѣ, измѣнникъ! Его величество не указывалъ жечь селенія и грабить бѣдныхъ людей, онъ царь милостивый къ бѣднымъ, онъ строго казнитъ злодѣевъ-дворянъ, а ты учинилъ его величеству измѣну.

Обыскали Саврасова и никакой грамоты отъ Пугачева у него не нашли, а отыскали нѣкоторыя бумаги, изъ которыхъ видно было, что онъ изъ Сызрани, бѣглый канцеляристъ.

— Сказывай, кто ты? добивался Ивановъ.

— Онъ подъячій человѣкъ, говорили нѣкоторые: мы его видѣли въ Сызрани, онъ изъ воеводской канцеляріи приказный.

— Подлинно-ль ты подъячій? спрашивалъ Ивановъ.

Саврасовъ молчалъ. Тогда нѣкоторые посовѣтовали Иванову допросить его „по-казацки.“ Саврасова раздѣли до нага, положили на землю, а на животъ ему положили нѣсколько кусочковъ труту. Вырубили огня и зажгли этотъ трутъ. Трутъ тлѣлъ и жегъ тѣло несчастнаго. Тотъ стоналъ.

— Сказывай, кто ты? доподлинно-ль царь указалъ тебѣ грабить крестьянъ?

— Не указывалъ... Я самъ провинился.

— Сказывай, кто ты и откуда родомъ?

Саврасовъ опять молчалъ. Наложили на него снова труту, снова зажгли. Тотъ не вытерпѣлъ.

— Скажу все, только не истязайте меня! отпустите.

— Не отпущу, доколь не скажешь.

— Я изъ Сызрани... Евтѣй Петровъ сынъ Саврасовъ... копіистъ изъ воеводской канцеляріи—бѣжалъ въ толпу Пугачева.

— Какого Пугачева? Ты самъ Пугачевъ, злодѣй, измѣнникъ!

— Не Пугачева, а его царскаго пресвѣтлаго величества Петра Ѳедоровича.

Какъ ни умолялъ потомъ Саврасовъ пощадить его, Ивановъ не хотѣлъ простить Саврасову его провинности, и канцеляристъ былъ повѣшенъ на воротахъ того дома, гдѣ онъ остановился на ночлегѣ въ Одоевщинѣ и пировалъ съ такими же, какъ самъ, бѣглецами.

— За то, что ты назвалъ меня злодѣемъ, я тебя прощаю, сказалъ Ивановъ, вѣшая несчастнаго чиновника; за то, что стрѣлялъ въ меня—прощаю, а за то, что ты поселки жегъ крестьянскіе, а не дворянскіе, за то, что ты грабилъ крестьянъ—нѣтъ тебѣ прощенья.

IV.

Въ основаніи пугачевской смуты главнымъ образомъ лежала борьба сословій! Толпы народа шли за самозванцемъ потому, что онъ обѣщалъ имъ волю, льготы, даровую соль и уничтоженіе дворянъ. Если въ народѣ и была вѣра въ царственное происхожденіе этого человѣка, то одной этой вѣры было недостаточно, чтобъ за невѣдомымъ царемъ идти, какъ за своимъ спасеніемъ. Вдали свѣтилась лучшая жизнь для народа, потому что эту лучшую жизнь обѣщалъ имъ человѣкъ, претендовавшій на имя русскаго императора. Оттого Пугачевъ щадилъ народъ, тогда какъ къ дворянамъ относился съ такою жестокостью, какой требовали разыгравшіяся страсти мстительнаго народа. Народу онъ льстилъ, у народа онъ заискивалъ, народу бросалъ деньги цѣлыми пригоршнями; когда, при взятіи городовъ, войско его захватывало казну, Пугачевъ лично для себя не бралъ ничего—онъ все раздавалъ своимъ приближеннымъ и народу. Когда его взяли въ плѣнъ, то не нашли у него ни денегъ, ни драгоцѣнныхъ вещей. Все это доказывало, что онъ шелъ не для грабежа, а были у него какія-то другія цѣли: онъ позво-

лялъ грабить другимъ и все награбленное отдавалъ въ дѣлежъ, чтобъ народъ видѣлъ, что не корыстолюбіе и не личныя выгоды руководятъ его дѣйствіями. Фредерикъ Антингъ, историкъ Суворова, между прочимъ говоритъ, что когда Пугачева везли уже плѣннаго въ Москву, то случайно нашли у него нѣсколько червонцевъ, зашитыхъ въ платьѣ, и при этомъ самозванецъ объяснилъ Суворову, что онъ никогда не бралъ денегъ лично для себя, а все захваченное имъ отдавалъ дружинѣ (1). Въ силу этого и всѣ приближенные его старались показать народу, что они дѣйствуютъ единственно лишь для пользы крестьянъ, а на всякаго, притѣсняющаго крестьянъ, смотрѣли, какъ на противника царя.

Вотъ почему полковникъ Ивановъ такъ жестоко поступилъ съ Саврасовымъ. На сызранскаго канцеляриста народъ жаловался, какъ на притѣснителя; самъ Ивановъ видѣлъ, что за Саврасовымъ шла толпа грабителей, которые жгли крестьянскія избы. Хотя самъ Ивановъ былъ такой же самозванецъ, какъ и Саврасовъ, однако считалъ себя вправѣ повѣсить этого другаго самозванца. Безъ сомнѣнія и Ивановъ не имѣлъ никакой грамоты отъ Пугачева, какъ не имѣлъ ее и Саврасовъ; сколько намъ извѣстно, Пугачевъ раздавалъ чины своимъ приближеннымъ, поручалъ имъ команду надъ отрядами своихъ скопищъ, не справляясь съ требованіями герольдіи и не вручая никакихъ патентовъ; при всемъ томъ Ивановъ, надо полагать, пожалованъ въ полковники самимъ Пугачевымъ, словесно, когда Пугачевъ стоялъ подъ Оренбургомъ, и на это то обстоятельство указываетъ самъ Ивановъ, говоря Саврасову, что „меня самъ царь пожаловалъ въ Бердѣ полковникомъ, когда мы Оренбургъ доставали.“

Изъ Одоевщины Ивановъ повелъ свою толпу прямо къ Петровску, гдѣ онъ надѣялся видѣть своего главнаго начальника и повелите-

---

(1) «On lui demanda, pourquoi il n'avait pas plus d'argent et il n'avait pas éte depouillé par ceux qui l'avaient garotté; il repondit, qu'il ne prenait jamais beaucoup d'argent sur lui, et que, lorsqu'il avait fait des prises, il avait toujours laissé le profit à son monde.» Les campagnes du feldmaréchal comte de Souvoroff-Rymnikski par Fr. Anthing. I vol. Gotha 1799. стр. 169.

ля. Пугачевъ въ это время, дѣйствительно, шелъ по петровской дорогѣ, и шелъ такъ быстро, что ничто не могло остановить его. Петровскъ долженъ былъ погибнуть, потому что защищаться было не кѣмъ и нечѣмъ: главные начальники города, воевода и секретарь воеводской канцеляріи „отлучились“ изъ города. Защиту саратовской губерніи принялъ на себя молодой гвардѣецъ и поэтъ Державинъ; но и изъ его распоряженій все-таки ничего не вышло. Пусть сами архивныя дѣла скажутъ, какъ погибъ Петровскъ. 2 августа Державинъ, переѣхавшій въ это время изъ Малыковки въ Саратовъ, писалъ въ петровскую воеводскую канцелярію, что „если городъ Петровскъ отъ извѣстнаго злодѣя состоитъ въ опасности, то ежели никакихъ средствъ не имѣетъ защищаться, то-бы находящуюся въ немъ казну, нужныя государственныя дѣла, а паче ружейные припасы петровской канцеляріи прислать въ Саратовъ и общими силами противъ злодѣя ополчиться тамо (т. е. въ Саратовѣ); когда же возможности не будетъ, то ружейные припасы, ружья, пушки, порохъ и ядры потопить въ водѣ и усерднымъ къ ея императорскаго величества службѣ ретироваться въ Саратовъ, что-де, ежели некѣмъ въ томъ городѣ защищаться, что оставленъ будетъ начальниками постъ, онъ, господинъ Державинъ, *принимаетъ на себя*.

Это распоряженіе поэта, какъ и слѣдовало ожидать по всему ходу тогдашнихъ дѣлъ, не могло принести спасенія Петровску. Въ Петровскѣ не было даже той защиты, которую Бибиковъ называлъ „негодницею“: въ Петровскѣ оказалось не болѣе *десяти* „скаредовъ и фамцовъ“ — что-же съ ними можно было сдѣлать? На это отвѣчаютъ сами за себя бумаги петровскаго стараго архива: „а какъ въ городѣ Петровскѣ воинскихъ людей, кромѣ штатной команды, никого нѣтъ, да и тѣхъ штатныхъ служителей за раскомандированіемъ въ разныя посылки на лице состояло самое малое число, и не болѣе десяти человѣкъ, *обыватели же сего города тогда въ выборѣ изъ нихъ къ оборонѣ противъ того злодѣя Пугачева людей оказывали противности* и за тѣмъ обороняться противъ того злодѣя не кѣмъ, почему, за отлучкою изъ города воеводы и секретаря (куда это имъ такая нужда приспѣла *отлучиться?*), по приказанію бывшаго воевод-

скаго товарища господина секундъ-маіора Буткевича, 3-числа августа, денежная казна и нужныя письменныя дѣла были собраны приказными служителями и на подводы покладены, токмо городовой сотникъ Сѣдовъ и начальникъ всему къ возмущенію злу пахотный солдатъ Осипъ Бастрыковъ съ товарищи денежную казну и письменныя дѣла везти отказались и самовластно изъ городовой крѣпости подводы сбросали, а притомъ и изъ штатной команды нѣкоторые къ тому были согласны, а именно: солдатъ Герасимъ Кекинъ да Иванъ Вязовъ проговаривали, что „дѣла сбросать", а Степанъ Перевощиковъ, взявъ ружье и приказныхъ служителей не пускалъ изъ канцеляріи, и хотѣлъ переколоть штыкомъ, а караульный унтеръ-офицеръ Сенгилевцовъ ихъ въ оное подощрялъ, и дѣла, по сложеніи, къ себѣ подъ сохраненіе въ канцелярію взяли и къ отвозу въ повелѣнное мѣсто не отдали, и сами ослушны оказались и слушать команды не хотѣли, о чемъ штатной прапорщикъ Юматовъ репортомъ представилъ господину Державину." Но было уже поздно.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могъ защищаться Петровскъ? Защита возлагалась на штатную команду, а эта команда, какъ мы видѣли состояла всего только изъ десяти человѣкъ, да изъ этихъ десяти человѣкъ „оказались ослушны" солдаты Кекинъ, Вязовъ, Перевощиковъ и Сенгилевцовъ, и слѣдовательно усердныхъ къ службѣ ея императорскаго величества осталось только шесть человѣкъ. Юматовъ просилъ у Державина „повелѣнія взять дѣла и казну", и для этого просилъ Державина командировать въ Петровскъ до ста человѣкъ—какое ничтожное число въ сравненіи съ тою толпою, которая шла за Пугачевымъ!

Петровскъ былъ взятъ, и Ивановъ уже не захватилъ Пугачева въ этомъ городѣ. Онъ поспѣшилъ за нимъ вслѣдъ и догналъ его уже на дорогѣ къ Саратову, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровска. Какъ личность, уже извѣстная самозванцу, Ивановъ былъ „допущенъ къ его рукѣ," и, послѣ церемоніи цѣлованія руки у самозванца, докладывалъ ему обо всемъ, что онъ сдѣлалъ „для интересу его императорскаго величества" съ тѣхъ поръ, какъ Пугачевъ отпустилъ его отъ себя. Что онъ сдѣлалъ для этого „интересу", намъ отчасти извѣстно, хотя, быть можетъ, онъ докладывалъ самозванцу и о такихъ подвигахъ, о которыхъ мы не могли ни от-

куда узнать. Пугачевъ спѣшилъ къ Саратову и Ивановъ недолго оставался при немъ: со старой своей шайкой и отчасти съ новыми охотниками онъ поворотилъ на Медвѣдицу, чтобъ оттуда пробраться въ донскія земли. Иванову, по видимому, хотѣлось быть первымъ къ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ: онъ предпочиталъ дѣйствовать самостоятельно съ отдѣльнымъ отрядомъ, онъ находилъ для себя болѣе пріятнымъ чинить судъ и расправу своею собственною властію въ районѣ меньшаго размѣра, чѣмъ быть субъалтернымъ офицеромъ въ толпѣ самозванца. Хотя шайка его поубавилась значительно, потому что многіе ушли изъ нея къ Пугачеву и пошли къ Саратову, однако чѣмъ онъ шелъ дальше, тѣмъ болѣе увеличичивалась окружавшая его толпа крестьянъ. Скоро онъ снова увидѣлъ себя предводителемъ огромнаго отряда съ конницей и артилеріей, съ фуражомъ и собственной, весьма не малой казной. Волненіе охватило всѣ селенія Петровскаго, Пензенскаго и окрестныхъ уѣздовъ и не утихало долго послѣ ухода Пугачева: шайка Иванова и отдѣльныя мелкія шайки со своими полковниками и есаулами бродили и безчинствовали надъ помѣщиками и ихъ имѣніями по селеніямъ: Бахметевкѣ, Андреевкѣ, Лысымъ Горамъ, Симоновкѣ, Безобразовкѣ, въ Баландинскомъ городкѣ, Монастырскомъ, Рельнѣ, Ѳедоровкѣ, Шереметевкѣ, Хоненевкѣ, Белгазѣ, Терсѣ, Березовкѣ, Пескахъ, Сердобѣ, Бакурахъ, Киселевкѣ, Сосновомъ, Козьмодемьянскомъ, Пенделкѣ, Аблязовѣ, Алексѣевкѣ, Карбулакѣ, Новиковкѣ, Матюшкинѣ, Казанлѣ, Одоевщинѣ, Жуковкѣ, Бурасахъ, Иткаркѣ, Киселевкѣ, Чадаевкѣ, Елани, Руднѣ, Жирномъ, Заевкѣ, Бурлукѣ, Уваровкѣ, Голицынѣ, Дубасовѣ, Пановкѣ, Сластухѣ, Головинщинѣ. Съ каждымъ изъ этихъ селъ связано какое либо болѣе или менѣе крупное или возмутительное дѣло: грабежъ, убійство изъ ружья, кіемъ, повѣшенье на висѣлицѣ, на воротахъ, на деревѣ--все это такъ и пестритъ въ каждой бумагѣ изъ времени Пугачевщины. Въ этихъ мѣстностяхъ мы вдругъ видимъ нѣсколькихъ полковниковъ *Ивановыхъ*, такъ что не всегда можно рѣшить, какому изъ Ивановыхъ принадлежитъ то или другое дѣло, который изъ нихъ отличался большимъ неистовствомъ въ отношеніи къ помѣщикамъ. Легкость организованія шаекъ объясняется тѣмъ, что впослѣдствіи, когда пожаръ разлился по нижнему Поволжью

и когда Пугачевъ быстро бѣжалъ по направленію къ Царицыну, настигаемый Михельсономъ, *крестьяне сами избирали себѣ полковниковъ, атамановъ и есауловъ*, какъ это водилось между разбойниками, въ „понизовой вольницѣ", и съ этими выборными начальниками грабили все, что имъ попадалось подъ руку. Оттого часто происходили такія стычки между разными полковниками и ихъ шайками, какая была между Ивановымъ и Саврасовымъ въ Одоевщинѣ. Оттого полковники и есаулы—самозванцы, встрѣчаясь другъ съ другомъ, сѣкли плетьми и вѣшали слабѣйшихъ, о чемъ мы особо упомянули въ нашей статьѣ—„О Пугачевщинѣ" (¹). Когда въ описываемой мѣстности появились эти полковники *Ивановы*, то взбунтовались даже чуваши, находящіеся въ петровскомъ уѣздѣ, и также начали преслѣдовать помѣщиковъ: бѣжавшіе изъ своихъ имѣній дворяне и чиновники Кузнецовъ, Лутохинъ, Каракозовы, Ховринъ, Порѣцкій и другіе долго скитались изъ села въ село, ища спасенья, но чуваши пошли на нихъ облавой, какъ на дикихъ звѣрей; преслѣдуемые вооруженными чувашами, дворяне бросились въ лѣса, но чуваши и тамъ отыскали ихъ, ранили изъ ружья Каракозова и раненаго схватили (²), а на другихъ подняли всѣ сосѣднія деревни и села, такъ что несчастнымъ некуда было скрыться и всѣ они сдались (³).

Но болѣе крупнымъ фактомъ въ похожденіяхъ шайки Иванова было убійство Лихарева, о которомъ и теперь сохранилось въ народѣ много разсказовъ. Изъ архивныхъ дѣлъ того времени видно, что указомъ правительствующаго сената 28 марта 1774 года Лихаревъ назначенъ былъ воеводою въ Саратовѣ. Въ августѣ онъ ѣхалъ на должность и везъ съ собой двоюродную свою сестру, дѣвушку Наталью Ивановну (дочь покойнаго генералъ-лейтенанта Ивана Михайловича Лихарева). По обычаю того времени, Лихаревъ

(¹) Вѣстникъ Европы, 1866 г., т. I.

(²) Жену Каракозова, которая хотѣла скрыться въ Саратовѣ, взялся доставить туда одинъ крестьянинъ, но вмѣсто того завезъ ее въ оврагъ и въ лѣсу удавилъ.

(³) Всѣхъ этихъ плѣнныхъ предполагалось отправить къ Пугачеву, но жители с. Новыхъ Бурасъ *выкупили ихъ*.

ѣхалъ съ большимъ вооруженнымъ отрядомъ, состоявшимъ большею частiю изъ дворовыхъ людей. Въ XVIII вѣкѣ ѣзда по Россiи была такъ небезопасна отъ разбойниковъ, что всякая поѣздка болѣе или менѣе богатаго или значительнаго лица представляла нѣчто въ родѣ похода или экспедицiи. Карету проѣзжаго всегда окружалъ отрядъ вооруженныхъ людей, которые при нападенiи разбойниковъ защищали своего господина. Эти предосторожности принимались и до Пугачевщины и послѣ нея. Но въ самый разгаръ Пугачевщины еще болѣе необходимо было запасаться вооруженными отрядами. Такимъ отрядомъ окруженъ былъ и Лихаревъ. Обозъ Лихарева былъ громадный: онъ слѣдовалъ на 54 лошадяхъ и поэтому можно себѣ представить, какъ великъ былъ поѣздъ (1).

Еще въ керенскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Уваровкѣ, на поѣздъ Лихарева напала партiя пугачевцевъ и, при помощи крестьянъ сосѣднихъ селенiй, начала было „вооруженною рукою грабежъ чинить;“ но охранявшiй Лихарева отрядъ не допустилъ до грабежа и разбилъ пугачевцевъ. Тогда пугачевцы оповѣстили крестьянамъ другихъ селенiй, чтобъ они ѣхали съ ними, и новая, болѣе многочисленная толпа слѣдовала за Лихаревымъ по пятамъ. Когда поѣздъ Лихарева остановился для роздыха около села Белгазы, петровскаго уѣзда, толпа пугачевцевъ дала знать объ этомъ въ Белгазу и Пановку. Толпа пугачевцевъ росла все больше и больше. Дали объ этомъ знать и полковнику Иванову. Тотъ явился въ Белгазу и за нимъ послѣдовали даже тѣ, которые прежде не участвовали въ нападенiи на Лихарева. Поѣздъ этого послѣдняго былъ остановленъ, потому что онъ видѣлъ невозможность бороться съ такими силами, какими располагалъ Ивановъ. Когда воеводскiй поѣздъ былъ остановленъ, къ Лихареву подъѣхалъ на конѣ Череватый, осьмидесятилѣтнiй старикъ, который привелъ съ собою въ шайку пятерыхъ сыновей своихъ.

— Кто господинъ обозу! закричалъ Череватый.

— Я, отвѣчалъ Лихаревъ.

---

(1) Надо замѣтить, что въ прошломъ вѣкѣ сильные мiра сего вообще любили выѣзжать съ разорительною помпою (см Шлёссера).

Старикъ Череватый ударилъ его въ правый бокъ „дротикомъ“ (пикой казацкой), и Лихаревъ упалъ. Затѣмъ разбойники бросились на дѣвушку и застрѣлили ее изъ ружья. Тогда начался и грабежъ самаго обоза: все было взято и растащено; съ каретъ, въ которыхъ слѣдовалъ поѣздъ, обдирали сукно, трипъ, взяли все желѣзо, а остальное тутъ же сожгли. Убитую сестру Лихарева раздѣли до нага и бросили. Весь отрядъ Лихарева былъ, по приказанію полковника, остриженъ „въ кружало,“ по казацки и отправленъ къ Пугачеву, уже въ Царицынъ, какъ военный трофей (1).

V

Черезъ нѣсколько дней по убіеніи Лихарева мы встрѣчаемъ Иванова уже въ Баландинскомъ городкѣ, гдѣ онъ останавливался для роздыха. Ему уже оставалось сдѣлать нѣсколько переходовъ, чтобъ достигнуть земель войска донскаго, гдѣ, по доходившимъ до него слухамъ, пугачевскія толпы должны были встрѣтить радушный пріемъ. Въ Баланду Ивановъ въѣхалъ съ большою торжественностью. Посланные его оповѣстили баландинскихъ жителей, чтобъ они вышли къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, не ради самаго полковника, а ради того, что онъ изображаетъ собою „зракъ царевъ,“ т. е. является представителемъ особы самаго императора. Когда онъ въѣзжалъ въ городокъ верхомъ на конѣ, впереди его шелъ раскольничій старецъ съ крестомъ въ рукѣ и благословлялъ народъ. Принявъ изъ рукъ мѣстныхъ стариковъ хлѣбъ-соль, полковникъ

---

(1) Въ числѣ пограбленныхъ у Лихарева вещей находилось до 60 образовъ въ золотыхъ, серебряныхъ—позолоченныхъ и съ бриліантами ризахъ итальянской работы, 54 лошади, 84 серебряныхъ ложки, 36 серебряныхъ вилокъ, 60 столовыхъ ножей съ серебряными черенками, 36 серебряныхъ десертныхъ ложекъ, 36 ножей серебряныхъ десертныхъ, серебряные кофейники, молочники, чайники, тарелки и цѣдилки, 4 серебряныхъ подноса вѣсомъ въ 5 фунтовъ и множество другихъ вещей, всего на 22, 769 р. 90 коп. да 6973 руб. деньгами, что для того времени составляетъ огромную сумму.

*

прямо поѣхалъ къ церкви и велѣлъ оповѣстить священника, что онъ желаетъ отслушать обѣдню и служить благодарственный молебенъ за взятіе Пугачевымъ (т. е. его величествомъ Петромъ Ѳедовичемъ) Саратова. Въ это сремя Саратовъ дѣйствительно былъ взятъ.

Толпа, слѣдовавшая за Ивановымъ, не могла не устрашить жителей Баланды. Равнымъ образомъ эта толпа внушила страхъ священнику. Торжественность въѣзда самозваннаго полковника увеличивалась еще и тѣмъ, что онъ велъ за собою толпу плѣнныхъ крестьянъ, которые навязаны были на длинный канатъ и слѣдовали на этомъ канатѣ въ два ряда, какъ двѣ огромныя своры собакъ. Крестьяне за то подверглись гнѣву Иванова, что онъ захватилъ ихъ на грабежѣ одного хутора, лежавшаго не вдалекѣ отъ баландинскаго городка, въ которомъ никогда не жили помѣщики. Крестьяне грабили этотъ хуторъ не потому, чтобы жители его оказывали сопротивленіе или не хотѣли признавать мнимаго Петра III, а просто изъ желанія пограбить и безъ позволенія Иванова или кого нибудь другаго изъ пугачевскихъ „начальниковъ." Называя ихъ „измѣнниками", Ивановъ рѣшился наказать ихъ въ страхъ другимъ и для поддержанія въ массѣ того мнѣнія о Пугачевѣ, что онъ государь милостивый и „крестьянамъ рачитель, супротивникамъ же дворянамъ губитель и праведный мститель."

Отслужена была обѣдня съ водосвятіемъ. Во время обѣдни Ивановъ отдалъ приказъ, чтобы до окончанія молебна въ его толпѣ не слышно было ни пѣсень, ни ругатальствъ: онъ запретилъ также пить вино во время службы. Молебенъ и водосвятіе совершены были на площади, такъ что весь народъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Въ концѣ обѣдни объявили народу, что Петръ Ѳедоровичъ съ Божіею помощію взялъ Саратовъ и намѣренъ преклонить подъ свою власть остальные города, подпавшіе „подъ злодѣйскую руку" его противниковъ. За водосвятіемъ провозглашено было, какъ слѣдуетъ: *„побѣды благовѣрному государю нашему Петру Ѳедоровичу на супротивныя даруяй и твое сохраняй крестомъ твоимъ жительство."* Этому же Петру Ѳедоровичу и государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу „пропѣли многая лѣта." Во время многолѣтія въ толпѣ стрѣляли изъ пушекъ и ружей.

Для Пугачева и его сообщниковъ взятіе Саратова не могло не считаться большимъ торжествомъ. Этотъ городъ въ прошломъ вѣкѣ считался также въ числѣ большихъ городовъ, да и комендантъ его считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ того времени. Конечно, Саратовъ въ прошломъ вѣкѣ не могъ равняться съ Казанью, но во всякомъ случаѣ онъ былъ многолюднѣе Оренбурга, на взятіе котораго Пугачевъ потратилъ всю зиму, не успѣвъ овладѣть городомъ. Саратовъ же взятъ былъ въ нѣсколько часовъ. Въ Саратовѣ предались ему нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ. Натурально, что извѣстіе о взятіи Саратова не могло не быть и для Иванова особенно пріятнымъ.

Послѣ торжества полковникъ велѣлъ вывести на середину площади своихъ плѣнниковъ, навязанныхъ на канатѣ. Ихъ было человѣкъ до тридцати. Полковникъ приказалъ принести лозы. Онъ объявилъ виновнымъ, что не хочетъ лишать ихъ жизни ради полученнаго отъ государя Петра Ѳедоровича извѣстія о томъ, что Саратовъ Божіею помощію взятъ его войсками и приведенъ въ подданство („подъ скипетръ и корону,“ какъ обыкновенно выражались секретари самозванца); но „дабы другіе, взирая на нихъ (на провинившихся), впредь его вѣрноподданнымъ зла не причиняли и грабежу не касались, онъ приказываетъ наказать ихъ, „не лишая живота“. Такимъ образомъ всѣ провинившіеся были пересѣчены и взяты въ толпу Иванова.

Изъ баландинскаго городка Ивановъ повелъ свою шайку вдоль Медвѣдицы. Подходя къ границамъ войска донскаго, онъ встрѣтилъ большую толпу бѣгущихъ крестьянъ. Оказалось, что толпа эта также принадлежала къ шайкамъ Пугачева. Небольшая партія ихъ вошла въ земли донскихъ казаковъ, но тамъ на нее напали казаки, и толпа эта бѣжала въ безпорядкѣ вверхъ по Медвѣдицѣ. Не зная что за народъ, Ивановъ самъ поскакалъ къ нимъ на встрѣчу съ нѣсколькими конными, стараясь, чтобъ они разсмотрѣли знамя, которое рядомъ съ Ивановымъ держалъ знаменосецъ. Пугачевъ имѣлъ знамена бѣлыя съ вышитымъ на нихъ осьмиугольнымъ крестомъ, какія почитаются раскольниками. Такія же знамена были и въ шайкѣ Иванова. Поскакавъ на встрѣчу бѣгущимъ, полковникъ

приказалъ поднять свое бѣлое полковое знамя, чтобъ они видѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Но бѣгущіе не останавливались.

Въ это время изъ-за лѣса показался отрядъ казаковъ, которые гнались за бѣгущими и кололи ихъ пиками. Ивановъ приказалъ своей конницѣ построиться въ ряды и ожидать казацкаго отряда. Отрядъ былъ безъ знамени. Казаки наскакали на шайку Иванова и остановились.

— Кто вы, закричалъ Ивановъ, и отъ кого посланы?

— А ты кто, злодѣй?

Ивановъ приказалъ поднять свое знамя.

— Вотъ кто я! сдавайтесь его императорскому величеству.

— Это Амелька Пугачевъ, закричалъ кто-то изъ казаковъ, и весь отрядъ бросился бѣжать.

— Гони ихъ, лови! бей!...

Конница Иванова бросилась за бѣгущими.

— Я вамъ дамъ знать Амельку Пугачева, кричалъ Ивановъ, стрѣляя въ казаковъ.

Нѣкоторые изъ бѣгущихъ были ранены и взяты въ плѣнъ. Другіе ушли отъ погони. Взятые въ плѣнъ были большею частію молодые казаки, „выростки“, едва только вступившіе въ полевую службу.

— Кто васъ послалъ противъ меня? спрашивалъ Ивановъ.

— Насъ послали станичный атаманъ и казаки.

— А знаете, кто я?

Тѣ отвѣчали, что не знаютъ.

— Я полковникъ службы его императорскаго величества.

Послѣ этого Ивановъ приказалъ взятыхъ имъ „выростковъ“ поверстать въ службу и привести ихъ къ присягѣ. Но узнавъ отъ своихъ плѣнныхъ, что верховыя станицы войска донскаго охраняются отрядами донскаго походнаго атамана Луковкина, Ивановъ съ Медвѣдицы поворотилъ на Иловлу, ближе къ Волгѣ и слѣдовательно ближе къ главнымъ силамъ самозванца.

Въ войскѣ донскомъ, дѣйствительно, были приняты предосторожности. Войско это располагало притомъ такими силами, которыми не могли располагать другія губерніи. Но въ то же время положеніе дѣлъ было весьма сомнительнаго свойства. Всѣ казаки боль-

шею частію склонялись на сторону самозванца. Яицкіе казаки были главными зачинщиками и руководителями возмущенія; главными предводителями въ его войскѣ были яицкіе старшины; на волжское войско также трудно было разсчитывать, какъ это и подтвердилось на самомъ дѣлѣ: волжское войско вступило въ службу самозванца и образовало особый полкъ подъ названіемъ „дубовскаго его императорскаго величества полка.“ Дѣла приняли бы опасный для Россіи оборотъ, еслибъ и донскіе казаки послѣдовали примѣру казаковъ яицкихъ и волжскихъ. Опасность эта увеличивалась еще и тѣмъ, что многіе донскіе казаки уже служили у Пугачева; нѣкоторые отряды ихъ присоединились къ самозванцу еще около Саратова. Донскіе казаки постоянно посылали гонцовъ узнать, дѣйствительно ли таинственная личность, взволновавшая весь юго-востокъ Россіи, никто другой, какъ государь Петръ Ѳедоровичъ. Самъ Пугачевъ очень хорошо понималъ важность союза съ донскими казаками, потому что постоянно засылалъ къ нимъ указы и письма. Самозванецъ разсчитывалъ пробраться или на Кубань, или на Донъ —вотъ двѣ дороги, которыя лежали передъ нимъ.

Но сверхъ всякаго ожиданія донцы оказались вѣрными слугами своей государыни. О подвигахъ донцевъ во время Пугачевщины есть особая монографія г. Сенюткина, напечатанная въ „Современникѣ“. Но въ этой монографіи не исчерпаны всѣ обстоятельства, относящіяся къ участію донскихъ казаковъ въ подавленіи пугачевскаго возмущенія. Однимъ словомъ, на Дону приняты были дѣятельныя мѣры къ отраженію Пугачева. Имена Денисовыхъ, Грековыхъ, Луковкина (Абросима), Манкова, Поздѣева, Лысенкова, Кутейникова, Себрякова, Кульбакова, Конькова, Янова, Вуколова, Иловайскаго, Гревцова, Лащилина, Карпова, Платова, Уварова, Харитонова и другихъ, записанныя въ архивныхъ бумагахъ той эпохи, заслужили право на историческое безсмертіе.

Какъ бы то ни было, но вѣсть о принятыхъ донскими казаками предосторожностяхъ, заставила Иванова быть осмотрительнѣе. Это не то уже было, что въ русскихъ приволжскихъ губерніяхъ: тамъ можно было пройти сотни верстъ, брать городъ за городомъ, жечь село за селомъ и не встрѣтить ни съ которой стороны отпора. Здѣсь же шайка Ивановъ и шайка ему подобныхъ полковниковъ то

и дѣло имѣли стычки съ донскими казаками. Вотъ что писалъ войсковой старшина Кульбаковъ походному атаману Абросиму Луковкину въ половинѣ августа: „Какъ уже извѣстнаго государственнаго злодѣя Пугачева толпы къ нашимъ жилищамъ приближались, то сдѣлавъ нападеніе на Ѳедора Каменнаго хуторъ ([1]) и пріѣхавшаго къ оному хутору Якова Каменнова, который отъ меня для поимки разбойника Ястребова былъ посланъ, со всею при немъ командою разбили, и какъ его, Каменнова, также и хутора того хозяина Василья Каменнова жъ и Островской станицы казака Дмитрія Дронова тѣ злодѣи близъ того хутора переловя повѣсили, а другіе, найдя способъ, разбѣжались; а со мною такъ мало казаковъ, что и станицъ здѣшнихъ защищать не кѣмъ, потому что нижнія медвѣдицкія пять станицъ при г. полковникѣ Себряковѣ, которыхъ, по двумъ отъ меня требованіямъ, и понынѣ не прислалъ, и по таковой опасности Березовская станица въ осаду засѣла, и уповательно, что и слобода Даниловка разорена. Вышеписанный же злодѣй и варваръ Пугачевъ съ толпами своими находится близъ города Дмитревска и оной уже достаетъ, а, по объявленію выбѣгшаго отъ него злодѣя, съ полону взятаго при Саратовѣ Кременской станицы казака Евтѣя Кручинина, который самъ отъ него, злодѣя, слышалъ и удостовѣряетъ, если достанетъ Дмитревскъ, то намѣреніе имѣетъ идти и взять Царицынъ, и какъ можно пробратца сквозь Линію и иттить за Кубань. И по таковымъ несчастнымъ обстоятельствамъ благоволите, ваше благородіе, какъ возможно со всѣми находящимися при васъ Бузулуцкихъ станицъ казаками къ Березовской станицѣ прибытіемъ поспѣшить, какъ для преслѣдованія того злодѣя и тирана, а равно чтобъ и здѣшнія станицы тѣми злодѣйскими толпами разорены не были. О чемъ отъ меня старшинѣ Вуколову сообщено.“

Вообще эти мѣры, принятыя донскими казаками, замедляли движенія Иванова и другихъ шаекъ, пошедшихъ по Медвѣдицѣ въ

([1]) Каменновъ хуторъ на Черной рѣчкѣ впадающей въ Медвѣдицу: это—первой и крайній донской хуторъ, въ 22 верстахъ отъ первой и крайней донской станицы Березовской и въ 7 верстахъ отъ слободы Даниловки.

донскія земли и къ Воронежу. Дѣйствія ихъ по необходимости должны были сдѣлаться осторожнѣе. Нужно было постоянно развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ засады, нужно было доставать языковъ, о чемъ прежде пугачевцы и думать не хотѣли. Между тѣмъ шайки ихъ, по переходѣ донскихъ границъ, не могли уже пополняться новыми толпами такъ успѣшно, какъ они пополнялись въ „русскихъ" губерніяхъ: тамъ за бѣлыми знаменами шло все крестьянство, потому что тамъ были и помѣщики и крестьяне; здѣсь уже крестьянъ не было, потому что не было и помѣщиковъ, а были только казаки, большею частью люди, обязанные службою и способные носить оружіе. Борьба съ казаками была не легкая. Казаки сами постоянно разузнавали о положеніи дѣлъ—одни изъ желанія поступить въ полчища самозванца, другіе изъ желанія биться съ нимъ. И Пугачевъ и его полковники сами понимали это и потому старались заручиться такими выгодными союзниками, какъ донцы.

Ивановъ находился въ нерѣшимости. Не зная, гдѣ самозванецъ и въ какомъ положеніи его дѣла, а въ то же время опасаясь засады со стороны Луковкина, Манкова и другихъ предводителей донскихъ отрядовъ, Ивановъ отправилъ соглядатаевъ къ Волгѣ, а другихъ послалъ въ донскія станицы. Одинъ изъ посланныхъ въ донскія станицы пропалъ безъ вѣсти; другой воротился съ нерадостными вѣстями: вездѣ онъ слышалъ толки о самозванцѣ, но толки такого свойства, что при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ все войско можетъ пойти на Пугачева. Говорили даже о томъ, будто Пугачевъ на голову разбитъ донскими полковниками Кутейниковымъ и Грековымъ при рѣкѣ Пролейкѣ. Безъ сомнѣнія слухъ этотъ основанъ былъ на томъ извѣстіи, которое мы нашли въ донесеніи войску донскому отъ станичнаго атамана Качалинской станицы и казаковъ отъ 17 августа. „Сего числа (писали качалинскіе казаки) получено нами извѣстіе отъ присланнаго отъ полковниковъ Кутейникова и Грекова отъ казака Макѣя Гласкова, что сего августа 16 дня, встрѣтясь съ ними вольскаго войска, въ урочищѣ рѣчкѣ Пролейкѣ, государственный злодѣй и бунтовщикъ Пугачевъ, со всею его набранною толпою, а они полковники Кутейниковъ и Грековъ, соединясь съ легкою полевою командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность,

стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію и разбивъ, толпы его до нѣсколько побито да въ полонъ взято тожъ; а по допросу оныхъ полоненныхъ, всей толпы съ нимъ, Пугачевымъ, тысячъ до пяти, да и по видимому ими, полковниками, тоже небольшое число; а хотя онъ злодѣй разбитъ, но только съ оставшею его толпою слѣдуетъ къ городамъ Царицыну и Дубовкѣ, и приказано отъ нихъ, полковниковъ, намъ станицѣ къ войску донскому дать знать. Того ради вашему высокоблагородію и войску донскому за извѣстіе симъ репортуемъ.“

Донесеніе это — нѣсколько хвастовское — не могло не надѣлать шуму во всѣхъ станицахъ. Пугачевъ не былъ разбитъ при Пролейкѣ, хотя стычки и были между частями его войска и отрядами Кутейникова и Грекова. Пугачевъ, напротивъ, шелъ пока еще побѣдителемъ. Правительственные отряды, вышедшіе къ нему на встрѣчу, были разбиты и храбрый полковникъ фонъ-Дицъ былъ убитъ. Пугачевъ не считалъ выгоднымъ останавливаться надолго и потому онъ, стремительно слѣдуя къ югу, не считалъ даже нужнымъ сражаться съ кѣмъ бы то ни было, потому что сражаться было не съ кѣмъ, а если какіе либо правительственные отряды и нападали на его толпы, то опрокидывалъ ихъ, можно сказать огрызаясь отъ этихъ нападеній, какъ преслѣдуемый левъ. Кутейниковъ и Грековъ, дѣйствительно, нѣсколько преувеличили свой храбрый подвигъ; однако разнесшіяся по донскимъ станицамъ вѣсти объ этой битвѣ были не совсѣмъ благопріятны для самозванца и, само собою разумѣется, не могли не смутить Иванова и другихъ самозванныхъ полковниковъ, которые не знали ничего вѣрнаго о положеніи дѣлъ въ арміи Пугачева.

Встревоженный этими слухами и не получая извѣстій отъ самозванца, Ивановъ, наткнувшись на казацкіе разъѣзды въ верховьяхъ рѣчки Иловлы, поворотилъ назадъ въ степи и перешелъ опять на правую сторону Медвѣдицы, желая направить свое шествіе на Бузулукъ, по направленію къ Воронежу, куда еще изъ Саратова самозванецъ отправилъ значительную партію, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до девяти тысячъ человѣкъ (¹).

(¹) Въ донесеніи войсковаго старшины Поздѣева отъ 16-го августа

VI.

Въ то время, когда Ивановъ, не получая извѣстія отъ своихъ агентовъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла Пугачева, повелъ свою шайку по направленію къ Бузулуку, самозванецъ вступилъ уже въ предѣлы волжскаго войска. Земли волжскаго войска начинались ниже города Дмитріевска (нынѣ Камышинъ) и, гранича съ землями войска донскаго, на югѣ оканчивались такъ называемою „Линіею“ (царицынскою), устроенною между Волгою и Дономъ для защиты внутреннихъ губерній отъ кубанцевъ и другихъ народовъ, кочевавшихъ къ сѣверу отъ Кубани. На этой линіи устроены были крѣпости (какъ напримѣръ: Грачевская, Сакарская, Мечетная) и форпосты. Главнымъ городомъ волжскаго войска была Дубовка, гдѣ находилось войсковое правленіе и жили войсковые атаманы.

Самозванцу, конечно, выгодно было заручиться помощью волжскаго войска. Эта заручка могла скорѣе подвинуть и донское войско на союзъ съ Пугачевымъ.

Въ числѣ находящихся у насъ подлинныхъ документовъ изъ времени Пугачевщины есть показаніе одного волжскаго казака, Черникова, родомъ изъ Антиповской станицы, записанное съ его словъ ночью 21-го августа, именно въ день осады самозванцемъ Цари-

---

мы читаемъ: «Сего августа 13-го дня полученъ мною Иловлинской станицы отъ казака Семена Аликова рапортъ, въ которомъ предписываетъ, что въ бытность его на сѣнокосѣ, въ урочищѣ Вольскаго войска, противъ Балыклѣйской станицы, на рѣчкѣ Иловлѣ, пріѣзжали къ нему ночнымъ временемъ отъ государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева партія пять человѣкъ и начали спрашивать: «*кому служишь?*» А онъ, Аликовъ, напротивъ того, убоясь оныхъ, сказалъ, что «*служу Богу и государю.*» И между разговорами они сказали, что партія его ходитъ по рѣчкѣ Иловлѣ съ табунами, всего сто человѣкъ; а еще-де отъ него злодѣя Пугачева пошли партіи на Медвѣдицу и Воронежъ, всего, *числомъ девять тысячъ человѣкъ.*»

цына. Мы приведемъ это показанiе дословно, какъ драгоцѣнный документъ той эпохи, въ которомъ находятся въ высшей степени любопытныя подробности о приходѣ Пугачева въ волжское войско ([1]).

„О извѣстномъ государственномъ злодѣѣ и измѣнникѣ Пугачевѣ съ его злодѣйскою толпою, какъ въ нашу станицу доходили слухи, что онъ, злодѣй, слѣдуя, разоряетъ города и протчiя жилища, въ томъ числѣ Саратовъ, и наконецъ и Дмитревскъ, мы (говорилъ Черниковъ), разсуждая, неоднократно собирались на сборъ къ принятiю отъ него, злодѣя, предосторожности, которую и наблюдали; а наконецъ 13 августа, яко то въ среду, по бытности моей въ хуторѣ своемъ, прозываемомъ Саламатинымъ, прiѣхавъ туда станищный старшина Иванъ Никофоровъ, объявилъ мнѣ и всѣмъ въ тѣхъ хуторахъ живущимъ казакамъ, что въ станицу нашу отъ самозванца Пугачева прислано письмо, въ коемъ де онъ пишетъ, чтобъ ему безъ супротивленiя сдались, уграживая, естли не склонимся, всѣхъ вырубить и жилища выжгить, для чего къ согласiю и велѣлъ всѣмъ съѣзжаться въ станицу. По каковой повѣсткѣ я какъ въ четверхъ поутру прiѣхавъ въ станицу, то уже въ станицѣ нашей на пристанѣ находилось большое судно, прибывшее сверху по Волгѣ съ разною изъ толпы злодѣйской, до тысячи человѣкъ изъ каторжныхъ, у коихъ и ноздри рваны и клеймены, сволочью, которые уже, ходя по станицы, грабили дома, а слухъ былъ, что и самъ злодѣй съ толпою въ близости, почему, сбираясь всѣ мы раза съ три въ одно мѣсто, разсуждали, что въ такомъ случаѣ чинить—противу-ли злодѣя иттить, или побѣгомъ спасаться, или же склониться къ нему, злодѣю, и напослѣдокъ всѣ, будучи въ страхѣ, сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество, согласились, по малоимѣнiю къ сопротивленiю людей, къ нему склониться, и для того мы, человѣкъ до сороку, взявъ съ собою три

([1]) Подробностей этихъ нѣтъ ни у Пушкина (Исторiя Пугачевскаго Бунта), ни у Щебальскаго, который, какъ видно, имѣлъ подъ руками только часть этого документа (Начало и характеръ Пугачевщины), ни въ нашей «Пугачевщинѣ», ни въ другихъ изданныхъ матерiалахъ описываемой нами эпохи.

знамя, собравшись, того злодѣя, слѣдующаго уже со всею своею толпою прямо къ нашей станицѣ верстъ за семь встрѣвъ, *по наученію яицкихъ казаковъ, пѣшіе, на колѣняхъ, ему поклонились, съ пригнутіемъ своихъ знаменъ;* при чемъ многіе изъ насъ, по тому-жъ наученію, *цѣловали злодѣйскую его руку.* А что при томъ онъ, злодѣй, съ стариками нашими, прозываемыми Забурунными, и другими казаками разговаривалъ, я не слышалъ; а за станицею и всѣ вышедшіе, отъ старова до малова, мужска и женска пола, съ образами и колокольнымъ звономъ, по тому-жъ его, злодѣя, ѣхавшаго верхи на пѣгой лошади, иноходаи, также сидя всѣ на колѣняхъ, встрѣтили-жъ; а онъ, злодѣй, верхи, поцѣловавъ у попа крестъ, прямо въѣхалъ въ станицу, и въ домъ нашей станицы казака Родіона Осипова Забуруннова съ своими злодѣйскими начальниками обѣдалъ, а бывшихъ къ пріѣзду его въ станицу нашу изъ судна толпы его злодѣевъ, которые грабили по домамъ пожитки и хлѣбъ и взяли на то судно станищную нашу чугунную пушку да боченокъ пороху, всѣхъ изъ станицы выслалъ.

„Между тѣмъ одинъ бывшій въ нашей Каравaнской станицѣ казакъ, прозываемой Прянишниковъ, за выговариванные только о злодѣѣ, при разговорѣ съ другимъ казакомъ, сіи рѣчи, что *„онъ не государь, а душамъ нашимъ пагубникъ,“* по приказу его злодѣйскому яицкими казаками повѣшенъ; бывшіе-жъ въ станицѣ нашей для битія каменьевъ каторжные, двадцать человѣкъ, освобождены и отосланы къ таковымъ же каторжнымъ на судно, а находившійся при нихъ порутчикъ и солдаты, болѣе двадцати, злодѣемъ въ толпу забраты и обрѣзаны у нихъ волосы по казацки.

„Пообѣдавши-жъ онъ, злодѣй, приказалъ станищному нашему атаману Ивану Платонову, забравъ съ собою всѣхъ станищныхъ старшинъ, есаула и казаковъ, въ томъ числѣ и меня, съ станищными знаменами слѣдовать съ нимъ, злодѣемъ. Почему всѣхъ насъ выступило съ нимъ, злодѣемъ, человѣкъ до сороку, а отшедъ отъ нашей станицы, и судно съ злодѣйскою толпою внизъ по Волгѣ отправилось, а сволочь злодѣйская, вступя въ станицу, все имѣніе наше пограбила, какъ и всѣ наши хутора безъ остатка ими ра-

зорены. А намѣреніе онаго злодѣя было, чтобъ иттить въ Караваннскую и Балыклеевскую станицы, а оттуда въ городъ Дубовку и Царицынъ, а изъ Царицына на Донъ.

„По переночеваніи жъ на той рѣчкѣ Балыклеѣ, поутру въ пятницу, 15-го числа, онъ, злодѣй, съ толпою и съ нами отправился къ Караваевской станицѣ, а на пути и всѣ съ Караваевской и Балыклеевской станицъ казаки къ нему жъ, злодѣю, за препровожденіемъ посыланной за ними злодѣйской толпы, пріѣхали.

„На самомъ же семъ походѣ, по приказу злодѣйскому, станищной нашъ атаманъ Иванъ Платоновъ, нарядя меня да другаго казака Кирсана Тарасова, обоихъ насъ представилъ къ злодѣю, ѣхавшему верхи на лошади; а онъ, злодѣй, подавъ намъ держанной имъ злодѣемъ, въ своихъ рукахъ запечатанный комвертъ, назвавъ письмомъ, велѣлъ отвесть на Медвѣдицу, въ Березовскую станицу; а потомъ, взявъ оной обратно въ свои руки, приказывалъ намъ отвесть на Донъ, въ Иловлинскую станицу. А какъ на томъ письмѣ надпись была въ Березовскую станицу, то онъ, злодѣй, приговаривая, что въ Иловлѣ будутъ сомнѣваться и не распечатаютъ, велѣлъ писарю своему, яицкому казаку, имѣющему у себя большую рыжую бороду, перечистя, переправить на Иловлинскую станицу, который писарь, отъѣхавъ къ телѣгѣ, и переправилъ, и намъ препоручилъ, съ тѣмъ, какъ злодѣй намъ приказывалъ, чтобъ отвесть то письмо въ тую Иловлинскую станицу, и, въѣхавъ прямо въ домъ той станицы казака Федора Аликова, то письмо ему подать, а онъ де можетъ оное объявить станищному своему атаману и казакамъ, съ которымъ письмомъ послѣ полденъ въ пятницу и отправились въ путь. А въ субботу 16-го числа, въ обѣды, пріѣхавъ мы въ ту Иловлинскую станицу, въѣхали прямо во дворъ къ означенному казаку Аликову, и, подавъ ему, бывшему въ домѣ съ своею семьею то злодѣйское письмо, объявили, что оно къ нему съ нами прислано отъ сомозванца, о которомъ онъ, Аликовъ, спросилъ, гдѣ онъ находится, на что мы и сказали ему, что отправился къ Караваевской станицѣ. Онъ же, Аликовъ, тотчасъ съ тѣмъ письмомъ пошелъ къ станищному своему атаману, послѣ чего онъ, Аликовъ, съ протчими казаками, взявъ обоихъ насъ, представили находившемуся близъ станицы ихъ въ полверсты лагиремъ старшинѣ Василью

Манкову, а онъ, Манковъ, взявъ насъ подъ караулъ, отправилъ въ Качалинскую станицу, а оттуда отосланы товарищъ мой Тарасовъ въ Царицынъ, а я къ войску донскому въ Черкаскъ.

„При отправленіи же насъ злодѣемъ съ письмомъ, отъ него намъ другого приказанія, чтобы ѣхать въ другія донскія станицы и чинить объ немъ разглашеніе, не было, а приказывалъ только, чтобъ отвесть то письмо и, отдавъ казаку Аликову, назадъ къ нему возвратиться, точію де обое мы къ возвращенію вовсе намѣренія не имѣли, и никакого нигдѣ о томъ злодѣѣ разглашенія не чинили, и, кромѣ казака Аликова, ни въ которую станицу и ни къ кому не въѣзжали, да и по пріѣздѣ къ Аликову никакихъ къ сообщенію о злодѣѣ рѣчей не говорили, а, называя его злодѣемъ, упоминали, что онъ всѣ наши жилища разорилъ и имѣніе пограбилъ, какъ намъ, при отъѣздѣ отъ злодѣя съ письмомъ, на одинѣ нашей станицѣ казакъ Родіонъ Забурунновъ сказывалъ такія слова, чтобъ мы, будучи въ донскихъ станицахъ, увѣряли всѣхъ, что оной злодѣй точно самозванецъ и варваръ.

„Въ толпѣ жъ его, злодѣя, видѣлъ я яицкихъ казаковъ до трехъ сотъ, а сверхъ того разная сволочь, какъ то: казанскіе татары, лакеи, крестьяне, ссылочные и прочая сволочь, коихъ всѣхъ какъ тысячъ до шести, а только почесть оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружей, и многіе ѣдутъ въ телѣгахъ, коихъ, тоже колясокъ и берлиновъ, въ обозѣ его состоитъ многое число и болѣе пяти сотъ, въ коемъ обозѣ многое число женъ и обоего пола дѣтей. Да слышалъ я въ той толпѣ, что изъ Саратова, по разореніи онаго, отправлены отъ него, злодѣя, двѣ партіи, одна къ рѣкѣ Медвѣдицѣ, а другая, по переправленіи черезъ Волгу, на луговую оной сторону, *при предводителѣ*, одна, что за Волгою, *родомъ арапъ*, съ тѣмъ чтобъ сей заволоцкой партіи сообщиться съ нимъ, злодѣемъ, у Царицына; во многомъ же тѣ партіи числѣ, изъ какихъ людей, и куда точно отправлены, и гдѣ находятся, я не слышалъ. При злодѣйской же толпѣ видѣлъ я шесть мѣдныхъ походныхъ пушекъ и при нихъ изъ солдатъ въ казацкомъ платьѣ канониръ, да захваченныхъ злодѣемъ въ Петровскѣ и Саратовѣ донскихъ и нашихъ волскихъ казаковъ, распредѣленныхъ по злодѣйскимъ полкамъ, какъ и мы опредѣлены были въ полкъ

волскаго войска казака Ивана Козьмина, взятаго злодѣемъ въ Петровскѣ. Да слышалъ я заподлинно, что имъ, злодѣемъ, городъ Дмитревскъ весь разоренъ и комендантъ Касперъ Мерлинъ да одинъ капитанъ Агишевъ сколоны. А о заключенномъ съ Отоманскою Портою мирѣ хотя въ толпѣ злодѣйской и слышно, но какъ де онѣ яицкимъ казакамъ о томъ мирѣ въ разговорѣ скажутъ, то онѣ бранятъ ихъ матерно, смѣютца, говоря такъ: *„вотъ де-помирились!“*

„Злодѣй же, какъ я его на свои глаза точно видѣлъ, примѣтами росту средняго, тонокъ, плечистъ, кругловикъ, смуглъ, конопатъ (съ веснушками), волосы на головѣ, усахъ, бровяхъ и бородѣ русые, съ малою сѣдиною, а борода небольшая, носъ съ небольшою на немъ горбиною, конецъ его къ верху загнулся и кожа лупится. Что же при немъ жена и дѣти находятся, того я не слышалъ, а только при злодѣѣ видѣлъ одну женку въ нѣмецкомъ платьѣ, съ сыномъ лѣтъ осьми, да трехъ въ такомъ же платьѣ взрослыхъ дѣвокъ.“

Въ этомъ любопытномъ документѣ для насъ непонятно одно обстоятельство, которое мы не могли разъяснить себѣ съ помощью всѣхъ имѣющихся у насъ матеріаловъ изъ разсматриваемой нами эпохи: Черниковъ говоритъ, что по слухамъ, которые онъ успѣлъ схватить въ толпѣ самозванца, Пугачевъ отправилъ изъ Саратова двѣ партіи, одну на Медвѣдицу и Воронежъ, другую за Волгу, *подъ предводительствомъ* какого-то начальника, *родомъ арапа.* О первой партіи мы имѣемъ разнообразныя свѣденія: къ этой партіи, конечно, принадлежала и шайка Иванова; всей партіи, отправленной на Медвѣдицу и Воронежъ, считалось тысячъ до девяти (см. послѣднюю цитату предшествовавшей главы). Кто же былъ этотъ предводитель „родомъ арапъ“, послѣдовавшій съ другою партіей за Волгу, мы не знаемъ. Документъ этотъ, т. е. показаніе казака Черникова, разъясняетъ намъ и то обстоятельство, какимъ образомъ поддалось самозванцу волжское войско, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить коментаріемъ одного мѣста въ „Исторіи походовъ Суворова“, г. Антинга, который говоритъ о пышномъ пріемѣ Пугачева однимъ изъ начальниковъ волжскаго войска, хотя г. Антингъ и относитъ мѣсто пированья самозванца

у этого начальника къ г. Камышину, а не къ станицѣ Антиповской ([1]). Обѣдалъ Пугачевъ, вѣроятно, у Забуруннова, о которомъ говоритъ Черниковъ, и велѣлъ повѣсить казака Прянишникова, который произнесъ, что Пугачевъ „не государь, а душамъ нашимъ пагубникъ“ ([2]), но не самаго хозяина дома (son hôte), какъ говоритъ Антингъ.

Слѣдовательно, Пугачевъ былъ уже въ землѣ волжскаго войска, когда Ивановъ перевелъ свою шайку опять на правый берегъ Медвѣдицы, намѣреваясь направиться въ бузулуцкія степи, къ Воронежу. Уже за Медвѣдицей нагнали его посланные, которыхъ онъ отправилъ для развѣдыванія о томъ, гдѣ самозванецъ и въ какомъ положеніи его дѣла. Посланные сообщили Иванову, что за „разъѣздными комаидами“, они не могли пробраться къ самому Пугачеву, а слышали отъ казаковъ съ иловлинскихъ хуторовъ (вѣроятно, волжскаго войска), что государь идетъ уже къ Царицыну и „въ само скорѣйшемъ времени оный городъ достанетъ“.

— А волжское войско (говорили посланные) батюшкѣ-царю знамена пригнуло безъ сомнѣнія.

Когда же Ивановъ спрашивалъ о донскомъ войскѣ, посланные отвѣчали:

([1]) «En passant à Demitrowska (Камышинъ), les cosaques du Don le (т. е. Пугачева) quittèrent pour un sujet, qu'il fit naître lui-même. Il y fut somptueusement traité par un chef des cosaques du Wolga, qui s'y trouvaient cantonnés, — tous les autres avaient fui à son approche. Tandis que les convives étaient en pleine ivresse, les-cosaques d' Uralsk avaient decouvert quelques canons appartenant aux cosaques du Wolga qui étaient cachés, et sur l'assurance, qu'ils en donnèrent à Pougatschew, son hôte fut tout de suite massacré inhumainement à coup de lance.» Les compagnes du comte-Suvoroff-Rymnikski, p. 158.

([2]) У г. Щебальскаго (Начало и характеръ Пугачевщины, стр, 111—112), есть это мѣсто, но оно передано ошибочно: онъ-де не государь, а душамъ нашимъ погибнуть». Мѣсто это, вѣроятно, не разобрано г. Щебальскимъ въ рукописи, изъ которой имъ взято (изъ архива военнаго минист. въ Москвѣ).

— Посланъ-де, сказываютъ, государевъ указъ на Донъ, токмо-де донскіе казаки того государева указа не слушаютъ.

— И то они дѣлаютъ себѣ на погибель, замѣтилъ полковникъ.

— Сказывали иловлинскіе казаки, что и царицѣ-де послана разводная, и велѣно ей въ монахини постричься.

Вмѣстѣ съ тѣмъ посланные говорили Иванову, что иловлинскіе казаки видѣли и самый указъ царскій о томъ, чтобы волжское войско учинило ему достойную встрѣчу.

Изъ архивныхъ дѣлъ того времени видно, что Пугачевъ имѣлъ обыкновеніе посылать предувѣдомленіе о своемъ приходѣ въ тотъ городъ или село, куда онъ намѣренъ былъ направить свое шествіе, съ тѣмъ, чтобы жители приняли его, какъ законнаго государя. Тоже дѣлали иногда и начальники отдѣльныхъ шаекъ самозванца, какъ полковникъ Ивановъ, о чемъ мы и говорили выше. Вступивъ въ крайнюю станицу волжскаго войска, въ Караваинскую, самозванецъ отправилъ указъ въ станицу Антиповскую. Редакція этого указа довольно плохая: видно, что все дѣлалось спѣшно, на бѣгу, какъ это и видно изъ показанія Черникова, который говорилъ, что писарь Пугачева исправлялъ письмо самозванца на ходу, „отъѣхавъ къ телѣгѣ.“

„Божіею милостію (говорится въ этомъ указѣ), мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая. Антиповской станицы господину атаману Ивану Платонову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляетца во всенародное извѣстіе. Уповательно вся Россія не безъизвѣстна, которая уже большая половина подъ скипетромъ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась, и признавъ насъ и обстоятельно увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо не только донскаго и волскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе, того ради и вамъ господину атаману Платонову съ войскомъ посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ, по прибытіи нашемъ съ арміею, учинить пристойное стрѣтеніе, понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу, а злодѣевъ дворянъ стараться искоренять. Въ вѣрность чего, за подписаніемъ собственной нашей

руки и съ приложеніемъ короне, сей указъ данъ августа дня 1774 года. Петръ.“

Такимъ образомъ, получивъ благопріятныя извѣстія о положеніи дѣлъ главнаго скопища, предводительствуемаго самимъ Пугачевымъ, предводители отдѣльныхъ шаекъ въ родѣ Иванова могли дѣйствовать смѣлѣе, расчитывая на популярность имени самозванца.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ*)

Д. Мордовцевъ.

Саратовъ.

Сентябрь 1867 г.

ЕГОРКА МУКЕНГУБЕРЪ.

ОЧЕРКЪ ГЕРМАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ВЪ XVI ВѢКѢ, В. Риля.

I.

Страннаго посѣтителя имѣлъ въ 1594 году письмоводитель нёрдлингенскаго магистрата. Въ одно утро въ комнату присутствія явился коренастый, лѣтъ двадцати, неизвѣстный парень, неумытый и лохматый, безъ поклона остановился передъ письмоводителемъ и, молча, уставился на него. На грубый вопросъ:

— Чего тебѣ? — онъ отвѣчалъ не менѣе грубо:

— Веревку.

Письмоводитель объяснилъ ему, что онъ не туда забрелъ, что канатный мастеръ живетъ налѣво за угломъ.

Парень возразилъ на это, что канатнаго мастера ему и не надо, а нуженъ палачъ: хотѣлось бы быть повѣшаннымъ.

Письмоводитель трухнулъ не на шутку: онъ сообразилъ, что неизвѣстный человѣкъ, должно быть, помѣшанъ, и потому, до возобновленія чудного разговора, кликнулъ плечистаго сторожа. Тутъ незнакомецъ показалъ себя безроднымъ бродягой, прозваннымъ товарищами Егоркой Мукенгуберомъ; и какъ языкъ, на которомъ онъ объяснялся, былъ сшитъ изъ стольких же лоскутьевъ всевозможныхъ нарѣчій, какъ нарядъ его изъ разнаго стараго тряпья, то ему и безъ письменнаго вида можно было повѣрить, что родина ему вездѣ и нигдѣ.

Коротко и безучастно повѣдалъ онъ затѣмъ, что за нѣсколько недѣль назадъ, на земляхъ имперскаго города Нёрдлингена, умертвилъ проѣзжаго коробейника, а между Аугсбургомъ и Кауфбейеромъ зарѣзалъ итальянскаго жида. Жидъ же съ коробейникомъ, говорилъ онъ, не даютъ ему теперь по ночамъ покою, почему онъ желалъ бы, чтобы его повѣсили; какъ же послѣднее убійство совершено имъ на нёрдлингенской почвѣ, то магистратъ этого города, конечно, не откажется вздернуть его на мѣстной висѣлицѣ.

Письмоводитель крупно разбранился, разсуждая, что этакимъ манеромъ, пожалуй, всякій можетъ явиться, что висѣлицу городъ выстроилъ для собственныхъ своихъ гражданъ, а не для чужой сволочи; но тѣмъ не менѣе онъ приказалъ отвести Мукенгубера въ острогъ, а самое дѣло представилъ на усмотрѣніе магистрата.

И магистратъ, въ полномъ его составѣ, не могъ въ началѣ придти къ рѣшенію: дуракъ ли незнакомецъ, или раскаивающійся преступникъ. Но какъ въ то время помѣшанныхъ и безъ того сажали всегда въ одну яму съ ворами да разбойниками, то мѣсто Мукенгуберу было по всей справедливости въ тюрьмѣ, и дѣло всячески было начато правильно, какимъ бы образомъ оно впослѣдствіи не разъяснилось.

Палачъ, священникъ и фельдшеръ, поочередно навѣщавшіе заключеннаго и развѣдывавшіе его каждый по своему, отозвались единодушно, что хотя парень до крайности грубъ и неотесанъ, но ума весьма свѣтлаго и остается при первоначальномъ своемъ признаніи.

Тѣмъ временемъ новость быстро облетѣла городъ и у добрыхъ гражданъ пошли жаркія препиранія, можно ли вообще вѣшать человѣка по его простому сознанію въ преступленіи и настоятельному требованію, чтобы его повѣсили, пока самое преступленіе не подтвердится на дѣлѣ. Потому нигдѣ не отыскивалось слѣдовъ содѣяннаго будто бы надъ проѣзжимъ коробейникомъ убійства. Когда даже, подъ прикрытіемъ сильной стражи и при многочисленномъ стеченіи народа, Мукенгуберъ былъ выведенъ за городъ для указанія мѣста, гдѣ имъ убитъ коробейникъ и гдѣ зарытъ трупъ, онъ изловчился тончайшими доводами и отговорками поставить въ тупикъ и совершенно сбить съ толку судей, а фактическихъ дан-

ныхъ въ дѣйствительности совершённаго злодѣянія все-таки не было обнаружено. Заключенный же упорно оставался при своемъ показаніи, что умертвилъ, дескать, неизвѣстнаго коробейника на нёрдлингенской почвѣ и долженъ быть вздернутъ на мѣстной висѣлицѣ.

Хотя германцы того времени и были привычны къ крѣпко приправленнымъ уголовнымъ драмамъ, какъ къ насущному хлѣбу, но напряженіе, съ которымъ ожидалась развязка небывалаго случая, росло день ото дня. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидался отвѣтъ аугсбургскаго и кауфбейерскаго магистратовъ, къ которымъ нёрдлингенскимъ судомъ было препровождено дѣлопроизводство, съ дружественною просьбою въ точности развѣдать объ убійствѣ, будто бы совершённомъ между названными городами надъ итальянскимъ жидомъ. Но и здѣсь не отыскалось ни малѣйшаго слѣда ни жида итальянскаго, ни какого бы то ни было убійства. Но какъ въ уголовномъ судопроизводствѣ XVI вѣка собственное признаніе ставилось всегда выше всякихъ другихъ показаній, то судьи не могли успокоиться, тѣмъ болѣе, что парень разными новыми резонами умѣлъ всегда объяснять отсутствіе всѣхъ вещественныхъ уликъ.

Пришлось обратиться къ вѣрнѣйшему пробному камню истины— къ пыткѣ. Если у людей, не желавшихъ быть преступниками, не разъ уже удавалось вынудить этимъ средствомъ признаніе въ виновности, то почему бы и наоборотъ, у человѣка, желающаго во что бы то ни стало быть преступникомъ, не выпытать признанія въ невинности? Но въ застѣнкѣ магистратъ нёрдлингенскій попалъ, какъ говорится, изъ дождя да въ воду; потому что при жомѣ (особаго рода винтѣ, служащемъ къ стискиванію большаго пальца) Мукенгуберъ продолжалъ повторять свою старую пѣсню, а когда приступили къ слѣдующей степени пыточнаго допроса—къ испанскимъ сапогамъ, то онъ насчиталъ еще цѣлый рядъ разбойничьихъ подвиговъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ заслуживалъ уже висѣлицы. Судебный слѣдователь имѣлъ еще въ виду прокатить подсудимаго на такъ-называемомъ остроконечномъ ослѣ, но, опасаясь, чтобы упрямый Егорка не подарилъ еще въ придачу нѣсколькихъ поджоговъ, онъ долженъ былъ удовольствоваться двумя первыми степенями пытки; такимъ образомъ торжествующій парень былъ

отведенъ обратно въ свою яму, а магистратъ оказался въ положеніи затруднительнѣе прежняго.

Потому, хотя народъ посмышленнѣе и сталъ понемногу домекаться, что Егорка только издѣвается надъ честной компаніей, но висѣльный юморъ подобнаго рода не имѣлъ себѣ доселѣ примѣровъ. Равнымъ образомъ не усматривалось причины, зачѣмъ бы ему съ такимъ невиданнымъ мужествомъ и силою воли подвергать свои члены пыткѣ, а шею веревкѣ. Для наизлѣйшей шутки этого было уже черезчуръ много. Въ довершеніе всего, не только мнимое преступленіе, но и самая личность Мукенгубера словно черезъ ночь изъ земли выросла: о происхожденіи его точно также, какъ и о его преступленіи, не было ни слуху, ни духу. Нѣкоторые утверждали, что это просто-таки самъ дьяволъ, положившій для личной потѣхи поводить разъ весь имперскій городъ хорошенько за носъ. За всѣмъ тѣмъ однако капитальная часть вопроса оставалась нерѣшенною: что дѣлать, куда дѣться съ бродягой? Общественное мнѣніе держалось въ ту пору болѣе того мнѣнія, что въ сомнительномъ случаѣ лучше трехъ невинныхъ повѣсить, чѣмъ одного виновнаго простить. Мукенгуберъ же, такъ или иначе, былъ кругомъ виноватъ; потому если онъ совершилъ тѣ убійства, то заслуживалъ висѣлицы, если же не совершилъ, то заслуживалъ ея тѣмъ болѣе, одурачивъ съ такою неслыханною продерзостью цѣлый имперскій магистратъ. Но какъ не представлялось возможности придти къ соглашенію, какимъ изъ этихъ двухъ путей онъ заслужилъ висѣлицу, то его покуда не трогали въ его ямѣ.

II.

Жилось тамъ далеко не уютно. Помѣщалась келья въ половину подъ землею, въ небольшой башенкѣ, съ трехъ сторонъ окруженной болотистымъ водянымъ рвомъ. Избыткомъ свѣта ей также нельзя было похвалиться, но въ крохотное оконце проникало хоть столько полусвѣта, что въ солнечный полдень можно было бы отличить столъ отъ стула, еслибы тамъ вообще допускалась подобная

роскошь. Тѣмъ привлекательнѣе было сосѣдство: подъ оконной бойницей, въ болотѣ, распѣвалъ на всевозможные лады цѣлый хоръ лягушекъ; бокъ о бокъ же съ кельей находилась другая, обитательница которой, старая баба, упорно отпиралась, что она вѣдьма. И ея такъ-называемое окошко выходило на тотъ же ровъ; такъ два сосѣда, подойдя каждый къ своему окну, хоть и не видя другъ друга, могли удобно бесѣдовать между собою, и никому, кромѣ лягушекъ, не вздумалось бы подслушивать ихъ.

Крайне своеобразно начались сношенія сосѣдей. Узналъ Егорка о существованіи сосѣдки, подслушавъ, какъ она разъ вслухъ молилась. То было моленіе не кроткое, смиренное, а раздраженное, чуть не ожесточенное, точно она къ Всевышнему не мольбы, а приказанія возсылала. Егорка не зналъ молиться ни вслухъ, ни про себя, и чудна̀ показалась ему въ началѣ молитва старухи; мало по малу же овладѣло имъ какое-то благоговѣніе къ этой женщинѣ, осмѣливавшейся такъ настоятельно говорить съ Богомъ, и воображеніе нарисовало ему ее исполинскою силачкою, которая могла бы сладить съ десяткомъ мужчинъ. Самъ онъ впрочемъ не подалъ первый голоса, а выждалъ, пока старуха, услыхавъ его присутствіе, не заговорила съ нимъ: и героическія женщины не прочь поболтать. Слово за слово, два наши сострадальца, никогда въ глаза не видавшіе другъ друга, подружились самымъ короткимъ образомъ. Слухъ замѣнилъ имъ и зрѣніе. Въ началѣ на привѣтливыя рѣчи сосѣдки Егорка отвѣчалъ однѣми грубостями да насмѣшками; но кроткія и въ то же время мѣткія возраженія старухи смирили его заносчивость. Осмѣянные сперва діалоги съ незнакомкой стали для него вскорѣ пріятной необходимостью. Три вещи начали благотворно шевелить его черствое сердце: тишина темницы, голосъ природы, звучавшій къ нему изъ глубины рва въ кваканіи лягушекъ, этомъ заманчивомъ зовѣ къ утраченной лѣсной волѣ, и наконецъ въ сосѣдней кельѣ голосъ изъ сочувственной человѣческой груди. Тѣмъ не менѣе въ одномъ онъ оставался непреклоненъ: въ рѣшеніи быть вздернутымъ на нёрдлингенской висѣлицѣ.

Въ нѣсколько дней Егорка до мелочей узналъ прошедшую жизнь сосѣдки; о своей же онъ по прежнему отмалчивался упорно.

Старуха была богатая, бездѣтная вдова покойнаго содержателя

гостиницы „Короны“, Марья Голлина. На шестидесятомъ году жизни она дожила до срама, что ее обвинили вѣдьмою. Богатая вѣдьма вообще рѣдкость, въ Нёрдлингенѣ же уже пять лѣтъ назадъ были сожжены послѣднія безобразныя и убогія старушенки, и какъ всякая вѣдьма обязана была показать по нѣскольку соучастницъ и рвеніе судей возрастало соразмѣрно числу костровъ, то очередь дошла наконецъ и до женщинъ красивыхъ, молодыхъ и богатыхъ. Много въ ту пору было несчастныхъ женщинъ, но такихъ несчастныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ мужественныхъ, какъ Марья Голлина, ни одной не было. Пятьдесятъ-восемь разъ сажали ее въ застѣнокъ — и хоть бы чего допытались. Не даромъ по тону ея молитвъ заключилъ Егорка, что десятку мужчинъ не сладить съ нею. Судьи были просто въ отчаяніи, потому что, пропытавъ человѣка пятьдесятъ-восемь разъ, нельзя же было признать его невиннымъ, а приговорить его безъ собственнаго его сознанія было не менѣе невозможно. Къ тому же молва о непоколебимости Голлиной прошла въ народъ и возбудила къ ней не мало скрытаго сочувствія, а противъ грозныхъ судей постоянно возраставшій ропотъ. До этого у нихъ все такъ гладко и ловко съ рукъ сходило. Тридцать двѣ женщины были обвинены, пытаны, уличены и сожжены: ни одна не упрямилась долго. Той или другой развѣ приходилось повисѣть съ гирями на ногахъ, покуда господа судьи оканчивали свой завтракъ. Послѣ закуски слѣдовало акуратно самое полное признаніе. А тутъ, за упорствомъ одной глупой бабы, остановился весь ходъ отмѣннаго судопроизводства! Ибо кромѣ Голлиной было еще забрано немалое толико подозрительныхъ женщинъ; но при возраставшемъ со дня на день неудовольствіи народа казалось неосторожнымъ завязывать новую уголовщину, не распутавъ старой.

А тутъ въ довершеніе соблазна, какъ снѣгъ на голову, выпалъ этотъ пасажъ съ Мукенгуберомъ! Та не хотѣла признать вины своей, а ее присудили бы такъ охотно; этого такъ охотно пустили бы на всѣ четыре стороны, а онъ и на пыткѣ не хотѣлъ отпереться отъ своей вины. Одно только досаждало письмоводителя магистрата: что Егорка не женщина; въ такомъ случаѣ удачнымъ обмѣномъ, вмѣсто него, можно было бы освободить Голлину, а его,

вмѣсто нее, сжечь; оба были бы удовлетворены по желанію, а судъ остался бы, какъ всегда, правъ.

Но злѣйшая бѣда угрожала магистрату издалёка: съ юго-восточнаго небосклона, со стороны Регенсбурга, всходила тяжелая дипломатическая туча. Марья Голлина не была, какъ говорится, съ улицы взята: она была дочь уѣзднаго судьи города Ульма, и тамошняя именитая родня ея, убѣжденная въ ея невинности, вымогала у мѣстнаго магистрата ходатайства передъ нёрдлингенскимъ судомъ въ пользу обвиненной. Къ чему либо существенному это однако не повело. Ибо, по мнѣнію магистратскаго письмоводителя, для репутаціи суда представлялось бы опаснымъ, пропытавъ человѣка пятьдесятъ-восемь разъ, не посмѣть напослѣдокъ немножко его даже поджарить, не только что сжечь. Но ульмцы настаивали на своемъ.

Въ томъ самомъ году въ Регенсбургѣ былъ сеймъ при личномъ участіи императора Рудольфа II; присутствовавшему тамъ посланнику Ульма и было поручено этимъ городомъ замолвить посланнику Нёрдлингена доброе слово въ пользу Голлиной. Когда же и тутъ послѣдовалъ въ началѣ уклончивый отвѣтъ, то представитель Ульма сталъ грозить возстановить противъ нёрдлингенцевъ самого императора.

Хотя подробности эти не были точно извѣстны Голлиной, но она знала по меньшей мѣрѣ, что сильные друзья хлопочутъ за нее, и увѣренность въ этомъ закаливала ея и безъ того желѣзный духъ. Тѣмъ доскональнѣе положеніе дѣла было извѣстно судьямъ и какъ двинуть впередъ его они не могли, назадъ же двинуть не хотѣли, то оно и пріостановилось, а арестанты до времени были оставлены въ покоѣ. Дѣйствіемъ діаметрально-противоположныхъ силъ въ нёрдлингенскомъ судѣ настали такимъ образомъ непроизвольныя вакаціи.

На Егорку Мукенгубера исторія Голлиной произвела потрясающее впечатлѣніе. Передъ судьями онъ доселѣ воображалъ себя героемъ; передъ этой подлинной героиней онъ сдавался себѣ дряннымъ мальчишкой. Изъ гордости и упрямства скрылъ онъ отъ первыхъ истинную исторію своей жизни; отъ этой женщины утаивалъ онъ ее со стыда. Но противостоять могучему и сочувственному голосу незримой страдалицы онъ долго не могъ. Порою казался онъ ему

настоящимъ голосомъ съ неба, потому что былъ голосомъ вполнѣ человѣческимъ, а такой былъ ему до этого такъ же новъ, какъ само небо. Такъ-то онъ понемногу смирился, пока не покаялся старухѣ во всемъ своемъ прошедшемъ. Хотя онъ зналъ, что судебные слѣдователи охотно подсылаютъ къ упорно отмалчивающимся заключеннымъ товарищей, чтобы черезъ посредство послѣднихъ выпытать ихъ, но что Голлина сохранитъ его тайну, онъ былъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что его не выдадутъ подслушивавшія въ болотѣ подъ окошкомъ лягушки.

Затруднялся онъ только, съ чего начать; началъ же съ того, что спросилъ ее, видала ли она когда пару сцѣпившихся псовъ, которые тѣмъ крѣпче зубами впиваются другъ въ друга, чѣмъ болѣе ихъ разгоняютъ палкой? Онъ, дескать, и судьи его—пара такихъ сцѣпившихся псовъ. Одинъ, молъ, письмоводитель понялъ еще, какъ взяться за дѣло, когда съ перваго же дня предложилъ испробовать жомъ. Такъ изъ него, Мукенгубера, хоть кое что выпытали. Разъ же сцѣпившись съ судьями, онъ уже не боялся пытки, какъ сцѣпившійся песъ палки.

— Да нѣтъ, прервалъ онъ себя,—все это не то...

И, пораздумавъ немного, онъ повѣдалъ Голлиной, какъ еще съ малыхъ лѣтъ пріученъ былъ родителями къ самой необузданной бродяжнической жизни, какъ вкусилъ при этомъ всѣ дикія радости безшабашнаго кутилы и тунеядца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ его бѣдствія, лишенія и позоръ. Убивать онъ на вѣку своемъ никого не убивалъ, какъ и не грабилъ, не воровалъ, а бралъ только кстати, въ чемъ нуждался. Но такой образъ жизни надоѣдаетъ куда скоро, и вотъ онъ разошелся съ родными и друзьями, разошелся съ самимъ собою. Шататься по бѣлому свѣту ему до смерти прискучило, сиднемъ на мѣстѣ не сидѣлось. Опротивѣла ему жизнь, хоть брось, но лишить себя ея рука не подымалась: въ лѣсу еще отыщутъ или изъ воды выловятъ, какъ дохлую скотину какую! А хвалили ему изъ всѣхъ смертей, какъ самую сладкую, смерть на висѣлицѣ, и когда у товарищей его шла рѣчь о „первыхъ молодцахъ“ и „герояхъ“, то героями этими были всегда люди, достигшіе высшей степени земнаго своего поприща на верхней перекладинкѣ висѣльной лѣстницы. Быть вздернутымъ значило справить

свадьбу, висѣльникъ былъ женихомъ, висѣлица—невѣстою, помощникъ палача—дружкой, а палачъ—посаженнымъ отцемъ, ведущимъ ихъ къ вѣковѣчной связи—веревкѣ; пляска между небомъ и землею была свадебной пляской. Чтобы блестящимъ и достойнымъ образомъ покончить эту жизнь, не прельщавшую его больше, онъ, Мукенгуберъ, отправился въ Нёрдлингенъ, славившійся въ ту пору своей проворной расправой, да предался суду. Впрочемъ, замѣтилъ онъ, онъ и тогда бы не рѣшился на убійство, если бы впередъ зналъ, что промучатъ его такъ долго. Заключилъ онъ свое повѣствованіе тѣмъ же, чѣмъ началъ: что сцѣпились они съ судьями, и такъ ли, сякъ ли, а онъ настоитъ на своемъ. Ежелибъ они его съ перваго же начала пытали, прибавилъ онъ, то выжали бы изъ него всю правду; достаточно было бы съ него даже потасовки, но дѣльной, основательной. Теперь же—хоть щипли они его раскаленными клещами—онъ не откажется отъ своихъ двухъ небывалыхъ убійствъ, они принадлежатъ ему по праву собственности, купленной и уплоченной имъ личными мученіями.

Голлина прочла Егоркѣ громовое нравоученіе. По тону ея голоса ему представлялось, что она стоитъ посреди своей темной кельи какъ ангелъ Божій, съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе проповѣдь ея не особенно-то его тронула. Несравненно болѣе сокрушался онъ, когда въ тишинѣ иココмракѣ ночи героизмъ Голлиной и ея презрѣніе къ смерти сравнивалъ со своей собственной пошлой исторіей и когда ему его ожесточенное упрямство казалось одной карикатурою ея доблестнаго мужества. Такимъ образомъ онъ во всемъ соглашался съ сосѣдкой, когда она жесткою рукою разшевеливала его совѣсть; только за другими онъ не признавалъ правоты. И содрогаясь отъ ея щедрыхъ проклятій, какъ отъ приговора страшнаго суда, онъ однакоже до страшнаго суда хотѣлъ еще потѣшиться надъ нёрдлингенцами и быть вздернутымъ на ихъ висѣлицѣ.

Такъ миновало нѣсколько мѣсяцевъ. Затворники наши съ каждымъ днемъ сближались все тѣснѣе. Егорка полюбилъ Голлину, какъ никого въ мірѣ, хотя и устыжался передъ нею и переносилъ отъ нея жестокіе попреки. Старуха въ свою очередь открыла не одну затаенную добродѣтель въ груди дикаго сына природы и почти ужа-

салась, находя такъ много хорошаго въ столь испорченномъ парнѣ. Къ утѣшенію ея, по крайней мѣрѣ, удалось ей, нераскаянной вѣдьмѣ, привить ему, самозванному покаяннику, кой-какое понятіе о христіанствѣ, не въ бóльшемъ, разумѣется, количествѣ, чѣмъ сколько можетъ протиснуться сквозь пару узкихъ, рѣшетчатыхъ тюремныхъ оконъ. Охотно принялъ Егорка всѣ новые догматы; одному старому остался только вѣренъ: что долженъ быть вздернутъ на нёрдлингенской почвѣ.

III.

Егорка сцѣпился съ судомъ, судъ съ Егоркой, но и судьи сцѣпились между собою изъ-за Егорки. Образовались двѣ партіи, которыя спорили до того, пока изъ-за спора не былъ забытъ самый предметъ спора. Кому, какъ сказано, хотѣлось повѣсить Егорку за то, что онъ убилъ, кому за то, что не убивалъ. Одинъ только магистратскій письмоводитель (и то про себя и никому невѣдомо) составлялъ отдѣльную, посредствующую партію. По его мнѣнію, оставалось только одно—освободить Егорку. „Потому, разсуждалъ онъ самъ съ собою, кабы его пытали съ перваго же начала, то истина, можетъ статься, и открылась бы; теперь же поздно. А если ждать, пока обѣ стороны придутъ къ соглашенію, по какой изъ двухъ причинъ должно повѣсить Мукенгубера, то послѣдній тѣмъ временемъ успѣетъ преспокойно отъ дряхлости умереть въ своей ямѣ. Въ результатѣ же въ накладѣ останется одинъ городъ, на котораго падутъ всѣ издержки по даровому прокормленію да квартирѣ негодному бродягѣ.“ Какъ тонкій знатокъ людей, не безъ основанія затѣмъ заключая, что послѣ столькихъ недѣль одиночнаго сидѣнія молодчикъ, вѣроятно, укротился и плохая тюремная кухня набила ему оскомину, письмоводитель положилъ разрѣшить мудреную задачу самымъ простымъ маневромъ, а именно: оставить, какъ бы случайно, дверь заключеннаго только притворенною, чтобъ дать ему улизнуть. „Съ предметомъ спора, разсуждалъ онъ, исчезнетъ и самый споръ, и всякій станетъ удивляться, какъ изъ-за этакого мошенника мож-

но было ломать себѣ столько времени голову. Честь правосудія будетъ спасена, а оправданіе нерадиваго тюремщика, допустившаго его до побѣга, онъ, письмоводитель, возьметъ ужъ на себя."

Такимъ образомъ, по тайному его распоряженію, засовы у дверей егоркиной темницы зачастую не задвигались. Егорка хотя и замѣчалъ это, но продолжалъ сидѣть: онъ хотѣлъ быть вздернутъ на нёрдлингенской почвѣ.

Но когда онъ однажды передалъ своей сосѣдкѣ о возрастающей безпечности тюремщика, то дѣло вдругъ приняло другой оборотъ. Уже съ мыслью о незамкнутой двери (хотя и чужой темницы) въ Голлиной проснулась со всею силой любовь къ свободѣ.

— Выбраться бы мнѣ только! воскликнула она.—Я бы не бѣжала, о нѣтъ; я ушла бы, чтобы вернуться, я разсказала бы своимъ ульмскимъ друзьямъ о вынесенномъ мною позорѣ и возвратилась бы съ доказательствами и свидѣтелями моей невинности. Не надо мнѣ и свободы; одну бы честь, одно бы доброе имя спасти только...

Она не договорила, но Егорка ее понялъ. Давно уже занимался онъ прорытіемъ тонкой стѣнки, раздѣлявшей обѣ кельи; работа его подвигалась туго, потому что все его орудіе заключалось въ небольшомъ желѣзномъ осколкѣ. Съ восклицаніемъ же Голлиной онъ сталъ неустанно трудиться и денно, и нощно, и вотъ на третью ночь можно было уже попытаться пролѣзть въ отверстіе, пробитое имъ въ самомъ темномъ углу кельи. Всякая минута была цѣнна. Нынѣшнюю ночь дверь Егорки была опять притворена, оставалось только наскоро распроститься. Голлина перелѣзла въ коморку сосѣда.

Тутъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, Егорка бросился въ ноги старухѣ, обнялъ ея колѣни и, словно въ одномъ этомъ словѣ желая совмѣстить всю свою сыновнюю преданность и благодарность, воскликнулъ:

— Матушка!

И она дрожащею рукою ощупала въ черномъ мракѣ черты его лица и вскрикнула:

— Бѣдный, несчастный сынъ мой!

Затѣмъ они разстались, эти два друга, никогда въ лице не ви-

давшіе одинъ другаго и все-же такъ близко сошедшіеся между собою. Бездѣтная вдова въ этотъ мигъ впервые съ полнымъ материнскимъ чувствомъ выговорила имя сына; бродяга, никогда не знавшій своей родительницы, въ первый разъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ дитяти произнесъ имя матери.

Эту ночь Голлина укрывалась еще у приверженныхъ друзей, чтобы на другой же день бѣжать въ Ульмъ. Егорка перелѣзъ въ опустѣвшую келью вѣдьмы, и когда поутру къ двери ея подошелъ тюремщикъ, подать заключенной сквозь подъемное окошко скудную пищу, онъ, завернувшись въ оставленный старухою салопъ, прикорнулъ въ самомъ отдаленномъ уголку; когда же тотъ отправился далѣе, къ двери самого Мукенгубера, парень проворно юркнулъ опять чрезъ отверстіе въ собственную коморку и тутъ, въ качествѣ Егорки Мукенгубера, принялъ вторую порцію. Эту комедію продолжалъ онъ почти съ недѣлю съ большимъ искуствомъ и затаеннымъ злорадствомъ, и только скорбь о потерѣ вѣрной сосѣдки отчасти отравляла ему его удовольствіе.

Однако разъ открылось не только подъемное окно, но и самая дверь, и, въ сопровожденіи тюремщика, къ мнимой Голлиной вошелъ магистратскій письмоводитель, приглашая старуху послѣдовать за нимъ въ судейскую. Покуда обстоятельства позволяли, Егорка оставался въ принятой роли и, прижавшись, какъ бы въ величайшемъ страхѣ, въ свой темный уголъ, нѣмымъ жестомъ умолялъ непрошенныхъ посѣтителей оставить его въ покоѣ. Когда же письмоводитель вздумалъ ободрить его:

— Не бойсь, бабуся, ступай смѣло за нами; мы ведемъ тебя не къ пыткѣ, а къ свободѣ; — то Мукенгуберъ, забывъ свою маску, сорвалъ съ плечъ салопъ, дерзко выскочилъ впередъ и, упершись кулаками въ бока, напустился на испуганнаго письмоводителя:

— А ну-ка-съ, попробуйте! Хочу быть вздернутымъ, да именно вотъ здѣсь, на нёрдлингенской почвѣ — и баста!

Письмоводитель съ досады и злости сталъ рвать на себѣ волосы, видя, что вѣдьма-то удрала, а остался бродяга. Онъ на самомъ дѣлѣ пришелъ освободить Голлину, но на важныхъ условіяхъ, а тутъ она вдругъ исчезла совсѣмъ самовольно, а Егорка, долженствовавшій самовольно исчезнуть, сидѣлъ опять суду на шеѣ.

— Ахъ, чтобъ тебя!... бурно кипятясь, возопилъ письмоводитель,—никакой дьяволъ не изведетъ тебя!

— То-то и горе мое, холодно возразилъ Егорка,—что васъ не хватаетъ на это.

Дѣло Голлиной между тѣмъ приняло такой оборотъ: Изъ Регенсбурга требованія дѣлались такъ настойчивы и грозны, что большинство судей не на шутку призадумалось и наконецъ открыто возстало противъ трехъ главныхъ сочленовъ, заварившихъ кровавую драму сожиганія вѣдьмъ и въ теченіе пяти лѣтъ игравшихъ ее съ такимъ звѣрскимъ одушевленіемъ. Постоянно возраставшій ропотъ народа, какъ бы очнувшагося отъ лихорадочнаго сна, поощрялъ это большинство, и ясно стало тиранамъ, что царству ихъ пришелъ конецъ и что пора имъ подумать о собственной безопасности. Рѣшили они потому выпустить Голлину, но съ тѣмъ, чтобы она подписала подъ присягою грамоту слѣдующаго содержанія: что свободу принимаетъ она, какъ милость, на судей своихъ никогда и нигдѣ ни съ исками входить, ни лично мстить имъ не станетъ, въ продолженіе 24-хъ часоваго срока обязуется оставить городъ и весь ходъ процеса свято обѣщаетъ хранить вѣчно въ тайнѣ. Отъ застращенной старой бабы, имѣвшей за собою пытку, а передъ собою костеръ, казалось нетрудно вымогать присягу и подписку на столь сходныхъ условіяхъ. Каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда оказалось, что Голлина бѣжала; потому что теперь изъ своей засады она могла жаловаться на своихъ обидчиковъ и возмущать народъ, сколько угодно.

Какъ облитый водою пудель, стоялъ письмоводитель передъ своими собратьями, когда, вмѣсто старухи, привелъ къ нимъ въ присутствіе Егорку. Горько стали перекоряться судьи, сначала шепотомъ, потомъ все громче, пока не разразилась настоящая буря, гдѣ всякій старался перекричать остальныхъ. Тутъ возвысился въ общей сумятицѣ голосовъ густой басъ письмоводителя и однимъ удачнымъ словомъ мгновенно воцарилъ онъ молчаніе и помирилъ спорщиковъ.

— Во всей бѣдѣ, вскричалъ онъ, — виноватъ Мукенгуберъ! Вздерните-ка его, ежели онъ сейчасъ же не отречется отъ своихъ прежнихъ показаній!

— Не отрекусь, отвѣчалъ Егорка.

И на вторичный спросъ письмоводителя:

— А вотъ нарочно же не отрекусь.

И въ третій разъ...

Но тутъ словно-бы изъ земли выросла старая Голлина, поддерживаемая подъ руки двумя именитыми гражданами Нёрдлингена и Ульма. Вперивъ въ Мукенгубера проницательный взоръ, она сказала ему твердо и внушительно:

— Егоръ! ты отречешься отъ своего ложнаго показанія.

Какъ громомъ пораженный, содрогнулся отъ этого голоса упрямецъ. Долго молчалъ онъ, въ землю очи потупивъ; притаивъ дыханіе, все вокругъ безмолвствовало; можно было разслышать полетъ мухи; но вотъ заговорилъ онъ:

— Никакая сила въ мірѣ не заставила бы меня отречься, но этой женщинѣ я не могу лгать въ лице,—я отрекаюсь!

Столпившаяся тѣмъ временемъ на площади передъ магистратомъ чернь волновалась все сильнѣе и съ дикими угрозами требовала немедленнаго освобожденія Голлиной. Положеніе господъ судей дѣлалось крайне критическимъ. Послѣ короткаго тайнаго совѣщанія между ними, письмоводитель медовымъ голосомъ прочелъ старухѣ рѣченную грамоту, на которую ей слѣдовало присягнуть. Но Голлина напрямикъ отрѣзала, что требуетъ правосудія, а не милости, что явилась она въ судъ, чтобы заключить процесъ свой формальнымъ порядкомъ; на грамоту же ихъ ни подъ какимъ видомъ не присягнетъ.

Лица господъ судей жестоко вытянулись, и было рѣшено, сдѣлать еще послѣднюю попытку уговорить ее, хотя опытъ и показалъ, что этой вѣдьмы никакой дъяволъ не разубѣдитъ.

Тутъ замѣтила старуха, что тюремщикъ налагаетъ тяжелые кандалы на Мукенгубера, и прощальный изнывающій взоръ бѣднаго парня глубоко тронулъ ея душу. Послѣ минутнаго раздумья, она обратилась къ судьямъ съ такою рѣчью:

— Вы, государи мои, рѣшились торговаться со мною, а стало быть вы и не настоящіе судьи, потому судьи не торгуются. Ежели же вы не судьи, то и правосудія отъ васъ мнѣ ждать нечего. Но такъ и быть! я согласна на торгъ: отдайте мнѣ вонъ того негод-

наго парня; я возьму его съ собою въ Ульмъ, усыновлю его и погляжу потомъ, не удастся ли мнѣ воспитать его лучше, чѣмъ вы это сдѣлали. Капиталы мои оставались безъ оборота въ теченіе тѣхъ одиннадцати мѣсяцевъ, что вы меня въ ямѣ держали, и удовлетворить меня процентами за это время слѣдовало бы собственно вамъ; но выдайте мнѣ этого бездѣльника, и я возьму его, какъ процентъ, который волею божіею наросъ мнѣ во время моихъ страданій на капиталы мои. Подъ этимъ условіемъ я готова даже подписать вашу грамоту и присягнуть на нее.

Ожесточенныя народныя массы врывались между тѣмъ уже въ пріемную. Суду не оставалось бы инаго выбора, еслибы Голлина и не того требовала. Подписавъ бумагу, она нашла еще приложенный къ ней счетъ о расходахъ по прокормленію ея во время ея одиннадцатимѣсячнаго ареста. Съ любезной усмѣшкой однако возвратила она его письмоводителю, и какъ толпа уже ломилась въ дверь, то тотъ съ возможнымъ проворствомъ изорвалъ интересное приложеніе на мелкіе лепестки и разсыпалъ послѣдніе подъ столомъ.

Съ Егорки между тѣмъ сняли кандалы; но онъ озирался кругомъ, какъ во снѣ, и молча давалъ дѣлать съ собою, что угодно. Голлина взяла его за руку и повела изъ двери, гдѣ оба были встрѣчены криками нетерпѣливо напиравшей толпы.

Письмоводитель же, чтобы показать, что его не окончательно срѣзали, крикнулъ вполголоса во слѣдъ уходящимъ:

— Теперь-то хоть благородный сей пріемышъ найдетъ въ Ульмѣ висѣлицу, которая не откажется отъ него, какъ отъ своего уроженца.

Голлина, хорошо разслышавшая насмѣшника, обернулась въ дверяхъ и возвышеннымъ голосомъ воскликнула:

— Васъ, батюшка мой, не мѣшало бы также засадить на одиннадцать мѣсяцевъ въ яму, чтобы познакомить съ человѣческимъ сердцемъ. Тогда, можетъ статься, вы нашли бы, что есть двоякаго рода люди: одни, которые презираютъ смерть и въ то же время желаютъ ее: такъ пуста и неприглядна ихъ грубая жизнь; другіе, которые такъ изобильно испытали истинное блаженство этой жизни и такъ потому пріохотились къ ней, что также презираютъ смерть, но не ищутъ ея. Первыхъ не пугаетъ смерть, потому что они еще

не научились жить, послѣднихъ она пугаетъ еще менѣе, потому что они такъ отмѣнно выучились жить. Этого-то вотъ пріемнаго моего сына я хочу научить жить, чтобы смерть, которую онъ такъ хорошо умѣлъ презирать первымъ дикимъ маneромъ, онъ научился презирать и вторымъ утонченнымъ манеромъ истиннаго христіанина.

Старуха сдержала слово. Въ домѣ ея Егорка обратился въ честнаго, храбраго человѣка, оказавшаго своей новой родинѣ, Ульму, въ первомъ десятилѣтіи тридцатилѣтней войны важныя услуги, такъ что имя его еще долгое время произносилось тамъ съ благодарностію и похвалою. Инквизиторы же его были отставлены отъ мѣстъ и весь судъ набранъ заново; и за пятилѣтіемъ грознаго терора послѣдовало болѣе свѣтлое десятилѣтіе, въ теченіе котораго въ стѣнахъ достопочтеннаго имперскаго Нёрдлингена царили опять правда и милость.

(Пер. **В. Авенаріусъ**)

*

ПО ДОРОГѢ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

I.

ГОРОДЪ ЦАРИЦЫНЪ.

Пріѣхали мы въ Царицынъ подъ вечеръ, то есть въ началѣ шестаго часа. Эта пора въ одномъ только Петербургѣ да развѣ еще въ Москвѣ считается „обѣденною"; на всей-же остальной Руси послѣ четырехъ часовъ будетъ уже „подъ-вечеръ." Мы „бѣжали" снизу, изъ Астрахани. Кто плавалъ по Волгѣ, тотъ очень хорошо знаетъ, что по общеупотребительному, такъ сказать, техническому мѣстному выраженію — пароходы тамъ не ходятъ, а *бѣгаютъ* отъ такого до такого-то мѣста. Самый городъ, верстахъ въ двухъ разстоянія, виднѣлся по берегу кучкой сѣрыхъ да бѣлыхъ домиковъ и зеленыхъ крышъ, надъ которыми торчали три-четыре колоколенки да нѣсколько церковныхъ главокъ — немного, впрочемъ. Ближе вдоль по берегу сѣрѣли пять-шесть пристаней пароходныхъ, нѣсколько баржъ, десятка два расшивъ, бѣлянъ и разной судоходной мелюзги. Пароходныя пристани сосредоточены какъ разъ у дебаркадера Волжско-Донской желѣзной дороги, что представляетъ величайшее удобство какъ для путешественника, такъ и главнѣйшимъ образомъ для перегрузки товаровъ. Стоитъ подняться вверхъ десятка два ступеней и вы уже на площадкѣ, исполосованной рельсами и заставленной рядами платформъ и товарныхъ вагоновъ, въ виду не очень длинной деревянной галереи дебаркадера; но особенно длинной тутъ и

не требуется, такъ какъ и существующей, кажись, пока совершенно достаточно для удобства пасажировъ. Пасажирскіе поѣзды тутъ по большей части представляютъ цѣпь весьма небольшаго количества вагоновъ: одинъ или два для перваго и втораго классовъ, да три или четыре для третьяго—вотъ и весь поѣздъ. За то товарные поѣзды вытягиваются вагоновъ на сорокъ и болѣе. Большая часть товарныхъ платформъ, какъ замѣтилъ я въ два мои переѣзда по этой дорогѣ, грузится лѣсомъ, строевымъ и барочнымъ. На этотъ послѣдній тутъ существуетъ особая „комерція", съ тѣхъ поръ какъ проложили желѣзную дорогу. Дѣло въ томъ, что барки, идущія съ волжскихъ верховъ и предназначенныя къ разгрузкѣ у Царицына, по выполненіи своего назначенія, продаются мѣстнымъ промышленникамъ, которыя, не теряя лишняго времени, тотчасъ же разбираютъ ихъ по частямъ и переправляютъ по чугункѣ на Калачъ, а въ Калачѣ каждая барка, въ нѣсколько дней снова собирается, сколачивается тутъ же, на берегу Дона и спускается на воду у самой калачевской товарной пристани, къ услугамъ донскихъ судопромышленниковъ, которые уже, не строя себѣ новыхъ судовъ, покупаютъ готовыя барки и гонятъ на нихъ товаръ до Ростова или до Таганрога. Такимъ образомъ волжскій судопромышленникъ, который еще года четыре тому назадъ, разгрузившись въ Царицынѣ, сбывалъ свою „посудину" въ ломъ на дрова за самую ничтожную (относительно) цѣну, теперь съ открытіемъ желѣзнаго пути сбываетъ туже посудину несравненно выгоднѣе.

Деревянный одноэтажный вокзалъ желѣзной дороги устроенъ чрезвычайно просто, чтобъ не сказать даже бѣдно. Центральная зала, въ которой вывѣшено на стѣнѣ нѣсколько пароходныхъ и иныхъ объявленій, торчатъ нѣсколько столиковъ и десятка полтора стульевъ, посвящена болѣе чѣмъ скромному буфету. Направо комната для дамъ, съ кожаными креслами, налѣво и для мужчинъ и для дамъ — какъ угодно — съ простыми деревянными скамьями. Въ Калачѣ тоже самое, только еще и безъ кожаной мебели. Мнѣ, коли хотите, даже нравится такое экономическое устройство, о чемъ мы потолкуемъ ниже, еслибы, къ сожалѣнію, пасажирамъ зачастую не приходилось ожидать, либо въ Царицынѣ, либо въ Калачѣ, своего дальнѣйшаго странствія сутокъ по двое, а иногда и по трое. Пред-

ставьте себѣ удовольствіе спать на голыхъ доскахъ, въ ожиданіи отхода поѣзда или прибытія парохода, въ городѣ, гдѣ нѣтъ ни маломальски сносной гостинницы, ни даже порядочнаго постоялаго двора. Еслибы дѣло ограничивалось нѣсколькими часами ожиданія, тогда не о чемъ бы и говорить, но тутъ, при настоящемъ положеніи дѣла, для вашихъ боковъ выходитъ практика, не совсѣмъ-то удобная. Главная же прелесть этихъ долготерпѣливыхъ ожиданій выпадаетъ на долю сѣраго пасажира. Сѣрому пасажиру не дозволяется входъ въ комнаты вокзала въ томъ разсужденіи, что онъ полы заслѣдитъ сапожищами и нанесетъ съ собою всякой грязищи съ рыбьей шелухой въ придачу. Поэтому сѣрый пасажиръ обреченъ здѣсь на ожиданіе чуть что не подъ открытымъ небомъ, на галереѣ дебаркадера. Да оно и совсѣмъ таки выходитъ подъ открытымъ, потому что хотя надъ галереей и устроена крышка, но стѣнъ не полагается; въ замѣну же ихъ торчатъ деревянныя колонки. Подъ этою крышкой ютятся себѣ какъ попало наши сѣрячки въ повалку на полу, часто подъ обильнымъ дождемъ, который мочитъ ихъ невозбранно, среди дождевыхъ лужъ и подтековъ, на вѣтру и подъ ночнымъ холодомъ, который тутъ даже и въ іюлѣ мѣсяцѣ не всегда таки бываетъ въ диковинку. Здѣсь, буде есть охота, вы можете вдосталь наблюдать примѣрный стоицизмъ сѣраго человѣка, глядѣть, какъ онъ безропотно мокнетъ и дрогнетъ въ плохой одежонкѣ, и слушать безплатный концертъ грудныхъ ребятъ, прозяблыхъ и часто полубольныхъ, полуголодныхъ. Кажись, ну что-бы стоило правленію дороги войдти въ соглашеніе съ пароходными обществами и условиться въ удобномъ для пасажировъ времени прихода и отхода; такъ нѣтъ же: у насъ тѣ сами по себѣ, а эти сами по себѣ, однимъ до другихъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Все зависитъ отъ случая. Вышелъ случай счастливый — подошелъ или отчаливаетъ пароходъ въ такое время, когда только что прибылъ или отходитъ поѣздъ, благодарите вашу судьбу и торопитесь тамъ или здѣсь занять себѣ мѣсто; не вышелъ случай — молчите и ждите, когда судьбѣ угодно будетъ сжалиться надъ вами.

— Когда придетъ пароходъ? спрашиваете вы у лица, служащаго при дорогѣ.

— Не знаю... они разно приходятъ... тутъ не одинъ вѣдь. Можетъ завтра, а можетъ и сегодня будетъ, отвѣчаютъ вамъ.

— А можетъ ни сегодня, ни завтра?

— Право не знаю... можетъ быть.

Это „*можетъ быть*“ особенно утѣшительно для васъ въ данную минуту. Вы хотите видѣть росписаніе часовъ отхода и прихода пароходовъ того либо другаго общества, чтобы по крайней мѣрѣ, собственными глазами убѣдиться въ предстоящей вамъ участи, но увы!... часто нигдѣ не находите искомаго. Объявленіе о сарептскомъ бальзамѣ, о водочныхъ издѣліяхъ такого-то — это другое дѣло: яркія буквы афиши такъ и кидаются въ глаза. Утѣшайте себя этимъ чтеніемъ, если найдете его пріятнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, ни на одномъ, сколько помнится, изъ волжскихъ пароходовъ я, какъ ни искалъ, какъ ни спрашивалъ, не добился таки объявленій съ росписаніемъ о времени отхода и прихода пароходовъ донскихъ, ни о волжско-донской желѣзной дорогѣ, равно какъ и на донскихъ я въ свою очередь не обрелъ ровно ничего на счетъ волжскихъ. А вѣдь, кажется, конкуренціи тутъ нѣтъ и подрыва другъ другу ни малѣйшаго не дѣлаютъ; переслать другъ другу взаимныя объявленія, съ просьбою вывѣсить ихъ для вящаго удобства „публики,“ не Богъ-вѣсть что бы стоило; но въ томъ-то и *суть*, что ни тамъ, ни здѣсь „публика“, т. е. собственно ея удобства ни въ малѣйшій разсчетъ не принимаются. Публика здѣсь грузъ, товаръ перевозный, который слава тебѣ Господи, что хоть перевозятъ-то еще— и за то надо быть благодарнымъ.

Пароходъ нашъ изъ Астрахани прибѣжалъ въ Царицынъ около пяти часовъ пополудни, въ воскресенье, 18 іюня. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ багажъ былъ уже намъ выданъ и перетащенъ на дебаркадеръ желѣзной дороги. Здѣсь оказалось, что пасажирскій поѣздъ отправится завтра въ шесть часовъ утра. Я даже былъ доволенъ этимъ обстоятельствомъ, потому что по крайней мѣрѣ хоть Царицынъ осмотришь—какой такой это, молъ, городъ есть на свѣтѣ и всежь-таки останешься при сознаніи, что еще однимъ городомъ больше видѣлъ на своемъ вѣку.

Но тутъ же на первомъ шагу, по выходѣ на берегъ, ждала насъ непріятность, и непріятность весьма большая и неудобная, хотя

впрочемъ ни отъ какого начальства кромѣ Господа Бога независящая.

Непріятность эта — царицынская мошка. Я ничего не знаю хуже и надоѣдливѣе этого чуть-замѣтнаго насѣкомаго. Даже... даже надоѣдливая іюльская муха лучше его. По силѣ даннаго сравненія можете судить, что это такое! Безчисленныя миріады мошки наполняютъ прибрежный воздухъ, то тамъ, то сямъ чернѣя въ немъ тонкосѣтчатыми, высокими подвижными столбами. Зарождаясь первоначально въ этой прибрежной сырости, миріады эти быстро распространяются по всей окрестности и уносятся даже въ сухую степь на весьма значительное разстояніе. Если вы зададите себѣ на минуту трудъ (именно *трудъ*, при данномъ обстоятельствѣ) понаблюдать направленіе вѣтра, то легко замѣтите, какъ легкое дуновеніе его уноситъ съ собою въ одну какую нибудь сторону цѣлыя тучи этого насѣкомаго. Всѣ стѣны домовъ, заборы, окна, трава, камни, кусты—все это въ страшномъ изобиліи засѣяно мошкой, такъ что иногда принимаетъ издали даже особенный оттѣнокъ сѣроватаго цвѣта. Судите же, какъ она должна при этомъ садиться на животныхъ и на человѣка. Несчастныя собаки, лошади и скотъ долго и тщетно мотаютъ головами и отмахиваются отъ нея хвостомъ — мошка все липнетъ и липнетъ, и сладу имъ нѣтъ никакого съ этимъ неодолимымъ врагомъ, такъ что наконецъ они устаютъ отмахиваться и въ нѣмомъ отчаяніи стоятъ неподвижно, среди какого-то понураго унынія, смеживъ свои вѣки и только изрѣдка передергиваетъ у нихъ кожу какимъ-то нервическимъ сотрясеніемъ; но и это послѣднее усиліе не помогаетъ: мошка словно-бы и не чувствуетъ отгоняющаго ее вздрагиванья и насѣдаетъ на животное туча за тучей. Лошади хоть немножко еще облегчаются отъ нея тѣмъ, что иные хозяева покрываютъ ихъ полотняными попонами и подвязываютъ кусокъ полотна-же подъ животъ, а если полотно хотя сколько нибудь пропитано еще скипидаромъ, либо нефтью, то животное предохранено отъ своего врага на наиболѣе возможную степень. Но съ коровами не принимаютъ никакихъ предохранительныхъ средствъ — онѣ сполна предоставлены одолѣнію мошки, такъ что если эта послѣдняя мучитъ скотину въ теченіе нѣсколькихъ дней, а иногда и недѣль, то коровы даже начинаютъ худѣть и истощаться. Такъ

по крайней мѣрѣ говорили мнѣ въ Царицынѣ. И эта сущая напасть, при началѣ спада водъ, въ концѣ мая и въ іюнѣ, плодится и гуляетъ по всему Поволжью, а наиболѣе на его низовьяхъ — и нѣтъ отъ нея почти никакого спасенія, развѣ только налетитъ сильный вѣтеръ, который подуетъ нѣсколько часовъ и унесетъ ее куда нибудь въ степь, пока черезъ сутки-другія не наплодятся новыя миріады.

Прикосновеніе мошки, чѣмъ безпрестаннѣй и продолжительнѣй оно повторяется, тѣмъ болѣе становится мучительно. Мало того, что облѣпляетъ всѣ руки, лице и голову, производя своимъ прикосновеніемъ тонкое, слегка колючее щекотанье, она забирается въ уши, въ глаза, въ носъ, въ ротъ — вы ее втягиваете даже простымъ дыханіемъ — заползаетъ за шею, за рукава сорочки и тонко щекочетъ, проклятая, вездѣ и повсюду, и рѣжетъ вамъ вѣки, и наконецъ начинаетъ саднить въ переносицѣ и першить въ горлѣ. Вы отмахиваетесь, отмахиваетесь — а между тѣмъ въ воздухѣ стоитъ жара, духота, съ васъ потъ катится градомъ, и мошка отъ этого липнетъ еще назойливѣе. Наконецъ, чёртъ возьми, усталъ отмахиваться, досада разбираетъ, а та и знать не хочетъ твоей досады и щекочетъ, щекочетъ, щекочетъ... до того, что у васъ наконецъ разстраиваются нервы, какое-то злобственное изступленіе начинаешь чувствовать, люди же слабонервные, какъ самъ я замѣчалъ на одной изъ дорожныхъ спутницъ, — просто ощущаютъ вмѣстѣ съ этой досадой нѣчто близкое къ истерическому пароксизму. И тщетно бы вы стали въ это время запираться отъ мошки въ душной комнатѣ за закрытыми рамами, — вотъ, кажись, совсѣмъ выгнали, вымахали ее платками и полотенцами изъ горницы, закупорились отъ свѣжаго воздуха — нѣтъ таки! — прошло полчаса, много часъ — опять набралась, опять щекочетъ и заползаетъ въ ноздри. Словомъ сказать, эта мошка съ успѣхомъ можетъ служить одною изъ самыхъ утонченныхъ пытокъ, которыми доброхотно вздумала подарить Волгу щедрая мать-природа.

Первое время появленія мошки въ этихъ мѣстахъ, какъ замѣчаютъ коренные поволжане, всегда совпадаетъ съ началомъ спада весеннихъ водъ. Особенно много родится ея на луговой сторонѣ. Обильно пропитанная влагою почва мало по малу обнажается изъ

подъ воды; вешнее солнце, разомъ, могуче вызываетъ сильную растительность, и это время, среди почвенной сырости, подъ обильными испареніями, является лучшимъ, золотымъ временемъ для плоденія мошки. Подъ вечеръ обыкновенно ея становится замѣтно больше, чѣмъ днемъ,—не къ этой ли порѣ дня она и нарождается? Вообще, какъ кажется, сырыя испаренія главнѣйшимъ образомъ вліяютъ на нарожденіе мошки: послѣ каждаго дождя ея вдругъ появляется значительно-большее количество. А въ этотъ самый день, передъ нашимъ пріѣздомъ, какъ нарочно, надъ Царицынымъ разразился страшнѣйшій, чуть-ли не феноменальный ливень. Мы его уже не застали, а видѣли только одни послѣдствія. Въ западной части города, обращенной лицомъ въ степь, находится въ Царицынѣ запруженное озерко, изъ котораго добываютъ воду въ случаѣ пожара въ этой части города, такъ какъ ѣздить за водою на Волгу далеко, да и неудобно, по причинѣ крутыхъ спусковъ. Дождь, который лилъ буквально, какъ изъ ведра, цѣлыми потоками, въ самое короткое время низвергъ на Царицынъ цѣлыя массы воды. Этою водою переполнило озерко, оно забурлило и вдругъ, къ общему недоумѣнію, прорвало плотину—и вода ринулась внизъ по изложбинѣ прямо къ рѣчкѣ Царицѣ. Въ это самое время проѣзжалъ по плотинѣ какой-то человѣкъ въ телѣгѣ. Въ одинъ мигъ подъ страшнымъ ливнемъ сорвало его вмѣстѣ съ плотиной и понесло волнами внизъ. Лошадь погибла, но человѣка, говорятъ, успѣли спасти. Менѣе его былъ счастливъ сторожъ изъ солдатиковъ, обитавшій въ плохонькой досчатой будкѣ, въ саду одного изъ жителей. Солдатикъ, сказывали, былъ хмѣленъ въ тотъ день и преспокойно спалъ себѣ въ своемъ логовѣ, не чуя надъ собою ни бѣды, ни бури. Потокъ моментально нахлынулъ на будку, смялъ и снесъ ее съ мѣста купно со сторожемъ и помчался далѣе. Тѣло его и до сихъ поръ не отыскано, не смотря на то, что Царица вся уже высохла, такъ что куры совершенно безпрепятственно переходятъ ее въ бродъ, который одинъ только и напоминаетъ собою, что тутъ, молъ, по веснѣ рѣчка обрѣтается. Предполагаютъ, что тѣло утопшаго солдатика затянуло иломъ гдѣ-нибудь на днѣ Царицы.

— У насъ это почитай всегда, сказывалъ мнѣ извощикъ:— какъ ежели что попало въ рѣку—по лѣту ни-зачто не отыщешь:

все иломъ затягиваетъ, потому она у насъ, эта Царица, больно илиста.

Тѣмъ же самымъ дождевымъ потокомъ опрокинуло и снесло нѣсколько заборовъ и попортило кое-какіе домишки. Къ пяти часамъ небо уже было ясно, однако на улицахъ мѣстами стояла грязища невылазная, и по этой грязищѣ смачно и звучно шлепали сапоги царицынскихъ обитателей. Нѣсколько свиней со чады предавались тамъ кейфу и нѣгѣ, нѣсколько безштанныхъ мальчишекъ, за колѣни перепачканныхъ грязью, копошились тутъ-же. Эту въ своемъ родѣ буколическую картину безучастно созерцали бабы, дѣвки и молодицы, неизмѣнно и непрестанно луща подсолнечныя да тыквенныя сѣмечки — лакомство, безъ котораго, кажись, не обходится въ Царицынѣ, равно какъ и на всемъ Поволжьѣ, ни одна порядочная молодица, ни одна тетка-торговка, ни одна подгородная мѣщанка. Да и мужчины въ этомъ отношеніи почти не отстаютъ отъ нихъ. Все это бабьё толклось по краямъ улицы на протоптанныхъ послѣ дождя тропинкахъ, или сидѣло у раскрытыхъ дверей полпивныхъ, распивочныхъ и иныхъ лавчонокъ, откуда такъ и несло запахомъ вяленой и подпрѣвшей послѣ дождя рыбы. Здѣсь простонародье по преимуществу употребляетъ знаменитую въ своемъ родѣ рыбу облу, которую впрочемъ всѣ называютъ *воблою*. Эта обла или вобла даетъ себя знать на всемъ Поволжьѣ и особенно на низовьяхъ. Отъ нея порою буквально нѣтъ проходу, потому что она складывается тутъ же на улицѣ то пластами въ нѣсколько рядовъ, то цѣлыми копнами, наподобіе копенъ сѣна, за которое вы и принимаете ее издали, пока не привыкнете сознавать, что это не сѣно, а вобла, что̀ впрочемъ происходитъ очень скоро послѣ предварительнаго знакомства съ нею. Зачастую эти пласты и копны обрѣтаются не въ надлежащемъ порядкѣ, такъ что вокругъ ихъ весьма изрядное количество этой рыбины валяется по землѣ и безпрепятственно топчется въ грязь прохожими. То и дѣло наступаешь на рыбью шелуху, на рыбью башку или на цѣлую воблу. Собаки тоже питаются ею, подбирая свой кусъ въ грязи и потомъ, буде обожрутся въ сухую лѣтнюю пору, то бродятъ какъ шальныя, высунувъ языки отъ жажды, потому что вобла на вкусъ очень солона. Въ Царицынѣ, т. е. собственно въ Слободѣ, въ той части его,

которая тянется отъ желѣзной дороги къ рѣчкѣ Царицѣ, эта пресловутая вобла мечется вамъ въ глаза вездѣ и повсюду. Не говоря уже о пластахъ и копнахъ, она въ видѣ рыбьихъ букетовъ и сережекъ, пучками выглядываетъ, подвѣшенная къ потолку или къ дверному косяку, изъ каждой лавчонки и обязательно выставляется на показъ мимоидущимъ съ каждаго мелочнаго прилавка, съ каждаго ларя, съ каждой почти раскинутой по землѣ торгашеской рогожки. Еслибы спросили меня: чѣмъ въ изображаемую пору бываетъ достопримѣчателенъ городъ Царицынъ? я не обинуясь и притомъ смѣло отвѣчалъ бы вамъ: мошкой и воблой,— сія бо два суть альфа и омега, весь эрфиксъ благоуханія царицынской жизни.

Первое, что замѣтили мы, ступивъ съ парохода на царицынскую почву, были сѣтки. Не было ни одной почти головы мужской или женской, на которой не напялена была бы тонкая нитяная сѣтка, покрывавшая всю голову, затылокъ и лице. Многія изъ этихъ сѣтокъ являлись даже не безъ претензіи на щеголеватую отдѣлку, въ родѣ кисточекъ, бахромки и каемокъ либо синяго и краснаго, либо иныхъ цвѣтовъ, и не безъ нѣкотораго щегольства носились царицынскими головами. На многихъ женщинахъ и даже на мужчинахъ (изъ городскихъ сливокъ и изъ чиновниковъ желѣзной дороги) эти сѣтки спускались съ головы на плечи, съ явной претензіей на кокетливость, каковая претензія въ нѣкоторыхъ случаяхъ и достигалась вполнѣ удовлетворительно. Царицынскія сливки очевидно щеголяли разноцвѣтными сѣтками и, почемъ знать, быть можетъ даже признавали эту особенность своего костюма временнымъ средствомъ къ чарованію сердецъ. Одинъ изъ чиновниковъ, рисуясь позой на платформѣ дороги, сообщалъ окружавшимъ его знакомымъ, что намѣренъ постоянно, вплоть до зимняго сезона, носить на головѣ свою сѣтку, потому что въ этомъ нарядѣ онъ походитъ на черкеса— „знаете, какъ это на картинкахъ бываетъ нарисовано: ѣдущій черкесъ въ желѣзномъ шишакѣ и въ желѣзной сѣткѣ.“

Не знаю, признали ли окружавшіе слушатели въ рисовавшемся чиновникѣ сходство съ ѣдущимъ черкесомъ; но знаю только то, что въ первую минуту насъ озадачила эта царицынская особенность головнаго убора. Однакожъ недоумѣніе длилось не болѣе минуты, послѣ чего мы тотчасъ же должны были признать всю великую, бла-

годѣтельную пользу и необходимость подобной сѣтки. Для этого стоило только отвѣдать царицынской мошки. Сѣтка является здѣсь въ эту пору самой настоятельной необходимостью: она дѣлаетъ мало-мальски сноснымъ пребываніе въ Царицынѣ, потому что хоть сколько нибудь предохраняетъ отъ мошки. Эти сѣтки пропитываются нефтью, керосиномъ, скипидаромъ или просто дегтемъ, запаху которыхъ не терпитъ и не выноситъ мошка.

Не прошло и пяти минутъ, какъ мы уже ощутили безотлагательную потребность въ этомъ благодѣтельномъ уборѣ. Какъ и гдѣ добыть его? Присовѣтовали: либо подняться наверхъ до лавокъ, либо, еще того лучше, ѣхать въ городъ: „тамъ *авось* купите."

Позади дебаркадера длиннымъ валомъ идетъ высокая и довольно крутая гора, по краю гребня которой разбитъ бульваръ съ довольно тощенькими пока деревьями, а изъ-за нихъ сквозь кусты палисадниковъ выглядываютъ окна и крыши красивыхъ и чистенькихъ деревянныхъ домиковъ, вытянутыхъ въ линію. Это—строенія, принадлежащія желѣзной дорогѣ, и они-то составляютъ пока положительно лучшее украшеніе Царицына. Валообразная гора тянется до самой рѣчки Царицы, а отъ дебаркадера ведетъ на верхъ прочная, деревянная, хотя и нѣсколько узкая, лѣстница, по которой впрочемъ подниматься теперь стоило не малаго труда, такъ какъ послѣ дождя на всѣхъ ступенькахъ залегла грязь (до этого была сильная, горячая пыль) и по этой лѣстницѣ ноги скользили такъ, что еслибы не перила, то весьма легко и удобно можно бы было полетѣть, что называется, „въ дзындзъ головою." Мы сначала попытались было подняться по этой лѣстницѣ, но, не добравшись и до половины, рѣшили лучше обратиться вспять и порядить извощика съ дрогами. Подъемъ въ гору идетъ между деревянными домишками и бараками, зачастую кое-какъ сколоченными изъ досокъ, и почти надъ каждымъ изъ нихъ неизмѣнная казенная надпись: „распивочно и на выносъ"—цѣлые ряды распивочныхъ и съѣстныхъ, съѣстныхъ и распивочныхъ. Видно, что мѣсто бойкое, что тутъ рабочій людъ съ пристаней кишма-кишитъ—и точно: кишитъ на пропалую, особенно же кинется въ глаза это движеніе, когда подымешься на гору, въ самую слободу и направишься по главной слободской улицѣ. Здѣсь опять, что ни дверь, то кабакъ, что ни окно,

то съѣстная лавченка, въ которой заодно ужъ съ яствами и питіями продаются на потребу человѣческую и пакля, и кожа, и кнуты, и махорка, и желтые тесмянные пояски, и плетеные лапти. Безсрочные солдаты, калмыки, чумаки, донцы, татары и наши православные съ разныхъ концевъ Руси перетасовались между собою по краямъ улицы и толкутся у дверей распивочныхъ и лавченокъ, но преимущественню у распивочныхъ. День былъ нерабочій, праздничный и потому, естественно, люди гуляли. Но и въ будни вечеромъ, когда зашабашатъ на пристаняхъ, тутъ образуются точно такія же сборища. Доходъ кабакамъ, говорятъ, болѣе чѣмъ отличный, хотя—правду сказать—и народу же рабочаго здѣсь, подъ Царицынымъ, набирается тоже сила немалая.

Но самый выгодный, самый работящій человѣкъ на всемъ поволжскомъ низовьи, да даже и выше, начиная съ Нижняго Новгорода, это безспорно татаринъ. Что это за сила воловья, что за упорство въ трудѣ! Поневолѣ изумляешься, глядючи на этого человѣка, когда онъ въ работѣ. Подъ нестерпимымъ астраханискимъ зноемъ, когда все прячется за закрытыя ставни, одинъ татаринъ остается дѣятельнымъ. Почти голякомъ и босой, въ одной только длинной полотняной рубахѣ ниже колѣнъ, съ потертой и сбитой на бокъ ермолкой на бритой башкѣ, татаринъ изгибается въ три погибели, таща на спинѣ кули и товарные тюки да ящики такой величины, для которой, казалось бы, понадобилась сила по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ — а онъ, глядишь, одинъ за трехъ управляется. Крупныя капли пота катятся по его смуглому, запыленному лицу и обильно увлажняютъ прилипающую къ тѣлу рубаху, а онъ знай себѣ гнется подъ своей ношею, да словно ломовикъ перетаскиваетъ поминутно тюкъ за тюкомъ, дѣлая широкіе шаги и напряженно упираясь въ горячую землю своими худощавыми, но крѣпкими и мускулистыми ногами. Ни зною, ни естественной усталости, кажись, вовсе и не существуетъ для этого человѣка, пока онъ въ работѣ. Но вглядитесь въ его зачастую умное и очень смышленное лице: какое обыденное, завсегдашнее равнодушіе привычки написано на немъ, какая воловья, кроткая, безропотная покорность своей долѣ и своему тяжкому труду! По отзывамъ нѣкоторыхъ промышленниковъ, которые отвѣчали на мои разспросы, татаринъ у нихъ

почитается положительно лучшимъ рабочимъ и притомъ наиболѣе выгоднымъ: за ту же плату онъ дѣлаетъ почти всегда вдвое болѣе русскаго. Стало быть, его трудъ и его силы весьма-таки удобно эксплоатируются ловкими предпринимателями. Въ большинствѣ своемъ татаринъ-рабочій слыветъ безукоризненно честнымъ человѣкомъ, безобиднымъ, незадирчивымъ, выносливымъ и трезвымъ работникомъ. Мнѣ сдается, что этому народу, благодаря его уже названнымъ свойствамъ, предстоитъ очень хорошая будущность, при новомъ экономическомъ бытѣ и кажется, что наши русскіе крестьяне—увы! далеко отстающіе отъ татарина, въ данномъ случаѣ, могутъ ему позавидовать.

Мы останавливались чуть-ли не у каждой лавочки, отыскивая сѣтокъ. Но нигдѣ таковыхъ не обрѣталось; торговцы все отсылали къ сосѣдямъ—„авось тамъ найдется,“ а сосѣди къ другимъ сосѣдямъ, черезъ улицу, напротивъ: „быть можетъ, тамъ купите;“ но оказывалось постоянно ни тамъ, ни здѣсь нужнаго товара не имѣется: все, что было заготовлено, уже распродано. Пришлось отправиться за поисками на ту сторону, за Царицу. Мѣся густую грязь, спустились мы съ горы на паромъ, преслѣдуемые отовсюду ароматомъ воблы, и перебрались на ту сторону, гдѣ собственно и расположенъ самый городъ.

На паромѣ проклятая мошка стала одолѣвать еще съ пущимъ неистовствомъ, и наши мученія, на видъ, вѣроятно, преуморительныя для счастливцевъ, защищенныхъ сѣтками, возбуждали улыбку и сдержанный смѣхъ въ одной прехорошенькой царицянкѣ, которая тоже переѣзжала на паромѣ, сидя въ удобныхъ ненаемныхъ дрогахъ вмѣстѣ со своимъ супругомъ. Вообще царицянки, какъ „цивилизованныя“, такъ и нецивилизованныя, довольно миловидны. Какъ видно, мѣстныя условія растительной жизни способствуютъ укорененію здѣсь здоровой и довольно красивой породы.

Что сказать о самомъ Царицынѣ? Городъ, говорятъ, довольно богатый, ведетъ порядочную торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ и желѣзомъ; но вся торговая дѣятельность этого рода сосредоточена внизу, у пристаней. Въ самомъ же городѣ находится десятковъ около двухъ, если даже не болѣе, каменныхъ домовъ (о деревянныхъ не говорю, потому что какой же городъ безъ нихъ обходится?), между

которыми домъ купца В. даже пріятно останавливаетъ на себѣ глаза своею довольно красивой наружностію. Улицы достаточно прямы и, какъ и быть надлежитъ, отличаются въ дождливое время достаточной грязью, а въ сухое—достаточной пылью. Есть тамъ и вывѣски, гласящія о *„новоприбывшемъ“* или о *„вновь прибывшемъ“* портномъ изъ Варшавы, сапожникѣ изъ Вильны и красильщикѣ изъ Санктъ-Петербурга. Хотя всѣ эти новоприбывшіе преспокойно живутъ на мѣстахъ уже лѣтъ по двадцати и болѣе, переходя уже во второе и чуть-ли даже не въ третье поколѣніе, тѣмъ не менѣе вывѣски, неизмѣнно висящія надъ ихъ обиталищами, упорно гласятъ о ихъ новоприбытіи. Эти *„вновь прибывшіе“* составляютъ въ достаточномъ количествѣ неизмѣнную и необходимую принадлежность каждаго губернскаго и уѣзднаго города нашей россійской имперіи.

Десятка два мелочныхъ лавокъ, столько же винныхъ погребковъ, двѣ-три бакалейныя, нѣсколько суровскихъ и наконецъ—краса комерческой стороны города—сарептскій магазинъ, старающійся приблизиться къ европейскому типу, являются представителями мѣстныхъ потребъ въ торговомъ отношеніи.

Есть въ Царицынѣ и гостиный дворъ — длинное, узкое, неуклюжее и старое каменное строеніе въ одинъ этажъ, съ тяжелыми, старинно-казенной формы поднавѣсными арками. Но процвѣтаетъ ли въ немъ торговля и промышленность, доподлинно сказать не могу, потому что въ оба мои проѣзда черезъ городъ Царицынъ, этотъ гостиный дворъ строго хранилъ могильную замкнутость и отсутствіе движенія и жизни, то есть, говоря проще, всѣ лавки сплошь были заперты. Даже цѣпныхъ собакъ при немъ не замѣчалось, этихъ ночныхъ и наиболѣе надежныхъ стражей комерческаго имущества.

Нѣсколько въ сторонѣ, въ степной части города расположена базарная площадь съ бараками, ларями и навѣсами и съ неизмѣнными запахами луку да соленой и вяленой рыбы, между которой опять таки главную роль играетъ популярная вобла, а затѣмъ лукошки подсолнечныхъ сѣмечекъ да груды огурцовъ—словомъ, базаръ, какъ базаръ, ничѣмъ не лучше и не хуже тысячи ему подобныхъ. Кабаки же и въ этомъ мѣстѣ, судя по толкущимся и

галдящимъ около нихъ кучкамъ народа, тоже обстоятъ благоголучно. На углу одной изъ главныхъ улицъ, названіе которой теперь уже не упомню (вѣроятно, „дворянская, ибо безъ „дворянской и „московской“ улицы, какъ извѣстно, не обходится почти ни одинъ всероссійскій городъ, города же, таковыхъ не имѣющія, составляютъ ничтожное исключеніе) находится въ каменномъ домѣ гостиница Щепетова, въ которой кромѣ водки, пива да пары чаю ничего найдти невозможно, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться по собственному опыту, заключавшемуся въ неудачномъ поискѣ тамъ куска мяса или вообще чего-нибудь удобо-съѣдомаго. Впрочемъ въ этомъ отношеніи „цивилизованный“ Царицынъ удовлетворяетъ себя на станціи желѣзной дороги, гдѣ можно кое-чѣмъ, хотя и скромно, однако же безопасно и довольно чистоплотно удовлетворить своему апетиту.

Къ числу эстетическихъ развлеченій города Царицына, нужно отнести одну гостиницу, неподалеку отъ желѣзной дороги, гдѣ по вечерамъ играютъ и поютъ какія-то арфянки; но я тамъ не былъ и потому ничего не могу сказать о характерѣ этого эстетическаго резвлеченія. Вообще же рѣшаюсь предположить, что Царицынъ не особенно гоняется за эстетическими развлеченіями (по крайней мѣрѣ, по музыкальной части), потому что, объѣздя въ немъ дважды чуть ли не всѣ улицы и даже гуляя по нимъ, до слуха моего ни изъ одного раскрытаго окошка не достигъ ни звукъ унылый фортепьяно, ни гитары звонъ серебристый, этой почти необходимой спутницы мелкочиновничьей холостежной жизни. А въ окнахъ между тѣмъ изъ-за разныхъ занавѣсокъ и изъ-за полисадниковъ тамъ и сямъ выглядывали миловидныя головки, для меня почти немыслимыя въ уѣздномъ городкѣ, безъ звука унылаго фортепьяно. Выглядывали точно также головки и немиловидныя, въ повязкахъ, въ усахъ, въ чепцахъ, и такъ себѣ простоволосыя, и съ баками, и съ бородами, и всѣ они съ любопытствомъ встрѣчали, оглядывали и провожали двухъ невѣдомыхъ незнакомцевъ, рыскавшихъ по всему городу за сѣтками и изнемогавшихъ отъ нападенія мошки.

Кончилось тѣмъ, что, обойдя всѣ почти лавки и магазины, гдѣ по соображеніямъ можно было предпологать хотя маломальскую воз-

можность добыть то, что намъ требовалось, и тщетно даже объѣздивъ весь базаръ (куда насъ точно также посылали), мы кончили тѣмъ, что сѣтокъ все таки нигдѣ не добыли: все было раскуплено. Пытались было купить у кого-нибудь изъ обладателей, но никто не рѣшался продать: самимъ-де нужно. Посылали насъ и къ „сѣтчицамъ“, но и у сѣтчицъ въ наличности ни одной не оказалось; брались сплести къ завтрашнему дню, а намъ нужно было сейчасъ, сію минуту. Предлагали намъ тоже иные довольно радикальное средство: вымазать всю голову, лице и руки скипидаромъ или керосиномъ; но мы на это не отважились, хотя нѣкоторые царицынцы съ огромнымъ успѣхомъ употребляли и это средство, за неимѣніемъ сѣтокъ.

Наконецъ-то сжалилась надъ нами одна благотворительная купчиха, хозяйка бакалейной лавки (Миръ ей и великое спасибо за это!). Она собственноручно выдернула изъ опахальнаго крыла два гусиныхъ пера и, намочивъ ихъ скипидаромъ, предложила намъ заткнуть ихъ куда нибудь за шапки. Спутнику моему было удобнѣе меня исполнить это, такъ какъ онъ могъ заткнуть себѣ перо за околышекъ военнаго кепи; мнѣ же не оставалось ничего инаго, какъ только заложить свое средство спасенія къ себѣ за ухо, совершенно въ томъ родѣ, какъ закладываютъ писаря и иные канцелярскіе чиновники, перебирая бумаги. Въ такомъ видѣ поѣхали мы опять по царицынскимъ улицамъ, и эта новая особенность нашей наружности вызвала неудержимо веселый смѣхъ той самой хорошенькой царицянки, которая потѣшалась надъ невольными гримасами и ужимками нашихъ физіономій еще во время перевоза на паромѣ. Высунувшись изъ окошка, она встрѣчала и далеко провожала своимъ добродушнымъ смѣхомъ наши гусиныя перья, когда намъ дважды случилось проѣзжать мимо хорошенькаго домика купца В.

Перья дѣйствитетьно спасли насъ на нѣкоторое время, пока не улетучился запахъ скипидара. Къ счастію, вскорѣ послѣ этого наступилъ вечеръ и подулъ свѣжій вѣтерокъ, отнесшій куда-то въ сторону миріады нашихъ враговъ.

На одной изъ колоколенъ красуется большой черный циферблатъ часовъ, но, кажется, гораздо вѣрнѣе и акуратнѣе, чѣмъ его стрѣлки, возвѣщаетъ Царицыну время колоколъ при пожарной каланчѣ.

Былъ девятый часъ въ началѣ и потому мы пожелали воспользоваться остаткомъ свѣтлѣхъ сумерекъ, чтобы осмотрѣть какія нибудь царицынскія „достопримѣчательности.“ Шапку и палку, которыя подарилъ городу царь Петръ I, видѣть намъ не удалось. За то видѣли остатки древняго крѣпостнаго вала, которымъ нѣгкода былъ окруженъ Царицынъ городъ. Валъ этотъ мѣстами довольно высокъ, но достопримѣчательнаго на взглядъ ровно ничего не являетъ. По гребню его, представляющему большею частію песчаныя плѣшины, бродятъ собаки да французы, какъ окрестилъ свиней гоголевскій городничій. Онъ же служитъ мѣстомъ гулянья и царицынскимъ жителямъ, преимущественно изъ мѣщанства.

На этотъ разъ впрочемъ на валу мало было гуляющихъ, за то виднѣлись кучки и группы разнаго люда немного въ сторонѣ отъ вала, около плотины, прорванной сегоднешнимъ ливнемъ. Мы тоже подъѣхали поглядѣть. Въ озеркѣ не осталось ни капли воды. Прорвавъ плотину, она проложила себѣ русло по скату горы, отъ котораго поотрывала большія глыбы земли. По этому руслу, по этимъ оголеннымъ обрывамъ, откуда стерты были земляныя глыбы, и по смятому кустарнику съ вывороченными корнями можно было судить о силѣ и стремительности внезапнаго потока. Народъ стоялъ, глазѣлъ, заложа руки за спину, и полугрустно, но большею частію вполнѣ равнодушно калякалъ о происшествіи, о причиненныхъ убыткахъ и несчастіяхъ, да о жертвахъ воды—спасенныхъ и погибшихъ. Пришло посмотрѣть и одно начальственное лице, совершая свою вечернюю прогулку. Лице это точно такъ же поглазѣло, послушало, что́ гуторитъ народъ, и пошло себѣ далѣе прогулочнымъ шагомъ, не преминувъ однако передъ уходомъ освѣдомиться у нашего извощика на нашъ счетъ, кто, молъ, такіе? И освѣдомлялось оно объ этомъ съ прилично-сдержанной начальственной строгостью, каковая подобаетъ начальнической зоркой бдительности. Но получивъ отъ извощика весьма опредѣленное „не знаю“, лице вполнѣ удовольствовалось такимъ отвѣтомъ и мирно пошло-себѣ далѣе.

Отправились и мы на своихъ неуклюжихъ дрогахъ. Переночевавъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, на голыхъ доскахъ пасажирской комнаты въ гостепріимномъ дебаркадерѣ, на утро отправились въ путь.

*

II.

Степь моздокская.

Народъ поетъ про моздокскую степь свою знаменитую пѣсню:

Ахъ ты степь моя, степь моздокская!
Широко ты, степь, пораскинулась —
Отъ Моздока до Царицына...

Эту самую степь отъ рѣки до рѣки, отъ Царицына на Волгѣ до Калача на Дону перерѣзываетъ теперь желѣзный путь. Я видѣлъ ее почти мелькомъ, что называется, на лету, изъ окна моего вагона. Сначала, подъ Царицынымъ почва представляетъ еще холмистыя неровности, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны бахчи съ арбузами, дынями и желтыми подсолнухами, да кое-гдѣ зеленѣютъ фруктовые сады; но едва лишь добѣжали вагоны до первой полустанціи, въ шести верстахъ отъ царицынскаго дебаркадера, какъ сплошь уже пошла степь моздокская.

Ширь да небо направо, гладь да небо налѣво, и впереди тоже самое....

Но не видалъ я въ моздокской степи той могучей, сочной растительности, про которую говоритъ Гоголь, описывая степи новороссійскія. На огромныя пространства вправо и влѣво степь отсвѣчивала какою-то сѣровато-бѣлесоватой зеленью: она вся поросла низенькой жидкой полынью, между которой довольно часто попадаются дикіе полевые тюльпаны, выдѣляясь изъ этой скудной бѣлесоватой зелени своими кровяно-алыми и ярко-оранжевыми цвѣтками. Стебель полеваго тюльпана и вѣнчикъ цвѣтка не велики. Наши обыкновенные садовые тюльпаны втрое и даже вчетверо превышаютъ его размѣрами; но среди полыни и этотъ цвѣточекъ хорошо ласкаетъ глазъ. Впрочемъ вдали кое-гдѣ отдѣльными клочками и яркими пятнами выдѣлялся по степи желтый молочай, кое-гдѣ одиноко торчалъ колючій будякъ, да изрѣдка качались шапки перекати-поля, бѣлыхъ же султановъ ковыля я нигдѣ не замѣтилъ: они попадались мнѣ нѣсколькими днями позднѣе на поляхъ славяносербскаго и бахмутскаго уѣздовъ екатеринославской губерніи.

Но не смотря на эту однообразную и небогатую видами растительность, степь была полна особеннаго аромата, которымъ такъ и вѣяло въ растворенныя окошки. Это былъ запахъ полыни, довольно сильный и пріятный. Былъ яркій солнечный день и въ воздухѣ даже парило, что еще сильнѣе заставляло степныя травы испускать свои тонкія, ароматическія испаренія, которыя прозрачно заволакивали даль свѣтлымъ, голубоватымъ туманомъ. Видъ степи, ярко залитой солнечнымъ блескомъ, разнообразился порою клочками темныхъ пятенъ тѣни, которую кидали рѣдкія жемчужнаго цвѣта облака довольно крупныхъ, клубящихся очертаній. Эти темныя пятна причудливо двигались по степи, то мѣняя свои формы, то мѣшаясь, то расходясь съ другими подобными имъ пятнами. Въ однообразной, широко-ровной степи это простое явленіе, котораго обыкновенно мы почти и не замѣчаемъ, имѣетъ своего рода красоту и прелесть: оно именно варіируетъ картину, хотя и широкую, хотя и характерную, но слишкомъ уже однообразную. Степь кишитъ маленькими кузнечиками-коньками, разнообразные и безчисленные скачки которыхъ были ясно замѣтны вблизи дороги подъ солнечнымъ свѣтомъ. Во время своихъ скачковъ эти коньки кажутся какими-то прыгающими блёстками. Въ воздухѣ стрѣлой взвивались и плавно кружились маленькіе степные ястреба да изрѣдка большіе коршуны, а на телеграфную проволоку то и дѣло садились маленькія, веселыя и очень красивыя птички, которыхъ здѣсь называютъ красными скворцами. На всемъ югѣ Россіи эта птичка весьма уважаема. Боже избави васъ, еслибы вы вздумали убить хоть одну изъ нихъ, особенно въ виду крестьянъ: пришлось бы поплатиться весьма убыточно собственными боками, уже не говоря о томъ, что подобное убійство считается здѣсь величайшимъ грѣхомъ. У крестьянъ, конечно, есть и весьма разумныя причины на такую бережливость и охраненіе породы красныхъ скворцовъ. Дѣло въ томъ, что эта красивая птичка является предвѣстницей саранчи, которую она поѣдаетъ. Слѣдуя всегда передъ налетомъ зловреднаго насѣкомаго за нѣсколько сутокъ, она какъ-бы какимъ-то невѣдомымъ инстинктомъ угадываетъ тѣ мѣста, по которымъ должно направиться шествіе саранчи и гдѣ она посядетъ. Иногда на иную мѣстность, какъ говорятъ, налетаютъ цѣлыя стаи красныхъ скворцовъ, и по

количеству ихъ крестьяне относительно судятъ и о количествѣ саранчи, а предупреждающій прилетъ скворца даетъ имъ возможность мало-мальски приготовиться къ встрѣчѣ врага. Хотя скворцы и сильно пожираютъ саранчу, однакоже не на столько, чтобы сами по себѣ могли вполнѣ уничтожить цѣлыя тучи этого насѣкомаго. Но крестьяне кромѣ того, что видятъ въ красномъ скворцѣ своего помощника, цѣнятъ его главнѣйшимъ образомъ потому, что онъ является предупреждающимъ вѣстникомъ идущей напасти. За-то союзниковъ своихъ саранча находитъ въ ястребахъ и коршунахъ, которые въ степи охотятся за скворцами. Крестьяне впрочемъ весьма мало и даже совсѣмъ почти не истребляютъ этихъ хищниковъ, потому что въ этихъ мѣстахъ вообще мало занимаются ружейной охотой, а если и случаются порядочные стрѣлки, то они употребляютъ свое искуство на разную другую, удобо-съѣдомую дичину. Да притомъ и ихъ-то истреблять, пожалуй, тоже будетъ убыточно, потому что ястребы и коршуны поѣдаютъ здѣсь сусликовъ, которые для здѣшнихъ посѣвовъ являются зломъ, совершенно равносильнымъ саранчѣ.

Рядомъ съ желѣзною пролегаетъ старая чумацкая дорога, лѣтомъ совсѣмъ почти заброшенная и служащая только въ зимнее время, такъ какъ годовое движеніе желѣзной дороги ограничивается пятью-шестью лишь мѣсяцами, начинаясь съ открытіемъ навигаціи по Дону и Волгѣ и прекращаясь одновременно съ окончаніемъ тамъ и здѣсь пароходныхъ рейсовъ. Направленіе чумацкой дороги обозначается плетеными турами, которые набиты землей и поставлены стоймя, по краямъ дороги, въ разстояніи шестидесяти-семидесяти саженей другъ отъ друга. Эта дорога то идетъ почти рядомъ съ рельсами, то отбѣгаетъ въ сторону, почти на версту разстоянія, чтобы потомъ опять поближе подвинуться къ рельсамъ и опять отбѣжать по своей прихоти.

На переѣздъ въ шестьдесятъ-двѣ версты пасажирскій поѣздъ употребляетъ немного менѣе четырехъ часовъ, стало быть около пятнадцати верстъ въ часъ — скорость, даже не достигающая до скорости обыкновенной курьерской тройки. Причинъ такого медленнаго движенія, на которое зачастую жалуются многіе пасажиры, я не знаю; что же касается до меня, то въ первый мой переѣздъ, при

отличной погодѣ, я даже былъ доволенъ такимъ неторопливымъ ходомъ: онъ давалъ мнѣ возможность вдосталь насмотрѣться на степь моздокскую. На этомъ короткомъ разстояніи устроено пять станцій, что очень удобно для жителей близьлежащихъ поселеній. На каждой станціи, являющейся въ видѣ совсѣмъ простенькаго, некрасивенькаго домика, имѣется небольшой буфетецъ и комната для дамъ. Ни въ чемъ вы не замѣтите ни малѣйшаго присутствія роскоши или излишества: все ограничивается только самымъ необходимымъ и притомъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. За буфетами впрочемъ можно найдти рюмку порядочной водки и кое-какого вина, холодныя закуски и очень вкусные горячіе пирожки. Особенно же можно порекомендовать здѣшній медъ, мѣстнаго приготовленія. Въ немъ нѣтъ ничего общаго съ нашими петербугскими медами. Тутъ вы дѣйствительно глотаете и чувствуете настоящій ароматъ и нектаръ душистаго сотоваго меда, а не какую-то сахаристую петербургскую бурду съ подмѣсью имбиря и гвоздики. Въ жаркую пору этотъ холодный шипуче-пѣнящійся и искрящійся медъ является превосходнымъ прохладительнымъ напиткомъ. На половинѣ переѣзда виднѣется въ сторонѣ направо верстахъ въ двухъ разстоянія отъ дороги довольно порядочное село Карповское съ бѣлою каменною церковію, садами и хорошенькой рощею. Тутъ въ Петровъ день бываетъ ярмарка, ведущая, какъ сказывали, порядочный торгъ, преимущественно лошадьми и скотомъ. Въ первый мой переѣздъ около этого села на нарочно устроенной полустанціи высадилось достаточное количество народу, отправлявшагося на ярмарку.

Съ половины же пути стали вырѣзываться впереди на горизонтѣ лиловатые силуеты донскихъ горъ. Съ каждой верстой очертанія ихъ выступали все яснѣе и яснѣе изъ бѣлесоватой дали, и казалось, будто эти горы были совсѣмъ-таки близко, просто рукой подать. Необыкновенная прозрачность воздуха позволяла очень отчетливо видѣть кудрявую зелень, которая расползлась по инымъ вершинамъ и то въ видѣ полосъ на тигровой шкурѣ, то въ видѣ зеленыхъ каскадовъ, прихотливо сбѣгала къ подножію горъ, оставляя въ промежуткахъ между собою сѣроватыя, бурыя и желтыя полосы горнаго грунта. Мѣстами этотъ грунтъ довольно красиво принималъ обрывистый, скалистый характеръ, и вообще, весь пей-

зажъ, замкнутый теперь впереди болѣе рѣзкими, выдвигающимися контурами, сталъ гораздо разнообразнѣе и потому привлекательнѣе. Донскія горы — послѣдніе отроги днѣпровскихъ, то есть, вѣрнѣе говоря, Карпатовъ, которыя образуютъ на Днѣпрѣ пороги, перекидываясь на лѣвую его сторону и доходятъ до Дона, служащаго имъ послѣднимъ предѣломъ, такъ какъ по лѣвую его сторону уже раскинулась гладкая, ровная, широкая степь, кое-гдѣ перерѣзанная неглубокими балками и достилающаяся вплоть до Волги, къ которой спускается опять-таки обрывистыми и довольно высокими горами. Поэтому, судя на глазъ, уровень Волги лежитъ гораздо ниже уровня Дона. Около Калача находится уже крайній и дальнѣйшій предѣлъ Карпатовъ, которыя въ этомъ мѣстѣ вдаются угломъ къ востоку и приближаютъ такимъ образомъ русло Дона къ Волгѣ на шестьдесятъ съ небольшимъ верстъ — единственное кратчайшее разстояніе между двумя рѣками. Мысль, соединить ту и другую рѣку посредствомъ желѣзнаго пути, по видимому, была благою и глубоко-практическою мыслью, потому что отъ этого соединенія можно было ожидать большихъ выгодъ. Дорога, казалось бы, должна была оказать большую услугу русской промышленности. На дѣлѣ однако выходитъ нѣчто не совсѣмъ-то подходящее къ тѣмъ надеждамъ и ожиданіямъ, которыя питали многіе не болѣе какъ четыре года назадъ. Вопервыхъ, дорога мало имѣетъ самостоятельности, такъ какъ движеніе ея находится въ прямой зависимости отъ судоходнаго движенія двухъ связуемыхъ ею рѣкъ, вслѣдствіе чего, болѣе полугода она остается въ полномъ бездѣйствіи. Во вторыхъ, пароходство по Дону точно также далеко не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Одною изъ главныхъ причинъ малаго успѣха его служитъ мелководіе рѣки и постоянно-прогресивное обмеленіе ея. Въ будущемъ же для дороги тоже остается весьма немного шансовъ къ процвѣтанію: открытіе желѣзнаго пути отъ Воронежа на Ростовъ, по предположеніямъ многихъ ростовскихъ торговцевъ, значительно подорветъ донское судоходство, а съ подрывомъ послѣдняго желѣзная дорога едва-ли останется даже и въ томъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ. А и нынѣ, говорятъ, едва успѣваютъ сводить концы съ концами, да будто бы и то не всегда, такъ что оказалась надобность прибѣгнуть къ весьма значительному займу.

Обо всемъ этомъ можно искренно пожалѣть, и дай Богъ, чтобы печальныя предсказанія нѣкоторыхъ ростовскихъ песимистовъ, на видъ имѣющія за собою долю вѣроятности, съ теченіемъ времени не оправдались.

III.

Калачъ.

Не знаю и самъ почему, — только я ожидалъ найдти Калачъ чѣмъ-то въ родѣ очень миленькаго, новенькаго и сильно промышленнаго городка. Но такъ какъ эти ожиданія были основаны единственно лишь на собственной моей фантазіи, то нѣтъ ничего мудреннаго, что я разочаровался съ перваго же шага. Поѣздъ былъ еще верстахъ въ двухъ разстоянія, какъ уже показались соломенныя и деревянныя кровли небольшой деревушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ярко желтѣлъ новый тесъ, но каменныхъ построекъ нигдѣ еще не видно. Не доѣзжая до дебаркадера, поѣздъ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ у вагоннаго окошка появился молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ и отобралъ наши билеты. Это былъ самъ начальникъ станціи. Вскорѣ мы опять тронулись и подкатили къ дебаркадеру, который на видъ построенъ хотя и затѣйливѣй царицынскаго, но въ сущности еще и того скромнѣе. Не особенно длинная галерея съ навѣсомъ, къ серединѣ которой примыкаетъ сквозной крытый дворикъ или сарайчикъ, какъ хотите. По бокамъ его станціонныя помѣщенія: слѣва комната для мужчинъ и багажная контора, справа комната для дамъ, желѣзно-дорожная канцелярія и касса. Изъ подъ крытаго дворика вамъ открывается весьма недурной видъ на калачевскій затонъ и на горы, идущія по правой сторонѣ Дона. Станція построена на довольно возвышенномъ берегу, по которому спускается внизъ къ пароходной пристани досчатый спускъ для грузовъ, а по бокамъ его двѣ лѣстницы. Пристань точно также глядитъ очень скромно и напоминаетъ наши невскія пароходныя пристани.

По пріѣздѣ въ Калачъ оказалось, что намъ придется ждать почти двое сутокъ до возможности продолжать дальнѣйшее странствіе. Паро-

ходъ долженъ былъ прибыть черезъ полтора дня. Гдѣ же можно тутъ въ комнатѣ—Оказывается, что въ двухъ мѣстахъ: либо здѣсь же, остановиться? „для мужчинъ,“ либо въ гостинницѣ—примѣрно такъ, въ четверть версты разстоянія отъ станціи. Пошли въ гостинницу.

Близъ дороги расположены правильнымъ четыреугольникомъ нѣсколько желѣзно-дорожныхъ домиковъ, одно и двухъ-этажныхъ. Домики деревянные, такіе же какъ и въ Царицынѣ, довольно простой, но изящной архитектуры, только безъ зелени, безъ палисадниковъ. На одномъ изъ нихъ вывѣска возвѣстила намъ гостинницу. Входимъ во дворъ—пусто; подымаемся на лѣстницу;—куда направиться?—не у кого спросить. Наверху всѣ двери заперты. Взялись за ручку одной изъ нихъ—на удачу, куда, молъ, приведетъ,—ничего, отворилась. Очень скромная комната, по видимому, буфетъ, но и здѣсь точно также ни души. Подождали съ минуту—никто не показывается. Стали стучать палкой въ полъ и звать довольно громко—нѣтъ отклику. Наконецъ-то показалась заспанная и весьма недовольная физіономія, по всѣмъ примѣтамъ лакейская.

— Чего вамъ тутъ? вопрошаетъ недовольнымъ тономъ.

— Комнаты есть?

Стоитъ, почесывается, хлопаетъ глазами, словно бы не понимая о чемъ его спрашиваютъ, и наконецъ, послѣ повтореннаго съ нашей стороны вопроса, надумался отвѣтить утвердительно.

— Гдѣ же, показывай.

— Чего показывать! вотъ вѣдь комнаты!

— Да вѣдь это буфетъ.

— Буфетъ. А развѣ буфеты на дворѣ бываютъ?.. Извѣстно, буфеты въ комнатѣ.

— Да нумера-то есть?

— Нумера?... Есть. Дакъ только тó нумера, а не комнаты.

— „А, думаемъ себѣ, видно педантъ и любитъ точность въ выраженіяхъ.“

— Ну, все равно, нумера такъ нумера, пожалуй. Ступай, покажи!

Повелъ внизъ, отворилъ маленькую дверцу и ввелъ въ конуру сажени полторы длинною и въ саженъ ширины.

Стояло тутъ два стульца, убогій комодикъ Богъ вѣсть для

чего, и какая-то кроватченка съ узенькимъ-узенькимъ и черезъ чуръ уже тощимъ тюфячишкой. Тѣснота и духота невыносимыя.

— А нѣтъ ли, спрашиваемъ, чего получше?

— Получше нѣту: всѣ такіе. Нумера ничего, прикрасныи.

— А клопы водятся?

— А кто жъ ихъ знаетъ... Развѣ мы ихъ разводимъ? Намъ зачѣмъ они! намъ ни къ чему!

— Да все-таки водятся?

— Извѣстно, на то онъ и животная, чтобы водиться. Не мы же плодимъ его, —Богъ плодитъ... все отъ Бога, что клопъ, что блоха, что другое что...

— А что цѣна?

— Цѣна—полтина.

— А обѣдъ можно достать у васъ?

— Обѣдъ завсегда можно.

Вышли изъ нумера и отворили мимоходомъ стеклянную дверь: небольшая столовая, и столъ накрытъ, по трактирному, на нѣсколько кувертовъ.

Вдругъ вожатый нашъ объявляетъ, что сюда входъ воспрещается.

— Что такъ? Или это чья-нибудь частная квартира?

— Нѣтъ, для постояльцевъ.

— Такъ почему жъ нельзя?

— Да вы какъ? одни или съ дамами?

— Нѣтъ, безъ дамъ; а что?

— Ну, такъ и говорю же, что нельзя: сюда только ежели съ дамами—можно, а холостыхъ не пущаютъ.

— Что за чепуха! почему же холостыхъ не пущаютъ?

— Распыряженье такое. Коли съ дамами придете—впустимъ, а безъ того—никакъ.

— Да ты не врешь, братъ?

— Зачѣмъ врать? Песъ вретъ, а я человѣкъ, я не вру, а только говорю же, распыряженье!

— Гдѣ же у васъ тутъ обѣдаютъ?

— Наверхъ пожалуйте, къ буфету.

Но ѣсть было еще рано и потому отправились бродить по Ка-

лачу. Часовъ около двухъ пополудни являемся снова въ гостинницу, спрашиваемъ обѣденную карточку.

Тотъ же самый человѣкъ изъ-за буфетной стойки оглядываетъ насъ—недоумѣвающимъ взоромъ.

— Какую это карточку? говоритъ.

— Ну, списокъ тѣхъ кушаньевъ, что сегодня къ обѣду готовили, поясняемъ ему.

— Да у насъ обѣда не готовили.

— Вотъ тѣ и сюрпризъ! Какъ же такъ? вѣдь давича самъ же ты говорилъ, что обѣдъ завсегда можно!

— Ну, такъ что же? говорилъ, точно что! Оно и есть, что завсегда; только заказать надо, тогда и сготовятъ.

— Что же у васъ можно получить поскорѣе?

— Все, что угодно, все есть. Прикажите!

— Ну слава тебѣ Господи!... Щи можно достать?

— Можно.

— И котлету можно?

— А вотъ пойду узнаю.

Пошелъ узнавать и проходилъ съ четверть часа, но увы! явился съ объявленіемъ, что щей нѣту и говядины тоже нѣту.

— Такъ что́ же наконецъ можно? Что же есть у васъ?

— Все, что прикажете, все есть.

— Да вѣдь вотъ говядины—на что ужъ проще!—и нѣту.

— Дакъ вѣдь это только говядины нѣтъ, а то все можно...

— Что же именно? назови, пожалуйста.

— Яишницу можно... окрошку можно... ну, и... все можно!... баранину тоже можно.

— Давай окрошку и бараньихъ котлетъ.

Опять пошелъ заказывать и опять пропалъ на четверть часа. Наконецъ возвращается съ объявленіемъ, что окрошку согласны дѣлать, а котлетъ нѣтъ, потому больно долго готовить придется, а вотъ если просто жареную баранину, такъ это есть, еще съ третьяго дня готовая.

Стало быть, и за это надо благодаритъ Бога. Черезъ часъ принесли наконецъ какое-то крошево изъ баранины, луку и яицъ, ко-

торыя плавали въ мутной квасной бурдѣ, и все это вмѣстѣ носило имя окрошки.

— А что же огурцовъ-то нѣтъ? Какъ же окрошка и вдругъ безъ огурцовъ!

— У насъ огурцовъ не водится и въ заводѣ нѣту.

Съ перваго разу это показалось довольно странно, однако пришлось удостовѣриться, что дѣйствительно не только въ Калачѣ, но и почти по всему Дону огурцовъ не разводятъ. Ихъ привозятъ сюда изъ Царицына, гдѣ ихъ пропасть. Но и то ка̀къ привозятъ? Какой-нибудь татаринъ, которому нужно ѣхать на Донъ, запасается въ Царицынѣ мѣшкомъ или двумя огурцовъ и везетъ съ собою, а на пароходѣ, у пристаней продаетъ ихъ по десяткамъ всѣмъ желающимъ. И такая операція для татарина весьма выгодна, потому что выручитъ онъ себѣ по крайней мѣрѣ вчетверо противъ того, что затратилъ на пріобрѣтеніе этого товара. Но и то вѣдь бываетъ случайно: буде вздумается какому нибудь татарину захватить съ собой нѣсколько сотенъ, а правильной торговли этимъ продуктомъ не существуетъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, странная вещь! Въ придонскихъ станицахъ и хуторахъ огурцовъ не разводятъ, не смотря на то, что почва вполнѣ удобна и что тутъ же напримѣръ съ большимъ успѣхомъ занимаются разведеніемъ арбузовъ и дынь. Мнѣ оно показалось столь странно, что я справлялся на этотъ счетъ нѣсколько разъ и все получалъ подтвержденіе того же самаго свѣденія. На вопросъ же, почему это такъ, почти постоянно отвѣчали мнѣ, неопредѣленно пожимая плечами: „да такъ, молъ, не сѣютъ, да и только!“

— Почему же именно „*не сѣютъ*,“ предразсудокъ что-ли это какой?

— Нѣтъ, предразсудку нѣту, а такъ себѣ... не разводятъ, значитъ.

И никакого болѣе осмысленнаго, болѣе разумнаго отвѣта. Сами не понимаютъ, почему такъ дѣлаютъ: отцы не занимались, дѣды не занимались—и мы, значитъ, не занимаемся. И подъ вліяніемъ такой-то безсмысленной апатіи находятся у насъ многіе и многіе промыслы и производства. Стоитъ только какому нибудь энергическому, предпріимчивому хозяину показать первый примѣръ—сосѣди

встрѣтятъ сначала сомнѣніемъ, потомъ поприглядятся, увидятъ осязательно выгоду, какую можетъ принести такое-то дѣло, —и примутся заниматься имъ, а отъ нихъ другіе, ихніе сосѣди, позаимствуются и такъ далѣе — и вотъ промыселъ поставленъ на ноги. Но необходимо нуженъ пока еще у насъ чей нибудь починъ, первый примѣръ, безъ котораго масса шагу впередъ не сдѣлаетъ, и все будетъ равно какъ съ огурцами: станутъ платить случайнымъ пришлымъ промышленникамъ втридорога, вмѣсто того чтобъ заняться самимъ, имѣя къ тому всѣ средства и естественныя удобства.

Ощущая подъ собою, такъ сказать, донскую почву, намъ пришла фантазія выпить за обѣдомъ донскаго вина на донской землѣ. Адресовались къ тому-же педанту-буфетчику, но увы! — оказалось, что въ калачовской гостиницѣ донскихъ винъ не водится.

— А вотъ ежели хереса̀, мадеры, али французскія вины—это есть, пояснилъ онъ намъ при своемъ отказѣ, но на эти „французскія вины“ цѣны здѣсь стояли чуть не баснословныя, да и что за охота пить подсандаленное французское вино шуйской или коломенской фабрикаціи. Въ заключеніе, съ насъ содрали за кусокъ баранины да за бурду, носившую имя окрошки, по рублю съ человѣка и—мы разстались съ гостепріимною гостиницею.

Хуторъ Калачъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени сдѣлаться хорошенькимъ городкомъ. По крайней мѣрѣ, сами калачевцы такого убѣжденія. Теперь же онъ болѣе походитъ на какое-то полупоходное становище, словно бы вотъ люди пришли сюда, выглядѣли себѣ мѣсто, сбросили свои пожитки и натаскали строительнаго матеріалу. У иного готовъ уже домъ, у другаго только срубъ поставленъ, иной лишь фундаментъ выводитъ, а тотъ селится пока въ досчатомъ баракѣ, но во всемъ этомъ весьма и весьма-таки замѣтна жизненная дѣятельность.

Обокъ съ желѣзно-дорожной колоніей примкнулся базаръ со своими навѣсами и ларями. Тутъ есть двѣ или три бакалейныя лавки, торгующія всѣмъ, чѣмъ угодно, и чаемъ, и мыломъ, и гвоздями, и „галантереей“. Есть и „панская“ лавка съ московскими ситцами, а на самомъ базарѣ въ изобиліи найдется бѣлый и очень вкусный пшеничный хлѣбъ, подсолнечныя сѣмечки, истребляемыя здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ, лукъ зеленый и вонючая вобла.

Безъ воблы и здѣсь не обходятся. Базаръ вѣчно кишитъ народомъ, котораго на Калачѣ скопляется-таки сила изрядная. Съ проведеніемъ желѣзной дороги Калачъ, точно также какъ и Царицынъ, естественно сдѣлались временными станціями кочеваго люда, поэтому и тамъ, и здѣсь кишитъ множество самаго разношерстнаго народа; но пришлый торгово-промышленный великороссійскій элементъ, нахлынувшій сюда съ верхнихъ губерній, сколько можно замѣтить, положительно взялъ себѣ первое мѣсто въ мѣстной калачевской торговлѣ и промышленности. Онъ даже какъ будто совсѣмъ оттѣснилъ на задній планъ здѣшнее казачье населеніе. По крайней мѣрѣ, казачество ничѣмъ особенно яркимъ или характернымъ въ дѣятельномъ, промышленномъ отношеніи, здѣсь себя не заявляетъ. Даже и около кабаковъ и погребковъ не всегда увидишь синюю форменную шапку съ краснымъ околышемъ, а кабаковъ на Калачѣ тоже сила немалая. Начиная отъ этого мѣста и вплоть до Ростова да и за Ростовъ, кабаки по всему Дону знаменуютъ себя особеннымъ знакомъ. Вѣроятно, и за Калачемъ, вверхъ по Дону, тоже самое. При первомъ взглядѣ на Калачъ намъ показалось, что всѣ эти лачужки, мазанки и домики какъ будто празднуютъ что-то, какъ будто желаютъ выразить сегодня нѣчто торжественное. Чуть что не надъ половиной всѣхъ этихъ обиталищъ (а ужъ надъ третью-то во всякомъ случаѣ) торчали высокіе шесты или жердины съ развѣвающимися вверху маленькими флагами, которые представляли соединеніе полосъ красной и бѣлой. Но достаточно было сдѣлать нѣсколько шаговъ по калачевскимъ стогнамъ, дабы убѣдиться, что этотъ флагъ есть общее донское знамя кабаковъ; но не знаю, кто ввелъ его въ употребленіе, — донцы или россіяне. Великороссійскіе промышленники внесли сюда духъ нѣкотораго кулачества и барышничества, проистекающій изъ жажды скорѣйшей наживы. Рабочаго и перекочевнаго люду здѣсь множество, а стало быть и житейско-насущныхъ потребностей столько же. Промышленники пользуются этимъ и потому цѣны на все стоятъ здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, не исключая даже ближняго сосѣдства, и притомъ назначаются самопроизвольно.

Еслибы донскому судоходству можно было предсказать прочную будущность, тогда нѣтъ сомнѣнія, что и Калачъ ожидала бы бу-

дущность самая блестящая. Въ пять-шесть лѣтъ изъ него могъ бы выйдти очень красивый и богатый городокъ. Хотя и нынѣ тамъ на голыхъ песчаныхъ пустыряхъ торчатъ въ различныхъ направленіяхъ вбитые въ землю колья, обозначаюціе, по участкамъ, направленіе будущихъ калачевскихъ улицъ, и хотя мѣстный окружный начальникъ увѣряетъ и божится, что Калачъ — это нашъ будущій Нью-Іоркъ, однакоже едва-ли что-нибудь подобное можетъ ожидать въ будущемъ нынѣшній скромный хуторъ. Мы уже въ предъидущей главѣ высказали на этотъ счетъ нѣсколько соображеній. Донъ, положительно, съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе становится удобнымъ для правильнаго судоходства, по причинѣ огромныхъ песчаныхъ наносовъ, каждую весну измѣняющихъ такъ или иначе его русло. А буде пройдетъ отъ Воронежа на Ростовъ желѣзная дорога, то на Дону заглохнутъ и послѣдніе признаки промышленнаго судоходства и... волжско-донская желѣзная дорога весьма легко можетъ тогда лопнуть, а вмѣстѣ съ ней лопнетъ и нашъ „Нью-Іоркъ", по выраженію окружнаго.

Я уже говорилъ, какой характеръ носитъ въ настоящее время это селеніе. Выше торговаго и промышленнаго Калача по затону лежитъ Калачъ казачій — тихая и бѣдная деревушка, гдѣ вы замѣчаете первые наружные признаки, въ постройкахъ и въ ихъ расположеніи, отличающіе наши южныя и малороссійскія селенія отъ селеній велико-русскихъ. Здѣсь господствуетъ какой-то смѣшанный характеръ: бревенчатые амбары и избы перемѣшаны съ глиняными малорусскими хатами и закутами. Есть и два-три бревенчатыхъ домика съ тесовыми кровлями, характеромъ своимъ напоминающіе тотъ типъ полугородскихъ и полудеревенскихъ построекъ, въ которыхъ обыкновенно селятся сельскіе священники и бѣдненькіе помѣщички. Эти домики принадлежатъ старымъ казачьимъ офицерамъ, отошедшимъ на покой послѣ боевой жизни. Въ бакалейной лавкѣ я познакомился съ однимъ изъ нихъ. Это былъ дряхлый старичекъ въ форменной фуражкѣ, въ длиннополомъ китайчатомъ кафтанѣ, какой обыкновенно носятъ люди „древляго благочестія", съ высокой клюкою и съ длинной, по-поясъ, сѣдою, какъ лунь, бородою. Въ старичкѣ нѣтъ вовсе ничего такого, что-бы напоминало нѣчто помѣщичье или начальственно-офицерское; это просто

добрый, старый казакъ, хорошій сосѣдъ, равный всѣмъ и каждому въ своемъ околодкѣ. Его уважаютъ за его старость, за его „бывалость" въ морѣ житейскомъ, но вовсе не за его офицерство. Не знаю, какъ въ другихъ подонскихъ станицахъ, но здѣсь, въ Калачѣ, мнѣ показалось, что древняя демократическая закваска казачества довольно сильна и отчасти сказывается хотя бы въ томъ, что—на сколько опять-таки могъ я замѣтить—казачье поселеніе держится болѣе замкнуто и отдѣльно отъ населенія пришлаго, промышленнаго. Старикъ-офицеръ, про котораго я говорю, бывалъ во многихъ походахъ, ходилъ на француза въ двѣнадцатомъ году, и на турка, и на поляка, бывалъ и на Кавказѣ, имѣетъ заслуженныя отличія; но это нисколько не мѣшало ему совершенно „братѐльски" и дружески сидѣть бокъ-о-бокъ и калякать съ рядовымъ козакомъ и подчивать другъ друга подсолнечными сѣмечками.

Смѣшанный характеръ калачевскихъ построекъ носитъ на себѣ одну особенность, которой вы не удивите ни въ Малой, ни въ Великой Россіи. Здѣсь и бревенчатыя избы, и глиняныя хатки сплошь покрываются словно краской особенною глиной, цвѣтъ которой совершенно впадаетъ въ цвѣтъ хорошей охры. Въ Калачѣ впрочемъ можно еще встрѣтить нѣсколько хатокъ, выбѣленныхъ на малорусскій ладъ, но далѣе, внизъ по Дону, желтый цвѣтъ построекъ является преобладающимъ, если даже не единственнымъ. Характеръ же самаго размѣщенія построекъ уже вполнѣ малорусскій. Вы не встрѣтите здѣсь ни этой единственной на все селеніе великороссійской улицы, ни тѣснаго ряда избъ, примкнувшихся другъ къ дружкѣ, напротивъ, все это разбросалось въ стороны, кому какъ лучше и гдѣ удобнѣе, поэтому здѣсь множество уличекъ и закоулченковъ. Зелени вообще мало, но каждая хатка старается по возможности пріютиться подъ вѣтви какого нибудь дерева—свойство точно также чисто-малорусское.

Проходя по одному закоулку, я видѣлъ, какъ семейство донскаго казака изготовляло себѣ новое жилище. На пространствѣ неболѣе какъ трехъ саженей было вбито четыре кола другъ противъ друга. Наверху и въ срединѣ связывали ихъ четыре поперечныя жерди, служившія основой для переплета изъ тонкихъ хворостяныхъ прутьевъ. Это былъ скелетъ будущей хатки. Тутъ же на

землѣ находилась масса особеннаго мѣсива: глина, смѣшанная съ навозомъ и рубленой соломой. Въ массу эту постепенно вливали нѣсколько ведеръ воды. Молодая казачка, высоко подправивъ за поясъ свою юбку, мѣсила голыми ногами эту массу съ помощью пары воловъ. Волы были впряжены въ ярмо и покорно шли за рукою хозяйки, которая кружила вмѣстѣ съ ними по этой глинѣ, превращая такимъ образомъ, посредствомъ утаптыванія, всѣ составныя части этого мѣсива въ одну массу. Работа, не скажу, что-бы особенно легкая: это было замѣтно по крайнему утомленію и воловъ, и хозяйки. Ноги ихъ почти по колѣно уходили въ полуразжиженную мягкую глину, изъ которой высвобождались съ большимъ трудомъ. Волы тяжело дышали, съ казачки лилъ потъ, а мужъ ея стоялъ въ сторонѣ и только иногда подхлестывалъ хворостинкой замедлявшагося вола. Тутъ, какъ слышно, даже постройкой хатъ занимаются преимущественно женщины. Этимъ мѣсивомъ обложатся съ двухъ сторонъ стѣны хатки, которымъ дадутъ пообвѣтриться и просохнуть; соорудятъ изъ глины же печь, на хворостяную кровлю, для пущей теплоты, наложатъ землицы; изнутри и снаружи вымажутъ стѣны желтою глиной, да убьютъ поплотнѣе глиняный полъ, и вотъ жилье готово. Я видѣлъ здѣсь нѣсколько вновь строющихся хатокъ. Стѣны изъ мѣсива были выложены и сглажены весьма тщательно; прорѣзы для дверей и оконъ подѣланы съ такою же старательной чистотой и акуратностью. На зимній холодъ въ этихъ хаткахъ не жалуются и каждая изъ нихъ, обходясь весьма дешево, что-то въ родѣ десяти-пятнадцати рублей, можетъ служить вполнѣ удобнымъ жильемъ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ и даже болѣе, съ небольшимъ конечно, но ежегоднымъ ремонтомъ, который преимущественно состоитъ въ поддержкѣ кровли, да въ замазываніи зимнихъ трещинъ.

За Калачемъ протянулася большая степь, почва которой по преимуществу песчаная, поростая рѣденькимъ молочаемъ. Въ степи лежитъ калачевское кладбище. Я никогда еще не видалъ ничего болѣе грустнаго. Ни рва, ни забора, ни изгороди, а просто на голомъ пескѣ, на которомъ даже и могильныхъ бугорковъ незамѣтно, торчатъ себѣ нѣсколько расшатавшихся крестиковъ да колышковъ — и только. Между ними одиноко стоитъ маленькая кирпичная часо-

венька надъ чьей-то могилой, впрочемъ далеко еще недостроенная и уже заброшенная. Тутъ же, въ разныхъ мѣстахъ, бѣлѣется нѣсколько костей лошадиныхъ и воловьихъ, конечно, обглоданныхъ волками. Ни травки, ни кустика, одинъ только желтый, сыпучій песокъ.

Въ Калачѣ пока еще нѣтъ церкви. Недавно только на дебаркадерѣ выставили образъ и кружку съ приглашеніемъ къ посильнымъ пожертвованіямъ. Въ настоящее время тамъ находится неподалеку отъ желѣзной дороги подъ купою нѣсколькихъ деревъ бѣдная маленькая молельня, помѣщающаяся въ какомъ-то сарайчикѣ, съ крестикомъ на кровлѣ и небольшимъ колоколомъ, который одиноко виситъ себѣ подлѣ молельни.

На станціи желѣзно-дорожная дѣятельность не прекращается ни днемъ, ни ночью. Дежурный локомотивъ то и дѣло гукаетъ вамъ въ ухо своимъ пронзительнымъ свисткомъ и шныритъ взадъ и впередъ по рельсамъ, то одинъ, то таща за собою длинную цѣпь вагоновъ, сортируя и переставливая ихъ съ одного пути на другой. Платформы нагружены преимущественно лѣсомъ, въ доскахъ и въ бревнахъ, и этотъ продуктъ составляетъ, кажется, главнѣйшій предметъ операцій волжско-донской дороги. Я уже говорилъ о той необыкновенной, скромной простотѣ, которая господствуетъ на этой дорогѣ, построенной вполнѣ экономически и, стало быть, какъ нельзя болѣе раціонально. Тутъ нѣтъ ни пышныхъ залъ, ни роскошныхъ буфетовъ, ни изящной и дорогой мебели, ни газоваго освѣщенія, ни каменныхъ зданій наконецъ, безъ чего у насъ досселѣ не обходится ни одна почти желѣзная дорога. Тутъ же — все ограничено одною только строгою необходимостью. И въ мужской и въ женской комнатахъ нѣтъ ничего кромѣ простыхъ, довольно широкихъ скамеекъ и двухъ-трехъ тесовыхъ столовъ. На этихъ столахъ и на оконныхъ косякахъ досужіе путники, въ ожиданіи парохода, пишутъ свои имена и числа мѣсяца и года, иногда съ прибавленіемъ какихъ нибудь фразъ и даже стиховъ, гдѣ по преимуществу распекается калачевская скука. Отсутствіе комфорта полнѣйшее, но мнѣ кажется, что излишній комфортъ едва ли и умѣстенъ первоначально на желѣзныхъ дорогахъ, выстроенныхъ благодаря частной предпріимчивости. Лучше поменьше комфорту, но побольше желѣз-

ныхъ путей. И еслибы всѣ наши будущія дороги, по крайней мѣрѣ на югѣ, строились бы подобнымъ экономическимъ образомъ, по американской системѣ, частныя общества не были бы отъ того въ накладѣ. Комфортъ могъ бы явиться и впослѣдствіи, постепенно, а мы между тѣмъ на годъ или на два ранѣе имѣли бы бо́льшее пространство готовыхъ желѣзныхъ дорогъ, годомъ или двумя ранѣе началось бы оживленіе края, притокъ богатствъ.

На другой день нашего пребыванія въ Калачѣ встало яркое и знойное іюньское утро точно такое же, какъ и наканунѣ. Предстояло волей-неволей прогостить тутъ еще почти цѣлыя сутки, до парохода. Какъ убить время? Внизу на пристани, мой спутникъ и сотоварищъ по странствію занимался рыбною ловлей; но я терпѣть не могу этого буколическаго занятія и не понимаю удовольствія смотрѣть на поплавокъ, не двигаясь съ мѣста битый часъ, въ ожиданіи пока клюнетъ. А приходилось выбирать между удочкой и шатаньемъ по Калачу, съ которымъ еще вчера мы успѣли вполнѣ ознакомиться. У пристани стояла маленькая шлюпка и ей суждено было выручить насъ отъ калачевской скуки, которая начинала уже давать знать себя довольно ощутительно. Мы отправились кататься вдоль по затону.

По правую сторону затона почти на цѣлую версту, если даже не болѣе, тянется калачевская пристань, устроенная весьма практически. Вдоль деревянной, свайной набережной идутъ рельсы; къ борту набережной пристаютъ барки и такимъ образомъ перегрузка совершается самымъ кратчайшимъ путемъ, такъ какъ отъ борта до рельсовъ разстояніе тутъ чуть ли не менѣе сажени; но на этой огромной пристани я въ тотъ разъ не видалъ ни малѣйшей дѣятельности: ни барокъ, ни иныхъ промышленныхъ судовъ здѣсь не было; приткнулись только въ одномъ мѣстѣ какія-то двѣ черныя барки, по видимому, казенныя, но и тѣ были пусты. За то ближе къ станціи видна была постоянная дѣятельность; слышенъ визгъ пилы, стукъ топоровъ. Нѣсколько десятковъ рабочихъ спѣшно сколачивали три или четыре барки изъ того матеріала, который привозится сюда съ Волги.

Лѣвый берегъ затона совсѣмъ почти пустыненъ. Виднѣется на немъ одна какая-то мазанка въ два оконца, вѣроятно сторожка, нѣ-

сколько лодокъ вытащены на берегъ, пароходикъ какой-то да кабестанная машина подчалили туда же и Богъ вѣсть съ какихъ поръ стоятъ себѣ на покоѣ—должно быть чинятся. Оба берега песчаны, но на лѣвомъ побережный песокъ, наслоившійся въ нѣсколько пластовъ, превосходнаго качества, чистый, бѣлый, блестящій и мелкосыпучій, а такъ какъ ежегодные разливы покрываютъ всю косу затона, оставляя послѣ себя наносныя части илу, то на всемъ песчаномъ основаніи косы развелась довольно сильная растительность. Деревья, правда, не особенно высоки, но довольно густы и часты. Мы заѣхали въ самую глубь затона, гдѣ воды совсѣмъ уже тихи и неподвижны, и здѣсь на побережьѣ копошилась мелкая, но необыкновенно дѣятельная жизнь: тысячи водяныхъ насѣкомыхъ, жучковъ, паучковъ, мушекъ скользили и сновали взадъ и впередъ по ясно тихой и пригрѣтой солнцемъ водѣ, рыба то и дѣло вскидывалась на поверхность—сверкнетъ чешуей, ударитъ хвостомъ и плеснетъ, словно цѣлой пригоршнью, алмазными брызгами. Цапли стоятъ тамъ и сямъ и безбоязненно оглядываютъ нашу лодку какъ будто нѣсколько удивленнымъ взглядомъ; а въ воздухѣ и въ кустахъ идетъ звонкое тысячеголосное щебетанье. Въ одномъ мѣстѣ маленькая молодая черепаха быстро сбѣжала по песку въ воду съ покатаго берега. Я надѣялся было найдти тутъ же гдѣ нибудь по близости черепашье гнѣздо и потому вышелъ на берегъ, но, отойдя отъ него саженей на десять, совершенно неожиданно наткнулся на очень оригинальную сцену. Въ пескѣ засѣло здѣсь очень много разнообразныхъ ракушекъ; высматривая ихъ глазами, я замѣтилъ, что шагахъ въ двухъ отъ меня что-то копошится. Вглядываюсь—ежъ, и замѣчаю, что онъ продѣлываетъ какія-то странныя эволюціи: то подастся вправо, то отпятится назадъ и прикурнетъ неподвижно, свернувшись въ клубокъ; то вдругъ заберетъ влѣво, остановится, подниметъ свою свиную мордочку и поведетъ ею въ стороны, словно бы что нибудь высматривая, и все это такъ тихо, такъ осторожно. Казалось, онъ хотѣлъ обойдти какого-нибудь непріятеля и маневрировалъ вокругъ него съ своеобразной, большою хитростью. Меня заинтересовало поведеніе такого рода и я сталъ внимательнѣе вглядываться вокругъ себя, какъ вдругъ замѣтилъ, что тутъ-же растянулась по песку черная стальнаго цвѣта змѣя, гадюка, которая почти

неподвижно нѣжилась всѣмъ тѣломъ на солнцѣ и только лѣниво слегка поводила блестящей головкой. Со мною была камышевая палка, довольно здоровой конструкціи, и потому этотъ непріятель не особенно былъ мнѣ страшенъ. Я продолжалъ наблюдать за ежомъ и за гадиной. Ежъ, продолжая свои обходы и затѣйливыя эволюціи, поминутно останавливаясь, высматривая, затаиваясь и притворяясь мертвымъ клубочкомъ, все болѣе и болѣе приближался къ гадинѣ, а та, казалось, ничего этого не подозрѣвала. Ежъ старался подойдти къ ней сзади, съ хвоста. Онъ уже былъ отъ нея въ пяти-шести вершкахъ разстоянія, но въ это время змѣя поползла впередъ, медленно, лѣниво, словно бы нехотя. Я не успѣлъ и глазомъ моргнуть, какъ ежъ, это на видъ такое неуклюжее, несуразное животное, съ особенной стремительностью, поднявъ свою мордочку, побѣжалъ за гадиной и вдругъ ухватилъ ее зубами за хвостъ. Испуганная змѣя вспрыгнула, какъ стальная пружина, мгновенно взвилась нѣсколькими кольцами, высоко поднялась вверхъ до половины своимъ напряженно-изогнутымъ тѣломъ и широко, почти подъ прямымъ угломъ раскрывъ свою пасть, съ зловѣщимъ шипѣньемъ обернулась къ ежу; но тотъ уже успѣлъ запрятать свою мордочку, не выпуская однако изъ зубовъ хвоста, и быстро свернулся въ клубочекъ. Однѣ только иглы ощетинились во всѣ стороны и стояли неподвижно, словно каре́ штыковъ. Гадина стремительно бросилась на него и укусила, но въ тожъ мгновенье еще съ большимъ испугомъ и какъ-то нервно откинулась въ сторону: она самымъ неожиданнымъ образомъ и ужасно накололась мордочкой и всею пастью на крѣпкія иглы въ ту самую минуту, какъ разсчитывала нанести нежданному врагу свой смертоносный ударъ. Ежъ даже и не шелохнулся. Потерпѣвъ эту первую неудачу, пресмыкающееся съ напряженнымъ усиліемъ рванулось впередъ и поползло, разсчитывая, конечно, освободить себя такимъ образомъ, но клубокъ, словно неодушевленная масса, поволокся за нею. Проползя аршина два, змѣя, вѣроятно, убѣдилась, что и этотъ способъ спасенія не помогаетъ. Она на минуту остановилась, замедлилась словно въ нерѣшимости, не зная еще какъ быть и что предпринять, а ежъ не подаетъ межъ тѣмъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни и только знай себѣ держится зубами за завѣтный хвостъ. Вдругъ гадина съ новымъ бѣшенствомъ

кинулась на врага и съ размаху захлестнулась вокругъ него, словно тесьмой, всѣмъ своимъ тѣломъ. Иглы зашевелились съ легкимъ чуть-слышнымъ сухимъ трескомъ и ощетинились еще болѣе. Тогда опять исколотая змѣя поспѣшила отпрянуть и съ невѣроятными усиліями стала виться и изгибаться всѣмъ корпусомъ, сверкая на солнцѣ темно-стальной чешуею. Эти быстрыя нервныя движенія походили на какія-то бѣшено-злобственныя конвульсіи. Но продолжая метаться такимъ образомъ, змѣя то и дѣло накалывалась все больше и чаще. Ежъ по прежнему оставался неподвиженъ. Если гадина кидалась и ползла въ какую нибудь сторону, онъ смиренно волочился за нею; снова извивалась и захлестывалась она вокругъ него, снова пыталась укусить—онъ только шевелилъ слегка иглами. Эта странная борьба длилась, я думаю, минутъ около двадцати. Подъ конецъ, уже въ какомъ-то изступленіи, гадюка совершенно безразсчетно извивалась вокругъ ежевыхъ иголъ, кусала ежа во всѣ стороны и кусала теперь уже ежесекундно. Отчаяніе и боль, очевидно, совсѣмъ отуманили ее. Наконецъ вся исколотая и уже обезсиленная, она медленно и тихо размоталась, сдѣлала послѣднее усиліе ползти, и точно,—проползла съ величайшимъ трудомъ сажени двѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все медленнѣе. Съ каждымъ новымъ движеніемъ своихъ колецъ она все болѣе и болѣе теряла силы, а ежъ по прежнему волочился за нею. Наконецъ она остановилась, дѣлая только слабыя движенія головою. Для нея, очевидно, наступала уже послѣдняя агонія. Все тѣло и вся пасть ея были страшно исколоты, сквозь шкуру проступила какая-то пасока, къ которой поприлипалъ мелкій сухой песокъ. Ежъ все еще не двигался. Такимъ образомъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ осторожно, чуть-чуть выставилъ мордочку, зорко поглядѣлъ на побѣжденнаго врага своими маленькими глазками и, убѣдясь, что гадюка совсѣмъ уже изнемогла, сдѣлалъ впередъ одно быстрое, короткое движеніе и, накинувшись на нее близъ шеи, перегрызъ ее пополамъ. Обѣ части змѣи продолжали еще шевелиться, а ежъ съ апетитомъ принялся за свой завтракъ, завоеванный въ такомъ странномъ, оригинальномъ бою.

Я пошелъ бродить по косѣ. Впереди то и дѣло открывались все новыя лужайки, обрамленныя густо-разросшимся частымъ ку-

старникомъ и деревьями. Тутъ былъ черноклёнъ и орѣшникъ, ивнякъ и осинникъ, проскурнякъ и волчья ягода. Травы по лужайкамъ стояли высокія, густыя, сочныя и ярко пестрѣли цвѣтами. Въ млѣющемъ, неподвижномъ и раскаленномъ воздухѣ полудня стоялъ густой, упоительный ароматъ, который разливали всѣ эти обильныя цвѣты и травы. Здѣсь кишѣли миріады насѣкомыхъ, скакали безчисленные кузнечики, трещали сине-зеленыя „коромысла“ блестя своими сухими, перепончатыми и словно изъ прозрачной слюды сдѣланными крылышками. Разнообразные, мелкіе луговые мотыльки трепетно вздымались изъ высокой травы, которую я раздвигалъ своею походкой. Тутъ я замѣтилъ особенный видъ бабочки, какого мнѣ нигдѣ и никогда, ни до тѣхъ поръ ни послѣ, не доводилось встрѣчать, исключая калачевскій затонъ. Величина этой бабочки средняя между луговымъ мотылькомъ и обыкновенною бабочкой-капустникомъ. Она кидается въ глаза необыкновенно яркимъ и прекраснымъ, чистѣйшимъ малиновымъ цвѣтомъ своихъ крылышекъ. Я не энтомологъ и не могу опредѣлить этого вида, не знаю также извѣстенъ ли онъ естествоиспытателямъ; но сколько помнится, мнѣ не доводилось встрѣчать его въ энтомологическихъ колекціяхъ, и притомъ географическое распространеніе этого вида, кажись, весьма ограничено, такъ какъ—повторяю—кромѣ калачевской косы, на которой эта бабочка водится въ достаточномъ количествѣ, я нигдѣ больше ея не встрѣтилъ.

Всеволодъ Крестовскій.

КРИТИКА.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПСИХОЛОГІИ, ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

(The principles of Psychology by Herbert Spencer. London, 1855)

Alles ist einerlei.
(Hegel)

I.

Въ нашей литературѣ нѣсколько разъ уже было упоминаемо имя Герберта Спенсера ([1]). Кромѣ того его сочиненія печатаются у насъ въ переводѣ на русскій языкъ; а потому мы надѣемся, что наши читатели не найдутъ излишнимъ отчетъ объ одномъ изъ самыхъ серьезныхъ трудовъ этого автора по вопросу, изъ всѣхъ другихъ философскихъ вопросовъ имѣющему наиболѣе общій и живой интересъ. Цѣль наша при этомъ не есть полемическая. Мы не намѣрены воевать ни за направленіе Спенсера, ни противъ него. Мы прежде всего хотимъ обстоятельно познакомить читателя съ содержаніемъ его книги, а затѣмъ показать ему, какой сильный толчекъ получило старое зданіе психологіи отъ вторженія въ его сферу наукъ реальныхъ и какая теперь идетъ переборка въ немъ. Выборъ, для этой послѣдней цѣли, Спенсера имѣетъ свои неудобства,

---

([1]) Въ 1866 году статья Ушинскаго въ Отечественныхъ Запискахъ: «*Современное состояніе науки о Духѣ*.

Въ 1867 году статья Миртова въ Женск. Вѣстн.: «*Основныя начала Герберта Спенсера*».

конечно; потому что Спенсеръ не спеціалистъ и философическое развитіе его далеко не полно. Это просто человѣкъ умный и свѣдущій, отлично знакомый съ отдѣломъ реальныхъ наукъ и самъ ученикъ реальной школы; но при этомъ человѣкъ, изучившій прилежно труды современныхъ ему писателей и по отдѣлу интеллектуальной дѣятельности, и по другимъ частямъ. Короче сказать, это скорѣе энциклопедикъ, въ смыслѣ Огюста Конта и Милля, чѣмъ цѣховой и присяжный членъ какого нибудь спеціальнаго факультета. Трудъ его имѣетъ одну драгоцѣнную въ нашихъ глазахъ черту, это — свѣжесть. Въ немъ нѣтъ ничего застылаго и осѣвшаго, никакой догматической неприступности и рутины. Это открытая мастерская, въ которой кипитъ работа, еще неконченная, прозрачный сосудъ, въ которомъ процесъ броженія можетъ быть наблюдаемъ. Мы видимъ ферментъ реальныхъ воззрѣній, просочившійся въ сферу науки о духѣ, видимъ разгаръ и борьбу элементовъ; но не видимъ еще никакого осадка, никакой твердо-установившейся, систематической кристализаціи. Будь Спенсеръ зрѣлый философъ, имѣй онъ систему, вполнѣ завершенную, мы не могли бы его поймать, какъ говорится, на дѣлѣ и выслѣдить шагъ за шагомъ процесъ развитія его убѣжденій со всѣми недоумѣніями, ошибками, промахами и уловками, какія онъ дѣлаетъ иногда, чтобы обойдти неодолимыя затрудненія. Теперь же мы именно это хотимъ и надѣемся сдѣлать, и къ этому самый пріемъ, самый порядокъ его работы представляетъ большія удобства.

Онъ начинаетъ съ *анализа* и оканчиваетъ *синтезомъ*. Двѣ эти части, каждая въ свою очередь, подраздѣляются на *общую* и на *частную*. Двѣ первыя части содержатъ въ себѣ анализъ мысли и знанія; двѣ вторыя — генезисъ жизни и феноменологію духа. Въ предисловіи есть оговорка на счетъ разорванности этихъ частей и на счетъ того, что многое въ нихъ еще не додѣлано. Причина того и другаго — ясна. Достаточно прочитать *общій анализъ*, чтобы убѣдиться, что Спенсеръ не выработалъ еще себѣ никакой отчетливой философской системы. Терминологія у него неточная. Одно и тоже называется иногда такъ, иногда совершенно иначе; онъ бродитъ ощупью; онъ не совсѣмъ какъ будто бы у себя дома; онъ какъ будто зашелъ въ малоизвѣстный край и отыскиваетъ до-

рогу. У него есть нѣсколько данныхъ,—это общія аксіомы реальныхъ наукъ; но онъ чувствуетъ нужду провѣрить ихъ. Еслибы, говоритъ онъ, предметомъ его была не психологія, то въ этомъ бы не было надобности, потому что въ другихъ наукахъ все это принимается за несомнѣнную истину; но спеціальный долгъ психологіи указать гарантію для всѣхъ этихъ истинъ. Подобную гарантію не можетъ дать ни одна изъ такъ называемыхъ аксіомъ, сама по себѣ, потому что одна не имѣетъ на своей сторонѣ большей степени достовѣрности, чѣмъ другія. Нельзя, стало быть, принять за исходную точку какой нибудь завершенный и существующій актъ убѣжденія; а надо найти законъ или общій критеріумъ, который служилъ бы равно для повѣрки и для оцѣнки всякаго убѣжденія. Послѣ разныхъ изслѣдованій Спенсеръ приходитъ къ тому, что никакой гарантіи для нашего убѣжденія, внѣ сферы нашего убѣжденія, мы не можемъ найдти и что поэтому, волей-неволей, мы должны считать вѣрнымъ *всякое убѣжденіе, порукою въ неизмѣнномъ существованіи котораго служитъ намъ невозможность постичь его отрицаніе*.... Но такъ какъ опытъ намъ говоритъ, къ несчастію, что и этотъ критеріумъ не вполнѣ безошибоченъ; потому что бывали примѣры убѣжденій, вполнѣ отвѣчавшихъ этому правилу и впослѣдствіи все-таки опровергнутыхъ, то мы должны принять еще нѣкоторыя предосторожности; должны еще сдѣлать различіе между сложнымъ актомъ убѣжденія и простымъ. Тогда мы найдемъ, что всѣ случаи, въ которыхъ убѣжденія общепринятыя были впослѣдствіи опровергнуты, относились къ числу убѣжденія, сложныхъ, это понятно. По мѣрѣ того какъ актъ убѣжденія усложняется, вѣроятность ошибки растетъ. Чѣмъ онъ малосложнѣе, проще, тѣмъ менѣе вѣроятность ошибки. Наконецъ въ самомъ простѣйшемъ и недѣлимомъ актѣ вѣроятность эта доходитъ до наименьшей своей величины. И потому простой, недѣлимый актъ убѣжденія, порукою въ неизмѣнномъ существованіи котораго служитъ намъ невозможность постичь его отрицаніе, есть наилучшій критеріумъ истины.

Но, говоритъ Спенсеръ, это вполнѣ отвлеченный законъ, а психологія нуждается для своей опоры не просто въ законѣ вѣрнаго убѣжденія, а въ *существительныхъ* убѣжденіяхъ. Къ числу

такихъ принадлежатъ убѣжденія въ дѣйствительности внѣшняго міра и нашего личнаго существованія, въ дѣйствительности матеріи, силы, пространства, времени и т. д., однимъ словомъ всѣ убѣжденія, составляющія реалистическій символъ вѣры... Возраженіе противъ этого очень просто: ни одно изъ поименованныхъ убѣжденій не есть простой, недѣлимый актъ убѣжденія, потому что все это абстракціи, а абстракція не есть вовсе дѣло убѣжденія непосредственнаго, — это продуктъ мысленной работы. Спенсеръ даетъ на это довольно странный отвѣтъ. Попробуйте, говоритъ онъ, опровергнуть любую изъ этихъ истинъ и тогда испытайте: что легче и проще:—повѣрить ли этой истинѣ или повѣрить тому аргументу, которымъ вы хотите ее опровергнуть, что значитъ другими словами: вы не можете отвергать одно, не утверждая тѣмъ самымъ другаго чего нибудь, значитъ, вы убѣждены въ другомъ чемъ нибудь. Сравните же ваше убѣжденіе съ тѣмъ, что вы опровергаете на основаніи его, и вы убѣдитесь, что ваше сложнѣе, стало быть, въ немъ болѣе шансовъ ошибки и, стало быть, оно менѣе достовѣрно. Но вопросъ вовсе не въ томъ и никто въ наше время не желаетъ опровергать этихъ истинъ, а требуется только провѣрить: дѣйствительно ли онѣ достигаются однимъ простымъ, неразлагаемымъ актомъ убѣжденія для того, чтобы знать: имѣетъ ли право анализъ остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ предѣлѣ абстракціи, или онъ долженъ, руководясь указаннымъ правиломъ, идти еще далѣе? Но рѣшить этотъ вопросъ въ самомъ началѣ изслѣдованія, не имѣя къ тому никакихъ готовыхъ данныхъ, конечно, нельзя, и потому всѣ аргументы, которые Спенсеръ приводитъ въ защиту свою, оказываются неубѣдительны. Это—импровизація, за которой въ резервѣ нѣтъ ничего, что могло бы связать ея разорванные клочки и дать имъ прочное основаніе. Въ концѣ впрочемъ оказывается, что законъ вѣрнаго убѣжденія нуженъ ему вовсе не для послѣдующихъ частей работы, а единственно только, чтобы избавить его отъ необходимости иначе провѣрять и доказывать тотъ рядъ отвлеченныхъ истинъ, которыя онъ принимаетъ за данныя и непоколебимыя точки опоры для всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій.

Установивъ, по своему, эти точки опоры, онъ переходитъ ко второму отдѣлу, который у него называется: *частный анализъ*,

и начинаетъ его съ *анализа сложнаго количественнаго сужденія.*

II.

Анализъ, ведомый истинно-систематическимъ образомъ, говоритъ Спенсеръ, долженъ начать съ самыхъ сложныхъ явленій анализируемаго порядка, долженъ стараться ихъ разложить на менѣе сложные и такъ далѣе, путемъ постепеннаго разложенія, долженъ придти къ простѣйшимъ и самымъ общимъ выводамъ. Затѣмъ онъ беретъ примѣромъ: соображеніе инженера, отыскивающаго размѣры желѣзнаго, цилиндрическаго моста и принимающаго въ разсчетъ предъидущій опытъ. Соображенія эти сводятся къ уравненію противуположныхъ силъ: силы устоя и силы разрыва. Уравненіе анализируется и разлагается на простыя алгебраическія функціи; *функціи*, для единства терминологіи, переименовываются въ *отношенія*, и наконецъ, послѣ долгихъ, старательныхъ розысканій, Спенсеръ приходитъ къ такому выводу: что въ основѣ всякаго количественнаго сужденія и на каждомъ шагу его мысль производитъ одну и туже работу, простой, неразложимый актъ которой есть *установка въ сознаніи равенства двухъ отношеній.* Неразложимымъ же Спенсеръ считаетъ его потому, что къ утвержденію равенства двухъ отношеній нельзя указать никакой другой причины кромѣ того, что это равенство очевидно.—Недалеко спустя, мы находимъ однако, что точное созерцаніе, лежащее въ основѣ количественнаго сужденія, подчинено тремъ условіямъ. Условія эти, или какъ Спенсеръ ихъ называетъ: *идеи*, суть: 1) *совмѣстимость* (coextension) или тождество относительно величины мѣста, занимаемаго въ пространствѣ; 2) *сосуществованіе* (coexistence) или тождество относительно времени присутствія въ сознаніи и 3) *однородность* (connature). Зерно, изъ котораго выростаетъ количественное сужденіе, говоритъ Спенсеръ, простое созерцаніе равенства двухъ величинъ, очевидно включаетъ въ себѣ всѣ эти три идеи, потому что величины не могутъ быть сравниваемы, если онѣ

не однородны, и совмѣстимость ихъ не можетъ быть усмотрѣна, если онѣ не присутствуютъ въ сознаніи одновременно.

Отъ равенства величинъ Спенсеръ естественнымъ образомъ переходитъ къ неравенству ихъ и этимъ путемъ вводитъ свое изслѣдованіе въ сферу *несовершеннаго количественнаго сужденія*, примѣромъ котораго могутъ служить тѣ виды геометрическихъ теоремъ, гдѣ утверждается, что одна вещь больше или меньше другой, что одна содержитъ въ себѣ другую и проч. Въ этого рода сужденіяхъ онъ находитъ одну общую имъ черту, ту именно, что хотя *первичныя отношенія* (между вещами) и не даютъ равенства, но тѣмъ не менѣе, *вторичныя отношенія* (между отношеніями) равны. За этимъ типомъ количественнаго сужденія слѣдуютъ типы еще менѣе точные, анализъ спускается ниже и ниже, и наконецъ приводитъ насъ къ самому неразвитому типу количественнаго сужденія, къ такому, въ которомъ равенство выражается отрицательнымъ образомъ только въ томъ, что всѣ послѣдовательно находимыя отношенія—*равно неравны*.

Отъ типа количественнаго сужденія Спенсеръ переходитъ къ типу *сужденія качественнаго*; но строго-аналитическій пріемъ, котораго онъ держался въ началѣ, на этомъ мѣстѣ оставленъ, и мы начинаемъ встрѣчать на каждомъ шагу то выводы, опережающіе изслѣдованіе, которое къ нимъ подшито какъ доказательство, то теоремы, плохо доказанныя или даже совсѣмъ недоказанныя. *Качественное сужденіе* не удостоено такого самостоятельнаго анализа, какъ количественное. Онъ приступаетъ къ нему съ готовымъ убѣжденьемъ, что между этими двумя типами нѣтъ родоваго, существеннаго различія, а есть только разница въ степени точности (Именно, въ самыхъ точныхъ видахъ сужденья качественнаго, одно изъ условій точнаго созерцанія:—*совмѣстимость*, исчезаетъ вполнѣ, тогда какъ во всѣхъ видахъ количественнаго сужденья, мы находимъ ее). Но это—одно изъ самыхъ бездоказательныхъ утвержденій, какія мы только находимъ у Спенсера. Отвлекая любой предметъ отъ особенной его стороны, очень не трудно его уровнять со всякимъ другимъ и этимъ путемъ придти къ тому безразличію, которое Гегель такъ вѣрно изобразилъ двумя словами: *Alles ist einerlei* (все одинаково). Но такимъ образомъ можно обо

всемъ говорить и не сказать ничего или сказать разительную нелѣпость. Можно сказать, напримѣръ, что между ландшафтомъ Калама и топографическимъ чертежемъ нѣтъ никакого существеннаго различія, а есть только разница въ степени точности, упустивъ изъ виду, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою особаго рода точность, несвойственную другому, и что по этому сравнивать степень ихъ точности вообще также неосновательно, какъ сравнивать напримѣръ степень граматической правильности со степенью исторической правды. Но Спенсеръ ничего этого не хочетъ принять въ соображеніе. Располагая градацію совершенства по степени точности вообще, онъ ставитъ сужденіе качественное положительно ниже количественнаго и утверждаетъ, что первое есть неразвитый типъ втораго. Первое, говоритъ онъ, всегда предшествуетъ второму, какъ подготовительный актъ..... Въ общемъ движеніи цивилизаціи, также какъ въ развитіи индивидуальнаго мышленія, прогрессъ необходимо идетъ отъ качественнаго къ количественному. Приговоръ этотъ кажется намъ не вѣренъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ логическомъ смыслѣ. Съ одной стороны, ему противурѣчатъ факты. Математика, чистый образчикъ типа количественнаго, стояла на твердой почвѣ еще за 300 лѣтъ до Р. Х., въ такую пору, когда другія науки блуждали еще въ совершенныхъ потемкахъ. Съ другой стороны выводъ количественный также часто необходимъ, какъ подготовка для вывода качественнаго, какъ и обратно. Вопросы: *сколько, какъ долго и въ какой степени*? должны быть на каждомъ шагу рѣшены, прежде чѣмъ качество вещи или качество дѣйствія могутъ быть надлежащимъ образомъ дознаны и оцѣнены; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы подобнаго рода рѣшенія составляли собою послѣднюю и самую трудную часть работы. Добывъ эти данныя, качественное сужденіе усвоиваетъ ихъ себѣ, какъ матеріалы для конструкціи новыхъ посылокъ, и изъ этихъ новыхъ посылокъ дѣлаетъ новые выводы. Иначе сказать: *число, объемъ, вѣсъ* и проч. суть такіе же матеріалы сужденія качественнаго, какъ и другія свойства или атрибуты вещей; но эти послѣднія не могутъ наоборотъ служить матеріалами для количественнаго сужденія, потому что оно начинаетъ съ абстракціи ихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы взглянемъ на *суж-*

деніе вообще, какъ на цѣлую единицу мысленнаго процеса, то мы найдемъ, что единица эта имѣетъ въ себѣ двѣ сферы: одну, *качественную*, которая заключаетъ въ себѣ и количественную, и другую, *количественную*, которая исключаетъ собою качественную.

Затѣмъ, указывая на недостатки и промахи Спенсера, мы считаемъ обязанностію обратить вниманіе и на свѣтлыя его стороны. Къ числу низшихъ типовъ *сужденія качественнаго* онъ относитъ два извѣстные вида его: *индукцію и дедукцію*. Широкое примѣненіе ихъ въ наукѣ сообщаетъ особенный интересъ нѣсколькимъ, весьма основательнымъ замѣчаніямъ, которыя мы находимъ о нихъ у Спенсера. Но прежде чѣмъ передать ихъ читателю, напомнимъ въ короткихъ словахъ общепринятое понятіе объ этихъ двухъ видахъ сужденія. *Индукція* начинается эмпирически съ *догадки*, иногда весьма шаткой. Дана извѣстная категорія предметовъ и объ одномъ или нѣсколькихъ изъ числа ихъ извѣстно, что они имѣютъ такое-то качество или свойство. Догадка ведетъ къ предположенію, что не только эти извѣстные, но и всѣ остальные имѣютъ такое-же свойство. Затѣмъ, догадка эта усиливается по мѣрѣ того, какъ опытъ насъ убѣждаетъ, что дѣйствительно не только эти одни, но и другіе предметы изъ той-же категоріи имѣютъ то же свойство, и когда наконецъ число извѣстныхъ станетъ достаточно, чтобы породить въ насъ увѣренность, мы окончательно убѣждаемся, что это извѣстное качество *должно принадлежать всѣмъ*. Заключеніе въ эту сторону мы называемъ *индукціею*. Оно ведетъ къ установленію въ нашемъ понятіи и въ наукѣ *общаго правила* или *закона*. Затѣмъ примѣненіе этого правила или закона къ частному случаю составляетъ умозаключеніе въ обратную сторону, которое мы и называемъ *дедукціею*. Посмотримъ теперь что Спенсеръ намъ говоритъ объ этомъ предметѣ.

Онъ утверждаетъ, что общая рамка *индукціи* не только можетъ, но и должна содержать въ себѣ заключеніе отъ частнаго къ всеобщему. Какъ на прямаго противника своего въ этомъ отношеніи, онъ указываетъ на одного изъ своихъ соотечественниковъ и современниковъ, сера Ульяма Гамильтона. Гамильтонъ утверждаетъ, что только тѣ виды индукціи могутъ быть признаны логикою, гдѣ

выводъ слѣдуетъ съ безусловной необходимостью изъ данныхъ ему предшествующихъ, а что всѣ остальные должны быть признаны нелогическими. Посмотримъ, говоритъ Спенсеръ, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ насъ подобный раздѣлъ. По мнѣнію Гамильтона, дѣлить индукцію, какъ это дѣлаютъ другіе философы, на *совершенную* и *несовершенную*, смотря потому, основывается ли заключеніе о *цѣломъ* (классѣ) на *всѣхъ* или только на *нѣкоторыхъ* его составныхъ частяхъ—это *двойная нелѣпость*, и онъ утверждаетъ, что только тамъ существуетъ логическая индукція, гдѣ *цѣлое* заключается изъ перечисленныхъ *всѣхъ*. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: что же такое въ сущности эта такъ называемая *несовершенная* индукція? Гамильтонъ говоритъ, что она не должна быть допущена въ логикѣ. Все же вѣдь это есть видъ сужденія и такой видъ, путемъ котораго образуется громадное большинство нашихъ выводовъ и образуется правильно. Такимъ образомъ намъ пришлось бы принять два вида индукціи (также какъ и дедукціи), одинъ изъ которыхъ признанъ наукою мышленія, а другой игнорируется. Это само по себѣ уже было бы дико, но покажется еще диче, если мы вникнемъ въ существенный смыслъ различія, проводимаго этою гипотезою между *логическимъ* и *нелогическимъ* мышленіемъ. Если, идя путемъ такъ называемой несовершенной индукціи, мы заключимъ по частому повторенію случаевъ, въ которыхъ мы видѣли бабочекъ, развивающихся изъ гусеницъ, что *всѣ* бабочки развиваются такимъ образомъ, то ясно, что заключеніе это обниметъ несчетное число фактовъ, прямымъ путемъ никогда нами не дознанныхъ: — по немногимъ извѣстнымъ явленіямъ мы заключаемъ о безконечномъ числѣ неизвѣстныхъ. Попробуемъ же теперь идти путемъ такъ называемой совершенной индукціи, не позволяющей утверждать о цѣломъ (разрядѣ) того, что намъ неизвѣстно заранѣе о каждой изъ его частей, и потому не признающей логическимъ заключеніемъ, что *всѣ* бабочки развиваются изъ гусеницъ. Если, судя путемъ этой такъ называемой *совершенной* индукціи, я говорю: такъ какъ каждая бабочка (каждая то есть изъ тѣхъ, надъ которыми я наблюдалъ) развилась изъ гусеницы, то, стало быть, и всѣ бабочки (то есть всѣ тѣ, надъ которыми я наблюдалъ) развились также,

то ясно, что это такъ называемое заключеніе не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было уже утверждено въ посылкѣ, и что это не болѣе, какъ субсумація, подъ словомъ *всѣ*, отдѣльныхъ фактовъ, опредѣляемыхъ словомъ: *каждая*, что ничего новаго, ничего до сихъ поръ неизвѣстнаго не утверждается. Вотъ, стало быть, два вида мысленной процедуры. Въ одномъ отъ кое-чего извѣстнаго заключается о кой-чемъ неизвѣстномъ; въ другомъ — изъ того же извѣстнаго не выводится ничего кромѣ того же извѣстнаго. А между тѣмъ оба вида считаются видами мышленія и послѣдній логическимъ, первый же нелогическимъ. Это мнѣ кажется невозможная классификація. Противорѣчіе слишкомъ явно, слишкомъ непримиримо. Я согласенъ съ серомъ Ульямомъ Гамильтономъ на счетъ нелѣпости включать въ логику оба эти вида индукціи; но согласенъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ. То, что онъ называетъ совершеннымъ видомъ индукціи, я считаю не болѣе какъ способомъ чередоваго опредѣленія словъ. Всякаго рода сужденіе, индуктивное или дедуктивное, есть отъисканіе неизвѣстнаго посредствомъ извѣстнаго, тамъ же, гдѣ ничего неизвѣстнаго не отъискивается, тамъ нѣтъ и сужденія. Вся процедура ставки посылокъ и вывода заключеній оказывается какимъ-то празднымъ излишествомъ, если фактъ, утверждаемый въ заключеніи, извѣстенъ уже изъ опыта. Положимъ я убѣдился, что A, B, C, D, E, F и проч. порознь обладаютъ извѣстнымъ свойствомъ. Для чего же я стану группировать ихъ такъ называемымъ индуктивнымъ способомъ въ смыслѣ *всѣхъ*, обладающихъ этимъ свойствомъ? Неужели для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ имѣть право, путемъ такъ называемой дедукціи заключить, что E или F обладаютъ имъ? Конечно, нѣтъ. Я знаю и безъ того, знаю заранѣе путемъ опыта, что E и F обладаютъ имъ: какая же мнѣ нужда дѣлать еще заключеніе? А между тѣмъ это то именно серъ Ульямъ Гамильтонъ и признаетъ исключительнымъ дѣломъ — логической индукціи и дедукціи. Стараясь установить строго необходимыя формы логическаго мышленія, онъ указываетъ такія, которыя не только не употребляются никогда, но и не могутъ быть употребляемы мышленіемъ съ какою нибудь толковою цѣлью...“ И далѣе: — „Достаточны или недостаточны данныя, общій характеръ мышленія, идущаго индуктивнымъ путемъ, остается одинъ и тотъ

же, съ той только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при недостаткѣ фактовъ, мы имѣемъ такъ называемую *гипотезу*.... Гипотеза есть таже индукція на ея первоначальной и недоразвитой степени. Она способна развиться въ индукцію, если у нея на то хватитъ фактовъ, или исчезнуть за ихъ отсутствіемъ....

Нельзя не отдать справедливости этому ясному, здравому пониманію дѣла. Все это только критика, разумѣется,—новой, оригинальной постройки тутъ нѣтъ; но мы привели эту критику, не просто какъ образцовый отрывокъ изъ сочиненій Спенсера, а также и потому, что она можетъ намъ объяснить его дальнѣйшіе взгляды на характеръ *сужденія* вообще.

На счетъ этого характера Спенсеръ приходитъ сначала къ общему выводу:—*Сужденіе есть классификація отношеній*, и затѣмъ къ специфическому... Чѣмъ, спрашиваетъ онъ, *познаваніе* отношенія *разсудкомъ* отличается отъ простаго его *пониманія*? Отвѣтъ:—отличается своей *косвенностію*... Если двѣ вещи представляются намъ такъ, что отношеніе между ними ясно для насъ непосредственнымъ образомъ, путемъ однихъ чувствъ, то это *понятіе*, въ противномъ случаѣ это есть *актъ сужденія*. *Сужденіе*, стало быть, *есть косвенное* (т. е. посредственное) *установленіе опредѣленнаго отношенія между двумя вещами*. Если же мы захотимъ выключить слово: *косвенное*, то мы получимъ тоже опредѣленіе въ другомъ видѣ: *Сужденіе есть установленіе опредѣленнаго отношенія между двумя опредѣленными отношеніями*...

Все это вѣрно по своей основной идеѣ; но это опредѣленіе, также какъ и другія опредѣленія Спенсера, мы не можемъ признать научнымъ ни въ психологическомъ, ни въ логическомъ смыслѣ, именно потому, что черта раздѣла между психологическимъ и логическимъ смысломъ главнаго термина, *отношеніе*, совершенно затеряна и отъ этого самый смыслъ выходитъ загадоченъ. Преслѣдуемый на територіи логики, оно ускользаетъ въ психологическіе потемки и наоборотъ. Что такое это *отношеніе*, о которомъ Спенсеръ твердитъ безпрестанно? Оно играетъ главную роль въ его опредѣленіяхъ, а между тѣмъ, служа ему такъ усердно къ опре-

*

дѣленію чего нибудь посторонняго, само до сихъ поръ не удостоивается анализа.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что оно-то и составляетъ для Спенсера тотъ X, то искомое имъ послѣднее, неразлагаемое звено въ процесѣ мысленной дѣятельности, къ которому онъ приходитъ мало по малу въ концѣ своего изслѣдованія, и въ этомъ смыслѣ онъ вѣренъ своей программѣ; а между тѣмъ неудобства ея ни въ чемъ не обнаруживаются такъ явственно, какъ въ этой безпрестанной подставкѣ искомаго вмѣсто найденнаго и вовсе неопредѣленнаго вмѣсто опредѣленнаго. Пріемъ этотъ математическій, а не логическій. Въ алгебраическомъ опредѣленіи X никогда не собьетъ насъ съ толку и не введетъ никакой двусмысленности въ изслѣдованіе, потому что онъ самъ въ себѣ не имѣетъ устоя и весь цѣликомъ переходитъ въ то, чѣмъ мы опредѣлимъ его. Въ логическомъ опредѣленіи такой равноцѣнности быть не можетъ. Въ логикѣ терминъ, входящій въ опредѣленіе, какъ его элементъ, вовсе не есть *экивалентъ* остальныхъ, а нѣчто такое, что можетъ не только вполнѣ измѣнить свой смыслъ, смотря по той обстановкѣ, въ которой онъ является, но обратно — измѣнитъ и смыслъ другихъ терминовъ.

Другой недостатокъ приведеннаго нами выше опредѣленія, тотъ, что самъ Спенсеръ считаетъ его поверхностнымъ или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ рѣзкимъ. Черта различія, которую онъ провелъ между *сужденіемъ* и *понятіемъ*, смущаетъ его. Онъ находитъ, что есть акты мысленной дѣятельности, которые съ одной стороны суть несомнѣнно дѣло сужденія; а съ другой являются неизбѣжнымъ условіемъ пониманія. На этой нейтральной почвѣ мы находимъ три главныя категоріи: *классификацію*, *именованіе* и *распознаваніе*. Съ одной стороны, очевидно, что между этими актами и актами сужденія нельзя провести никакой пограничной черты, съ другой стороны мы находимъ, что если *классификація*, *именованіе* и *распознаваніе* предметовъ невозможны безъ пониманія ихъ, то также точно и *пониманіе* ихъ невозможно безъ *классификаціи*, *именованія* и *распознаванія*... Все это можетъ, на первый взглядъ, показаться загадкой, но ключъ къ разрѣшенію этой загадки довольно простъ. Дѣло въ

томъ, что первоначальное опредѣленіе *понятія* у Спенсера въ смыслѣ *уразумѣнія непосредственнаго* есть чистый абстрактъ и на практикѣ не находитъ себѣ ничего соотвѣтствующаго. Для того, чтобъ оно могло быть дѣйствительно *непосредственно*, необходимо, чтобъ мысль въ моментъ созерцанія внѣшнихъ предметовъ была совершенный бланкъ; но въ дѣйствительности подобный случай невообразимъ; въ дѣйствительности всякое новое впечатлѣніе упадаетъ на почву уже разработанную и вплетается въ сложный узелъ, въ богатый запасъ прошлаго опыта, прошлаго пониманія, сличенія, различенія, разграниченія, сужденія и умозаключенія. Оно, такъ сказать, входитъ немедленно въ готовую рамку и въ этой рамкѣ встрѣчаетъ себѣ готовое истолкованіе; но быстрота, съ которою совершается этотъ процесъ умѣщенія и растолкованія и которая есть результатъ привычки, обманываетъ сознаніе и намъ кажется, какъ будто весь матеріалъ *понятія* былъ данъ намъ въ моментъ созерцанія внѣшнихъ предметовъ простымъ, неразлагаемымъ актомъ уразумѣнія непосредственнаго. Послѣ этого уже нетрудно понять объясненіе, которое мы находимъ у Спенсера.— „Въ концѣ VII главы,“ говоритъ онъ, „мы назвали *сужденіе посредственной* установкою опредѣленнаго отношенія между двумя вещами въ противоположность съ *понятіемъ*, въ которомъ отношеніе это ставится непосредственно. Но теперь мы находимъ, что всѣ *понятія* сложныхъ предметовъ заключаютъ въ себѣ тоже посредственную установку отношеній... На практикѣ долговременная привычка превращаетъ для насъ посредственное въ непосредственное и косвенное въ прямое. Подобно тому какъ значеніе слова на незнакомомъ языкѣ, вначалѣ запоминаемое посредствомъ его экивалента на нашемъ родномъ языкѣ, впослѣдствіи начинаетъ припоминаться и безъ этой помощи, также точно и процедура истолкованія нашихъ ощущеній отъ безпрестаннаго повторенія становится такъ быстра, что намъ наконецъ кажется, что мы непосредственно постигаемъ конечные ея результаты... “

Все это вѣрно; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что Спенсеръ гораздо бы лучше сдѣлалъ, еслибы онъ вмѣсто абстрактныхъ и темныхъ опредѣленій, отъ которыхъ ему потомъ пришлось отрекаться, сказалъ намъ сразу, что подъ *понятіемъ* онъ разумѣетъ го-

товый и завершенный, а потому безотчетный относительно частной своей конструкціи актъ того самаго познаванія, которое совершается отчетливо и постепенно въ сложномъ процесѣ сужденія.

Завершивъ такимъ образомъ анализъ — *сужденія*, Спенсеръ приступаетъ къ спеціальному анализу *пониманія*. Въ главѣ его мы находимъ: *понятіе тѣла и его свойствъ*. Этотъ актъ пониманія, говоритъ Спенсеръ, утверждаетъ троякое отношеніе субъекта къ объекту, отношеніе, которое принимаетъ различный видъ, смотря по тому, одинъ ли изъ его двухъ терминовъ, или оба вмѣстѣ являются дѣйствующими. Если субъектъ остается пасивнымъ, а объектъ производитъ на него дѣйствіе, какъ напримѣръ лучеиспусканіемъ теплоты, распространеніемъ запаха или звука и пр.; тогда въ субъектѣ образуется пониманіе такъ называемыхъ вторичныхъ свойствъ тѣла, которыя правильнѣе бы было назвать *динамическими*. Если субъектъ прямо является дѣйствующимъ на объектъ, хватая его, толкая, двигая, или другимъ механическимъ образомъ, а объектъ реагируетъ,—въ такомъ случаѣ субъектъ понимаетъ тѣ разнообразные виды сопротивленія, которые называютъ вторично-первичными свойствами тѣла; мы же предпочитаемъ назвать ихъ *статико-динамическими*. Но если субъектъ одинъ дѣйствуетъ и сознаніе занято не дѣйствіями и противодѣйствіями объкта, а тѣмъ, что мы познаемъ *черезъ* нихъ, какъ напримѣръ: объемомъ, формою, положеніемъ и т. д., то свойства, такимъ образомъ познаваемыя, обыкновенно называются первичными;—мы же ихъ назовемъ *статическими*.

Всѣ эти опредѣленія темны. Примѣръ для нихъ совершенно необходимъ и составляетъ существенную ихъ часть. Опираясь на немъ, можно еще понять: какія свойства Спенсеръ относитъ къ числу статическихъ, какія къ числу динамическихъ и т. д.; но еслибы онъ не назвалъ ихъ прямо, то по однѣмъ теоретическимъ рамкамъ опредѣленія весьма мудрено было бы угадать ихъ реальное содержаніе. Такъ напримѣръ вопросъ: почему Спенсеръ назвалъ *динамическими* тѣ свойства вещей, въ которыхъ объектъ является дѣйствующимъ, а субъектъ страдающимъ, вовсе не объясняется означеннымъ отношеніемъ дѣйствующаго лица къ страдающему; мало того, самое это отношеніе покажется намъ загадочнымъ, если мы

подъ объектомъ поймемъ какой-бы то ни было отдѣльный, опредѣленный предметъ нашего знанія. Спенсеръ далеко не хочетъ сказать, чтобы именно этотъ предметъ являлся по преимуществу дѣйствующимъ; а только то, что иниціатива дѣйствія, во всѣхъ случаяхъ этого рода, идетъ извнѣ, принадлежитъ объективному, внѣшнему міру, тогда какъ въ обратной категоріи инициатива эта есть дѣло субъекта. Затѣмъ свойства первой категоріи названы у него *динамическими;* потому что объектъ, обладающій этими свойствами (на этотъ разъ однако уже не вообще внѣшній міръ, а данный и опредѣленный предметъ нашего знанія), познается обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствіе, производимое имъ на насъ, не сосредоточивается въ мѣстѣ прикосновенія, а простирается далѣе и такимъ образомъ имѣетъ всегда характеръ *движенія.*

Все это, какъ мы видимъ, продумано далеко не насквозь и связано очень поверхностно. Но если, оставивъ вопросъ о методическомъ построеніи, мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя части анализа, то мы найдемъ въ нихъ мѣстами много весьма любопытнаго матеріала. Въ доказательство приведемъ то, что онъ намъ говоритъ о понятіяхъ *величины, положенія* и *пространства.*

Къ послѣдней категоріи вещественныхъ свойствъ Спенсеръ относитъ: *форму, величину* и *мѣсто* или *положеніе.... Форма или фигура,* говоритъ онъ, разлагается безъ остатка на отношенія величины, и въ примѣръ приводитъ геометрическія фигуры, каждая изъ которыхъ имѣетъ особое, ей только свойственное, количественное отношеніе своихъ основныхъ элементовъ другъ къ другу.

Отъ *формы* онъ обращается къ *величинѣ...* Переходя отъ такого вида протяженія, говоритъ онъ, — „который сводится безъ остатка на отношенія величины, къ самой *величинѣ,* мы, по видимому, выходимъ изъ категоріи *относительнаго;* но въ дѣйствительности это не такъ. О безотносительной величинѣ мы не имѣемъ никакого понятія. Всѣ извѣстныя намъ величины понимаются какъ равныя, большія или меньшія относительно другихъ величинъ и иначе поняты быть не могутъ. Не только что говоря: *большой домъ,* мы разумѣемъ большой по сравненію съ други-

ми, *малаго роста человѣкъ*,—разумѣя, что онъ малъ ростомъ по отношенію къ другимъ людямъ, и т. д., но мы не можемъ составить себѣ ни малѣйшаго представленія *о величинѣ* иначе, какъ построивъ его изъ величинъ, данныхъ намъ опытомъ, и стало-быть приводя его въ отношеніе съ ними....—Какое же различіе между *фигурою* и *объемомъ* въ нашихъ понятіяхъ? Просто то, что думая о фигурѣ предмета, мы думаемъ объ отношеніяхъ величины между его составными частями; а думая объ объемѣ предмета, мы думаемъ объ отношеніи цѣлой его величины къ величинѣ другихъ цѣлыхъ. Все же еще остается вопросъ: что такое *величина*, разсматриваемая аналитически?... Отвѣтъ: она состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ отношеній мѣста. Воображая нѣчто извѣстнаго объема, мы представляемъ себѣ противуположныя грани или плоскости этого нѣчто болѣе или менѣе *отнесенными* другъ отъ друга, т. е. представляемъ себѣ ихъ въ относительномъ положеніи (здѣсь есть однако-же игра словъ, въ которой стушевывается различіе между абстрактнымъ смысломъ *отношенія* и его буквальнымъ смысломъ). Воображая извѣстную плоскость, мы представляемъ себѣ поверхность, предѣльныя линіи которой находятся на извѣстной степени отдаленія другъ отъ друга, т. е. находятся въ *относительномъ положеніи*. Воображая линію извѣстной длины, мы мысленно представляемъ себѣ ея два конца въ пространствѣ положительно удаленными другъ отъ друга, опять стало-быть въ *относительномъ положеніи*.... Затѣмъ, плотныя измѣренія разлагаются въ площади, площади въ линіи, линіи въ точки; а такъ какъ соприлежащія точки не могутъ быть нами различены одна отъ другой иначе, какъ если мы ихъ представимъ себѣ занимающими различныя мѣста въ пространствѣ, то есть находящимися *не въ одномъ мѣстѣ*, а *въ относительныхъ положеніяхъ*, то стало-быть всякое пониманіе *величины* есть пониманіе одного или нѣсколькихъ отношеній мѣста, сходныхъ или различныхъ въ нашемъ сознаніи съ другими отношеніями мѣста..... Этотъ анализъ ведетъ самъ собой — къ остальному атрибуту тѣла: *мѣсту* или *положенію*. Подобно *величинѣ*,— положеніе не можетъ быть понимаемо безусловно, а только относительно. Понятіе *положенія* само въ себѣ есть понятіе положенія *относительнаго*.

Положеніе вещи немыслимо иначе, какъ воображая себѣ эту вещь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другой или отъ другихъ. Представимъ себѣ уединенную точку А въ безпредѣльномъ пространствѣ и положимъ, что эта точка стала извѣстна какому нибудъ существу, не занимающему въ пространствѣ мѣста. Что̀ можетъ оно сказать о мѣстѣ, занимаемомъ этою точкою?.. Рѣшитетьно ничего. Придадимъ мысленно еще одну точку В... Что̀ теперь можетъ быть утверждаемо о нихъ двухъ?... Все еще ничего. Не имѣя другаго свойства кромѣ мѣстоположенія, онѣ не могутъ быть сравниваемы сами въ себѣ, а о ихъ то относительномъ положеніи невозможно сказать ничего, за недостаткомъ сравненія его съ чѣмъ нибудь. Разстояніе между ними можетъ быть безконечно мало или велико, смотря потому, чѣмъ его измѣрять, а такъ какъ по предположенію мѣры ему не имѣется, такъ какъ пространство не содержитъ въ себѣ ничего кромѣ этихъ двухъ точекъ, то и разстояніе между ними немыслимо. Но, представимъ себѣ теперь, что къ нимъ придана аще третья точча С.—Немедленно является возможность сказать что нибудь утвердительное насчетъ ихъ положенія. Два разстоянія отъ А до В и отъ В до С, служитъ ужъ мѣрою другъ для друга. Протяженіе отъ А до В можетъ быть сравнено съ протяженіемъ отъ А до С и положеніе А, въ его отношеніи къ положенію В, можетъ быть найдено одинаковымъ или неодинаковымъ съ положеніемъ А въ его отношеніи къ С. Изъ этого ясно, что *положеніе* или *мѣсто* не есть свойство вещи самой въ себѣ, а только въ ея связи съ другимъ содержаніемъ внѣшняго міра.....

Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что отношенія мѣста суть двухъ родовъ. Къ первому принадлежатъ отношенія *субъекта* къ *объекту*; ко второму отношенія между различными объектами или между различными частями одного и того же объекта. Изъ нихъ послѣднія разрѣшаются въ первыя. Слѣдуетъ только припомнить, что въ потемкахъ нельзя узнать относительнаго положенія двухъ вещей иначе, какъ трогая сперва одну, а потомъ другую и такимъ образомъ заключая о взаимномъ ихъ положеніи по собственному своему положенію относительно каждой изъ нихъ,—стоитъ припомнить съ другой стороны, что, глядя на нихъ, мы не можемъ себѣ дать отчета о взаимномъ ихъ положеніи иначе, какъ

сообразивъ разстояніе каждой изъ нихъ отъ глаза, дабы понять, что въ концѣ концовъ всѣ отношенія мѣста могутъ быть разлагаемы на взаимное положеніе субъекта съ объектомъ... Выводъ такой: *форма* или *фигура* разрѣшается въ отношеніе величины; *величина* разрѣшается въ отношеніе мѣста; всѣ *отношенія мѣста* разрѣшаются окончательно въ относительныя *положенія субъекта съ объектомъ*...

Выводъ этотъ былъ бы безспорно вѣренъ, еслибы Спенсеръ, *во-первыхъ*, сказалъ хоть слово о томъ, что его процесъ *разложенія* или *разрѣшенія* есть въ сущности не иное что, какъ процесъ абстракціи; а *во-вторыхъ*, не выключилъ изъ предпосланнаго анализа идею *движенія*, которая и содержитъ въ себѣ символически тотъ самый *остатокъ отъ разложенія*, отрицаемый Спенсеромъ, тотъ улетученный въ процесѣ абстракціи образъ единства и непрерывной связи, который теряется постепенно при разрѣшеніи одного атрибута въ другой и одного недѣлимаго отношенія въ нѣсколько отношеній раздѣльныхъ. Не то чтобы Спенсеръ упустилъ вовсе изъ виду идею *движенія* и ту важную роль, которую она играетъ въ понятіи вышеизложенныхъ основныхъ атрибутовъ тѣла; но онъ говоритъ о ней послѣ, отдѣльно и такимъ образомъ не даетъ намъ возможности обнять сразу во всей ея полнотѣ ту сферу абстракцій, въ которой образуются его выводы.

Къ идеѣ *движенія* приводитъ его субъективный анализъ опыта, дающаго намъ понятіе о статическихъ свойствахъ тѣла. Всѣ эти свойства сводятся къ *отношеніямъ мѣста*, а на обратной сторонѣ этихъ послѣднихъ нашъ личный опытъ намъ обнаруживаетъ *движеніе*... Это двѣ стороны, говоритъ онъ, одного и того же опыта... Съ одной стороны мы не можемъ себѣ вообразить движенія, не представивъ себѣ отношеній мѣста, съ другой — не можемъ постичь отношеній мѣста безъ посредства движенія. Спеціальный анализъ *движенія* поэтому оказывается необходимымъ, прежде чѣмъ идти далѣе; но Спенсеръ чувствуетъ нужду установить сперва общія рамки всѣхъ созерцаній подобнаго рода; а потому предпосылаетъ *движенію* анализъ *пространства и времени*.

Анализъ идеи *пространства* онъ начинаетъ вопросомъ: какимъ образомъ созерцанія замѣщеннаго протяженія или тѣла могутъ когда нибудь дать намъ понятіе о пустомъ протяженіи или пространствѣ? Иначе: какимъ образомъ идея мѣста или положенія можетъ быть отвлечена отъ идеи тѣла? Отвѣтъ дѣлится у него на двѣ части. *Первая* заключаетъ въ себѣ психологическій генезисъ *отвлеченія; вторая* рѣшаетъ самую сущность вопроса. Мы приведемъ ту и другую въ подлинникѣ, чтобы дать понятіе о томъ, какой отличный психологическій матеріалъ содержится въ сочиненіи Спенсера.

— Еслибы, говоритъ онъ, послѣ извѣстнаго, особеннаго движенія руки мы получали всегда, неизмѣнно ощущеніе мягкости, послѣ другаго—жесткости; или послѣ движенія глазъ, необходимаго для какого нибудь особеннаго акта зрѣнія, всегда ощущаема была краснота, послѣ другихъ—синева и т. д.; то очевидно, что по извѣстнымъ законамъ ассоціаціи необходимо должно бы было установиться постоянное соотношеніе между этими движеніями и этими ощущеніями. Положенія, еслибы мы могли составить себѣ о нихъ какое нибудь понятіе, понимаемы были бы не иначе, какъ неизмѣнно занятыя вещами, производящими спеціальное ощущеніе, и не было бы никакой возможности разъединить ихъ другъ съ другомъ. Но такъ какъ мы убѣждаемся опытомъ, что извѣстное движеніе руки, однажды приведшее палецъ въ прикосновеніе съ чѣмъ нибудь горячимъ, въ другой разъ приводитъ его въ прикосновеніе съ острымъ, а иной разъ не приводитъ и вовсе ни съ чемъ; и далѣе, что извѣстное движеніе глазъ, сопровожденное разъ видомъ предмета чернаго, въ другой разъ обнаружило бѣлый предметъ, а въ иной разъ не обнаружило и совсѣмъ ничего; то мы и приходимъ къ тому заключенію, что идея особаго мѣста, сопровождающая каждое изъ подобныхъ движеній, путемъ накопленія опытовъ освобождается отъ своей первоначальной связи съ предметами и ихъ впечатлѣніями и становится постижима сама по себѣ; приходимъ далѣе къ тому заключенію, что такъ какъ подобныхъ движеній несмѣтное множество, то въ нашемъ понятіи образуется и несмѣтное множество положеній, отрѣшенныхъ отъ тѣла, а такъ какъ каждое изъ нихъ сосуществуетъ въ сознаніи нашемъ съ субъектомъ, то мы и при-

ходимъ этимъ путемъ къ сознанію безконечнаго множества сосуществующихъ положеній, т. е. *пространства*...

Но это, говоритъ Спенсеръ, не объясняетъ еще понятія объ относительномъ положеніи и затѣмъ приступаетъ къ рѣшенію этой части вопроса.

— Зрѣніе, говоритъ онъ, сравнительно съ другими чувствами имѣетъ одну особенность, оно до нѣкоторой степени даетъ намъ возможность сознавать много вещей заразъ. Способностью этою мы обязаны устройству глазной сѣтки. Она состоитъ изъ несчетнаго множества отдѣльныхъ чувствительныхъ элементовъ, каждый изъ которыхъ способенъ къ самостоятельному возбужденію, такъ что если группа изображеній, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, отражается разомъ на сѣткѣ, то всѣ элементы, на которые упадутъ разнообразно измѣненные лучи свѣта, приходятъ порознь въ состояніе большаго или меньшаго раздраженія. Каждый изъ нихъ такъ сказать трогаетъ какую нибудь отдѣльную часть котораго нибудь изображенія и передаетъ общему центру чувствительности чувство, рожденное этимъ прикосновеніемъ... Представимъ себѣ теперь, что мы смотримъ на очень малую точку, такую малую точку, что отраженіе ея на сѣткѣ какъ разъ покрываетъ только одинъ изъ этихъ чувствительныхъ элементовъ: А. Представимъ себѣ затѣмъ, что глазъ чуть-чуть передвинутъ, такъ что изображеніе точки падаетъ на смежный элементъ В. Что произойдетъ? Двѣ слабыя перемѣны въ сознаніи: одна отъ раздраженія новаго элемента сѣтки, другая отъ мускуловъ, производящихъ движеніе. Предположимъ еще движеніе, переносящее изображеніе точки на другой, ближайшій элементъ С; опять двѣ перемѣны въ сознаніи и т. д. непрерывно. Послѣдствіемъ будетъ, что относительныя положенія А—В, А—С, А—D, А—Е и т. д., въ сознаніи нашемъ, опредѣляются числомъ промежуточныхъ состояній. Представимъ себѣ теперь, что вмѣсто легкихъ движеній, отдѣльно выполненныхъ, глазъ движется съ обыкновенною быстротою, такъ что изображеніе точки проходитъ послѣдовательно черезъ всю серію отъ А до Z, въ чрезвычайно короткое время. Что выйдетъ?... Намъ знакомъ фактъ, что всѣ впечатлѣнія чувствъ и въ томъ числѣ зрительныя продолжаются нѣкоторое короткое время послѣ того,

какъ они сдѣланы. Отсюда, если серіи элементовъ сѣтки отъ A до Z возбуждены въ быстрой послѣдовательности, то возбужденіе Z начнется прежде, чѣмъ возбужденіе A успѣетъ окончиться, и на короткое время вся серія отъ A до Z будетъ возбуждена единовременно. Понявъ это, представимъ себѣ, что глазъ видитъ линію, достаточно длинную, чтобы покрыть всю серію отъ A до Z... Что выйдетъ? Другое единовременное раздраженіе серіи отъ A до Z, отличное отъ предъидущаго тѣмъ, что оно непрерывно не сопровождается ощущеніями движенія. А такъ какъ единовременное возбужденіе существуетъ въ обоихъ случаяхъ, то не должно ли оно во второмъ случаѣ, по извѣстнымъ законамъ сочетанія идей, клониться къ пробужденію въ нашемъ сознаніи серіи, сопровождавшей первый случай? Не должно ли оно клониться такъ сказать къ слитію, къ *консолидированію* всей серіи состояній въ одно состояніе? И не должно ли оно наконецъ неприметнымъ образомъ стать для насъ экивалентамъ подобной серіи? Кажется, нельзя сомнѣваться въ этомъ. Если же нѣтъ, то понятно становится, какимъ образомъ, въ нашемъ сознаніи, единовременное возбужденіе, производимое линіею сосуществующихъ положеній, служитъ представителемъ послѣдовательнаго возбужденія, сопровождающаго *движеніе* по этой линіи. Если теперь, возвратясь къ вышеописанному состоянію глазной сѣтки, занятой группою изображеній, сообразимъ, что тѣ отношенія единовременнаго положенія, которыя мы сейчасъ анализировали въ предѣлѣ одной линейной серіи, устанавливаются точно такимъ же образомъ въ несмѣтномъ множествѣ серій по всѣмъ направленіямъ сѣтки, приводя каждый отдѣльный ея элементъ въ соотношеніе съ каждымъ другимъ, и дальше сообразимъ, что въ силу подобнаго процеса акты сознанія, сопровождающіе приспособленіе глазъ къ извѣстному фокусу, стали символомъ мѣстныхъ сотношеній между глазами и точкою, на которую они направлены, то, припомнивъ и сообразивъ все это, мы увидимъ передъ собою въ туманномъ очеркѣ генезисъ нашего зрительнаго уразумѣнія *пространства*...

Спенсеръ оканчиваетъ анализъ *пространства* связною группировкою добытыхъ имъ выводовъ. Къ сожалѣнію, дѣлая это, онъ, по видимому, плохо разсчитывалъ на понятливость или на память

своихъ читателей и потому втиснулъ въ свою групировку гораздо больше того, что въ тѣсномъ объемѣ ея могло совмѣститься съ ясностью выраженія. Отъ этого она вышла темна, и мы, чтобы избѣжать подобной ошибки, передадимъ ее въ сокращенномъ видѣ.

Анализъ предполагаемой линіи AZ, покрывающей серію точекъ отъ A до Z, одинаково годный для объясненія безконечнаго множества подобнаго рода мѣстныхъ соотношеній по всему протяженію сѣтки, приводитъ къ уразумѣнію цѣлой *площади* отвлеченныхъ, сосуществующихъ положеній. Это одинъ элементъ идеи *пространства*. Другой, только что объясненный въ концѣ анализа, связью между приспособленьемъ глаза къ фокусу зрѣнія и сферою мѣстныхъ соотношеній субъекта съ объектомъ даетъ этой площади глубину и этимъ путемъ образуетъ въ сознаніи цѣлую *сферу* отвлеченныхъ сосуществующихъ положеній, т. е. абстрактный образъ *пространства въ трехъ измѣреніяхъ*.... Рядомъ съ полнымъ сознаніемъ одного положенія, того, на которомъ сходятся оси зрѣнія, возникаетъ *раждающееся* сознаніе несчетнаго множества другихъ положеній, подобное сознанію, раждаемому множествомъ разнообразныхъ предметовъ, удаленныхъ отъ нашего круга зрѣнія...... Припомнимъ еще, что несчетное множество *отношеній* между этими сосуществующими положеніями первоначально установлены были движеніемъ, что привычка сдѣлала *каждое* изъ нихъ представителемъ мысленныхъ состояній, сопровождавшихъ движеніе, что *каждое*, возникая въ сознаніи, вызываетъ еще вслѣдъ за собой неяснымъ образомъ ту нить ощущеній, то чувство движенія, которое оно представляетъ; что одновременное возникновеніе несчетнаго множества *ихъ* вызываетъ въ сознаніи несчетное множество пережитыхъ движеній, которыя, стремясь по всѣмъ направленіямъ и стало быть неизбѣжно другъ друга нейтрализируя, не позволяютъ ни одному быть мыслиму исключительно; припомнимъ все это и мы увидимъ, что въ результатѣ всего должно возникнуть то чувство *способности двигаться*, чувство *простора движенію*, которое и даетъ намъ остальной элементъ идеи пространства....

Анализъ этотъ такъ полонъ, что трудно въ немъ отъискать какой нибудь недостатокъ, а можно скорѣй указать излишекъ. Спенсеръ немного самъ себѣ затруднилъ задачу, усиливаясь обойти и пере-

толковать одинъ изъ своихъ любимыхъ догматовъ, на счетъ того, что будто бы два предмета не могутъ въ одно и тоже время существовать въ сознаніи. Но догматъ этотъ не выдерживаетъ самой простой повѣрки. Практически его даже и опровергать не стоитъ, потому что, практически разсуждая, никому и на мысль не придетъ усумниться, что нѣсколько звуковъ напримѣръ могутъ быть слышимы, нѣсколько красокъ видимы разомъ. На чемъ держится эфектъ перспективы? Какъ объяснить, что черты знакомаго намъ лица узнаются не порознь, а въ ихъ совокупности, въ одинъ недѣлимый моментъ сознанія? Все это дѣло ежедневнаго опыта и никакія умствованія не опровергнутъ вполнѣ его очевидности. Но практика дѣло робкое и ее можно всегда запугать, поднимаясь на теоретическія ходули. А потому мы поставимъ этотъ вопросъ теоретически. Никто не споритъ, что точка въ пространствѣ можетъ быть сознана заразъ. Возьмемъ же мы эту точку и спросимъ себя, что такое мы видимъ? Одинъ предметъ? Нѣтъ; мы видимъ два: точку и то, что ее окружаетъ, тотъ фонъ, на которомъ она выдѣляется; а еслибъ она не выдѣлялась на этомъ фонѣ, то не было бы и точки. Но это все еще нѣсколько смахиваетъ на практику; а потому поставимъ вопросъ чисто абстрактнымъ образомъ. Можно ли сознавать *одно*, не сознавая въ тотъ же моментъ предѣла этому одному? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Одно потому и одно, что оно имѣетъ предѣлъ, безъ котораго оно было бы не одно, а *все*. Но какой же это предѣлъ? Предѣлъ одного есть *другое*. Стало быть, сознавая *одно*, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ и *не одно*, сознаемъ *одно* и предѣлъ его ограничивающій, сознаемъ *одно* и *другое*. Далѣе этого нечего объяснять, потому что это довольно ясно. Укажемъ только на выводъ, который изъ этого слѣдуетъ. А выводъ такой, что одного предмета въ подстрочномъ смыслѣ мы сознавать не можемъ, а всегда сознаемъ меньшею мѣрою *два*. Спорить противу этого могъ бы еще пожалуй кто нибудь, да только не Спенсеръ, который въ самомъ началѣ этого сочиненія указалъ на убѣжденіе во *внѣшней дѣйствительности*, какъ на самый простой и неразлагаемый актъ непосредственнаго созерцанія. Мы только спросимъ его: какой смыслъ имѣла бы его *внѣшняя дѣйствительность*, еслибы эта дѣйствительность не опредѣлена была явственно

другою дѣйствительностью—*внутреннею?* Есть, стало быть, единица извнѣ и есть предѣлъ ея извнутри; значитъ, есть два предмета въ сознаніи, и менѣе этихъ двухъ, строго-логически говоря, быть не можетъ.... Но возвратимся къ анализу...

Глава о *пространствѣ* и слѣдующая за нею о *времени* полны ребяческой полемики противъ Канта, которую Спенсеръ начинаетъ едва ли не съ первыхъ страницъ своего сочиненія и къ которой онъ возвращается безпрестанно, никакъ не рѣшаясь ее окончить. То у него выходитъ, что Кантъ, какъ плохой ученикъ, наговорилъ самыхъ пошлыхъ нелѣпостей, то, что Кантъ былъ бы правъ, еслибы онъ не прибавилъ того-то или другаго. Двадцать разъ онъ заключаетъ свои изслѣдованія торжественнымъ восклицаніемъ, что вотъ гдѣ наконецъ Кантъ пораженъ окончательно, такъ что ему уже послѣ этого не подняться, а страницъ черезъ пять смотришь: опять война противъ Канта. Не смотря на все это, Спенсеръ въ концѣ своего сочиненія съ рѣдкою добросовѣстностію, протягиваетъ самъ руку своему врагу и говоритъ: спорить не изъ чего, потому что мы оба правы. И дѣйствительно спорить не изъ чего; потому что воззрѣнія Канта и воззрѣнія Спенсера на счетъ идей *пространства* и *времени*, изъ-за которыхъ идетъ война, въ сущности отличаются только различною точкою зрѣнія, съ которой они смотрятъ на этотъ вопросъ. Задачею Канта была не естественная исторія происхожденія и развитія мысли, а критика отвлеченнаго мышленія. Онъ изучаетъ мысль не въ пеленкахъ ея, а въ зрѣломъ возрастѣ и вполнѣ сформированномъ типѣ; а Спенсеръ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, слѣдитъ за развитіемъ мысленной жизни, начиная съ полиповъ и съ протозой. Тѣмъ не менѣе они сходятся въ своихъ результатахъ; какимъ образомъ, это мы увидимъ впослѣдствіи.

О понятіи *времени* мы не находимъ у Спенсера ничего особенно-замѣчательнаго. Онъ указываетъ на тѣсную связь этой идеи съ внутренней процедурою мысли, съ идеями *слѣдствія* и *пространства*. Исходя, какъ онъ самъ говоритъ, изъ довольно-стараго, но твердо-установившагося ученія, что *время* извѣстно намъ только въ формѣ послѣдовательности нашихъ мысленныхъ состояній, и стараясь привесть это въ болѣе ясный и систематическій видъ,

онъ приходитъ къ такому мудреному опредѣленію: *Понятіе времени есть отвлеченное понятіе относительности положенія между состояніями сознанія.* Яснѣе ли это, мы предоставимъ судить читателю, а что касается до систематической связи между собою безконечнаго множества опредѣленій, которыя мы находимъ у Спенсера, то она чрезвычайно слаба. Различіе объективнаго смысла понятій отъ ихъ субъективнаго смысла теряется у него на каждомъ шагу; абстрактныя представленія, при случаѣ, идутъ за конкретныя и наоборотъ. Еслибы кто усомнился, что логика и психологія суть двѣ различныя науки, тому стоило бы прочесть главу о *движеніи* и слѣдующую за нею о *сопротивленіи*, чтобы увидѣть до какой степени хорошій (въ другихъ отношеніяхъ) психологъ можетъ быть плохимъ логикомъ.

Анализъ *понятія о движеніи* до того сбивчивъ, что мы не беремся его передать даже въ общихъ чертахъ. Связь этого понятія съ *понятіемъ о сопротивленіи* знакома намъ изъ механики и, вѣроятно по этой причинѣ, Спенсеръ не удостоилъ о ней сказать ни слова. Затѣмъ, анализъ *сопротивленія* является у него не послѣднимъ звеномъ изслѣдованія, прямо цѣпляющимся за предшествующее ему звено, а какимъ-то общимъ итогомъ всего до сихъ поръ изложеннаго; и мы имѣемъ даже нѣкоторыя основанія думать, что Спенсеръ самъ такъ разумѣлъ эту главу. „Постепенное разложеніе нашего знанія на болѣе и болѣе простые его элементы“, говоритъ онъ, „приводитъ насъ наконецъ къ простѣйшему, къ послѣднему элементу, къ основному его субстрату...“ Что же такое этотъ субстратъ? Это есть впечатлѣніе *сопротивленія*... Это есть первобытный, всеобщій, всегда присущій матеріалъ сознанія... *Первобытный*, какъ въ томъ смыслѣ, что это впечатлѣніе доступно на самыхъ низшихъ ступеняхъ жизни, такъ и въ томъ, что оно есть первое впечатлѣніе младенца. *Всеобщій* потому, что оно ощущается всякимъ созданіемъ, имѣющимъ какую нибудь чувствительность, и обыкновенно всею поверхностію тѣла въ каждомъ изъ нихъ. *Всегда присущій* потому, что всякое созданіе или по крайней мѣрѣ всякое земное созданіе (sic) подвержено ему во все продолженіе своего существованія... И далѣе: Весь предыдущій анализъ приводитъ насъ къ заключенію, что послѣдній и самый простѣйшій

элементъ *пониманія тѣла* есть впечатлѣніе *сопротивленія*. Въ порядкѣ мысли (единственномъ, намъ извѣстномъ) сопротивленіе есть первичный атрибутъ тѣла, а протяженіе вторичный. Мы знаемъ о протяженіи только по сочетанію сопротивленій, сопротивленіе— узнаемъ непосредственно изъ него самого. Всѣ статическіе атрибуты тѣла мы познаемъ не иначе, какъ синтезисомъ, этотъ же первобытный атрибутъ мы познаемъ безъ синтезиса. Хотя бы даже была дана одна только точка въ пространствѣ, но если она не представляетъ абсолютно *никакого* сопротивленія, то и она перестаетъ быть *нѣчто* и превращается въ *ничто*. Сопротивленіемъ отличается замѣщенное протяженіе (тѣло) отъ протяженія пустаго (пространства)... По сопротивленію мы узнаемъ, есть ли какой нибудь видимый образъ—тѣло или нѣтъ. Встрѣтивъ сопротивленіе безъ видимаго образа, какъ напримѣръ натолкнувшись на что нибудь въ потемкахъ, мы рѣшаемъ, что это тѣло. О видимомъ образѣ безъ сопротивленія (какъ напримѣръ въ оптическихъ илюзіяхъ) мы рѣшаемъ, что это не тѣло. Мало того, есть положительно одна вещь, о которой мы знаемъ, что это тѣло, единственно только по сопротивленію; а именно—*воздухъ*. Мы не имѣли бы никакого понятія о немъ, еслибы онъ не представлялъ сопротивленія. Протяженіе же мы приписываемъ ему чисто только умозаключеніемъ. Поэтому мы не только въ правѣ сказать, что тѣло первоначально узнается сопротивленіемъ, и что потомъ уже, путемъ сочетанія сопротивленій, мы убѣждаемся, что оно занимаетъ пространство; но мы въ правѣ еще прибавить, что есть одинъ видъ тѣла, не имѣющій никакого другаго атрибута кромѣ сопротивленія... И затѣмъ Спенсеръ доказываетъ, что *пространство* можетъ быть познано только путемъ истолкованія сопротивленій и *движеніе* тоже... Мы думаемъ: все стало быть и мы дошли наконецъ до послѣднихъ столбовъ; но оказывается, что нѣтъ. Въ послѣдній моментъ Спенсеръ, съ своею обыкновенною непослѣдовательностію, выводитъ на сцену еще три понятія: *силы*, *дѣйствія* и *противодѣйствія*, которыя въ свою очередь служатъ истолкованіемъ *сопротивленію*. Мало того, оказывается, что и само *сопротивленіе* разлагается еще на два момента: на *чувство давленія* и *чувство мускульнаго на-*

пряженія. Однимъ словомъ, хотя намъ и казалось, что мы приходимъ къ концу, но конца не видать.

За *специальнымъ анализомъ пониманія* слѣдуетъ его *общій анализъ*, который, въ сущности, содержитъ въ себѣ повтореніе того, что уже было нами изложено прежде, съ той только разницею, что здѣсь Спенсеръ приводитъ насъ наконецъ къ анализу главнаго термина всѣхъ предъидущихъ своихъ опредѣленій. Терминъ этотъ однако успѣлъ уже нѣсколько измѣнить свой смыслъ. Въ первоначальномъ опредѣленіи *пониманія* оно было названо: *установкою отношенія между вещами;* здѣсь, *отношеніе* это становится уже не между вещами, а *между состояніями сознанія*... Какимъ процесомъ совершаются у Спенсера метаморфозы подобнаго рода, это весьма мудрено рѣшить, потому что онъ самъ, по видимому, не даетъ себѣ въ нихъ никакого отчета. Онъ продолжаетъ работу, не замѣчая, что подъ рукой у него все движется и скользитъ. Ни одинъ терминъ, ни одно опредѣленіе не удерживаются въ своихъ первоначальныхъ рамкахъ, точно какъ будто бы они были одарены, каждый порознь, своею личною и независимою отъ усмотрѣнія автора инициативою измѣненія.

Поставивъ насъ наконецъ лицомъ къ лицу съ *отношеніемъ*, или вѣрнѣе сказать съ *отношеніями*, потому что они являются намъ постоянно во множественномъ числѣ, Спенсеръ насъ заставляетъ спросить: да что же такое эти отношенія? и даетъ намъ такой отвѣтъ: они не могутъ быть ничѣмъ болѣе, какъ второстепенными состояніями сознанія, образуемыми сочетаніемъ первоначальныхъ его состояній. Не имѣя возможности перешагнуть за черту сознанія, мы можемъ знать отношеніе только, какъ измѣненіе его. Это ужъ сильно сбиваетъ на *идеализмъ*, противъ котораго Спенсеръ воюетъ; но посмотримъ, что дальше....

Первоначаньныя измѣненія сознанія, говоритъ онъ, суть чувства, производимыя въ насъ субъективною или объективною дѣятельностію, и дальнѣйшія измѣненія сознанія должны результировать изъ сочетанія этихъ первоначальныхъ. Во всѣхъ ихъ видахъ и сочетаніяхъ такъ называемыя отношенія не могутъ быть для насъ ничѣмъ болѣе, какъ видоизмѣненіями различныхъ афектовъ, про-

*

изводимыхъ сравненіемъ ощущеній, или воспоминаніемъ ощущеній или наконецъ тѣмъ и другимъ. — Затѣмъ предстоитъ новый отдѣлъ анализа. Спенсеръ находитъ нужнымъ разложить спеціальные виды отношеній на ихъ болѣе общіе виды, чтобы открыть, какіе послѣдніе феномены сознанія выражаются первобытными отношеніями. Къ сожалѣнію, Спенсеръ, шедшій до сихъ поръ хотя и не твердой поступью, но все-таки по прямому пути, на этомъ мѣстѣ забрелъ въ такую непроходимую глушь, что мы можемъ только дивиться его предпріимчивости. Не рѣшаясь вести читателя вслѣдъ за нимъ, мы перечислимъ только тѣ отношенія, о которыхъ у Спенсера идетъ рѣчь, и въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они у него разобраны. Первымъ и самымъ сложнѣйшимъ изъ всѣхъ является у него отношеніе *однообразія* и *разнообразія*: это то самое, въ сферѣ котораго происходитъ *классификація*. Потомъ идутъ отношенія *одностепенности* и *разностепенности*, *совмѣстимости и несовмѣстимости*, *сосуществованія и несосуществованія*, *однородности и разнородности*, *сходства и различія* и наконецъ *слѣдствія*.

Весь этотъ рядъ отношеній сводится у него окончательно къ тремъ послѣднимъ. Изъ нихъ коренными отношеніями признаются собственно отношенія *сходства* и *различія*; *слѣдствіе* же оказывается только формальною стороною *различія*. Безъ объясненія это трудно понять, а потому приведемъ то объясненіе, которое мы находимъ у Спенсера. *Слѣдствіе*, говоритъ онъ, есть перемѣна, есть *несходство* настоящаго состоянія съ прошедшимъ. Фундаментальное, неразлагаемое отношеніе должно имѣть два термина, два смежныя состоянія сознанія, которыя должны быть различны, иначе они будутъ не два, а одно. Фундаментальное отношеніе, стало быть, есть не иное что какъ *измѣненіе* въ состояніи сознанія и мы называемъ его отношеніемъ *различія* или отношеніемъ *слѣдствія*, смотря потому, имѣемъ ли мы въ виду контрастъ предъидущаго состоянія съ послѣдующимъ, или только порядокъ ихъ.

Дочитавъ до конца эти скучныя *отношенія* и не встрѣтивъ почти ничего кромѣ безплоднаго, сухаго толченія логическихъ категорій въ ступкѣ психологическаго анализа, мы не знаемъ, жалѣть

ли намъ, что Спенсеръ не включилъ въ этотъ анализъ такихъ существенныхъ отношеній, какъ напримѣръ: *причинности, орудности, противоположности, дѣйствительности, возможности, необходимости* и т. д., или порадоваться этой неполнотѣ. Въ одной изъ послѣднихъ главъ онъ говоритъ, что вещи не могутъ быть надлежащимъ образомъ опредѣлены иначе, какъ въ терминахъ болѣе общихъ, чѣмъ сами они; а между тѣмъ у него мы не видимъ нигдѣ старанія дать своимъ выводамъ какое нибудь связное и послѣдовательное обобщеніе. Розысканія и опредѣленія его нисколько не упрощаются. Нѣтъ никакого развѣтвленія или подчиненія, все сбито въ кучу или поставлено рядомъ и пользуется одинакимъ значеніемъ. Девять разъ отъисканное, въ десятый разъ вмѣсто того, чтобъ явиться готовымъ, знакомымъ выводомъ, отъискивается опять съ такимъ же трудомъ и даетъ опять новый выводъ. Отъ этого трудъ, какъ автора, такъ и читателя, вмѣсто того, чтобы облегчиться, по мѣрѣ того, какъ онъ приходитъ къ концу, усиливается и усложняется.

Такимъ образомъ, говоритъ Спенсеръ въ предпослѣдней главѣ своего анализа, въ главѣ *о сознаніи вообще*, мы пришли къ результату, что *сознаніе* состоитъ изъ измѣненій, комбинируемыхъ на различные лады. *Постепенное разложеніе феноменовъ мысли на простѣйшіе и этихъ на еще простѣйшіе привело насъ наконецъ къ самому простѣйшему, и это послѣднее есть не иное что какъ измѣненіе въ состояніи нашего сознанія. Это послѣдній фундаментальный элементъ, изъ котораго, — изъ одного, строятся самые сложнѣйшіе акты знанія.*

Прочитавъ это, мы удивляемся. Мы живо припоминаемъ очень недавній выводъ, гласящій такъ: *Постепенное разложеніе нашего знанія на болѣе и болѣе простые его элементы приводитъ насъ наконецъ къ простѣйшему, къ послѣднему элементу, къ основному его субстрату. Что же такое этотъ субстратъ? Это есть впечатлѣніе сопротивленія. Это есть первобытный, всеобщій, вѣчноприсущій матеріалъ сознанія...* Что за избытокъ! думаемъ мы себѣ. Два фундаментальные элемента!

И какъ это понимать? Точно ли два? Не одинъ ли и тотъ же въ двухъ разныхъ видахъ? Но на это отвѣта нѣтъ и мы можемъ только догадываться, что Спенсеръ дѣлитъ матерьялъ мысленной дѣятельности на *объективный* или такъ сказать *матеріальный матеріалъ знанія* и на *субъективный* или *формальный матеріалъ сознанія*. Такимъ образомъ первобытнымъ *матеріаломъ* мысли въ собственномъ смыслѣ слова является у него *впечатлѣніе сопротивленія;* а первобытною *формою: измѣненіе въ состояніи сознанія*. Далѣе этого, за совершеннымъ отсутствіемъ данныхъ, мы не имѣемъ права догадываться; но мы можемъ сказать отъ себя, что несмягченный ничѣмъ дуализмъ подобнаго вывода противорѣчитъ самымъ нелѣпымъ образомъ основному воззрѣнію Спенсера. Воззрѣніе это отвергаетъ въ принципѣ всякаго рода раздѣлъ кромѣ чисто-условныхъ подраздѣленій науки и это не только повторено несчетное число разъ въ разныхъ мѣстахъ анализа, но высказано еще самымъ яснѣйшимъ образомъ въ заключеніи. ...Между общими истинами, говоритъ Спенсеръ въ послѣдней главѣ своего анализа,—которыя можно вывести изъ предшествующаго, одна изъ самыхъ значительныхъ—это *однообразіе структуры* во всѣхъ феноменахъ мышленія... и далѣе: ...Одинъ законъ проникаетъ все. Въ основномъ видѣ своемъ высшее мышленіе оказывается тождественно не только съ низшими формами человѣческой мысли, а даже съ инстинктомъ и рефлексомъ въ ихъ самыхъ простѣйшихъ обнаруженіяхъ. Всеобщій процесъ интелигенцій есть *объединеніе впечатлѣній*, и различія, являющіяся на высшихъ ступеняхъ мышленія, происходятъ единственно отъ возрастающей сложности объединенныхъ впечатлѣній...

Затѣмъ Спенсеръ приходитъ къ послѣднему выводу.

...Еще нѣсколько измѣненная точка зрѣнія, говоритъ онъ, откроетъ нашимъ глазамъ еще обширнѣйшій кругозоръ интелектуальныхъ феноменовъ, дастъ намъ всеобщее опредѣленіе ихъ, какъ въ частности, порознь, такъ и въ ихъ полномъ объемѣ...

...Мы видѣли, что неизбѣжное условіе, внѣ котораго сознаніе не можетъ родиться, есть измѣненіе состоянія и что это измѣненіе состоянія необходимо раждаетъ терминъ различія. Мало того, мы видѣли, что сознаніе можетъ длиться только въ той мѣрѣ и до

тѣхъ поръ, пока измѣненія длятся, пока отношенія различія являются и утверждаются. Изъ этого слѣдуетъ, что сознаніе не можетъ ни возникнуть, ни длиться безъ различенія своихъ состояній. Оно должно безостановочно переходить изъ одного состоянія въ другое различное. Иначе сказать, необходимое безпрерывное различеніе, *безпрерывная диференціація* его состояній...

...Но мы также видѣли, что состоянія сознанія, возникая послѣдовательно, становятся элементами мысли только вслѣдствіе признанія ихъ сходства съ какими нибудь прежде испытанными состояніями. Еслибъ различныя состоянія, являясь, не были вовсе принимаемы къ свѣденію, еслибъ они проходили черезъ сознаніе также безслѣдно, какъ изображенія по зеркалу, то какъ бы долго ни длился подобный процесъ, мышленія не могло бы быть. Оно можетъ возникнуть только путемъ организаціи, устройства, класификаціи этихъ состояній. Доходить же до свѣденія они могутъ только подъ условіемъ большаго или меньшаго сходства съ какими нибудь предшествующими. Они мыслимы только, какъ такіе или этакіе, то есть какъ схожіе съ такими или этакими, прежде испытанными. Актъ познаванія ихъ невозможенъ безъ класификаціи ихъ съ другими однородными имъ, безъ объединенія ихъ съ другими. Отъ этого всякое состояніе, познаваемое, должно быть *объединено* съ какимъ нибудь предъидущимъ состояніемъ, должно быть *интегрировано* со своимъ предъидущимъ состояніемъ. Всякій актъ знанія долженъ быть *актъ интеграціи*, другими словами, должна быть *непрерывная интеграція* состояній сознанія...

...Вотъ стало-быть два противоположные процеса, которыми питается сознаніе, центробѣжная и центростремительная дѣятельность, уравновѣшивающая его. Чтобы дать матеріалъ для мысли, состояніе сознанія должно ежеминутно диференцироваться. А чтобы новое состояніе, такимъ образомъ возникающее, стало мыслію, оно должно быть интегрировано съ прежде испытанными. Это непрерывное чередованіе составляетъ характеристику всякаго сознанія отъ самаго низшаго до самаго высшаго.....

...Такимъ образомъ самое всеобъемлющее опредѣленіе мысленной дѣятельности есть: *непрерывная диференціація* (различеніе) и *интеграція* (объединеніе) *состояній сознанія*.....

На этомъ оканчивается первая часть сочиненія Спенсера; но прежде чѣмъ перейдти ко второй, мы попытаемся сдѣлать то, чего онъ не сдѣлалъ; то есть связать въ одинъ узелъ пестрыя нити его розысканій и выводовъ.

Въ своемъ *анализѣ* Спенсеръ пытается разложить на части то древнее зданіе человѣческой мысли, структура котораго была уже съ давнихъ временъ и несчетное число разъ предметомъ философическихъ изысканій.

Въ результатѣ его разложенія мы получаемъ три основныхъ элемента постройки: *сырой матеріалъ*, *продуктъ* и *работу*. Не то, чтобы Спенсеръ самъ высказалъ ясно, что онъ это понимаетъ такъ; но мы его поняли такъ, и это различіе мы просимъ имѣть въ виду при всемъ, что мы будемъ далѣе говорить.

Сырой матеріалъ — это понятіе внѣшней дѣйствительности какъ чего-то, дающаго о себѣ знать непосредственно и во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ однимъ атрибутомъ *устоя* или *сопротивленія*. Но такъ какъ одно не можетъ быть понимаемо внѣ его отношенія къ другому чему нибудь, то мы и должны принять, что это понятіе внѣшней дѣйствительности подъ всеобщимъ ея атрибутомъ *устоя*, заключаетъ въ себѣ ея отношеніе къ намъ или вѣрнѣе сказать къ нашему тѣлу.

Такимъ образомъ въ основѣ постройки, подъ рубрикою *сыраго ея матеріала*, мы находимъ понятіе отношенія объекта къ субъекту въ самомъ сыромъ и грубомъ видѣ его.

Затѣмъ мы имѣемъ абстрактное представленіе объ этомъ сыромъ матеріалѣ. Это *понятіе вообще* или простое, безхитростное, первичное знаніе двухъ непосредственныхъ данныхъ въ такомъ же непосредственно-данномъ соотношеніи ихъ другъ къ другу.

Далѣе этого анализъ знанія не можетъ идти, потому что *знать* мы не можемъ иначе, какъ понимая что нибудь одно въ его отношеніи къ чему нибудь другому.

Но это только одна рубрика, потому что мы видимъ только *сырой матеріалъ;* но мы не видали еще *ни работы, ни продукта* ея.

Тутъ еще нѣтъ *работы*, потому что въ подобномъ, первич-

номъ понятіи мысль ничего не искала и не создавала, а приняла или поняла то, что дается ей опытомъ, непосредственно.

Работа есть дѣло *сужденія* и состоитъ въ установкѣ связи между понятіями. А такъ какъ понятіе есть знаніе отношенія между вещами, то *работа сужденія* есть отъисканіе или установка связи между отношеніями. Работа эта имѣетъ двоякую цѣль: добытіе новаго матеріала путемъ *заключенія* и сортировку добытаго матеріала путемъ *класификаціи*. Это уже не есть знаніе непосредственное, а дѣло *познанія*, дѣло отчетливаго разбора и сортировки. Основною первоначальною чертой его является *различеніе — диференціяція*. И теоретически, первоначально, мы не можемъ смотрѣть на это иначе, какъ на работу. Но практически, эта работа, повторенная нѣсколько разъ, переходитъ сначала въ привычку и требуетъ меньше времени, меньше труда, потомъ не требуетъ уже вовсе ни времени, ни труда и перестаетъ быть работою; потому что разъ сгрупированный матеріалъ крѣпнетъ въ своемъ составѣ, части его срастаются, спайка перестаетъ быть замѣтна, образуется одинъ плотный, сплошной кусокъ. Это и есть *продуктъ*, результатъ работы. Главный характеръ его и вмѣстѣ конечный характеръ работы, которую онъ завершаетъ, есть *объединеніе*, *интеграція*.

Затѣмъ *продуктъ*, уже вышедшій изъ работы, поглотившій ее въ себя такъ сказать, становится опять дѣломъ простаго знанія, то есть знанія, не требующаго уже работы, и въ этомъ видѣ является опять *понятіемъ*, и это *понятіе*, хотя оно уже не сырой матеріалъ, но тѣмъ не менѣе идетъ какъ сырой матеріалъ снова въ работу, дополняется другими понятіями, диференцируется съ другими понятіями, групируется съ ними въ одно сочетаніе, элементы котораго крѣпнутъ въ связи, объедняются и т. д.

Такимъ образомъ общій характеръ мысленной дѣятельности, съ аналитической точки зрѣнія, имѣетъ у Спенсера характеръ какой то ткацкой работы. Изъ сыраго и чуждаго для работника матеріала прядутся нити, нити эти сортируются, групируются, переплетаются въ ткань и только. Затѣмъ какую разнообразную форму имѣетъ ткань и какъ въ этой формѣ отражается внутренній, живой смыслъ, живое, сознательное единство работника со своею работой,

ничего этого мы не видимъ. Спенсеръ не объяснилъ намъ, какъ онъ понимаетъ тотъ актъ, которымъ мысль, познавая себя, какъ нѣчто отличное отъ внѣшнихъ своихъ опредѣленій, какъ общій субстратъ ихъ, сама становится для себя предметомъ. А между тѣмъ этотъ актъ, актъ *самосознанія* есть центръ всей мысленной дѣятельности и, не опёршись на этотъ центръ, мы никогда не выпутаемся изъ ряда одностороннихъ абстракцій, никогда не поймемъ той замкнутой линіи, въ которой онѣ дополняя другъ друга, тѣмъ самымъ оправдываютъ другъ друга и даютъ намъ возможность уразумѣть законъ ихъ происхожденія и взаимной связи.

Всѣ эти вопросы, а затѣмъ и отвѣты на нихъ тонутъ у Спенсера въ туманѣ его *отношенія*. Отношеніе это играетъ роль какого то занавѣса, изъ-за котораго выходитъ на сцену все, что должно быть объяснено, и за который прячется все, чего объяснить онъ не можетъ. Мы смотримъ въ недоумѣніи на этотъ занавѣсъ и не знаемъ, что за нимъ кроется: *живой человѣкъ или механика*?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ, какъ понимаетъ Спенсеръ другое строеніе,—*строеніе жизни*.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ*)

Николай Ахшарумовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Статья пятая и послѣдняя.

Народная лирика: пѣсни бытовыя—заунывныя, удалыя и плясовыя.— *Зачатки народной драмы и оперы:* пѣсни древне-языческой обрядности.—Хороненіе золота, праздникъ Колядѣ-зимѣ, Васильевъ вечеръ. Святочные страхи и народная демонологія. Окликъ звѣздъ, мѣсяца, зари и солнца въ заговорахъ. Встрѣча весны и перваго дождя. Лѣтніе духи и зеленыя святки. Ночь на Ивана Купала. Значеніе весеннихъ хороводовъ. Типъ хороводницы и свахи. Драматизмъ свадебныхъ пѣсень. Встрѣча перваго снѣга.—Заключеніе.

I.

Жалобно-торжественный строй стиховъ духовныхъ и надорванно-скорбный тонъ пѣсенъ историческихъ были, какъ видно изъ предшествующей статьи, прямымъ выводомъ изъ былевой поэзіи, подвергшейся вліянію религіозныхъ и государственныхъ идей прежняго времени. Но настроеніе душевной жизни нашего народа на этомъ не остановилось: былины, сложившіяся подъ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ, продолжали додѣлываться; пѣсни каликъ перехожихъ и вольницы всякаго рода тоже не забывались; а между тѣмъ рядомъ съ ними или непосредственно изъ нихъ вытекалъ новый родъ поэзіи, чисто лирической. Еще разбирая пѣсни изъ періода упадка былевой поэзіи, мы видѣли какъ онѣ, по мѣрѣ того какъ отъ нихъ отлетали имена и факты историческіе, принимали субъективный характеръ; позднѣе эта субъективность, это сосредоточеніе народа на своихъ собственныхъ ощущеніяхъ обнаружилось еще яснѣе, и тѣмъ болѣе, что самый ходъ историческихъ событій этому способствовалъ. Пока еще покой величаваго Микулы Селяниновича не нарушался ничѣмъ, онъ оставался на одномъ

мѣстѣ и, воздѣлывая съ богатырскими усиліями землю, довольствовался созерцаніемъ природы и образовъ, въ его фантазіи возникавшихъ. Покой этотъ продолжался однакожъ не вѣчно: едва коснулась нашего осѣдлаго пахаря необходимость религіи и государства, онъ сейчасъ же сталъ принимать на себя образы то калики-странника, то вольницы-разбойника и въ этихъ двухъ видахъ обходить изъ конца въ конецъ матушку Россію. Противъ этого шатанья, столь глубоко внѣдрившагося въ нравы нашего народа и подогрѣваемаго потомъ религіознымъ фанатизмомъ и раціонализмомъ раскольниковъ, исторія, какъ извѣстно, не нашла ничего лучшаго, какъ закрѣпить народъ на одномъ мѣстѣ. И вотъ цѣлый огромный слой общества, бывшій прежде неразрывною частью свободныхъ людей, замыкается мало по малу въ особый классъ; вліяніе историческихъ фактовъ и происшествій, въ которыхъ принималъ онъ такое живое участіе, устраняется. Отгороженный отъ остальнаго міра властью воеводы и помѣщика, простолюдинъ наконецъ весь уходитъ въ самого себя, весь сосредоточивается на своихъ личныхъ ощущеніяхъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, только и объясняется причина, почему отъ времени послѣ-петровской Руси не осталось почти никакихъ историческихъ былинъ кромѣ очень немногихъ и весьма блѣдныхъ по содержанію; а между тѣмъ событія исторіи были такъ громки. Простолюдину, значитъ, было уже не до историческихъ бѣдъ, когда внутри его скопилось много своего собственнаго горя. Вмѣстѣ съ перемѣною темы въ поэтической дѣятельности народа перемѣнился также и самый строй пѣсенъ: того надорваннаго тона, которымъ такъ поражается слухъ въ пѣсняхъ историческихъ, тутъ нѣтъ и слѣда. Сердце что ли ужъ очень наболѣло у простолюдина, но только звуки злобнаго раздраженія перестаютъ услаждать его; напѣвы его замѣтно проникнуты унынiемъ. Вотъ эта-то унылость, заунывность тона и составляетъ самую характеристическую черту позднѣйшихъ лирическихъ произведеній народа. Еще въ разбойничьихъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, стала утихать эта надорванность и проявляться тихая, сосредоточенная скорбь; въ пѣсняхъ же бытовыхъ горе простолюдина обнаружилось во всей своей наготѣ, безъ всякой примѣси ропота. О чемъ же, посмотримъ, горевалъ своею безобидною скорбію

нашъ простолюдинъ, чѣмъ волновалось его сердце въ послѣдній и самый длинный періодъ своей подневольной жизни?

Самое давнее горе послѣ горя понизовыхъ удальцовъ, слагавшихъ свои буйныя головы въ напрасной борьбѣ, была, по видимому, рекрутчина, горе теперь въ значительной степени миновавшее.

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона-ль моя незнакомая;
Что не самъ то я на тебя зашелъ;
Завела меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.
Породила меня матушка
Во безсчастный день, во пятницу,
Въ зеленомъ саду гуляючи...
Пеленала меня матушка
Во свивальничекъ алый бархатный,
Берегла меня матушкя
И отъ вѣтра и отъ вихря
И отъ часта мелка дождичка;
Не спасла меня матушка
Отъ службы государевой,
Отъ чужедальней сторонушки.

Такъ просто и наивно выражается горе рекрута, по своей охотѣ пошедшаго на службу и потомъ вдругъ послѣ долгой гульбы сознавшаго свое положеніе. Есть даже напѣвы, гдѣ это сознаніе своего положенія проявляется во время самаго пированія, которымъ обыкновенно сопровождается отдача рекрута на службу.

Охъ вы слезушки, вы горючія мои,
Не катитеся вы слезушки изъ глазъ;
Мнѣ теперечa, слезы, не до васъ,
Не до васъ то мои слезы:
Во солдаты везутъ насъ...

Существуетъ также въ народной лирикѣ довольно вѣрное, хоть и не вполнѣ сохранившееся, описаніе рекрута въ бѣгахъ, по тону и складу подходящее къ разбойничьимъ пѣснямъ:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная голова молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, не кинуся,
По лѣсамъ да по деревьямъ все заставы,
На заставахъ ли крѣпки караулы...

И вотъ, не зная, куда дѣваться отъ преслѣдующей его погони, молодецъ задумываетъ идти къ государынѣ-матушкѣ, чтобы спросить ее — зачѣмъ она его породила, да такимъ счастьемъ надѣлила?

Смерть ратника въ чистомъ полѣ есть тоже одна изъ любимыхъ темъ народной лирики. Сюда напримѣръ относится извѣстная пѣсня: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.“ Вслѣдъ за поэтическимъ сравненіемъ злодѣй-тоски и туманомъ, упавшимъ на море, пѣвецъ представляетъ себѣ темную, беззвѣздную ночь. Только въ полѣ курится огонечекъ малешенекъ, а у огонька лежитъ добрый молодецъ, прижимая платкомъ рану смертную. Подлѣ молодца стоитъ его конь, который, ударяя копытомъ, будто слово хочетъ вымолвить, чтобы молодецъ скорѣе на него садился, а онъ бы его повезъ на родимую сторонку, къ малымъ дѣтямъ, къ молодой женѣ. Какъ вздохнетъ тутъ удалый добрый молодецъ, то отъ того вздоху глубокаго растворилась его рана смертная и потекла кровь горючая. Тутъ ратникъ, какъ бы не зная, куда дѣвать своей умирающей мысли, обращается къ коню:

Ахъ ты, конь мой, конь лошадь вѣрная,
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!

Такъ величаетъ умирающій воинъ своего вѣрнаго коня въ убѣжденіи, что онъ его пойметъ и даже дастъ о немъ вѣсть по смерти.

Если для добраго молодца самымъ большимъ горемъ была рекрутчина, то для красной дѣвицы источникомъ бѣдъ была чужая сторона или, какъ поется въ пѣсняхъ, чужедальняя сторонушка.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала,
Чужая сторонушка безъ вѣтра сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушатъ;
Посылаютъ меня молоду рано по воду,
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычною пташечкой-кукушечкою:
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.

Горе, пробивающееся въ этихъ строкахъ, очевидно, горе сильное, глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ молодое. Такъ можетъ горевать только женщина, преждевременно почти ребенкомъ выданная замужъ и потому не имѣющая силы бороться съ тяжелыми обстоятельствами. Эта преждевременность замужества, особенно при неравенствѣ лѣтъ, и есть главная причина забитости многихъ деревенскихъ женщинъ. Мѣстами народная лирика, настроенная на заунывный ладъ, представляетъ положеніе это и еще болѣе мрачными красками. Такъ напримѣръ въ сборникѣ Варенцова есть слѣдующій разговоръ брата съ сестрой:

„Здорово сестрица, здорова родная!“
— Родимый мой братецъ, не больно здорова:
Дубовыя двери всю ночь проскрипѣли,
Шелковая плетка всю ночь просвистала.
Какъ съ вечеру тѣло, какъ снѣгъ, было бѣло,
А къ утру-то тѣло, какъ котелъ, посинѣло.

Мѣстами впрочемъ слышатся въ народѣ напѣвы и совершенно противоположнаго направленія, именно жалобы мужа на жену:

У меня-ль у молодца змѣя жена,
Змѣя жена, ладо скороспѣйка:
Изъ норы ползетъ,—озирается,
По песку ползетъ—извивается,
По травѣ-ль ползетъ— всю траву сушитъ.

Наконецъ простолюдинъ нашъ тревожится нерѣдко въ своихъ заунывныхъ пѣсняхъ и болѣе нѣжнымъ горемъ—тоскою объ утратѣ возлюбленной:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ той ли, подъ рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ,
Не трава растетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,

По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.....
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе и т. д.

Пѣснь эта очевидно, новая и составлена подъ замѣтнымъ вліяніемъ распѣваемыхъ въ народѣ романсовъ, тѣмъ не менѣе она очень поэтична. Приступъ же къ пѣснѣ положительно составленъ въ народномъ духѣ: простолюдинъ нашъ любитъ, прежде чѣмъ запѣть о горѣ, побесѣдовать съ какимъ нибудь деревцомъ или другимъ одушевленнымъ въ его глазахъ предметомъ.

Не смотря на избытокъ и разнообразіе заунывныхъ пѣсенъ, было бы однако же большимъ заблужденіемъ, еслибы мы сказали, что ихъ наводящій тоску и уныніе тонъ былъ единственною нотою пѣсенъ, въ которыхъ отражается теперешній бытъ нашего народа. Нѣтъ, въ глубинѣ души русскаго человѣка сохранились и другія болѣе веселыя ноты и источникъ его радостей еще далеко не изсякъ. Отъ горя во первыхъ выручаетъ его нерѣдко удаль; и это серединное такъ сказать состояніе между горемъ и радостью или внутренняя борьба ихъ между собою въ высшей степени свойственна нашему народу. Подъ пѣснями удалыми нельзя впрочемъ разумѣть, какъ это у Сахарова, пѣсенъ разбойничьихъ: послѣднія есть лирическое выраженіе положеній безъисходныхъ; между тѣмъ какъ въ удалыхъ въ настоящемъ смыслѣ воспѣвается такое горе, которое, что называется завиваютъ веревочкой.

Я вечеръ млада во пиру была, во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки, не у матушки, я была млада
У дружка мила, у дружка мила, у сердечнаго;
И не медъ пила, я пила млада сладку водочку..
И я полемъ шла, не шаталася,
Ко двору пришла пошатнулася,
За вереюшку ухватилася.

За этимъ размѣръ пѣсни измѣняется, и какъ бы совсѣмъ опьянѣвшая баба поетъ:

Верея-ль моя, вереюшка, поддержи меня!
У меня ли мужъ горькой пьяница:
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ;
Надо мною младой онъ ломается.
У меня-ль младой въ домѣ убрано:

Ложки вымыла во—щи вылила,
Чашку вымыла—въ горохъ вылила,
Косячки сгребла—пироги пекла.

Можно ли лучше изобразить картину безпорядка въ семьѣ, гдѣ мужъ хворый, а жена съ горя пьяница. Забитости уже нѣтъ и слѣда, а только хмѣль да удаль. Замѣчательна тоже въ этомъ родѣ не совсѣмъ сохранившаяся пѣсенка, гдѣ говорится о молодицѣ, которая, пробираясь ночью изъ терема, чтобы шуба не прошумѣла, да пуговки не звякнули, вдругъ останавливается и въ ея головѣ проносится рядъ упрековъ своей судьбѣ—зачѣмъ ее батюшка выдалъ за неровню и, польстясь на высокія хоромы, заставилъ жить съ немилымъ человѣкомъ. Вся эта внутренняя борьба, при замѣтно прорывающейся удали, производитъ чрезвычайно граціозное впечатлѣніе. Во множествѣ случаевъ впрочемъ пѣсня на подобнаго рода препятствія смотритъ легче; и въ отвѣтъ на разныя притѣсненія и бѣды въ ней слышится злая насмѣшка и даже веселье: отсюда третій родъ бытовыхъ пѣсенъ—пѣсни плясовыя. Онѣ всѣ почти безъисключительно сложены женщиной или отъ лица женщины: въ ней, значитъ, былъ главный источникъ веселья. Старый мужъ и молодой полюбовникъ составляютъ тутъ главную тему:

Зимушка—зима студена, холодна,
Заморозила зима дороднаго молодца,
Всю травку-муравку повызнобила,
Шелковой травы цвѣты повысушила...
Кабы та вѣра была, старика продала,
Не дорого-бъ взяла стара даромъ отдала;
Я прибавила-бъ полтину и купила бы дѣтину,
Полюбила бы молодчика молоденькаго,
Черноброва, черноглаза, русокудревата.
Русы кудри завитыя, алой лентою повитыя
Съ дорогими золотыми позументиками.

Подъ этотъ вполнѣ художественно-законченный кусокъ пляшутъ и играютъ крестьяне олонецкой губерніи. Мѣстами бойкость разудалыхъ бабенокъ выражается еще рельефнѣе: она отбивается не только отъ нелюбимаго мужа, но и отъ всей ей чужой семьи. Свекорь, какъ это поется въ одной пѣснѣ, говоритъ ей, встрѣчая—людоѣдницу ведутъ, свекруха—къ намъ медвѣдицу ведутъ, деверья прозываютъ ее неряхой, золовки непряхой, тетки—разлучницей; а

она всѣмъ находитъ, что сказать, и бойко, ходя по горенкѣ, отвѣчаетъ:

Въ темномъ лѣсу тамъ медвѣдицы живутъ,
Во сыромъ бору людоѣдицы;
А деверьи—соколы—у васъ жены таковы.
Золовушки-голубушки, вамъ самимъ замужъ идти!
А тетушекъ мы поставимъ на порогъ,
Мы поставимъ на порогъ, да укажемъ семь дорогъ.

Мѣстами наконецъ веселье и шутка до такой степени проникаютъ каждое слово плясовыхъ пѣсенъ, что ихъ даже и читать невозможно иначе, какъ быстрымъ веселымъ речитативомъ:

Веселая голова,
Не ходи мимо сада.
Милъ дорожку не тори,
Худой славы не клади.
Милъ дорожку проторилъ,
Худу славу положилъ.
Отцу матери безчестье,
Роду племени покоръ,
Съ плечъ головушка долой,
Мнѣ нельзя идти домой.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ и вотъ такъ:
Скажу, въ садикѣ была,
Скажу, яблочки рвала,
Наливныя, разсыпчатыя,
На бѣло блюдо клала....
Милый яблокъ не беретъ
И отвѣта не даетъ,
Не отказываетъ, не приказываетъ;
И я топнула ногой,
Сама съ терема долой,
Оставайся, чёртъ съ тобой!
Не ломайся надо мной,
Надъ дѣвичьей красотой,
Надъ моей русой косой.
Я на лѣсенку ступила,
Да одумалася.....
Ты послушай-ка, негодный!
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Съ полуночи гулять готовъ.

Кажется, просто веселье безъ конца. Нѣтъ, видно, народъ нашъ еще далеко не унываетъ, не смотря на всѣ бѣды, которыя висятъ и проносятся надъ нимъ.

Наконецъ существуетъ еще между лирическими пѣснями особый родъ пѣсенъ, которыя указываютъ уже исключительно на темную сторону жизни простолюдина и которыя по грубости, рѣзкости и циничности выраженій могутъ быть названы просто площадными. Сюда относятся разнаго рода непристойныя пѣсни объ отношеніяхъ родственниковъ или грубые напѣвы, гдѣ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ описывается, какъ жена мужа задавила. Замѣчательный

сборникъ г. Якушкина, составленный, какъ извѣстно, не безъ тенденціи, въ особенности изобилуетъ этого рода пѣснями.

Мужъ на лавкѣ сидитъ, на жену косо глядитъ;
Не косись на меня, не боюсь я тебя.
Мужъ руку отвелъ, по щекѣ жену оплелъ;
Жена руку отвела, по всей рожѣ оплела.

Замѣчательная энергія, съ которой выражается здѣсь протестъ противъ насилія, говоритъ Варенцовъ по поводу этой пѣсни. Да, пожалуй, замѣчательна, да только не какъ протестъ, а какъ отвѣтъ грубой силы на столь же грубый порывъ.

Многіе изъ русскихъ людей, недостаточно еще освоившихся съ роднымъ бытомъ, наталкиваясь на такія мѣста, выводятъ вдругъ заключеніе, что наши народныя пѣсни не могутъ имѣть самостоятельнаго эстетическаго значенія и должны быть поэтому разсматриваемы, какъ археологическіе и филологическіе курьозы. Но эти люди забываютъ, что поэтическая рѣчь въ народѣ не отдѣляется такъ отъ просторѣчія, какъ напримѣръ у насъ выдѣляется печать отъ обыденнаго разговора. И къ тому же самая наша печать не на столько безгрѣшна и опрятна въ своихъ выраженіяхъ, чтобы придавать значеніе цинизму простолюдина. Площадныя пѣсни характеризуютъ, пожалуй, народную жизнь съ одной ея стороны, но ни на волосъ не уменьшаютъ значенія народной поэзіи. Да и наши белетристы, публицисты, а отчасти и собиратели пѣсенъ черезъчуръ уже чернятъ нашу народность, черезъ-чуръ стараются придать ея явленіямъ видъ какой-то уголовщины. Если вѣрить всему, что пишется и печатается о простомъ человѣкѣ, то можно заключить, что въ быту его и семья совсѣмъ подорвана. Изученіе народныхъ пѣсенъ приводитъ насъ однакожъ къ другому убѣжденію. Измѣна у нихъ такъ и называется измѣной, ошибка ошибкой, а обманъ обманомъ. И если мы не видимъ пѣсенъ, гдѣ бы воспѣвалось счастливое супружество, то это отъ того, что счастливое супружество вообще не бросается въ глаза: люди имъ пользуются обыкновенно, сами его не замѣчая и другимъ не выказывая.

II.

Теперь еще остается намъ разсмотрѣть въ заключеніе нашихъ статей цѣлый обширный отдѣлъ народной поэзіи, которая можетъ быть названа *обрядовою*. Сюда относится безчисленное множество пѣсенъ, которыя поются при выполненіи разныхъ повѣрій, празднествъ и игръ. По происхожденію своему онѣ — самыя древнія изъ разобранныхъ нами пѣсенъ и начало ихъ относится къ тому доисторическому времени, когда народный эпосъ, народная лирика и народная драма существовали еще нераздѣльно. И если мы рѣшились разбирать ихъ подъ конецъ, то это потому, что они лирической стороной своею дѣйствительно столько же сливаются съ бытовыми пѣснями, сколько обряднымъ или драматическимъ характеромъ предшествуютъ эпосу. Обыкновенно описаніе народныхъ обрядовъ, гаданій и игръ у насъ отдѣляютъ отъ самыхъ пѣсенъ; и послѣднія въ видѣ свадебныхъ, короводныхъ, заговорныхъ или подблюдныхъ выставляются отдѣльно. Но эта оторванность отъ драматическихъ пріемовъ и эпическихъ сказаній выставляетъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ. Мы поэтому попробуемъ просмотрѣть эти пѣсни въ той формѣ, въ какой онѣ существуютъ въ дѣйствительности. При этомъ, конечно, мы должны, на сколько позволятъ предѣлы статьи, объяснять и самый смыслъ этого длиннаго ряда драматическихъ представленій, которыми народъ еще съ глубочайшей древности празднуетъ въ своемъ замкнутомъ уединеніи всякое сколько нибудь замѣтное явленіе природы.

Длинный рядъ этихъ поэтическихъ празднествъ, которыя всѣ болѣе или менѣе въ народной жизни сливаются съ праздниками религіозными, можно считать начинающимся съ того времени, когда короткій зимній день, все болѣе и болѣе уменьшаясь, начинаетъ потомъ прибывать. Солнце, говоритъ народъ, поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Нарядившись въ праздничный сарафанъ и кокошникъ, солнце садится въ телѣгу и ѣдетъ въ теплыя страны; отсюда не совсѣмъ еще забытый обычай катанья дѣвушки на саняхъ въ бѣлой одеждѣ при распѣваніи разныхъ пѣсенъ. Но вотъ простолюдинъ замѣчаетъ, что холодъ становится все ощутимѣе, небо

чаще покрывается тучами и въ преобразованіи этого явленія природы образуется въ народѣ обрядъ хороненія золота-солнца, который, вѣроятно, только вслѣдствіе христіанскаго поста отнесенъ къ святкамъ. Въ этомъ глубоко-поэтическомъ гаданіи, знакомомъ всякому изъ насъ съ дѣтства, именно и выражается идея самаго низкаго солнцестоянія или солнцеповорота.

Ужъ я золото, золото хороню,
Чисто серебро стерегу, стерегу;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ коей рукѣ былица
Змѣиная крыльца?....

Такъ обыкновенно затягиваетъ хоръ дѣвушекъ, принимаясь за эту чрезвычайно древнюю по своему происхожденію игру. Ему сейчасъ же отвѣчаетъ одна, которая, слѣдуя порядку игры, ищетъ въ рукахъ схороненнаго въ рукахъ перстня. За нею хоръ опять подхватываетъ, а перстень между тѣмъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Какой же смыслъ этого столь распространеннаго у насъ обычая? Золото и солнце, по Максу Мюллеру, имѣютъ въ арійскихъ языкахъ одинъ и тотъ же корень; сходство впечатлѣнія, производимаго металлами и свѣтилами небесными, было, конечно, этому причиной. Въ финской Калевалѣ говорится прямо, что солнце сдѣлано изъ золота; а солнечный лучъ въ нашей народной поговоркѣ выражается такъ: изъ окна въ окно золото вертено. Кромѣ того извѣстно, что перстень или кольцо было издревле символомъ солнца: *кольцо* есть уменьшительное имя слова *коло*, древняго названія *колеса*; отсюда *около* и выраженіе: солнце закатывается. Но будучи символомъ солнца, кольцо служило тоже и знакомъ брака; такъ какъ солнце по миѳическому вѣрованію всѣхъ народовъ, оплодотворяетъ мать-землю, поражая, дѣвы-тучи молніями и производя дождь. Неудивительно поэтому, что обрядъ хороненія золота былъ исключительно совершаемъ дѣвушками; хороня золотой перстень, онѣ какъ бы тосковали и гадали о своей судьбѣ и въ тоже время молились далеко ушедшему отъ нихъ божеству плодородія.

Но вотъ наступаютъ рождественскіе морозы и вечеръ двадцат четвертаго декабря. Зима, говоритъ народъ, ходитъ въ это время,

закутавшись въ медвѣжую шубу, стучится ночью по избамъ и будитъ бабъ топить печи. Когда идетъ Зима по полямъ, то за ней бѣгутъ вереницами метели и вьюги; когда ходитъ она по лѣсу, то изъ ея рукавовъ сыплется иней. Когда же Зима идетъ по рѣкѣ, то куетъ своимъ слѣдомъ ледъ въ три аршина. Ясно, что зима здѣсь олицетворяется. Сообразно съ этимъ повѣрьемъ существуетъ также и древнѣйшій обычай: ходить въ канунъ рождества толпами по улицамъ и у оконъ каждой избы пѣть коляду. Коляда въ пѣсняхъ называется святою, приходящею свысока. Говорится о какихъ-то трехъ теремахъ и красной паннѣ, которая стерегла вино, да крѣпко заснула; а тутъ налетѣли райскія пташечки, пробудили красную панну, она рукавомъ махнула и всѣхъ разогнала. Поется также въ колядкахъ о встрѣчѣ мѣсяца съ зарею:

И шовъ перейшовъ мѣсяцъ по небу,
Да стрѣвся мѣсяцъ съ ясною зорею:
Ой зоря, зоря! Де въ Бога була?
Де въ Бога була—де маешь стати?

Здѣсь вмѣстѣ съ поэтическимъ созерцаніемъ явленія мѣсяца на зарѣ опять проглядываетъ миѳическій взглядъ на феномены природы, какъ на живыя существа. Словомъ передъ нами открываются въ колядскихъ пѣсняхъ какъ нельзя болѣе древне-языческія вѣрованія, далеко еще не исчезнувшія въ народѣ. Но что же такое самое слово коляда? Филологи и изслѣдователи старины рѣшительно запутываются въ объясненіи этого миѳа. Нѣкоторые утверждаютъ, что пѣніе коляды есть праздникъ божеству солнца. Но съ какой же стати ему древній славянинъ могъ праздновать, когда онъ его тутъ же и хоронилъ? Коляда, по нашему мнѣнію, есть ни что иное, какъ миѳологическое имя зимы. Говоря о впечатлѣніи, производимомъ морозомъ, народъ выражается, что онъ жжетъ, палитъ и даже калитъ; отсюда существующее въ Вологодской губерніи прозваніе морозовъ калинниками. Слово коляда происходитъ поэтому отъ слова калить, въ немъ совмѣщается выраженіе того жгучаго впечатлѣнія, которое производитъ холодъ; это-то жгучее, калящее впечатлѣніе стужи и произвело-повѣрье, что зима куетъ ледъ. „Зима морозы куетъ, говоритъ народъ. Кузьма Демьянъ ходитъ съ гвоздемъ.“ И въ заунывно-торжественныхъ напѣвахъ

подблюдныхъ пѣсенъ не даромъ слышется многознаменательный стихъ:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
Куй кузнецъ золотой вѣнецъ. Слава!

И такъ несомнѣнно, что слово коляда есть имя богини зимы. И странно было бы думать, чтобы мы въ нашемъ холодномъ климатѣ не имѣли своей богини, когда въ теплыхъ странахъ такъ слѣпо вѣровали въ богиню весны. Народъ не могъ не страшиться и не благоговѣть передъ сковывающею и оцѣпеняющею природу силою зимы. Она такъ очевидно въ его глазахъ побѣждала даже могущество солнца: дни становились длиннѣе, солнце увеличивалось въ блескѣ, а между тѣмъ народъ видѣлъ, что зима брала свое и тянулся длинный рядъ морозовъ, которые теперь называются рождественскими, крещенскими и т. д. Могъ ли поэтому древній язычникъ не олицетворять первенствующаго времени года зимы? И мы видимъ, что въ пѣсняхъ коляды рядомъ съ воспоминаніемъ о потерявшемъ свою силу солнцѣ, проглядываетъ также очень ясное убѣжденіе, что свѣтила находятся у Зимы въ плѣну или въ гостяхъ. Въ галицкой колядной пѣснѣ поется записанный г. Головицкимъ напримѣръ послѣ общаго привѣтствія Колядѣ, какъ господину:

Твои рынойки позаметаны,
Твои столойки понадкрываны;
За твоимъ столомъ трои гостейки:
Единъ гостейко свѣтле сонейко,
Другій гостейко—ясенъ мѣсячокъ!
Третій гостейко—дробенъ дожджейко.

Значитъ и солнце, и мѣсяцъ, и дождь—все у матушки Зимы. У Снегирева тоже есть пѣсня, гдѣ рисуется теремъ господина Коляды, въ которомъ стоятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

И такъ празднованіе въ народѣ зимы несомнѣнно; и къ нему, намъ думается, должны быть отнесены не только колядки, но подблюдныя пѣсни. Первыя поются преимущественно въ Малороссіи и по улицамъ; вторыя же въ избахъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Передъ собравшимся народомъ становится обыкновенно чашка, накрытая полотномъ, съ перстнями и металическими вещицами. Надъ чашкой кладутъ кусочекъ хлѣба, соли и уголь, поютъ

торжественно заунывныя пѣсни. Опять въ своемъ родѣ похороны солнца и празднованіе Коляды-Зимы:

Катилося зерно по бархату,
Прикатилося зерно ко яхонту,
Крупенъ жемчеръ со яхонтомъ... Слава!

Стихъ этотъ, по видимому, не имѣетъ смысла; но такъ какъ наши ученые слава Богу доискались, что въ стихахъ народныхъ есть много загадокъ, а загадка есть обломокъ стариннаго метофорическаго языка, слагавшагося жемду вѣщими людьми, то мы и позволимъ себѣ объяснить эти загадочныя слова такъ. Зерно на миѳическомъ языкѣ значило капли дождя, бархатъ уподоблялся шелковой муравѣ, жемчугомъ и яхонтомъ выражался блескъ льда и снѣга. Ясно такимъ образомъ, что въ этомъ загадочномъ напѣвѣ говорилось объ образованіи изъ дождливой влаги льда и снѣга. Припѣвъ же слава! указывая съ одной стороны на древнее обще-славянское происхожденіе этой пѣсни, служитъ съ другой стороны доказательствомъ, что подблюдныя пѣсни, сдѣлавшіяся теперь гаданіемъ, игрой, были прежде выраженіемъ молитвы и привѣтствія Зимѣ. Или вотъ напримѣръ, кого не тронетъ за сердце эти извѣстная всякому изъ насъ съ дѣтства пѣсня:

Сѣй мати мучицу, пеки пироги,
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ... Слава.

Тутъ ясно, что мать-зима, сѣя снѣгъ и наваливая сугробы, приглашаетъ всѣхъ обуться и одѣться. А вотъ и довольно картинное выраженіе замерзанія рѣки Волхова:

Щука шла изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера ([1]),
Какъ на щукѣ чешуйка серебрянная
Какъ на щукѣ спина жемчугомъ сплетена... Слава!

А вотъ и какъ будто ропотъ на долгое пребываніе зимы «Лѣнивая лѣнивица, она таила снѣгъ на печномъ столбу, она вытаила золотъ перстень... Слава». Какой же это такой перстень, который можно вытаить отъ снѣга? Не ясенъ ли тутъ намекъ на солнце,

---

([1]) Бѣло-озеро тутъ очевидно смѣшивается съ о. Ильменемъ.

медленно выходящее изъ-подъ зимнихъ снѣговъ. Словомъ, нѣтъ почти ни одной подблюдной пѣсни, которую бы нельзя было объяснить при взглядѣ на коляду, какъ на богиню зимы.

Характеръ колядныхъ или зимнихъ народныхъ праздниковъ вообще мраченъ. И самое названіе „святки" употребляется не иначе, какъ въ смыслѣ чего-то страшнаго. Какъ смѣна дня и ночи представляется въ древне-славянскихъ вѣрованіяхъ борьбою вѣчно ссорящихся брата со сестрой, такъ лѣто съ зимой, по убѣжденію суевѣрнаго человѣка, воевали другъ съ другомъ. Слово; чистый, свѣтлый, придаваемое обыкновенно солнцу, въ противоположномъ значеніи— нечистый, темный, являлось выженіемъ *нечистой силы, духа тьмы* или силы мрака, холода и всего враждебнаго жизни. Отсюда понятно, почему понятіе о дьяволѣ слилось въ простонародьѣ въ эпоху христіанскую съ образами, являвшимися въ его фантазіи подъ вліяніемъ мрачнаго зимняго времени. Славянеязычники были вообще не чужды вѣрованія въ дуализмъ природы, отсюда древне-славянскіе Чернобогъ и Бѣлбогъ, чернокнижіе и проч. Чернобогъ, по свидѣтельству Гельмгольда отождествлялся у славянъ съ дьяволомъ; и Афанасьевъ думаетъ, что вѣрованье въ Бѣлбога и Чернобога было нѣкогда обще всѣмъ славянскимъ племенамъ (Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу г. Афанасьева). Бѣлбогъ, вѣроятно, перешелъ въ Дажбога, то есть свѣтлаго бога или бога солнца, а Чернобогъ смѣнился менѣе мрачнынъ представленіемъ Коляды. Тѣмъ не менѣе страхъ передъ нечистою силою, передъ темнымъ началомъ, перешедшій къ намъ еще съ языческихъ временъ, запалъ глубоко въ народѣ и демонологія получила самое широкое развитіе. Святки и были именно тѣмъ временемъ, когда фантазія народа болѣе всего разъигрывалась въ этомъ направленіи, такъ что и свѣтлыя идеи христіанства не могли ее успокоить. На святкахъ, по народному повѣрію, начинаются бѣсовскія потѣхи: нечистые ходятъ по землѣ, вѣдьмы летаютъ на шабашъ, домовые не даютъ покоя по ночамъ. И вотъ, сообразно съ этимъ вѣрованіемъ, существуетъ изстари обычай ряженья. Парни и дѣвки надѣваютъ на себя вывороченные тулупы, придѣлываютъ себѣ льняныя бороды, подобіе роговъ и т. д. Что значитъ этотъ странный обычай, эта древняя форма теперешнихъ маскарадовъ?

Изъ миѳологіи индо-европейскихъ народовъ видно, что стихійныя божества принимали не только образы людей, но и животныхъ:—отсюда происхожденіе сфинксовъ, фавновъ, сатировъ; отсюда и славянскій Радигостъ, который, по Карамзину, изображался съ головою буйвола; отсюда же и обычай придѣлывать чертямъ козлиныя ноги, хвостъ и рога; отсюда же наконецъ и переряженіе народа въ барановъ, медвѣдей и козловъ. Смыслъ обряда давно уже забытъ; тѣмъ не менѣе игра, изъ него вышедшая, считается въ нѣкоторомъ родѣ грѣховнымъ дѣломъ, отъ котораго купаются даже въ прорубяхъ. Особенно замѣчательно намъ кажется такъ называемое хожденіе козы съ медвѣдемъ. Козелъ всегда считался оффиціальною формою черта, а можетъ быть и Чернобога, медвѣдь же былъ воплощеніемъ свѣтлаго божества Перуна; такъ что медвѣдь, по народному повѣрью, поварачивается съ боку на бокъ во время зимняго сна въ день солнцеповорота. Что подъ формою козла народъ раззумѣлъ какую-то мрачную силу, доказываетъ распространенное вездѣ повѣрье, что козелъ можетъ усмирить домоваго, когда его ставятъ въ конюшню. И такъ въ распространенномъ у насъ обычаѣ водить козу съ медвѣдемъ можно видѣть очень явственные слѣды языческаго дуализма.

Къ числу образовъ, пугающихъ и настраивающихъ народную фантазію на извѣстный ладъ, принадлежитъ также и представленіе домоваго. Будучи остаткомъ языческаго вѣрованія въ пребываніе души умершаго предка, представленіе домоваго въ особенности преслѣдуетъ нашего простолюдина зимой; зимой проказы домоваго гораздо сильнѣе, чѣмъ лѣтомъ. По общему вѣрованію, домовой имѣетъ видъ старика, покрытаго мягкою шерстью. Проказы его главнѣйшимъ образомъ заключаются въ томъ, что онъ ночью душитъ и нагоняетъ тяжелый сонъ на людей, мучитъ коровъ и отнимаетъ у лошадей овесъ и сѣно. Словомъ, онъ не совсѣмъ-то доброе существо, нѣчто въ родѣ домашняго черта. Празднованія домовому собственно нѣтъ, хотя онъ и пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ; и его боятся не менѣе черта. При новосельи его обыкновенно задабриваютъ; истопивши печку въ старой избѣ, переносятъ его вмѣстѣ съ золою въ новую, приговаривая: милости просимъ къ намъ, дѣдушка, на новое житье.

Посреди святочныхъ гаданій и игръ есть впрочемъ одно празднество, которое по характеру своему и пѣснямъ, его сопровождающимъ, напоминаетъ какъ будто идею домоваго. Это праздникъ Овсеня или Василіевъ вечеръ, то есть канунъ новаго года. При этомъ варятъ кашу, и когда она готова, то хозяйка говоритъ, обращаясь неизвѣстно къ кому: милости просимъ къ намъ на дворъ со своимъ добромъ (см. Сказан: русск. нар. Сахарова). Кого же это она привѣтствуетъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ въ этотъ вечеръ по дворамъ, разсыпая зерна овса и припѣвая: „Ходитъ Илья на Василья, носитъ пугу житяную“ и т. д. Варенье каши или кутьи и разсыпаніе зеренъ можетъ, конечно, служить знакомъ уваженія къ домовитости; кутью же съ другой стороны варятъ, какъ извѣстно, на поминки; такъ что съ нѣкоторою вѣроятностію можно заключить, что праздникъ Овсеня былъ праздникъ по усопшимъ душамъ предка, принявшаго форму домоваго. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Овсень вездѣ представляется странствующимъ и не находящимъ себѣ покоя, и всѣ его зазываютъ «Ой Овсень, Ой Овсень! Походи, погуляй по веселымъ теремамъ. Ты взойди посѣти къ Филимону на дворъ.»

Въ тѣсной же связи съ этими мрачными эпическими сказаніями о подвигахъ нечистой силы сохраняются въ народѣ и повѣрья о происхожденіи болѣзней. Болѣзни олицетворяются обыкновенно въ безобразныхъ формахъ; самая же смерть называется курносою, вѣроятно, отъ формы человѣческаго черепа. Слово *смерть* происходитъ отъ санскритскаго *mri* (умираю); отсюда *моръ*, *морокъ*, и наконецъ *мракъ*. Мраку же или темнаго начала болѣе всего зимою, что опять согласно съ филологическимъ сродствомъ словъ: *мракъ*, *мразъ* и *морозъ*. Неудивительно поэтому, что болѣзнь издревле считалась за порчу, производимую нечистой силой или при ея содѣйствіи и преимущественно зимой, когда нечистая сила является болѣе могущественной. Совмѣстно же съ этимъ народъ видѣлъ, что болѣзни и на самомъ дѣлѣ чаще посѣщаютъ въ зимнее время. Что было дѣлать древнему язычнику-славянину? У кого искать защиты отъ навожденія темныхъ духовъ и порчи, ими причиняемой? Конечно, у свѣтлаго начала, и вотъ онъ въ простотѣ своей души обращается къ свѣтиламъ небеснымъ и создастъ огромное число заклинаній,

заговоровъ и воззваній къ свѣтлымъ божествамъ. Что заговоры, существующіе теперь въ народѣ, остатки молитвъ къ языческимъ божествамъ, есть фактъ, всѣми признанный; а что происхожденіе ихъ должно быть относимо къ зимнему времени, тоже самою собою понятно. Вслѣдъ за мрачными представленіями, которымъ предавался народъ во время игрищъ и гаданій святочныхъ, ему естественно было обращаться къ лирическимъ изліяніямъ въ молитвѣ. Сильное стремленіе достигнуть желаемаго, отвратить болѣзнь или бѣду вмѣстѣ съ глубокой вѣрою въ одушевленность природы и могущество ея вліянія невольно вдохновляло первобытнаго человѣка. Къ этому еще надо прибавить странную вѣру въ слово, о которомъ мы теперь и понятія не имѣемъ. Слову древній человѣкъ приписывалъ не только силу прогонять болѣзни, охлаждать или возбуждать страсти, но и усмирять стихіи; отсюда происхожденіе благословеній, проклятія, присяги, честнаго или вѣрнаго слова и привѣтствій здоровью. «А будь мое слово, говорится въ одномъ заговорѣ, сильнѣе воды, выше горы, крѣпче горючь-камня, могучѣе богатыря.» Удивительно ли послѣ того, что человѣкъ при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ становился поэтомъ. Всѣ заговоры произносились прежде не шёпотомъ, какъ теперь, а громкимъ, зычнымъ голосомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Г. Афанасьевъ справедливо замѣчаетъ въ нихъ метръ и народную рифму. Можно ли поэтому не причислять ихъ къ поэтическимъ произведеніямъ?

Самымъ главнымъ и начальнымъ заговоромъ послѣ святочныхъ гаданій должно считать окликъ звѣздъ, сохранившійся еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ: Собирается въ концѣ святокъ въ крещенскій вечеръ или около того толпа дѣвушекъ и, выйдя на открытое мѣсто, поетъ или причитываетъ:

Ай вы звѣзды, звѣзды, звѣздочки!
Всѣ вы звѣзды одной матушки,
Бѣло-румяны вы и дородливы,
Засылайте сватей по міру крещеному.

Это есть въ нѣкоторомъ родѣ заговоръ противъ незамужества. Далѣе къ звѣздамъ въ тульской губерніи обращаются пастухи: Выходитъ овчарь въ полѣ одинъ, становится на разостланную шкуру и, кланяясь на четыре стороны, произноситъ:

Засвѣтись звѣзда ясная по поднебесью...
Загорись огнемъ негасимымъ...
Ты загляни, звѣзда ясная, на дворъ къ намъ,
Ты засвѣтись, звѣзда, огнемъ негасимымъ!

Въ такомъ же тонѣ составлены и всѣ прочіе заговоры. «Ты небо видишь, ты небо слышишь!.. Мѣсяцъ ты красный, сойди на мою клѣть!.. солнышко ты привольное, отврати ты раба отъ вина», взываетъ поперемѣнно суевѣрный человѣкъ. „Матушка заря утренняя, вечерняя и полунощная! Какъ вы тихо потухаете, поблекаете, такъ бы болѣзни и скорби во мнѣ потухли и поблекли“ — Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебрянные рожки, золотыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а сила твоя могуча; мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть.“ Или вотъ тоже замѣчательны по силѣ выраженія заговоры отъ порѣза: — „На морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ лежитъ камень алатырь; на томъ камнѣ сидитъ красна дѣвица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, зашиваетъ раны кровавыя... Булатъ, прочь отстань, а ты кровь течь перестань!“ Мѣстами заговорное слово проникается самою неподдѣльною жалобой, обращенною къ свѣтлымъ явленіямъ природы на темныя силы, одолѣвающія простаго человѣка: — „Мать ты моя вечерняя заря, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ лихорадокъ!“ Въ такомъ же родѣ существуютъ и заговоры отъ запоя, отъ укушенія змѣей и всѣхъ недуговъ вообще. Усиливается наконецъ суевѣрный человѣкъ тѣмъ же вѣщимъ словомъ отогнать отъ себя тоску или наоборотъ напустить ее на кого другаго. „Какъ рыба безъ воды, младенецъ безъ матери не можетъ жить, такъ и онъ бы безъ нея не могъ ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на зарѣ утренней, ни на вечерней, ни при звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ, ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, разростись по всѣмъ жиламъ ноетой и сухотой!“ Ну какъ таки не зародиться злодѣй-тоскѣ отъ такого могучаго слова. Заговоры въ родѣ послѣдняго нельзя, конечно, относить по происхожденію исключительно къ зимнему времени; тѣмъ не менѣе на нихъ лежитъ печать тѣхъ мрачныхъ представленій, которыми питалось

воображеніе простолюдина въ невеселую пору стужи и метелей. Поэтическій заговоръ на тоску напоминаетъ сказанія о кикиморахъ.

Наконецъ существуетъ еще въ народѣ нашемъ заговоръ, который по миѳическому значенію своему уже прямо относится къ заключительнымъ обрядамъ зимняго времени. Это обрядъ опахиванія отъ зимы или заговоръ противъ смерти. Дѣтски-живое воображеніе простолюдина представляло себѣ, что, провожая зиму, онъ въ тоже время провожаетъ и смерть съ ея болѣзнями. Въ послѣднее время впрочемъ опахиваніе употребляютъ и какъ средство отъ моровой язвы, холеры и т. д. Эта дикая и почти невѣроятная въ настоящее время церемонія совершается такъ: Женщина-повѣщалка послѣ предварительной мірской сходки выходитъ въ полночь въ одной рубахѣ на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; къ ней со всѣхъ сторонъ сбѣгаются бабы и дѣвки съ ухватами, кочергами, косами и помелами въ бѣлыхъ рубахахъ съ распущенными волосами. Мужчины при этомъ не показываются. Сбросивъ съ себя рубаху, повѣщалка клянетъ смерть, потомъ садится верхомъ на соху, за ней нѣсколько другихъ садятся на помело и начинается обрядъ опахиванія деревни. При этомъ толпа бабъ съ горящими лучинами и пучками соломы, кружась и вертясь, стучитъ въ сковороды, тазы, чугуны, и поетъ:

На крутой горѣ высокой
Кипятъ котлы кипучіе;
Вокругъ котловъ кипучихъ
Стоятъ старцы старые,
Поютъ про животъ и смерть,
Про весь животъ человѣчь...
Ой вы старцы старые!
Ставьте столы дубовые,
Стелите скатерти бранныя,
Точите ножи булатные,
Зажигайте огни негасимые,
Колите, рубите на мертва
Всякъ животъ поднебесный.
Кладите на злую смерть
Проклятьице великое.

Временами иступленная толпа останавливается у домовъ и бѣшено вопитъ: — „Бей, сѣки руби, коровью смерть! Сгинь, пропади, черная немочь! Запашу, заколю, засѣку, замету.“ Можно ли себѣ представить въ болѣе мрачныхъ краскахъ древне-языческую тризну смерти? Въ старухѣ — повѣщалкѣ, сидящей на сохѣ, и женщинахъ, бѣгущихъ съ распущенными волосами на помелѣ, такъ и рисуется баба-яга, окруженная вѣдьмами и всѣми зимними духами, отлетающими при звукахъ перваго весенняго грома. Шумныя празднества на

маслянницу имѣютъ, вѣроятно, очень много общаго съ этимъ суевѣрнымъ обрядомъ. Вглядываясь въ нихъ, нельзя не задуматься надъ странною судьбою нашихъ повѣрій и обрядовъ, надъ ихъ живучестью, надъ ихъ несообразностію со всѣмъ ихъ окружающимъ; тутъ какъ-то невольно переносишься въ сказочный, фантастическій міръ, передъ которымъ просто ничто всѣ диковинки оперы и балета.

III.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ весны характеръ народныхъ праздниковъ рѣзко измѣняетея. И это наступленіе весны народъ очень хорошо замѣчаетъ: съ Василія до Евдокіи считаются обыкновенно зимніе наймы на работу. Перваго числа марта въ день св. Евдокіи происходитъ обыкновенно окликъ весны. Въ смоленской и другихъ губерніяхъ дѣвки и бабы выходятъ при этомъ на гору или забираются на крышу какого-нибудь дома и, обращаясь на востокъ, громко поютъ:

Весна, весна красна,
Что ты несешь?
— Красное лѣтичко

Или обращаются къ солнцу и поютъ:

Солнышко ведрышко!
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...

Въ простотѣ души поющіе тутъ прямо называютъ себя дѣтьми солнца.

Солнышко покажись,
Красное снарядись!

Изъ этихъ-то поэтическихъ восклицаній и воззваній къ природѣ и вышло празднованіе на красной горкѣ, равно какъ и повѣрье, что солнце играетъ въ свѣтлый праздникъ Пасхи. Первый весенній дождь тоже встрѣчается у простолюдина своего рода привѣтомъ. „Дождикъ припусти на бабину рожь, на дѣдову пшеницу, на дѣвкинъ ленъ, поливай ведромъ“. Теперь этотъ припѣвъ поется только дѣтьми, но прежде въ деревняхъ его пѣли всѣ взрослые.

Но вотъ наступаетъ первое апрѣля и время разлива рѣкъ. Водяникъ, давая о себѣ знать глухими подземными стонами, начи-

наетъ сердито ломать на рѣкѣ ледъ. Рыбаки для спасенія мелкой рыбы прибѣгаютъ къ умилостивленію и, бросая въ рѣку какое нибудь животное, приговариваютъ: „Вотъ тебѣ дѣдушка на новоселье гостинцу“. За этимъ вскорѣ наступаютъ такъ называемыя зеленыя святки, къ которымъ относятся всѣ суевѣрные обряды, исполняемые народомъ на семикъ и троицынъ день,—завиваніе и бросаніе вѣнковъ въ воду, украшеніе избъ березками и проч. Лѣтніе духи на этихъ зеленыхъ святкахъ являются уже далеко не въ такихъ мрачныхъ формахъ, какъ въ зимнія святки. Вмѣсто улетѣвшихъ на помелѣ вѣдьмъ плаваютъ въ лѣсахъ русалки, да шатаются по лѣсамъ лѣшіи. Отъ первыхъ только та бѣда, что они неопытнаго любителя женской красоты могутъ защекотать, а вторые только вредятъ тѣмъ, что заставляютъ плутать по лѣсу.

Далѣе изъ болѣе замѣчательныхъ народныхъ праздниковъ выдается по своей необыкновенной эфектности Ивановъ день, или праздникъ Ивана Купалы. Онъ бываетъ какъ разъ спустя полгода послѣ зимней коляды (23 іюня). Солнце, не смотря на замѣтное уменьшеніе дня, беретъ тутъ очевидный перевѣсъ передъ весенними холодами; и вотъ въ ознаменованіе этого явленія природы зажигаются въ Иванову ночь колеса, которыя какъ и кольца, были символомъ солнца; чаще впрочемъ этотъ древній обычай замѣняется простымъ зажженіемъ костровъ. Огню этихъ костровъ приписываютъ цѣлебную, очищающую силу; почему черезъ нихъ и перепрыгиваютъ при совершеніи вокругъ пѣнія плясокъ. Въ эту же ночь катаются въ росѣ, купаются цѣлыми толпами, ищутъ разныхъ цѣлебныхъ, чудодѣйственныхъ травъ: онѣ, по мнѣнію народа, имѣютъ въ этотъ день особенную силу. Словомъ, не смотря на страшные разсказы, которыми воображеніе простолюдина окружило эту таинственную ночь, благодатная пора года и полное развертываніе силъ природы, очевидно отражаются въ этомъ праздникѣ.

Что же касается до самыхъ пѣсенъ купальскихъ, семитскихъ, егорьевскихъ, то онѣ такъ затемнѣны вслѣдствіе своей давности, что объ нихъ не стоитъ и говорить. Поэтическое достоинство весеннихъ праздниковъ заключается собственно не въ частныхъ напѣвахъ на каждый праздникъ, а въ общемъ драматическомъ характерѣ, выражающемся въ хороводахъ; хороводы неизбѣжная принадле-

жность всѣхъ весеннихъ увеселеній. И если въ зимнихъ праздникахъ эпическій элементъ бралъ перевѣсъ надъ лирическою и обрядовою стороною, то здѣсь въ весеннихъ онъ отступаетъ уже на второй планъ.

Происхожденіе хороводовъ очень древне; еще въ Греціи и Римѣ хороводы считались священными обрядами. Изъ европейскихъ народовъ болѣе всѣхъ склонны были къ хороводамъ славяне; сумрачные же германцы ихъ не любили. Самая распространенная форма этого обряда есть кольцо или кругъ изъ цѣпи людей, держащихъ другъ друга за руки. Кругъ этотъ, будучи тоже символомъ солнца, двигался обыкновенно отъ востока къ западу; въ срединѣ же помѣщалась хороводница, заправлявшая всѣмъ ходомъ дѣисвтвія. Въ типѣ деревенской хороводницы сохраняются слѣды несомнѣнной древности, хотя типъ этотъ и до сихъ поръ еще не устарѣлъ въ народѣ. Обязанность хороводницы слѣдить за тономъ и смысломъ пѣсенъ, передавать болѣе удачныя изъ рода въ родъ и поддерживать вообще страсть къ пѣнію и играмъ. При всемъ уваженіи, которымъ она пользуется въ народѣ, ея дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы пѣть, плясать и увеселять всѣхъ, за что она и награждается подарками. Въ другое время, смотря по обстоятельствамъ, она дѣлается нянькой, разсказывающей дѣтямъ сказки, свахой, сближающей молодыхъ людей, и плакальщицей, провожающей похороны. Она обыкновенно одинока, вдова; всегда бойка, говорлива и обладаетъ способностію никогда не старѣться. Городская сваха и нянька есть ничто иное, какъ испорченный типъ хороводницы. Хороводы обыкновенно совершаются на открытыхъ мѣстахъ; но иногда бываютъ въ лѣсахъ и даже на кладбищахъ; всѣ при этомъ бываютъ разодѣты въ лучшія платья, на головахъ у парней блестятъ обыкновенно павлиныя перья, а въ косы дѣвушекъ вплетаются алыя ленты: и то и другое, вѣроятно, имѣетъ значеніе миѳическое, какъ знаки солнца. Тонъ и складъ, болѣе сохранившихся народныхъ пѣсенъ чисто-обрядовый: въ нихъ не слышится ни унынія, ни жалобы, ни надорванности, а какая-то торжественность. Тѣлодвиженія и игры, которыми они сопровождаются, соотвѣтстуютъ содержанію пѣсенъ и объясняютъ ихъ.

Самою древнею изъ хороводныхъ пѣсенъ справедливо считается всѣмъ извѣстная: „А мы просо сѣяли." Въ Россіи нѣтъ уголка,

гдѣ бы ея не знали; поютъ ее даже и въ Галиціи, по увѣренію многихъ. Начинается она съ того, что парни, бабы и дѣвки, взявшись за руки, становятся въ два ряда другъ противъ друга и поочереди перепѣваются:

1 хоръ.—А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ Ладо сѣяли!
2 хоръ.—А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ.
Ой Дидъ Ладо вытопчемъ!
1 хоръ.—А чѣмъ же вамъ вытоптать?
2 хоръ.—А мы коней выпустимъ.
1 хоръ.—А мы коней переймемъ.
2 хоръ.—А чѣмъ же вамъ перенять?
1 хоръ.—Шелковымъ мы поводомъ.
2 хоръ.—А мы коней выкупимъ.
1 хоръ.—А чѣмъ же вамъ выкупить?
2 хоръ.—А мы дадимъ сто рублей.
1 хоръ.—Не надо намъ тысячи.
2 хоръ.—А что же вамъ надобно?
1 хоръ.—Намъ надобно дѣвицу.

Въ это время одна дѣвушка изъ втораго хора переходитъ въ хоръ мужчинъ и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ къ мужчинамъ. Драматизмъ этой игры или представленія, не смотря на первобытную простоту, очевиденъ. Пѣснь образуетъ собою настоящій діалогъ и безъ извѣстной постановки лицъ не имѣетъ смысла. Что же касается до содержанія пѣсни, то она, какъ признано всѣми, заключается въ воспоминаніи о бывшемъ въ доисторической Руси обычаѣ умыканья или кражи невѣстъ. Обычай этотъ только представленъ въ болѣе поэтической формѣ сообразно смягченію нравовъ. Самый же тонъ обрядности выражается тутъ чрезвычайно характерною повторяемостію словъ. „Сѣяли, сѣяли;вытопчемъ, вытопчемъ.“ Въ этой повторяемости, столь свойственной хоровымъ пѣснямъ, такъ и слышится строй древне-языческой молитвы. И какъ всмотришься пристальнѣе въ эти нерукотворенные памятники человѣческаго слова, то не знаешь, право, чему отдать предпочтеніе—уцѣлѣвшимъ-ли развалинамъ древнихъ дворцовъ и храмовъ, или этимъ сохранившимся въ устахъ народа глаголамъ временъ.

Не всѣ, разумѣется, пѣсни сохранились въ такой цѣлости; тѣмъ

не менѣе на всѣхъ ихъ лежитъ болѣе или менѣе печать обрядности. Въ новѣйшей ихъ формѣ это пожалуй тѣже бытовыя пѣсни, только нѣсколько драматизированныя сопровождающими ихъ тѣлодвиженіями, игрой и пляской. Самое содержаніе пѣсенъ вращается въ кругу семейнаго или домашняго быта. То вотъ изображаются разладъ мужа съ женой, или ревнивая жена мужъ, отъ нея скрывающійся; то вдругъ представляется передъ зрителями (ихъ иногда бываетъ немало), разборчивость невѣстъ или навязчивость парней, увивающихся за дѣвушками. Старики и старухи, свекрови и снохи тоже выводятся на сцену, а иногда подвергаются и очень злымъ насмѣшкамъ. Случается также, что представленіе получаетъ и исключительно мимическій характеръ. Выходитъ напримѣръ парень на средину и хоръ дружно затягиваетъ:

Скажи, скажи воробушекъ, какъ дѣвицы ходятъ?
Они эдакъ и вотъ такъ,
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

За этимъ хоръ спрашиваетъ, какъ ходятъ молодцы, старики, злые люди и т. д., смотря по находчивости импровизирующей при этомъ хороводницы. При началѣ каждаго куплета парень посреди хора стоитъ спокойно, а потомъ сообразно словамъ пѣсни изображаетъ минами разные характеры людей. Наконецъ хороводныя игры принимаютъ часто видъ увеселеній, при которыхъ открывается полная возможность, всякому парню показать свое расположеніе къ любимой дѣвушкѣ и наоборотъ; и они подъ звуки пѣсни то слегка ударяютъ другъ друга по плечу, то попарно пляшутъ или цѣлуются; и игры эти такъ любимы народомъ, что повторяются и въ избахъ. Все это невольно приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ обычаѣ ходить и участвовать въ хороводахъ заключаются остатки тѣхъ свободныхъ отношеній между парнями и молодыми дѣвушками, которыя, по естественному ходу вещей, предшествовали брачнымъ союзамъ. И если мы видимъ, что браки крестьянскіе теперь устраиваются иногда довольно насильственнымъ образомъ, то это произошло вслѣдствіе вліянія татарщины и крѣпостнаго права; въ естественномъ же своемъ состояніи они всегда подготовлялись сердечными связями и сближеніемъ, происходившими

на хороводахъ. Весенніе и лѣтніе хороводы были какъ бы введеніемъ въ свадебные обряды, совершавшіеся осенью; и тогда хороводница уже обращалась въ сваху. Самый обыкновенный припѣвъ хороводной Ладо означало, по объясненію Афанасьева, богиню весны и плодородія; такъ что, молясь весеннему солнцу, древній язычникъ славянинъ въ то же время и исполнялъ ея велѣніе любить.

IV.

Лѣто у нашего простолюдина не изобилуетъ праздниками. Это есть время, когда онъ въ потѣ лица добываетъ и пожинаетъ хлѣбъ свой. Осенью другое дѣло; тогда онъ по уборкѣ хлѣбовъ чувствуетъ себя и болѣе обезпеченнымъ, и болѣе свободнымъ. Осень есть поэтому самое лучшее время для крестьянскихъ свадьбъ; осенью главнѣйшимъ образомъ разыгрывается та драма любви, завязка которой образуется обыкновенно въ хороводахъ. И простолюдинъ нашъ считаетъ и свадьбу не въ свадьбу, если не обставитъ ее извѣстнаго рода церемоніями; отсюда и существуетъ выраженіе играть свадьбу. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что въ домъ жениха или невѣсты является разряженная по праздничному сваха; хотя нерѣдко давно уже бываетъ рѣшенною женитьба такого-то парня на такой-то дѣвушкѣ, тѣмъ не менѣе она входитъ въ домъ, какъ незнакомая, а ее тоже встрѣчаютъ, какъ неизвѣстную имъ женщину. До такой степени отрывается тутъ простой человѣкъ отъ своей дѣйствительной жизни и уносится въ созданный имъ міръ фантазіи. Но вотъ начинается и самая сцена обрядоваго сватанія.—Ты откуда, тетушка?—Я изъ дальней стороны, да дороженька трудная, а я крѣпко устала и наслышамшись, что вы добрые люди—зашла. Шла я одинешенька по темному лѣсу, тутъ бѣжитъ соболь, онъ-то мнѣ дорожку перебѣжалъ и до вашей избы довелъ. А пришла я къ вамъ отъ красной дѣвицы, сохнетъ она и вянетъ въ одиночествѣ, будто трава на горючемъ пескѣ.—Ей отвѣчаютъ въ такомъ же иносказательномъ родѣ; она опять говоритъ, и дѣло, смотря по обстоятельствамъ, завязывается. За этимъ нерѣдко является уже сватъ, но въ домъ невѣсты, и его тоже принимаютъ, какъ незнакомаго; и онъ говоритъ, что вотъ онъ ѣхалъ да заплутался, а ночь темная

да немѣсячная.—Его спрашиваютъ, кто онъ. — Мы товары развозимъ для дѣвицъ суженыхъ, праздники подымаемъ для красныхъ. Мать невѣсты молчитъ; невѣста краснѣетъ, а сватъ продолжаетъ расписывать жениха. Ростомъ онъ тонокъ и высокъ, лицомъ бѣлъ и румянъ, кудри русые по плечамъ, брови дугой любовной свелись, глаза яснаго сокола, уста сахарныя, поцѣлуйныя.—Наконецъ бьютъ по рукамъ и за этимъ, иногда въ тотъ же день приносятъ отъ невѣсты жениху наручники или шитое полотенце. Подарокъ этотъ по нашему мнѣнію, имѣлъ у древнихъ русскихъ чрезвычайно важное значеніе; потому что онъ служилъ въ старину и знакомъ развода. „Если супруги, говоритъ Терещенко, по дальнему разстоянію не могли явиться къ епископу, чтобы испросить разводъ, то они выходили за деревню, становились на перекрестной дорогѣ и развертывали утиральникъ, держа его за концы. Свидѣтели же, при этомъ бывшіе, держались обыкновенно за середину, и этимъ дѣло оканчивалось.“ Что же касается до бывающаго на сговорѣ смотра невѣсты, то его происхожденіе ужъ чисто-восточное, отъ татаръ. Дѣвишникъ—другое дѣло, это чисто-русская затѣя, не исчезнувшая еще совсѣмъ и изъ среднихъ сословій по своей оригинальности и поэтичности. На этомъ дѣвичьемъ вечерѣ, бывающемъ обыкновенно наканунѣ свадьбы, исполняется главнѣйшимъ образомъ обрядъ расплетанія косы. Коса не въ примѣръ нашимъ далеко ушедшимъ современницамъ считалась лучшимъ украшеніемъ дѣвушки; такъ что остриженіе косы было величайшимъ безчестіемъ и позоромъ. И до сихъ поръ еще русскія дѣвушки, расплетая свою косу, съ особенною нѣжностію поютъ: „Коса-ль моя косынька, коса русая.“ Передачею пѣсни мы не выразимъ того впечатлѣнія, которое способны произвести свадебныя пѣсни на человѣка, не окончательно оторвавшагося отъ своей родины. Красота ихъ заключается не столько въ содержаніи, сколько въ самомъ тонѣ; въ тонѣ этомъ нѣтъ уже ни спокойной торжественности, ни тоскливаго раздраженія и ни унылости; это какъ бы грусть пополамъ съ радостью, мольба о счастіи, полная слезъ и несбыточкыхъ желаній. Сообразно съ этимъ и вся обстановка свадьбы представляется въ какомъ-то сказочномъ, фантастическомъ видѣ. Жениха и невѣсту принимаютъ за князя и княгиню; сватъ, дружка, посаженый отецъ съ матерью тоже являются какими-то знатными

господами. И немудрено: свадьбы въ томъ видѣ, какъ онѣ есть теперь у простаго народа, были когда-то украшеніемъ и великокняжескихъ вѣнчаній. Что же касается до самаго содержанія пѣсенъ, то она безпрестанно измѣняется и варіируется. Ни одинъ быть можетъ родъ народной поэзіи не держится такъ импровизаціи, какъ свадебныя и похоронныя пѣсни. Черезъ это-то и произошло, что каждая губернія и даже почти каждый уѣздъ имѣетъ свой свадебный обрядъ и свои напѣвы. До того возбуждено поэтическое чувство народа при этомъ важномъ актѣ. По мѣрѣ приближенія къ таинству вѣнчанія быстрая мѣна пѣсенъ, обрядовъ и игръ все болѣе и болѣе увеличивается. Въ домѣ родителей невѣсты завязывается какъ бы настоящая драма, въ которой дѣйствующими лицами являются невѣста, мать, женихъ-разлучникъ, братъ-измѣнникъ и хоръ дѣвицъ-подруженекъ. И того какъ бы враждебнаго положенія жениха съ невѣстой, той громко-выражаемой печали, которой окружена народная свадьба нельзя принимать, какъ всѣ дѣлаютъ обыкновенно, за дѣйствительное настроеніе вѣнчающихся и сватающихъ: все это горе большею частію навѣяно самою поэтичностію обряда. Между дѣйствующими лицами свадьбы образуются наконецъ настоящіе діалоги, распѣваемые уже не хорами, какъ въ хороводахъ, а каждымъ лицемъ отдѣльно; передъ пріѣздомъ жениха всеобщее настроеніе достигаетъ иногда полнаго драматическаго воодушевленія. „Матушка, во полѣ пыльно,“ затягиваетъ вдругъ невѣста, увидя въ окно приближающійся поѣздъ. „Дитятко, кони разыгрались,“ отвѣчаетъ ей какъ бы въ утѣшеніе мать.

Матушка, на дворъ гости ѣдутъ!
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Матушка, на крылечко гости идутъ!
Дитятко не бойся, не выдамъ.
Матушка, за дубовый столъ садятся!
Матушка, со стѣны образъ снимаютъ!
Дитятко, Господь съ тобою,
Свѣтъ моя милая, Господь съ тобою.

И невѣста, другой разъ не помнящая себя отъ радости, что наступила желанная минута, бросается тѣмъ не менѣе въ своемъ поэтическомъ воодушевленіи со слезами на грудь матери. Самый поѣздъ въ церковь и возвращеніе домой тоже сопровождаются пѣснями. По пріѣздѣ въ домъ

жениха молодыхъ обсыпаютъ хмѣлемъ и этимъ оканчивается вся свѣтлая сторона свадебнаго обряда. Слѣдующій за этимъ пиръ оканчивается обыкновенно довольно цинично, какъ и всѣ вообще пиры.

Такимъ образомъ одинъ уже бѣглый взглядъ на обрядовую поэзію приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ народѣ были всѣ задатки къ широкому драматическому и даже оперному развитію. Послѣднее мы утверждаемъ потому, что необыкновенная своеобразность въ тонѣ пѣсенъ, заунывныхъ, удалыхъ, плясовыхъ, хороводныхъ и свадебныхъ, вмѣстѣ съ особенностію народной гаммы и нераздѣленности стиха отъ мелодіи, чтенія отъ пѣнія, открываетъ полную возможность къ народной оперѣ. Отчего, спрашивается, все это не только не развивалось, но даже и не вышло изъ своего первобытнаго состоянія и теперь заранѣе осуждается нашими прогресистами на совершенную гибель? Отвѣтъ на это опять можетъ намъ дать только исторія, эта неизмѣнная покаянная книга, по которой человѣчество вѣчно кается и никогда, по видимому, не раскается въ своихъ грѣхахъ. Тутъ дѣло впрочемъ ясно. Всѣ игрища скоморошества и народныя увеселенія были, какъ извѣстно, сильнѣйшимъ образомъ преслѣдуемыя вплоть до Петра Великаго; значитъ время, когда народное творчество было въ своемъ высшемъ напряженіи, и когда въ исполненіи народныхъ игръ принимали участіе всѣ сословія, было временемъ задержки для развитія и очищенія этихъ игрищъ. Начиная съ Петра гоненія на нихъ, правда, прекратились со стороны церкви; но народныя увеселенія стали терпѣть тогда уже отъ другихъ причинъ: ихъ начали вытѣснять насильно вводимые иноземные обычаи. И высшее сословіе мало по малу такъ отстало отъ народа, что ужъ при Елисаветѣ мы видимъ на свадьбахъ вмѣсто дружекъ шаферовъ, вмѣсто меда — шампанское, вмѣсто народныхъ пѣсенъ — бальную музыку, а вмѣсто русской пляски — чопорный полонезъ. Игры же и напѣвы старины, сдѣлавшіяся исключительно удѣломъ чернаго люда, стали въ свою очередь портиться, цинизироваться; и въ настоящее время они, вѣроятно не обладаютъ и половиною той поэтической силы, какую имѣли прежде до сословнаго раздробленія. Поэзія, явившаяся между образованными классами, тоже мало заботилась о возвышеніи и очищеніи глубоко вкоренившихся въ народѣ игръ и пѣсенъ. Она не поняла даже ихъ настоящаго стихо-

творнаго размѣра, не взяла, значитъ, въ тонъ, и потому, не смотря на усилія многихъ геніальныхъ людей, вдругъ оборвалась. Взять въ тонъ народа—великое дѣло.

Чѣмъ же намъ завершить этотъ обзоръ народныхъ увеселеній? Мы его завершимъ однимъ обрядомъ, который по внутреннему, глубокому смыслу, въ немъ содержащемуся, можетъ быть названъ заключительнымъ финаломъ годичнаго празднованія природѣ. Финалъ этотъ состоитъ въ извѣстной хороводной пѣснѣ, которую народъ особенно любитъ распѣвать осенью:

Ахъ по морю, ахъ по морю!
Ахъ по морю, морю синему
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь, лебедь бѣлая.
Не тряхнется, не ворохнется.
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ.
Убилъ ушибъ, убилъ ушибъ,
Убилъ ушибъ, лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по сине морю,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью;
Сорилъ перья, сорилъ перья;
Сорилъ перья по чисту полю и т. д.

Смыслъ этого древняго и вездѣ распространеннаго напѣва слѣдующій: Соколъ, какъ ясно изъ славянской миѳологіи, былъ наравнѣ съ орломъ между птицами, съ медвѣдемъ между звѣрями, воплощеніемъ Перуна; и въ одномъ изъ старинныхъ заговоровъ говорится объ орлѣ, летѣвшемъ изъ-за моря и бросавшемъ камни и стрѣлы громовыя. Бѣлая лебедь, что еще болѣе несомнѣнно, служила символомъ облака и синонимомъ дѣвы: представленіе облаковъ подъ видомъ летящихъ птицъ было любимымъ вымысломъ древняго славянина; отсюда выраженіе—облако налетѣло. Перья же и пухъ на метафорическомъ языкѣ равняются снѣгу; почему напримѣръ простолюдины даже и на западѣ вѣрятъ, что когда идетъ снѣгъ, то на небѣ щиплютъ гусей или изъ перины пухъ высыпаютъ. Ясно такимъ образомъ, что пѣснь эта была ничто иное какъ метафорическое или миѳическое выраженіе падающаго снѣга. „Онъ пухъ пустилъ по поднебесью, сорилъ перья по чисту полю.“ Не явно-ли тутъ привѣт-

ствіе первому падающему осеннему снѣгу? Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что пѣснь эта обыкновенно поется безъ хороводницы, какъ знакъ потухающаго осенняго солнца. Такъ неизмѣнно слѣдилъ и такъ глубоко проникнутъ былъ народъ сочувствіемъ ко всякому явленію природы.

V.

Но вѣдь все это предразсудки, повѣрья, пѣсенки, скажутъ намъ, далеко унесшіеся на крыльяхъ прогреса отщепенцы народа. Да, все это такъ; но...

Предразсудокъ есть обломокъ правды.
Храмъ упалъ, но прахъ остался;
А потомокъ его не разгадалъ.

Скажемъ мы вмѣстѣ съ Баратынскимъ: Нѣтъ, всѣ эти остатки старины не соръ, не археологическая пыль, а непосредственное явленіе жизни, тѣсно связанное съ духомъ и сущностью народа. Что образованіе языка находится въ связи съ воззрѣніями народа на природу, фактъ несомнѣнный. Солнце садится, вѣтеръ воетъ, пустыня молчитъ, облака летятъ — все это выраженія, происшедшія отъ взгляда на природу, какъ на нѣчто одушевленное. „Чтобы всецѣло отрѣшиться народу отъ вѣрованій язычества, говоритъ Афанасьевъ, для этого нужно было ему отказаться отъ роднаго языка, что выходило уже изъ предѣловъ возможности. И народъ нашъ долго не отрѣшался отъ завѣтовъ предковъ и убѣжденій, подсказываемыхъ ему языкомъ.“ Такъ долго, скажемъ мы въ свою очередь, пока не сознано было, что однихъ вѣрованій недостаточно, а нужно еще нравственныя убѣжденія или принципы; христіанство именно и есть то, что дало намъ самые неоцѣненные принципы. Пантеизмъ, которымъ проникнута наша народная пеэзія, не потерялъ однакожъ своего значенія; потому что пантеизмъ, по нашему убѣжденію, есть не философское ученіе и не религіозная секта, а поэтическая правда. Распѣвая пѣсни древнеязыческой обрядности, народъ кланяется не божествамъ, о которыхъ давно забылъ, а только природѣ, которую продолжаетъ любить по прежнему. Правда эта поэтому не ограничивается тѣмъ, что вліяетъ на образованіе языка; нѣтъ, она проникаетъ въ складъ мысли, ею условливаются живучесть образовъ, красота

и объективность представленій; такъ что народъ для тѣхъ, которые не понимаютъ его взгляда на природу, какъ на нѣчто одушевленное, является по сю пору какимъ-то сфинксомъ, загадкой неразгаданной. Если признать, что всѣ повѣрья и предразсудки, пѣсни и сказанія — не есть страстное выраженіе стремленія народа къ поэтическому творчеству, то тогда, конечно, народъ покажется тупъ; но такой взглядъ на духовный процесъ, происходящій внутри народа, понятенъ теперь только въ иностранцахъ. Какая нибудь хлыстовщина и та имѣетъ въ народѣ свое историческое оправданіе и есть ни что другое, какъ остатокъ народныхъ игрищъ, изувѣченныхъ преслѣдованіемъ; о болѣе же стройныхъ явленіяхъ жизни народа и говорить нечего: они матеріалъ драгоцѣнный. И мы, соль земли, всероссійскіе литераторы, не должны относиться къ нему презрительно; выметая безъ разбора какъ соръ, какъ археологическую пыль, всѣ повѣрья и сказанія. Да эдакъ мы можемъ вырвать съ корнемъ въ народѣ и всякое чувство къ природѣ, всякую способность къ поэзіи. Не выметать мы должны, а объяснять, отбрасывая тѣмъ все темное и нелѣпое. Странно, въ самомъ дѣлѣ, національное чувство въ насъ пробудилось; и отъ іезуитизма поляковъ, и отъ эгоизма нѣмцевъ мы отбиваемся на славу; народность наша является какъ бы вполнѣ огороженною. Но во имя чего же мы ратуемъ? Не во имя же того конечно, что насъ семдесятъ миліоновъ; фактъ этотъ все-таки внѣшній и для національнаго пробужденія нужна еще и симпатія къ народу, какая нибудь вѣра въ свѣтлую старину его существованія. А то что же это такое? Изъ лицеевъ у насъ выходятъ англоманы, изъ школъ правовѣдѣнія — галломаны, изъ нѣмецкихъ школъ тоже своего рода люди, изъ семинарій — нигилисты, изъ корпусовъ — артилеристы, изъ гимназій ни то, ни се. И перефразируя извѣстное выраженіе Пирогова объ ощущеніяхъ, испытываемыхъ по выходѣ изъ школы въ свѣтъ, многіе изъ насъ могутъ сказать: — я англоманъ и потому буду исключительно читать англійскія книжки, я полуфранцузъ и потому буду шаркать и танцовать преимущественно вокругъ французской публицистики, я покорнѣйшій слуга нѣмцевъ, а потому буду питаться крохами, падающими съ ихъ обильнаго стола, я.... но всего не перечислишь; вѣрно только, что немногіе изъ насъ при вступленіи въ жизнь могутъ сказать — я русскій въ

душѣ и не хочу ни быть, ни жить никакою другою жизнію! Неудивительно поэтому, что всѣми науками у насъ интересуются, не интересуется только никто наукой о внутреннемъ бытѣ народа. И безутѣшно тоскуя о недавно, бывшемъ возбужденіи литературы, ограничиваются только тѣмъ, что читаютъ переводныя книжки. Но какое же это было возбужденіе? Вопросы, волновавшіе тогда общество и занимавшіе литературу, были вопросы, чуждые и чисто-теоретическіе. Вопросъ о Жоржъ Зандѣ, вопросъ о Фурье, вопросъ о Боклѣ, Фогтѣ и Молешотѣ, вопросъ о несовершенствѣ западныхъ конституцій —вотъ чѣмъ волновалась наша литература. Значитъ, она возбуждена была не своею, собственною жизнію, а какъ бы электризована извнѣ. И потому огромное тѣло, воздвигнутое столькими усиліями даровитыхъ людей, и рухнуло теперь, какъ трупъ по отнятіи отъ него электрическаго апарата. Теперешнее же, заново начинающееся литературное движеніе, не смотря на большіе промахи и путаницу, имѣетъ уже совсѣмъ другой смыслъ. Впечатлѣніе, имъ производимое на людей чужихъ или отставшихъ отъ общаго движенія, можетъ быть выражено словами бабы-яги, костяной ноги: — „Фу, фу, фу! Бывало русскаго духа видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, а теперь русскій духъ на ложку садится и въ ротъ валится.“

Николай Соловьевъ.

АСОЦІАЦІЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СОЦІАЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ.

(Изъ Unsere Zeit)

Въ настоящее время общественное вниманіе устремлено между прочимъ на улучшеніе матеріальнаго быта, а также и на возвышеніе нравственнаго уровня общества и преимущественно рабочаго класса. Одна изъ главнѣйшихъ современныхъ задачъ заключается, разумѣется, въ отысканіи причинъ общественныхъ недуговъ и средствъ для ихъ исцѣленія. Но для того, чтобы мы могли заняться отысканіемъ такихъ средствъ, намъ необходимо познакомиться прежде съ положеніемъ рабочаго класса, въ которомъ, какъ мы увидимъ далѣе, и заключается главный источникъ народныхъ бѣдствій.

Въ прежнія времена рабочіе классы не только не пользовались личною свободою, но были почти безправны. Такъ рабы въ древнихъ государствахъ и крѣпостные люди феодальныхъ временъ совершенно принадлежали господину, который могъ располагать по своему произволу не только ихъ работой, но и ихъ жизнію. Сами же рабочіе считали свое безвыходное положеніе совершенно естественнымъ, и не могущимъ быть иначе; они думали, что ихъ владѣльцы и вообще привилегированные классы на то и созданы, чтобы существовать ихъ трудами и повелѣвать ими.

Но, къ счастію, все это измѣнилось. Политическая и гражданская эманципація этого класса поставила его передъ лицомъ закона наравнѣ съ другими классами общества. Крѣпостное право и даже болѣе легкіе виды его уже не существуютъ болѣе почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Теперь рабочій по законамъ считается относительно своего заказчика человѣкомъ, совершенно свобод-

нымъ и независимымъ; онъ работаетъ для него не по принужденію и не по обязанности, а по доброй волѣ и взаимному соглашенію.

Тѣмъ ощутительнѣе однако для рабочаго его фактическая зависимость отъ хозяина или отъ фабриканта, тѣмъ тяжелѣе для него чувство, что равноправность его съ другими классами общества существуетъ какъ будто только для вида и очень рѣдко примѣняется къ дѣлу.

Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ бѣдняковъ, къ которымъ преимущественно принадлежатъ рабочіе, мы приведемъ слѣдующія слова маршала Вобана, которыя И Г. Друазенъ приводитъ въ своихъ „Чтеніяхъ о войнахъ за свободу“:

„Изъ всѣхъ произведенныхъ мною изслѣдованій я пришелъ къ результату, что почти десятая часть населенія Франціи можетъ считаться нищими, дѣйствительно просящими милостыню. Изъ остальныхъ девяти частей населенія пять не въ состояніи подавать милостыни, три части населенія находятся въ затруднительномъ положеніи, обременены долгами и множествомъ процесовъ и наконецъ обезпечена только десятая часть, къ которой я причисляю военныхъ, юристовъ, духовенство, дворянство, зажиточныхъ купцовъ и нѣкоторыхъ гражданъ, живущихъ рентою. Вообще къ этой категоріи относится не болѣе 100,000 семействъ.“

Слѣдующіе факты также довольно краснорѣчиво говорятъ о матеріальномъ положеніи современнаго общества.

Уже въ 1847 омъ году изъ одного миліона населенія Парижа нищіе составляли десятую часть, а во всей Франціи ихъ считалось 4 миліона. Въ этотъ годъ почти третья часть родившихся во Франціи, т. е. около 25,000 человѣкъ, родились, не имѣя собственнаго крова, въ больницахъ и пріютахъ и около одной шестой части умирающихъ кончило свою жизнь въ этихъ заведеніяхъ. Въ Венеціи изъ 100, 000 жителей считается 25, 000 бѣдняковъ, въ Римѣ изъ 150, 000 жителей 30, 000 просятъ милостыню, въ Амстердамѣ изъ 230, 000 жителей 45, 000 нуждаются въ посторонней помощи, а въ Лондонѣ изъ числа ежегодно умирающихъ значительная цифра приходится на долю умершихъ съ голоду; кромѣ того большая часть населенія во многихъ предмѣстьяхъ находится въ самомъ крайнемъ и бѣдственномъ положеніи.

При такомъ состояніи общества необходимо является вопросъ о причинахъ такой страшной бѣдности и надо полагать, что однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ этого общественнаго недуга можетъ считаться недостаточное вознагражденіе общественнаго труда. Трудъ перестаетъ уже быть свободнымъ, когда вознагражденіе за него слишкомъ мало.

Хотя въ настоящее время право сильнаго завладѣвать чужою собственностью и считается дѣломъ безчестнымъ и постыднымъ, однако многіе не считаютъ большимъ грѣхомъ уменьшать по возможности задѣльную плату рабочаго, т. е. пользуясь его нуждою, платить ему дешевле, чѣмъ дѣйствительно стоитъ работа.

Для избѣжанія такого притѣсненія необходимо было бы опредѣлить для извѣстнаго времени цѣнность различнаго труда и наблюдать, чтобы вознагражденіе за него не падало въ это время ниже установленной нормы. Въ этомъ случаѣ рабочій не былъ бы вынужденъ отказываться отъ удовлетворенія самыхъ сущетвенныхъ своихъ потребностей. Въ интересахъ государства и общества заключается положеніе, чтобы возможно-большая часть гражданъ, трудясь, получала вознагражденіе, сообразное со своимъ трудомъ, иначе трудъ становится въ тягость и исполняется нерадиво или недостатокъ матеріальныхъ средствъ восполняется нечестивыми путями. Недуги народа вѣдь и составляютъ недуги государства.

Такое состояніе рабочаго класса можетъ измѣниться къ лучшему въ томъ случаѣ, если рабочіе сами будутъ добывать себѣ работу и сами составлять необходимый для производства капиталъ—словомъ, если сами рабочіе возмутъ на себя всю иниціативу производства и вмѣстѣ съ тѣмъ получатъ и всю прибыль съ него, т. е. составятъ рабочую асоціацію.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо развиты асоціаціи въ Великобританіи. Отцомъ асоціаціи по справедливости можетъ считаться Робертъ Оэнъ. Бывши сначала въ различныхъ мѣстахъ прикащикомъ, онъ вступилъ въ товарищество съ однимъ богатымъ ткачомъ въ Манчестерѣ, не имѣя почти никакихъ матеріальныхъ средствъ. Съ этихъ поръ, съ окончанія великой европейской войны и до тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія онъ съ необыкновеннымъ стараніемъ и практичностью началъ свои опыты.

Оэнъ началъ свои реформы съ большой прядильной фабрики въ южной Шотландіи. Онъ смотрѣлъ на рабочихъ, не какъ на машины для полученія выгоды, а напротивъ стараясь связать ихъ интересы съ интересами фабрики. Вмѣсто того, чтобы обременять ихъ чрезмѣрною работой, онъ добровольно сократилъ число рабочихъ часовъ, вмѣсто принудительныхъ мѣръ онъ употребилъ въ дѣло соперничество и взаимный контроль рабочихъ другъ надъ другомъ. Оэнъ нашелъ, что при этихъ условіяхъ рабочіе работали больше и лучше, чѣмъ на другихъ фабрикахъ, онъ видѣлъ, что они дѣйствительно интересовались положеніемъ его дѣлъ и что такимъ образомъ выгода была взаимная и несравненно бо́льшая, чѣмъ прежде.

Оэнъ нашелъ маленькое мѣстечко Нью-Ланаркъ въ самомъ жалкомъ положеніи, жители бѣднѣли и матеріально, и нравственно, но менѣе чѣмъ въ четыре года ему удалось сдѣлать это глубоко-павшее населеніе счастливымъ и дѣятельнымъ; прядильня, не приносившая долгое время никакой выгоды, сдѣлалась для владѣльца выгоднымъ предпріятіемъ.

Оэнъ производилъ для своихъ рабочихъ закупки оптомъ всѣхъ необходимыхъ потребностей жизни и потомъ продавалъ ихъ по мелочамъ, безъ всякой денежной выгоды для себя. Дѣти рабочихъ воспитывались въ пріютахъ, устроенныхъ при фабрикѣ на ея же средства. Рабочіе были на фабрикѣ заняты только десять часовъ въ сутки, т. е. двумя часами менѣе, чѣмъ на другихъ фабрикахъ Англіи, но за то дѣятельность рабочихъ была образцовая.

Слѣдуя этой системѣ, Оэнъ достигъ блестящихъ результатовъ, обратившихъ на себя вниманіе даже въ высшихъ кругахъ общества.

Послѣ этихъ удачныхъ опытовъ Оэнъ хотѣлъ провести далѣе свои идеи. Принципомъ человѣческаго общества онъ считалъ общность интересовъ и правъ, а что касается экономической или промышленной стороны дѣла, то онъ хотѣлъ соединить всѣ отрасли промышленности въ большихъ заведеніяхъ, въ которыхъ соединялись бы работы различнаго рода, какъ ремесленныя, такъ и сельскохозяйственныя, такъ что при застоѣ въ однихъ работникъ могъ переходить къ другимъ занятіямъ.

Имѣя въ виду эти принципы, Оэнъ начерталъ совершенный планъ новой колоніи. Для осуществленія этого плана ему необхо-

димо было пріобрѣсти кусокъ плодородной земли; онъ хотѣлъ сначала купить въ Шотландіи 500 десятинъ земли, чтобы здѣсь произвести требующіяся постройки. Средства для этой покупки онъ надѣялся пріобрѣсти, сначала обратясь къ государямъ, собравшимся въ Аахенѣ, потомъ отъ разныхъ филантропическихъ обществъ. Однако, не смотря на то вниманіе, которое обратили въ Англіи на его предпріятіе, на обнадеживанія министровъ и сочувствіе коронованныхъ особъ, планъ его не осуществился за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого Оэнъ отправился въ Сѣверную Америку и тамъ успѣлъ основать въ 1824 году новую колонію Нью-Гармони. Но здѣсь Оэнъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде, что отчасти объясняется тѣмъ, что въ новой колоніи поселились по большей части отверженники общества, люди лѣнивые и грубые. Поэтому и принципы его не могли быть вполнѣ примѣнены. Колонія болѣе и болѣе падала и вмѣсто согласія и мира появились раздоръ и непріязнь, вмѣсто благоденствія скоро стало недоставать средствъ къ жизни. Едва прошло три года со времени основанія колоніи, какъ она уже совершенно пала и Оэнъ уѣхалъ обратно въ Англію.

Небольшой кружокъ приверженцевъ Оэна, глубже вникнувшій въ сущность его идей, старался осуществить его планы. Образовались асоціаціи для производства сложныхъ фабричныхъ и земледѣльческихъ работъ. Образовалось и нѣсколько колоній по образцу Нью-Гармони въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ и позднѣе въ Англіи. Здѣсь появилось множество такъ называемыхъ „кооперативныхъ обществъ" отчасти на тѣхъ же основаніяхъ, отчасти же на проведенныхъ еще далѣе принципахъ равенства и общественности; нѣкоторыя же колоніи отклонились отъ этого образца и въ нихъ дано было мѣсто различію состояній и образованія. Одно изъ такихъ обществъ въ Орбистонѣ, въ Шотландіи, подъ руководствомъ Комбе, одного изъ учениковъ Оэна, достигло почти тѣхъ же результатовъ, какъ въ Нью-Ланаркѣ. Рабочіе, трудившіеся сначала только по принужденію, скоро стали работать изъ любви къ труду. Но и здѣсь благопріятные результаты много зависѣли отъ опытности руководителя; съ его смертью асоціація разстроилась.

Оэнъ впослѣдствіи избралъ другой путь для осуществленія своихъ идей. Онъ хотѣлъ провести ихъ не отдѣльными практическими опытами, а систематическою научною пропагандою. Оэнъ пришелъ къ простой системѣ взаимной помощи (mutual assistance). Онъ хотѣлъ, чтобы образовались кружки людей отъ 2—3000 человѣкъ, которые, имѣя общія стремленія, взаимными трудами содержали бы другъ друга.

Пріятно видѣть, что, по мѣрѣ того какъ падали филантропическія мечты и планы всеобщихъ преобразованій, стали сами собою появляться разумно организованныя асоціаціи, и это благодаря остаткамъ учрежденій Оэна и его пропагандѣ.

Въ Англіи мы находимъ множество поучительныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи. Англія, по своему благопріятному естественному положенію вообще богата ими. Кромѣ того Англія можетъ считаться страною, гдѣ лучше вознаграждается трудъ, что даетъ рабочему возможность исправнѣе вести свое хозяйство. Нѣмецкіе рабочіе считали бы непонятнымъ, какъ въ извѣстное время англійскіе работники получаютъ такія громадныя суммы денегъ, какъ напр. 1,500,000 семействъ рабочихъ получаютъ 180,000,000 фунтовъ стерлинговъ или среднимъ числомъ каждое семейство 800 талеровъ въ годъ. Монтеры, т. е. рабочіе, собирающіе отдѣльныя части машины въ цѣлое, получаютъ отъ 35—40 шилинговъ или около 12 талеровъ въ недѣлю; рабочій при прокаточномъ станкѣ получаетъ отъ 12—15 шилинговъ или отъ 4—5 талеровъ въ день, а въ Стафордширѣ, на металлоплавильныхъ заводахъ каждая пара рабочихъ получаетъ отъ 3—400 ф. ст. или отъ 2000—2500 талеровъ въ годъ, т. е. столько же сколько получаетъ иной министръ въ маленькомъ нѣмецкомъ государствѣ.

Изъ значительнѣйшихъ промышленныхъ асоціацій мы можемъ указать читателю на общество такъ называемыхъ „піонеровъ" въ Рочдэлѣ, главномъ мѣстѣ шерстяной промышленности близъ Манчестера. Вотъ исторія основанія этой асоціаціи:

Въ одинъ ненастный ноябрьскій вечеръ въ 1843 году въ одной изъ бѣдныхъ гостинницъ собралось нѣсколько десятковъ человѣкъ бѣдныхъ ткачей фланели, съ цѣлью потолковать о средствахъ по-

править свои обстоятельства, которыя вслѣдствіе тяжелыхъ временъ и уменьшенія задѣльной платы сильно разстроились.

Всѣ придумываемыя средства, какъ-то: переговоры съ фабрикантами, сходки, рѣчи и наконецъ стачки, только още болѣе ухудшили положеніе рабочихъ. Тогда было предложено составить асоціацію, какъ лучшее средство поправить свое бѣдственное положеніе. Предположеніе было принято. Приступили къ отысканію средствъ, и рѣшили, чтобы каждый членъ этой асоціаціи вносилъ по 2 пенса въ недѣлю въ общую кассу. Траги-комическое соотношеніе между цѣлью новой асоціаціи и ея средствами еще рѣзче выступаетъ при разсматриваніи устава общества.

Цѣль и планъ этого общества состояли въ томъ, чтобы найдти способы для увеличенія денежныхъ средствъ членовъ асоціаціи и для возвышенія ихъ соціальнаго и семейнаго положенія, и этого хотѣли достигнуть пріобрѣтеніемъ капитала въ акціяхъ, цѣною каждая въ одинъ фунтъ стерлингъ, съ цѣлью:

Во 1-хъ, основать магазины для продажи жизненныхъ припасовъ, предметовъ домашняго обихода и разныхъ мелочей.

Во 2-хъ, построить или пріобрѣсти покупкой дома для квартиръ тѣмъ изъ членовъ общества, которые пожелаютъ тамъ жить и будутъ стремиться быть полезными другъ другу.

Въ 3-хъ, завести фабричное производство тѣхъ продуктовъ, которые подходятъ по роду занятій работникамъ, оставшимся по чему либо безъ мѣста или пострадавшимъ отъ слишкомъ упавшей задѣльной платы.

Въ 4-хъ, для дальнѣйшаго обезпеченія членовъ общества купить или арендовать помѣстье, землю котораго предоставляется воздѣлывать тѣмъ изъ членовъ, которые не имѣютъ другихъ занятій или трудъ которыхъ слишкомъ мало вознаграждается.

Въ 5-хъ, вообще имѣть въ виду правильность въ производствѣ работъ, распредѣленіи ихъ, необходимомъ образованіи рабочихъ, однимъ словомъ, чтобы общество составляло правильно устроенную, самостоятельную внутреннюю колонію, основанную и держащуюся общими интересами и старающуюся поддержать и другія общества, основанныя на тѣхъ же началахъ. Послѣ основательныхъ и частыхъ преній эти пункты были приняты въ уставъ общества. Число чле-

новъ увеличивалось, увеличенъ и еженедѣльный взносъ съ 2-хъ на 3 пенса, кромѣ того принимались еще добровольныя пожертвованія, и 22 декабря рочдэльскіе піонеры, числомъ 28 человѣкъ, могли начать свои операціи, имѣя капиталъ въ 28 фун. стерл. или 180 талеровъ.

Съ большими затрудненіями собраны были эти 28 фун. стерл. и въ Тоадъ-Лэнѣ нанята за 10 ф. ст. маленькая лавочка, въ которой было столько муки, масла, сахара и крупы, сколько можно было купить этихъ товаровъ на оставшіеся послѣ всѣхъ расходовъ 15 ф. ст. — Въ мартѣ 1845 года начали продавать въ этой лавкѣ и чай и табакъ, а въ концѣ этого же года общество піонеровъ считало уже 74 члена и имѣло капиталъ въ 181 ф. ст. Еженедѣльная продажа простиралась на сумму 30 ф. ст. Въ 1846 г. приращеніе капитала было не велико, но все-таки въ лавкѣ общества продавалось уже и мясо; въ 1847 году мы находимъ уже 110 членовъ и капиталъ въ 286 ф. ст., а еженедѣльная продажа простирается на 36 ф. ст. Въ 1849 году, не смотря на всеобщія тяжелыя времена, число членовъ достигло 390 человѣкъ, а капиталъ равнялся 1193 ф. ст. и еженедѣльный оборотъ былъ на 179 ф. ст. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ асоціація дѣлала очень быстрые успѣхи и въ настоящее время положеніе ея слѣдующее:

Въ Тоадъ-Лэнѣ, гдѣ находится главная контора общества и его библіотека, обществу принадлежитъ цѣлый рядъ большихъ лавокъ. Въ этихъ лавкахъ находятся всѣ необходимые предметы ежедневной потребности; въ различныхъ частяхъ города общество имѣетъ по крайней мѣрѣ восемь второстепенныхъ отдѣленій этихъ магазиновъ, имѣющихъ въ годъ оборотъ на 800,000 талеровъ. Въ богатыхъ мелочныхъ лавкахъ покупатель найдетъ все, начиная съ кринолина до искуственныхъ цвѣтовъ и съ ковровъ до лучшаго калинкора. Башмачныя лавки представляютъ огромный выборъ всѣхъ сортовъ кожанныхъ и деревянныхъ башмаковъ, оборотъ ихъ въ 1861 году простирался на 21,000 талеровъ. Магазинъ платьевъ доставляетъ каждому лучшее модное платье изъ превосходныхъ матеріаловъ. Въ пяти бойняхъ общества въ 1861 омъ году было убито 2553 головы рогатаго скота.

Наконецъ въ Тоадъ-Лэнѣ существуетъ помѣщеніе, принадлежащее

обществу и открытое все послѣ-обѣденное время для членовъ общества. Здѣсь къ услугамъ посѣтителей находятся всѣ англійскіе журналы и газеты, шахматы и библіотека въ 5000 томовъ, преимущественно поучительнаго содержанія. Всѣмъ этимъ піонеры пользуются безплатно и на это ежегодно идетъ 2½% чистаго дохода.

Іюньскій отчетъ за 1862 годъ показалъ, что общество піонеровъ имѣло въ этотъ годъ оборотъ на 190, 787ф. ст. или на 1,271,107 талеровъ, собственный его капиталъ составляетъ болѣе 40,000 ф. ст. или 266,000 тал. и годовой доходъ равняется 16,536 ф. ст. или 110,228 талерамъ.

Слѣдующая таблица показываетъ намъ очевидно блестящій результатъ рочдэльской асоціаціи:

Годъ.	Члены.	Капиталъ. ф. ст.	Оборотъ. ф. ст.	Прибыль. ф. ст.
1844	28	28	—	—
1845	74	181	710	32
1846	80	252	1146	80
1847	110	286	1924	72
1848	140	397	2276	117
1849	390	1193	6611	561
1850	600	2299	13179	889
1851	630	2785	17638	990
1852	680	3471	16352	1206
1853	720	5848	22760	1674
1854	900	7172	33364	1763
1855	1400	11032	44902	3166
1856	1600	12920	63197	3921
1857	1850	15142	79788	5470
1858	1950	18160	71689	6284
1859	2703	27060	104012	10739
1860	3450	37710	152063	15906
1861	3900	42961	176206	18413

Слѣдовательно капиталъ піонеровъ въ 17 лѣтъ увеличился въ 1533 раза и прибыль равняется около 475,000 талерамъ.

Ясно, что такого результата можно было достигнуть только при цѣлесообразности всѣхъ распоряженій и необыкновенной дѣятельности и честности членовъ общества; этому блестящему результату, разумѣется, способствовали и выгодность предпріятій, и всегдашняя расплата чистыми деньгами и т. д. Матеріальныя выгоды членовъ состоятъ въ доброкачественности и дешевизнѣ продуктовъ, покупаемыхъ ими у общества почти на 25% дешевле, чѣмъ въ другихъ торговыхъ заведеніяхъ, въ выгодномъ употребленіи ихъ взносовъ, приносящихъ 5 процентовъ, и наконецъ въ безпрестанно увеличивающемся дивидендѣ. Но кромѣ матеріальной выгоды эта асоціація принесла членамъ и нравственную, и умственную пользу. Піонеры считаются въ Англіи не только самымъ богатымъ, но и въ другихъ отношеніяхъ самымъ почетнымъ обществомъ. Но все-таки это общество не стоитъ на столько выше другихъ, чтобы его можно было считать исключительнымъ явленіемъ.

Въ Англіи средній доходъ другихъ асоціацій, устроенныхъ по образцу рочдэльской, равняется приблизительно 7½%, а въ нѣкоторыхъ даже и 10%. Однако главная цѣль этихъ асоціацій заключается все-таки еще не въ пріобрѣтеніи членами капиталовъ, а вниманіе ихъ обращено только на возможность получать хорошіе жизненные продукты по дешевымъ цѣнамъ.

Въ настоящее время въ Англіи считается до 500 такихъ обществъ, въ которыхъ число членовъ простирается до 100,000 человѣкъ, общій доходъ ихъ равняется почти 1500,000 талерамъ, а капиталъ равенъ 3 или 4 миліонамъ талеровъ. Всѣ эти асоціаціи основаны еще только съ 1856 года, раньше этого года образовалось ихъ не болѣе тридцати.

Главная цѣль всѣхъ этихъ асоціацій заключается въ общественномъ производствѣ и заготовленіи различныхъ продуктовъ въ большомъ количествѣ. При этомъ появился вопросъ о правильномъ дѣлежѣ выгоды между акціонерами-капиталистами и членами-производителями работъ и заготовленій. Общее мнѣніе не въ пользу подобныхъ асоціацій. Должны ли рабочіе, находящіеся сегодня у машины, заниматься завтра другою технической частью или торговлей и обратно. Или масса рабочихъ должна нанять техника и купца, такъ какъ дѣлаетъ фабрикантъ, нанимая себѣ рабочихъ? И какъ

они будутъ контролировать этихъ дѣлопроизводителей, чтобы послѣдніе не утаивали части доходовъ или не вели дѣлъ асоціаціи во вредъ ей? Будутъ ли наконецъ рабочіе въ состояніи выгодно сбывать продуктъ, выработанный на фабрикѣ?

Всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только практически, что и было сдѣлано въ Англіи; уже въ 1860 г. существовала 31 фабрика, всѣ основанныя рабочими асоціаціями, частью находящіяся въ полномъ ходу и частью только начинающія. Ихъ основной капиталъ былъ болѣе 7 мил. талеровъ, изъ которыхъ капиталъ въ акціяхъ равнялся 4 мил., а остальныя 3 мил. сохранялись въ видѣ гипотечной суммы.

Всѣ эти асоціаціи основаны на акціяхъ весьма малой стоимости и различаются между собою только способомъ раздѣленія выгоды.

Доказательство прочнаго существованія на такихъ началахъ, представляемое упомянутыми фабриками, очевидно. Уже многія изъ нихъ счастливо пережили тяжелыя времена и комерческіе кризисы. Такъ одна изъ нихъ, прядильная фабрика подъ фирмой Бакупъ и Уордль имѣетъ капиталъ, дошедшій постепенно до 400,000 талеровъ, и уже нѣсколько разъ выплачивала своимъ членамъ громадные дивиденды по 44 и 48 процентовъ въ годъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Циркуляръ гр. Баранова объ ограниченіи правъ евреевъ въ западномъ краѣ. — Анализъ предполагаемыхъ въ этомъ циркулярѣ мѣръ. — Традиціонная политика Франціи. — Противодѣйствіе Франціи благополучію человѣчества. — Положеніе папства. — Чего можно ожидать отъ настоящихъ событій въ Италіи? — Отношенія Россіи къ вопросу о папствѣ. — Положеніе дѣлъ на востокѣ и мнѣніе Times'а о томъ, что въ настоящее время не слѣдуетъ ожидать европейской войны.

Въ газетахъ недавно появился циркуляръ главнаго начальника сѣверо-западнаго края къ губернаторамъ, возбуждающій въ широкомъ размѣрѣ еврейскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ. Извѣстно, что въ западномъ краѣ и въ особенности въ литовскихъ губерніяхъ евреи составляютъ значительный процентъ населенія; извѣстно также, что между населеніемъ христіанскимъ и евреями, хотя и нѣтъ особеннаго антагонизма, но сельское населеніе, находясь по дѣламъ торговли и промышленности подъ вліяніемъ евреевъ, всегда хорошо знакомыхъ съ выгодами корпоративной организаціи и солидарности, часто ропщетъ на это вліяніе, не обнаруживая при этомъ въ себѣ ни силы, ни способности высвободиться изъ-подъ него безъ внѣшней помощи. По видимому, графъ Барановъ поставилъ себѣ задачей освободить мѣстное христіанское населеніе отъ еврейской монополизаціи мѣстной торговли и промышленности. При настоящемъ броженіи, которое царствуетъ въ сѣверозападномъ краѣ всякое дѣйствіе правительства, направленное противъ интересовъ значительной части населенія, обо-

собленной всей своей нравственной и умственной культурой отъ другихъ составныхъ частей мѣстной популяціи, не можетъ не имѣть политическаго значенія. Поэтому возбуждаемый вышеозначеннымъ циркуляромъ еврейскій вопросъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть поставленъ на политическую почву и подлежитъ обсужденію съ точки зрѣнія политической.

Сколько извѣстно, еще прежнимъ начальникомъ края, генераломъ Кауфманомъ была составлена въ Вильнѣ комисія для обсужденія вопроса о евреяхъ и, слышно было, она пришла къ тому заключенію, что никакого рода репресивныя мѣры не въ состояніи ослабить укоренившагося въ краѣ преобладающаго вліянія евреевъ въ дѣлахъ торговли и что поэтому будто-бы оказывается необходимыхъ выселить ихъ вовсе изъ края на Кавказъ. Это послѣднее предположеніе, конечно, принадлежитъ къ числу такихъ, которымъ плохо вѣрится, но съ другой стороны можно также допустить, что вообще наши комисіи и комитеты способны на всякія отважныя предположенія, что̀ зависитъ единственно отъ того, на сколько отважны и усердны господа чиновники, изъ которыхъ составляются комисіи и комитеты; относительно же евреевъ подобное предположеніе о выселеніи ихъ изъ края могло, пожалуй, возникнуть еще и по тѣмъ соображеніямъ, что если евреи въ древнія времена могли странствовать сорокъ лѣтъ въ пустынѣ и переходили, для сокращенія пути, по дну морскому, то имъ ничего не значитъ, оставивъ литовскіе болоты и пески, совершить переходъ на Кавказъ, подобно переселенію ихъ предковъ изъ земли халдейской въ землю ханаанскую. Не годами и не сотнями лѣтъ, а тысячами считается то время, какъ евреи утратили свое могущество и величіе и постоянно находятся подъ властью другихъ народовъ; только теперь въ Литвѣ евреи являются будто-бы властителями и эксплоатотарами мѣстнаго населенія. Вѣрно ли это? Послѣ тысячелѣтій нашлось наконецъ такое племя, надъ которымъ царствуютъ евреи! Что-то странно, а между тѣмъ нельзя не вѣрить, когда говорится объ этомъ, какъ о фактѣ, въ офиціальныхъ документахъ. Но нѣтъ ли въ этомъ вопросѣ простаго недоразумѣнія: вѣдь иногда призракъ принимается за дѣйствительный предметъ. Это требуетъ анализа.

Въ циркулярѣ гр. Баранова не встрѣчается столь радикальнаго предположенія какъ переселеніе на Кавказъ; эта, такъ сказать, хирургическая, оперативная мѣра замѣнена у него системой внутренняго леченія.

Хотя по закону, говорится въ циркулярѣ, евреи суть члены мѣстныхъ обществъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности они составляютъ отдѣльныя общества отъ христіанъ; для денежныхъ сборовъ евреи составляютъ особые участки, избираютъ особыхъ старостъ, имѣютъ особыхъ сборщиковъ податей и отправляютъ рекрутскую повинность отдѣльно отъ христіанъ. Такое привилегированное положеніе евреевъ, предоставляемое имъ закономъ, служитъ лишь къ большему укрѣпленію замкнутости евреевъ не только безъ всякой существенной пользы для правительства, но даже съ вредомъ для него. Отдѣльность эта влечетъ множество злоупотребленій и тяжела для большинства самихъ евреевъ, такъ какъ она способствуетъ сохраненію въ тайнѣ кагальнаго управленія евреевъ, отмѣненнаго правительствомъ. Въ тоже время отдѣльность эта, ставя еврея въ независимое положеніе отъ христіанскихъ обществъ, даетъ ему возможность злоупотреблять своими отношеніями къ христіанамъ, такъ какъ каждый еврей хорошо знаетъ, что въ этомъ случаѣ всегда найдетъ себѣ поддержку и защиту въ своемъ общественномъ управленіи. Кромѣ городовъ евреи проживаютъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, оставаясь въ мѣщанскомъ званіи; эти-то послѣдніе болѣе другихъ эксплоатируютъ трудъ земледѣльца-христіанина, и противъ нихъ въ особенности возстаетъ общественное мнѣніе.

Эта отдѣльность еврейскихъ обществъ, по мнѣнію гр. Баранова, необходимо должна быть уничтожена, и при этомъ евреи (за исключеніемъ купцовъ), проживающіе въ селеніяхъ христіанъ, а также въ мѣстечкахъ, не имѣющихъ отдѣльнаго общественнаго управленія, должны быть приписаны къ составу тѣхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ коихъ они проживаютъ. Считаясь общественникомъ того сельскаго общества, среди котораго онъ живетъ, еврей не будетъ уже полновластнымъ хозяиномъ, какимъ онъ является въ настоящее время; отбывая всѣ повинности, за исключеніемъ поземельной подати, съ однообщественниками, онъ будетъ связанъ съ ними, какъ ожидаетъ гр. Барановъ, общимъ интересомъ и подчиненъ одной и той же власти, и при томъ находящейся вблизи. Если не нравственное чувство, то общность интересовъ и страхъ силы мірской власти послужатъ къ обузданію страсти наживаться всѣми, часто непозволительными средствами бѣдняка-земледѣльца; правительство же въ этомъ случаѣ будетъ въ выигрышѣ, получая съ нихъ подушную подать и другія повинности, возложенныя на сельскихъ обитателей.

*

Но при этомъ, какъ говорится въ циркулярѣ, является возможность такого случая, что въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ численность евреевъ будетъ превышать христіанъ, и тогда общественное управленіе послѣднихъ могло бы подпасть подъ власть евреевъ. Чтобы устранить эти неудобства, необходимо установить, независимо отъ обязательнаго числа голосовъ для постановленія общественныхъ приговоровъ, чтобы въ постановленіи ихъ участвовали не менѣе двухъ третей наличнаго числа христіанъ и притомъ, чтобы большинство изъ нихъ было согласно съ постановленіемъ общества; напр. въ обществѣ, состоящемъ изъ 30 христіанъ и 60 евреевъ, общественный приговоръ могъ бы считаться состоявшимся только тогда, если въ составленіи онаго участвовали не менѣе 20 христіанъ и 11 изъ нихъ были согласны съ мнѣніемъ большинства.

Предположеніе это, добавляетъ гр. Барановъ, составляетъ предметъ особой важности, потому что оно должно лечь краеугольнымъ камнемъ въ преобразованіи управленія евреями, и потому предположеніе это требуетъ всесторонняго основательнаго обсужденія.

Кромѣ заключенія по этимъ предметамъ требуются отъ губернаторовъ свѣденія объ имуществахъ и капиталахъ еврейскихъ обществъ и ихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, о разныхъ доходахъ и сборахъ, существующихъ въ еврейскихъ обществахъ и т. п.

Посмотримъ достигнется ли этимъ способомъ цѣль и какія другія слѣдствія можетъ имѣть предполагаемая мѣра?

Несомнѣнно, что евреи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ составляютъ обособленную замкнутую корпорацію; обособленность эта условливается прежде всего рѣзкимъ религіознымъ и національнымъ различіемъ, усиливающимся всегда пропорціонально невѣжественности народныхъ массъ той мѣстности, гдѣ живутъ евреи; обыкновенно только между образованными классами стушовываются различія національныя и религіозныя; но не таковъ вообще уровень образованности народныхъ массъ въ сѣверо-западномъ краѣ: религіозный и національный фанатизмъ, какъ извѣстно, присущъ въ одинаковой степени всѣмъ безъ исключенія національностямъ, обитающимъ въ названномъ краѣ, и потому еврейская исключительность не составляетъ тамъ какого-либо со стороны евреевъ, особеннаго явленія. Вторая причина, выдѣляющая евреевъ изъ народной массы западнаго края, заключается въ томъ, что евреи составляютъ населеніе городское, слѣдовательно торговое и ремесленное; значеніе это удерживается евре-

ями даже и въ томъ случаѣ, когда они живутъ въ селеніяхъ среди земледѣльческаго населенія. Евреи не занимаются земледѣліемъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ занимается этимъ промысломъ крестьянство. Торговое и ремесленное значеніе евреевъ вытекаетъ изъ историческихъ и этнографическихъ причинъ: воздѣлываніе земли не только въ западныхъ губерніяхъ, но и вездѣ въ Европѣ во время крѣпостнаго права и клерикальнаго давленія составляла принадлежность самаго низшаго общественнаго слоя; надъ нимъ тяготѣло рабское иго помѣщичьей власти и власти католическаго духовенства; эти два гнета низвели земледѣльческое сословіе до степени механической рабочей силы; крестьянинъ, въ силу этого порядка, лишенъ былъ чувства человѣческаго достоинства, по крайней мѣрѣ, никакое наружное проявленіе этого чувства не было возможнымъ; нравственность и разумъ, естественно, не могли развиваться при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилось земледѣльческое сословіе въ западныхъ губерніяхъ до освобожденія крестьянъ 19 февраля 1861 г.; но это освобожденіе въ какія-нибудь пять лѣтъ не могло еще измѣнить нравственной и умственной нищеты народной массы, которая и нынѣ продолжаетъ быть столь же неумѣлой, невѣжественной и до того подавленной въ умственномъ отношеніи, что ни торговля, ни ремесла также недоступны этой массѣ, какъ это было въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій; средніе вѣка въ западномъ краѣ продолжаютъ еще процвѣтать и нынѣ; если уничтожена власть помѣщичья, то существуетъ наиболѣе сильная власть католическаго ксендза; да и военное управленіе краемъ, возникшее непосредственно за уничтоженіемъ помѣщичьей власти, конечно, не можетъ способствовать къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня народной массы. Нельзя скрывать того, что надъ всѣмъ западнымъ краемъ лежитъ глубокій мракъ; никакая дѣятельность, гдѣ нужны индивидуальныя силы человѣка, его свободная совѣсть, свѣтлый разумъ и сообразительность, покуда еще не находитъ себѣ мѣста. Въ этомъ хаосѣ человѣку трудно сохранить въ себѣ естественное стремленіе къ личнымъ его интересамъ, ту энергію, которая необходима для того, чтобы извлекать изъ окружающихъ обстоятельствъ все, что можетъ служить къ улучшенію благосостоянія человѣческой личности. Но всѣ неблагопріятныя историческія вліянія, тяготѣющія надъ христіанскимъ населеніемъ западнаго края, всегда проходили и нынѣ проходятъ безслѣдно надъ сынами Израиля; евреи, оставаясь чуждыми политической и религіозной борьбы польско-католическаго элемента

съ русско-православнымъ, естественно, видятъ во всякомъ актѣ этой борьбы и даже во всякой правительственной мѣрѣ, касающейся края, не болѣе какъ *экономическое* явленіе, способствующее или неспособствующее ихъ матеріальнымъ интересамъ, которые, замѣтимъ здѣсь кстати, давно ужъ для евреевъ сдѣлались единственнымъ мѣриломъ ихъ гражданскаго, общественнаго и политическаго благополучія.

Еврейскій вопросъ далеко не такъ простъ, чтобы какія нибудь бюрократическія соображенія помогли раціональному его разрѣшенію. На національныя особенности евреевъ нельзя смотрѣть, какъ на явленія случайныя, способныя уступить той или другой административной мѣрѣ. Такъ напримѣръ, удаленіе евреевъ отъ земледѣлія и преобладаніе ихъ надъ христіанскимъ населеніемъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ уровень просвѣщенія народной массы крайне низокъ, имѣетъ весьма глубокія, отдаленныя причины. Крѣпостное право исчезло еще весьма недавно вообще въ Европѣ; но и нынѣ почти во всѣхъ странахъ западной Европы земледѣлецъ, не смотря на свою личную свободу, все-таки остается близкимъ къ положенію индійскаго паріи; земледѣліе въ Европѣ собственно снабжаетъ доходомъ землевладѣльца, а земледѣлецъ за весь свой трудъ едва не умираетъ съ голоду. Освобожденный отъ личной зависимости, европейскій земледѣлецъ или пролетарій только и выигралъ въ девятнадцатомъ столѣтіи что личную независимость, а благосостояніе его остается такимъ же, какимъ его награждали феодализмъ и средніе вѣка. При такой конкуренціи рабовъ естественно свободный человѣкъ не могъ обращаться къ земледѣльческому труду, потому что этотъ тяжелый трудъ представлялъ всегда выгоды наименьшія сравнительно со всякимъ другимъ трудомъ. Можетъ ли, напримѣръ, человѣкъ конкурировать съ вьючнымъ животнымъ въ перевозкѣ тяжестей? При одинаковомъ вознагражденіи за трудъ, равняющемся ограниченной потребности животнаго, человѣкъ, конечно, не можетъ выдержать подобной конкуренціи. Евреи, при всѣхъ гоненіяхъ и стѣсненіяхъ, которыя они выносили отъ многихъ народовъ Европы, при всей ограниченности ихъ гражданскихъ, общественныхъ и политическихъ правъ, не были однако же рабами, они не знали крѣпостнаго права, также какъ они чужды были вліянія всѣхъ тѣхъ элементовъ, при которыхъ сложился средне-вѣковой періодъ европейской исторіи. Правда, евреевъ нерѣдко поджаривали на кострахъ въ западной Европѣ во время инквизиціи; но нельзя сказать, чтобы жареные евреи способствовали распространенію католи-

ческой вѣры въ средѣ іудаизма. Такимъ образомъ средневѣковый мракъ, распространенію котораго такъ усердно содѣйствовали католическая церковь и папство, также не коснулся евреевъ; напротивъ, въ то время, когда всякое движеніе мысли было заглушено въ Европѣ католичествомъ, разумъ и свободная мысль только и теплились въ еврейскомъ народѣ. Слѣдовательно и въ умственномъ отношеніи евреи стояли несравненно выше, нежели народныя массы въ католическихъ странахъ. Не будучи рабами и пользуясь своимъ умственнымъ превосходствомъ, конечно, евреи не могли не обратиться къ такимъ отраслямъ труда, которыя при меньшихъ усиліяхъ давали бы болѣе выгодъ. Отсюда вытекаетъ то, что евреи нигдѣ не были земледѣльцами, а купцами и ремесленниками.

Торговля и ремесла требуютъ сообразительности, знанія, искуства, а ко всему этому не былъ способенъ крѣпостной крестьянинъ, замѣнившій собою вьючное животное, и поневолѣ въ этихъ отрасляхъ труда уступалъ еврею. Поэтому евреи сгрупировались преимущественно въ городахъ, мѣстечкахъ и людныхъ селеніяхъ и захватили въ свои руки торговлю, промышленность и ремесла. Тамъ, гдѣ распространилось просвѣщеніе и возникло среднее сословіе, евреи перестали быть монополистами. Ни Германія, ни Англія, ни даже Франція не имѣютъ причины жаловаться на еврейскую эксплоатацію, другое дѣло Молдавія или наши западныя губерніи, гдѣ полонизмъ достигъ полнаго отупѣнія народной массы; кромѣ евреевъ въ странѣ нѣтъ живой силы, способной къ торговой, промышленной и ремесленной дѣятельности; и едва-ли скоро добьется правительство умственнаго пробужденія массы: съ обязательнымъ выкупомъ перестало существовать ближайшее вліяніе помѣщика на земледѣльческую массу, но не перестало существовать вліяніе католическаго ксендза и вообще католичества, а это послѣднее вліяніе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоитъ исчезнувшаго крѣпостнаго права. Затѣмъ понятно, почему еврейское населеніе, не смотря на свою числительную незначительность сравнительно съ массой мѣстнаго населенія, преобладаетъ надъ ней въ торговлѣ, промышленности и ремеслахъ. Преобладаніе это, очевидно, происходитъ не отъ того или другаго устройства еврейскихъ обществъ, не отъ того, что они имѣютъ своихъ особыхъ сборщиковъ податей, отправляютъ рекрутскую повинность особо отъ христіанъ и живутъ въ селеніяхъ, бывъ приписанными къ городскимъ сословіямъ, а отъ того, что мѣстное населеніе не въ

силахъ выдержать конкуренціи съ евреями во всемъ, что касается дѣятельности, требующей сообразительности, знанія, искуства. Поэтому какія бы ограничительныя для евреевъ мѣры не принимало правительство, евреи всегда удержатъ свое преобладающее значеніе въ краѣ до тѣхъ поръ, покуда не возникнетъ нравственная и умственная сила въ массахъ народа. Евреи—не чиновники польскаго происхожденія, которыхъ достаточно было уволить, чтобы устранить ихъ вліяніе на дѣла; евреи имѣютъ въ своихъ рукахъ свободныя професіи, въ которыхъ всякая регламентація останется мертвой буквой. Эксплоатація въ торговлѣ и промышленности устранима только одной конкуренціей, а ея не въ силахъ создать такія мѣры, какія проектируются вышеизложеннымъ циркуляромъ гр. Баранова. Допустимъ, что та или другая ограничительная мѣра будетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе привычнаго барыша, но убытокъ этотъ при недостаткѣ конкуренціи легко вознаграждается надбавкой, которую возметъ купецъ или ремеслеиникъ за свой оборотъ или трудъ. Извѣстно, какъ виленскіе евреи-купцы вознаграждали всѣ свои потери во время контрибуцій и штрафовъ, налагаемыхъ во время мятежа: въ тотъ же день, когда взыскивалась контрибуція, во всѣхъ лавкахъ евреи обыкновенно поднимали цѣны на всѣ товары, соразмѣрно налогу, который имъ приходилась платить.

Корпоративный духъ евреевъ также имѣетъ свою глубокую причину, онъ служитъ единственной гарантіей еврейскаго общества противъ всѣхъ неблагопріятныхъ случайностей, которымъ можетъ подвергнуться обыватель края, гдѣ нѣтъ ни правильнаго правосудія, ни вообще гражданской и политической равноправности; но кромѣ этой экономической стороны корпоративность евреевъ условливается, конечно, религіозной и національной особенностью евреевъ, сильно выдѣляющей ихъ изъ католической среды, съ которой они не имѣютъ ничего общаго. Мы думаемъ, что если-бы законъ повелѣвалъ, напримѣръ, чтобы еврей отъ еврея жилъ не иначе, какъ на десятъ верстъ разстоянія, то и тогда корпоративный духъ и солидарность евреевъ остались бы въ цѣлости.

Но чѣмъ собственно евреи могутъ такъ эксплоатировать мѣстное населеніе, чтобы эксплоатація эта могла вызвать со стороны правительства ограничительныя мѣры?

Извѣстно, что въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, а также въ селеніяхъ западнаго края занимаются торговлей и ремеслами почти

исключительно евреи; они относятся нейтрально ко всѣмъ національностямъ и потому поддерживаютъ сношенія какъ съ тѣми, кому продаютъ, такъ съ тѣми, у кого покупаютъ сами. Поляки къ этой нейтральности положительно неспособны; да и вообще они никогда не были способны къ торговлѣ и ремесламъ; мѣстное крестьянство и мелкая шляхта не обладаютъ ни средствами, ни умѣньемъ; русскіе не могутъ довольствоваться скудной торговлей среди столь-недостаточнаго населенія, какъ большинство мѣстностей западнаго края, и слишкомъ осторожны, чтобы рисковать крупными капиталами, а мелкая торговля не свойственна русскому и не вознаграждаетъ труда; торговля на мѣдный грошъ есть самая свойственная торговля для западнаго края, а къ такой торговлѣ способенъ лишь еврей, довольный такимъ малымъ барышомъ, какой неудовлетворитъ никого. Мѣстныя условія мелочной торговли въ западномъ краѣ таковы, что она только лишь и возможна въ рукахъ евреевъ, иначе ее не будетъ вовсе: напр. съ оборотнаго капитала въ 50 руб. сколько нужно получить процентовъ въ годъ для того, чтобы торговецъ могъ существовать? Конечно, не менѣе 200 %. Процентъ ужасный! Но какъ же быть, если при меньшемъ процентѣ нельзя будетъ существовать самому торговцу, а для большаго капитала нѣтъ достаточнаго поприща? При такихъ условіяхъ, естественно, эксплоатируетъ и еврей-мясникъ, и еврей-бакалейщикъ и проч., т. е. самъ покупаетъ дешево, а продаетъ дорого. Дѣло въ томъ, что кромѣ недостатка конкуренціи мѣстныя условія вообще таковы, что эта кажущаяся экплоатація является въ сущности нормальной необходимостью мѣстныхъ торговыхъ оборотовъ. Если не купитъ еврей, то некому вовсе и продать; если не купить у еврея, то вовсе негдѣ купить. Таковы общія условія мелкой торговли въ большой части мѣстностей въ западномъ краѣ. И едва ли можно измыслить какія либо искуственныя мѣры противъ этого порядка, кромѣ, разумѣется, экономическаго развитія края, которое, какъ извѣстно, не создается ни циркулярами, ни проектами въ родѣ вышеизложеннаго.

Надо думать, что жалобы на евреевъ исходятъ также изъ тяжелыхъ процентовъ роста на денежные займы. Дѣйствительно, трудно себѣ представить, какой процентъ возметъ ростовщикъ-еврей въ какой-нибудь литовской трущобѣ или въ городѣ Бердичевѣ, давая деньги крестьянину подъ залогъ будущаго урожая, если въ Петербургѣ въ ссудныхъ кассахъ не иначе можно занять денегъ, какъ за

80% въ годъ, и то-лишь подъ залогъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, или сообще подъ ручной залогъ, представляющій благонадежную цѣнность; вексель самаго состоятельнаго купца въ Петербургѣ учитывается, обыкновенно, не ниже 12%. При такомъ положеніи публичнаго и частнаго кредита всѣ явленія, какъ бы не были они поразительны, нельзя относить къ какимъ-либо личнымъ или національнымъ злоупотребленіямъ: ростовщикъ-еврей, ссужающій деньгами крестьянина какой-нибудь литовской или волынской деревни за 150%, дѣлаетъ тоже самое, что и петербургскіе содержатели ссудныхъ кассъ, взимающіе 80%, потому что невыгодность условій кредита увеличивается пропорціонально удаленію той или другой мѣстности отъ центровъ, гдѣ групируются капиталы, или вообще пропорціонально недостатку капиталовъ въ данной мѣстности. Конечно, сѣтованія и жалобы на такой порядокъ возможны, особенно со стороны массы, привыкшей обвинять всегда личность, а не общія, невидимыя причины, вліяющія на фактъ экономической жизни общества; но подобныя сѣтованія не должны бы возбуждать со стороны администраціи такихъ умозаключеній, которыя оказываются, напримѣръ, въ приведенномъ нами циркулярѣ, въ которомъ, по видимому, эксплоатація евреями крестьянскаго труда принята единственно за исходную точку.

Экономическіе, общественные законы въ краѣ, конечно, не измѣнятся отъ того, будутъ ли евреи *номинально* принадлежать къ христіанскимъ сельскимъ обществамъ, или по прежнему будутъ управлять своими внутренними дѣлами отдѣльно; но всякая мѣра, направленная къ искуственному измѣненію экономическихъ законовъ, всегда достигаетъ обратныхъ результатовъ: еслибы напр. въ Петербургѣ администраціи начала преслѣдовать ростовщиковъ, то вмѣсто 80 % ростъ возвысился бы на столько, на сколько оказались бы убыточны для ростовщиковъ правительственныя мѣры. Того же самого, конечно, достигнетъ и предположенная гр. Барановымъ мѣра относительно евреевъ. Эксплоатація—нечего и говорить—должна сдѣлаться сильнѣе, потому что дѣятельность настоящихъ эксплоататоровъ будетъ стѣснена и они должны будутъ себя вознаграждать въ большей степени, чѣмъ теперь. Соединеніе евреевъ въ одно общественное управленіе съ христіанами и «страхъ мірской власти», конечно, не объединятъ евреевъ съ христіанами нравственно; а одно номинальное соединеніе не будетъ удовлетворять цѣли правительства. Преобладаніе въ торговлѣ, промы-

шленности и ремеслахъ останется за евреями въ силу высшихъ причинъ, о которыхъ мы уже говорили, а не имѣющій никакого значенія перевѣсъ въ дѣлахъ сельскаго общественнаго управленія, безспорно, будетъ принадлежать христіанамъ; но сельское общество не можетъ же устанавливать таксы, по которой еврей непремѣнно долженъ бы былъ покупать у крестьянъ ихъ продукты; также не можетъ оно запрещать и сдѣлки, между евреями и крестьянами, какъ бы онѣ не отзывались эксплоатаціей, въ противномъ случаѣ общество дѣйствовало бы во вредъ своимъ членамъ, потому что всякая частная сдѣлка иначе и не можетъ возникнуть, какъ при обоюдныхъ выгодахъ или при крайней необходимости съ одной стороны; а это тоже стоитъ выгодъ.

Политическая же, самая важная сторона еврейскаго вопроса состоитъ въ томъ, что правительству ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишнимъ имѣть на своей сторонѣ евреевъ, живущихъ въ западномъ краѣ; циркуляръ во всякомъ случаѣ признаетъ за еврейскимъ населеніемъ важную *экономическую* силу, и терять эту силу въ замѣнъ нѣсколькихъ сотень рублей, которыя имѣются въ виду отъ обложенія евреевъ, живущихъ въ селеніяхъ, наравнѣ съ крестьянами, едва ли разсчетливо. Евреи въ нравственномъ и практическомъ отношеніи составляютъ также силу и при томъ болѣе дѣятельную, чѣмъ польская партія; евреи не были и, конечно, не будутъ революціонерами; но поляки всегда дорожили имѣть на своей сторонѣ евреевъ и это не безъ причины, потому что дѣятельность, прозорливость и ловкость евреевъ въ прежнее революціонное время были полезны полякамъ; слѣдовательно, привлекая евреевъ на свою сторону, правительство по меньшей мѣрѣ выиграло бы то, что евреи перестали бы служить полякамъ.

Въ циркулярѣ указанъ одинъ весьма важный недостатокъ настоящаго порядка отношеній между евреями и христіанами, это—подсудность живущихъ въ селеніяхъ евреевъ ихъ общественному управленію и по дѣламъ съ христіанами. Но это указаніе циркуляра крайне не ясно: всякая гражданская претензія на еврея подлежитъ, конечно, суду общему для всѣхъ народностей, и надо думать, что евреи, живущіе въ селеніяхъ, не изъяты также изъ подсудности мировымъ посредникамъ; слѣдовательно въ чемъ же неравенство обѣихъ сторонъ? Если же евреи, живущіе въ селеніяхъ, не подсудны мировымъ посредникамъ по дѣламъ, возникающимъ изъ гражданскихъ претензій крестьянъ, то установить это было бы весьма полезно и ни-

сколько не стѣснительно для евреевъ, также какъ и власть сельской полиціи, организованная въ сельскихъ обществахъ крестьянъ, должна распространяться и на евреевъ столько же, сколько и на всѣхъ живущихъ въ селеніяхъ, какого бы сословія и національности они не были; но дѣлать обязательной для евреевъ-мѣщанъ приписку къ сельскимъ обществамъ, безъ права на пользованіе землею, и стѣснять такимъ образомъ въ правахъ промышленныхъ и торговыхъ, потому что мѣщане, въ замѣнъ ихъ безземелія, пользуются большими сравнительно съ крестьянами правами по торговлѣ и промышленности, нѣтъ ни цѣли, ни пользы.

Прибавимъ ко всему нами сказанному, что всякая стѣснительная для евреевъ, но разсчитанная въ видахъ пользы для правительства мѣра могла бы еще имѣть мѣсто въ такомъ лишь случаѣ, еслибы евреи имѣли право переселяться куда пожелаютъ, изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ жительство ихъ признается правительствомъ почему бы то ни было вреднымъ; евреи же западныхъ губерній заперты въ этой средневѣковой територіи запрещеніемъ переселяться по желанію въ другія губерніи. Принимая относительно евреевъ тѣ или другія мѣры, видимо для нихъ неблагопріятныя, правительство поступило бы только справедливо, еслибы освободило евреевъ отъ неволи жить въ томъ краѣ, гдѣ они кажутся вредными.

Факты современной политической жизни слѣдуютъ одинъ за другимъ съ быстротой, свойственной болѣе театральнымъ подмосткамъ, чѣмъ практической жизни. Не успѣетъ опредѣлиться какой либо политическій вопросъ, не успѣетъ созрѣть въ умахъ народовъ идея, которая могла бы подвинуть ихъ къ разрѣшенію возникшаго вопроса, какъ являются уже событія, отодвигающія на задній планъ все случившееся по-сегодня, и овладѣвающія всецѣло общественнымъ мнѣніемъ образованнаго міра. И эта смѣна вопросовъ, эта перемѣна политическихъ декорацій совершается не въ продолженіи мѣсяцевъ, а въ болѣе краткіе періоды, отдѣляющіеся одинъ отъ другаго едва лишь недѣлями и даже днями. Такое состояніе европейской политики доказываетъ, что предшествовавшая исторія оставила намъ въ наслѣд-

ство слишкомъ много ошибокъ и противорѣчій, на соглашеніе которыхъ недостаетъ у современнаго поколѣнія ни энергіи, ни мужества, ни единодушія. Какая масса вопросовъ настойчиво требуетъ разрѣшенія, и какъ медленно, какъ лѣниво народы принимаются за разрѣшеніе этихъ вопросовъ! Религіозная и политическая жизнь Европы исполнена поразительныхъ противорѣчій между идеями и дѣйствительностью, и поддержка этихъ противорѣчій выпала на долю Франціи и ея представителя. Едва-ли будутъ возможны какія-либо оправданія, которыя спасли бы французскій народъ отъ презрѣнія въ будущемъ, за ту политику, какой руководилась Франція въ теченіе настоящаго столѣтія. Вся политика этой страны была и продолжаетъ быть измѣной прогресивнымъ идеямъ вѣка, которымъ, по видимому, не чуждъ и французскій народъ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ *меньшинствѣ*. Франція начала свою новѣйшую исторію съ того, что отреклась отъ монархіи и папства; идеи республики и свободы совѣсти и разума казались основными началами будущей исторіи народа; но въ дѣйствительности было не такъ: деспотизмъ и католичество, можетъ быть, сильнѣе прежняго налегли на страну и руководили политикой ея правительства. Когда надоѣлъ деспотизмъ, попробовали ограниченную монархію, не отрекаясь въ тоже время отъ преданій первой республики; когда надоѣла ограниченная монархія, опять обратились къ республикѣ, т. е. къ идеямъ первой революціи; но, отвергая папство, послали однако войско защищать папскій престолъ отъ покушенія его опрокинуть. Въ настоящее время, гдѣ болѣе Франціи кричатъ о свободѣ и знаменитыхъ принципахъ 1789 г., и въ тоже время посылаютъ войско водворить монархію на другомъ полушаріи, гдѣ монархія нетерпима, и по прежнему, отвергая папство, продолжаютъ его охранять. Провозглашая принципъ національностей и политику невмѣшательства, Франція во всѣхъ дѣлахъ внѣшней политики противорѣчитъ этимъ началамъ: Италію она оскорбляетъ самымъ дерзкимъ вмѣшательствомъ, въ Германіи политика Франціи направлена противъ принципа національности; на востокѣ точно также вмѣшательство и непризнаніе правъ національностей составляютъ основу французской политики. Но исторія имѣетъ свою немезиду въ правдѣ, которая рано или поздно должна восторжествовать; и горе тому народу, который вызоветъ къ себѣ презрѣніе въ исторіи; отъ этого презрѣнія не спасетъ никакой блескъ славы и могущества, никакіе успѣхи грубой силы. Неудовольствіе къ Франціи, какъ

политической единицѣ, замѣтно проникаетъ въ умы уже настоящаго поколѣнія, и нѣтъ сомнѣнія, что это неудовольствіе будетъ разрастаться, потому что Франція не содержитъ въ основахъ своей внутренней и внѣшней политики ни одного прогресивнаго начала и слѣдовательно не можетъ явиться въ политической исторіи ни чѣмъ инымъ, какъ представительницей тѣхъ же противорѣчій, выраженіемъ котораго была донынѣ вся его предшествовавшая политика.

Въ современный періодъ Франція представляетъ изъ себя силу, положительно препятствующую развитію человѣчества: папство со всѣмъ его мракомъ и чернотой охраняется Франціей; имперіализмъ, противорѣчащій идеямъ лучшей части французскаго народа, поддерживается однако же во Франціи со всѣми послѣдствіями этой политической доктрины, не допускающей тамъ ни свободной науки, ни правильнаго гражданскаго развитія, ни нравственности, основанной на гуманности и солидарности всѣхъ народовъ христіанскаго просвѣщеннаго міра. По отношенію къ христіанской свободѣ, Франція явилась еще въ отдаленное время предательницей человѣчества и нынѣ ея представитель продолжаетъ дѣйствовать какъ первые Каролинги, подарившіе міръ папствомъ съ идеей всемірной, всепоглощающей власти. Но Каролинги по крайней мѣрѣ купили дорогой цѣной свободы западно-христіанскаго міра свою политическую власть и титулъ римскихъ императоровъ, получивъ корону отъ папы; но трудно объяснить, какіе виды имѣетъ настоящій защитникъ Рима, Наполеонъ III, поддерживая папскій престолъ. Между нимъ и Каролингами нѣтъ никакой связи и нынѣшній папа не только не можетъ дать никому никакой короны, но даже не имѣетъ силы провозгласить проклятія, которое было бы хоть сколько нибудь дѣйствительнымъ, т. е. хотя сколько нибудь отнимало бы значенія и авторитета у лицъ, надъ которымъ прогремѣло; слѣдовательно чего же ждетъ Наполеонъ III отъ папства? Не есть ли это инстинктъ, который заставляетъ иногда человѣка хвататься за соломенку; не есть ли поддержка папства Наполеономъ III новая попытка предательства интересовъ христіанскаго міра въ пользу династическихъ выгодъ; но такая попытка немыслима при настоящихъ идеяхъ. Христіанство ни отъ языческихъ императоровъ Рима, ни отъ еретической опозиціи никогда не терпѣло столько вреднаго униженія, какъ отъ папства въ томъ видѣ, въ какомъ оно создано было Франціей; вмѣстѣ съ христіанствомъ, конечно, папству принесена была въ жертву и

свобода человѣчества; но все это было возможно въ средніе вѣка, а не теперь.

Папство уже мертво, но оставъ его еще держится къ стыду человѣчества. Снять съ піедестала этотъ древній остатокъ, разбить его въ куски, чтобы не было и воспоминаній,—такова задача прогрессивной части западнаго міра; но это, по видимому, легкое дѣло не такъ легко въ дѣйствительности, именно потому, что за папскимъ престоломъ стоятъ французскіе штыки; слѣдовательно, чтобы опрокинуть его, нужно имѣть кромѣ нравственныхъ побужденій еще и большую матеріальную силу.

Чѣмъ разрѣшится настоящая отважная попытка итальянцевъ и вождя ихъ Гарибальди выгнать папу изъ Рима и тѣмъ лишить его свѣтской власти, — предъугадать едва-ли трудно: попытка эта, не достигнувъ цѣли, должна породить новыя осложненія и затрудненія въ международныхъ отношеніяхъ западныхъ державъ, могущія разрѣшиться лишь европейской войной; но такъ какъ война въ свою очередь зависитъ столько же отъ причинъ, вызывающихъ ее, сколько и отъ средствъ и условій, при которыхъ возможно веденіе войны; такъ какъ внутреннія условія Франціи и Италіи, болѣе другихъ заинтересованныхъ въ римскомъ вопросѣ, а также и многихъ другихъ европейскихъ державъ далеко не таковы, чтобы могли дать средства для европейской войны, то надо полагать, что римскій вопросъ кончится ничѣмъ и наравнѣ съ другими политическими вопросами будетъ ожидать момента, въ который сдѣлается возможнымъ разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, т. е. будетъ тлѣть подъ пепломъ до тѣхъ поръ, покуда не послѣдуетъ общаго взрыва.

Вступленіе гарибалдійцевъ въ предѣлы папскихъ владѣній и постоянно возрастающее возстаніе папскихъ подданныхъ будетъ, конечно, остановлено; вступленіе же итальянскихъ войскъ въ завѣтные предѣлы Рима, если только оно послѣдуетъ, будетъ фактомъ новымъ, который во всякомъ случаѣ будетъ огромнымъ шагомъ въ дѣлѣ присоединенія Рима къ Италіи. Отставка Ратацци объясняетъ, что политика короля Виктора-Эммануила перестаетъ быть подчиненной тюйльерійскому кабинету, но столкновенія между Италіею и Францію, кажущагося почти необходимымъ, можетъ и не быть, потому что это столкновеніе могло бы повести къ европейской войнѣ, къ которой, какъ выше было сказано, далеко не готовы европейскія державы; слѣдовательно настоящее движеніе римскаго вопроса, какъ слѣдуетъ ожидать, судя

по даннымъ настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ, можетъ окончиться какими либо дополненіями и измѣненіями сентябрской конвенціи съ цѣлью *охраненія неприкосновенности папы.*

Едва ли не болѣе, чѣмъ Франція и Италія, заинтересована въ вопросѣ о папствѣ Россія, какъ представительница восточной церкви. Папство, кромѣ свѣтской власти, созданной Франціей и имѣвшей непосредственное вліяніе на судьбу всей западной Европы, хранитъ въ себѣ начало вселенской духовной власти папъ; начало это было направлено съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства единственно противъ восточной церкви и, заключая въ себѣ религіозную нетерпимость, дѣлаетъ нынѣ католичество вредоносньмъ элементомъ во всякой некатолической странѣ; однако лишеніе папъ свѣтской власти есть первый необходимый шагъ къ дальнѣйшей реформѣ папства, т. е. къ ограниченію духовной власти, или къ низведенію папъ на степень епископовъ, не имѣющихъ никакого особаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и зависящихъ отъ власти вселенныхъ соборовъ наравнѣ со всѣми другими іерархами церкви. Католичество, кромѣ власти папы, отличается еще отъ восточной церкви и относительно нѣкоторыхъ другихъ догматовъ; мракъ среднихъ вѣковъ и паденіе просвѣщенія на западѣ способствовали тому, что католическая церковь обезображена многими догматами, несогласными ни съ духомъ христіанства, ни съ разумомъ, ни съ древне-церковнымъ преданіемъ; но одно догматическое различіе въ предметахъ, не касающихся папства, не могло бы быть причиной вредоносности католичества, и Россія, съ паденіемъ папской власти и реформой въ управленіи католической церковью, перестала бы быть ареной той борьбы, которая еще недавно стоила намъ такъ много драгоцѣнной человѣческой крови. Миръ и свобода христіанской церкви зависятъ отъ паденія папства, и въ этомъ мирѣ болѣе всѣхъ нуждается Россія, имѣющая въ католикахъ довольно значительную часть своего населенія, враждебнаго Россіи потому только, что доктрина папства не допускаетъ религіозной терпимости, безъ которой современное общество не можетъ обходиться.

Но, не смотря на всю важность вопроса о папствѣ, Россія не имѣетъ на разрѣшеніе его прямаго политическаго вліянія, вслѣдствіе своего изолированнаго политическаго положенія; даже неизвѣстно, какого рода косвенное дипломатическое вліяніе на этотъ вопросъ принадлежитъ нашему правительству, хотя нельзя сомнѣваться, что въ

отношеніи папства Россія была бы вполнѣ согласна со всѣми протестантскими державами, и совокупное вліяніе протестантскихъ и православныхъ правительствъ, также какъ и взглядъ на папство Италіи, не могли бы не содѣйствовать скорѣйшей и радикальной развязкѣ вопроса.

Положеніе дѣлъ на востокѣ, не измѣнившись нисколько въ сущности противъ прошедшаго мѣсяца, измѣняется лишь относительно вопроса о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ въ восточныя дѣла, каковое вмѣшательство, конечно, неразлучно съ идеей о европейской войнѣ, зависящей въ свою очередь отъ возможности тѣхъ или другихъ политическихъ союзовъ и отъ взаимныхъ отношеній великихъ державъ между собою. Чтобы очертить общее состояніе политическихъ отношеній между Франціей, Пруссіей и Австрій и состояніе вопроса о европейской войнѣ, мы пользуемся сообщеніемъ берлинскаго кореспондента газеты «Times», ручающагося притомъ вполнѣ за достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣденій.

Онъ беретъ исходной точкой перемѣны политическаго барометра зальцбургское свиданіе и проходитъ послѣдовательно чрезъ всѣ фазы французской политики, остановившейся теперь, какъ извѣстно, на миролюбивомъ настроеніи. Вотъ что говоритъ кореспондентъ вліятельнѣйшаго органа европейской печати:

Когда Наполеонъ прибылъ въ Зальцбургъ, то вслѣдствіе извѣстій, сообщенныхъ предварительно его агентами, онъ находился подъ вліяніемъ убѣжденія, что не представилось бы большаго труда организовать южно-германскія государства такимъ образомъ, чтобы эти государства остались навсегда орудіемъ въ рукахъ Австріи. Впрочемъ императору Наполеону не трудно было также убѣдиться, что извѣстія его агентовъ ложны; такое убѣжденіе явилось само собой послѣ пріема, сдѣланнаго ему со стороны зальцбургскаго народонаселенія, послѣ того какъ южно германскіе государи отказались съѣхаться въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ и въ особенности послѣ бесѣдъ съ барономъ Бейстомъ. Баронъ Бейстъ заявилъ императору, что онъ всѣми силами старается доставить Австріи то положеніе, какое она занимала

въ Германіи въ былое время. Онъ сознавался притомъ, что доселѣ ему не удалось достичь подобной цѣли. Когда императоръ въ бесѣдѣ, съ барономъ Бейстомъ пожелалъ узнать что̀ именно сдѣлано было въ Австріи для поправленія ея финансовъ, то получилъ въ отвѣтъ столь необстоятельныя свѣденія, что пришлось вызвать изъ Вѣны министра финансовъ, барона Беке, который и разъяснилъ императору то, что хотѣлось ему узнать относительно этого важнаго предмета. Хотя отвѣты министра финансовъ были весьма ясны и опредѣлительны, однако императоръ не могъ вывести изъ нихъ особенно выгоднаго заключенія о готовности Австріи вести, въ случаѣ нужды, войну. Императоръ имѣлъ столько такту, что не далъ замѣтить австрійскому министру финансовъ и барону Бейсту, на сколько онъ разочарованъ ихъ отвѣтами и объясненіями. Въ то самое время, когда политическая система барона Бейста лопнула, какъ мыльный пузырь, баронъ распустилъ въ печатныхъ своихъ органахъ слухъ, будто онъ готовится заключить тѣсный союзъ между Австріей и Франціей. Если императоръ Наполеонъ скрылъ предъ австрійскими министрами вынесенное изъ бесѣдъ съ ними убѣжденіе, то тѣмъ болѣе скрывалъ онъ это убѣжденіе предъ глазами всего свѣта. Понятно, что императору не было ни малѣйшей охоты разблаговѣстить, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Такимъ-то образомъ баронъ Бейстъ получилъ возможность, не боясь опроверженій, распространить слухъ о состоявшемся съ Франціей, въ общихъ чертахъ, соглашеніи, подробности котораго обусловлены будутъ на конференціи министровъ. Органъ барона Бейста, вѣнская газета *Debatte* рѣшилась подать мысль о томъ, что не мѣшало бы Австріи и Франціи объявить Пруссіи войну; но тогда — и только тогда — императоръ Наполеонъ, уже опредѣлившій свой образъ дѣйствій, тонкимъ образомъ далъ почувствовать барону Бейсту, что вести рѣчь о войнѣ съ Пруссіею крайне неблагоразумно, потому что это можетъ повести къ сближенію между Пруссіей и Россіей. Баронъ Бейстъ, не ожидавшій такой проповѣди, нѣсколько растерялся, но вскорѣ оправился и сталъ увѣрять, что если Франція, по какимъ-либо причинамъ, затрудняется дѣйствовать заодно съ Австріей, то съ другой стороны Пруссія и Россія почтутъ за счастіе вступить съ Австріей въ союзъ и даже готовы будутъ расширить предѣлы Австріи на востокѣ. Въ это то самое время, когда баронъ Бейстъ разсказывалъ подобныя вещи, сообщено было въ Парижъ извѣстіе, будто г. фонъ-

Ладенбергъ, повѣренный въ дѣлахъ прусскаго посольства, предложилъ австрійскому правительству, отъ имени трехъ сѣверныхъ державъ, ихъ содѣйствіе при рѣшеніи восточнаго вопроса. Подобное извѣстіе, видимо неправдоподобное, не произвело на французское правительство ни малѣйшаго впечатлѣнія. Императоръ Наполеонъ не выказалъ никакого желанія содѣйствовать стремленіямъ австрійскаго перваго министра и воздержался отъ выраженія неудовольствія или неодобренія, щадя такого человѣка, отъ котораго ожидалъ много услугъ въ будущемъ. Французское правительство осталось совершенно равнодушнымъ къ тому, что говорено было г. Бейстомъ о Россіи и о восточномъ вопросѣ; оно готово было даже выхлопотать г. Бейсту мѣсто посла въ Парижѣ на тотъ случай, еслибы клерикалы и чехи, питающіе къ барону непримиримую ненависть, нанесли ему рѣшительное пораженіе. Извѣстно, какое впечатлѣніе произведено было на партію войны во Франціи повѣствованіемъ барона Бейста о зальцбургскомъ свиданіи. Это повѣствованіе рядомъ съ вооруженіями, начатыми Наполеономъ и подстрекательствами недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, произвело во Франціи сильнѣйшее броженіе умовъ. Чтобы успокоить его, императоръ Наполеонъ счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько намековъ на то, какой характеръ можетъ имѣть политика французскаго правительства относительно Германіи.

Опираясь на вышеприведенныя извѣстія, газета *Times* утверждаетъ, что Наполеонъ, вернувшись изъ Зальцбурга и получивъ болѣе правильный взглядъ на положеніе дѣлъ въ Германіи, сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ мира. До поѣздки въ Зальцбургъ, мечтая о войнѣ и не довѣряя собственнымъ силамъ, Наполеонъ хлопоталъ о томъ, чтобы пріискать себѣ союзниковъ. Послѣ поѣздки Наполеонъ отказался отъ мысли о заключеніи союза съ кѣмъ бы то ни было и рѣшился опираться исключительно на собственныя свои силы. Мы не думаемъ, говоритъ въ заключеніе *Times*, чтобы силы Франціи могли увеличиться въ столь короткое время, а силы ея противниковъ умалиться; слѣдовательно мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы французскому правительству могло придти въ голову попытать счастіе на полѣ брани.

Газета «Times», какъ извѣстно, служитъ органомъ финансовой аристократіи въ Англіи и мнѣнія этой газеты въ тѣхъ предметахъ, отъ которыхъ зависитъ вопросъ о мирѣ или войнѣ въ Европѣ, во-

просъ весьма важный для торговаго и финансоваго міра Англіи, не могутъ не имѣть вѣса. Слѣдовательно, опираясь на мнѣніи «Times'а» необходимо придти къ убѣжденію, что европейской войны, не смотря на крайнюю запутанность дѣлъ, не будетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ времени.

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. ХАНОМЪ

ПЕРВЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДОКТОРА М. ХАНА ВЪ БОЛОТНОЙ УЛИЦѢ Д. № 5

1867

2

СОДЕРЖАНІЕ.

О подпискѣ на журналъ „Всемірный Трудъ“ 1868 г.
Объ изданіи новой газеты „Русско-славянскіе Отголоски“.

Приложеніе.

Двѣнадцатый номеръ журнала выдетъ около 15 декабря.

О ПОДПИСКѢ НА УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

И

политическую и литературную газету:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЕ ОТГОЛОСКИ

1868 г.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

принимается, по прежнему, *въ Конторѣ Типографіи д-ра М. Хана*, близъ Кузнечнаго переулка, въ Болотной улицѣ, д. № 5. Подписная цѣна за годовое изданіе (12 книгъ) 15 р. съ пересылкою (безъ пересылки 14 р.). — Желающіе могутъ получить за 15 р. и все годовое изданіе за 1867 г.

Въ 1868 г. журналъ «Всемірный Трудъ» будетъ выходить въ томъ же видѣ, какъ онъ теперь издается (12 книгъ въ годъ, отъ 28—30 листовъ убористой печати), и съ тѣмъ же стремленіемъ доставлять своимъ читаталямъ статьи современныя и преимущественно касающіяся вопросовъ русской народности и общественной жизни. Пріобрѣтая, все болѣе и болѣе, дѣльныхъ сотрудниковъ, Редакція надѣется постепенно расширить и разнообразить свою дѣятельность, и въ этихъ видахъ, она на будущій годъ, кромѣ участвующихъ уже сотрудниковъ, обезпечила себѣ также содѣйствіе другихъ извѣстныхъ въ литературѣ дѣятелей.

Въ той же *Конторѣ Типографіи* д-ра М. Хана принимается подписка на издаваемую имъ же политическую и литературную газету:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЕ ОТГОЛОСКИ

при содѣйствіи **Я. Ѳ. Головацкаго, В. И. Кельсіева, Н. Ѳ. Щербины, С. Н. Палаузова, А. С. Гіероглифова, М. В. Загуляева, А. С. Афанасьева-Чужбинскаго** и **В. К. Иванова.**

Газета эта, начиная съ января 1868 г., будетъ выходить два раза въ недѣлю, по одному газетному листу убористой печати. Подписная

цѣна за годъ 6 р., — за полгода 3 р. 50 к., — за 3 мѣсяца 2 р. съ пересылкою.

Въ журналѣ «Всемірный Трудъ», относительно политическихъ событій, Редакція по необходимости должна была оставаться на почвѣ фактовъ и безусловныхъ интересовъ Россіи, ограничиваясь уясненіемъ ихъ значенія и характера. Подробная же передача фактовъ и извѣстій, касающихся текущей политики и общественной жизни, несвойственна изданію, выходящему только одинъ разъ въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, когда оно посвящается преимущественно литературной дѣятельности. Между тѣмъ интересъ готовящихся во всей Европѣ политическихъ и общественныхъ событій и въ особенности *интересъ настоящихъ стремленій славянскихъ народовъ* требуетъ болѣе подробнаго и болѣе частаго сообщенія и обсужденія современнаго хода дѣлъ. Побуждаемые этими соображеніями, мы рѣшились содѣйствовать удовлетворенію настоящей потребности и приступить съ новаго 1868 г къ изданію, по два раза въ недѣлю, газеты «Русско-славянскіе отголоски», которая преимущественно будетъ служить *органомъ славянскаго движенія и взаимной связи между русскимъ и прочими славянскими народами* и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнять общую задачу газетъ: сообщать какъ можно больше свѣжихъ фактовъ и обсуждать насущные вопросы дня. Благодаря полнотѣ нашей программы, мы надѣемся, что «Русско-славянскіе отголоски» будутъ, особенно для иногородныхъ, удовлетворять современнымъ потребностямъ не менѣе ежедневныхъ газетъ, которыя въ провинціи также получаются только разъ или два раза въ недѣлю.

Согласно изложенному плану изданія мы, кромѣ опытныхъ публицистовъ, пригласили къ содѣйствію нашему новому предпріятію преимущественно такихъ дѣятелей, труды которыхъ по разработкѣ славянскихъ вопросовъ давно уже извѣстны публикѣ.

Газета «Русско-славянскіе отголоски» будетъ выходить по слѣдующей *программѣ:*

1) Передовыя статьи по внутренней и внѣшней политикѣ, славянскимъ вопросамъ и общественной жизни.
2) Внутреннія и иностранныя политическія, хозяйственныя и общественныя извѣстія.
3) Событія у славянскихъ народовъ.
4) Корресподенціи, преимущественно изъ славянскихъ земель.
5) Обзоръ телеграммъ.
6) Разныя извѣстія.
7) Судебные процессы.
8) Фельетонъ: статьи научныя, белетристическія, критическія, библіографическія и театральная хроника.
9) Объявленія.

Редакторъ и издатель журнала «Всемірный Трудъ»,

М. ХАНЪ.

Медицинскія книги, изданныя М. Ханомъ.

Медицинская Діагностика профес. Бока 2 тома (65 л.)	3 р. 50 к.	съ перес.	4 р. — к.
Медиц. Электричество Гольсбека (45 л.)	1 » 50 »	—	2 » — »
Терапія Валле, 6 т. (266 л.)	3 » — »	—	4 » — »
Хирургическая патологія Нелатона, 5 томовъ (262 л.)	8 » 50 »	—	10 » — »
Женскія болѣзни Кивиша и Сканцони, 3 т. (100 л.)	4 » 50 »	—	5 » — »
Болѣзни пищеварительныхъ органовъ Бамбергера (67 л.)	2 » — »	—	2 » 50 »
Венерическія болѣзни Видаля (42 листа)	1 » — »	—	1 » 50 »
Дѣтскія болѣзни Бушю (60 л.)	3 » — »	—	3 » 50 »
Акушерство Брауна съ рисунк. (76¾ лист.).	5 » — »	—	6 » — »
Судебная Медицина Бріана съ рис. (76 л.).	5 » — »	—	6 » — »
Глазныя болѣзни Макензи съ рис. два тома (188¼ л.)	7 » 50 »	—	9 » — »
Гигіена и Медицинская Полиція Папенгейма, Эстерлена и Леви, два тома (240½ л.)	7 » 50 »	—	9 » — »
Физіологія Лонже, 3 тома (259 л.).	5 » — »	—	6 » — »
О минеральныхъ водахъ Ротиро (34¼ л.)	— » 75 »	—	1 » — »
Болѣзни почекъ	1 » — »	—	1 » 25 »
О накожныхъ болѣзняхъ (24 л.)	1 » 50 »	—	1 » 50 »
О душевныхъ болѣзняхъ (16½ л.)	— » 60 »	—	— » 75 »
О болѣзняхъ зубной мякоти	— » 35 »	—	— » 50 »
Фармакологія Эстерлена	5 » — »	—	6 » — »

ПУГАЧЕВСКІЙ ПОЛКОВНИКЪ ИВАНОВЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Пугачевщины.

(Окончаніе)

VII.

Пока донской походный атаманъ Луковкинъ, полковникъ Серебряковъ и войсковые старшины Кульбаковъ и Вуколовъ приводили въ возможно-полный комплектъ свои отряды и стягивали ихъ къ мѣстамъ, наиболѣе угрожаемымъ толпами пугачевцевъ, шайка Иванова снова вступила въ донскія земли, которыя въ верховьяхъ медвѣдицкихъ и безулуцкихъ станицъ были населены весьма мало, такъ что всегда давали и въ прежнее время возможность дѣйствовать разбойничьимъ шайкамъ и укрываться въ медвѣдицкихъ лѣсахъ. Пройдя Каменновъ хуторъ, шайка безпрепятственно подошла къ слободѣ Даниловкѣ. Слобода эта населена малороссіянами, которые въ прошломъ столѣтіи цѣлыми обществами переселялись въ земли войска донскаго и въ Поволжье. Въ настоящее время слобода эта имѣетъ нѣсколько тысячъ душъ.

Въ имѣющихся у насъ дѣлахъ мы не могли найти подробностей о взятіи пугачевскою шайкой Даниловки, но въ самой Даниловкѣ намъ удалось слышать много подробностей, весьма характерныхъ, о пребываніи тамъ этой шайки. Въ разсказахъ, по обыкновенію, упоминается о томъ, что предводитель шайки въѣзжалъ въ слободу на конѣ, „верхи". Хотя предводителя этого и называютъ *Пугачемъ*, однако нѣтъ сомнѣнія, что въ разсказѣ принимается за самаго самозванца просто пугачевскій полковникъ. Около него, тоже верха-

ми, ѣхали другіе конные, принадлежавшіе къ шайкѣ. Во время вшествія шайки въ слободу „дзвоны дзвонили, якъ на великдень“, т. е. какъ на Пасху. Впрочемъ въ слободу входила не вся шайка, а только часть, а остальная толпа народа расположилась за слободою таборомъ, и оттуда, съ разрѣшенія полковника, нѣкоторые приходили въ слободу за провизіей. Полковникъ остановился въ домѣ управляющаго слободою, который волей-неволей долженъ былъ уступить помѣщеніе для такого дорогаго и опаснаго гостя, а самъ бѣжалъ въ лѣсъ, находящійся между озеромъ, надъ которымъ расположена Даниловка, и рѣкою Медвѣдицею (¹). У крыльца дома, занятаго полковникомъ, стояли часовые, которые и пропускали всѣхъ, имѣвшихъ дѣло до полковника, но предварительно спрашивали приходящихъ: „за кого идете—за царя, чи за царицю?“, и если вопрошаемые отвѣчали, что „за царя“, то ихъ пропускали, а отвѣчавшихъ противное тотчасъ брали подъ караулъ и допрашивали. Слобода должна была поставить отрядъ конныхъ охотниковъ, которые и присоединились къ шайкѣ. Изъ благоволенія къ слободскому „атаману“ полковникъ крестилъ у него ребенка и пировалъ на крестинахъ. Погулявши, полковникъ, гово-

---

(¹) Когда пугачевцы искали его въ лѣсу, то онъ, для своего спасенія, прибѣгнулъ къ способу, къ какому обыкновенно прибѣгали, въ опасныхъ случаяхъ, запорожцы. Когда на запорожцевъ нападалъ непріятель (татары и пр.), съ которымъ они не находили въ себѣ достаточно силы побиться въ открытомъ полѣ, или когда запорожцы желали скрыться отъ татаръ, чтобъ, выслѣдивъ ихъ движенія, удачнѣе напасть на нихъ, то самымъ безопаснымъ убѣжищемъ (какъ всѣ славяне, по свидѣтельству древнихъ писателей) они считали воду и прятались въ водѣ между тростниками, камышемъ и другими водяными растеніями. Когда же непріятель старался отыскать ихъ и въ водѣ, то они брали въ ротъ камышинку, одинъ конецъ которой выходилъ изъ воды, ныряли въ воду, такъ чтобы изъ воды выходилъ только конецъ камышинки, и сквозь это отверстіе дышали, имѣя такимъ образомъ возможность пробыть подъ водою, сколько угодно. Къ этому же средству спасенія прибѣгъ и управляющій слободою Даниловкою, безъ сомнѣнія знакомый съ обычаями запорожцевъ, такъ какъ самъ былъ выходцемъ изъ Украйны (онъ былъ роднымъ дѣдомъ автора настоящей статьи, по фамиліи Слѣпченко-Мордовець).

рятъ, затѣялъ домашній обрядъ крещенія новорожденнаго и, когда принесенъ былъ ребенокъ, онъ обратился къ кумѣ со словами:

— Цураешься сатаны и всѣхъ дилъ его?

Та должна была отвѣчать за ребенка: „Цураюсь."

— Дунь и плюнь.

Та исполнила приказанье.

— Цураешься пана и всѣхъ дилъ его?

— Цураюсь, отвѣчала та.

— Дунь и плюнь.

— Служитимешь Богу и государю вѣрою и правдою?

— Служитиму.

— Будешь бить пановъ и панiй съ панинятами и панянками?

— Буду.

— Цилуй шаблю и пидстоли.

Кума должна была поцѣловать саблю и пистолеты полковника.

Въ Орѣховой слододѣ (Мариновка), отстоящей отъ Даниловки въ 25 верстахъ и тоже населенный малороссіянами, слобожане жаловались полковнику на своего писаря, который притѣснялъ ихъ. Тотъ велѣлъ привести писаря. Несчастнаго привели, вытащивъ изъ погреба, куда онъ спрятался со страху, забившись въ большую кадку. Судъ разбойниковъ былъ коротокъ: велѣли выкатить кадку, въ которую спрятался было писарь, и наполнили ее дегтемъ.

— Ты человѣкъ письменный? спросили писаря разбойники.

— Письменный.

— О страшномъ судѣ читавъ?

— Читавъ.

— О пекли читавъ?

— Читавъ.

— У пекли що горить?

— Смола горить.

— А у тiй смоли кто сидить?

— Гришники.

— А ты гришникъ чи праведникъ?

— Гришникъ.

— Лизь же у кадушку.

*

Такимъ образомъ обвиненнаго народомъ посадили въ кадку съ дегтемъ, такъ что изъ дегтя виднѣлась только голова писаря. Затѣмъ Пугачъ (т. е. пугачевскій полковникъ) взялъ ружье и началъ цѣлиться въ голову обвиненнаго. Когда раздался выстрѣлъ, обвиненный въ страхѣ опустился ниже и голова его окунулась въ деготь. Послѣ того голова опять показалась надъ поверхностью кадки, облитая дегтемъ. Тогда на него снова направляли ружейное дуло, раздавался выстрѣлъ, и тотъ снова окунулся въ деготь. Измучивъ несчастнаго до полусмерти, Пугачъ велѣлъ зажечь деготь въ кадкѣ.

— Ты не бувъ у пекли?

— Ни, не бувъ.

— И не бачивъ?

— Не бачивъ.

— Такъ я тоби покажу яке пекло.

Деготь былъ зажженъ и пламя охватило голову несчастнаго. Тотъ снова окунулся въ деготь; но это было безполезно: деготь продолжалъ горѣть, и несчастный писарь задохся въ пламени.

Такія жестокости были въ духѣ того времени, хотя, сколько мы могли замѣтить, жестокости рѣдко допускались не только Пугачевымъ, но и его сообщниками безъ особенной причины. Только дворянъ не щадили. Были впрочемъ примѣры нечеловѣческой жестокости. Еще въ первое время, когда Пугачевъ взялъ только Татищевскую крѣпость, допущена была ужасная, звѣрская жестокость. Комендантомъ этой крѣпости былъ полковникъ Елагинъ. Когда крѣпость была взята, то съ Елагина, который былъ очень тучный человѣкъ, содрали кожу, и пугачевцы, озлобленные долгимъ сопротивленіемъ Елагина, вынимали изъ него сало и этимъ саломъ мазали свои раны. Самъ Пугачевъ былъ менѣе всего жестокъ. Это видно по всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ и по его личнымъ показаніямъ, въ которыхъ проглядываетъ что-то болѣе мягкое, чѣмъ въ другихъ разбойникахъ ([1]).

([1]) Антингъ говоритъ, что «Pugatschew n'était ni vindicatif, ni cruel, comme on l'en accuse, mais les cosaques d'Uralsk commettaient

Противъ безцѣльной жестокости, какъ мы видѣли выше, говоря о похожденіяхъ Иванова въ Баландинскомъ городкѣ, возставали нерѣдко и предводители отдѣльныхъ партій, подобные Иванову, которые должны были помнить, что всѣ они, начиная отъ Пугачева и кончая послѣднимъ самозваннымъ есауломъ въ отдѣльной шайкѣ, подняты народнымъ словомъ: „смерть дворянамъ и милость народу", что слова эти должны быть написаны на каждомъ знамени, за которымъ они идутъ. Всѣ жестокости ихъ должны были оправдываться этимъ же девизомъ: „смерть дворянамъ и притѣснителямъ народа", хотя, подъ увлеченіемъ страсти и въ порывѣ пьянаго разгула, жестокости и выходили изъ круга, очерченнаго ближайшею цѣлью возстанія. Съ Елагина содрали кожу за то, что онъ былъ немилостивъ къ народу; мариновскаго писаря сожгли въ бочкѣ смолы за то, что онъ притѣснялъ народъ; казанскихъ помѣщиковъ душили гирями за народъ же; помѣщицѣ разрѣзали животъ и вложили въ утробу ея живаго младенца за то, что младенецъ этотъ пилъ молоко кормилицы-крестьянки, у которой эта помѣщица уморила ребенка, чтобъ молоко мамки не раздѣлялось между барченкомъ и хамовымъ отродьемъ; помѣщику Скосыреву привязали гири къ тайному органу за то, что онъ усиленно бралъ у крестьянскихъ дѣвушекъ то, что онѣ предназначали для своихъ жениховъ; чиновницѣ солили изсѣченную розгами спину за то, что она не давала соли своимъ людямъ; сызранскому канцеляристу жгли трутомъ животъ тоже въ отмщеніе за пожары деревень.

Въ Мариновкѣ же (на сосѣднемъ съ Мариновкой казацкомъ хуторѣ, за Медвѣдицей) намъ разсказывали, что когда Пугачъ, казнивъ въ смоляной бочкѣ провинившагося противъ народа слободскаго писаря, направился къ Даниловкѣ, то на дорогѣ передовая его партія наткнулась на казацкую команду, которая, какъ видно, расположилась на этой дорогѣ, ведущей въ станичныя юрты, сторожевымъ пикетомъ. Такъ какъ волненіе крестьянъ было повсемѣстное, то казаки, для острастки другимъ, устроили такого рода пикетъ:

---

toutes les atrocités ou le forçaient de les commettre.» (Les campagn., p. 159).

Они поймали одного крестьянина, бѣжавшаго въ шайки бунтовщиковъ, и посадили на колъ. Колъ этотъ вмѣстѣ съ посаженнымъ на него бунтовщикомъ перенесли на высокій курганъ и поставили тамъ въ видѣ маяка. Затѣмъ сами расположились по близости кургана, заварили себѣ кашу и, упражняясь въ стрѣльбѣ, распѣвали любимую казацкую пѣсню:

На линіи было, на линеюшкѣ,
На славной было на сторонушкѣ,
Тамъ построилась новая редуточка:
Во этой редуточкѣ стояла командушка,
Команда казацкая....

Стрѣльба состояла въ томъ, что казаки сдѣлали мишенью посаженнаго на колъ „музлана" и въ него пускали свои пули „изъ любимой изъ винтовушки." Когда партія пугачевцевъ, вышедшая изъ Мариновки, наткнулась на эти упражненія казаковъ, казацкія лошади были не въ порядкѣ и паслись на островѣ стреноженныя путами. Казаковъ тотчасъ переловили и привели къ Пугачу.

— Кому вы служите? спросилъ Пугачъ.

— Великой государынѣ и славному войску донскому, отвѣчали казаки.

— Великой Государыни нѣтъ: она за грѣхи свои въ монастырѣ Богу молится; а есть Государь Петръ Ѳедоровичъ,—покоритесь ему.

— Не покоримся.

— Почему не покоритесь?

— Потому не покоримся, что онъ не Государь, а бѣглый зимовейскій казакъ Амелька.

Тогда Пугачъ велѣлъ сдѣлать длинный-предлинный шестъ, а наконечникъ къ шесту велѣлъ придѣлать желѣзный, острый какъ казацкій дротикъ. Шестъ этотъ воткнули въ землю, и говоритъ къ казакамъ:

— Покоритесь вы мнѣ?

— Нѣтъ, не покоримся.

И велѣлъ Пугачъ посадить одного казака на колъ, какъ они сажали пугачевца. Тогда опять спрашиваетъ казаковъ:

— Покоритесь вы мнѣ?

— Нѣтъ, не покоримся.

И прошелъ тотъ шестъ „насквозь казака“ и вышелъ тотъ шестъ у самаго затылка. Тогда велѣлъ Пугачъ посадить на тотъ же колъ другаго казака—и опять прошелъ тотъ шестъ насквозь казака и вышелъ у самаго затылка. Казаки все не покорялись. Пугачъ разсердился пуще прежняго и велѣлъ сажать на тотъ же колъ третьяго казака. Посадили, — а они все не покоряются. Такимъ образомъ посадили на одинъ колъ девять казаковъ и сидѣли они другъ на дружкѣ, такъ что тотъ казакъ, что первымъ былъ посаженъ на колъ, опустился до самой земли, а на верху шеста осталось столько, что можно было посадить только одного. И посадили на верхушку шеста десятаго. Это былъ самый храбрый казакъ, родомъ изъ Тушкановыхъ хуторовъ. И говорилъ казакъ, сидя на колу, который прошелъ ему въ самую утробу, только до сердца не дошелъ:

— Коли ты, Амелька, подлинный царь, такъ докажи, и мы тебѣ покоримся.

— А чѣмъ доказать?

— Докажи ты, Амелька, вотъ чѣмъ: вонъ видишь ли тамъ въ небѣ летаетъ шугай (коршунъ)... Коли ты царь, такъ пущай твои стрѣлки застрѣлятъ изъ винтовки того шугая на лету.

И говоритъ Пугачъ:

— Кто у меня лучшій стрѣлокъ?

— Я лучшій стрѣлокъ, говоритъ одинъ „музланъ“.

— Стрѣляй въ того шугая, что летаетъ по поднебесью, говоритъ Пугачъ.

Стрѣлокъ выстрѣлилъ—промахнулся.

— Такой же ты стрѣлокъ! сказалъ Пугачъ и велѣлъ его повѣсить.

А казакъ изъ Тушкановскихъ хуторовъ, что сидѣлъ на колу, и говоритъ:

— А вотъ я тебѣ покажу, Амелька, какіе бываютъ царскіе стрѣлки.

— Покажи, говоритъ Пугачъ.

Дали этому казаку винтовку. Взявъ винтовку, онъ прицѣлился въ шугая, да разомъ поворотилъ дуломъ книзу, прицѣлился — и выстрѣлилъ въ Пугача.

— Вотъ какъ стрѣляютъ царскіе стрѣлки!

Пуля угодила Пугачу въ правую руку—и съ тѣхъ поръ Пугачъ не показывалъ своей руки, потому что рука была перешиблена, и никогда не подписывалъ указовъ. Вскорѣ потомъ войсковое правленіе выслало противъ Пугача генерала Платова и генералъ Платовъ поймалъ Амельку, когда тотъ подходилъ уже къ Черкасску.

Разсказъ этотъ носитъ на себѣ отпечатокъ казацкаго хвастовства, которое проявляется не только въ настоящихъ народныхъ повѣствованіяхъ о прежнихъ подвигахъ донцовъ, но проглядываетъ и въ офиціальныхъ бумагахъ лицъ, непосредственно дѣйствовавшихъ противъ самозванца, какъ это мы видѣли выше въ донесеніяхъ полковниковъ Кутейникова и Грекова, которые доносили войску донскому, что они при рѣчкѣ Пролейкѣ, „соединясь съ легкою полевою командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію и *разбивъ*, толпы его до нѣсколько побито да въ полонъ взято тожъ.“ Между тѣмъ изъ большинства письменныхъ источниковъ того времени видно, что битва при Пролейкѣ далеко не такъ была благопріятна для самолюбія казаковъ, какъ они старались показать. Народный разсказъ приписываетъ и окончательную побѣду надъ самозванцемъ тоже казаку,—именно Платову, любимцу и гордости донскаго войска, прославившемуся впрочемъ гораздо позже Пугачева, именно въ 1812 году, во время партизанскихъ дѣйствій нашихъ войскъ противъ французовъ. Платовъ, правда, дѣйствовалъ противъ самозванца, и объ немъ мы находимъ упоминаніе во многихъ бумагахъ этой смутной эпохи, но тогда Платовъ дѣйствовалъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ какъ начальникъ небольшаго отряда, да притомъ мы еще не можемъ сказать утвердительно, тотъ ли это Платовъ, который, въ 1812 году сдѣлалъ нашихъ казаковъ извѣстными всей Европѣ по своей дикой и беззавѣтной храбрости, ловкости, военной хитрости и сталъ героемъ такихъ разсказовъ, которые въ состояніи создать только своевольное народное творчество.

Вообще все въ приведенномъ нами разсказѣ носитъ на себѣ характеръ эпическаго народнаго творчества: и эта стрѣльба казаковъ въ пугачевца, посаженнаго на колъ и сдѣлавшагося мишенью для

выстрѣловъ, и это сажанье на другой колъ десяти казаковъ, одного на другаго, и эта стрѣльба въ „шугая", и эта рана, которую тушкановскій казакъ нанесъ Пугачу въ правую руку, вслѣдствіе чего Пугачъ перестал подписывать указы и потомъ окончательно былъ разбитъ Платовымъ у Черкасска,—все это продукты народнаго творчества, въ основаніи котораго, впрочемъ, лежитъ историческая истина, которая и выражаетъ взглядъ казаковъ на описываемую нами эпоху. Пугачевъ, какъ самозванецъ, не заходилъ въ войско донское; а въ описываемой нами мѣстности, т. е. въ Мариновкѣ, Даниловкѣ и около верховыхъ медвѣдицкихъ станицъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ бумагъ, былъ полковникъ Ивановъ и другіе, подобные ему, предводители и есаулы пугачевскихъ шаекъ.

VIII.

Все это происходило въ послѣднихъ числахъ августа, въ самые критическіе дни для самозванца. Онъ побѣдоносно прошелъ по землѣ волжскаго войска и подступилъ къ Царицыну, куда привелъ съ собою и волжскихъ казаковъ, образовавшихъ собою въ его арміи особый полкъ, подъ названіемъ „дубовскаго полка". Мы имѣемъ подъ руками неопровержимыя доказательства того, что волжское войско передалось на сторону Пугачева: кромѣ показаній казака Черникова и другихъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ измѣнѣ волжскаго войска, кромѣ прямыхъ указаній на то, что въ этомъ войскѣ самозванца встрѣчали съ царскою честью, съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ колѣнопреклоненіемъ и преклоненіемъ предъ нимъ войсковыхъ знаменъ, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что самозванецъ пировалъ въ домахъ начальниковъ волжскаго войска и посылалъ войску свои указы и манифесты, которые войско принимало, у насъ еще есть небольшой документъ, обличающій измѣну волжскаго войска. Документъ этотъ—рапортъ поручика Савельева, который, проѣзжая на суднѣ изъ Астрахани вскорѣ послѣ того, какъ самозванецъ былъ разбитъ Михельсономъ ниже Царицына и выйдя изъ любопытства на берегъ, чтобъ посмотрѣть на мѣсто недавняго пораженія Пугачева, между трупами, валявшимися по полю и остав-

шимися непогребенными, нашелъ бумагу, на которой написана была вѣдомость казакамъ волжскаго войска, перешедшимъ на сторону самозванца и получившимъ отъ него жалованье. Это и была вѣдомость „дубовскаго полка“, которую Савельевъ и представилъ 1 октября царицынскому коменданту Цыплетеву (1).

Безъ сомнѣнія Ивановъ не зналъ, что въ нѣсколько послѣднихъ дней произошли очень важныя перемѣны въ положеніи дѣлъ главнаго пугачевскаго скопища и даже въ самой судьбѣ самозванца, а иначе онъ не рѣшился бы, конечно, дѣйствовать такъ же смѣло, какъ онъ началъ.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ивановъ бралъ Березовскую станицу, которая, какъ видно изъ рапорта войсковаго старшины Кульбакова, „въ осаду засѣла“; но мы имѣемъ письмо Иванова, адресованное къ атаману этой станицы, и по этому письму можемъ заключить, что Березовская станица, по мѣрѣ возможности, защищалась. Вотъ это любопытное, хотя не вполнѣ грамотное, письмо, представленное березовскимъ станичнымъ атаманомъ по начальству:

„Уповательно и никоему сомнѣнію не подлежитъ, что уже вся Россія и все войско донское довольно и обстоятельно удостовѣрено о склоненіи подъ скипетръ и корону истиннаго императора Петра

---

(1) Вотъ этотъ важный документъ: «Высокоблагородному... и т. д. Во время проѣзда нашего судномъ изъ Астрахани, при урочищѣ Солениковой ватаги, на плацу разбитія господиномъ полковникомъ Михельсономъ злодѣя Пугачева, вышли мы на берегъ изъ любопытства съ поручикомъ Штихеусомъ, конторы опекунства иностранныхъ казначеемъ, и между погибшими злодѣями поднятъ мною листъ бумаги, на которой написанъ его же злодѣйскій списокъ казакамъ вольскаго войска, которые въ ономъ и названы дубовскимъ полкомъ, съ произведеніемъ каждому, по разному числу, на подъемъ денежнаго жалованья, который я тогожъ почти числа объявилъ ѣдущему изъ Астрахани сухопутно господину статскому совѣтнику Михайлѣ Михайловичу Ладыженскому и стоящему на той Солениковой ростовскаго карабинернаго полку господину ротмистру Мажарову, и занужное почелъ оный списокъ для разсмотрѣнія представить вашему высокоблагородію, который при семъ и подношу. Поручикъ Илья Савельевъ.»

Ѳедоровича всѣхъ россійскихъ всякаго званія людей и протчихъ его императорскаго величества подданныхъ, тожъ и войскъ яицкаго, волскаго и донскаго.

„Только въ тебѣ, станичный атаманъ Березовской станицы, примѣчаю я великое твоего сердца закоснѣніе и недоумѣваю о толикой твоей дерзости, паче же—рещи попросту—о твоей бабій глупости. Пребывая въ своемъ невѣжествѣ, или—истину рещи—пресущимъ будучи скотомъ, гласа господина своего невѣдающа, ты ли дерзнешь супротивъ войскъ его императорскаго величества твою омраченную чадомъ глупости и тебѣ подобныхъ дураковъ головы въ поле вывести, когда я подвигну на вашу станицу ввѣренную мнѣ отъ самаго батюшки царя команду! Истинно говорю тебѣ, преклони твою глупость на разумѣніе, пожалуй, батюшка, окажи преклонство сущему помазаннику, не губи напрасно себя и станишниковъ, не проливай крови неповинной, да не заслужишь казнь въ сей жизни и муку вѣчную въ аду, уготованную діаволу и всѣмъ слугамъ его.

„Если же и послѣ сего дружественнаго моего посланія въ склонность не пріидешь и извиненіевъ твоихъ гнусныхъ не возчувствуешь, то быть тебѣ, за твое окаянство, по дѣйству сатанину, повѣшену какъ собакѣ, и за грѣхъ сіе передъ Богомъ не почитаю. Кому ты служишь? На кого ты лаешь, песъ смердящій? Вѣдаешь ли ты, глупый атаманишка, б...ъ сынъ, что по дѣйству твоему кнута тебѣ мало, веревки жалко, а раздавить тебя приличествуетъ, какъ бѣшеную собаку.

„Затѣмъ скратя, симъ оканчиваю и пребываю въ благополучномъ мѣстѣ съ командою.

„Посланный отъ его императорскаго величества главной арміи полковникъ *Ивановъ*."

Письмо это подослано было въ станицу съ однимъ казакомъ, который и объявилъ, что толпы Иванова разсѣяны „въ великомъ множествѣ" по границамъ донскаго войска съ россійскими поселками, что самъ полковникъ родомъ „изъ россійскихъ людей", что „толпище его злодѣйское" идетъ безъ всякаго порядка, какъ стадо, что къ пушкамъ, къ знаменамъ и къ барабанамъ приставлены простые мужики въ казацкомъ образѣ" и что „въ толпищѣ" этомъ съ са-

мимъ полковникомъ ѣздитъ „чернецъ“. Надо полагать, что приведенное нами письмо принадлежитъ краснорѣчивому перу этого чернеца, потому что вычурный и не совсѣмъ приличный для „полковника“ слогъ его обнаруживаетъ въ авторѣ раскольничьяго начетчика.

О томъ значеніи, какое имѣли раскольники въ *созданіи* самой пугачевщины, какую роль они играли вообще въ развитіи этой драмы, мы намѣрены поговорить особо и надѣемся посвятить этому предмету особую монографію; а теперь прослѣдимъ послѣднія похожденія Иванова и его шайки, а равно и соприкасавшихся съ этою шайкою „злодѣйскихъ полчищъ“.

По всѣмъ имѣющимся у насъ бумагамъ мы должны съ вѣроятностію заключить, что Березовская станица уцѣлѣла, не смотря на грозное посланіе Иванова. Само собою разумѣется, уцѣлѣли дальнѣйшія станицы, лежащія внизъ по Медвѣдицѣ, Молодельская, Заполянская и прочія, хотя въ бумагахъ есть указанія на то, что въ Раздорской станицѣ была битва съ пугачевцами. Но о дѣйствіяхъ другихъ шаекъ мы поговоримъ особо, такъ какъ похожденія ихъ составляютъ отдѣльныя, совершенно законченныя драмы, служа пополняющими эпизодами общей великой драмы.

Такимъ образомъ, не рѣшаясь двинуться прямо на станицы, Ивановъ поворотилъ свое „толпище“ къ Бузулуку, Хопру и Воронежу, держась, по возможности, россійскихъ поселковъ, „гдѣ удобнѣе было разгуляться за неимѣніемъ разъѣздныхъ командъ и откуда представлялась возможность“ пробраться во внутреннія губерніи, а затѣмъ и въ Слободскую Украйну, гдѣ послѣ уничтоженія Запорожской Сѣчи, все еще замѣтно было броженіе. Притомъ въ Воронежѣ еще до Пугачева проявился самозванецъ, который и произвелъ немалую смуту именемъ Петра III, хотя своевременно былъ схваченъ и отданъ въ руки правосудія. Это—самозванецъ Кремлевъ, о которомъ есть особое дѣло въ государственномъ архивѣ и о которомъ императрица Екатерина II, въ письмѣ къ графу Панину, отъ 20 ноября 1774 года (чрезъ двѣ недѣли послѣ того какъ Пугачевъ былъ уже привезенъ въ Москву и допрашивался въ секретной комисіи), писала между прочимъ, дѣлая распоряженія по дѣлу Пугачева, котораго называетъ „уродомъ“: „втораго самозванца казнь я благоразсудила

уменьшить, о чемъ указъ мой прямо въ Воронежъ и отправленъ; но не знаю еще ко времени-ли дошелъ" ([1]). Все, по видимому, говорило въ пользу того мнѣнія, что шайкамъ Иванова благоразумнѣе было обойти донское войско и хотя по окраинамъ его пробраться въ южныя губерніи или возвратившись на саратовско-астраханскую дорогу, соединиться съ главными силами самозванца. Мы говоримъ, *шайки* Иванова, и это потому, что Ивановъ заправлялъ не одною толпою, а въ распоряженіи его была цѣлая армія сброда, которая дѣлилась на полки и отдѣльныя шайки. Отдѣльными шайками управляли особые начальники, которые, какъ и Ивановъ, назывались полковниками, но по отношенію къ самому Иванову, были ни больше ни меньше, какъ простые есаулы. Были случаи, что надъ толпою, предводительствуемою особымъ полковникомъ, принималъ главное начальство Ивановъ и присоединялъ эту толпу къ своему „полчищу," и эти субалтерные полковники повиновались главному полковнику и исполняли его приказанія. Такъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда шелъ Ивановъ, главную роль собственно игралъ *полковникъ Каменскій*, родомъ изъ города Острогожска, слѣдовательно уже изъ украинскихъ мѣстностей Россіи. У полковника Каменскаго было болѣе 2000 человѣкъ, своя артилерія, свои знамена, свои барабаны и т. д. Но когда Иванову понадобилось сосредоточить всѣ свои силы, чтобы дать отпоръ донскимъ отрядамъ, находившимся подъ главнымъ начальствомъ донскаго походнаго атамана, извѣстнаго плоковника Абросима Луковкина, тогда полковникъ Каменскій остался уже на второмъ планѣ, что мы сейчасъ и увидимъ.

Но Ивановъ не зналъ, что ему уже нельзя было соединиться съ главными силами самозванца, ни обойти войско донское, чтобы хотя за предѣлами его, если не удастся взволноватъ Слободскую Украйну, примкнуть къ Пугачеву. Дни самого Пугачева были сочтены.

Мы видѣли, что онъ торжественно прошелъ по землямъ волжскаго войска. Но впереди его лежала Царицынская крѣпость и Царицынская военная линія, усѣянная крѣпостцами и форпостами, загорожи-

---

([1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн. росс. 1858 г. к. II, отд. II, стр. 54.

вавшая собою всю равнину, лежащую между Волгою и Дономъ — естественный путь, по которому самозванецъ думалъ проскольнуть на Кубань, а пожалуй въ Персію и Турцію, по примѣру некрасовцевъ...

— Я не иначе принялъ высокое званіе (императора), какъ подъ симъ названіемъ возмутя яицкихъ казаковъ, съ ними и съ раскольниками идти некрасовскимъ путемъ, говорилъ Пугачевъ.

Счастливыя обстоятельства измѣнили его намѣренія, и онъ было рѣшился завладѣть всею Россіею, покинувъ мысль о побѣгѣ за границу, подобно Некрасову.

— Будучи заведенъ успѣхами и обстоятельствами, я простиралъ *далѣе* свое злодѣйство....

Вотъ въ чемъ сознался самозванецъ.

Но неудачи подъ Казанью и боязнь Москвы и Петербурга заставили его воротиться къ прежнему намѣренію: ускользнувъ отъ войскъ императрицы и навербовавъ съ собою волжскихъ и донскихъ казаковъ, вмѣстѣ со всѣми своими толпами „идти некрасовскимъ путемъ“.

Въ то время когда Ивановъ и остальные пугачевскіе полковники распоряжались на сѣверныхъ окраинахъ земель войска донскаго и уже приближались къ новохоперской крѣпости, единственно укрѣпленному пункту въ той мѣстности; въ то время когда воронежскій губернаторъ Шетневъ убѣжалъ изъ своей резиденціи въ Павловскъ, чтобы какъ онъ выражался, „защищать этотъ городъ, въ которомъ находилось 600 пушекъ и 3000 пудовъ пороху, а Воронежъ бросилъ на произволъ судьбы; въ то время когда сотоварищемъ Иванова, какъ Каменскому и другимъ, являлась уже возможность овладѣть Воронежемъ, а тамъ зажечь всю Слободскую Украйну, — Пугачевъ переживалъ послѣдніе часы своей силы, хотя объ этомъ не знали не только Ивановъ и Каменскій, но даже такіе люди какъ Суворовъ, князь Багратіонъ, генералъ Мансуровъ, князь Дондуковъ, Кандауровъ, Михельсонъ и всѣ мѣстные губернаторы, начиная отъ фонъ-Рейнгардта и фонъ-Брандта (оренбургскій и казанскій) и кончая Шетневымъ и Кречетниковымъ (1 воронежскій, 2 астраханскій и саратовскій). Шетневъ, какъ мы видѣли, бѣжалъ. Кречетниковъ все еще собирался идти на встрѣчу самозванцу и прособирался до того, что получилъ вѣсть о взятіи Саратова и о дальнѣйшихъ успѣхахъ самозванца. Когда же было ѣхать на встрѣчу страшному врагу, да

и съ чѣмъ ѣхать? Надо было ограничиться бумажными распоряженіями, да и то никто не зналъ какія принять распоряженія? когда одинъ день, одинъ часъ опрокидывали вверхъ ногами всѣ мудрыя распоряженія? Приходилось ограничиваться *вопросами*: гдѣ тотъ-то? куда дѣвался такой-то полкъ? цѣлъ-ли такой-то городъ? куда идти? куда посылать приказанія? куда бѣжать? Да и кого спрашивать? кто дастъ отвѣты на эти вопросы? Приходилось обратиться за отвѣтами къ Цыплетеву, царицынскому коменданту, на котораго упала вся тяжесть послѣднихъ дней смуты.

Получивъ черезъ курьера извѣстіе, какъ выражается Кречетниковъ, „о приключеніи города Саратова отъ злодѣевъ," и о томъ, что Цыплетевъ, „по таковой опасности," отправилъ отъ себя нарочнаго къ генералу князю Багратіону, прося его „о скорѣйшемъ поспѣшеніи" прямо на Царицынъ для соединенія съ калмыцкими войсками, астраханскій губернаторъ присовокуплялъ, что онъ „сіе весьма апробуетъ" (т. е. одобряетъ), и между тѣмъ ставитъ множество вопросовъ, на которые Цыплетевъ едва-ли могъ отвѣчать, да и безполезно было отвѣчать, когда нужно было дѣйствовать. Вотъ между прочимъ какіе вопросы задавалъ онъ Цыплетеву:

1) „Какія были обстоятельства при происшествіи нападенія на городъ Саратовъ?

2) „Гдѣ послѣ находится бывшая при бывшей опекунской конторѣ артилерійская команда съ ея орудіями?

3) „Гдѣ находится тамошній гарнизонъ и казаки?

4) „Гдѣ самъ комендантъ и вольское войско?

5) „Въ какомъ состояніи нынѣ злодѣи?

6) „Гдѣ оные нынѣ имѣются?

7) „Гдѣ находятся и что дѣлаютъ наши войска, отъ стороны Казани посланныя?

8) „Куда поѣхалъ отъ васъ посланный отъ меня маіоръ Звѣревъ—на Новохоперскую ли крѣпость или, у вашей линіи Чредою переправляясь, на Воронежъ поѣхалъ? и т. д."

Всѣ эти вопросы получены Цыплетевымъ 15 августа, когда самъ Цыплетевъ ничего не зналъ и не могъ знать, что дѣлается за 20 верстъ отъ его крѣпости. Что же онъ могъ отвѣчать? На эти вопросы въ состояніи отвѣчать только послѣдующая исторія, которая

собрала всѣ факты того времени и находитъ, что Цыплетевъ на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ долженъ былъ отвѣчать — „не знаю,“ „не вѣдаю,“ „не слыхалъ“ и т. п. Уже послѣ стало извѣстно, какія были обстоятельства при происшествіи „нападенія на городъ Саратовъ.“ Въ тотъ день, когда Цыплетевъ получилъ эти вопросы, въ Царицынъ прибылъ саратовскій комендантъ Бошнякъ, бѣжавшій изъ Саратова и пробившійся съ горстью солдатъ саратовскаго батальона сквозь ряды непріятеля; но Бошнякъ тоже ничего не могъ сказать Цыплетеву кромѣ того, что Саратовъ взятъ Пугачевымъ, а какъ — это уже было безполезно знать Кречетникову. Только теперь мы можемъ отвѣчать на вопросы Кречетникова съ достаточною полнотою. На первый мы уже отчасти отвѣтили. На второй приходится отвѣчать, что бывшая въ Саратовѣ артилерійская команда, во время жаркаго дѣла, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, бѣжала къ самозванцу; на третій, — что тамошній гарнизонъ и казаки передались на сторону Пугачева и только Бошнякъ успѣлъ пробиться сквозь толпы самозванца съ ничтожнымъ числомъ неизмѣнившихъ; на четвертый, — что комендантъ Бошнякъ прискакалъ въ Царицынъ, спасаясь отъ вѣрной смерти, а вольское войско передалось самозванцу; на пятый, — что силы злодѣя велики; на шестой, — что злодѣи эти очень близки, но гдѣ — этого никто не зналъ въ Царицынѣ; также никто не зналъ, и еще менѣе Цыплетевъ, гдѣ находились наши войска, когда ихъ ждали, какъ спасенья, а они не приходили.

Между тѣмъ, задавъ эти неразрѣшимые для Цыплетева вопросы, Кречетниковъ предписывалъ ему, чтобъ „какъ наискорѣе велѣть господину полковнику князю Дондукову съ калмыцкими войсками и казаками поспѣшить къ Царицыну, также изъ дербстевыхъ калмыкъ въ самоскорѣйшемъ времени къ себѣ призвать и, совокупясь съ нимъ, генералъ-маіоромъ Багратіономъ, общими силами дѣйствовать во отпоръ и недопущеніе злодѣевъ и всѣми силами стараться ихъ разбить и искоренить по вѣрноподданической должности съ крайнимъ усердіемъ;“ въ то же время Кречетниковъ приказывалъ Цыплетеву „о всѣхъ движеніяхъ злодѣевъ ежедневно чрезъ нарочныхъ курьеровъ рапортовать и городъ Царицынъ привесть въ надежное укрѣпленіе и за собою его удержать и до злодѣйскихъ рукъ

не допустить, и во время ихъ приближенія всѣ суда и лодки сжечь, или, отведя на другой берегъ, затопить; равнымъ образомъ и проѣзжающія изъ верховыхъ городовъ къ той же сторонѣ удалить и отъ захвата и переправы туда злодѣевъ крайне предстеречь."

Все это легко было предписывать, но не легко было исполнять, когда было ужъ слишкомъ поздно. Видно однако, что Кречетниковъ былъ въ волненіи; ордеры Цыплетеву до половины написаны его собственною рукою — такъ много нужно было сказать, о многомъ спросить! То и дѣло въ ордерахъ попадается фраза: „весьма мнѣ нужно знать," „крайне нужно знать" и т. д. „Весьма нужно, чтобы на Волгѣ ватаги были очищены и лодокъ всѣхъ бы не было, того для имѣете вы ихъ или въ Астрахань отправить, или же лодки прорубя затопить, а людей къ себѣ на оборону взять." Но опять-таки повторяемъ: поздно было это предписывать. Не будь Цыплетева, а будь другой комендантъ и жди онъ ордеровъ отъ начальства—Царицынъ былъ бы взятъ Пугачевымъ, а тамъ неизвѣстно, удалось ли бы Михельсону разбить его...

Эта-то канцелярская, такъ сказать, сторона и важна въ исторіи пугачевской смуты. Все дѣлалось на обумъ, ощупью — и неудивительно, что самозванецъ нѣкоторое время сталъ мечтать о владычествѣ надъ всею Россіею или, по его собственнымъ словамъ, „простиралъ *далѣе* свое злодѣйство."

Въ тотъ же день, о которомъ мы говоримъ, полученъ былъ Цыплетевымъ другой ордеръ Кречетникова. Онъ увѣдомляетъ коменданта, что получилъ его рапортъ „о извѣстныхъ злодѣйскихъ умноженіяхъ," и что князь Дондуковъ приблизился съ калмыцкимъ войскомъ къ царицынской линіи, но только войскъ у него мало — одни не досланы, другія отпущены еще изъ-подъ Гурьева и изъ-подъ Ахтубинскаго городовъ въ свои дома; артилеріи у Дондукова также оказалось мало, и онъ просилъ „о снабденіи" его орудіями. Кречетниковъ предписывалъ, чтобы Дондуковъ со своимъ войскомъ дѣлалъ разъѣзды по царицынской линіи до новохоперской крѣпости (куда, по видимому, направлялись шайки Иванова и Каменскаго) и соединился съ княземъ Багратіономъ. Всѣмъ этимъ войскамъ Кречетниковъ давалъ „на защищеніе жительства и на пораженіе злодѣевъ пристойныя наставленія,"

хотя самъ не зналъ, гдѣ эти злодѣи, что̀ они дѣлаютъ и можно ли давать пристойныя наставленія войскамъ, которыя, можетъ быть, уже уничтожены или разсѣяны, какъ это и дѣлалось почти каждый день. Но Кречетниковъ подтверждалъ „чинить наиточнѣйшее исполненіе, не смотря на злодѣйскіе подвиги дѣлать на искорененіе воинскими силами потребное распоряженіе,“ и—прибавлялъ губернаторъ Цыплетеву—„елико успѣете лучшее, тѣмъ самимъ вамъ можемъ быть похвальнѣе, въ каковомъ случаѣ я несомнѣнно надѣюсь на вѣрность и усердіе ваше къ ея императорскаго величества службѣ, что вы всеудобовозможнымъ образомъ поспѣшите въ томъ содѣйствовать къ пользѣ высокаго ея императорскаго величества интереса и всего общества соедининными силами и стараться всѣми мѣрами тѣхъ злодѣевъ поразить и въ конецъ истребить, за что и удостоитесь высочайшаго ея императорскаго величества награжденія.“ Тутъ же онъ велитъ для регулированныхъ войскъ и калмыковъ приготовить заблаговременно „довольное число провіанта, испеча оной въ сухари, и содержать во всякомъ береженіи.“ Когда же было распоряжаться за тысячу верстъ о сухаряхъ—вѣдь Пугачевъ прошелъ уже Дубовку? Но при всемъ томъ Кречетниковъ не переставалъ обѣщать, что онъ пріѣдетъ на помощь: „я и самъ съ особливою командою на помощь къ вамъ *вскорѣ* прибыть имѣю.“ Когда же это *вскорѣ*? Между тѣмъ и объ артилеріи, въ которой нуждался князь Дондуковъ, Кречетниковъ пишетъ, что полевою артилеріею *вскорѣ за симъ* онъ снабженъ будетъ.“ Онъ писалъ въ калмыцкое Зарго ко всѣмъ правителямъ, владѣльцамъ и приставамъ, чтобъ выслали къ Дондукову калмыковъ „при надежныхъ зайсангахъ“ съ исправнымъ оружіемъ и лошадьми. И опять приписываетъ своей рукой на ордерѣ: „Весьма мнѣ нужно знать, какъ скоро Дербетева и князя Дондукова калмыки къ вамъ въ Царицынъ къ которому числу придутъ, то имѣете меня съ полученія сего увѣдомить, *чтобы я самъ къ вамъ поспѣшалъ*; войска же всегда къ вамъ черезъ два дня поступать начнутъ, *а за ними и я самъ выѣду*.“ Конечно, за войсками было безопаснѣе выѣхать; но все-таки онъ не выѣхалъ, и буря прошла безъ его вѣдома, безъ его присутствія, и эту бурю выдержали

одинъ Цыплетевъ да нѣсколько офицеровъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, да горсть солдатъ.

IX.

Не легко было Цыплетеву успѣвать исполненіемъ всѣхъ распоряженій, которыя шли къ нему со всѣхъ сторонъ и шли не во время, когда нужно было защищать крѣпость и всю линію. Но онъ все сдѣлалъ, что было въ его силахъ (1). Въ Царицынъ, какъ извѣстно, явился въ это времи Бошнякъ, саратовскій комендантъ, и съ нимъ прибыли на суднѣ всѣ, успѣвшіе спастись изъ Саратова, въ томъ числѣ дѣвицы Юнгеръ, дочери бывшаго саратовскаго коменданта Томаса Юнгеръ, изъ которыхъ одна заслужила право на историческое безсмертіе тою энергіею, которую она проявила въ отношеніи къ самозванцу (но этотъ случай не идетъ къ настоящему дѣлу).

Прибывъ въ Царицынъ, Бошнякъ тоже обратился съ письмомъ къ Цыплетеву, прося снабдить его команду патронами и пулями, которые, какъ онъ выражался, „употреблено въ пальбу всѣ безъ остатку." Изъ письма видно, что съ Бошнякомъ спаслось изъ Саратова всего только 35 человѣкъ—это остатки того войска, которое въ Саратовѣ противопоставлено было всѣмъ силамъ самозванца!

Вотъ это историческое письмо человѣка, заслужившаго такую громкую извѣстность, какъ своею личною отвагою, такъ и знаменитою ссорою съ Державинымъ (2):

„Высоблагородный и т. д. Бывшими со мною противу государственнаго бунтовщика и вора Пугачева, саратовскаго баталіона военнослужащими чинами положенные по штату патроны съ пули употреблены въ пальбу всѣ безъ остатку, и для того вашему высоко-

---

(1) О дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Цыплетева подробно изложено въ нашей статьѣ «Пугачевщина» (Вѣстн. Евр. 1866, кн. I).

(2) О подробностяхъ и главныхъ мотивахъ этой ссоры мы будемъ говорить особо. Эта ссора бросаетъ невыгодный свѣтъ на нашего поэта Державина.

благородію симъ сообщаю, чтобы благоволено было на состоящихъ нынѣ при мнѣ унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ, всего на тридцать на пять человѣкъ, на каждаго по тридцати по пяти, всего тысячу-двѣсти-двадцать-пять патроновъ съ пули посланному при семъ саратовскаго баталіона казначею, подпоручику князю Мансыреву, отпустить. Впрочемъ пребуду съ моимъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, государя моего, покорный слуга Иванъ Бошнякъ."

Но вотъ начался новый и послѣдній актъ драмы. Пугачевъ осадилъ Царицынъ. Это было 21-го августа, въ 2 часа по полудни.

Подробности осады Царицына изложены нами въ особой статьѣ („Пугачевщина"), а здѣсь мы укажемъ только на нѣкоторыя подробности, которыя особенно характеризуютъ и эпоху, и дѣйствовавшихъ тогда людей, и средства, которыми они располагали.

Кромѣ шаекъ, которыя отдѣлились отъ самозванца подъ предводительствомъ такихъ полковниковъ, какъ Ивановъ, Каменскій, Обрываловъ, Вороновъ, Молотилинъ и другіе, и пошли по направленію къ Медвѣдицѣ, Хопру и Воронежу, или подъ начальствомъ какого-то *арапа* потянулись луговой стороной Волги, по самой Волгѣ,— рядомъ съ главною толпою Пугачева тянулась особая флотилія на судахъ, баркахъ, расшивахъ, на косныхъ и простыхъ лодкахъ. Въ этой флотиліи попадались и такія суда, на которыхъ не было никого кромѣ мотавшихся на спастяхъ человѣческихъ труповъ. Когда самозванецъ громилъ Царицынъ „*сильною пушечною единорожною и мортирною пальбою, ядрами разныхъ калибровъ, гранатами десятифунтовыми* и *одного пуда бомбами съ втораго по седьмой часъ по полудни*," какъ доносилъ потомъ, по отраженіи самозванца, своему начальнику, Цыплетеву, командовавшій во время осады царицынскою артилеріею, маіоръ Харитоновъ, въ это время пугачевская флотилія тянулась Волгою, разсчитывая, конечно, при благопріятномъ исходѣ приступа, кинуться на городъ. Хотя нестройная эскадра эта тащилась мимо Царицына цѣлыхъ два дня, 21 и 22 августа, однако изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно, чтобы она бомбардировала городъ съ берега. Канонада шла только съ сухаго пути, гдѣ командовалъ самъ Пугачевъ, и на эту канонаду преимуще-

ственно отвѣчали орудія изъ Царицына. Царицынскія пушки не оставляли впрочемъ въ покоѣ и флотиліи пугачевской; пушки эти поставлены были на судахъ и стрѣляли по проходившимъ Волгою судамъ Пугачева, вѣроятно, не рѣшаясь напасть на нихъ и овладѣть ими. Такимъ образомъ береговая пловучая артилерія въ Царицынѣ выпустила по пугачевской флотиліи 250 зарядовъ. На канонаду съ сухаго пути, т. е. отъ стана самозванца, крѣпостная артилерія отвѣчала 600 пушечными выстрѣлами, преимущественно изъ двѣнадцати и шестифунтовыхъ пушекъ и изъ трехпудовыхъ мортиръ. Бомбъ изъ крѣпости было брошено 25. Отъ непріятельской канонады большихъ поврежденій ни городу, ни артилеріи не причинено, но сами жители при приближеніи самозванца сожгли предмѣстье города. Въ крѣпости повредилась одна двѣнадцатифунтовая пушка съ двадцать-четвертаго заряда да отъ непріятельскихъ картечей взорвало нѣсколько зарядовъ съ ядрами и картечами и повреждены три бомбы.

Когда, непріятель, видя сильную крѣпостную оборону отступя „ретировался чрезъ линію внизъ по Волгѣ,“ какъ пишетъ Харитоновъ по отступленіи отъ стѣнъ крѣпости Пугачева, и когда въ городѣ уже могли спокойно обсудить все, что произошло въ эти страшные послѣдніе дни, Харитоновъ писалъ Цыплетеву, что „сего августа въ 21-й день, во время происшествія атаки сей крѣпости города Царицына сухимъ путемъ злодѣемъ и варваромъ Емелькою Пугачевымъ,“ особенно отличились при оборонѣ крѣпости — „съ праваго фаза артилеріи господинъ капитанъ Елчинъ, съ лѣваго штыкъ-юнкеръ Харковъ, а изъ средины, противъ коей первая атака начата была, съ трехъ бастіоновъ — съ линейнаго штыкъ-юнкеръ Ушаковъ, съ московскаго сержантъ Ченцовъ, а съ донскаго цейхшрейберъ Власовъ, кои стрѣляли весьма цѣльно, такъ что ни одинъ ихъ выстрѣлъ безъ дѣйствія не былъ.“ Къ этой рекомендаціи Харитоновъ добавлялъ, что „и подпоручикъ Ильинъ, какъ онъ состоялъ на береговой батареѣ и хотя до его орудій очереди не доходило, однако онъ при комплектованіи праваго фаза артилеріи оказывалъ себя исправнымъ, и денно и нощно при своемъ постѣ былъ неотлученъ.“ Наконецъ Харитоновъ отзывается съ похвалою обо всѣхъ, кто находился при артилеріи, при отдѣльныхъ батареяхъ,

батальонные офицеры и проч. Мало того, Харитоновъ прибавляетъ, что и шелковаго (ахтубинскаго) завода господинъ капитанъ Свербеевъ со своимъ кондукторомъ Духанинымъ при оной же командѣ поступали неустрашимо и артиллерійскихъ и прочихъ служителей своимъ примѣромъ ободряли, а къ тому и здѣшній воеводскій товарищъ, господинъ секундъ-маіоръ Фатьяновъ, получа отъ меня позволеніе, при нѣкоторыхъ батареяхъ находясь, не только военнослужащихъ, но и жителей здѣшнихъ (и подвозомъ орудій умножалъ) ободрялъ, показывая собою примѣръ неустрашимости, кои всѣ съ бодрымъ духомъ готовились къ сильнѣйшему отраженію непріятеля."

Все это писалось по горячимъ слѣдамъ за уходомъ Пугачева, когда еще можно было ожидать, что онъ воротится и опять нагрянетъ на городъ съ болѣе неотразимою стремительностію. Все это говорилось, когда еще Михельсонъ не настигъ самозванца, который со своими любовницами, отъ усталости послѣднихъ дней и отъ этой нравственной такъ сказать передряги, отдыхалъ въ Сарептѣ, а „проклятая его волокита тянулась надъ Волгою," какъ говорили въ своихъ донесеніяхъ донцы Денисовъ, Малковъ, Поздѣевъ и Грековъ, дрогнувшіе было при нападеніи самозванца на Царицынъ, а потомъ гнавшіеся за нимъ по пятамъ (¹).

По горячимъ слѣдамъ, такъ сказать, и Цыплетевъ пишетъ атестацію лицамъ, особенно отличившимся при отраженіи Пугачева отъ Царицына. Атестацію эту онъ пишетъ на рапортѣ Харитонова своею рукой отъ начала до конца: „рекомендовать артилеріи маіора Харитонова и подпоручика Муханова, а притомъ и находящихся при дѣлѣ артилерійскаго маіора, а также и всѣхъ написанныхъ въ семъ рапортѣ; изъ гарнизонныхъ, бывшихъ противъ самой его воровской батареи, состоящей изъ 12-ти орудіевъ—князя Андроникова, маіора Тимашева и кто еще былъ; а наконецъ всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры, солдаты и купечество имѣли крайнюю неустрашимость, желали истребить злодѣя безъ остатка, и еслибы

(¹) О томъ, *въ какой степени* измѣнили донскіе казаки въ пугачевщину, мы скажемъ особо.

вблизи находящійся деташементъ князя Багратіона подоспѣлъ, тогдабъ, *ободрясь, донскіе старшины, которые крайнее усердіе имѣли, но опасаясь своихъ казаковъ, изъ которыхъ калмыки побѣгъ въ тоже время учинили*, напавъ на злодѣя при самой крѣпости, во всемъ искоренили изъ крѣпости съ малымъ числомъ, и какъ крѣпость была вся окружена, то идтить на вылазку, безъ подкрѣпленія легкихъ войскъ, способу не было."

Это личное свидѣтельство человѣка, распоряжавшагося защитой крѣпости. Оно писано подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній еще дрожащею отъ усталости рукою, Но въ этомъ свидѣтельствѣ ближайшаго очевидца мы не видимъ того, что говоритъ Пушкинъ въ „Исторіи пугачевскаго бунта". У Пушкина вся честь защиты, по видимому, принадлежитъ Бошняку. „Въ семъ городѣ—читаемъ у Пушкина—хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ, съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21-го августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи донскихъ казаковъ; но только четыреста воротилось: остальные предались" (Ист. пугач. бунта, стр. 154). У Цыплетева нѣтъ указанія на то, чтобы донскіе казаки, которыхъ выслали противъ Пугачева, измѣнили. Если-бы это было, то онъ не преминулъ-бы указать на этотъ фактъ, для него лично выгодный, чтобы доказать, что онъ не могъ окончательно разбить самозванца за измѣною донскихъ казаковъ. А онъ напротивъ говоритъ, что „донскіе старшины крайнее усердіе имѣли", а только опасались своихъ казаковъ, изъ которыхъ *калмыки* побѣгъ учинили." Бѣгство калмыковъ не новый фактъ; они бѣгали не одинъ разъ; бѣгство дербентскихъ калмыковъ было причиною и гибели храбраго Дица, въ сраженіи 13 августа.

Пушкинъ же говоритъ, что на другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги и былъ *опять* отбитъ Бошнякомъ (155 стр.). Между тѣмъ намъ извѣстно, что съ Волги Пугачеву и зайти было нельзя. Въ донесеніи Харитонова прямо сказано, „что до береговой батареи," которою командовалъ Ильинъ, „очереди не доходило." А если Пушкинъ подъ нападеніемъ Пугачева съ Волги

разумѣетъ то, что мимо Царицына тянулась пугачевская флотилія, въ которую стрѣляли съ судовъ, по берегу раставленныхъ, то это не значитъ, чтобъ Пугачевъ подступалъ къ Царицыну со стороны Волги. Вообще вся эпоха Пугачева, а тѣмъ болѣе исторія этой эпохи Пушкина подлежитъ строгой критической оцѣнкѣ.

Изъ-подъ Царицына Пугачевъ бѣжалъ 22 августа. Въ этотъ же день въ Царицынѣ явился „грозный гонитель“ самозванца, какъ Пушкинъ называетъ Михельсона.

Надо читать подлинныя бумаги того времени, писавшіяся, можно сказать, подъ выстрѣлами, чтобы понять и прочувствовать всю драматичность положеній, въ которыя были поставлены тогда дѣйствовавшія лица и вся масса населенія. Толпы Пугачева только что скрылись изъ глазъ изумленныхъ и отчаявавшихся жителей Царицына; ждутъ новаго приступа; тѣла убитыхъ валяются за городомъ; собаки таскаютъ обезображенные трупы; мальчишки катаютъ по улицамъ пушечныя ядра. Что будетъ—неизвѣстно: говорятъ, донскіе казаки измѣнили; калмыки бѣжали; волжское войско и его знамена виднѣлись между осаждающими. Кому вѣрить? кого слушаться? кому повиноваться—*той* ли, знаменъ которой не видно, или *тому*, котораго бѣлое съ раскольничьимъ крестомъ знамя облетѣло всю Россію и вездѣ наводило ужасъ.

И едва улеглась за городомъ пыль, поднятая толпами самозванца, какъ съ противоположной стороны опять встаетъ облако пыли. Это скачетъ „грозный гонитель“ Пугачева со своей неутомимой конницей. Но ему останавливаться въ Царицынѣ некогда. Ему надо гнать грозный призракъ, который уже становился его жертвой. Конница его изнурена. Фуража нѣтъ, а идти надо, потому что въ то страшное время одинъ часъ стоилъ Россіи большихъ жертвъ.

Входя въ Царицынъ, Михельсонъ писалъ Цыплетеву; „Вслѣдтвіе даннаго мнѣ отверстаго повелѣнія, объявленнаго вашему высокоблагородію, прошу, къ достиженію государственнаго злодѣя Емельки Пугачева, приказать явиться наискорѣе въ команду мою, какъ донскаго, такъ и волжскаго войска начальникамъ съ ихъ казаками, набравъ оныхъ елико возможно болѣе, въ подкрѣпленіе моей изнуренной конницы; равномѣрно ваше высокоблагородіе прошу, въ разсужденіи степнаго мѣста, коимъ я долженъ буду идти, приказать

нагрузить судно фуражемъ и провіантомъ, сѣномъ до пяти тысячъ пудъ, овса пятьсотъ четвертей, который фуражъ и провіантъ, нагрузивъ на судно, прошу, дабы елико возможно скорѣе приказать за конвоемъ отправить внизъ по Волгѣ, съ наставленіемъ находиться всегда въ равной дистанціи противу деташемента; ежели же толикаго числа фуража заготовленнаго не имѣется, то, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, прошу приказать оный брать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только найдется, подъ квитанціи или за деньги, на счетъ казны провіантской суммы."

Это было за двое сутокъ до пораженія самозванца, который бѣжавъ изъ-подъ Царицына, остановился въ 20 верстахъ отъ этого города „коротать ночь", какъ доносили въ этотъ-же день Цыплетеву донскіе казаки, гнавшіеся за бѣглецами и отбившіе у нихъ по дорогѣ пушку, „двѣ хорунги" (два знамени) съ большимъ числомъ плѣнныхъ.

Вступая въ Царицынъ, Михельсонъ писалъ также Цыплетеву: „при семъ посылаются въ толпѣ разныхъ командъ девяносто, крестьянъ сто девяносто человѣкъ, которые отдаются на разсмотрѣніе вашего высокоблагородія. Посланныхъ въ конвоѣ малороссійскихъ казаковъ прикажите отдать въ команду ротмистру Савельеву, а мещеряковъ и башкиръ прошу довольствовать провіантомъ по даннымъ имъ атестатамъ. Впрочемъ съ отмѣннымъ почтеніемъ имѣю честь именоваться..... полковникъ Михельсонъ."

Михельсонъ оставлялъ такимъ образомъ лишнюю тяжесть, чтобъ съ легкою конницею удобнѣе было настигнуть самозванца. Не остановись Пугачевъ „коротать ночь" ниже Царицына и не промедли цѣлыя сутки со своими наложницами въ Сарептѣ, Михельсонъ, можетъ быть, и не успѣлъ бы застигнуть его при Солениковой ватагѣ. Но самозванецъ, вѣроятно, не предполагалъ, что за нимъ гонится такая неутомимая личность, какъ Михельсонъ.

Послѣ этого прошло два дня. Въ архивномъ дѣлѣ, изъ котораго мы извлекаемъ эти подробности, каждая бумага говоритъ о какой-то горячечной поспѣшности, съ которою совершалось одно событіе за другимъ. Между бумагой, содержащей въ себѣ письмо Михельсона къ Цыплетеву, писанное въ день вступленія въ Царицынъ, и извѣстіемъ, сообщеннымъ ему Михельсономъ же о пораженіи

самозванца, вы перелистываете въ дѣлѣ цѣлую кучу бумагъ, подшитыхъ въ эти два критическіе дня и содержащихъ въ себѣ рапорты и письма лицъ, бывшихъ съ самозванцемъ или гнавшихся за нимъ или разбитыхъ имъ.

Наконецъ на 240 страницѣ вы видите опять знакомую вамъ руку Михельсона. Это—радостное извѣстіе о побѣдѣ надъ Пугачевымъ, о побѣдѣ, которая такъ высоко поставила имя Михельсона въ ряду знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, которая пріобрѣла ему громкую страницу въ исторіи XVIII вѣка и которая впослѣдствіи выдвинула Михельсона изъ ранга дюжинныхъ полковниковъ въ званіе главнокомандующаго военными силами Россіи. Этого документа мы нигдѣ не видѣли напечатаннымъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ свое время онъ облетѣлъ всю Россію, цитировался въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ ордеровъ, рапортовъ, промеморій, указовъ и писемъ, читался и лицами, заправлявшими судьбою Россіи, и послѣдними изъ ея подданныхъ. Драгоцѣнный документъ этотъ коротокъ и хотя своей сжатостью не напоминаетъ знаменитаго цезаревскаго донесенія римскому сенату (veni, vidi, vici), однако для Россіи и ея спокойствія значилъ больше, чѣмъ хвастливый рапортъ Цезаря для римской республики и ея потданныхъ.

Вотъ этотъ драгоцѣнный документъ:

„Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и царицынскій комендантъ, милостивый государь мой! Сего числа, на разсвѣтѣ, я злодѣя Пугачева атаковалъ, съ небольшимъ урономъ съ нашей стороны, совершенно разбилъ, всѣ пушки, числомъ девятнадцать, единороговъ четыре, мортиръ пудовыхъ одну и весь обозъ отнялъ; на мѣстѣ побитыхъ болѣе двухъ тысячъ; живыхъ взято тысячъ шесть; въ числѣ коихъ вся саратовская и оставшая легкая полевая команда. Злодѣй съ малымъ числомъ бѣжитъ. Вся моя конница его преслѣдуетъ. О чемъ вашему высокоблагородію сообщаю, дабы вы могли взять свои мѣры и предосторожности, когда въ случаѣ злодѣй захочетъ пробраться въ близости вашей крѣпости. Арестантовъ сего числа къ вашему высокоблагородію отправляя, прошу изготовить для нихъ провіанта. Судно съ овсомъ и сѣномъ ко мнѣ прибыло. Въ протчемъ съ почтеніемъ моимъ имѣю честь именоваться“ и т. д...

Разсказываютъ, что когда Суворовъ узналъ о послѣднемъ пораженіи самозванца Михельсономъ, онъ сказалъ:

— Михельсонъ... все Михельсоны!.. Отчего-жъ не Михайловъ?

— Такого нѣтъ здѣсь полковника, отвѣчали ему.

— Какіе же есть? спросилъ онъ.

— Муфель, Меллинъ.... ([1])

— Помилуй Богъ! Это все Михельсоны: они поймаютъ Емельку.... А еще кто его ловитъ?

Ему назвали нѣсколько русскихъ фамилій, въ томъ числѣ неудачно бившихся съ самозванцемъ генераловъ, которыхъ именъ мы не приводимъ.

— Помилуй Богъ! Они упустятъ Емельку.

Что выражалъ своими словами Суворовъ—иронію ли надъ нѣмцами или похвалу имъ—мы не беремся рѣшить.

Какъ бы то ни было, но Михельсонъ нанесъ рѣшительное пораженіе Пучачеву. Послѣ этого пораженія ему оправиться было уже не легко. Побѣдитель недолго медлилъ на мѣстѣ битвы. На другой же день отправилъ онъ къ Цыплетеву, за особымъ конвоемъ, толпы плѣнныхъ, отнятую у Пугачева артилерію, боевые патроны, въ которыхъ не имѣлъ недостатка, „и не малое число дворянскихъ дѣвицъ и дворянъ, коимъ (писалъ онъ при этомъ Цыплетеву) прошу дѣлать всякое вспомоществованіе въ квартирахъ и въ отправленіи въ ихъ домы.“ Арестантовъ просилъ разобрать и „сумнительныхъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ.“ Къ этому Михельсонъ присовокуплялъ: „о злодѣѣ имѣю извѣстіе, что перебѣжалъ черезъ Волгу человѣкахъ въ тридцати, да еще въ разныхъ мѣстахъ человѣкъ со сто, о чемъ вашему высокоблагородію къ взятію своей предосторожности и дѣланія всевозможные поиски по той сторонѣ Волги сообщаю, и объ отправленіи прилагаемаго при семъ конверта покорно прошу.“

Въ такомъ положеніи находились дѣла самозванца, когда Ива-

([1]) Михельсонъ, Муфель и Меллинъ дѣйствовали быстрѣе прочихъ командировъ. Когда другіе генералы отстали отъ самозванца, эти постоянно гнались за нимъ по пятамъ.

новъ, не имѣя вѣрныхъ свѣденій о томъ, что дѣлаетъ Пугачевъ, и опасаясь прямо врываться въ станицы донскихъ казаковъ, повелъ свои „толпища“ къ Бузулуку, Хопру и Медвѣдицѣ.

X.

Посмотримъ теперь что дѣлалъ въ этотъ промежутокъ времени Ивановъ со своими „толпищами“.

Вѣсть о пораженіи самозванца дошла къ нему очень поздно. Когда самозванецъ, видя безполезность усилій устоять противъ своего „грознаго гонителя“, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ приближенныхъ обратился въ бѣгство и перекинулся за Волгу, унося съ собой свое бѣлое знамя, ничтожные остатки толпы его, спасшіеся отъ плѣна, разсѣялись по степи. Кто не попался въ плѣнъ, тотъ утонулъ въ Волгѣ, другіе погибли подъ казацкими пиками и подъ саблями михельсоновской конницы. Большую часть плѣнныхъ погнали къ Цыплетеву. Тѣ, которые ушли въ степь, должны были подумать о своихъ головахъ. Въ донскія станицы было не безопасно пробираться. По саратовской дорогѣ, къ Царицыну, также не было проходу за войсками правительства, которыя прибывали деташементъ за деташементомъ. Невзятые въ плѣнъ, скитаясь по нѣскольку дней безъ пристанища и пищи, сами шли въ Царицынъ и въ другіе города и отдавались въ руки законныхъ властей. Болѣе виновныя или болѣе безпокойныя личности искали спасенія въ бродяжничествѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ набрели на шайку Иванова, которая, какъ мы упомянули выше, дѣйствовала у окраинъ земли войска донскаго, придерживаясь преимущественно „россійскихъ селеніевъ“, гдѣ мѣстныя власти, хотя и смотрѣли за всѣмъ „недреманнымъ окомъ“, только ничего, кажется, не видѣли.

Эти-то бѣглецы и принесли Иванову вѣсть о пораженіи самозванца.

— Какъ Богъ милуетъ нашего батюшку, царя всемилостивѣйшаго? спрашивалъ Ивановъ бѣглецовъ.

Тѣ отвѣчали, что царь проигралъ битву, что „проклятые-де злодѣи и измѣнники учинили ему великую баталію“ за Царицынымъ и „продерзостно“ въ самого царя стрѣляли...

— Сбили царское знамя и, атаковавъ, обозъ захватили... Наше войско, оторопѣвъ, натиску не сдержало.

— Гдѣжъ находится государь со своими генералами?

— Самимъ намъ невѣдомо, гдѣ пребываетъ и что съ нимъ... Сказывали вѣрные люди, что вся-де армія въ полонъ взята, а самъ государь со своимъ „дворомъ" путь свой къ Гурьеву-городку наклоняетъ.

— Сказывали-де и то, что Кабарду замыслилъ вести на непокорную россійскую державу.

— Съ отоманской портой миръ, слышно, заключенъ на вѣчныя времена, замѣтилъ монахъ, бывшій при Ивановѣ, какъ мы говорили выше.

— О мирѣ сказываютъ, что это ложно выдумано, для страху, говорили бѣглецы.

При этомъ они разсказали о самомъ началѣ битвы при Солениковой ватагѣ. Она началась на разсвѣтѣ 25 августа. Когда прояснилось и пугачевцы увидѣли „злодѣйскую" (т. е. правительственную) „конницу", самозванецъ выбѣжалъ къ своему войску.

— Стойте, други, за вѣру и за царя своего законнаго; постою и я за васъ, коль скоро прародительскій престолъ достану, говорилъ самозванецъ къ народу.

— Постоимъ, государь, за тебя и за наслѣдника твоего Павла Петровича.

Тогда самозванецъ перекрестился и велѣлъ ударить на Михельсона.

— Идите смѣло, дѣтушки!.. Богу неугодно было отдать меня въ руки злодѣйскія (обратился онъ къ донскимъ и волжскимъ казакамъ, которые вмѣстѣ съ яицкими составляли передовой отрядъ): за ихъ окаянство послѣдуетъ жестокое имъ наказаніе, а вамъ и вашимъ дѣтямъ и внукамъ, до самаго послѣдняго потомства, будетъ моя царская милость и отъ наслѣдниковъ моихъ возвышены будете надъ проклятымъ родомъ дворянъ.

Мы не знаемъ, о какомъ „царскомъ знаменіи" говорится здѣсь. Изъ архивныхъ дѣлъ мы видѣли, что у Пугачева было много знаменъ, начиная отъ простыхъ бѣлыхъ съ раскольничьими на нихъ крестами и кончая знаменами съ изображеніями разныхъ святыхъ.

Но у Пугачева было еще „гольштинское знамя“, до сихъ поръ остающееся загадкой для историковъ той эпохи. Нѣтъ никакого указанія на то, какимъ образомъ знамя это могло попасть къ самозванцу, если только не допустить очень сложную и очень широкую интригу, пружины которой тщательно прятались въ самомъ Петербургѣ, можетъ быть даже во дворцѣ ([1]) и пожалуй въ кабинетахъ иностранныхъ недоброжелателей Россіи. Быть можетъ, подъ „царскимъ знаменемъ“ разумѣется это таинственное „гольштинское знамя“, но, сколько намъ извѣстно, оно утрачено было самозванцемъ подъ Царицынымъ, хотя въ царицынскихъ архивныхъ дѣлахъ и нѣтъ указанія на это обстоятельство.

Ивановъ, получивъ эти нерадостныя вѣсти о пораженіи самозванца, строго („накрѣпко“) запретилъ бѣглецамъ распускать въ толпѣ эти слухи, а напротивъ воспользовался ихъ приходомъ для своихъ цѣлей. Между этими бѣглецами было двое яицкихъ казаковъ, которые служили въ толпѣ самозванца отъ самаго появленія Пугачева, въ качествѣ царя, передъ Яицкомъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ войскѣ самозванца „хорунжимъ“, т. е. держалъ во время сраженій „хорунгу“ (хоругвь, знамя).

Когда Михельсонъ сталъ одолѣвать скопище Пугачева при Солениковой ватагѣ, когда „царское знамя“ упало и большая часть пугачевцевъ „въ бѣги обратились“, хорунжій этотъ, видя, что и на него несется партія гусаръ, сорвалъ знамя съ древка и спряталъ его за пазуху „для сбереженія царской чести“. Съ этимъ знаменемъ онъ и убѣжалъ, когда увидѣвъ общее смятеніе и бѣгство. Онъ показалъ это знамя Иванову. Оно было изъ числа старыхъ знаменъ, принадлежавшихъ яицкому войску.

Тогда онъ приказалъ сдѣлать сборъ своему „толпищу.“ Это было у верховьевъ рѣки Бузулука, на степи, гдѣ толпы Иванова останавливались на ночлегъ. Барабанщики забили въ барабаны, а конные разъѣзжали по толпѣ и кричали къ народу, чтобы всѣ

([1]) Вѣдь подбрасывались же въ самые покои императрицы «воровскія», т. е. пугачевскія письма, и никто не могъ знать, чья «продерзостная рука» шалила такъ отважно во дворцѣ (см. нашу «Пугачевщину»).

шли къ палаткѣ полковника „слушать царскую милость.“ Толпа обступила палатку, гдѣ оставлена была небольшая площадка, окруженная цѣпью конныхъ и пѣшихъ, которые держали собою „начало.“ Когда всѣ собрались, изъ палатки вышелъ Ивановъ со своимъ братомъ, за ними вышли нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ, находившіеся въ толпѣ Иванова, извѣстный уже намъ раскольничій монахъ и бѣглецы, принесшіе вѣсть о пораженіи самозванца. Вынесли изъ палатки и знамя, которое принесъ съ собой пугачевскій хорунжій. Ивановъ взялъ знамя и поднялъ его надъ головою. Тутъ онъ сталъ говорить, чтобъ всѣ его слышали, что „всемилостивѣйшій государь Петръ Ѳедоровичъ, по разбитіи и искорененіи злодѣйскихъ войскъ“ ниже Царицына, получивъ извѣстіе о неизмѣнной вѣрности къ нему той части его арміи, которая была съ Ивановымъ, жалуетъ своимъ „дѣтушкамъ“, по своей царской милости, одно изъ самыхъ старинныхъ и почитаемыхъ „вѣрными яицкими казаками“ знаменъ. При этомъ яицкіе казаки и другіе конные бросали вверхъ шапки и кричали:

„Рады служить и впредь его царскому величеству!“

Въ толпѣ тоже стали бросать шапки вверхъ.

— Подождите, атаманы-молодцы, дайте послушать, что еще намъ отъ царя наказано.

— Царская воля наказана — бить злодѣевъ и супротивниковъ, кричали казаки.

— Наказалъ государь, говорилъ Ивановъ, что скоро отъ подушнаго окладу и рекрутскаго набору будутъ всѣ вольны.

— Дай Богъ здравія батюшкѣ-государю, кричала толпа.

— Почемъ соль приказалъ государь отпущать? спрашивали другіе.

— По двадцати копѣекъ пудъ.

Въ толпѣ долго раздавались крики. Народъ радовался. Всѣ цѣловались другъ съ другомъ и поздравляли одинъ другаго, что „помѣщиковъ больше не будетъ.“

Между тѣмъ и противъ Иванова съ его толпищемъ собиралась гроза. Какъ мы говорили выше, казаки, которыми располагало войско донское, всѣ соединились въ отряды подъ предводительствомъ походнаго атамана Абросима Луковкина и подъ начальствомъ пол-

ковниковъ и войсковыхъ старшинъ Грековыхъ, Денисовыхъ, Кутейникова, Кульбакова, Манкова, Янова, Поздѣева, Вуколова и другихъ, и одна часть ихъ расположилась по царицынской линіи и слѣдовательно должна была участвовать въ битвахъ съ толпами самозванца и съ самимъ Пугачевымъ выше Царицына, около Царицына и ниже этого, а другая растянулась отдѣльными отрядами по окраинамъ земель донскаго войска, гдѣ онѣ соприкасаются съ „россійскими мѣстами." И тѣмъ и другимъ отрядамъ предстояло не мало работы, хотя послѣднимъ партіямъ не выпало на долю биться противъ самого Пугачева. За то имъ предстоялъ трудъ остановить пожаръ возмущенія въ мѣстностяхъ, соединявшихся съ наиболѣе населенными нашими губерніями.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда Пугачева безполезно старались схватить за Волгой, гдѣ гонялись за нимъ со своими отрядами Суворовъ, Муфель, Меллинъ и другіе, Абросимъ Луковкинъ между прочимъ писалъ: „Я съ командою моею на рѣчку Мачиху, которая за Филоновскою станицею къ русскимъ поселкамъ состоитъ въ шестидесяти верстахъ, прибылъ, гдѣ и занялъ въ удобномъ мѣстѣ дистанцію. Господъ полковниковъ расположилъ: Янова на Карданлѣ, выше Зубриловыхъ хуторовъ, Вуколова на Бузулуцкомъ перелазѣ, а старшину Кульбакова на Медвѣдицѣ, за Березовскою станицею."

Такимъ образомъ вся линія, ведущая отъ русскихъ поселковъ къ донскимъ землямъ, была оцѣплена отрядами. Отряды эти расположились слѣдовательно на пути, по которому приходилось подвигаться шайкамъ Иванова и гдѣ онъ рыскалъ уже нѣсколько недѣль, безпрестанно мѣняя направленіе: то его видѣли на Бузулукѣ, слѣдовательно недалеко отъ „бузулуцкаго перелаза," о которомъ говоритъ Луковкинъ, то выше Березовской станицы, на Медвѣдицѣ, въ Даниловкѣ, Мариновкѣ и Каменовыхъ хуторахъ, то на Хопрѣ. Избравъ опредѣленную позицію, Луковкинъ разсылалъ небольшіе отряды казаковъ для развѣдыванія о злодѣяхъ. Одна изъ такихъ партій, посланная имъ въ „великороссійскіе поселки," наткнулась на подобную же партію, посланную товарищемъ Иванова тоже—въ необходимыхъ случаяхъ—называвшимъ себя полковникомъ. Надо замѣтить, что Ивановъ, какъ и самъ Пугачевъ,

впереди всей толпы, которою онъ предводительствовалъ, всегда посылалъ своихъ эмисаровъ, которые и должны были извѣдать по дорогѣ жителей о томъ, что „вотъ-де отъ государя Петра Ѳедоровича, черезъ день или два, съ милостію пріѣдетъ команда и онѣ-бъ ее встрѣтили всѣ отъ старова до малова, при попѣ, съ колокольнымъ звономъ,“ что „при ней-де будетъ подполковникъ или полковникъ.“ Эти эмисары кромѣ того вербовали въ свои шайки народъ, приказывали готовить провіантъ и лучшихъ людей вооружать и высылать въ царскую „вольную“ службу. Вотъ на такихъ-то эмисаровъ набѣжала передовая казацкая партія, отряженная Луковкинымъ для развѣдыванія и „поимки языка“. Эмисары были захвачены въ селѣ Красавкѣ и шестеро изъ нихъ „изловлены“ и представлены къ Луковкину. Другіе девять успѣли спастись бѣгствомъ.

Отъ эмисаровъ (одинъ изъ нихъ назывался Зиновьевымъ, другой Ельгуновымъ; былъ между ними и казакъ хоперской крѣпости Фенинъ и выключенный изъ симбирскаго баталіона капралъ Апачковъ) Луковкинъ узналъ, что они посланы „толпы злодѣйской отъ предводителя, изъ крестьянъ, называющаго (ся) полковникомъ, Ивана Михайлова (кажется, это имя Каменскаго, товарища Иванова и отчасти подчиненнаго ему), съ села Аркадаку въ селы Пещанку и Острова для набору людей и заготовленія провіанта и фуража къ ево приходу, въ коей толпѣ злодѣевъ болѣе тысячи человѣкъ, разнаго званія мужиковъ и хохловъ и пять самыхъ малыхъ пушачакъ, изъ коихъ двѣ мѣдныя, а три чугунныя, и оныя три не болѣе какъ аршина.“ Луковкинъ успѣлъ также узнать, что „идетъ та толпа отъ Пензы, и намѣрены иттить, по ихъ объявленію, съ села Тростянки на село Засѣцкое и къ городу Саратову, въ соединеніе злодѣя и тирана Пугачева.“

Или эмисары эти ложно показывали, или они сами хорошенько не знали, куда ведутъ ихъ предводители, только едва-ли можно думать, чтобъ партіи пугачевскихъ полковниковъ, бродившія у окраинъ войска донскаго, располагали идти на Саратовъ и чтобъ онѣ выбирали такой кривой путь—отъ Пензы къ границамъ донскаго войска, а оттуда назадъ въ Саратовъ, когда Пугачевъ давно прошелъ уже Царицынъ, былъ разбитъ Михельсономъ и за Волгой

рыскалъ какъ вѣтеръ, укрываясь отъ отрядовъ Суворова, Муфеля, Меллина и другихъ генераловъ и полковниковъ. Можетъ быть и то, что захваченные Луковкинымъ эмисары принадлежали къ той части „толпищъ“ Иванова, которою предводительствовалъ Каменскій или одинъ изъ его подполковниковъ или есауловъ, что и подтверждается послѣдующими реляціями Луковкина.

Получивъ эти извѣстія, Луковкинъ изъ Мачихи отправился къ своимъ отрядамъ, а захваченныхъ эмисаровъ отправилъ „по способности“ въ Нохоперскую крѣпость. Надо было дѣйствовать стремительно. Эмисары говорили, что въ ихъ толпѣ болѣе тысячи человѣкъ и пять пушекъ; но на ихъ слова не вполнѣ можно было положиться: могло быть въ толпѣ и нѣсколько тысячъ, да и артилерія могла состоять не изъ пяти только „пушекъ“.

Приготовивъ все необходимое къ битвѣ, Луковкинъ писалъ Цыплетеву: „Я, призвавъ Бога въ помощь, по соединеніи съ командою моею, для поиску слѣдовать имѣю къ оной толпѣ.“

Но Ивановъ не дожидался нападенія отрядовъ донскаго войска, а заблаговременно принялъ свои мѣры. По видимому, вѣсть о пораженіи Пугачева сильно смутила его, хотя онъ и разыгралъ комедію передъ народомъ, объявляя всѣмъ, что самозванецъ разбилъ „московское войско“, прислалъ на толпу Иванова жалованное знамя въ знакъ своей милости. Надо было думать или о спасеніи, или о соединеніи съ самозванцемъ, чтобъ лично узнать, какая ожидаетъ ихъ всѣхъ участь. Къ тому же въ народѣ начали ходить слухи, что скопища Пугачева дѣйствительно разбиты и что онъ пропалъ безъ вѣсти.

Вслѣдствіе всего этого Ивановъ рѣшился дѣйствовать, но только не по прежней программѣ дѣйствій. У него оставался еще одинъ выходъ — поручить начальство надъ своимъ „толпищемъ“ одному изъ своихъ помощниковъ и поразвѣдать о средствахъ выхода изъ этого двусмысленнаго положенія.

Тогда онъ обратился къ раскольникамъ. Въ его шайкѣ, какъ мы видѣли, находился раскольническій монахъ, и съ нимъ вмѣстѣ они задумали спасти свои головы съ помощью такихъ средствъ, какими могли располагать одни только раскольники.

Вообще участіе раскольниковъ въ пугачевской интригѣ далеко

не объяснено. И Пушкинъ, и Щебальскій касались этого вопроса; но далеко не уяснили его тайныхъ сторонъ. А что были и остались тайныя стороны въ этой интригѣ—это несомнѣнно.

Раскольники первые подали Пугачеву мысль назваться именемъ умершаго государя, когда Пугачевъ, въ качествѣ бѣглаго, косилъ траву въ Добрянкѣ, пробираясь изъ-за польской границы, куда онъ бѣжалъ, послѣ разныхъ провинностей, изъ своей родной станицы. Раскольники дали ему денегъ и послали его отъ польской границы на Иргизъ, гдѣ уже были тогда раскольничьи скиты. По дорогѣ отъ польской границы до Саратова и до самаго Иргиза Пугачевъ вездѣ находилъ пріютъ у раскольниковъ, которые снабжали его весьма крупными суммами денегъ и отправляли далѣе, совѣтуя ему зайти къ такому-то „доброму человѣку", а этотъ добрый человѣкъ, снабдивъ бѣглеца съ своей стороны деньгами, отправлялъ его еще къ какому нибудь „доброму человѣку". На Иргизѣ онъ также жилъ у раскольничьихъ старцевъ (1). Въ Казани, когда Пугачевъ сидѣлъ въ острогѣ, ему тоже покровительствовали раскольники. Раскольники устроили его бѣгство изъ казанской тюрьмы. Раскольники же руководили и дальнѣйшимъ ходомъ интриги. Не даромъ у самозванца было раскольничье знамя. Не даромъ въ манифестахъ своихъ онъ жаловалъ русскій народъ „крестомъ съ бородою". А кому неизвѣстно, какія средства употребляютъ раскольники для тайныхъ сношеній, какъ между своими членами, такъ и съ правительственными лицами. Только въ послѣднее время стали раскрываться эти интриги; но еще далеко до полнаго ихъ обнаруженія. И въ прошломъ вѣкѣ между раскольниками было безъ сомнѣнія не мало такихъ, которые, и не принадлежа къ расколу по убѣжденіямъ, могли дѣйствовать за-одно съ раскольниками для извѣстныхъ политическихъ цѣлей.

Раскольническій монахъ рѣшился провести и Иванова въ иргизскіе скиты, чтобы или скрыться тамъ отъ преслѣдованія властей, или выйдти на сцену съ большею увѣренностію на успѣхъ (2).

---

(1) «Допросы Пугачеву», въ Чт. Моск. Общ. за 1858 г.

(2) Что на Иргизѣ удобно было скрыться отъ всякихъ поисковъ, видно изъ «Исторіи походовъ Суворова» Антинга, который безъ сомнѣ-

У насъ было подъ руками дѣло изъ стараго архива города Петровска, гдѣ находится показаніе одного петровскаго купца, раскольника, бывшаго въ шайкѣ Иванова. Фамилія этого купца — Чуринъ.

Когда до Иванова дошло извѣстіе о роковой для самозванца „баталіи“ при Солениковой ватагѣ, онъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій, поручивъ начальство надъ всею своею шайкою другому лицу, можетъ быть Каменскому, съ нѣсколькими другими казаками, съ раскольничьимъ монахомъ и Чуринымъ отправился въ ночное время по направленію къ слободѣ Руднѣ, стоящей на Медвѣдицѣ верстахъ въ 30 или 40 выше границъ донскаго войска. Въ Руднѣ они остановились у тамошняго обывателя, родомъ малороссіянина, тоже раскольника, имѣвшаго, какъ видно, сношенія съ иргизскими и другими раскольниками. Поздоровавшись съ хозяиномъ, Ивановъ заговорилъ, что для Россіи настаютъ опять тяжелыя времена.

— Дошли и до насъ слухи о томъ, что государевы арміи разбиты злодѣями, замѣтилъ хозяинъ.

— А вѣдомо-ль, гдѣ государь обрѣтается? спросилъ Ивановъ.

— Сего доподлинно знать невозможно, отвѣчалъ хозяинъ.

Тогда пріѣзжіе стали совѣтоваться съ хозяиномъ, что имъ дѣлать.

— Сему горю помочь еще можно, сказалъ хозяинъ.

— Какимъ же способомъ? спросили его.

— Есть у меня, други мои, отвѣчалъ хозяинъ, и въ Саратовѣ, и въ Малыковкѣ, и на Иргизахъ благопріятели, почтенные люди: отъ нихъ я узнаю, какое намъ рѣшеніе принять въ нашемъ дѣлѣ.

нія воспользовался для своей исторіи документами не всѣмъ доступными или такими, которые могъ сообщить ему самъ Суворовъ, и говоритъ, что когда сообщники самозванца, послѣ пораженія его Михельсономъ, рѣшились выдать его правительству, то многіе изъ нихъ, несогласные съ этимъ рѣшеніемъ «au nombre d'environ cent hommes étaient restés épars chez les hermites.» См. Anthing, I v., p. 163.

— А какъ скоро сіе совершить можешь?

— Жду я вѣрнаго человѣка изъ города Саратова: что онъ привезетъ, о томъ и вы извѣстны черезъ меня будете.

„А что привезетъ, того не объявимъ,“ добавилъ Чуринъ въ своемъ показаніи.

Въ Руднѣ они пробыли сутки, но никого не дождались изъ Саратова. Такъ какъ Иванову нельзя было дольше оставаться тамъ, то они и простились съ хозяиномъ, прося его извѣстить ихъ о томъ, что они должны будутъ предпринять, сообразуясь съ вѣстями, которыя должны были получиться изъ Саратова.

— Если и послѣдуетъ на васъ гоненіе, то вамъ дано будетъ на Дону убѣжище, и я къ тому вамъ способствовать буду, говорилъ хозяинъ на прощаньи.

XI.

Съ этого времени Ивановъ какъ бы пересталъ дѣйствовать. Получилъ ли онъ какія-либо вѣсти изъ Саратова, были ли эти вѣсти сколько нибудь благопріятны для него — этого ничего не видно изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ. Но хотя самая личность Иванова и исчезаетъ, однако шайка его продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока не была разбита окончательно и главные ея коноводы не разсѣялись или не были взяты въ плѣнъ. Можно полагать, что раскольники дѣйствительно дали ему способъ укрыться отъ преслѣдованія властей. Въ дѣлѣ есть указаніе на то, что Абросимъ Луковкинъ разыскивалъ Иванова у какого-то раскольничьяго попа Евсея въ слободѣ Хрущевкѣ, но тамъ сказали, что никакого у нихъ злодѣйскаго полковника не было.

Мы видѣли выше, что въ первыхъ числахъ сентября Луковкинъ, получивъ отъ пойманныхъ имъ пугачевцевъ извѣстіе о приближеніи злодѣйской толпы, предводительствуемой какимъ-то полковникомъ Иваномъ Михайловымъ, пошелъ противъ нея со своимъ отрядомъ.

Въ Баландинскомъ городкѣ [1] онъ настигъ эту толпу, но толь-

---

[1] Баланда или Баландинскій городокъ находится въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи.

ко не въ тысячѣ человѣкъ, а въ двухъ тысячахъ, и разбилъ ее на голову.

„Вчерашняго числа на разсвѣтѣ, писалъ Луковкинъ Цыплетеву, я съ господами полковниками Лащилинымъ и Вуколовымъ и чугуевскаго казацкаго полку порутчикомъ Пасмуровымъ команды моей съ донскими и малой части чугуевскими и новокрепскими (новохоперскими?) казаками, призвавъ Всевышняго Бога въ помощь, толпу злодѣйскую, ту, которая волочилась въ числѣ двѣ тысячъ человѣкъ, при называющемъ злодѣйскомъ полковникѣ Каменскомъ, который родомъ житель города Острогожска, по рѣкамъ Воронѣ и Хопру, по разнымъ селамъ и чинилъ немалыя разоренія, вѣшалъ дворянъ и разныхъ чиновъ людей, пензенскаго уѣзду въ слободѣ Баландѣ въ прахъ разбилъ безъ всякаго съ нашей стороны урону, и болѣе трехъ сотъ злодѣевъ въ смерть побито, а въ плѣнъ взято девяносто-семь человѣкъ разнаго званія“ и т. д.

Хотя Луковкинъ и говоритъ, что толпою этою предводительствовалъ полковникъ Каменскій, однако, какъ мы увидимъ ниже, всѣми этими нестройными массами, бродившими въ описываемой нами мѣстности, располагалъ собственно Ивановъ. Не видно только, принималъ-ли онъ участіе въ битвѣ или благоразумно уклонился, хотя скорѣе можно думать, что послѣ поѣздки въ Рудню, гдѣ ему раскольники обѣщали дать возможность уйти благополучно на Донъ, онъ уже не принималъ личнаго начальствованія надъ принадлежавшими ему полками, хотя и распоряжался, какъ главный начальникъ всѣхъ мѣстныхъ скопищъ.

Въ описываемой нами битвѣ Луковкинъ отбилъ у злодѣевъ шесть пушекъ, три чугунныхъ и три мѣдныхъ, а также немалое число „дротиковъ“ (пикъ), которые и розданы были казакамъ. Взятъ былъ также одинъ барабанъ.

Въ этой битвѣ погибъ и предводитель шайки, Каменскій. Спасаясь отъ преслѣдующихъ его казаковъ, онъ бросился въ протекающую тамъ рѣчку и утонулъ, и только на другой день посланные Луковкинымъ казаки вытащили изъ воды его трупъ посредствомъ невода (1). Разбитая „сволочь“ также большею частію бросилась

(1) «А бывшій въ той толпѣ предводитель, полковникъ Каменскій,

вплавь черезъ рѣку и также многіе изъ нихъ потонули; другіе разбѣжались по лѣсамъ; но и тамъ многіе казаками половлены.

Неизвѣстно, какъ великъ былъ отрядъ, которымъ начальствовалъ Луковкинъ, но какъ бы то ни было, побѣда, одержанная имъ, была немаловажна, тѣмъ болѣе, что она должна была имѣть благопріятныя послѣдствія, уничтоживъ то обаяніе, которое вообще слѣдовало за толпами, прикрывавшимися именемъ, украденнымъ у давно умершаго государя. До сихъ поръ мы видѣли, что побѣда всегда была на сторонѣ, враждебной правительству, что даже отдѣльныя шайки, дѣйствовавшія совершенно независимо отъ главнаго пугачевскаго скопища, вносили съ собою торжество демократико-анархическаго начала всюду, куда ни появлялись. Но въ нѣсколько дней счастіе измѣнило Пугачеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно отвернулось и отъ всѣхъ, принимавшихъ его сторону. Притомъ надо замѣтить, что и самые дни несчастій, постигавшихъ самозванца и его сторонниковъ, какъ бы совпадали по какому-то странному указанію осмысленнаго случая: 13-го сентября вытащили трупъ Каменскаго изъ воды; 13-го же сентября яицкіе казаки, бѣжавшіе послѣ пораженія самозванца Михельсономъ за Волгу, сговаривались уже выдать своего лжеимператора, а 14-го числа взяли Пугачева въ его уединенной ставкѣ. Пугачевъ могъ сказать, что несчастіе одно не приходитъ. Имя его уже теряло то страшное обаяніе, которымъ какъ-бы околдована была вся Россія въ продолженіи почти цѣлаго года.

Въ Баландѣ послѣ только-что описаной нами битвы Луковкинъ напалъ на слѣдъ и самаго Иванова, хотя за всѣми его усиліями не могъ выслѣдить.

Это было такимъ образомъ: въ числѣ взятыхъ Луковкинымъ въ плѣнъ въ баландинскомъ сраженіи находилась жена погибшао полковника Каменскаго, да тутъ-же былъ взятъ въ плѣнъ дворянинъ Чевкинъ. Они-то и указали Луковкину на слѣдъ главнаго предводителя помянутыхъ шаекъ. „Изъ нихъ плѣнныхъ (говоритъ Луков-

---

бросясь въ предрѣчную рѣчку Баланду, утопился, которой сего числа изъ той рѣчки изъ воды, посланными отъ меня казаками, по глубокости рѣчки, приволокою вытащенъ и всѣми обывателями признанъ.

кинъ) чрезъ одного дворянина, Николая Чевкина, также и жену злодѣя Камеленова Варвару я свѣдалъ, что за рѣкою Хопромъ, выше Аркадаку и отъ села Ключей въ трехъ верстахъ, въ слободѣ Хрущевкѣ у раскольничьяго попа Евсея кроитца злодѣйскій полковникъ Иванъ Ивановъ съ братомъ его, изъ простыхъ людей, а какихъ не знаютъ,—будто-бы *онъ всею объявленною толпою повелѣваетъ.*“

Луковкинъ узналъ, что недѣли двѣ или три тому назадъ Ивановъ самъ пріѣхалъ къ своей толпѣ и пригналъ партію „мужиковъ“, которую и отдалъ въ распоряженіе Каменскаго. Самъ же изъ толпы взялъ себѣ тридцать человѣкъ *лучшихъ людей* и отправился куда-то такъ, что никто не зналъ куда именно. Говорили только Луковкину, что предводители шаекъ соглашались соединиться съ самимъ злодѣемъ Пугачевымъ.

Безъ сомнѣнія, все это происходило послѣ свиданія Иванова и другихъ приближенныхъ его съ руднинскимъ раскольникомъ. Надо полагать, что Ивановъ счелъ за-нужное дѣйствовать по возможности скрытнѣе, вслѣдствіе полученныхъ имъ изъ Саратова неблагопріятныхъ для ихъ дѣла извѣстій. Какъ-бы то ни было, но Ивановъ исчезъ, и о дальнѣйшей его судьбѣ мы не находимъ въ дѣлахъ никакихъ указаній. Какъ всѣ предводители тогдашнихъ шаекъ и разбойничьи атаманы, Ивановъ безъ сомнѣнія былъ не тѣмъ лицомъ, за какое выдавалъ себя; фамилія его, вѣроятно, была другая; а какъ фамилія Иванова самая удобная, то онъ изъ предосторожности и принялъ ее, чтобы въ случаѣ опасности онъ могъ свалить свои преступленія на десятки и сотни другихъ Ивановыхъ. Можетъ быть, что онъ и попался въ руки правительства и объ немъ, вѣроятно, производилось розыскное дѣло, но только подъ другимъ именемъ. Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ Ивановъ пропалъ безъ вѣсти.

Но Луковкинъ не отказывался отъ намѣренія выслѣдить этого опаснаго бунтовщика. Съ одною донскою командою онъ отправился на поиски самъ, но поиски его были напрасны.

Въ то смутное время, когда началась расправа надъ провинившимися массами и правительственныя власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пострадавшіе чиновники и дворяне стали заботиться о томъ, какъ бы воротить свое потерянное, разграбленное и уничтоженное добро

и хоть чѣмъ нибудь выместить на народѣ, провинившемся и передъ ними и передъ закономъ,—народъ боялся всего, что только имѣлъ видъ разспросовъ и допросовъ. При Пугачевѣ они напуганы были вопросами: „за кого стоите"? „кому служите"?—потому что за неудачный отвѣтъ, за невпопадъ сказанное слово несчастныхъ кололи, стрѣляли и вѣшали. Но когда стала проходить пугачевская гроза, стало еще страшнѣе. Тамъ крестьяне знали что отвѣчать на вопросъ, за кого стоите? Отвѣчать: „за государыню"—страшно; отвѣчать: „за государя"—еще страшнѣе. Сегодня спрашивали ихъ тѣ, которые служили невѣдомому для нихъ государю; завтра спрашиваютъ другіе, служащіе столь же мало вѣдомой для нихъ государынѣ. Какъ мужику разобрать, кто правъ: можетъ быть, живъ государь, а можетъ статься и нѣтъ. Для „народа темнаго" это была неразрѣшимая дилемма. Надо было по неволѣ отвѣчать въ угоду тому, чья сабля поднималась надъ головой вопрошаемаго. Когда вѣтеръ повернулъ въ другую сторону, крестьянъ опять спрашивали все то-же, по видимому „законные начальники" (а кто ихъ разберетъ, законные ли они?..): „Видали ли злодѣевъ?" „Принимали у себя злодѣевъ?" А до перемѣны вѣтра другія лица, тоже по видимому законные начальники, спрашивали ихъ: „гдѣ злодѣи дворяне? Что же было дѣлать крестьянину? И кто въ концѣ концовъ были въ самомъ дѣлѣ злодѣи—они ли, другіе ли? Приходилось по этому всѣмъ отвѣчать: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Луковкину, такимъ образомъ, предстоялъ такой трудъ, который едва-ли могъ принести какіе-либо положительные результаты. Луковкинъ прошелъ со своими казаками села Олышанку, Борки, Уварово, Колѣна, Голицыно, Ключи, лежащія недалеко отъ тракта, ведущаго изъ Саратова на Тамбовъ. Но въ слободу Хрущовку, гдѣ по полученнымъ имъ извѣстіямъ, скрывался полковникъ Ивановъ съ братомъ у раскольническаго попа, Луковкинъ почему-то самъ не пошелъ, а командировалъ туда съ отрядомъ, изъ села Голицына, полковника Вуколова. Само собою разумѣется, что Вуколовъ ничего не могъ тамъ найдти.

— По прибытіи моемъ въ ту деревню Хрущевку, говорилъ Вуколовъ, я, съ командою, вышеписаннаго злодѣйскаго полковника Иванова съ братомъ старался сыскивать, но не нашелъ; а жители

той деревни объявили, что у нихъ не только во укрывательствѣ злодѣйскаго полковника Иванова съ братомъ ево не имѣлось, но и раскольничьяго попа Евсея никогда не бывало, въ чемъ и подписку дали.

Странно было и ждать другаго отвѣта отъ напуганныхъ крестьянъ. Еслибъ они видѣли Иванова у раскольничьяго попа и не поймали, они были бы виноваты въ своей оплошности и „нерачительности“ къ пользѣ ея Императорскаго Величества интересу.“ Слѣдовательно, если они и видѣли его, то не признались въ этомъ. Если же они видѣли его и скрывали, то еще меньше можно было ожидать отъ нихъ признанія. Такимъ образомъ обыватели Хрущовки дали Вуколову подписку, что черезъ ихъ деревню слѣдовала злодѣйская партія, а „въ какомъ числѣ, того знать было не можно,“ и прибавляли къ этому: „слышали, что при оной партіи назывался полковникомъ Иванъ Михайловъ, а гдѣ оной дѣвался, и по нынѣ не знаемъ. Подъ нашимъ же укрывательствомъ такожъ и называемаго полковника Ивана Иванова съ братомъ его, какъ въ нашей деревнѣ, такъ и попа Евсея, ихъ не было и никогда не видали, а если впредь таковые злодѣи являтца будутъ, то оные въ деревню нашу впущены не будутъ; должны таковыхъ изловить и по командѣ посылать, въ чемъ мы всею деревнею по христіанской должности подписку дали.“

Какъ бы то ни было, хотя Луковкину и не удалось захватить главнаго руководителя смуты, однако онъ могъ гордиться, что поразилъ непріятеля самымъ чувствительнымъ образомъ и главное—лишилъ его предводителя. При имѣющемся у насъ дѣлѣ находится поименный списокъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ Луковкинымъ въ Баландинской „баталіи“. Первое мѣсто въ спискѣ занимаетъ *полякъ*. Это — какъ выражено въ бумагѣ — „польскій гусарикъ Николай Степановъ,“ только фамиліи этого поляка не показано.

У Пугачева, какъ извѣстно, служило немало поляковъ. Это были большею частію польскіе конфедераты, взятые русскими въ плѣнъ и находившіеся въ ссылкѣ въ отдаленныхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ въ Казани, и въ Сибири. Въ Казани какимъ-то образомъ находились знаменитые Пулавскіе, приставшіе потомъ къ само-

званцу, графъ Потоцкій и другіе извѣстные конфедераты [1]. Само собою разумѣется, что поляки приняли сторону самозванца и служили ему. Они же находились въ другихъ толпахъ, предводительствуемыхъ пугачевскими полковниками. Къ этимъ конфедератамъ, надо полагать, принадлежалъ и такъ называемый „польскій гусарикъ,“ захвазченный Луковкинымъ въ шайкѣ Иванова и Каменскаго. Въ этой же шайкѣ захвачено было и нѣсколько помѣщиковъ, какъ-то: отставной корнетъ В. Д. Васильевъ, помѣщикъ же, отставной подпоручикъ Н. Н. Чевкинъ (который и указалъ Луковкину на слѣды Иванова) съ женою, помѣщикъ же, отставной поручикъ А. Л. Евсюковъ. Что дѣлали въ шайкѣ эти помѣщики, были ли они плѣнными или сами пристали къ разбойникамъ въ качествѣ демократовъ и партизановъ Пугачева, — мы не знаемъ. Но въ первомъ случаѣ они давно были бы повѣшены пугачевцами, а потому есть основаніе предполагать, что они пошли въ толпу охотою, подобно знаменитому секретарю самозванца Шванвичу, сыну бывшаго кронштадскаго коменданта. Взятъ былъ въ плѣнъ и полковой писарь Волковъ, бывшій дворовый человѣкъ князя Кольцова-Масальскаго. Взятъ былъ одинъ турокъ, который тоже попалъ въ толпу пугачевцевъ. Схваченъ былъ и „злодѣйскій барабанщикъ“ Капустинъ. Въ числѣ плѣнныхъ находилось немало малороссіянъ („малороссійской націи“), были и мордва, и чуваши, — солдаты. Тутъ же находились и два нарочныхъ, которые были отправлены съ пакетами изъ Новохоперской крѣпости и попались въ плѣнъ къ пугачевцамъ. Наконецъ, какъ мы сказали выше, взята была и жена предводителя шайки, Каменскаго. Она была взята имъ у помѣщика Мосалова изъ села Свищовки „изъ сѣнныхъ“ (горничная), Варвара Ивойлова.

Побѣда Луковкина надѣлала немало шума въ то горькое для Россіи время, когда побѣды внутри своего государства надъ своими же соотечественниками такъ мало давались русскимъ генераламъ и полковникамъ, и имя Луковкина съ именами Каменскаго и Ива-

---

[1] О значеніи поляковъ при Пугачевѣ см. у Пушкина, Щебальскаго и въ нашей «Пугачевщинѣ».

нова стало повторяться во множествѣ ордеровъ, промеморій, рапортовъ и реляцій. Объ этой побѣдѣ донское войско донесло и знаменитому Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще не свѣтлѣйшему князю таврическому, но уже генералъ-аншефу и военной колегіи вице-президенту. Луковкина поздравляли съ побѣдой, и въ томъ числѣ поздравилъ его Юрій Бибиковъ, который съ отрядомъ своимъ, въ числѣ прочихъ войскъ, тоже было вышелъ на встрѣчу шайкамъ Иванова и другихъ ему подобныхъ. Побѣда Луковкина вновь доказывала, что для войскъ правительства не окончательно была потеряна надежда на побѣды надъ страшнымъ врагомъ, который являлся уже не въ лицѣ одного Пугачева, а подобно призраку вставалъ въ каждой деревнѣ, куда только доходила вѣсть о томъ, что какой-то Петръ Ѳедоровичь всѣмъ даруетъ свободу, а соль велитъ отпускать по 20 копѣекъ пудъ. Побѣда Луковкина надъ Ивановымъ или надъ его factotum, Каменскимъ, была тѣмъ же отчасти, чѣмъ была и побѣда Михельсона надъ самимъ самозванцемъ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь коноводы шаекъ спаслись: Пугачевъ бросилъ свои нестройныя толпы и кинулся въ заволжскія степи; Ивановъ раньше подумалъ о своемъ спасеніи и отдѣлался счастливѣе Пугачева. Тамъ для пораженія Пугачева высланъ былъ Суворовъ; здѣсь для удержанія „толпищъ" Иванова и ему подобныхъ шелъ Бибиковъ. Но и Суворовъ, и Бибиковъ опоздали: перваго предупредилъ Михельсонъ, втораго Луковкинъ (¹).

После безуспѣшныхъ поисковъ надъ Ивановымъ и его соумы-

(¹) Вотъ что писалъ Бибиковъ Луковкину, по поводу его побѣды: «Сейчасъ получилъ отъ васъ рапортъ изъ деревни Голицыной. Читая оный, иного вамъ сказать ничего не могу, какъ всѣ сдѣланныя распоряженія къ разбитію и конечному истребленію злодѣевъ относятся къ вашей похвалѣ, о чемъ я и къ его сіятельству, господину генералъ-аншефу, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру Ивановичу Панину донесу. Поворотъ, вами сдѣланный, также резонно, ибо конечно вамъ дѣлать уже въ томъ мѣстѣ нечего, гдѣ есть войска, а совѣтую вамъ обратиться къ рѣкѣ Воронѣ и посмотрѣть, не шатаютца ли изъ разбитыхъ вами разбойниковъ малыми шайками и не дѣлаютъ ли селеніямъ вреда, а особливо по хуторамъ. Поздравя васъ со всѣми вашими успѣхами и желая впредь всякаго вамъ благополучія, остаюсь»... и т. д.

шленниками Луковкинъ отъ села Ключей направился внизъ по Хопру на село Аркадакъ. Оттуда онъ командировалъ полковника Вуколова вверхъ по Большому Аркадаку вплоть до селъ Колѣна и Белгазы—родины разбойника Череватаго, восьмидесятилѣтняго старца, который, какъ мы видѣли выше, съ пятью своими родными сыновьями участвовалъ въ убійствѣ ѣхавшаго въ Саратовъ на должность воеводы Лихарева. Другой отрядъ, подъ предводительствомъ походнаго старшины, Луковкинъ отправилъ по рѣчкѣ Кистендеи и оттуда внизъ по малому Аркадаку—для розыска и истребленія шаекъ бунтовщиковъ. Но шаекъ уже не было: одна удачная битва—и дѣла совершенно перемѣнились. Страхъ напалъ на пугачевцевъ, особенно когда уже перестало быть тайной, что и самъ Пугачевъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Такимъ образомъ „злодѣйскихъ толповъ“, какъ выражались казаки, уже не видно было ни въ степяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ селеніяхъ, по коимъ они проходили, ни „во околичностяхъ“, т. е. во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ, и Луковкинъ могъ справедливо сказать, что „злодѣйскихъ толповъ нигдѣ не предвидитца, и всѣ опасныя мѣста очищены, и *настала благополучность*“. Въ это время кромѣ Юрія Бибикова съ регулярными войсками и Луковкина съ подчиненными ему полковниками и походными старшинами Вуколовымъ, Лащининымъ, Яновымъ, къ Воронѣ прибылъ съ отрядомъ регулярнаго войска Міоковичъ, который и производилъ разъѣзды по этой рѣкѣ. Луковкинъ такимъ образомъ могъ дать роздыхъ своимъ изнуреннымъ казакамъ, которые имѣли полное право на отдохновеніе: лучшія части донскаго войска были въ разгонѣ—кто за границей, въ войнѣ съ турками, кто за Волгой, въ погоняхъ за Пугачевымъ. Войско донское опустѣло. У Луковкина были большею частію оборыши, такъ сказать, донскаго войска: это были „казаки престарѣлые, дряхлые, больные и калѣки“, по словамъ Луковкина. Даже малолѣтки и выростки, казацкія дѣти—все было въ разгонѣ, все было въ дѣлѣ. Понятно, что отряды Луковкина изнурились, особенно когда принять въ соображеніе, что въ самое короткое время они успѣли сдѣлать нѣсколько походовъ—сначала съ Медвѣдицы на Волгу до Царицына, а оттуда къ верховьямъ Хопра. Притомъ же они постоянно гонялись то за той, то за другой шайкой, день

и ночь были на конѣ и подъ ружьемъ, а тутъ наставало холодное осеннее время. Вслѣдствіе всего этого Луковкинъ расположилъ свои отряды по разнымъ селамъ на временныя квартиры. Яновъ расположился въ селѣ Мордовскомъ Караѣ, Вуколовъ — въ Покровскомъ Меликѣ. Къ прежде отправленной въ Новохоперскую крѣпость партіи плѣнныхъ Луковкинъ еще отправилъ туда 59 человѣкъ, захваченныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ во время разъѣздовъ.

XII.

О послѣдующей судьбѣ той женщины или дѣвушки, которая слѣдовала за толпою въ коляскѣ Иванова, въ качествѣ его жены, мы не нашли въ дѣлахъ никакихъ свѣденій. Объ ней упомянуто какъ бы мимоходомъ, вскользь, когда Ивановъ проходилъ село Воскресенское, нынѣшній городъ Хвалынскъ, и съ тѣхъ поръ объ ней уже ничего не упоминается. Слѣдовала ли она за толпою все время, оставлена ли своимъ мужемъ или любовникомъ на дорогѣ, или, когда Ивановъ задумалъ спасти свою собственную голову передъ баландинскимъ пораженіемъ и исчезъ безъ слѣда, она послѣдовала за нимъ — неизвѣстно. Но что ея не было при пораженіи шайки въ Баландѣ, это несомнѣнно, а иначе она была бы взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ прочими, какъ была взята жена Каменскаго.

Такимъ образомъ, за истребленіемъ пугачевскихъ партій, отдѣлившихся отъ главной толпы съ такими предводителями, какъ Ивановъ, Каменскій, Обрываловъ, Вороновъ и другіе, проходившими со своими шайками по направленію къ Воронежу, Тамбову, Новохоперской крѣпости и землямъ войска донскаго, и за конечнымъ пораженіемъ и поимкою Пугачева, пугачевщина могла считаться уже дѣломъ поконченнымъ. Бродили еще толпы пугачевцевъ, но предводителей уже не было; этихъ бродившихъ было много, но они уже не шли, какъ сила неотразимая, какъ нѣчто власть имѣющее, а скрывались по лѣсамъ, степямъ, оврагамъ и по пристанодержательскимъ домамъ; ихъ еще продолжали бить и ловить, но они сами уже не били и не нападали.

Народъ присмирѣлъ, стушевался.

Началась тогда конечная расправа съ этимъ народомъ за всѣ учиненные имъ вольные и невольные проступки. Цѣлыя толпы плѣнныхъ сидѣли по острогамъ; а какъ остроговъ не хватало, то ихъ запирали въ землянки, забивали въ колодки, навязывали на канаты, въ ожиданіи суда и казни. Иные сами являлись съ повинною, другихъ приводили. И явившихся, и пойманныхъ судили, разграничивая степени вины: кто явился съ раскаяніемъ, тому одно наказаніе; взятые въ плѣнъ или съ оружіемъ въ рукахъ - казнились болѣе строго. Когда буря немножко поулеглась, со всѣхъ сторонъ, отъ помѣщиковъ и чиновниковъ посыпались къ комендантамъ и воеводамъ объявленія и жалобы на крестьянъ. Судъ чинился быстрый. Никто уже не могъ жаловаться на „волокиту" дѣлъ—рѣшеніе о жизни и смерти десятковъ обвиненныхъ писалось въ нѣсколько минутъ. Воеводамъ и комендантамъ даны были полномочія на жестокое наказаніе виновныхъ и на смертную казнь. Висѣлица опять пошла въ ходъ. Но теперь уже вѣшали тѣхъ, которые сами вѣшали.

Императрица лично была милостивѣе всѣхъ воеводъ и комендантовъ. Изъ всей безчисленной толпы бунтовщиковъ *она* приказала казнить только шестерыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ страшной драмы—Пугачева, Перфильева, Чику, Шагаева, Подурова и Торнова. Но учрежденныя графомъ Панинымъ комисіи для суда надъ виновными въ провинціяхъ чаще прибѣгали къ такимъ наказаніямъ, какія только въ состояніи было вынудить то страшное время и то настроеніе умовъ, для оцѣнки котораго недостаточно безпристрастія историка.

Вотъ какимъ образомъ производился тогда судъ надъ виновными:

Къ коменданту Аршеневскому (Новохоперской крѣпости) или къ Цыплетеву поступаетъ отъ помѣщика или помѣщицы „доношеніе," что вотъ-де „между захваченными изъ толпы извѣстнаго государственнаго злодѣя Пугачева" находится столько-то „моихъ крѣпостныхъ людей," которые виновны въ томъ-то и въ томъ-то. Доношеніе по обыкновенію оканчивается такъ: „того для ваше высокоблагородіе покорно прошу означенныхъ моихъ людей изъ крестьянъ, за показанныя продерзости и въ страхъ другимъ, *наказавъ кнутомъ и отрѣзавъ уши*, отдать на росписку человѣку моему

„такому-то“ и для проходу ихъ въ показанное село дать билетъ, а хто онѣ по имянамъ, при семъ прилагаю списокъ.“

Комендантъ, получивъ доношеніе, справляется по спискамъ плѣнныхъ и охотою явившихся бѣглецовъ и, отмѣтивъ указанныхъ преступниковъ, кладетъ такую резолюцію: „крестьянъ“ такихъ-то „за оказанное ими съ шайкою называющагося злодѣйскаго полковника Иванова или самого государственнаго злодѣя, варвара и тирана Емельки Пугачева, убивство, грабительство и воровство, къ прекращенію впредь таковыхъ злостей, на страхъ другимъ, какъ оные въ самой злодѣйской толпѣ и послѣ того, при другихъ злодѣяніяхъ, до самаго пораженія господиномъ полковникомъ Луковкинымъ или Михельсономъ, продолжались, взяты побѣдою, по усугубленіи злодѣйскихъ поступковъ противъ оружія ея императорскаго величества, что все составляетъ, по ихъ бывшей измѣнѣ, гнусность, почему заслуживаютъ сугубое наказаніе, и для того, по данной власти и по собственному того господина или той госпожи (кому принадлежатъ крестьяне) желанію, онъ, комендантъ, опредѣлилъ: *публично высѣчь кнутомъ* и, *урѣзавъ ушей, по одному* (уху), отдать на росписку показанному человѣку такому-то; буде они коснулись полученія кормовыхъ денегъ, оныя отъ него истребуя, на приходъ тѣхъ людей дать письменный пропускъ.“

На такія судебныя рѣшенія коменданты были уполномочены графомъ Панинымъ, который назывался „главнымъ повелителемъ для прекращенія внутренняго безпокойства“ и которому дана была „полная мочь“ дѣйствовать во всемъ взволнованномъ краѣ, какъ ему заблагоразсудится. Комендантамъ-судьямъ дана была инструкція, главнѣйшимъ пунктомъ которой былъ слѣдующій: „*взятымъ въ плѣнъ изъ злодѣйской толпы, за ихъ преступленія, важнымъ злодѣямъ—чиненіе смертной казни, протчимъ—черни, холопямъ боярскимъ—тѣлесныя наказанія, съ урѣзаніемъ ушей.*“

„Урѣзаніе ушей“ было поэтому такимъ позорнымъ клеймомъ, которое отличало пугачевскихъ соучастниковъ отъ другихъ обыкновенныхъ преступниковъ и каторжниковъ, у которыхъ вырывались ноздри и на лицѣ клались позорные знаки. Память объ этомъ позорномъ клеймѣ до сихъ поръ сохранилась между старыми каза-

ками донскаго войска. Они говорятъ, что надѣвать шапку на ухо не годится. „Надѣвай киверъ на бекрень, чтобъ всякій видѣлъ, что у тебя не „урѣзаны уши,“ —это было чѣмъ-то въ родѣ поговорки у донскихъ казаковъ, когда память о пугачевщинѣ еще не изгладилась послѣдующими событіями. Русскіе музланы, говорятъ казаки, оттого привыкли надѣвать шапку на уши, что ихъ отцы такъ ходили, а отцы ихъ дѣлали это для того, чтобъ прикрыть шапкою урѣзанныя *уши*. Въ старыхъ бумагахъ попадаются публикаціи о розыскѣ бѣглыхъ и въ этихъ публикаціяхъ, между примѣтами бѣжавшаго, вы читаете: „росту средняго, волосомъ рыжъ, глаза желтокаріе, носъ посредственный, одно ухо рѣзано.“

Весь поволжскій край въ то время и особенно въ первые мѣсяцы по пораженіи Пугачева и его полковниковъ, командовавшихъ отдѣльными шайками, представлялъ вообще ужасную картину. То встрѣчались по дорогамъ партіи крестьянъ съ обрѣзанными ушами, больныхъ, истощенныхъ, оборванныхъ, которыхъ разводили по ихъ роднымъ селамъ; то на длинныхъ канатахъ вели по этимъ же дорогамъ другія партіи оборванныхъ и изнуренныхъ людей,—это тѣ, которые шли на судъ и на разбирательство. Оковъ недоставало для преступниковъ, желѣзо было слишкомъ дорого и потому подсудимыхъ навязывали на канаты и такими сворами проводили отъ села къ селу, отъ города къ городу. Умершихъ въ пути бросали у дороги и въ овраги, засыпая землей, чтобъ отъ труповъ ихъ не было смраду. А между тѣмъ коменданты продолжали получать отъ помѣщиковъ доношенія за доношеніями на продерзости „подлыхъ“ людей: вспоминались старыя продерзости, совершенныя до Пугачева, вспоминалась всякая обида и грубость—и подлыхъ людей брали и „въ страхъ другимъ, чинили имъ наижесточайшее плетьми наказаніе.“

Достаточно было проговорить одно неосторожное слово, чтобъ быть схваченнымъ и приведеннымъ въ комендантскую канцелярію для допросовъ. Смертная казнь, урѣзаніе ушей и кнутъ предназначались для тѣхъ, которые были увлечены общимъ движеніемъ и ушли за толпами Пугачева, Ивановыхъ, Обрываловыхъ, Каменскихъ; но плеть гуляла по спинѣ всякаго, кто хоть съ-пьяна сболтнулъ „продерзливое“ или „неприличное“ слово.

Вотъ примѣры, которые, въ связи со всею смутною эпохою,

обрисовываютъ все то время рельефнѣе цѣлыхъ томовъ, исписанныхъ о царствованіи Екатерины II:

20 октября, въ царицынскомъ словесномъ судѣ президентъ нижегородскаго губернскаго магистрата Кокоревъ жаловался на нѣкоего Ружейникова. Ружейниковъ нанялся доставить изъ Нижняго въ Астрахань принадлежащіе Кокореву „запасы" и не доставилъ ихъ. Причиною этого было, конечно, смутное время, когда всякій бѣжалъ, куда глаза глядѣли, лишь бы уйти отъ бѣды. Опознавъ Ружейникова въ Царицынѣ, Кокоревъ позвалъ его къ суду съ тѣмъ, чтобъ взыскать съ виновнаго убытки. И вотъ по этой-то просьбѣ „Ружейниковъ чинилъ немалое запирательство и между его, Ружейникова, споромъ и протчими разговоры, при словесномъ судѣ называлъ государственнаго злодѣя и разорителя Пугачева *„батюшкою."* Перепуганный этимъ словомъ, словесный судъ тотчасъ отослалъ Ружейникова въ царицынскій магистратъ, „для разбору по той просьбѣ, а паче объявляемаго имъ при словесномъ судѣ такого важнаго дѣла." Магистратъ съ своей стороны испугался и не рѣшался разбирать дѣла, а постановилъ: „какъ того Ружейникова проговоръ принадлежитъ важности, то по просьбѣ Кокорева въ деньгахъ разобраніе оставить, а отвесть онаго Ружейникова въ царицынскую комендантскую канцелярію." Ружейникова допрашивалъ Цыплетевъ и нашелъ, что подсудимый назвалъ Пугачева „батюшкою" съ-пьяну. Цыплетевъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Ружейниковъ показалъ, что въ проговорѣ имъ о злодѣѣ Пугачевѣ коснулся не съ тѣмъ, чтобъ служило похвальное слово, но въ пьянствѣ своемъ выговорилъ неосторожно жалобное, сказавъ такими словами, что *„батюшкины и меня разорили."* А объ немъ (т. е. о Пугачевѣ) инаго разсудкомъ своимъ не заключаетъ, какъ самой злодѣй, душегубецъ и разбойникъ, въ чемъ клятвенно по самой справедливости нынѣ и впредь признавать будетъ. А какъ сіе послѣдовало не инаково, а съ пьянства, и пьяной онъ тогда и здѣсь былъ признанъ, онъ же предъ симъ присланъ съ собственнымъ его судномъ изъ Дмитріевска отъ молдавскаго гусарскаго полку за казеннымъ овсомъ, котораго и нагружено въ то судно тысяча-пятьсотъ четвертей, поставкою сего до Дмитріевска коронѣ онъ для принесенія услуги потребенъ, того ради царицынскій ко-

мендантъ опредѣлилъ его, изъ-подъ караула освободя, вступить ему въ сію должность велѣть, а притомъ за легкомысленность и проговоръ непристойныхъ словъ, въ страхъ другимъ, а ему на осторожность, чтобъ отъ всякихъ пустыхъ вракъ удержался, наказать плетьми."

2 октября въ Царицынѣ на базарѣ взятъ былъ подъ караулъ бурлакъ, который, „ходя по городу, разглашалъ, будто послѣ разбитія воръ Пугачевъ овладѣлъ Нижнимъ-Новгородомъ и Симбирскомъ." Оказалось, что бурлакъ этотъ говорилъ „непристойныя слова" потому, что слышалъ ихъ отъ другаго бурлака. Взяли и другаго. Другой показалъ, что онъ слышалъ эти разглашенія въ Дмитріевскѣ на базарѣ же. Цыплетевъ положилъ резолюцію: „на страхъ имъ и другимъ учинить наказаніе плетьми нещадно."

Судъ надъ виновнымм производился во всѣхъ городахъ юго-восточной половины Россіи. Одни судились и наказывались тамъ, гдѣ были захвачены войсками, другихъ отправляли для очныхъ ставокъ въ тѣ города, гдѣ могли оказать болѣе дѣйствительныя улики ихъ виновными. Почти всѣ, принадлежавшіе къ толпѣ Иванова и Каменскаго, судились въ Новохоперской крѣпости, комендантомъ которой былъ комендантъ Арменевскій. Только нѣкоторые изъ нихъ допрашиваемы были въ Саратовѣ, Петровскѣ, Димитріевскѣ и Царицынѣ.

Всѣ болѣе или менѣе важные преступники, пугачевскіе генералы, полковники и есаулы сосланы были въ Сибирь. Наказаніе имъ нельзя было ограничить кнутомъ и урѣзаніемъ ушей, какъ прочимъ провинившимся, которыхъ они водили за собой въ качествѣ предводителей; ихъ нельзя было водворить въ мѣста ихъ прежняго жительства.

Впрочемъ всѣ другія подробности, не имѣющія прямаго отношенія къ взятому нами, для настоящей статьи, эпизоду пугачевщины, но необходимыя для полнаго и живаго воспроизведенія одной изъ самыхъ кровавыхъ эпохъ въ жизни русскаго народа, не должны быть преданы забвенію, и на обязанности историка должна лежать забота спасти отъ уничтоженія всепоглощающимъ временемъ какъ то, что уцѣлѣло въ архивахъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истлѣваетъ, расхищается и погибаетъ отъ огня, такъ и то, что вынесено изъ этой эпохи народною памятью, которая, какъ и все прочее, повинуется общимъ законамъ всепоглощающаго времени.

*

Для насъ, для нашего поколѣнія слишкомъ важна эта эпоха и каждый фактъ изъ нея для насъ болѣе драгоцѣненъ, чѣмъ вся наша древняя исторія. Всѣ мы, все наше поколѣніе, XIX вѣкъ, все это продуктъ XVIII вѣка гораздо болѣе, чѣмъ XVII, а еще менѣе XVI и болѣе отдаленныхъ. Какъ бы то ни было, но насъ выработалъ XVIII вѣкъ съ его горькимъ опытомъ и не менѣе горькими, но полезными уроками. Вотъ почему намъ дорогъ XVIII вѣкъ и особенно тѣ его стороны, на которыхъ легла мрачная тѣнь: изъ-за этой тѣни ярче и отраднѣе выдаются свѣтлыя стороны нашего вѣка.

Въ своемъ предисловіи къ „Исторіи пугачевскаго бунта“ Пушкинъ говоритъ:

„Будущій историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ, конечно несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцева, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.“

Это говорилось въ 1833 году.

Въ 1867 году историкъ сказалъ бы иначе. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцева, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть потеряна для потомства не потому только, что на ней встрѣчаются эти имена, которыя и безъ того не будутъ забыты потомствомъ, а именно потому, что эти страницы вмѣщаютъ въ себѣ имена Пугачева, Чики, Хлопуши, Иванова, Череватаго, Каменскаго и другихъ вышедшихъ изъ среды того народа, который въ другія историческія эпохи является такимъ великимъ народомъ и который способенъ дать изъ себя, въ замѣнъ великихъ злодѣевъ, и великихъ дѣятелей человѣчества. Повторяемъ, эта страница не должна быть потеряна для потомства не потому, что на ней встрѣчаются свѣтлыя личности, а именно потому, что на ней больше мрачныхъ личностей и мрачной тѣни: а изъ-за этой тѣни ярче и отраднѣе выдаются свѣтлыя стороны и болѣе свѣтлыя личности нынѣшняго вѣка.

Д. Мордовцевъ.

Саратовъ.

Сентябрь 1867 г.

БЫВАЛО.

— Ужъ наплакалась же я,—говорила мнѣ одна знакомая женщина, разсказывая про свое житье-бытье,—какъ узнала, что Павлуньку во дворъ берутъ.

— Отчего же? Развѣ господа недобрые?

— Нѣтъ, матушка, нечего Бога гнѣвить! дай имъ Господи здоровья,—господа простые, ласковые... Да все ужъ какое житье мужику во дворѣ, горе одно. Ребятишкамъ—мука: чуть на ногахъ, въ горницу возьмутъ; за дѣло засадятъ, за ученье; заставятъ у притолоки стоять, по цѣлымъ часамъ присѣсть не дадутъ; до полночи спать не отпустятъ; чуть что не такъ, ребенку—кто тычокъ, кто тукманку, а кто и цѣлую потасовку; всякому онъ на посмѣшище, всякій имъ помыкаетъ; намается сердечный, дрема возьметъ, а ему: „Ну-ка, Ванька, пропляши,“ и Ванька хоть плачь, а пляши, да еще и смѣйся! Да и большимъ-то намъ, деревенскимъ, не лучше; господа бранятся, зачѣмъ мужикъ—мужикъ, дворня надъ мужикомъ смѣется; а мужика и въ кольё и въ мельё, дѣлай за всякаго! угодишь господамъ—съ зависти поѣдомъ съѣдятъ лакеи да барскія барыни: пойдутъ сплетни да наговоры, и у господъ милость потеряешь; съякшаешься съ дворней—самому гадко станетъ, какимъ подлецомъ сдѣлаешься: своровать помоги, передъ барами лги, сбѣжитъ кто по своему дѣлу—караулъ, что нечисто задумалъ кто—молчи: и тому угоди, и у этого выслужи, и выслужишь только брань да побои, а дѣло за всякаго дѣлай! Каторга, а не жизнь во дворѣ крестьянину!...

У меня вотъ брата съизмаленьку въ горницу взяли, такъ ужъ я знаю, чего онъ натерпѣлся, покуда вовсе несчастнымъ не сдѣлался... А куда парнишка былъ хорошій, да умный и богобоязный!.. Да

еще любимцемъ у господъ былъ. Это-то его пуще и сгубило: отъ своего брата за это больно претерпѣвалъ сначала: а потомъ, какъ сжился съ ними, такъ сталъ маленько хмѣлемъ зашибаться, въ трактиръ заглядывать; любовницу завелъ. Господа разсудили, что малый на возрастѣ, въ крѣпость вошелъ, шалитъ дескать молодая кровь, надо молъ женитьбой остепенить, ну и давай его за любимицу-же за свою сватать, что ходила за барыней, а пуще того за бариномъ.... Брат-отъ зналъ все про все: воля ваша, говоритъ, хоть въ солдаты, а на Машкѣ не женюсь. Ну, перва́-то уговаривать его стали ласкою, всякіе ему резонты приставлять: и приданое, молъ, у Маши не токмо одеждой, а и деньгами будетъ, и въ особый флигерекъ васъ помѣстимъ, и дѣвочку изъ деревни въ услуженіе вамъ возьмемъ. Братъ сталъ на своемъ: не могу да не могу жениться на Машкѣ. Ну, господа ужъ и гнѣваться стали: зарылась, говорятъ, свинья въ чистомъ хлѣбѣ: знать, ему любовница запрещаетъ! А про любовницу Машка же и сказала барынѣ, потому ей за него выйти больно хотѣлось: и грѣхъ-то знаешь прикрыть, и дѣтей-то вымаривать не по что будетъ, за мужниныхъ пойдутъ! а за дѣтей и ее баринъ любить болѣе станетъ (барыня-то не рожала), да, пожалуй, имъ по скольку и назначитъ по смерти,— вишь, далеко, змѣя, думала! Ну, какъ его стали все корить да корить всѣмъ, онъ и чаще пьянъ бывалъ, чаще и въ трактиръ, и къ любовницѣ училъ ходить, и дѣло спустя рукава дѣлать. И чуть что не додѣлалъ, ему ужъ отъ барина и плюхи доставаться стали. А допрежь того пальцемъ не былъ тронутъ. Вотъ малый съ печали да стыда все больше да больше терялся. А Машка то и знай то барынѣ, то барину въ уши.—

Призвали его они. Машка тутъ же подлѣ барыни стоитъ, разодѣтая такая, да скромная на видъ.

— Ну, говорятъ, Ѳедоръ: или ты не дури, отъ счастія не отказывайся, или худо тебѣ будетъ.

А Ѳедоръ въ ту пору маленько хмѣленъ былъ:

— Да что, говоритъ, сударь, вы меня своимъ счастіемъ прельщаете! Оставайся оно при васъ, а я на него--тьфу! на этакое-то поганое счастье.

Баринъ вспылилъ: грубіянъ! говоритъ.

А барыня добрая такая, и ни про что голубушка не вѣдала; сама змѣю свою лютую за пазухой вскормила, взлелѣяла, и слова-то ей Ѳедоровы не въ домекъ были. Она и говоритъ мужу:

— Полно, душенька, не сердись! ты въ сваты не годишься.

Да беретъ Машку-то за руку и подводитъ къ Ѳедору:

— Ну, говоритъ, Ѳедоръ, — не упрямься: я вотъ тебѣ, какъ мать, дочку свою отдаю.

И хмѣленъ-то онъ былъ, и на барина-то золъ, а тутъ его еще за барыню пуще сердце взяло; голова-то въ туманѣ, — онъ и брякнулъ:

— Я, говоритъ, холопъ, мнѣ съ господами родниться не приходится, да ужъ и родня-то больно мудреная выйдетъ: я лакей, Машка вамъ дочь, а Машкины дѣти вамъ пасынки.

Баринъ поблѣднѣлъ; молчитъ, а глазами Ѳедора такъ и жретъ.

Барыня же не понимаетъ ничего, думаетъ: знать, шутитъ Ѳедька, подается, значитъ...

— Нѣтъ ужъ, Ѳедя, говоритъ, коли она мнѣ дочь, такъ и ты сынъ будешь, когда я васъ подъ вѣнецъ благословлю, а дѣти ваши мнѣ ужъ внуки придутся.

— Да нашихъ-то дѣтей не будетъ, сударыня: я къ барину въ долю не войду, его барскую кровь своей холопской разбавлять не стану! — да и пхнулъ Машку-то отъ себя.

Та взвизгнула; баринъ Ѳедора въ зубы; а барыня побѣлѣла, какъ стѣна, ухватилась за стулъ, сказала тихонько, чтожъ это значитъ?... да, знать, голубушка сама себѣ отвѣтила и покатилась на полъ. Она барина-то безъ памяти любила и Машку любила — взростила, воспитала ее сама, да и Ѳедора-то, должно, ей жалко стало, какъ его въ ту пору злодѣй-то билъ. Машка верть хвостомъ — да вонъ; а тотъ и не видитъ ужъ что кругомъ-то дѣлается, да все-то бьетъ Ѳедора, все бьетъ, — и кулаками-то, и сапогами-то индо Ѳедоровой кровью полъ закраснѣлъ. Опомнился-ли онъ, какъ подтащитъ его чуть живаго къ самой барынѣ, или что ему въ голову вошло, только бросилъ онъ его тутъ, захлопнулъ дверь и убѣжалъ, — вовсе вонъ изъ дому убѣжалъ. Другіе люди ничего не знали: кого не было дома, которы въ людскую ушли, которы-что; а Машка никому ничего не сказала, сама на чердакъ гдѣ-то запряталась, такъ они сердешные и лежали, поколь баринъ не пришелъ. А воротился онъ скоро съ

квартальнымъ и съ солдатами. Вошелъ въ домъ—пусто; онъ въ людскую.

— Что вы тутъ всѣ запропастились, говоритъ—гдѣ Ѳедька?

Тотъ—„не знаю," другой—„не знаю."

— Гдѣ Ѳедька? кричитъ благимъ матомъ.

— Да, быть, въ лакейской, сказалъ кто-то—вы какъ его давѣ позвали, такъ онъ и не выходилъ.

Догадался злодѣй, гдѣ Ѳедька; не сказалъ больше ни слова и пошелъ съ задняго крыльца прямо въ спальню.

Взошелъ,—да такъ и сталъ: знать подумалъ, что мертвые лежатъ. А они такъ и лежатъ, какъ онъ ихъ бросилъ. Онъ къ барынѣ—холодная, къ Ѳедору—не живой. Людей скликать? Срамъ будетъ. Пошелъ опять назадъ. Въ комнатахъ ужъ всѣ по мѣстамъ были... Бѣда!

— Гдѣ Маша? спрашиваетъ.

А люди ужъ чуть не до правды додумались.

— Да, видно, говорятъ, тамъ же съ Ѳедоромъ: вѣдь женихъ съ невѣстой, нельзя же... а сами улыбаются да глядятъ на него.

Онъ ужъ и пикнуть не смѣетъ, тише воды, ниже травы, повернулся и пошелъ прочь; только захватилъ графинъ съ водой изъ буфета и опять въ спальню. А люди ужъ извѣстно подглядываютъ.

Вотъ взошелъ онъ, знаешь, сунулся было перва̀ къ барынѣ, да остановился, потеръ лобъ, подумалъ минутку—и давай Ѳедора умывать да барынинымъ же полотенцемъ утирать. На голову ему тоже воды налилъ, за руку взялъ, подулъ ему въ ротъ, потомъ началъ вездѣ шарить, въ шкапахъ и комодахъ и воротился опять къ Ѳедору съ пузырькомъ, къ носу ему приставилъ пузырекъ-отъ, на виски сталъ лить, на руки, Ѳедоръ приподнялся. Онъ помогъ ему встать; всталъ Ѳедоръ, только и на ногахъ не устоялъ—къ стѣнѣ прислонился... А тамъ, какъ глянулъ на полъ кровавый, на мертвую барыню, да какъ вздрогнетъ весь, какъ бросится на барина; схватилъ его одной рукой за горло, а самъ бѣлый—бѣлый ажно зеленый; глаза-то такъ и выскочили, да другой-то рукой ему на барыню указываетъ, а слова вымолвить не можетъ, знать голосу-то не найдетъ: только шипитъ какъ-то, и все давитъ его, и все смотритъ да указываетъ на барыню. И откуда у полумертваго сила

этакая взялася! И какъ онъ сладилъ съ нимъ! Баринъ-то цѣлой головой выше его былъ, въ плечахъ—сажень косая, кулакомъ быка могъ пришибить, кочергу руками въ узелъ связывалъ; а тутъ не можетъ и руки Ѳедоровой отвести отъ себя. А тотъ-то за руки вѣдь и не держитъ: стоило бы ему только толкнуть—Ѳедоръ бы опять на полъ полетѣлъ. А онъ стоитъ, руки опустилъ да смотритъ на Ѳедора-то, словно ему любопытно: что, молъ, онъ это дѣлать станетъ?..

Видятъ люди — плохо: взойти не смѣютъ и не взойти боятся. Только рѣшили было взойти, видятъ, отпустилъ его Ѳедоръ, показалъ ему на дверь, а самъ схватилъ тотъ пузырекъ и воду, и давай хлопотать около барыни. Оттираетъ ее, а самъ все крестится; а слезы-то, слезы такъ и капаютъ у него изъ глазъ. Нагнулся онъ къ ней, припалъ ухомъ къ груди и опять сталъ тереть да каплями-то мочить. Потомъ взялъ ее на руки, уложилъ въ постель; а тамъ взялъ полотенцемъ полъ подтеръ, остальной водой сплеснулъ и опять вытеръ; осмотрѣлся кругомъ, пузырекъ и графинъ къ барынѣ на столикъ поставилъ; посмотрѣлъ на иконы, перекрестился, поклонился барынѣ, словно покойницѣ; уложилъ кровавое полотенце на груди, застегнулся и тихонько вышелъ въ залу.

А тамъ ужъ и разспросы шли: квартальный ждать соскучился и за исповѣдь было принялся. Да люди-то у насъ были наметанные, ничего не сказали, пока баринъ вышелъ самъ. Онъ былъ въ залѣ съ квартальнымъ, когда вошелъ Ѳедоръ и прямо къ нему:

— Виноватъ, сударь: хмѣленъ былъ, сами изволите видѣть, даже вонъ какъ избился пьяный. Теперь опамятовался и пришелъ не милости вашей просить, а наказанія. Накажите меня, сударь, только не помните моей вины и Машу за меня отдайте. И въ ноги ему поклонился.

— Вамъ, конечно, было сумнительно отдать за меня такую прекрасную дѣвушку; но, вотъ вамъ Богъ, не стану пить, капли въ ротъ не возьму.

Баринъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и ничего не говорилъ, словно столбнякъ на него нашелъ. А Ѳедоръ опять:

— Осмѣлюсь вамъ, сударь, доложить, что барыня васъ просятъ за докторомъ послать и къ нимъ взойтить. Пойдемте, господинъ

квартальный, накажите меня, свинью, какъ можно строже. А вы, сударь, пожалуйте къ барынѣ.

Баринъ опять ничего не сказалъ и пошелъ, куда велѣлъ Өедоръ; квартальный не зналъ что ему дѣлать, и смотрѣлъ барину вслѣдъ; Өедоръ же ему сказалъ:

— Чтожъ вы стоите? Пойдемте! И такъ я васъ долго заставилъ ждать. Что дѣлать-то? Съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не бываетъ? Только ужъ будьте отецъ родной, накажите меня такъ, чтобы со мной ни грѣха, ни бѣды больше не случилось!

И ушли они.

Когда барыня очнулась, подлѣ нея были лекарь и мужъ. Какъ она взглянула на него, такъ и опять обезпамятѣла, да этакъ недѣль съ шесть никакъ промаялась: болѣсть такая съ ней была. А какъ стала выздоравливать, перво слово спросила: гдѣ Маша? что ея здѣсь нѣтъ?

— А я, говоритъ баринъ, тебѣ радость приготовилъ за то, что ты выздоравливаешь: отпустилъ нашихъ молодыхъ на волю, устроилъ ихъ, хозяйство имъ завелъ.

Барыня какъ будто что вспомнить хотѣла, да знать Богъ сжалился—память отнялъ.

— О чемъ ты говоришь?

— Вотъ, душечка, какъ долго ты хворала: ужъ успѣла забыть, какъ мы съ тобой своихъ дѣтокъ—Өедора съ Машей вѣнчали.

— Когда-жъ это было?

Баринъ засмѣялся.

— Да вотъ у нихъ спроси.

И вошли Өедоръ съ Машей веселые да нарядные. Поклонились: матушка вы наша, говорятъ, благодарить пришли за всѣ ваши къ намъ милости.

И насказали ей, какъ она ихъ благословляла, и образъ изъ ея божницы показали, и какъ она на ихъ свадьбѣ простудилась, какъ испугалась пьянаго дружки и захворала, ну наплели всего такъ, что она и повѣрила.

А дѣло вотъ какъ было.

Когда Өедора привели изъ части, онъ и говоритъ барину:

— Теперь, сударь, пошлите въ деревню мать мою привезти; а тамъ и свадьба моя съ Машкой будетъ.

Съ тѣхъ поръ какъ баринъ въ его рукахъ побывалъ, Ѳедоръ надъ нимъ силу взялъ и зналъ, что баринъ сдѣлаетъ все, какъ онъ хочетъ.

Свадьбу сыграли. Только что ужъ это и за свадьба была—не приведи Господи!

Какъ всталъ Ѳедоръ въ тотъ день, такъ къ барину:

— Пожалуйте, говоритъ, сударь, намъ вольную теперь, да изъ барыниной божницы образъ Богородицы: она меня имъ за мѣсто матери благословить хотѣла.

А у барина и бумага ужъ готова: самъ ли онъ имъ волю обѣщалъ, Ѳедоръ ли въ ту пору ее потребовалъ—Богъ ихъ знаетъ. Только отдалъ онъ и бумагу, и образъ, и денегъ еще вынулъ: вотъ, говоритъ, еще тебѣ на веселье.

Ужъ и было же веселье! Хуже печали всякой. Сказывала про свадьбу про эту матушка-упокойница, какъ это, пришедши отъ барина, Ѳедоръ велѣлъ Машкѣ подъ вѣнецъ снаряжаться, а самъ завелъ матушку въ чуланчикъ да въ ноги ей: благослови, говоритъ, родимая матушка, меня въ гробъ лечь.

— Что это, сынокъ, Господь съ тобой! Я тебя не на смерть благословляю, а на честный вѣнецъ...

Такъ Ѳедоръ-то, сказываетъ, вдругъ какъ разсмѣется, да и заплакалъ...

— Да что же это ты, дитятко: аль тебѣ невѣста-то не по нраву? Аль неволятъ тебя жениться-то?

— Нѣту, говоритъ, своей охотой женюсь: невѣста хорошая: выпросилъ я ее у барина, въ ногахъ его валяючись.

— Такъ что ты этакъ-то говоришь—Бога гнѣвишь!

— Не знаю, матушка, гнѣвлю ли я Бога теперь, а что послѣ прогнѣвлю—это я знаю.

Ну, мать-то ничего не знала и въ разумъ его такія рѣчи взять не могла, и ужъ не спорила съ нимъ.

Подъ вѣнцомъ, вишь, стоялъ онъ стѣнь-стѣнью и все-то крестился да озирался; а какъ привезли отъ вѣнца, какъ взошли въ

домъ, не успѣла мать-то ихъ и встрѣтить да поблагословить путемъ, а онъ поклонился всѣмъ да говоритъ:

— Прости меня, матушка родимая, и всѣ вы, гости мои любезные: празднуйте мою радость безъ меня съ молодой хозяюшкой; а меня увольте, нездоровъ.

Такъ всѣ съ диву и дались: и не видано, и не слыхано это, чтобъ молодой да на своей свадьбѣ не былъ. Стали его всѣ уговаривать—и свахи, и дружки, и гости; перемогись молъ, хозяинъ, не ладно такъ-то...

— Да что, говоритъ, не умирать же мнѣ на пиру!.. Мочи нѣтъ.

Ну видятъ, что и впрямь онъ чуть на ногахъ стоитъ и глазами какъ-то чудно глядитъ—отпустили. А ушелъ онъ—всѣ пріумолкли, переглянулись, перешепнулись промежъ себя, да одинъ по одному и изъ дому вонъ: испорченъ, знать, молодой-то, говорятъ.

Матушка перепужалась, заметалась, что и дѣлать—не знаетъ: за лекаркой ли бѣжать, господамъ ли доложить, къ Ѳедору ли прежде пойдтить... и, сказывала, какъ глянула она въ ту пору на Машку, что стоитъ въ цвѣтахъ да уборахъ, такъ въ сердце ее, вишь, такъ кольнуло - вонъ словно бы Машка это всему виновата: такъ, баетъ, и треснула бы ее...

Ну, пошла она за сыномъ; туда-сюда, нѣтъ его въ дому. И ужъ поздно середь самой ночи воротился, да прямо въ чуланъ, и заперся тамъ.

Что ужъ тутъ было толковъ да пересудовъ, какъ за эту ночь намаялась матушка—и не скажешь. Всю-то ноченьку простояла она у чулана — слушала; да только всего и слыхала, что: Пресвятая Владычица! помилуй ее! а кого? Господь вѣдаетъ!... Знать, ума рѣшился парень! думала матушка, да чуть свѣтъ къ господамъ. Барыня-то больная лежитъ, баринъ почиваетъ. Ждала-ждала, поколѣ всталъ да допустилъ къ себѣ. Взошла; сказываетъ:

— Такъ и такъ, сударь: знать, ума Ѳедюшка рѣшился!

А баринъ-то усмѣхнулся да говоритъ:

— Такъ всю ночь въ чуланѣ и пробылъ?

— Въ чуланѣ, батюшка, въ чуланѣ, запершись.

— Ну такъ я тебѣ, старуха, скажу, что твой сынъ не съ ума

сошелъ, а на умъ набрелъ. Зови-ка сюда молодыхъ: я имъ — вонъ и на обзаведенье приготовилъ, — и показалъ ей на деньги.

Такъ-то вотъ, покуда барыня хворала, Өедора никто въ домѣ и не видалъ. Чуть свѣтъ — на улицу, какъ ночь — въ чуланъ. И гдѣ только онъ шлялся — Богъ его знаетъ. Съ Машкой всего только разъ одинъ и заговорилъ, да и то было: ты у меня, паскуда, — ни гугу! Смѣйся да Бога передъ всѣми благодари, — не то смотри... И такъ глянулъ, что она и пикнуть не посмѣла и за все время никому словечка про свое житье горькое не вымолвила.

А какъ барыня выздоровѣла и повѣрила всему, что ей насказали; какъ видѣла ихъ всегда веселыми и успокоилась совсѣмъ, тогда Өедоръ задумалъ уѣхать, совсѣмъ собрался и пришелъ къ барынѣ.

— Благодарствуйте, говоритъ, матушка, за всю вашу ласку и добродѣтель; во вѣкъ вашей милости не забуду; пришелъ теперь проститься съ вами: выгодное мѣсто въ Астрахани получаю.

Барыня, было, огорчилась, не хотѣлось ей съ ними разставаться, да тоже и счастья лишать ихъ не хотѣла: отпустила, поплакамши.

Пошелъ Өедоръ и къ барину.

— Возьмите, говоритъ, сударь, ваше добро назадъ, все въ цѣлости сохранилось; и это вотъ извольте получить за квартиру, что мы у васъ нанимали.

Баринъ и такъ и сякъ, да заставилъ-таки Өедоръ все назадъ взять: и деньги, и хозяйство, да еще и за флигерь-то заплатилъ.

А ужъ какъ онъ съ матерью прощался, такъ инда у всѣхъ сердце надорвалось, глядючи. Упалъ это ей въ ноги, обхватилъ ихъ руками, да такъ всѣ ноженьки слезами и облилъ: „Прости, говоритъ, родимая моя матушка, меня грѣшника великаго! Умоли ты за меня Господа Бога!“ Такъ, сказываютъ, почесь безпамятный уѣхалъ. Знать, чуяло его сердечушко свою бѣду великую...

У Анны оборвался голосъ; она заплакала.

— Царство ему небесное! сказала она потомъ, перекрестясь.

— Умеръ онъ?

— Умеръ, родная, умеръ. Только не дай Господи никому его смертью помирать...

— А что?

— Да вѣдь онъ, матушка, засѣченъ былъ.

— Какъ засѣченъ? Кѣмъ?

— По суду, родимая, за убійство...

— За убійство?!

— Убилъ онъ свою погубительницу Машку: и десяти недѣлекъ не прожила на новомъ мѣстѣ.

— Да за что же?

— Охъ, родимая! И сказать-то тебѣ я не съумѣю, что это съ нимъ подѣялось: съ болѣсти ли, съ тоски ли—Богъ его вѣдаетъ. Не любилъ онъ ее и допрежь-то; а какъ женился духу ея выносить не могъ, рукой до нея не дотронулся. Въ тѣ поры въ Астрахани-то наши сродственники жили: дали ихъ всей семьей господамъ знакомымъ наши-то въ услуженіе: потому вишь, тамъ народу служащаго мало и плата больно дорогая. Такъ вотъ, сударыня, какъ прибыли они это въ Астрахань, онъ все этакъ же съ Машкой былъ: все одноё бросалъ; а встрѣтится—глаза отведетъ и словечка она отъ него не слыхала. Не въ могуту стало ей: извѣстно—дѣвка молодая, жила въ холѣ да весельи; а тутъ день-деньской взаперти да за работой, на чужой сторонѣ и перемолвиться словечкомъ не съ кѣмъ. Пыталась она и прощенья-то у Өедора просить, и съ лаской-то подойтить—все одно: глянетъ звѣремъ, крикнетъ: прочь змѣя! не доводи до грѣха!—и уйдетъ.

Наши-то имъ, въ тѣ поры, близко себя квартерку нашли, такъ забѣгутъ иной разъ провѣдать Өедора—его все нѣтъ дома; а она принимать ихъ боится; заплачетъ да скажетъ: уйдите Христа ради! не смѣю говорить... А тамъ не вытерпѣла—заговорила, да и разсказала про свое житье горемычное. Вотъ и стали люди ее тайкомъ провѣдывать и за Өедоромъ примѣчать. И, сказываютъ, день ото дня все-то онъ худѣе да лютѣе становился и все больше отъ Машки бѣгать сталъ: словно ужъ онъ ее бояться началъ, такъ и дрожитъ весь, какъ она ему на глаза попадется. Съ людьми говорить не хочетъ: что спросятъ, пробуркнетъ слово, нахмурится и отойдетъ.

Вотъ чудилъ, чудилъ онъ этакъ-то, да одинъ разъ выходитъ изъ чулана изъ своего и прямехонько къ женѣ.

— Ну, говоритъ, Машка: Владычица не милуетъ! А ужъ коли Владычица не милуетъ, такъ я не могу! да и хвать ее топоромъ по башкѣ. Упала это она, а онъ вышелъ на дворъ и кричитъ: „Приберите змѣю! Приберите змѣю!"

Услыхали люди: что это молчальникъ нашъ, баютъ, разорался? А онъ все свое. Поглядѣли на него; а онъ страшный такой, рукой машетъ, а въ рукѣ-то топоръ. Вышли, подступиться боятся. Нализался, знать, думаютъ и хотѣли уже разойтись, да мальчонка какой-то и крикни: глядите-ка! Топор-отъ въ крови! Тутъ ужъ всѣхъ ужасть взяла, почуяли недоброе; заперли ворота, окружили домъ, за солдатами послали. Когда солдаты пришли, онъ уже сидѣлъ на землѣ, схватившись руками за голову, а топоръ лежалъ подлѣ. Подошли къ нему—все сидитъ; стали брать,—не перечитъ, только смотритъ на всѣхъ зорко-таково... ну, и увели.

Машку нашли еще живую: въ больницу отвезли. Тамъ она очунялась, разсказала, какъ было дѣло; да съ говору-то что-ли расгасилась вся и къ вечеру померла.

Ѳедора нечего было и допрашивать. Онъ только всего и сказалъ:

— Наказывайте! Владычица присудила: такъ тому и быть!

Продержали его въ острогѣ, почитай года съ три, а тамъ и рѣшенье ему вышло: отодрать плетьми примѣрно да въ Сибирь.

Въ острогѣ-то хворость его одолѣла; совсѣмъ зачахъ; ну и какъ стали его сѣчь-то, онъ и померъ на кобылѣ; такъ и не досѣкли.

Анна Николаева.

АЛЕНА МАТВѢВНА.

РАЗСКАЗЪ.

Жила у насъ въ посадѣ старушка, звали ее Аленой Матвѣвной. Ее въ посадѣ всѣ знали и всѣ къ ней со всякимъ уваженіемъ и почтеніемъ были; да такихъ старухъ нельзя и не почитать. Другія-то либо сплетницы, что изъ дому въ домъ таскаются да разныя вѣсти переносятъ, либо ворчуньи неустанныя, чужой молодости ненавистницы; Алена же Матвѣвна ко всѣмъ такая ласковая, да привѣтливая была, пересудовъ терпѣть не могла; все больше дома шишлится съ ребятишками, которые чуть не со всего посада къ ней сбирались. И какъ эти ребятишки любили ее — пуще матери родной! Только бы завидѣть имъ гдѣ нибудь бабушку Матвѣвну, такъ вотъ и облѣпятъ ее, словно мухи. — „Полно тебѣ съ ребятами-то валандаться — избаловала ты ихъ совсѣмъ, скажетъ ей бывало какая нибудь разфуфыренная купчиха, отъ нечего дѣлать у воротъ на скамеечкѣ сидючи да по сторонамъ глядючи: сядь-ка вотъ лучше; посидимъ да покалякаемъ. Слышала ты объ Маторихѣ-то что-ли? Срамота-то какая — ахъ ты Господи-батюшка!...“ И почнетъ ей про маторихинскую срамоту разсказывать; а бабушка и руками индо замахаетъ. — „Полно, полно тебѣ, матушка, судить ближняго-то; помнишь: сказано, не осуждай, ну, и не надо этого дѣлать, родная. Осужденіе — великій грѣхъ; прощать больше надо,“ и пойдетъ себѣ, куда ей нужно. Многіе не долюбливали Матвѣвну за то, что она не была охотницей язычекъ поточить на счетъ ближняго... А сколькихъ ребятъ у насъ она грамотѣ обучила, — и не счесть. И вѣдь что диковинка: учила-то она ихъ безъ всякаго какъ есть страху. Ни одного мальчишку, ни одну дѣвчонку она никакимъ словомъ не обозвала, не то чтобы за вихоръ эдакъ подрать, али что другое тамъ.... посѣчь, примѣрно сказать. Были

у насъ и другіе учителя; вотъ, хоть къ примѣру, дьячекъ Иванъ Иванычъ. Ужъ нечего сказать; ученый былъ человѣкъ: всѣ науки зналъ! когда, бывало подвыпивши, захочетъ маленько повеличаться да и заговоритъ по ученому-то, — ну вотъ хошь тресни, ни единаго-то словечка не поймешь, что къ чему идетъ, значитъ! Слышишь: по-русски говоритъ, а понять невозможно. Только учить не умѣлъ такъ, какъ учила Алена Матвѣвна. У него иные ребята по году одну азбуку учивали, а у бабушки нашей въ годъ-то смотришь ужъ и читаетъ парнишко. Да, легко у ней грамота давалась!... Я самъ сначала у Ивана Иваныча обучался. Ужъ чего-чего онъ только не дѣлывалъ со мною: дралъ, какъ сидорову козу— страсть просто! а все наука мнѣ не давалась и разныя проказы творить я не унимался; да что! Бывало, еще хвалишься своимъ товарищамъ: дескать, какъ вчера отпороли меня ловко, ребята. Право. А отдали меня въ ученье къ бабушкѣ, совсѣмъ перемѣнился. Тятенька-покойникъ скажетъ бывало: „чтой-то съ Андрюшкой сдѣлалось, и читать сталъ таково бойко, да и попритихъ маленько — вотъ ужъ сколько времени не дралъ его, этакъ онъ пожалуй и плетку совсѣмъ позабудетъ. Матвѣвна, должно быть, слово какое знаетъ.“ Да, знала она, моя родная, великое слово Спасителя-Батюшки: „*Яко-же возлюбихъ вы, да и вы любите себе.*“ На что, кажется, понятнѣй, проще этого, а ну-тка, православные, много-ли изъ насъ найдется такихъ, которые исполняли бы слово это?... Всѣ мы въ ребячествѣ-то и глупы и рѣзвы, что дѣлать, пора такая! Ну, случалось, сшалитъ кто изъ насъ, урока не выучитъ,—бабушка не начнетъ браниться, или драться, только попеняетъ тебѣ и то кротко да ласково... И вѣдь что вы думаете, эти слова ея, тихія для насъ, больнѣе всякаго наказанія были, разревешься бывало такъ, что ей-же и утѣшать тебя придется. И какая мастерица она была утѣшать! возьметъ, обойметъ тебя, ну, ну, полно плакать, голубчикъ; впередъ только не дѣлай этого; скажетъ, а сама улыбается тебѣ; прижмешься это къ ней головенкой бывало и такъ хорошо тебѣ станетъ!... „Баба по-бабьи и учитъ, говаривалъ Иванъ Иванычъ. Развѣ съ этими пострѣлятами безъ строгости совладаешь?“—Ладно, ты вотъ и со строгостями своими не умѣлъ совладать съ иными, а она всѣми правила одной

тихостью да любовью... Вотъ и понимай это, какъ хочешь! И что это за теплое сердце у Алены Матвѣвны было. Радость-ли кому Богъ пошлетъ, горе-ли у кого приключится, — съ кѣмъ раздѣлить, съ кѣмъ посовѣтоваться, какъ не съ нею, и во все-то она войдетъ, словно родная, а сама не любила навязываться—сохрани Боже! Ахъ кабы побольше было на бѣломъ свѣтѣ такихъ людей, какъ бабушка, легче бы жилося; только нѣтъ ужъ теперь такихъ людей, все самолюбцы да завистники больше!

Во вѣки вѣковъ я не забуду бабушки, потому великія благодѣянія она оказала мнѣ; безъ нея я, можетъ быть, пропащимъ бы человѣкомъ былъ. Какъ-то, разъ потерялъ я отцовскія деньги, рублевъ 200, и не знаю какъ, обложился, должно быть. Еслибы до тятеньки это дошло, и не знаю, чтобы онъ только сдѣлалъ надо мною. Спасибо, бабушка (царство ей небесное!) выручила меня. А то еще было дѣло, и тутъ она помогла мнѣ, ну, да объ этомъ я разскажу вамъ поподробнѣе.

Былъ я ужъ парень въ порѣ: за двадцать перевалило. Славное время молодость! Сердце въ ту пору такое горячее, мысли такія все смѣлыя—и удержу нѣтъ! А долго ли тутъ до бѣды?... Вотъ и пришла ко мнѣ бѣда. Полюбилась мнѣ красная дѣвица, да такъ полюбилась, что вотъ и не отходилъ бы отъ нея ни на минуту, все бы держалъ ее за руки бѣлыя, да смотрѣлъ бы въ ея очи ясныя... Эхъ, прошла и наша молодость, постарѣли и мы съ тобой, моя люба Марьюшка, а вѣдь не разлюбили мы другъ друга, въ землю ужъ смотримъ, а любимъ, какъ въ старые годы. Но кабы не Алена Матвѣвна, не жить бы намъ съ тобой вмѣстѣ, желанная.

Такъ-то, родные мои, и полюбилась мнѣ Марьюшка и никакъ это я съ сердцемъ своимъ совладать не могу, такъ вотъ и тянетъ меня къ ней; безъ нея и солнышко мнѣ не свѣтитъ. А тятенька женить меня задумалъ на Матренѣ Аладьиной. Вотъ горе-то! И не подумайте, чтобы эта Матрена самая была какая нибудь безобразная, ничуть не бывало, дѣвка какъ дѣвка и изъ богатаго дома, а мнѣ она, прости Господи, хуже сатаны казалася. Какъ сказалъ мнѣ тятенька, что онъ на Аладьиной женить меня хочетъ,—я бухъ ему въ ноги. Такъ и такъ, говорю: что хошь со мной дѣлайте,

на все есть ваша родительская воля, только жениться на Аладьиной я не могу, потому полюбилась мнѣ очень Марьюшка... Услыхавши эти слова мои непокорныя, тятенька-покойникъ такъ изъ себя и вышелъ (онъ у насъ бѣдовый былъ — одно слово огонь!). „Ахъ ты такой-сякой! закричалъ онъ: такъ ты супротивъ отца идти хочешь. Посмотримъ!“ и давай меня тузить, сейчасъ умереть, и теперь помню, какъ онъ отвалялъ меня. Потомъ усталъ или остылъ маленько онъ, бранилъ меня и говоритъ: „слушай, Андрей, не видать тебѣ Марьи, какъ ушей своихъ. Вотъ мой тебѣ приказъ: женись на Аладьиной; не женишься на ней, — я и наслѣдства тебя лишу, и благословенія родительскаго не дамъ, и будешь ты проклятъ отнынѣ и до вѣка.

Страшно отцовское проклятіе! но не побоялся бы я и этого, еслибъ только можно было мнѣ обвѣнчаться съ Марьюшкой безъ родительскаго согласія; только сдѣлать-то этого никакъ нельзя. Ну и возроптал я, признаюсь, грѣшный человѣкъ, сильно возропталъ, да видно самъ Господь надоумилъ меня сходить къ бабушкѣ. Отецъ мой ни чьихъ совѣтовъ терпѣть не могъ, а Алену Матвѣвну иногда слушалъ. Авось, думаю, она замолвитъ ему словечко за насъ, а онъ и сжалится, и согласится повѣнчать насъ. И пошелъ я къ Аленѣ Матвѣвнѣ. Иду дорогой, а въ головѣ такія мысли бродятъ: коли не выгоритъ мое дѣло, руки на себя наложу, одинъ конецъ-то! Такъ лукавый осѣтилъ меня.

Прихожу къ ней, помолился на иконы святыя, ей поклонился. „А здравствуй, батюшка Андрей Степанычъ, что это ты запропалъ и не навѣстишь меня, старуху. Садись же, садись, гостемъ будешь.“

— Я, бабушка, не въ гости къ вамъ — говорю: а съ горемъ моимъ великимъ пришелъ, просить помощи вашей: и разсказалъ ей все въ подробности. Заступись, молъ, за меня, родная, передъ тятенькой, вѣкъ за тебя буду Богу молить, и поклонился ей въ землю.

— Что ты, что ты это выдумалъ! заговорила старушка — не подобаетъ человѣку кланяться, вонъ кому надо поклоненіе творить — и она указала мнѣ на икону Спасителя. — Ему, батюшкѣ, молись, Его проси, а я человѣкъ слабый, старый, чѣмъ я могу помочь тебѣ?

— Можетъ, мой тятенька и послушаетъ васъ, коли вы поговорите да посовѣтуете ему.

— И дитятко, дитятко, развѣ я прочь похлопотать объ тебѣ, только я тебѣ опять скажу, не надѣйся ты на помощь человѣческую, а все упованіе свое на Господа возложи. —И долго Алена Матвѣвна бесѣдовала со мной и утѣшала меня и мнѣ будто полегчело отъ словъ ея. Ну, думаю, авось Богъ милостивъ, подожду: чему быть, тому не миновать.

— Прошло дня три. Отецъ все это время хмурился, словно серчалъ на всѣхъ, матушка молчала да вздыхала. Такъ дѣло и шло. Только сижу я разъ въ лавкѣ, а въ головѣ такія невеселыя мысли бродятъ, вдругъ входитъ въ лавку тятенька, сердитый-пресердитый, ну, подумалъ я, быть грозѣ.

— Андрюшка, говоритъ: я тебѣ отецъ, али аспидъ.

— Отецъ, отвѣчаю я.

— Ну такъ и помни это. Кланяйся въ ноги.

Я поклонился. Родительское приказаніе надо исполнить.

— Теперь женись на Марьѣ, да благодари Матвѣвну съ отцомъ Потапіемъ. Они меня умолили.

Ужъ и не знаю я, братцы мои, что со мной стало, и не спрашивайте, и не съумѣю я разсказать. Ошалѣлъ, какъ есть ошалѣлъ отъ радости: всѣхъ бы людей взялъ, обнялъ да и расцѣловалъ. Кто былъ молодъ да любилъ какъ я, тотъ пойметъ, какъ эдакое счастье отуманить человѣка можетъ. Ну и свадьба наша какая была веселая: тятенька даже развеселился, подъ конецъ-то трепака отхваталъ, и Алена Матвѣвна пировала у насъ, какъ же первой гостьей была!

На другой день пошли мы съ женой къ Аленѣ Матвѣвнѣ, надо же было ей честь отдать и поблагодарить ее за все добро, что она для насъ сдѣлала. Батюшки, какъ она насъ встрѣтила ласково.—Милости просимъ, молодые. Усадила насъ на софѣ рядышкомъ, достала бутылку меду, самоваръ поставила, варенья, кренделей принесла. Кушайте, родные, да не взыщите: что Богъ послалъ.

Вотъ и сидимъ мы у ней, чай распиваемъ, а сами изподтишка, чуть отвернется отъ насъ бабушка, нѣтъ-нѣтъ да и взглянемъ другъ на друга, и такъ-то мнѣ захотѣлось вдругъ поцѣловать мою

Марьюшку, что мо́чи моей нѣтъ, ну а при Аленѣ-то Матвѣвнѣ какъ будто и конфузно—нельзя. И словно замѣтила это бабушка или ужъ отъ ней ничего ни въ чьей душѣ скрытнаго не было; взяла она бутылку съ медомъ, влила немного въ стаканчикъ, отхлебнула капельку. За ваше здравіе, молодые; живите въ любви и совѣтѣ, счастливо да богато, потомъ поморщилась. Охъ, горько что-то, подсластите, голубчики... Марьюшка такъ вся и вспыхнула, заря-зарей сдѣлалась; однако, нечего дѣлать, поцѣловались мы—ужъ обрядъ такой.

„Смотрю это я на васъ, мои дѣтушки, да любуюся, молвила вздохнувши наша благодѣтельница, и свою молодость вспоминаю. Не старухою я, голубчики, родилася; было время и за мною ухаживали парни, только я-то не смотрѣла на нихъ, а съ тѣмъ, кто потомъ полюбился мнѣ больше свѣта бѣлаго, не привелъ Господь жить вмѣстѣ. Ахъ и не было у насъ во всемъ городѣ краше моего Вани, не было бѣлѣй и румянѣй его. Отецъ его былъ человѣкъ зажиточный и съ моимъ родителемъ покойнымъ хлѣбъ-соль важивалъ. Что бы, кажется, могло помѣшать намъ въ храмѣ Божіемъ подъ вѣнцомъ стоять рядышкомъ? а вѣдь вотъ не сбылось этого, разлучились мы, видно Господу такъ угодно было,—буди Его Святая воля. И между нами и между родителями нашими все было слажено; послѣ поста (дѣло-то было въ филипповки) насъ ужъ и повѣнчать хотѣли, только вдругъ ни съ того, ни съ сего женихъ мой сталъ убѣгать меня. Бывало, каждый день почитай забѣжитъ къ намъ хоть на минуточку, а тутъ дня по три, по четыре и глазъ не кажетъ, а зайдетъ когда и смотрѣть на меня не хочетъ, заговоришь съ нимъ, онъ и отвѣчаетъ точно поневолѣ. Думала, думала я, что это съ нимъ сдѣлалось такое, сколько слезъ пролила; наконецъ-то ужъ все узнала, что полюбилъ мой Ваня другую, а я опостылѣла ему. Богу единому извѣстно, какъ тяжко было мнѣ узнать это, однако переломила я себя, нѣтъ, порѣшила я, его счастье мнѣ дороже своего, не хочу быть ихъ разлучницей! И пошла я къ родителямъ моимъ, пала имъ въ ноги и говорю: отпустите меня Христа-ради въ монастырь, хочу, дескать, всю жизнь мою Господу Богу посвятить.—Что ты, что ты, Аленушка! говорятъ: развѣ забыла ты, что невѣстою стала. — Опостылѣлъ *онъ*

мнѣ, родные мои; не хочу я замужъ ни за него, ни за другаго идти. — А какое опостылѣлъ, душу свою, кажется, отдала бы за одно его слово ласковое. Ну, побранили меня маленько родители, что я отъ такого жениха хорошаго отказываюсь, однако, дай имъ Господи царство небесное, неволить меня не стали. Охъ, тяжело, дѣтушки мои, отъ счастья своего отречься! Только и Ванюшѣ видно не было счастія на роду написано. Женился онъ на своей Любѣ; пожилъ годика два, поблаженствовалъ; а потомъ пошли невзгоды разныя: первое по торговлѣ убытки пошли; второе — пожаръ, а тамъ и захворалъ. Прохворалъ онъ немалое время. Въ это время и жена его заболѣла, да и Богу душу отдала; а тамъ и онъ за нею отправился. Помню я, какъ умиралъ-то онъ, на моихъ глазахъ все это было! Послѣднее словечушко его было: „Прости меня, Алена Матвѣвна. Призри моего сиротинку!“ И взяла я его сынка, Сережей звали, къ себѣ. Что за мальчикъ былъ: весь въ отца! Любила я его, какъ свое дѣтище. Вотъ, думала, выростетъ красавецъ да умникъ! Бывало, ночью сколько разъ встанешь да подойдешь къ постелькѣ его посмотрѣть, не раскидался ли сынъ его. Крестишь, крестишь его, бывало, чтобы ангелы Божіи неотлучно при немъ пребывали... Ну, и его Господь призвалъ къ себѣ, и осталась я одна-одинехонька.

— Да развѣ вы однѣ, бабушка голубушка, сказалъ я. Посмотрите-ка въ окошко въ садикъ: вонъ ребятишки-то ваши играютъ. Развѣ они чужіе для васъ?

— Да, молвила она; не чужіе мнѣ! пока малы, они и ластятся ко мнѣ, и вьются кругъ меня, а выростутъ у нихъ крылышки и разлетятся они въ разныя стороны, и забудутъ меня, старую! —

Нѣтъ, бабушка, напрасно ты это говорила. Много есть еще людей, которые и до сей поры вспоминаютъ объ тебѣ съ любовью.

Много, много добра сдѣлала Алена Матвѣвна на своемъ вѣку. Многіе ее поэтому богачкой считали. А послѣ смерти ея всего-то три рубля асигнаціями осталось да домишко ветхинкій. Умерла она на самое Свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ великую суботу Алена Матвѣвна была еще совсѣмъ здорова, а въ первый день великаго праздника у заутрени была; за обѣднею святыхъ тайнъ пріобщилась; похристосовалась со всѣми, а когда пришла домой, то слабость только

почувствовала, словно устала. Легла это она отдохнуть, да ужъ не вставала больше. Пришли къ ней ребятишки съ праздникомъ поздравить: похристосоваться, а она, моя голубушка, лежитъ на кровати своей, глазыньки закрыты, руки крестомъ сложены и на губахъ улыбка всегдашняя. Вешнее солнышко ласково глядѣло въ окошко, освѣщая усопшую, и казалось намъ, что отъ головы покойницы сіяніе шло,—вотъ какъ у святыхъ на иконахъ пишется...

Какъ разнеслась вѣсть о кончинѣ бабушки, весь посадъ всколыхался; сколько народу собралось въ ея горенкѣ; ребятишки это столпились вокругъ покойницы... Ужъ начто веселый народъ эти ребята, а и тѣ присмирѣли, и лица ихъ затуманились, словно почуяли сердчишки ихъ, что потеряли они родимую матушку. А одинъ несмышленышъ такъ всѣхъ прослезилъ инда. Вскарабкался онъ на постель къ покойницѣ да и суетъ ей въ руки красное яичко: Христосъ молъ, воскресъ, бабушка! Христосъ воскресъ!.. Хотѣли было отогнать его, да батюшка намъ запретилъ: Оставьте говоритъ—ангелы господни его устами гласятъ! А яичко это и во гробъ къ ней положить велѣлъ.

Пришло время похоронъ. Церковь была биткомъ набита: всѣ собрались отдать послѣдній долгъ Аленѣ Матвѣвнѣ. Сколько слезъ непритворныхъ было пролито, когда наступила минута послѣдняго цѣлованія!. Отецъ Потапій и проповѣдь сказалъ. Не упомню я ужъ всего что говорилъ онъ. Главное-то было въ томъ, что не знатность и не богатство дѣлаютъ человѣка чѣловѣкомъ, сирѣчь образомъ и подобіемъ Божіимъ, а добрыя дѣла, да жизнь хорошая. А когда опускали гробъ ея въ могилу, откуда ни возмись бѣлый голубь, и ну виться надъ могилою, вился, вился и пропалъ въ поднебесьи...

Вѣдь вотъ сколько уже и лѣтъ прошло со дня смерти Алены Матвѣвны, а и до сихъ поръ у насъ въ посадѣ многіе въ день Свѣтлаго Воскресенія ходятъ христосоваться съ бабушкой на ея могилку. На другихъ-то могилахъ кресты давнымъ-давно подгнили или вѣтромъ повалены; а надъ *бабушкиной могилкой* и теперь крестъ цѣлехонекъ и вся-то могилка ея цвѣтами каждую весну покрывается.

Николай Хохловъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

I.

Мнѣ нужно было повидаться съ однимъ господиномъ, который жилъ на Пескахъ. Я не засталъ его дома, но мнѣ сказали, что онъ воротится черезъ часъ. Ждать въ его квартирѣ было не совсѣмъ удобно, а потому я зашелъ въ ближайшій трактиръ и спросилъ стаканъ чаю. Въ той-же комнатѣ, за другимъ столикомъ, сидѣли предъ графиномъ водки двое гостей, судя по костюму и пріемамъ какіе-нибудь лавочники или разнощики. Одинъ изъ нихъ держалъ вставленный въ черную палку листъ какой-то ежедневной газеты и читалъ его въ слухъ медленно, чуть не по складамъ; другой, опершишь локтями на столъ, внимательно его слушалъ.

Послѣ какого-то политическаго извѣстія изъ Франціи, въ которое я хорошо не вслушался, собесѣдники выпили по рюмкѣ водки и опять принялись за чтеніе.

«Изъ Рима сообщаютъ —разбиралъ, водя пальцемъ по строкамъ, гость—что экс-король неаполитанскій получилъ отъ тюльерійскаго кабинета конфиденціальное предложеніе оставить римскую територію. Но камарилья, настроенная по камертону Ватикана, убѣждаетъ Франциска не покидать фарнезскаго дворца.»

— Какой это икс-король и что это означаетъ? спросилъ слушатель, когда товарищъ его одолѣлъ эту статью.

— А это, понимать надо—отвѣчалъ рѣшительно чтецъ —что королей много разныхъ бываетъ, и нѣмецкихъ, и тальянскихъ; ну, а неполитанскій-то самый первый изъ нихъ, потому и прозывается онъ икс-король. Это его, значитъ, такъ величаютъ по титулу.

— Что-жъ, сгоняютъ его что-ли съ царства-то?

— Римскій папа знать недоволенъ чѣмъ ни-на-есть. Тамъ папа всѣмъ орудуетъ. Ему такая власть, братецъ мой, предоставлена, что словомъ однимъ всѣхъ онъ въ своихъ рукахъ содержитъ.

— Какъ же это?

— А проклясть можетъ. Съ амвона это въ церкви, вопъ какъ у насъ великимъ постомъ, прочитаетъ онъ анаѳему, не то что министру али генералу, а какому ни есть королю—тотъ съ этого слова ему и покоряется. Анаѳема-то его, говорятъ, на человѣка больно содѣйствуетъ: чахнетъ онъ, чахнетъ, да безъ покаянія и помретъ; хоша-бы икс-король былъ, не переносятъ!

— Не потрафилъ, значитъ, папѣ неполитанскій-то?

— Видимое дѣло, не поладили.

— Изъ какой-же это треторіи теперь высылаютъ его?

— А изъ той самой, гдѣ онъ квартируетъ...

— Такъ! Кто-же его супротивъ-то подговариваетъ?

— Ватиканъ.

— Какой такой?

— Посланникъ французскій, надо полагать... Это все, скажу я тебѣ, идетъ отъ Наполеона: онъ завсегда на смуту всѣхъ подбиваетъ, для-того воевать любитъ. Отъ него на свѣтѣ весь сыръ-боръ горитъ: какъ царствовать началъ, спервоначалу скрутилъ французовъ въ бараній рогъ, а тамъ и въ другихъ земляхъ зачалъ катавасіи дѣлать... брата супротивъ брата поднимаетъ, жену на мужа. Вотъ и тутъ онъ подбиваетъ королеву... Какъ прозывается-то она, сейчасъ читалъ?... Да, Камарилья! Королеву-то Камарилью смутилъ видно; ну, а та мужу наговариваетъ: не выѣзжай молъ!.. Все отъ Наполеона.

— Что-жъ папа-то римскій его анаѳемой не пригрозитъ?

— А на него, пока живъ, не будетъ дѣйствовать: онъ не король подначальный, а императоръ. Его ужъ мертваго станутъ проклинать, вотъ какъ у насъ Мазепу. Живой онъ этой анаѳемы не боится, потому самому, что не можетъ съ нея зачахнуть... Пожалуй еще и неполитанскаго-то оборонитъ!

— Эки дѣла дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ—проговорилъ, покачавъ головой, слушатель. Что-же тамъ еще въ газетахъ-то написано?

— А вотъ, постой... выпьемъ сперва.

Собесѣдники выпили по рюмкѣ водки, закусили, и грамотѣй, пригладивъ усы и бороду, началъ читать новую статью:

«Съ американскимъ пакетботомъ получено извѣстіе, что на конгресѣ феніевъ въ Ньюіоркѣ происходили шумныя манифестаціи въ пользу экспедиціи въ Канаду. Крайняя партія, состоящая изъ самыхъ зажигательныхъ элементовъ, не перестаетъ агитировать массу. Корифеи этой партіи положили вновь съѣхаться на лигу въ Петерсбургѣ, въ Виргиніи.»

— Кто это такіе афеніи? спросилъ опять любознательный слушатель.

— Американскіе торговцы, надобно полагать—отвѣчалъ, нѣсколько заминаясь, чтецъ.

— Объ чемъ же они шумятъ?

— Торговля видно плохо идетъ... Времена-то и тамъ знать не легкія! У нихъ торговля больше сахаромъ да хлопкомъ, а къ намъ теперь много не повезешь; сахаръ-то мы вонъ изъ свеклы гонимъ, а хлопокъ изъ Нижняго отъ бухарцевъ стали забирать. Взятки-то съ насъ теперь, значитъ, и гладки... Да прослышали можетъ, что у насъ тарифъ мѣняютъ супротивъ ихъ: дѣло-то по этому самому у нихъ шатается... ну, и шумятъ!

— Какіе-жъ тамъ зажигатели?

—А вотъ, какъ у насъ-же.. что Толкучій то жгли. Вѣстимо, поджигаютъ, чтобъ грабить, а иной и разорить... Тамъ, надо думать, изъ купечества же эти поджигатели... Зависть большая: самъ банкрутомъ сдѣлается, такъ пущай и другой банкрутится... Ненависть ныньче большая! Вонъ какъ у насъ Мироновъ въ трубу вылетѣлъ—сусѣди то всѣ радостью радовались. Ну, и афеніи-то также завистливы.

— Справедливо! А кто такіе это корифеи-то?

— А первостатейные негоціанты, что по первой гильдіи торгуютъ да конторы банкирскія держутъ.

— Такъ! Зачѣмъ-же они въ Петербургъ къ намъ собираются?

— А все, надо быть, на счетъ хлопка или сахара... Пронюхали видно, что въ Москвѣ-то купечество собирается о тарифѣ просить, чтобы своихъ-то отъ американскихъ афеніевъ огородить, ну и ѣдутъ супротивъ этого хлопотать... Тарифъ-то теперешній для нихъ выгоденъ, такъ никакой имъ отмѣны въ немъ и не требуется. Ну, а вѣстимо—подъ лежачій камень вода не течетъ, надо хлопотать—и ѣдутъ поэтому въ Петербургъ.

— Пожалуй, обработаютъ?

— Заткнутъ, куда надо, и обработаютъ.

— Гдѣ-же, пишутъ, пристанутъ-то они?

— Въ Виргиніи.

— Трактиръ это что-ли?

— Гостиница.

— На Лиговкѣ никакъ, ты читалъ?

— Нѣтъ: это они по незнанію. Какія гостинницы на Лиговкѣ!.. Ообслышались какъ-нибудь али врутъ... Виргинія... это, надо полагать, супротивъ Александрынскаго театра, съ цѣльными окнами то... Тамъ завсегда этакіе иностранные гости пристаютъ...

— Нашумятъ, пожалуй, и здѣсь?

— Вѣстимо.

Собесѣдники выпили еще по рюмкѣ. Не смотря на то, что словоохотный политикъ видимо уже тяготился разспросами своего товарища, однако по новой просьбѣ его опять принялся за газету.

«Агентство Гаваса телеграфируетъ, читалъ онъ, что въ дѣлѣ Шлезвига предстоитъ найти комбинацію, которая дала бы прочную гарантію для обѣихъ сторонъ. Проэктъ Даніи вызвалъ контр-проэктъ со стороны Прусіи, и скоро изъ Берлина отправленъ будетъ ультиматумъ.»

— Это на счетъ чего же? спросилъ слушатель.

— Думать надобно, отвѣчалъ нерѣшительно его товарищъ, это касательно бракосочетанія... сватьбу видно задумываютъ... прусскій у датскаго, кажись, беретъ...

— Кто это ультиматъ-то?

— А это, заикаясь проговорилъ совсѣмъ потерявшійся чтецъ — принцъ должно быть... Можетъ, ѣдетъ невѣсту-то присмотрѣть... Али это на счетъ того, что... Да видишь, сказано-то такъ, что не разберешь... не явственно... Какъ-бишь прописано-то? «Найти комбинацію!»... Объ невѣстѣ что ли? Вишь какъ газеты-то пишутъ нескладно .. совсѣмъ въ толкъ не возьмешь... «Проектъ вызвалъ контръ-проектъ»... Лѣшій ихъ знаетъ, что такое: ногу переломишь... Газеты еще прозываются, а ровно помеломъ намазано... Черти, право!

— Кажись, газеты-то не русскія?

— Иностранныя, видимое дѣло... а вѣдь вотъ гостямъ подаютъ здѣсь! Эй, почтенный! — крикнулъ мой читатель, обращаясь къ половому и бросая на столъ журналъ: что ты намъ нѣмецкія-то га-

зеты подсунулъ? Нѣмцы мы что ли! Дай какія-нибудь русскія вѣдомости!

— Окромя этихъ не получаемъ—отвѣчалъ служитель. Неугодно ли развѣ Полицейскія?

— Давай Полицейскія!

Половой побѣжалъ въ другую комнату. Между тѣмъ мнѣ некогда было больше оставаться въ трактирѣ, и я не слыхалъ, что послѣ этого читали мои политики.

II.

Однажды я былъ приглашенъ къ знакомымъ на крестины. Священникъ почему-то замедлилъ, и мы довольно долго его ждали. Между тѣмъ принесли изъ церкви купель, а вслѣдъ затѣмъ пришелъ дьячекъ, сѣденькій старикъ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ заправленной подъ шейный платокъ небольшой косичкой. Въ ожиданіи обряда мы съ нимъ разговорились. Рѣчь зашла о томъ, какъ дѣти иногда портятся, не смотря на всѣ заботы родителей, и какъ трудно ихъ въ этомъ случаѣ исправить.

— Воистинну такъ! сказалъ дьячекъ, и у благочестивыхъ родителей дѣти совращаются съ истиннаго пути. Таковые примѣры повсемѣстно встрѣчаемъ. Вотъ хоть бы у меня, недалеко ходить...

— Что-же такое у васъ? спросилъ я.

— Блудный сынъ! отвѣчалъ со вздохомъ старикъ.

— Чѣмъ же такъ?

— Въ скверпѣ распутства утопалъ. Былъ онъ отъ начала, я вамъ доложу, младенецъ похвалы достойный. Сердце радостью преисполнялось, глядя на него. Разумѣніе Господь ему открылъ великое: еще отъ груди материнской не отнимали, а онъ примѣрно въ картахъ понималъ уже отличать масти. Когда бывало грѣшнымъ дѣломъ сядемъ со сродственниками поиграть мало, и родительница поднесетъ младенца—вопросишь его: гдѣ кресты? гдѣ черви? и онъ рученками безошибочно обозначитъ. Гордился я, да за гордость и наказанъ былъ по грѣхамъ моимъ. При возрастѣ начали обучать его грамотѣ, и весьма изрядное пониманіе оказалъ... и въ пѣніи преуспѣвалъ достаточно. По достиженіи отрочества въ духовное училище вступилъ, а изъ онаго въ семинарію, и повсемѣстно отъ властей и наставни-

ковъ былъ одобряемъ. И примѣчалъ я у него душевную безпорочность нравовъ, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ словахъ. Тогда въ мысляхъ я одно помышленіе имѣлъ, что будетъ опорою и утѣшеніемъ въ старости и немощахъ.

— А развѣ испортился?

— Совратился съ пути... Покончилъ онъ, доложу вамъ, семинарію и повѣдалъ мнѣ, что не имѣетъ сердечнаго влеченія къ духовному званію, а намѣревается посвятить себя службѣ въ санѣ чиновничьемъ. Хотя и прискорбно мнѣ было, но я не воспрепятствовалъ. И помалому времени опредѣлился къ должности въ консисторію. Было у меня тогда нѣкоторое предчувственное опасеніе, да не внялъ я по неразумію моему: слѣпое надѣяніе омрачило, и самъ утруждалъ объ этомъ мѣстѣ именитныхъ особъ. И достигъ! Только мѣсяца черезъ два по допущеніи сталъ я примѣчать въ юношѣ видимую перемѣну жизни; началъ онъ уклоняться отъ собесѣдованія въ семействѣ и посѣщать съ сотоварищами трактирныя заведенія. Оттуда возвращался въ изрядно нетрезвомъ видѣ. И въ физіогноміи лица его вскорѣ немалая перемѣна воспослѣдовала: благообразіемъ примѣтно оскудѣвалъ. Я благими совѣтами вразумить его старался, но съ соболѣзнованіемъ видѣлъ, что все оное всуе. Не внимая моленіямъ моимъ, съ каждымъ днемъ глубже утопалъ онъ въ безднѣ піянства. И оное наконецъ въ постоянный запой обратилось. Вознамѣрились мы оказать ему пособіе врачебное. Просвирня наша, скорбя о погибающемъ, привела къ намъ нѣкоторую лекарку, и та повелѣла купить для него цѣлебныхъ травъ по ея указанію. Употреблялъ онъ немалое время, но ожидаемаго дѣйствія не воспослѣдовало. А надъ врачеваніемъ даже надругался: пожелалъ онъ однажды въ минуту отрезвленія идти лично за травами, а при возвращеніи у него въ одной рукѣ лекарство оказалось, а въ другой полуштофъ съ виномъ. Такіе грѣхи! Но это токмо начало было.

— Что-же еще?

— А принялся онъ съ того времени, за скудостію денежныхъ средствъ, одежду свою расточать. Вицмундиръ, заново построенный, на такую хламиду помѣнялъ, что въ ней и подобія форменнаго одѣянія не осталось; сапоги благоприличные одѣли, а онъ черезъ сутки въ опоркахъ такихъ явился, что развѣ нищему побираться въ нихъ именемъ христовымъ. И татьбою началъ заниматься: не говоря уже на столѣ, но и въ подрясникѣ нельзя было оставлять денегъ; изъ карма-

новъ похищалъ. Тутъ я, по родительской власти, домашнее наказаніе учинилъ ему келейно Но не возымѣло успѣха. Зло видимо пустило уже глубокіе корни. Отъ неустаннаго пребыванія въ піянственномъ запоѣ и образъ-то человѣческій на немъ преобразился: сталъ онъ пухнуть въ лицѣ неестественно.

— Отъ болѣзни, конечно?

— Отъ потребленія напитковъ. Отлучили его за безобразіе отъ должности, и предался онъ тогда безпрепятственно праздности и кабацкому шатанію, подобно звѣздѣ блуждающей. Въ такой скорби нѣкоторые достойные люди преподали мнѣ благой совѣтъ послать развращеннаго на исправленіе, по существующимъ примѣрамъ, на островъ Валаамъ. Многіе изъ подобныхъ завѣдомо тамъ исцѣленіе получали. По милости божіей были у меня благодѣтели, которые по оному дѣлу ходатайствовали, и по ходатайству ихъ послали распутнаго на то дальнее жительство. Скорбѣла у меня душа по своей плоти, но уповалъ я, что по строгости пустыннаго жительства обновится.

— Ну, что-же, исправился?

— Ни малаго исправленія не оказалось. По истеченіи годичнаго срока пребыванія на Валаамскомъ островѣ возвратился онъ въ пущемъ безобразіи: опухъ наипаче прежняго, такъ что и подобіе человѣческаго естества почти до окончательной потери утратилъ.

— Стало-быть это ужъ отъ природы?

— Единственно отъ чрезмѣрнаго потребленія спиртныхъ напитковъ.

— Да гдѣ-же онъ бралъ?

— Умудрился на зло. Ему на Валаамѣ, доложу я вамъ, такой искусъ былъ предназначенъ, чтобы на озерѣ рыбу ловить. И ѣздилъ онъ съ мрежами на ловлю, да часть отъ пойманной добычи они утаивали и скрытнымъ образомъ чухнамъ на ромъ обмѣнивали. Такимъ образомъ врачеваніе къ пущему усугубленію недуга послужило. Во время того пребыванія въ пустынѣ преданность піянству дотого достигла въ развращенномъ, что начали уже оказываться у него видѣнія летающихъ передъ очами митроскопическихъ бѣсовъ.

— Неужели до чертиковъ допился?

— Истинно такъ. Сердце мое скорбію преисполнилось: не чаялъ уже, чтобъ падшій исхищенъ былъ изъ челюстей порока. Но не напрасно заповѣдано намъ не предаваться отчаянію. Утѣшеніе воспослѣдовало, откуда я и не ожидалъ. Были мы въ крестномъ ходу,

что вотъ въ честь холеры установленъ, и повстрѣчалъ я тамъ одного благодѣтеля моего, полковника, полиціймейстера. Зналъ я его давно уже и пользовался его милостями. Остановилъ онъ меня и спрашиваетъ: «какъ поживаешь, старикъ»? Я и открылъ ему скорбь мою по распутномъ сынѣ. «Что-же ты мнѣ прежде не сказалъ? говоритъ онъ: пришли его ко мнѣ, я попробую исправить»! Наутро и отправилъ я его по назначенію. А полковникъ, дай ему Богъ здравія, далъ повелѣніе препроводить его въ трубную, да тамъ чрезъ пожарныхъ служителей триста ему счетомъ и отсчиталъ.

— Крутое лекарство! замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Весьма на пользу оказалось. Съ недѣлю послѣ оной операціи, доложу я вамъ, изъ дому онъ не выходилъ, и видимо исцѣленіе обнаруживаться начало: ежедневно сокращалась опухоль, и обликъ человѣческій на физіогноміи проступалъ. Одѣлъ и обулъ я его тогда понову, и все это въ сохранности обрѣталось. И въ бесѣдованіе съ домашними началъ вступать, и разумъ его видимо очищался въ рѣчахъ. Мѣсяцы и недѣли протекали, и все большее исправленіе въ немъ примѣчалось. Ходилъ я въ то время возблагодарить моего благодѣтеля, полиціймейстера. «Ну что, говоритъ, твой блудный сынъ?» Слава-Богу, говорю я, съ вашею помощію исцѣлился. «Хорошо, говоритъ, а если что́—такъ опять пришли, двойной рецептъ пропишемъ»! Такой-то ужъ былъ онъ мнѣ благожелатель! По маломъ времени исходатайствовалъ я опять сыну моему опредѣленіе къ письменнымъ дѣламъ въ палату. Сталъ онъ посѣщать службу. И радовался я радостію, ибо на человѣка началъ походить, и локти на мундирной одеждѣ, и подошвы на обуви въ цѣлости сохранялись, равно какъ и видъ на физіогноміи, а опухоль уничтожилась безслѣдно. И такъ болѣе года протекло въ благополучіи...

— А послѣ что же?

— Опять временно наклонность къ совращенію показалъ. На сыропустной недѣлѣ начали мы опять примѣчать, что возвращается онъ въ домъ не въ урочный поздній часъ и въ нетрезвомъ образѣ. Въ то время я въ болѣзни уже болѣе мѣсяца лежалъ, не покидая одра. Чтобы не откладывать въ долготу дней исправленія совращающагося, написалъ я письмо къ моему благодѣтелю, полковнику, да и посылаю съ заблудшимъ. Такъ сопротивленіе оказалъ... свели уже насильственно. Не оставилъ меня и на сей разъ помощію милостивый покровитель мой: повелѣлъ снова отвести его въ трубную, и въ

двойной препорціи пятисотенную баню ему прописалъ. Привезли его въ домъ на санкахъ, и около девяти дней лежалъ онъ какъ бы недвижимый. И когда возсталъ по истеченіи онаго времени, снова обновился тѣлесно и душевно.

— Совсѣмъ исправился?

— Вотъ уже третій годъ, благодареніе Господу, въ неукоризненной трезвости пребываетъ. Безъ лицепріятія могу засвидѣтельствовать, что никакой укоризны онъ съ той поры отъ меня не заслужилъ. И образъ житія его изрядно измѣнился: товарищество благоприличное нашелъ, часы серебряные пріобрѣлъ съ цѣпочкою, себѣ и мнѣ на утѣшеніе, и вмѣсто употребленія хмѣльныхъ напитковъ съ благоприличными дѣвицами нашего сословія сталъ компанію въ собесѣдованіи предпочитать. Уповаю, что и къ брачному союзу будетъ склоненъ и способенъ. Теперь, благодаря Бога и милостивыхъ благодѣтелей, тягота сердца моего облегчаться начинаетъ.

Въ это время пришелъ священникъ, и нашъ разговоръ съ отцомъ блуднаго сына кончился.

III.

Недавно пришлось мнѣ покупать на Сѣнной кое-какую провизію. Подлѣ воза, на которомъ я торговалъ индѣйку, стояло трое мужиковъ и, кажется, всѣ навеселѣ. Двое изъ нихъ о чемъ-то горячо спорили, безпрестанно размахивая руками, а третій изрѣдка вмѣшивался въ ихъ рѣчи въ качествѣ примирителя. Въ это время послышался отдаленный свистъ локомотива.

— Вишь, царскосельская засвистала! сказалъ одинъ изъ споривших.

— Анъ это аршавская! возразилъ другой.

— Нѣтъ, царскосельская! смотри, откеда свистъ-то? отъ Обухова моста!

— Анъ врешь, отъ Измайловскаго! Ты ушами слушай: вѣтеръ-то небось тянетъ вонъ отколь.

— Что-жъ что вѣтеръ! Рази машина-то не можетъ супротивъ вѣтру? Это какъ есть царскосельская.

— Видно тебя по уху-то кто огорошилъ... Тебѣ толкомъ толкуютъ: это аршавская реветъ.

— Не аршавская! У той крикъ не таковскій... та хрипитъ ровно съ перепою...

— Самъ-то ты съ перепою мелешь...

— Эхъ, братцы—вмѣшался въ этотъ споръ третій мужикъ—оба вы пустое толкуете... не аршавская это и не царскосельская, это московская чугунка. Вишь обѣдни у Спаса отошли: объ этой порѣ завсегда московская машина свищетъ... Это вѣрно слово...

— Можетъ статься! проговорилъ мужикъ, который стоялъ за царскосельскую дорогу. А недолго ей сердечной и свистать-то.

— Пошто недолго? спросилъ примиритель.

— Продаютъ дорогу-то.

— Для чего?

— Деньги понадобились.

— Кому-жъ ее запродаютъ?

— Нѣмцамъ.

— Что они съ ней подѣлаютъ?

— А на свозъ покупаютъ. У нихъ дороги-то въ ихъ землѣ плохи, ну и торгуютъ... разберутъ и вывезутъ.

— У насъ-то какъ-же ѣздить будутъ?

— Какъ допрежъ ѣздили: по шосѣ въ дилижанцахъ, да на почтовыхъ али съ троешниками...

— Да ты почемъ съ пуда врешь-то? рѣзко спросилъ мужикъ, который утверждалъ, что свиснула варшавская машина.

— Чего врать? не вру.

— Анъ врешь! Нешто экую дорогу станутъ продавать? Что ни есть главная во всей Рассеи...

— Вечорась ребяты сказывали... въ вѣдомостяхъ вишь пропечатано...

— Мало что печатано! Тамъ вонъ намедни отпечатали, что Цѣпной мостъ готовъ въ починкѣ, а поѣхали съ возами—не пущаютъ... А то вишь нѣмцамъ дадутъ московскую чугунку вывести... Дурень ты, вотъ тебѣ и сказъ.

— Съ чего-жъ я дурень?

— А съ того, что глупъ, ровно лѣтошній теленокъ.

— Пошто ругаешься! У самого-то у тебя видно на плечахъ замѣсто головы кочанъ капусты приставленъ.

— Да ты что собака, лаешься!.. Я те ротъ-то зажму.

— Попробуй-ка.

— Попробовать?

— Ну-ка!

— А вотъ-же тебѣ!

При этомъ задорный мужикъ ударилъ своего противника въ плечо; тотъ въ свою очередь схватилъ его за воротъ, и драка готова была принять серьезные размѣры, но третій мужикъ поспѣшилъ развести соперниковъ.

— Не замай, ребята! полно дурить! проговорилъ онъ внушительно.

— А съ чего-жъ онъ дерется-то? сказалъ тотъ, который заявилъ о продажѣ николаевской дороги.

— А не лайся! возвразилъ его задорный противникъ.

— Ты самъ допрежъ того меня облаялъ, да еще бить лѣзешь... Тебѣ это не предоставлено... Я тебя за это къ мировому стащу.

— Къ мировому? Что ты меня стращаешь-то! Нешто я не видалъ мироваго? Не бось, не испужаюсь.

— Анъ испужаешься, для того не буянь!

— Да что ты самъ-дѣлѣ стращаешь-то меня, дуй те горой! Ну, пойдемъ къ мировому! Онъ те дастъ за воротъ хватать... Ты опосля этого въ рожу полѣзешь? Анъ знай, что въ чужую рожу лазить заказано... Ты въ свою лѣзь, такъ запрету не будетъ. Пойдемъ къ мировому!

— Пойдемъ.

— Что-жъ: мировой-то, братцы, здѣсь недалече! проговорилъ мужикъ-примиритель, почесывая затылокъ. Пойдемъ, пожалуй!

Всѣ трое повернули по направленію къ Спаскому переулку. Мнѣ любопытно было посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло, и я пошелъ вслѣдъ за ними. Во время перехода черезъ площадь противники продолжали спорить, упрекая другъ друга въ починѣ драки. Примиритель шелъ молча впереди, и когда мы повернули за уголъ въ переулокъ, онъ остановилъ соперниковъ передъ дверями заведенія, на которыхъ виднѣлась извѣстная вывѣска: «распивочно и на выносъ».

— Погоди-ка ребята! сказалъ онъ.

— Чего тебѣ? спросилъ одинъ изъ его товарищей.

— Видишь, что это?

— Ну, кабакъ!

— Такъ слушай-же, что я вамъ буду сказывать. Вы повздорили промежь себя? ладно! Повздоримши, драку начали? хорошо! Изъ чего-

же вы, спрошу я васъ, почали это? изъ-за плеваго дѣла, совсѣмъ не касающаго. Теперь затѣяли къ мировому идти? Такъ—что-ли?

— Ну, такъ! отвѣчали соперники.

— Ладно! Слушай же, что скажу еще. Теперича вы придете къ мировому... Мировой будетъ тебя допрашивать: лаялись вы промежь себя?—лаялись! хватилъ ты его кулакомъ?—хватилъ! а ты бралъ его за воротъ?—бралъ! Хорошо... Вотъ опосля этого мировой-то и скажетъ: свиньи вы оба, какъ есть свиньи! Да возьметъ и оштрафуетъ—одного оштрафуетъ и другаго оштрафуетъ... Такъ ли я говорю?

— Такъ! вѣстимо оштрафуетъ! отозвались въ одинъ голосъ противники.

— Ладно! продолжалъ ораторъ. Теперича еще слушай, что я вамъ сказывать стану. Для чего вы изъ этого, что ни есть нестоющаго дѣла къ мировому полѣзете? Нешто онъ про чугунку станетъ съ вами калякать? Онъ станетъ разбирать, зачѣмъ буянили—и какъ пить дастъ, оштрафуетъ! А нешто у васъ денегъ-то лишнихъ больно много въ мошнахъ залежалось? Дляче на вѣтеръ-то кидать? А лучше вотъ въ эвто самое заведеніе зайди, да и помирись толкомъ: ты полштофа выставь, и онъ пущай поставитъ полштофа. Правильно ли я говорю?

— Я что же! для чего не поставить! сказалъ тотъ, что сообщилъ о продажѣ московской дороги.

— Поставлю и я! отчего не выпить! прибавилъ его противникъ.

— Ну, такъ вались же, братцы, въ двери, а я тутъ вотъ подешевле закуски куплю! сказалъ примиритель, показывая на противоположную сторону, гдѣ на лоткѣ у разнощика лежала какая-то съѣстная дрянь.

Двое поругавшихся мужиковъ дружелюбно вошли въ заведеніе.

— Ну, что? безъ мироваго суда обошлось? спросилъ я примирителя.

— Какой тутъ мировой, батюшка! отвѣчалъ мужикъ, махнувъ рукой. Нешто на такія дѣла мировой судъ-то! Его не затѣмъ поставили, чтобы изо всякаго пустяка туда лѣзть. Экія дѣла лучше въ кабакѣ порѣшать,—тутъ оштрафуютъ праваго и виноватаго на полштофа али на штофъ — вотъ и вся недолга. Для экихъ дѣловъ кабакъ и есть настоящій мировой судъ: хошь иной разъ и сердито нашего брата штрафуетъ, такъ что почитай въ одной рубахѣ выпуститъ, да мириться-то въ немъ все-же вальготнѣе: посидишь, по-

калякаешь, пѣсни попоешь... Вотъ и любятъ этотъ судъ! Тутъ какая бы у нашего брата не вышла концысторія — всегда за полштофомъ мировой покончится. Одначе-же зайти: вѣдь и мнѣ стаканчикъ-другой поднесутъ.

IV.

Мы плыли на днѣпровскомъ пароходѣ въ Кременчугъ. Погода стояла ясная и теплая, и пасажиры во все время переѣзда почти не сходили съ палубы. Тутъ было, кромѣ помѣщиковъ и купцовъ, десятка два богомолокъ изъ Кіева, человѣкъ пять студентовъ и два, три еврея. Подъ вечеръ, когда пилигримы, смотря на широко разливающуюся рѣку, толковали о кіевскихъ святыняхъ, студенты отъ нечего дѣлать болтали съ однимъ евреемъ, который, повертывая на головѣ ермолку, ловко отбивался отъ ихъ шутокъ.

— Хочешь отгадывать загадки? спросилъ его одинъ студентъ.

— Какія-зе то загадки? отозвался еврей.

— Да мы придумаемъ, а ты отгадывай.

— Насто-зе я стану сгадывать? Какая мнѣ выгода мозетъ быть?

— Мы тебѣ будемъ платить по гривеннику съ каждой загадки, которую ты угадаешь.

— А езели не сгадаю?

— Ну, такъ ты всякій разъ долженъ слазить къ машинѣ и просидѣть десять минутъ передъ печкой.

— Зарко тамъ.

— Что дѣлать, что жарко? старайся отгадывать.

— Хоросо—давайте васи загадки.

— Ну, такъ слушай же. Какой это звѣрь ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, днемъ на двухъ, а вечеромъ на трехъ?

— Ай, какая-зе немудрая загадка! вскрикнулъ еврей. То совсѣмъ и не загадка. Сто-зе тутъ угадать целовѣку! На цетырехъ ногахъ ходитъ конь, и баранъ на цетырехъ ногахъ, а у кура двѣ ноги и у гуся тозе двѣ ноги. А на трехъ ногахъ никакой, ни больсой, ни маленькій звѣрь не ходитъ и не мозетъ идти. Сто это за загадка! Давайте гроси?

— Постой, постой! Да ты взялъ разныхъ животныхъ, а тебѣ говорятъ про одно и то же. Ты придумай-ка, какой звѣрь въ раз-

ное время своей жизни ходитъ сперва на четырехъ, потомъ на двухъ, а тамъ и на трехъ ногахъ?

— А такого звѣря и Богъ не дѣлалъ: его и никто не видѣлъ отъ нацала свѣта ни въ какихъ далекихъ земляхъ.

— Нѣтъ, видятъ... въ томъ-то и загадка. Ты отгадай!

— Этого узъ никакъ не мозно сгадать... Самый разумный целовѣкъ не узнаетъ, сто это такое есть. Вы много уценья уците, а никогда не сгадаете, какое оно такое.

— Нѣтъ, мы знаемъ.

— Ай, тому повѣрить не мозно... Какой зе это зивотный?

— Человѣкъ.

— Ай, нѣтъ зе! въ этомъ правды нѣтъ. Когда зе целовѣкъ на цетырехъ да на трехъ ногахъ скацетъ?

— А вотъ когда, слушай. Родится человѣкъ — нашъ братъ или еврей, все равно — и ребенкомъ начинаетъ сперва ползать на рукахъ и на ногахъ — ну, стало быть, на четвереньках ходитъ, тоже что на четырехъ ногахъ. А подростетъ онъ, да укрѣпится въ силахъ, такъ и ходитъ потомъ на двухъ ногахъ, вотъ какъ теперь мы съ тобой.

— Ай, это такъ, совсѣмъ такъ! Ну, а гдѣ зе онъ на трехъ ходитъ?

— Да посмотри вонъ на богомолокъ: видишь, у нихъ въ рукахъ палки? А отчего? Подъ старость-то на двухъ ногахъ ужъ тяжело держаться, такъ онѣ принуждены опираться на палку вмѣсто третьей ноги. Вонъ, взгляни, старикъ у трубы пробирается — смотри, какъ онъ ногами и палкой передвигаетъ.... развѣ это у него не три ноги?

— Ай, какъ это добре-хоросо сказано. Видно, наиумнѣйсій целовѣкъ придумалъ. Ай, какой мудрый! Наси цадики мозетъ только и сгадаютъ это. Ай, Богъ мой, какъ хоросо! какъ мудро!

— То-то и есть. А какъ ты не отгадалъ, полѣзай-же по уговору къ машинѣ... Или пожалуй послѣ слазишь, а теперь другую загадку угадывай. Скажи: какая это вещь...

— Ой, нѣтъ... больсе я не умѣю сгадать, сто вы думаете. Васи загадки хитрыя, оцень хитрыя: надо мудрымъ целовѣкомъ быть, стобы сгадать ихъ... Лутце узъ я стану вамъ загадки давать: езели вы сгадаете, я сказу вамъ, сто вы премудрые господа, а не сгадаете — вы мнѣ карбованецъ дадите.

— Карбованецъ? — много будетъ, и гривенника довольно.

— Какъ-зе мозно гривну? Мои загадки не хитрыя: вы ихъ въ разъ сгадаете, такъ сто и думать не будете, а онѣ сами сгадаются. Вы много уцитесь: въ васемъ ниверзитетѣ много уцатъ, отлицно уцатъ... Вамъ и гросей мнѣ давать не придется.

— Толкуй ты! Ну, двадцать копѣекъ заплатимъ.

— Какъ зе это мозно за двадцать: это себѣ дорозе придумать стоитъ. Я целовѣкъ бѣдный, вы — богатые паны: вамъ ницего не знацитъ бѣдному еврею за трудъ заплатить. Для васъ съ уваженіемъ я полтину возьму.

— Ну, хорошо: полтинникъ дадимъ, а если угадаемъ твою загадку — тебѣ передъ печью сидѣть полчаса въ шубѣ: у тебя вѣдь кровь не ледяная—небось, не растаешь.

— Нецего дѣлать, сяду для такихъ хоросихъ пановъ.

— Давай же свою загадку!

— Ну, хоросо. Сказите: какая это рыба въ Днѣпрѣ есть, сто езели она въ водѣ плыветъ, то одна рыба бываетъ, а когда изловятъ ее и вытасцатъ, такъ двѣ рыбы будетъ, а езели зазарютъ и скусаютъ, тогда три рыбы станетъ? Какая-зе это рыба?

— Ну, какая же это можетъ быть рыба! проговорилъ видимо озадаченный студентъ. Странное дѣло! Изъ одной рыбы сперва двѣ выходитъ, а потомъ три...

— Такъ тоцно: когда поймаютъ—двѣ будетъ, а кусать станутъ—три рыбы выдетъ. Сто-зе это?

— Чёртъ ее знаетъ, что за рыба такая! Ну, я вижу, мнѣ не отгадать. Говори же, какая это рыба?

— Позалуйте полтину!

— На, возьми! сказалъ студентъ, подавая деньги. Такъ какая же это рыба?

— А я и самъ не знаю, какая! отвѣчалъ еврей, разводя руками.— Усъ езели вы не мозете угадать, какъ-зе я вамъ сказу! Я целовѣкъ простой, не уцился совсѣмъ. Этого, мозетъ, и наси цадики не сгадаютъ. Такой рыбы совсѣмъ, мозетъ, и на свѣтѣ нѣтъ ни въ какой рѣкѣ, ни въ морѣ: нельзя, стобъ такая мудреная рыба гдѣ-нибудь водилась.

Студенты расхохотались, а еврей торопливо спряталъ въ карманъ полтину и, скрутивъ папиросу, полѣзъ къ пароходной печи, просидѣть десять минутъ, проигранныхъ на первой загадкѣ.

V.

Въ воронежской губерніи познакомился я съ однимъ мировымъ посредникомъ. У насъ зашелъ съ нимъ однажды разговоръ о томъ, какія безграмотныя бумаги пишутъ иногда въ присутственныхъ мѣстахъ, особенно по далекимъ русскимъ закоулкамъ. Знакомый мой замѣтилъ при этомъ, что едва-ли гдѣ-нибудь можно встрѣтить такіе образцы неподражаемой безсмыслицы, какіе поступали и поступаютъ до сихъ поръ къ мировымъ посредникамъ; тутъ одинаково отличаются какъ крестьяне, такъ и помѣщики. Въ доказательство онъ прочелъ мнѣ съ десятокъ разнаго рода прошеній и донесеній и позволилъ нѣкоторые изъ нихъ скопировать.

Въ числѣ этихъ образцовыхъ документовъ я нашелъ такіе, которые по оригинальности не чужды своего рода литературнаго достоинства. Вотъ напримѣръ слово въ слово переписанное донесеніе волостнаго старшины:

«1859 года, 14-го сентября, въ день воздвиженія честнаго и животворящаго креста, въ сельцѣ Копненкѣ, при воздвигшемся полуденномъ вѣтрѣ, въ 9 часовъ утра произошелъ пожарный случай. При домѣ помѣщицы Займинской совокупно съ домашними службами располагалась пристроенная баня. Наканунѣ, позднимъ вечеромъ, госпожа помѣщица парилась и по неосторожности своей, имѣя обыкновеніе курить въ банѣ папиросы, предположительно заронила табачную искру, которая отъ тлѣнія въ замкнутости и обнаружила оный пожаръ; а возвратясь изъ бани, сама не замѣчая, предалась сонному отдохновенію въ собственной спальнѣ. Утромъ-же тлѣніе въ открытое перешло съ явнымъ обнаруженіемъ черезъ огонь. А какъ въ окружномъ сосѣдствѣ расположенъ квартированіемъ пѣхотный полкъ для слѣдованія къ маневрамъ, когда дымъ распустилъ облако по селенію и послышался звонъ набатный въ колокола, то первый возсталъ отъ бодрственнаго сна прапорщикъ Ивановъ. Выбѣжавъ поспѣшно на оное изъ квартиры своей, гдѣ имѣетъ жительство постоемъ, въ полукафтанѣ при саблѣ и въ сапогахъ съ длинными голенищами, закричалъ громко солдатамъ: «ребята, спасемъ помѣщицу!» По каковому возглашенію солдаты бросились съ поспѣшеніемъ, а онъ

впереди въ длинныхъ сапогахъ и при полусаблѣ. Прибѣжали, когда баня порѣшилась и огненнымъ пламенемъ начало обнимать самую усадьбу, а никакихъ спасительныхъ мѣръ предохраненія нѣтъ ни близко, ни далеко, и помѣщица Займинская, во вдовствѣ находящаяся болѣе года, во снѣ невстанно пребывала. Пожаръ продолжалъ свое невозбранное дѣйствіе, не взирая на геройское прибытіе прапорщика Иванова. Бросаясь во всѣ стороны съ неуклонной твердостью, кричалъ: «гдѣ она? гдѣ она?» разумѣя подъ этимъ жалобнымъ моленіемъ саму госпожу помѣщицу. Видя, что ея не видно передъ собравшимся присутствующимъ народомъ у пожара, вбѣжалъ онъ въ дымящіеся покои и поспѣшно низринулся въ спальню госпожи Займинской. Въ одной сорочкѣ и исподницѣ она пребывала, по раннему часу въ господскомъ ихъ пониманіи, и такъ вынесъ ее, ободряя поощрительно на груди своей. Домъ же солдаты отстояли съ поврежденіемъ только одного угла касающагося. А прапорщихъ Ивановъ, въ великой благодарности отъ помѣщицы, въ молодости лѣтъ и красотѣ отъ лютаго пламени исхищенной, въ оный домъ госпожи Займинской въ тотъ же вечеръ на квартированіе перемѣстился къ полному ея продовольствію. О чемъ вашему высокоблагородію почтительно и доношу къ поощренію передъ Богомъ и людьми. Волостной старшина N. N.»

А вотъ копія съ просьбы помѣщика, который смѣло можетъ стоять на одной доскѣ съ этимъ грамотѣемъ. Баринъ этотъ, какъ сказалъ мнѣ посредникъ, учился когда-то въ гимназіи и теперь выписывалъ даже какой-то журналъ.

«По значительно долговременномъ непріѣздѣ вашемъ, милостивый государь, въ мое имѣніе, имѣю честь сообщить письменнымъ образомъ черезъ нарочнаго. Сего 1859 года, сентября въ 30-й день, сельскій староста Павлюкъ, явясь ко мнѣ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, что мною освидѣтельствовано самолично, объявилъ, что недавно въ часъ глубокой ночи устрашенъ онъ былъ какимъ-то страшнымъ по необычайности явленіемъ. Проходя изъ шинка въ свою хату, встрѣтилъ яко-бы провидѣніе, въ исполинскомъ образѣ безобразнаго карлика, которое преградило ему путь слѣдованія и въ дерзкихъ словахъ, невыносимыхъ для цѣломудреннаго уха русскаго дворянина, поносило меня и другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ во имя эмансипаціи. Староста, по своему ограниченному невѣжеству, приписываетъ оное видѣніе духу тьмы злокозненнаго врага рода человѣческаго Я же по силѣ

возможности моихъ познаній старался растолковать ему, что иногда устрашающее насъ ночное видѣніе суть ничто иное, какъ суемудрый духъ западнаго просвѣщенія и революціи, подсылаемый для возбужденія невѣжественнаго народа къ мечтаніямъ о несбыточной свободѣ. Посему и приказалъ Павлюку, буде съ нимъ вторично встрѣтится кто либо подъ образомъ духа тьмы искусителя, то послѣ молитвеннаго возгласа: «да расточатся врази его», въ случаѣ неисчезновенія онаго, тащилъ бы немедленно подъ караулъ и препровождалъ куда слѣдуетъ по указанному закону въ инструкціи. Твердо внушилъ я старостѣ, что при такомъ неуклонномъ образѣ дѣйствій, англійскому коноводу, лорду Пальмерстону не удастся возжечь огнь революціонной пропаганды въ нашемъ любезномъ отечествѣ, какъ воспалилъ онъ таковой въ Италіи, что я читалъ въ «Сынѣ Отечества», къ удивленію съ похвалою оному. Хотя Павлюкъ и увѣрялъ меня, что страшное видѣніе, видѣнное имъ, не принадлежало къ человѣческому естеству; но я внушилъ ему, что оное предположеніе неосновательно и на предразсудкѣ только основано, что подтверждаетъ и нашъ россійскій философъ Карамзинъ, говоря: «о тварь! отъ колыбели ты слѣпа безъ свѣта!» Хотя я и не осмѣливаюсь причислить себя къ сонму людей свыше вдохновенныхъ, но по разуму моему при образованіи отъ грубыхъ предразсужденій освобожденъ. Что-же касается, что провидѣніе поносило меня ругательно въ совокупности съ другими уваженія достойными помѣщиками, это, по мнѣнію моему, отъ крутаго перелома эмансипаціи въ разсужденіи временно-обязанныхъ. Оное и впредь предстоитъ, ибо только гордіевъ мечъ можетъ разрубить узелъ, завязанный Александромъ-Македонскимъ. Вы поставлены верховной властью въ посредники между благородными потомками Сима и Афета и освобожденнымъ племенемъ Ханаана, а потому и возлагаю несомнѣнную надежду, что по своему служебному вліянію внушите со своей стороны старостѣ Павлюку, дабы онъ не устрашался мнимаго провидѣнія, а, не дозволяя ему хулить господъ землевладѣльцевъ, боролся съ нимъ по мѣрѣ вѣрноподданническаго усердія и представлялъ къ вашему высокоблагородію для разслѣдованія и заслуженнаго наказанія по законамъ отечественнаго Свода. Помѣщикъ N. N.»

Разумѣется, правописаніе въ томъ и другомъ документѣ исправлено.

А. Милюковъ.

КРИТИКА.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПСИХОЛОГІИ, ГЕБЕРТА СПЕНСЕРА.

(Окончаніе)

III.

Свой приступъ къ синтетической психологіи Спенсеръ начинаетъ систематически съ установленія метода. Степень умственнаго развитія, говоритъ онъ, опредѣляется степенью сознательности и систематичности. По мѣрѣ того какъ первая растетъ, операціи, остававшіяся до сихъ поръ въ тѣни и производившіяся такъ сказать ощупью, инстинктивно, становятся доступными для сознанія, выясняются и систематизируются. Къ числу операцій до сихъ поръ еще мало выясненныхъ, относится *гипотеза*... Всякое обобщеніе есть въ началѣ гипотеза. Отыскивая законъ какого нибудь класса явленій, мы вынуждены дѣлать предположенія о немъ и затѣмъ собирать свидѣтельства, подтверждающія или опровергающія эти предположенія. Самый строгій приверженецъ индуктивнаго метода не можетъ обойтись безъ такихъ предположеній, такъ какъ безъ нихъ онъ не знаетъ ни какихъ новыхъ фактовъ ему искать, ни о чемъ выспрашивать факты, уже извѣстные... Указавъ такимъ образомъ неизбѣжность гипотезы, Спенсеръ ставитъ вопросъ: нѣтъ ли какого нибудь руководства къ образованію вѣрныхъ гипотезъ?.. До сихъ поръ гипотезы образуются несистематически; это не болѣе какъ намеки бѣглаго наблюденія, и выборъ вѣрной гипотезы большею ча-

стію оказывается случайнымъ. Но не въ правѣ ли мы заключить по особенному искуству, съ которымъ иные дѣлаютъ этотъ выборъ, что ими руководитъ особый пріемъ мысленной дѣятельности? Называть способность такихъ людей геніемъ или вдохновеніемъ значитъ не болѣе какъ уклоняться отъ разрѣшенія этого вопроса. Если феномены мысли управляются постоянными законами, то необыкновенное искуство въ выборѣ гипотезъ означаетъ не болѣе какъ необыкновенную склонность къ тому мысленному процесу, путемъ котораго достигаются вѣрныя гипотезы; а это ужъ есть порука, что подобный процесъ существуетъ дѣйствительно... Выясненіе его указываетъ Спенсеру путь къ установкѣ искомаго метода.

...То обстоятельство, говоритъ онъ, что вѣрное обобщеніе приводитъ къ одному знаменателю группы явленій, на первый взглядъ разобщенныя, само уже служитъ болѣе или менѣе надежной порукою въ вѣрности обобщенія. Потому что найдти, для извѣстной категоріи фактовъ, законъ, одинаково примѣнимый къ другой, очевидно отличной категоріи, не явно ли это значитъ напасть на слѣдъ истины болѣе общей, чѣмъ истина, спеціально характеризующая каждую категорію порознь?.. Выводъ такой: особенность, которая оказывается общею въ случаяхъ далеко различныхъ, имѣетъ болѣе вѣроятности оказаться фундаментальной особенностью, чѣмъ та, которая оказывается общею случаямъ близко похожимъ... Отсюда ужъ можно вывести методъ, руководящій къ образованію вѣрныхъ гипотезъ. Потому что это дѣлаетъ очевиднымъ для насъ удобство, отъискивая самую общую характеристику какой нибудь категоріи, сравнивать случаи, въ ней содержащіеся, не между собою, а со случаями какой нибудь родственной категоріи. Мы должны выискать всѣ категоріи, съ которыми вѣроятно родство, сравнить нѣкоторыя изъ явленій, принадлежащихъ каждой изъ нихъ, съ явленіями той категоріи, которую мы изучаемъ, отъискать что между ними есть общаго и затѣмъ, если окажется нѣчто, приступить къ изслѣдованію, дѣйствительно ли это нѣчто есть черта общая всѣмъ изучаемымъ нами явленіямъ? Причемъ, опять въ силу того же принципа, мы лучше поступимъ, начавъ сравненіе прямо со случаевъ наиболѣе противоположныхъ. Этотъ путь обезпечиваетъ двойную выгоду. Не только найденная нами черта имѣетъ болѣе шансовъ ока-

заться родовою особенностью, чѣмъ какая бы то ни была изъ особенностей, общихъ одному только классу явленій; но кромѣ того еще этимъ путемъ мы гораздо скорѣе отъищемъ *все*, что есть общаго между разнообразными явленіями, сопоставляемыми другъ съ другомъ, чѣмъ мы были въ состояніи отъискать *все*, что есть общаго между явленіями близко сходными. Меньшее число гипотезъ возможно; всѣ возможные, вѣроятно, придутъ на умъ, и наконецъ изъ тѣхъ, которыя придутъ на умъ, каждая имѣетъ гораздо болѣе вѣроятій оказаться истиною...

Все это вѣрно само по себѣ; но невѣрно какъ методъ; потому что для метода это слишкомъ односторонно. Въ пяти словахъ, это не болѣе какъ *преимущество широкаго обобщенія надъ узкимъ*, знакомое всякому дальновидному изслѣдователю; но оно, независимо отъ своей неполноты какъ методъ, имѣетъ еще и другія, собственно ему принадлежащія неудобства, которыя мы не видимъ нужды указывать здѣсь, потому что они гораздо яснѣе обнаружатся сами собой, въ примѣненіи.

Къ этому примѣненію Спенсеръ и приступаетъ немедленно... Единственныя явленія, говоритъ онъ, съ которыми феномены духа въ родствѣ, это—явленія жизненной дѣятельности въ ихъ низшихъ формахъ, и родство это близкое. Хотя мы и смотримъ обыкновенно на жизнь духовную, какъ на нѣчто отличное отъ жизни тѣлесной; но стоитъ только возвыситься нѣсколько надъ обычною точкою зрѣнія, чтобы увидѣть, что обѣ онѣ суть подраздѣленія жизни въ общемъ ея объемѣ и что никакой пограничной черты между ними нельзя провести иначе, какъ произвольно. Конечно, для тѣхъ, чей взглядъ, по обыкновенію, упорно направленъ только на крайнія формы этихъ подраздѣленій, утвержденіе наше покажется также невѣроятно, какъ утвержденіе, что дерево, путемъ непримѣтныхъ измѣненій, развивается изъ зерна, должно было бы показаться человѣку, не видавшему ни одной изъ переходныхъ его ступеней. Но свободное отъ предразсудковъ изслѣдованіе постепенныхъ шаговъ должно породить убѣжденіе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Если вѣрно, что отъ простаго рефлекса, дающаго грудному ребенку возможность сосать, до глубоко-обдуманнаго сужденія взрослаго, прогресъ идетъ ежедневными, безконечно-малыми ступенями,

то не менѣе вѣрно и то, что между машинальными дѣйствіями низшихъ созданій и высшими, сознательными дѣйствіями человѣческаго рода, цѣпь дѣйствій, обнаруживаемыхъ различными породами животнаго царства, можетъ быть протянута такъ, что ни объ одномъ изъ звеньевъ ея мы не будемъ имѣть возможности сказать: *здѣсь начинается мысль.* Если отъ передоваго представителя науки, занятаго своими изслѣдованіями съ полнымъ сознаніемъ методовъ, имъ употребляемыхъ, мы спустимся къ человѣку средняго образованія, разсуждающему довольно широко и вѣрно, но не дающему себѣ отчета какимъ путемъ, и затѣмъ сойдемъ еще степенью ниже, къ образу мыслей поселянина, высшія соображенія котораго не простираются дальше тѣхъ мѣстныхъ событій, которыя имъ служатъ пищею; — а отъ него перейдемъ къ низшимъ породамъ людей, которыхъ вовсе нельзя заставить думать, которые не могутъ сообразить ничего сложнаго и понятія которыхъ о числѣ (по свидѣтельству Гельтона, въ его отчетѣ о Дамараскахъ) едва превосходятъ понятіе собаки; — если затѣмъ мы обратимся къ высшимъ породамъ четверорукихъ, многія дѣйствія которыхъ также разумны, какъ дѣйствія школьника, и которые имѣютъ языкъ, хотя непонятный для насъ, но, очевидно, болѣе или менѣе понимаемый ими между собою; — если отъ нихъ перейдемъ къ домашнимъ животнымъ, за которыми даже противники нашихъ воззрѣній признаютъ мыслительную способность, съ той оговоркой, что она у нихъ частный случай; — если отъ смысленнѣйшихъ четвероногихъ мы начнемъ нисходить постепенно къ менѣе способнымъ, замѣчая, по мѣрѣ того какъ мы спускаемся, всю постепенность перехода къ такимъ, которые не обнаруживаютъ никакой способности разнообразить свои дѣйствія въ примѣненіи къ особымъ условіямъ и такимъ образомъ оказываются подъ руководствомъ того, что мы называемъ инстинктомъ; — если отъ изученія процеса высшихъ инстинктовъ, въ которыхъ сложные комбинаціи движеній производятся сложными комбинаціяаи стимуловъ, мы перейдемъ постепенно къ низшимъ, въ которыхъ стимулы и производимыя ими движенія становятся проще и проще, и при этомъ увидимъ себя незамѣтно переходящимъ въ сферу такъ называемаго рефлекса, въ которомъ уединенное движеніе порождается столь же уединеннымъ стимуломъ; — если отъ тварей, въ которыхъ это соотно-

шеніе опредѣляется раздраженіемъ нерва и сокращеніемъ мускула, мы спустимся еще ниже, къ созданіямъ, вовсе лишеннымъ нервной и мускулярной системы, и увидимъ, что въ нихъ раздражимость и сократимость отправляются тою же тканью, которая выполняетъ при этомъ еще и отправленія поглощенія, выдѣленія, дыханія и воспроизведенія;—и если наконецъ мы убѣдимся, что каждый изъ фазисовъ интелигенціи, поименованныхъ нами, переходитъ въ другіе, съ нимъ смежные, путемъ неисчислимыхъ и неуловимыхъ видоизмѣненій, то мы получимъ возможность до нѣкоторой степени уяснить себѣ тотъ фактъ, что никакой опредѣленной границы нельзя отъискать между явленіями духа и жизненными явленіями вообще (паралельно съ этимъ отсутствіемъ границы у Спенсера идетъ отсутствіе точки въ продолженіе двухъ страницъ)... Такимъ образомъ, заключаетъ Спенсеръ, тѣлесная и духовная жизнь оказываются видоизмѣненіями одного общаго рода:—*жизни*, и потому, отъискивая характеристику, общую имъ обѣимъ, мы въ сущности ищемъ характеристику жизненныхъ явленій въ ихъ общемъ смыслѣ, характеристику, отличающую ихъ отъ явленій нежизненныхъ. Исходною точкою нашею должно быть изслѣдованіе особенности, свойственной одинаково всѣмъ процесамъ жизни...

Все это, конечно, согласно съ методомъ, принятымъ къ руководству въ началѣ; но методъ этотъ, какъ мы намекнули уже, имѣетъ свои недостатки, и здѣсь, они обнаруживаются довольно ясно. Расширяя такимъ образомъ рамку изслѣдованія, очень легко выйдти вовсе изъ круга первоначальной своей задачи и упустить изъ виду, что ясное уразумѣніе различія столь же необходимо для вѣрной характеристики извѣстнаго класса явленій, какъ и ясное уразумѣніе сходства. Одно даетъ мѣру другому и спецификація удерживаетъ генерализацію отъ свойственной ей наклонности выходить изъ границъ. Именно въ этомъ-то смыслѣ и грѣшитъ Спенсеръ. Онъ имѣлъ полное право вести свое обобщеніе такъ далеко, какъ это ему угодно, имѣлъ право шагнуть и за черту органической жизни, въ сферу химическаго, пожалуй хоть даже и механическаго процеса; но рядомъ съ этимъ онъ долженъ былъ постоянно имѣть въ виду, что отсутствіе пограничной линіи между двумя категоріями одного родоваго процеса не даетъ еще право слить эти двѣ категоріи въ

одинъ нераздѣльный типъ. Пограничная линія есть дѣло теоріи, на практикѣ ея нѣтъ нигдѣ. Нѣтъ круга, который подъ микроскопомъ выдержалъ бы экзаменъ и оказался дѣйствительно кругомъ; нѣтъ точки, которая не разплылась бы въ неограниченное пятно. Рука переходитъ рядомъ безчисленныхъ и неуловимыхъ градацій въ смежное съ нею плечо, а это послѣднее въ грудь и спину. Тѣмъ менѣе можно искать пограничной черты въ исторіи какого нибудь явленія. Оно непремѣнно, путемъ непримѣтныхъ градацій, выйдетъ изъ сферы какого нибудь другаго явленія и такимъ же путемъ перейдетъ въ другое. Но заключить изъ постепенности этого перехода объ отсутствіи ясно-опредѣленнаго типа, мы не имѣемъ права, потому что это ведетъ къ безразличію. Опредѣленіе типа надо искать на высшей точкѣ его развитія, а не на низшей. Еслибы зоологъ хотѣлъ отыскать характеристику птицы и спустился для этого къ яйцу (свѣжему, разумѣется), то онъ не нашелъ бы въ немъ ничего такого, что могло бы ему объяснить не только высшую степень развитія птичьяго типа, но даже и первый шагъ, начиная съ котораго общая форма зародыша начинаетъ идти своимъ особымъ путемъ. Еслибъ адептъ наукъ политическихъ захотѣлъ очертить типъ представительнаго правленія и спустился бы съ этою цѣлью къ историческому началу правительства вообще; а отъ него къ началу общественной жизни, а отъ него къ началу жизни семейной, то, продолжая идти этимъ путемъ, онъ скоро бы вышелъ вовсе изъ сферы своей задачи и могъ бы зайдти Богъ знаетъ куда, пожалуй въ семейство четверорукихъ, не отыскавъ, какъ и Спенсеръ, нигдѣ ясной черты раздѣла, потому что такой черты нѣтъ тамъ, гдѣ онъ думалъ ее найдти, въ переходахъ, а есть она тамъ, гдѣ онъ не искалъ ея, въ сердцѣ явленія, въ самомъ центрѣ его. Но мы увидимъ еще не разъ впослѣдствіи, къ какимъ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ приводитъ Спенсера его односторонній пріемъ; увидимъ, что онъ дѣйствительно вынужденъ былъ шагнуть за черту органической жизни и перейдти въ механику, не отыскавъ даже между механикою и жизнію никакой ясной границы; а теперь вернемся къ нити его изслѣдованія.

Слѣдуя вышеизложенному методу образованія вѣрной гипотезы, Спенсеръ беретъ по одному явленію въ каждомъ изъ двухъ вели-

кихъ отдѣловъ жизненнаго процеса и ищетъ въ нихъ сходства. Актъ *поглощенія или усвоенія* (assimilation) выбранъ имъ съ этою цѣлію въ сферѣ физіологической, *актъ заключенія* въ сферѣ интелектуальной, и оказывается, что оба они представляютъ собой *процесъ измѣненія*... Безъ измѣненія пища не можетъ быть принята въ кровь и превращаема въ ткань; безъ измѣненія нѣтъ возможности перейдти отъ посылки къ выводу. И это-то ярко бросающееся въ глаза явленіе перемѣны образуетъ субстратъ нашей идеи жизни въ самомъ широкомъ ея значеніи... На это можно замѣтить, что *измѣненіе* точно также характеризуетъ *смерть*, то есть прямое и положительное отрицаніе жизни. Какъ только кончилась жизнь, такъ начинается процесъ разложенія, представляющій тоже рядъ измѣненій. Мало того, всякое дѣйствіе и всякій процесъ: жизненный, или химическій, или механическій, одинаково состоитъ изъ ряда совмѣстныхъ или послѣдовательныхъ измѣненій, и нѣчто подобное утверждалъ еще въ греческой философіи Гераклитъ. Опредѣленіе, стало быть, выходитъ изъ рамки опредѣляемаго; оно гораздо шире его, и Спенсеръ самъ это чувствуетъ; а потому онъ немедленно начинаетъ съужать его постепенными ограниченіями.

Оказывается *во первыхъ*, что жизненное измѣненіе отличается отъ нежизненнаго тѣмъ, что оно представляетъ собою не простое и однообразное измѣненіе, а состоитъ изъ ряда *послѣдовательныхъ измѣненій*.

Во вторыхъ тѣмъ, что оно состоитъ кромѣ того *изъ одновременныхъ измѣненій*.

Въ третьихъ, что оно отличается еще своей *разнородностью*.

Въ четвертыхъ тѣмъ, что оно содержитъ въ себѣ *комбинацію измѣненій*.

Наконецъ *въ пятыхъ*, что комбинація эта имѣетъ всегда *опредѣленный характеръ*.

Соединяя все это вмѣстѣ, Спенсеръ выводитъ такую формулу: *Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнохарактерныхъ измѣненій, въ порядкѣ единовременномъ и послѣдовательномъ*.

Замѣчательно, что, примѣряя каждое изъ пяти отдѣльныхъ опредѣленій, поочередно къ идеѣ *жизни*, Спенсеръ находитъ самъ, что оно невполнѣ достаточно, потому что въ рамку его такъ и напрашивается то то, то другое явленіе изъ сферы неорганической, и единственное оправданіе, которое онъ находитъ, это, что степень и сила жизненнаго измѣненія, на каждой ступени его опредѣленія, очень значительно превосходитъ степень и силу измѣненія нежизненнаго. Но это различіе чисто количественное и Спенсеръ самъ это чувствуетъ. Мало того, онъ находитъ, что хотя его сложная формула и выключаетъ, какою нибудь своею стороною поочередно, все то, что другія стороны, вмѣстѣ взятыя, не въ состояніи исключить; но что, тѣмъ не менѣе, формула эта все-таки недостаточна. Она не выполняетъ существенной обязанности опредѣленія; не даетъ уму полной идеи опредѣляемаго предмета. Ей недостаетъ самой характеристической черты, черты знакомой намъ изъ ежедневнаго опыта и связанной съ нашимъ понятіемъ о жизни самымъ тѣснѣйшимъ образомъ.

Какимъ способомъ, говоритъ онъ далѣе, мы обыкновенно отличаемъ живой предметъ отъ мертваго? Мы наблюдаемъ: сопровождается ли измѣненіе окружающихъ обстоятельствъ (естественное или умышленно-произведенное) какимъ нибудь ощутительнымъ измѣненіемъ въ предметѣ. Замѣчая, что нѣкоторые предметы съеживаются, если до нихъ дотронешься, или летятъ прочь, если къ нимъ подойдешь, или вскакиваютъ, когда раздастся шумъ, дитя въ первый разъ составляетъ себѣ догадку о различіи между живымъ и неживымъ. Взрослый, недоумѣвая: живое ли онъ видитъ передъ собой существо или мертвое, трогаетъ его палкою, а на разстояніи—кричитъ или бросаетъ въ него камнемъ... Не только однакоже мы ожидаемъ какого нибудь отвѣта, при дѣйствіи внѣшняго стимула на живой организмъ; но мы замѣчаемъ еще и нѣкоторую пригодность въ отвѣтѣ. При извѣстныхъ измѣненіяхъ обстановки и неодушевленныя вещи мѣняются. Горсть соды, опущенная въ сѣрную кислоту, кипитъ, веревка намоченная стягивается. Но въ случаяхъ этого рода мы не замѣчаемъ никакой связи между претерпѣваемыми измѣненіями и сохраненіемъ вещи, претерпѣвающей ихъ; или *чтобы избѣжать всякаго намека на цѣлесообразность*, измѣненія

этого рода не обнаруживаютъ никакого замѣтнаго отношенія къ *будущимъ* внѣшнимъ событіямъ, которыя необходимо или вѣроятно произойдутъ. Въ жизненныхъ измѣненіяхъ, напротивъ, отношеніе это очевидно... Свѣтъ *нуженъ* растительной жизни, а потому мы видимъ... и проч...

Какое лукавство! И какое простодушіе вмѣстѣ съ тѣмъ!... Извѣстное измѣненіе живаго предмета замѣчается въ явномъ соотношеніи *съ будущимъ* внѣшнимъ событіемъ и клонится къ достиженію чего-то такого, что *нужно* для сохраненія жизни... и вся эта длинная оговорка, по собственному признанію Спенсера, единственно для того, чтобы не включить въ свое объясненіе понятіе *о цѣлесообразности!...* Какъ будто можно его не включить, давъ цѣлый рядъ совпадающихъ съ нимъ синонимическихъ опредѣленій? Какъ будто оно не включено уже въ то, что сказано? Можно бояться понятія и можно его избѣгать, сколько угодно; но имѣя разъ нужду въ немъ и не видя возможности обойтись безъ него и высказавъ это такимъ недвусмысленнымъ образомъ, высказавъ смыслъ, бояться слова, усвоеннаго ему наукою и общимъ употребленіемъ,— это ужъ просто ребячество! А до какой степени Спенсеръ боится этого слова, это мы будемъ не разъ еще имѣть случай увидѣть.

Введя въ свое опредѣленіе новый терминъ:—жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій въ порядкѣ единовременномъ и послѣдовательномъ и *въ соотвѣтствіи* съ внѣшними современностями и послѣдовательностями,—Спенсеръ находитъ однако, что терминъ: *соотвѣтствіе* не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ отношеній, которыя имъ должны быть выражены, и это наводитъ его на мысль, что еслибы уравнять разносторонніе элементы этого опредѣленія въ одномъ общемъ терминѣ, какъ: *отношенія*, то можно бы было придти къ другой, болѣе отвлеченной, но за то и болѣе совершенной формулѣ; а именно: *жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ*.

Но, говоритъ онъ, не смотря на все превосходство свое относительно простоты и емкости, формула эта, по причинѣ своей отвлеченности, едва ли годна для нашей теперешней цѣли... А потому, отложивъ примѣненіе ея до другаго, болѣе удобнаго случая, онъ

возвращается къ предъидущей, и вся остальная, длинная часть *общаго синтезиса* посвящена ея доказательству или ея объясненію. Главнымъ мотивомъ того и другаго служитъ Спенсеру теорема, произносимая имъ немедленно вслѣдъ за установкою формулы. *Степень жизни*, говоритъ онъ, *пропорціональна степени соотвѣтствія*.... Изучая жизнь на низшихъ ступеняхъ ея развитія, мы находимъ, что однѣ только преобладающія особенности внѣшней ея обстановки находятъ себѣ отвѣтъ въ организмѣ. Жизненные процесы растенія приспособляются только къ присутствію извѣстныхъ веществъ, окружающихъ его корни и вѣтви, варіируются только съ варіаціями, производимыми въ этихъ послѣднихъ солнцемъ, и вполнѣ нечувствительны къ безчисленнымъ механическимъ или другимъ измѣненіямъ, происходящимъ вокругъ, помимо случаевъ ихъ насильственнаго прекращенія. Жизнь червяка состоитъ изъ дѣйствій, отвѣчающихъ исключительно однимъ только касательнымъ свойствамъ его обстановки: всѣ видимыя и слышимыя измѣненія вокругъ него остаются ему безразличны, не производятъ въ немъ соотвѣтствующихъ измѣненій; единственное приспособленіе внутреннихъ его отношеній къ внѣшнимъ отношеніямъ этого рода замѣтно только въ единственномъ случаѣ: когда онъ, ощущая вибрацію грунта, производимую приближающимся кротомъ, спасается на поверхность. Дѣйствія птицы отвѣчаютъ уже несчетному множеству измѣненій ея обстановки, познаваемыхъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и ихъ комбинаціями; и въ силу такого обширнаго соотвѣтствія она избѣгаетъ несчетныхъ опасностей, удовлетворяетъ несчетнымъ нуждамъ; но мы не видимъ въ ней такихъ дѣйствій, которыми люди уравновѣшиваютъ неравенства температуры и количества пищи, зависящія отъ временъ года, ни такихъ, путемъ которыхъ охотникъ заманиваетъ въ ловушку добычу, которую онъ не можетъ догнать. И если мы видимъ за тѣмъ, растеніе съѣденное, червяка раздавленнаго, птицу издохшую отъ голода, то для насъ становится ясно, что смерть ихъ произошла отъ такой перемѣны въ ихъ обстановкѣ, которая въ организмѣ ихъ не встрѣчена была соотвѣтственной перемѣною и что поэтому жизнь ихъ, по своей простотѣ и размѣру, была неполна въ той же степени, въ какой соотвѣтствіе было неполно... А изъ этого ясно, что усиленіе соот-

вѣтствія, при равенствѣ другихъ условій, должно имѣть слѣдствіемъ болѣе долгую и болѣе усложненную жизнь...

Высказавъ это, Спенсеръ и самъ замѣчаетъ, что онъ хватилъ слишкомъ далеко, а потому оговаривается, что хотя вслѣдствіе разныхъ особыхъ причинъ долгота жизни и невсегда тѣсно связана со степенью ея совершенства, но что тѣмъ не менѣе, въ общемъ счетѣ, такая связь есть. Для лучшаго выясненія общаго правила въ виду такихъ исключеній, онъ замѣчаетъ, что *по мѣрѣ того какъ жизнь становится выше, обратнымъ путемъ и обстановка ея усложняется*... Хотя, говоритъ онъ, подъ обстановкою мы разумѣемъ, въ широкомъ смыслѣ, все окружающее пространство со всѣмъ содержащимся и происходящимъ въ немъ; но практически, это часто бываетъ очень малая его часть... Подъ обстановкою *энтозоя* едва ли можно разумѣть что нибудь далѣе тѣла того животнаго, которое содержитъ его въ себѣ, и т. д... Принявъ терминъ въ его ограниченномъ смыслѣ, мы убѣдимся, что высшіе организмы имѣютъ и обстановку болѣе разнообразную...

За теоремою опять слѣдуетъ длинный рядъ зоологическихъ доказательствъ и примѣровъ, и этотъ пріемъ повторяется у Спенсера безпрестанно во всей второй половинѣ его сочиненія, повторяется до того, что утомляетъ вниманіе и ослабляетъ уже и такъ довольно слабую связь. Въ промежуткахъ между отдѣльными выводами мы должны безпрестанно нырять вмѣстѣ съ нимъ въ глубину морскую или въ какую нибудь мутную лужу воды и изучать съ безпощадной подробностью первые проблески интелигенціи въ такихъ потемкахъ ея, что послѣ, вынырнувъ на свѣтъ Божій, въ глазахъ рябитъ и въ ушахъ звенитъ и мы съ трудомъ припоминаемъ: на какомъ узелкѣ остановилась нить синтетическихъ выводовъ, ежеминутно прерываемая... Но вернемся къ дѣлу.

Простѣйшее и самое убѣдительное доказательство того, что степень жизни пропорціональна степени соотвѣтствія, Спенсеръ, со свойственною ему наивностію, находитъ въ правдоподобіи той гипотезы, что совершенное соотвѣтстіе было бы вмѣстѣ и совершенная жизнь. Очевидно, говоритъ онъ, что еслибы на каждое измѣненіе въ обстановкѣ, имѣющее какое нибудь вліяніе на организмъ, этотъ послѣдній отвѣчалъ бы всегда какъ слѣдуетъ, то соотвѣт-

ствіе было бы полное и смерть стала бы невозможна и жизнь, относительно степени ея и долготы, была бы самая высшая, какую мы только можемъ себѣ представить.

На этомъ оканчивается теоретическая часть *общаго синтезиса* и начинается ея илюстрація. Постепенное развитіе соотвѣтствія въ прогресѣ отъ низшихъ формъ жизни къ высшимъ изображается самымъ подробнѣйшимъ образомъ и со всѣхъ точекъ зрѣнія. Въ началѣ мы видимъ передъ собою самые низшіе типы. Въ числѣ примѣровъ Спенсеръ приводитъ *грегаріану* и *клѣточку оспы;* ниже уже конечно нельзя начать... Все нужное организму на этой степени находится непосредственно возлѣ его, какъ ровное, постоянное содержимое окружающей его середины. При такой обстановкѣ движеніе вовсе ненужно. Актъ поглощенія и актъ выдѣленія не содержатъ въ себѣ никакихъ развѣтвленій, никакого разнообразія; они совершенно просты и односложны.

Ступенью выше середина уже не представляетъ такой однородности, и организмъ вынужденъ дѣйствовать специфически, чтобы поставить себя въ соотношеніе съ нужнымъ ему матеріаломъ. Но дѣйствіе это ограничено самымъ тѣснѣйшимъ кругомъ однообразно-повторяемыхъ перемѣнъ. Къ этой группѣ Спенсеръ относитъ высшіе типы растеній, имѣющихъ нужду въ свѣтѣ, и теплотѣ, и влагѣ, и въ грунтѣ извѣстнаго качества, а изъ животныхъ указываетъ на *зоофитовъ* и на *молюсковъ*. У послѣднихъ есть уже нѣкоторая чувствительность къ наружному раздраженію и есть реакція, выражающая себя сокращеніемъ; есть, стало быть, извѣстнаго рода выборъ относительно разнороднаго содержанія обстановки и есть движеніе; но все это ограничено актомъ прямаго прикосновенія и мы не видимъ еще никакого отвѣта на явленія, сколько нибудь удаленныя отъ поверхности тѣла. Такой отвѣтъ составляетъ уже дальнѣйшій прогресъ. Онъ обнаруживается вмѣстѣ съ развитіемъ чувствъ: обонянія, зрѣнія, слуха и наконецъ высшихъ способностей.

Генезисъ органовъ зрѣнія и слуха въ ихъ первобытномъ видѣ очерченъ у Спенсера мастерски, и хотя, разумѣется, догадки играютъ въ немъ главную роль; но эти догадки такъ близко подво-

дятъ насъ къ истинѣ и даютъ на нее такой остроумный намекъ, что мы не можемъ ихъ пропустить безъ вниманія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, говоритъ Спенсеръ, что вся наружная ткань *зоофитовъ* способна отвѣтствовать значительнымъ измѣненіямъ въ качествѣ свѣта, на нее падающаго, и что въ этомъ есть уже нѣкоторый, хотя и слабый, намекъ на способность зрѣнія, намекъ, прелюдирующій образованію спеціальнаго органа. Но эта способность отличать свѣтъ отъ тьмы не обнаруживаетъ еще ничего похожаго на то, что мы называемъ зрѣніемъ, до тѣхъ поръ, пока она не сосредоточивается въ опредѣленномъ мѣстѣ. На первоначальный глазъ, состоящій, какъ у *планаріи*, изъ нѣсколькихъ зеренъ пигмента подъ верхнею оболочкою, мы можемъ смотрѣть просто какъ на отдѣльную часть поверхности, болѣе чувствительную къ свѣтовому раздраженію, чѣмъ остальныя. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ впечатлѣніи, къ которому онъ способенъ, обративъ закрытые глаза къ свѣту и проводя передъ ними взадъ и впередъ ладонь. Очевидно однакоже, что какъ скоро хотя бы даже и эта слабая спеціализація отправленія существуетъ, организмъ получаетъ уже возможность отвѣчать движенію непрозрачныхъ тѣлъ, проходящихъ по близости. Пока нѣтъ ничего кромѣ общей чувствительности къ свѣту, нужно, чтобы облако, или рука наблюдателя, или что нибудь способное бросить тѣнь, заслонило отъ солнца, если не все животное, то хоть большую его часть, для того, чтобы произвесть въ немъ внутреннее измѣненіе. Но коль скоро является пунктъ, особо-чувствительный, все, что бросаетъ тѣнь на него одного, можетъ ужъ быть причиною внутренней перемѣны. А такъ какъ для этого достаточенъ уже и меньшій предметъ, то подобный прогрессъ отъ общей чувствительности всего организма къ особой чувствительности незначительной доли его дѣлаетъ его способнымъ отвѣчать не только на крупныя измѣненія свѣта въ его обстановкѣ, но и на другія замѣтныя перемѣны этого рода, производимыя движеніемъ тѣлъ въ непосредственной близости отъ него... Такимъ образомъ первобытное зрѣніе простирается только на тѣ предметы, къ которымъ животное подходитъ, или которые подходятъ къ нему такъ близко, что готовы коснуться его. Изъ чего можно заключить, что зрѣніе вна-

чалѣ есть почти что не болѣе, какъ простое предчувствіе осязанія... Первое усовершенствованіе, состоящее, по видимому, не болѣе какъ изъ легкой выпуклости на кожѣ, поверхъ чувствительнаго пути, должно, сосредоточивая лучи, сдѣлать ощутительными менѣе сильныя измѣненія въ количествѣ свѣта и вслѣдствіе этого сдѣлать равно замѣтными какъ тѣже тѣла на увеличенномъ разстояніи, такъ и болѣе мелкіе или прозрачные предметы на разстояніи одинаковомъ.

Подобнымъ же образомъ и въ слухѣ. Покуда способность отвѣчать звуковымъ дрожаніямъ еще слаба и принадлежитъ безразлично тѣлу во всемъ объемѣ его, *слуха* въ его обыкновенномъ значеніи, то есть въ смыслѣ отвѣта на мѣстныя сотрясенія умѣренной силы, не можетъ быть. И только когда чувствительность усилится въ одномъ мѣстѣ, становится онъ возможенъ. Только тогда, когда есть уже первобытное ухо въ видѣ кожанаго мѣшка, содержащаго отолиты, способные сосредоточивать дрожаніе подобно тому, какъ первобытная роговая оболочка сосредоточиваетъ лучи, только тогда умѣренной силы звукъ, вблизи слуховаго мѣшка, начинаетъ производить такое же дѣйствіе на организмъ, обладающій этого рода органомъ, какое сильный толчекъ производитъ на весь объемъ организма, неодареннаго имъ.

Интересное объясненіе это мы находимъ въ особой главѣ, подъ титуломъ: *Расширеніе соотвѣтствія въ пространствѣ.* Въ ней Спенсеръ не ограничивается первыми ступенями прогреса по этому направленію, а идетъ несравненно далѣе, переходитъ въ сферу развитія человѣческой мысли и указываетъ, что каждый шагъ на этомъ пути раздвигаетъ все дальше и дальше границы той обстановки, на которую простирается соотвѣтствіе... Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, кругъ *соотвѣтствія*, расширяясь въ пространствѣ, увеличиваетъ число внѣшнихъ отношеній, къ которымъ внутреннія отношенія приспособляются, увеличиваетъ стало быть число внутреннихъ измѣненій, увеличиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ количество жизни и средства къ ея поддержанію. Изъ чего ясно, говоритъ онъ, что жизнь и способность поддерживать жизнь суть двѣ стороны одного и того же факта, и ясно, что *жизнь есть соче-*

таніе процесовъ, имѣющее результатомъ ея собственное продолженіе...

Здѣсь опять Спенсеръ столкнулся съ понятіемъ *цѣли* и опять, какъ говорится, *далъ крюку*, чтобы его обогнуть. То, что онъ здѣсь сказалъ, не имѣло бы никакого смысла, еслибъ поэтому нельзя было угадать того, что онъ этимъ хотѣлъ сказать. Мало ли какіе процесы имѣютъ результатомъ продолженіе ихъ? Но ни объ одномъ изъ нихъ, кромѣ жизненнаго, нельзя сказать, что онъ имѣетъ цѣль и что *цѣль* эта состоитъ въ его продолженіи. Спенсеръ могъ думать иначе; но думая *такъ*, почему не сказать прямо и ясно: *я думаю такъ?...* Что за дѣтское малодушіе бояться простаго слова! И не напоминаетъ ли это уѣздную даму Гоголя, которая вмѣсто того, чтобы сказать: *я высморкалась*, говоритъ: *я обошлась посредствомъ платка?...*

Далѣе Спенсеръ говоритъ о *расширеніи соотвѣтствія во времени...* Первый шагъ на этомъ пути, говоритъ онъ, есть простое движеніе организма на встрѣчу ожидаемому движенію внѣшняго тѣла и шагъ этотъ совпадаетъ съ первоначальнымъ развитіемъ чувствъ: обонянія, слуха и зрѣнія. Эти два вида распространенія сродны и въ порядкѣ механическихъ отношеній обнаруживаютъ тѣснѣйшую связь. Но выходя изъ круга феноменовъ механическихъ, связь эта слабѣетъ и *прогресъ соотвѣтствія во времени* получаетъ тотъ высшій смыслъ, который дѣлаетъ его исключительнымъ достояніемъ развитаго мышленія. Въ механическихъ соотношеніяхъ движеніе внѣшняго тѣла само собою ужъ служитъ для организма мѣрою его продолженія. Но тамъ, гдѣ послѣдовательность явленій не только не можетъ сама служить мѣрою, но и простирается еще на значительно-далекій періодъ времени, тамъ, очевидно, единственною доступною мѣрою могутъ служить только одни періодическія ощущенія самаго организма. Отсюда тотъ фактъ, что первые примѣры высшаго рода *соотвѣтствій въ порядкѣ времени* встрѣчаются только тамъ, гдѣ внутренняя періодичность согласуется съ внѣшнею. Такіе примѣры мы встрѣчаемъ уже у высшихъ породъ; но такъ какъ для согласованія этого рода на значительныхъ промежуткахъ требуется уже нѣкоторая способность оцѣнивать время, то это и объясняетъ, почему высшіе виды *со-*

отвѣтствія въ порядкѣ времени должны совпадать съ высшими степенями умственнаго развитія и почему только въ породѣ людей дѣйствія организма приспособляются къ медленнымъ измѣненіямъ, химическимъ, жизненнымъ, климатическимъ, происходящимъ въ его обстановкѣ. Переходъ однако и тутъ постепенный. Есть очевидныя доказательства, что на первыхъ шагахъ человѣческаго прогреса способъ оцѣнки времени отличается очень мало отъ способа высшихъ животныхъ породъ. Существуютъ еще историческіе слѣды того факта, что человѣкъ, въ первобытной жизни, приспособлялъ свои дѣйствія къ долговременной послѣдовательности внѣшнихъ событій, также точно какъ Новоголандцы и Бушмены дѣлаютъ это теперь, замѣчая ихъ совпаденіе съ періодическимъ перелетомъ птицъ, съ полноводіемъ рѣкъ, съ фазисами растительной жизни и проч... Но когда онъ сталъ замѣчать, что эти феномены временъ года въ свою очередь совпадаютъ съ періодическими явленіями на небѣ, тогда въ первый разъ для него открылся способъ, путемъ котораго *соотвѣтствіе въ порядкѣ времени* могло уже быть расширяемо въ безпредѣльность...

Послѣ этого, Спенсеръ мѣняетъ свою точку зрѣнія и рисуетъ прогресъ соотвѣтствія съ совершенно другой стороны. Дѣло идетъ о приложеніи къ нему того вывода, или вѣрнѣе сказать, той теоремы, съ которою мы познакомились въ концѣ первой части и которая, какъ это оказывается изъ другихъ сочиненій Спенсера, составляетъ его любимый конекъ;—другими словами дѣло идетъ о двойномъ процесѣ: *диференціяціи* и *интеграціи*. Спенсеръ отыскиваетъ его въ развитіи *соотвѣтствій* и описываетъ весьма подробно. Къ первой его сторонѣ, т. е. къ *диференціяціи*, принадлежатъ три главы: X. *прогресъ соотвѣтствія въ обособленіи* XI. *прогресъ его въ обобщеніи* и XII. *прогресъ* въ *усложненіи.* О содержаніи этихъ главъ мы не имѣемъ въ виду говорить подробно, такъ какъ оно въ существенной части своей есть не болѣе какъ повтореніе предъидущаго въ нѣсколько усложненной формѣ и въ натянутомъ, плохо выдержанномъ принаровленіи къ рамкѣ логическихъ категорій. Рамка эта, въ воззрѣніяхъ Спенсера, лишена всякой устойчивости и съ какой стороны на нее не смотри, нѣтъ никакой возможности уразумѣть ее въ цѣломъ. Одинъ уголъ выхо-

дитъ, а другой прячется; одна сторона выясняется, а другая путается; такъ что невольно приходитъ на память печальное положеніе той птицы въ болотѣ, про которую сказка разсказываетъ: *хвостъ вытащитъ—носъ увязнетъ; носъ вытащитъ—хвостъ увязнетъ* и проч.

Не желая вводить читателя въ такую дилему, мы перейдемъ съ нимъ прямо къ весьма интересной главѣ: *объ интеграціи соотвѣтствій.*

Послѣ всего предъидущаго, говоритъ Спенсеръ, намъ остается взглянуть на феномены жизни еще съ одной точки зрѣнія. Мы должны разсмотрѣть какимъ образомъ изъ групированія выростаетъ *объединеніе* (интеграція); какимъ образомъ сложныя впечатлѣнія, равно какъ и сложныя движенія ими управляемыя, по наружному свойству ихъ, подходятъ все ближе и ближе къ простымъ; какимъ образомъ сгрупированные элементы какого-бы то ни было стимула или дѣйствія, въ непрерывномъ стремленіи ихъ къ единству, достигаютъ наконецъ до того, что разложить ихъ можно только анализомъ, и какимъ образомъ далѣе, связь между стимуломъ и дѣйствіемъ, въ силу того же закона, становится такъ тѣсна, что превращаетъ ихъ наконецъ въ двѣ стороны одного и тогоже акта... Силою этого закона только и возможны высшія степени соотвѣтствія. Безъ него сложныя впечатлѣнія не могли бы раждать сложныя дѣйствія съ надлежащею быстротой, и не хватило бы времени на такое безчисленное умноженіе соотвѣтствій, какое являетъ намъ развитая жизнь. Еслибы въ высшихъ организаціяхъ ощущенія и движенія слѣдовали одно за другимъ не быстрѣе того какъ удаленіе улитки въ раковину слѣдуетъ за прикосновеніемъ къ ея рогамъ, то всѣ тѣ соотвѣтствія съ внѣшнею обстановкою, которыя требуютъ нѣкоторой быстроты приспособленія, стали-бы совершенно невыполнимы и жизнь человѣческая пришла бы къ концу..... Объединеніе, стало быть неизбѣжно и оно происходитъ въ процессѣ распорядительномъ также какъ и въ исполнительномъ.... Изъ примѣровъ, которые мы находимъ у Спенсера, какъ и всегда, въ большомъ изобиліи, мы выберемъ только одинъ. Это дѣйствіе искуснаго игрока на бильярдѣ. Въ одномъ ударѣ его мы видимъ какъ разстояніе, направленіе, относительное направленіе шаровъ другъ къ другу, и къ стѣнкамъ, и

къ лузамъ, все это сгрупировано самымъ точнѣйшимъ образомъ и слито въ одинъ недѣлимый актъ зрительнаго впечатлѣнія. Мы видимъ направленія кія, принаровленіе его къ шару, силу его толчка и качество его толчка, все акуратно приложенное къ достиженію требуемаго результата и мы видимъ, что долговременною привычкою, сложное впечатлѣніе до того слито со сложнымъ дѣйствіемъ, что одно слѣдуетъ за другимъ почти механически. Никакого разсчета или размышленія не требуется, мало того, даже не допускается, потому что въ этой игрѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, всякая нерѣшительность, всякое колебаніе, безпокойство, всякое дѣятельное вмѣшательство высшихъ способностей почти неизбѣжно ведутъ за собою промахъ....

Но законъ этотъ, продолжаетъ Спенсеръ (замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что законодательная наклонность у Спенсера необузданная; всякое теоретическое утвержденіе его, доказанное или недоказанное, немедленно возводится имъ въ законъ), приложимъ и къ высшимъ процесамъ мышленія. Высшія отвлеченія науки обнаруживаютъ его въ той-же степени какъ и искуство механической ловкости, или способность быстро распознавать предметы. Актъ обобщенія, напримѣръ, въ дѣйствительности, есть объединеніе различныхъ отдѣльныхъ понятій, включенныхъ въ обобщеніе, слитіе ихъ въ одно понятіе. Послѣ того какъ въ мысли образовался запасъ однородныхъ явленій, первоначально бывшихъ для нея отдѣльными фактами, а впослѣдствіи связанныхъ въ силу извѣстнаго сходства, вдругъ, съ появленіемъ можетъ быть какого нибудь типическаго примѣра, изъясняется отношеніе, общее всей ихъ группѣ: отдѣльные факты, связанные до сихъ поръ слабо, мгновенно кристализуются въ одинъ общій фактъ, иначе сказать интегрируются.....

Такимъ образомъ говоритъ Спенсеръ, заключая свой *общій синтезисъ*, ясно, что отъ низшихъ формъ жизни до высшихъ, процесъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, надлежащимъ образомъ понятый, представляетъ собою неразрывную нить. Подобно тому какъ однородная ткань, начало всякаго организма, непрерывнымъ процесомъ диференціаціи и интеграціи, перерождается въ группу органовъ, исправляющихъ особыя должности, но пребывающихъ тѣмъ не менѣе въ постоянной взаимной зависимости, мало того, въ постоянно — возрастающей взаимной зависимости, точно

такимъ-же образомъ и соотвѣтствіе внутреннихъ явленій организма съ внѣшними, исходя отъ простаго сродства и отъ простаго обмѣна между внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнею обстановкою его, развѣтвляется постепенно на множество отраслей и порядковъ, постоянно все болѣе и болѣе подраздѣляемыхъ; но тѣмъ не менѣе сохраняющихъ между собою постоянную связь, которая становится тѣснѣе и крѣпче по мѣрѣ того, какъ прогресъ идетъ далѣе...... И наконецъ: — факты, захотимъ-ли мы изучать ихъ въ подробности, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ, или взглянемъ на нихъ въ ихъ общей связи, какъ теперь, приводятъ насъ къ неизбѣжному заключенію, что интелигенція, въ основномъ ея смыслѣ, не имѣетъ опредѣленныхъ степеней и не состоитъ изъ способностей, дѣйствительно независимыхъ другъ отъ друга; но что высшіе виды ея явленій суть продуктъ усложненія, возникшаго путемъ нечувствительной постепенности, изъ самыхъ простыхъ началъ..... Никакихъ раціональныхъ границъ между различными фазисами интелигенціи не можетъ существовать, и обычная ихъ класификація имѣетъ только поверхностную долю правды... Тѣмъ не менѣе, заключаетъ онъ, такъ какъ два вида жизни, изучаемые подъ рубрикою физіологіи и психологіи, въ первобытномъ ихъ смыслѣ хотя и тождественные, въ общемъ счетѣ однакоже очень различны, то мы и обязаны прослѣдить: откуда проистекаетъ это различіе? Этого рода изслѣдованія, какъ мы увидимъ, составляютъ задачу *спеціальнаго синтезиса*.

Обо всемъ вышеизложенномъ, а особенно о послѣднихъ выводахъ Спенсера, мы имѣли-бы много чего сказать; но такъ какъ съ одной стороны мы не можемъ дробить это многое, не лишая его необходимой связи, а съ другой—не видимъ возможности высказать все не услыхавъ послѣдняго слова Спенсера, крайне важнаго слова, потому что оно должно рѣшить нетронутый еще имъ до сихъ поръ вопросъ о различіи психологической сферы жизни отъ сферы физіологической, то мы и откладываемъ нашу оцѣнку до той поры, когда мы будемъ имѣть въ рукахъ все нужное для ея полноты. Это имѣетъ еще и то удобство, что избавитъ насъ отъ упрека, который дѣлаютъ часто критикѣ, что она судитъ о связномъ трудѣ по частямъ и такимъ образомъ упускаетъ изъ виду тотъ смыслъ, который пріобрѣтаютъ части, понимаемыя не порознь, а въ ихъ живой, недѣлимой связи.

Вступая въ область *специальнаго синтезиса*, Спенсеръ не заставляетъ насъ долго ждать. Онъ сразу рѣшаетъ только что заданный имъ вопросъ. Два крайніе отдѣла жизни, говоритъ онъ, широко отличаются тѣмъ, что отдѣлъ физіологическій заключаетъ въ себѣ измѣненія вмѣстѣ единовременныя и послѣдовательныя.. а психологическій — только послѣдовательныя. Но различіе это чисто формальное и какъ всѣ различія этого рода, не имѣя въ себѣ самостоятельности, въ большинствѣ случаевъ не выдерживаетъ повѣрки. А потому не успѣлъ онъ его очертить какъ цѣлый рядъ затрудненій возникаетъ по обыкновенію у него въ умѣ. Черта, проведенная имъ, кажется ему слишкомъ рѣзкою. Онъ начинаетъ ее смягчать. Начинаются оговорки. Оказывается *во превыхъ*, что это различіе вовсе не безусловное, — чисто условное, стало быть. *Далѣе*, что большая часть явленій психическихъ или вовсе подъ него не подходитъ, или подходнтъ только отчасти. *Далѣе*, что развитіе жизни психической въ постепенномъ прогресѣ своемъ, хотя и клонится къ этому, но до сихъ поръ до этого не достигло еще вполнѣ. И *наконецъ*, что только однѣ самыя высшія степени интелигенціи имѣютъ его дѣйствительно. На вопросъ: какія же это высшія? Спенсеръ намъ отвѣчаетъ: *сознательныя*. Это ужъ онъ говорилъ не разъ; но мы скоро увидимъ, что это не вяжется съ истиннымъ смысломъ его воззрѣній, по которому высшимъ моментомъ жизни психической оказывается не тотъ, въ которомъ преобладаетъ сознаніе, а напротивъ другой совершенно ему противоположный, тотъ именно, въ которомъ сознаніе разъ исполнивъ свое назначеніе піонера на скользкомъ пути объединенія пестрыхъ его ингредіентовъ, сходитъ со сцены и организмъ приспособляется къ обстановкѣ своей чисто *автоматически*. Но къ этому мы вернемся еще впослѣдствіи, а теперь взглянемъ на чемъ онъ основываетъ и какъ объясняетъ свое утвержденіе, что феномены составляютъ всегда рядъ послѣдовательный.... Въ отношеніи къ человѣческому сознанію, говоритъ онъ, вопросъ рѣшается очень просто. Никакой аргументъ не въ силахъ поколебать наше внутреннее убѣжденіе въ той истинѣ, что сознаніе не можетъ быть въ двухъ состояніяхъ разомъ, что одно состояніе сознанія исключаетъ другое....

Здѣсь Спенсеръ немного перемѣнилъ свою тему. Прежде, какъ мы это видѣли, онъ утверждалъ, что два предмета не могутъ быть со-

знаваемы разомъ; и то утвержденіе было легко опровергнуть, потому что оно не содержитъ въ себѣ такой игры словъ какъ это. Но и это небольно хитро. Говоря: *состояніе сознанія*, мы тѣмъ самымъ уже говоримъ: *одно состояніе*, а потому безъ сомнѣнія не можемъ сказать, чтобы это одно, въ тотъ-же самый моментъ, было другое. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы содержаніе этого одного, въ другой моментъ, не утратило случайной своей единичности и не явилось какъ составной элементъ, какъ часть другаго, болѣе емкаго состоянія. Никакой интелектуальной особенности тутъ вовсе нѣтъ. Состояніе погоды, хозяйства, куска земли, огорода, капусты, чего угодно, и въ какомъ угодно опредѣленномъ размѣрѣ его или отношеніи, будетъ всегда одно, то есть оно не можетъ быть въ данный моментъ вмѣстѣ одно и другое. Но стоитъ только понять это самое состояніе какъ актъ перемѣны, чтобы убѣдиться до какой степени утвержденіе это условно. Одинъ разъ перемѣны будутъ въ себѣ содержать непремѣнно два состоянія. Все это, косвенно или прямо, Спенсеръ и самъ утверждалъ въ своемъ сочиненіи, и оно не могло не придти ему смутно на память, а потому, онъ, со свойственной ему добросовѣстностью, немедленно оговаривается..... Какъ ни трудно сказать, говоритъ онъ, гдѣ одно состояніе оканчивается и начинается другое, какъ ни трудно рѣшить объ иныхъ состояніяхъ сознанія сложныя они или простыя,—фактъ, что состоянія сознанія послѣдовательны остается непоколебимъ. Если утверждать, что какое нибудь состояніе, обыкновенно принимаемое за одно, состоитъ изъ нѣсколькихъ, то эти нѣсколькія идутъ слѣдомъ. А если они не идутъ слѣдомъ, то они должны происходить одновременно и такимъ образомъ, должны составлять одно состояніе. Только двѣ эти алтернативы и есть и какую изъ нихъ не выбери, одинаково ясно, что въ *субъективномъ смыслѣ*, измѣненія сознанія составляютъ линейный рядъ...... Какая ребяческая, прозрачная игра словъ. Не все ли это равно, какъ еслибы онъ сказалъ: два состоянія сознанія могутъ происходить или одновременно, или одно за другимъ; но если они происходятъ одновременно, тогда они составляютъ одно состояніе, а за этимъ однимъ, должно идти дальше другое и проч. И къ чему тутъ состояніе *сознанія*? Развѣ нельзя сказать тоже самое обо всемъ что угодно, и развѣ такая возмож-

ность не есть вѣрнѣйшее доказательство, что въ сущности тутъ ничего не сказано, что это простая игра, престидигитація?... Еслибы Спенсеръ былъ болѣе опытный діалектикъ, онъ съумѣлъ бы подальше припрятать концы; но онъ до такой степени мало искусенъ по этой части, что онъ на каждомъ шагу, самъ такъ сказать даетъ противъ себя оружіе. На слѣдующей же страницѣ, мы у него находимъ подобный промахъ. Тотъ простой фактъ, говоритъ онъ, что всякое отчетливое предложеніе выражаетъ собой отношеніе, а всякое отношеніе существуетъ между двумя терминами (предъидущимъ и послѣдующимъ), само собою уже доказываетъ, что отчетливая мысль не можетъ существовать иначе какъ въ единичной послѣдовательности состояній. Но Спенсеръ не видитъ, что это доказываетъ какъ разъ противное. Сознаніе *отношенія* между двумя терминами очевидно можетъ существовать только тогда, когда два эти термина разомъ присущи въ сознаніи. Иначе нельзя сознать *отношеніе*; потому что оно то именно и есть та единица сознанія или то *одно его состояніе*, въ которомъ два эти термина соприсущи. Это такая азбука субъективнаго мышленія, проще которой и быть ничего не можетъ........ Но посмотримъ, что далѣе?...

Далѣе, отъискавъ отличительную черту психической жизни и находя, что она состоитъ въ послѣдовательности явленій, Спенсеръ старается отъискать законъ этой послѣдовательности и находитъ слѣдующее:

Порядокъ явленій жизни психической долженъ необходимо быть въ соотвѣтствіи съ порядкомъ явленій *внѣшнихъ*. Это можно сказать *a priori*, потому что необходимость эта ясна безъ всякаго доказательства. Но это еще ничего не рѣшаетъ, потому что вся трудность вопроса въ томъ: какимъ образомъ порядокъ только послѣдовательный можетъ соотвѣтствовать такому порядку, который, во-первыхъ, неизмѣримо его превосходитъ числомъ и объемомъ явленій, а во-вторыхъ, содержитъ въ себѣ не только несчетное множество рядовъ послѣдовательныхъ, но и такое же множество рядовъ современныхъ явленій? Очевидно, нельзя и предполагать, чтобы первый порядокъ, то есть сравнительно-тѣсный порядокъ явленій психическихъ, могъ соотвѣтствовать порядку явленій внѣшнихъ, въ полномъ объемѣ послѣдняго... Это само собою уже ограничи-

ваетъ сферу изслѣдованія; но Спенсеръ находитъ еще и другой, непосредственный поводъ къ такому ограниченію. Подобно тому какъ въ цѣпи, говоритъ онъ, на каждомъ отдѣльномъ звенѣ держутся всѣ послѣдующія, такъ и отъ каждаго отдѣльнаго измѣненія въ сознаніи зависятъ всѣ его измѣненія послѣдующія. Имѣя это въ виду, нечего и надѣяться отъискать какой нибудь другой законъ кромѣ того, который опредѣляетъ связь между двумя послѣдовательными явленіями сознанія...

Законъ этотъ Спенсеръ находитъ слѣдующимъ путемъ:—Каждое изъ двухъ состояній сознанія, говоритъ онъ, первоначально должно соотвѣтствовать какому нибудь феномену внѣшнему. Отсюда ясно, что соотвѣтствіе внутренняго порядка съ внѣшнимъ есть не иное что, какъ соотвѣтствіе отношенія между двумя какими бы то ни было состояніями сознанія съ отношеніемъ между двумя внѣшними явленіями, производящими ихъ. Въ чемъ же состоитъ это соотвѣтствіе? Оно состоитъ въ томъ, что *постоянство* связи между двумя явленіями сознанія *пропорціонально постоянству* связи между тѣми явленіями, которымъ они отвѣчаютъ порознь. Законъ интелигенціи, стало быть, состоитъ въ томъ, что *сила, съ которою предъидущій моментъ измѣненія психическаго влечетъ за собою его моментъ послѣдующій, пропорціональна постоянству связи между тѣми внѣшними явленіями, которымъ они соотвѣтствуютъ...*

За этимъ, какъ водится, слѣдуютъ тотчасъ же оговорки... Мы напрасно стали бы искать точнаго исполненія этого закона на практикѣ. Это законъ отвлеченный, и хотя измѣненія внутреннія только въ той степени могутъ считаться разумными, въ какой они подчиняются ему, но подчиненіе это далеко не полно, даже и въ высшихъ степеняхъ жизни психической... Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ слишкомъ взыскательной критики, Спенсеръ находитъ нужнымъ самъ привести главнѣйшія возраженія, какія могли бы быть сдѣланы противъ его закона. Первое изъ нихъ есть трудность чисто-фиктивная и которую онъ самъ себѣ заготовилъ... Не трудно понять, говоритъ онъ, что связь двухъ состояній сознанія, слѣдующихъ одно за другимъ, можетъ согласоваться съ такою же

связью явленій внѣшнихъ. Но какимъ образомъ первая можетъ въ себѣ отразить связь совершенно другаго рода, связь двухъ явленій, *не слѣдующихъ* одно за другимъ, а происходящихъ вмѣстѣ въ одно и тоже время?... Спенсеръ объясняетъ это чѣмъ-то въ родѣ ловкаго фокуса, посредствомъ котораго сознаніе обольщаетъ само себя. Не имѣя способности совмѣстить въ себѣ разомъ двѣ вещи, а между тѣмъ видя, что это необходимо нужно, потому что безъ этого не принаровишься никакъ къ порядку явленій внѣшнихъ, оно начинаетъ быстро перебѣгать отъ одного явленія къ другому и отъ другаго обратно къ тому одному, такъ быстро, что ему самому начинаетъ казаться, какъ будто оно сознаетъ ихъ разомъ. Такимъ образомъ обѣ стороны удовлетворены; и оно остается въ сущности при своемъ, потому что оно все-таки переходитъ отъ одного къ другому послѣдовательно, и законъ соотвѣтствія выполненъ; потому что оно до нѣкоторой степени можетъ себѣ представить, какъ будто два современныхъ явленія отражаются въ немъ *не фальшиво*, а именно такъ, какъ слѣдуетъ, то есть въ той самой связи, въ какой они происходятъ на самомъ дѣлѣ. Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что самыя разумнѣйшія существа подвергаются очень часто такимъ впечатлѣніямъ, между которыми никакого внутренняго закона связи нельзя отъискать, и такимъ образомъ формулированный выше законъ, по видимому, оказывается неприложимъ къ очень значительной части явленій внѣшнихъ. Отвѣтъ на это такой: законъ долженъ быть понимаемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Правда, что постоянство, съ которымъ внѣшнія явленія повторяются одно за другимъ не всегда есть необходимое, что оно имѣетъ разныя степени и наконецъ, что его часто и вовсе нѣтъ, а явленія слѣдуютъ другъ за другомъ *случайно*. Но что за бѣда? Въ какой мѣрѣ есть постоянство, въ такой оно отражается и въ порядкѣ жизни психической; а тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, тамъ оно вовсе и не отражается...

Все это кажется Спенсеру очень просто, но на дѣлѣ выходитъ далеко не такъ. Мы не оспариваемъ тотъ родъ соотвѣтствія, который указанъ въ его законѣ; но мы никакъ не можемъ съ нимъ согласиться, чтобъ это былъ общій законъ послѣдовательности явленій психическихъ. Намъ кажется, что это не болѣе какъ одинъ

параграфъ изъ ряда другихъ, и что записать всѣ остальные образы сочетанія, на которые Спенсеръ не обратилъ вниманія, въ категорію *сочетаній случайныхъ*, значитъ рѣшительно не сказать о нихъ ничего... Что такое случайное сочетаніе? или вѣрнѣе сказать случайная послѣдовательность?... Такой послѣдовательности вовсе нѣтъ. Тамъ, гдѣ явленіе внѣшнее *случайно* овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ и производитъ извѣстную перемѣну въ состояніи сознанія, тамъ связь съ предъидущимъ его состояніемъ большею частію бываетъ оборвана и послѣдовательности нѣтъ. Начинается новая нить, и хотя эта новая нить можетъ быть впослѣдствіи связана съ предъидущею, но перерывъ уже былъ и онъ можетъ опять повториться, можетъ такъ часто повторяться, что мы не поспѣемъ связывать оборванные концы. А между тѣмъ сознаніе не дремало, только работа его была непослѣдовательна, безсвязна и шла въ перемѣжку съ *случайнымъ* набѣгомъ или наплывомъ столь же безсвязныхъ и непослѣдовательныхъ впечатлѣній извнѣ. Затѣмъ, гдѣ только есть связь предъидущаго состоянія мысли съ послѣдующимъ, тамъ она уже не можетъ быть никогда случайною, а должна имѣть непремѣнно достаточныя причины и повиноваться извѣстнымъ законамъ. Изъ нихъ законъ, отысканный Спенсеромъ, есть только одинъ параграфъ. Выполняя его, мысль можетъ только плыть по теченію внѣшнихъ событій, она никогда не пойдетъ противъ потока, никогда не найдетъ въ себѣ ни малѣйшей иниціативы, не найдетъ силы бороться противъ враждебнаго для свободы ея вліянія обстановки и измѣнить эту обстановку. Но, независимо отъ постоянства связи между явленіями внѣшними и нерѣдко прямо наперекоръ ему, связь между явленіями жизни психической опредѣляется еще силою впечатлѣнія, производимаго на насъ явленіемъ внѣшнимъ. То, что насъ поразило особенно, хотя бы оно никогда не случалось прежде и даже отчасти въ силу того, что оно никогда не случалось, повторяясь въ нашемъ сознаніи по какимъ бы то нибыло причинамъ будетъ имѣть способность вызвать въ слѣдъ за собою вновь не только то состояніе, которое слѣдовало за нимъ немедленно, но и то, которое предшествовало ему, мало того, будетъ имѣть способность воскресить цѣлую нить послѣдовательныхъ сочетаній, сопровождавшую его прежде. И степень этой способности бу-

детъ прямо пропорціональна не постоянству связи между явленіями внѣшними, а силѣ производимаго на насъ впечатлѣнія. Такимъ образомъ кромѣ *внѣшнихъ* причинъ, опредѣляющихъ связь между явленіями сознанія, есть еще и другія причины *внутреннія* и этого совершенно достаточно, чтобы убѣдиться до какой степени законъ Спенсера узокъ... Но посмотримъ, что далѣе?—

Опредѣливъ такимъ образомъ общій законъ послѣдовательности, характеризующей психическую жизнь въ ея отличіе отъ жизни физіологической, Спенсеръ отыскиваетъ еще законъ развитія первой. Подробности этого изслѣдованія мы встрѣтимъ далѣе при изученіи ступеней развитія, а здѣсь: укажемъ только на общіе выводы.... Развитіе мысли въ общемъ ея значеніи, говоритъ онъ, также какъ и развитіе ея въ недѣлимомъ, подчинено одному закону, въ силу котораго, если два психическія состоянія слѣдуютъ безъ промежутка одно за другимъ и первое изъ нихъ впослѣдствіи повторяется, то второе имѣетъ уже нѣкоторую наклонность слѣдовать за нимъ и затѣмъ каждое новое сочетаніе ихъ въ томъ же порядкѣ, усиливаетъ такую наклонность; а такъ какъ учащенныя сочетанія являются въ слѣдствіе учащеннаго повторенія соотвѣтствующихъ имъ внѣшнихъ отношеній, то слѣдуетъ заключить, что психическія отношенія въ организмѣ должны расти въ согласованіи съ тѣмъ особымъ классомъ окружающихъ отношеній, съ которымъ организмъ чаще приходитъ въ прикосновеніе. Внѣшняя обстановка вообще безпредѣльна; но обстановка каждаго класса живыхъ существъ практически болѣе или менѣе ограничена и при этомъ болѣе или менѣе спеціальна. Законъ слѣдовательно имѣетъ тотъ смыслъ, что психическія отношенія каждаго класса живыхъ существъ суть тѣ, которыя чаще всего повторяются въ сферѣ его опыта и это мы знаемъ какъ фактъ.

На это мы можемъ замѣтить, что фактъ подобнаго рода не объясняетъ намъ ничего кромѣ чисто пасивнаго отношенія мысли къ своей обстановкѣ. Содержаніемъ жизни сознательной являются одни внѣшнія впечатлѣнія въ связи, машинально отражающей на себѣ объективную связь внѣшнихъ явленій; а тотъ отвѣтъ, та реакція, которую Спенсеръ опредѣлилъ словомъ *приспособленіе*, такъ мало входятъ въ эту програму, что о нихъ даже вовсе и не упомянуто и мы не видимъ: ни какое мѣсто они занимаютъ въ ряду явленій

жизни психической, ни какое вліяніе оказываютъ на порядокъ ея? Вопросъ этотъ, у Спенсера, до сихъ поръ не только не разрѣшенъ, но даже и не поставленъ... А между тѣмъ книга приходитъ къ концу и мы наконецъ отдѣлались отъ всѣхъ предварительныхъ розысканій, опредѣленій и проч. Передъ нами ступени мысленнаго развитія подъ заголовками: *рефлексъ*, *инстинктъ*, *память*, *умъ*, *чувство и воля* и намъ интересно знать, что скажетъ намъ Спенсеръ о нихъ?... Какое послѣднее слово услышимъ мы отъ него?...

Отъ *рефлекса*, какъ скоро оказывается, намъ нечего и ожидать... Какъ низшая форма жизни психической, онъ, разумѣется, состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ физической жизнью. Это просто тотъ пунктъ, на которомъ замѣтно ихъ первое развѣтвленіе, *диференціація* ихъ, по выраженію Спенсера. Короче сказать, рефлексъ, въ самой простой и общей формѣ его, есть не болѣе какъ *уединенное сокращеніе*, *слѣдующее за такимъ же уединеннымъ раздраженіемъ*. Рядъ такихъ сочетаній можетъ происходить одновременно или послѣдовательно, безъ всякой необходимой связи между отдѣльными сочетаніями; центра нѣтъ; *сознанія нѣтъ*... Мы спрашиваемъ: на какомъ же основаніи Спенсеръ отнесъ это явленіе къ разряду психическихъ? На это онъ отвѣчаетъ весьма коротко, что въ основѣ рефлекса мы видимъ *чередованіе двухъ состояній*, что, какъ мы знаемъ, есть основная форма мысленной дѣятельности. Но мы *этого* вовсе не знаемъ. Даже и съ точки зрѣнія Спенсера, мы знаемъ только о *чередованіи двухъ состояній сознанія*, а рефлексъ, какъ онъ самъ говоритъ, есть явленіе безсознательное. Нельзя же простое чередованіе двухъ состояній *чего бы то ни было* признавать за отличительную черту психической дѣятельности. Мало ли что чередуется?... Мы спрашиваемъ еще разъ: гдѣ же тутъ развѣтвленіе?... Въ самомъ *рефлексѣ* мы не находимъ его. Остается стало быть допустить, что это только исходная точка различія, которое обнаруживается не въ самой точкѣ, а дальше, по выходѣ изъ нея.

Но дальше идетъ *инстинктъ*, и первое, что мы слышимъ о немъ, это то, что между этой ступенью и предъидущею никакой точной черты провести нельзя; потому что хотя въ *инстинктѣ*

мы и встрѣчаемъ уже первый проблескъ сознанія, тогда какъ *рефлексъ* вполнѣ безсознателенъ; но, говоритъ намъ Спенсеръ, *сознаніе*, очевидно, *есть функція сложности и возникаетъ только тогда, когда сложность усиливается*, а потому сложность и должна быть для насъ главнымъ предметомъ вниманія...

Все это скользко. Мы ищемъ между его ступенями психическаго развитія чего нибудь ясно-опредѣленнаго, на что мы имѣли бы право стать твердо и сказать: это уже существенное различіе.... Но существеннаго различія нигдѣ не оказывается, и такъ или сякъ, мы приходимъ вездѣ къ простому различію формы, порядка и степени. Такъ напримѣръ Спенсеръ хотя и сказалъ намъ, что отъ *рефлекса* идетъ развѣтвленіе; но *рефлексъ* оказался совсѣмъ не психическимъ отправленіемъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что онъ безсознателенъ. Затѣмъ Спенсеръ находитъ въ *инстинктѣ* проблескъ сознанія; но тутъ же оказывается, что на проблескѣ этомъ нельзя опереться, потому что *сознаніе есть функція сложности*.... На счетъ того, какъ Спенсеръ желаетъ, чтобъ все это было понято, мы не имѣемъ возможности сомнѣваться. Онъ самъ говоритъ: *единственное научное различіе, какое здѣсь можетъ быть проведено, основывается на степени усложненія стимуловъ и соотвѣтствующихъ имъ дѣйствій; но*, прибавляетъ онъ, *различіе это не есть родовое, а просто различіе степени*... Нѣсколько далѣе мы находимъ и объясненіе той *функціи сложности*, которая порождаетъ сознаніе... Нельзя представить себѣ групированіе стимуловъ, говоритъ Спенсеръ, не допустивъ при этомъ какого нибудь общаго центра, который приводитъ ихъ въ соотношеніе. Въ процесѣ такого соотношенія центръ долженъ необходимо быть подчиненъ вліянію каждаго стимула,—долженъ терпѣть рядъ измѣненій; а рядъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ измѣненій въ чувствительномъ центрѣ образуетъ уже сырой матеріалъ сознанія. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что по мѣрѣ того какъ инстинктъ развивается, возникаетъ и первый проблескъ сознанія.

Интересный вопросъ о природѣ *инстинкта* Спенсеръ рѣшаетъ, подобно Дарвину, наслѣдственнымъ опытомъ длиннаго ряда

поколѣній.... Есть факты, которые могутъ на первый взглядъ вести къ тому заключенію, что *инстинктъ* не имѣетъ развитія, а есть нѣчто готовое и такъ сказать вложенное въ природу созданій, имъ обладающихъ. Такъ напримѣръ замѣчали, по свидѣтельству Карпентера, что *мухоловъ*, только что вылупившійся изъ яйца, ловилъ и клевалъ уже насѣкомыхъ, — дѣйствіе, требующее точной оцѣнки разстоянія, также какъ и способности акуратно соразмѣрять съ разстояніемъ движеніе мускуловъ. Физіологическую оцѣнку этого рода способности Спенсеръ даетъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ, и вопросъ: какимъ образомъ и когда она успѣла образоваться, онъ разрѣшаетъ такъ: Допустимъ, говоритъ онъ, что для всѣхъ созданій, также какъ и для насъ, законъ всегда былъ одинъ, что чѣмъ чаще извѣстныя психическія состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, тѣмъ сильнѣе становится ихъ склонность и къ дальнѣйшему сочетанію въ томъ же порядкѣ до того, что они станутъ наконецъ неразлучны. Допустимъ, что эта склонность можетъ, хотя бы и въ слабой степени, быть унаслѣдована; причемъ, если опыты въ жизни этихъ созданій продолжаютъ быть тѣ же, каждое новое поколѣніе будетъ передавать послѣдующимъ ту же склонность, но въ нѣсколько уже усиленной степени, и въ результатѣ установится неизбѣжно извѣстная групировка нервныхъ дѣйствій, групировка, соотвѣтствующая постоянно-повторяемымъ внѣшнимъ соотношеніямъ.... Такимъ образомъ Спенсеръ объясняетъ происхожденіе инстинкта суммою наслѣдственной опытности цѣлой природы. Противное мнѣніе, говоритъ онъ, не выдерживаетъ повѣрки. Еслибъ инстинктъ не имѣлъ историческаго развитія, то онъ бы и не измѣнялся и мы бы не видѣли у однихъ и тѣхъ же животныхъ, при различныхъ условіяхъ ихъ обстановки, совершенно различныхъ привычекъ. Мы бы не видѣли, напримѣръ, что тамъ, гдѣ охотники ихъ преслѣдуютъ, они чуютъ отлично близость людей и убѣгаютъ отъ нихъ; а что тамъ, гдѣ ихъ оставляютъ въ покоѣ, они не обнаруживаютъ ни малѣйшей догадливости и позволяютъ себя почти руками ловить...

Объ отношеніи инстинкта къ другимъ степенямъ развитія у Спенсера говорится много и очень подробно; но это многое мы выскажемъ въ сжатомъ видѣ. *Инстинктъ* однороденъ съ *рефлек-*

сомъ въ томъ смыслѣ, что дѣйствія, руководимыя имъ, имѣютъ чисто автоматическій характеръ. Они также быстры и точны и повторяются въ такомъ же однообразномъ порядкѣ, какъ дѣйствія машины, но сфера ихъ соотвѣтствія съ явленіями внѣшними также и ограничена, какъ сфера дѣйствія машины. Тамъ, гдѣ инстинктъ выбивается такъ сказать изъ своей колеи, теряетъ свою автоматическую быстроту, точность и ограниченность; гдѣ начинаются: сознаніе, припоминаніе и соображеніе съ одной стороны, а съ другой выжиданіе, колебаніе и т. д., тамъ инстинктъ переходитъ въ другія, высшія отправленія. Прогресъ этотъ, по теоріи Спенсера, объясняется усложненіемъ. Чѣмъ проще соотношенія внѣшнія, тѣмъ чаще они повторяются въ опытѣ организма. Чѣмъ чаще они повторяются такимъ образомъ, тѣмъ неразрывнѣе становится связь между соотвѣтствующими имъ отношеніями внутренними и тѣмъ точнѣе, быстрѣе отвѣтъ. Съ другой стороны, чѣмъ сложнѣе, пестрѣе и разнообразнѣе группы соотношеній, или какъ Спенсеръ говоритъ, чѣмъ *спеціальнѣе* эти соотношенія, тѣмъ они рѣже; а чѣмъ они рѣже и многосложнѣе, тѣмъ труднѣе для организма принаровиться къ нимъ и тѣмъ медленнѣе развивается *соотвѣтствіе*, тѣмъ менѣе степень его совершенства. Затѣмъ, какъ бы быстро *оно* ни слѣдовало за усложненіемъ отношеній внѣшнихъ, оно наконецъ не поспѣетъ за ними, и наступитъ такое время, когда групировка внутреннихъ отношеній утратитъ свою совершенную правильность; сложные и безъ того уже рефлексы, усложняясь еще, станутъ не такъ опредѣлены, не такъ рѣшительны и наконецъ, сравнительно говоря, станутъ *нерѣшительны*. Дѣйствія потеряютъ свой автоматическій характеръ и то, что мы называемъ *инстинктъ*, начнетъ переходить въ *нѣчто высшее*...

Къ сожалѣнію, это „*высшее*“ у Спенсера не совсѣмъ искренно. Оно какъ-то не вяжется съ его основнымъ закономъ развитія. Законъ этотъ говоритъ совершенно ясно, что прогресъ жизни въ полномъ ея значеніи есть прогресъ согласованія внутреннихъ отношеній съ внѣшними, а степень ея развитія есть вмѣстѣ и степень приспособленія организма къ внѣшней его обстановкѣ. Какое же право имѣемъ мы послѣ этого поставить быструю, точную, стройную комбинацію согласованія внутреннихъ отношеній съ внѣшними

ниже того момента, въ которомъ согласованіе это слабѣетъ или совсѣмъ утрачивается и организмъ или даетъ очень вялый отвѣтъ на внѣшніе стимулы, или вовсе его не даетъ, а пребываетъ въ какомъ-то недоумѣніи? Вопросъ этотъ, нерѣшенный у Спенсера, мы попробуемъ разрѣшить въ духѣ его воззрѣній...

Инстинктъ, въ смыслѣ автоматическаго отвѣта машины па внѣшніе стимулы, имѣетъ, по мнѣнію Спенсера, только одинъ недостатокъ, тотъ именно, что онъ не всегда поспѣваетъ за усложненіемъ внѣшнихъ требованій. Еслибы не было въ немъ этой медленности развитія, этихъ моментовъ усталости такъ сказать, раздумья и нерѣшительности, то это было бы совершенство, дальше котораго и желать нечего... Чего въ самомъ дѣлѣ еще? Еслибъ на всякое измѣненіе въ обстановкѣ организмъ отвѣчалъ съ автоматической быстротой и точностью, то на что тутъ еще разсудокъ, соображеніе, память, разсчетъ, идеи, сужденіе, вся эта мѣшковатая, вялая, а между тѣмъ претенціозная обстановка разумной дѣятельности? Все это можно бы было сдать въ кунсткамеру психологіи и оставить одинъ *инстинктъ*. Но такъ какъ, къ несчастію, безъ этого нельзя обойтись, то и слѣдуетъ на это смотрѣть, какъ на неизбѣжную слабость инстинтка, слабость однакоже временную. Пройдя нѣсколько разъ сознательно, ощупью, на костыляхъ разсудка и памяти какой нибудь сбивчивый перекрестокъ соотношеній, организмъ, озадаченный на первыхъ порахъ, начинаетъ къ нему привыкать, начинаетъ освоиваться и, по мѣрѣ того какъ освоивается, начинаетъ бросать костыли. Дѣло кончается наконецъ тѣмъ, что *инстинктъ* возвращается ему снова въ *усиленной степени*, и онъ начинаетъ автоматически, безсознательно выполнять ту работу согласованія, которая прежде шла ощупью, медленно, нерѣшительно, при пособіи памяти и разсудка, или можетъ быть даже и вовсе не шла... Такимъ образомъ высшими ступенями развитія жизни психической, по теоріи Спенсера (не смотря на всѣ оговорки, которыми маскируется у него этотъ выводъ), мы имѣемъ право назвать только высшія степени развитія *инстинкта*, а та сознательная работа мысли, которая идетъ въ промежуткахъ, съ одной стороны хотя и является силою, двигающею инстинктъ вверхъ по ступенямъ его развитія, но съ другой стороны представ-

ляетъ собою несовершенство инстинкта и совпадаетъ съ моментами его помраченія. Она сама въ себѣ не имѣетъ цѣли, а есть только орудіе, безъ котораго еслибъ могъ обойтись организмъ, то было бы несравненно лучше и онъ бы выигралъ много времени, потеряннаго для жизни практической. Поэтому въ жизни психической есть только однѣ дѣйствительныя ступени развитія, это ступени инстинкта; а интервалы сознательной жизни въ общемъ итогѣ развитія не прибавляютъ собой ничего положительнаго... Покуда машина въ полномъ ходу: паръ валитъ клубомъ, колеса кружатся съ неуловимою быстротой и ничего разсмотрѣть невозможно. Это *инстинктъ—настоящая жизнь*... Но вотъ что-то запнулось, спуталось; произошла остановка, начался осмотръ; все видно какъ на ладони, а толку нѣтъ, потому что машина въ бездѣйствіи, и работа стоитъ, и время теряется... Пошли разсчеты, соображенія, вычисленія и разнаго рода другія недоумѣнія... Это *разсудокъ*, *память* и проч... *Жизнь отвлеченная, мнимая*...

У Спенсера, разумѣется, все это не досказано; но на сколько оно не досказано, на столько оно и темно... Читая его главу о *памяти*, мы видимъ, что онъ затрудняется, какъ ему высказать то, что здѣсь нужно сказать, и прибѣгаетъ, какъ онъ это часто дѣлаетъ въ подобныхъ случаяхъ, къ буквамъ: A, B, C, D, a, b, c, d, и т. д. Вся азбука тутъ на лицѣ, да еще двумя шрифтами; но дѣло отъ этого только путается. Мѣстами однако встрѣчаются намеки, весьма недвусмысленные. Такъ напримѣръ въ одномъ мѣстѣ: ...*Нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію дѣла откроется, если сообразить, что съ одной стороны на инстинктъ можно смотрѣть, какъ на родъ организованной памяти; а съ другой—на память, какъ на родъ возникающаго инстинкта*...

Не смотря однако на множество темныхъ мѣстъ и неразвитый характеръ общей постройки, глава о *памяти* есть одна изъ интереснѣйшихъ и умнѣйшихъ во всемъ сочиненіи. Спенсеръ не дальнозорокъ и потому обширные горизонты рисуются у него очень смутно; но тамъ, гдѣ отдѣльныя части вопроса дозволяютъ ему подойдти и вглядѣться, онъ видитъ весьма отчетливо... Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ этой главы...

...Отъ равновѣсія противоположныхъ тенденцій, говоритъ онъ, часто случается, что никакого немедленнаго дѣйствія вовсе не произойдетъ. Разнообразныя психическія состоянія, сопряженныя съ каждою группой движеній, родятся порознь, но ни одно изъ нихъ не достигаетъ той степени силы, какая нужна, чтобы движенія были выполнены. Въ нервномъ центрѣ произойдетъ столкновеніе впечатлѣній, а слѣдовательно и двигательныхъ импульсовъ, къ произведенію которыхъ клонятся эти впечатлѣнія, и эти двигательные импульсы, стѣсняя другъ друга, не дозволяя другъ другу перейдти въ дѣйствительныя движенія, дадутъ, каждый съ своей стороны, призракъ того нервнаго состоянія, которое каждый изъ нихъ произвелъ бы, еслибъ движеніе успѣло произойти дѣйствительно. Но рядъ такихъ состояній и есть тотъ отблескъ, тотъ отголосокъ недоразвитыхъ движеній, который мы называемъ *припоминаніемъ* и изъ котораго образуется *память*. Припомнить себѣ красный цвѣтъ значитъ почувствовать въ слабой степени то психическое состояніе, которое красный цвѣтъ производитъ. Припомнить движеніе, сдѣланное рукой, значитъ почувствовать повтореніе, въ слабомъ видѣ, тѣхъ внутреннихъ состояній, которыя сопровождали движеніе, ощутить начинающееся возбужденіе тѣхъ нервовъ, болѣе сильное возбужденіе которыхъ испытано было въ моментъ дѣйствительнаго движенія... И такимъ образомъ *память* является постояннымъ спутникомъ несовершенныхъ автоматическихъ дѣйствій...

...Обратную сторону такого явленія *памяти* мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта. Мы знаемъ, что сочетанія, которыя мы дѣлаемъ въ *памяти*, какъ только они отъ частаго повторенія становятся машинальны, перестаютъ быть дѣломъ *памяти*. Никому не придетъ въ голову сказать, что онъ *помнитъ* то, съ чѣмъ онъ свыкся вполнѣ. Мы *помнимъ* только тѣ отношенія, съ которыми мы не сжились еще совершенно. Никто *не помнитъ*, что у предмета, на который онъ смотритъ, есть противоположная сторона или что извѣстное движеніе ногъ двинетъ его впередъ... Всякій сочтетъ пустой тратою словъ вопросъ: *помнитъ* ли онъ, что солнце свѣтитъ, что огонь жжетъ, что желѣзо твердо, ледъ холоденъ... Но самый разительный примѣръ постепеннаго перехода *памяти* въ связь, чисто автоматическую, представляетъ намъ музы-

кантъ. Онъ начинаетъ съ того, что учится различать знаки и ихъ имена и тому, какую ноту на инструментѣ надобно взять по указанію извѣстнаго знака, и въ теченіе первыхъ уроковъ всякое повтореніе извѣстнаго знака заставляетъ его отчетливо вспомнить: какую клавишу напримѣръ на фортепіано онъ долженъ ударить. Послѣ значительной практики однакоже ряды психическихъ измѣненій, происходящіе въ промежуткѣ между моментомъ, когда онъ видитъ знакъ, и моментомъ удара по клавишѣ, сливаются непримѣтнымъ образомъ въ одно быстрое и почти механическое измѣненіе. Цѣлыя группы когда-то отчетливо сознаваемыхъ отношеній и приспособленій начинаютъ мелькать для сознанія въ улетученномъ, едва ощутительномъ видѣ, въ размѣрѣ момента неуловимаго. Кончается тѣмъ, что опытный музыкантъ можетъ играть, и не прерывая игры, вести разговоръ съ окружающими, играть въ такую минуту, когда въ его памяти происходитъ нѣчто вовсе несвязанное со смысломъ знаковъ, на которые онъ глядитъ...

...Такимъ образомъ, говоритъ Спенсеръ, кончая эту главу, *память принадлежитъ къ разряду всѣхъ психическихъ состояній, находящихся въ процессѣ организаціи.* Она продолжается, покуда организація ихъ продолжается, и исчезаетъ, когда организація эта выполнена...

Глава объ *умѣ* полна повтореній того, что прежде было говорено о психическомъ отправленіи вообще и въ особенности объ инстинктѣ и памяти. У Спенсера нѣтъ никакого таланта групировать свое изложеніе и отъ этого онъ каждый разъ вынужденъ начинать, какъ говорится, съ Адама.

Спеціальность памяти, по его объясненію, совпадаетъ съ моментомъ того колебанія и той остановки, которыя происходятъ въ психическомъ отправленіи, когда пестрота и сложность одержутъ верхъ надъ привычнымъ порядкомъ и нарушатъ согласіе разнородныхъ мотивовъ дѣйствія. Произойдетъ столкновеніе этихъ мотивовъ между собою и они станутъ задерживать, станутъ вытѣснять другъ друга поочередно... Но, говоритъ Спенсеръ, переходя къ отправленію *ума*, такъ какъ полное равновѣсіе почти невозможно, то сильнѣйшій изъ этихъ мотивовъ наконецъ возьметъ верхъ и перейдетъ въ дѣйствіе; а такъ какъ этотъ сильнѣйшій, въ большинствѣ случаевъ, долженъ

быть тотъ, который чаще всего повторяется въ опытѣ жизни, то и дѣйствіе, въ большинствѣ случаевъ, должно наиболѣе соотвѣтствовать обстоятельствамъ... Но что же такое дѣйствіе этого рода, какъ не разумное дѣйствіе?..

Мы отвѣчаемъ: *нѣтъ*. Къ чему тутъ ярлыкъ разумности, когда все объясняется механическимъ столкновеніемъ и перевѣсомъ сильнѣйшаго? И здѣсь мы уже ясно видимъ, какимъ образомъ Спенсеръ со своимъ объединительнымъ направленіемъ и съ замашкой широкаго обобщенія не могъ остановиться на той чертѣ, которая была имъ указана въ первыхъ главахъ его *синтезиса*; какимъ образомъ онъ вынужденъ былъ шагнуть за границу процеса жизненнаго, въ его самомъ широкомъ смыслѣ, и пойдти несравненно далѣе. Мы видимъ ясно, что, снявъ всѣ различія качественныя и придя къ убѣжденію, что все объясняется степенью и числомъ, онъ ужъ стоялъ на почвѣ механики и автоматъ былъ ужъ готовъ въ его головѣ... Но посмотримъ, что далѣе?

Разумнымъ дѣйствіемъ не исчерпываются однако еще результаты того процеса, который былъ выше изложенъ. Не только, говоритъ Спенсеръ, инстинктивныя и разумныя дѣйствія нечувствительно переходятъ другъ въ друга, не только разумныя дѣйствія образуются изъ инстинктивныхъ, когда механизмъ послѣднихъ недоразвитъ; но въ тоже время образуется сфера умственной дѣятельности, не ведущая прямымъ путемъ къ дѣлу, той дѣятельности, которая даетъ собой *знаніе* окружающей обстановки и различныхъ ея отношеній. Немедленно вслѣдъ за этимъ мы находимъ у Спенсера длинное объясненіе. Онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы вразумить насъ: какимъ образомъ изъ того же процеса развивается *знаніе* съ главными его категоріями: понятіемъ, сужденіемъ и умозаключеніемъ; но подлинное его объясненіе до того перепутано и темно, что мы не рѣшимся передать его въ цѣломъ; а выскажемъ только сущность.

По мѣрѣ того какъ усложняются группы внѣшнихъ атрибутовъ и отношеній, входящія въ кругъ соотвѣтствія, отдѣльные элементы каждаго впечатлѣнія становятся такъ многочисленны, что не могутъ уже объединиться въ моментѣ одного психическаго состоянія, а воспринимаются порознь, въ разную пору и въ разныхъ видахъ или

степеняхъ группировки. А, которое, сегодня было съ Б, завтра является съ В, а В, бывшее однажды съ А, въ другой разъ является съ Б, и т. д. Затѣмъ, путемъ накопленія опыта, въ организмѣ образуется общая связь между отдѣльными элементами этихъ группъ, въ силу которой элементы присутствующіе получаютъ способность пробуждать къ жизни другіе элементы отсутствующіе. Одно психическое состояніе, производимое извнѣ прямымъ путемъ впечатлѣнія, пробуждаетъ слабые отголоски другихъ, раждаются идеи незримыхъ прямымъ путемъ атрибутовъ и свойствъ; о томъ, что отсутствуетъ и не можетъ быть понято непосредственно, выводится *заключеніе*... Прежде мы видѣли, какимъ образомъ инстинктивныя *дѣйствія* переходятъ въ разумныя и обратно, разумныя *дѣйствія* становятся инстинктивными. Здѣсь, говоритъ Спенсеръ, мы можемъ увидѣть тоже явленіе съ другой его стороны. Мы можемъ увидѣть, что не только разумное пониманіе возникаетъ, когда группы свойствъ и соотношеній становятся такъ сложны, что впечатлѣнія, ими производимыя, не могутъ быть одновременно сгруппированы; но и обратно, разумное пониманіе, путемъ безпрестаннаго повторенія, переходитъ въ понятія инстинктивныя или автоматическія. Всѣ психологическія явленія, относимыя къ разряду такъ называемыхъ *усвоенныхъ идей*, служатъ тому примѣромъ. Всѣ тѣ несчетные случаи, въ которыхъ мы распознаемъ, какъ намъ кажется, сразу и непосредственно; разстоянія, формы, плотности и т. д. окружающихъ насъ вещей, принадлежатъ къ тому же разряду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, моменты разъединеннаго созерцанія первоначально связаны были въ мысли разумнымъ процесомъ и уже впослѣдствіи, путемъ безпрестаннаго повторенія того же процеса, переродились въ неразлагаемые моменты пониманія автоматическаго или инстинктивнаго...

Въ концѣ этой главы мы находимъ у Спенсера весьма интересное разъясненіе того спора между учениками Канта и Локке по вопросу о существованіи предъустановленныхъ *формъ мысли*, который такъ сильно занималъ автора въ первой части его сочиненія.

Опровергая Канта, онъ съ другой стороны приходитъ къ заключенію, что и ученіе антагонистовъ его, взятое само по себѣ, пред-

ставляетъ затрудненія столь же неопреодолимыя... Остановиться на безусловномъ утвержденіи, говоритъ онъ, что разумъ до опыта есть пустая страница, значитъ не знать ничего о существованіи самоважнѣйшихъ вопросовъ. Откуда берется способность организировать опытъ? Откуда различныя степени этой способности въ различныхъ породахъ и особяхъ той же породы? Если при рожденіи не получается ничего кромѣ пасивной способности воспринимать впечатлѣнія, то отчего бы лошади не быть столь же способной къ образованію, какъ и человѣку? А если сказать, что языкъ составляетъ тутъ разницу, то отчего же кошка или собака, живущія въ такомъ тѣсномъ сообществѣ съ человѣкомъ, не могли бы дойти до равной съ нимъ степени развитія умственнаго? *Гипотеза опыта*, въ общепринятомъ смыслѣ ея, ведетъ къ тому странному заключенію, что присутствіе высоко-организованной нервной системы есть обстоятельство, вовсе неважное, фактъ, который не стоитъ того, чтобы его принимать въ соображеніе! А между тѣмъ это-то и есть наиважнѣйшій фактъ... Безъ сомнѣнія, личный опытъ даетъ конкретное содержаніе мысли; безъ сомнѣнія, организованныя и полуорганизованныя приспособленія, существующія въ мозговыхъ нервахъ, не могутъ дать знаніе до тѣхъ поръ, пока не явятся внѣшнія отношенія, которымъ они соотвѣтствуютъ... Но это весьма далеко еще отъ утвержденія, будто бы мысль у ребенка есть чисто продуктъ его опытности. Такое ученіе дѣлаетъ присутствіе мозга безсмыслицею, идіотизмъ фактомъ необъяснимымъ....

...Въ томъ смыслѣ, стало быть, что нервная система заключаетъ въ себѣ предъустановленныя отношенія, соотвѣтствующія отношеніямъ внѣшней обстановки, ученіе о *формахъ мысли* содержитъ въ себѣ долю истины; не той истины, которую защищаютъ его адвокаты, но истины, сходной съ нею. Паралельно съ неизмѣнными внѣшними отношеніями, въ нервной системѣ развиты неизмѣнныя внутреннія отношенія, отношенія, развитыя еще до рожденія, отношенія, предшествующія личному опыту и независимыя отъ него. Съ другой стороны, я утверждаю, что эти предъустановленныя внутреннія отношенія, хотя и независимыя отъ личнаго опыта, не независимы однакоже отъ опыта вообще; но что они устанавливаются накопленнымъ опытомъ предковъ... Мозгъ представляетъ собой без-

конечное сокровище опытности, собранное въ теченіе общаго развитія жизни; капиталъ, который съ процентами передаваемъ былъ по наслѣдству и наконецъ понемногу доросъ до той высокой степени разума, которая дремлетъ въ мозгу ребенка и которую онъ, практикуя, укрѣпляя, и усложняя, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ свою очередь передаетъ съ ничтожнымъ придаткомъ въ грядущія поколѣнія. И такимъ-то образомъ происходитъ, что европеецъ имѣетъ отъ двадцати до тридцати лишнихъ кубическихъ дюймовъ мозгу въ сравненіи съ папуаномъ. Такимъ-то образомъ иныя способности, какъ напримѣръ музыкальныя, едва существующія у низшихъ породъ, являются прирожденными въ высшихъ. Такимъ-то образомъ изъ дикарей, неспособныхъ пересчитать свои пальцы, развиваются наконецъ Ньютоны и Шекспиры.

Въ главѣ о *чувствахъ* Спенсеръ опять, по обыкновенію, хлопочетъ прежде всего о томъ, чтобы это явленіе не принято было за что нибудь по существу своему отличное отъ умственной дѣятельности. Сравнивая такія двѣ крайности, говоритъ онъ, какъ напримѣръ умозаключеніе съ припадкомъ гнѣва, конечно, не трудно себѣ вообразить, что онѣ совершенно различны; но если внимательно перебрать различные виды сознанія, то мы скоро найдемъ между ними такіе, въ которыхъ *чувство* нельзя отдѣлить отъ *знанія*. Возьмемъ напримѣръ удовольствіе, которое связано съ созерцаніемъ простой кривой линіи, элипсиса или параболы; или то, которое намъ доставляетъ въ музыкѣ одинъ прекрасный и чистый тонъ. Но примѣры эти, какъ и намъ кажется, могутъ все-таки дать поводъ къ спору; а потому Спенсеръ на нихъ не останавливается. Неразрывная связь *чувства* съ *знаніемъ*, говоритъ онъ, яснѣе всего видна въ томъ отношеніи, которое существуетъ между простѣйшими видами ихъ: *ощущеніемъ* и *понятіемъ*. Всякое ощущеніе, чтобы быть сознано какъ ощущеніе, должно быть понято и такимъ образомъ должно стать съ одной стороны понятіемъ. Но и всякое понятіе, въ свою очередь, есть не иное что, какъ комбинація ощущеній и потому въ извѣстномъ смыслѣ должно быть ощутительно. Различіе же ихъ въ томъ, что при ощущеніи, сознаніе занято извѣстными афектами организма, а въ пониманіи оно занято отношеніями этихъ афектовъ между собою. Другими словами: ощущенія суть первичныя, нераз-

лагаемыя состоянія сознанія, заключающія въ себѣ измѣненія одного первичнаго состоянія въ другое; но такъ какъ продолженіе первичнаго состоянія несовмѣстимо съ его измѣненіемъ, то и слѣдуетъ, что сознаніе измѣненій противодѣйствуетъ сознанію состояній, между которыми измѣненіе происходитъ; слѣдуетъ, стало быть, что ощущеніе и пониманіе постоянно стремятся вытѣснить другъ друга, никогда не достигая того вполнѣ. Въ сущности, сознаніе только и можетъ быть въ силу этой борьбы. Но хотя ни сознаніе перемѣнъ, ни сознаніе тѣхъ афектовъ, между которыми онѣ происходятъ, не могутъ существовать одно безъ другаго, каждое изъ нихъ, въ свою очередь, можетъ на столько преобладать, чтобы подчинить себѣ это другое вполнѣ. Когда перемѣны идутъ такъ быстро, что состоянія занимаютъ неуловимо-малые промежутки времени, тогда сознаніе почти исключительно занято перемѣнами и является въ образѣ *пониманія*. Въ обратномъ случаѣ, мы называемъ его *ощущеніемъ*...

Такой же законъ антагонизма, говоритъ далѣе Спенсеръ, существуетъ между *чувствомъ* и *знаніемъ* вообще. Отсюда фактъ, извѣстный всякому человѣку съ аналитическимъ направленіемъ, что въ той мѣрѣ, въ какой онъ думаетъ объ удовольствіи, имъ испытываемомъ, разбираетъ причины его или критикуетъ предметъ, въ такой мѣрѣ и удовольствіе исчезаетъ... Объяснивъ такимъ образомъ отношеніе чувства къ знанію, Спенсеръ переходитъ къ другому его отношенію... Покуда дѣйствія совершенно автоматичны, говоритъ онъ, „чувство не существуетъ....“ Что это дѣйствительно такъ, онъ доказываетъ примѣрами. У тѣхъ животныхъ, у которыхъ дѣйствія этого рода всего замѣтнѣе, они продолжаются, не смотря на потерю главнаго центра чувствительности, также хорошо, какъ и прежде. У насъ чисто автоматическое и нимало независящее отъ воли дѣйствіе кишекъ въ нормальномъ ихъ состояніи вполнѣ нечувствительно и т. д. Но это можно еще доказать и другимъ путемъ... Ежедневный опытъ, говоритъ онъ, убѣждаетъ насъ, что всякій видъ ощущенія или чувства требуетъ времени. Мы не можемъ мгновенно почувствовать ни вкуса, ни запаха. Быстрый взглядъ на изящную краску не можетъ доставить намъ удовольствія; онъ достаточенъ только, чтобы узнать, какая она. Пріятность

музыкальнаго тона можетъ быть чувствуема только при нѣкоторой его продолжительности и проч. Поэтому, если группа психическихъ перемѣнъ происходитъ мгновенно, то составъ ея для насъ нечувствителенъ, и чѣмъ совершеннѣе слиты ея элементы, тѣмъ полнѣе отсутствіе чувства. Но именно такое-то слитіе, такое полное объединеніе составныхъ элементовъ и происходитъ при отправленіяхъ автоматическихъ; изъ чего уже совершенно ясно, что, при чисто-автоматическихъ дѣйствіяхъ, чувства не можетъ быть.... Но какъ только психическія измѣненія, усложняясь, перестаютъ быть вполнѣ автоматичны, такъ тотчасъ память, разсудокъ и чувство раждаются разомъ. И не то, что бы просто они начинались, когда автоматическое дѣйствіе оканчивается; но ихъ начало и его прекращеніе совпадаютъ въ одно, они совершенно тождественны, недѣлимы; это двѣ стороны одного и того же шага впередъ...

Объяснивъ такимъ образомъ роль, которую *чувство* играетъ въ ряду другихъ моментовъ психической жизни, Спенсеръ затѣмъ переходитъ къ его исторической сторонѣ. Тотъ же законъ развитія психической дѣятельности, говоритъ онъ, который мы изучали недавно съ его познавательной стороны, равно примѣнимъ и къ чувствительной сторонѣ. Постепенная организація мысленныхъ формъ, путемъ опытнаго знакомства съ однообразными внѣшними отношеніями, должна идти рядомъ съ такою же организаціею чувствительныхъ формъ. Жизненный опытъ длиннаго ряда поколѣній, тяготѣя долгое время по одному направленію, долженъ усиливать постепенно связь между чувствительными моментами психическихъ состояній и ихъ тенденціею вызывать, пробуждать другъ друга. И эта-то именно тенденція, окончательно ставъ органическою, образуетъ собою то, что мы называемъ чувствованіями, стремленіями или склонностями. Очевидно, говоритъ онъ, что *гипотеза опыта*, въ ея обыденномъ смыслѣ, не можетъ намъ объяснить эти явленія... Ученіе, защищаемое иными мыслителями, что всѣ желанія, чувствованія и проч. суть продуктъ личнаго опыта, противорѣчитъ такъ рѣзко несчетному множеству фактовъ, что мы можемъ только дивиться: какимъ образомъ кто нибудь могъ его допустить... Не говоря ужъ объ очень разнообразныхъ страстяхъ, обнаруживающихся въ ребенкѣ, прежде чѣмъ личный опытъ его можетъ хоть съ нѣ-

которымъ правдоподобіемъ ихъ объяснить; мы просто укажемъ на самую могущественную изъ всѣхъ страстей — физическую любовь, которая возникаетъ вполнѣ независимо отъ всякаго предъидущаго опыта въ недѣлимомъ...

По поводу этого ученія о наслѣдственной передачѣ наклонностей Спенсеръ упоминаетъ о *френологіи*... Нечего удивляться, говоритъ онъ, что не научныя умствованія адептовъ ея вооружили противъ себя физіологовъ до того, что въ порывѣ противорѣчія они отказались рѣшительно допустить какую бы то ни было локализацію отправленій мозга. Крайности этого рода почти неизбѣжны въ полемикѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, спокойно обдумавъ этотъ вопросъ въ связи съ общими выводами своей науки, ни одинъ физіологъ не могъ бы окончательно устоять противъ того убѣжденія, что различныя части мозга служатъ различнымъ родамъ психической дѣятельности. Локализація отправленія есть законъ всякой организаціи. Но согласиться съ ученіемъ френологовъ въ его самомъ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ вовсе не значитъ еще согласиться съ конкретными его приложеніями. И дѣйствительно, философія этихъ господъ до того груба, что она можетъ зажать ротъ даже и тѣмъ, кто до нѣкоторой степени согласенъ съ ними...

Главные промахи френологовъ, по мнѣнію Спенсера, состоятъ съ одной стороны въ неосновательномъ *обобщеніи:* они выдаютъ кучку своихъ наблюденій и выводовъ за полную систему психологіи (нелѣпость такой претензіи, говоритъ Спенсеръ, послѣ всего нами сказаннаго и объяснять не стоитъ); съ другой, въ столь же неосновательной *спеціализаціи.* Границы способностей, обозначаемыя у нихъ опредѣленными линіями на поверхности черепа, еслибы они существовали въ дѣйствительности, должны бы были имѣть что нибудь имъ соотвѣтствующее и столь же опредѣленное въ самомъ мозгу. Въ другихъ частяхъ нервной системы, гдѣ есть отчетливая диференціація отправленій, мы находимъ и такія же отчетливыя различія структуры. Но мы уже знаемъ, что въ центральной сферѣ психической жизни точныхъ разграниченій нѣтъ, а есть незамѣтные переходы и безконечныя переплетенія, образующія одинъ неразрѣшимый узелъ. Такой же узелъ мы находимъ и въ центральномъ органѣ и т. д.

Въ послѣдней главѣ *о волѣ* Спенсеръ вынужденъ еще разъ повторять, строка въ строку, то самое, что было имъ прежде говорено. Но мы знаемъ все это наизусть; а потому выскажемъ здѣсь коротко въ чемъ дѣло...

Прекращеніе безсознательныхъ, автоматическихъ дѣйствій есть вмѣстѣ начало сознательныхъ отправленій: *памяти*, *разума*, *чувства и воли*. Всѣ они совпадаютъ съ тѣмъ же процесомъ недоумѣнія, замедленія, колебанія, который въ сущности происходитъ отъ столкновенія между собою тѣхъ зарождающихся мотивовъ дѣйствія, которыя Спенсеръ называетъ *идеями дѣйствія*. Наконецъ одна изъ этихъ идей или мотивовъ одержитъ верхъ и перейдетъ въ дѣло. Моментъ этого перехода идеи дѣйствія въ дѣйствіе Спенсеръ и называетъ моментомъ *воли*. Изъ этого уже слѣдуетъ (хотя выводъ этотъ, выжатый нами изъ трехъ печатныхъ страницъ, у Спенсера и не такъ опредѣлителенъ) — изъ этого слѣдуетъ, говоримъ мы, что, по Спенсеру, *моментъ воли* имѣетъ два термина: *предъидущій*, т. е. идею дѣйствія, которая содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, сознаніе предстоящаго дѣйствія, во-вторыхъ, связанное съ нимъ въ памяти сознаніе обыкновенныхъ послѣдствій дѣйствія и наконецъ импульсъ или побужденіе къ дѣлу, который вслѣдствіе побѣды, одержанной имъ надъ другими задерживающими его импульсами, оказывается довольно силенъ, чтобы перейти въ дѣйствіе, и переходомъ этимъ образуетъ второй, *послѣдующій* терминъ *момента воли*. Прибавимъ здѣсь отъ себя, что *предъидущій моментъ*, по этому объясненію, мы имѣли бы право назвать *идеальнымъ*, *а послѣдующій — реальнымъ моментомъ воли*.

Въ концѣ мы находимъ нѣсколько доводовъ противъ ходячихъ, обыкновенныхъ понятій о *волѣ*, какъ о такомъ психическомъ актѣ, который не происходитъ естественно-историческимъ образомъ изъ предъидущихъ ему психическихъ отправленій, а имѣетъ свою иниціативу въ себѣ. Доводы эти однако не новы и Спенсеръ конечно бы лучше сдѣлалъ, еслибы онъ заключилъ свой трудъ чѣмъ нибудь больше похожимъ на общій итогъ своихъ выводовъ.

IV.

Слѣдя неуклонно за Спенсеромъ въ исполненіи его трудной задачи, мы прежде всего старались понять его такъ, какъ онъ самъ себя понималъ, и для этого обратили особенное вниманіе на тѣ части его работы, въ которыхъ ярче высказываются общій характеръ его воззрѣній и основная нить связи, руководившая имъ въ построеніи его выводовъ. Съ тою же цѣлью коментаріи и критическія замѣтки наши до сихъ поръ ограничивались только такими мѣстами, гдѣ мы положительно были вынуждены сказать отъ себя нѣсколько словъ въ поясненіе или опроверженіе автора. Но теперь, когда читатель имѣетъ въ рукахъ всѣ данныя, чтобы судить о произведеніи Спенсера въ цѣломъ, мы выскажемъ то, что мы имѣемъ сказать отъ себя послѣдовательно и связно.

Если смотрѣть на Спенсера, какъ на философа,—что, какъ мы видѣли, не совсѣмъ основательно,—то мѣсто его въ ряду историческаго преемства науки не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ ученикъ школы Локке и унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ всѣ родовыя традиціи, всю такъ сказать философскую походку ихъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ его отнести безусловно къ числу прямыхъ потомковъ знаменитаго праотца англійской философіи. Онъ уклоняется отъ нихъ тѣмъ, что *наука о духѣ* не составляетъ въ его воззрѣніи кореннаго отдѣла, прямо противоположнаго и равноправнаго съ *наукою о веществѣ*, а является у него не болѣе какъ отраслію *біологіи* или *науки о жизни*. Локке съ его прямыми потомками хотя и выключилъ изъ сферы изслѣдованія вопросъ о *сущности духа*, признавая его недоступнымъ для человѣческаго ума; но тѣмъ не менѣе всѣ они признаютъ эту *сущность* на столько, что сфера *духовныхъ явленій* считается ими *существенно-отличною* отъ сферы *явленій вещественныхъ*. Спенсеръ хотя и не высказывается категорически противъ такого воззрѣнія; но уже по тому одному, что онъ дѣлитъ область явленій, подлежащихъ изслѣдованію науки, совершенно иначе, а именно на два отдѣла: *явленій жизненныхъ* и *нежизненныхъ*, не трудно понять, что вопросъ о различіи *явленій духовныхъ* отъ *явленій вещественныхъ* не имѣетъ

въ его глазахъ того основнаго значенія, какое ему придаетъ школа Локке.

Указавъ на эту особенность Спенсера, мы не видимъ нужды розыскивать далѣе его историческое родство по той причинѣ, что розысканіе этого рода завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета этой статьи, имѣющей цѣлію не историческое значеніе Спенсера, а короткій отчетъ о его психологическомъ опытѣ и прямую оцѣнку его воззрѣній.

Весь *процесъ жизни*, а потому, безъ сомнѣнія, и процесъ *жизни психической* у Спенсера опредѣляется коротко и просто, какъ *приспособленіе* организма къ внѣшней его обстановкѣ съ цѣлью самоохраненія.

Но что же такое въ сущности—это *приспособленіе*, и точно ли можно привесть къ одному этому знаменателю все пестрое содержаніе жизни?

Возьмемъ организмъ человѣческій, какъ наиболѣе развитый и наиболѣе намъ знакомый, и спросимъ себя: какъ дѣйствуютъ на него тѣ внѣшнія отношенія, которыя доходятъ до его свѣденія путемъ чувствъ? Мы найдемъ, что они дѣйствуютъ очень различно... Есть цѣлыя группы и серіи явленій, которыя не возбуждаютъ его, *по видимому*, нисколько къ дѣлу; а отражаются просто въ его сознаніи, какъ въ зеркалѣ. Такое отношеніе сознанія къ внѣшнимъ явленіямъ извѣстно намъ, какъ состояніе *созерцательное*... Я могу сидѣть у окна, смотрѣть на улицу и видѣть людей, экипажи, дома, небо и облака надъ домами и могу слышать при этомъ тысячи разныхъ звуковъ, изъ которыхъ одни выдѣляются рѣзко и явственно, а другіе сливаются въ смутный гулъ, и наконецъ могу чувствовать, что сижу на стулѣ и что ноги мои находятся на полу, а руки на подъоконникѣ и что на мнѣ халатъ или какое другое платье, и нѣсколько времени, иногда долгое время, могу воспринимать всѣ эти разнообразныя и однообразныя впечатлѣнія, вовсе, *по видимому*, не отвѣчая на нихъ и не приспособляясь къ нимъ.

Никакого воспоминанія, разсужденія или хотѣнія и никакой борьбы задерживающихъ другъ друга мотивовъ, *по видимому*, тутъ вовсе нѣтъ... Одно за другимъ и другое за третьимъ, или одно,

другое и третье рядомъ будутъ во мнѣ отражаться точь въ точь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они групируются или слѣдуютъ внѣ меня.

Возьмемъ другое дѣйствіе отношеній внѣшнихъ на нашъ организмъ. Положимъ, что я сижу и читаю курсъ астрономіи. Вмѣсто вещей и ихъ отношеній символы этихъ вещей и ихъ отношеній мелькаютъ передо мною въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ даетъ ихъ книга, и опять никакого дѣятельнаго приспособленія или отвѣта на нихъ, *по видимому*, мой организмъ не даетъ.

Примѣровъ подобнаго рода, и очень разнообразныхъ, мы могли бы привести не мало; но съ насъ довольно и этихъ двухъ, чтобы усомниться по крайней мѣрѣ: точно ли всякое внѣшнее явленіе, дѣйствующее на насъ путемъ чувствъ, возбуждаетъ насъ къ дѣятельному, практическому отвѣту? Или вѣрнѣе сказать: всѣ ли внѣшнія отношенія вещей между собою и къ намъ такого рода, что жизненный интересъ нашъ требуетъ съ нашей стороны приспособленія къ нимъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, раздѣлимъ внѣшнія отношенія на такія, которыя могутъ быть намъ полезны, и на такія, которыя могутъ быть вредны. Все ли войдетъ безъ остатка въ эти двѣ категоріи?... Мы полагаемъ, что нѣтъ. Намъ кажется, что если насупротивъ нашихъ оконъ, по другой сторонѣ улицы, идетъ человѣкъ, то изъ десяти тысячъ случаевъ подобнаго рода едва ли одинъ можетъ быть вреденъ или полезенъ для насъ въ какой бы то ни было, хотя бы даже и безконечно-малой, степени. А не имѣя этого рода практическаго отношенія къ намъ, какого рода дѣятельный импульсъ можетъ въ себѣ содержать подобнаго рода случай? И если намъ скажутъ, что этотъ импульсъ слишкомъ слабъ, чтобы вынудить у насъ дѣйствіе или движеніе, то это не будетъ отвѣтъ. Какъ бы онъ ни былъ слабъ, онъ долженъ имѣть какую нибудь особенность; онъ не можетъ возбуждать вообще къ дѣйствію, а только къ извѣстнаго рода опредѣленному дѣйствію. Но чѣмъ это дѣйствіе можетъ быть опредѣлено, если явленіе не имѣетъ никакого практическаго отношенія къ намъ, если оно не сулитъ намъ пользы и не угрожаетъ бѣдой ни въ какомъ отношеніи? Очевидно, ничѣмъ...

На это однако могутъ намъ возразить, и весьма основатель-

но: *вопервыхъ*, что бездѣйствіе организма въ созерцательномъ его отношеніи къ внѣшнему міру, есть только кажущееся и относительное, потому что конечно, процесъ *вниманія* требуетъ тоже своего рода дѣятельности, состоящей въ приспособленіи органовъ чувствъ къ воспріятію внѣшняго впечатлѣнія; *а во вторыхъ*, что если отдѣльный случай самъ по себѣ и не требуетъ отъ насъ дѣятельнаго отвѣта, то онъ всегда можетъ быть умѣщенъ въ такую группу явленій, которая въ цѣломъ, потребуетъ того, что элементы ея, взятые порознь, могутъ не требовать. Тотъ фактъ, что одинъ человѣкъ прошелъ по улицѣ, можетъ быть для меня безразличенъ, но что вообще люди ходятъ по улицѣ, на которой я живу, это можетъ уже имѣть практическое значеніе для меня и можетъ заставить меня принаровляться. А потому мы и не сдѣлаемъ изъ вышеприведеннаго никакого другаго вывода кромѣ того, что не всякое сочетаніе внѣшнихъ явленій, само по себѣ, требуетъ отъ насъ дѣятельнаго вмѣшательства въ видахъ нашей личной выгоды, а что большая часть изъ такихъ сочетаній и въ большинствѣ случаевъ отражается, въ нашемъ сознаніи, относительно говоря, пассивно и въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они происходятъ.

Въ результатѣ мы будемъ имѣть два вида соотвѣтствія внутреннихъ отношеній съ внѣшними. Одинъ, который мы назовемъ *дѣятельнымъ*, будетъ въ себѣ содержать всѣ тѣ случаи, когда организмъ идетъ на встрѣчу внѣшнимъ явленіямъ такими движеніями или дѣйствіями, которыя сами въ себѣ суть нѣчто совершенно отличное отъ этихъ внѣшнихъ явленій и клонятся или къ тому, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для организма, или чтобы спасти организмъ отъ вреда, который ему угрожаетъ. Другой, который мы назовемъ *созерцательнымъ*, будетъ въ себѣ содержать относительно пасивный отвѣтъ на внѣшнія отношенія, то есть простое отраженіе въ нашемъ сознаніи внѣшнихъ явленій съ ихъ отношеніями и въ томъ самомъ порядкѣ, въ той самой связи, въ какой эти явленія съ ихъ отношеніями групируются между собою, независимо отъ нашего дѣятельнаго вмѣшательства, могущаго ихъ измѣнить.

У Спенсера, не смотря на то, что онъ трактуетъ очень подробно о *соотвѣтствіи* въ разныхъ видахъ его и съ разныхъ сторонъ, *два эти вида* не дѣлятся по той очевидной причинѣ, что

онъ не считаетъ *второй* изъ нихъ, по существу своему, отличнымъ отъ перваго. Жизнь у него имѣетъ одинъ смыслъ, практическій, и на всѣ процесы ея онъ смотритъ въ сущности, какъ на части одного и того же *процеса самоохраненія*. Поэтому и тотъ видъ соотвѣтствія, о которомъ мы говорили сейчасъ, не имѣетъ въ его глазахъ никакого самостоятельнаго значенія. Онъ не считаетъ его за настоящую жизнь, а за какой-то абстрактный моментъ этой жизни, служащій подготовленіемъ къ моменту дѣйствительному. Но въ этомъ мы полагаемъ, что онъ ошибается. Мы находимъ, что этотъ видъ соотвѣтствія, видъ *созерцательный* есть на столько же жизнь и настоящая, жизнь, какъ и другой его видъ... Онъ расширяетъ тѣсный кругъ жизни личной и даетъ организму возможность, отражая въ себѣ міръ внѣшнихъ явленій, съ ихъ отношеніями, переживать во сто разъ болѣе того, что онъ могъ бы безъ этого пережить. Онъ дѣлаетъ голову какого нибудь маленькаго и бѣднаго существа, какого нибудь Петра или Якова, микрокосмомъ вселенной; дѣлаетъ его способнымъ жить жизнію природы его окружающей и тѣхъ людей, сердце и мысли которыхъ безъ этого были бы для него потемками непроглядными.

Имѣя это въ виду, мы могли бы понять почему Спенсеръ предпочелъ первое свое опредѣленіе жизни какъ *соотвѣтствіе* второму какъ *приспособленіе*, еслибъ онъ самъ не сказалъ намъ, что это второе слишкомъ общо. Намъ кажется совершенно напротивъ, что оно слишкомъ частно. Всякое *приспособленіе* есть вмѣстѣ и *соотвѣтствіе;* но мы сейчасъ видѣли, что не всякое *соотвѣтствіе* можетъ быть названо *приспособленіемъ*.

Припомнимъ два эти опредѣленія:

1) Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій въ порядкѣ единовременномъ и послѣдовательномъ и *въ соотвѣтствіи* съ внѣшними современностями и послѣдовательностями.

2) Жизнь есть непрерывное *приспособленіе* внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ.

Второе, въ томъ видѣ какъ есть, безъ сомнѣнія менѣе специфично, чѣмъ первое; но причиной къ тому вовсе не главный терминъ и мы не видимъ что собственно мѣшало бы Спенсеру сказать такъ:

3) Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій въ порядкѣ единовременномъ и послѣдовательномъ и въ *приспособленіи* къ внѣшнимъ современностямъ и послѣдовательностямъ.

Мы, повторяю, не видимъ, что мѣшало бы Спенсеру сказать такъ, еслибы онъ самъ смутно не чувствовалъ, что его терминъ *приспособленія* слишкомъ тѣсенъ и что онъ далеко не обхватываетъ всего содержанія жизни.

Но далѣе мы находимъ еще и другое опредѣленіе жизни... *Жизнь*, говоритъ онъ, *есть сочетаніе процесовъ, имѣющихъ результатомъ ея продолженіе.*

Это намъ обнаруживаетъ еще яснѣе, какъ узко воззрѣніе Спенсера на жизнь. Онъ признаетъ за нею одну только *охранительную тенденцію*. Но мы видимъ въ ней несравненно болѣе этого. Мы видимъ, что жизнь съ одной стороны, клонясь къ защитѣ себя, съ другой не менѣе энергически реагируетъ противъ своей обстановки и стремится къ завоеванію, къ расширенію своихъ границъ, къ усвоенію себѣ своей обстановки. Но и этимъ не ограничивается еще сфера ея тенденціи, и мы находимъ кромѣ того, что она, охраняя себя, стремится еще и къ произрожденію чего нибудь новаго. Конечно, всѣ эти тенденціи находятся въ тѣсной связи между собою или вернѣе сказать суть только три фазиса одной и той же тенденціи; тѣмъ не менѣе смѣшать фазисъ *консервативный* съ фазисомъ *разрушительнымъ* или этотъ послѣдній съ *творческимъ, зиждущимъ*, фазисомъ *обновленія* мы не имѣетъ права; потому что это бы значило: уровнять всю обширную эволюцію жизни съ однимъ частнымъ видомъ ея.

Къ сожалѣнію, по теоріи Спенсера, ни одного изъ этихъ фазисовъ кромѣ консервативнаго нельзя объяснить. Причиной тому его конструкція развитія жизни. Конструкція эта самая бѣдная, чтобы не сказать голая. У него весь процесъ развитія объясняется степенью усложненія. Два элемента складываются какъ два кирпича и даютъ сочетаніе; но сочетаніе это можетъ только войти въ свою очередь, какъ составной элементъ въ новое болѣе сложное сочетаніе и затѣмъ остается *безплодно*. Оно не раждаетъ изъ себя ничего новаго, ничего отличнаго отъ себя... Это процесъ, пожалуй; но процесъ, который стоитъ несравненно ниже не только процеса жизненнаго, а

даже процеса химическаго. Два элемента, даже и въ простомъ, химическомъ ихъ соединеніи, образуютъ нѣчто отличное отъ простой смѣси ихъ, нѣчто такое, что пораждаетъ собой новыя свойства, новую форму и новыя силы. Но у Спенсера, даже въ его высшихъ, психическихъ отправленіяхъ, мы ничего подобнаго не находимъ. Два ощущенія, опредѣляя собою моментъ сознанія, образуютъ *понятіе*; но понятіе это не содержитъ въ себѣ ничего кромѣ тѣхъ же ощущеній и разнится отъ простой суммы ихъ, по утвержденію Спенсера, только тѣмъ, что *въ моментѣ понятія* сознаніе занято преимущественно измѣненіемъ одного своего состоянія въ другое, а *въ моментѣ ощущенія* оно погружено въ одно извѣстное состояніе, вотъ и все; что же касается до того *отношенія* между двумя терминами, которое сознается въ понятіи, то оно, сколько мы можемъ судить изъ объясненія Спенсера, не создается понятіемъ какъ что нибудь третье и новое, а есть тоже не болѣе какъ усложненное состояніе сознанія, происходящее отъ сочетанія двухъ его состояній простыхъ. Затѣмъ идутъ новыя сочетанія, новыя установки, перестановки даже и и разстановки; но творческаго акта произрожденія мы не находимъ нигдѣ; мы не находимъ, чтобъ жизнь порождала новую жизнь, хотя бы въ томъ грубомъ, химическомъ смыслѣ, о которомъ мы говорили недавно и потому мы считаемъ себя въ полнѣйшемъ правѣ сказать, что Спенсеръ понимаетъ *развитіе жизни* какъ процесъ простыхъ механическихъ дѣйствій и противодѣйствій, продуктомъ, которыхъ являются сочетанія самыхъ грубѣйшихъ ея началъ, въ различномъ порядкѣ и въ разной степени сложности, и далѣе ничего........

Такая конструкція, при всѣхъ другихъ ея недостаткахъ, грѣшитъ между прочимъ и тѣмъ, что она противорѣчитъ самымъ нелѣпымъ образомъ его пониманію жизни въ смыслѣ практическаго, дѣятельнаго *приспособленія* внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ; потому что именно въ этомъ то смыслѣ, жизнь и является намъ процесомъ творческимъ. Вмѣсто пасивнаго повторенія въ себѣ внѣшнихъ соотношеній, организмъ встрѣчаетъ явленіе внѣшнее такимъ актомъ личной инициативы, который сразу его выдѣляетъ изъ внѣшней его обстановки, какъ нѣчто самостоятельное и неподчиненное ей. Это уже не просто отвѣтъ, а возраженіе, споръ. Это реакція; это борьба, которая завязывается между его интересами, его порядками и по-

рядкомъ явленій внѣшнихъ. Отдѣльный, самостоятельный центръ жизни внутренней приходитъ въ прикосновеніе со сферою внѣшнихъ вліяній, обхватывающей его со всѣхъ сторонъ и чувствуетъ силу ихъ на себѣ, но онъ ей не подчиняется. Онъ *раздраженъ* и раздраженіе это раждаетъ въ немъ актъ, ничуть не похожій на то, что его раздражило и вовсе неподчиненный стимулу внѣшнихъ явленій, а напротивъ противодѣйствующій имъ. Дѣйствіе внѣшнихъ силъ стремится его подчинить тому порядку и тѣмъ законамъ, въ сферѣ которыхъ оно рождено. Но онъ утверждаетъ въ себѣ свой особый порядокъ и свой особый законъ. Объяснять механически этого рода актъ, актъ утвержденія личной самостоятельности въ сферѣ ее отрицающей, актъ перегиба, идущій прямо въ разрѣзъ вліянію внѣшнему, актъ спора, войны за жизнь, борьбы за сохраненіе личной самостоятельности;—не значитъ ли это сознательно закрывать глаза на самое яркое и самое неизгладимое различіе, какое только извѣстно намъ во всей необъятной сферѣ явленій и свойствъ, доступныхъ нашему опыту?.... Простое согласованіе внутреннихъ отношеній со внѣшними не можетъ намъ никогда объяснить такого различія, а если мы и допустимъ, что его можно съ одной стороны назвать *приспособленіемъ* организма къ внѣшней своей обстановкѣ, то мы должны допустить, что съ другой—оно является намъ совершенно наоборотъ, приспособленіемъ внѣшней своей обстановки къ себѣ и не только приспособленіемъ, а подчиненіемъ, завоеваніемъ, присвоеніемъ себѣ чужой собственности, практическимъ расширеніемъ жизни личной за черту ея первобытной границы; мало того, актомъ творческаго произрожденія новыхъ явленій и новыхъ порядковъ, новыхъ соотношеній между явленіями; никакъ стало быть уже не *механикою*. Смотря на жизнь съ этой точки зрѣнія, мы находимъ въ ней одну, весьма замѣчательную черту. При сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ той борьбы, которую организмъ ведетъ за свою самостоятельность,—самостоятельность эта не уступаетъ вліяніямъ внѣшнимъ. Рядъ внутреннихъ измѣненій идетъ своимъ порядкомъ и по своимъ законамъ; въ немъ совершается только то, что должно совершаться для достиженія его личныхъ цѣлей и въ виду его личнаго интереса. Но при тѣхъ же условіяхъ, порядокъ и свойства обстановки не выдерживаютъ борьбы. Они теряютъ свой пер-

воначальный характеръ и измѣняются... Въ мѣстахъ, гдѣ поселяется человѣкъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ природою, обстановку его, черезъ сто лѣтъ, почти узнать нельзя, такъ она измѣнилась. Тамъ гдѣ лѣса и пустыни непроходимыя тянулись на тысячи верстъ, зеленѣютъ поля, растетъ хлѣбъ, проведены сѣти дорогъ, дикіе звѣри истреблены, города сыстроены, самый климатъ значительно измѣнилъ свой характеръ: однимъ словомъ, столько стараго истреблено и столько новаго создано на мѣсто его, что мы не можемъ ужъ это назвать *приспособленіемъ*. Это творческое перерожденіе всей обстановки прежней и творческое произведеніе новой.... Но Спенсеръ не любитъ анализировать этого рода явленія. Онъ не любитъ той сферы явленія, гдѣ все развито и ясно опредѣлено; онъ любитъ тотъ полумракъ, въ которомъ границы теряются.... И дѣйствительно, между явленіями самыми разнородными, всегда можно найти черту, на которой различіе ихъ доходитъ до такой безконечно малой величины, что практически его можно сравнить съ нулемъ. Но такая черта не мѣсто для научныхъ изслѣдованій. Какъ мы уже говорили, типъ долженъ быть изучаемъ тамъ, гдѣ онъ успѣлъ себя заявить съ типической явственностію, иначе мы типа нигдѣ не увидимъ, а будемъ имѣть подъ рукой однѣ только помѣси и ублюдки, которые ничего сказать намъ не могутъ, кромѣ того, что *ночью всѣ кошки сѣрыя*.

Такимъ образомъ хотя все различіе жизни отъ сферы процесовъ безжизненныхъ ограничивается у Спенсера одною чертой, но и эта черта проведена неясно.

Посмотримъ теперь: лучше ли онъ объясняетъ различіе между *психическою стороною жизни* и ея стороною *физической*. Различіе это опредѣляется у него, въ сущности, тоже одною чертою: *сознательности*. Все остальное, что онъ говоритъ объ исключительной послѣдовательности состояній, относится только къ сознанію и, вѣрно или невѣрно, можетъ намъ дать только одну формальную его сторону.

Такимъ образомъ *интелектуальная жизнь* и *жизнь сознательная* являются у него терминами вполнѣ однозначущими. Законъ этой жизни Спенсеръ опредѣляетъ двояко. Съ одной стороны: *аналитическій*, онъ выражаетъ себя въ *безпрерыв-*

номъ различеніи и объединеніи состояній сознанія. Съ другой, *синтетическій*, онъ выражается такъ: *сила, съ которой предъидущій моментъ психическаго измѣненія влечетъ за собою его моментъ послѣдующій, пропорціональна постоянству связи между тѣми внѣшними явленіями, которымъ они соотвѣтствуютъ порознь.*

Съ перваго взгляда ясно, что послѣдній законъ не относится прямо къ акту жизни практической, путемъ котораго совершается приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Въ этомъ актѣ одинъ только первый его моментъ, т. е. нервное раздраженіе, непосредственно обусловленъ внѣшнимъ явленіемъ; а второй, содержащій въ себѣ реакцію, происходитъ уже отъ перваго и подчиненъ непосредственно только ему одному, а чрезъ него уже косвенно внѣшней причинѣ, которая для обоихъ одна. Въ дѣлѣ сознательной жизни — не такъ. По закону Спенсера, оба момента ея, какъ предъидущій, такъ и послѣдующій, не только опредѣляются порознь ихъ соотвѣтствіемъ съ какимъ нибудь явленіемъ внѣшнимъ, но кромѣ того и связь ихъ подчинена связи явленій внѣшнихъ. Изъ этого ясно, что вся активная сторона жизненнаго процеса, въ смыслѣ *приспособленія*, у Спенсера отнесена непосредственно къ жизни физической, а въ удѣлъ интелектуальной дѣятельности отведено одно только пасивное соотвѣтствіе внутренняго порядка явленій сознательныхъ съ порядкомъ явленій внѣшнихъ. Затѣмъ предстоитъ вопросъ: въ какой взаимной связи находятся эти двѣ стороны: *практическая, активная дѣятельность жизни физической* и *пасивная дѣятельность жизни психической или сознательной?* Какимъ образомъ первая, активная сторона дѣйствуетъ на вторую, это понятно безъ объясненія. Доходя до сознанія въ образѣ субъективнаго ощущенія, она умножаетъ число и усложняетъ сплетеніе различныхъ психическихъ состояній, непосредственно обусловленныхъ внѣшнимъ явленіемъ. Но какимъ образомъ вторая, пасивная сторона реагируетъ на активную, это можетъ намъ объяснить только другой законъ; *законъ непрерывнаго различенія и объединенія состояній сознанія.* Изъ него оказывается, что дѣятельность психическая пасивна только

въ томъ смыслѣ, что она не ведетъ непосредственно къ дѣлу практическому; но и у нея тоже есть своя внутренняя работа. Она занимается разработкой своихъ матеріаловъ, дополняетъ ихъ, различаетъ ихъ, сортируетъ и групируетъ; затѣмъ, какъ мы видѣли это изъ первой части, происходитъ объединеніе сложнаго матеріала въ одинъ концентрированный продуктъ, по объему своему умѣстимый въ одномъ моментѣ сознанія. Практическій результатъ такой: сложныя группы впечатлѣній, переработанныя этимъ процесомъ сознательной мысли, при повтореніи ихъ, перестаютъ озадачивать организмъ своей сложностью и дѣйствуютъ на него уже дружно, согласно, сразу, какъ одинъ простой стимулъ, вслѣдствіе чего и дѣятельный, практическій отвѣтъ на нихъ происходитъ немедленно.

Въ конструкціи этой есть много весьма остроумнаго и мѣстами глубоко-вѣрнаго; а потому мы жалѣемъ, что Спенсеръ не далъ себѣ труда разъяснить ея темныя стороны. Къ числу самыхъ темныхъ принадлежитъ безспорно вопросъ о фактическомъ разграниченіи процеса сознательнаго отъ безсознательнаго. Что они могутъ идти паралельно въ одно и тоже время, на этотъ счетъ Спенсеръ насъ не оставилъ въ сомнѣніи. Но для насъ остается неясно: какъ онъ понимаетъ безсознательность такъ называемыхъ у него автоматическихъ отправленій: въ предѣлѣ ихъ аналитической, частной конструкціи, или въ ихъ интегральной цѣлости? Мы у него находимъ примѣръ музыканта, который, играя, ведетъ разговоръ, и человѣка, который идетъ, не сознавая того, какимъ образомъ его ноги двигаются. Но первый однако же сознаетъ все время, что онъ *играетъ*, а второй, что онъ *идетъ;* они только не сознаютъ, какимъ способомъ они это дѣлаютъ. Поэтому намъ и кажется, что Спенсеръ гораздо лучше бы сдѣлалъ, еслибъ, подобно Люису, онъ допустилъ различіе между *дѣйствіемъ безотчетнымъ* и *дѣйствіемъ безсознательнымъ*. Безотчетно—то, что не требуетъ разсужденія и анализа, а дѣлается по чувству. Мы чувствуемъ то, что мы дѣлаемъ, и сознаемъ то, что мы чувствуемъ; но сознаемъ такъ сказать однимъ почеркомъ, не давая себѣ никакого отчета ни въ томъ, какимъ образомъ дѣло дѣлается, ни въ томъ, изъ какихъ отдѣльныхъ частей состоитъ процесъ дѣйствія; потому что такой отчетъ требуетъ отвлеченія мысли отъ дѣла, разъединенія психиче-

скаго процеса жизни съ ея процесомъ физическимъ, а успѣшный ходъ дѣла требуетъ наоборотъ, чтобы эти процесы не были разъединены, чтобъ они были слиты въ одинъ недѣлимый процесъ. Но отъ безотчетности до безсознательности весьма далеко и мы не думаемъ, чтобы биліардный игрокъ, котораго Спенсеръ привелъ въ примѣръ, а тѣмъ менѣе музыкантъ, могли когда нибудь, хоть на одинъ моментъ, не сознавать того, что они дѣлаютъ. Мы думаемъ, что они сознаютъ самымъ яснѣйшимъ образомъ живую и цѣлую единицу дѣйствія и именно отъ того, что сознаніе ихъ совершенно поглощено этимъ живымъ единствомъ, не могутъ дать себѣ никакого отчета объ абстрактныхъ моментахъ, на которые оно можетъ быть разложено только путемъ анализа и болѣе или менѣе отвлеченнаго мышленія. Конкретное знаніе всегда безотчетно въ аналитическомъ отношеніи и наоборотъ.... Но Спенсеръ объ этомъ ни слова не говоритъ. Его отвращеніе отъ рѣзкихъ границъ здѣсь совершенно его оставило и онъ, самъ не давая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, провелъ между *дѣйствіями инстинктивными и дѣйствіями сознательными* такую черту раздѣла, грубѣе которой ничего и представить себѣ нельзя.

Не менѣе остроумна у Спенсера и его характеристика высшихъ способностей, *памяти*, *разума*, *чувства* и *воли*. Къ сожалѣнію, отъ *гомункулуса* (человѣчка), имъ сочиненнаго, такъ сильно пахнетъ машиною, что мы никакъ не можемъ себя увѣрить, чтобъ онъ былъ живой. Сквозь мягкій прикладъ примѣровъ холодная, жесткая, механическая конструкція рѣжетъ на-ощупь. Такъ вотъ и кажется, что если его развинтить, то вмѣстѣ съ послѣднимъ винтомъ извнутри выскочитъ не живой мотивъ, а патентованная стальная пружина.

Въ заключеніе скажемъ, что путь, которымъ реальная философія изъ сферы явленій духа попадаетъ въ механику, очень понятенъ. *Конструкція механическая*, какъ наипростѣйшая изо всѣхъ, есть безъ сомнѣнія вмѣстѣ и самая общая. Стремленіе и устой, сочетаніе силъ и противодѣйствіе ихъ—мы находимъ во всѣхъ явленіяхъ: механическихъ, химическихъ, органическихъ и психическихъ. Это самая формальная и вмѣстѣ самая абстрактная изо всѣхъ конструкцій, и Спенсеръ сдѣлалъ хотя и понятную, но боль-

шую ошибку, давъ ей такое широкое мѣсто въ числѣ своихъ *основныхъ началъ психологіи.* Убѣгая отъ старыхъ абстракцій схоластики на твердую почву реальныхъ наукъ, онъ отъ избытка усердія хватилъ черезъ край и самъ забрался въ такую абстракцію, крайняя нагота которой едва ли не превосходитъ всѣ старыя отвлеченности.

Не смотря на его недостатки однако, сочиненіе Спенсера имѣетъ для насъ живой интересъ текущей работы. Работа неокончена и плодъ ея жёстокъ, противенъ на вкусъ; но у него есть будущность впереди и мы не видимъ особой причины страшиться за эту будущность. Дѣло усерднаго, честнаго исканія истины, какія ошибки не замедляли бы его ходъ, въ окончательномъ результатѣ не можетъ насъ привести ни къ чему кромѣ истины. А покуда что̀ можетъ быть любопытнѣе и поучительнѣе, какъ наблюдать за процесомъ такого исканія. Читаемъ же мы ученыя путешествія къ полюсамъ и къ неизвѣстнымъ источникамъ рѣкъ и насъ не пугаютъ ни неудачи ихъ, ни ложное направленіе, принимаемое подъ часъ искателями. Мы вѣримъ, что то и другое временно и что придетъ наконецъ пора, когда труды ихъ будутъ увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Почему же не вѣрить въ успѣхъ ученаго путешествія къ источникамъ психологіи и какое право имѣемъ мы сказать путешественнику: ты сдѣлалъ дурно, что не пошелъ по старой дорогѣ, когда эта старая дорога потому и оставлена имъ, что она уже отслужила свое и никого не подвинетъ далѣе. Пора же намъ наконецъ понять, что всякаго рода честный, научный трудъ, прямымъ путемъ или косвеннымъ, ведетъ къ цѣли и что цѣль эта у всѣхъ насъ одна.

Николай Ахшарумовъ.

АНАЛИЗЪ И СИСТЕМАТИКА ТЭНА.

De l'idéal dans l'art, par *H. Taine*. Leçons prefessées à l'Ecole des Beaux-Arts. Paris, 1867. *Germer-Baillière*.

Наша журналистика весьма мало занималась тѣмъ, что въ послѣднія 10—20 лѣтъ произошло въ области французской критики. Нѣмцы вліяли на насъ и завѣщали намъ неразумное пренебреженіе ко всему, что носитъ на себѣ печать французскаго ума. Мы точно будто совсѣмъ и забыли, что критика въ ея самыхъ жизненныхъ моментахъ двинута впередъ этимъ „легкимъ" умомъ. 18-й вѣкъ безъ всякаго сомнѣнія вѣкъ неутомимой критической работы. Въ немъ задѣты были всѣ тѣ жгучіе вопросы правды и человѣчности, которые мы успѣли уже значительно размѣнять на мѣдныя деньги. А кто-же герой критическаго столѣтія, какъ не Вольтеръ, дожидающійся теперь нѣсколько запоздалой статуи отъ благодарной Франціи? Если нѣмцы и были для насъ кое въ чемъ полезны, то въ философскомъ отношеніи они вызвали слишкомъ продолжительное метафизическое броженіе, до сихъ поръ отражающееся на русской мысли и русскомъ знаніи. Не прибѣгая ни къ какой рѣзкости, можно сказать, что вся наша эстетическая критика шла путемъ напускнымъ и ни мало не послѣдовательнымъ. Въ ней заключены два главные элемента: отрывки нѣмецкихъ философскихъ системъ и *сырая мозговая работа* доморощеннаго произрастанія. Каждую критическую статью вы можете разложить на эти элементы: въ одной будетъ побольше метафизики и поменьше собственныхъ мозговъ; въ другой наоборотъ. Въ самое послѣднее время начала преобладать работа, вполнѣ доморощенная; но въ ней ху-

дожественно-литературная критика значится только „по прикосновенности.“ Вопросы изъ другихъ сферъ: государственные, соціальные, экономическіе, которые критикъ укладываетъ въ своей головѣ по разнымъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ книжкамъ, составляютъ, въ большинствѣ случаевъ, подкладку его этюдовъ. Прослѣдите вы развитіе нашей критической литературы хоть съ Бѣлинскаго, и вы, конечно, найдете, что у насъ не было никакого правильнаго движенія въ чисто *критическомъ* смыслѣ.

Критическая дѣятельность ума имѣетъ совершенно обособленную область. Она должна быть направлена на анализъ явленій всякаго рода въ индивидуальной и колективной жизни человѣка съ единственной задачей: все разсѣкать до мельчайшихъ подробностей, отыскивать противорѣчія, отрицать все, что не выдерживаетъ ея натиска. Кодексомъ, которымъ она руководствуется въ своихъ приговорахъ, служитъ всегда знаніе. Никакой другой основы признавать она не можетъ въ качествѣ *критики*. Она ничего не созидаетъ и ничего не „упорядочиваетъ.“ Ей никакого нѣтъ дѣла до гармоніи, до примирѣнія какихъ бы то ни было понятій, идей или интересовъ въ одну доктрину. Словомъ, она не должна представлять собою законченнаго міровоззрѣнія, философской системы. Такою она и была въ 18-мъ вѣкѣ во Франціи. Она заручилась всѣмъ запасомъ знанія тогдашней эпохи и била направо и налѣво во все то, съ чѣмъ можно было побѣдоносно сражаться. У нѣмцевъ, а по ихъ стопамъ и у насъ, вышло совсѣмъ иное. Критика уклонилась отъ настоящаго пути въ существенномъ своемъ характерѣ. Человѣкъ, давшій ей у насъ право гражданства — Бѣлинскій дѣйствовалъ съ разными видоизмѣненіями все однимъ и тѣмъ-же образомъ въ своей дѣятельности, т. е. посредствомъ синтеза. Сначала составлялъ онъ себѣ міровоззрѣніе, а потомъ уже примѣнялъ усвоенные имъ принципы или лучше сказать метафизическія построенія къ тѣмъ реальнымъ фактамъ, съ которыми имѣлъ дѣло.

Ясно, что такой ложный пріемъ дѣлалъ критику *догматическою*, превращалъ ее въ рядъ философскихъ „professions de foi“ или литературныхъ опытовъ, проникнутыхъ личнымъ чувствомъ, или личною талантливостью. Слово въ слово подтверждается это всею дѣятельностью Бѣлинскаго. Его крупный, страстный, энергическій

умъ облекъ работу журнальнаго рецензента въ обаятельную форму. Онъ пріучилъ читать критическія статьи, онъ личнымъ своимъ вкусомъ оцѣнилъ крупные моменты русскаго творчества, возбудилъ самосознаніе, потратилъ, можно сказать, цѣлое море сердечной теплоты и горячаго мышленія на дорогіе ему вопросы красоты и гуманности; но всѣ эти блестящія качества, всѣ эти неотъемлемыя заслуги не спасаютъ его все-таки отъ неизбѣжнаго приговора точной мысли! Онъ шелъ не отъ реальнаго факта, не отъ суммы положительныхъ свѣденій, а отъ болѣе или менѣе произвольныхъ началъ, которыя усвоилъ себѣ, *на вѣру*. Работа его продолжалась какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ. Въ такой періодъ область точнаго знанія, необходимаго для критики искуства, не могла радикально преобразовываться каждыя пять лѣтъ. Въ знаніи ничто не теряется. Новые факты присоединяются къ добытымъ прежде и ничего не нарушаютъ, если накопленное количество свѣденій дѣйствительно состояло изъ чего нибудь прочнаго. У Бѣлинскаго же мы видимъ, на протяженіи какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ, діаметрально-противоположные взгляды на одно и то-же явленіе, на одного и того же писателя, какъ напр. въ его сужденіяхъ о Бальзакѣ. Еслибы онъ исходилъ изъ запаса точныхъ свѣденій, то, безъ всякаго сомнѣнія, такой писатель, какъ Бальзакъ, ему и въ 36-мъ и въ 42-мъ году представлялся бы приблизительно въ одномъ и томъ же свѣтѣ. Но такъ какъ субъективная метафизическая работа предѣловъ себѣ не знаетъ, то каждый новый оборотъ міровоззрѣнія, всякая новая наслойка въ апріорическомъ синтезѣ сейчасъ-же должны отразиться и на отдѣльныхъ мнѣніяхъ критика. Въ его обширной статьѣ о русской народной поэзіи еще ярче сказывается справедливость моего довода. Вся эта статья манифестація западника, весьма симпатичная и даже прогресивная въ обще-соціальномъ смыслѣ; но, какъ критическая работа, она просто никуда не годится. Полагаю, что наши лучшіе знатоки древне-русскаго искуства согласятся со мной. Въ ней, какъ и въ большинствѣ статей и обозрѣній Бѣлинскаго, идетъ сначала вступленіе догматическо-гегельянскаго характера, заявляются предвзятыя положенія и на нихъ уже нанизываются факты. Законное и отрадное сочувствіе Бѣлинскаго къ идеаламъ западной поэзіи нисколько не избавляло его отъ обязанности

*

знать все то, что археологія и исторія искуства сдѣлали въ той же самой западной Европѣ, и на основаніи этого придти къ заключенію, что его свѣденія по древне-русскому искуству и поэзіи, не давали ему ни малѣйшаго права на рѣзкіе аподиктическіе выводы. Чтобы бить что нибудь, надо знать, что бьешь. Нападки Бѣлинскаго нисколько не уменьшили въ глазахъ очень многихъ интереса, представляемаго поэтическимъ достояніемъ русскаго народа. Въ смыслѣ же публицистическомъ, какъ боецъ западничества, Бѣлинскій сдѣлалъ въ этой статьѣ только половину прогресивнаго дѣла, т. е. отрезвлялъ массу публики отъ возможности неумѣренныхъ порывовъ въ сторону прѣснаго „народничества"; но въ то же время стоялъ *на одной и той-же почвѣ* съ тогдашними народниками, на такихъ же апріорическихъ построеніяхъ.

Безъ всякой натяжки, можно прослѣдить тотъ-же радикальный порокъ и въ критической дѣятельности всѣхъ послѣдующихъ русскихъ мыслителей и рецензентовъ. Такъ называемые славянофилы, которыхъ, скажу въ скобкахъ, давно-бы пора назвать *панславистами*, по прелестному выраженію П. И. Якушкина, „*читали книжки нѣмецкія.*» Въ этой фразѣ завзятаго собирателя пѣсенъ и калики перехожаго заключается ѣдкая соль и вѣрнѣйшее опредѣленіе. Кто-же когда нибудь доказалъ, что міровоззрѣніе Кирѣевскихъ, Хомякова и братьевъ Аксаковыхъ построено самостоятельнымъ путемъ, что они пришли къ нему, начавши съ безпощаднаго анализа всѣхъ сторонъ русскаго быта? Этого никогда никто не доказалъ, да и не докажетъ. Сначала образовался „ein кружокъ in der stadt Moscau" по готовымъ рамкамъ нѣмецкой діалектики тридцатыхъ годовъ. До сихъ поръ нѣтъ ни одной фразы въ любой газетной передовой статьѣ любаго истаго славянофила, которая не имѣла бы не только нѣмецкой метафизической подкладки, но и самыхъ оборотовъ діалектики. Славянофилы много учились и много знали. Въ частностяхъ критика ихъ мѣтила вѣрно и попадала ловко. Имъ принадлежитъ, безспорно, иниціатива очищенія литературы и исторической науки отъ разной наносной трухи: они толково смѣялись надъ слащавымъ заигрываніемъ quasi-народныхъ литераторовъ съ крестьянствомъ и весьма вѣско поражали скудость содержанія и формализмъ изложенія въ историческихъ трудахъ мо-

скихъ „государственниковъ". Но, точно также какъ и въ Бѣлинскомъ, частныя достоинства критики славянофиловъ парализовались и парализуются кореннымъ порокомъ: преобладаніемъ системы надъ свободнымъ, ничѣмъ несвязаннымъ умомъ, апелирующимъ только къ возможно точнымъ фактамъ, къ возможно объективнымъ выводамъ. Какъ Бѣлинскій и славянофилы, ратуя другъ съ другомъ, сидѣли въ сущности на одной и той-же почвѣ, такъ и славянофилы въ отношеніи „государственниковъ." Прочтите вы руководящіе труды Гг. Соловьева и Кавелина по вопросу русскаго объединенія, извлеките изъ нихъ основный оставъ, подставьте его къ соотвѣтственному положенію нѣмецко-метафизической философіи исторіи, и вы увидите, что онъ также хорошо подходитъ, какъ и оставъ славянофильскихъ бытовыхъ и историческихъ воззрѣній.

Въ критикѣ, стоящемъ посрединѣ крайняго западничества и крайняго народничества, въ покойномъ А. Григорьевѣ повторился буквально тотъ-же самый процесъ. Онъ былъ шеллингистъ. Любопытные могутъ взять его статью о критикѣ искуства въ Библіотекѣ для чтенія подъ редакціей Дружинина. У Григорьева (я сердечно радъ, что имѣю случай заявить это) былъ огромный критическій талантъ. Степень таланта въ критикѣ опредѣляется способностью разсѣкать явленія на самые мельчайшіе элементы и ни одного изъ нихъ не оставить безъ строгаго допроса во имя точныхъ свѣденій. Этому идеалу критика покойный Аполонъ Александровичъ удовлетворялъ больше, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ рецензентовъ; но только такъ сказать, *im Werden*, въ возможности, а далеко не въ каждомъ результатѣ своей аналитической работы. Григорьевъ занимался исключительно литературно-художественной критикой и для этой спеціальности имѣлъ положительно больше свѣденій, чѣмъ кто-либо до него и послѣ него. У насъ слишкомъ мало цѣнятъ подготовленность критическаго дѣятеля. Такъ какъ мы жаждемъ гораздо больше взглядовъ, чѣмъ реальныхъ фактовъ, то бойкая прогресивная пропаганда прогремитъ у насъ несравненно сильнѣе, чѣмъ трудъ, основанный на обстоятельной подготовкѣ. Григорьевъ всегда съ самой юности жилъ литературно-артистическою жизнью, да не такъ, какъ десятки писателей-чиновниковъ, которые безстрастно строчатъ свои журнальныя статейки, въ родѣ канцеляриста,

отпускающаго „исходящія“. Онъ влагалъ въ искуство *всю свою душу*, онъ жилъ жизнью героевъ, создаваемыхъ фантазіей художниковъ. Порасспросите объ этомъ у его товарищей изъ кружка, называвшагося когда-то „молодой редакціей Москвитянина“; они вамъ подтвердятъ мои слова. Когда онъ зачитывался Байрономъ, онъ *переживалъ* во всѣхъ возможныхъ подробностяхъ оттѣнки байронизма. Такъ онъ прошелъ чрезъ Шекспира, чрезъ Бальзака, чрезъ Жоржъ Занда, чрезъ весь идеализмъ „юной Франціи“, чрезъ пластику Гёте, чрезъ эстетическія измышленія шеллингизма. Онъ удерживалъ въ памяти все, что читалъ; онъ вамъ наизусть прочитывалъ огромные монологи изъ Шекспира и Шиллера, помнилъ малѣйшія подробности замысла и отдѣльныхъ характеровъ въ десяткахъ и сотняхъ иностранныхъ романовъ и повѣстей. Съ такой-же страстностью продѣлалъ онъ и „вѣяніе“ народничества. У одного изъ его пріятелей до сихъ поръ хранится портретъ Аполона Александровича съ народнымъ обликомъ въ какой-то древняго фасона шубкѣ. Этотъ портретъ, сдѣланный также однимъ пріятелемъ, ходилъ по рукамъ: такъ онъ казался типиченъ, такъ дышалъ онъ древне-русскимъ изяществомъ. Вдавшись во временное яркое славянофильство, А. А. во всемъ перекроилъ себя: въ одеждѣ, въ пищѣ, въ языкѣ, ходилъ на богомолье; не пропускалъ ни одной заутрени, ѣлъ постное по средамъ и по пятницамъ, собиралъ пѣсни, якшался со всевозможными народными типами въ деревняхъ, на базарахъ, въ харчевняхъ, въ трактирахъ, пѣлъ съ половыми, гитаристами, цыганами, крестьянскими парнями и дѣвками, изучалъ всякую старину и святыню! Страстность была въ немъ перемѣшана съ прирожденною способностью къ анализу. Она повредила его критическому дѣлу, подчинила слишкомъ идеализму и дала его подготовкѣ слишкомъ односторонній характеръ. Необходимо, чтобы критикъ зналъ прежде всего ту область, которой непосредственно занимается; и этому условію Григорьевъ вполнѣ удовлетворялъ; но необходимо также, чтобы спеціальныя свѣденія были приведены въ связь съ другими сферами знанія. Вотъ этимъ-то и грѣшилъ Григорьевъ. Онъ не принялъ въ соображеніе успѣховъ естествовѣденія и всей мыслительной работы новаго времени, основанной на *точномъ* знаніи. Вотъ это-то и поставило его въ полемическое отношеніе къ

лагерю русскихъ реалистовъ. Но, возвращаясь къ моему основному опредѣленію достоинствъ Григорьева, какъ критика, я напомню еще разъ, что критическая дѣятельность вытекла у него изъ цѣлаго процесса умственной подготовки. Правда, въ первую эпоху своей писательской жизни онъ долженъ былъ въ Петербургѣ заниматься черновой, поденной работой въ журналѣ А. Песоцкаго „Репертуаръ“ и наполнять номера всевозможными продуктами: и повѣстями въ стихахъ, и театральными рецензіями, и философскими статейками; но серьезная его дѣятельность начинается только тогда, когда онъ уже обладалъ такой выработкой, какой не было въ соотвѣтственный періодъ ихъ жизни ни у Бѣлинскаго, ни у Добролюбова. И тотъ, и другой, разбирая произведенія какого-нибудь русскаго писателя, дѣлали его всегда предметомъ слишкомъ общихъ эстетическихъ или соціальныхъ взглядовъ. Ихъ относительная невѣжественность не давали имъ возможности сопоставить сейчасъ новыя явленія въ русскомъ искуствѣ съ соотвѣтственными явленіями западнаго творчества и подвергнуть ихъ подробному анализу, гдѣ бы каждая отдѣльная часть была выяснена тѣмъ же самымъ сравнительно-фактическимъ путемъ. Среди неосновательныхъ увлеченій, вытекшихъ изъ темперамента Григорьева, вы найдете въ его этюдахъ множество яркихъ, весьма точныхъ, весьма *конкретныхъ* характеристикъ крупныхъ русскихъ художниковъ, гдѣ гораздо больше фактическихъ доводовъ, спеціальныхъ свѣденій и убѣдительныхъ положеній и отрицаній, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ оцѣнкахъ Бѣлинскаго и Добролюбова, не смотря на запутанный на иной взглядъ, нервный, подъ-часъ даже очень вычурный языкъ Григорьева. Традиціи метафизическихъ критиковъ сохраняются болѣе или менѣе до сего времени въ русской журналистикѣ. Но съ появленіемъ въ „Современникѣ“ статей автора „Очерковъ гоголевскаго періода“ русской литературы“ *чисто-критическая* работа могла бы дать настоящій импульсъ литературнымъ рецензіямъ, еслибъ авторъ ихъ остался въ этой области. Но онъ, какъ извѣстно, кинулся на экономическо-соціальные вопросы; и когда ему случалось потомъ писать литературные памфлеты, его мнѣнія и рѣзкіе выводы не были уже пріемами строго-критической работы, имѣющей въ основаніи своемъ одно точное знаніе; они обличали со-

ставленное имъ къ тому времени міровоззрѣніе, побуждавшее его къ очень многимъ произвольнымъ или, по крайней мѣрѣ, апріорическимъ приговорамъ.

Добролюбовъ отчасти подходитъ подъ это же опредѣленіе, но только отчасти. Онъ преслѣдовалъ также свой соціально-нравственный идеалъ. Въ этомъ идеалѣ не было ничего точнаго, что могло бы служить очистительному анализу изящныхъ произведеній. Онъ и не занимался эстетическими вопросами; мало того, драпировался даже въ это *игнорированіе*. Онъ дѣлалъ весьма почтенное дѣло: обращалъ всѣ новыя и мало-мальски замѣчательныя явленія въ литературномъ творчествѣ на пользу политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ и нравственныхъ принциповъ, признанныхъ имъ за вѣрные. Тѣ, кто съ нимъ полемизировалъ: Аполонъ Григорьевъ и другіе, главнымъ образомъ нападали на отсутствіе въ его статьяхъ художественно-литературнаго анализа. Григорьевъ никогда иначе и не звалъ его какъ *публицистомъ*. Въ этомъ однако была только часть правды. Добролюбовъ хоть и повторялъ, что онъ въ эстетическія тонкости входить не желаетъ, но невольно долженъ былъ заниматься чисто-литературными опредѣленіями. Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ онъ говорилъ больше о самомъ авторѣ и его произведеніи, чѣмъ *по поводу* ихъ, онъ употреблялъ очень часто настоящіе пріемы, т. е. бралъ всю дѣятельность писателя въ цѣломъ, обозначалъ его удѣльный вѣсъ, указывалъ его творческую инниціативу, анализировалъ, и весьма тонко, его художественныя средства: выраженіе, языкъ, манеру. Во всемъ этомъ онъ поступалъ не голословно, а съ документами въ рукахъ и съ нѣкоторымъ запасомъ начитанности и критическихъ свѣденій. Статьи такого рода составляютъ меньшинство. Лишь только Добролюбовъ перестаетъ заниматься литературными вещами, какъ *конкретными* явленіями, начинается чисто-субъективная пропаганда. Правда, критическій анализъ очень легко перенести и на соціальные вопросы, но и къ нимъ, если хочешь быть критикомъ, слѣдуетъ приступать съ тѣмъ же методомъ. А Добролюбовъ, составивши себѣ на скоро довольно противорѣчивое міровоззрѣніе, натягивалъ на него и соціально-нравственные факты совершенно также, какъ Бѣлинскій эстетическіе. Необходимость срочной журнальной работы, въ которую онъ впрегъ

себя еще студентомъ, сказалась въ отсутствіи строгаго контроля надъ собственной мыслительной дѣятельностью. Строча по десяти листовъ въ мѣсяцъ, невозможно обработывать каждый соціальный или эстетическій фактъ путемъ точнаго анализа. Добролюбовъ задумывалъ свои статьи, какъ задумываютъ повѣсть или драму, опять-таки такимъ же пріемомъ какъ и Бѣлинскій. Знаменитая статья, „Что такое обломовщина?“ блестящій типъ подобнаго замысла. Она произвела огромное впечатлѣніе, потому что задумана была съ горячимъ чувствомъ молодой гражданственности, потому что проникнута была молодымъ желаніемъ бороться съ нашимъ исконнымъ недугомъ: вялостью мышленія и воли. Но какъ критическій анализъ конкретныхъ явленій, она слабѣе статьи Бѣлинскаго о древней русской поэзіи. Тамъ, по крайней мѣрѣ, есть нѣкоторые документы, тамъ произносится рѣзкій приговоръ надъ существующими памятниками; здѣсь же индивидуальные и колективные факты изъ жизни русскаго человѣка не очищены ничьимъ предварительнымъ анализомъ, почему и всѣ соображенія о нихъ чисто-памфлетныя, литературныя. Судить о соціальныхъ феноменахъ можно только тогда, когда открыты хоть какіе нибудь *законы* общественнаго движенія. Объ этихъ законахъ Добролюбовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и, не чувствуя надъ собою никакого контроля, составлялъ „естественную исторію“ русскаго муравейника, по выраженію старыхъ людей, „какъ Господь Богъ на душу положитъ.“ Есть въ его статьяхъ такого характера хорошіе вступительные пріемы, наприм. въ „Темномъ царствѣ.“ Онъ очень ловко и раціонально начинаетъ съ анализа всего того, что было сказано до него объ Островскомъ. Противорѣчія и несостоятельность литературной критики указаны имъ остроумно и безъ натяжки. Но сдѣлавши такой сводъ, Добролюбовъ какъ бы счелъ себя въ правѣ махнуть рукой на всякую возможность эстетическихъ опредѣленій. И весь трудъ получилъ характеръ соціальнаго этюда, на этотъ разъ гораздо болѣе точнаго, чѣмъ статья: „Что такое обломовщина?“ и пухлое размазываніе либеральныхъ общихъ мѣстъ въ рецензіи повѣстей Марка Вовчка.

Все это иначе и не могло быть, если взять въ соображеніе неподготовленность Добролюбова для строгой критики искуства и со-

ціальныхъ явленій. Я помню письмо его къ одной дамѣ, С. А. П., изъ семейства князя Т—аго, который квартировалъ долго въ Нижнемъ, въ домѣ покойнаго отца Добролюбова, протоіерея Никольской церкви. Добролюбовъ ходилъ въ это семейство юношей и потомъ, когда получилъ уже извѣстность въ „Современникѣ,“ былъ съ нимъ въ сношеніяхъ. Письмо, о которомъ я говорю, было написано очень горячо, съ искренностью самоосужденія, свойственною хорошимъ русскимъ людямъ. Сколько я помню, написано оно было изъ Петербурга послѣ статьи: „Что такое обломовщина,“ слѣдовательно когда Добролюбовъ сдѣлалъ уже себѣ имя. Въ немъ онъ прямо сознаетъ, что его критическая дѣятельность есть ничто иное, какъ сырая мозговая работа, безъ предварительнаго труда, безъ сколько нибудь основательнаго образованія. Въ доказательство онъ указываетъ на то, что вся его студенческая начитанность ограничивается русскими журналами, да кой-какими книгами, что съ иностранными литературами онъ знакомъ самымъ жалкимъ образомъ, что по-французски кое-какъ читаетъ, а къ нѣмецкому языку приступилъ только на двадцатомъ году. Какъ ни велика была иниціатива его дарованія, но своимъ умомъ, какъ Тяпкинъ-Ляпкинъ, до всего не дойдешь!

Баластъ журнальныхъ рецензій, все то, что писалось и пишется заурядными сотрудниками, едва-ли заслуживаетъ опредѣленія. Пробавлялись и пробавляются кое-чѣмъ; но всегда съ тѣмъ же общимъ порокомъ анти-критическихъ пріемовъ. Въ лицѣ же г. Писарева критика художественно-литературныхъ произведеній совершенно эмансипировалась, такъ сказать, отъ всякихъ точныхъ требованій, хотя и желаетъ заявлять ихъ на каждомъ шагу. Она еще страстнѣе, еще необузданнѣе стремится къ тому, чтобы лишить права гражданства всѣ явленія, несимпатичныя личному міровоззрѣнію рецензента. А это міровоззрѣніе составлено еще болѣе изъ лоскутковъ, чѣмъ у Добролюбова.

Я не могу, конечно, вдаться въ болѣе обстоятельный разборъ нашего критическаго движенія. Я его охарактеризовалъ для того, чтобы имѣть точку опоры въ главномъ предметѣ моего анализа. Но эта характеристика еще неполна въ философскомъ смыслѣ. Говоря, что русская критика искуства и даже общественныхъ явленій двигалась гораздо больше путемъ синтеза, чѣмъ-бы слѣдовало,

я вовсе не обвиняю ее безусловно. При порывистомъ, запоздало-спѣшномъ ходѣ нашей цивилизаціи, мы должны были быстро, очертя голову, вдаться въ идеалистическую работу, начать переживать *метафизическій періодъ*. Критика, предшествующая всякому міровоззрѣнію, была, въ глазахъ нашихъ, почти что не нужна. Сущности и безусловные принципы всякаго рода, начиная отъ гегелизма и кончая болѣе частными доктринами новѣйшаго времени, были необходимыми и вполнѣ законными моментами нашего прогреса. Развивайся мы постепеннѣе, они нисколько бы не мѣшали болѣе послѣдовательной и, главное, болѣе точной критической работѣ.

Теперь есть полная возможность взглянуть спокойно на это „волнующееся море.“ Только мелкіе присяжные полемизаторы, барахтающіеся въ корытѣ своихъ журнальныхъ раздраженій и микроскопическихъ взглядцевъ, могутъ еще до сихъ поръ перетасовывать разныя клички и предпринимать крестовые походы противъ „извершговъ рода человѣческаго,“ не зная того, что всѣ эти изверги въ сущности бьются изъ-за отысканія правды и закона, не видя того, что и они сами поступаютъ также нераціонально, какъ ихъ враги, потому что добиваются той же правды и тѣхъ же законовъ путемъ личной діалектики и личныхъ соображеній.

Несомнѣнно, какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, что нѣмецкая мысль преобладала надъ нами. Какими же частными фактами объяснить это? Во Франціи критика двигалась правильнѣе, чѣмъ у насъ: тамъ она была создана; но къ тридцатымъ годамъ, т. е. ко времени Бѣлинскаго, французская критика остановилась на плотинѣ эклектики. Нѣмцы вліяли на французовъ иначе, чѣмъ на насъ. Мы принимали системы цѣликомъ, французы пріурочивали ихъ въ видѣ винегрета. Для слушателей Кузена, его разглагольствованія о прекрасномъ, о добрѣ и правдѣ казались новыми и возрождающими; для насъ же они не имѣли вкуса. Разъ порѣшивши, что во французской философско-критической литературѣ нѣтъ ничего оригинальнаго, мы уже отвратили лице свое отъ того, что въ ней дѣлается. Множество отдѣльныхъ умовъ, продолжавшихъ полегоньку частичный анализъ произведеній искуства и общественныхъ феноменовъ, прошли для насъ незамѣченными. Никто не слѣдилъ за движеніемъ французскаго критическаго смысла въ па-

рижскихъ публицистахъ, театральныхъ рецензентахъ, художественныхъ критикахъ, памфлетистахъ. И Поль-Люи Курье, и десятокъ газетныхъ дѣятелей съ бойкимъ анализомъ современной имъ жизни, и Сентъ-Бёвъ, и Жюль Жаненъ, и Гюставъ Планшъ, и Теофиль Готьѐ были для русскихъ читателей больше звуками, именами, чѣмъ представителями извѣстныхъ пріемовъ критическаго анализа.

Сороковые и пятидесятые года французской критики искуства представляли почти такую же двойственность, какую мы видѣли и у насъ. Сорбонна и офиціальное мышленіе преобладало и составляло подкладку отдѣльныхъ мнѣній и пріемовъ. Только французскій умъ такъ устроенъ, что онъ даже при подчиненіи какой нибудь системѣ смѣшаннаго и туманно-идеалистическаго характера не теряетъ чувства конкретной правды. Онъ все-таки направленъ на частности, необходимыя въ критическомъ дѣлѣ. Поэтому слащевая эклектика не могла придать всѣмъ критическимъ трудамъ туманно-фразистой формы. У Сентъ-Бёва она и совсѣмъ почти не сказывалась. Онъ разбиралъ произведенія, руководствуясь больше своимъ личнымъ разсудкомъ и весьма изощреннымъ тактомъ. Въ художественно-театральныхъ критикахъ: Жюлѣ Жаненѣ и Теофилѣ Готьѐ сказывались скорѣе личные недостатки: фразерство, слишкомъ большая наклонность къ литературнымъ оборотамъ; но имъ была присуща, помимо всякой философской доктрины, любовь къ прекрасному въ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Эта любовь побуждала ихъ къ отыскиванію новыхъ сторонъ искуства; но эта же любовь питалась односторонними идеалами и взывала черезъ-чуръ часто къ пережитымъ эпохамъ творчества.

Во всемъ критическомъ мірѣ Франціи до конца пятидесятыхъ годовъ, не смотря на умъ и дарованіе отдѣльныхъ дѣятелей, не сказывалось *прочнаго метода*, который бы двигалъ работу сообразно успѣхамъ положительнаго знанія и очистилъ бы критическіе этюды отъ всего ненужнаго гарнира чисто-белетристическихъ фразъ, возгласовъ, изліяній, постороннихъ намековъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ дѣлу. Многочисленные сотрудники „Revue des deux Mondes,“ чередуясь, написали нѣсколько сотенъ статей о всевозможныхъ художественныхъ явленіяхъ складно, умно, иногда скучно, иногда очень бойко; но во всей этой *говорильнѣ* не слы-

шалось нерва; отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, разбросанныя безъ связи въ десяткахъ статей, притупляли мозгъ читателей и вносили весьма мало прочныхъ результатовъ въ общую критическую работу.

Вотъ что предшествовало Тэну.

Но онъ вовсе не явился, какъ напр. наши корифеи: Бѣлинскій, Григорьевъ, Добролюбовъ, постояннымъ журнальнымъ бойцомъ; онъ не сталъ бомбардировать самосознаніе публики непрерывнымъ рядомъ статей о современныхъ явленіяхъ изящнаго творчества. Путь его былъ иной.

Юношей Тэнъ избралъ педагогическую дорогу. Онъ поступилъ въ Нормальную школу по словесному отдѣленію. Можно было бы ожидать, что классическія занятія придадутъ ему оттѣнокъ черстваго идеализма, почти всегда присущій „словесникамъ.“ Но занимаясь классиками, изучая греческихъ и латинскихъ поэтовъ и историковъ, работая надъ своимъ прекраснымъ и первымъ трудомъ о Титѣ Ливіи, Тэнъ не только не вдался въ сухую эрудицію филолога, но страстно началъ пытать разные методы знанія и мышленія. Его книга „О французскихъ философахъ XIX вѣка,“ написанная въ видѣ молодыхъ воспоминаній, показываетъ, что онъ рано, въ кружкѣ пріятелей, сталъ работать надъ философскими вопросами и, главное, искать указаній, фактовъ и сближеній для разрѣшенія своихъ умственныхъ задачъ въ сферѣ естествовѣденія. У него такой конкретный и пытливый умъ, что избери онъ въ молодости, естествознаніе главнымъ предметомъ своихъ трудовъ, изъ него безспорно вышелъ бы на этомъ поприщѣ крупнѣйшій дѣятель!

Генерація, съ которой Тэнъ вступилъ въ Нормальную школу, была весьма удачно подготовлена, если я могу такъ выразиться. Его сверстники дышали тогда воздухомъ свободы, добытой опять народомъ въ 48-мъ году. Они были страстные поклонники точныхъ умовъ XVIII вѣка. Къ эклектикѣ они сразу же отнеслись скептически и никогда ей потомъ не подчинялись. Это былъ бойкій, бурливый народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наклонный къ безпощадному анализу, къ систематизаціи, къ умственному порядку, къ трезвости и реальности мысли.

На одной изъ своихъ конференцій по драматической критикѣ,

Франсискъ Сарсэ, сверстникъ Тэна по Нормальной школѣ, весьма даровито охарактеризовалъ интелигентное движеніе, начавшееся съ эпохи 48 года, и въ подробностяхъ говорилъ о тѣхъ стремленіяхъ и задачахъ, съ которыми онъ и его товарищи выступили въ жизнь. Государственный переворотъ 2 декабря сразу же задержалъ этимъ молодымъ людямъ входъ въ политическую сферу; да и не имъ однимъ, а всему, что было свѣжаго во Франціи. Будничная публичная жизнь Парижа ударилась въ чувственную экцентричность, въ шутовство ума, вкусовъ, всѣхъ видовъ творчества. На весь, такъ сказать, умъ Франціи легъ слой пошлости. Началась промышленная постыдная эксплуатація всего, чѣмъ только можно торговать въ мірѣ искуства и знанія. Въ это время горсть молодыхъ людей изъ Нормальной школы заключилась въ область точной науки и критики. Нѣкоторые разъѣхались по провинціи, надѣли на себя скромный хомутъ преподавателей. Другіе остались въ Парижѣ на томъ же поприщѣ или перемѣнили его на тихую кабинетную жизнь. Если вы немножко присмотритесь и прислушаетесь къ тому, что теперь говорится и дѣлается въ парижской крупной и особливо *мелкой* прессѣ, вы увидите, что этой генераціи Нормальной школы, съ которою связаны имена Тэна, Франсиска Сарсэ, Эдмона Абу и другихъ—не любятъ. Ихъ называютъ съ какимъ-то постояннымъ раздраженіемъ „les normaliens". Въ этомъ имени есть и упрекъ, и зависть. Парижская пресса такъ измельчала въ послѣднія десять лѣтъ, поражена такимъ отсутствіемъ твердаго философскаго принципа или прочнаго метода, такъ наводнена ничтожными писаками, не имѣющими никакихъ мало-мальски серьезныхъ свѣденій, что горсть людей, которые чему-нибудь учились, вышли изъ школы съ опредѣленными умственными и соціальными требованіями, да еще вдобавокъ выказали большіе таланты, или, по крайней мѣрѣ, большую ловкость въ той или другой спеціальности, — очень стѣсняетъ, уязвляетъ грошовое тщеславіе ничтожностей, колетъ имъ глаза, ежесекундно говоритъ имъ примѣромъ своей дѣятельности, что публичное слово не балаганная реклама, что постыдно болтать, какъ сорока, о вещахъ, о которыхъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія. Заурядным писакамъ противно, что Тэнъ составляетъ уже *школу*. Мы увидимъ, что даже болѣе серьезные критики любятъ

прохаживаться на счетъ того, что Тэнъ всегда и во всемъ *учительствуетъ*, что въ его этюдахъ слышна претензія на лишнюю систематизацію, видно желаніе обращаться со своими читателями, какъ съ аудиторіей, состоящей изъ послушныхъ и внимательныхъ учениковъ.

Я не стану повторять здѣсь того, что уже имѣлъ случай высказать о Тэнѣ въ другихъ моихъ статьяхъ. Здѣсь намъ нужно опредѣлить только его отношеніе къ предшествовавшей ему французской критикѣ искуства. Я уже намѣтилъ черты того двойственнаго характера, который преобладалъ, да и теперь преобладаетъ въ трудахъ лучшихъ французскихъ эстетиковъ и публицистовъ. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ, тамъ и сямъ, въ литературной и художественной критикѣ пробивалось и пробивается направленіе, гармонирующее болѣе, чѣмъ прежде, съ духомъ точной науки. Французская мысль видимо вступаетъ въ положительную фазу и всѣ дѣятели въ области критики, даже самые метафизическіе, не могутъ не отражать на себѣ духа положительнаго мышленія.

Тутъ я долженъ сдѣлать необходимую оговорку въ дополненіе къ тому, что сказалъ о новѣйшей русской критикѣ по поводу г. Писарева. Я не люблю недоразумѣній и вовсе не желаю возбуждать полемическаго задора въ вопросахъ, на которые имѣю возможность смотрѣть трезво и съ значительной долей симпатіи даже къ умственнымъ шероховатостямъ нашихъ молодыхъ дѣятелей. Я сказалъ, что критика *художественно-литературныхъ* произведеній эмансипировалась въ лицѣ г. Писарева отъ всякихъ точныхъ требованій, *хотя и желаетъ заявлять ихъ на каждомъ шагу*. Мое опредѣленіе можетъ показаться противорѣчивымъ; но оно вѣрно передаетъ мою мысль. Во всѣхъ рецензіяхъ русскихъ реалистовъ (я употребляю это слово не по собственному желанію) требовательность приняла очень рѣзкія формы и мѣняется съ каждымъ рецензентомъ. Г. X. хочетъ одного, г. У другаго, между тѣмъ какъ въ строгой критикѣ научнаго характера ничего подобнаго быть не можетъ. Разбирая какой нибудь мемуаръ, ученую работу, новую гипотезу, и X. и У. и Z. будутъ по необходимости основываться въ своихъ доводахъ на установленныхъ фак-

тахъ и законахъ; а личная ихъ талантливость выразится только въ ловкихъ пріемахъ полемики, въ умѣніи пользоваться научнымъ запасомъ. Этого еще нѣтъ въ русской реалистической критикѣ. И такъ какъ она очень часто *игнорируетъ* все то, что выработано въ литературно-эстетической практикѣ, презираетъ наборъ свѣденій по исторіи литературы и искуства, то она и должна прибѣгать въ чисто-литературныхъ и художественныхъ вопросахъ къ произвольнымъ умственнымъ построеніямъ. Но рядомъ съ этими уклоненіями начался другой, уже раціональный процесъ. Желаніе заявлять на каждомъ шагу *точныя* требованія прямо показываетъ, что идея научной критики зародилась и разрастается. Рецензенты-реалисты спѣшать подвергнуть контролю реальныхъ фактовъ и твердыхъ законовъ то, что прежде коментировалось апріорическими выводами ума или литературными образами. Только контроль-то производится не такой, какой слѣдуетъ, опять-таки по отсутствію установившагося міровоззрѣнія и весьма понятнаго безспорно-прогресивнаго увлеченія въ сторону реальнаго факта. Отсюда выводъ, что въ нашей такъ-называемой „крайней критикѣ“ произошло тоже тяготѣніе къ положительному методу, какое и во французской. Безъ него явленія, какъ Тэнъ, были бы аномаліями, а мы знаемъ, что въ колективной жизни человѣчества все идетъ по такимъ же правильнымъ законамъ, какъ и въ жизни отдѣльнаго индивидуума и въ разныхъ сферахъ природы.

Дѣятельность Тэна, какъ эстетика, началась съ первой поры его умственной жизни. Онъ жадно бросался на всякое чтеніе; но никогда не упускалъ изъ виду свой главный предметъ: красоту, которую человѣчество преслѣдуетъ въ разныхъ видахъ своего творчества. Извѣстность Тэна установилась съ появленіемъ въ свѣтъ его „Исторіи англійской литературы“. Эта книга въ самой Англіи вызвала нелицемѣрное удивленіе и самую искреннюю симпатію. Критики крупныхъ литературныхъ обозрѣній всѣ почти въ одинъ голосъ сказали, что этотъ трудъ прежде всего есть подарокъ самой англійской націи, потому что въ англійской литературѣ не было до Тэна ни одного сколько-нибудь полнаго обозрѣнія всѣхъ поэтическихъ богатствъ Англіи. Такой огромный трудъ предполагаетъ, конечно, огромную-же подготовительную работу, не только по мате-

ріаламъ, но и по мыслительной выработкѣ. Тэнъ, какъ систематическій умъ по преимуществу, тогда только могъ вылить въ законченную форму всю эту массу характеристикъ, когда найденъ имъ былъ, какъ игроки выражаются „ключъ рисунка", т. е. основный принципъ, строго опредѣленный методъ изысканія, который и проведенъ потомъ по всей области англійской поэзіи и соціально-нравственной жизни.

Но рядомъ съ общей хвалебной нотой, раздавшейся какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, Германіи и у насъ въ Россіи, заявлено было нѣкоторое недоумѣніе, а потомъ даже и недовѣріе къ серьезности книги. Это недовѣріе и это недоумѣніе были вызваны, прежде всего формой характеристикъ. Тэнъ пишетъ ярко, сочно, крупными штрихами. Онъ не вдается во второстепенныя подробности. Въ опредѣленіи каждой эпохи, каждаго произведенія, каждаго типа въ драмѣ, поэмѣ или романѣ, онъ старается дать вамъ ее сейчасъ въ руки, чтобы вы осязали самую суть, главный двигательный нервъ. При громадности програмы, при огромномъ количествѣ опредѣленій, манера Тэна показалась нѣкоторымъ эксцентричной, бьющей на эфектъ, а самый основный принципъ показался дѣломъ умственнаго каприза, проведеннаго чрезъ все произведеніе съ яркимъ и увлекательнымъ талантомъ. Надо сознаться, что французскій умъ вообще наклоненъ къ централизаціи и систематикѣ. Что бы французъ не создалъ: философію, государство, асоціацію, школу, театръ или контору омнибусовъ, у него во всемъ будетъ преобладать административно-регламентирующій характеръ съ огромными достоинствами, съ ясностію и чистостой работы, но съ неизбѣжными натяжками. Безспорно и въ трудѣ Тэна можно найти эти натяжки; но методъ критики, положенный имъ въ основу, былъ положительно *новымъ словомъ*. Впервые историкъ литературы приводилъ съ такимъ талантомъ въ непосредственную связь произведенія творческаго генія извѣстной націи съ біологическими особенностями ея, другими словами съ темпераментомъ и съ вышедшими оттуда соціологическими явленіями, на которыя, съ другой стороны вліяла и естественная топографія страны. Хотя Тэнъ и разъяснилъ во вступленіи свой принципъ и методъ, но въ самомъ изложеніи исторіи, избѣгая излишней догматичности, не хотѣлъ сдѣлать изъ своей книги эстетическаго трактата,

заключать каждую главу выводомъ, какъ бы это умѣстно было въ теоретическомъ курсѣ, въ обще-философскомъ этюдѣ или съ профессорской каѳедры.

Разъ утвердившись на почвѣ, которая показалась ему твердой, Тэнъ отдался изученію пластическаго искуства. Каѳедра эстетики въ парижской художественной школѣ давала ему роль не дилетанта, занимающагося для собственнаго удовольствія художественными вопросами, а публичнаго дѣятеля въ области, нуждающейся въ полномъ возрожденіи. Тутъ выработанная имъ въ тиши кабинета критическая система должна была принять видъ догматическій. Тутъ уже нельзя выѣзжать на ловкомъ капризѣ, а надо давать своимъ слушателямъ что нибудь прочное, строго выработанное, направить ихъ къ такому художественному міровоззрѣнію, которое считаешь единственно вѣрнымъ и можешь доказать это. Тэнъ началъ съ общихъ положеній, и это было бы для него капитальная ошибка, какъ для реалиста, еслибы въ теоретическое изложеніе своей системы онъ не внесъ аналитическихъ пріемовъ. Онъ предположилъ прочесть очеркъ итальянскаго искуства, или лучше сказать, философскую характеристику его, но началъ этотъ курсъ общими философскими соображеніями. Въ этомъ онъ сдѣлалъ уступку обыкновенной систематической рутинѣ; но, повторяю: сейчасъ же исправилъ ее, сразу заявивши, что онъ не позволитъ себѣ никакого апріорическаго опредѣленія. Всѣ общія положенія, какія онъ сдѣлаетъ, будутъ извлечены изъ предварительныхъ частныхъ изслѣдованій.

„Что такое искуство и въ чемъ состоитъ его природа? Вмѣсто того, чтобы навязывать формулу, *я вамъ дамъ осязать факты*. Мы имѣемъ здѣсь какъ и во всемъ другомъ, положительные факты, подлежащіе наблюденію; я разумѣю *произведенія искуства*, расположенныя по семействамъ въ галереяхъ и библіотекахъ, какъ растенія въ гербаріяхъ или животныя въ музеѣ. Можно примѣнять анализъ какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ, искать что такое произведенія искуства вообще, точно также какъ опредѣляютъ что такое растеніе и животныя вообще. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ нѣтъ никакой надобности выходить изъ сферы опыта, и вся операція состоитъ въ открытіи, посредствомъ многочисленныхъ сравненій и послѣдовательной сортировки, чертъ,

общихъ всѣмъ произведенiямъ искуства, а также и тѣхъ особенностей, которыми они отличаются отъ другихъ продуктовъ человѣческаго ума".

Вотъ что сказалъ Тэнъ на одной изъ своихъ первыхъ теоретическихъ лекцiй, появившихся потомъ въ видѣ особеннаго томика подъ названiемъ: „Pilosophie de l'art", извѣстнаго и нашей публикѣ въ переводѣ. Я не стану разбирать этого труда Тэна, потому что все высказанное имъ въ „Philosophie de l'art" и въ лекцiяхъ объ итальянской живописи, появившихся также въ видѣ отдѣльнаго тома, онъ сгустилъ потомъ въ заключительномъ этюдѣ „Объ идеалѣ въ искуствѣ", который долженъ подтверждать двоякую критически-философскую работу: и общiя положенiя, предшествовавшiя лекцiямъ объ итальянской живописи, „Исторiи англiйской литературы" и другимъ критическимъ трудамъ Тэна, и всѣ частныя характеристики, заключающiяся въ его этюдахъ. Въ понятiи объ идеалѣ творчества сидитъ вся квинтъ—эсенцiя эстетики. Онъ служитъ мишенью всѣмъ справедливымъ нападкамъ положительныхъ мыслителей, доказывающихъ, что у каждаго метафизика есть свой произвольный идеалъ, и вы не найдете двухъ критиковъ-идеалистовъ, которые опредѣляли-бы одинаковымъ образомъ красоту даннаго произведенiя.

Изложу сначала съ должною подробностью сущность эстетической философiи Тэна, сгущенной въ анализѣ идеала.

„Казалось бы, гг. (такъ начинаетъ Тэнъ свою книгу, удержавшую видъ курса), что предметъ, которымъ я буду съ вами заниматься, подлежитъ только поэзiи. Когда говорятъ объ идеалѣ, то говорятъ отъ сердца; на мысль приходитъ тогда прекрасная греза, выражающая задушевное чувство; тихимъ голосомъ, со сдержанной экзальтацiей высказываютъ свой идеалъ; если же говорятъ объ немъ громко, то въ стихахъ, въ кантатѣ, прикасаются къ нему чуть-чуть или со сложенными руками, точно въ минуты счастья, молитвы и любви. Мы же по нашей привычкѣ станемъ щупать его, какъ натуралисты, методически, посредствомъ анализа и постараемся придти не къ одѣ, а къ закону. Сначала нужно опредѣлить слово *идеалъ*; граматическое объясненiе нетрудно. Припомнимъ опредѣленiе художественнаго произведенiя, найденное нами въ началѣ этого курса."

Здѣсь Тэнъ дѣлаетъ сноску на одно мѣсто своего первоначаль-

наго курса, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Художественное произведеніе имѣетъ цѣлью обнаружить какой нибудь существенный или рѣзкій характеръ; слѣдовательно какую нибудь крупную идею болѣе яснымъ и полнымъ образомъ, чѣмъ это происходитъ въ реальныхъ предметахъ. Оно достигаетъ своей цѣли, употребляя совокупность связанныхъ между собою частей, отношеніе которыхъ оно измѣняетъ систематически. Въ трехъ подражательныхъ искуствахъ: ваяніи, живописи и поэзіи, эти совокупности соотвѣтствуютъ реальнымъ предметамъ“ ([1]).

„Мы сказали, повторяетъ Тэнъ, что произведенія искуства имѣютъ цѣлью обнаружить какой нибудь существенный или рѣзкій характеръ полнѣе и яснѣе, чѣмъ объекты дѣйствительности. Для этого художникъ составляетъ себѣ идею характера и сообразно съ ней преобразовываетъ реальный предметъ. Преобразованный такимъ образомъ предметъ становится сообразнымъ *идеѣ*, другими словами *идеальнымъ*. Слѣдовательно предметы переходятъ изъ реальности въ идеалъ, когда артистъ воспроизводитъ ихъ, *сообразно своей идеѣ*; а такое измѣненіе, по идеѣ, происходитъ тогда, когда, выяснивши въ объектахъ какую нибудь крупную черту, онъ систематически измѣняетъ естественныя отношенія ихъ частей, чтобы сдѣлать эту черту болѣе яркой и преобладающей.“

Но тутъ сейчасъ же представляется вопросъ: „возможна ли іерархія въ идеяхъ, облекаемыхъ въ художественныя формы?“ Существуетъ ли для каждато предмета такая идеальная оболочка, выше и совершеннѣе которой нельзя уже создать? Можно ли, словомъ, открыть принципъ подчиненности въ произведеніяхъ искуства?

Сначала кажется, что нельзя. Даже то опредѣленіе, которое Тэнъ считаетъ вѣрнымъ для творческихъ продуктовъ, говоритъ противъ такой іерархіи и субординаціи. Всякое творческое произведеніе, если оно прекрасно, можетъ быть поставлено на ряду со всѣми другими. Главное, чтобы существенный характеръ, т. е. идея была выражена ярко и полно, а самый, такъ сказать, удѣльный вѣсъ идеи — дѣло вовсе неважное. Исторія искуства подтверждаетъ какъ будто

([1]) Philosophie de l'art. Paris, 1865, p. 64.

эти логическія настроенія. Художники, принадлежащіе къ различнымъ расамъ, эпохамъ, поколѣніямъ, не смотря на рѣзкое отличіе воспитанія и умственныхъ стремленій, избираютъ одну и ту же идею; но каждый обработываетъ ее по своему; каждый выдѣляетъ изъ нея новый характеръ, оригинальную черту, проявляющіеся въ новомъ творческомъ продуктѣ, который признанъ будетъ человѣчествомъ за высокое совершенство. Доказательство на лице, какъ въ поэзіи, такъ и въ пластическомъ творчествѣ. Римскій комикъ Плавтъ вывелъ на сцену Эвкліона—бѣднаго скрягу. Мольеръ взялъ опять это лице, сдѣлавъ изъ него Гарпагона—скупаго богача. Двѣсти лѣтъ спустя смѣшная фигура скряги перешла въ страшный и торжествующій характеръ, въ бальзаковское лице отца Гранде и въ его же оригинальный типъ парижанина-космополита, ростовщика Гобсэка. Замыселъ отца, страдающаго отъ неблагодарныхъ дѣтей, создалъ одно за другимъ нѣсколько высокихъ произведеній: „Эдипа въ Колонѣ“ Софокла, „Короля Лира“ Шекспира и „Отца Горіо“ Бальзака. Наконецъ всѣ романы и всѣ театральныя пьесы непремѣнно вертятся вокругъ молодаго человѣка и молодой дѣвушки, стремящихся сочетать себя узами любви. Идея все одна и та же. А сколько разнообразнѣйшихъ характеровъ доставила эта черта влюбленныхъ крупнымъ художникамъ, начиная съ Шекспира и кончая Жоржъ Зандомъ и Диккенсомъ. Значитъ, крупные типы: чета любовниковъ, отецъ, скряга могутъ быть постоянно возобновляемы. И такое возобновленіе составляетъ настоящее отличіе, можно сказать, единственную славу истинныхъ геніевъ, способныхъ создавать своеобразные продукты даже тамъ, гдѣ существуютъ условность и традиція. Въ пластическихъ искуствахъ мы видимъ тоже самое. Въ сущности какая нибудь дюжина лицъ евангельскихъ и миѳологическихъ сценъ исчерпываютъ содержаніе высокой живописи. И можно ли ставить одно произведеніе выше другаго, когда они написаны двумя великими мастерами на одну и ту же идею, объявлять, что Рембрандтъ достигъ большаго совершенства, чѣмъ Веронезъ, или наоборотъ? А контрасты въ выполненіи огромны! Христосъ Рембрандта вездѣ является мученикомъ за народъ, спасителемъ немощныхъ, вездѣ на немъ лежитъ печать глубокихъ страданій, лице у него мертвенное, вся фигура гробовая, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутая глубокой

любовью къ язвамъ и недугамъ человѣчества. Обстановка его всегда надрывающая; темный колоритъ, нищіе и калѣки, прокаженные въ лохмотьяхъ, отупѣлыя лица, словомъ—мерзость запустѣнія. Тотъ же Христосъ у Веронеза окруженъ блескомъ и радостью чисто-чувственнаго характера: онъ на праздникѣ, гдѣ все залито свѣтомъ, золотомъ, бархатомъ, кружевами, гдѣ изящныя формы женщинъ говорятъ о несдержанной страстности и сливается съ блескомъ улыбокъ, взглядовъ, шумомъ бойкихъ любовныхъ разговоровъ. Весь апаратъ венеціянскаго пира въ XVI-мъ вѣкѣ мечется вамъ въ глаза. Съ другой стороны, есть ли вещь болѣе выясненная, чѣмъ языческій Олимпъ, и все-таки каждый великій мастеръ, переводя его на полотно, даетъ намъ какую нибудь новую черту, до того невиданную. „Парнасъ“ Рафаэля представляетъ намъ собраніе красивыхъ молодыхъ женщинъ съ чисто человѣческой граціей и мягкостью. Аполонъ забывается, слушая звуки своей лиры. На всемъ лежитъ печать цѣломудрія. Рубенсъ приступаетъ къ тому же предмету совершенно иначе. У него Венеры здоровыя, дебелыя, сочныя бабы. Все въ нихъ дышетъ грубоватой чувственностью, несдержанной никакими предѣлами. Тѣло владычествуетъ. По выраженію Гейне, „Нидерландскій титанъ обладалъ такими могучими крыльями, что онъ поднялся до самаго солнца, хотя на ногахъ у него и висѣли берковцы голандскаго сыра.“ И дѣйствительно, это торжество здоровой и сочной пластики достигаетъ высокаго изящества посредствомъ того яркаго чувства тѣлесной реальности, которой пропитаны Рубенсъ и его эпоха. Рафаэль и Рубенсъ — художники, принадлежащіе двумъ различнымъ культурамъ и національностямъ. Но даже въ одной и той же націи одна идея, одинъ сюжетъ, воспроизведенные десяткомъ художниковъ, являютъ десять новыхъ характерныхъ чертъ. Леонардо де-Винчи, Микель Анджело и Корреджіо одинъ за другимъ обработали сюжетъ „Леды“. У Леонардо она цѣломудренная супруга съ изящными, змѣиными, утонченными очертаніями. У Микель Анджело она царица колосальной и воинственной расы, сродни фигурамъ дѣвъ, спящихъ въ капеллѣ Медичисовъ. Она говоритъ вамъ о мрачномъ міровоззрѣніи художника и его эпохи. У Корреджіо картина представляетъ купальню очень молодыхъ дѣвушекъ. Передъ вами чудная греза, чарующая васъ нѣ-

гой и обаяніемъ. Красота фигуръ и лицъ не поражаетъ благородствомъ, но манитъ васъ и убаюкиваетъ сладострастіемъ разгорающейся дѣвственности.

Какая же изъ картинъ выше? Какой характеръ, какая черта ярче и многозначительнѣе? Утонченная грація, трагическое величіе или радостная и нѣжная обаятельность? Всѣ эти черты соотвѣтствуютъ какому нибудь существенному элементу природы человѣка, или важному моменту человѣческаго развитія. Цѣлые народы и вѣка выработывали эти черты. Искуство воплотило ихъ въ сжатомъ, но яркомъ и полномъ видѣ, и если каждое произведеніе природы находитъ свое мѣсто въ мірѣ и въ научной систематизаціи, то и различные продукты человѣческаго воображенія, каковы бы ни были ихъ принципы и направленія, должны найдти свое мѣсто и оправданіе въ критикѣ искуства.

Вопросъ, какъ видите, поставленъ категорически и задѣваетъ какъ разъ самую чувствительную струну крайнихъ идеалистовъ, желающихъ, чтобы всѣ произведенія творчества были приведены къ одному знаменателю, отвергающихъ *всякую табель о рангахъ*. Припомнимъ вступительныя страницы въ книгѣ Гюго: „Schakspeare". Великій поэтъ, не воспитавшій своего мышленія раціональнымъ путемъ, выразилъ поэтически-вычурнымъ языкомъ этотъ задушевный капризъ ультра-идеалистовъ. Онъ объявилъ на весь крещеный міръ, что геніальные художники всѣхъ странъ и вѣковъ не подлежатъ іерархіи. Ихъ произведенія одинаково велики.

Поставивши категорическій вопросъ, Тэнъ, со свойственной ему ловкостью и образностью, начинаетъ разрѣшать его. Я приведу сперва цѣлый подлинный отрывокъ:

„Вопреки всему, что мы сказали, въ мірѣ фантазіи, какъ и въ реальномъ мірѣ, существуютъ различныя степени, потому что существуютъ различныя достоинства. И публика, и знатоки опредѣляютъ первыя и оцѣниваютъ вторыя. Мы съ вами (не забывайте, что Тэнъ обращается къ аудиторіи) только это и дѣлали три года сряду на протяженіи пяти столѣтій италіянской живописи. Мы на каждомъ шагу выражали приговоры. Сами того не зная, мы держали въ рукахъ измѣрительный инструментъ. Все остальное человѣчество дѣлаетъ то же, что и мы. И въ критикѣ, какъ и въ другихъ об-

ластяхъ, есть установленныя истины. Всякій признаетъ теперь, что извѣстные поэты, каковы Дантъ и Шекспиръ, извѣстные композиторы, каковы Моцартъ и Бетховенъ, занимаютъ первое мѣсто въ своемъ искуствѣ. Это мѣсто отводятъ Гёте среди писателей нашего времени. Между фламандцами никто его не оспариваетъ у Рубенса; между голандцами у Рембрандта; у нѣмцевъ оно принадлежитъ Альберту Дюреру, у венеціанцевъ Тиціану. Три артиста италіянскаго возрожденія: Леонардо де-Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, по общему соглашенію, стоятъ выше всѣхъ прочихъ художниковъ. Мало того, эти окончательныя сужденія, произносимыя потомствомъ, подкрѣпляютъ свой авторитетъ самымъ путемъ, способомъ, которымъ они создались. Сначала современники артиста соединились для сужденія объ немъ, и ихъ мнѣніе, въ которомъ участвовало столько различныхъ умовъ, темпераментовъ и образованій, само по себѣ важно, потому что неполнота каждаго индивидуальнаго вкуса была возмѣщена многообразіемъ другихъ вкусовъ; предразсудки уравновѣшиваются посредствомъ борьбы и такое постоянное и взаимное возмѣщеніе приводитъ, мало по малу, ближе къ истинѣ окончательный взглядъ. Какъ только это сдѣлано, начинается слѣдующее столѣтіе, проникнутое другимъ духомъ, потомъ опять новый вѣкъ и т. д. Каждый вѣкъ просмотрѣлъ весь процесъ со своей точки зрѣнія и далъ приговору новый вѣсъ своими поправками и подтвержденіями. Когда произведеніе, перейдя такимъ путемъ изъ судилища въ судилище, выходитъ изъ нихъ все съ одной и той же оцѣнкой, когда судьи, разставленныя на протяженіи вѣковъ, сходятся въ одномъ приговорѣ; то есть вѣроятіе, что сентенція ихъ вѣрна; ибо еслибы такое произведеціе не было высшимъ, оно не могло бы соединить столь различныхъ симпатій въ одинъ пучекъ. Мы знаемъ, что ограниченность ума, свойственная эпохамъ и народамъ, приводитъ ихъ подъ часъ, какъ и отдѣльныя личности, къ ложнымъ сужденіямъ и плохому пониманію; но въ нашемъ случаѣ исправленныя противорѣчія и исчезнувшія колебанія привели постепенно всеобщее мнѣніе къ такой прочности и вѣрности, что мы можемъ пристать съ довѣріемъ и основательностью къ приговору, установленному такимъ солиднымъ и законнымъ путемъ. Наконецъ къ этимъ соглашеніямъ инстинктивнаго вкуса новые пріемы критики присоединяютъ авто-

ритетъ науки и здраваго смысла. Критикъ знаетъ теперь, что его личный вкусъ не имѣетъ достоинства, что онъ долженъ обстрагироваться отъ своего темперамента, наклонностей, партіи, интересовъ, онъ знаетъ, что прежде всего *его талантъ состоитъ въ сочувствіи*, что первая операція въ исторіи заключается въ томъ, чтобы поставить себя на мѣсто людей, которыхъ хочешь судить, войти въ ихъ инстинкты и привычки, усвоить себѣ ихъ чувства, передумать ихъ мысли, воспроизвести въ себѣ самомъ ихъ внутреннее настроеніе, представить себѣ во всей подробности и реальности ихъ обстановку, прослѣдить воображеніемъ обстоятельства и впечатлѣнія, которыя, присоединяясь къ прирожденному характеру, обусловливали ихъ дѣйствія и руководили ихъ жизнію. Такой трудъ становя насъ на точку зрѣнія художниковъ, позволяетъ намъ лучше понимать ихъ, и такъ какъ онъ состоитъ изъ анализовъ, то стало быть подлежитъ провѣркѣ и усовершенствованію, какъ всякая научная операція. Слѣдуя этому методу, мы могли одобрить и не одобрить такого-то художника, похулить такой-то отрывокъ и похвалить такое-то мѣсто въ одномъ и томъ же произведеніи, установить достоинства, обозначить успѣхи и уклоненія, признать процвѣтанія и паденія, и все это не произвольно, а слѣдуя общему правилу. Вотъ это-то тайное правило я и постараюсь выяснить, опредѣлить и доказать вамъ.

„Разсмотримъ для этого различныя части опредѣленія, добытаго нами. Сдѣлать преобладающимъ крупный признакъ: вотъ цѣль художественнаго произведенія. Чѣмъ произведеніе ближе къ этой цѣли, тѣмъ оно совершеннѣе; другими словами, чѣмъ точнѣе и заключеннѣе выполняетъ оно указанныя условія, тѣмъ высшую ступень займетъ. Мы имѣемъ два такихъ условія; нужно, чтобы характеръ, (признакъ) былъ какъ можно крупнѣе и какъ можно болѣе преобладалъ. Чтобы сократить трудъ, я подвергну изслѣдованію только подражательныя искуства: скульптуру, драматическую музыку, живопись и литературу, въ особенности же двѣ послѣднія. Этого достаточно, потому что вамъ извѣстна связь (между подражательными и неподражательными искуствами (Philosophie de l'art, p. 47). И тѣ и другія стремятся къ тому, чтобы сдѣлать преобладающимъ какой нибудь крупный признакъ. И тѣ и другія достигаютъ этого, употребляя цѣлую совокуп-

ность связанныхъ между собою частей, отношеніе которыхъ они подвергаютъ сочетаніямъ или измѣненіямъ. Вся разница заключается только въ томъ, что подражательныя искуства: живопись, скульптура и поэзія воспроизводятъ нравственныя и органическія связи и создаютъ произведенія, соотвѣтствующія реальнымъ предметамъ; между тѣмъ какъ остальныя: музыка въ чистомъ видѣ и архитектура производятъ сочетанія математическихъ отношеній и создаютъ произведенія, не соотвѣтствующія реальнымъ предметамъ. Но симфонія, храмъ, созданные такимъ образомъ—тѣ-же живыя существа, какъ написанная поэма или нарисованная фигура, потому что они такія-же организованныя тѣла, всѣ части которыхъ находятся во взаимной зависимости и управляются руководящимъ принципомъ; у нихъ есть своя физіономія, они также выражаютъ намѣренія, они говорятъ также своими словами, они достигаютъ также эфекта. Всѣ эти качества даютъ имъ право на званіе идеальныхъ твореній, одного порядка съ другими, подлежащихъ тѣмъ же законамъ образованія и тѣмъ же правиламъ критики; они—отдѣльная группа въ цѣломъ классѣ и истины, какія находятъ *около* нихъ, могутъ быть съ заранѣе установленнымъ ограниченіемъ, примѣнены и къ нимъ."

На русско-скептическій взглядъ, въ этомъ вступленіи, пожалуй, нѣтъ ничего новаго. Скорые на приговоры критики и публицисты воскликнутъ: „да это жиденькое измышленіе исторической школы!" Но такой приговоръ былъ бы черезъ-чуръ скоръ. Не въ томъ только дѣло, что Тэнъ предлагаетъ становиться каждый разъ на точку зрѣнія художника (что также безусловно необходимо), но въ томъ, что онъ посредствомъ избраннаго имъ метода, желаетъ достичь до *закона,* не исходя ни изъ какого предвзятаго опредѣленія. Но этого еще мало. Методъ его согласуетъ раціональнымъ путемъ тотъ исконный разладъ, который существуетъ между міромъ художниковъ-исполнителей и міромъ ихъ судей. Кто выше: масса или компетентное меньшинство? Кому служить: толпѣ или спеціальнымъ знатокамъ? Чьи приговоры правдивѣе? за какой извѣстностью гнаться?—Критическая логика Тэна даетъ на это опредѣленный отвѣтъ. Онъ нисколько не боится объявить, что во всѣхъ отрасляхъ искуства есть обще-признанные авторитеты. И такая искренность, такая, на иной взглядъ, *рутинность,* въ человѣкѣ строго-систематическаго

ума и огромныхъ познаній—въ высшей степени знаменательна. Она сейчасъ же устраняетъ изъ аналитическаго процеса всякій задоръ личнаго умничанья. Она попросту, безъ затѣй, показываетъ, что скептицизмъ отдѣльнаго мыслителя, желающаго отрицать громадный колективный приговоръ, такъ даровито охарактеризованный Тэномъ, останется всегда безпредметной затѣей дурно-направленной интелигенціи. Узаконивши вѣковой колективный приговоръ, Тэнъ путемъ такого-же строгаго анализа желаетъ установить іерархію художниковъ и ихъ произведеній, пользуясь не одной только массой инстинктивныхъ вкусовъ, но и всѣмъ запасомъ научныхъ свѣденій, очищенныхъ предварительной критикой. Оба приговора должны всегда совпасть вмѣстѣ.

„Значитъ (возразятъ мнѣ пожалуй), спеціальные знатоки и компетентные судьи, вовсе ненужны въ дѣлѣ искуства, значитъ, одобреніе массы первѣе всего, и отводитъ мѣсто художнику безапеляціонно, потому что приговоръ этихъ компетентныхъ судей всегда подтверждаетъ ея симпатіи и благоговѣніе?!“ Нѣтъ, оно вовсе не такъ! Тэнъ весьма ясно показываетъ, что творческія произведенія, признанныя высшими въ своемъ родѣ, поставлены на ихъ ступень *колективной* интелигенціей нѣсколькихъ вѣковъ. Стало быть, всѣ увлеченія современной эпохи, предразсудки и угловатости вкусовъ рухнули, и въ окончательномъ приговорѣ сказалась квинтъ-эсенція художественнаго вкуса и критическаго ума цѣлаго ряда генерацій. Тутъ вовсе нѣтъ преобладанія толпы и массы надъ компетентными судьями; тутъ органическое сліяніе всѣхъ умовъ и вкусовъ, въ которомъ самые развитые критическіе умы даютъ заключительный акордъ.

Этотъ простой, по видимому, результатъ, если его подтвердить прочными доказательствами, полученными посредствомъ настоящаго метода, совершенно очищаетъ всю область эстетики отъ пустой болтовни и вздорной полемики, между отрицателями эстетическихъ началъ и туманными метафизиками.

Догматическое изложеніе критики идеала Тэнъ начинаетъ параграфомъ, носящимъ заглавіе: „*Степень возможности характера.*“

„Что же такое крупный признакъ (спрашиваетъ онъ) и прежде всего: какимъ образомъ узнать, если даны два признака (прошу

не забывать, что у Тэна подъ словомъ *характеръ* нужно разумѣть признакъ, качество, черту), который изъ нихъ болѣе существенъ? Этотъ вопросъ относитъ насъ въ область науки, потому что тутъ дѣло идетъ о веществахъ самихъ по себѣ, а науки тѣмъ и занимаются, что опредѣляютъ качество и элементы, изъ которыхъ вещества составлены. Намъ нужно сдѣлать экскурсію въ естественную исторію; въ этомъ я передъ вами не извиняюсь; нужды нѣтъ, что оно вамъ покажется сначала сухимъ и абстрактнымъ. *Родство, связующее искуство съ наукою, есть одинаковая честь, какъ для него, такъ и для нея; для науки слава въ томъ, чтобы доставить красотѣ главную поддержку, для искуства—основать свои высшія созданія на истинѣ.*"

Это положеніе одно показываетъ, что Тэнъ никогда уже не вернется отъ факта и закона къ безплоднымъ абсолютамъ.

„Около ста лѣтъ тому назадъ естественныя науки открыли то оцѣночное правило, которое мы у нихъ заимствуемъ; это *принципъ подчиненности признаковъ;* на немъ построены всѣ класификаціи ботаники и зоологіи и важность его была доказана неожиданными и глубокими открытіями. Въ растеніи и въ животномъ извѣстные признаки были найдены болѣе существенными, чѣмъ другіе; они *всего менѣе измѣнчивы* и потому обладаютъ большей силой, нежели остальные, лучше сопротивляются натиску всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ, могущихъ уничтожить ихъ или повредить имъ. Въ растеніи напр. ростъ и величина менѣе существенны, чѣмъ строеніе, ибо внутри его нѣкоторыя побочныя свойства, извнѣ нѣкоторыя побочныя условія измѣняютъ величину и ростъ, не касаясь структуры. Горошекъ, ползущій по землѣ, и акація, высоко подымающаяся въ небо – очень близкія между собой легуминозы; хлѣбный стебель въ полтора аршина и бамбуковое дерево въ двадцать аршинъ—родственные злаки; тотъ же самый папоротникъ, мелкій въ нашихъ климатахъ, превращается въ огромное дерево подъ тропиками. Равнымъ образомъ для позвоночныхъ животныхъ число, расположеніе и употребленіе членовъ гораздо менѣе существеннѣе, чѣмъ обладаніе сосцами. Животное можетъ быть воднымъ, землянымъ или летающимъ, можетъ испытывать всѣ из-

мѣненія, обусловливаемыя перемѣной жилища, безъ нарушенія структуры, дѣлающей его способнымъ питать молокомъ. Летучая мышь и китъ — такія же млекопитающія, какъ собака, лошадь и человѣкъ. Творческія силы, которыя произвели утонченіе членовъ летучей мыши и превратили лапы въ крылья, а у кита подточили, окоротили и почти стерли заднія конечности, вовсе не коснулись ни въ томъ, ни въ другомъ животномъ, органа, дающаго питаніе дѣтенышу, и млекопитающее, способное летать, точно также какъ млекопитающее, способное плавать, остаются братьями млекопитающаго, ходящаго по землѣ. Тоже самое происходитъ во всемъ ряду существъ и признаковъ. Извѣстное органическое расположеніе дѣлается болѣе вѣскимъ, нежели силы, способныя нарушить менѣе существенные признаки.

„Поэтому, когда одна изъ этихъ массъ поколеблется, она увлекаетъ съ собою соотвѣтствующія ей массы. Другими словами, извѣстный признакъ приводитъ и уводитъ съ собою другіе признаки, тѣмъ болѣе неизмѣнные и существенные, чѣмъ онъ самъ по себѣ прочнѣе и важнѣе. Напр. присутствіе крыла—признакъ очень подчиненный, почему и ведетъ за собою легкія измѣненія, оставаясь безъ вліянія на общее строеніе. Животныя разнородныхъ классовъ могутъ имѣть крылья, рядомъ съ птицами стоятъ крылатыя млекопитающія, какова летучая мышь, крылатыя ящерицы, каковъ древній птеродактиль, крылатыя рыбы, каковы экзоцеты. Расположеніе, дѣлающее животное способнымъ къ лету, такъ мало значитъ, что оно встрѣчается даже въ совершенно различныхъ развѣтвленіяхъ; не только многія позвоночныя, но и многія суставчатыя имѣютъ крылья; а съ другой стороны эта способность такъ несущественна, что она то пропадаетъ, то появляется въ одномъ и томъ же классѣ; пять семействъ насѣкомыхъ летаютъ, а послѣднее—безкрылыя (*aptera*) не летаетъ. Присутствіе же сосцевъ такой существенный признакъ, что ведетъ за собою значительныя измѣненія и опредѣляетъ строеніе животнаго въ его главныхъ чертахъ. Всѣ млекопитающія принадлежатъ къ одной вѣтви; животное непремѣнно позвоночное, если оно млекопитающее. Болѣе того, присутствіе сосцевъ сопровождается всегда двойнымъ кровообращеніемъ, живорожденіемъ, легочной плевой, словомъ признаками, исключающими

всѣхъ остальныхъ позвоночныхъ: птицъ, земноводныхъ и рыбъ. Вообще прочтите имя класса, семейства или порядка естественныхъ веществъ, и это имя, выражающее существенный признакъ, покажетъ вамъ органическое расположеніе, взятое за отличіе. Прочтите двѣ-три строки дальше: вы найдете перечисленіе серіи признаковъ, служащихъ первому неразлучными спутниками, важность и число которыхъ опредѣляютъ величину массъ, приходящихъ и уходящихъ съ нимъ.

„Теперь, если нужно отыскать причину, дающую нѣкоторымъ признакамъ высшее значеніе и неизмѣнность, то она обыкновенно является въ слѣдующемъ соображеніи: въ каждомъ живомъ существѣ заключены двѣ части: элементы и ихъ складъ; складъ явился позднѣе, элементы — первичнаго происхожденія; можно поколебать складъ, не измѣняя элементовъ; никогда нельзя измѣнить элементовъ, не колебля склада. Стало быть, надо различать два сорта признаковъ: одни глубокіе, внутренніе, своеобразные, основные; это признаки элементовъ или матеріаловъ; другіе наружные, поверхностные, производные, наслойные; это признаки склада или расположенія. Таковъ принципъ самой плодовитой теоріи естественныхъ наукъ, теоріи анатоміи, посредствомъ которой Жоффруа Сентъ-Илеръ объяснилъ строеніе животныхъ и Гёте структуру растеній. Въ скелетѣ животнаго надо выдѣлить два слоя признаковъ: одинъ, вмѣщающій въ себѣ анатомическія части и ихъ сочетанія, другой, заключающій въ себѣ ихъ удлиненія, укорочиванія, спайки и примѣненія къ тому или другому употребленію. Первый слой — первоначальный, второй—производный. Тѣ же части, съ тѣми-же отношеніями, встрѣчаются въ рукѣ человѣка, въ крылѣ летучей мыши, въ лапѣ кошки, въ плавательномъ перѣ кита; въ другихъ же классахъ, у боа, у змѣи-мѣдянки части, сдѣлавшіяся безполезными, все-таки существуютъ въ видѣ остатковъ, и эти остатки вмѣстѣ съ сохранившимся единствомъ плана свидѣтельствуютъ о присутствіи элементарныхъ силъ, которыя не могли быть уничтожены послѣдующими превращеніями. Такимъ же образомъ дознано, что первоначально и въ основѣ своей всѣ части цвѣтка ничто иное, какъ листья, и это отличіе двухъ элементовъ существеннаго и дополнительнаго объяснило всѣ недоноски, всѣ чудовищности, всѣ аномаліи, про-

тивопоставляя внутреннюю основу живой ткани складкамъ, швамъ и разводамъ, измѣняющимъ и маскирующимъ ее. Изъ этихъ частичныхъ открытій вытекло общее правило: чтобы выдѣлить самый главный признакъ, надо разсмотрѣть происхожденіе вещества или его матеріалы, надо наблюдать его подъ самой простой формой, какъ это дѣлается въ эмбріологіи, или обозначить отличительные признаки, сродные его элементамъ, какъ это дѣлается въ общей анатоміи и физіологіи. И мы видимъ, что въ настоящее время громадное число растеній распредѣляется по признакамъ, присущимъ зародышу, или по характеру развитія, общаго всѣмъ частямъ; эти два признака такъ важны, что они всегда взаимно слѣдуютъ одинъ за другимъ и оба способствуютъ къ установленію одной и той же класификаціи. Смотря потому, снабженъ ли зародышъ или нѣтъ маленькими первичными листками, смотря по тому, сколько въ немъ такихъ листковъ: одинъ или два, онъ входитъ въ одну изъ трехъ отраслей растительнаго царства. Если въ немъ два такихъ листка, то его стебель состоитъ изъ концентрическихъ слоевъ и въ центрѣ тверже, чѣмъ на окружности, его корень образованъ первичной осью, его цвѣточныя мутовки почти всегда состоятъ изъ двухъ или пяти цвѣтковъ или ихъ помноженій. Если же въ немъ только одинъ листокъ, то стебель образованъ изъ разсѣянныхъ пучковъ и гораздо мягче въ центрѣ, чѣмъ на окружности, въ корень идутъ вторичныя оси, а цвѣточныя мутовки составлены почти всегда изъ трехъ цвѣтковъ или ихъ помноженій. Такія же общія и прочныя соотвѣтствія встрѣчаются и въ животномъ царствѣ. Заключеніе, доставляемое естественными науками въ концѣ ихъ работы на пользу наукъ нравственныхъ, формулируется такъ: признаки болѣе или менѣе важны, смотря по тому, представляютъ ли они собою большія или меньшія силы; мѣра ихъ силъ находится въ степени противодѣйствія натиску, слѣдовательно ихъ большая или меньшая неизмѣняемость доставляетъ имъ соотвѣтственное мѣсто въ іерархіи, а сама неизмѣняемость бываетъ тѣмъ большая, чѣмъ признаки глубже сидятъ въ существѣ, принадлежа не къ его складу, а къ его элементамъ.“

Я нарочно привелъ весь этотъ большой отрывокъ, чтобы словами самаго Тэна установить тотъ методъ, который онъ употре-

бляетъ въ примѣненіи къ оцѣнкѣ произведеній искуства. Подвергать анализу этотъ самый методъ я не буду до тѣхъ поръ, пока не кончу изложенія всѣхъ доводовъ, формулъ и соображеній даровитаго критика.

Тэнъ сейчасъ-же начинаетъ примѣнять избранный имъ принципъ сперва къ человѣку, или лучше сказать, къ нравственному человѣку, и ко всѣмъ искуствамъ, избравшимъ его своимъ предметомъ, т. е. къ драматической музыкѣ, къ театру, къ эпопеѣ, вообще къ литературѣ. Для опредѣленія важности *признаковъ* Тэнъ обращается къ исторіи и анализируетъ различныя наслоенія идей и чувствъ, измѣняющихся въ разныхъ пропорціяхъ подъ натискомъ событій. Тутъ онъ опять приводитъ паралель изъ жизни природы, изображая геологическіе слои земли отъ верхнихъ, поверхностныхъ до первобытнаго гранита. Точно также и на поверхности человѣка видны нравы, идеи, то, что называется „духомъ времени.“ Все это длится нѣсколько лѣтъ. Все это моментальная мода. Она выдыхается быстро и ничего не оставляетъ послѣ себя. Модникъ каждыя пять, десять лѣтъ мѣняетъ прозвище: петиметръ, incroyable, мирлифлоръ, дэнди, левъ, наконецъ, въ новѣйшее время, gandin, cocodès, petit-crevé: вотъ различныя клички, обозначающія минутное настроеніе вкуса уличной и салонной жизни. Въ тотъ же разрядъ должно отнести и всѣ мелкіе продукты ума: скандалы, остроты, шутки, шикарныя слова. Изъ всѣхъ признаковъ нравственнаго человѣка это будетъ самый поверхностный и менѣе устойчивый. Подъ этимъ идетъ слой болѣе солидныхъ признаковъ. Они держатся двадцать, тридцать лѣтъ, иногда полвѣка. Такой слой представляетъ собою духъ тридцатыхъ годовъ. Въ герояхъ „юной Франціи“ изъ драмъ Дюма и Гюго выражался главный признакъ тогдашней эпохи. Человѣкъ былъ страстенъ, наклоненъ къ мечтаніямъ, лирикъ и энтузіастъ, политикъ и революціонеръ, гуманный реформаторъ. Въ наружности его преобладала чахоточность, трагическій обликъ. Носилъ онъ большіе волосы и робеспьеровскіе жилеты. Въ немъ сказался плебей новой расы, богато одаренный и пылкій въ стремленіяхъ. Его чувства и идеи принадлежатъ цѣлому поколѣнію и исчезнутъ съ этимъ поколѣніемъ. Это будетъ второй слой. Въ слѣдующемъ наслоеніи признаки длятся уже цѣлый историческій періодъ, каковы: средневѣ-

ковье, возрожденье и классическая эпоха. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою типичную наружность. Самый послѣдній—періодъ классическій (или, какъ мы привыкли называть, *псевдо*-классическій), о которомъ еще вспоминаютъ наши дѣды, кончился для Франціи: въ политикѣ—съ революціей 89 года, въ литературѣ съ Делилемъ, въ религіи съ появленіемъ Жозефа-де-Мэстра и съ паденіемъ галликанизма. Началась же эта эпоха въ политикѣ съ Ришелье, въ литературѣ съ Малерба, въ религіи съ мирной и самобытной реформы, возродившей французскій католицизмъ въ началѣ XVII вѣка. Эпоха эта длилась два столѣтія. Ее очень легко распознать по типичнымъ ея свойствамъ. Въ платьѣ, въ тонѣ, въ чувствахъ и идеяхъ видѣнъ былъ все одинъ и тотъ же человѣкъ: вѣжливый, изящный, изощренный въ искуствѣ щадить другихъ, краснобай, словомъ, составленный, болѣе или менѣе по фасону версальскаго куртизана. Съ наружностью сливалась и группа доктринъ и чувствъ. Религіозныя, государственныя и философскія понятія, любовь и семейственность—все получало форму господствующаго типа; и этотъ типъ принадлежитъ къ такимъ, которые человѣчество никогда не забудетъ, потому что оно видитъ въ немъ одну изъ главныхъ формъ своего развитія.

Но, какъ-бы прочны не были эти типы, они все-таки исчезаютъ. Французъ въ послѣднія восемьдесятъ лѣтъ преобразовался, сдѣлался демократически-грубоватымъ и измѣнилъ свои взгляды на соціальные и другіе вопросы. Всякій народъ въ своемъ развитіи переживаетъ подобныя перерожденія, но все-таки онъ остается самимъ собою, не только въ смыслѣ преемственности поколѣнія, но и въ своемъ основномъ характерѣ. Это-то и есть первоначальный слой. Посмотрите вы на историческое движеніе народовъ. Въ каждомъ, каковы бы ни были его судьбы, остается группа способностей и инстинктовъ, передающихся кровью. Чтобы ихъ передѣлать, надо передѣлать кровь, т. е. нужны: завоеваніе, смѣшеніе расы или огромный переворотъ въ окружающей средѣ, эмиграція и медленное вліяніе новаго климата; словомъ, преобразованіе темперамента и тѣлеснаго строенія. Возьмите вы гомеровскаго грека, ахейца. Онъ боекъ и болтливъ; онъ разсказываетъ врагу своему генеалогіи и сказки предъ началомъ боя. У Эврипида аѳинянинъ сохранилъ тѣже свой-

ства: онъ философъ, софистъ, спорщикъ, произноситъ на театральныхъ подмосткахъ тенденціозныя тирады и политическіе спичи. Позднѣе вы его находите въ типѣ Graeculus'а, паразита римскаго владычества, въ александрійскомъ критикѣ — библіофилѣ, въ византійскомъ богословѣ-спорщикѣ. Сквозь двадцать пять вѣковъ цивилизаціи и паденія прошелъ и сохранился все тотъ-же даръ слова, анализа и казуистики. Точно тоже видимъ мы и въ англо-саксѣ. Плотоядный и буйный, но вмѣстѣ съ тѣмъ героическій и поэтически-благочестивый типъ всплываетъ послѣ пятисотлѣтняго норманскаго владычества и проявляется въ страстномъ и фантастическомъ театрѣ возрожденія, въ чувственности и развратѣ реставраціи, въ мрачномъ пуританизмѣ революціи, въ установленіи политической свободы и торжествѣ нравственной литературы, въ энергіи, гордости, унынiи, мистицизмѣ привычекъ и житейскихъ правилъ, поддерживающихъ теперь въ Англіи работника и гражданина. А въ испанцѣ развѣ мы видимъ не тоже самое? Страбонъ и латинскіе историки описываютъ его, какъ нелюдима, высокомѣрнаго, неукротимаго, одѣтаго въ черное. Въ средневѣковье онъ остается такимъ же, не смотря на вторженіе вестъ-готовъ, и сохраняетъ потомъ свой типъ и душевный характеръ и во времена Сида, и при Филиппѣ II, и при Карлѣ II, и въ войнѣ 1700 года, и въ войнѣ 1808 года, и въ хаосѣ возмущеній и деспотизма настоящей эпохи. Наконецъ, вникните, говоритъ Тэнъ, въ характеръ нашихъ предковъ, галловъ. Римляне говорили, что для нихъ прежде всего двѣ вещи: храбро биться и складно говорить ([1]). И въ самомъ дѣлѣ, эти два природные дара всего ярче сказываются во французскихъ произведеніяхъ и во французской исторіи. Какъ только сложился языкъ въ XII столѣтіи, сейчасъ-же появляется въ нравахъ и литературѣ веселый и болтливый французъ, женолюбивый и наклонный къ блеску, храбрый изъ-за чести и хвастовства, гораздо болѣе защищающій свой point d'honneur, нежели нравственное достоинство. Въ средневѣковыхъ пѣсняхъ и повѣстяхъ, въ „Roman de la Rose“,

---

([1]) Duas res industriosissime persequitur gens Gallorum: rem militarem et argute loqui.

въ произведеніяхъ Шарля д'Орлеана, Жуанвилля и Фруассара вы находите его такимъ же, какимъ найдете позднѣе у Брантома и Рабле, какимъ онъ объявится во всемъ блескѣ ко времени Лафонтена, Мольера и Вольтера, въ блестящихъ салонахъ XVIII вѣка и вплоть до времени Беранжè.

Вотъ это и составляетъ первоначальный *гранитъ*. Если искать еще глубже, нападаешь на сокровенный фундаментъ, на гигантскіе устои, ядра, которыя лингвистика начинаетъ выяснять. Подъ характерами народовъ лежатъ характеры расъ. Нѣкоторыя общія черты проявляютъ древнее родство между націями различнаго типа. Римляне, греки, германцы, славяне, кельты, персы и индусы—отрасли одной первоначальной вѣтви. И ничто не въ состояніи было уничтожить въ нихъ извѣстныхъ философскихъ и соціальныхъ наклонностей, нѣкоторыхъ общихъ видовъ пониманія нравственности, природы и выраженія мысли. Въ другой расѣ эти основные признаки уже не попадаются. Различныя расы въ нравственномъ смыслѣ тоже, что классы животныхъ въ физическомъ.

Наконецъ въ самомъ нижнемъ этажѣ находятся свойства, присущія всякой расѣ, способной къ самобытному развитію, т. е. одаренной наклонностью къ общимъ идеямъ, что и составляетъ достояніе человѣка и ведетъ его къ созданію обществъ, религій, міровоззрѣній и искуствъ. Такія предрасположенія идутъ сквозь всѣ различія расъ и выдерживаютъ измѣняющее вліяніе физіологическихъ особенностей.

Таковъ, по мнѣнію Тэна, порядокъ, въ которомъ наслаиваются чувства, идеи, способности, инстинкты, составляющія духъ человѣческій. Очевидно, говоритъ онъ, что, спускаясь ниже и ниже, слои дѣлаются все плотнѣе и ихъ значеніе растетъ сообразно твердости, и правило, взятое мною у естественныхъ наукъ, находитъ здѣсь свое полное приложеніе и повѣряется во всѣхъ выводахъ. Самые прочные признаки въ нравственно-интелигентной исторіи, какъ и въ исторіи естественной, въ тоже время и самые элементарные, и самые внутренніе и самые общіе. Какъ въ психическомъ индивидуумѣ, такъ и въ органической особи слѣдуетъ различать признаки и элементы первичные и производные. Для человѣка первичный при-

знакъ будетъ состоять въ свойствѣ, общемъ для всѣхъ оборотовъ интелигенціи. Такова напр. способность думать отрывочными образами или длинными сочетаніями плотно связанныхъ идей. И чѣмъ признакъ элементарнѣе, тѣмъ обширнѣе его владычество, и тѣмъ онъ самъ по себѣ прочнѣе. Характеръ народный составляется изъ такихъ основныхъ чертъ, связанныхъ съ физическимъ темпераментомъ: въ Испаніи мы видимъ потребность ѣдкаго ощущенія и необузданный порывъ фантазіи; во Франціи потребность ясныхъ и связныхъ идей и легкій полетъ живаго разсудка. Самыя элементарныя расположенія, каковы: языкъ, лишенный граматическихъ формъ или снабженный ими, фраза, способная или неспособная на періодъ, мысль, то вставленная въ сухую алгебраическую формулу, то гибкая, поэтическая, съ мельчайшими оттѣнками, то страстная, ѣдкая, громовая; вотъ что составляетъ суть расъ, основный типъ китайца, аріянца и семита. Здѣсь, какъ и въ естественной исторіи, нужно добраться до зародыша нарождающагося духа и хорошенько разсмотрѣть его, чтобы разъяснить потомъ отличительныя черты развившагося и обособившагося духа. Признаки первоначальнаго возраста самые многозначительные. Если знаешь строеніе языка и характеръ миѳовъ въ нарождающейся народности, то можно предвидѣть будущую форму религіи, философіи, общества и искуства точно также, какъ въ растеніи открываютъ ту вѣтвь, къ которой оно принадлежитъ и главныя черты его типа, изслѣдуя зерно, основываясь на присутствіи, отсутствіи или числѣ сѣмяподолей.

„Такимъ образомъ (заключаетъ Тэнъ, любящій прибѣгать, въ своемъ изложеніи къ усиленію доводовъ посредствомъ систематическаго ихъ повторенія) въ царствѣ человѣческомъ, какъ и въ царствахъ животномъ и растительномъ, принципъ подчиненности признаковъ устанавливаетъ одну и туже іерархію: высшая степень и важнѣйшее значеніе принадлежатъ самымъ прочнымъ признакамъ. Эти признаки потому и прочны, что, обладая самой первобытной элементарностью, они существуютъ на наибольшемъ пространствѣ и исчезаютъ только подъ натискомъ самаго сильнаго переворота.“

Затѣмъ слѣдуютъ приложенія іерархіи нравственныхъ типовъ и достоинствъ къ продуктамъ литературнаго творчества.

Чѣмъ существеннѣе признакъ, выставленный рельефно въ книгѣ, т. е. чѣмъ онъ первичнѣе и прочнѣе, тѣмъ книга лучше. Слои нравственной геологіи существуютъ и въ произведеніяхъ литературныхъ и придаютъ имъ свойственную имъ степень силы и долговѣчности.

Тэнъ проводитъ ту же характеристику, начиная съ модной литературы: романса, фарса, брошюры, всякаго мимолетнаго вздора. Какой нибудь водевиль, имѣвшій громадный успѣхъ въ 1835 году, покажется пошлымъ и безвкуснымъ, если его поставить въ настоящее время. Другія произведенія соотвѣтствуютъ болѣе прочнымъ признакамъ, и цѣлая генерація считаетъ ихъ образцовыми. Такова была знаменитая Астрея, сочиненная нѣкіимъ д'Юрфе, въ началѣ XVII вѣка, пасторальный романъ, страшно длинный и приторный. Таковы были романы дѣвицы Скюдери: Великій Киръ и Клелія, гдѣ преувеличенная галантерія, введенная во Франціи испанскими королевами, пышно распустила свой хвостъ, какъ величественныя робы отеля Рамбулье. Множество произведеній имѣли въ свое время то же достоинство, а теперь представляютъ только историческій интересъ, напр. Euphues—Лили, Adone—Марини, Удибрасъ—Бутлера, библейскія пасторали Геснера. Сколько вещей казалось высокодаровитыми въ началѣ той литературной революціи, которая теперь приходитъ къ концу: Atala, Le dernier Abencéroge, Les Natchez и многія лица M-me Сталь и лорда Байрона. Мы, на разстояніи нѣсколькихъ десятилѣтій, отличаемъ уже афектацію и напускной жаръ, казавшіеся возвышенными современникамъ этихъ произведеній.

Тэнъ показываетъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ достоинство произведенія возрастаетъ или падаетъ съ качествомъ выраженнаго признака. Есть писатели, создавшіе одно первокласное твореніе въ числѣ двадцати второстепенныхъ. Во всѣхъ ихъ и талантъ, и образованіе, и подготовка, и усилія—одинаковы; отчего же въ первомъ случаѣ выходитъ вещь геніальная, во второмъ—посредственность? Оттого, отвѣчаетъ Тэнъ, что въ первомъ случаѣ авторъ схватилъ прочные и глубокіе признаки, во второмъ же ограничился поверхностными и скоропреходящими. Лесажъ написалъ двѣнадцать томовъ романовъ, взятыхъ съ испанскаго, а абатъ Прево безчисленное мно-

жество мрачныхъ и трогательныхъ повѣстей. Кто ихъ теперь читаетъ? одни любопытные. А между тѣмъ весь міръ прочелъ Жиль-Блаза и Машеньку Леско́. Это оттого, что два раза удачный случай подставилъ художнику прочный типъ, черты котораго каждый находитъ въ окружающемъ его обществѣ и въ своемъ собственномъ сердцѣ. Что такое Жиль-Блазъ? онъ буржуа, получившій классическое образованіе, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду и мѣдныя трубы, немножко лакей всю свою жизнь, волокита въ молодости, вовсе не стоикъ, далеко не патріотъ, умѣетъ ловить рыбу въ мутной водѣ; но вмѣстѣ въ тѣмъ веселый, симпатичный, не лицемѣръ, подъ часъ судитъ себя строго, способный на возвраты честности, съ извѣстнымъ запасомъ доброты и достоинства, на закатѣ жизни мирный гражданинъ. Такой характеръ, представляющій во всемъ благую средину, такая судьба, полная случайностей, могутъ встрѣтиться сегодня и завтра, какъ встрѣчались въ восемнадцатомъ столѣтіи. Точно также въ Машенькѣ Леско́ типъ куртизанки съ добрымъ сердцемъ, безнравственной по наклонности къ роскоши, но привязчивой по инстинкту, способной подъ конецъ отвѣтить равной любовью на безпредѣльную любовь къ ней, такой типъ одинъ изъ самыхъ прочныхъ, и мы видимъ, что Жоржъ Зандъ взяла его опять въ Leone Leoni, а Викторъ Гюго въ Marion Delorme, измѣнивши только роли или обстановку. Де Фое написалъ двѣсти томовъ, а Сервантесъ громадное количество драмъ и повѣстей: одинъ съ пуританской кропотливостью подробностей, другой съ испанской фантазіей. А что осталось прочнаго изъ міра ихъ творчества? Робинсонъ Крузоэ и Донъ Кихотъ. Почему? Потому что Робинсонъ типъ настоящаго англичанина, проникнутый глубокими инстинктами расы, до сихъ поръ видными въ матросѣ и земледѣльцѣ его страны, суровый и рѣзкій въ своихъ поступкахъ, библейскій протестантъ съ глухими броженіями совѣсти и фантазіи, приводящими всегда англичанина къ кризису покаянія и благодати, упрямый, неутомимый, рожденный для труда... словомъ, образъ человѣка, вырваннаго изъ цивилизованнаго общества и поставленнаго въ необходимость до всего доработаться самому. Въ Донъ Кихотѣ вы видите сначала рыцарскаго и больнаго умомъ испанца, но сверхъ того одно изъ вѣчныхъ лицъ человѣческой исторіи: геройскаго идеалиста,

высокаго сумасброда, всегда побитаго и сухаго, какъ сухарь; и рядомъ съ нимъ, чтобы усилить впечатлѣніе, поставленъ положительный увалень, жирный, вульгарный, съ большимъ здравымъ смысломъ. Есть и еще одно безсмертное лице, въ которомъ отражается цѣлая раса и цѣлая эпоха — Фигаро Бомарше, родъ Жиль-Блаза, только понервнѣе и пореволюціоннѣе. А вѣдь авторъ его не больше какъ талантливый писатель. У него не хватало дарованія на творчество живыхъ душъ, какъ напр. у Мольера. Но разъ изобразивши самого себя со своей веселостью, со своими продѣлками, скептицизмомъ, остротами, смѣлостью, добротой, неистощимой энергіей, онъ, самъ того не зная, написалъ портретъ настоящаго француза, и его талантъ поднялся до высоты генія. Случается наоборотъ, что геніальный творецъ нисходитъ до ступени простаго таланта. Напр. всѣ любовники Расина ничего больше, какъ маркизы. Въ смыслѣ характера у нихъ только и есть, что хорошія манеры. Авторъ, такъ сказать, *устроивалъ* ихъ чувства затѣмъ только, чтобы понравиться петиметрамъ, почему и выходятъ у него придворныя куклы. До сихъ поръ иностранцы, даже самые начитанные, не могутъ выносить „мосье Ипполита и мосье Ксифареса". И въ Шекспирѣ видимъ тоже самое. Его клоуны больше ужъ не забавны, а молодые джентльмены кажутся вычурными. Надо быть критикомъ и спеціальнымъ любителемъ, чтобы стать на ихъ точку зрѣнія. Каламбуры претятъ безвкусіемъ, метафоры непонятны, условная галиматья всѣхъ этихъ лицъ — мода XVI вѣка, точно такъ какъ очищенная тирада и приличіе — мода XVII вѣка.

Поэтому, говоритъ Тэнъ, разбирая великія литературныя произведенія, находишь, что всѣ они проявляютъ глубокій и прочный признакъ, что мѣсто ихъ тѣмъ выше, чѣмъ признакъ прочнѣе и глубже. Они — выводы, представляющіе уму подъ осязательной формой то главныя черты историческаго періода, то первичные инстинкты и способности какой нибудь расы, то отрывокъ всемірнаго человѣка, и эти элементарныя физіологическія силы составляютъ исконныя причины человѣческихъ событій. Чтобы убѣдиться въ этомъ вовсе непужно обозрѣвать всевозможныя литературы. Довольно указать на то употребленіе, которое дѣлаютъ теперь въ исторической наукѣ изъ литературныхъ произведеній. Ими пополняется недоста-

точность мемуаровъ государственныхъ учрежденій и дипломатическихъ актовъ. Они намъ показываютъ съ удивительной ясностью и точностью стремленія различныхъ эпохъ, инстинкты и наклонности различныхъ расъ, всѣ скрытныя крупныя пружины, равновѣсіе которыхъ поддерживаетъ общество, а разстройство вызываетъ революцію. Положительная исторія и хронологія древней Индіи—ничтожны; но въ ея героическихъ и священныхъ поэмахъ мы видимъ всю душу Индіи. Прочтите испанскіе романы эпохи возрожденія, изучите театръ Лопе, Кальдерона и другихъ драматурговъ и предъ вами встанетъ Испанія конца XVI и начала XVII вѣка. Изъ Расина можно бы было извлечь цѣлую систему монархическихъ чувствъ XVII вѣка: портретъ короля, королевы, des enfants de France, благородныхъ куртизановъ, придворныхъ дамъ и прелатовъ, характеръ всѣхъ первенствующихъ идей времени: феодальной вѣрности, рыцарской чести, лакейскаго подчиненія, дворцовой вѣжливости, вѣрноподданнической и служительской преданности, утонченности манеръ, владычества и тираніи приличій, искуственныхъ и естественныхъ тонкостей языка, сердца, христіанства и нравственности, словомъ, всѣ привычки и чувства, образующія главныя черты стараго порядка. Двѣ великія эпопеи новаго времени: „Божественная Комедія“ и „Фаустъ“ воспроизводятъ въ сгущенномъ видѣ двѣ великія эпохи въ европейской исторіи: одна показываетъ, какимъ образомъ средневѣковье смотрѣло на жизнь, другая—какъ мы на нее смотримъ. И та и другая выражаютъ высшую истину, до какой достигли два крупнѣйшихъ ума, каждый въ свое время. Поэма Данта есть изображеніе человѣка, восхищеннаго изъ суетнаго міра и проходящаго міръ сверхчувственный, который одинъ кажется ему опредѣлительнымъ и существующимъ. Онъ восходитъ въ него во слѣдъ двумъ силамъ: восторженной любви, бывшей тогда царицей жизни человѣческой, и точнаго богословія, бывшаго тогда царемъ спекулятивной мысли. Его греза, то ужасная, то божественная, представляетъ собою мистическую галюцинацію, бывшую тогда блаженнымъ состояніемъ человѣческаго ума. Въ поэмѣ Гёте мы видимъ картину человѣка, проведённаго сквозь знаніе и жизнь. Онъ замираетъ на этомъ пути. Ему противно. Онъ блуждаетъ, ищетъ и останавливается наконецъ съ отчаянія на практическомъ дѣйствіи. Но

всегда и повсюду, среди болѣзненныхъ опытовъ и неутоленной жажды знанія, не перестаетъ онъ прозрѣвать высшее царство идеальныхъ формъ и безтѣлесныхъ силъ, на порогѣ которыхъ останавливается мысль, доступныхъ только откровеніямъ сердца. Но есть среди произведеній поэзіи такія, гдѣ выражены не однѣ черты эпохи или расы, но какое нибудь чувство, какой нибудь типъ, общіе всѣмъ группамъ человѣчества. Таковы еврейскіе псалмы, ставящіе человѣка-монотеиста предъ ликъ Бога Всемогущаго, Царя и Праводержца. Таково „Подражаніе“ Ѳомы Кемпійскаго—Бесѣда нѣжной души съ любящимъ Утѣшителемъ-Богомъ. Таковы поэмы Гомера и діалоги Платона, изображающіе героическую юность дѣйствующаго человѣка или прелестное отрочество человѣка мыслящаго. Такова вся почти эта греческая литература, обладавшая преимуществомъ выражать здоровыя и простыя чувства. Наконецъ Шекспиръ, величайшій творецъ душъ, самый проницательный изъ всѣхъ, понявшихъ механизмъ человѣческихъ страстей, глухія броженія и буйныя вспышки восторженнаго мозга, тиранію мяса и крови, внезапныя разстройства внутренняго равновѣсія, роковые исходы характеровъ и сокровенныя причины нашего безумія и разума! Донъ Кихотъ, Кандидъ, Робинсонъ—книги такого же значенія! Ихъ популярность незыблема и нѣтъ имъ износа. Въ этомъ и доказательство соотвѣтствія, связующаго нравственныя достоинства съ достоинствами поэтическими, и вѣрности принципа, отводящаго разныя мѣста творческимъ произведеніямъ, смотря по важности, глубинѣ, прочности выражаемаго ими историческаго или психическаго признака.

Трудно излагать свои соображенія болѣе точнымъ путемъ, ярче и изящнѣе, чѣмъ дѣлаетъ это Тэнъ. Предложенія, кажущіяся повтореніями, такъ разставлены, что безъ нихъ достигнута была бы только половина доказательности. Я полагаю, что чѣмъ ближе держаться къ подлиннику такого прекрасно составленнаго курса, какъ книжка: „De l'idéal dans l'art“, тѣмъ большую послугу окажешь читателю. Умъ Тэна такъ крупенъ, занятія его такъ обширны и вкусъ такъ изощренъ, что самая элементарная добросовѣстность заставляетъ предоставить ему широкія рамки для собственной защиты, прежде нежели позволить себѣ какія бы то ни было отрицательныя

замѣчанія. Въ моихъ словахъ нѣтъ никакой слащавости, но *фырканье*, присущее многимъ русскимъ публицистамъ и рецензентамъ — безсмысленно и противно. Прежде всего надо признать безусловную вѣрность мнѣнія Тэна, что для критика нужно *сочувствіе*. До тѣхъ поръ, пока вы не положите симпатіи въ критическую работу, вы останетесь на ложномъ пути. Если даже произведеніе или какой-бы то ни было феноменъ, подлежащій вашему разбору, антипатиченъ *вамъ лично*, въ аналитическій процесъ необходимо все-таки внести любовь къ идеѣ самаго дѣла. Тогда и явится здоровое стремленіе выяснять и отыскивать новыя, *положительныя* черты. Изъ за нихъ только и стоитъ биться; а уже никакъ не изъ полемическихъ соображеній, или, какъ говаривалъ покойный А. Григорьевъ, *„для выгораживанія своего эстетическаго облика.“*

Теперь послушаемъ, что скажетъ Тэнъ, слѣдуя своему оцѣночному методу, въ своей, такъ сказать, педагогически-офиціальной сферѣ искуства. Тутъ ему уже никакъ нельзя приводить менѣе сильныя доказательства, менѣе сильные примѣры. Вдобавокъ въ пластикѣ продукты яснѣе, осязательнѣе. Довольно одной черты, одного слова, чтобы сейчасъ-же выяснить въ умахъ слушателей или читателей державный признакъ того или другаго творческаго произведенія пластики.

Въ ряду признаковъ, относящихся къ искуствамъ, изображающимъ физическаго человѣка, на самой нижней ступени стоитъ модное платье и вообще платье, какое бы оно ни было. Потомъ особенности ремесла или званія: у кузнеца не такія руки, какъ у адвоката; священникъ ходитъ не такъ, какъ офицеръ; землепашецъ имѣетъ совсѣмъ другой цвѣтъ кожи и изгибъ спины, чѣмъ кабинетный ученый или департаментскій чиновникъ. Такіе признаки вызваны случайностью рожденія и воспитанія. Измѣните среду и эти особенности падутъ. Нѣкоторыя вліянія, преобладающія надъ духомъ, мало измѣняютъ тѣло, напр. историческія эпохи. Идеи и чувства были совсѣмъ иныя при Людовикѣ XIV, чѣмъ теперь, а тѣлесное сложеніе мало разнилось отъ нашего. Измѣнчивѣе лице. Возьмите портреты Ванъ-Дика или Бронзино изъ эпохи возрожденія. Лица энергичнѣе и проще современныхъ физіономій. Продолжительные пе-

ріоды, конечно измѣняютъ организмъ, даже размѣры головы: физіологи находятъ, что черепа XII-го вѣка менѣе ёмки, чѣмъ наши. Но исторія, такъ старательно занимающаяся нравственными перемѣнами въ человѣчествѣ, отмѣчаетъ физическія измѣненія весьма неточно и кратко. Происходитъ это отъ того, что громадные нравственные и общеественные перевороты еле-еле отражаются на микроскопическихъ измѣненіяхъ матеріи.

Стало быть, намъ нужно избрать другой путь, т. е. опять таки принципъ подчиненности признаковъ. Отыщемъ-же въ живомъ тѣлѣ признаки, соотвѣтствующіе первичнымъ элементамъ. Для этого возьмите вы натурщика въ мастерской. Какой элементъ въ этомъ голомъ тѣлѣ повторяется въ каждой подробности въ измѣненномъ видѣ? Съ точки зрѣнія формы, голый человѣкъ есть большая кость, одѣтая мышцами, соединенная въ своихъ частяхъ связками: вотъ вся суть видимаго человѣка. Если же вы примете въ соображеніе измѣненія, вызываемыя въ немъ расой, климатомъ и темпераментомъ, мягкость или твердость мускуловъ, различныя пропорціи частей, удлиненіе или укороченіе туловища и конечностей, вы получите весь внутренній складъ тѣла, доступный ваянію и живописи. Поверхъ этого остава идутъ наружные покровы, проявляющіе также качества мышцъ, связокъ и сосудовъ. Соображая всѣ оттѣнки, которые даются кожѣ темпераментомъ, климатомъ и расой, опредѣляется второй элементъ видимой жизни, принадлежащій къ области живописца и колориста. Вотъ внутренніе и глубокіе признаки физическаго человѣка, самые прочные, потому что они нераздѣлимы съ живымъ индивидуумомъ.

Этому ряду физическихъ качествъ соотвѣтствуетъ, ступень за ступенью, рядъ *качествъ пластическихъ*. При одинаковыхъ условіяхъ, чѣмъ признакъ, проявляемый картиной или статуей, важнѣе, тѣмъ произведеніе прекраснѣе. Множество портретовъ на нашихъ современныхъ выставкахъ ничтожны, какъ напр. портреты платьевъ. Теперь водятся спеціальные живописцы для *муаръ-антикъ* и атласу, повыше стоятъ художники *жанристы*, рожденные собственно для пера, а не для кисти. Они занимаются особенностями ремесла, професіи, воспитанія, изображеніемъ пороковъ, страстей и привычекъ. Англійскіе живописцы Гогардъ, Уильки, Мёльрэди и много другихъ обладали этимъ

литературнымъ, но вовсе не живописнымъ талантомъ. Въ вещественномъ человѣкѣ они видятъ одного нравственнаго человѣка. Для нихъ колоритъ, рисунокъ, правда и красота живаго тѣла—вещи второстепенныя. Имъ нужно прежде всего представить, посредствомъ формъ, положеній и красокъ, картины дѣйствительной жизни съ нравственною цѣлью возбуждать добрыя чувства и исправлять пороки. Собственно говоря, они рисуютъ только одни души, умы, ощущенія, почему форма и выходитъ у нихъ или искаженной, или грубой. Часто вмѣсто картинъ мы видимъ карикатуры и всегда объяснительныя илюстраціи деревенской идиліи или семейнаго романа, которыя должны были бы выйти изъ-подъ пера Бёрнса, Фильдинга или Диккенса. Та-же самая забота у нихъ и въ историческихъ сюжетахъ. Они дѣйствуютъ не какъ живописцы, а какъ историки. Они бьются изъ-за того, чтобы показать нравственныя чувства лица, народа или эпохи и обставить картину всевозможными археологическими тонкостями. Ихъ произведенія исполняютъ роль сатиры или драмы.

„Очевидно, говоритъ Тэнъ (я обращаю особенное вниманіе читателя на это мнѣніе даровитаго эстетика), что это—эксцентрическій родъ пластики: это заѣзжаніе живописи въ литературу, или, лучше сказать, захватъ литературой рисовальнаго искуства. Французскіе артисты тридцатыхъ годовъ и впереди всѣхъ Деларошъ впали, хоть и въ меньшей степени, въ тоже заблужденіе. Красота пластическаго произведенія прежде всего — пластическая; искуство всегда унижается, пренебрегая собственными выразительными средствами и заимствуя средства у другаго искуства.“

Затѣмъ Тэнъ приводитъ важный примѣръ, соединяющій въ себѣ всѣ другіе. Онъ обращается къ общей исторіи живописи и начинаетъ съ итальянской, которую излагалъ своимъ слушателямъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Опытъ пяти столѣтій показываетъ важность признака, установленнаго теоріей, какъ сущность физическаго человѣка. Въ данный моментъ человѣкъ, какъ животное, былъ понятъ и одушевленъ самъ по себѣ и превыше всего остальнаго. То была великая эпоха. Всѣ согласны, что ея произведенія самыя высокія. Въ другія эпохи чувство тѣла или недостаточно, или смѣшано съ посторонними соображеніями. Тогда художники, какъ бы они

не были даровиты, дѣлаютъ второстепенныя и посредственныя вещи, потому что не схватили главнаго признака видимаго человѣка. Державная цѣль писателя—создавать живыя души, для скульптора и живописца—живыя тѣла. По этому принципу Тэнъ и класифицировалъ послѣдовательные періоды искуства. Отъ Чимабуэ до Мазаччіо живописецъ невѣжественъ по части перспективы, анатоміи, отдѣлки. Его вовсе не интересуетъ жизненность, осязательность, сочность, структура тѣла, главныя двигательныя мышцы туловища и конечностей. Лица—просто контуры или тѣни людей, иногда даже блаженныхъ и безтѣлесныхъ душъ. Религіозное чувство владычествуетъ надъ пластическимъ инстинктомъ. Оно вызываетъ теологическіе символы у Таддео Гадди, правила нравственности у Орка́нья, небесныя видѣнія у Беато Анджѐлико. И долго живописецъ ходилъ ощупью на протяженіи всего средневѣковья, толкаясь въ двери храма настоящаго искуства. Онъ вошелъ въ него только тогда, когда открылъ перспективу, выяснилъ рельефность, изучилъ анатомію, сталъ писать масляными красками. Всѣ борцы этой эпохи: Паоло Учелло, Мазаччіо, Фра Филиппо Липпи, Антоніо Палайоло, Вероккіо, Гирландайо, Антонелло Мессинскій, всѣ они вышли изъ лавки золотыхъ дѣлъ мастера, были или друзьями, или послѣдователями Донателло, Гиберти и другихъ великихъ ваятелей того времени. Всѣ страстно были преданы изученію тѣла человѣческаго, какъ истые язычники обожали мышцы и животную энергію. Такъ проникались они чувствомъ физической жизни, что ихъ произведенія, хотя и страдаютъ грубымъ и буквальнымъ подражаніемъ, всетаки отводятъ имъ высокое мѣсто и не потеряли своего достоинства. Мастера, превзошедшіе ихъ въ живописномъ творчествѣ, только развивали ихъ принципъ. Славная школа флорентійскаго возрожденія признаетъ ихъ своими основателями: Фра Бартоломео, Андрео дель Сарто, Микель-Анджело—ихъ ученики; половина генія Рафаеля принадлежитъ имъ же. *Вотъ — центръ итальянскаго и вообще высокаго искуства.* Какая же основная идея всѣхъ этихъ мастеровъ? Безспорно, идея живаго, здороваго, энергичнаго, дѣятельнаго *тѣла*, одареннаго всѣми атлетическими и животными способностями. Бенвенуто Челлини писалъ, что всего важнѣе въ рисовальномъ искуствѣ—хорошо написать голаго муж-

чину и голую женщину. Чувство живаго тѣла было такъ сильно въ мастерахъ этой великой эпохи, что Нанни Гроссо, одинъ изъ учениковъ Вероккіо, умирая въ госпиталѣ, не хотѣлъ приложиться къ простому распятію, а потребовалъ непремѣнно распятіе Донателло, говоря, что иначе онъ умретъ въ отчаяніи, до такой степени ему противны дурно сдѣланныя скульптурныя вещи.

Когда живопись достигла этого предѣла, оставалось ступить одинъ шагъ для дополненія физическаго человѣка: напереть больше на оболочку тѣла, на мягкость и тонъ живаго колорита, на деликатную разнообразную жизненность чувствительной кожи. Корреджіо и венеціанцы дѣлаютъ этотъ шагъ и искуство останавливается. Процвѣтаніе его достигнуто; чувство человѣческаго тѣла нашло полное свое выраженіе. Отсюда началось обратное шествіе. Чувство пластики слабѣетъ, теряетъ въ искренности, что мы видимъ въ произведеніяхъ Джуліо Романо, Россо, Приматиче; оно выражается въ условный стиль школы, въ академическую традицію, въ ремесленный рецептъ. Не взирая на усилія Караччей, искуство становится менѣе пластичнымъ и болѣе литературнымъ. Трое Караччей, ихъ ученики и послѣдователи: Доменикино, Гвидо и другіе ищутъ уже драматическихъ эфектовъ, изображаютъ трогательныя сцены, сентиментальныя экспрессіи. Слащавость итальянскаго *сиджизбеизма* и набожности смѣшиваются съ воспоминаніями героическаго стиля. На атлетическихъ и мускулистыхъ чудовищахъ насаживаютъ граціозныя головки или улыбки благочестиваго экстаза. Альбано ни что иное, какъ будуарный живописецъ; Дольчи, Чиголи, Сассоферато—почти современныя, деликатныя натуры. Съ Пьетро Кортонскимъ и Лука Джіордано крупныя сцены христіанскихъ и языческихъ легендъ превращаются въ пріятныя и салонныя маскарады. Художникъ дѣлается блестящимъ импровизаторомъ, моднымъ артистомъ. Живопись исчезаетъ какъ разъ въ то время, когда всплываетъ музыка, когда человѣческое вниманіе переходитъ отъ тѣлесной энергіи къ сердечнымъ волненіямъ.

Исторія живописи въ другихъ странахъ показываетъ тоже самое. Школы различаются между собою только тѣмъ, что каждая изъ нихъ представляетъ особый темпераментъ, вызванный климатомъ и мѣстностью. Геній мастеровъ состоитъ въ томъ, чтобы создать типъ

расы. Возьмите лучшія вещи венеціанцевъ, Рубенса, испанскихъ мастеровъ, и вы найдете въ нихъ три различныхъ, ярко обособленныхъ типа. Поэтому-то живописцы на столько-же физіологи, на сколько писатели—психологи.

Слѣдовательно соотвѣтствіе между признаками природы и искуства полное, и понятно, почему іерархія произведеній искуства повторяетъ естественную іерархію. На вершинѣ природы находятся верховныя силы, управляющія всѣми остальными; на высшей грани искуства стоятъ творческіе продукты, превышающіе всѣ остальные. Обѣ вершины на одномъ уровнѣ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ*)

П. Боборыкинъ.

Парижъ.

Октябрь, 1867 г.

О НАШЕМЪ ДЕНЕЖНОМЪ ОБРАЩЕНІИ.

Неосновательность мнѣнія, будто причина нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій заключается въ освобожденіи крестьянъ и другихъ реформахъ настоящаго царствованія.—Дѣйствительность такихъ затрудненій.—Значеніе политической экономіи для разъясненія подобныхъ затрудненій.—Сбивчивость и противорѣчивость мнѣній о нихъ.—Очеркъ исторіи денегъ. — Неосновательность доводовъ противъ бумажныхъ денегъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ истинные и добросовѣстные историки причислятъ царствованіе Государя Императора Александра Николаевича къ самымъ благодѣтельнымъ царствованіямъ для человѣчества вообще и для Россіи въ особенности. Освобожденіе крестьянъ, введеніе земскаго самоуправленія, устройство гласнаго суда, освобожденіе печатнаго слова отъ стѣснительныхъ для него условій и другія болѣе или менѣе значительныя реформы настоящаго царствованія представляютъ собою такія благодѣтельныя и отрадныя явленія въ жизни русскаго народа, что невольно вызываютъ чувство благоговѣйной благодарности къ Государю, которому мы ими обязаны.

Благая цѣль и благотворность этихъ реформъ до того очевидны, что чувствуются и болѣе или менѣе понимаются положительно всѣми; но особенно должны цѣнить ихъ, да и дѣйствительно цѣнятъ, всѣ тѣ, которые сознаютъ истинныя условія народнаго благосостоянія. Для такихъ людей эти реформы не просто болѣе или менѣе значительныя и полезныя реформы,—нѣтъ, а реформы коренныя и раціональныя, т. е. такія, непремѣннымъ и несомнѣннымъ результатамъ которыхъ должно быть и даже не можетъ не быть—развитіе народнаго благосостоянія и государственнаго могущества.

Но чѣмъ раціональнѣе всѣ важнѣйшія изъ современныхъ у насъ реформъ и чѣмъ болѣе раціональностью ихъ должно обусловливаться народное благосостояніе въ Россіи, тѣмъ, конечно, страннѣе, неумѣстнѣе и непонятнѣе должно казаться все то, что затрудняетъ быть

и жизнь нашего народа въ настоящее время, и это тѣмъ болѣе, когда затрудненія оказываются значительнѣе прежнихъ и, въ особенности, когда они не уменьшаются, а напротивъ, усиливаются съ каждымъ днемъ.

Къ сожалѣнію, однако, подобное явленіе составляетъ у насъ несомнѣнную дѣйствительность. Никогда и нигдѣ не дѣлалось правительствомъ такъ много для блага народа, какъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе; благіе результаты благихъ реформъ очевидны и, конечно, еще очевиднѣе окажутся въ будущемъ, но тѣмъ не менѣе отечество наше не пользуется той степенью экономическаго благосостоянія, которая по всѣмъ даннымъ должна бы быть его удѣломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что́ видимъ мы, въ настоящее время, въ своемъ отечествѣ? Мы видимъ, что вся страна страдаетъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, крайнимъ безденежьемъ, жалобы на которое съ каждымъ днемъ усиливаются и раздаются все громче и громче. Эти жалобы уже давно не жалобы нѣсколькихъ или и многихъ отдѣльныхъ лицъ,—нѣтъ, это жалобы всѣхъ, положительно *всѣхъ*, кромѣ очень немногихъ счастливыхъ исключеній. Это жалобы не только тунеядцевъ и мотовъ, но и жалобы честныхъ труженниковъ; это жалобы и людей бѣдныхъ, и людей достаточныхъ и даже людей богатыхъ. И это не просто жалобы,—не просто рѣчи о безденежьѣ. Наше безденежье—дѣйствительное безденежье. Для громаднаго большинства, терпящаго отъ него и жалующагося на него, наше безденежье—не какой-либо недостатокъ денегъ на прихоти, а недостатокъ средствъ на пріобрѣтеніе необходимаго, т. е. неприхотливой пищи, одежды, жилища. Основательность подобныхъ жалобъ подтверждается не только тѣмъ, что они общи, но и тѣмъ,—а это очень важно,—что, какъ всѣмъ извѣстно, значительная часть состояній разорена или и много поуменьшилось въ послѣдніе годы. Многіе изъ бывшихъ богачей теперь только достатоьные люди, а изъ бывшихъ достаточныхъ людей теперь далеко не достаточные и даже положительно принадлежатъ къ числу бѣдныхъ людей. Мы видимъ и знаемъ еще, что едва ли, кромѣ ростовщическаго ремесла, есть у насъ одно какое-либо ремесло или какая либо отрасль промышленности, которая бы не переживала болѣе или менѣе сильнаго затрудненія въ послѣдніе годы. Наша торговля тоже не цвѣтетъ, а только прозябаетъ и поддерживается, въ сущности, только желѣзными дорогами и неурожаями за границей. Наши художники, въ общей сложности, т. е. кромѣ немногихъ сча-

стливыхъ исключеній, сидятъ безъ работъ и заказовъ, а это значитъ, иногда по крайней мѣрѣ, и безъ хлѣба; изъ нашихъ ученыхъ могутъ быть болѣе или менѣе сыты только тѣ, у которыхъ казенныя мѣста или родовое состояніе; наша литература тоже страдаетъ не только, какъ думаютъ многіе, отъ недостатка въ талантахъ, но и отъ недостатка у насъ въ средствахъ кормленія талантовъ. Но все это еще не большая бѣда. Наши высшіе и средніе классы относительно не важныя части, въ *численномъ* отношеніи, русскаго народонаселенія. Самая важная часть его—это, конечно, народъ, масса сельскихъ жителей и простыхъ рабочихъ. Но и здѣсь только счастливыя исключенія. Всѣ условія жизни нашего народа теперь неизмѣримо лучше, чѣмъ были прежде: теперь онъ народъ со всѣми признанными и несомнѣнно уважаемыми народными правами; тѣмъ не менѣе и всего экономическое состояніе незавидно и, что на первый взглядъ всего страннѣе, такъ это то, что если не вполнѣ, то частію оно хуже прежняго. Нѣкоторые изъ нашихъ мужичковъ богатѣютъ и многіе изъ нихъ имѣютъ возможность богатѣть; но богатѣющіе составляютъ исключеніе изъ общаго правила; большинство же скорѣе разоряется, нежели поправляется. «У насъ теперь воли-то больше, а всякаго добра меньше», сказалъ намъ одинъ мужичекъ. Правда, этотъ мужичекъ не только не изъ пьющихъ, но и изъ такихъ, по мнѣнію которыхъ напиваться—безобразіе, не совмѣстное съ достоинствомъ человѣка. Но не для чего распространяться о положеніи нашихъ сельскихъ и рабочихъ классовъ въ настоящее время: оно едва ли не всѣмъ извѣстно. Суть дѣла въ томъ, что не смотря на всю громадность оказаннаго правительствомъ добра нашему сельскому сословію, и оно далеко не пользуется тѣмъ благосостояніемъ, которое должно бы быть непремѣннымъ слѣдствіемъ такого добра.

При видѣ такихъ грустныхъ явленій въ жизни народа, какъ наши экономическія затрудненія, нельзя, конечно, не задать себѣ вопроса: почему возможны подобныя явленія и чѣмъ объяснить такое противорѣчіе между несомнѣнной раціональностью и благотворностью реформъ и столь незавиднымъ экономическимъ состояніемъ не только отдѣльныхъ классовъ, но и почти всего народонаселенія? Или неужели, въ самомъ дѣлѣ, такое противорѣчіе неизбѣжно и можетъ быть объяснено такъ, какъ это кажется нѣкоторымъ лицамъ, а именно, что и освобожденіе крестьянъ совершено у насъ преждевременно, и что не созрѣли мы еще ни для земскаго самоуправленія,

ни для гласнаго суда, ни для свободнаго слова и т. п.?—Мы знаемъ,—и за это ручается какъ здравый смыслъ, такъ и наука, а съ ней и опытъ вѣковъ и народовъ,—что освобожденіе крестьянъ никогда не могло бы совершиться слишкомъ рано; напротивъ, крѣпостному праву не слѣдовало бы никогда существовать. Оно было вредно не только для самихъ крѣпостныхъ людей, но и для всѣхъ остальныхъ сословій и для всего государства. Земское управленіе и гласный судъ представляютъ собою самые естественные и раціональные роды суда и мѣстнаго общественнаго хозяйства,—и не народы могутъ быть незрѣлы для такого суда и такого хозяйства, а непризванные руководители ихъ. Напротивъ, бюрократическій судъ и бюрократическое управленіе мѣстными интересами слишкомъ искуственныя явленія, чтобъ какой-либо изъ народовъ могъ когда-либо ужиться съ ними безъ вреда для своего благосостоянія. Они тоже для народовъ, что металлы для желудка, который не перевариваетъ ихъ. Тоже самое должны мы сказать и о свободѣ слова. Безъ него народъ находится въ положеніи человѣка въ заточеніи, въ которомъ нѣтъ ни чистаго воздуха, ни необходимаго свѣта. Если еще существуютъ и въ особенности существовали долго въ мірѣ разныя неумѣстныя стѣсненія для свободнаго слова, а это значитъ и для свободы совѣсти, то нѣчто подобное можетъ и могло быть лишь потому, что у человѣчества всегда было слишкомъ немного истинныхъ и призванныхъ друзей.

И такъ наши экономическія затрудненія никакъ не могутъ и не должны быть объясняемы важнѣйшими изъ совершенныхъ у насъ реформъ въ послѣднее десятилѣтіе. Объяснять наше безденежье, разстройство нашихъ частныхъ хозяйствъ и затрудненія всего нашего народнаго хозяйства, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя лица, такими раціональными реформами, столь-же нелогично, какъ было бы стараніе доказать напр., что для народовъ необходимы не естественныя, а искуственныя условія благосостоянія, что добро ведетъ ко злу. Нѣтъ, не въ этихъ реформахъ, результаты которыхъ благотворны уже въ настоящемъ и еще благотворнѣе окажутся въ будущемъ, а въ чемъ-либо другомъ должны мы искать причины существующихъ у насъ экономическихъ затрудненій. Добро не ведетъ ко злу. Зло возникаетъ только отъ зла, и если есть у насъ экономическія затрудненія, если есть такое зло, то есть и зло, которое порождаетъ его.

Въ чемъ же заключается это зло, корень нашихъ экономическихъ затрудненій?

*

Прежде, нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что наука, именно политическая экономія, которая имѣетъ назначеніемъ изучать и объяснять основныя условія частнаго и общественнаго благосостоянія и въ тоже время объяснять всѣ экономическія явленія, обыкновенно причисляется учеными къ разряду такъ-называемыхъ неточныхъ наукъ. Что же касается до насъ, то мы думаемъ, что наукъ неточныхъ *нѣтъ* и *быть не можетъ*, и что наука можетъ быть наукой, а не сборомъ кое-какихъ мнѣній и свѣденій, лишь въ той степени, на сколько она точна. Мы именно того мнѣнія, что если напр. извѣстный астрономъ Леверье, благодаря точности математики, могъ открыть посредствомъ однихъ вычисленій новую планету, то совершенно подобныя же по важности, значенію и свойствамъ открытія могутъ и должны повторяться какъ въ сферѣ науки экономической, такъ и всѣхъ другихъ наукъ, и это благодаря именно точности экономическихъ и другихъ законовъ, изучаемыхъ и объясняемыхъ этими науками. Въ противномъ случаѣ наука не наука, а только кое-какой сборъ мнѣній и фактовъ; въ противномъ случаѣ одни только математики и, можетъ быть, натуралисты могли-бы кое-что знать и обладать какой-либо истиной, а другіе ученые, а также всѣ художники, всѣ государственные люди и всѣ остальные дѣятели должны бы были быть причислены къ людямъ, ничего не знающимъ и къ шаловливымъ мечтателямъ въ родѣ соціалистовъ и комунистовъ. Но кто-же возьмется доказывать нѣчто подобное? Кто-же согласится съ такимъ мнѣніемъ? Развѣ одни фанатики мнимо-исключительной точности одной математики и естественныхъ наукъ.

Благодаря именно такой точности наукъ вообще, а въ томъ числѣ и политической экономіи, всѣ наши экономическія затрудненія могутъ и должны быть объяснены этой наукой, объяснены именно дѣйствительно существующими явленіями въ нашей жизни, явленіями, замѣтимъ къ слову, конечно, неотрадными, если они пораждаютъ затрудненія. Въ этомъ отношеніи экономисты дѣйствуютъ или, по крайней мѣрѣ, должны дѣйствовать точно такъ-же, какъ и математики. Есть пертурбаціи въ движеніи планетъ, разсуждаютъ Леверье и другіе астрономы, значитъ, есть причина имъ, есть сила или тѣло, которое производитъ ихъ. Такъ и для экономистокъ: если есть экономическое благо или зло, то есть и причина ему.

На это намъ могутъ, однако, сдѣлать слѣдующее, не лишенное основательности, замѣчаніе, а именно, что не только нѣкоторые ино-

странные, но едва-ли и не всѣ наши русскіе экономисты старались разъяснить наши экономическія затрудненія и указать на средства къ ихъ устраненію; но между тѣмъ каждый изъ нихъ высказывалъ о предметѣ свое собственное мнѣніе, не раздѣляемое другими и даже часто совершенно противоположное мнѣніямъ другихъ. Извѣстно, однако, что между мнѣніями математиковъ не бываетъ вообще такихъ рѣзкихъ противорѣчій; немного ихъ и между мнѣніями натуралистовъ.

Это правда, отвѣтимъ мы; но дѣло въ томъ, что степень состоятельности науки никакъ не опредѣляется степенью состоятельности тѣхъ или другихъ ученыхъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые только считаютъ и величаютъ себя учеными. Наука, даже въ зародышѣ и младенчествѣ своемъ, все-таки представляетъ собою нѣчто большее и лучшее, нежели отсутствіе ея. И въ такомъ состояніи своемъ она, конечно, полезна и вредной можетъ быть лишь на столько, на сколько приписываютъ ей или требуютъ отъ нея того, чего она еще дать не можетъ Не вина науки, а вина непризванныхъ ученыхъ, когда они берутся не за свое дѣло и когда, не принимая въ соображеніе, что она еще не сказала своего опредѣлительнаго о какомъ либо предметѣ слова, эти ученые рѣшаютъ о такомъ предметѣ съ самоувѣренностію безапелативныхъ судей. Сама наука съ негодованіемъ указываетъ всегда на подобныя рѣшенія, и потому-то, между прочимъ, всѣ истинные ученые не только не позволяютъ себѣ увѣрять другихъ въ своемъ всевѣденіи, но и вообще отличаются скромностію даже въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, въ которыхъ они наиболѣе и несомнѣнно компетентны.

Къ сожалѣнію, и наши экономическіе вопросы разрѣшаются большею частію самымъ неправильнымъ образомъ. И у насъ при разъясненіи этихъ вопросовъ приписывается наукѣ то, чего въ ней нѣтъ, чего она не говоритъ и не требуетъ. Но не наука, конечно, виновата въ этомъ; не ея тоже вина, что наше общество считаетъ и въ особенности еще очень недавно считало нѣкоторыхъ такъ называемыхъ у насъ ученыхъ экономистовъ и финансистовъ какими-то непогрѣшными авторитетами. У насъ слишкомъ часто упускаютъ изъ виду, что дѣйствительные авторитеты рѣдки и что могутъ быть ими только тѣ, которыхъ вся жизнь заключается къ изученіи науки и притомъ съ призваніемъ къ этому дѣлу, а потому и труды которыхъ шагъ впередъ для человѣчества. А много-ли у насъ такихъ ученыхъ и такихъ трудовъ по части политической экономіи и науки о финансахъ? Какъ всѣмъ из-

вѣстно, такихъ ученыхъ и такихъ трудовъ у насъ *очень немного* (мы выражаемся крайне-осторожно). Откуда же и на какомъ основаніи явилось у насъ вдругъ столько *авторитетовъ* по этой части?

Иной подумаетъ, что, говоря это, мы шутимъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ, мы не шутимъ, а говоримъ серьезно. А что наши слова дѣйствительно правдивы, то вотъ тому неопровержимое свидѣтельство: Крымская война раскрыла, какъ извѣстно, намъ всѣмъ или почти всѣмъ глаза. Правительство и общество убѣдились тогда, что намъ нуженъ иной порядокъ вещей, и ревностно приступили къ дѣлу. Начались тогда у насъ коренныя преобразованія и, благодаря Бога, нѣкоторыя, въ особенности самыя главныя изъ этихъ преобразованій, какъ напр. освобожденіе крестьянъ и введеніе земскаго самоуправленія и гласнаго суда, совершены съ такимъ успѣхомъ, что только люди, всегда и всѣмъ недовольные, могутъ желать чего-либо большаго и лучшаго для Россіи въ этомъ отношеніи и въ настоящее время. Но кто-же изъ разумныхъ и добросовѣстныхъ людей не сознается теперь, что всѣ эти преобразованія застали насъ въ расплохъ и что почти никто у насъ не былъ къ нимъ въ достаточной степени подготовленъ? Не знаемъ какъ другія лица, но знаемъ навѣрное, что именно тѣ, которыя лучше другихъ сознаютъ важность такихъ преобразованій и больше другихъ поработали въ этомъ отношеніи на благо страны и народа, тѣ и громче другихъ сознаются, что были въ общей сложности далеко не вполнѣ подготовлены наукой и жизнію къ такому важному дѣлу.

Всѣ также поняли тогда, что состояніе нашего денежнаго обращенія, нашей промышленности вообще, нашего кредита и нашихъ финансовъ требовало также преобразованій; но въ этомъ отношеніи, какъ это могутъ теперь видѣть всѣ и о чемъ ясно и громко свидѣтельствуютъ наши экономическія затрудненія, людей у насъ достаточно подготовленныхъ оказалось даже менѣе, чѣмъ для другихъ дѣлъ; а между тѣмъ сколько выступило тогда людей, которые и сами считали себя и которыхъ и другіе считали и величали авторитетами по экономической и финансовой части. Къ сожалѣнію, нуженъ былъ горькій опытъ, стоящій Россіи сотни миліоновъ, если только не мильярдъ и болѣе, чтобъ убѣдить наше общество, что эти авторитеты не такого рода, чтобъ избавить отечество отъ его настоящихъ экономическихъ затрудненій.

Чтожъ намъ дѣлать теперь? какъ помочь своему горю?

Мы должны прежде всего сдѣлать то, съ чего слѣдовало бы намъ начать. Уже много, правда, безполезно потрачено у насъ дорогаго времени и всякаго добра; но, благодаря Бога, мы еще можемъ устранить свои экономическія затрудненія. Для этого прежде всего намъ слѣдуетъ основательно изучить и оцѣнить ихъ, и это, конечно, при помощи науки, но безъ малѣйшаго увлеченія учеными воззрѣніями разныхъ научныхъ школъ. Мы должны помнить притомъ, что ни одна изъ наукъ не сказала еще своего послѣдняго слова, а тѣмъ болѣе не сдѣлали и не могутъ еще сдѣлать это науки соціальныя, политическія. Мы должны помнить также, что на всѣхъ этихъ наукахъ лежитъ печать экономической и другихъ сторонъ быта и жизни вообще запада, мѣста ихъ рожденія и развитія, а западъ, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ сторонахъ, все-таки не идеалъ совершенства и никакимъ образомъ не долженъ служить такимъ образцомъ для Россіи, которому слѣдовало бы ей во всемъ и непремѣнно подражать. Мы потому-то и болѣемъ многимъ, что слишкомъ много и въ особенности не кстати подражаемъ западу. Это неизбѣжный плодъ отсутствія сознанія нашихъ собственныхъ нуждъ и потребностей, средствъ и силъ. Правду сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не имъ поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль...

Съ такимъ-то именно взглядомъ на предметъ приступаемъ мы къ изложенію нашихъ экономическихъ затрудненій. Для начала дѣла мы займемся нашимъ денежнымъ вопросомъ, какъ такимъ, образомъ разрѣшенія котораго въ значительной степени обусловливается образъ разрѣшенія нашихъ другихъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Притомъ вопросъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что о немъ-то именно особенно сбивчивы и противорѣчивы распространенныя у насъ мнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть сбивчивѣе и противорѣчивѣе слѣдующихъ мнѣній? Одни напр. приписываютъ нашему денежному обращенію, т. е. существованію у насъ кредитныхъ билетовъ и недостатку звонкой монеты, всѣ наши экономическія и финансовыя затрудненія; другіе же убѣждены, что наше денежное обращеніе не лишено недостатковъ, но тѣмъ не менѣе вовсе не такъ дурно, чтобъ быть виновникомъ и нашего безденежья, и всѣхъ другихъ эконо-

мическихъ и финансовыхъ недуговъ нашихъ. Одни говорятъ, что у насъ слишкомъ много кредитныхъ билетовъ и что въ этомъ-то состоитъ причина существующей у насъ дороговизны; другіе же утверждаютъ, что напротивъ у насъ слишкомъ мало кредитныхъ билетовъ, какъ почти единственныхъ у насъ денежныхъ знаковъ, и что они никакимъ образомъ не могутъ быть причиной дороговизны не только всѣхъ, но даже и нѣкоторыхъ товаровъ, кромѣ иностранныхъ. Одни увѣряютъ при этомъ, что деньги должны быть только металическія, а не бумажныя; другіе же видятъ въ бумажныхъ деньгахъ высшій родъ денежныхъ знаковъ. Далѣе, одни, указывая на болѣе или менѣе низкій вексельный курсъ, торжественно провозглашаютъ такой курсъ непремѣннымъ результатомъ и явнымъ свидѣтельствомъ излишняго количества у насъ кредитныхъ билетовъ; другіе же, указывая на тотъ же курсъ и его колебанія, доказываютъ ими, что не отъ количества кредитныхъ билетовъ, а отъ совершенно другихъ обстоятельствъ зависитъ этотъ курсъ. При этомъ одни требуютъ фиксаціи курса кредитныхъ билетовъ, т. е. правительственнаго постановленія о томъ, что кредитный рубль долженъ считаться не за 100, а за 80 или 85 коп., а другіе посмѣиваются надъ такимъ мнѣніемъ и спрашиваютъ: почему же 80 или 85, когда завтра можетъ быть потребуется 70 или 90? Кромѣ того одни желаютъ, чтобъ кредитные билеты не имѣли обязательнаго курса; а другіе говорятъ, что это дѣло немыслимое, а именно, во первыхъ, потому, что въ народной массѣ не могутъ и не должны обращаться деньги съ ежедневно измѣняющимся курсомъ, а во вторыхъ, потому, что по принятіи такого курса въ государствѣ окажутся за-разъ двѣ денежныя единицы, а это нѣкоторымъ образомъ тоже, что и два правительства въ одномъ государствѣ. Одни полагаютъ также, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на монету и обратно, немыслимы у насъ ни улучшеніе нашихъ комерческихъ и промышленныхъ дѣлъ и нашего государственнаго кредита, ни устройство банковъ на прочныхъ основаніяхъ, ни возрастаніе производительныхъ капиталовъ, ни привлеченіе къ намъ иностранныхъ; другіе же доказываютъ, что дѣйствительность опровергаетъ такое мнѣніе и что оно не болѣе какъ фантазія людей. которые повторяютъ только букву науки, не вникая въ ея смыслъ. Наконецъ, одни видятъ въ неразмѣнности кредитныхъ билетовъ признакъ какой-то несостоятельности нашей казны, а другіе считаютъ напротивъ такое

мнѣніе несостоятельнымъ, вовсе не придаютъ такого значенія этому факту и считаютъ неразмѣнность кредитныхъ билетовъ признакомъ не несостоятельности нашей казны, а неразвитости нашей промышленности и торговли.

Которыя же изъ этихъ мнѣній истинны и которыя ложны? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, нужно прежде всего разсмотрѣть эти мнѣнія съ точки зрѣнія науки, а потомъ провѣрить ихъ и указанія науки опытомъ, дѣйствительностью, т. е. тѣмъ, что мы видимъ у себя, въ своей странѣ, и у другихъ.

Мы говоримъ, что необходимо разсмотрѣть эти мнѣнія съ точки зрѣнія и науки, и опыта. Но развѣ однихъ указаній науки недостаточно? спросятъ сторонники ея. Къ сожалѣнію, *нѣтъ!* отвѣчаемъ мы.

Мы сами принадлежимъ къ сторонникамъ науки. Не быть сторонникомъ науки значитъ быть врагомъ истины и свѣта и стоять за ложь и мракъ. Но наука еще не значитъ всевѣденіе и непогрѣшимость. Она плодъ человѣческаго ума, а человѣческій умъ не непреложная мудрость, не источникъ истины и свѣта, а только нѣчто такое, что жаждетъ ихъ и, къ сожалѣнію, никогда не обладаетъ ими на столько, чтобъ утолить ими свою жажду. Въ нашъ вѣкъ наука быстро шагаетъ впередъ, и слава Богу! Но самая эта быстрота свидѣтельствуетъ, что, во первыхъ, сегодня мало для человѣка того знанія, которымъ онъ довольствовался вчера, а во вторыхъ, что если наука можетъ такъ быстро шагать, то значитъ она еще не далека отъ своего начала, но далека еще отъ своей цѣли. Притомъ необходимо замѣтить, что если очень быстры и блестящи въ настоящее время успѣхи наукъ естественныхъ, то не таковы успѣхи напр. наукъ философскихъ и соціальныхъ; настоящее состояніе ихъ не удовлетворяетъ, по крайней мѣрѣ, ни одного истинно передоваго ученаго. Довольны этимъ состояніемъ только тѣ, которые слишкомъ довольны своими свѣденіями и вообще собою.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ тому представляетъ политическая экономія. Не смотря на непреложность уже вполнѣ добытыхъ этой наукой основныхъ экономическихъ законовъ, въ ней нерѣдко встрѣчаются рѣзкія противорѣчія имъ, этимъ законамъ, за которые она однако такъ крѣпко стоитъ и честно ратуетъ. Такъ напр. вопросъ о поземельной рентѣ до сихъ поръ разрѣшается почти всѣми экономистами такимъ образомъ, что легко можетъ служить поводомъ для соціалистовъ и комунистовъ возставать противъ поземельной соб-

ственности. Теорія народонаселенія Мальтуса тоже, въ сущности, принимается почти всѣми экономистами; а между тѣмъ эта теорія, правда, не прямо, а косвенно, оправдываетъ и даже проповѣдуетъ развратъ, а, какъ извѣстно, развратъ ужъ вовсе не принадлежитъ къ экономическимъ условіямъ частнаго и общественнаго благосостоянія. Притомъ эта теорія потрясаетъ всѣ лучшія человѣческія вѣрованія, а потому могла бы составлять часть какой либо макіавелической административной теоріи, но столь же неумѣстна въ политической экономіи, какъ напр. воззрѣнія соціалистовъ и комунистовъ. Экономисты вообще какъ будто забываютъ, что теорія Мальтуса могла возникнуть только въ Англіи и притомъ въ то время, когда землевладѣльцы этой страны были своего рода хлѣбными откупщиками и давили своимъ откупомъ массу народонаселенія. Точно также и нѣкоторые другіе экономическіе вопросы разрѣшаются политической экономіей покуда недостаточно точнымъ образомъ. И это совершенно естественно и понятно. Политическая экономія еще новая относительно наука. Положили ей основаніе и продолжаютъ создавать ее люди, высоко-даровитые и несомнѣнно-честные ревнители блага человѣчества. Но, къ сожалѣнію, такихъ самостоятельныхъ дѣятелей, какъ Кэнэ-Адамъ Смитъ, частію Шторхъ или современники наши, Рошеръ и Кэри, немного было и есть между экономистами; немного, значитъ, могло быть и сдѣлано еще по этой части. Ни порицать, ни обвинять экономистовъ или пренебрегать политической экономіей за это, конечно, нельзя; но нельзя же также не видѣть и слабыхъ сторонъ науки.

Политическая экономія не разрѣшаетъ еще покуда вполнѣ удовлетворительно и денежнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается главное положеніе этой науки о деньгахъ? Деньги, говоритъ политическая экономія, это и орудія обращенія, или мѣны (купли и продажи), и мѣрила цѣнности всѣхъ обмѣниваемыхъ предметовъ; а такъ-какъ деньги *мѣрила цѣнности*, то онѣ и сами должны имѣть *цѣнность*, какъ и всѣ остальные предметы мѣны, т. е. должны быть *товаромъ*.

На это и знающій, и незнающій политической экономіи можетъ, конечно, и притомъ совершенно логично, спросить: дѣйствительно-ли деньги въ одно и то-же время и орудія обращенія, и мѣрила цѣнности? Если же такъ всегда было или и есть до сихъ поръ, то всегда ли такъ будетъ и всегда ли такъ неизбѣжно должно быть? Понятно, что металлическія деньги, т. е. монеты,—товаръ, какъ и

всѣ остальные товары. Но и *услуги*, а не одни товары, имѣютъ *цѣнность*, и притомъ не одни товары, но также и услуги составляютъ предметъ мѣны, такъ почему же *деньги*, какъ *мѣрило цѣнности* и какъ *орудія обращенія*, должны быть непремѣнно *товаромъ*, а не *услугами* напримѣръ? Политическая экономія не даетъ отвѣта на эти вопросы. Это обстоятельство объясняется какъ тѣмъ, какимъ образомъ возникли деньги въ мірѣ, такъ и тѣмъ, на какихъ данныхъ основана въ наукѣ нынѣшняя денежная теорія. Обратимъ же на нихъ вниманіе.

Во всякомъ обществѣ, которое уже доросло до нѣкоторой степени цивилизаціи, на каждомъ шагу производится между членами его продажа и купля или обмѣнъ разныхъ *услугъ* и *предметовъ*, которые называются въ наукѣ общимъ именемъ *товаровъ*, или *цѣнностей*, — цѣнностей потому, что всѣ они имѣютъ *цѣнность* (valeur, Werth). Еслибъ они не имѣли цѣнности или, что совершенно тоже въ этомъ случаѣ, *стоимости*, т. е. такого свойства, по которому необходимо за нихъ платить, то ихъ никто бы не покупалъ и не продавалъ, не покупалъ бы именно потому, что получалъ бы ихъ даромъ, а не продавалъ бы потому, что не находилъ бы покупателей. Такъ напр. никто изъ насъ не покупаетъ, при всей ихъ полезности и необходимости, ни воздуха, которымъ мы дышемъ, ни солнечнаго свѣта, которымъ всѣ мы пользуемся, ни вообще ничего такого, что создается самой природой и чѣмъ мы можемъ пользоваться безъ всякаго труда какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны другихъ людей. Если мы платимъ напр. водовозамъ за воду, а дровяникамъ за дрова, не смотря на то, что и эту воду, и лѣсъ, изъ котораго нарублены эти дрова, произвела природа, то это только потому, что водовозъ *доставляетъ* намъ воду, а дровяникъ, самъ или черезъ другихъ людей, рубитъ лѣсъ и доставляетъ его намъ въ дровахъ; мы платимъ именно имъ не за воду и лѣсъ, на сколько эти предметы произведенія одной природы, а за доставку воды, за рубку и пилку лѣса, за доставку дровъ и т. п. Другими словами, мы платимъ за ихъ *трудъ* и *капиталъ* или, что тоже, за всѣ ихъ *издержки по производству* ихъ ремесла, т. е. водовозу напр. не только за его трудъ, но и за его телѣгу, бочки, лошадь, повинности и т. п.

У дикихъ и близкихъ къ нимъ по крайней неразвитости племенъ нѣтъ или почти нѣтъ мѣны, или обмѣна произведеній и услугъ; но съ начатками цивилизаціи возникаютъ начатки раздѣленія труда, или

занятій, и начатки мѣны. Развитіе раздѣленія труда, а съ нимъ и развитіе мѣны совершается паралельно развитію цивилизаціи и уже на одной изъ среднихъ ея ступеней раздѣленіе труда доходитъ до той спеціализаціи занятій, при которой человѣкъ уже не производитъ всего для себя самъ, какъ это дѣлается у дикарей и полу-дикарей, а, напротивъ, производитъ предметы только одного какого-либо рода или вида, или даже одинъ какой либо предметъ, а всѣ остальные, необходимые для него предметы вынужденъ пріобрѣтать отъ другихъ, а именно, путемъ прямаго или косвеннаго обмѣна, своихъ спеціальныхъ произведеній или услугъ на произведенія и услуги другихъ лицъ.

Понятно, что въ такомъ случаѣ каждый, въ общемъ правилѣ, производитъ обмѣнъ своихъ произведеній или услугъ не кое-какъ, не зря, а съ желаніемъ пріобрѣсть предметы и услуги болѣе полезные и цѣнные за предметы и услуги менѣе полезные и цѣнные. Словомъ, обмѣнъ произведеній и услугъ производится, въ общемъ правилѣ, не иначе, какъ съ *оцѣнкой* ихъ, т. е. съ оцѣнкой степени ихъ *полезности* и ихъ *стоимости*. При мѣнѣ обращаютъ именно вниманіе на то и на другое, т. е. на *полезность* и на *стоимость*, потому что производство или пріобрѣтеніе вообще самыхъ необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, какъ напр. хлѣба и мяса, можетъ обходиться дешевле производства или пріобрѣтенія вообще предметовъ менѣе полезныхъ и необходимыхъ, какъ напр. алмазовъ, золота, рѣдкостей.

Но для всего нужно мѣрило. Оно нужно и для времени, и для вѣса, и для длины, даже для красоты, для правды и т. п. Безъ мѣрила все неопредѣленно и ни въ чемъ не можетъ быть необходимой точности. Нужно, конечно, мѣрило и для цѣнности произведеній и услугъ. Что же можетъ быть такимъ мѣриломъ? Конечно, какъ мѣриломъ времени можетъ быть только какое-либо время, длины только какая-либо длина, вѣса только то, что имѣетъ вѣсъ, такъ и мѣриломъ цѣнности произведеній можетъ быть только то, что имѣетъ цѣнность.

Что же имѣетъ цѣнность, — цѣнность именно не въ какомъ другомъ, а въ экономическомъ смыслѣ, т. е. въ мѣнѣ, или при куплѣ и продажѣ произведеній и услугъ? Имѣютъ ее всѣ человѣческія произведенія и услуги. Такимъ образомъ каждое изъ такихъ произведеній и услугъ можетъ быть мѣриломъ цѣнности всѣхъ остальныхъ изъ такихъ произведеній и услугъ. Такъ и происходило первоначально и

до сихъ поръ еще происходитъ, при возникновеніи мѣны у племенъ, находящихся еще на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней экономическаго развитія. У такихъ племенъ нѣтъ опредѣленнаго мѣрила цѣнности, а цѣнность каждаго обмѣниваемаго произведенія опредѣляется цѣнностью всякаго другаго. Такимъ образомъ при обмѣнѣ лошади напр. на овецъ или быковъ цѣнность лошади опредѣлялась цѣнностью овецъ и быковъ и наоборотъ. Но человѣкъ постоянно растетъ въ умственномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно растетъ и потребность его отдавать себѣ все болѣе и болѣе строгій и точный отчетъ во всемъ, что до него касается. Такъ и по отношенію къ цѣнности покупаемыхъ и продаваемыхъ произведеній и услугъ съ развитіемъ цивилизаціи является и выказывается у племенъ и народовъ все бо̀льшая и бо̀льшая потребность имѣть опредѣленное мѣрило цѣнности, какъ напр. и опредѣленныя мѣрила длины, вѣса и т. п. Такимъ мѣриломъ избирается въ такомъ случаѣ одно какое-либо произведеніе или какой-либо предметъ, полезность котораго кажется всѣмъ болѣе или менѣе несомнѣнной и одинаковой, цѣнность котораго, въ экономическомъ смыслѣ, всѣмъ извѣстна и который въ болѣе или менѣе значительной степени для всѣхъ нуженъ и доступенъ. Такимъ образомъ у племенъ, главное достояніе которыхъ заключается въ скотѣ, избирается тотъ или другой родъ скота за мѣрило цѣнности. Такъ напр. до сихъ поръ еще такими предметами служатъ у киргизовъ лошади и овцы, у черкесовъ быки, у ногайскихъ татаръ коровы. У другихъ же племенъ, какъ напр. у тѣхъ, которыя обитаютъ на границахъ Бирманской и Китайской имперій, а также у негровъ въ Африкѣ, такимъ предметомъ служитъ соль, въ нѣкоторыхъ персидскихъ провинціяхъ финики, у кафровъ циновки и т. п. Всѣ такіе предметы, какъ опредѣленныя мѣрила цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ купли и продажи, или мѣны, ничто иное, какъ то, что мы называемъ *деньгами*. Это именно деньги въ ихъ первоначальномъ, грубомъ видѣ.

Понятно, что такія деньги крайне несовершенны и что племена и народы могутъ довольствоваться ими только на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Вотъ почему съ возникновеніемъ ремеселъ и промысловъ, въ особенности съ возникновеніемъ горнаго промысла, доставляющаго людямъ столь полезные для нихъ предметы, какъ металлы, деньги, подобныя вышеупомянутымъ, все болѣе и болѣе замѣняются металическими, которыя первоначально были ничѣмъ инымъ, какъ большими или меньшими кусками металла.

Мы полагаемъ, что всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстны тѣ свойства металловъ вообще и благородныхъ въ особенности, по которымъ ихъ предпочитаютъ всѣмъ другимъ веществамъ при выдѣлкѣ монеты и всѣмъ другимъ произведеніямъ при выборѣ мѣрилъ цѣнности и орудій обращенія, т. е. денегъ, а потому мы и не будемъ распространяться объ этомъ. Замѣтимъ только, что на низкихъ ступеняхъ цивилизаціи, когда только еще водворяются металическія деньги, преобладаетъ, какъ мѣрило цѣнности и какъ орудіе обращенія, или какъ деньги вообще, смотря по мѣстнымъ условіямъ, или желѣзная, или мѣдная монета. Это бываетъ именно тогда, когда промыслы вообще и горный промыселъ въ частности очень мало еще развиты и когда поэтому даже желѣзо и мѣдь еще довольно рѣдки, когда добыча ихъ еще крайне несовершенна и дорогà, а потому и они имѣютъ болѣе или менѣе высокую еще цѣнность въ мѣнѣ. Замѣтимъ также, что съ послѣдующимъ и дальнѣйшимъ развитіемъ ремеслъ, промысловъ и торговли, а это значитъ и съ развитіемъ цивилизаціи, и съ умноженіемъ частнаго и общественнаго достоянія, съ чѣмъ совпадаетъ обыкновенно и развитіе горныхъ промысловъ, т. е. когда вслѣдствіе всего этого желѣзо и мѣдь, равно какъ и другіе металлы, добываются съ большей легкостью, съ большими средствами и въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, а потому когда и они, и монеты изъ нихъ обходятся дешевле,—тогда все болѣе и болѣе увеличивается потребность и даже необходимость замѣны монеты нисшей, по стоимости металла, цѣнности, т. е. монеты желѣзной или мѣдной, монетой высшей цѣнности, а именно сначала серебряной, какъ болѣе цѣнной, нежели напр. мѣдная, а потомъ и монетою золотою, какъ болѣе цѣнной, нежели даже серебряная. Это именно потому, что, съ одной стороны, съ развитіемъ промысловъ вообще, а въ томъ числѣ и горныхъ, удешевляются пропорціонально и металлы, а съ другой стороны увеличивается цѣнность, если и не всегда всѣхъ, то большинства предметовъ мѣны. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, для бòльшихъ величинъ нужны и бòльшія единицы мѣры. Этимъ-то именно и объясняется, почему напр. у насъ, въ Россіи, преобладала въ обращеніи мѣдная монета не только при Петрѣ I, но и при Екатеринѣ II, а именно не столько вслѣдствіе недостаточнаго количества золота и серебра, сколько вслѣдствіе большей соразмѣрности между цѣнностью мѣдной монеты и цѣнностью большинства обращавшихся у насъ тогда предметовъ купли и про-

дажи, или мѣны. Въ царствованіе же Николая Павловича у насъ уже преобладала серебряная монета именно вслѣдствіе развитія нашей промышленности и торговли, а потому и народнаго достоянія. Въ Англіи же и во Франціи напр., какъ извѣстно, преобладаетъ теперь золотая монета именно потому, что у нихъ уже на столько высока степень промышленности, торговли и народнаго достоянія, чтобъ болѣе или менѣе нуждаться въ такомъ цѣнномъ орудіи обращенія, какъ золото и монета изъ него.

Но изъ того, какого рода деньги, какъ мѣрила цѣнности и орудія обращенія, были и преобладали до сихъ поръ и еще преобладаютъ въ настоящее время, и притомъ какъ въ другихъ, такъ и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ, еще нельзя, конечно, выводить, чтобъ это былъ самый совершенный родъ денегъ, ни дѣлать окончательный выводъ о томъ, какого рода деньги будутъ и должны преобладать въ мірѣ въ будущемъ. Между тѣмъ въ эту-то ошибку и впадаетъ большинство экономистовъ, не подозрѣвая, конечно, что такимъ образомъ они страшно измѣняютъ самымъ животворнымъ и несомнѣннымъ экономическимъ принципамъ и становятся въ рядъ своего рода крайнихъ меркантилистовъ и даже крѣпостниковъ, изъ которыхъ одни видятъ все благосостояніе народа въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнностяхъ, а другіе не могутъ представить себѣ міръ безъ рабовъ и крѣпостныхъ, ибо-де иначе не будетъ господъ. Въ этомъ отношеніи экономисты вообще упускаютъ именно изъ виду, что въ мірѣ не только постоянно возможенъ прогрессъ положительно во всемъ, но что міръ и немыслимъ даже безъ такого прогресса. Безъ прогресса человѣчество или должно бы было вѣчно оставаться въ дикомъ состояніи, или же должно снова впасть въ него. Безъ непрерывнаго прогресса даже нѣтъ и не можетъ быть человѣчества, а возможны развѣ своего рода стада животныхъ съ образомъ человѣческимъ. Гдѣ разумное существо, тамъ и прогрессъ; гдѣ же нѣтъ прогресса, тамъ нѣтъ и разумнаго существа.

Чтобы въ точности опредѣлить ошибку экономистовъ въ этомъ отношеніи, необходимо припомнить то, на что указывается въ каждомъ экономическомъ сочиненіи, въ которомъ трактуется о деньгахъ, а именно, что какого бы рода ни были деньги и служатъ ли деньгами быки, коровы, лошади, овцы, соль и имъ подобные предметы, или же монеты, тѣмъ не менѣе всѣ они обладаютъ однимъ общимъ имъ качествомъ, а именно *цѣнностью*. Это хорошо знаютъ и по-

нимаютъ экономисты, и, благодаря именно ихъ трудамъ, человѣчество обязано тѣмъ, что менѣе прежняго увлекается нелѣпой мечтой о возможности создавать безконечное количество денегъ, а съ нимъ безъ труда пріобрѣтать и несмѣтныя богатства. Но на что экономисты вообще не обращаютъ должнаго вниманія, такъ это на то, что деньги нужны людямъ и народамъ не сами по себѣ, а только *какъ мѣрила цѣнности* и въ особенности какъ *орудія обращенія*, какъ мѣновые *предметы* или только *знаки*, т. е. такіе предметы, которые или имѣютъ сами въ себѣ свою опредѣленную цѣнность, или только представляютъ ее, т. е. даютъ вполнѣ обезпеченное *право* на *нее* или, что то же, на совершенно *равную ей цѣнность*. Экономисты не обращаютъ также необходимаго вниманія на то, что если съ начала цивилизаціи до сихъ поръ преобладаютъ въ мірѣ такихъ родовъ деньги, которыя представляютъ собой въ одно и тоже время и орудіе мѣны, и мѣрило цѣнности, т. е. содержатъ въ себѣ представляемую ими цѣнность и потому весьма основательно разсматриваются наукой какъ *товары*, т. е. какъ всѣ остальные предметы купли и продажи; то это было *безусловной необходимостью* въ вѣка варварства и вообще такія времена, когда личность и собственность не были еще вполнѣ и достаточно обезпечены, когда возможны были еще явныя и безнаказанныя нарушенія правъ личности и собственности, когда, словомъ, не было еще въ обществахъ необходимыхъ и прочныхъ основаній для кредита. Безспорно, такого рода деньги составляютъ и теперь большую или меньшую необходимость въ странахъ, гдѣ мало основаній для прочнаго кредита, гдѣ личность и собственность недостаточно еще обезпечиваются законами и администраціей; но тѣмъ не менѣе изъ этого нельзя выводить, какъ это дѣлаютъ, однако, экономисты, не соображаясь съ историческими условіями быта и жизни вообще народовъ, что и въ настоящее время *во всѣхъ* странахъ, а также повсюду и вездѣ и въ будущемъ, деньгами должны быть не иначе, какъ товары, т. е. не кредитныя, а дѣйствительныя цѣнности. Такой выводъ противенъ идеѣ здраваго прогреса, а потому и всѣмъ экономическимъ принципамъ, и противорѣчитъ тому, что мы видимъ во всѣхъ образованныхъ странахъ, а именно непрерывную и все бо̀льшую и бо̀льшую замѣну металическихъ денегъ, какъ орудій обращенія, деньгами бумажными, каковы напр. банковые билеты разныхъ иностранныхъ банковъ или наши кредитные билеты.

Далѣе, защищая необходимость металическихъ денегъ, экономисты упускаютъ изъ виду, что уже одно то свойство преобладавшихъ и преобладающихъ еще до сихъ поръ родовъ денегъ, по которому эти послѣднія служатъ въ одно и тоже время и мѣриломъ цѣнности, и орудіемъ обращенія, указываетъ на возможность имѣть мѣриломъ цѣнности одинъ, а орудіемъ обращенія другой предметъ. По крайней мѣрѣ ни одинъ экономическій законъ не можетъ служить доводомъ противъ такого раздѣленія назначенія денегъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительность и самыя свойства металическихъ денегъ стоятъ за него, т. е. за такое раздѣленіе. Металическія деньги, не смотря на всѣ свои хорошія стороны, имѣютъ и дурныя, т. е. дорого обходятся народнымъ хозяйствамъ, слишкомъ вѣски и объемисты. По этой-то, между прочимъ, причинѣ онѣ такъ легко замѣняются въ настоящее время въ цивилизованныхъ странахъ тѣмъ, что наука называетъ представителями денегъ, т. е. разнаго рода бумажными знаками, именно банковыми, кредитными билетами, чеками и имъ болѣе или менѣе подобными кредитными цѣнностями. Какъ извѣстно, такихъ кредитныхъ цѣнностей въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ вездѣ находится въ обращеніи несравнено даже *болѣе*, чѣмъ монеты. Притомъ въ высшихъ комерческихъ и другихъ сферахъ такихъ странъ монета теперь уже исполняетъ не столько роль обыкновенныхъ денегъ, сколько роль размѣнныхъ денегъ, а это значитъ, что она въ этихъ сферахъ служитъ только тѣмъ-же, чѣмъ служитъ въ нисшихъ сферахъ размѣнная монета. Кромѣ того, какъ всѣмъ извѣстно, въ международныхъ сношеніяхъ монета уже давно имѣетъ не свою номинальную и болѣе или менѣе дѣйствительную цѣнность, а нѣсколько нисшую, сообразную цѣнности одного, заключающагося въ ней, чистаго металла и почти всегда замѣняется слитками золота и серебра, какъ въ полномъ смыслѣ товарами. Вмѣсто такихъ слитковъ вывозится изъ страны монета только тогда, когда цѣнность, представляемая возможными къ вывозу слитками, меньше цѣнности, выражающей степень задолженности страны.

Сверхъ того экономисты постоянно упускаютъ изъ виду, что необходимое для обращенія количество звонкой монеты представляетъ собою вездѣ громадный капиталъ, который легко можетъ быть употребленъ съ производительною цѣлію ко благу народа. Притомъ цѣнность этого капитала, безъ введенія бумажныхъ денежныхъ знаковъ должна расти съ экономическимъ развитіемъ народа. Между

тѣмъ нѣтъ ни одного экономическаго закона, который бы свидѣтельствовалъ что либо противъ замѣны такого капитала, а это значитъ замѣны металическихъ денегъ какимъ-либо болѣе дешевымъ орудіемъ обращенія, какъ напр. бумажными деньгами. Напротивъ, по духу всей политической экономіи, нѣтъ и не можетъ быть ничего желательнѣе, какъ возможность *съ меньшими усиліями достигать во всемъ большихъ результатовъ*. Въ такой-то возможности и заключается дѣйствительный прогресъ.

И такъ до сихъ поръ существовали или, правильнѣе, преобладали въ мірѣ два главныхъ рода денегъ, а именно, сначала тѣ, которыя состояли изъ разныхъ предметовъ или произведеній, имѣвшихъ, кромѣ назначенія быть деньгами, еще свое спеціальное назначеніе, какъ напр. лошади, овцы, соль, т. е. товары въ буквальномъ смыслѣ слова, а потомъ тѣ, которыя имѣли начначеніе быть только деньгами, именно монеты или металическія деньги. Какъ тотъ, такъ и другой родъ денегъ имѣютъ два назначенія, а именно быть въ одно и тоже время и мѣрилами цѣнности, и орудіями обращенія, или мѣновыми знаками. Опытъ вѣковъ и народовъ свидѣтельствуетъ, однако, что и тотъ, и другой родъ денегъ несовершенны. Первый изъ нихъ постоянно выходитъ изъ употребленія съ развитіемъ цивилизаціи, а второй, какъ мы повсюду видимъ это въ странахъ цивилизованныхъ, все болѣе и болѣе вытѣсняется разнаго рода бумажными деньгами.

Но противъ бумажныхъ денегъ возстаетъ большинство экономистовъ. Между тѣмъ экономисты, казалось бы, должны бы были быть болѣе другихъ компетентны въ этомъ дѣлѣ; притомъ между ними немало людей высокаго ума и несомнѣнныхъ достоинствъ; значитъ, мнѣніемъ ихъ пренебрегать не слѣдуетъ. Не правы ли они, возставая противъ бумажныхъ денегъ, или если не правы, то почему-жъ относятся они враждебно къ этого рода деньгамъ?

Мы именно думаемъ, что они *не* правы. А что и экономисты могутъ неправильно разрѣшать даже экономическіе вопросы, то мы уже представили тому доказательства указаніемъ на то, какъ неудовлетворительно еще разрѣшаются политической экономіей нѣкоторыя изъ ея задачъ.

Большинство экономистовъ превратно смотритъ на назначеніе денегъ, а потому только и возстаетъ противъ бумажныхъ денегъ.

Во первыхъ, они говорятъ, что «такъ какъ банковый или кре-

дитный билетъ не монета, а только представляетъ право на нее, то такого рода билеты имѣютъ и всѣ тѣ недостатки, которыми право на вещь отличается отъ самой вещи.» Этотъ доводъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ на первый взглядъ и приводимый очень даровитымъ экономистомъ, именно Фонъ-Гокомъ въ его сочиненіи о налогахъ и государственныхъ долгахъ, тѣмъ не менѣе отличается только своей поверхностью. Фонъ-Гокъ упускаетъ изъ виду, что бумажныя деньги должны представлять вовсе не право на *монету*, а право на *цѣнность*, которую деньги представляютъ. Монета или деньги вообще нужны не сами по себѣ, а только какъ право на извѣстную *цѣнность* или, что то-же, какъ средство для пріобрѣтенія нужныхъ предметовъ или услугъ на такую *цѣнность*. Ошибка экономистовъ въ томъ-то въ сущности и состоитъ, что для нихъ монета—золотой телецъ, изъ-за котораго и покланяясь которому они никого и ничего, кромѣ его, не видятъ въ денежномъ вопросѣ.

Во вторыхъ, противъ обезпеченія цѣнности банковыхъ или нашихъ кредитныхъ билетовъ землею и вообще всякимъ другимъ добромъ, имѣющимъ несомнѣнную цѣнность, Мишель Шевалье, а за нимъ и другіе экономисты говорятъ, что такой билетъ не поле, не домъ, не товаръ, а еслибъ и былъ онъ полемъ, домомъ или товаромъ, то онъ представлялъ бы собою плохую монету. Но очевидно, что Мишель Шевалье, а за нимъ и другіе экономисты упускаютъ въ этомъ случаѣ изъ виду, что всѣ, желающіе имѣть деньги, въ монетѣ ли, въ билетахъ ли банковыхъ или кредитныхъ, или же какихъ либо другихъ предметахъ, желаютъ въ сущности имѣть не монету, не какія-либо деньги, а то, что можно на нихъ пріобрѣсть. Деньги для всѣхъ важны не сами по себѣ, а по представляемой ими цѣнности, на которую онѣ даютъ право. Очевидно, Мишель Шевалье и его сторонники не подозрѣваютъ, что, по смыслу ихъ ученія, цѣнность земли и чуть ли не всего существующаго въ мірѣ добра ниже цѣнности монеты. Такая ошибка непростительна для экономистовъ.

Въ третьихъ, экономисты говорятъ, и это самый серьезный доводъ ихъ, что бумажныя деньги опасны, потому что съ ними связаны извѣстныя искушенія, т. е. возможенъ излишній выпускъ ихъ, возможна потому и лишняя трата денегъ. На это мы замѣтимъ слѣдующее: Дѣйствительно, нельзя не обращать вниманія на то, сколько выпускается денегъ въ обращеніе, потому-что, *при равенствѣ другихъ условій*, съ умноженіемъ количества денегъ все

дорожаетъ, а это неизбѣжно влечетъ за собой затрудненія для всего народнаго хозяйства. Звонкой монеты можно выпускать тоже болѣе необходимаго количества, но слишкомъ много ея выпускать нельзя, потому что она дорога; но бумажныхъ денегъ можно выпускать на громадныя суммы и тѣмъ причинить неисчислимый вредъ народному хозяйству, даже разорить большинство населенія. Какъ извѣстно, такимъ именно образомъ, между прочимъ, французское революціонное правительство разорило Францію; этимъ же способомъ и нѣкоторыя другія правительства болѣе или менѣе разоряли своихъ подданныхъ. Но изъ того, что возможно какое либо зло и что оно существовало, еще никакъ не слѣдуетъ, что оно неизбѣжно и всегда будетъ существовать. Что было возможно и даже болѣе или менѣе было простительно десять и болѣе лѣтъ тому назадъ, то можетъ быть непростительнымъ и невозможнымъ нынѣ. Въ прежнія времена сами правительства выпускали монету съ тайно-пониженной цѣнностью, т. е. фальшивую монету; но теперь это вещь немыслимая, по крайней мѣрѣ въ сколько нибудь цивилизованныхъ странахъ. Экономисты, приводя подобный доводъ, не подозрѣваютъ, что въ основаніи его лежитъ *недовѣріе*, а недовѣріе принципъ макіавелическій, но нисколько не экономическій.

Сколько намъ извѣстно, а мы, позволимъ себѣ это замѣтить, хорошо знакомы съ литературой предмета, другихъ, болѣе серьезныхъ доводовъ противъ бумажныхъ денегъ экономисты не представляютъ. Да такихъ доводовъ и быть не можетъ, иначе наука, именно политическая экономія, давно бы представила ихъ.

Но денежнымъ вопросомъ шутить нельзя. Отъ достоинства денегъ и ихъ обращенія въ значительной степени зависитъ общее благосостояніе. При несовершенствѣ денегъ несовершенны и затрудняются всѣ мѣновыя сдѣлки, пріостанавливается развитіе промысловъ, торговли, задерживается вся жизнь народа. Еслибъ въ Европѣ настоящаго времени не только нынѣшнія деньги были замѣнены первобытными, т. е. товарами въ буквальномъ смыслѣ слова, но даже еслибъ только вынуты были изъ обращенія всѣ бумажныя деньги и оставлены однѣ металическія, то это поставило бы Европу въ такое затруднительное положеніе, до какого она не была бы доведена даже продолжительной всеобщей войной. Поэтому-то мы считаемъ нужнымъ остановиться здѣсь на томъ, что́ еще можетъ быть сказано

противъ бумажныхъ денегъ и что серьезнѣе какъ выше приведенныхъ, такъ и всѣхъ другихъ доводовъ противъ этихъ денегъ.

Металическія, какъ и первобытныя деньги, т. е. товары въ буквальномъ смыслѣ слова, представляютъ собою въ одно и тоже время какъ мѣрила цѣнности, такъ и орудія обращенія. При ихъ существованіи и употребленіи, извѣстное количество каждаго товара и вообще добра пріобрѣтается и отдается въ обмѣнъ на извѣстное количество серебра или золота въ монетѣ. Въ такомъ случаѣ, хотя и неравны количества, но цѣнность равна. Притомъ тотъ, кто отдаетъ свой товаръ, въ буквальномъ смыслѣ слова, или какое либо другое добро, въ обмѣнъ на соотвѣтствующую ему по цѣнности монету или извѣстнаго количества какихъ-либо монетъ, ничего не теряетъ и не можетъ терять; потому что въ такой монетѣ или такихъ монетахъ получаетъ, въ обмѣнъ на свой товаръ или свое добро, равноцѣнный ему товаръ или добро. Ясно, что когда рѣчь идетъ о бумажныхъ деньгахъ, то такой порядокъ вещей неизбѣжно возбуждаетъ между прочимъ два вопроса, а именно: во первыхъ, могутъ ли деньги не быть въ одно и тоже время и мѣрилами цѣнности, и орудіями обращенія, или мѣновыми знаками? а во вторыхъ, могутъ ли бумажныя деньги представлять столько-же гарантій для деньгодержателя, какъ деньги металическія? или, чтобъ выразиться еще точнѣе и яснѣе, *всегда ли* или *не всегда* подвержены бумажныя деньги тому, что называютъ у насъ паденіемъ ихъ курса, или обезцѣненіемъ?

Основываясь на данныхъ науки и опыта, на первый вопросъ мы считаемъ нужнымъ отвѣтить слѣдующее: Металическія деньги потому только могутъ быть мѣрилами цѣнности, что имѣютъ цѣнность, какъ предметы, состоящіе изъ металловъ, имѣющихъ цѣнность и выдѣлка изъ которыхъ монеты сопряжена съ расходами производства, т. е. затратой труда и капитала. Но, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ экономическими законами и что легко можетъ понять каждый, не одни только металлы, но и всѣ произведенія и предметы, добыча, производство и воспроизведеніе которыхъ сопряжены съ издержками производства, тоже имѣютъ цѣнность, а поэтому тоже могутъ быть и мѣрилами цѣнности. Принятіе того или другаго вещества или того или другаго предмета, имѣющаго цѣнность, за мѣрило цѣнности не представляетъ, по существу дѣла, бо́льшей важности, какъ и принятіе напр. той или другой длины или того или другаго вѣса за

единицу длины или вѣса. Металлы, преимущественно благородные, потому только предпочитаются въ этомъ отношеніи другимъ веществамъ, что во первыхъ, произведеніями изъ нихъ преимущественно опредѣлялась въ прежнія времена степень богатства частныхъ лицъ и обществъ; и во вторыхъ, потому что они обладаютъ въ болѣе высокой степени, нежели другія вещества, тѣми свойствами, какія дѣлаютъ вещества годными для чеканки изъ нихъ *монеты*. Еслибъ не было у благородныхъ металловъ такихъ свойствъ, а также ихъ звона и блеска, то едва ли они долго оставались бы мѣрилами цѣнности. Не остались же ими желѣзо и мѣдь, —не остались ими, между прочимъ, если только не главнымъ образомъ, потому что, съ развитіемъ промысловъ вообще и горныхъ промысловъ въ особенности добыча этихъ металловъ производится въ слишкомъ большомъ количествѣ и при слишкомъ незначительныхъ издержкахъ производства, чтобъ эти металлы могли имѣть ту высокую цѣнность, которая уже и нынѣ необходима въ цивилизованныхъ странахъ для мѣрила цѣнности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ промышленности и цивилизаціи и золото съ серебромъ окажутся со временемъ слишкомъ низкими по цѣнности своей предметами, чтобъ быть мѣрилами цѣнности, въ особенности въ монетѣ, какъ въ орудіи обращенія. Очень можетъ быть, что сначала серебряная, а потомъ и золотая монета обратится въ размѣнную, а потомъ и вовсе исчезнетъ изъ обращенія. Такимъ образомъ нѣтъ никакого исключительнаго повода принимать непремѣнно металлы, а не что либо-другое за мѣрило цѣнности. Кромѣ того, каковы бы ни были деньги, металическія, бумажныя или какого либо другаго рода, цѣнность ихъ, какъ и цѣнность всѣхъ покупаемыхъ и продаваемыхъ предметовъ, не измѣряется, а считается извѣстною, а потому положительно нѣтъ никакой необходимости, чтобы деньги, какъ орудія обращенія или мѣновые знаки, были въ тоже время и мѣрилами цѣнности.

Но если деньги не будутъ мѣрилами цѣнности, то что же будетъ ими? спросятъ насъ. Тоже, что и нынѣ и что было прежде, т. е. какое-либо вещество или какой-либо предметъ, имѣющій цѣнность. Все будетъ зависѣть отъ соглашенія и выбора. Ничто не мѣшаетъ остаться и золоту и серебру такимъ мѣриломъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не будетъ найдено нѣчто лучшее.

Мы очень хорошо знаемъ, что если не съ практической, то съ теоретической точки зрѣнія, лишеніе денегъ назначенія быть мѣрилами

цѣнности сопряжено съ затрудненіями; но эти затрудненія устранимы, потому что они обусловливаются преимущественно привычкой. Да не подумаютъ читатели, чтобъ мы пренебрегали такой силой или, какъ бы выразился французъ, такою властью, какъ привычка. Мы вполнѣ сознаемъ справедливость словъ Пушкина, что привычка вторая натура. Мы глубоко убѣждены также, что только одна привычка помѣшала геніально-умному Наполеону I оцѣнить изобрѣтеніе паровой машины, и что она-же, привычка, была причиной, почему такой дальновидный человѣкъ, какъ гр. Канкринъ, полагалъ, что желѣзныя дороги не только не возможны и не нужны, но чуть-ли и не вредны для Россіи. Но какъ ни велика сила привычки, она ничто съ той силой, которая управляетъ міромъ и которая, на зло Наполеону I и гр. Канкрину, распространяетъ паровыя машины въ мірѣ и строитъ желѣзныя дороги въ Россіи. И превращеніе денегъ въ одно орудіе обращенія совершится, какъ все въ мірѣ, не вдругъ; но что оно будетъ, то за это ручается уже то, что оно уже началось и довольно быстро развивается, а именно существованіемъ бумажныхъ денегъ въ родѣ напр. банковыхъ и нашихъ кредитныхъ билетовъ.

Совсѣмъ другой вопросъ: можетъ ли *право* на цѣнность, какое должны представлять бумажныя деньги, быть вполнѣ и въ той же степени обезпечено, въ какой оно обезпечивается металическими деньгами? Не довѣряя ни существующему, ни даже имѣющему впредь существовать порядку вещей въ мірѣ, противники бумажныхъ денегъ, какъ извѣстно, даютъ на этотъ вопросъ отвѣтъ положительно-отрицательный. Упорно указываютъ они на зло, виновникомъ котораго, по ихъ словамъ, были бумажныя деньги. Страстныя рѣчи противъ бумажныхъ денегъ увлекаютъ многихъ. И у насъ, въ Россіи, напр. каждый, кто не желаетъ казаться обыкновеннымъ человѣкомъ, а хочетъ казаться передовымъ, не иначе, какъ съ презрѣніемъ, говоритъ о такихъ деньгахъ. Къ счастію, опасенія противниковъ бумажныхъ денегъ положительно неосновательны. Они совершенно упускаютъ изъ виду, что творили и могутъ творить зло *не* бумажныя денеги, а *люди*, которые злоупотребляли и могутъ злоупотреблять ими. Такое упущеніе не бездѣлица. Если допустить подобныя упущенія, то легко доказать, что все въ мірѣ только зло. Такимъ образомъ окажется зломъ и св. Евангельское ученіе, которымъ ужъ, конечно, не ко благу человѣчества пользуются іезуиты напр. Что бумажныя деньги были и могутъ быть еще употребляемы во зло, то въ этомъ, конечно, нѣтъ

ни малѣйшаго сомнѣнія; но это вопросъ не экономическій, а историческій, и его лучше всего поставить такъ: на столько ли *хороши* въ настоящее время правительства въ мірѣ, въ особенности въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, чтобъ не злоупотреблять бумажными деньгами? Смѣемъ думать, что мы можемъ дать честный и правдивый отвѣтъ на этотъ вопросъ, а именно слѣдующій: По нашимъ понятіямъ, ни одно изъ правительствъ въ мірѣ (правительствъ въ смыслѣ большаго или меньшаго числа высшихъ правительственныхъ лицъ) не застраховано отъ возможности имѣть въ какомъ либо отношеніи превратный взглядъ на вещи, а потому и отъ возможности невольно принимать нераціональныя мѣры. Но иначе и быть не можетъ: каждое правительство состоитъ изъ людей, а люди, даже самые геніальные по способностямъ и самые лучшіе по чувствамъ, понятіямъ, убѣжденіямъ, намѣреніямъ и дѣйствіямъ, не застрахованы и не могутъ быть застрахованы отъ возможности имѣть въ какомъ либо или какихъ либо отношеніяхъ ошибочныя мнѣнія. Но, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣчества, едва ли когда случается, чтобы гдѣ-либо правительство было ниже, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ, не только низшихъ, но и высшихъ слоевъ общества, а, напротивъ, оно всегда по меньшей мѣрѣ не ниже, но очень часто выше ихъ и въ этомъ отношеніи. Это уже потому, что не исключительно и даже не преимущественно одни честолюбцы, какъ думаютъ нѣкоторые, но также люди правды и добра стремятся къ правительской дѣятельности, когда имѣютъ къ ней призваніе. Трудно вообще предположить, чтобъ какое-либо правительство сознательно противодѣйствовало народному благосостоянію; притомъ какъ всему человѣчеству, такъ и правительствамъ вѣрный во всемъ взглядъ на вещи достается не даромъ, а пріобрѣтается вѣками. Такимъ образомъ, если прежнія правительственныя лица, какъ впрочемъ и другія, могли излишне увлекаться легкостью умноженія количества бумажныхъ денегъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ и нынѣшніе, и будущіе правительственные дѣятели непремѣнно дѣлали бы тоже самое. Напротивъ, слѣдуетъ полагать, что уроки прошлаго и въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, не прошли для нихъ даромъ. Нужно только желать, чтобъ наука вполнѣ разрѣшила денежный вопросъ, и тогда, конечно, не будетъ, по крайней мѣрѣ большихъ злоупотребленій бумажными деньгами. Это уже потому, между прочимъ, что тогда будетъ лучше, нежели теперь, извѣстно прави-

тельственнымъ лицамъ, какимъ образомъ улучшить финансовое положеніе государствъ, а въ этомъ, какъ извѣстно, почти каждое изъ нихъ нуждается въ большей или меньшей степени.

Но вопросъ о томъ, можетъ ли *право* на представляемую бумажными деньгами цѣнность быть въ той же степени обезпечено, въ какой оно обезпечивается металическими деньгами, не разрѣшается еще окончательно тѣмъ положеніемъ, что правительства, вполнѣ сознавая интересы народныхъ хозяйствъ, не станутъ злоупотреблять отнынѣ бумажными деньгами. Несуществованіе злоупотребленія бумажными деньгами со стороны правительствъ великое дѣло въ этомъ отношеніи, но и его мало. Необходимо еще принять за правило, чтобъ *ни одинъ кредитный или банковый билетъ не выпускался въ обращеніе безъ полнаго обезпеченія представляемой имъ цѣнности, по меньшей мѣрѣ, равною ему дѣйствительной цѣнностью въ товарѣ, землѣ или какомъ либо другомъ предметѣ, имѣющемъ дѣйствительную цѣнность.* При соблюденіи этого условія устраняется все то, что могло бы быть доводомъ противъ бумажныхъ денегъ. Когда же право на представляемую ими цѣнность вполнѣ обезпечено, то онѣ, конечно, будучи несравненно лучше металическихъ денегъ, какъ орудій обращенія, или мѣновыхъ знаковъ, въ тоже время ни въ чемъ не уступаютъ имъ въ достоинствѣ и относительно этого права.

Чтобъ покончить съ вопросомъ о бумажныхъ и металическихъ деньгахъ, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ одной сторонѣ этого вопроса, а именно: о возможности излишняго выпуска бумажныхъ денегъ помимо всякаго злоупотребленія ими. Нормальное количество денегъ составляетъ очень немаловажное условіе народнаго благосостоянія; а потому возникаетъ вопросъ: не подаетъ ли возможность бумажныхъ денегъ повода какъ къ излишнему, такъ и къ недостаточному выпуску ихъ?

На этотъ вопросъ даютъ вполнѣ опредѣлительный отвѣтъ и наука, и опытъ. Наука ясно доказываетъ, что количество денегъ должно соотвѣтствовать степени потребности въ нихъ каждаго народнаго хозяйства, а степень такой потребности обусловливается очень многимъ и измѣняется съ каждой перемѣной во всемъ томъ, что вліяетъ на частныя хозяйства, а потому и на все народное. Вотъ почему никакое правительство, никакая академія наукъ и никакой сонмъ банкировъ не можетъ въ точности знать, какъ велико должно быть въ

данное время количество денегъ въ странѣ, на какую сумму должно быть того или другаго рода денежныхъ знаковъ, крупныхъ и мелкихъ. Возможный отъ такого незнанія вредъ устраняется только устройствомъ такихъ кредитныхъ учрежденій, которыя бы удовлетворяли всѣмъ нуждамъ народнаго хозяйства во всѣхъ родахъ и видахъ денегъ и денежныхъ капиталовъ. У насъ напр. наши прежнія кредитныя установленія лучше исполняли въ этомъ отношеніи свое назначеніе, нежели нынѣшнія. При нихъ лишнее количество денегъ легко и по мѣрѣ надобности обращалось въ капиталы, а капиталы въ деньги. Для достиженія возможно-лучшихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, необходима полная свобода кредитныхъ учрежденій, безъ малѣйшей конкуренціи правительственныхъ или привилегированныхъ съ частными и непривилегированными. Тамъ же, гдѣ почему либо нельзя закрыть правительственныя и привилегированныя учрежденія, тамъ не можетъ быть надлежащаго развитія частныхъ и тамъ правительственныя учрежденія необходимо должны замѣнить всѣ частныя, какъ это и было у насъ при прежнихъ кредитныхъ установленіяхъ. Лучше одни правительственныя кредитныя учрежденія, нежели правительственныя и частныя вмѣстѣ. Но дѣло въ томъ, что дѣятельность правительственныхъ кредитныхъ учрежденій не можетъ быть достаточно обширна и не можетъ замѣнить дѣятельность частныхъ при полной свободѣ ихъ; а потому желательно бы было, чтобъ предоставлена была полная свобода частнымъ учрежденіямъ. Отъ такого порядка вещей выиграли бы и правительства, а именно: во первыхъ, они были бы избавлены отъ труда и заботъ по денежному обращенію и частному кредиту; во вторыхъ, отъ развитія промышленности и народнаго благосостоянія вообще вслѣдствіе правильнаго (а оно непремѣнно было бы такимъ) денежнаго обращенія и развитія кредита, увеличились бы доходы казны; а въ третьихъ, въ случаѣ надобности, правительства заключали бы займы на болѣе легкихъ условіяхъ, нежели нынѣ, при отсутствіи достаточной свободы кредитныхъ учрежденій.

Теперь намъ остается разсмотрѣть мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ кредитнымъ билетамъ чуть ли не всѣ наши экономическія и финансовыя затрудненія. Это и сдѣлаемъ мы въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей статьи, въ слѣдующей книгѣ.

О. Шилль.

О папствѣ.

Насколько богата наша духовная литература изслѣдованіями и трактатами о папствѣ, настолько наша свѣтская печать бѣдна этимъ матеріаломъ. По свойству своей задачи, наши духовные писатели занимались преимущественно изслѣдованіями о незаконности основаній папства вообще, т. е. всемірно-духовной и свѣтской власти папъ, и о борьбѣ латинства съ православіемъ; но папство имѣло огромное значеніе не только въ исторіи развитія христіанства и церкви, но и въ исторіи политическаго и интелектуальнаго развитія человѣчества; оно было свидѣтелемъ всѣхъ историческихъ событій отъ паденія Рима до нашихъ временъ; оно разрушало и создавало монархіи, руководило совѣстью европейскихъ народовъ, ихъ просвѣщеніемъ, наукой и искуствомъ; само по себѣ оно представляетъ явленіе, не имѣющее ничего подобнаго въ исторіи человѣчества, грандіозное по своему внутреннему смыслу, потому что оно во всякомъ случаѣ всегда было силой исключительно-нравственной, управлявшей міромъ посредствомъ духовнаго оружія, и служило средоточіемъ жизни всѣхъ народовъ европейскаго запада; поэтому исторія папства заслуживаетъ болѣе разносторонняго изслѣдованія, чѣмъ труды нашихъ теологовъ.

Какъ ни восторженно встрѣчена была либеральной частью европейскаго общества недавняя попытка итальянскаго патріота низвергнуть ослабѣвшую папскую власть, но этотъ восторгъ и надежда, что человѣчество такъ легко можетъ избавиться отъ тяготѣвшей надъ нимъ столько вѣковъ власти, обнаруживаютъ въ современномъ обществѣ крайнюю несостоятельность къ уразумѣнію исторіи и, главное, къ оцѣнкѣ своихъ нравственныхъ силъ. Папство возникло само

собою и существуетъ съ первыхъ вѣковъ христіанства, подчиняясь общему закону исторіи—закону періодическаго возрастанія и упадка: разсматривая папство, какъ фактъ всемірной исторіи, имѣющій за себя цѣлый рядъ вѣковъ, нельзя допустить, чтобы окончательное паденіе его могло зависѣть отъ революціонной попытки горсти людей, задумавшихъ рѣшить оружіемъ міровой вопросъ и притомъ вопросъ о существованіи учрежденія, относящагося къ духовно-нравственному міру. Папство во всякомъ случаѣ представляетъ вопросъ религіозный, потому что и свѣтская власть папъ имѣетъ свое значеніе и цѣль въ связи съ духовной властью; религіозные же вопросы никогда не рѣшались оружіемъ и мѣстными возстаніями. Что же касается до того, пережило ли папство само себя и исчерпало ли оно всѣ свои внутреннія силы, то этотъ вопросъ разрѣшается уже не исторіей папства и не настоящимъ положеніемъ его, а нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ народовъ, составляющихъ современное европейское общество, и содержаніемъ, развитіемъ и силой современныхъ идей. Жизненность и сила этихъ идей условливаютъ жизненность и силу не только папства, но и другихъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ древняго міра.

Такимъ образомъ внутренніе элементы папства и значеніе его раскроетъ намъ исторія этого учрежденія, а вопросъ о его жизненности и будущія судьбы можно себѣ уяснить лишь посредствомъ холоднаго и безпристрастнаго взгляда на нравственное и умственное состояніе европейскаго общества.

Историческіе матеріалы о папствѣ и литература фактической исторіи этого учрежденія носятъ на себѣ общій характеръ невообразимаго пристрастія и односторонности взглядовъ и стремленій; папство все еще не перестаетъ быть, по прежнему, предметомъ полемики и пропаганды и потому ускользаетъ отъ безпристрастнаго суда исторіи. Несогласимыя противорѣчія не только относительно фактовъ, но и относительно историческихъ документовъ, иногда даже сомнительной подлинности, встрѣчаются на каждомъ шагу въ исторіи папства. Вытекающее отсюда разнообразіе мнѣній, отразившееся на европейскомъ обществѣ, показываетъ, что папство еще далеко не выяснено какъ историческій фактъ и слѣдовательно еще менѣе какъ вопросъ практическій, входящій въ систему современной политики. Напри-

мѣръ въ католической литературѣ, благодаря трудамъ іезуитовъ (¹), довольно распространено историческое ученіе о папствѣ, что первымъ папою былъ Іисусъ Христосъ, „поставленный отъ Бога,“ вторымъ св. Петръ и т. д. до Пія IX; въ одномъ изъ недавно вышедшихъ на французскомъ языкѣ сочиненій исторія папъ начинается со св. Петра. Подобныя ученія, доходящія до массъ, конечно, приносятъ свои неизбѣжные плоды, искажая въ пониманіи народа религіозные предметы до невообразимой степени, такъ напр. въ польскомъ простолюдьи можно встрѣтить убѣжденія, что христіанская вѣра (въ формѣ латинства) потому обязательна, что свентый *„папежъ предписалъ* всѣмъ народамъ *поклоняться Христу.“* Здѣсь уже „папежъ“ становится выше христіанства. Въ религіозныхъ вопросахъ мнѣнія, распространенныя въ массахъ, имѣютъ неоспоримую силу и значеніе; это обстоятельство, конечно, и мѣшаетъ историческому безпристрастію; между тѣмъ папство, какъ религіозный догматъ, только и можетъ имѣть свое основаніе или опроверженіе въ исторіи.

Ученія о папской власти также различны, какъ и историческія мнѣнія о происхожденіи этой власти. Галликанское ученіе (Боссюэтъ) признаетъ папу преемникомъ св. Петра и средоточіемъ христіанства. Папа, по этому ученію, есть глава вселенской церкви, но онъ управляетъ дѣлами церкви не самовластно, а подчиненъ и подсуденъ вселенскимъ соборамъ, за которыми признается непогрѣшность. Это, какъ легко усмотрѣть, форма правленія монархическаго ограниченнаго. Крайніе паписты и іезуиты признаютъ за папой непогрѣшность и *неограниченную* власть надъ церковью; онъ, по ихъ ученію, есть намѣстникъ Христа, получившій отъ него преемственно эту неограниченную власть; вселенскіе соборы затѣмъ суть не болѣе какъ совѣты папъ. Это уже форма правленія вполнѣ аутократическаго. Оба эти ученія однако ни въ чемъ не соглашены съ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства и, противорѣча одно другому, оба имѣютъ противъ себя историческіе документы, доказывающіе, что ни въ самомъ христіанствѣ, ни въ управ-

---

(¹) Summa conciliorum.

леніи церковью въ первые вѣка не было и помину ни о конституціонной, ни объ аутократической формѣ управленія церковью, имѣвшей всегда характеръ республиканскій. По самому своему духу и различію одного отъ другаго, оба означенныя ученія носятъ на себѣ очевидный и несомнѣнный отпечатокъ политическихъ идей, особенно галликанское ученіе, прямо отзывающееся конституціонными идеями восемьнадцатаго вѣка; что же касается до ученія аутократическаго, то оно свойственно всѣмъ умамъ какъ новѣйшей, такъ и древней исторіи; но составляя противоположность другой формѣ, и въ древности извѣстной не менѣе, чѣмъ нынѣ, формѣ республиканской, — оно несогласимо съ духомъ христіанства и противорѣчитъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ о республиканскомъ устройствѣ первобытной христіанской церкви. Такимъ образомъ не будетъ никакой ошибки, если мы, даже прежде нежели коснемся исторіи папства, признаемъ, что оба католическія ученія о папствѣ обнаруживаютъ тенденціозность, весьма похожую на современныя политическія поползновенія и теоретическіе споры о преимуществахъ монархическихъ или республиканскихъ формъ правленія. Исторія, естественно, даетъ матеріалъ для этихъ споровъ, но историческіе факты не служатъ авторитетомъ ни для той, ни для другой стороны собственно въ разрѣшеніи вопроса о преимуществахъ той или другой формы, самый же вопросъ разрѣшается въ теоріяхъ обыкновенно по абсолютнымъ достоинствамъ той или другой формы и по степени согласимости этихъ формъ съ дѣйствительными потребностями той или другой страны въ данное время. Еслибы вопросъ о папствѣ разрѣшался безъ тщетнаго стремленія утвердить основаніе этого учрежденія на авторитетѣ исторіи и св. писанія, то, надо думать, вопросъ этотъ былъ бы выведенъ на такой путь, который не представлялся бы безъисходнымъ. Но не то мы видимъ въ исторіи папства. Ученія о власти папъ, не касаясь нисколько вопроса о томъ, какая форма правленія была бы наиболѣе полезна и соотвѣтственна въ христіанской церкви, лишь подъискиваютъ въ исторіи и въ св. писаніи авторитетныя указанія для подкрѣпленія своихъ замаскированныхъ этимъ способомъ тенденцій. Отсюда и происходитъ несогласимость противорѣчій и невозможность теоретическаго рѣшенія вопроса. На исторической почвѣ, какъ увидимъ

ниже, вопросъ этотъ хотя и уясняется вполнѣ, но извѣстно, что авторитетъ исторіи не усмиряетъ страстныхъ стремленій даже въ дѣлахъ религіи, гдѣ преданіе, завѣщанное древностью, по видимому, всѣ бы желали поддержать. Иные желаютъ поддержать настоящій порядокъ, т. е. папу съ властью турецкаго падишаха, считая свѣтскую власть необходимой принадлежностью духовной; эта форма представляетъ собою крайній абсолютизмъ; другіе желаютъ имѣть въ лицѣ папы конституціоннаго короля церкви, ограниченнаго парламентомъ, предполагаемымъ въ видѣ вселенскихъ соборовъ, оставляя такимъ образомъ папѣ только власть духовную и притомъ ограниченную. Таковъ въ сущности вопросъ о папствѣ, выражающій собою два приведенныя выше католическія ученія.

Будущность папства зависитъ, конечно, только отъ тѣхъ мнѣній, которыя поддерживаются католиками, потому что протестантство и восточная церковь вовсе отрицаютъ папство во всякой формѣ. Іезуитское ученіе о папствѣ заключается въ томъ, чтобы папа былъ неограниченный повелитель вселенской христіанской церкви и столь же неограниченный свѣтскій государь територіи, подвластной папскому престолу, которая, конечно, можетъ увеличиваться чисто-политическимъ процесомъ. Соединяя въ своемъ лицѣ власть свѣтскую и духовную, папа, естественно, возвышается надъ всѣми католическими государями, которые имѣютъ одну лишь свѣтскую власть. Повелѣвая неограниченно умами и совѣстью католическихъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ, власть папы вторгается такимъ образомъ всюду въ дѣла государственныя и гражданскія, потому что всѣ они въ той или другой степени касаются совѣсти и умовъ народовъ и отдѣльныхъ людей. При такомъ порядкѣ власть государей и самостоятельность народовъ неизбѣжно умаляются и, подобно тому, какъ это уже случалось въ средневѣковый періодъ европейской исторіи, могутъ совершенно исчезать передъ папствомъ. Идеалъ такой всепоглощающей власти составляетъ сущность стремленій всей ультрамонтанской клерикальной партіи католичества. Но преобладаніе папы и вмѣшательство его въ политику самостоятельныхъ государствъ встрѣчаютъ сопротивленіе какъ со стороны представителей политической власти, такъ и со стороны общественнаго мнѣнія, хотя сопротивленіе это весьма далеко до отрицанія папской

власти въ ея настоящей формѣ. Дѣло въ томъ, что полное уничтоженіе аутократической власти папъ и ихъ духовнаго авторитета лишало бы тѣхъ изъ государей, которые нуждаются въ посторонней поддержкѣ, не послѣдней помощи въ лицѣ клерикаловъ, въ случаѣ колебанія династическихъ интересовъ и политическаго могущества этихъ государей внутри страны. Таковы напримѣръ въ настоящее время отношенія императора Наполеона III и королевы испанской къ папѣ. И тотъ и другая нуждаются въ поддержкѣ и имѣютъ ее отъ многочисленной и сильной по своему вліянію на массы партіи духовенства, въ особенности отъ іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Въ свою очередь оба эти государя поддерживаютъ власть и авторитетъ папы и, вѣроятно, будутъ поддерживать до послѣдней возможности. Когда нужно бываетъ ослабить папскій авторитетъ и не допустить обнародованіе какого нибудь непріятнаго манифеста папы, императоръ Наполеонъ III склоняется обыкновенно на сторону противниковъ папы; когда же нужно поддержать папу, онъ обращается къ клерикаламъ. Такимъ образомъ является сложная, но ясная для всѣхъ, система общей солидарности между партіями и правительствомъ Франціи и папою, который служитъ центромъ тяжести въ этой системѣ. Вліяніе папы на политику Франціи ограничивается прежде всего его безсиліемъ, хотя по праву вліяніе это ему принадлежитъ, какъ верховному и неограниченному правителю католической церкви и всей ея паствы, признаваемому таковымъ de jure Франціей, ея императоромъ и всѣмъ католическимъ міромъ; но кромѣ собственнаго безсилія папы существуютъ еще конкордаты, которые заключаются съ нимъ, какъ со свѣтскимъ государемъ, что открываетъ ему доступъ даже въ страны не-католическія. Система эта представляетъ рѣдкое явленіе, гдѣ и волки сыты, и овцы цѣлы. Поэтому система эта поддерживалась въ теченіе вѣковъ и поддерживается передъ нашими глазами. Въ исторіи папства замѣчается лишь перемѣна отношеній между сторонами, т. е. иногда папы усиливали свое вліяніе на католическія государства до преобладанія надъ ними, а иногда униженно искали въ нихъ поддержки своего существованія; но до полнаго паденія папство никогда допускаемо не было. Соблюденіе равновѣсія между папствомъ и самостоятельностью католическихъ на-

родовъ составляетъ ту политическую задачу, которую приняла на себя Франція. Что же касается до общественнаго мнѣнія католическихъ народовъ, то, не смотря на безсиліе папъ, народы привыкли признавать въ ихъ авторитетѣ нѣкоторый противовѣсъ государственной власти, такъ что всякій католическій государь, даже неограниченный, до извѣстной степени всегда бываетъ ограниченъ, хотя номинальной, но по принципу громадной властью папы: папа не какъ юридическое лице, а какъ религіозный принципъ, какъ духовно-нравственная сила, всегда имѣетъ большее или меньшее значеніе въ каждой католической странѣ, управленіе же церковными дѣлами, всегда соприкасающимися съ политикой, и духовная юрисдикція по неопровергаемому праву считается за папой; слѣдовательно свѣтскій государь католической страны, какой бы неограниченной властью онъ не былъ снабженъ, не можетъ не чувствовать надъ собою авторитета, значительно сдерживающаго и всегда дѣйствующаго какъ-бы тайно, потому что авторитетъ этотъ имѣетъ дѣло съ умами и совѣстью подданныхъ свѣтскаго государя. Хотя современные народы начали болѣе разсчитывать и надѣяться на свои собственныя нравственныя силы, чѣмъ на авторитетъ папы, но при разрѣшеніи вопроса о папствѣ нельзя упускать изъ виду проведенной здѣсь черты, условливающей значеніе папства въ средѣ католическаго міра.

Другое ученіе, галликанское, отвергая догматъ непогрѣшимости папъ и свѣтскую власть, ограничивается тѣмъ, чтобы папа, какъ преемникъ св. Петра, сдѣлался средоточіемъ христіанства и управлялъ дѣлами церкви, находясь въ зависимости отъ вселенскихъ соборовъ, которые, по этому ученію, суть непогрѣшимы и вправѣ судить и низлагать папу. Если бы ожидаемая реформа папства совершилась въ смыслѣ галликанскаго ученія, то это было бы громаднымъ переворотомъ не только въ исторіи христіанской церкви, но и въ политической исторіи Европы. Религіозная сфера вообще, обнимая собою высшія отправленія человѣческаго духа, тѣмъ самымъ захватываетъ въ свое вѣденіе сферу идей и нравственности народовъ, почему религіозныя идеи и вопросы имѣли и имѣютъ понынѣ такое огромное вліяніе на политическую исторію. Высшая власть по дѣламъ совѣсти и церковной администраціи съ рефор-

мой папства была бы перенесена на вселенскіе соборы — учрежденіе собирательное и колегіальное, слѣдовательно чуждое личныхъ страстей и недостатковъ. Эту новую власть, вообще совпадающую по своему характеру съ новѣйшими идеями и стремленіями, католическіе народы, несомнѣнно, встрѣтили бы съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ. Въ церкви явилось бы кромѣ преданія и живое начало обновленія, а католическая догматика—нельзя сказать, чтобы не нуждалась въ подобномъ освѣженіи послѣ средневѣковыхъ схоластическихъ толкованій и послѣ всего того, что введено было въ разное время папами подъ вліяніемъ личныхъ страстей и политическихъ разсчетовъ. Вліяніе соборнаго законодательства и управленія дѣлами церкви на политику, конечно, было бы не то, что нынѣ; вліяніе это должно бы было усилиться, потому что съ соборнымъ посланіемъ и положеніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя бы было ни одному католическому правительству обходиться такъ, какъ напримѣръ они обходятся съ энцикликами Пія IX. Неизбѣжное паденіе свѣтской власти въ католическихъ государствахъ, при современномъ направленіи идей, не могло бы не вызвать сочувствія къ соборному авторитету какъ къ исходной точкѣ ослабленія папской власти, для ограниченія которой народы потратили уже и, можетъ быть, еще потратятъ такъ много безплодныхъ усилій. Папство и въ настоящее время, не смотря на свою слабость, играетъ роль силы, раздѣляющей христіанскій міръ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи на три враждебныя и непримиримыя фракціи; эта раздѣльность замѣчается и въ политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ народовъ. Вселенскіе соборы, подобно древнимъ, могли бы быть рѣшителями спорныхъ вопросовъ въ догматикѣ и вообще въ управленіи дѣлами совѣсти и тѣмъ уничтожить религіозный и политическій антагонизмъ между народами. Но между идеалами и осуществленіемъ ихъ, какъ извѣстно, лежитъ цѣлая бездна. Кому кромѣ самой малочисленной, хотя и самой нравственной части католической популяціи Европы, можетъ благопріятствовать реформа папства въ смыслѣ галликанскаго ученія о немъ? Правительства, какъ напримѣръ австрійское, испанское и французское, развѣ способны пожертвовать въ пользу нравственныхъ и религіозныхъ интересовъ народовъ своими политическими и династиче-

скими выгодами? Развѣ способна іезуитская и вообще ультра-клерикальная партія потерять свое настоящее право на развратъ, честолюбіе и обогащеніе? Вѣдь вселенскіе соборы иначе направятъ католическое духовенство, нежели безсильные папы, при которыхъ разные монашескіе ордена и вообще все католическое духовенство подъ личиной своей покорности папскому престолу въ дѣйствительности не имѣютъ надъ собою никакой дисциплинарной власти, ни закона. Наконецъ аристократія всегда цѣнила папство, какъ опору своихъ привилегій и средство держать народъ въ невѣжествѣ; она не перерождается, слѣдовательно остается неизмѣнной и ея традиціонная политика въ отношеніи папства. Даже представляется вопросомъ, будутъ ли не-католическія правительства защищать реформу? Протестантъ Гизо находитъ же основаніе защищать папство въ интересахъ протестантства. Дѣйствительно, папство роняетъ католическую церковь и тѣмъ способствуетъ протестантскому прозелитизму, съ реформой же можно ожидать совершенно противоположныхъ послѣдствій. Даже антирелигіозная партія, навѣрное, не желаетъ реформы, потому что, благодаря папству, католическія церкви пустѣютъ, особенно въ Парижѣ, и религіозный элементъ удерживается лишь въ массахъ, въ формѣ самаго грубаго фанатизма и суевѣрія.

И такъ у папства оказывается гораздо болѣе друзей, нежели враговъ и притомъ друзей могущественныхъ, какъ численностію, такъ и авторитетомъ власти и силы.

Въ совершенной противоположности съ ученіями о папствѣ находятся теологическія мнѣнія объ іерархіи протестантской и православной. Протестантство, опровергая всякую высшую законодательную и административную власть въ дѣлахъ церкви, тѣмъ самымъ отвергаетъ всецѣло и папство; православное же ученіе объ іерархіи признаетъ за римскимъ папою лишь его мѣстную епископскую власть, равную съ властію другихъ епископовъ, самое же епископство, по православному ученію, также какъ и власть архіепископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, *не есть учрежденіе, имѣющее божественное происхожденіе, а лишь установленіе, вызванное обстоятельствами своего времени и при содѣйствіи и настояніи свѣтской власти утвержденное собора-*

*

ми. Православіе вообще не признаетъ никакого видимаго главы христіанской церкви и слѣдовательно не признаетъ за папою ни главенства, ни непогрѣшимости, ни власти, превышающей обыкновенную епископскую. Согласно этому ученію, православная часть христіанства естественно можетъ желать лишь того, чтобы значеніе папы было низведено до степени простаго римскаго епископа, равнаго по власти съ такими же другими іерархами церкви.

Обращаемся затѣмъ къ фактической исторіи папства, которая объяснитъ намъ судьбы этого учрежденія, т. е. его возникновеніе, возрожденіе и упадокъ, его сущность и развитіе въ самомъ себѣ, какъ въ духовномъ, такъ и политическомъ отношеніяхъ.

Въ церковной исторіи, которая только и можетъ служить разъясненіемъ спорнаго вопроса о происхожденіи папства, не содержится никакихъ ясныхъ доказательствъ того, чтобы рѣшенія епископа, называемыя со временъ апостольскихъ *папами* (отцами), признаваемы были церквами другихъ областей по власти выше другихъ епископовъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе изучаются и раскрываются историческіе документы, относящіеся къ событіямъ первыхъ вѣковъ христіанства, тѣмъ становится яснѣе, что первобытная христіанская церковь имѣла чисто-республиканское устройство: каждая церковь пользовалась одинаковой со всѣми другими автономіей и независимостью; сношенія между собою церквей по предметамъ вѣроученія и по другимъ дѣламъ, касающимся церковнаго управленія, производились въ видѣ посланій, причемъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы римская церковь обнаруживала свою *власть* надъ другими; на соборахъ, точно также представители церквей, въ томъ числѣ и римской, пользовались одинаковыми правами. Но римская церковь и епископъ римскій, находясь въ столицѣ тогдашняго міра, въ центрѣ всемірной цивилизаціи, въ Римѣ, который былъ средоточіемъ мірской власти, достигшей до крайнихъ предѣловъ могущества, блеска и силы, естественно имѣли первенствующее значеніе *не по праву*, а просто по силѣ обстоятельствъ; отсюда прямымъ послѣдствіемъ было то, что римскіе епископы, сознавая свое фактическое и какъ бы первенствующее вліяніе передъ другими епископами на дѣлѣ, по своему случайному значенію, начали по преданію, по привычкѣ къ своей первенствующей роли поддерживать эти вліянія, хотя изъ историческихъ свидѣтельствъ видно, что одни папы,

признавая неотъемлемымъ свое первенство, стремились удержать его за собою, не подчиняясь соборнымъ рѣшеніямъ, а другіе наоборотъ оставили письменныя доказательства того, что считали себя по власти равными со всѣми прочими. Отсюда вытекаетъ нѣкоторая сбивчивость свидѣтельствъ, по которымъ иногда первоначальные папы стоятъ выше другихъ епископовъ, а иногда равенство ихъ передъ другими представляется съ несомнѣнной очевидностію. Одно лишь безусловно вѣрно, что въ первые вѣка христіанства не было никакого постановленія ни духовнаго, ни свѣтскаго, которое *узаконило*-бы первенствующую власть папъ и такимъ образомъ давало бы этому учрежденію начало въ древнемъ каноническомъ правѣ. Поэтому ультра-католическія ссылки на авторитеты исторіи ограничиваются лишь толкованіями документовъ и событій, безъ сличенія ихъ съ другими и безъ критики, и такимъ же изъясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія, которое по идеѣ противорѣчитъ христіанству. На посланіи римской церкви къ коринѳской, во время папы Климента (въ концѣ перваго вѣка), паписты основываютъ свой взглядъ, что римская церковь и римскіе епископы всегда первенствовали; но это доказательство разрушается такими же посланіями другихъ церквей (какъ напр. александрійской), адресованными между прочимъ и къ церкви римской; точно также посланія мѣстныхъ епископскихъ соборовъ составляли всеобщій обычай, которымъ не было присвоиваемо первенства ни одной изъ древнихъ церквей; притомъ обычай соборныхъ посланій допускалъ возможностъ сношеній каждой церкви съ прочими не только по дѣламъ той церкви, которая предпринимала сношеніе, но и по дѣламъ и вопросамъ, возникшимъ во всякой другой, такъ что обсужденіе предметовъ вѣроученія и установлявшихся въ каждой церкви обычаевъ было общимъ достояніемъ всѣхъ церквей вообще и каждой въ особенности. Необыкновенная жизнь и движеніе въ первые вѣка христіанства именно обязаны были той истинно-высокой и республиканской формѣ церковнаго устройства. Иниціатива въ возбужденіи всякаго вопроса по дѣламъ вѣры и управленія принадлежала, какъ мы видимъ, каждой церкви, разрѣшеніе же вопроса принадлежало соборному соединенію всѣхъ церквей. При такомъ порядкѣ само собою ясно, ни римскій, ни какой либо другой епископъ не могъ получить власть высшую противъ другихъ; но пер-

венствующее положеніе римской церкви и болѣе или менѣе близкія отношенія римскихъ епископовъ къ римскимъ императорамъ, повелѣвавшимъ всѣмъ міромъ, извѣстнымъ въ то время Риму, не могли съ другой стороны не внушить римскимъ епископамъ честолюбивыхъ стремленій къ власти надъ церквами другихъ областей, подвластныхъ римской имперіи; и дѣйствительно, есть доказательства, что римскіе епископы дѣлали попытки еще въ началѣ втораго вѣка превысить епископскую власть, простирая свою юрисдикцію на равныхъ себѣ; такъ напримѣръ епископъ римскій Викторъ объявилъ отлученными отъ церкви ефескаго епископа Поликрата и всѣ асирійскія церкви за то, что они не были согласны съ римскою церковью относительно празднованія пасхи. Но отлученіе это, какъ свидѣтельствуетъ общепризнанный авторитетъ церковной исторіи Евсевій, не было приведено въ исполненіе и вызвало возраженіе со стороны всѣхъ другихъ епископовъ, въ особенности же со стороны Поликрата и полемическія посланія, отвергавшія всякое право Виктора на отлученіе, а это доказываетъ, что за папой никто не считалъ права на отлученіе и попытку его на это признали превышеніемъ власти. Нѣтъ сомнѣнія, что республиканское устройство первоначальной христіанской церкви было контрастомъ римской идеѣ, выражавшей себя въ безусловной централизаціи, и чѣмъ сложнѣе дѣлалось управленіе дѣлами церкви, тѣмъ болѣе идеи централизаціи и зависимости начали проникать въ церковную администрацію. Римская церковь, въ силу весьма многихъ политическихъ и этнографическихъ обстоятельствъ, скоро начала пріобрѣтать первенство; развитіе ученія и церковнаго управленія, конечно, не могло совершаться одинаково быстро и сильно во всѣхъ областяхъ римской имперіи; Римъ долженъ былъ получить перевѣсъ, и отвергать тотъ фактъ, что римская церковь первенствовала въ теченіе первыхъ вѣковъ, нѣтъ никакого основанія; но изъ первенства церкви не вытекаетъ еще главенства папъ и верховной власти римскаго епископа надъ другими ему подобными. Приведемъ примѣръ изъ послѣдняго времени: Кіевъ, Москва и теперь Петербургъ были поочередно главнѣйшими государственными центрами Россіи; столичные митрополиты всегда имѣли первенствующее значеніе, но могло-ли бы это дать имъ право на первенствующую власть, право повелѣвать одному надъ остальными? Въ церковной исторіи находится весьма

много свидѣтельствъ, что каждый разъ, какъ скоро нарушалось въ чемъ либо равенство власти между епископами, тотчасъ возникали сильные протесты, опроверженія; даже были нетерпимы титулы, намекающіе на власть, какъ напр. *епископъ епископовъ* или *вселенскій епископъ.* Когда константинопольскимъ патріархамъ начали давать титулъ „вселенскаго патріарха“, то римскій папа Григорій въ VI вѣкѣ защищалъ равенство власти въ слѣдующихъ словахъ: „Если св. апостолъ Павелъ не хотѣлъ, чтобы члены Христова тѣла подвластны были кромѣ Христа какимъ нибудь особымъ главамъ, хотя бы то были апостолы, то какой ты дашь отвѣтъ въ послѣдній судный день Христу, т. е. главѣ всей церкви,—какой дашь отвѣтъ ты, который названіемъ вселенскаго стараешься подчинить своей власти всѣ его члены?“ Изъ этого видно, что всякое превышеніе власти римскими епископами или папами было лишь дѣломъ личнаго честолюбія каждаго изъ нихъ, а не правомъ, не убѣжденіемъ и даже не преданіемъ; потому что римскій же папа, послѣ того какъ многіе изъ его предшественниковъ дѣлали попытки къ превышенію власти, отрицаетъ даже простой титулъ, отрицаетъ простое первенство и объясняетъ это преимущество титула, какъ грѣхъ, какъ фактъ, противорѣчащій христіанству.

Если церковная исторія показываетъ намъ, что папство не было узаконено въ первые вѣка христіанства и что первоначальное устройство христіанской церкви отвергло преимущество власти и въ принципѣ и въ фактѣ, то исторія политическая указываетъ намъ условія времени и политическія обстоятельства, при которыхъ папство возникло со всѣми его принципами, какъ явленіе естественное и неизбѣжное, и развилось изъ самаго себя.

Въ исторіи папства, какъ учрежденія, превратившагося изъ административной формы въ форму религіознаго ученія, весьма важно то убѣжденіе, что первенствующая власть римскаго епископа получила свое начало *единственно* въ политическихъ событіяхъ, помимо всякаго авторитета церковнаго преданія и устава.

Христіанское ученіе, распространяясь между народами, подвластными Риму, принимаемо было первоначально въ идеѣ и было несокрушимой нравственной силой; ограничиваясь завоеваніями нравственнаго міра, христіанство пасивно уничтожало весь строй римской го-

сударственной и общественной формы; новое ученіе въ первое время не представляло никакой организаціи, въ чемъ бы то ни было напоминающей римскую; проповѣдь и молитва были единственнымъ общественнымъ культомъ первыхъ христіанъ; но когда позже возникли церкви съ особой организованной іерархіей и когда ученіе, передаваемое уже неизустно апостолами, а послѣдователями ученія, начало возбуждать различные вопросы философскіе, каноническіе и церковно-административные, то понадобилась власть, которая могла бы соглашать и разрѣшать противорѣчія и несогласія. Власть эта, оставаясь за соборами, была властью лишь нравственнаго и умственнаго авторитета, подобно тому какъ и ученіе, для проповѣдыванія котораго возникла церковь, ограничивалось духовнымъ міромъ человѣка, оставаясь чуждымъ интересовъ политической жизни. Соборы не были ни судилищемъ, ни административнымъ конгресомъ; они произносили свои мнѣнія по возникавшимъ вопросамъ и сомнѣніямъ и сообщали его въ видѣ посланій другимъ соборнымъ центрамъ юной церкви; но ни законодательной, ни исполнительной власти не было ни у церквей, ни у соборовъ, ни у лицъ церковной іерархіи. Вся ихъ власть ограничивалась толкованіемъ, увѣщеваніемъ, совѣтомъ и осужденіемъ. Чѣмъ сильнѣе распространялось христіанство, тѣмъ болѣе прибывало въ среду новаго общества элементовъ, чуждыхъ ему по духу и слабо проникнутыхъ идеей новаго ученія. Римляне не могли не вносить съ собою идей и духа чисто римскихъ, т. е. идей централизаціи, безусловной власти, подчиненія, интердиктовъ, гоненій, нетерпимости и наказаній. Масса, конечно, не могла вдругъ отрѣшиться отъ формы, которая, по видимому, и не противорѣчила христіанству, потому что оно не давало въ осязательныхъ чертахъ никакого новаго идеала политическаго и общественнаго устройства; а видѣть глубокое противорѣчіе между идеей христіанской свободы и абсолютнымъ римскимъ рабствомъ могли въ то время развѣ весьма немногіе изъ христіанъ. Могло ли при такомъ состояніи идей удержаться независимость и равенство церквей между собою; могла ли удержаться неприкосновенной нравственная индивидуальная свобода человѣка, свобода его совѣсти, его разума? Идеи христіанства возстановляли огрубѣвшую совѣсть и возвышали разумъ до отвлеченнаго мышленія. Свободно созрѣвавшая вѣра и сво-

бодное убѣжденіе человѣка были тѣми широкими путями, по которымъ христіанство проникало въ міръ; первоначальная церковь и соборы начали свое дѣло именно съ того, что обращались къ совѣсти и разуму тѣхъ изъ своихъ членовъ, кого приходилось въ чемъ либо вразумлять. Но могъ ли римлянинъ ограничиться совѣтомъ или убѣжденіемъ, когда можно было употребить прямое личное вліяніе, когда нѣкоторая зависимость, какъ напр. зависимость провинціи отъ столицы, представляла возможность властвовать авторитетомъ первенства, вліянія, вытекающаго изъ болѣе или менѣе близкаго сношенія съ государственной властью и т. п. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить *попытки* римскихъ епископовъ отлучать отъ общенія съ церковью провинціальныхъ епископовъ и посланія ихъ къ епископамъ и соборамъ, нерѣдко надменныя, похожія болѣе на предписанія, на указы, чѣмъ на братскіе совѣты и увѣщанія. Чѣмъ болѣе возбуждалось недоразумѣній и вопросовъ въ дѣлахъ церкви, тѣмъ болѣе представлялся необходимымъ и естественнымъ авторитетъ римскихъ епископовъ, и вмѣсто совѣтовъ и увѣщаній, по римской привычкѣ, хотѣли опредѣленнаго закона въ видимой и строго выработанной формѣ. Отношенія епископовъ къ императорамъ, иногда оканчивавшіяся мученической смертью первыхъ, а иногда благоволѣніемъ послѣднихъ, естественно, возвысили въ глазахъ христіанъ самую должность римскаго епископа. По отношенію къ императорамъ папы были представителями христіанства. Все это вытекало изъ самыхъ обстоятельствъ времени и, конечно, казалось вполнѣ законнымъ и необходимымъ, особенно когда представительство папы передъ властью имѣло своимъ результатомъ какія либо льготы для христіанъ.

Такимъ образомъ въ самой почвѣ, на которую упало христіанство, были сѣмена *личнаго авторитета* и затѣмъ централизаціи въ управленіи дѣлами церкви. Римскія идеи и обстоятельства времени вызывали такую форму церковной администраціи, гдѣ власть была бы центральна, слѣдовательно едина, и была бы источникомъ закона и самаго исполненія его. Однимъ словомъ, на римской почвѣ что могло возникнуть кромѣ *цезарей*, которые, начавъ съ единой и нераздѣльной власти, сдѣлались наконецъ и предметомъ поклоненія своихъ подданныхъ, т. е. богами? И изъ римскаго епи-

скопа сдѣлался сначала цезарь духовный, потомъ, какъ увидимъ, духовный и свѣтскій и наконецъ единый и всемогущій представитель божества, вмѣщающій въ себѣ всяческій авторитетъ.

Мы видѣли начало возникновенія авторитета римскаго папы, но лишь авторитета духовнаго, признаннаго въ силу установившагося обычая и подъ вліяніемъ обстоятельствъ, хотя ничѣмъ не узаконеннаго и никѣмъ не поддержаннаго сознательно. Точно такимъ же образомъ возникъ свѣтскій авторитетъ папъ, проявленіе котораго относится къ началу IV вѣка.

Гоненіе и преслѣдованіе христіанъ римскими императорами продолжалось до Константина, который (въ 311 г.) является напротивъ покровителемъ и защитникомъ новой религіи. Въ это время христіанъ было уже такъ много, что дальнѣйшее гоненіе ихъ не было безопасно для самихъ гонителей; по крайней мѣрѣ, императоръ Константинъ нашелъ необходимымъ привлечь на свою сторону христіанъ уже для охраненія своей власти, которой угрожала опасность отъ его соправителей. Въ христіанахъ онъ нашелъ сильную партію, они начали наполнять ряды императорскаго войска и доставили полную побѣду Константину, сдѣлавшемуся (въ 324 г.) единодержавнымъ императоромъ. Онъ съ своей стороны велѣлъ выдавать изъ казны жалованье проповѣдникамъ христіанскаго ученія. Это былъ *первый* бракъ христіанства съ имперіей. Въ 325 г. мы видимъ уже императора созывателемъ перваго вселенскаго собора въ Никеѣ для устраненія разногласій въ дѣлахъ вѣры. Во время Константина представитель христіанства при дворѣ, римскій папа, естественно, получаетъ и политическое значеніе; онъ предоставляетъ христіанамъ правительственныя должности въ провинціяхъ посредствомъ протекціи у императора; самъ является совѣтникомъ императора и представителемъ могущественной партіи, получившей огромное государственное значеніе; церковь получаетъ собственность и вторгается въ магистратуру.

Въ этихъ отношеніяхъ кроется зародышъ свѣтской власти папъ.

Съ перенесеніемъ столицы имперіи въ Византію (330 г.), Римъ, хотя и потерялъ свое значеніе въ политическомъ отношеніи, но въ немъ оставался возвысившійся въ духовномъ и свѣтскомъ отношеніи епископъ; одинъ, за отсутствіемъ двора и центральныхъ правитель-

ственныхъ учрежденій, римскій папа сдѣлался въ западной половинѣ имперіи центромъ не только духовной жизни, но и политической, насколько роль его имѣла вообще политическое значеніе.

Здѣсь мы должны привести слѣдующее постановленіе никейскаго собора: „да держатся древніе обычаи, сущіе въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, дабы надъ всѣми ими власть имѣлъ александрійскій епископъ, ибо и римскому епископу сіе обычно.“ Изъ этого видно, что Соборъ считалъ александрійскаго епископа равнымъ римскому.

На константинопольскомъ соборѣ постановлено: константинопольскому епископу имѣть старѣйшинство *чести* по римскомъ епископѣ, ибо Новый Римъ (Византія) есть столица государства. И изъ этого постановленія видно, что римскій епископъ, хотя и признавался первымъ по старшинству чести, не былъ снабженъ никакой особой властью надъ другими епископами.

Но не смотря на соборныя правила, духовный авторитетъ римскаго папы возвышался *по повельніямъ императоровъ* до безусловнаго повиновенія въ дѣлахъ вѣры. Такъ напр. Валентиніанъ III запретилъ епископамъ Галліи и другихъ провинцій отступать отъ прежнихъ обычаевъ безъ согласія „папы святаго града.“

Паденіе западной римской имперіи (476 г.) и нашествіе германцевъ сдѣлалось новымъ фазисомъ возвышенія римскихъ папъ. Полудикіе пришельцы, разрушая государство, преклонились передъ духовной властью, передъ христіанствомъ, представителей которыхъ видѣли въ лицѣ папы. Народъ видѣлъ въ папѣ неприкосновеннаго посредника между побѣдителями и побѣжденными. Одоакръ, основавъ свое государство въ Италіи, оставилъ нетронутою посреди завоеванныхъ владѣній римскую республику со столицей, Римомъ, который былъ въ глазахъ пришельцевъ святымъ городомъ, потому что въ немъ жилъ представитель христіанства.

Въ это время свѣтская власть во всемъ ея объемѣ принадлежала папамъ de facto; завоеватели не рѣшились отнять у папъ ихъ значенія, напротивъ поставили ихъ выше императорской власти, которой не пощадили. Затѣмъ папамъ ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлаться неограниченными государями, потому что въ противномъ случаѣ имъ приходилось сдѣлаться подданными римскаго муниципалитета, или греческой имперіи, чего, конечно, нельзя было и ожидать

при естественномъ и постоянномъ стремленіи папъ избавиться вообще отъ опеки и зависимости политическихъ властей.

Отъ папъ зависѣло удержать то значеніе, которое они получили подъ вліяніемъ обстоятельствъ и они долго поддерживали свою власть, съ большими усиліями, ловкой политикой, опираясь на народъ и правительства, смѣнившія собою западную Римскую имперію. Въ началѣ VIII-го вѣка папы находились однако въ опасности отъ имперіи константинопольской, отъ лонгобардовъ и отъ разлива магометанства въ лицѣ аравитянъ; но въ это опасное время папы нашли новую опору въ соединеніи съ французской монархіей. Опору эту можно считать исходной точкой всей дальнѣйшей исторіи папства и его развитія.

Въ связи съ Франціей папство выступаетъ на европейскую сцену и начинаетъ развивать свое могущество уже внѣ Италіи. Съ этого собственно времени опредѣляется настоящая политическая роль папства. Весь же періодъ исторіи этого учрежденія, предшествовавшій сближенію съ Франціей, можно назвать періодомъ подготовительнымъ, хотя самые важные вопросы, именно объ отношеніяхъ христіанства къ власти и о правахъ и формѣ церковнаго управленія, рѣшены были въ этотъ періодъ.

Христіанство въ этотъ рядъ вѣковъ прошло чрезъ нѣсколько фазисовъ своего развитія, или, лучше сказать, чрезъ тѣ неизбѣжныя условія, при которыхъ оно могло войти въ жизнь народовъ, оттѣсняя постепенно и измѣняя древнія формы жизни.

Государство и религія у римлянъ были нераздѣльны; христіанство же отдѣлило религію отъ государства и притомъ возвысило религію надъ государствомъ, также какъ вообще дало перевѣсъ духу надъ матеріей. Въ первое время христіанство не имѣло ничего общаго съ государствомъ и было ему враждебно; съ возникновеніемъ папства въ христіанствѣ возникаетъ форма, имѣющая государственную форму; съ принятіемъ христіанской религіи Константиномъ христіане дѣлаются политической партіей, а церковь *впервые* соединяется съ государствомъ и дѣлается ему подчиненной, образуя притомъ нѣкоторое status in statu, тѣмъ болѣе, что церковная іерархія обособилась отъ народа и управлялась своими собственными законами. Съ паденіемъ западной римской имперіи и съ пріобрѣтеніемъ папами

свѣтской власти христіанство уже вмѣщаетъ въ себѣ государство, т. е. представляетъ древнюю форму соединенія религіи и государства. Это совпаденіе двухъ властей даетъ возможность папству расширить свое поприще: соединеніе папства съ французской монархіей, вызванное возвышеніемъ духовнаго авторитета церкви имѣли послѣдствіемъ то, что церковь, удерживая въ себѣ религію и государство только въ ограниченной мѣстности — въ Италіи, сначала соединяется съ государственной властью внѣ своей іерархіи, потомъ вступаетъ съ ней въ борьбу и то подчиняетъ себѣ государство, то становится отъ него въ зависимость. Это колебаніе мы увидимъ въ историческихъ событіяхъ, начиная со второй половины VIII-го вѣка.

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ*)

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Государство и его предѣлы въ связи съ современными вопросами администраціи, законодательства и политики. Э. Лабуле.

Всѣ современныя идеи, не перестающія волновать европейское общество, сводятся на вопросъ, поставленный авторомъ въ названномъ сочиненіи. По понятіямъ, очищеннымъ строгой критикой и провѣреннымъ исторіей, *свобода* находится въ самой незначительной зависимости отъ формы общественнаго устройства: демократическая республика съ верховной властью народа точно также можетъ угнетать личность, какъ угнетала ее напримѣръ римская имперія; формы общественнаго устройства отличаются лишь одна отъ другой не болѣе какъ степенью легальности и гарантіи для охраненія установившагося порядка, свобода же общественная опирается единственно на свободѣ личности и измѣряется степенью свободы, предоставляемой обществомъ человѣческой личности. Опредѣлить отношенія между государствомъ и обществомъ съ одной стороны и личностью съ другой составляетъ самый важный и существенный вопросъ современной соціологіи; вопросомъ этимъ заняты лучшіе умы нашего времени, и всѣ усилія современной мысли, раздробляющейся на различные, отдѣльные вопросы политики и общественныхъ реформъ, въ сущности направлены къ тому, чтобы разрѣшить теоретически вопросъ о томъ, гдѣ человѣческая личность не должна имѣть надъ собою никакой власти, т. е. быть вполнѣ свободной, и гдѣ затѣмъ оканчивается власть государства и общества надъ личностью. Знаменитый трактатъ Д. С. Милля о *свободѣ* посвященъ именно этому вопросу, поставленному на отвлеченную философскую почву; сочиненіе же Лабуле касается уже практическихъ сторонъ вопроса. Интересъ и важность предмета заставляютъ насъ обратиться къ подробностямъ.

Авторъ начинаетъ свое разсужденіе главой *о вліяніи идей на судьбу народа*. Предметъ этотъ особенно важенъ по отношенію къ русскому обществу, одна часть котораго, какъ извѣстно, не вѣритъ и не понимаетъ значенія идей, другая, напротивъ, признаетъ только тѣ идеи, которыя ей нравятся и которыя она признаетъ истинными; эта послѣдняя часть общества такимъ образомъ не признаетъ силы идей вообще, потому что допускаетъ какой-то выборъ ихъ, между тѣмъ какъ идея вовсе не есть нѣчто произвольное, почему ни отвергать общаго значенія идей, ни сортировать ихъ и выбирать какъ товаръ — нельзя. Идеи раждаются также послѣдовательно и преемственно какъ факты, съ той разницей, что факты относятся къ міру вещественному, практическому, а идеи, составляя душу и двигательную силу этихъ фактовъ, обозначаютъ себя явленіями нравственнаго и умственнаго міра. Подъ идеями разумѣются концентрированныя понятія религіозныя, экономическія, политическія и нравственныя, дѣйствующія на индивидуумъ, общество и государство. Есть школа, не признающая силы идей; она объясняетъ весь рядъ исторіи лишь движеніемъ человѣческихъ страстей и борьбой людей между собою за вещественные интересы; но подобный взглядъ можетъ быть только объясняемъ крайнимъ тупоуміемъ и полнѣйшимъ невѣжествомъ людей, придерживающихся подобныхъ воззрѣній. Движеніе идей до такой степени осязательно въ исторіи человѣчества и всякаго отдѣльнаго народа, что всякое доказательство того, что политическая и общественная жизнь приводится въ движеніе идеями, дѣлается лишнимъ. Въ объясненіи даже всякаго отдѣльнаго факта всегда можно найти присутствіе общей руководящей идеи, свойственной извѣстному времени и народу. Всякое измѣненіе въ идеяхъ влечетъ за собою измѣненіе всѣхъ нравственныхъ понятій, которыя въ свою очередь пересоздаютъ весь внѣшній порядокъ жизни. Міръ живетъ и обновляется идеями. Восемьнадцатый вѣкъ внесъ двѣ великія идеи, которыхъ не знало прежнее время, это *терпимость* и *гуманность*; первая остановила кровавыя гоненія XVII ст., прекратила кровопролитныя войны; вторая отразилась на уголовномъ правѣ, общественномъ призрѣніи и общественныхъ отношеніяхъ. Идеи девятнадцатаго вѣка суть: *прогресъ*, *трудъ*, *и личная свобода*; онѣ отразились на всѣхъ понятіяхъ: въ средніе вѣка вѣрили, что родъ человѣческій вырождается и скоро конецъ міру, почему и имѣнія завѣщали въ пользу церквей, нынѣ напротивъ не видятъ конца совершенствованію че-

ловѣка; это новое понятіе преобразовало политику; изъ идеи о вырожденіи рода человѣческаго неизбѣжно вытекала система отеческаго управленія; всякій прогресъ казался опаснымъ, потому что впереди лишь зло, а добро назади, слѣдовательно самое лучшее—остановиться или даже вернуться назадъ; въ средніе вѣка постоянно взывали къ преданію, къ прошлому; теперь напротивъ вѣра въ прогресивное развитіе истины и правды разбила авторитетъ преданія, оставивъ его не болѣе какъ для справокъ.

Другая идея—идея труда произвела въ нашемъ столѣтіи также великій переворотъ; она еще новѣе идеи прогреса. Прежде трудъ считался обязанностью рабовъ, теперь онъ считается первой обязанностью всякаго человѣка и приноситъ ему честь и славу; хотя это убѣжденіе и имѣетъ еще противъ себя повсюду значительную партію, предпочитающую труду тунеядство, но голосъ этой партіи не смѣетъ звучать публично, что служитъ доказательствомъ преобладанія надъ умами новой идеи о трудѣ. Уваженіе къ труду измѣняетъ взглядъ не только на житейскую, но и на государственную экономію.

Третьей идеей, новѣйшей двухъ предъидущихъ, авторъ называетъ идею о государствѣ, которая возникла какъ послѣдствіе идей о прогресѣ и трудѣ. Государство обратилось въ наше время въ вопросъ; современное поколѣніе спрашиваетъ себя, имѣетъ-ли государство предѣлы? Представляетъ-ли власть общественная сумму *всѣхъ* частныхъ интересовъ страны, или же она есть только магистратура ограниченная, имѣющая извѣстный кругъ дѣйствій?

Говоря о Франціи, авторъ выражаетъ о свободѣ мнѣнія, раздѣляемыя весьма многими: «Вообще есть много очень почтенныхъ людей, которые смотрятъ на свободу, какъ на роскошь, на день праздника для школьниковъ. Если страна спокойна, то правительство можетъ распустить узду и даровать нѣкоторую долю свободы своимъ подданнымъ. Оно поступаетъ въ этомъ случаѣ, какъ арлекинъ, который раздалъ игрушки своимъ дѣтямъ: «вотъ барабаны, трубы, говоритъ онъ, забавляйтесь ими, но не шумите, иначе я возьму назадъ.» Такое пониманіе роли власти и свободы господствовало во все продолженіе революціи, во времена имперіи, реставраціи и царствованія Луи-Филипа. Но мы думаемъ совершенно иначе. Будучи ревностными поборниками законной власти, мы вѣримъ, что она необходима для установленія порядка, для обезпеченія спокойствія, для уваженія законовъ; мы охотно готовы предоставить правительству нуж-

ную ему власть, будучи убѣждены, что тамъ, гдѣ царствуетъ анархія, нѣтъ мѣста для свободы, но съ другой стороны также искренно увѣрены, что свобода не ослабляетъ силы власти. Свобода вещь совершенно иная; она состоитъ въ правѣ каждаго индивидуума развивать себя самого, дѣлать все то, что позволяютъ ему физическія, умственныя и нравственныя силы. Какимъ же образомъ это развитіе можетъ ослабить правительство? Намъ кажется, что сила государства ничто иное, какъ сумма силъ индивидуальныхъ и что сила индивидуума составляетъ силу государства.

«И такъ, почему же могутъ въ одно и тоже время государство быть сильнымъ и гражданинъ пользоваться большой свободой? Потому что предметъ силы государства и предметъ свободы гражданской двѣ вещи различныя. Государство сильно не потому, что гражданинъ рабъ, по вслѣдствіе того, что имѣетъ достаточныя средства для поддержанія независимости извнѣ и порядка внутри. Но въ этомъ отношеніи никто, конечно, не откажетъ правительству въ томъ, что́ послѣднему необходимо. Для того, чтобы правительство защищало Францію извнѣ, отправляло правосудіе внутри, мы дадимъ ему все необходимое для этой цѣли; если ему нужны деньги, мы не станемъ спорить о финансахъ; если нужны посланники, мы ихъ дадимъ; если необходима доля законодательной власти, мы уступимъ и это. Но сдѣлавъ все это, мы скажемъ: мы также имѣемъ свои права, которыя слѣдуетъ уважить; позвольте намъ вѣрить въ то, во что хотимъ; позвольте соединяться для нашихъ потребностей умственныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ, разбирать свободно въ журналахъ вопросы, которые интересуютъ всю страну вообще и каждую партію въ особенности; словомъ, позвольте намъ дѣлать все то, что происходитъ въ Англіи и Америкѣ, странахъ, гдѣ сильная власть стоитъ рядомъ съ великой свободой. Это вопросъ о предѣлахъ вѣдомства. Неужели нужно полагать, что кто желаетъ свободы, тотъ посягаетъ на правительство; нѣтъ, онъ желаетъ только ввести правительство въ область правительства, а свободу въ область свободы.»

Въ этихъ положеніяхъ очерчиваются и предметъ изслѣдованія г. Лабуле, и разрѣшеніе поставленнаго имъ вопроса. Свобода совѣсти, свобода асоціацій, свобода печати и свобода промышленная, по современнымъ понятіямъ, отъ которыхъ отправляется авторъ, составляютъ такое право индивидумовъ, котораго правительство не должно вовсе касаться, ограничиваясь только поддержаніемъ законнаго порядка внутри и охраненіемъ внѣшней безопасности.

Мы не касаемся вовсе доказательствъ, которыми подкрѣпляетъ авторъ свои выводы, и не входимъ въ разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ опредѣленія для государства границъ, отводимыхъ ему теоріей автора, слѣдовательно вовсе не входимъ въ критическую оцѣнку сочиненія, потому что критика столь важныхъ предметовъ вышла бы за предѣлы нашихъ краткихъ замѣтокъ. Но не можемъ не отдать справедливаго одобренія въ томъ, что книга г. Лабуле прeдставляетъ систематическій и хорошо разработанный сводъ либеральныхъ идей нашего времени. Въ особенности для русской публики, знакомой изъ нашихъ газетъ не съ самыми идеями, а съ обрывками ихъ, съ обрѣзками, заносимыми къ намъ какъ-то случайно, изданный переводъ означенной выше книги весьма полезенъ. Вообще идеи г. Лабуле истинно либеральны и нисколько нереволюціонны; они наводятъ лишь читателя на мысль, что истинная, законная и умѣренная свобода въ государствѣ зависитъ не отъ какихъ либо частныхъ улучшеній и ни отъ формы правленія, а единственно отъ приведенія точной и строгой границы между властью государства и правомъ личности.

Скромность автора заставляетъ почти забывать, что онъ французъ, онъ приводитъ для подкрѣпленія и развитія своихъ положеній мысли и цитаты изъ сочиненій многихъ мыслителей и въ особенности изъ разсужденія о предѣлахъ государства В. Гумбольдта, причемъ обнаруживаетъ, что Д. С. Милль идеи о свободѣ, изложенныя въ его извѣстномъ трактатѣ, заимствовалъ у Гумбольдта и разработалъ ихъ въ примѣненіи къ англійскому обществу, расширивъ лишь самый вопросъ противопоставленіемъ личности не только съ государствомъ, но и съ обществомъ, Гумбольдтъ же изслѣдовалъ лишь отношенія лица и государства между собою.

Бесѣды о сѣверѣ Россіи въ 3-мъ отдѣленіи императорскаго вольнаго экономическаго общества. Книга эта содержитъ рядъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ относительно разныхъ отраслей промышленности въ сѣверномъ краѣ, взятыя же вмѣстѣ эти статьи представляютъ печальную исторію нашего европейскаго сѣвера, нѣкогда богатаго, а нынѣ оскудѣвшаго и, можно сказать, выбивша-

гося изъ силъ въ борьбѣ съ русскимъ равнодушіемъ за свои кровные, законные интересы. Сѣверный край принесенъ былъ въ жертву Петербургу его основателемъ; съ той поры, хотя въ царствованіе императрицы Екатерины II и были признаки оживленія убитыхъ прежде промысловъ, но послѣ нея уже доколотили окончательно промышленную дѣятельность края и уничтожили, въ пользу иностранцевъ,—даже попытки къ возрожденію. Бѣденъ нашъ сѣверъ, а между тѣмъ какая бездна въ немъ естественныхъ богатствъ, съ которыми едва-ли можетъ сравниться производительность юга и которыя, можетъ быть, одни только и въ состояніи поддержать Россію во всемірной торговлѣ, не смотря на конкуренцію западныхъ морскихъ государствъ. Огромные лѣса, годные для постройки торговыхъ судовъ, китоловство и звѣриные и рыбные промыслы суть тѣ богатства, которыя нынѣ пропадаютъ для Россіи въ ожиданіи лучшаго будущаго. Изъ лѣсовъ архангельской губерніи можно выстроитъ торговый флотъ для цѣлаго свѣта, между тѣмъ Россія не имѣетъ и для себя купеческихъ судовъ; товары привозятся къ намъ и вывозятся отъ насъ на чужеземныхъ судахъ и русскіе рубли цѣлыми миліонами уплачиваются за фрахтъ товаровъ. Прежде существовавшій и значительно развившійся русскій торговый флотъ на сѣверѣ упалъ послѣ трактата, заключеннаго при Павлѣ I съ Англіей *о взаимности*. Цѣль этого трактата состояла именно въ томъ, чтобы сдѣлать безопаснымъ для Англіи русскій торговый флотъ, который во время Екатерины II уже доказалъ, что можетъ сдѣлаться небезсильнымъ соперникомъ для англичанъ; правительство того времени, можетъ быть, безсознательно уступило проискамъ и интригамъ, которыми иностранцы постоянно достигаютъ своихъ цѣлей въ Россіи, потому что возвысить голосъ за свои интересы русскому обществу не всегда было возможно; такимъ образомъ заглохла всякая дѣятельность на сѣверѣ и поднять о немъ *смѣлую* рѣчь сдѣлалось возможнымъ только теперь, хоть и въ предыдущіе годы въ печати встрѣчались уже отдѣльныя статьи, извѣстія и замѣтки о тяжелой судьбѣ, тяготѣющей надъ нашимъ сѣверомъ, на который продолжаютъ, къ несчастію, и теперь смотрѣть бюрократическимъ взглядомъ.

Названная книга обнимаетъ въ совокупности всѣ вопросы о потребностяхъ сѣвернаго края и указываетъ, на какой точкѣ замерзанія стоитъ вопросъ о каждомъ изъ нихъ и что необходимо для того, чтобы всѣмъ этимъ вопросамъ дать единое движеніе.

*

Главными дѣятелями въ возбужденіи и разрѣшеніи вопросовъ о сѣверной промышленности являются гг. Сидоровъ, Латкинъ и Долинскій. Мы не знаемъ никакого другаго дѣла, гдѣ было бы истрачено столько энергіи, упорнаго труда и самыхъ горячихъ усилій на пользу страны, какъ въ вопросахъ о сѣверной промышленности; особенно дѣятельность г. Сидорова представляетъ примѣръ, который не имѣетъ себѣ подобнаго. Въ концѣ книги помѣщена весьма интересная записка «О промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ на Сѣверѣ России красноярскаго 1-й гильдіи купца М. К. Сидорова». Съ 1859 г. этотъ достойный гражданинъ отправляетъ на свой счетъ ежегодно агентовъ-спеціалистовъ для изслѣдованія рѣкъ Печоры, Оби и Енисея, чтобы доказать возможность открыть источники благосостоянія для обнищавшихъ и голодающихъ обывателей этого края, гдѣ въ прежнее время возникали промышленность и торговля. Съ этой же цѣлью онъ лично два раза посѣтилъ области Печорскую, Березовскую и Туруханскую. При этихъ изслѣдованіяхъ были найдены имъ: массы графита, каменнаго угля и точильнаго камня, желѣзныя руды, каменная и ключевая соль, горные квасцы, шпатъ, ревень; причемъ подтвердились разсказы о превосходнѣйшихъ тамъ лѣсахъ, большомъ количествѣ звѣрей морскихъ и лѣсныхъ, птицы, рыбы и проч.; тогда же г. Сидоровымъ открыты и новые пути для соединенія сѣверной части Сибири съ Печорскимъ портомъ, прямо чрезъ Уральскій хребетъ.

Но за свой патріотизмъ и энергію г. Сидоровъ поплатился, какъ это у насъ нерѣдко случается, если не всѣмъ, то значительной частью своего состоянія. Изъ открытыхъ имъ массъ графита онъ принялъ по отводу, съ исполненіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ, нѣсколько пріисковъ; послѣ чего въ 1863 году, когда превосходнѣйшія свойства вновь-открытаго графита сдѣлались извѣстны въ цѣломъ свѣтѣ, г. Сидоровъ заключилъ условія о поставкѣ на частные и казенные литейные заводы, а также и за границу, въ Лондонъ, болѣе тридцати тысячъ пудовъ графита. По новости столь полезнаго для государства предпріятія, военный министръ сообщилъ енисейскому губернатору, прося его «оказать содѣйствіе при слѣдованіи транспортовъ графита чрезъ пустынныя мѣста полярной страны, среди дикихъ народовъ, отъ р. Енисея до Обдорска.» За мѣсяцъ предъ тѣмъ Сидоровъ лично обращался съ просьбою объ этомъ къ губернатору, доводя до его свѣденія о цѣли свой поѣздки въ Туруханскъ; но на это получилъ отвѣтъ, что «до начальника

губерніи вовсе не относятся и не касаются частныя занятія его, Сидорова, заключающіяся въ добычѣ графита, и не менѣе того вовсе не имѣетъ никакой надобности знать, что онъ намѣренъ отправиться въ Туруханскъ на пароходѣ.» Министру же губернаторъ донесъ, что «хотя и не имѣлъ отъ Сидорова никакихъ оффиціальныхъ и вѣрныхъ свѣденій о добываемомъ въ Туруханскомъ округѣ графитѣ, но получивъ предложеніе съ увѣдомленіемъ, что Сидоровъ контрактомъ обязался уже поставить въ Златоустовскую фабрику (казенную) 8 т. пуд. графита, немедленно сдѣлано распоряженіе о содѣйствіи, и проч.» Но вмѣсто заявленнаго губернаторомъ содѣйствія послѣдовалъ рядъ стѣснительныхъ мѣръ и въ результатѣ оказалось уничтоженіе законтрактованнаго въ казну графита и потеря Сидоровымъ до 300 т. руб. на добычу и доставку новаго графита. Для своевре́менной доставки всего заподряженнаго графита Сидоровъ зафрактовалъ два парохода и шкуну, нанялъ 1000 оленей и расчистилъ новую дорогу, чтобы достигнуть прямаго воднаго сообщенія. Все это, конечно, стоило немало; но какъ только было приступлено къ транспортировкѣ, одинъ изъ золотопромышленниковъ, покровительствуемый мѣстными властями, заявляетъ въ судѣ протестъ, что одинъ изъ пріисковъ, отведенныхъ Сидорову, имъ разработанный принадлежитъ ему, а не Сидорову. Окружный судъ распорядился на пріискъ наложить запрещеніе, а добытый графитъ (о которомъ и не было заявлено ни отъ кого претензіи) арестовать. Это рѣшеніе суда было приведено въ исполненіе губернскимъ начальствомъ съ рѣдкой поспѣшностью, на другой день по полученіи донесенія окружнаго суда. Распоряженіе объ арестѣ произведено одновременно съ перепиской *о содѣйствіи* Сидорову по предложенію военнаго министра. Хотя рѣшеніе суда было отмѣнено высшей инстанціей, какъ неправильное, по снятіемъ ареста губернское начальство уже не торопилось, и Сидоровъ лишь черезъ пять мѣсяцевъ получилъ возможность транспортировать свой графитъ уже не зимнимъ, а весеннимъ путемъ, когда нельзя было найти перевозчиковъ за 50 руб. съ пуда, и весь графитъ, какъ заподряженный, такъ и вообще добытый на пріискахъ, погибъ отъ весеннихъ разливовъ. Кромѣ этой потери поглощены безвозвратно и расходы на наемъ пароходовъ, оленей и множество рабочихъ.

Члены окружнаго суда (поляки) были уволены отъ должностей, по распоряженію генералъ-губернатора, но это, конечно, не могло удовлетворить Сидорова; мѣра эта не была даже и нравственнымъ

удовлетвореніемъ; потому что уволенные члены суда весьма скоро получили мѣста, лучшія прежнихъ, гдѣ представляется еще болѣе возможности вредить русскимъ интересамъ. Кромѣ всего этого еще явилось препятствіе: въ то время, когда г. Сидоровъ работалъ надъ отправкой графита, губернаторъ вытребовалъ его въ Красноярскъ по такому дѣлу, которое вовсе до него не касалось. Таково было *содѣйствіе*.

Но всѣ эти препятствія не остановили энергіи г. Сидорова къ доставкѣ графита на казенный заводъ согласно контракту; законтрактованное количество добыто было вновь и доставлено въ срокъ, но на заводѣ графита не приняли подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ доставленъ не съ р. Тунгуски, а съ р. Курейки, хоть и та и другая мѣстность составляетъ одинъ и тотъ же пріискъ. Такимъ образомъ русскій графитъ въ дѣло на заводѣ не пошелъ, а выписанъ былъ по прежнему англійскій. Пушки, отлитыя въ тигляхъ изъ англійскаго графита, разорвались при первыхъ пробахъ, курейскій же графитъ остался даже неиспробованнымъ.

Выше было сказано, что г. Сидоровъ обязался контрактомъ также поставить графитъ въ Лондонъ до 5 т. пудовъ. Передовой транспортъ этого графита до 500 пудовъ, прошедши благополучно по тундрамъ, устьямъ рѣкъ Таза и Оби и чрезъ хребетъ Уральскій, на первомъ же шагу въ Европу встрѣченъ былъ ожидавшимъ на р. Печорѣ полицейскимъ предписаніемъ, основаннымъ на требованіяхъ палаты государственныхъ имуществъ (?) и таможеннаго начальства, слѣдующаго содержанія: «партія графита купца Сидорова, имѣющаго быть доставленнаго въ настоящемъ году съ устья р. Енисея къ устью р. Печоры, *хотя и не подлежитъ оплатѣ пошлиною при вывозѣ заграницу, но отправлена туда прямо изъ Печорскаго края никакимъ образомъ быть не можетъ*, потому что привозъ изъ-за границы и отпускъ туда товаровъ дозволены только отъ *учрежденныхъ портовъ*, къ числу которыхъ Печорскій портъ, какъ не имѣющій таможеннаго учрежденія, не принадлежитъ. Почему и было предписано полицейской власти, «*подъ личною отвѣтственностію*» наблюдать, чтобы графитъ купца Сидорова, ожидаемый къ устью р. Печоры, оттуда отнюдь не былъ отправляемъ прямо за границу, въ чемъ и обязать Сидорова подпискою.» Остановка этого транспорта, конечно, требовала остановки остальныхъ 4,500 пудовъ, но съ заподряженными судохозяевами и извощиками необходимо было

разсчитаться и заплатить неустойки. Составитель записки, изъ которой мы заимствуемъ это сказаніе, утѣшаетъ г. Сидорова, что этотъ убытокъ все-таки не такъ великъ въ сравненіи съ тѣмъ, который бы произошелъ, еслибы г. Сидоровъ послушался палатъ государственныхъ имуществъ и таможеннаго начальства и отправилъ бы графитъ сухимъ путемъ въ Петербургъ для полученія на вывозъ графита какой нибудь таможенной контрамарки. Однако г. Сидоровъ сталъ хлопотать о дозволеніи ему отправить графитъ прямо изъ печорскаго края за границу. Разрѣшеніе послѣдовало, но уже поздно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и только на 500 пудовъ, а почему не на всѣ 5 т., это не объясняется. Почему *количество* получило значеніе, остается вопросомъ. Такъ какъ 500 пудами нельзя было выполнить обязательства съ Лондономъ, то г. Сидоровъ запродалъ графитъ въ Африку г. Газе по дешевой цѣнѣ; но съ прибытіемъ графита въ Лондонъ купеческая контора, ожидавшая 5,000 пудовъ графита, заарестовала графитъ, запроданный г. Газе, въ обезпеченіе неустойки 3 т. фунтовъ стерлинговъ, которую долженъ былъ заплатить г. Сидоровъ, не доставившій графита по обязательству и вовлекшій англійскаго купца въ убытки по найму кораблей для перевозки графита. Также пришлось удовлетворить и г. Газе за расходы и неполученіе имъ купленнаго графита.

Такимъ образомъ русскій графитъ, превосходящій своими свойствами всѣ добываемые сорты этого матеріала повсюду, не былъ пущенъ на всемірный рынокъ. Довѣріе въ торговомъ мірѣ къ русскому предпринимателю убито было сразу и самъ предприниматель раззоренъ въ конецъ. Примѣръ рѣдкій, но, какъ оказывается, возможный! А вся разгадка неудачъ г. Сидорова, какъ объясняется въ запискѣ, заключается въ томъ, что къ нему не благоволило мѣстное губернское начальство. Общество г. Красноярска пять разъ единогласно выбирало его въ градскіе головы, не смотря *на постоянный отказъ* губернатора въ утвержденіи выбора. Между тѣмъ надо замѣтить, что г. Сидоровъ, по своей извѣстности и популярности, по своимъ свѣденіямъ и огромнымъ общественнымъ заслугамъ, также какъ по своему богатству, конечно, превосходилъ всѣхъ городскихъ головъ въ цѣлой Россіи. Онъ членъ ученыхъ обществъ: экономическаго, географическаго и энтомологическаго и *почетный вице-президентъ* одного изъ французскихъ ученыхъ обществъ; о его общественныхъ заслугахъ военный министръ и ге-

нералъ-губернаторъ Западной Сибири свидѣтельствовали передъ Государемъ Императоромъ; дѣятельность его по золотопромышленности едва-ли имѣетъ себѣ подобную: въ теченіе 12 лѣтъ г. Сидоровымъ открыто было до 200 золотыхъ пріисковъ, давшихъ до 1,200 пудовъ золота, доставившихъ казнѣ только однихъ пошлинъ и сборовъ до 3 м. руб., не считая цѣнности самаго металла. Если столь энергическій и столь выгодно поставленный дѣятель не могъ устоять противъ ледянаго равнодушія и даже злоупотребленій мѣстныхъ властей и оказался безсильнымъ противъ бюрократической рутины, то какая же участь можетъ постигнуть хотя нѣсколько слабаго смертнаго, если онъ, подобно г. Сидорову, не умѣетъ снискивать благорасположенія въ различныхъ канцеляріяхъ и въ салонахъ мѣстныхъ правителей.

Сидоровъ извѣстенъ лично многимъ членамъ Императорской Фамиліи, министрамъ и другимъ правителямъ и имѣетъ за себя общественное сочувствіе всего сѣвернаго края, заявленное ему въ различныхъ адресахъ, публичныхъ оваціяхъ, приглашеніяхъ и проч.; а между тѣмъ его дѣла по золотымъ пріискамъ окончились также, какъ и предпріятіе разработки графита. Огромные капиталы задерживались и задерживаются *безъ суда* подъ предлогомъ спора, по одному лишь усмотрѣнію полицейской и администрктивной власти.

Все это мы извлекли изъ чтеній и докладовъ III отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества, изданныхъ особой книгой г. Долинскимъ. Мы ограничились лишь малѣйшей частицей того, что повѣствуется компетентными членами почтеннаго общества о положеніи дѣлъ нашего сѣвера; всѣ почти промышленныя предпріятія для разработки *непочатыхъ* богатствъ нашего сѣвернаго края терпѣли и къ несчастію терпятъ участь, подобную участи графита.

Вопросы о нуждахъ края и о способахъ осуществить возлагаемыя на промышленныя предпріятія надежды поставлены въ экономическомъ обществѣ рѣзко и смѣло; въ преніяхъ указаны всѣ тормазы, останавливающіе сѣверную промышленность. Надо надѣяться, что иностранныя интриги и козни нашихъ домашнихъ иностранцевъ, при настоящихъ правахъ печати, не будутъ въ состояніи дѣлать изъ бѣлаго черное и наоборотъ, для того, чтобы нужды и естественныя богатства сѣвера снова покрылись туманомъ невѣденія и равнодушія, такъ долго тяготѣвшимъ надъ ними.

Въ книгѣ г. Долинскаго изслѣдованы и поставлены слѣдующіе важ-

ные вопросы: о судостроеніи въ сѣверноаъ краѣ и о возможности образовать русскій торговый флотъ; о китоловствѣ и звѣриныхъ промыслахъ въ сѣверномъ океанѣ и на Новой-Землѣ; о способѣ колонизаціи мѣстности отъ Онежскаго озера до Мурманскаго берега и о возможности водянаго сообщенія между озеромъ Онежскимъ и Бѣлымъ моремъ; о возможности развить промышленность и торговлю по бассейнамъ рѣкъ: Сѣверо-Двинскому, Мезенскому и Печорскому и о солевареніи въ Архангельской губерніи.

Было бы желательно, чтобы наша газетная печать позаботилась, чтобы при плаваніи этихъ вопросовъ по чернильнымъ рѣкамъ бюрократіи всѣ подводные камни, которыхъ можно ожидать, были бы означены хорошими вѣхами.

Очерки юго-западнаго края. Соч. Н. Д. Шигарина. Литературные очерки края, гдѣ недавно политическія страсти и борьба двухъ стихій нарушили обычное теченіе жизни, обѣщали несомнѣнный интересъ, потому что одна газетная отрывочная литература не могла ознакомить съ характерными личностями той и другой стороны. Только художнику доступно уловить всѣ черты жизни во всемъ ея объемѣ и представить картину внѣшней и внутренней жизни въ живыхъ образахъ. Наша белетристика до сихъ поръ не представляетъ ни одного произведенія, посвященнаго изображенію жизни западно русскихъ провинцій; между тѣмъ напряженная ненормальная жизнь этихъ провинцій, безъ сомнѣнія, гораздо обильнѣе рѣзкими оригинальными характерами, чѣмъ наша великороссійская жизнь. Это свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи нашей литературы, о крайней бѣдности ея содержанія и какомъ то сознательномъ безсиліи, какъ скоро приходится ей имѣть дѣло съ непривычнымъ предметомъ. Польскій элементъ въ нашей всероссійской жизни нашелъ себѣ, кажется, единственное выраженіе въ Кречинскомъ; но и этотъ характеръ — какъ польскій характеръ крайне-одностороненъ. Однимъ словомъ оказывается, что мы вовсе незнакомы съ типами полонизованной Руси изъ художественныхъ произведеній; въ нашемъ воображеніи мерещится нѣчто, сложившееся изъ газетныхъ извѣстій и очерковъ и дополненное личнымъ наблюденіемъ, но все это, конечно, далеко отъ той полноты и жи-

вости, которыхъ можно бы было ожидать отъ художественнаго воспроизведенія жизни.

Книжка г. Шигарина, состоящая изъ одной комедіи и четырехъ очерковъ, посвященныхъ изображенію южно-русскаго быта, привлекла наше вниманіе именно потому, что мы надѣялись встрѣтить въ ней воспроизведеніе жизни въ художественной формѣ; но къ несчастію наша надежда не оправдалась. Полное отсутствіе всякой наблюдательности и художественности, даже недостатокъ не только творчества, но простаго навыка къ литературному изложенію, отнимаютъ всякій интересъ и значеніе у этого изданія. Очевидно, что авторъ воспользовался разными ходячими анекдотами и разсказами о разныхъ случаяхъ во время мятежа и записалъ ихъ, одни въ формѣ очерковъ, а другіе въ формѣ повѣсти и комедіи, предполагая, что если ходячій разсказъ или анекдотъ изложить въ формѣ повѣсти, то выйдетъ повѣсть, въ формѣ комедіи—комедія. Такимъ образомъ интересъ произведеній г. Шигарина ограничивается однимъ лишь содержаніемъ происшествій, послужившихъ основой этихъ произведеній. Читатель найдетъ въ книгѣ разсказъ о томъ, какъ варшавскій ксендзъ ѣздилъ возмущать кіевскихъ помѣщиковъ, приводилъ къ присягѣ, бражничалъ, собиралъ офяру и пользовался супругами ясновельможныхъ пановъ и въ случаѣ противорѣчія съ чьей бы то ни было стороны грозилъ ослушникамъ висѣлицей, или кинжаломъ, какъ полноправный членъ жонда; или какъ польскій графъ пряталъ въ лѣсу оружіе и, когда попался въ руки исправника, предлагалъ взятку въ 1000 руб., которая не была взята, и т. п. Самой интересной чертой мѣстно-помѣщичьяго быта намъ показался способъ домашняго воспитанія молодыхъ пановъ ихъ нѣжными маменьками. Въ одномъ очеркѣ мы встрѣтили такого изнѣженнаго панка, который до 16 лѣтъ спалъ на одной постелѣ со своей матерью и изгнанъ былъ въ особую комнату тогда лишь, когда обнаружилось въ немъ сильное влеченіе къ горничнымъ.

Судя по очеркамъ г. Шигарина, можно заключить, что бытъ южно-западныхъ провинцій, въ особенности бытъ помѣщичій, заключаетъ въ себѣ обильнѣйшій матеріалъ для литературы и весьма интересенъ, что еще болѣе заставляетъ сожалѣть, что наша белетристика до сихъ поръ не касается этого быта. Кромѣ очерковъ г. Шигарина мы знаемъ еще повѣсть г. Кукольника: «Двѣ Сестры», помѣщенную назадъ тому года три въ «Военномъ Сборникѣ»; но и эта

повѣсть не имѣетъ никакого литературнаго значенія, почему, вѣроятно, и попала въ офиціальный военный журналъ.

Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго языка и употребительнѣйшихъ американизмовъ, не введенныхъ въ обыкновенные словари. Составилъ В. Бутузовъ. Изданіе это есть плодъ 18-ти лѣтняго собиранія и опредѣленія такихъ словъ и фразъ въ произведеніяхъ англійской и американской литературъ, которыхъ нельзя найти ни въ одномъ словарѣ. Всякому, кто занимается чтеніемъ англійскихъ и американскихъ писателей и переводомъ ихъ произведеній на русскій языкъ, приходится встрѣчать въ белетристическихъ произведеніяхъ не только слова и короткія фразы, но и длинные разговоры, совершенно непереводимые и непонятные, въ особенности разговоры между лицами изъ простыхъ, необразованныхъ сословій, которые кромѣ того, что извращаютъ обыкновенное произношеніе англійскихъ словъ, употребляютъ еще свой собственный языкъ, понятный имъ однимъ и только тѣмъ, кто знакомъ со сферою ихъ жизни, т. е. природнымъ англичанамъ, приводимымъ различными обстоятельствами въ ближайшее соприкосновеніе съ этими слоями общества. Не менѣе трудностей встрѣчается и при чтеніи и переводѣ американскихъ писателей, потому что американцы, какъ извѣстно, передѣлываютъ по своему коренной англійскій языкъ и вводятъ въ него элементы нарѣчій, принадлежащихъ другимъ европейскимъ и туземнымъ племенамъ, составляющимъ населеніе Соединенныхъ штатовъ, особенно южныхъ и западныхъ.

Г. Бутузовъ записалъ и опредѣлилъ значеніе 10,000 именно такихъ словъ и фразъ, которыя безъ коментарія непонятны и непереводимы. Трудъ свой онъ сличалъ затѣмъ съ вышедшими въ послѣдніе годы англійскими словарями простонародныхъ словъ, которые однако, по количеству словъ, всѣ несравненно бѣднѣе словаря г. Бутузова. Въ своемъ почтенномъ и замѣчательномъ трудѣ авторъ не касался филологическихъ изслѣдованій относительно образованія или происхожденія какъ англійскихъ, такъ и американскихъ словъ и выраженій, а ограничивается лишь краткимъ и категорическимъ указаніемъ ихъ значенія, упоминая лишь иногда о фактической или

анекдотической сторонѣ ихъ происхожденія; гдѣ же не представлялось возможности достигнуть уясненія слова или фразы прямымъ опредѣленіемъ ихъ значенія, тамъ онъ пояснилъ ихъ примѣрами употребленія словъ и фразъ у самихъ англичанъ и американцевъ.

Съ помощію только такихъ словарей, какъ словарь г. Бутузова, всякое литературное произведеніе можетъ быть передано на другой языкъ болѣе или менѣе удовлетворительно и вполнѣ понятно. Такъ напр. какъ пойметъ англичанинъ и американецъ гоголевскую фразу «на счетъ клубнички» или «дантистъ», если не будетъ обширнаго коментарія этихъ фразъ? Нѣмцы перевели же повѣсть г. Писемскаго «Тюфякъ» словомъ *матрацъ* и, не имѣя словаря *особенныхъ словъ*, не могли избѣгнуть такой несообразности. Словари нѣмецкіе и французскіе, подобные словарю г. Бутузова, также по нашему мнѣнію необходимы, въ особенности словари простонародныхъ словъ; безъ нихъ невозможны хорошіе переводы на русскій языкъ образцовой народной литературы.

Самодѣятельность женщины. Соч. мисъ Джесси Баужеретъ. Пер. г. Кутейникова. Задача этого сочиненія указать тѣ условія, которыя необходимы для доставленія женщинамъ возможности жить собственнымъ, независимымъ трудомъ, а также и обстоятельства, которыя неизбѣжно ведутъ къ ихъ паденію. Еслибы это сочиненіе имѣло чисто теоретическій характеръ, она была бы болѣе полезно въ русскомъ переводѣ, потому что женскій вопросъ въ нашей литературѣ нуждается болѣе во внесеніи въ него и разработкѣ общихъ идей, нежели въ указаніи условій практическаго ихъ примѣненія. Примѣненіе вопросъ уже по преимуществу мѣстный, и примѣры другихъ странъ въ разрѣшеніи этого вопроса едва-ли могутъ служить помощью. Такъ напр. мисъ Баужеретъ указываетъ, между прочимъ, какъ на источникъ женскаго труда, раскрашиваніе фотографическихъ карточекъ; этотъ трудъ, можетъ быть, дастъ хлѣбъ въ Англіи, но у насъ умрутъ съ голоду тѣ, кто бы вздумалъ заняться раскрашиваніемъ фотографическихъ карточекъ, даже еслибы изъ цѣлаго Петербурга отдались этому труду не болѣе какъ двѣ или три особы. Всѣ совѣты автора книги въ практическомъ отношеніи таковы, что не подходятъ ни въ чемъ

подъ условія русской жизни; въ чемъ нуждаемся мы, англичане въ томъ чувствуютъ излишекъ и наоборотъ. Поэтому въ названной книжкѣ имѣетъ цѣну лишь общая идея, занимающая въ сочиненіи мисъ Бауҗеретъ второстепенное мѣсто. По ея мнѣнію, самодѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка не должна ограничиваться личнымъ его трудомъ и заботами о помощи только самому себѣ: признавая такую помощь основаніемъ дѣйствительной самодѣятельности, авторъ видитъ лучшее выраженіе и развитіе послѣдней въ обществахъ взаимнаго вспоможенія, въ кооперативныхъ асоціаціяхъ. Самопомощь, понимаемая какъ эгоизмъ, по мнѣнію автора, недостаточна, если она не подкрѣплена сочувствіемъ къ общественнымъ интересамъ.

Кромѣ того, что сочиненіе это, проникнутое искреннимъ желаніемъ автора быть полезнымъ дѣлу, знакомитъ съ бытомъ женщинъ на западѣ, оно обобщаетъ множество вопросовъ, касающихся чисто-женскаго быта, и указываетъ на характерныя особенности нравственной природы женщины; такъ что сочиненіе мисъ Бауҗеретъ, независимо отъ идеи, вложенной въ него, и кромѣ вопросовъ о практическомъ примѣненіи ея, представляетъ какъ бы физіологическій очеркъ женскаго быта въ тѣхъ классахъ общества, которые безъ личнаго и постояннаго труда не могутъ существовать, захватывающій и нравственныя и физическія условія женской природы и условія общественнаго положенія женщины въ современныхъ обществахъ.

По финансовому вопросу. Брошюра четвертая. Б. Виктора Унгернъ-Штернберга. Это не болѣе не менѣе какъ проектъ о преобразованіи нашей финансовой системы, объ устраненіи внѣшнихъ займовъ какъ на будущее время, такъ и сдѣланныхъ понынѣ, посредствомъ привлеченія звонкой монеты съ помощью государственной лотереи. Основаніе этого проекта состоитъ въ томъ, что выпускаются лотерейные билеты по 1 р. 10 к., въ уплату которыхъ рубль долженъ быть внесенъ металломъ, а 10 к. мѣдью или кредитнымъ билетомъ, если покупатель пріобрѣтаетъ не менѣе 10 билетовъ. Операція эта проектируется въ размѣрѣ 600 миліоновъ. По продажѣ лотерейныхъ билетовъ на эту послѣднюю сумму у правительства было бы, по ожиданію автора, 600 м. руб. звонкою монетою, и тогда

могъ бы быть открытъ свободный размѣнъ всѣхъ билетовъ какъ нынѣ существующихъ, такъ и тѣхъ, которые должны быть выпущены для полученiи металла на 600 м. р., а изъ остальныхъ 10 к. образовался бы фондъ для лотереи. Слабая сторона этого проекта заключается прежде всего въ томъ, что масса бумагъ, находящихся нынѣ въ обращенiи, должна увеличиться на огромную цифру 600 м. руб.; потомъ, надо думать, что при открытiи размѣна весь металлъ уйдетъ обратно, а выпущенные билеты поступятъ опять въ казенныя кассы. Какой же результатъ окажется въ итогѣ? На эти пусть отвѣчаетъ авторъ.

Нашъ государственный банкъ дѣлаетъ подобную же операцiю, но безъ лотереи: онъ покупаетъ золото по курсу, выпуская для сего новые кредитные билеты. Это по крайней мѣрѣ имѣетъ послѣдствiемъ накопленiе металла, потому что золото не пускается въ размѣнъ на билеты и имѣетъ влiянiе на заграничный курсъ. Цифра операцiи не опредѣлена и самая операцiя свободна отъ всякихъ публичныхъ обязательствъ, слѣдовательно операцiя можетъ идти до тѣхъ поръ, пока видимые результаты ея будутъ признаваемы существенно выгодными, а въ противномъ случаѣ можетъ быть прiостанавливаема и даже совсѣмъ прекращена. Это, несомнѣнно, умѣреннѣе и разсчетливѣе, а главное *эластичнѣе* проекта г. Унгернъ-Штернберга.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Попытка Гарибальди и ея печальный исходъ.—Вопросы, разрѣшеніе которыхъ необходимо для уразумѣнія папской мистеріи. — Чего желаютъ итальянцы? Почему выбранъ былъ неудачный моментъ для овладѣнія Римомъ? Вліяніе римскаго вопроса на ходъ европейскихъ дѣлъ и въ особенности на политику Франціи.—Опасности для Наполеона III.—Поддержка клерикальной партіи.—Извлеченія изъ желтой книги.—Тронныя рѣчи.—Общая ихъ характеристика.—Движеніе оппозиціи во Франціи и сдѣланные ею запросы.—Положеніе восточнаго вопроса. — Колективная нота и циркуляръ князя Горчакова. — Возстаніе кандійцевъ и значеніе славянскаго движенія.—Объ обязательной продажѣ имѣній въ западномъ краѣ.—Значеніе этой мѣры и необходимость со стороны правительства предупредить печальныя послѣдствія при поступленіи имѣній въ казну въ случаѣ непродажи ихъ.—Ропотъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.— Разъясненіе вопроса о реформахъ въ этомъ краѣ. Есть-ли причины опасенія нѣмцевъ за ихъ народность.

Не прошло и мѣсяца со времени вступленія Гарибальди въ предѣлы папскихъ владѣній, а нынѣ нѣтъ уже и слѣдовъ этой смѣлой попытки; волонтеры, оставшіеся въ живыхъ, частію разсѣяны, частію взяты въ плѣнъ правительствомъ страны, въ интересахъ которой они дѣйствовали, или папскими войсками, а остальные принесены въ жертву для опытной стрѣльбы изъ французскихъ ружей системы Шасспо; вождь ихъ арестованъ и преданъ въ „руки правосудія.“ Французскіе солдаты поддерживаютъ своими штыками святость религіознаго догма, а для окончательнаго удовлетворенія совѣсти католиковъ императоръ французовъ созываетъ конференцію, на участіе въ которой вызывался даже турецкій султанъ, глава магометанства, на томъ основаніи, что у него въ числѣ подданныхъ есть между прочимъ католики. Въ успѣшность конференціи никто

не вѣритъ, по крайней мѣрѣ никто не ожидаетъ отъ нея ничего дѣйствительнаго, еслибы она и состоялась; вопросъ о папствѣ, въ какой бы формѣ онъ не былъ поставленъ на конференціи, во всякомъ случаѣ есть вопросъ вѣроисповѣдный или по крайней мѣрѣ вопросъ церковно-католическій; что могутъ сдѣлать для удовлетворяющаго разрѣшенія этого вопроса протестантскіе государи и государи греко-восточной церкви, отъ разъясненія этого французское правительство благоразумно уклонилось. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ какую-то таинственную мистерію. Однако таинственность эта допускаетъ нѣкоторую возможность разъясненія.

Почему Гарибальди и партія дѣйствія выбрали именно настоящій моментъ для того, чтобы сдѣлать попытку на Римъ, почему такъ дорожатъ итальянцы Римомъ, и почему Франція такъ ревниво охраняетъ папу, тогда какъ по принципу галликанская церковь не признаетъ не только свѣтской власти папы, но и главенство его признаетъ лишь условно? Если наше разъясненіе на эти вопросы будетъ болѣе или менѣе удовлетворительно, то и таинственная мистерія, разыгрываемая въ настоящее время, сдѣлается на столько прозрачной, что можно будетъ понимать ея закулисный смыслъ.

Итальянцы на свое объединеніе никогда не смотрѣли, какъ на конечную цѣль; они стремятся къ республикѣ и задолго еще до объединенія Италіи задавали себѣ вопросъ, чего прежде слѣдуетъ добиваться: республики или единства. Партія дѣйствія, по поводу этого вопроса, дробилась на двѣ фракціи: Мадзини и его приверженцы желали республики и не заботились о единствѣ, полагая, что оно достигнуто будетъ само собою, какъ скоро республиканское правленіе будетъ провозглашено во всѣхъ частяхъ Италіи; умѣренная партія, вождемъ которой является Гарибальди, не вѣрила въ возможность республики безъ единства, почему и стала подъ знамена короля Виктора-Эммануила, т. е. подъ знамя единства. Но ни та, ни другая фракція никогда не были монархическими. Итальянцы увѣрены и не безъ основанія, что республиканская форма правленія наиболѣе свойственна Италіи, гдѣ до сихъ поръ удержалась древняя муниципальная жизнь, исчезнувшая окончательно, напримѣръ, во Франціи; и дѣйствительно, республикѣ легче водвориться на такой подготовленной почвѣ, чѣмъ во Франціи, гдѣ въ теченіе настоящаго столѣтія успѣла выработаться абсолютная государственная централизація, поглотившая самостоятельность общинъ и городовъ. Теперь, когда для единства Италіи недостаетъ только Рима, обѣ фракціи либеральной партіи сходятся на необходимости овладѣть этимъ городомъ независимо отъ итальянскаго правительства и провозгласить тамъ республику, потому что провозглашеніе ея во вся-

комъ другомъ мѣстѣ объединенной Италіи было бы ниспроверженіемъ правительства, слѣдовательно возмущеніемъ противъ королевской власти, однимъ словомъ *внутренней* революціей, исходъ которой, конечно, былъ бы не въ пользу партіи дѣйствія; другое дѣло — Римъ съ горстью наемныхъ войскъ, безъ денегъ и безъ оружія. Кромѣ того въ Римѣ могла быть провозглашена республика въ крайнемъ случаѣ и безъ удаленія папы, у котораго могли отнять лишь свѣтскую власть. Перерожденный такимъ образомъ Римъ сдѣлался бы центромъ сильнаго притяженія для всѣхъ итальянцевъ; онъ былъ бы символомъ единства и республики и столицей новой Италіи; противъ такого стимула итальянцы едва ли устояли бы подъ знаменами короля. Сентябрьская конвенція до извѣстной степени гарантировала невмѣшательство, потому что волонтеры Гарибальди не были войсками королевства Италіи, и подготовленное возстаніе въ самомъ Римѣ давало этому движенію характеръ внутренней революціи, въ которую вмѣшиваться не имѣли права ни Франція, ни Италія. Король съ своей стороны смотритъ на Римъ, какъ на завершеніе итальянскаго единства, знамя котораго до сихъ поръ было единственнымъ знаменемъ короля; слѣдовательно противодѣйствовать гарибальдійскому движенію значило бы для короля отказаться отъ своей патріотической политики и идти противъ народа; но говоря вообще, такая политика была для короля невозможностью; отказаться отъ Рима едва ли для него не равносильно отречься отъ престола, и притомъ республиканскія тенденціи италіянцевъ хотя и не тайна для короля, но они ничѣмъ не заявлены, ничѣмъ не выражены фактически, слѣдовательно измѣнить своей политикѣ, измѣнить единству Италіи только по одному предположенію, что въ Римѣ можетъ быть провозглашена республика и республиканское движеніе, охвативъ всю Италію, сдѣлается опаснымъ для королевской власти, было бы со стороны короля недостойной слабостью и даже, можетъ быть, рискомъ сдѣлаться предметомъ народнаго недовѣрія и ненависти. При такихъ обстоятельствахъ король Викторъ-Эммануилъ, не говоря уже о его несомнѣнномъ патріотизмѣ, увлекающемъ его за предѣлы личныхъ и династическихъ интересовъ, не могъ иначе поступать, какъ поступилъ онъ въ отношеніи гарибальдійской попытки.

Гарибальди нечего было особенно подготовляться къ движенію, потому что попытка его имѣла значеніе не сама по себѣ, а какъ сигналъ, какъ тревога; онъ всегда лишь начиналъ дѣло, становясь въ главѣ движенія; такимъ образомъ онъ присоединилъ къ Италіи Неаполь; въ томъ, что италіянцы постоянно готовы отозваться на

крикъ a Roma, Гарибальди едва ли ошибся; но онъ ошибся въ политическихъ разсчетахъ относительно вмѣшательства Франціи.

Моментъ для движенія, такъ давно и нетерпѣливо ожидаемаго италіянцами, выбранъ былъ Гарибальди при вѣроятныхъ предвѣщаніяхъ войны или между Франціей и Прусіей, или на востокѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вторженіе Франціи въ Римъ вовсе было невозможно, а еслибы оно и послѣдовало, то Италія была бы не одна противъ Франціи, и силы Франціи были бы значительно отвлечены въ другую сторону, потому что и война на востокѣ ни въ какомъ случаѣ немыслима безъ вмѣшательства Наполеона III. Но дѣло въ томъ, что римскій вопросъ имѣетъ для настоящаго императора французовъ столь важное значеніе, что изъ-за него ему необходимо оставить всѣ замыслы, пожертвовать политической ролью страны, однимъ словомъ, не смотря ни на что, не только удариться изъ всѣхъ силъ въ мирную политику, но и поддерживать миролюбіе всюду, лишь бы не быть втянутымъ въ постороннюю отъ римскаго вопроса войну, лишь бы не выпускать изъ рукъ папу и Римъ.

Республиканское движеніе въ Италіи, крики „да здравствуетъ республика!“ близъ Франціи, мгновенное пробужденіе всѣхъ дорогихъ и жгучихъ воспоминаній въ сердцахъ французовъ — что можетъ быть опаснѣе для императора, который до своего императорства клялся въ вѣрности республикѣ передъ лицомъ народа и всего свѣта, а также и передъ своей совѣстью, а теперь только о томъ и хлопочетъ, чтобы удалить изъ памяти страны неотвязчивый призракъ, постоянно угрожающій виновнику 2 декабря? Революціонное движеніе во Франціи никогда не можетъ быть для императора Наполеона III столь опаснымъ, какъ внѣ Франціи, потому что внѣшнее впечатлѣніе, задѣвающее кромѣ политическихъ страстей еще и самолюбіе французовъ, не желающихъ, по видимому, никому уступить первенства въ развитіи политическихъ учрежденій въ Европѣ, разомъ подняло бы на ноги всю Францію, и тогда, конечно, ружья Шасспо, оказавшія, какъ говоритъ французскій генералъ, „чудеса“ на гарибальдійцахъ, могли бы не оказать этихъ чудесъ на французахъ, какъ бы усердно не дѣйствовали ими наполеоновскіе генералы, подобные тому, который съ такимъ отвратительнымъ цинизмомъ расправлялся съ гарибальдійцами и притомъ *изъ-за угла*, такъ какъ французскія войска не могли вступать въ борьбу открыто.

Вотъ почему движеніе въ Италіи и попытка на Римъ заставили Наполеона III забыть всѣ вопросы, касающіеся политическихъ интересовъ страны, и обратиться къ своему личному и династическому вопросу. Только эта революціонная попытка на Римъ и была страшна Наполеону III, потому что еслибы въ силу обстоятельствъ

и пришлось по приговору предполагаемой конференціи передать Римъ Италіи, то это уже совершилось бы помимо участія республиканской партіи и изъ рукъ въ руки королю Виктору-Эммануилу, слѣдовательно съ совершеннымъ устраненіемъ вопроса о римской республикѣ.

Впрочемъ это только одна сторона римскаго вопроса, можетъ быть, самая щекотливая, но все-таки случайная; другая же сторона теоретическая такова, что устраняетъ всякую надежду на возможность разрѣшенія этого вопроса вообще при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Европѣ путемъ конференціи.

Еслибы кто нибудь задалъ себѣ вопросъ о томъ, на какую политическую партію въ странѣ опирается императоръ Наполеонъ III, тотъ пришелъ бы къ заключенію, что нѣтъ такой *видимой* партіи кромѣ разумѣется солдатъ, которыхъ впрочемъ не принято и во Франціи называть политической партіею; но такъ какъ нельзя себѣ и представить существованіе императора Наполеона III безъ какой либо сильной поддержки, то необходимо признать, что есть *невидимая,* но вездѣсущая партія, имѣющая вліяніе и на массы, и на высшіе слои общества. Эта партія, какъ извѣстно, есть такъ-называемая ультра-клерикальная, но въ тѣсномъ смыслѣ іезуитская. Она могущественна и имѣетъ нѣкоторыя права на Наполеона III, потому что онъ много былъ обязанъ этой партіи и за свое президентство, и за 2 декабря. Для этой партіи нуженъ Наполеонъ III, какъ охранитель папства, слѣдовательно всѣхъ ультра-клерикальныхъ интересовъ; а для императора нужна эта партія, какъ поддержка его самого и его династіи. Такимъ образомъ оказывается тѣсная солидарность между обѣими сторонами, ручающаяся за обоюдную поддержку.

Еще замѣтимъ, что отдѣленіе свѣтской власти папъ отъ ихъ духовнаго *авторитета* значительно подняла бы религіозность въ католическомъ мірѣ, возвысила бы значеніе церкви и, конечно, ослабило бы абсолютизмъ свѣтскаго правительства, чего, конечно, не можетъ желать Наполеонъ III. Чѣмъ ближе подходятъ нравы французскаго общества къ нравамъ Рима временъ имперіи, тѣмъ крѣпче держится власть Наполеона III; слѣдовательно всякое возвышеніе нравственнаго уровня въ странѣ не можетъ входить въ стремленія автора 2 декабря. Поэтому совершенно излишне ожидать, чтобы конференція, еслибы она и состоялась, могла привести къ хорошему исходу вопросъ о папской власти. Свѣтская власть папъ поддерживаетъ свѣтскія стремленія католическаго духовенства и совершенно парализируетъ его нравственность; именно такое духовенство и можетъ служить опорой для На-

полеона III; лишиться же этой сильной опоры было бы неразсчетливо для императора французовъ, и онъ, несомнѣнно, не только бы потерялъ сочувствіе всѣхъ французскихъ монаховъ, но даже возстановилъ бы ихъ противъ себя, еслибы обнаружилъ наклонность къ уничтоженію свѣтской власти папъ и сталъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на созываемой имъ конференціи.

Созываніе конференціи производится безъ всякой опредѣленной программы, и одно это обстоятельство уже достаточно ручается за то, что конференція не можетъ имѣть другаго исхода, какъ несогласимое разногласіе мнѣній ея членовъ.

Затѣмъ намъ остается привести текстъ приглашенія на конференцію, извлекаемый изъ *„желтой книги“*, которая обыкновенно раздается депутатамъ законодательнаго корпуса, чтобы подкрѣпить нашъ изложенный выше взглядъ на *значеніе* гарибальдійской попытки. „Событія на итальянскомъ полуостровѣ служатъ *важнымъ урокомъ* и по своему свойству должны озабочивать всѣ кабинеты Европы. Если правительство императора было вынуждено сознать ненарушимыми обязательства, заключенныя съ нимъ, если необходимо *новою твердостію* удержать умѣренные умы (т. е. монархическую партію въ Италіи), которые въ Италіи стремятся утвердить существенныя основанія (монархію) великой страны, то эта работа, достающаяся на долю Франціи, не должна быть налагаема исключительно на нее. Труды эти, чтобы быть вполнѣ дѣйствительными, должны быть распредѣлены и между другими правительствами, столь же въ томъ заинтересованными (Только-что не говорится о республиканскомъ движеніи, угрожающемъ Франціи и другимъ странамъ Европы). Соображеніе, затруднявшее прежде обсужденіе подобныхъ вопросовъ, нынѣ болѣе не существуетъ. Державы, находясь между собою въ мирѣ, отнынѣ могутъ опасатся только собственныхъ увлеченій. Италія (разумѣется, при французскихъ войскахъ) не составляетъ болѣе непосредственной причины раздора и столкновеній, но не смотря на то, если положеніе Италіи и римскаго престола не сдѣлается предметомъ серьезнаго вниманія всѣхъ, оно можетъ быть поводомъ *смутъ*, предметомъ заботъ. Это положеніе дѣлъ не только касается *обычнаго спокойствія*, религіозныхъ и *нравственныхъ чувствъ* разныхъ католическихъ народовъ, но, вслѣдствіе *преобладающихъ нынѣ началъ*, ни одно правительство не захочетъ устраниться отъ обязанности дать своимъ подданнымъ всѣхъ (?) вѣроисповѣданій законныя удовлетворенія для успокоенія ихъ религіознаго чувства.“

Въ этихъ устрашающихъ намекахъ высказанъ отчасти прямой взглядъ на дѣло, исключая то, что опасность угрожаетъ только

Наполеону III, а не всѣмъ народамъ и не всѣмъ государствамъ; но чего же долженъ добиваться императоръ французовъ на конференціи, если отъ нея нельзя ждать хорошаго результата? Мы думаемъ, что Наполеону III остается добиваться безпрепятственнаго и постояннаго занятія Рима французскими войсками; если онъ найдетъ поддержку сильнѣйшихъ державъ въ признаніи этой необходимости конференціей, то это будетъ вѣнцомъ его желаній и безвыходное положеніе Италіи будетъ понятно; если же конференція положительно не придетъ ни къ какому результату, то и это также можетъ послужить императору французовъ поводомъ охранять Римъ и папу своими войсками, какъ это было въ теченіе 18-ти лѣтъ.

Текущій сезонъ въ политическомъ смыслѣ можно назвать сезономъ тронныхъ рѣчей: императоръ французовъ сочинилъ на этотъ разъ рѣчь, не отличающуюся литературными достоинствами, о которыхъ онъ въ прежнее время всегда заботился; королева Викторія въ своей рѣчи выразила желаніе, чтобы французскія войска поскорѣе удалились изъ Италіи; прусскій король ограничился своими чисто-нѣмецкими дѣлами. Рѣчи императора Наполеона и королевы Викторіи, такъ сказать, дышатъ миромъ, если не считать нарушеніемъ мира абиссинскую экспедицію; о мирѣ, проповѣдуемомъ Наполеономъ III, едва ли стоитъ и говорить, какъ впрочемъ и вообще о всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ относительно внѣшней политики, составляющихъ содержаніе тронныхъ рѣчей, въ которыхъ называются миромъ международныя политическія отношенія, поддерживаемыя обыкновенно до посылки ультиматумовъ, слѣдовательно съ точки зрѣнія тронныхъ рѣчей предвѣстниками войны считаются не тревожные симптомы, опредѣляющіеся общимъ состояніемъ дѣлъ, а факты въ родѣ заряжанія пушекъ, посылки десанта и т. п. Въ рѣчи императора французовъ можно указать на мѣсто, относящееся къ восточному вопросу, хотя и здѣсь не сказано ничего новаго: онъ сказалъ, что великія державы согласны между собою въ томъ относительно Турціи, что признаютъ въ принципѣ ея цѣлость; между тѣмъ самъ же императоръ французовъ, какъ извѣстно, участвовалъ въ предложеніи спросить населеніе Кандіи о томъ, хочетъ ли оно оставаться въ власти Турціи; въ этомъ несомнѣнное противорѣчіе, почему также мало заслуживаетъ вѣроятія увѣреніе императора о признаніи за принципъ *всѣми* великими державами цѣлости Турціи. Это можетъ вполнѣ относиться ко Франціи и Англіи, но дру-

гія державы на цѣлость турецкой имперіи могутъ смотрѣть не безусловно, а смотря по степени обезпеченія турецкимъ правительствомъ правъ христіанскихъ его подданныхъ. Англійскія газеты безжалостно напали на литературный талантъ императора французовъ, разбирая его рѣчь; они нашли, что императоръ плохой стилистъ и нисколько не ораторъ и даже просто не имѣетъ литературнаго вкуса и не обладаетъ силой мысли; въ особенности нападки относятся къ тому, что императоръ придалъ слишкомъ большое значеніе парижской выставкѣ. Французскія газеты въ свою очередь нападаютъ на рѣчь королевы Викторіи за то, что въ ея рѣчи выражено почти—требованіе вывести французскія войска изъ Италіи, что́ французы считаютъ оскорбленіемъ; но какъ бы то ни было, *ордеръ* англійской королевы не оставленъ безъ *всякаго* исполненія ея сосѣдомъ и другомъ: часть войскъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, получила приказаніе возвратиться изъ Чивита-Веккіи во Францію. Въ рѣчи англійской королевы положительно заявляется сочувствіе Англіи къ Италіи въ римскомъ вопросѣ; что же касается другихъ державъ, то нигдѣ кромѣ Испаніи не заявляется сочувствіе папѣ и охраненію его владѣній; Австрія, хотя и не вмѣшивается въ самый вопросъ, но дѣло о новомъ конкордатѣ съ Римомъ, какъ предметъ внутренней политики Австріи, разрѣшено не въ пользу Рима; со стороны Россіи нельзя и сомнѣваться въ желаніи предоставить Римъ Италіи, ослабивъ тѣмъ значеніе папства, что́ выражено и въ офиціальной газетѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ; только въ рѣчи прусскаго короля не содержится яснаго и прямаго, а какое-то двусмысленное выраженіе относительно римскаго вопроса: король говоритъ, что онъ озабочивается удовлетвореніемъ совѣсти его католическихъ подданныхъ, но въ чемъ могло бы заключаться это удовлетвореніе, можетъ быть понимаемо различно и противоположно.

Съ открытіемъ законодательной сессіи во Франціи ожидается весьма интересное состязаніе правительства съ оппозиціей, которая заявила было о трехъ вопросахъ: о римской экспедиціи (второй), о законахъ по дѣламъ печати и о сходкахъ, но послѣдній запросъ не получилъ установленнаго разрѣшенія законодательнаго корпуса и слѣдовательно *прямо* не будетъ говориться объ этомъ щекотливомъ для французскаго правительства вопросѣ, а развѣ только кстати въ рѣчахъ по другимъ предметамъ.

Восточный вопросъ, какъ кажется, вступилъ въ знакъ рака, т. е. пошелъ нѣсколько назадъ; дипломатическая атака турецкой имперіи окончена колективной деклараціей четырехъ державъ — Россіи, Пруссіи, Италіи и Франціи и особыми нотами англійскаго и вѣнскаго кабинетовъ. Со стороны нашего правительства послѣдовала еще циркулярная депеша князя Горчакова къ представителямъ Россіи за границей. Смыслъ и сущность этихъ документовъ таковъ, что европейскія державы, пытаясь прекратить кровопролитіе на островѣ Кандіи и стремясь улучшить положеніе христіанъ въ Турціи, ходатайствовали и совѣтовали Портѣ удовлетворить справедливыя жалобы христіанъ и упрочить ихъ права, но упорный отказъ турецкаго правительства уничтожаетъ всякую надежду на то, чтобы цѣль была достигнута дипломатическимъ путемъ, а между тѣмъ отчаяніе христіанъ угрожаетъ взрывомъ, революціей, которая можетъ опрокинуть тронъ султана. Послѣ своихъ безуспѣшныхъ усилій державы предоставляютъ Порту „возможнымъ послѣдствіямъ ея образа дѣйствій“ и отказываютъ заранѣе „въ нравственной помощи“ среди могущихъ возникнуть затрудненій; но въ тоже время державы заявляютъ о томъ, что они будутъ выполнять великодушное призваніе, которое возлагаетъ на нихъ долгъ совѣсти, т. е. оказывать покровительство христіанскимъ подданнымъ султана. Въ этомъ же смыслѣ изложена депеша и нашего канцлера, только въ выраженіяхъ еще болѣе опредѣлительныхъ и въ тонѣ весьма рѣшительномъ; въ депешѣ говорится, что русское правительство слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за опасныя для Порты послѣдствія ея политики, причемъ также указывается на усложненіе восточнаго вопроса опасностями теперешняго положенія европейскихъ дѣлъ, и что Россія будетъ слѣдовать принципу невмѣшательства до тѣхъ поръ, пока прочія державы будутъ оказывать этому принципу полное уваженіе, хотя принципъ этотъ не требуетъ равнодушія со стороны заинтересованныхъ державъ, почему великодушныя обязанности и отношенія къ христіанамъ, возложенныя совѣстью на великія державы, могутъ вызвать Россію къ дѣятельности, какъ скоро этого потребуютъ обстоятельства.

Въ этомъ заключается все, что сдѣлала дипломація. Но едва ли въ совѣтахъ и предостереженіяхъ, сдѣланныхъ Портѣ, и въ рѣшеніяхъ, принятыхъ державами, заключается хоть что нибудь дѣйствительно-угрожающее турецкому правительству. Оно знаетъ свое положеніе, конечно, лучше, чѣмъ всѣ державы; добивается же оно отъ Европы именно невмѣшательства, т. е. свободы расправляться съ христіанами по мусульмански, иначе говоря, рѣзать ихъ по произволу. Чѣмъ же послѣ этого намѣрены были устрашить

султана, провозглашая принципъ невмѣшательства, и въ чемъ именно заключаются „великодушныя обязанности“ и проч., если настоящія событія въ Кандіи не признаются поводомъ къ выполненію этихъ обязанностей? Будутъ ли дожидаться поголовнаго истребленія христіанъ въ Турціи и только тогда признаютъ своевременнымъ исполненіе „великодушныхъ обязанностей?“

Именно потому мы и находимъ признаки регресивнаго положенія восточнаго вопроса, что свобода дѣйствій, провозглашенная державами единовременно съ принципомъ невмѣшательства и притомъ обусловленнаго общимъ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, сравнительно со свободой дѣйствій турецкаго правительства, вовсе не есть свобода и революціонный исходъ восточнаго вопроса менѣе чѣмъ когда нибудь представляется надежнымъ.

Возстаніе въ Кандіи, хотя и держится еще, потому что вообще гористая мѣстность этого острова допускаетъ возможность долго держаться возстанію, но славянское движеніе, т. е. движеніе болгаръ, какъ кажется, начинаетъ ослабѣвать. Съ другой стороны, хотя телеграфъ и приноситъ намъ извѣстіе, что вооруженіе и военныя приготовленія Сербіи увеличиваются и что отказъ Порты дать удовлетвореніе княжеству за убитаго на пароходѣ „Германія“ сербскаго гражданина приближаетъ дѣло къ разрыву, но все-таки кажется сомнительнымъ успѣхъ этого движенія, потому что мы видимъ съ одной стороны хотя и разстроенное и близкое къ паденію, но все-таки сорокамиліонное государство, съ другой же стороны народъ, не превышающій численностію одного миліона.

Нѣтъ, восточный вопросъ до тѣхъ поръ нельзя считать поставленнымъ серьезно, покуда Россія не приметъ въ немъ болѣе рѣшительнаго и дѣятельнаго участія. А для этого едва ли достаточно созрѣли ея средства и силы и едва-ли этому благопріятствуетъ господствующее въ Европѣ въ настоящее время настроеніе. Да и безъ сильнаго движенія во всемъ славянскомъ мірѣ едва-ли можетъ быть успѣшно участіе Россіи, потому что она не имѣетъ силъ на Черномъ морѣ, благодаря парижскому трактату, и славяне могли бы значительно помѣшать, хоть по крайней мѣрѣ, какимъ нибудь англо-французскимъ войскамъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая восточная война, не смотря на участіе Франціи въ колективныхъ декларацiяхъ Портѣ и предательскія для христіанъ ноты Англіи. Славянское же движеніе, по видимому, ослабляется, или по крайней мѣрѣ вступаетъ на путь, которому не предвидится ни начала, ни конца.

Если не давать мѣста легковѣрію, то надо согласиться, что покуда не будутъ въ виду военныя приготовленія Россіи и покуда не ожи-

вится до дѣйствительно-угрожающихъ размѣровъ движеніе славянъ, восточный вопросъ останется на той-же точкѣ замерзанія, на которой онъ находится теперь. На одну Сербію и волненіе христіанъ въ Турціи плохи надежды.

Изъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ остановимъ вниманіе на приближающемся срокѣ для обязательной продажи имѣній въ западныхъ губерніяхъ; срокъ этотъ оканчивается будущаго 10-го декабря, слѣдовательно осталось менѣе мѣсяца на добровольную продажу имѣній, простирающихся числомъ до 900 по всѣмъ западнымъ губерніямъ; затѣмъ непроданныя до срока имѣнія будутъ продаваться съ торговъ уже правительствомъ, и если въ продажу не поступятъ, то обращены будутъ въ казну съ уплатою владѣльцамъ ренты въ теченіе 37-ми лѣтъ, въ которой будетъ заключаться и процентъ на погашеніе капитальной цѣнности имѣнія. Мѣра это, относящаяся до подозрѣваемыхъ въ участіи въ бывшемъ возстаніи, безспорно, есть первый прочно полагаемый камень обрусѣнія и умиротворенія края; съ укрѣпленіемъ этимъ способомъ русскаго землевладѣльца только и возможно будетъ начало вполнѣ гражданскаго управленія краемъ съ введеніемъ новыхъ судебныхъ и земскихъ учрежденій. Слѣдовательно этой мѣрой достигаются какъ политическіе виды, такъ и мѣстные гражданскіе интересы всего населенія. Важность указа 10 даекбря требуетъ безусловнаго приведенія въ исполненіе этого закона; но у этой мѣры есть и своя мрачная сторона, требующая полнаго вниманія правительства и гуманной его заботливости объ участи лицъ, которыя наиболѣе подвергнутся тяжести случая, если имѣнія ихъ не будутъ проданы, а поступятъ въ казну. Съ принятіемъ имѣній въ казенное завѣдываніе окончатся всѣ права владѣльцевъ, они должны будутъ оставить свои гнѣзда и разсѣяться по городамъ; при средствахъ это переселеніе не можетъ представлять затрудненій, въ противномъ же случаѣ участь семействъ, живущихъ нынѣ въ имѣніяхъ и существующихъ нерѣдко весьма ничтожными доходами съ этихъ имѣній, будетъ весьма плачевна; нужно, чтобы ренты этимъ лицамъ были асигнованы правительствомъ одновременно съ пріемомъ имѣній въ казну, чтобы имъ не приходилось, оставя имѣнія, ожидать полученія изъ казны слѣдующаго дохода и оставаться безъ средствъ между небомъ и землею; чтобы разсчетъ въ ссудахъ, слѣдующихъ

за крестьянскіе надѣлы этихъ имѣній, также былъ оконченъ съ помѣщиками прежде, нежели они должны будутъ оставить имѣнія. Удалять изъ имѣній прежнихъ ихъ владѣльцевъ дѣло, конечно, легкое, и мѣстныя полицейскія власти будутъ его выполнять не безъ усердія, разсчеты же по ссудамъ и асигновка ренты за непроданныя имѣнія будутъ требовать времени и, главное, не зависятъ уже ни отъ полицейской, ни вообще отъ мѣстной власти; слѣдовательно весьма возможно ожидать, что одна власть — полицейская, приводящая въ исполненіе указъ 10 декабря, удалитъ владѣльцевъ изъ имѣній, не обращая вниманія на то, удовлетворены ли они правительствомъ въ денежномъ отношеніи, а другая власть, завѣдующая асигновкой рентъ и разсчетомъ по выкупу, будетъ выполнять исподволь свое дѣло, вовсе не касаясь соображеній о личной участи помѣщиковъ.

Мы думаемъ, что на обязанности г. министра внутреннихъ дѣлъ лежитъ необходимость предупредить всѣ печальныя послѣдствія обязательной продажи разъясненіемъ мѣстной власти, что удаленіе помѣщичьихъ семействъ изъ непроданныхъ имѣній должно послѣдовать не прежде, какъ по окончаніи правительствомъ полнаго разсчета съ помѣщиками за ихъ имѣнія. Это и справедливо и нисколько не ослабляетъ силы закона 10 декабря.

Министерству необходимо вообще предупредить, чтобы бюрократическіе пріемы въ основаніи этого закона не имѣли никакихъ другихъ послѣдствій кромѣ тѣхъ, которыя имѣетъ въ виду законъ.

Заключаемъ наше краткое на этотъ разъ обозрѣніе внутренней политики замѣткой объ анти-русскомъ ропотѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство и учрежденіе одной русской гимназіи въ прибалтійскомъ краѣ вызвали цѣлую бурю въ стаканѣ воды. Мѣры эти, имѣющія исключительно-государственное значеніе, приняты были мѣстными публицистами за посягательство на нѣмецкую народность; русскія газеты доказывали необходимость предоставленія правъ всѣмъ народностямъ этого края и вовсе не настаивали на безусловномъ обрусѣніи, и менѣе всего высказывались въ смыслѣ распространенія русской народности на счетъ нѣмецкой. Такая точка зрѣнія, усвоенная нѣмецкой стороной, не могла не привести къ горячей

полемикѣ, потому что для этого газетнаго турнира бралось оружіе не только изъ арсенала исторіи, но и изъ государственнаго и народнаго права. Съ цензурной точки зрѣнія полемика эта показалась нашимъ властямъ заходящей за предѣлы закона, почему и было сдѣлано распоряженіе объ умягченіи мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ; они съ своей стороны заявили, что вовсе прекращаютъ споръ, признавая невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе его; русскія газеты также сложили оружіе; но это, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, повлекло за собою еще большее раздраженіе, съ той только разницей, что разработка вопроса перенесена была съ мѣстной арены на широкое поле европейской печати; такимъ образомъ мѣстный административный вопросъ поставленъ какъ вопросъ международный, германо-русскій. Для устраненія неправильности взгляда наша офиціальная газета заявила, что русское правительство не имѣетъ намѣренія принудительно-безразлично *сглаживать* историческихъ оттѣнковъ — особенностей края, требуя лишь того, что требуетъ государственное единство. Этотъ взглядъ согласуется со взглядомъ русской печати; остается желать, чтобы наши нѣмцы уразумѣли, что требовать государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ — учрежденіе одной русской гимназіи для русскихъ и тѣхъ изъ нѣмцевъ, которые найдутъ для себя полезнымъ и необходимымъ обучиться русскому языку, вовсе не заключаетъ въ себѣ никакого посягательства на народность, а тѣмъ менѣе можно видѣть посягательство въ предоставленіи равноправнаго гражданства другимъ народностямъ края, въ томъ числѣ русской. Эта послѣдняя цѣль дѣйствительно отнимаетъ у нѣмецкой народности возможность преобладанія, первенства въ краѣ, возможность германизаціи эстовъ и латышей и даже русскихъ; но развѣ есть какое нибудь разумное основаніе поддерживать и доказывать право *германизировать* народности въ предѣлахъ *русскаго* государства? Если и возможно такое право, то оно возможно лишь для одной *русской* народности. Да успокоятся впрочемъ балтійскіе бароны и бюргеры, потому что насильственное навязываніе своей народности вовсе не въ духѣ русскаго народа, среди котораго жили и живутъ самые различныя народности, удерживая всѣ свои этнографическія и племенныя особенности. Въ западномъ краѣ введеніе русскаго элемента является не болѣе какъ мѣрой анти-революціонной, административной; въ балтійскихъ же губерніяхъ правительство не предпринимало и не предпринимаетъ ничего подобнаго, по той простой причинѣ, что нѣтъ обстоятельствъ, вызывающихъ на подобныя мѣры. Слѣдовательно правительство оставалось вѣрнымъ духу русскаго народа, т. е. духу самой широкой терпимо-

сти, и не можетъ предпринимать ничего подобнаго тому, что хотѣли видѣть нѣмцы въ реформахъ, предпринимаемыхъ вообще въ балтійскомъ краѣ.

Не скрывается ли въ преднамѣренномъ искаженіи смысла и духа этихъ реформъ тенденцій *сословной* исключительности?

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. ХАНОМЪ

ПЕРВЫЙ ГОДЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДОКТОРА М. ХАНА ВЪ БОЛОТНОЙ УЛИЦѢ Д. № 5

1867

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе.

Первый номеръ журнала за 1868 г. выйдетъ около 15 января.

Отъ Редакціи.

1) Въ первыхъ номерахъ журнала за наступающій 1868 годъ будетъ помѣщено: *Жертва вечерняя*, романъ, въ четырехъ частяхъ, П. Д. Боборыкина; *Внучка панцырнаго боярина*, романъ изъ времени послѣдняго польскаго мятежа, въ трехъ частяхъ, И. И. Лажечникова; *Типы современной понизовой вольницы* Д. Л. Мордовцева; *Самуилъ Рейхъ*, разсказъ изъ записокъ слѣдователя, П. И. Степанова; *Воспоминанія* А. П. Милюкова; *Русская журналистика* въ 1867 г. Н. И. Соловьева; *Петербургская драматическая сцена* въ 1867 г. В. К. Иванова; *Раціонализмъ раскольниковъ* Ѳ. В. Ливанова; *О свободѣ торговли* О. Н. Шиля; *Происхожденіе асигнацій* П. П. Сухонина; *Критика; политическія и общественныя замѣтки; библіографическій листокъ.* Приложеніе: *Обвиняемый священникъ*, романъ Тролопа.

Кромѣ того для журнала готовятся: В. Авенаріусомъ романъ въ четырехъ частяхъ и П. Каратыгиномъ романъ въ двухъ частяхъ.

2) Продолженіе романа „Обвиняемый священникъ“ Тролопа будетъ напечатано въ наступающемъ 1868 г.—Гг. подписчики, не получавшіе журнала въ текущемъ 1867 г., могутъ вытребовать изъ Редакціи отпечатанныя уже 92 страницы этого романа безвозмездно.

3) Сотрудники предпринимаемой Редакціею газеты „Отголоски“ будутъ также участвовать въ журналѣ.

О ПОДПИСКѢ НА УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

И

политическую и литературную газету:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЕ ОТГОЛОСКИ

1868 г.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

ВСЕМІРНЫЙ ТРУДЪ

принимается, по прежнему, *въ Конторѣ Типографіи д-ра М. Хана*, близъ Кузнечнаго переулка, въ Болотной улицѣ, д. № 5. Подписная цѣна за годовое изданіе (12 книгъ) 15 р. съ пересылкою (безъ пересылки 14 р.). — Желающіе могутъ получить за 15 р. и все годовое изданіе за 1867 г.

Въ 1868 г. журналъ «Всемірный Трудъ» будетъ выходить въ томъ же видѣ, какъ онъ теперь издается (12 книгъ въ годъ, отъ 28—30 листовъ убористой печати), и съ тѣмъ же стремленіемъ доставлять своимъ читаталямъ статьи современныя и преимущественно касающіяся вопросовъ русской народности и общественной жизни. Пріобрѣтая, все болѣе и болѣе, дѣльныхъ сотрудниовъ, Редакція надѣется ностепенно расширить и разнообразить свою дѣятельность, и въ этихъ видахъ, она на будущій годъ, кромѣ участвующихъ уже сотрудниковъ, обезпечила себѣ также содѣйствіе другихъ извѣстныхъ въ литературѣ дѣятелей.

Въ той же *Конторѣ Типографіи* д-ра М. Хана принимается подписка на издаваемую имъ же политическую и литературную газету:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЕ ОТГОЛОСКИ

при содѣйствіи **Я. О. Головацкаго, В. И. Кельсіева, Н. Ѳ. Щербины, С. Н. Палаузова, А. С. Гіероглифова, М. В. Загуляева, А. С. Афанасьева-Чужбинскаго и В. К. Иванова.**

Газета эта, начиная съ января 1868 г., будетъ выходить два раза въ недѣлю, по одному газетному листу убористой печати. Подписная

цѣна за годъ 6 р., — за полгода 3 р. 50 к., — за 3 мѣсяца 2 р. съ пересылкою.

Въ журналѣ «Всемірный Трудъ», относительно политическихъ событій, Редакція по необходимости должна была оставаться на почвѣ фактовъ и безусловныхъ интересовъ Россіи, ограничиваясь уясненіемъ ихъ значенія и характера. Подробная же передача фактовъ и извѣстій, касающихся текущей политики и общественной жизни, несвойственна изданію, выходящему только одинъ разъ въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, когда оно посвящается преимущественно литературной дѣятельности. Между тѣмъ интересъ готовящихся во всей Европѣ политическихъ и общественныхъ событій и въ особенности *интересъ настоящихъ стремленій славянскихъ народовъ* требуетъ болѣе подробнаго и болѣе частаго сообщенія и обсужденія современнаго хода дѣлъ. Побуждаемые этими соображеніями, мы рѣшились содѣйствовать удовлетворенію настоящей потребности и приступить съ новаго 1868 г къ изданію, по два раза въ недѣлю, газеты «Русско-славянскіе отголоски», которая преимущественно будетъ служить *органомъ славянскаго движенія и взаимной связи между русскимъ и прочими славянскими народами* и вмѣстѣ съ тѣмъ выполнять общую задачу газетъ: сообщать какъ можно больше свѣжихъ фактовъ и обсуждать насущные вопросы дня. Благодаря полнотѣ нашей программы, мы надѣемся, что «Русско-славянскіе отголоски» будутъ, особенно для иногородныхъ, удовлетворять современнымъ потребностямъ не менѣе ежедневныхъ газетъ, которыя въ провинціи также получаются только разъ или два раза въ недѣлю.

Согласно изложенному плану изданія мы, кромѣ опытныхъ публицистовъ, пригласили къ содѣйствію нашему новому предпріятію преимущественно такихъ дѣятелей, труды которыхъ по разработкѣ славянскихъ вопросовъ давно уже извѣстны публикѣ.

Газета «Русско-славянскіе отголоски» будетъ выходить по слѣдующей *программѣ:*

1) Передовыя статьи по внутренней и внѣшней политикѣ, славянскимъ вопросамъ и общественной жизни.
2) Внутреннія и иностранныя политическія, хозяйственныя и общественныя извѣстія.
3) Событія у славянскихъ народовъ.
4) Коресподенціи, преимущественно изъ славянскихъ земель.
5) Обзоръ телеграммъ.
6) Разныя извѣстія.
7) Судебные процессы.
8) Фельетонъ: статьи научныя, белетристическія, критичексія, библіографическія и театральная хроника.
9) Объявленія.

Редакторъ и издатель журнала «Всемірный Трудъ»,

М. ХАНЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. ХАНА И У КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

продаются и пересылаются иногороднымъ по ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦѢНАМЪ слѣдующія популярныя книги, изданныя М. Ханомъ:

ЖИЗНЬ МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ ЖИВОТНЫХЪ А. БРЕМА, изд. М. Хана. Это сочиненіе, изданное на нѣмецкомъ языкѣ въ 2 томахъ, раздѣлено въ русскомъ переводѣ, ДЛЯ УДОБСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ, по разрядамъ животныхъ, на 6 томовъ, красиво напечатанныхъ въ очень удобномъ форматѣ (въ 8-ю долю). Цѣна за всѣ 6 томовъ 8 р. Эти 6 томовъ продаются также отдѣльно, а именно: ЖИЗНЬ ОБЕЗЪЯНЪ, ПОЛУОБЕЗЪЯНЪ и летучихъ мышей, 1 томъ (22 листа съ 60 изящными рисунками) 1 р. 50 к. ЖИЗНЬ ХИЩНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ, 2 тома (65 л. съ 135 рис.) 3 р. 50 к. ЖИЗНЬ СУМЧАТЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ и ГРЫЗУНОВЪ 1 томъ (42 л. съ 90 рисунками) 2 р. НЕПОЛНОЗУБЫЯ и КОПЫТНЫЯ 1 томъ (45 л., съ 88 рисунками) 2 р. 25 к. МНОГОКОПЫТНЫЯ и МОРСКІЯ МЛЕКОПИТАЮЩІЯ 1 томъ (28 л. съ 28 рисунками) 1 р. 50.

КНИГА ПРИРОДЫ, соч. Ф. Шедлера, перев. съ 15 изданія 1865 г., 4 тома слишкомъ 100 л. съ около тысячею рис.), содержащіе въ себѣ всѣ отрасли естественныхъ наукъ, популярно изложенныхъ. Цѣна за всѣ 4 тома 6 р.

ПОЛНЫЕ ПРАКТИЧЕСКІЕ КУРСЫ ФРАНЦУЗСКАГО и АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА, для самоучекъ и учителей, ПО ОСОБОЙ НОВОЙ СИСТЕМѢ, съ ясными указаніями произношенія всѣхъ словъ и ключами для задачъ, сост. д-ромъ М. Ханомъ. Каждый курсъ продается отдѣльно по 1 р. 35 коп.—Эти курсы полезны для учителей, какъ справочныя книги, по полнотѣ ихъ содержанія, а для самоучекъ по удобопонятности изложенія.

ДИВА ПРИРОДЫ ВЪ НѢДРАХЪ ЗЕМЛИ, соч. М. Хана (19 л. съ 39 рис.), 1 р. 50 к.

О ПЛЕМЕНАХЪ ЗЕМНАГО ШАРА, соч. М. Хана 3 тома (58 л. съ 164 рис.), 5 р.

СИЛЫ ПРИРОДЫ и ИХЪ ПРИМѢНЕНІЕ (18 л. съ 83 рис.) 1 р. 50.

КАРТИНЫ изъ землеописанія и жизни народовъ (18 л.) 1 р.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ съ рис. 4 тома (80 л.) 4 р.

КРАСОТА И ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЪ (8 лист.) 60 коп.

ПОПУЛЯРНАЯ АНАТОМІЯ соч. П. Ольхина (26 л. съ 208 рис.) 1 р. 25.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗІОЛОГІЯ П. Ольхина (35 л. съ 97 рис.) 1 р. 50.

ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНА, соч. д-ра М. Хана 2 тома (60 л.). 2 р. 75.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ САМОУБІЙЦЪ (29 л.) 60 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВЕЛЬТЕРА, перев. съ 19 изданія, цѣна съ перес. 1 р. 25 к.

СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ ВЕЛЬТЕРА, перев. съ 19 изданія, цѣна съ перес. 1 р. 25 к.

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ Вельтера, перев. съ 19 изд. цѣна съ перес. 1 р. 25 к.

АНГЛІЙСКАЯ ГРАММАТИКА, сочин. Нурока, цѣна съ перес. 1 р.

САМООБРАЗОВАНІЕ (за 1865 и 1866 г.), иллюстрированный ученолитературный журналъ, изданный М. Ханомъ. Цѣна за каждое годовое изданіе съ перес. 6 р.

МУЖЪ-КАПИТАЛИСТЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Посвящается артисткѣ Императорскихъ С.Петербургскихъ Театровъ,

ЕЛЕНѢ ПАВЛОВНѢ СТРУЙСКОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУТОЛОКИНЪ, помѣщикъ.
КАТЕРИНА ДМИТРІЕВНА, жена его.
ВѢРА АЛЕКСАНДРОВНА, дочь ихъ.
АЛЕКСѢЙ ИЛЬИЧЪ РУДАНКОВСКІЙ, капиталистъ.
ЯКОВЪ САМОЙЛЫЧЪ ШКЛОВИЧЪ, богатая, но темная личность.
ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРЫЧЪ ЛИПНЕВЪ, господинъ, бьющій на всѣ руки.
ЮЛІЙ ИВАНЫЧЪ ШЕЛЬМЕНФЕЛЬДЪ, повѣренный Руданковскаго.
ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ ШЛЫКОВЪ, управляющій подрядами Руданковскаго.
ПАННА РОЗАЛІЯ, пріѣзжая полька.
АНТОНИНА СЕРГѢЕВНА ЧЕДАЕВА, жена губернатора.
ѲЕДОРЪ КАРЛЫЧЪ ГУМПЕЛЬ, полиціймейстеръ.
ТИМОФЕЙ МАКАРЫЧЪ, суфлеръ.
САША, горничная Вѣры Александровны.
СТЕПАНЪ, слуга Сутолокина.
ГРИГОРІЙ, слуга Руданковскаго.

Первыя три дѣйствія въ Петербургѣ, четвертое въ провинціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Роскошно убранный кабинетъ въ квартирѣ Руданковскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Руданковскій.

Руданковскій (сидитъ передъ бюро и считаетъ деньги).

Семь, восемь, девять, десять... Десять тысячъ!... почти деньги, если-бы всѣ эти десять тысячъ остались въ моихъ рукахъ. Но когда надо отдать изъ нихъ паннѣ Розаліи десять процентовъ, покрыть вечеровой расходъ, а остальныя раздѣлить пополамъ съ Шкловичемъ, такъ оно и выходитъ, что игра почти не стоитъ свѣчъ. Впрочемъ теперь еще туда—сюда. А вотъ прошедшій разъ весь выигрышъ ограничился какими нибудь тысячами тремя, а раздѣлить ихъ пришлось на четыре части. Тутъ ужъ конечно не изъ чего было рукъ марать. (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ*) Да, Шкловичъ правъ: игра рѣшительно теперь упала. Но къ чему же прибѣгнуть мнѣ, чтобъ удержать отъ паденія мои дѣла?... (*Останавливаясь и подумавъ*) Одно спасеніе—во что-бы то ни стало взять новый подрядъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, я могу поддержать кредитъ мой на нѣкоторое время. А между тѣмъ можетъ представиться какой нибудь случай... (*Подумавъ*) Случай!... Но теперь и случаи-то какъ-то перестали представляться. Теперь самому надо, такъ сказать, создавать случаи, иначе ихъ никогда не дождешься (*Начинаетъ опять ходить по комнатѣ*). Шкловичъ, кажется, что-то имѣетъ въ виду... недаромъ онъ твердитъ, что надо бросить игру и обратиться къ другимъ средствамъ... Кажется, у него ужъ и

придумано что-то... Но можетъ быть ужъ слишкомъ того... Впрочемъ онъ остороженъ и хитеръ какъ самъ чёртъ; съ нимъ можно дѣлать дѣло. Однако же подрядъ все-таки надо взять.

ЯВЛЕНІЕ II.

Руданковскій и Григорій.

Григорій (докладываетъ).

Яковъ Самойловичъ Шкловичъ.

Руданковскій.

Проси (*Григорій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Руданковскій.

Руданковскій (смотритъ на часы).

Минуты не опоздалъ: этотъ человѣкъ — сама акуратность.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Руданковскій и Шкловичъ.

Шкловичъ (подавая Руданковскому руку).

Здравствуйте, Алексѣй Ильичъ.

Руданковскій.

Здравствуйте; (*показывая на стулъ*) покорнѣйше прошу.
(*Садится*)

Шкловичъ (садясь и снимая перчатки).

Знаете ли, Алексѣй Ильичъ, вчерашній вечеръ доставилъ мнѣ

большое наслажденье. Очень большое!... Не то, чтобы интересовалъ меня выигрышъ: какія нибудь три—четыре тысячи на мою долю не могутъ же привести меня въ восторгъ...

Руданковскій (подавая ему деньги).

Четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ рублей.

Шкловичъ (взявъ деньги и положивъ ихъ въ карманъ).

Меня восхитило ваше искуство. Вольтъ и передержка, эти два основные камня игры, доведены вами до совершенства. Какъ жаль, что теперь не то время. Лѣтъ тридцать назадъ одного этого было достаточно, чтобы сдѣлать себѣ состояніе. Да-съ, такъ, очень жаль, что прошли и конечно безвозвратно прежнія времена! Теперь для человѣка, преслѣдующаго серьезные интересы, было-бы слишкомъ наивно возлагать на игру широкія надежды. Другое время—требуетъ другихъ средствъ.

Руданковскій.

Да, почти такъ. Говоря откровенно, я и самъ все болѣе и болѣе прихожу къ тому же убѣжденію.

Шкловичъ.

Не почти, а совершенно такъ. Другое время требуетъ другихъ средствъ. И потомъ въ карточной операціи есть одна чрезвычайно непріятная сторона: тутъ и не замѣтишь, какъ иногда очутишься въ интимныхъ отношеніяхъ съ такою личностію, отъ которой слѣдуетъ держаться подальше. Вотъ, напримѣръ, ваша панна Розалія. Я очень жалѣю, что поддался вашимъ убѣжденіямъ и согласился устроить игру съ Саблуковымъ у нея въ квартирѣ...

Руданковскій.

О, на счетъ Розаліи не безпокойтесь: она такъ предана мнѣ, такъ ко мнѣ привязана...

Шкловичъ (перебивая съ насмѣшкой).

Что вамъ весьма не мѣшало бы отвязаться отъ нея—о, въ этомъ

я не сомнѣваюсь. И чѣмъ скорѣе-бы, тѣмъ лучше. Никогда не надо ввѣряться женщинѣ—полькѣ. Я знаю ихъ лучше васъ. Я изучалъ ихъ на мѣстѣ, въ самомъ центрѣ ихъ дѣятельности; могу васъ увѣрить, что изъ всякой польки непремѣнно выглядываетъ ксендзъ. И вѣдь нѣтъ никакихъ причинъ полагать, чтобы ваша Розалія составляла исключеніе. Но объ ней послѣ. А теперь я долженъ вамъ сказать, что вчерашній вечеръ былъ послѣднимъ вечеромъ моего участія въ карточныхъ операціяхъ... Я это окончательно порѣшилъ. Ну, а вы какъ? Будете продолжать?...

Рудавковскій.

Объ этомъ подумать нужно, Яковъ Самойлычъ. Конечно, съ одной стороны вы правы; но съ другой стороны, еслибы вдругъ встрѣтился случай, гдѣ можно разсчитывать на значительный кушъ... (*Смотритъ на Шкловича вопросительно*).

Шкловичъ.

Эхъ, Алексѣй Ильичъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Рудавковскій, Шкловичъ и Григорій.

Григорій (докладываетъ).

Панна Розалія.

Рудавковскій.

Проси (*Григорій уходитъ*).

Шкловичъ (съ улыбкой).

Какъ легка на поминѣ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Руданковскій, Шкловичъ и Розалія.

Розалія.

Ахъ, и мосье Шкловичъ здѣсь. Очень рада (*пожимая имъ обоимъ руки*). Здравствуйте (*обращаясь къ Руданковскому*), Алексисъ! я пріѣхала передать вамъ новость... интересную новость... очень интересную... (*Обращаясь къ обоимъ*) Господа, вы знаете князя Щетинскаго?

Руданковскій.

Знаю.

Розалія (Шкловичу).

И вы знаете.

Шкловичъ.

Знаю.

Розалія (значительно).

Онъ завтра вечеромъ будетъ у меня. Понимаете?

Шкловичъ (съ улыбкой).

Понимаю: князь Щетинкій завтра вечеромъ будетъ у васъ, и это посѣщеніе васъ очень интересуетъ.

Розалія.

Не одну меня, а скорѣе (*съ особою выразительностію*) можетъ интересовать всѣхъ насъ. Вы говорите, что знаете князя, а знаете ли, какое огромное состояніе получилъ онъ отъ отца, который умеръ съ мѣсяцъ тому назадъ?

Шкловичъ.

Знаю.

Руданковскій.

Но какая же это новость, объ этомъ знаетъ весь Петербургъ.

Розалія.

А знаетъ ли вашъ Петербургъ, что князь началъ играть?

Руданковскій.

Играть?

Розалія.

Да-съ, играть. Вчера на вечерѣ у Всесвятскихъ проигралъ — это мнѣ навѣрное извѣстно—проигралъ три тысячи рублей.

Шкловичъ (серьезно).

Что-жъ изъ этого? ужъ не думаете ли вы, панна Розалія, что князь Щетинскій получилъ состояніе и началъ играть для того, чтобъ проиграть его намъ съ вами?... Ну, а ежели онъ не захочетъ этого сдѣлать: я полагаю, что это зависитъ не отъ насъ, а отъ него.

Розалія (начиная горячиться).

Послушайте, мосье Шкловичъ! Къ чему тутъ притворство?... я очень хорошо знаю, что вы поняли меня. Вѣдь Саблуковъ получилъ десять тысячъ за свое— какъ тамъ оно у васъ называется— да, за свое выкупное свидѣтельство, тоже не для того, чтобъ проиграть ихъ намъ съ вами, а вѣдь проигралъ?

Шкловичъ (перемѣнивъ тонъ и взявъ ее за руку).

Не сердитесь же, прекрасная Розалія, это къ вамъ нейдетъ. Конечно, я понялъ васъ, но вы смотрите на это дѣло такъ легко... Тутъ надо обсудить, подумать... и осторожность, понимаете ли?... осторожность прежде всего.

Руданковскій (съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ).

Обсудить?... Такъ вы находите, что можно...

Шкловичъ (перебивая его слова и бросая на него украдкой отъ Розаліи выразительный взглядъ).

Да, обсудить; и осторожность...

Розалія (съ нетерпѣніемъ).

Что тутъ обсуживать!... Тутъ главное не надо терять ни одной минуты.

Шкловичъ (утвердительно).

Да, и это правда.

Розалія.

Такъ рѣшено?... Дѣйствуемъ?

Шкловичъ (нерѣшительно).

Можетъ быть и дѣйствуемъ... но прежде надобно бы...

Розалія (съ горячностію)

Какое тутъ можетъ быть? дѣйствуемъ непремѣнно. (*Обращаясь къ Руданковскому*) Алексисъ! Будьте же готовы. (*Перемѣнивъ тонъ*) Только, господа, условіе мое—выигрышъ на ровныя части.

Шкловичъ (съ улыбкою).

Панна Розалія! Не рано ли мы приступаемъ къ раздѣлу: прежде выиграть нужно.

Розалія.

Да развѣ въ этомъ можетъ быть сомнѣніе? Мы завтра же можемъ начать... я вамъ сказала, что князь будетъ у меня. Пріѣзжайте ныньче вечеромъ ко мнѣ. Мы обо всемъ условимся и завтра начнемъ. А пока прощайте (*подавая руку Руданковскому и Шкловичу*). Въ девять часовъ буду васъ ждать. Пожалуйста, не опоздайте (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Руданковскій и Шкловичъ.

Шкловичъ.

Какова ваша Розалія?.... Видите, какъ она пользуется своимъ

положеніемъ и хочетъ сдѣлать изъ насъ покорныхъ себѣ сообщниковъ?... Нѣтъ, съ нею надо какъ можно осторожнѣе. Вы, конечно, поняли, что я маскировалъ себя, соглашаясь принять участіе въ ея операціи.

Руданковскій.

Да, понялъ; но что вы въ самомъ дѣлѣ думаете на счетъ Щетинскаго?... Не попробовать ли въ послѣдній разъ?

Шкловичъ (строго).

Сохрани васъ Богъ! Развѣ вы не знаете, кому родня князь Щетинскій? Обыграть его, да еще у Розаліи!... Вы знаете ли, къ чему это поведетъ?... Ныньче мы его обыграемъ, а чрезъ нѣсколько дней насъ вышлютъ изъ Петербурга. Я полагаю, что ни мнѣ, ни вамъ, Алексѣй Ильичъ, не должно ставить себя въ такое положеніе.

Руданковскій (съ серьезнымъ видомъ).

Еще бы!... Быть выгнану изъ Петербурга, когда у меня здѣсь дѣла!... И особенно теперь, когда я имѣю въ виду еще одно очень большое дѣло.... да это значило бы дать себя уничтожить!... Однакожъ все-таки жаль!... Могло кончиться не однимъ десяткомъ тысячъ.... Но вы совершенно правы: князя Щетинскаго положительно слѣдуетъ исключить изъ ожиданія. А вотъ о другомъ-то дѣлѣ я желалъ бы съ вами поговорить. Дѣло это—тотъ самый подрядъ, о которомъ вы уже слышали отъ меня. Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца назначены торги.

Шкловичъ.

Знаю.

Руданковскій.

Я рѣшился взять этотъ подрядъ. У меня и залоги почти готовы, но не всѣ.... нѣсколько не хватитъ.... поэтому я и хочу обратиться къ вамъ, Яковъ Самойловичъ. Вѣдь у васъ, конечно, есть свободные?

Шкловичъ.

Есть.

Руданковскій.

Такъ я могу надѣяться?... Вы одолжите мнѣ?....

Шкловичъ.

Нѣтъ.

Руданковскій.

Нѣтъ?...

Шкловичъ.

Нѣтъ.

Руданковскій.

Почему же? Развѣ вы сами имѣете виды на этотъ подрядъ?

Шкловичъ.

Нѣтъ.

Руданковскій.

Такъ отчего же не хотите мнѣ помочь?...

Шкловичъ (Весьма серьезнымъ тономъ).

Алексѣй Ильичъ! Буду говорить съ вами откровенно. Я знаю, что дѣла ваши сильно пошатнулись и съ каждымъ днемъ приходятъ все болѣе и болѣе въ затруднительное положеніе.

Руданковскій.

Кто вамъ сказалъ?... Это неправда!... Дѣла мои.... мои дѣла...

Шкловичъ (перебивая).

Позвольте, то, что я говорю вамъ, конечно, не скажу никому другому, тѣмъ болѣе, что это здѣсь въ Петербургѣ еще неизвѣстно. Надо отдать вамъ справедливость; вы довольно искусно маскируете дѣйствительное положеніе вашихъ дѣлъ. Но вѣдь все должно имѣть свой конецъ. Положимъ, что вы возьмете этотъ подрядъ, но вѣдь вы можете взять его не иначе, какъ себѣ въ убытокъ: взять съ

выгодой, даже съ самою умѣренною выгодой, васъ не допустятъ другіе подрядчики.

Руданковскій (стараясь придать своимъ словамъ наиболѣе убѣдительный тонъ).

Вы преувеличиваете, Яковъ Самойловичъ. Ну ежели и въ самомъ дѣлѣ подрядъ я возьму, по видимому, съ самыми незначительными выгодами, то вѣдь вы также не хуже меня знаете, какъ значительно ихъ можно увеличить. Добавочныя смѣты, напримѣръ,— стоитъ только сойтись съ производителями....

Шкловичъ (перебивая).

И они заставятъ васъ работать для нихъ, а не для себя, такъ что въ окончательномъ результатѣ они останутся съ капиталомъ, а подрядчикъ съ долгами. Неужто, Алексѣй Ильичъ, сотни примѣровъ въ нашихъ подрядныхъ дѣлахъ еще недостаточно васъ въ этомъ убѣдили?...

Руданковскій (нерѣшительно).

Да, иногда дѣйствительно бываетъ и такъ, но... при опытности и умѣньи можно соблюсти и свои выгоды.

Шкловичъ.

Нѣтъ, тутъ никакое умѣнье не поможетъ, особенно же тогда, когда и средствами-то для веденія дѣла невполнѣ себя обезпечишь. Я вамъ могу навѣрное предсказать, чѣмъ должно будетъ кончиться ваше предпріятіе. Подрядъ, конечно, вы можете удержать за собой, сбавивъ значительный кушъ въ подрядной суммѣ. Потомъ вы получите задаточныя деньги, заплатите изъ нихъ долги, сдѣланные вами по прежнимъ дѣламъ.

Руданковскій (быстро перебивая съ увѣренностію).

И возстановлю мой кредитъ.

Шкловичъ (продолжая).

Но ваше новое дѣло поставите въ самое шаткое положеніе. Истративъ задаточныя деньги, вы должны будете вести его въ долгъ и такимъ образомъ только выиграете возможность маскировать ваши дѣла впродолженіи нѣкотораго времени, но результатъ выйдетъ все тотъ же.

Руданковскій (съ видимымъ выраженіемъ сомнѣнія).

Какой же, позвольте спросить?

Шкловичъ.

Неоплатимый долгъ и долговое отдѣленіе. Вотъ почему я и не даю вамъ залоговъ. (*Дружески пожимая ему руку*) Но повѣрьте мнѣ, Алексѣй Ильичъ, еслибы я предвидѣлъ возможность прочнымъ образомъ поправить ваши дѣла, давши вамъ залоги, о, тогда, конечно, при тѣхъ тѣсныхъ, при тѣхъ (*съ особеннымъ удареніемъ на слѣдующее слово*) интимныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нами, я бы счелъ это своею обязанностію. Не придумаемъ ли мы что нибудь другое, Алексѣй Ильичъ? Поищите-ка въ вашей изобрѣтательной головѣ, и можетъ быть найдете болѣе надежное средство устроить ваши дѣла (*Смотритъ на него вопросительно*).

Руданковскій (съ оттѣнкомъ нѣкоторой досады).

Средство?... Эхъ, Яковъ Самойловичъ, какъ будто вы не знаете, какъ средства-то эти страшно сократились въ наше время... (*Ходитъ по комнатѣ*). Игра напримѣръ (*останавливается передъ Шкловичемъ*), вы сами говорите, нейдетъ?

Шкловичъ.

Игра?... (*положительно*) игра нейдетъ.

Руданковскій (опять начинаетъ ходить по комнатѣ).

Скупить развѣ векселя Темирахинскаго.... Да говорятъ еще, что можно пріобрѣсти почти за безцѣнокъ желѣзные заводы Сухоза-

нова, давши подъ залогъ ихъ ту незначительную сумму, въ которой онъ теперь крайне нуждается.... Но вѣдь для этого нуженъ хоть и не Богъ знаетъ какой, а все-таки наличный капиталъ (*Останавливается передъ Шкловичемъ, устремивъ на него вопросительный взглядъ*).

Шкловичъ (съ улыбкой).

Конечно, для обѣихъ этихъ операцій нуженъ капиталъ и онѣ могутъ быть подходящими только для человѣка, обладающаго хорошимъ денежнымъ запасомъ. А вамъ, Алексѣй Ильичъ, и думать объ этомъ нечего.

Руданковскій.

Почти такъ.

Шкловичъ.

Но всего хуже въ вашемъ положеніи то, что чрезъ нѣсколько времени и можетъ быть скоро — когда спадетъ завѣса съ вашихъ дѣлъ, тогда рѣшительно никакихъ уже средствъ пріискать будетъ нельзя. А мнѣ все-таки хотѣлось бы помочь вамъ.

Руданковскій (подойдя къ Шкловичу и взявъ его за руку тономъ заискивающаго убѣжденія).

Яковъ Самойлычъ!... Вы отъ души это говорите?... Вы дѣйствительно хотите помочь мнѣ?..

Шкловичъ.

По крайней мѣрѣ, очень бы желалъ!

Руданковскій (еще съ большимъ убѣжденіемъ).

Такъ дайте же мнѣ ваши залоги, потому что другаго средства, какъ сами вы видите, никакого нѣтъ.

Шкловичъ (освобождая свою руку съ невозмутимою холодностію).

Залоговъ я вамъ не дамъ, и вы очень хорошо понимаете, почему.

Это дѣло конченое. (*Принявъ болѣе серьезный тонъ*) Послушайте, Алексѣй Ильичъ, у меня есть средство, и средство положительно вѣрное.... Но для того, чтобы воспользоваться имъ, нужна энергія и въ особенности нужна рѣшимость.

Рудановскій (повеселѣвъ).

О! что касается до этого, такъ у меня ни въ томъ, ни въ другомъ не будетъ недостатка. Вѣдь вы меня знаете?

Шкловичъ.

Да, я васъ знаю. И что еще важнѣе—знаю ваше безвыходное положеніе. Знаю, что помимо этого единственнаго для васъ средства, вамъ, ныньче или завтра, никакъ не избѣжать долговой тюрьмы. Поэтому-то я и хочу ввести васъ въ дѣло, преимущественно передъ всякимъ другимъ. (*Достаетъ изъ кармана бумажникъ, вынимаетъ изъ него асигнацію и, передавая ее Рудановскому, спрашиваетъ самымъ обыкновеннымъ тономъ*) Какъ вы находите эту асигнацію?

Рудановскій (разсматривая асигнацію и съ той, и съ другой стороны).

Ничего! эта асигнація какъ слѣдуетъ ей быть (*Еще разсматривая*). Настоящая пятидесятирублевая асигнація.

Шкловичъ.

Посмотрите-ка еще хорошенько. Вѣдь вамъ, я полагаю, извѣстны всѣ признаки, которыми отличается ненастоящая асигнація отъ настоящей.

Рудановскій.

Еще-бы! (*Съ нѣкоторой гордостію и самоувѣренностію*) Получая большія суммы по моимъ комерческимъ оборотамъ, само собою разумѣется, я долженъ былъ изучить всѣ эти признаки; могу васъ увѣрить, что едвали найдется касиръ или казначей, который могъ бы поспорить со мной въ умѣніи отличить сомнительную отъ несомнительной.

Шкловичъ.

Тѣмъ лучше. Разсмотрите же эту асигнацію съ самымъ строгимъ вниманіемъ, съ самою акуратнѣйшею подробностію.

Руданковскій (нѣсколько разъ обращая асигнацію на обѣ стороны, послѣ довольно продолжительнаго осматриванія).

Положительно говорю вамъ (*возвращаетъ асигнацію*), что въ ней не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Шкловичъ.

Очень радъ! (*Устремивъ на Руданковскаго испытующій взглядъ, говоритъ съ особымъ удареніемъ на нѣкоторыя слова*). Я могу дать вамъ этими асигнаціями такую сумму, которая достаточно будетъ не только для того, чтобы покрыть всѣ ваши долги, но и дастъ вамъ средства взять съ несомнѣнною выгодою вашъ новый подрядъ.

Руданковскій (смотритъ на него съ изумленіемъ).

Шкловичъ.

Ну-съ, что вы на это скажете?

Руданковскій (вопросительно).

То есть, вы хотите дать мнѣ деньги вмѣсто залоговъ!... (*Съ выраженіемъ полнаго удовольствія*) Да это для меня во сто разъ лучше!

Шкловичъ.

Позвольте, я вовсе не хочу дать вамъ денегъ вмѣсто залоговъ; я только говорю, что могу дать вамъ (*показывая ему асигнацію, а потомъ опуская ее въ карманъ*) вотъ этими асигнаціями нужную для васъ сумму.

Руданковскій.

Но вѣдь это все равно.

Шкловичъ.

Все равно, да не одно! Асигнаціи эти, конечно, все равно, что и настоящія, то есть имѣютъ всѣ качества настоящихъ, но имѣютъ съ ними единственную разницу въ томъ, что сдѣланы онѣ не у насъ въ Россіи, а за границей.

Руданковскій (понявшій въ чемъ дѣло, восклицаетъ съ изумленіемъ).

Какъ?... за границей?...

Шкловичъ (съ невозмутимою холодностію).

Да, за границей.

Руданковскій.

Но вѣдь это выходитъ, что онѣ въ сущности фальшивыя асигнаціи?

Шкловичъ (не измѣняя тона).

Пожалуй, и фальшивыя, но только со всѣми качествами настоящихъ, безъ малѣйшихъ признаковъ сомнѣнія.

Руданковскій.

Однако же, не смотря на то.... то есть, не смотря на все совершенство отдѣлки.... вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ?...

Шкловичъ (съ улыбкой, въ которой выражается и увѣренность, и оттѣнокъ нѣкотораго презрѣнія).

Конечно, понимаю, и ужъ никакъ не менѣе васъ, потому что у меня нѣтъ причинъ менѣе васъ дорожить собой.... Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что для васъ... другаго средства нѣтъ и быть не можетъ.

Руданковскій (также стараясь принять серьезный тонъ).

Но и въ такомъ случаѣ.... пусть будетъ именно такъ... тѣмъ не менѣе предложеніе ваше такъ опасно.... не ныньче, такъ завтра можетъ разыграться такими послѣдствіями... что я рѣшиться никакъ не могу. Мнѣ остается только благодарить васъ за то довѣріе,

съ какимъ вы отдали мнѣ вашу важную тайну. И въ этомъ отношеніи—вы не ошиблись. (*Нѣсколько покровительственнымъ тономъ*) Можете быть увѣрены, что я не употреблю ея во зло, хотя скрывать это обстоятельство, пожалуй, и не совсѣмъ безопасно. Но и вы съ своей стороны ужъ до конца докажите вашу дружбу. Мы перестанемъ говорить о вашемъ заграничномъ товарѣ, совершенно забудемъ о немъ, а вы дадите мнѣ залоговъ для подряда...

Шкловичъ (перебивая съ улыбкой).

Позвольте, вы не поняли меня. Вы думаете, что я, по особому довѣрію къ вамъ, открылъ вамъ эту дѣйствительно очень важную тайну?

Руданковскій.

А какъ же?—Развѣ иначе могло бы это быть?

Шкловичъ (внушительно).

Могло, и было. Я вѣрю не вамъ, а тому вашему положенію, въ которомъ находитесь вы и въ отношеніи къ себѣ самому, и въ отношеніи ко мнѣ. Я вѣрилъ единственно тому, что при малѣйшемъ вашемъ покушеніи измѣнить мнѣ я могу—извините за рѣзкость выраженія—могу раздавить и уничтожить васъ въ одну минуту.

Руданковскій.

Что вы, что вы, Яковъ Самойлычъ! Вы говорите такъ, какъ будто бы я хочу сдѣлать доносъ... повѣрьте...

Шкловичъ (перебивая).

Я вамъ сказалъ, чему я вѣрю. Не будемъ тратить словъ попустому. Я знаю, что вы очень хорошо понимаете и ваше, и мое положеніе. Хотите быть спасены—я васъ спасу; не хотите—мнѣ стоитъ только отвернуться отъ васъ, предоставить васъ самому себѣ, и вы пропадете, какъ шведъ подъ Полтавой. Я не требую отъ васъ, чтобы вы сейчасъ же отвѣчали мнѣ... дѣло, конечно, важное... обдумайте его... Впро-

чемъ, (*съ увѣренностію*) я знаю, что вы не упустите этого дѣла, потому что оно можетъ не только что спасти, но и обогатить васъ прочно и положительно. Вы сколько должны въ той мѣстности, гдѣ исполняется вашъ подрядъ, и здѣсь въ Петербургѣ?

Руданковскій.

Здѣсь, въ Петербургѣ, тысячъ до двадцати, а тамъ до тридцати съ чѣмъ нибудь.

Шкловичъ.

А на какую сумму произведено вами работъ и сколько еще пришлось бы получить вамъ изъ казны за полное окончаніе подряда?

Руданковскій.

Произведено работъ не менѣе какъ на двѣсти тысячъ, которыя ужъ и получены; а остается произвести и получить изъ казны почти такую же сумму; затратить же на все производство остающихся работъ нужно тысячъ пятьдесятъ или ужъ никакъ не болѣе шестидесяти.

Шкловичъ.

Такъ слушайте же: вы получите отъ меня всю нужную вамъ сумму для уплаты вашихъ долговъ и кромѣ того сколько вамъ потребуется на окончаніе подряда; вмѣстѣ съ тѣмъ я поставлю васъ въ такое положеніе, въ которомъ вы на самомъ дѣлѣ будете имѣть возможность осуществить вашу мечту — взять новый подрядъ. Я дамъ вамъ залоговъ на обезпеченіе его. Со всей суммы, которую вы получите отъ меня, вы должны будете заплатить мнѣ десять процентовъ: затѣмъ одна половина этой суммы поступаетъ въ вашу собственность, другую вы возвратите мнѣ по мѣрѣ полученія вами изъ казны за подрядныя работы денегъ. Теперь вы понимаете весь планъ будущихъ нашихъ дѣйствій, понимаете, что въ какіе нибудь два, три года вы будете (*съ особымъ удареніемъ*) дѣйствительно капиталистъ. Кажется, на это можно рѣшиться, не теряя попусту времени на разрѣшеніе вопроса „быть или не быть!“

Руданковскій (очень серьезно).

Такъ, Яковъ Самойлычъ, все это я совершенно понимаю, но опасность...

Шкловичъ (перебивая съ презрительной улыбкой).

Опасность!... Вы знаете, съ какою осторожностью я веду мои дѣла. Противъ всякой опасности у меня приняты мѣры, а за мною и вы будете бозопасны. Да! еще одно условіе съ вашей стороны— условіе, по видимому, неважное, но тѣмъ не менѣе совершенно необходимое. Вамъ падобно будетъ удалить отъ себя Розалію и разорвать съ нею всякую связь, но такъ, чтобы она не оставалась нашимъ врагомъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Григорій.

Григорій (докладываетъ).

Левъ Александрычъ Липневъ.

Руданковскій.

Проси (*Григорій выходитъ*).

Шкловичъ.

Какъ досадно, что этого Липнева чёртъ сюда принесъ... постарайтесь отъ него отдѣлаться поскорѣе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Липневъ.

Липневъ (подавая руку Руданковскому).

Бонжуръ, Алексисъ. (*Обращаясь къ Шкловичу и также подавая ему руку*) А, Яковъ Самойлычъ! мое почтенье.

Шкловичъ.

Здравствуйте.

Липневъ (Руданковскому).

Скажите пожалуйста, гдѣ это вы запропастились? Нѣсколько дней прошло, какъ мы не встрѣчались нигдѣ... ни въ оперѣ, ни въ балетѣ, ни даже въ клубѣ... думаю: куда же это онъ пропалъ.

Руданковскій.

Никуда; я занятъ былъ всю прошедшую недѣлю.

Липневъ.

Ну, я такъ и думалъ. (*Шкловичу*) Васъ, Яковъ Самойлычъ, тоже давно не имѣлъ удовольствія видѣть... Но что я спрашиваю?... Какъ будто не знаю, что оба вы люди дѣла, а не пустяковъ, и конечно, не можете отдавать свѣту все ваше время. Вотъ и теперь: пріѣхали къ Алексису, конечно, по дѣламъ?

Шкловичъ (съ улыбкой).

Можетъ быть. А вы, Яковъ Александрычъ, откуда и куда?

Липневъ (вопросительно).

Какъ, откуда и куда?

Шкловичъ.

Да вѣдь вы своихъ знакомыхъ—имъ же нѣсть числа — обыкновенно посѣщаете мимоѣздомъ, переѣзжая отъ одного къ другому...

Липневъ (съ серьезнымъ видомъ).

О, да; вы правы. Я такъ давно живу въ Петербургѣ... пережилъ, по крайней мѣрѣ, два-три поколѣнія... естественно, что у меня знакомыхъ... (*смѣется*) въ самомъ дѣлѣ нѣсть числа. Такъ что у иныхъ, клянусь честію! едва успѣваю побывать въ годъ разъ. Сегодня, напримѣръ, сперва заѣхалъ къ Кальцолари, я очень ува-

жаю Кальцолари; по искуству онъ первый пѣвецъ въ Европѣ — отъ него я завернулъ къ мадмоазель Миражъ — представьте, какъ она устроилась великолѣпно: прекрасно меблированная квартира, приличный экипажъ... и въ домѣ, начиная отъ швейцара до управляющаго, всѣ называютъ ее генеральшей. Отъ ея мишурнаго превосходительства я къ Имбарскому отправился — поздравить надо было: тайнаго получилъ, человѣкъ съ вѣсомъ сдѣлался. А давно ли, кажется, съ одною звѣздочкой на плечѣ только и дѣлалъ, что въ балетѣ торчалъ! Потомъ вдругъ, какъ-то нежданно, негаданно, попалъ въ дѣльные люди, перешелъ въ статскую... Что ни годъ, то орденъ или чинъ... итакъ далѣе, итакъ далѣе... и вотъ теперь тайный, съ позволенія сказать. Человѣкъ съ значеніемъ и даже съ большимъ вліяніемъ на дѣла... А вѣдь ничего особеннаго: положимъ, онъ человѣкъ недурной, но за то самый обыденной, въ полномъ смыслѣ слова — человѣкъ такъ-себѣ.

Шкловичъ.

Вы очень хорошо знакомы съ Имбарскимъ?

Липневъ.

Еще бы! Я съ Имбарскимъ на ты. А что? Вы не имѣете ли къ нему надобности по дѣламъ? *(Серьезнымъ и покровительственнымъ тономъ)* Можемъ помочь!

Шкловичъ (съ улыбкою).

Благодарю. Надобности въ немъ пока не имѣю, можетъ быть, впослѣдствіи...

Липневъ.

И тогда можно. *(Обращаясь къ Рудանковскому, который въ задумчивости ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ)* Ахъ, Алексѣй Ильичъ, главное я и забылъ... Я къ вамъ почти за дѣломъ... Но не безпокойтесь: просить васъ ни о чемъ не буду... а могу вамъ нѣкоторымъ образомъ услужить; могу доставить вамъ удовольствіе увидѣть великолѣпную красавицу и при этомъ удивительную ар-

тистку... однимъ словомъ, очаровательнѣйшую особу, о которой черезъ два-три дня заговоритъ весь Петербургъ.

Руданковскій (улыбаясь и видимо недовѣряя).

Гдѣ же вы открыли эту очаровательную особу?

Липпевъ.

Ужъ именно, что я открылъ. Не будь меня — пожалуй, такъ и осталась бы въ тѣни. Въ Петербургѣ вѣдь не легко выставить себя на планъ, особенно людямъ съ умѣренными средствами и умѣреннымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Да вотъ напримѣръ, хотя бы та самая дѣвица, о которой я говорю... мадмоазель Сутолокина: вы знаете всѣхъ красавицъ въ Петербургѣ, но знаете ли ее?.. Нѣтъ! А я вамъ рѣшительно повторяю, что черезъ два-три дня объ ней заговоритъ весь Петербургъ, то есть весь нашъ бо-мондъ.

Шкловичъ.

Послушаемъ, а потомъ и посмотримъ.

Руданковскій.

Мадмоазель Сутолокина, вы говорите? Да одного Сутолокина я знаю. Встрѣчаю иногда въ клубѣ. Онъ прежде игралъ въ порядочную игру. Да позвольте... такъ точно... третьяго дня Бочбочкаровъ заплатилъ мнѣ его векселемъ свой карточный долгъ.

Липпевъ (утвердительно).

Должно быть онъ... Мадмоазель Сутолокина его дочь. Такъ вотъ видите ли: княгиня Бѣлорусова вздумала устроить любительскій спектакль въ пользу благотворительнаго заведенія, въ которомъ она предсѣдательницей, (*съ нѣкоторою важностію*) и ужъ конечно не такой, какіе происходятъ у насъ въ Пасажѣ, а спектакль любителей, въ которомъ будутъ участвовать люди лучшаго общества.

Шкловичъ (насмѣшливо).

И, по вашему мнѣнію, сыграютъ лучше людей нелучшаго общества.

Липкевъ.

Гм... м..м... пожалуй, можетъ быть и не лучше... но тѣмъ не менѣе спектакль будетъ интереснѣй. Само собою разумѣется, что тутъ не могло обойтись безъ большихъ хлопотъ. Надо было пригласить опытнаго артиста съ большой сцены, который бы руководилъ представленіемъ, а это приглашеніе могло быть сдѣлано не иначе, какъ черезъ человѣка, коротко знакомаго въ артистическомъ мірѣ — и вотъ на меня и было возложено избрать и пригласить артиста. Потомъ, когда дошло до выбора пьесъ и распредѣленія ролей—опять безъ меня не обошлось. Вотъ тутъ-то я и воспользовался случаемъ выдвинуть мадмоазель Сутолокину. Предложилъ дать ей роль, поручившись за прекрасное исполненіе. Вчера была у насъ генеральная репетиція въ костюмахъ, на которую собралось къ княгинѣ самое блестящее общество, и мадмоазель Сутолокина привела всѣхъ въ восторгъ, рѣшительно, до изумленія — во первыхъ, необыкновенно-эфектною наружностію, а потомъ, восхитительною игрою. Даже артистъ съ большой сцены былъ просто пораженъ и, крѣпко пожимая мнѣ руку, говорилъ: это такой талантъ, такой талантъ, какого нѣтъ ни на нашей, ни на московской сценѣ. Завтра идетъ представленіе, и теперь вы ни за какія деньги не можете получить билета. Не смотря на то, что я больше всѣхъ хлопоталъ объ устройствѣ спектакля, я могъ получить для себя только два и сейчасъ же къ вамъ... (*Вынимая изъ боковаго кармана билетъ и подавая его Руданковскому*) Вы, конечно, захотите быть: дворъ будетъ!

Руданковскій (принимая билетъ).

Благодарю, я слышалъ уже объ этомъ спектаклѣ, мнѣ даже обѣщалъ привести билетъ мосье Казановъ.

Липневъ.

И навѣрно не привезетъ. Онъ участвуетъ въ спектаклѣ въ маленькой, ничтожной роли, и поэтому хотя и могъ получить, но никакъ не больше одного билетика, который, въ видахъ заискиванія передъ начальствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, отвезетъ своему директору. Затѣмъ до свиданья (*Пожимаетъ ему руку*).

Руданковскій.

До свиданья. Завтра пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать, а потомъ вмѣстѣ поѣдемте въ спектакль.

Липневъ.

Не могу. Завтра у меня столько будетъ хлопотъ. (*Кланяется и идетъ къ дверямъ, но, сдѣлавъ два—три шага, возвращается и останавливается передъ Руданковскимъ*). Знаете ли что пришло мнѣ въ голову?... Вы счастливецъ, которому многіе завидуютъ въ Петербургѣ... Одного лишь недостаетъ вамъ:—это красавицы-жены. Совѣтую вамъ обратить вниманіе на мадмоазель Сутолокину.

Шкловичъ.

А что вы думаете, Алексѣй Ильичъ, вѣдь Левъ Александрычъ, пожалуй, говоритъ правду.

Липневъ.

Святую истину! Нашему другу Алексѣю Ильичу, если что нужно, такъ это именно (съ усиленно-восторженнымъ удареніемъ) красавица-жена! Да помилуйте: (*обращаясь къ Руданковскому*) если бы въ самомъ дѣлѣ вы рѣшились, мадмоазель Сутолокину, напримѣръ, возвести въ званіе вашей супруги, тогда при той обстановкѣ, какою вы, при вашихъ средствахъ, можете окружить ее—все, что только есть самаго умнаго, самаго изящнаго, самаго блестящаго и самаго вліятельнаго въ Петербургѣ... все это стекалось бы въ вашъ салонъ. А главное (*обращается къ Шкловичу*), главное, Яковъ Самойлычъ, что для человѣка, ворочающаго большими дѣлами, красавица-жена... о, о какъ много значитъ! Тутъ знаете-ли: если

иногда, вѣдь мало-ли что бываетъ, если иногда и пошатнутся дѣла, такъ выпрямить ихъ удобнѣй... Женщины всегда имѣли огромное вліяніе... и будутъ его имѣть, что называется: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Шкловичъ (утвердительно).

Вы правы, мосье Липневъ, совершенно правы: имѣли и будутъ имѣть, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!

Липневъ.

Еще-бы, не правъ! Я очень хорошо помню то время, когда нѣкоторыя наши грандіозныя старушки не даромъ считались всемогущими... говорили ты значительнѣйшимъ лицамъ, за-просто приказывали имъ то то, то другое... Положимъ, что теперь вѣкъ нашихъ грандіозныхъ бабушекъ прошелъ, но за то насталъ вѣкъ очаровательныхъ внучекъ, и мнѣ нечего разсказывать вамъ, Яковъ Самойлычъ, вы это сами, можетъ быть, лучше всякаго другаго знаете, какія черезъ этихъ очаровательныхъ внучекъ разнаго рода и сорта дѣлаются дѣла. (*Смотритъ на часы*) Да какъ же я съ вами зарапортовался!... Прощайте, Алексѣй Ильичъ. (*Пожимая ему руку*) Серьезно совѣтую вамъ обратить вниманіе на мадмоазель Сутолокину. (*Шкловичу*) Не такъ ли, Яковъ Самойлычъ?

(*Кланяется и уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Руданковскій и Шкловичъ.

Шкловичъ.

Каковъ Липневъ?

Руданковскій.

А что?

Шкловичъ.

Я считалъ его человѣкомъ... почти пустымъ—обыкновеннымъ

паразитомъ, только попроворнѣе другихъ. И если я находилъ въ немъ какое нибудь достоинство, такъ это его мѣдный лобъ.

Руданковскій (съ улыбкой).

Мѣдный лобъ, по вашему, достоинство?

Шкловичъ.

Великое, Алексѣй Ильичъ!... Лучшее средство пробить себѣ дорогу и идти къ цѣли вѣрнѣйшимъ путемъ. Этимъ лбомъ, конечно, Липневъ обладаетъ въ значительной степени. Но я не зналъ, что онъ способенъ соображать вещи не съ одной только обыденной точки зрѣнія. Вѣдь онъ очень вѣрно отнесся къ вашему положенію. Да. И я тоже думаю, что красавица-жена была бы для васъ вещью далеко не лишнею и даже необходимою... и именно теперь, въ настоящій моментъ, когда вамъ предстоитъ операція, для которой стоитъ вооружиться, на всякой случай, всѣми средствами. Прежде всего это былъ бы прекрасный предлогъ отдѣлаться отъ панны Розаліи, далѣе... Но все это еще пока впереди; а теперь намъ надо рѣшить нашъ вопросъ: быть или не быть? И я полагалъ бы рѣшить его, не тратя времени на размышленіе. Вѣдь сколько вы ни думайте, а все же придете къ тому заключенію, что другаго выхода для васъ нѣтъ. Съ одной стороны—позорная продажа съ молотка всей вашей великолѣпной обстановки, которой, какъ говоритъ Липневъ, (*съ улыбкой*) завидуетъ Петербургъ, срамъ на весь городъ, долговая тюрьма и конечное паденье; съ другой... Да что тутъ толковать, вы сами все очень хорошо понимаете.

Руданковскій.

Понимаю, Яковъ Самойлычъ, конечно, понимаю. Но... страшно, Яковъ Самойлычъ... (*беретъ его за руку*) Страшно... (*входитъ Григорій*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Григорій.

Григорій.

Шлыковъ пріѣхалъ. Говоритъ, что очень нужно васъ видѣть.

Руданковскій.

Пусть подождетъ. Скажи, что я занятъ.

Григорій.

Я говорилъ-съ. Но онъ просилъ доложить, потому что, говоритъ, крайне нужно-съ.

Шкловичъ.

Кто это Шлыковъ?

Руданковскій.

Мой управляющій.

Шкловичъ.

Подрядомъ?

Руданковскій.

Да, подрядомъ.

Шкловичъ.

Прикажите ему войти. Я увѣренъ, что мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ... такъ и для меня не безъинтересно знать все то, что касается вашихъ дѣлъ. (*Григорью*) Проси его сюда.

Григорій (Взглядывая на Руданковскаго).

Прикажете?

Руданковскій.

Да. Позови (*Григорій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Руданковскій и Шкловичъ.

Шкловичъ.

Что-то хорошаго скажетъ намъ вашъ Шлыковъ.

Руданковскій.

Признаюсь, Яковъ Самойлычь, хорошаго-то я всего менѣе ожидаю. Скорѣе что нибудь очень дурное случилось. Иначе, онъ не пріѣхалъ бы съ работъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и **Шлыковъ**.

Рудаковскій (встрѣчая Шлыкова).

Какъ это вы бросили работы въ самый разгаръ и пріѣхали сюда, когда тамъ каждый день дорогъ.

Шлыковъ (кланяясь).

Точно такъ-съ, Алексѣй Ильичъ, то есть, оно слѣдовало бы, чтобъ это такъ было... надо бы быть самому разгару, а вышло напротивъ; поэтому я и пріѣхалъ къ вамъ самимъ доложить, что дѣло совсѣмъ остановилось.

Рудаковскій.

Остановилось.

Шлыковъ.

Въ конторѣ денегъ ни копѣйки, кредиту нѣтъ, оттого что почти во всѣхъ лавкахъ задолжали. Рабочихъ разсчесть нечѣмъ... Я писалъ къ вамъ... получили?

Рудаковскій.

Получилъ. Но вѣдь это и прежде случалось. Могли бы какъ нибудь протянуть до полученія квитанціи.

Шлыковъ.

Квитанціи не даютъ; потому что много работъ не додѣлано, а больше-то потому, что за прежнія квитанціи ни начальнику отдѣленія, ни дистанціоннымъ ни копѣйки процентныхъ не платили. Ну теперь и отказали на отрѣзъ.

Рудаковскій.

Вы бы генерала попросили.

Шлыковъ.

Просилъ-съ.

Руданковскій.

Что-же онъ?

Шлыковъ.

Сказали, что больше никакого снисхожденія намъ дѣлать не могутъ, а подрядъ возьмутъ въ казну. Насилу выпросилъ сроку на недѣлю, чтобъ съѣздить къ вамъ, Алексѣй Ильичъ, и доложить, что ежели теперича мы не уплатимъ нашихъ долговъ и не разочтемъ сейчасъ рабочихъ, то дѣлу гибель и конецъ.

Шкловичъ (Шлыкову).

А на все это сколько же денегъ вамъ нужно?

Шлыковъ.

Да надо будетъ... (*взглядываетъ вопросительно на Руданковскаго*).

Руданковскій.

Можете говорить: Яковъ Самойлычъ свой человѣкъ.

Шлыковъ (подумавъ съ минуту).

По самой крайней мѣрѣ... тысячъ до двадцати пяти нужно-съ. Тогда дѣло можно будетъ спасти и не то что безъ убытку, а даже съ выгодою кончить. Вѣдь подряда-то слишкомъ на сто тысячъ еще остается.

Шкловичъ.

Такъ вамъ надобно поспѣшить, Алексѣй Ильичъ. Я совѣтовалъ бы вамъ нынче же (*указывая на Шлыкова*) отправить ихъ, давши денегъ для разсчета. Тутъ каждой минутой слѣдуетъ дорожить.

Руданковскій.

Конечно... необходимо поспѣшить какъ можно скорѣе... но... но... Вы, Яковъ Самойлычъ, полагаете, что сейчасъ же надо послать деньги на мѣсто...

Шкловичъ.

Непремѣнно. Тѣмъ болѣе, что вы можете это сдѣлать безъ всякаго затрудненія.

Рудацковскій (взглядывая на Шкловича вопросительно).

Безъ... затрудненія?

Шкловичъ.

Конечно. Вѣдь вы, какъ нарочно, получили нынче, если не ошибаюсь, даже болѣе той суммы, какую нужно послать. Такъ зачѣмъ же медлить — посылайте сейчасъ... (*устремивъ на него внушительный взглядъ*) Понимаете?

Рудацковскій (Шлыкову).

Часа черезъ два я васъ позову, а между тѣмъ вы отдохнете съ дороги... можетъ быть нынче же вамъ придется ѣхать назадъ.

Шлыковъ.

Это было бы очень хорошо (*кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Рудацковскій и Шкловичъ.

Шкловичъ (глубоко серьезнымъ тономъ).

Ну-съ? Видите какую неотразимую правду я говорилъ вамъ. Теперь ужъ некогда раздумывать, а надобно спасать васъ... Я привезу сейчасъ вамъ деньги, но прежде вы должны рѣшительно сказать: (*подавая ему руку*) идетъ?...

Рудацковскій (судорожно сжавъ его руку).

Идетъ!

(*Занавѣсъ падаетъ*)

———

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Прилично убранная комната въ квартирѣ Сутолокина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанъ и **Шельменфельдъ** съ портфелемъ подъ мышкой.

Степанъ (вводя Шельменфельда).

Пожалуйте. Сейчасъ объ васъ доложу. (*Вопросительно*) Юль Иванычъ Шельмафельтъ?... Такъ кажется?...

Шельменфельдъ (съ достоинствомъ).

Юлій Иванычъ Шелвменфельдъ.

Степанъ (уходя).

Юлій Иванычъ Шельменфельдъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Шельменфельдъ.

Шельменфельдъ (съ важностію опускаясь въ кресло).

Да-съ; гости-то мы будемъ не совсѣмъ пріятные: пришли съ хозяина деньги получать. (*Осматривается кругомъ*) Но заплатитъ-ли?... (*Еще разъ осматриваетъ комнату съ большимъ вниманіемъ*). Здѣсь, кажется, шику много, такъ получать-то едва-ли придется;

потому что гдѣ есть шикъ, тамъ не жди полученія, а не теряя времени представляй кормовыя, да и тяни шикаря въ долговое... Ну чтожъ, пожалуй и мы потянемъ, за нами дѣло не станетъ (*смѣясь самодовольно*). Потянемъ шикаря въ долговое... (*Входитъ Сутолокинъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Шельменфельдъ и Сутолокинъ.

Шельменфельдъ (кланяясь).

Имѣю честь видѣть Александра Петровича Сутолокина?

Сутолокинъ (отвѣчая на поклонъ).

Да, что вамъ угодно?

Шельменфельдъ.

Я-съ — Юлій Иванычъ Шельменфельдъ, повѣренный по дѣламъ Александра Ильича Руданковскаго. Изволите знать?... Извѣстный капиталистъ.

Сутолокинъ (съ нѣкоторымъ удивленіемъ).

Г. Руданковскаго я знаю.... но дѣлъ съ нимъ не имѣю никакихъ.

Шельменфельдъ.

То есть не имѣли до сихъ поръ, а теперь (*доставая изъ портфеля вексель и подавая Сутолокину*), теперь Алексѣй Ильичъ проситъ васъ уплатить вашъ долгъ по этому векселю — съ процентами придется тысячу восемьсотъ семьдесятъ пять рублей.

Сутолокинъ (еще болѣе удивясь).

Мой вексель.... Но какъ же онъ попалъ къ вамъ?

Шельменфельдъ.

Очень просто: по передачѣ отъ г. Бочбочкарова Алексѣю Ильичу.

Сутолокинъ.

Бочбочкаровъ передалъ... Бочбочкаровъ.... да онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ...

Шельменфельдъ.

Ужъ это его дѣло. (*Показывая надпись на векселѣ*) Изволите видѣть: вотъ его надпись. Угодно будетъ сейчасъ заплатить?...

Сутолокинъ (конфузясь).

Я-бы попросилъ васъ отсрочить на нѣсколько дней.... я повидаюсь самъ съ Алексѣемъ Ильичемъ...

Шельменфельдъ (кладя вексель въ портфель).

Это ни къ чему не поведетъ. Алексѣй Ильичъ лично самъ не занимается взысканіями по доходящимъ къ нему векселямъ. Если вы къ нему отнесетесь, онъ попроситъ васъ обратиться къ своему повѣренному, то есть ко мнѣ; а мнѣ однажды навсегда приказано: требовать немедленной уплаты и въ противномъ случаѣ тотчасъ же представлять въ судъ ко взысканію. Такъ я долженъ буду поступить и съ вашимъ векселемъ, если вамъ не угодно будетъ уплатить (*настойчиво*) безотлагательно.

Сутолокинъ.

Но позвольте вамъ объяснить.... (*Подвигая ему стулъ*) Покорнѣйше прошу (*садятся*). Изволите видѣть, Юлій Иванычъ, такъ, кажется, я васъ называю?

Шельменфельдъ.

Такъ; Юлій Иванычъ.

Сутолокинъ.

Я долженъ вамъ сказать, Юлій Иванычъ, увѣряю васъ, что я никакъ этого не ожидалъ, и потому не приготовился.... Дайте мнѣ, хоть сколько нибудь времени... отсрочьте хоть недѣли на двѣ.

Шельменфельдъ (съ разстановкой, чтобы придать значеніе каждому слову).

Отсрочить я вамъ не могу, иначе, какъ съ собственною моей за эту отсрочку отвѣтственностію передъ Алексѣемъ Ильичемъ. (*Съ плутовской улыбкой*) Но принимать на себя подобную отвѣтственность, я не имѣю никакихъ причинъ.

Сутолокинъ.

Конечно.... это правда... Но я Юлій Иванычъ, былъ бы вамъ очень благодаренъ....

Шельменфельдъ.

Благодарны?... А, это другое дѣло. Могу я быть съ вами откровеннымъ?

Сутолокинъ,

Сдѣлайте одолженіе. Я васъ объ этомъ покорнѣйше прошу.

Шельменфельдъ.

Если вы не имѣете въ наличности денегъ, чтобы сдѣлать уплату по векселю, положимъ, хоть недѣли черезъ двѣ, вамъ надо будетъ занять, по крайней мѣрѣ, процентовъ за пять въ мѣсяцъ; да и то съ большимъ только трудомъ можете сыскать деньги и за этотъ процентъ. Пожалуй—и это всего вѣрнѣй—менѣе какъ за десять процентовъ и не найдете. Я могу избавить васъ отъ этого затрудненія. Могу продлить на мѣсяцъ, даже могу отсрочить вамъ на два... но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы эти проценты, то есть по пяти за мѣсяцъ, а за два придется по десяти, вы заплатили мнѣ... и непремѣнно впередъ. Такимъ образомъ я избавлю васъ отъ безпокойства отыскивать денегъ, что ныньче, какъ и сами вы безъ всякаго сомнѣнія знаете, ой, ой, какъ трудно! Согласны?

Сутолокинъ.

Благодарю васъ, Юлій Иванычъ, но позвольте вамъ сказать, десять процентовъ за два мѣсяца—это слишкомъ много, На пять я могу согласиться...

Шельменфельдъ (сухо).

Въ такомъ случаѣ намъ и разговаривать не о чемъ. (*Встаетъ*) До свиданія! Предупреждаю васъ, что вексель вашъ завтра будетъ представленъ ко взысканію.

Сутолокинъ (останавливая его).

Позвольте Юлій Иванычъ, позвольте. Если вы ужъ такъ неупросимы — я готовъ исполнить ваше желаніе. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы застали меня совершенно въ расплохъ.... такъ что въ настоящую минуту я не могу вамъ вручить проценты, а попрошу васъ получить ихъ отъ меня завтра... или—и это самый крайній срокъ.... послѣ завтра. Полагаю, одинъ день для васъ тутъ ничего не значитъ?

Шельменфельдъ.

Одинъ день — конечно — ничего. Это можно.

Сутолокинъ.

Такъ завтра я постараюсъ достать вамъ деньги. Позвольте узнать вашъ адресъ.

Шельменфельдъ.

Адресъ мой на Невскомъ въ домѣ Казанской церкви. Но пріѣзжать ко мнѣ не безпокойтесь. Завтра (*смотритъ на часы*) въ этотъ же часъ я самъ къ вамъ заѣду.

Сутолокинъ.

Какъ вамъ угодно; а чтобы вѣрнѣй это было... то есть на случай, чего и впрочемъ не ожидаю — если завтра не успѣю приготовить для васъ деньги, такъ я просилъ бы васъ пожаловать ко мнѣ послѣ завтра. Тогда вы непремѣнно получите.

Шельменфельдъ.

И это можно. Только еще разъ предупреждаю: если пріѣду къ вамъ и не получу—тотчасъ же вексель представлю. До свиданія! (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сутолокинъ.

Сутолокинъ.

Какъ это досадно, что Бочбочкаровъ передалъ мой вексель! (*Ходитъ взадъ и впередъ*) Впрочемъ самъ я виноватъ: нѣсколько разъ назначалъ время и не платилъ.... Но дѣло теперь не въ томъ, а какъ я съ Руданковскимъ раздѣлаюсь? Положимъ, на два мѣсяца получу отсрочку... да и то отдавъ этому Шельменфельду послѣднія деньги... А тамъ?... Когда пройдутъ эти два мѣсяца....

ЯВЛЕНІЕ V.

Сутолокинъ и Катерина Дмитріевна.

Катерина Дмитріевна (со счетомъ въ рукахъ).

Ахъ, Александръ, вы не можете себѣ представить, какъ разбѣсила меня это несносная мадамъ! Мало того, что цѣлую недѣлю каждое утро присылала одинъ и тотъ же счетъ, ныньче написала ко мнѣ предерзкое письмо.... къ мировому, говоритъ, васъ позову, если сейчасъ не заплатите денегъ.

Сутолокинъ.

Къ мировому?.. Это очень скверно!.. Положимъ, можно къ нему и не поѣхать, можно повѣреннаго послать, но все-таки отъ скандала не уйдешь. Какой нибудь мазурикъ въ газетахъ напечатаетъ... Да, это очень скверно!

Катерина Дмитріевна.

И все это изъ какихъ нибудь ста рублей... Нѣтъ, теперь просто нельзя жить въ Петербургѣ порядочному человѣку! Прежде эта мерзкая мадамъ и подумать бы не смѣла прислать такое письмо дамѣ порядочнаго общества... Мировыхъ этихъ не было, и было

прекрасно! Однакоже, что ни говори, а заплатить ей надо. Я пришла взять у васъ денегъ... Отвезу ей... разбраню ее и больше къ ней въ магазинъ ни ногой. (*Показывая ему счетъ*) Сто двадцать пять рублей по счету.

Сутолокинъ.

Сто двадцать пять... а нельзя ли вамъ съѣздить къ ней и попросить, чтобы пообождала нѣсколько дней.

Катерина Дмитріевна (обидясь).

Послѣ ея дерзкаго письма съѣздить къ ней и попросить?.. (*Съ упрекомъ*) Александръ Петровичъ! да это будетъ такое униженіе... Нѣтъ! Это невозможно.

Сутолокинъ.

Но если я не могу дать вамъ не только ста, но даже и пятидесяти рублей.

Катерина Дмитріевна (съ большимъ упрекомъ).

Александръ Петровичъ!.. Неужто сто рублей такая большая сумма, что вы... (*возвышая голосъ*) что вы...

Сутолокинъ (мрачно).

Катерина Дмитріевна, я давно хотѣлъ поговорить съ вами серьезно и, кажется, дурно дѣлалъ, что откладывалъ, а между тѣмъ дѣла шли все хуже и хуже, и теперь мы рѣшительно въ самомъ затруднительномъ положеніи. Встрѣтились обстоятельства, которыя..

Катерина Дмитріевна (съ безпокойствомъ).

Которыя?..

Сутолокинъ.

Которыя еще досаднѣе мироваго судьи.

Катерина Дмитріевна.

Не можетъ быть!.. Да что же можетъ быть досаднѣе мироваго судьи, когда всякую грубіянку-горничную, всякую кухарку... ста-

витъ онъ на одну доску съ дамой порядочнаго общества. Какъ было хорошо, когда не было этихъ мировыхъ судей, а былъ частный приставъ, къ которому можно было за всякую грубость послать человѣка съ запиской, и потомъ оставаться совершенно покойнымъ!.. Нѣтъ!.. Быть ничего не можетъ досаднѣе мироваго судьи!..

Сутолокинъ.

А долговое отдѣленіе напримѣръ?

Катерина Дмитріевна (съ безпокойствомъ).

Что же долговое отдѣленіе?.. Что вы хотите этимъ сказать?.. (*Съ удивленіемъ и еще большимъ безпокойствомъ*) Александръ Петровичъ, неужели?.. Но какъ же это такъ вдругъ... такъ неожиданно?

Сутолокинъ.

Въ томъ-то и дѣло, Катерина Дмитріевна, что совсѣмъ не неожиданно. Ныньче или завтра—а надо было этого ожидать. Жили не по средствамъ! Не хотѣли ограничить себя, не смотря на то, что времена теперь перемѣнились. Прежде можно было должать, не подвергаясь такимъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Прежде былъ частный приставъ да становой, а теперь—судебный приставъ; а между тѣмъ и другимъ—великая разница. Частному и становому можно было дать... ну и протянутъ взысканіе на нескончаемыя времена, а теперь этого нельзя...

Катерина Дмитріевна.

Вотъ до чего мы дожили! Вотъ какія времена пришли!.. Благороднаго человѣка... столбоваго дворянина... и за что же?.. за то, что по необходимости долженъ былъ сдѣлать долгъ—возьмутъ да и свезутъ въ долговое отдѣленіе!.. Ужасно!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Липпевъ.

Липпевъ (кланяясь Катеринѣ Дмитріевнѣ и подавая ей руку).

Ваше здоровье, Катерина Дмитріевна?

Катерина Дмитріевна.

Благодарю, слава Богу.

Липпевъ (пожимая руку Сутолокину).

Здравствуйте, Александръ Петровичъ. (*Смотря на него вопросительно*) Да что это, ты кажется не въ своей тарелкѣ?.. (*Смотря на Катерину Дмитріевну*) И вы, Катерина Дмитріевна?.. А я полагалъ, что найду васъ въ полномъ удовольствіи... въ восторгѣ, однимъ словомъ....

Сутолокинъ.

Въ восторгѣ?..

Катерина Дмитріевна.

Въ восторгѣ?..

Липпевъ.

Непремѣнно, въ восторгѣ! Вы счастливѣйшая мать въ Петербургѣ. Ваша Вѣра Александровна рѣшительно произвела фуроръ. Княгиня отъ нея безъ ума; потому что, не участвуй она въ спектаклѣ, и спектакль въ сотую долю не произвелъ бы такого великолѣпнаго впечатлѣнія. Потомъ князь Сокольскій, графъ Беренброкъ... я вчера встрѣтился на вечерѣ и съ тѣмъ и съ другимъ, оба они очень много разспрашивали меня о Вѣрѣ Александровнѣ... потомъ нашъ всемогущій, князь Загорскій, который дѣлаетъ все, что захочетъ, наконецъ вся наша свѣтская молодежь и особенно этотъ капиталистъ Руданковскій, котораго (*обращаясь къ Катеринѣ Дмитріевнѣ*) имѣлъ честь представить вамъ въ спектаклѣ...

Сутолокинъ (перебивая).

Руданковскій... Вы говорите, что онъ заинтересованъ нашей Вѣрою?

Липневъ.

Чрезвычайно! Еще во время спектакля, зная, что я коротко знакомъ съ вами, онъ просилъ меня представить его Катеринѣ Дмитріевнѣ. (*Обращаясь къ ней*) Какъ вы его нашли?

Катерина Дмитріевна.

Онъ очень вѣжливъ и, кажется, очень уменъ.

Липневъ.

Еще бы! Одинъ изъ самыхъ ловкихъ людей въ столицѣ. Человѣкъ еще молодой, а посмотрите, уже успѣлъ нажить какой капиталъ, какими дѣлами ворочаетъ! Онъ желалъ бы быть принятымъ у васъ въ домѣ.

Сутолокинъ (съ удивленіемъ).

Руданковскій!

Липневъ.

Да, Руданковскій. Чтожъ въ этомъ удивительнаго? Я говорю тебѣ, что онъ чрезвычайно заинтересованъ вашей Вѣрой Александровной.

Сутолокинъ (серьезно).

Извини меня, Левъ Александровичъ, но признаюсь, я плохо тебѣ вѣрю. Ты вѣдь большой мастеръ преувеличивать вещи. (*Вопросительно*) Руданковскій интересуется нашей Вѣрой?.. желаетъ быть принятымъ у насъ въ домѣ?..

Липневъ.

Именно, такъ; и я не понимаю, отчего это тебя — если не ошибаюсь — удивляетъ.

Сутолокинъ.

Послушай, Левъ Александрычъ, ты хорошо знакомъ съ Руданковскимъ.

Липневъ (утвердительно).

Какъ нельзя короче. Еще съ отцомъ его былъ пріятель. А его еще мальчуганомъ зналъ. На рукахъ носилъ, однимъ словомъ.

Сутолокинъ.

Такъ я буду съ тобой говорить откровенно.

Липневъ.

Сдѣлай одолженіе!

Сутолокинъ.

Не далѣе какъ ныньче утромъ явился ко мнѣ нѣкій Шельменфельдъ...

Липневъ (перебивая).

Шельменфельдъ? Повѣренный Руданковскаго.

Сутолокинъ.

Повѣренный Руданковскаго. И знаешъ ли за чѣмъ?

Липневъ.

Не знаю.

Сутолокинъ.

Я тебѣ скажу, но только пожалуйста, чтобъ это осталось между нами. Къ Руданковскому перешелъ мой вексель... по передачѣ отъ одного лица, которому я задолжалъ около двухъ тысячъ рублей. Такъ Шельменфельдъ пріѣзжалъ ко мнѣ отъ имени своего довѣрителя, требовалъ уплаты и очень ясно далъ замѣтить, что не прочь упрятать меня туда, куда обыкновенно упрятываютъ людей, не уплачивающихъ своихъ долговъ. Что ты на это скажешь?

Липневъ (съ изумленіемъ).

Какъ?.. повѣренный Руданковскаго пріѣзжалъ къ тебѣ отъ его имени, требовалъ уплаты, грозилъ долговымъ... Нѣтъ! этого не можетъ быть!.. Тутъ что нибудь да не такъ!.. Это Шемельнфельдъ какъ нибудь перепуталъ... А самъ Алексѣй Ильичъ, навѣрное, ничего объ этомъ и не знаетъ.

Сутолокинъ.

Хорошо, еслибы такъ! Впрочемъ и Шельменфельдъ мнѣ говорилъ, что Руданковскій самъ не занимается подобными дѣлами, передавши ихъ ему.

Липневъ (перебивая).

Ну вотъ оно по моему и выходитъ. Я рѣшительно убѣжденъ, что Алексѣю Ильичу и въ голову не приходило посылать къ тебѣ Шельменфельда. Повторяю (*съ особеннымъ выраженіемъ*), что этого не можетъ быть. Ты это и самъ сейчасъ увидишь. (*Обращаясь къ Катеринѣ Дмитріевнѣ*) Катерина Дмитріевна! То, что я имѣю сказать, столько же касается до васъ, сколько и до Александра Петровича.

Катерина Дмитріевна.

И до меня?... (*Съ удивленіемъ, въ которомъ слышится испугъ*) До меня-то что же такое?..

Липневъ.

Именно и до васъ; но не пугайтесь: я пріѣхалъ къ вамъ съ самою пріятною вѣстью.

Катерина Дмитріевна.

Такъ говорите же... Вы въ самомъ дѣлѣ немножко меня напугали.

Липневъ (обращаясь къ нимъ обоимъ).

Я уже вамъ сказалъ, что съ Руданковскимъ мы самые старые знакомые, еще съ того времени, когда онъ только-что вышелъ изъ

дѣтей... Я самъ тогда былъ еще—что называется—молодой человѣкъ: мнѣ было какихъ нибудь сорокъ-пять, много пятьдесятъ лѣтъ. Мы съ нимъ какъ-то особенно сошлись. Вотъ-съ вчера я получаю отъ него записку—проситъ ныньче утромъ заѣхать къ нему. Заѣзжаю. И что же, вы думаете, узнаю.

Сутолокинъ.

Что?

Катерина Дмитріевна.

Что?

Липневъ.

Алексѣй Ильичъ страстно влюбленъ въ вашу Вѣру Александровну и рѣшился просить ея руки.

Катерина Дмитріевна (съ видимою радостью).

Что вы говорите?.. Страстно влюбленъ въ нашу Вѣрочку?..

Сутолокинъ (тоже съ нескрываемою радостію).

Рѣшился просить ея руки?..

Липневъ (съ разстановкою).

Рѣшился твердо и положительно просить руки Вѣры Александровны... Но какъ человѣкъ, имѣющій свое положеніе въ обществѣ, избалованный, какъ обыкновенно бываютъ избалованы всѣ богачи, онъ не можетъ позволить себѣ сдѣлать формальное предложеніе Вѣрѣ Александровнѣ прежде, нежели получитъ совершенную увѣренность, что оно и вами и ею будетъ принято. Понимаете: онъ напередъ хочетъ обезпечить себя противъ всякой возможности встрѣтить отказъ, или даже что нибудь подобное въ этомъ родѣ, хотя очень хорошо знаетъ, что онъ имѣетъ на своей сторонѣ всѣ основанія считать себя въ числѣ людей, которымъ не отказываютъ.

Катерина Дмитріевна (утвердительно).

Конечно, я съ этимъ совершенно согласна. Мосье Руданковскій

принадлежитъ именно къ числу тѣхъ людей, которымъ не отказываютъ.

Липневъ.

Такимъ образомъ, когда я пріѣхалъ къ нему, онъ, довѣривъ все это мнѣ, по секрету, и зная, что я очень близкій человѣкъ къ вашему дому, просилъ положительно увѣриться въ томъ, что предложеніе его будетъ принято. Само собою разумѣется, что онъ просилъ меня сдѣлать это какъ бы отъ себя, а не по его порученію, но я предпочитаю безъ всякихъ околичностей сказать вамъ откровенно всю суть дѣла и порѣшить его сколь можно скорѣй, потому что желаю счастья Вѣрѣ Александровнѣ. Ну-съ, дорогіе мои Александръ Петровичъ и Катерина Дмитріевна, откровенность за откровенность: согласны?.. Мнѣ нуженъ вашъ положительный отвѣтъ.

Катерина Дмитріевна (съ нѣкоторымъ жеманствомъ).

Но какъ же это, Левъ Александрычъ, когда настоящимъ образомъ предложеніе намъ еще не слѣлано, а мы уже должны дать положительный отвѣтъ? Хотя мы, Левъ Александрычъ, и считаемъ себѣ за честь... за честь себѣ почитаемъ...

Липневъ (перебивая).

Катерина Дмитріевна! Я просилъ: откровенность за откровенность. Къ чему тутъ церемоніи? Вѣдь этакихъ людей, какъ Алексѣй Ильичъ — ловятъ на лету. Вѣдь здѣсь, во-первыхъ, Вѣра Александровна дѣлаетъ блистательнѣйшую партію, во-вторыхъ (*обращаясь къ Сутолокину)*, собственно твои дѣла, которыя у всѣхъ у насъ, въ послѣднее время очень поразстроились, можно будетъ привести въ порядокъ: Алексѣю Ильичу стоитъ только взять тебя въ долю въ какое нибудь изъ его комерческихъ предпріятій, и тогда отъ тебя будетъ зависѣть прочнымъ образомъ поправить свое состояніе. О чемъ же тутъ толковать и тратить время по-напрасну? Какъ другъ вашъ, я посовѣтовалъ бы вамъ сколько можно скорѣй воспользоваться случаемъ: куй желѣзо, пока горячо (*подавая ему руку*). Не такъ ли?

Сутолокинъ (крѣпко пожимая руку Липневу).

Такъ, любезнѣйшій другъ, такъ, я не скрываю отъ тебя, что предложеніе твое много обрадовало насъ. Мы очень тебѣ благодарны, и намъ, дѣйствительно, надо подумать теперь о томъ, чтобы дѣло это совершилось скорѣй.

Липневъ (взглядываетъ вопросительно на Катерину Дмитріевну).

Катерина Дмитріевна (подаетъ руку и пріятною улыбкою изъявляетъ свое согласіе).

Липневъ.

Теперь дѣло остается за Вѣрой Александровной.

Катерина Дмитріевна.

На счетъ ея — не безпокойтесь! на счетъ ея не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она у насъ слишкомъ умна, и съумѣетъ вполнѣ оцѣнить лестное для нея предложеніе Алексѣя Ильича.

Липневъ (съ улыбкою).

Вы сказали совершенную правду: Вѣра Александровна, безъ преувеличенія говоря — слишкомъ умна; но въ томъ то и дѣло, что люди слишкомъ умные имѣютъ свои собственные взгляды на вещи; по этому-то я желалъ бы заручиться и ея положительнымъ согласіемъ. Тогда отъ насъ будетъ зависѣть покончить все въ нѣсколько дней; потому что, сколько я могъ замѣтить, Алексѣй Ильичъ тоже не расположенъ вдаль откладывать; знаете, эти богачи, избалованные и людьми и счастьемъ — если чего захотятъ, такъ сейчасъ же имъ и подавай. Я бы попросилъ васъ, Катерина Дмитріевна, переговорить съ Вѣрой Александровной, потомъ желалъ бы отъ нея самой узнать, согласны ли онѣ или нѣтъ.

Катерина Дмитріевна (съ самоувѣренностію).

Повторяю вамъ, Левъ Александрычъ, что касается до Вѣрочки, такъ въ ней не сомнѣвайтесь.

Липневъ.

Положимъ такъ, но во всякомъ случаѣ (*съ особой выразительностію*) я желалъ бы услышать отъ нея самой.

Катерина Дмитріевна.

И услышите. Ужъ если вы непремѣнно этого хотите—ныньче же я передамъ ей....

Липневъ.

И даже сдѣлайте это сейчасъ. Не будемъ медлить: я обѣщалъ Алексѣю Ильичу привести отвѣтъ недалѣе, какъ ныньче вечеромъ. (*Посмотрѣвъ на часы*) Теперь мнѣ нужно побывать кое гдѣ, а часика черезъ два я заѣду къ вамъ, между тѣмъ вы приготовьте Вѣру Александровну. Въ подобныхъ случаяхъ я люблю дѣйствовать чрезвычайно акуратно и положительно: мнѣ нужно отъ нея самой получить отвѣтъ. До свиданія! (*Пожимаетъ обоимъ руки и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сутолокинъ и Катерина Дмитріевна.

Сутолокинъ.

Вотъ неожиданное счастіе?

Каттрина Дмитріевна.

Да!—Впрочемъ, я всегда была убѣждена, что наша Вѣра сдѣлаетъ хорошую партію; но Руданковскій—это блистательная партія! Вѣрѣ предстоитъ теперь прекрасная роль въ большомъ свѣтѣ.

Сутолокинъ.

И кромѣ того мнѣ не нужно будетъ заботиться и биться, какъ рыбѣ объ ледъ, для того, чтобъ заплатить ему мой долгъ... я даже радъ, что Бочбочкаровъ передалъ ему мой вексель... теперь можно расчитывать даже на дальнѣйшую поправку нашихъ дѣлъ: Липневъ

сказалъ правду, что Алексѣю Ильичу, когда онъ женится на Вѣрочкѣ, ничего не стоитъ взять меня въ долю въ какую нибудь изъ его операцій.

Катерина Дмитріевна.

А мы должны быть очень благодарны Льву Александровичу: во первыхъ, онъ устроилъ, чтобы наша Вѣра участвовала въ спектаклѣ. Ты еще возставалъ противъ этого. Теперь видишь, къ чему это повело.

Сутолокинъ.

Я возставалъ потому, что это сопряжено было съ расходомъ, съ издержками на костюмъ и прочее.... а вѣдь я долженъ тебѣ откровенно сказать, что въ этотъ послѣдній годъ дѣла наши пришли въ самое скверное положеніе. До сихъ поръ я кое-какъ изворачивался, но всему бываетъ конецъ, до котораго мы дошли теперь. Еслибы не предложеніе Руданковскаго, которое можетъ измѣнить наше положеніе, намъ оставалось одно —выѣхать изъ Петербурга въ деревню, и съ великимъ трудомъ спасти, хотя какія нибудь очень небольшія остатки отъ нашего состоянія. Да и то едвали бы удалось: прежде всего предстояло долговое отдѣленіе. А какъ вы думаете, Катерина Дмитріевна. Согласится ли еще Вѣра?... Вѣдь она вовсе не знаетъ Руданковскаго.

Катерина Дмитріевна (утвердительно).

Согласится!... Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Неужто она не пойметъ всѣхъ выгодъ этой блистательной партіи. Ты обижаешь ее твоимъ предположеніемъ.

Сутолокинъ.

Я и не предполагаю, но говорю тебѣ на всякій случай... еслибы паче чаянія она стала противиться, такъ ты представь ей крайность нашего положенія. Это я полагаю, можетъ ее убѣдить... еслибы даже... она... и...

Катерина Дмитріевна (съ самонадѣянной улыбкой).

Да объ этомъ, пожалуйста не безпокойся. Въ Вѣрѣ я увѣрена.

А чтобы избавиться отъ всякаго сомнѣнія, я сейчасъ же и объяснюсь съ ней. (*Звонитъ въ колокольчикъ, входитъ слуга*) Попроси сюда Вѣру Александровну (*Слуга уходитъ*).

Сутолокинъ.

Я думаю, лучше будетъ, если я оставлю васъ вдвоемъ.

Катерина Дмитріевна.

Пожалуй, какъ хотите; но черезъ четверть часа можете придти къ намъ. Надѣюсь, что дѣло будетъ порѣшено въ нѣсколько минутъ (*Сутолокинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Катерина Дмитріевна.

Катерина Дмитріевна (съ улыбкой).

И пришло же ему въ голову сомнѣваться въ Вѣрѣ.... Какъ будто бы такія партіи представляются на каждомъ шагу... Говоритъ: Вѣра вовсе не знаетъ Руданковскаго. Но напротивъ, она знаетъ его: онъ послѣ спектакля долго говорилъ съ ней; да еслибы и не знала?... Развѣ это можетъ послужить препятствіемъ?... (*Входитъ Вѣра Александровна*) А, вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Катерина Дмитріевна и Вѣра Александровна.

Вѣра Александровна.

Вы спрашивали меня, maman, что вамъ угодно?

Катерина Дмитріевна (съ нѣкоторою торжественностью).

Поздравить тебя, Вѣра.

Вѣра Александровна.

Съ чѣмъ?

Катерина Дмитріевна (тѣмъ же тономъ).

Поздравить тебя, и сказать, что всѣ наши заботы о твоемъ воспитаніи, о твоемъ счастіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Вѣра Александровна (удивясь).

Но какъ же это, maman, чтожъ такое случилось послѣ того, какъ вы видѣли меня.... какихъ нибудь полчаса.... тогда вы ничего подобнаго мнѣ не говорили?

Катерина Дмитріевна.

Случилось то, что теперь предстоитъ тебѣ самая завидная участь: счастіе твое обезпечено навсегда!

Вѣра Александровна (съ улыбкою и нѣкоторымъ недовѣріемъ).

Навсегда!... Не слишкомъ ли много вы сказали maman?

Катерина Дмитріевна.

Навсегда, и это также вѣрно, какъ дважды-два. Однимъ словомъ (*опять впадая въ торжественный тонъ*), Алексѣй Ильичъ Руданковскій, человѣкъ, котораго считаютъ миліонеромъ, который принятъ въ большомъ свѣтѣ, живетъ какъ Крезъ—дѣлаетъ тебѣ предложеніе, проситъ твоей руки.

Вѣра Александровна (перейдя въ серьезный тонъ).

Руданковскій дѣлаетъ мнѣ предложеніе?... Проситъ моей руки?..

Катерина Дмитріевна (съ выраженіемъ полнаго удовольствія).

Да!...

Вѣра Александровна.

Но, maman, въ такомъ случаѣ, я думаю, онъ долженъ бы былъ

прежде всего обратиться ко мнѣ: вѣдь предложеніе его касается собственно меня.

Катерина Дмитріевна.

Какой ты еще ребенокъ, Вѣра! да развѣ предложеніе Алексѣя Ильича не касается также до твоей матери и отца?

Вѣра Александровна.

Положимъ, что и касается, но только во сто разъ менѣе, нежели до меня: принявъ его предложеніе, вѣдь выдти за него должны будете не вы, а я.

Катерина Дмитріевна.

Ты, Богъ знаетъ, что говоришь, Вѣра. Алексѣй Ильичъ прекрасно сдѣлалъ, что отнесся прямо къ намъ... не все ли это равно?..

Вѣра Александровна (съ увѣренностію).

Нѣтъ, maman, это не все равно!

Катерина Дмитріевна.

Увѣряю тебя, Вѣра, что все равно.

Вѣра Александровна.

А я увѣряю васъ, что нѣтъ. И въ доказательство, говорю вамъ: я не принимаю предложенія вашего Руданковскаго, не даю ему моей руки.

Катерина Дмитріевна.

Помилуй, Вѣрочка. Да развѣ можно изъ такихъ пустяковъ... совершенныхъ пустяковъ... отказываться отъ своего счастія?.. Тѣмъ больше, что, собственно говоря, предложенія своего Алексѣй Ильичъ формально, такъ сказать, еще не сдѣлалъ.

Вѣра Александровна.

Зачѣмъ же вы сказали, maman, что онъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе.

Катерина Дмитріевна.

Потому что можно считать его уже сдѣланнымъ — и въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Вѣра Александровна.

Я не понимаю васъ, maman... предложеніе не сдѣлано... а между тѣмъ можно считать его уже сдѣланнымъ... Да разскажите же, что такое было у васъ съ этимъ предложеніемъ?

Катерина Дмитріевна (нѣсколько обидясь).

Послушай, Вѣра, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о счастіи цѣлой жизни, тамъ не должно шутить. Ты страшно огорчишь отца, если по своему ребяческому капризу упустишь такую блестящую партію. Да, страшно огорчишь... огорчишь такъ, какъ ты и не воображаешь.

Вѣра Александровна.

Maman, я вовсе не шучу. Напротивъ, я прошу васъ серьезно и подробно разсказать мнѣ, какимъ образомъ мосье Руданковскій и сдѣлалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлалъ своего предложенія, и почему мой отказъ долженъ будетъ страшно огорчить papa.

Катерина Дмитріевна.

Слушай, Вѣра. Я тебѣ разскажу все, какъ было, и я увѣрена, что ты сама будешь стыдиться за свой ребяческій капризъ. Къ отцу нынче утромъ пріѣзжалъ повѣренный отъ Руданковскаго. Надо тебѣ сказать, что твой папа задолжалъ Руданковскому. Повѣренный требовалъ уплаты. Это ужасно какъ обезпокоило Александра Петровича, потому что заплатить долгъ очень трудно при нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, не заплатить — нельзя. Повѣренный насилу согласился отсрочить на нѣсколько дней, а потомъ пред-

стояла самая непріятная исторія. Но только что отецъ выпроводилъ этого господина, пріѣзжаетъ Липневъ — онъ очень близкій человѣкъ Руданковскому. И представь себѣ нашу радость. Липневъ передалъ намъ, что этотъ самый Руданковскій очарованъ тобою, очарованъ до того, что рѣшился просить твоей руки (*съ особеннымъ удареніемъ*), рѣшился твердо и положительно.

Вѣра Александровна.

Позвольте, maman, такъ ли я васъ поняла. Мосье Руданковскій прежде прислалъ своего повѣреннаго требовать деньги, которыя ему papa задолжалъ. Потомъ прислалъ къ вамъ очень близкаго къ нему человѣка просить моей руки, то есть вѣрнѣе требовать меня. Скажите же мнѣ, maman, я должна буду поступить въ уплату этого долга.

Катерина Дмитріевна.

Ты опять, Вѣра, говоришь Богъ знаетъ что. Лучше подумай о томъ, какое великолѣпное положеніе ожидаетъ тебя. Выйдя замужъ за Алексѣя Ильича, ты будешь имѣть свой прекрасный экипажъ, свою ложу въ оперѣ, будешь тратить на свой туалетъ сколько угодно (*внушительно*) и никакая мадамъ не посмѣетъ тебѣ напомнить о деньгахъ, потому что ты не будешь имѣть надобности брать въ долгъ, у тебя будетъ свой салонъ, который ты можешь наполнить людьми comme il faut, въ полномъ смыслѣ этого слова, окружить себя самымъ лучшимъ обществомъ — флигель-адъютантами, генералъ-адъютантами, даже... вѣдь къ миліонеру, у котораго (*льстиво улыбаясь*) жена-красавица, съ удовольствіемъ пріѣдетъ на поклонъ весь Петербургъ.

Вѣра Александровна.

Ну, maman, теперь вы все сказали?

Катерина Дмитріевна.

Чего же тебѣ больше?.. Развѣ можно болѣе этого желать?..

Вѣра Александровна (серьезно и грустно).

Ахъ, maman, можно и даже должно. Человѣка, которому надо отдать себя на цѣлую жизнь, поймите это, maman: на всю жизнь, этого человѣка нужно знать, потомъ любить и уважать. А я почти не знаю Руданковскаго, не люблю и... кажется, не уважаю.

Катерина Дмитріевна (съ неудовольствіемъ и упрекомъ).

Я удивляюсь на тебя, Вѣра... Я этого никакъ отъ тебя не ожидала. Ты говоришь какъ какая нибудь дѣвочка, которая начиталась романовъ... Признаюсь, я думала о тебѣ гораздо больше.

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, maman, не начиталась романовъ. Если я что менѣе всего читаю, такъ это именно романы. И не романы виноваты, что на все это я смотрю можетъ быть серьезнѣе, чѣмъ вы. Повторяю вамъ, я очень мало знаю Руданковскаго.

Катерина Дмитріевна (перебивая).

Но его знаютъ твой отецъ и мать, его знаетъ весь Петербургъ, всѣ его уважаютъ и знакомствомъ съ нимъ дорожатъ... наконецъ отчего же тебѣ не любить Алексѣя Ильича... Человѣкъ онъ еще молодой...

Вѣра Александровна (съ улыбкой).

Но все-таки будетъ, я думаю, постарше меня почти вдвое. Но это бы еще ничего...

Катерина Дмитріевна (перебивая).

Стало быть, одинъ капризъ... (*Съ убѣжденіемъ*) Такъ не стыдно ли тебѣ, Вѣра, изъ пустаго каприза терять такой случай, какого потомъ не встрѣтишь можетъ быть во всю жизнь.

Вѣра Александровна.

Нѣтъ, maman, это не капризъ. Конечно, я мало знаю Руданковскаго, говорила съ нимъ не болѣе двухъ-трехъ разъ; но должна вамъ сказать: онъ произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Катерина Дмитріевна (съ неудовольствіемъ).

Чѣмъ же это—позвольте спросить.

Вѣра Александровна.

Да тѣмъ, maman, что онъ, во первыхъ, фатъ — одинъ изъ тѣхъ фатовъ, которыхъ я, признаюсь вамъ, терпѣть не могу. Я не могу видѣть безъ отвращенія, какъ эти господа лѣзутъ со своей особой на первый планъ—не дадутъ сказать вамъ слова и ужъ произносятъ свой рѣшительный приговоръ, очень часто даже не имѣя никакого понятія о томъ, о чемъ идетъ рѣчь. Ммѣ показалось, что вашъ Руданковскій очень походитъ на этихъ людей. А согласитесь, maman, что поставить себя въ зависимое положеніе отъ такого фата, дать ему надъ собой большія, вѣчныя и неотъемлемыя права, прожить съ нимъ цѣлый вѣкъ... это — самая непріятная перспектива. Нѣтъ, maman, мнѣ страшно принять его предложеніе. Поймите, что вѣдь этому человѣку я должна буду отдать себя навсегда. По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ время короче узнать его.

Катерина Дмитріевна.

Послушай, Вѣра, все это однѣ пустыя фантазіи. Ты наконецъ вынуждаешь меня говорить тебѣ о томъ, чего бы я сказать тебѣ очень, очень не желала.

Вѣра Александровна (съ выраженіемъ любопытства).

Что-же это такое, maman?

Катерина Дмитріевна.

Ты знаешь, что наше состояніе никогда не было слишкомъ велико; однакоже до тѣхъ поръ, когда не пришло время дать тебѣ

приличное воспитаніе, мы имѣли очень достаточныя средства жить не хуже другихъ, тѣмъ болѣе, что имѣніе наше прекрасно было устроено; у насъ было все свое, все заведено. Но собственно для твоего воспитанія и для того, чтобы ты могла сдѣлать хорошую партію, мы должны были переѣхать въ Петербургъ. Тутъ мы должны были составить себѣ знакомство, разумѣется, въ порядочномъ кругу, поддерживать приличный образъ жизни, отецъ твой ѣздилъ въ англійскій клубъ; все это требовало расходовъ и расходовъ; а между тѣмъ доходы съ имѣнія сократились; мы должны были войти въ долги... однимъ словомъ, состояніе наше разстроилось и теперь мы находимся въ очень затруднительномъ положеніи... Такъ пойми же, Вѣра, что на тебѣ лежитъ долгъ въ отношеніи къ отцу и матери, которые ничего для тебя не жалѣли, которые дали тебѣ такое блестящее воспитаніе и которые для тебя разстроили свое состояніе. А у насъ еще остается твой меньшой братъ, твоя меньшая сестра, тоже требующіе воспитанія...

Вѣра Александровна (грустно и серьезно).

Maman, все это я очень хорошо понимаю. Я знаю, что воспитаніе мое должно было вамъ дорого стоить, но я могу только жалѣть, зачѣмъ вы дали мнѣ это дорогое воспитаніе; зачѣмъ навязали мнѣ долгъ, который всю жизнь долженъ тяготить меня, потому что заплатить его вамъ у меня нѣтъ и не можетъ быть возможности. Вы знаете, что женщинѣ заграждены всѣ пути къ достиженію подобной цѣли... И для того, чтобы возвратить вамъ тѣ деньги, которыя вы издержали на мое воспитаніе, мнѣ остается одно только средство: просто продать себя какому нибудь богачу, чего вы, конечно, отъ меня не потребуете.

Катерина Дмитріевна (съ выраженіемъ сильнаго неудовольствія).

Вѣра! Опомнись; какъ можешь ты говорить матери твоей такія вещи!

Вѣра Александровна (съ грустною улыбкою).

Не сердитесь, maman, я сказала вамъ совершенную правду; это

очень жаль, но не моя вина, что такъ свѣтъ устроенъ... Скажите сами, maman: гдѣ я могу взять столько денегъ, сколько стоило вамъ мое воспитаніе?.. Есть ли у меня какое нибудь средство заплатить вамъ то, что вы называете моимъ долгомъ? Укажите—и я готова не пощадить себя, лишь бы только могла избавиться отъ тяжелаго положенія быть должной цѣлую жизнь... Въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Катерина Дмитріевна (убѣдительно, съ нѣкоторою нѣжностью).

Вѣра, если ты говоришь отъ души... если это не одни слова...

Вѣра Александровна.

Maman! повторяю вамъ, что въ этомъ вы можете быть увѣрены совершенно.

Катерина Дмитріевна.

Если такъ, то я могу сказать тебѣ, что, принявши предложеніе Алексѣя Ильича, ты вполнѣ заплатишь намъ свой долгъ; и—что главное—отца твоего избавишь... отъ самаго непріятнаго положенія! Повѣрь мнѣ, Вѣра, я нисколько не преувеличиваю. Представь себѣ, что въ случаѣ нашего отказа Алексѣй Ильичъ уже не будетъ имѣть никакихъ причинъ къ снисхожденію, тѣмъ больше, что это, конечно, оскорбитъ его. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, вексель твоего отца представится ко взысканію... дѣла наши придутъ въ самое крайнее, самое затруднительное положеніе... однимъ словомъ послѣдуетъ раззореніе...

Вѣра Александровна (пораженная этими словами).

Maman!.. вы не преувеличиваете?..

Катерина Дмитріевна.

Не вѣришь?.. Спроси самого отца (*звонитъ*; *входитъ слуга*). Попроси сюда барина (*слуга уходитъ*). Нѣтъ, Вѣра, я нисколько не преувеличиваю. Отъ тебя теперь зависитъ успокоить насъ.

(*Входитъ Сутолокинъ*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Сутолокинъ.

Катерина Дмитріевна (встрѣчая мужа).

Я передала ей (*показывая на Вѣру Александровну*) все... все передала ей... И представь себѣ мое удивленіе: по какому-то капризу (*упрекающимъ тономъ*) Вѣрѣ Александровнѣ не угодно принять предложеніе Алексѣя Ильича.

Вѣра Александровна (подойдя къ отцу и взявъ его за руку).

Papa! Неужели все то правда, что maman сказала мнѣ?

Сутолокинъ (пожимая плечами).

Къ несчастію, совершенная правда. Но я, точно также какъ и твоя мать, удивляюсь, почему ты не хочешь принять.

Вѣра Александровна (перебивая, грустно-убѣждающимъ тономъ).

Ахъ papa, я не люблю вашего Руданковскаго, и не знаю, буду ли когда нибудь въ состояніи полюбить его.

Катерина Дмитріевна (съ упрекомъ).

Вѣра! ты, можетъ быть, хочешь, чтобы отецъ твой на колѣняхъ просилъ тебя... тогда какъ твой долгъ, твоя обязанность съ одной стороны... а съ другой стороны—пустой капризъ... (*Обращаясь къ мужу*) Александръ Петровичъ, становитесь же на колѣни и просите вашу дочь.

Вѣра Александровна.

Не говорите этого, maman, я вамъ уже сказала, что не пощажу себя для того, чтобы заплатить вамъ мой долгъ.

Катерина Дмитріевна.

Не заплатить, а исполнить долгъ—исполнить долгъ къ отцу и къ матери.

Вѣра Александровна (съ грустною улыбкой).

Пожалуй, исполнить, тутъ не въ словахъ дѣло. Но я желала, чтобы papa подтвердилъ мнѣ то, что вы говорили... потому что вы заставляете меня сдѣлать такой важный шагъ. (*Обращаясь къ отцу и крѣпко пожимая ему руку*) Papa! Такъ другаго средства нѣтъ у васъ?

Сутолокинъ (пожимая плечами).

Другаго средства нѣтъ.

Вѣра Александровна (опустивъ руку и глубоко вздохнувъ).

Извольте, papa. Я исполню ваше желаніе — заплачу вамъ мой долгъ... я выйду за Руданковскаго... если это до такой степени для васъ необходимо.

Сутолокинъ (подойдя къ ней и крѣпко пожимая ей руку).

Благодарю, Вѣра, благодарю.

Катерина Дмитріевна (цѣлуя ее).

Поздравляю тебя съ твоимъ будущимъ счастьемъ, съ тѣмъ положеніемъ, которое ты будешь занимать въ свѣтѣ.

Вѣра Александровна (грустно).

Едва ли это будетъ такъ, maman... Конечно, прежде всего я могла бы почувствовать себя счастливой, заплативъ вамъ мой долгъ; но вѣдь я плачу его вамъ деньгами моего будущаго мужа, выходитъ, одинъ долгъ мѣняю на другой. Но будетъ ли онъ менѣе тяготить меня, это еще вопросъ. Ну, что, maman, если мой мужъ

когда нибудь, также какъ вы теперь, потребуетъ отъ меня уплаты этого долга—чѣмъ тогда я могу заплатить ему?

Катерина Дмитріевна (съ большою серьезностію).

Твоею любовью, Вѣра. Иначе, какіе же могутъ быть другіе счеты между мужемъ и женой.

Сутолокинъ.

Это совершенно такъ. Вотъ, напримѣръ, намъ съ твоей матерью вѣдь никогда же и въ голову не приходило считаться... Да, любовью твоей къ мужу ты вполнѣ заплатишь ему свой долгъ.

Вѣра Александровна.

Ахъ, papa, любовь не отъ себя зависитъ. Я еще не знаю, въ состояніи ли буду полюбить его... да одной любви быть можетъ будетъ мало. Васъ, papa, и мою maman вѣдь я очень люблю; а случилось же... Но... перестанемте объ этомъ говорить: дѣло рѣшено— я выхожу за Руданковскаго.

(*Занавѣсъ опускается*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Богато убранная комната въ домѣ Руданковскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Руданковскій и Шкловичъ.

Руданковскій (встрѣчая Шкловича).

Ну, что, Яковъ Самойлычъ? Я ждалъ васъ съ великимъ нетерпѣніемъ... Говорите же: быть или не быть?

Шкловичъ.

Почти быть. Осталось сдѣлать послѣдній шагъ.

Руданковскій.

Такъ Имбарскаго уломали?

Шкловичъ.

Уломалъ.

Руданковскій (съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ).

И это вѣрно?

Шкловичъ.

Совершенно вѣрно.

Руданковскій (съ выраженіемъ очевидной радости).

Отлично! А признаюсь вамъ, Яковъ Самойлычъ, на счетъ Им-

барскаго я очень сомнѣвался. Помилуйте: человѣкъ, котораго считаютъ неподкупнымъ...

Шкловичъ (съ ироническою улыбкой).

Неподкупныхъ людей, Алексѣй Ильичъ, нѣтъ на свѣтѣ. Тутъ все дѣло въ цифрѣ, и если есть господа, которые никакъ не позволятъ подкупить себя за тысячу, за двѣ, ну положимъ и за пять, такъ попробуйте предложить имъ десять, и они навѣрное призадумаются. Если же вы найдете нужнымъ увеличить предлагаемый кушъ до двадцати, а въ случаѣ упорства и до болѣе почтенной цифры, можете быть увѣрены: неподкупный—будетъ подкупленъ. Повторяю: все дѣло въ цифрѣ. Умѣйте только понять гдѣ и какія цифры надежнѣе пускать въ ходъ. Связи, напримѣръ—это такая цифра, которой безпрестанно подкупаются люди самые неподкупные, а потомъ женщины—это опять цифра, да еще какая?..

Руданковскій (съ улыбкою).

Выходитъ, неподкупныхъ людей нѣтъ.

Шкловичъ (утвердительно).

Нѣтъ и быть не можетъ. Теперь рѣшительное окончаніе нашего дѣла зависитъ отъ князя. Само собою разумѣется, что я ужъ былъ у Бѣсбѣсовича.

Руданковскій.

Что же онъ вамъ сказалъ?

Шкловичъ.

Сначала ничего. Потомъ, когда я положительно сказалъ, что если князь утвердитъ за вами подрядъ, то ему, Бѣсбѣсовичу, за это очень будетъ заплачено, онъ указалъ путь, какъ надо дѣйствовать на князя.

Руданковскій.

Деньгами.

Шкловичъ.

Нѣтъ. Оказалось, что тутъ нужно употребить другое средство. (*Внушительно*) И средство это совершенно зависитъ отъ васъ.

Рудanковскiй.

Такъ и прекрасно! Стало быть, вамъ остается только сказать что я долженъ сдѣлать.

Шкловичъ.

Я это объясню вамъ въ двухъ словахъ. (*Съ весьма большой серьезностiю*) Но прежде считаю очень нелишнимъ напомнить вамъ, какъ важно для насъ утвержденiе за вами этого подряда.

Руданковскiй (весело).

Ну ужъ извините, Яковъ Самойлычъ, я считаю это совершенно лишнимъ. Неужто вы думаете, что я не умѣю понимать своихъ, то есть общихъ нашихъ выгодъ?

Шкловичъ (съ тою же серьезностiю).

Этого хотя я и не думаю, но все-таки скажу вамъ еще разъ, что мы во время исполненiя этого подряда имѣемъ полную возможность (*съ болѣе сильнымъ ударенiемъ на это слово*), полную возможность... размѣнять... то есть обезпечить себѣ чистый милiонъ рублей.

Руданковскiй.

Знаю. Объ этомъ нечего толковать. Сто разъ говорено было.

Шкловичъ.

Такъ слушайте же, какъ надо будетъ намъ приготовить князя. Чрезъ два дня Имбарскiй представитъ ему докладъ объ утвержденiи подряда. Непремѣнно нужно, чтобы завтра вечеромъ ваша Вѣра Александровна поѣхала къ князю и лично попросила его объ утвержденiи.

Руданковскій (удивясь).

И вы полагаете, что князь сейчасъ же и утвердитъ?

Шкловичъ.

Не полагаю, а совершенно убѣжденъ... Вы знаете, что Бѣсбѣсовичъ домашній у князя человѣкъ. Но я, кажется, не говорилъ вамъ, что онъ преимущественно состоитъ при князѣ по части сердечныхъ его сіятельства увлеченій. А эти увлеченія—единственная струна, на которой можно заставить его играть какую вамъ угодно музыку. Я еще и прежде слышалъ... всезнающій Липневъ мнѣ говорилъ... да однимъ словомъ объ этомъ и сами вы знаете, что князь очень заинтересованъ Вѣрой Александровной.

Руданковскій (съ улыбкой).

Ну, да, слышалъ и я объ этомъ... но вѣдь Липневъ вѣчно все преувеличиваетъ, и полагаться на его слова...

Шкловичъ (перебивая).

Не слѣдуетъ — вы совершенно правы. И смѣшно бы было въ дѣлѣ столь важномъ основывать свои дѣйствіи на его словахъ. Но здѣсь дѣло не въ томъ, что болталъ Липневъ, (*съ особымъ выраженіемъ*) а въ томъ, что Бѣсбѣсовичъ нынче мнѣ сказалъ.

Руданковскій (съ любопытствомъ).

Чтоже вамъ сказалъ Бѣсбѣсовичъ?

Шкловичъ.

Онъ говоритъ, что князь увлекся Вѣрою Александровною такъ, какъ очень рѣдко случалось увлекаться его сіятельству. Какимъ образомъ Бѣсбѣсовичъ убѣдился въ томъ — это ужъ его дѣло, только онъ положительно мнѣ сказалъ, если Вѣра Александровна лично и убѣдительно попроситъ князя, то безъ всякаго сомнѣнія подрядъ будетъ утвержденъ. Бѣсбѣсовичъ взялся подготовить князя... какъ

уже онъ это сдѣлаетъ—это опять его дѣло, а намъ остается поступить по его указанію. Видите ли, мой любезнѣйшій Алексѣй Ильичъ, что теперь все зависитъ отъ самихъ васъ: вамъ предстоитъ передать вашей Вѣрѣ Александровнѣ всю суть дѣла и сдѣлать такъ, чтобы она завтра вечеромъ въ восемь часовъ съѣздила къ князю, который, какъ уговорились мы съ Бѣсбѣсовичемъ, уже будетъ имъ о томъ предупрежденъ. Такъ, не теряя времени, приступите сейчасъ къ дѣлу... (*беретъ шляпу и пожимая ему руку*) но помните, что здѣсь нельзя останавливаться рѣшительно ни передъ какимъ способомъ убѣжденія... потому что помимо этого подряда ничто другое не можетъ обезпечить намъ сбытъ... понимаете!.. До свиданія! (*кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Руданковскій.

Руданковскій (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, останавливаясь по временамъ, говоритъ).

Да, Шкловичъ сказалъ правду... Если этотъ подрядъ ускользнетъ отъ насъ—будетъ скверно... Во что бы то ни стало, а надо его взять. (*Звонитъ. Входитъ слуга*) Попроси ко мнѣ барыню (*Слуга уходитъ*). А что ежели Вѣра заупрямится?.. Нѣтъ, этого не должно быть... Да этого и не можетъ быть: Вѣра—женщина, да еще красавица, и конечно не въ состояніи будетъ пожертвовать всѣмъ этимъ блескомъ, которымъ я окружилъ ее...

(*Входитъ Вѣра Александровна съ футляромъ въ рукѣ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Руданковскій и Вѣра Александровна.

Вѣра Александровна.

Вы присылали за мной, а я только что хотѣла сама къ вамъ идти. Мнѣ надо показать вамъ уборъ (*раскрываетъ футляръ*)...

удивительный уборъ! только немножко дорогъ. Посмотрите! Вѣдь очень хорошъ?.. но за то и очень дорогъ...

Руданковскій (разсматривая уборъ).

Да, дѣйствительно, очень хорошъ... А что стоитъ!

Вѣра Александровна.

Тысячу триста рублей...

Руданковскій.

Ну это еще нельзя сказать, чтобы былъ очень дорогъ.

Вѣра Александровна.

Такъ я могу взять?

Руданковскій.

Можете и это будетъ очень кстати. На будущей недѣлѣ мы даемъ большой балъ...

Вѣра Александровна.

На будущей недѣлѣ?.. чтожъ вы мнѣ раньше не сказали? Большой балъ—такая вещь, къ которой надо приготовиться.

Руданковскій.

Въ такомъ случаѣ можно будетъ отложить и еще на нѣсколько дней. Это отъ насъ зависитъ. Но пока и балъ и уборъ вашъ — въ сторону. Я попросилъ васъ для того, чтобы поговорить о болѣе серьезномъ дѣлѣ.

Вѣра Александровна (съ любопытствомъ).

О чемъ же это?

Руданковскій (подвигая ей стулъ и садясь на другой).

Сейчасъ узнаете (*Вѣра Александровна садится. Руданковскій продолжаетъ*). Вы, конечно, замѣтили, что съ самаго перваго дня

нашей свадьбы, я старался исполнять всѣ ваши желанія, окружилъ васъ роскошью, блескомъ, далъ вамъ такое положеніе въ нашемъ большомъ свѣтѣ, которому, признайтесь, нельзя не позавидовать.

Вѣра Александровна (перебивая).

Позвольте, Алексѣй Ильичъ, въ вашихъ словахъ не все правда: вы точно окружили меня роскошью и блескомъ, но это было больше ваше желаніе, нежели мое. По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что я ничѣмъ не выказала вамъ собственныхъ моихъ претензій на тотъ образъ жизни, который вы мнѣ предложили, какъ дѣло, рѣшенное вами, а не мной.

Руданковскій (съ улыбкой недовѣрія).

Такъ что же вы хотите этимъ сказать, Вѣра Александровна? Что вамъ не нравится нашъ образъ жизни и что вы сдѣлали пожертвованіе для меня, позволивъ окружить себя роскошью и блескомъ?.. Что вамъ не приносятъ никакого удовольствія ваши успѣхи въ свѣтѣ и тотъ фуроръ, который, при нашей блистательной обстановкѣ, произвело ваше появленіе?

Вѣра Александровна.

О, нѣтъ! я вовсе не то хочу сказать вамъ. Я не отрицаю, что во всемъ этомъ есть много обаянія, которымъ нельзя не увлекаться...

Руданковскій.

Конечно, кто жъ этого не знаетъ?

Вѣра Александровна (продолжая).

Но я очень хорошо понимаю, что съ моей стороны не имѣю никакого права вовлекать васъ — если это самимъ вамъ не угодно — въ тѣ издержки, какихъ требуетъ этотъ образъ жизни; и если вы хотите ихъ ограничить, вы найдете меня всегда готовою...

*

Руданковскій (съ важностію).

На этотъ счетъ—не безпокойтесь. Я не имѣю въ виду никакихъ подобныхъ ограниченій и совсѣмъ не къ тому завелъ съ вами объ этомъ рѣчь. Напротивъ, мое положеніе въ свѣтѣ, мои отношенія къ обществу даже не позволяютъ мнѣ и думать о какихъ нибудь ограниченіяхъ. Но изволите ли видѣть, Вѣра Александровна, мы дѣйствительно дѣлаемъ (*съ улыбкою*) очень порядочныя издержки... однимъ словомъ, проживаемъ столько, сколько проживали въ прежнее время счастливцы, обладающіе цѣлыми тысячами душъ. У насъ, надобно вамъ замѣтить, да и ни у кого теперь, тысячъ душъ въ обладаніи не имѣется; за то я имѣю дѣла, въ которыхъ оборачиваются цѣлыя сотни тысячъ и даже миліоны рублей. Тутъ разница вся въ томъ, что при прежнемъ обладаніи тысячами душъ вся наша дѣятельность состояла въ томъ, чтобы проживать получаемые съ нихъ доходы, а теперь, чтобы получать доходы, чтобы извлекать изъ дѣлъ выгоды, нужно умѣть вести ихъ и, главное, умѣть пользоваться обстоятельствами и всякимъ представляющимся случаемъ.

Вѣра Александровна.

Все это, конечно, такъ; но я думаю, что едва ли это можетъ касаться чѣмъ нибудь до меня.

Руданковскій.

А между тѣмъ представился случай, когда вы-то именно и можете оказать вліяніе на исходъ одного весьма важнаго для насъ дѣла.

Вѣра Александровна (съ удивленіемъ).

Я?..

Руданковскій.

Именно—вы.

Вѣра Александровна (съ большимъ удивленіемъ).

Я могу оказать вліяніе на исходъ весьма важнаго для насъ дѣла?.. Но какого же это дѣла?.. И главное, какимъ образомъ я могу оказать вліяніе?..

Рудаковскій.

Дѣло это состоитъ въ утвержденіи за мной чрезвычайно выгоднаго подряда, который дастъ возможность не только продолжать настоящій нашъ образъ жизни, но и на будущее время прочно обезпечить наше положеніе. Въ противномъ случаѣ, мы можемъ встрѣтить затрудненіе... однимъ словомъ, въ этомъ утвержденіи заключается для насъ вопросъ: быть или не быть. А какимъ образомъ вы можете содѣйствовать къ его разрѣшонію — я сейчасъ вамъ объясню.

Вѣра Александровна (съ нетерпѣніемъ).

Сдѣлайте одолженіе — потому что сама я ужъ, конечно, никакъ не съумѣю этого оттадать.

Рудаковскій (съ снисходительною улыбкой).

Вы, я думаю, замѣтили, что въ числѣ вашихъ поклонниковъ князь Загорскій занимаетъ не послѣднее мѣсто. А отъ него теперь зависитъ утвержденіе подряда, и потому вамъ надо будетъ попросить князя. Я узналъ отъ человѣка, весьма близкаго къ князю, что вамъ — если вы его попросите — онъ не откажетъ.

Вѣра Александровна.

Только-то!... попросить князя Загорскаго?.. Это я могу сдѣлать въ первый же разъ, какъ его увижу.

Рудаковскій.

Этого мало, Вѣра Александровна. Пока вы его встрѣтите, можетъ пройти нѣсколько дней. А мнѣ никакъ нельзя медлить. Дѣло прошло по всѣмъ переходамъ и на-дняхъ должно быть представлено къ князю на утвержденіе. Вамъ предстоитъ, никакъ не откладывая до случайной встрѣчи, а, по самой крайней мѣрѣ, завтра вечеромъ поѣхать къ князю и не какъ нибудь... что называется мимоходомъ, а убѣдительно попросить его... заставить его дать вамъ слово, что онъ непремѣнно и немедленно утвердитъ за мною подрядъ.

Вѣра Александровна (серьезно).

Это совсѣмъ другое дѣло. Я думала, что мнѣ надо будетъ сказать только нѣсколько словъ князю при случайной встрѣчѣ.... Но нарочно ѣхать за этимъ къ нему.... просить его убѣдительно... Этого, признаюсь вамъ, я бы никакъ не хотѣла.

Руданковскій.

Но когда безъ этого нельзя обойтись, Вѣра Александровна, такъ нечего дѣлать—надо будетъ принудить себя. Въ серьезныхъ случаяхъ—это бываетъ иногда рѣшительно необходимымъ. Я долженъ вамъ сказать, что избѣжать посѣщенія князя —нѣтъ никакой возможности. Обстоятельства такъ сложились, дѣло это такъ важно для меня—а поэтому должно быть важно и для васъ, что мы не можемъ останавливаться ни передъ какими средствами убѣжденія. Теперь понимаете ли меня, Вѣра Александровна?.. Да-съ: ни передъ какими средствами убѣжденія.

Вѣра Александровна (съ изумленіемъ).

Ни передъ какими средствами убѣжденія?...

Руданковскій.

Именно ни передъ какими.

Вѣра Александровна (съ чувствомъ негодованія).

Алексѣй Ильичъ! я желала бы не понять васъ, но, къ сожалѣнію, вы говорите довольно ясно для того, чтобы быть понятымъ... Я васъ понимаю. (*Невольно увлекаясь*) Но понимаете ли вы, какое прекрасное порученіе возлагаете на вашу жену?.. Понимаете ли, что за счастіе быть вашею супругою и въ этомъ лестномъ званіи пользоваться выгодами вашего положенія, вы хотите заставить меня унизиться до роли женщины...

Руданковскій (поспѣшивъ перебить, съ самою серьезной важностью).

Позвольте, Вѣра Александровна, позвольте. Я васъ попрошу быть

хладнокровной. Здѣсь всякая горячность, всякое увлеченіе совершенно неумѣстны. Не будьте односторонни, а взгляните на дѣло въ томъ видѣ, какъ оно есть, и вы убѣдитесь, что иначе оно и быть не должно.

Вѣра Александровна (съ ироніею).

Иначе и быть не должно?.. Ну едва ли я дойду когда нибудь до такого убѣжденія. Мнѣ остается только поздравить васъ.... съ такимъ прекраснымъ взглядомъ на вещи.

Руданковскій.

Такъ вы думаете, что у меня нѣтъ и не можетъ быть никакихъ основаній, никакихъ причинъ, которыя бы могли оправдывать меня въ настоящемъ случаѣ.

Вѣра Александровна.

Неужели же вы думаете, что въ самомъ дѣлѣ такія причины могутъ быть?..

Руданковскій.

Я еще разъ попрошу васъ, Вѣра Александровна, хладнокровно обсудить и взвѣсить все то, что я имѣю сказать вамъ. Я попрошу васъ припомнить тѣ обстоятельства, которыми сопровождался нашъ бракъ. Вы, сколько я могъ замѣтить еще до нашей свадьбы, не принадлежали къ числу тѣхъ покорныхъ барышней, которыя, вполнѣ подчиняясь волѣ родителей, не имѣютъ своей собственной воли. Вѣдь это правда, Вѣра Александровна?... Вѣдь вы не можете сказать, если захотите быть искренни, что вышли за меня по приказанію.

Вѣра Александровна.

Положимъ, что это и такъ, но чтожъ изъ этого слѣдуетъ?

Руданковскій.

А то изъ этого слѣдуетъ, что, отдавая мнѣ вашу руку, вы вовсе не имѣли въ виду устроить вашу будущность съ единственною цѣлью распѣванія извѣстной пѣсни: „Мнѣ хижина убога съ тобою

будетъ храмъ.“ Я очень хорошо знаю, что счастіемъ обладать вами въ качествѣ моей супруги я обязанъ тому понятію, какое вы составили себѣ о моемъ состояніи и богатствѣ. Вы выходили за меня съ тѣмъ, чтобы пользоваться выгодами моего положенія и собственно для васъ и даже для вашихъ родныхъ. Я оправдалъ ваши ожиданія вполнѣ. Не такъ ли, Вѣра Александровна?

Вѣра Александровна.

Что касается до этого, то, конечно, я должна отдать вамъ справедливость, вы...

Руданковскій (перебивая).

Слѣдовательно я имѣю полное право требовать отъ васъ, чтобы вы шли рука объ руку съ вашимъ мужемъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можете быть ему полезны съ своей стороны, не останавливались передъ наивными представленіями идеальныхъ фантазій, а покорялись требованіямъ дѣйствительности, которымъ въ наше время покоряются всѣ безъ исключенія. Вы совершенно ошибаетесь, думая, что общество смѣшаетъ васъ съ тѣми женщинами, которыхъ оно лишаетъ своего уваженія. Вы не знаете общества. Могу васъ увѣрить, что если вы воспользуетесь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое сдѣлали на князя, и такимъ образомъ получите вліяніе на одного изъ нашихъ всемогущихъ людей — это возвыситъ ваше положеніе въ обществѣ; дастъ вамъ такое значеніе, какого другія не имѣютъ; вамъ будутъ завидовать и даже въ глубинѣ души не подумаютъ васъ презирать. Вотъ мои основанія и причины, Вѣра Александровна. Поймите, что иначе думать о вещахъ въ нашъ реальный вѣкъ было бы слишкомъ наивно для человѣка, дѣйствующаго и не лишеннаго здраваго смысла.

Вѣра Александровна (съ достоинствомъ).

Я понимаю одно, Алексѣй Ильичъ, понимаю, что вы разоблачили теперь передъ мною такія ваши реальныя убѣжденія, какихъ не можетъ раздѣлять ни одна, хоть сколько нибудь уважающая себя, женщина. А что касается до выгодъ, представляющихся вашей женѣ въ вашей блистательной обстановкѣ — я готова согла-

ситься съ вами: очень легко можетъ быть, что для этого и въ самомъ дѣлѣ надо бы было идти съ вами рука объ руку, не останавливаясь ни передъ какимъ поступкомъ, какъ бы онъ не былъ низокъ и отвратителенъ. Но на этихъ условіяхъ я не могу и не хочу принимать отъ васъ никакихъ благъ. Вы совершенно ошиблись, если считали меня способною изъ-за вашей роскоши и блеска унизиться до принятія подобныхъ условій. Могу васъ увѣрить въ свою очередь, что прекрасное ваше предложеніе — посѣтить князя и убѣдительно просить его, (*съ чувствомъ досады и презрѣнія*) не останавливаясь ни передъ какими способами убѣжденія, — положило между нами вѣчную преграду. Послѣ этого мнѣ остается одно: оставить васъ съ вашею роскошью и блескомъ, потому что — поймите это, Алексѣй Ильичъ — послѣ этого быть вашею женой я не могу и не хочу.

Руданковскій (съ невозмутимою холодностію).

Послушайте, Вѣра Александровна, къ чему эти фразы и этотъ тонъ?.. Вѣдь и безъ нихъ я очень хорошо знаю, что вы превосходная актриса. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ нашъ домашній спектакль, который, говоря между прочимъ, данъ нами былъ собственно для вашего удовольствія, и съ освѣщеніемъ, и угощеніемъ, и великолѣпнымъ баломъ, обошелся мнѣ въ очень порядочную сумму. (*Съ улыбкою*) Оставить меня было бы съ вашей стороны ужъ слишкомъ неблагодарно въ отношеніи къ человѣку, которому такъ много одолжено ваше семейство, да потомъ вѣдь это и не отъ васъ зависитъ: оставаться моей женой вы будете до тѣхъ поръ, пока мнѣ это угодно. Впрочемъ я вижу, что предложеніе мое немножко удивило васъ. Это — очень естественно. Вы не знали тѣхъ обстоятельствъ, которыя только теперь сдѣлались вамъ извѣстны. Я васъ еще разъ прошу все это обдумать и обсудить... Завтра вы дадите мнѣ вашъ отвѣтъ.

Вѣра Александровна (перебивая).

И завтра я скажу вамъ тоже самое, что сказала теперь. Никогда не унижусь я до того положенія, въ какое вы хотите меня поставить (*входитъ Катерина Дмитріевна*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Руданковскій, Вѣра Александровна и Катерина Дмитріевна.

Катерина Дмитріевна.

Здравствуйте, Алексѣй Ильичъ; здравствуй, Вѣра. Я пріѣхала сказать вамъ довольно непріятную для меня новость. Представьте! на дняхъ мы ѣдемъ въ деревню и, можетъ быть, надолго оставляемъ Петербургъ. Вчера Александръ Петровичъ получилъ письмо отъ нашего управляющаго. Онъ вызываетъ, непремѣнно вызываетъ туда самого Александра Петровича... И такъ на будущей недѣлѣ мы уѣзжаемъ, а Соничку и Пьера (*обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ*) ужъ должны оставить на твое попеченіе. (*Заискивающимъ тономъ, обращаясь къ Алексѣю Ильичу*) Васъ, Алексѣй Ильичъ, также позвольте покорнѣйше просить: вы позвольте Вѣрѣ позаботиться о братѣ и сестрѣ.

Руданковскій.

Если не ошибаюсь, ваша Соничка въ нынѣшнемъ году должна выйти изъ института?

Катерина Дмитріевна.

Да-съ, Алексѣй Ильичъ, въ нынѣшнемъ году.

Руданковскій.

А Пьеръ когда выйдетъ изъ школы?

Катерина Дмитріевна.

Черезъ годъ и онъ надѣется быть выпущеннымъ въ офицеры.

Руданковскій (съ улыбкой).

Такимъ образомъ, Катерина Дмитріевна, вы возлагаете на насъ не очень легкую обязанность...

Катерина Дмитріевна (перебивая).

Ахъ, Алексѣй Ильичъ, я и сама очень хорошо это понимаю... я знаю, что мы и такъ ужъ очень много вамъ обязаны... но позвольте надѣяться на васъ, какъ на близкаго роднаго, котораго мы такъ много уважаемъ, съ такою благодарностію цѣнимъ все, что вы для насъ сдѣлали (*Устремляетъ на него умоляющій взглядъ*).

Руданковскій (съ нѣкоторою ироніею).

Мнѣ пріятно, что все это вы съ благодарностію цѣните, но очень жаль, что Вѣра Александровна не раздѣляетъ вашихъ чувствъ и ни за себя, ни за васъ не считаетъ себя чѣмъ нибудь мнѣ обязанной... не желаетъ сознать своего долга къ мужу, который—это я могу сказать безъ всякаго преувеличенія—облагодѣтельствовалъ и ее, и ея родныхъ.

Катерина Дмитріевна.

Совершенно такъ, Алексѣй Ильичъ, совершенно такъ. Позвольте васъ увѣрить, что мы вполнѣ это сознаемъ... И мы, и Вѣра...

Руданковскій.

Вы, можетъ быть, но что касается до Вѣры Александровны, такъ позвольте усумниться.

Катерина Дмитріевна.

Напрасно, Алексѣй Ильичъ, смѣю васъ увѣрить, что напрасно. Да Вѣра еще больше насъ, если это только возможно, чувствуетъ, какъ много она вамъ обязана. По крайней мѣрѣ, сама она мнѣ всегда это говорила. Это ея собственныя слова. Тутъ какое нибудь недоразумѣніе вышло. Между васъ темное облачко промелькнуло. (*Льстивымъ и заискивающимъ тономъ*) Но облачко пройдетъ, и опять проглянетъ наше ясное солнышко... а это солнышко наше—вы, Алексѣй Ильичъ.

Руданковскій.

Повторяю вамъ, что Вѣра Александровна не раздѣляетъ вашего мнѣнія. Ей угодно совсѣмъ иначе смотрѣть на вещи. Не болѣе какъ за нѣсколько минутъ до вашего прихода, я въ первый еще разъ—замѣтьте это—въ первый еще разъ обратился къ Вѣрѣ Александровнѣ съ просьбой о дѣлѣ, чрезвычайно важномъ, отъ котораго зависитъ все наше и настоящее, и будущее благосостояніе—и получилъ отказъ. Вѣрѣ Александровнѣ,—изволите видѣть, неугодно обезпокоить себя исполненіемъ просьбы мужа, неугодно помочь ему въ дѣлѣ, могущемъ обезпечить наше семейное благополучіе.

Катерина Дмитріевна (обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ).

Вѣра! Что жъ ты молчишь?.. Неужели это правда?...

Вѣра Александровна (очень спокойно).

Правда, maman.

Катерина Дмитріевна.

Какъ правда?... Да развѣ ты не знаешь, что священный долгъ жены—быть помощницею мужа?...

Вѣра Александровна.

Но, maman, какъ вы думаете: должна ли жена быть помощницею мужа, еслибы онъ потребовалъ отъ нея, чтобы она помогла ему... ну напримѣръ, дѣлать фальшивыя деньги?...

Руданковскій (мгновенно вспыхнувъ и выйдя изъ себя, нѣсколько дрожащимъ голосомъ).

Фальшивыя деньги?... Какія фальшивыя деньги?... Что вы хотите этимъ сказать?...

Вѣра Александровна.

Успокойтесь; я говорю собственно не о фальшивыхъ деньгахъ, а

хочу сказать, что есть вещи, не менѣе унизительныя, какъ и эта фабрикація—надѣюсь, теперь вы меня поняли?

Руданковскій (овладѣвъ собой, говоритъ съ достаточнымъ спокойствіемъ).

Да-съ, понимаю, но желаю, чтобъ и вы поняли меня. (*Обращаясь къ Катеринѣ Дмитріевнѣ*) Извините, Катерина Дмитріевна, если я долженъ буду отказать вамъ на счетъ попеченія о вашихъ дѣтяхъ во время вашего отсутствія. Вѣра Александровна ставитъ меня теперь какъ къ ней самой, такъ и къ вамъ въ такое положеніе, въ которомъ я не могу дѣлать для васъ ни малѣйшихъ пожертвованій... ни малѣйшихъ, то есть совершенно никакихъ. Въ этомъ даю вамъ мое честное слово. Полагаю, что упрямство вашей дочери не легко отзовется и на васъ, потому что я знаю ваши разстроенныя обстоятельства, знаю, какъ необходимы были для васъ мои одолженія. Но теперь всему конецъ, и этимъ вы будете обязаны Вѣрѣ Александровнѣ, которой очень бы вамъ не мѣшало дать вашъ материнскій совѣтъ.

Катерина Дмитріевна.

О, что касается до этого, такъ я отъ всей души готова: не только совѣтъ, но по праву матери могу приказать ей... могу приказать, Алексѣй Ильичъ... и прикажу... по праву матери прикажу...

Руданковскій (съ иронической улыбкой).

Попробуйте, можетъ быть будете счастливѣе меня... а меня пока извините: я оставлю васъ на нѣсколько минутъ, мнѣ надо отправить одно письмо, не терпящее отлагательства (*выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Катерина Дмитріевна и Вѣра Александровна.

Катерина Дмитріевна (съ упрекомъ).

Вѣра! Видишь ли, что ты надѣлала!... (*Перемѣнивъ тонъ*) Но

я до сихъ поръ еще хорошенько не поняла, изъ-за чего и что такое между вами вышло?.. Одно только для меня ясно, что ты можешь испортить... даже погубить твое прекраоное положеніе, да и намъ надѣлать кучу непріятностей... По крайней мѣрѣ, разскажи мнѣ подробно и обстоятельно всю вашу исторію.

Вѣра Александровна.

Ахъ, maman, прошу васъ не спрашивать объ этомъ и избавить меня отъ необходимости говорить о самыхъ возмутительныхъ вещахъ... Нѣтъ... избавьте меня отъ этого разсказа.

Катерина Дмитріевна.

Помилуй, Вѣра: вспомни, что я тебѣ мать. Ты должна быть со мною совершенно откровенна. Съ кѣмъ же, какъ не съ матерью, и посовѣтоваться тебѣ!.. Ты мнѣ скажи все... Мы вмѣстѣ обсудимъ, я болѣе тебя жила на свѣтѣ... болѣе видѣла... Ты по неопытности можешь ошибиться.

Вѣра Александровна.

Если вы непремѣнно этого хотите—извольте, я все скажу вамъ и вы сами увидите, могу ли я исполнить то, чего мужъ требуетъ отъ меня. Только-что я ныньче встала—онъ прислалъ за мной. Я пришла. Вижу, что онъ очень серьезенъ, но встрѣтилъ меня особенно ласково и началъ мнѣ разсказывать, что онъ взялъ съ какихъ-то торговъ очень большой подрядъ, что ему необходимо, чтобы этотъ подрядъ былъ утвержденъ за нимъ, что это составляетъ для него чрезвычайную важность... однимъ словомъ, даетъ возможность пріобрѣсти миліоны. Потомъ сказалъ мнѣ, что утвержденіе этого подряда зависитъ отъ князя Загорскаго и что мнѣ надо съѣздить къ князю и убѣдительно объ этомъ попросить... Понимаете, maman?..

Катерина Дмитріевна.

Понимаю и ничего не вижу въ этомъ возмутительнаго. Отъ чего же тебѣ не попросить князя, если Алексѣй Ильичъ находитъ

это нужнымъ?.. Ужъ онъ, конечно, лучше тебя знаетъ, кого и кому нужно просить.

Вѣра Александровна (съ неудовольствіемъ).

Но знаете ли, maman, почему я... именно я, должна просить князя?

Катерина Дмитріевна.

Почему?

Вѣра Александровна.

Вашъ Алексѣй Ильичъ отъ кого-то узналъ, что будто бы я сдѣлала сильное впечатлѣніе на князя, что онъ увлеченъ и очарованъ мной... и на этомъ-то основаніи... (*съ выраженіемъ неудовольствія и презрѣнія*) поймите же это, maman. На этомъ основаніи на меня и возлагается обязанность просить князя... убѣдительно просить... не останавливаясь даже, какъ сказалъ мнѣ самъ мой мужъ, ни передъ какими способами убѣжденія. (*Съ ироніею*) Кажется, это очень ясно для того, чтобы понять, какое порученіе даютъ вашей дочери... Но еще болѣе возмутительно, что Алексѣй Ильичъ прямо высказалъ мнѣ, что онъ не видитъ ничего въ этомъ унизительнаго, что я могу получить вліяніе на одного изъ нашихъ могущественныхъ людей, что это даже возвыситъ мое положеніе въ обществѣ... дастъ мнѣ значеніе, котораго другія не имѣютъ, что мнѣ будутъ завидовать.

Катерина Дмитріевна (перебивая, внушительно-назидательнымъ тономъ).

А ты какже думаешь, Вѣра?... Вѣдь ежели серьезно это обсудить, такъ, пожалуй, оно и выйдетъ, что Алексѣй Ильичъ едвали не правъ! Получить вліяніе на такого человѣка, какъ князь — о, это, конечно, не бездѣлка. Тогда не одному мужу, но и отцу могла бы ты быть полезна. (*Ласково-заискивающимъ тономъ*) Ты знаешь, Вѣра, что обстоятельства наши часъ-отъ-часу дѣлаются затруднительнѣе, и твоему отцу было бы очень кстати, если бы онъ могъ получить мѣсто съ доходомъ тысячъ въ пять-шесть; а вѣдь такія мѣста есть; напримѣръ мѣста акцизныхъ управляющихъ въ губерніяхъ, но на нихъ такъ много охотниковъ, что надо имѣть

слишкомъ сильную протекцію для того, чтобы завоевать себѣ предпочтеніе передъ другими. Теперь представь себѣ, что ежелибы ты въ самомъ дѣлѣ получила вліяніе на князя: вѣдь ему стоило бы только сказать одно слово—и отецъ твой былъ бы опредѣленъ, и ты сдѣлалась бы истинною благодѣтельницею всего нашего семейства, успокоила бы насъ на всю нашу жизнь, а притомъ и брату твоему могла бы открыть карьеру.

Вѣра Александровна (съ видомъ упрека и сожалѣнія, качая головой).

И вы, maman, тоже!.. Мужъ требуетъ позора жены, а мать—позора дочери... Прекрасно!.. Это еще болѣе возмущаетъ и огорчаетъ меня, потому что мужа, который такъ глубоко меня оскорбилъ, я могу оставить, разорвать съ нимъ всякую связь... но перестать быть вашею дочерью, конечно, не могу.

Катерина Дмитріевна (поучительнымъ тономъ).

Что ты, что ты, Вѣра! Ты говоришь словно пятнадцатилѣтняя дѣвочка... Да развѣ можно тебѣ оставить Алексѣя Ильича?.. Да и куда же дѣнешься ты, если оставишь его... Придешь въ родительскій домъ—такъ съ нашей стороны было бы и слишкомъ неприлично, и даже безнравственно принять жену, бросившую мужа...

Вѣра Александровна (перебивая, съ судорожнымъ смѣхомъ).

Безнравственно, maman... вы говорите безнравственно... (*Горько смѣется*) Да, это было бы съ вашей стороны въ самомъ дѣлѣ безнравственно; но не безпокойтесь: если я брошу мужа, то не приду къ вамъ; а что я оставлю его, въ этомъ можете быть увѣрены совершенно.

Катерина Дмитріевна.

Опомнись, Вѣра, опомнись!.. Повторяю тебѣ: куда же ты пойдешь?.. Чѣмъ будешь существовать?..

Вѣра Александровна.

Въ крайнемъ случаѣ пойду въ гувернантки. Но говорятъ, что у меня есть драматическій талантъ, такъ я попробую сдѣлаться артисткой.

Катерина Дмитріевна (съ изумленіемъ).

Артисткой?.. то есть въ актрисы пойдешь?..

Вѣра Александровна.

Да.

Катерина Дмитріевна (съ досадою).

Ну ужъ этого-то никогда не будетъ!.. (*строго*) Ни мужъ твой ни отецъ, ни мать... никогда и никогда этого не допустятъ. Помилуй, Вѣра: ты только представь себѣ, что дочь стариннаго русскаго дворянина, предки котораго бывали и воеводами, и губернаторами, и уѣздными, и губернскими предводителями—и вдругъ пойдетъ въ актрисы!.. (*съ пренебреженіемъ*) Въ актрисы русскаго театра!.. Потѣшать людей нисшаго общества... потому что люди (*съ гордостію*) нашего общества въ русскій театръ почти не ѣздятъ. Я напримѣръ, съ тѣхъ поръ, какъ живу въ Петербургѣ, если и была въ русскомъ театрѣ, такъ не болѣе двухъ-трехъ разъ, а ты, моя дочь, хочешь идти въ актрисы... Нѣтъ! это было бы возмутительно!.. это былъ бы такой скандалъ... такое униженіе...

Вѣра Александровна.

А то, что требуетъ отъ меня мой мужъ и что вы, кажется, не прочь одобрить съ вашей стороны, не унизительно?.. Да понимаете ли вы, maman, что то положеніе, въ какое желаетъ поставить меня мужъ, неизмѣримо ниже даже положенія всякой камеліи. Та, по крайней мѣрѣ, все-таки принадлежитъ себѣ, въ ней еще можетъ оставаться хоть что нибудь человѣческое; а изъ меня мой почтеннѣйшій супругъ хочетъ сдѣлать вещь, которую бы онъ могъ, по своимъ комерческимъ соображеніямъ, даже другимъ отдавать для пользованія... Нѣтъ, maman, для меня это дѣло конченное: такъ или иначе, но оставить мужа я должна. А что касается до вашего

взгляда на актрисъ, то позвольте мнѣ не согласиться съ вами. Вы третируете ихъ ужъ черезъ-чуръ старымъ числомъ. Кто же теперь такъ думаетъ?..

(Входитъ Липневъ)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и **Липневъ**.

Вѣра Александровна (встрѣчая Липнева).

Левъ Александровичъ! Какъ вы кстати... (*подавая ему руку*) Вы разрѣшите нашъ споръ...

Липневъ (пожимая руку ей, а потомъ Катеринѣ Дмитріевнѣ).

Бонжуръ! О чемъ споръ?.. Да впрочемъ это все равно: я готовъ разрѣшить всякій споръ, это совершенно по моей части... могу сказать, что на счетъ разрѣшенія споровъ—я положительно спеціалистъ.

Вѣра Александровна.

Какъ вы полагаете, Левъ Александрычъ: еслибы женщина, положимъ, нашего круга, по стеченію разныхъ обстоятельствъ принуждена была искать опоры для своего существованія—унизила бы она себя или нѣтъ, сдѣлавшись артисткой?

Липневъ.

Нисколько! Въ наше время это... даже и не можетъ быть вопросомъ.

Вѣра Александровна.

Слышите, maman?.. Да, Левъ Александрычъ, я всегда такъ думала. Но тутъ все дѣло въ томъ, есть ли талантъ, потому что безталантная артистка—существо, конечно, жалкое.

Липневъ (съ увлеченіемъ).

Вы совершенно правы: талантъ—дѣло великое! Онъ дается отъ Бога однимъ только его избраннымъ, и потому-то люди, дѣйствительно обладающіе талантомъ и умомъ, на какомъ бы поприщѣ не проявлялась ихъ дѣятельность, всегда были и будутъ истинными аристократами человѣчества, не во гнѣвъ будь сказано всѣмъ другимъ аристократамъ всякаго рода и сорта.

Катерина Дмитріевна (съ чувствомъ неудовольствія).

Однакожъ, мосье Липневъ, еслибы, напримѣръ, ваша дочь пожелала идти въ актрисы, вы позволили бы ей, или нѣтъ?.. Я васъ прошу искренно, положа руку на сердцѣ, отвѣчать на мой вопросъ.

Липневъ (съ торжественностію).

Благословилъ бы обѣими руками. (*Обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ обыкновеннымъ тономъ*) Ну-съ, теперь споръ разрѣшенъ. Позвольте же мнѣ, прекрасная Вѣра Александровна, попросить васъ объ одномъ изъ моихъ друзей. Вы имѣете вліяніе на князя Загорскаго. Будьте такъ добры, замолвите слово его всемогущему сіятельству...

Вѣра Александровна (перебивая и обращаясь къ Кат. Дмитр.).

Слышите, maman?.. Мнѣ ужъ начинаютъ навязывать роль, которой я еще не приняла.

(*Входитъ Руданковскій со шляпою въ рукѣ*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Руданковскій.

Липневъ.

Алексѣй Ильичъ! здравствуйте (*пожимая ему руку*). Вы, кажется, собрались куда-то?.. И отправляйтесь. Со мною, пожалуйста, безъ церемоніи... тѣмъ болѣе, что я заѣхалъ-то больше къ Вѣрѣ

Александровнѣ, чѣмъ къ вамъ. (*Входитъ Шкловичъ. Не смотря на его обычную сдержанность, замѣтно, что онъ находится въ тревожномъ состояніи*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Шкловичъ.

Шкловичъ (видимо озабоченный, не обращая вниманія на другихъ, скорыми шагами подходитъ къ Руданковскому).

Алексѣй Ильичъ! мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ... и сказать сейчасъ... (*Видя, что Руданковскій держитъ шляпу въ рукахъ*). Вы собрались куда-то, но я попрошу васъ остаться. То, что я долженъ сказать вамъ (*взглянувъ на Липнева и другихъ*) одинъ на одинъ, не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства.

Липневъ.

Въ такомъ случаѣ мы васъ оставимъ. (*Обращается къ дамамъ*) Не будемъ же мѣшать дѣловымъ людямъ (*съ улыбкой*) обдѣлывать ихъ важныя дѣла... Позвольте, Вѣра Александровна, на вашу половину.

Вѣра Александровна.

Сдѣлайте одолженіе.

(*Вѣра Александровна, Катерина Дмитріевна и Липневъ выходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Руданковскій и Шкловичъ.

Руданковскій (съ тревожнымъ любопытствомъ).

Что такое, Яковъ Самойлычъ?.. Вы такъ встревожены... это рѣдко съ вами бываетъ.

Шкловичъ (мрачно и серьезно).

Скверныя вѣсти, Алексѣй Ильичъ! Во-первыхъ, намъ измѣнили. Измѣна вкралась въ наше дѣло, и теперь продолжать операцію— крайне опасно. Всѣ дѣйствія надо немедленно прекратить. Такъ уже и распорядились тѣ, отъ кого это главнымъ образомъ зависитъ, и дали мнѣ знать. Но съ этимъ вмѣстѣ я, нѣсколько минутъ назадъ, получилъ еще извѣстіе, совсѣмъ съ другой стороны... у меня вездѣ есть свои люди... На васъ, Алексѣй Ильичъ, донесла панна Розалія, что вы занимаетесь сбытомъ фальшивыхъ асигнацій.

Рудаиковскій.

Розалія?.. Но правда ли это?.. Начать съ того, что она ничего не знаетъ. Съ тѣхъ поръ какъ... понимаете?... съ тѣхъ поръ я прекратилъ съ ней всякое сношеніе.

Шкловичъ.

Съ тѣхъ поръ хотя и прекратили, но дурно то, что она до тѣхъ поръ много знала. Ей было извѣстно, что за нѣсколько времени передъ симъ ваше положеніе вовсе не было такъ блистательно, какъ оно казалось другимъ, что вы часто нуждались въ деньгахъ, добывали ихъ посредствомъ извѣстнаго рода игры... и вдругъ на васъ, Богъ знаетъ откуда, посыпалась благодать.... вы оставили игру... Все это возбудило подозрѣніе въ Розаліи... Я всегда ее считалъ опасною женщиной, помните, я нѣсколько разъ васъ предупреждалъ. Но теперь объ этомъ ужъ поздно, а главное, некогда толковать, меня предупредили, что ныньче у васъ сдѣланъ будетъ обыскъ. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, можетъ быть, только нѣсколько минутъ. (*Поспѣшно и настоятельно*) Надо сейчасъ сжечь—понимаете?... (*указывая на каминъ*) сейчасъ сжечь... Вѣдь вы не всѣ отослали вчера?.. оставили сколько нибудь при себѣ?..

Рудаиковскій (въ замѣшательствѣ).

Да... не всѣ, то есть почти всѣ... оставилъ тысячи двѣ.

Шкловичъ (перебивая).

Давайте же ихъ сюда... (*приближаясь къ нему*) давайте же, давайте скорѣй.

Руданковскій (вынимая изъ книжки пачку асигнацій и передавая ихъ Шкловичу).

Вы находите необходимымъ сжечь?..

Шкловичъ (съ нетерпѣніемъ).

И какъ можно скорѣе (*проворно беретъ асигнаціи, кладетъ ихъ въ каминъ и поджигаетъ*). Теперь я могу нѣсколько васъ успокоить. Если съумѣете быть твердымъ—все обойдется однимъ подозрѣніемъ. Я велъ дѣло съ такою осторожностію, что для судебнаго преслѣдованія достаточныхъ основаній быть не можетъ...

(*Входятъ частный приставъ и господинъ въ полковничьемъ мундирѣ*)

(*Занавѣсъ падаетъ*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная комната въ квартирѣ Вѣры Александровны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Саша.

Саша (убирая комнату поетъ).

Шли наши ребята изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была...

(*Слышенъ звонокъ*) Барыня должно быть... Побѣгу отперетъ (*Убѣгаетъ изъ комнаты и черезъ минуту возвращается съ Тимофеемъ Макарычемъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Саша и Тимофей Макарычъ.

Саша.

Я думала, что барыня пріѣхала, анъ это вы, Тимофей Макарычъ; значитъ, репетиція ужъ кончилась у васъ?

Тимофей Макарычъ.

Кончилась, Александра Егоровна, а Вѣра Александровна— еще не пріѣзжала?

Саша.

Видите, что нѣтъ. Вѣрно заѣхала куда нибудь.

Тимофей Макарычъ.

А мнѣ было ихъ нужно.

Саша.

Подождите.

Тимофей Макарычъ.

Очень нужно, Александра Егоровна.

Саша.

Чтожъ вы на репетиціи ихъ не повидали. Вѣдь они тамъ были?

Тимофей Макарычъ.

Были; только тамъ этого дѣла пересказать было нельзя. Эхъ, Александра Егоровна, развѣ вы не знаете, народецъ-то у насъ какой? Все-то подсматриваютъ, все-то подслушиваютъ, да наровятъ другъ другу какую нибудь пакость сотворить. Вотъ и подъ вашу Вѣру Александровну такую машину подводятъ, что очень можетъ имъ большую непріятность сдѣлать. И все это происходитъ отъ самого... Вчера только я досконально увѣрился въ этомъ и вотъ пришелъ предупредить Вѣру Александровну, потому что я на всю нашу труппу ихъ не промѣняю. Онѣ всегда были ко мнѣ такія добрыя, да и потомъ талантъ... о... эдакого таланта я думаю въ столицахъ-то врядъ ли есть!... А изъ за него-то все и происходитъ: однимъ завидно, другіе—чужими руками денежки любятъ загребать.

Саша.

Да, Тимофей Макарычъ, это вы самую правду говорите. Это всегда такъ бываетъ: или зависть, или интересъ.

Тимофей Макарычъ.

Къ намъ Вѣра Александровна словно съ неба упала. Допрежде

мы и не слыхали о ней. Скажите, Александра Егоровна, я спрашиваю не изъ одного любопытства, а изъ желанія имъ всякаго добра—гдѣ теперь супругъ ихъ находится и отъ чего они вмѣстѣ не живутъ?... Вамъ, можетъ быть, все это извѣстно?

Саша (съ сожалѣніемъ).

Это—большая исторія, Тимофей Макарычъ. Барыня, когда замужъ выходила, такъ имъ и во снѣ-то даже не могло пригрезиться, чтобы когда нибудь на вашемъ театрѣ играть. Алексѣй Ильичъ—это мужъ-то ихъ такъ назывался—былъ такой богачъ, такой богачъ, что во всемъ Петербургѣ мало эдакихъ было. Я нахожусь при Вѣрѣ Александровнѣ еще съ тѣхъ поръ, какъ онѣ изъ пансіона вышли. Барышней были—и я при ней была, вышли замужъ—тоже при нихъ осталась... И зажили мы, Тимофей Макарычъ!.. У, какъ зажили!... Наряды, балы, домъ какъ дворецъ, золото вездѣ, ковры...

Тимофей Макарычъ (съ удивленіемъ).

Какъ же это къ намъ-то вы попали?... Прожились, должно быть?..

Саша.

Нѣтъ, не то чтобъ прожились, а такой особый случай вышелъ... понимаете?.. вышелъ особый случай.

Тимофей Макарычъ (глубокомысленно).

А!.. особый случай... какой же это особый случай, Александра Егоровна?..

Саша.

Да вотъ видите ли, Тимофей Макарычъ. Мы себѣ эдакъ живемъ и ухомъ не ведемъ, а тутъ вдругъ, нежданно негадано, однажды и наѣхали къ намъ: частный приставъ съ какимъ-то полковникомъ въ мундирѣ, еще двое штатскихъ, жандармовъ у дверей поставили и стали обыскъ дѣлать. Что ни на есть въ домѣ—

все перешарили; найтить, кажись, ничего не нашли, а барина все-таки съ собой взяли. Проходитъ день—барина нѣтъ, проходитъ другой—барина все нѣтъ. На пятый день баринъ воротился, только съ тѣхъ поръ все у насъ ужъ не на прежнiй ладъ пошло. Господа между собой должно быть поссорились. Барыня собрала всѣ свои вещи, и бриліантовыя, и золотыя, что ей мужъ подарилъ, когда она еще невѣстой была, и отдала ихъ барину назадъ; потому что корыстоваться его добромъ не захотѣла, а на-отрѣзъ сказала ему, я, дескать, больше съ тобой жить не хочу.

Тимофей Макарычъ.

А, а, а... теперь смѣкаю: видно, баринъ-то вашъ что нибудь нехорошее дѣлалъ, такъ барыня-то и жить съ нимъ не захотѣла

Саша.

Да оно такъ и вышло. Немного времени прошло, съ мѣсяцъ, не больше, какъ барина опять взяли и ужъ не отпустили назадъ, а въ какой-то дальнiй городъ услали... въ какой городъ—не могу вамъ сказать, только говорятъ въ дальнiй. Барыня осталась одна, такъ какъ и родители ихъ около того времени въ деревню изъ Петербурга выѣхали, денегъ у нихъ должно быть не много оставалось, вотъ они и вздумали въ театръ поступить; а тутъ вашъ Никита Максимычъ и подвернулся. Его къ намъ Липневъ на первый разъ привелъ.

Тимофей Макарычъ.

Ктожъ этотъ Липневъ, я про такого не слыхалъ.

Саша (смѣясь).

Да и гдѣ же вамъ слышать, Тимофей Макарычъ, тотъ живетъ въ Петербургѣ, а вы здѣсь. Липневъ—это барынинъ знакомый... то есть такой человѣкъ, который и мнѣ, и вамъ, и кому хотите, всегда услужить готовъ. Вотъ какимъ образомъ мы здѣсь у васъ и очутились.

Тимофей Макарычъ (съ видомъ глубокомыслія).

Такъ-съ. А исторія-то ваша не кончена. Конецъ-то ея, видно, я вамъ доразскажу. Вы еще многаго и сами не знаете.

Саша (съ любопытствомъ).

Чтожъ такое я не знаю—разскажите.

Тимофей Макарычъ.

Да знаете ли вы, Александра Егоровна, что изъ того дальняго города, куда мужъ Вѣры Александровны усланъ, бумага пришла къ нашему полиціймейстеру, чтобы выслать ее немедленно къ мужу, такъ какъ онъ этого требуетъ и такъ какъ по закону, гдѣ бы мужъ не жилъ, тамъ и жена съ нимъ жить должна.

Саша.

Ну это все я и безъ васъ знала. Барыню это очень тревожило, такъ что она нѣсколько ночей не спала.

Тимофей Макарычъ.

Подождите: сейчасъ дѣло дойдетъ до того, чего вы ужъ никакъ не можете знать. Нашему Никитѣ Степановичу Вѣра Александровна—кладъ. Такихъ сборовъ, какъ при ней, прежде у насъ никогда не бывало, потому что талантъ!... А съ полиціймейстеромъ у нашего и печки, и лавки вмѣстѣ. Пріятели! Онъ для него то, а тотъ для него другое. Однимъ словомъ: полиціймейстеръ у насъ за кулисами гнѣздо свилъ, и за нашего готовъ стоять горой. Вотъ онъ и отписалъ; что Вѣру Александровну выслать нельзя, что у нее съ содержателемъ здѣшняго театра контрактъ заключенъ. А между тѣмъ временемъ срокъ-то контракту кончился; говорятъ, что Вѣра Александровна возобновлять его не хочетъ и намѣрена уѣхать въ Петербургъ... Вотъ тутъ-то и пошли у насъ козни противъ нее, и вотъ объ этихъ-то козняхъ ни вы, ни Вѣра Александровна ужъ конечно ничего не знаете, да и я то самъ случайно объ нихъ узналъ... Вчера вечеромъ послѣ театра зашли

мы съ пріятелемъ въ трактиръ по водочкѣ пройтись. Пріятель мой — въ полиціи служитъ. Къ намъ подсѣлъ Степанченко... знаете его?

Саша.

Какъ не знать! Я всѣхъ вашихъ театральныхъ знаю. Слава Богу: цѣлый годъ съ вами живемъ.

Тимофей Макарычъ.

Степанченко, Александра Егоровна, на ушкѣ у Никиты Степановича состоитъ; все ему переводитъ, что у насъ на сценѣ дѣлается, и самъ его секреты знаетъ. И чванится этимъ передъ нами... Мы, дескать, знаемъ то, что вамъ и въ носъ не кинется. А на счетъ Вѣры Александровны — такъ онъ ей врагъ за то, что она ему никакого излишняго уваженія не оказываетъ и, можно сказать, наравнѣ даже съ нашимъ братомъ-суфлеромъ считаетъ. Оттого онъ всегда съ какой нибудь насмѣшкой или съ подковырочкой подъ Вѣру Александровну. Въ трактирѣ у насъ какъ-то и зайди разговоръ о томъ, что Вѣра Александровна ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы на столичный театръ поступить. А Степанченко тутъ и готовъ, и пошелъ... Да кто же это ее пуститъ, говоритъ, она, говоритъ, вся въ рукахъ у Никиты Степаныча, ее, говоритъ, мужъ къ себѣ требуетъ, если ее и держутъ здѣсь, то, говоритъ, по милости Никиты Степаныча, а подумай она только уѣхать, такъ дорожку-то ей укажутъ не въ Петербургъ, а просто-на-просто вышлютъ къ мужу по пересылкѣ, да еще пожалуй по этапцу заставятъ пройтись.

Саша.

Ахъ онъ мерзавецъ! да какъ онъ смѣлъ только это говорить?..

Тимофей Макарычъ.

Говорилъ, Александра Егоровна, говорилъ, ужъ конечно, я на него выдумывать не стану. Но тутъ благопріятель мой, полицейскій-то, ему возразилъ, что Вѣру Александровну прежде точно требовали къ мужу, а теперь другая къ нимъ въ полицію бумага при-

шла, чтобы на счетъ этой высылки остановиться. А Степанченко какъ только услыхалъ эти слова, такъ не далъ ихъ путемъ договорить, а поскорѣй замять ихъ постарался. „Водки!“ закричалъ и сейчасъ же завелъ разговоръ о другомъ предметѣ.

Саша (съ упрекомъ).

Но вы-то чтожъ, Тимофей Макарычъ?.. Вы бы хорошенько объ этомъ разспросили вашего полицейскаго пріятеля. Неужели вы не понимаете, какая для насъ въ этомъ важность?..

Тимофей Макарычъ.

Погодите, Александра Егоровна. Слушайте дальше. Какъ не понимать!.. Ужъ конечно понимаю. Еще бы не важность, когда на счетъ этапа даже помышляютъ враги ваши! Только съ ними, знаете, надо осторожнѣй... О-о-о! на шельму—я самъ шельма. Я, будто и вниманія на эти слова не обратилъ, какъ будто совсѣмъ ихъ не слыхалъ; а самъ, когда мы вышли изъ трактира, пошелъ проводить Ивана Кузьмича. Благопріятель-то мой Иваномъ Кузьмичемъ называется. Онъ не велика птица въ колесницѣ, однакожъ въ полиціи свою должность имѣетъ: всякую бумагу, какая только не пришлется въ полицію, онъ въ книгу заноситъ. Отъ этого выходитъ, что онъ всякую бумагу своими глазами видитъ и долженъ прочитать. Дорогою я его обо всемъ разспросилъ.

Саша (съ нетерпѣніемъ).

Что-жъ онъ вамъ сказалъ?

Тимофей Макарычъ.

Иванъ Кузьмичъ досконально мнѣ сказалъ, что точно такая бумага на нынѣшней недѣлѣ въ полиціи получена и что онъ ее своими глазами видѣлъ и своими руками въ книгу записалъ. Я тотчасъ ему говорю: нельзя ли съ этой бумаги копію списать? Можно, говоритъ, да только осторожно. Я ему рубль денегъ за то пообѣщалъ. А онъ опять говоритъ: можно, да только осторожно. Я, го-

ворю: спиши-ка, Иванъ Кузьмичъ, копію, два рубля получишь. А онъ опять свое: можно, да только осторожно. Наконецъ за три рубля порѣшили. Уговорились, чтобы онъ ныньче же, какъ только изъ полиціи выйдутъ, въ трактиръ копію принесъ. Вотъ теперь, я думаю, онъ ужъ дожидается меня, а мнѣ надо спросить Вѣру Александровну, угодно имъ такую копію имѣть, или нѣтъ; если угодно, дадимъ Ивану Кузьмичу трехрублевку...

Саша (перебивая съ нетерпѣніемъ).

Что тутъ спрашивать: разумѣется, угодно. Барыня будетъ вамъ ужасно благодарна.

Тимофей Макарычъ.

Признаться вамъ, Александра Егоровна, я и самъ тоже думаю. Такъ давайте же сдѣлаемъ Вѣрѣ Александровнѣ сюрпризъ. Вы ей пока ни гу-гу. Какъ будто бы ничего отъ меня не слыхали. А я побѣгу къ Ивану Кузьмичу. Деньги у насъ есть: цѣлая пятирублевка въ карманѣ... достанетъ даже и спрыснуть копію, потому что безъ этого нельзя...

Саша.

На счетъ денегъ вы не безпокойтесь. Барыня съ превеликимъ удовольствіемъ вамъ отдадутъ, не допустятъ васъ издержать для нея ваши деньги. Въ этомъ не сомнѣвайтесь, Тимофей Макарычъ, а ступайте скорѣй къ вашему писарю и вернитесь къ намъ съ бумагой.

Тимофей Макарычъ.

Иду, иду! Александра Егоровна, до свиданія!

(*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Саша.

Саша.

Вотъ обрадуется барыня, если въ самомъ дѣлѣ выдетъ, что ее къ мужу высылать ужъ не надобно. Вѣдь это у нея цѣлая гора съ плечъ свалится.

(*Весело поетъ*)

Шли наши ребята изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была,
Красная дѣвица на улицѣ была,
Всѣмъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала;
Одному-то молодцу пониже всѣхъ,
Отъ того пониже, что получше всѣхъ...
Какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ?..

(*Слышенъ звонокъ. Саша, продолжая пѣть: «Какъ тебя дѣвица по имени...» убѣгаетъ изъ комнаты отперетъ дверь и возвращается съ Гумпелемъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Саша и Гумпель.

Гумпель (входя).

Скоро пріѣдетъ барыня?

Саша.

Незнаю-съ.

Гумпель.

Во всякомъ случаѣ я ее подожду.

(*Садится*)

Саша.

Какъ вамъ угодно (*Идетъ изъ комнаты*).

Гумпель (останавливая ее).

Постойте, куда же вы...

Саша (останавливается).

Гумпель (садясь и закуривая сигару).

Подойдите-ка ко мнѣ поближе.

Саша (дѣлаетъ шагъ впередъ).

Гумпель.

Да подойдите поближе!

Саша (еще дѣлаетъ шагъ впередъ).

Что вамъ угодно?

Гумпель (полуласково и полустрого).

Мнѣ угодно спросить тебя, плутовка, правда ли, что вы въ Петербургъ собираетесь.

Саша (сухо).

Не знаю-съ; я отъ барыни объ этомъ ничего не слыхала.

Гумпель.

То-то, не слыхала! Улизнуть отъ насъ собираетесь... Да нѣтъ, погодите. Мы васъ того... попридержимъ. Въ Петербургѣ и безъ васъ хорошенькихъ много... (*Встаетъ и идетъ къ ней*; *въ это время раздается звонокъ*, *Саша убѣгаетъ изъ комнаты*). Эхъ, чёртъ возьми: помѣшали!.. Жаль!.. Даже досадно... (*Съ сладко-глупенькою улыбкой*) Признаюсь: хорошенькая горничная—это моя слабость.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гумпель и Вѣра Александровна.

Гумпель.

Мое почтеніе-съ, мое почтеніе!

Вѣра Александровна (кланяясь).

Здравствуйте, (*показывая на кресло*) покорнѣйше прошу.

Гумпель.

Благодарю.

(*Садится и съ армейской развязностію кладетъ нога на ногу*)

Вѣра Александровна.

Чему я обязана удовольствіемъ видѣть васъ у меня.

Гумпель.

Чему?... Во первыхъ, я всегда съ удовольствіемъ у васъ бываю.

Вѣра Александровна.

Покорно васъ благодарю.

Гумпель.

Во вторыхъ—мнѣ всегда очень пріятно васъ видѣть....

Вѣра Александровна (съ улыбкой).

А въ третьихъ?

Гумпель (переходя изъ ласкательнаго тона въ нѣсколько строгій).

Въ третьихъ, у меня есть къ вамъ надобность, касающаяся болѣе до васъ.

Вѣра Александровна.

Что такое?

Гумпель.

Я слышалъ, что вы хотите покинуть насъ и уѣзжаете въ Петербургъ.

Вѣра Александровна.

Объ этомъ теперь я ничего еще сказать вамъ не могу. Я точно имѣю въ виду перейти на столичную сцену, и писала уже туда къ

моимъ знакомымъ, даже могу сказать, почти получила приглашеніе, но рѣшительнаго отвѣта еще не имѣю.

Гумпель.

И вы думаете, что мы въ состояніи разстаться съ вами?... Что мы отпустимъ васъ?... Нѣтъ, этому не бывать!

Вѣра Александровна.

Почему же?—

Гумпель.

Вы немножко забываете, что у васъ контрактъ заключенъ съ содержателемъ здѣшняго театра.

Вѣра Александровна.

Былъ заключенъ—это правда; но не на вѣчныя времена. Контракту кончился срокъ.

Гумпель.

Очень жаль. Въ такомъ случаѣ, еслибы вамъ и пришлось оставить насъ, то все-таки не для того, чтобы ѣхать въ Петербургъ.

Вѣра Александровна.

А куда же?

Гумпель.

Въ такомъ случаѣ—вы извините меня—обязанность моя отправить васъ къ вашему супругу. Еслибы вы возобновили контрактъ, тогда, конечно, еще можно бы было сдѣлать вамъ снисхожденіе, тогда была бы причина, по поводу которой мы отписываться бы могли. Но ежели не возобновите—предупреждаю васъ,—что будете послѣ сожалѣть.

Вѣра Александровна.

Ѳедоръ Карлычъ! Возобновить контрактъ, признаюсь вамъ, мнѣ

бы очень не хотѣлось. Только въ самомъ крайнемъ случаѣ я могу на это рѣшиться. Это такъ для меня важно, что я непремѣнно должна прежде подумать и потомъ могу дать вамъ отвѣтъ.... дня черезъ два или черезъ три.

Гумпель (вставши съ кресла и принявъ армейско-молодецкую позу).

Вѣра Александровна! я вѣдь травленный волкъ.

Вѣра Александровна.

Что вы хотите этимъ сказать?

Гумпель.

Прежде всего хочу вамъ сказать, что буду говорить съ вами откровенно. Въ эти два—три дня, вы пожалуй маршъ отсюда, да и поминай васъ какъ звали.... но вѣдь я — повторяю — травленный волкъ, и подумалъ объ этомъ, можетъ быть, прежде васъ (*Вынимая изъ кармана бумагу и подавая ее Вѣрѣ Александровнѣ*) Не угодно ли прочесть.

Вѣра Александровна (взявши бумагу).

Что это такое?

Гумпель.

Подписка хозяина вашей квартиры. Побезпокойтесь, прочтите.

Вѣра Александровна (читаетъ).

„Я нижеподписавшійся далъ сію подписку въ томъ, что обязуюсь я ни подъ какимъ видомъ не допускать до выѣзда изъ моего дома квартирующую у меня госпожу Вѣру Руданковскую, а въ случаѣ покушенія ея, долженъ тотчасъ же дать знать о томъ полиціи.“ (*Вспыхнувъ съ негодованіемъ*) И вамъ не стыдно было сдѣлать мнѣ такую непріятность, такую оскорбительную непріятность....

Гумпель.

Успокойтесь. Непріятность еще не сдѣлана. И не будетъ сдѣлана... если вы сами этого не захотите. Замѣтьте, что подписки (*беретъ у нея бумагу назадъ*) хозяинъ вашей квартиры еще не подписалъ, онъ еще и не видалъ ее.... но можетъ увидать и подписать сейчасъ.... Вы совершенно въ моихъ рукахъ. Я понимаю ваше, и понимаю мое положеніе, и говоря откровенно — глупъ бы я былъ еслибъ не умѣлъ имъ пользоваться. Я только и ждалъ, когда кончится срокъ вашему контракту. Но контрактъ — контрактомъ: вы непремѣнно должны возобновить контрактъ, по крайней мѣрѣ на годъ. Это — во первыхъ, а во вторыхъ (*измѣнивъ тонъ, съ любезностію и улыбкой*) есть еще одна вещь, которая вамъ очень хорошо извѣстна, хотя вы и показываете, что будто-бы совсѣмъ ее не понимаете. Вѣра Александровна! вы знаете (*стараясь придать страстное выраженіе своимъ словамъ*).... вы знаете, что я влюбленъ.... влюбленъ въ васъ Вѣра Александровна, какъ прапорщикъ влюбленъ!... Будь ваша благосклонность ко мнѣ — и тогда — можете быть покойны. Никита Степанычъ былъ бы вашимъ слугой, и никакой мужъ не могъ бы васъ отсюда вытребовать.

Вѣра Александровна (съ чувствомъ сильнаго негодованія).

Өедоръ Карлычъ, вы оскорбляете меня. На ваши слова у меня одинъ отвѣтъ, и другаго быть не можетъ (*показывая рукой на дверь*); не угодно-ли вамъ выйти вонъ.

Гумпель.

Өедоръ Карлычъ — пожалуй выйдетъ.... Я ухожу какъ Өедоръ Карлычъ.... (*доходитъ до дверей и возвращается*). Но теперь я прихожу къ вамъ какъ полицiймейстеръ, который обязанъ выслать васъ къ мужу. Я не хочу щадить васъ, тѣмъ болѣе, что вчера пріѣхалъ къ намъ новый губернаторъ, и мнѣ самому, пожалуй, придется отвѣчать за мое снисхожденіе. (*Строго*) Извольте быть готовы: черезъ часъ явится къ вамъ почтовая тройка, жандармъ для пре-

провожденія васъ до мѣста жительства вашего супруга, (*съ важностію*) и я лично буду имѣть честь наблюдать за выѣздомъ вашимъ изъ города (*слышенъ звонокъ*). А, къ вамъ кто-то пріѣхалъ. Но это не должно помѣшать мнѣ отправить васъ куда слѣдуетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Антонина Сергѣевна Чедаева.

Чедаева (съ выраженіемъ очевидной радости, почти вбѣгая въ комнату).

Вѣра!... Здравствуй, Вѣра! (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ*).

Вѣра Александровна (съ такою же радостію и удивленіемъ).

Антонина! Ты ли это?...

Чедаева.

Я, и ужасно какъ рада, что нахожу тебя здѣсь.

Вѣра Александровна.

Но ты.... ты какъ сюда попала?...

Чедаева.

Очень просто: мы цѣлый годъ съ тобой не видались — въ это время я успѣла выйти замужъ, мужа моего назначили сюда губернаторомъ, вчера мы пріѣхли (*при этихъ словахъ Гумпель вытягивается и становится въ почтительную позу*).... и я лишь только немного отдохнула съ дороги, сейчасъ же бросилась къ тебѣ.

Вѣра Александровна (еще съ большею радостію).

Губернаторомъ?... Такъ новый губернаторъ, который вчера пріѣхалъ сюда—твой мужъ?...

Чедаева.

Да.

Вѣра Александровна.

О, Антонина! Тебя самъ Богъ послалъ сюда.... (*крѣпко сжимая ея руку*) Ты не можешь вообразить, какъ рада я твоему пріѣзду.

Чедаева (съ дружескою улыбкой).

Очень могу, потому что сама столько же рада.

Вѣра Александровна.

Вѣрю... но у меня въ тысячу разъ больше причинъ, какихъ у тебя нѣтъ и быть не можетъ.

Гумпель (почтительно подойдя къ Чедаевой).

Ваше превосходительство, долгомъ считаю имѣть честь представиться: здѣшній полицiймейстеръ, полковникъ Гумпель.

Чедаева (съ благосклонностію).

Очень рада познакомиться съ вами—вы давно ужъ здѣсь служите?

Гумпель.

Три года, ваше превосходительство. (*Обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ, съ заискивающей улыбкой*) Вѣра Александровна, то, что я говорилъ вамъ передъ пріѣздомъ ихъ превосходительства, была одна шутка. Смѣю надѣяться, что вы такъ и поняли меня,

и потому вамъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности безпокоить ихъ превосходительство, потому что никакого возобновленія контракта и ни малѣйшаго другаго какого нибудь безпокойства вамъ не предстоитъ, точно также какъ и прежде не было.

Вѣра Александровна (съ достоинствомъ).

Мосье Гумпель! я уже сказала, что для васъ у меня одинъ отвѣтъ (*показываетъ на дверь*).

Гумпель (покорно умоляющимъ голосомъ).

Вѣра Александровна!.. (*вполголоса*) Клянусь Богомъ, это была шутка. Позвольте надѣяться, что это останется между нами.

Вѣра Александровна (не слушая его словъ и обращаясь къ Чедаевой).

Ну что, какъ ты нашла нашъ городъ?

Чедаева.

Да я его почти не видала, мы будемъ осматривать его вмѣстѣ, но между тѣмъ намъ съ тобой о многомъ надо будетъ переговорить, Вѣра... Теперь мой мужъ долженъ управлять здѣсь губерніею, а я, (*отходитъ немного въ сторону и говоритъ вполголоса*) говоря между нами, положительно управляю мужемъ. Такъ стало быть, нѣкоторымъ образомъ мнѣ тоже придется управлять губерніей... но я здѣсь никого и ничего не знаю... (*серьезно*) Ты должна мнѣ помогать, Вѣра... Не правда ли: ты мнѣ поможешь?

Вѣра Александровна (съ улыбкой).

Пожалуй; но это еще впослѣдствіи, а теперь я попрошу тебя мнѣ помочь.

Чедаева.

Да развѣ въ этомъ можетъ быть какое нибудь сомнѣніе?.. Ты

знаешь, что никогда и ни съ кѣмъ я не была такъ дружна, какъ съ тобой, и въ пансіонѣ, и потомъ въ свѣтѣ. (*Весело*) А твои блистательные вечера—помнишь? (*Входитъ Саша*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Саша.

Саша (обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ).

Тимофей Макарычъ пришелъ, проситъ позволенія войти къ вамъ, говоритъ, что долженъ вамъ сказать очень важное дѣло.

Вѣра Александровна.

Попроси подождать; скажи, что у меня гости.

Саша.

Говорила-съ; но онъ говоритъ, что очень важное дѣло, говоритъ, что вамъ сейчасъ надо узнать.

Чедаева.

Кто это Тимофей Макарычъ?

Вѣра Александровна.

Это нашъ суфлеръ, очень добрый и преданный мнѣ старикъ.

Чедаева.

Такъ пусть онъ войдетъ къ намъ; можетъ быть, онъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь очень важное сказать.

Вѣра Александровна (съ улыбкою).

Не думаю. (*Обращаясь къ Сашѣ*) Проси Тимофея Макарыча. (*Саша уходитъ*) Я его представлю тебѣ, и старикъ будетъ въ

восторгѣ! Вѣдь съ прежними губернаторшами ему, конечно, еще никогда не приходилось сказать ни одного слова.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Тимофей Макарычъ.

Тимофей Макарычъ (немного на веселѣ, говоритъ бойко и весело, но тѣмъ не менѣе почтительно).

Вѣра Александровна! Извините старику Макарычу, что онъ немедленной у васъ аудіенціи потребовалъ. Не могъ минуты утерпѣть, потому что пришелъ къ вамъ съ такимъ извѣстіемъ, которое васъ обрадовать можетъ.

Вѣра Александровна.

Благодарю, Тимофей Макарычъ, но прежде я хочу васъ представить (*показывая на Чедаеву*) нашей новой губернаторшѣ.

Тимофей Макарычъ (съ нѣкоторою робостію низко кланяясь).

Простите, ваше превосходительство, что осмѣлился явиться въ присутствіи вашего превосходительства.

Чедаева (съ искренней благосклонностію).

Очень рада съ вами познакомиться. Вѣра Александровна считаетъ васъ своимъ хорошимъ знакомымъ, будьте увѣрены, что тоже самое найдете вы и во мнѣ (*Протягиваетъ ему руку*).

Тимофей Макарычъ (съ почтительностію цѣлуя поданную ему руку).

Всепокорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, (*съ чувствомъ*) милостивое ваше обращеніе старикъ Макарычъ не забудетъ никогда.

Вѣра Александровна.

Ну теперь объявите намъ ваше радостное извѣстіе.

Тимофей Макарычъ.

Сію секунду... (*показывая на Гумпеля*) его высокоблагородіе въ этомъ дѣлѣ играютъ главную роль.

Гумпель.

Я?... что-жъ такое я?...

Тимофей Макарычъ (весело съ ироніей).

Что такое вы, ваше высокоблагородіе, объ этомъ у насъ въ карманѣ документецъ имѣется. Покорнѣйше просимъ прислушать (*Вынимая изъ кармана бумагу и подавая ее Вѣрѣ Александровнѣ*). Такую точно бумагу прислали сюда изъ того самаго города, гдѣ вашъ супругъ на жительствѣ находился.

Вѣра Александровна (принимая изъ рукъ его бумагу, съ удивленіемъ).

Изъ города, гдѣ мой мужъ... Къ кому-жъ ее прислали, и какъ она къ вамъ попала?...

Тимофей Макарычъ.

Бумагу эту (*возвысивъ голосъ и указывая на Гумпеля*) прислали къ ихъ высокоблагородію.

Гумпель.

Ко мнѣ?... (*Подойдя къ Вѣрѣ Александровнѣ*) Кажется онъ того... выпилъ немножко... можетъ ли онъ знать какія я бумаги получаю?... Старика подпоили и для смѣху сунули ему какіе нибудь пустяки.

Тимофей Макарычъ (оскорблясь).

Извините, ваше высокоблагородіе, старикъ, если и въ самомъ дѣлѣ иногда выпьетъ, такъ ума-то ему пропить еще не случалось. Эта бумага, отъ слова до слова, списана съ той самой бумаги, которая прислана къ вамъ... Вотъ когда Вѣра Александровна изволятъ ее прочитать, да еще въ присутствіи ихъ превосходительства (*кланяется передъ Чадаевой*), тогда увидимъ, какую физіономію состроитъ (*устремивъ на Гумпеля насмѣшливый взглядъ*) ваше высокоблагородіе. Вѣра Александровна! извольте прочитать.

Вѣра Александровна (читаетъ).

„Вслѣдствіе прошенія находящагося во ввѣренномъ мнѣ городѣ подъ надзоромъ полиціи господина Алексѣя Ильича Руданковскаго, отношеніемъ моимъ отъ 14 числа прошедшаго августа за № 3217, я имѣлъ честь покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе выслать, для совмѣстнаго жительства съ нимъ, Руданковскимъ, проживающую во ввѣренномъ вамъ городѣ жену его Вѣру Александровну.“

Тимофей Макарычъ (перебивая).

Это изволите видѣть, тамошній полиціймейстеръ пишетъ (*показывая на Гумпеля*) къ его высокоблагородію. Извольте продолжать.

Вѣра Александровна (читаетъ).

„Означенное требованіе мое, до сего времени вами еще не исполнено, а между тѣмъ вышесказанный господинъ Алексѣй Ильичъ Руданковскій изъ ввѣреннаго мнѣ города скрылся неизвѣстно куда, и по дошедшимъ до свѣденія моего слухамъ, будто-бы бѣжалъ за границу. Почему долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе исполненіемъ помянутаго отношенія моего, пущеннаго къ вамъ отъ 14 числа августа за № 3217, остановиться и вышесказанную госпожу Вѣру Александровну Руданковскую во ввѣренный мнѣ городъ уже не высылать“. (*Обращаясь къ Гумпелю*) Ѳедоръ Карлычъ! вы получили такую бумагу?

Гумпель (въ замѣшательствѣ).

Такое отношеніе... Но гдѣ взялъ его Макарычъ, и какъ попало ему въ руки?...

Тимофей Макарычъ.

Объ этомъ вамъ не нужно знать, а извольте-ка отвѣчать ваше высокоблагородіе: (*допрашивающимъ тономъ*) получали-ли вы такое отношеніе или нѣтъ?

Гумпель (съ притворною искренностію).

Положительно сказать вамъ не могу, Вѣра Александровна.. оно можетъ быть въ полиціи и получено, т. е. секретарь мой можетъ быть и получилъ... вчера, или даже ныньче.... и потому еще не успѣлъ доложить мнѣ... а самъ я до сихъ поръ еще не видалъ этого отношенія. Увѣряю васъ...

Тимофей Макарычъ (перебивая).

Не вѣрьте, Вѣра Александровна. (*Обращаясь къ Чедаевой*) И ваше превосходительство вѣрить этому не извольте. (*Обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ*) Вы просмотрѣли, не все прочли; въ бумагѣ на боку отмѣчено: получено 4 числа, значитъ не вчера и не ныньче, а цѣлыхъ три недѣли назадъ.

Вѣра Александровна (взглянувъ въ бумагу).

Да, (*читаетъ*) получено 4 числа.

Тимофей Макарычъ (подступивъ къ Гумпелю).

Ну, ваше высокоблагородіе, какъ вы теперь на счетъ почтовой тройки и на счетъ жандарма... черезъ часъ готовы будутъ... а-съ?

Гумпель (въ замѣшательствѣ, стараясь принять на себя строгій тонъ).

Господинъ суфлеръ! вы забываетесь... это не ваше дѣло... съ чего вы это взяли?

Тимофей Макарычъ.

Съ чего-о-съ? Да мнѣ все это горничная ихъ (*показывая на Вѣру Александровну движеніемъ головы*) пересказала. Она изъ другой комнаты слышала, какіе вы тутъ ультиматумы объявляли.

Чедаева (обращаясь къ Вѣрѣ Александровнѣ).

Пожалуйста объясни мнѣ толкомъ что все это значитъ? Я многаго тутъ не понимаю.

Вѣра Александровна.

Ты слышала сейчасъ, что меня требовали къ мужу, но что онъ скрылся и бѣжалъ за границу — объ этомъ я до сихъ поръ, рѣшительно никакого понятія не имѣла, а между тѣмъ (*показывая на Гумпеля*) почтенный Өедоръ Карлычъ пріѣхалъ ныньче ко мнѣ и объявилъ свое непремѣнное желаніе, чтобы я возобновила мой контрактъ съ содержателемъ здѣшняго театра. Когда же я отказалась исполнить это, непремѣнное его желаніе, онъ сказалъ, что черезъ часъ явится ко мнѣ почтовая тройка, и я, въ сопровожденіи жандарма, буду выслана къ моему мужу.

Гумпель (убѣдительно умоляющимъ голосомъ).

Вѣра Александровна, я уже говорилъ вамъ, что это была шутка... неужели вы въ самомъ дѣлѣ подумали, чтобы я могъ... чтобы я могъ...

Вѣра Александровна (взволнованнымъ голосомъ).

Нѣтъ, мосье Гумпель, это была не шутка, это было... глубо-

кое оскорбленіе... Вы заставили меня пережить нѣсколько самыхъ тяжелыхъ минутъ, которыя я и теперь еще переживаю... потому что не увѣрена точно-ли правда все то, что я прочла сейчасъ...

Чедаева (перебивая).

Совершенная! Успокойся, Вѣра. Теперь я вижу, что мнѣ прежде всего надо было объ этомъ тебѣ сказать... Твой мужъ дѣйствительно скрылся за границу, объ этомъ получено было извѣстіе въ Петербургѣ за нѣсколько дней до нашего выѣзда сюда... Я думала, что и ты уже знаешь о томъ... (*Обращаясь къ Гумпелю*). Но какъ же вы, мосье Гумпель, осмѣливаетесь такъ глубоко оскорблять мою Вѣру? Я по всему вижу, что вы скрыли отъ нея полученную бумагу... Вы меня извините, я должна вамъ сказать, что мужъ мой не потерпитъ такихъ вещей, и если только отъ него зависитъ, такъ попроситъ васъ избавить его отъ такого полиціймейстера.

Гумпель (бросаясь на колѣни передъ Чедаевой).

Ваше превосходительство! пощадите... Умоляю васъ не доносить на меня вашему супругу.,. Я человѣкъ безъ состоянія, существую одною службою... у меня семейство... пять человѣкъ дѣтей... не оставьте ихъ безъ куска хлѣба...

Чедаева.

Встаньте, пожалуйста, встаньте. Мнѣ непріятно видѣть, какъ вы унижаете себя (*Гумпель встаетъ, удерживая на всей физіономіи своей умоляющее выраженіе*).

Тимофей Макарычъ (приблизившись къ Чедаевой).

Не вѣрьте ему, ваше превосходительство, не вѣрьте!.. Пять человѣкъ дѣтей, хотя и точно есть у его высокоблагородія, но не безпокойтесь, безъ хлѣба не останутся: для нихъ порядочный капиталецъ запасенъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, онъ Вѣрѣ Александровнѣ, что называется, наисмертельную обиду причинилъ,

такъ и наказаніе за то по всей справедливости долженъ получить. Если его превосходительство, супругъ вашъ, пропишетъ отставку его высокоблагородію, такъ для всего нашего города будетъ великая радость и удовольствіе, потому что его высокоблагородіе на счетъ притѣсненій ужъ больно того...

Вѣра Александровна.

Довольно, Тимофей Макарычъ; дайте мнѣ сказать ему нѣсколько словъ. Послушайте, мосье Гумпель, я могу забыть вашъ поступокъ, но съ условіемъ: говорите мнѣ сейчасъ истинную правду, точно ли вы получили ту бумагу, съ которой Тимофей Макарычъ принесъ мнѣ копію.

Гумпель.

Виноватъ, Вѣра Александровна, (*покорно умоляющимъ голосомъ*) простите великодушно!.. Я...

Вѣра Александровна (съ нетерпѣніемъ перебивая).

Прощу, но только отвѣчайте правду на мой вопросъ.

Гумпель (тѣмъ же тономъ).

Получилъ.

Вѣра Александровна.

Довольно. Можете быть увѣрены, что все, что здѣсь происходило, останется между нами. Новый губернаторъ этого не узнаетъ. (*Обращаясь къ Чедаевой и крѣпко пожимая ей руку*) Антонина! оставимъ мосье Гумпеля въ покоѣ. Въ этотъ моментъ я не могу и не хочу питать непріязненнаго чувства даже къ злѣйшему моему врагу... Я теперь такъ счастлива, я не завишу болѣе ни отъ кого и могу посвятить себя искуству, котораго слишкомъ будетъ достаточно, чтобы наполнить всю мою жизнь. (*Вопросительно*) Вѣдь мужъ мой ужъ болѣе не можетъ требовать меня: скрывшись за границу, онъ потерялъ на меня свои права—такъ кажется?

Чедаева.

Конечно, такъ. Но однакожъ какой это странный законъ, по которому всякому мужу—будь онъ даже очень дурной человѣкъ, предоставлена такая власть надъ женой, хотя бы она была лучшею женщиною въ мірѣ. Знаешь ли, Вѣра, очень жаль, что мужъ мой только губернаторъ: еслибы онъ былъ министръ или... если онъ только будетъ когда нибудь министромъ... о!... тогда — даю тебѣ честное слово—тогда я заставлю его, чтобы онъ такъ или иначе, но непремѣнно перемѣнилъ этотъ ужасно несправедливый законъ.

(Занавѣсъ опускается)

МІРЪ ДОМОВЫХЪ.

ШУТКА-ФАНТАЗІЯ.

(Съ нѣмецкаго)

Усталый, изъ послѣднихъ силъ,
Я разъ по улицамъ бродилъ.
Глухая ночь и дождь ливмя.
Кругомъ ни зги, ни фонаря;
Ни самый скудный звѣздный лучъ
Не свѣтилъ мнѣ изъ черныхъ тучъ.
Тутъ всталъ и выросъ предо мной
Домѝно съ вывѣской большой,
И изнывающій мой взоръ
Узналъ въ немъ постоялый дворъ.
Благодаренье-же, Творецъ:
Отдохновенье наконецъ!
Я постучался у воротъ.
Задвижка щелкнула—и вотъ
Сверкнули злобно два глазка;
Межъ нихъ—носище старика.

—Ишь, расшумѣлся карапузъ!
Чего тебѣ и кто ты, ну-съ?

—Отецъ родной! взмолился я,
—Хоть на ночь пріюти меня.

Онъ странно такъ захохоталъ:

—Да домовыхъ ты не видалъ?
Вѣдь на смерть перетрусишь, чай?

—Не струшу, уголокъ лишь дай.

—Не струсишь? Такъ войди, дружокъ;
Тогда найдется уголокъ.

Впустилъ. При свѣтѣ ночника
Я разглядѣлъ тутъ старика:
Сѣдой и худенькій такой;
Но, оказалося, не злой:
И накормилъ, и напоилъ,
О всемъ подробно разспросилъ:
И лѣтъ какихъ, и какъ учусь.
Потомъ повелъ въ каморку:
—Ну-съ,
Коль хочешь ты заснуть теперь,
Такъ не заглядывай въ ту дверь:
Насталъ урочный часъ духовъ.
Прощай, сынокъ мой, будь здоровъ.

Въ постель улегся я, притихъ,
Но глазъ не смѣлъ сомкнуть своихъ.
Густой, безмолвный мракъ вокругъ,
А за стѣною рядомъ—стукъ,
И гамъ, и громъ, прямой содомъ,
Какъ-бы весь домъ пошелъ верхъ дномъ.
То поскребетъ, то проскрипитъ,
То подбѣжитъ, то отбѣжитъ,
То промелькнетъ нѣмой толпой
Тѣней какихъ-то предо мной.
Ай! кто-то за ногу рванулъ;
Ай! кто-то за ухо щипнулъ.

Тутъ дернетъ, тамъ потеребитъ.
Насильно съ ложа волочитъ,
И, словомъ, какъ—не знаю самъ,
Поволокло меня къ дверямъ.

Гляжу я въ щелку: лунный свѣтъ
Мнѣ освѣщаетъ кабинетъ
Весь въ полкахъ, а на нихъ вокругъ
Горшки, кувшины, фляжки... Вдругъ—
Все взворохнулось,
Все встрепенулось!
Пошла забава:
Что ни посуда—
То носъ лукаво
Глядитъ оттуда;
Что шкальчикъ-плошка—
То мальчикъ-крошка,
Что пузыречекъ—
То шалуночекъ,
Что банка, стклянка,
Горшечекъ, кружка—
То человѣчекъ,
Живая душка.

И съ гикомъ,
И съ крикомъ,
Съ ликующимъ кликомъ,
Изъ плошки,
Изъ кружки,
Какъ мошки,
Какъ мушки,

Повыползли крошки,
Повылѣзли душки,
И ставили ножки
Другъ дружкѣ;
И ропотъ,
И шопотъ,
И грохотъ,
И хохотъ,
И пискъ,
И визгъ!

Тутъ царственный голосъ внушительнымъ тономъ
Скомандовалъ:
— Смирно вы предъ Оберономъ!

И шорохъ затихъ,
Во фронтъ мелюзга моя стала послушно,
И подданнымъ такъ говорилъ благодушно
Царекъ домовыхъ:

— Привѣтствую васъ, мои вѣрные други,
Любезныя дѣти, полезные слуги,
Исправно со всѣхъ меридьановъ земли
Сюда вы на первый мой зовъ притекли.
Вы, геніи воздуха, солнца и свѣта
(Поклономъ отвѣтили сильфы на это),
Вы, геніи рѣкъ и озеръ и морей
(Толпа преклонилась русалокъ и фей),
Вы, геніи пламени, силы подземной
(Рой гномовъ склонился съ степенностью скромной),
Дозоромъ прошелъ я послѣднюю ночь:
Утѣшить гдѣ есть вамъ и есть гдѣ помочь.
Вотъ страждущій птенчикъ,

Безвинный младенчикъ—
Сейчасъ приготовьте изъ смѣси волшебной
Напитокъ цѣлебный.
Вотъ раненый витязь—
Изъ травки-ли сонной
Сварить торопитесь
Елей благовонный
И въ жгучую рану ему накропите,
Къ веселью и къ жизни
Его воззовите
И сына отчизнѣ
Опять подарите.
Вотъ мать изнываетъ, и сумрачно-строго
Косарь замогильный стоитъ у порога.
Спѣшите
Скорѣе,
Гоните
Злодѣя!
Спасительно руку
Несчастной прострите
И горькую муку
Ея утолите!
Вотъ старецъ, вотъ дѣва, вотъ юноша страждетъ,
Съ мольбою цѣлительныхъ чаръ вашихъ жаждетъ—
За дѣло же смѣло,
Живѣе,
Дружнѣе,
Вы, добрые духи, вы, добрыя феи!
Только рекъ
Такъ царекъ,
Мановенье

Только сдѣлалъ рукой — и въ движенье
Вдругъ пришелъ весь подвластный волшебный мірокъ.
По рецепту —
Чѣмъ богатъ,
Тѣмъ и радъ —
Все тащило посильную лепту.
Съ никотиномъ своимъ шелъ почтенный Табакъ
(Расчихались тутъ прочія травы,
А царекъ пожелалъ: — Будьте здравы!),
Съ своимъ опіемъ брелъ и мечтательный Макъ,
Ясень плелся, кряхтя, съ своей манной.
Пресмыкаяся, ползъ коренастый Ревень,
И, шатаясь, Бутень
Вслѣдъ валилъ, такъ и прозванный „Пьяный“.
Лучшій цвѣтъ свой и сокъ
Торопливо волокъ
Чистотѣлъ, Чаровница-Колдуха,
Франтъ извѣстный Преградъ,
Съ нимъ родной его братъ —
Коровякъ, знаменитый красавецъ и хватъ,
По прозванью Медвѣжее Ухо;
Бузина,
Бѣлена,
Горечавка —
Деревенская модница-травка;
Безшабашный буянъ —
Вольнодумецъ Дурманъ,
Съ нимъ Авранъ —
Этотъ Посланный Божій;
Водосборъ

Полнолицый, пригожій,
И толстякъ Мухоморъ
Красноpожій.
А изъ нѣдра земли
Гномы молча несли,
Спину сгорбивъ подъ грузною ношей, кули
Разныхъ рудъ и камней драгоцѣнныхъ,
Благородныхъ, хотя и „презрѣнныхъ“.
Въ заключенье, когда чародѣйственный міръ
Весь ужъ стекся, явились два братца —
Вертопрахъ Алкооль и летучій Эѳиръ:
— Что прикажете? ради стараться!

И съ охотою,
Какъ для шуточки,
Надъ работою
Завозились малюточки:
Руды смачивали,
Ломомъ скалывали,
Оборачивали,
Расколачивали,
Перемалывали;
Изъ стручечковъ
Да мѣшечковъ,
Изъ костянокъ
Да сѣмянокъ,
Изъ кубышекъ
Да изъ шишекъ —
Медъ выдавливали
Да выплавливали;
Изъ кореньевъ
Да изъ мочекъ,

Изъ череньевъ
Да изъ почекъ,
Изъ лѣсины,
Сердцевины
Да изъ луба
Ели, дуба,
Изъ листочковъ,
Лепесточковъ
Мотыльковыхъ,
Язычковыхъ,
Толстогубчатыхъ,
Длиннотрубчатыхъ,
Мелкокольчатыхъ,
Колокольчатыхъ —
Сокъ высасывали
Да вываривали,
Дровъ подбрасывали,
Да выпаривали;
Перетаскивали,
Перекачивали,
Выполаскивали,
Заколачивали;
Въ стклянкахъ встряхивали,
Перемѣшивали,
Пыль обмахивали,
Перевѣшивали,
Запечатывали
Да обматывали.
А вокругъ благоуханія
Чуть дыханія
Не захватывали.

Оберонъ же метался, развѣдывалъ,
Всѣ ли порціи
Приготовлены въ должной пропорціи,
Всякой смѣси отвѣдывалъ,
Да высмакивалъ,
Своимъ „Recipe“ только поддакивалъ.

Не успѣлъ я еще хорошенечко
Приглядѣться, очнуться маленечко,
Какъ работы всѣ были ужъ справлены:
Порошки и микстуры приправлены,
Золотыя пилюли накатаны,
Свертки сматаны,
Мази смазаны,
Всѣ-то сткляночки,
Всѣ-то баночки
Ярлычёчками
Да шнурочками
Перевязаны;
Въ ярлыкахъ же, кому какъ приказано,
Число ложекъ подробно показано.
Оберонъ лишь глядѣлъ да поглядывалъ,
Только руку прикладывалъ,
Приговаривалъ:
— Помогло бы лишь такъ, какъ заваривалъ!

Тутъ прóбило часъ—и видѣнье
Разсѣялось въ тоже мгновенье.
Я снова въ постели, и прежняя мгла
Въ коморкѣ вокругъ. Но я мыслилъ:
„Хвала
Тому, кто больнымъ изцѣленье

При помощи ядовъ смертельныхъ даетъ,
Изъ тлѣна и пагубы жизнь создаетъ.
Чтобъ міръ Его помнилъ и славилъ,
Онъ добрыхъ духовъ къ намъ приставилъ."

Такъ гдѣ же, скажите, я ночь-то провелъ?
У добрыхъ духовъ человѣка,
Волшебниковъ нашего вѣка;
Поутру, на улицу выйдя, прочелъ
Я надпись надъ входомъ: „Аптека".

В. Авенаріусъ.

АНАЛИЗЪ И СИСТЕМАТИКА ТЭНА.

(Окончаніе)

Теперь послушаемъ, какъ опредѣляетъ Тэнъ степень нравственнаго добра, заключающагося въ признакѣ, степень его *благотворности*, какъ онъ выражается.

Признаки представляютъ собою естественныя силы. Ихъ, стало быть, можно оцѣнивать въ двоякомъ смыслѣ. Каждую силу можно разсматривать въ отношеніи другихъ силъ и въ отношеніи къ самой себѣ. Въ первомъ случаѣ сила тѣмъ больше, чѣмъ она устойчивѣе, чѣмъ большее количество другихъ силъ она уничтожаетъ. Во второмъ она измѣряется способностью возрастать, развиваться. До сихъ поръ анализъ признаковъ относился къ первому соображенію. Намъ предстоитъ показать постепенное развитіе существенныхъ признаковъ, ихъ возрастающую *важность и благотворность*.

Возьмемъ произведенія искуства, выражающія нравственнаго человѣка. Вся житейская суета показываетъ намъ, что паденіе отдѣльныхъ индивидуумовъ или цѣлыхъ обществъ всегда вытекаетъ изъ какого нибудь порока, присущаго общему строю жизни, отъ крайности въ стремленіяхъ, отъ диспропорціи въ способностяхъ. Поэтому нравственная лѣстница устанавливается такъ, что признаки занимаютъ на ней послѣдовательныя мѣста, смотря по своей пользѣ или вреду, т. е. смотря потому, способствуютъ ли они сохраненію или разстройству жизни.

Вся суть заключается въ томъ, чтобъ жить, а жизнь сказывается для человѣка въ двухъ главныхъ направленіяхъ: или онъ познаетъ, или онъ дѣйствуетъ. У него уже двѣ главныхъ способ-

ности: интелигенція и воля. Отсюда ясно, что признаки воли и ума, помогающіе человѣку въ дѣйствіи и познаваніи, будутъ благотворны, а противные имъ признаки - тлетворны. Въ каждомъ типѣ: въ философѣ, въ ученомъ, въ государственномъ человѣкѣ, въ дѣльцѣ, въ художникѣ преобладаетъ особая группа дарованій и свойствъ. Каждое изъ этихъ дарованій и свойствъ, по природѣ своей, благотворно, потому что они необходимы для выполненія типа. Но если взять въ человѣкѣ группу его благотворныхъ способностей, то какое побужденіе заставляетъ его не только быть полезнымъ для самого себя, но и для другихъ? Главный плодотворный импульсъ состоитъ въ способности *любить*. Признакъ любви займетъ первое мѣсто въ нашей іерархіи. Чѣмъ предметъ, на который обращена любовь, обширнѣе, тѣмъ она прекраснѣе. Не стоитъ распространяться о томъ, какое мѣсто занимаютъ противоположныя качества. Этотъ порядокъ найденъ не очень давно. Еще древняя философія опредѣлила удѣльный вѣсъ нравственности простымъ и точнымъ методомъ. Стоитъ только заглянуть въ цицероновскій трактатъ: „De officiis.“

Классификаціи нравственныхъ достоинствъ соотвѣтствуетъ, шагъ за шагомъ, іерархія достоинствъ литературныхъ. При одинаковыхъ условіяхъ, произведеніе, выражающее благотворный признакъ, выше произведенія, проявляющаго признакъ тлетворный. Очертимъ общими штрихами возрастаніе нравственныхъ признаковъ въ литературной сферѣ. Въ самомъ низу стоятъ типы, наполняющіе реалистическую литературу и театръ, всѣ эти лица пошляковъ, эгоистовъ и проч. и проч. Ими наполнено множество романовъ, начиная съ Донъ-Кихота и кончая „Человѣческой комедіей“ Бальзака и современными англійскими повѣствователями. Въ комическомъ театрѣ достаточно назвать имена героевъ Мольера. Всѣми этими пошляками занимались великіе таланты, побуждаемые любовью къ правдѣ, но они прикрывали пошлость и безобразіе характеровъ двумя вещами: или они дѣлаютъ изъ противныхъ комическихъ лицъ контрастъ для какой-нибудь симпатичной фигуры, какъ мы видимъ это въ Донъ-Кихотѣ, въ „Эжени Грандэ“ Бальзака, въ „Мадамъ Бовари“ Гюстава Флобера; или они возбуждаютъ наше презрѣніе и нашъ мстительный смѣхъ, и зритель остается удовлетвореннымъ, по-

тому что въ немъ поднято непріязненное чувство къ пороку и нравственной пошлости. Таковъ высокій пріемъ комиковъ. Но и романисты пользуются имъ. Мы видимъ его у Мольера, видимъ ихъ также въ „Томъ Джонсѣ“ Фильдинга, въ „Мартинѣ Шэзлевицѣ“ Диккенса и въ „Старой Дѣвѣ“ Бальзака. Но зрѣлище этихъ мелкихъ душенокъ подъ конецъ утомляетъ зрителя, производитъ въ немъ даже раздраженіе и горечь.

За этой ступенью слѣдуетъ ступень, занимаемая сильными, но неполными типами, созданіями, лишенными равновѣсія. Мы ихъ находимъ и въ греческихъ трагедіяхъ, и во французскихъ, и въ испанскихъ пьесахъ, у Байрона и у Виктора Гюго, а также и у всѣхъ крупныхъ романистовъ отъ „Донъ-Кихота“ до „Вертера“ и „Мадамъ Бовари.“ Сосчитайте всѣхъ героевъ Шекспира: Коріолана, Гамлета, Тимона, Макбета, Отелло, Лира, Антонія, Ромео, Юлію, Дездемону, Офелію и т. д. Всѣ эти героическія и чистыя души, всѣ увлечены порывомъ слѣпаго воображенія, бѣшеной страстью, тираннiей плоти и крови. Присоедините къ нимъ кровожадныя и извращенныя натуры, бросающіяся точно львы на человѣческое стадо: Яго, Ричарда, Леди Макбетъ. Вы найдете и въ Бальзакѣ двѣ группы фигуръ, совершенно соотвѣтственныхъ первымъ. Съ одной стороны мономаны: старикъ Горіо, кузенъ Понсъ, Луи Ламберъ, Грандэ, Гобсэкъ, Фрауенгоферъ, Гамбара — влюбленные, художники, скряги. Съ другой стороны хищные звѣри: Нюсеингенъ, Вотрелъ, Филипъ Бридо, Растиньякъ, чета Марнефовъ — ростовщики, шулера, продажныя прелестницы, честолюбцы, дѣльцы! Но все это, разумѣется, ниже сортомъ, чѣмъ у Шекспира, потому что и въ самыхъ людяхъ течетъ уже менѣе молодая кровь, искажённая всѣми немощами старой цивилизаціи. Читая или смотря на такія произведенія, чувствуешь родъ грандіознаго волненія; но оно всетаки болѣзненно. Слишкомъ много въ нихъ преступленій и всяческой скверны!

Поднимемся еще ступенью выше. Тутъ уже начинаются полныя личности, настоящіе герои. Шекспиръ и его современники создали намъ нѣсколько образовъ невинности, доброты и женской граціи. Эти созданія отразились и въ новомъ англійскомъ романѣ. Миранды и Имогены перешли въ Эсѳирей и Агнесъ Диккенса. Не

бѣденъ и Бальзакъ чистыми и благородными характерами: вспомните Маргариту Клейесъ, Эжени Грандэ, Маркиза д'Эспа, дѣтскаго доктора. Можно даже указать на нѣсколькихъ писателей, занимавшихся почти исключительно высокими чувствами и героическими характерами. Таковы: Корнель, Ричардсонъ, Жоржъ-Зандъ. Первый въ Поліевктѣ, въ Сидѣ, въ Гораціяхъ воспроизвелъ резонирующій героизмъ; второй вложилъ языкъ протеста въ чистыя личности, создавши Памелу, Клариссу и Грандиссона; третья изображаетъ прирожденное благородство въ Мопра, въ Франсуа Лешампи, въ Mare au Diable, въ Жанѣ Деларошъ и во многихъ позднѣйшихъ романахъ. Иногда художники пытались подняться на самую вершину идеальнаго неба, какъ напр. Гёте въ своихъ: Германѣ и Доротеѣ и въ особенности въ Ифигеніи, Теннисонъ въ Идилліяхъ короля и въ Принцессѣ.

Теперь мы упали съ этого неба. Современные писатели, если и создаютъ иногда идеальные характеры, то больше въ качествѣ моралистовъ или наблюдателей. Для каждаго изъ трехъ типовъ творчества, начертанныхъ здѣсь, есть своя эпоха. Въ эпохи очень цивилизованныя и утонченныя, а главное, *устарѣлыя*, въ вѣкъ греческихъ гетеръ, въ салонахъ Людовика XIV и въ нашихъ гостиныхъ появляются живые экземпляры и вѣрнѣйшія воспроизведенія самыхъ низкихъ типовъ; процвѣтаетъ комическая и реальная литература. Въ періоды отрочества, когда человѣкъ и общество на срединѣ своего наступательнаго движенія, въ Греціи V вѣка, въ Испаніи и въ Англіи конца XVI вѣка, во Франціи XVII, да и въ настоящее время появляются могучіе и страждущіе типы, философская и драматическая литература. Но истинныя идеальныя созданія родятся въ обиліи только въ первобытныя и наивныя эпохи. Къ этимъ эпохамъ и нужно восходить всегда, чтобы видѣть героевъ и боговъ. Таковы образы великихъ эпопей: „Зигфридъ" въ Нибелунгахъ, „Роландъ" во французскихъ „Chansons de geste", „Сидъ" въ Романцеро, „Ростанъ" въ „Livre des rois", „Антаръ" у арабовъ, у грековъ — „Улисъ" и „Ахиллъ". Еще выше стоятъ носители откровенія, спасители человѣчества и боги. Для Греціи они явились въ поэмахъ Гомера, для Индіи въ Ведическихъ гимнахъ, въ Буддистскихъ поэмахъ и легендахъ; для іудейства и христіанства въ

цѣломъ рядѣ поэтическихъ откровеній до „Подражанія“ включительно. Тутъ только человѣкъ, вполнѣ преображенный, достигаетъ своей всецѣлости. Вѣра придаетъ ему все, что только доступно воображенію.

Въ физическомъ человѣкѣ и въ искуствахъ, занимающихся имъ, слѣдуетъ также опредѣлить благотворные признаки. Первый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, есть цвѣтущее здоровье и неприкосновенность естественнаго типа. Все, что нарушаетъ ихъ, откуда бы оно ни выходило: отъ ремесла, професіи, общественной жизни, принадлежитъ къ тлетворнымъ физическимъ признакамъ. Въ современной жизни тѣло поставлено въ самыя безобразныя условія. И только устраняя случайныя измѣненія, которымъ цивилизація подвергаетъ человѣческое *естественное* тѣло, можно дойдти до первоначальныхъ очертаній совершенной тѣлесности.

Посмотримъ же на тѣло въ дѣйствіи, т. е. на его движенія. Къ числу благотворныхъ признаковъ тѣла должно отнести всѣ его способности къ физическому движенію. Но къ атлетическимъ дарованіямъ и подготовкѣ мы присоединимъ душу, т. е. волю, интелигенцію и сердце. Переизвѣстное изрѣченіе Аристотеля и до сихъ поръ не теряетъ своей силы: „въ здоровомъ тѣлѣ и духъ здоровъ“. Надо показать эту душу, проявляющуюся во всей экономіи тѣла, въ посадкѣ, въ формѣ головы, въ выраженіи лица. По свободѣ и совершенству движеній узнаются: интелигенція, энергія и благородство души. Но въ пластическомъ творчествѣ они должны только отгадываться, ихъ никакъ нельзя дѣлать рѣзкими и преобладающими, потому что мы повредили бы этимъ совершенству тѣла. Духовная жизнь противится всегда въ человѣкѣ жизни тѣлесной. Высшая цивилизація, глубокая выработка души не попадаются теперь въ атлетическомъ голомъ тѣлѣ, усовершенствованномъ гимнастикой. Поэтому, еслибы мы хотѣли вообразить себѣ образцовое тѣло, надо взять человѣка изъ такой эпохи, когда духъ не отставлялъ еще тѣла на второй планъ, когда мысль была еще простымъ органическимъ отправленіемъ, а не верховной владыкой, когда полное равновѣсіе существовало еще между частями человѣческаго дѣйствія, когда жизнь текла, какъ прекрасный и мирный потокъ.

Сообразно съ такимъ порядкомъ физическихъ достоинствъ, мож-

но классифировать и творческія произведенія, изображающія тѣлеснаго человѣка. Въ самомъ низу стоитъ искуство, умышленно уничтожающее всѣ тѣлесныя качества. Оно началось съ паденія древняго язычества и длилось вплоть до эпохи возрожденія. Со временъ Коммода и Діоклетіана скульптура сильно портится. Мало по малу искуство доходитъ до мозаикъ и живописи византійцевъ, до изображеній изможденныхъ, высушенныхъ, бураго цвѣта, настоящихъ скелетовъ, со всѣми уродливыми аттрибутами. Въ меньшей степени таже болѣзнь поражаетъ и все искуство средневѣковья. Точно будто кровь человѣческая совсѣмъ изсякла въ этихъ мистическихъ и мертвенныхъ изображеніяхъ. Не сразу оправляется тѣло къ эпохѣ возрожденія. У мастеровъ XV вѣка еще много признаковъ поста и изможденія плоти. У Беато Анджелико, у Альберта Дюрера все еще мы видимъ форму черепа, напоминающую факировъ и гидроцефаловъ, разныхъ Адамовъ и Евъ, страшно блѣдныхъ и скудныхъ по части тѣла. Первые мастера италіянскаго возрожденія, настоящіе возстановители древняго язычества, флорентинскіе анатомы: Антоніо Паллайоло, Вероккіо, Лука Синьйорелли— предшественники Леонардо де-Винчи, и тѣ сохраняютъ еще остатокъ старья.

Когда же наконецъ богини прекрасной древности, возвращенныя изъ ссылки, возстановили свое законное владычество надъ искуствомъ, ихъ владѣнія ограничились все-таки одной Италіей. Внѣ Италіи торжество ихъ было неполное и перемежающееся. Народы германскаго происхожденія какъ-бы нехотя приняли ихъ и то больше Фландрія, оттого что она была католическая. Протестанты же, т. е. голандцы, совсѣмъ освободились отъ нихъ. Протестантскій духъ усвоивалъ себѣ гораздо больше истину, чѣмъ красоту. Величайшій мастеръ протестантскаго искуства, Рембрандтъ не останавливался ни предъ какимъ тѣлеснымъ безобразіемъ, ни предъ какой, самой грубой, реальностью. Такая живопись заходитъ за свои предѣлы, даже когда она хорошо выполнена. Она превращается въ поэзію, какъ это мы видимъ въ вещахъ Беато Анджелико, Альберта Дюрера, Мемлинга. Художнику прежде всего хочется выразить общее міровоззрѣніе, философскіе или религіозные мотивы. Онъ жертвуетъ имъ пластикой человѣческаго тѣла. Потому-то у Рем-

брандта главный интересъ картины сосредоточенъ не на физическомъ человѣкѣ, а на душевной трагедіи. Но если мы, отрѣшаясь отъ впечатлѣнія этихъ эксцентричныхъ талантовъ, посмотримъ на человѣческое тѣло, какъ на истинный предметъ живописнаго подражанія, мы должны будемъ признать, что нарисованныя или изваянныя фигуры, которымъ недостаетъ здоровья, силы и остальныхъ тѣлесныхъ преимуществъ, нисходятъ сами по себѣ на послѣднюю ступень искуства. Вокругъ Рембрандта групируются реалисты болѣе мелкаго калибра, такъ-называемые „малые фламандцы“: Фанъ Остаде, Теньеръ, Герардъ Дау, Адріанъ Брауеръ, Іоаннъ Стенъ, Тербургъ и множество другихъ. Ихъ сюжеты и лица дышатъ кабакомъ и скотнымъ дворомъ. Людовикъ XIV, когда увидалъ ихъ въ своей галереѣ, сказалъ: „ôtez-moi de là ces magots.“ И въ самомъ дѣлѣ, лице, изображаемое ими во всѣхъ ихъ картинахъ, представляетъ собою тѣло нисшаго сорта, малорослое, съ неправильными чертами, часто грубое и пошлое, съ бѣлесовато или кирпично-краснымъ цвѣтомъ кожи. Къ этому присоединяются всѣ отпечатки ремесла, всѣ тѣлесныя уродства тяжелой трудовой жизни или неподвижнаго мѣщанскаго довольства. Но творчество фламандцевъ возвышается другими качествами: во-первыхъ, мастерствомъ воспроизводить главный признакъ извѣстной расы и эпохи (что уже нами достаточно опредѣлено); во-вторыхъ, гармоніей колорита и искуствомъ совпаденія признаковъ, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Даже помимо этого типы фламандскихъ мастеровъ второй руки смотрятся съ удовольствіемъ. Они не такъ экзальтированы и больны духомъ, какъ лица Рембрандта. Это все здоровый и довольный народъ, какова бы ни была ихъ земная доля и сословное положеніе. Въ нихъ видны: спокойствіе, добродушіе, семейственность. Таково счастіе флегматическаго темперамента; а счастіе, т. е. нравственное и физическое здоровье, всегда и вездѣ прекрасно, даже въ этой низменно-реальной сферѣ.

Грандіозныя фигуры, въ которыхъ человѣкъ-животное достигаетъ полнаго своего роста и всей силы, находимъ мы у антверпенскихъ мастеровъ: Крайера, Герарда Цеггерса, Якова Ванъ-Оста, Эвердингена, Фанъ-Тульдена, Абраама Янсепа, Теодора Ромбутса, Іорденса и впереди всѣхъ у Рубенса. Въ ихъ картинахъ появляются

тѣла, совершенно свободныя отъ всякихъ общественныхъ стѣсненій. Это — царство обнаженныхъ формъ. Мы видимъ тутъ самыя свободныя осанки, самые неистовые жесты, самыя сочныя и энергичныя мышцы. Поставьте рядомъ съ этими колосами и здоровенными женщинами какую угодно современную фигуру и она покажется мизерной. Но этотъ міръ тѣла, хотя и идеаленъ, не представляетъ однакожъ высшей грани пластическаго творчества. Онъ нейдетъ дальше животненной жизни желудка и органовъ чувствъ. Человѣкъ, по творческому замыслу Рубенса, похожъ на цвѣтущую здоровьемъ скотину, полную инстинктовъ, побуждающихъ ее *„нагуливать себѣ жизнь“* и потомъ драться съ яростью и ревомъ.

Остается намъ отыскать человѣческій типъ, гдѣ нравственное благородство заканчивается физическимъ совершенствомъ. Мы покинемъ Фландрію и въ Венеціи, т. е. въ итальянской Голандіи, найдемъ живопись, приближающуюся къ совершенному типу. Оттуда мы спустимся во Флоренцію и остановимся въ созерцаніи произведеній той школы, изъ которой вышелъ Леонардо и куда вступилъ Рафаэль. Она цѣлымъ рядомъ творческихъ продуктовъ Фра Бартоломео, Гиберта, Донателло, Андрео дель Сарто, Микель Анджело достигла совершеннѣйшаго типа, до какого только современное искуство доработывалось. Глядите на *св. Винцента* Фра Бартоломео, на *Мадонну al sacco* Андрео дель Сарто, на *Аѳинскую школу* Рафаэля, на *Гробницу* Медичисовъ и *Сводъ* Сикстинской капеллы Микель Анджело. *Вотъ какое тѣло слѣдовало бы намъ имѣть!* Около этой породы людей всѣ остальные щедушны, изнѣжены или грубы и несчастны. Въ фигурахъ каждаго художника оказывается особая нравственная красота: у Микель Анджело — энергія и возвышенность воли, у Рафаэля — безконечная мягкость и миръ души, у Леонардо — необычайная тонкость, интелигенція; но всѣ эти качества нравственнаго выраженія никоимъ образомъ не вредятъ совершенству тѣла. И ни въ одномъ произведеніи мысль не владычествуетъ надъ пластикой въ ущербъ ея; а сливается съ ней въ совершеннѣйшую гармонію. Мы тоже предъ этими созданіями, что обезъяны или папуанцы предъ нами. Выходя изъ этого храма красоты, мы убѣждены, что творчество дальше пойти не можетъ, а между тѣмъ Флоренція только вторая

отчизна прекраснаго. Первая—Аѳины. Все, что уцѣлѣло отъ крушенія древности: Милоская Венера, мраморы Парѳенона, глава царицы Юноны въ виллѣ Людовидзи кажутъ намъ еще болѣе чистую и высокую расу. Послѣ нихъ даже фигуры Рафаэля отзываются какъ-бы *бараньей слащавостью*, даже сдается, что и у Микель Анджело душевная трагедія слишкомъ рѣзко выражена напряженіемъ мышцъ, излишествомъ тѣлеснаго движенія. Настоящіе видимые боги раждались въ болѣе чистомъ воздухѣ. Простая и самобытная цивилизація, тонкая и статная раса, болѣе пригодная религія, лучшая культура тѣла создали когда-то и совершеннѣйшій типъ во всей его величавой ясности и горделивомъ спокойствіи. Онъ и служилъ моделью художникамъ возрожденія. Восхищающая насъ флорентинская школа есть ничто иное, какъ отростокъ, только пониже и покрасивѣе, іонійскаго лавра, пересаженнаго на иную почву.

Такова двойная лѣстница, по которой классифицируются и признаки вещей, и достоинства произведеній искуства. Важность и благотворность признаковъ идутъ рука объ руку. Онѣ въ сущности двѣ стороны основнаго качества силы, разсматриваемой то въ отношеніи къ самой себѣ, то въ отношеніи къ другимъ силамъ; т. е. приводитъ-ли она къ собственной слабости или къ собственному возрастанію въ первомъ случаѣ, и противится-ли она внѣшнему натиску во второмъ.

„Эти двѣ точки зрѣнія (заключаетъ Тэнъ) самыя возвышенныя, съ какихъ только возможно смотрѣть на природу, ибо онѣ обращаютъ наши глаза то къ сущности, то къ направленію. Въ своей сущности природа есть скопленіе первичныхъ силъ, неравныхъ по величинѣ. Столкновеніе ихъ вѣчно; сумма и общая работа остаются всегда однѣ и тѣже. По своему направленію природа есть рядъ формъ, гдѣ накопленная сила пользуется преимуществомъ постояннаго обновленія и приращенія. Сообразно съ этимъ, признакъ есть или одна изъ такихъ первобытныхъ и механическихъ силъ, составляющихъ сущность вещей; или одна изъ послѣдующихъ силъ, способныхъ возрастать и указывающихъ направленіе міра. Понятно, почему искуство дѣлается высшимъ, когда, избирая предметомъ своимъ при-

роду, оно проявляетъ то извѣстную долю ея сокровенныхъ нѣдръ, то извѣстный высшій моментъ ея развитія.“

Мнѣ остается теперь познакомить читателя съ послѣднимъ пунктомъ эстетическихъ воззрѣній Тэна. Этотъ пунктъ называется „степенью совпаденія эфектовъ.“

Разсмотрѣвши отдѣльно признаки, слѣдуетъ анализировать ихъ въ самомъ произведеніи искуства. Мало того, чтобъ они обладали наибольшимъ достоинствомъ, необходимо, чтобы въ творческомъ продуктѣ они достигали наисильнѣйшаго преобладанія. Тогда только получатъ они настоящій блескъ и рельефность. Этимъ лишь способомъ и сдѣлаются они *виднѣе*, чѣмъ въ природѣ. Ясно, что для выполненія подобной задачи всѣ части произведенія должны способствовать обнаруженію признаковъ. Ни одинъ элементъ не долженъ оставаться бездѣятельнымъ или отвлекать вниманіе въ другую сторону. Слозомъ, въ картинѣ, въ статуѣ, въ поэмѣ, въ зданіи, въ симфоніи всѣ эфекты должны совпадать. Степень такого всеобщаго содѣйствія и опредѣляетъ мѣсто творческаго произведенія. Мы будемъ имѣть, стало быть, третью лѣстницу классификаціи.

Начнемъ опять съ литературы. Надо различить первоначально элементы, составляющіе драму, эпопею, романъ. Прежде всего намъ попадаются *души*, т. е. лица, одаренныя какимъ нибудь отличительнымъ характеромъ. Но и въ самомъ характерѣ можно распознать различныя части: прирожденныя качества, особенности темперамента, воспитаніе, выучка и т. д. Если всѣ эти различныя силы не уничтожаютъ одна другую, а напротивъ, сливаются въ общемъ дѣйствіи, на человѣка кладется глубокая печать и предъ нами сильный характеръ. Этого сліянія часто нѣтъ въ природѣ, но оно должно быть всегда въ произведеніяхъ великихъ художниковъ. Никто не обладалъ высшимъ даромъ создавать характеры, какъ Шекспиръ. Послѣ него можно назвать одного изъ современныхъ писателей, Бальзака. Никто въ *новой* литературѣ не изображалъ лучше Бальзака нравственный складъ человѣка, послѣдовательное его развитіе. Но онъ романистъ и ученый, между тѣмъ какъ Шекспиръ драматургъ и поэтъ. Вотъ почему всѣ внутреннія пружины характера, которыя Шекспиръ даетъ только чувствовать въ своихъ созданіяхъ, у Бальзака размазываются въ безконечныхъ описаніяхъ и разсужденіяхъ. Но

въ сущности его искуство того же порядка, и когда онъ создаетъ живыя лица: Гюло, отца Грандэ, Филиппа Бридо, старую дѣву шпіона, куртизанку, крупнаго дѣльца, его талантъ заключается всегда въ собираніи громаднаго количества образовательныхъ элементовъ и нравственныхъ вліяній на одно, такъ сказать, ложе, по которому потечетъ потокъ житейской драмы.

Вторая группа элементовъ въ литературномъ произведеніи—положенія и событія. Когда характеръ задуманъ, надо, чтобы завязка, въ которую вы его поставили, содѣйствовала его обнаруженію. И въ этомъ искуство *опять-таки выше природы*, потому что въ дѣйствительности такъ не происходитъ. Иной сильный характеръ остается въ жизни бездѣятельнымъ, по недостатку случая или толчка. Не вспыхни революція въ Англіи, Кромвель былъ-бы пуританскій филистеръ. Отодвиньте французскую революцію на три года, Мирабо остался-бы *ерыжнымъ* дворяниномъ. Иной посредственный и слабый характеръ, оказавшійся ниже трагическихъ событій, былъ бы очень достаточенъ для обыкновенной обстановки. Стоитъ только вспомнить Людовика XVI.

Надо, стало быть, чтобы художникъ пріурочилъ положенія къ характерамъ. Это *будетъ* вторымъ сочетаніемъ. Его находятъ у всѣхъ великихъ художниковъ. То, что въ ихъ произведеніяхъ называется дѣйствіемъ или интригой, составляетъ ту связь событій и положеній, какая необходима для яркаго проявленія признаковъ. Надо подвергнуть лице цѣлому ряду *испытаній*, вызывающихъ наружу всѣ сокровенныя пружины душевной жизни. Для одного и того же лица эти испытанія различны; ихъ можно расположить такъ, чтобы они становились все сильнѣе и сильнѣе: въ этомъ и состоитъ *crescendo* всѣхъ писателей. Законъ творчества примѣняется, стало быть, къ подробностямъ, точно также, какъ и къ массамъ. Сочетаніе качествъ образуетъ характерное лице. Сочетаніе же всего характера съ рядомъ положеній проявляетъ его до самаго высшаго предѣла, доводя до окончательнаго торжества или до заключительнаго уничтоженія.

Остается послѣдній элементъ — стиль. Только его, въ сущности, вѣдь и видно въ литературномъ произведеніи. Первые два составляютъ внутреннія пружины (les dessous, по выраженію Тэна). Книга есть ничто иное, какъ цѣлый рядъ фразъ, произносимыхъ самимъ

авторомъ или его лицами. Ни глаза, ни уши ничего изъ нея больше не воспринимаютъ. Стало быть, третій элементъ имѣетъ особенную важность, и впечатлѣніе, производимое имъ, должно соотвѣтствовать эфекту первыхъ двухъ элементовъ для того, чтобы общій эфектъ былъ самый сильный. Но фраза сама по себѣ, способная принимать различныя формы и производить различныя дѣйствія, быть стихотворной или прозаичной, безконечно разнообразится по своему синтаксическому или ритмическому составу. Наконецъ, самыя слова, составляющія фразу, обладаютъ тоже своимъ особымъ характеромъ. Словомъ, произнесенная фраза есть совокупность силъ, трогающихъ разомъ въ читателѣ и логическій инстинктъ, и музыкальныя способности, и память, и воображеніе,—потрясающихъ всего человѣка посредствомъ нервовъ, чувствъ, привычекъ. Необходимо слѣдовательно, чтобы стиль приспособлялся въ произведеніи ко всему остальному. Въ немъ сидитъ послѣднее сочетаніе. Искуство великихъ писателей безконечно на этой почвѣ. Здѣсь творчество *опять-таки выше природы*, потому что вымышленное лице говоритъ сообразнѣе своему характеру, чѣмъ лице дѣйствительное. Каждый типъ языка, каждая форма стиля обозначаетъ особое состояніе души, особое расположеніе ума. Придайте Расину стиль Шекспира, или Шекспиру языкъ Расина, и ихъ творчество сдѣлается смѣшно; они даже вовсе не въ состояніи будутъ писать. Фраза XVII-го вѣка такъ ясна, размѣрена, очищена, такъ приспособлена къ придворнымъ разговорамъ, что вовсе не годится для выраженія крутыхъ страстей, фантастическихъ порывовъ, несокрушимыхъ бурь англійской драмы. Фраза XVI-го вѣка, то фамильярная, то смѣлая, лирическая, вообще же угловатая, разбросанная, была бы совершенно неумѣстна въ устахъ утонченныхъ персонажей французской трагедіи. Вмѣсто Расина и Шекспира вы получили бы Драйденовъ, Дюсисовъ и Делавижей. Таковы могущество и условія стиля. Признаки, воспринимаемые умомъ посредствомъ положеній, доходятъ до чувства однимъ лишь языкомъ, и сочетаніе этихъ трехъ силъ придаетъ характеру всю его яркость.

„Все искуство, объявляетъ Тэнъ, заключается въ двухъ словахъ: *сосредоточивая проявлять.*“

По этому принципу можно еще разъ классифировать различныя литературныя произведенія. При одинаковыхъ условіяхъ, они будутъ

тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ сочетаніе эфектовъ будетъ въ нихъ совершеннѣе. Это правило, въ приложеніи къ школамъ, подтверждается во всѣхъ своихъ частяхъ. Въ началѣ каждой литературной эпохи встрѣчается періодъ попытокъ. Въ это время таланту очень много; громадные образы роятся въ глубинѣ душъ; но никто еще не знаетъ способовъ: распредѣлять части замысла и пользоваться литературными пріемами. Таковъ недостатокъ первоначальной французской литературы средневѣковья. Читайте: Chanson de Roland, Renaud de Montauban, Ogier le Danois и вы очень скоро почувствуете, что люди этой эпохи одушевлены были оригинальными и крупными чувствами. Новое общество народилось тогда. Крестовые походы были въ полномъ разгарѣ. Гордые нравы бароновъ, сила воинственнаго тѣла и наивная простота сердецъ доставляли поэзіи характеры, равные созданіямъ Гомера. Но эпоха только въ половину воспользовалась своимъ матеріаломъ. Она не съумѣла проявить всю ея красоту. Трубадуръ былъ человѣкъ мірской, не духовный; поэтому лишенъ былъ высшей умственной культуры. Его разсказъ сухъ и голъ. У него вы не найдете полныхъ и блестящихъ образовъ Гомера и античной Греціи. Однориѳменный его стихъ повторяетъ тридцать разъ одинъ и тотъ-же ударъ колокола. Онъ не овладѣлъ своимъ сюжетомъ; не умѣетъ ни подготовить сцену, ни усилить эфекта. Поэтому-то его творчество не займетъ мѣста въ вѣчной литературѣ; оно занимательно теперь только для антикварія. Если же оно и достигнетъ извѣстнаго совершенства, то въ изолированныхъ произведеніяхъ, каковы, напримѣръ „Нибелунги“ въ Германіи, гдѣ народная основа не была раздавлена тяжестію церкви; или „Божественная Комедія“ въ Италіи, гдѣ Данте достигъ посредствомъ высочайшихъ усилій труда, восторженности и таланта, нежданнаго сочетанія мірскихъ чувствъ и богословскихъ теорій.

Когда искуство возродилосъ въ XVI вѣкѣ, мы видимъ, что недостатокъ сочетанія элементовъ приводитъ вначалѣ къ тѣмъ же результатамъ. Первый англійскій драматургъ Марло (Marlowe) былъ безспорно геніальный человѣкъ. Онъ чувствовалъ не меньше Шекспира кровавую поэзію современной исторіи; но онъ не умѣлъ вести діалога, разнообразить событій, оттѣнять положеній, противопоставлять характеры. И выходитъ у него рѣзня и смерть безъ всякой отдѣлки.

Для полнаго проявленія его трагической идеи нужно было народиться Шекспиру, который послѣ многочисленныхъ попытокъ придаетъ наконецъ творчеству своего предшественника разнообразную и яркую жизнь.

Конецъ каждой литературной эпохи имѣетъ съ другой стороны періодъ паденія. Искуство тогда старѣется, охладѣваетъ отъ рутины и условности. Совпаденіе эфектовъ также отсутствуетъ, но не отъ невѣжественности, а, напротивъ, отъ излишнихъ тонкостей. Таково было положеніе греческаго театра во времена Эврипида и французской сцены при Вольтерѣ. У Эврипида есть, коли хотите, весь апаратъ античной трагедіи: хоры, метръ, героическія и божественныя личности Эсхила и Софокла. Но онъ ихъ низводитъ до чувствъ и продѣлокъ будничной жизни. Точно также и Вольтеръ, сохраняя наружную обстановку трагедій Расина и Корнеля, вводитъ въ нихъ бурную интригу, заимствованную у англійскаго театра, разныя гуманитарныя и философскія стремленія и анахронизмы. И у Эврипида, и у Вольтера различные элементы произведенія не содѣйствуютъ одному и тому же эфекту.

Цѣльные творческіе продукты стоятъ всегда въ центрѣ литературныхъ эпохъ. Въ Греціи—въ Эсхилѣ, въ Англіи—въ Шекспирѣ, во Франціи—въ Расинѣ видимъ мы такое творчество, гдѣ всѣ части произведенія совпадаютъ въ одну точку. Какъ бы различенъ не былъ родъ литературнаго произведенія, у даровитыхъ писателей видно всегда гармоническое сліяніе элементовъ, будутъ ли это басни Лафонтена, надгробныя рѣчи Боссюэта, сказки Вольтера, стансы Данте, Донъ-Жуанъ Байрона или діалоги Платона.

Остается теперь, напослѣдокъ, разсмотрѣть еще разъ искуства, изображающія вещественнаго человѣка, и разложить ихъ на составные элементы, особливо живопись, которая богаче ими, чѣмъ остальные виды классическаго творчества. Въ картинѣ прежде всего видны живыя тѣла, а въ тѣлѣ мы уже различили двѣ главныя части, общій костяной и мышечный оставъ и наружную оболочку, т. е. чувствительную кожу съ извѣстнымъ колоритомъ. Ясно, что эти два элемента должны быть въ гармоніи. Бѣлая, женственная кожа фигуръ Корреджіо не можетъ покрывать героическихъ мускулатуръ Микель-Анджело; точно тоже требованіе и для третьяго элемента:

для осанки и физіономіи. Извѣстныя улыбки идутъ только къ извѣстнымъ тѣламъ. Никогда дебелая рубенсовская Магдалина не будетъ имѣть тонкаго выраженія фигуръ Леонардо де-Винчи. Всѣ такія совпаденія принадлежатъ къ нисшему разряду; но есть гораздо болѣе глубокія и необходимыя. Каждая часть тѣла имѣетъ знаменательное значеніе, выражаетъ различные признаки. Поэтому художникъ долженъ изучить малѣйшія подробности тѣлеснаго состава для созданія энергичнаго прекраснаго тѣла.

Линіи, очерчивающія контуръ тѣла, представляютъ опять новый элементъ. Тѣло имѣетъ свою архитектуру. Всѣ части его обладаютъ особой математической мѣрой. Колебанія этой мѣры проявляютъ всегда какой нибудь отличительный характеръ фигуры. Художнику доставляется новый ресурсъ для обнаруженія своей оригинальности: одинъ беретъ маленькія головы и удлиненныя тѣла, какъ Микель-Анджело, другой—простыя монументальныя линіи, какъ Фра Бартоломео, третій—волнистые контуры, какъ Корреджіо. Даже фигура и очертаніе всей картины вліяетъ на впечатлѣніе, смотря потому: четвероугольникъ, кругъ, полукружіе представляетъ собою полотно. Одинъ и тотъ же сюжетъ, обработанный двумя живописцами, производитъ различные эфекты, смотря по направленію линій.

Послѣдній элементъ и самый главный будетъ цвѣтъ, *колоритъ*. Краски имѣютъ, какъ и линіи, свой особенный смыслъ, *помимо ихъ подражательнаго явленія*. Цвѣтная гамма, не изображая никакого реальнаго предмета, можетъ быть богата или бѣдна, изящна или тяжела. Наше впечатлѣніе измѣняется сообразно совокупности красокъ; стало быть, ихъ совокупность имѣетъ свое выраженіе. Особое достоинство каждой краски въ высокой степени важно и творчество живописца дополняется спеціальнымъ знаніемъ красокъ. Но въ этомъ элементѣ заключено опять-таки нѣсколько элементовъ. Различные тоны имѣютъ также свои диссонансы и свои созвучія. Они или притягиваютъ одинъ другаго, или взаимно исключаютъ другъ друга. Всѣ простые и смѣшанные цвѣта образуютъ по ихъ мѣстности (точно также какъ и музыкальныя ноты по ихъ послѣдованію) извѣстную гармонію. Взгляните въ Луврѣ на Эсѳирь Веронеза съ ея прелестной градаціей желтыхъ оттѣнковъ, или на Святое Семейство Джіорджіони, гдѣ такіе могучіе красные цвѣта,

начиная съ почти чернаго пурпура и до отблеска заходящаго солнца на лицѣ молодой дѣвушки, и вы поймете выразительную силу красокъ. Будетъ ли ихъ достоинство главнымъ или прибавочнымъ, онѣ представляютъ собою, во всякомъ случаѣ, особую силу, эфектъ которой долженъ согласоваться съ другими эфектами для выраженія главнаго творческаго признака.

По третьему своему принципу Тэнъ еще разъ классифицируетъ произведенія живописцевъ. Въ первоначальный періодъ художникъ не знаетъ еще, какъ достичь совпаденія эфектовъ. Таково состояніе искуства въ два первые вѣка италіянской живописи. Какой нибудь Джіотто, по таланту и по душѣ, очень подходитъ къ Рафаэлю; у него было такое же чувство гармоніи, благородства; но живописный языкъ не былъ еще созданъ, и онъ только лепеталъ, а Рафаэль уже говорилъ. Онъ не зналъ античныхъ статуй; не учился у Перуджино и во Флоренціи. Символическая живопись длится цѣлыхъ полтора вѣка, не употребляя своего главнаго элемента. Начинается второй періодъ. Ювелиры-анатомы, сдѣлавшіеся живописцами, впервые пишутъ хорошее тѣло и стройные члены; но имъ еще неизвѣстна архитектура массъ и линій, превращающая сырое живье въ прекрасную тѣлесность. Вероккіо, Палайоло, Кастаньйо создаютъ угловатыя лица, всѣ изрытыя мышцами, похожія, по выраженію Леонардо де-Винчи, на мѣшки съ орѣхами. Надо было Аполону Мессинскому ввести въ Италіи масляную живопись, чтобы блескъ и сочетаніе головъ влили жизнь и теплую кровь въ неподвижныя и тусклыя фигуры Гирландайо, Сильоретти, Креѕа, Ботицели. И только съ Леонардо де-Винчи, къ концу XV вѣка, всѣ элементы искуства сливаютъ свои силы для проявленія характера, задуманнаго художникомъ. Паденіе живописи сопровождается опять недостаткомъ слiянія эфектовъ, происходящимъ уже не отъ незнанія, а отъ потери наивности. Караччи, какъ ни бьются, но не могутъ достичь цѣльнаго творчества. Имъ вредитъ знаніе, заставляя ихъ соединять въ одномъ произведеніи такіе эфекты, какіе вовсе не слѣдуетъ сливать. Кефалъ Аннибала Караччи во дворцѣ Фарнезе снабженъ мышцами борца Микель Анджело, обиліемъ мяса, взятаго у Венеціанцевъ, и улыбающимися щеками во вкусѣ Корреджіо. Св. Севастьянъ Гвидо, въ Луврѣ, похожъ на древняго Антилоя,

облитаго свѣтомъ, который, по своему блеску, напоминаетъ манеру Корреджіо, а по синеватому тону манеру Прудона. Таже самая разноголосица поразила и фламандскую живопись, когда она начала стремиться къ итальянской манерѣ, въ произведеніяхъ художниковъ ея срединной эпохи, каковы: Михель Коксіо, Мартинъ Гемскеркъ, Францъ Флорисъ, Генрихъ Гольціусъ, Іоаннъ Роттенгаммеръ. Въ періодахъ процвѣтанія самые высокіе продукты творчества всегда обличаютъ общее совпаденіе эфектовъ; потому что цѣльное произведеніе выходитъ всегда изъ первоначальнаго корня. Первичное и господствующее ощущеніе двигаетъ и развѣтвляетъ до безконечности сложную растительность эфектовъ. У Беато Анджелико, напримѣръ, всегда видѣніе сверхестественнаго илюминатства и мистическое познаніе небеснаго блаженства. У Рембрандта всегда идея умирающаго свѣта во взаимной темнотѣ и скорбное чувство раздирающей дѣйствительности. Точно также идея одного и того же порядка опредѣляетъ и настроиваетъ характеръ линій, выборъ типовъ, компоновку группъ, выраженій, жеста, колорита у Рубенса и Рюисдаля, у Пуссена и Лессюэра, у Прудона и Делакруа. Жизнь одинакова въ произведеніяхъ генія и въ продуктахъ природы. И въ тѣхъ, и въ другихъ наблюденіе подтверждаетъ существенныя совпаденія и взаимныя зависимости; но не можетъ еще разъяснить всѣхъ подробностей творчества.

Кончивши свой анализъ, Тэнъ бросаетъ проницательный взглядъ на систематику, вытекающую изъ него.

„Великое произведеніе творчества, завершаетъ онъ свои обобщенія, есть то, въ которомъ самая большая сила получаетъ самое большее развитіе. На языкѣ живописца высшее произведеніе есть то, гдѣ признакъ, имѣющій въ природѣ наибольшую важность, получаетъ въ искуствѣ самый значительный придатокъ своему достоинству. Позвольте мнѣ сказать вамъ тоже самое менѣе техническимъ языкомъ. Наши учители — греки, и въ этомъ учатъ насъ теоріи искуства, какъ и во всемъ прочемъ. Посмотрите вы на послѣдовательныя превращенія творчества, воздвигшія въ ихъ храмахъ: на Jupiter mansuetus, на Венеру Милосскую, на Діану охотницу, на Юнону виллы Людовидзи, на Парѳенонскихъ Парокъ и на всѣ тѣ совершенные образы, показывающіе намъ даже въ разбитыхъ остаткахъ преуве-

личенія и немощь нашего искуства. Три шага въ ихъ творчествѣ — какъ разъ три ступени, приведшія насъ къ нашей доктринѣ. Въ началѣ ихъ боги ничто иное, какъ основныя и глубокія силы вселенной: земля всеобщая мать, подземные титаны, текущія рѣки, дождливый Юпитеръ, Геркулесъ-солнце. Немного позднѣе тѣ же самые боги проявляютъ свою скрытую человѣчность въ рьяныхъ усиліяхъ природы, и воинственная Паллада, цѣломудренная Артемизія, освободитель Аполонъ, Геркулесъ-укротитель чудовищъ — всѣ эти благотворныя силы образуютъ благородный хоръ совершенныхъ фигуръ, возведенныхъ поэмами Гомера на золотые троны. Вѣка протекли прежде, нежели они сошли на землю. Надо, чтобы линіи и пропорціи долго обнаруживали ихъ свойства и могли бы поднять тяжесть божественной идеи. Наконецъ, пальцы человѣка напечатлѣваютъ на мѣди, бронзѣ и мраморѣ безсмертную форму, и первичное творчество, сначала выработанное въ матеріяхъ храмовъ, потомъ преображенное въ грезахъ пѣвцовъ, достигаетъ своего завершенія подъ рѣзцомъ ваятеля."

Читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я сдѣлалъ полное изложеніе эстетической доктрины Тэна. Можно было бы, конечно, охарактеризовать ее въ двухъ, трехъ словахъ; но такое поверхностное отношеніе къ предмету я считаю совершенно неприличнымъ.

Найдутся, можетъ быть, скептики, которые скажутъ: „да, помилуйте, тутъ нѣтъ ничего новаго. Мы все это давнымъ давно знали изъ всевозможныхъ эстетикъ и теорій словесности; всѣ эти періоды паденія и процвѣтанія и т. д., и т. д."

Въ сущности (какъ любятъ выражаться русскіе люди), въ курсѣ Тэна дѣйствительно нѣтъ ничего новаго; т. е. въ смыслѣ матеріала и результатовъ оцѣнки. Но въ этомъ направленіи вовсе и не требуется новизны. Неужели Тэнъ выигралъ бы въ умахъ своихъ современниковъ неистовымъ ниспроверженіемъ разныхъ эстетическихъ многовѣковыхъ приговоровъ? Неужели сдѣлался бы онъ болѣе самостоятельнымъ изслѣдователемъ, еслибы объявилъ, что Венера Милосская просто каменный обрубокъ; а Сикстинская Мадонна годна развѣ для цырульной вывѣски?

Нечего и отвѣчать на такое предположеніе! Тэна мы охарактеризовали, какъ критика *по преимуществу*, какъ критика на-

клоннаго къ систематизаціи посредствомъ *точнаго* анализа. Намъ нуженъ его методъ, для насъ важны его пріемы. И тутъ онъ, безспорно, выступаетъ какъ самостоятельный умъ. Мнѣ не нужно повторять опять того пути, по которому идетъ его критическое мышленіе. Оно цѣльно и заключено. Не смотря на неизбѣжныя въ лекціяхъ повторенія, это не пустая болтовня, а ясно обдуманная система.

Теорія идеала, хотя и концентрируетъ всю эстетику Тэна, но она сразу же устраняетъ всякую полемику о правахъ гражданства, присущихъ или неприсущихъ искуству. На страницахъ „Всемірнаго Труда“ вопросъ этотъ былъ уже разбираемъ, и одинъ изъ почтенныхъ сотрудниковъ журнала, г. Эдельсонъ, выяснилъ то здоровое воззрѣніе, какое Тэнъ имѣетъ на область творчества. Въ очень многихъ мѣстахъ лекцій объ идеалѣ, Тэнъ напираетъ на результаты своей критической систематики, показывающіе каждый разъ, что искуство *выше* дѣйствительности, занимательнѣе ея для проявленія главныхъ признаковъ эпохи, идеи, индивидуальнаго характера или пластическихъ формъ. Я лично, конечно, уже не стану полемизировать съ такимъ положеніемъ; но считаю необходимымъ заявить здѣсь, что полемика по вопросу отношенія изящнаго творчества къ реальной жизни до тѣхъ поръ не приведетъ ни къ чему путному, пока полемизирующія стороны не измѣнятъ метода своего мышленія. Слова мои относятся ко всѣмъ нашимъ критикамъ и публицистамъ, *безъ исключенія.*

До сихъ поръ никто не догадался сказать очень простую вещь, что авторъ „Эстетическихъ отношеній искуства къ дѣйствительности“ —(этого символа вѣры нѣкоторыхъ русскихъ реалистовъ), полемизируя съ нѣмецкими эстетиками, самъ такой же завзятый метафизикъ, какъ и они. Чѣмъ онъ занимается? Въ чемъ заключается ядро его дисертаціи? Въ опредѣленіи *сущности* искуства, т. е. другими словами, въ отысканіи *конечной причины* изящнаго творчества. Всякому уму, слѣдующему въ своемъ мышленіи положительному методу, ясно, что коль скоро куда нибудь забрела какая бы то ни была entité, тамъ никакого толку быть не можетъ. Вы будете полемизировать тысячу лѣтъ сряду, переворачивать тысячу разъ на разные лады вопросъ: „настоящее яблоко хуже или лучше

нарисованнаго?“ и никогда не выбьетесь изъ вашихъ метафизическихъ сѣтей. Г. Чернышевскій (я не вижу причины, почему скрываютъ имя автора „Эстетическихъ отношеній“, когда эта дисертація была даже публично защищаема имъ) ко времени своего магистерскаго экзамена былъ какъ есть *словесникъ* со скептическимъ умомъ, наклоннымъ къ діалектикѣ, какъ всѣ даровитые люди того сословія, изъ котораго онъ вышелъ. Онъ сначала подвергалъ произведенія гоголевскаго періода русской литературы *чисто-критической* оцѣнкѣ, почему и былъ на здоровой почвѣ, а потомъ, побуждаемый ложной необходимостью разрѣшать *суть* вопросовъ, додумался до построенія отрицательной доктрины, въ которой исходная точка представляетъ собою праздную забаву тревожнаго ума. Противники г. Чернышевскаго, *всѣ безъ исключенія*, поступаютъ съ этимъ точно также, какъ онъ съ нѣмецкими эстетиками, т. е. хотятъ во что бы то ни стало доказать, что *суть* искуства заключается въ томъ, а не въ другомъ, въ *иксѣ*, а не въ *игрекѣ*!..

Необходимая, но печальная картина человѣческаго разумѣнія! Не проще ли бы было сказать по этому поводу слѣдующее: „Влѣзть внутрь того, что называется творчествомъ, никто изъ насъ не можетъ, по той простой причинѣ, что даже индивидуальный процесъ его въ человѣкѣ не выясненъ наукою.“ Предположимъ даже, что искуство не только ниже дѣйствительности, но даже и не можетъ быть съ нею сравниваемо, та́къ оно низменно по своимъ качествамъ! Развѣ это мѣняетъ что нибудь въ его положительномъ значеніи, въ присущихъ ему законахъ развитія? Какой здоровой головѣ приходило на мысль писать дисертаціи на вопросъ: „*что́ выше наука или дѣйствительность*?“ Какъ бы мы стали разрѣшать этотъ вопросъ, когда то́, что называется *наукой*, т. е. іерархическая послѣдовательность законовъ, совсѣмъ никакого и касательства не имѣетъ къ нашимъ поискамъ абсолютнаго, и можетъ быть опредѣлена только въ той мѣрѣ, до какой мы доработались въ различныхъ ея областяхъ. Но еслибы даже какой нибудь праздный мудрецъ и убѣдилъ всѣхъ насъ, что наука ниже дѣйствительности, развѣ это въ чемъ нибудь измѣнило бы ея атрибуты, присущую ей область, пріемы мышленія, наблюденія и опыта? Инеужели весь грамотный міръ не сталъ бы смѣяться, еслибы поступательное шествіе знанія подверглось колебанію

отъ того только, что вышла книжка: „*Что ниже жизнь или наука?*“

Поэтому-то я и не придаю никакого особаго значенія тому, что Тэнъ, въ своихъ лекціяхъ объ идеалѣ, не упускаетъ случая: *подтвердить превосходство искуства надъ дѣйствительностью.* Съ этого заявленія и начинается у него рядъ противорѣчій, въ которыя онъ долженъ былъ неминуемо впасть, потому что не удержался на чисто-критическомъ пути. Онъ, какъ критикъ, обязанъ подвергнуть тщательному анализу всѣ элементы изящнаго творчества; но ему вовсе не слѣдуетъ вдаваться въ разрѣшеніе такого вопроса, который самъ по себѣ уничтожаетъ идею искуства. До тѣхъ поръ, пока вопросъ самостоятельности или превосходства творчества не будетъ окончательно брошенъ, какъ пустой и вздорный, до тѣхъ поръ эстетическая критика, стремящаяся завершить свою работу синтезомъ, будетъ лишена всякаго смысла. Или явленіе существуетъ, или оно не существуетъ. Разверните исторію любой науки. Гдѣ же вы увидите, чтобы съ того момента, когда началось ея поступательное шествіе, человѣчество тратило мозги и чернила на вопросъ преимущества физики предъ астрономіей или физіологіи предъ механикой и ничего бы не дѣлало въ тоже время по открытію законовъ, составляющихъ данную науку? Одно изъ двухъ: или критикамъ и систематикамъ искуства нужно сознаться, что они пребываютъ еще въ *метафизической фазѣ*, соотвѣтственной въ исторіи науки періоду *алхиміи*, или имъ нужно проститься съ безплодной діалектикой и бросить за бортъ весь чемоданъ своихъ сущностей и конечныхъ причинъ.

Тэнъ, обладая блестящимъ критическимъ чутьемъ, конечно бы не позволилъ себѣ такихъ непослѣдовательностей, еслибъ систематика его находила себѣ поддержку въ прочномъ міровоззрѣніи. Пока человѣкъ просто *судебный слѣдователь*, въ какой бы то ни было сферѣ, ему достаточно запаса точныхъ свѣденій, и только! Но когда онъ изъ своего слѣдствія желаетъ построить систему или доктрину, тутъ уже мало однихъ критическихъ пріемовъ.

А что такое Тэнъ, какъ *систематическій* мыслитель? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ многіе французскіе критики и публицисты. Одни называютъ его атеистомъ; но это не есть полное міровоззрѣ-

ніе. Другіе называютъ его реалистомъ; это уже совсѣмъ не система. Третьи обзываютъ его (быть можетъ не безъ основанія) пантеистомъ. Несомнѣнно то, что его никакъ нельзя подвести ни подъ понятіе того quasi-систематическаго матеріализма, какой мы видимъ у нѣмецкихъ мыслителей—натуралистовъ, ни того *реализма*, какой солидаренъ съ дисертаціей г. Чернышевскаго.

Да проститъ мнѣ читатель мое, можетъ быть, *неизящное* опредѣленіе; но я его выдумалъ не для краснаго словца. Тэнъ, по моему— „*недопеченый* позитивистъ.“ Онъ какъ разъ остановился на перепутьи между результатами точнаго анализа и принятіемъ тѣхъ началъ мышленія, безъ которыхъ всякое философское зданіе рушится. Изучите его исторію англійской литературы, его другіе критическіе труды, его „Философовъ XIX вѣка“ (гдѣ онъ, между прочимъ, такъ легкомысленно отозвался о позитивизмѣ, смѣшивая мистицизмъ г. Лафита и К° съ раціональнымъ позитивизмомъ), и вы придете къ этому убѣжденію, если только вамъ извѣстны основы положительнаго мышленія ([1]).

Тэнъ какъ бы полемизируетъ съ ними, какъ бы не удовлетворяется позитивными воззрѣніями. Но намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы судимъ объ немъ не по личной его оцѣнкѣ той или другой системы; а по пріемамъ его мышленія. Не угодно ли прислушаться, *какъ* онъ резюмируетъ идеалъ метода въ своей книгѣ: „Французскіе философы XIX вѣка.“

Онъ строитъ теорію *типовъ* и проводитъ ее по всѣмъ сферамъ знанія и жизни. Въ каждой группѣ фактовъ, предметовъ или явленій онъ считаетъ необходимымъ выдѣленіе, посредствомъ *абстракціи*, какого нибудь общаго факта. Поднимаясь все выше и выше, методъ Тэна останавливается на нѣсколькихъ самыхъ общихъ *формулахъ*, представляющихъ, по его мнѣнію, квинтъэссенцію науки и міровоззрѣнія. Все исчезаетъ, остаются только

([1]) Кромѣ этого смѣшенія Тэнъ позволилъ себѣ клевету, которую повторяютъ всѣ почти полемизаторы, противные позитивизму, говоря, что позитивисты: «se bornent à noter la somme et la direction des réactions chimiques et des actions physiques qui composent la vie (Préface, p. V).»

опредѣленія человѣка, животнаго, растенія, химическаго вещества, физическихъ законовъ, астрономическаго тѣла. Но и въ самыхъ этихъ опредѣленіяхъ мы открываемъ будто бы первичный и единственный *фактъ*, откуда вытекаетъ все остальное. „Мы открываемъ единство міра и понимаемъ что̀ его производитъ." Это единство вытекаетъ изъ *общаго факта*, подобно тому какъ изъ закона притяженія вытекаютъ всѣ феномены тяжести. Конечная цѣль науки есть *этотъ* верховный законъ. На вершинѣ всѣхъ вещей, на высотѣ „*недосягаемаго и свѣтозарнаго эѳира*" произносится вѣчная аксіома. Всякая форма, всякое измѣненіе, всякое движеніе, всякая идея—ея *акты*. Она существуетъ во всѣхъ вещахъ и ничѣмъ не ограничена. Всякая жизнь есть одинъ изъ ея моментовъ; всякое существо одна изъ ея формъ.

„Да, это—*пантеизмъ*," закричатъ со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ-съ, вовсе не пантеизмъ. Это собственныя фантазіи на подкладкѣ искаженнаго позитивизма. Тэнъ сначала идетъ въ своемъ критическомъ анализѣ путемъ, установленнымъ положительнымъ мышленіемъ. Онъ признаетъ также іерархію явленій, фактовъ и законовъ, выдумывая только слово *типъ*. Но дойдя до извѣстнаго предѣла, его іерархія вмѣсто того, чтобы осложняться, какъ это происходитъ въ природѣ и въ точномъ міровоззрѣніи, все упрощается и доходитъ, какъ читатель видитъ, до голословной діалектики, имѣющей пантеистическую внѣшность и *закваксу* матеріализма, ибо никто такъ не хлопочетъ объ единствѣ силъ въ природѣ, какъ матеріалисты.

Тяпкины-Ляпкины во всѣхъ сферахъ мысли, знанія и жизни вредятъ самымъ лучшимъ своимъ побужденіямъ и дѣйствіямъ. Додумываться до всего „собственнымъ умомъ", какъ достолюбезный гоголевскій судья, хорошо, можетъ быть, для проникновенія въ глубины Іоанна Масона; но въ дѣлѣ философской систематики оставаться на полъ-пути съ плохо пропеченной доктриной — не годится.

И такъ во всѣхъ своихъ начальныхъ пріемахъ Тэнъ желаетъ идти путемъ положительнаго анализа. Съ другой стороны, въ обобщеніяхъ по исторіи искуства (какъ это мы и видѣли въ лекціяхъ объ идеалѣ) онъ прямо-таки цѣликомъ заимствуетъ у Огюста

Конта его опредѣленія соціальной *статики* и *динамики*, примѣняя ихъ къ основнымъ и двигательнымъ элементамъ творчества. Но неискреннее отношеніе Тэна къ позитивизму бьетъ его же собственное зданіе.

Припомните, что, установляя доктрину идеала, онъ беретъ принципъ іерархіи признаковъ изъ естествовѣденія. Этотъ пріемъ можетъ очень понравиться нашимъ реалистамъ; и дѣйствительно, какъ *чисто-критическій* пріемъ, такая паралель талантлива и умна. Но какъ только критикъ, достигши посредствомъ ея нужнаго ему разъясненія, возводитъ ее въ главную основу всей своей систематики, онъ рушитъ сверху до-низу всю свою постройку, и вотъ *почему*:

То, что называется міромъ искуства, принадлежитъ къ явленіямъ *колективной* жизни человѣчества. Этого оспаривать никто не станетъ. Если соціологія, т. е. наука о движеніи человѣческихъ обществъ, не выработалась еще во всѣхъ своихъ частяхъ, то несомнѣнно, что *методъ*, присущій ей, установленъ прочно и незыблемо. Этотъ методъ вытекаетъ изъ пріемовъ *біологіи*, т. е. науки объ индивидуальномъ существѣ лишь на столько, на сколько связываются между собою всѣ области позитивнаго знанія и мышленія. Ясно, что еслибы мы хотѣли заѣзжать въ соціологію или даже въ біологію (по тому ея отдѣлу, къ которому относятся *эстетическія способности* человѣка) съ методомъ и пріемами, пригодными для разрѣшенія болѣе *простыхъ* явленій неорганической и органической природы, мы сдѣлали бы громаднѣйшій философскій и научный промахъ. На этомъ-то промахѣ какъ разъ и помѣшался Тэнъ въ своей теоріи *признаковъ*. Ограничься онъ примѣненіемъ научнаго метода изъ области біологіи къ *индивидуальнымъ* эстетическимъ явленіямъ, онъ былъ бы внѣ всякаго упрека. Но, установивши свою паралель, онъ совершенно произвольно и незаконно проводитъ ее чрезъ *всю* лѣстницу самыхъ сложныхъ общественныхъ феноменовъ чисто-*колективнаго* характера, потому что рѣчь идетъ у него не только о цѣлыхъ періодахъ, но о цѣлыхъ эпохахъ и расахъ человѣчества. Да и въ первоначальномъ-то пріемѣ Тэна, т. е. въ выборѣ соотвѣтственнаго метода естественныхъ наукъ, есть большой философскій и научный

порокъ, хотя бы даже примѣненіе метода и сдѣлано было надлежащимъ образомъ, т. е. къ подходящей области изящнаго творчества. Припомните, что онъ беретъ примѣры какъ изъ неорганической, такъ и изъ организованной природы; а это совсѣмъ не одно и тоже. Никто не давалъ права Тэну обращаться такъ произвольно и *фамильярно* съ двумя областями, между которыми лежитъ строго обособленная новая функція: *структура*, *организація*, присущая только міру біологическихъ тѣлъ. Слѣдовательно, ученіе о признакахъ нельзя проводить *цѣликомъ* сквозь два отличныхъ другъ отъ друга міра, потому что самый характеръ признаковъ измѣняется въ организованной матеріи и требуетъ совершенно иныхъ пріемовъ изслѣдованія. Тэнъ взялъ все это съ черезъ-чуръ общей точки зрѣнія опять-таки по неискренности своего отношенія къ положительному мышленію.

Но я, не обинуясь, скажу, что, не смотря на этотъ капитальный недостатокъ, систематизація Тэна все-таки служитъ интересамъ точной критики и установленію феноменовъ искуства на позитивныхъ основахъ. Тэнъ смѣшиваетъ методы, но въ крупныхъ чертахъ идетъ здоровымъ путемъ, желая вездѣ и во всемъ опредѣлить равнодѣйствующую силъ, которая, по его метафизикѣ, ведетъ къ единству „эѳирной высоты“, а по нашему, къ опредѣленію и установленію *закона*.

Несомнѣнная его заслуга заключается въ томъ, что онъ вездѣ и во всемъ ищетъ самаго существеннаго *признака* и безъ особыхъ натяжекъ приходитъ къ необходимости вставить эти признаки въ опредѣленную іерархію. Но Тэнъ забылъ, что есть въ точномъ мышленіи одинъ державный принципъ, который могъ бы незыблемо утвердить его доктрину, еслибы онъ вполнѣ примѣнялся къ ней. Тэнъ не хочетъ позволять себѣ апріорическихъ положеній, прежде нежели дойдетъ до прочнаго установленія какого нибудь общаго *факта*, въ данномъ случаѣ, характернаго *признака*. Такъ какъ онъ прибѣгъ къ аналогіи съ методомъ естествознанія, то мы вправѣ спросить его: „а въ какую формулу вставляете вы опредѣленіе вашего общаго факта, вашего характернаго признака?“ На это, изложеніе Тэна отвѣта не даетъ. Можно однакожъ ему помочь. Общій фактъ, характерный признакъ тогда только полу-

чаетъ значеніе въ наукѣ, когда онъ вставленъ въ формулу *закона*. Другаго пути ни въ знаніи, ни въ мышленіи быть не можетъ. Самъ же Тэнъ призываетъ науку въ помощь искуству. Слѣдовательно ему вовсе неприлично уклоняться отъ державнаго, главнѣйшаго пріема точнаго знанія. А что нужно для установленія закона? Нужно, чтобы извѣстный фактъ, извѣстный феноменъ повторялся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ совершенно одинаковымъ образомъ. Это опредѣленіе обнимаетъ собою самое полное понятіе закона. Не знаю, было ли оно извѣстно Тэну, когда онъ читалъ свои лекціи; но онъ могъ и не зная его такъ обставить формулу *признака*, что она была бы аналогична съ первой. Такое совпаденіе было бы тѣмъ удачнѣе для Тэна и тѣмъ знаменательнѣе для его реальной эстетики, что формула закона и есть одна изъ тѣхъ основъ, которыя одинаково обязательны для всѣхъ *сферъ* природы, индивидуальной и колективной жизни. Но *признаки* Тэна, въ смыслѣ формулы, носятъ совсѣмъ иной характеръ. Тэнъ понимаетъ іерархію въ интересахъ подчиненности и, главное, все большаго и большаго *упрощенія*. Поэтому-то онъ, ходя „вокругъ да около“ положительнаго метода, желая даже вставить понятіе признака въ формулу естественнаго закона, не можетъ высвободиться изъ тенетъ литературно-пантеистической діалектики.

Большая заслуга Тэна заключается въ той твердости, съ какою онъ поддерживаетъ необходимость признавать приговоры, создавшіеся вѣками, и отводить разнымъ произведеніямъ одного и того же искуства строго обозначенное мѣсто. Этотъ принципъ противорѣчитъ какъ бы началу *относительности*, необходимому въ каждомъ реальномъ изученіи. Онъ противорѣчитъ какъ бы и позитивному установленію доктрины закона, потому что въ природѣ и въ познаваніи ея нѣтъ ни крупныхъ, ни мелкихъ феноменовъ, а есть такіе, какіе есть. Но равное значеніе, какое имѣютъ законы для положительнаго мышленія, вовсе не уничтожаетъ необходимости группировать феномены въ отдѣльныя области и этимъ областямъ отводить различное мѣсто. Никакъ нельзя утверждать, что математика стоитъ на одинаковомъ уровнѣ съ біологіей, потому что математика занимается самымъ простымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ фе-

номеновъ: *функціей* въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ; а біологія сложнѣйшими явленіями организованной жизни.

Слѣдовательно іерархія произведеній даннаго искуства не противорѣчитъ ни реализму, ни положительному мышленію. Другой вопросъ: *съ какого конца* начинать ее и чѣмъ; какими произведеніями завершать ее?

„Какъ! воскликнутъ многіе черезъ-чуръ рьяные прогресисты, мы должны слѣдовать классификаціи г. Тэна и падать ницъ передъ произведеніями какихъ нибудь грековъ, которые, въ сравненіи съ нами, были невѣжды и варвары? Никогда!“

Вопросъ этотъ, хоть онъ и очень не новъ „весьма деликатнаго свойства“, и вы его не разрѣшите никакими литературно-діалектическими тонкостями до тѣхъ поръ, пока не сведете его на почву позитивную.

Сначала кажется (и съ положительной точки зрѣнія), что обращаться къ пережитымъ идеаламъ вовсе не слѣдуетъ. Подогрѣвать новую жизнь умершими формами—значитъ поступать противно законамъ общественной динамики, въ которой силы обратнаго хода не имѣютъ. Но та же соціологія опредѣлила высокое, прогресирующее значеніе различныхъ общественныхъ феноменовъ, до которыхъ человѣчество доработывалось, въ извѣстные моменты. Такъ напр. раздѣленіе свѣтской и духовной власти, въ средневѣковьи, представляетъ собою такой совершенный типъ идеи дуализма, выше котораго въ этомъ смыслѣ человѣчество уже не создастъ, потому что оно вошло теперь въ другую фазу развитія. Безумно было бы желать передѣлки современной жизни по идеаламъ средневѣковья; но возвышенность и послѣдовательность средневѣковаго двоевластія остается во всей своей силѣ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ моментовъ прогреса и какъ главная равнодѣйствующая извѣстнаго порядка динамическихъ двигателей. Теперь предположите, что какая нибудь область творчества или жизни должна, *по самой своей природѣ*, развиваться въ средневѣковомъ духѣ. Вы поставлены будете въ необходимость указать для этой области на средневѣкокое двоевластіе, какъ на идеальный, высшій типъ развитія.

Вотъ вамъ полное оправданіе принципа, защищаемаго Тэномъ, я

говорю—*принципа*, а не *систематики въ ея подробностяхъ.*

На вопросъ же: почему именно греческія статуи, Иліада, Псалтырь и итальянская живопись возрожденія стоятъ на вершинѣ іерархіи, слѣдуетъ отвѣчать двояко:

Тэнъ, поступая вполнѣ раціонально (хотя и не первый на этомъ пути), постарался сначала опредѣлить существенныя свойства пластики, т. е. ваяніе и живописи. Спорить съ нимъ, въ этомъ отношеніи, было бы только заявлять свой собственный задоръ, и ничего больше. Скульптура и живопись занимаются тѣломъ, формами; слѣдовательно, чѣмъ больше онѣ заходятъ въ горнія области, тѣмъ менѣе выполняютъ свою собственную задачу. Положительное мышленіе нисколько не противорѣчитъ этому опредѣленію. Напротивъ, чѣмъ научнѣе будете вы обработывать исторію прогреса, тѣмъ яснѣе вы докажете, что античный міръ и итальянцы возрожденія сказали свое послѣднее слово въ дѣлѣ физической красоты и всецѣло развитой тѣлесности.

Между нашими любителями византійскаго древнерусскаго искуства такой абсолютизмъ, конечно, подниметъ гвалтъ. Весьма почтенные люди, изучавшіе пластическое творчество, можетъ быть не менѣе Тэна остаются все-таки съ своими личными пристрастіями къ византійщинѣ. Для этихъ археологовъ-эрудитовъ милѣе всего въ итальянской живописи Гирландайо и его сверстники (въ Москвѣ, почему то, имя его превращаютъ въ женскій родъ, произнося Гирландайя). Я не отрицаю, что изученіе символической, безплотной, визнтійско-русской иконографіи имѣетъ относительный интересъ для опредѣленія религіознаго строя въ данную эпоху. Съ этой точки зрѣнія и Тэнъ весьма талантливо отводитъ мѣсто символическому искуству, хотя, можетъ быть, слишкомъ en bloc, безъ подробностей, пріятныхъ сердцу византіелюбцевъ. Но вѣдь эти *византіелюбцы* строятъ свою особенную эстетику, утверждая, что настоящая-то пластика и заключается въ водяночныхъ черепахъ и желто-бурыхъ фигурахъ съ муміеобразными посадками. Полемизировать съ такими господами совершенно лишнее. Самое же ихъ появленіе показываетъ только, что метафизическая эстетика мирится со всякой уродливостію личныхъ пристрастій и вкусовъ. Слѣдуя доктринѣ Тэна, вы, конечно, не

будете стоять на колѣняхъ предъ византійскимъ искуствомъ. А по нѣмецкимъ книжкамъ можно придти куда угодно.

Но въ области поэзіи іерархія Тэна вѣрна, правда, его доктринѣ; но нуждается въ значительныхъ поправкахъ, если взглянуть на нее съ позитивной точки зрѣнія. Такъ какъ Тэнъ идетъ во всемъ отъ менѣе крупныхъ къ болѣе крупнымъ признакамъ, оцѣнивая эту крупность ея *первобытностью, первичностью*, то весьма естественно, что онъ останавливается въ своей іерархіи на самыхъ элементарныхъ, самыхъ общихъ движеніяхъ и идеалахъ души человѣческой. Повторяю, это весьма послѣдовательно; но къ счастію оно невѣрно! Произведенія поэтическаго генія находятся въ органической неразрывной связи съ интелигентнымъ движеніемъ человѣчества. Пластика имѣла державнымъ культомъ своимъ форму, вещество, тѣло. Поэзія въ величайшихъ своихъ произведеніяхъ выражала совокупность всей эпохи или цѣлой расы. Съ этимъ согласенъ и Тэнъ. Тѣ произведенія, которыя онъ считаетъ самыми крупными, самыми общими, вовсе не вбираютъ въ себя всѣхъ элементовъ человѣческаго прогреса, на сколько онъ сказался до сегодня. Допустимъ, что Иліада, Псалтырь „Подражаніе Іисусу Христу“ крупные продукты творчества, какъ выразители самыхъ характерныхъ признаковъ не только эпохъ въ отдѣльномъ народѣ, но и общенародныхъ, общечеловѣческихъ духовныхъ признаковъ. Но научная обработка соціологіи прямо противорѣчитъ возведенію на высшую ступень *поэтической* іерархіи литературныхъ продуктовъ: первыхъ двухъ фазъ развитія. *Это не формализмъ, а настоящее дѣло!* Въ воспроизведеніи тѣла есть извѣстный предѣлъ, дальше котораго вы не пойдете, что и доказали: античное ваяніе и итальянская живопись. Въ области же поэзіи, проявляющей всю совокупность духовно-нравственной жизни человѣчества—*ни въ какой моментъ исторіи высшихъ предѣловъ поставить нельзя*. Можно только доказать вполнѣ точнымъ путемъ, что поэтическое творчество позитивной фазы, въ которую мы теперь вступили, должно стоять eo ipso выше продуктовъ средневѣковой и античной культуры. Фауста нельзя никоимъ образомъ поставить ниже Одиссеи или индѣйскихъ религіозныхъ поэмъ. Если же Тэнъ возразилъ бы намъ, что въ Гомерѣ и въ другихъ первобытныхъ продуктахъ поэтическаго творчества больше *пласти-*

ки и яркой *изобразительности*, то мы его побили бы его же оружіемъ, сказавши, что объектъ поэзіи не форма, не прекрасная тѣлесность; а внутренній, *нравственный* человѣкъ, взятый единично или колективно.

Я чувствую, однакожъ, что вопросъ о пластикѣ не разрѣшенъ мною для многихъ друзей реальности и утилитаризма.

„Помилуйте, закричатъ съ разныхъ сторонъ, да вѣдь если признать пластическую іерархію Тэна, то придется сжечь двѣ трети произведеній новѣйшей живописи, т. е. все, что относится къ *жанру*, къ реальному изображенію дѣйствительности! Въ чемъ же будетъ заключаться гуманитарное, образовательное, *полезное* значеніе искуства. Послѣ того все, что написалъ Прудонъ въ своей книгѣ „Объ искуствѣ“ по поводу картинъ Курбе, чистѣйшая чепуха!“

Тэнъ, вѣроятно, и самъ не меньше насъ съ вами, читатель, сознавалъ неизбѣжность такихъ протестовъ, и все-таки онъ съ логической, мало того, *почти* съ научно-объективною послѣдовательностію, установилъ свою іерархію произведеній пластики. Его вина не заключается вовсе въ томъ, что онъ не поставилъ реалистской живописи, даже въ ея крупнѣйшихъ моментахъ (какъ напримѣръ въ Рембрандтѣ) на высшую ступень іерархической лѣстницы. На это онъ имѣлъ полнѣйшее право. Въ точномъ изслѣдованіи нужно руководствоваться идеей *закона*, а не временными симпатіями своей эпохи. Весьма близоруки и скудны умомъ тѣ изъ соотечественниковъ Тэна, которые обзываютъ его и его послѣдователей безумными эгоистами, говоря, что для мыслителей, какъ Тэнъ, нѣтъ ни добра, ни зла, ни вреда, ни пользы, что они бьются только изъ-за системы и оправдываютъ всякій *успѣхъ*, объясняя его исторической необходимостью и настроеніемъ эпохи.

Такія нападки обличаютъ узкое филистерство или мелкую личную зависть. Тэнъ, какъ независимый изслѣдователь, не хочетъ приступать къ своимъ критическимъ работамъ съ предвзятыми симпатіями; почему онъ и не руководствуется соображеніемъ, какой родъ живописи *полезнѣе*, или вреднѣе для современнаго прогреса? Онъ преслѣдуетъ объективную цѣль: опредѣлить настоящіе атрибуты пластики, и достигаетъ ее. Читатель видѣлъ изъ моего изложенія, что Тэнъ занимается проявленіемъ *нравственнаго* человѣка въ

живописи, не только съ безпристрастіемъ, но и съ одушевленіемъ. Припомните, какъ талантливо и ярко характеризуетъ онъ существенные признаки творчества реалистовъ: Рембрандта и Рубенса, упрекнуть его въ полномъ индиферентизмѣ никакъ нельзя при мало-мальской добросовѣстности. Онъ безусловно правъ, доказывая, что и въ самыхъ произведеніяхъ реальнѣйшей живописи, изображающей заурядную жизнь со всей ея грязью и пошлостью, существенный признакъ все-таки заключается въ пластикѣ, т. е. въ тѣлесности, въ чувствѣ здоровья, плоти и крови.

Я стану однако-жъ на точку зрѣнія людей, которымъ дорого просвѣтительное, полезное значеніе современнаго искуства. Я понимаю, что ихъ тенденціи не удовлетворены доктриной Тэна. Дѣйствительно, Тэнъ не сказалъ ничего лишняго, онъ не сдѣлалъ никакой натяжки въ іерархіи пластическихъ произведеній; но онъ *не досказалъ* многаго такого, что слишкомъ дорого для друзей прогреса.

Пойдемте на Марсово поле и остановимтесь въ залѣ русской живописи. Всѣ картины извѣстны нашей публикѣ, я не стану ихъ описывать; но я намѣчу ихъ расположеніе. Вы пройдете изъ срединаго прохода, со стороны Италіи. Налѣво висятъ: „Княжна Тараканова,“ „Неровный Бракъ“ и *жанры* Перова. Направо, среди разнохарактерныхъ рисунковъ и картинъ, двѣ вещи Бронникова: „Горацій, читающій свои оды“ и „Аппеллесъ, выбирающій натурщицу.“ Слѣдуя Тэну, я спрошу въ какихъ произведеніяхъ сказывается больше главный *признакъ* русской современной живописи? Конечно, въ реальномъ мастерствѣ, изображающемъ бытъ, породившій самаго художника. Зрители всегда толпятся налѣво. Къ римскимъ же и греческимъ фигурамъ г. Бронникова всѣ остаются равнодушны. Есть, стало быть, въ современной культурѣ такіе моменты, которые существенно измѣняютъ роль пластики. Тэнъ, не отказываясь отъ основнаго своего принципа, могъ бы дать своей критической работѣ большее *протяженіе* и точнѣе опредѣлить законы подчиненія пластики вліянію идей и нравственнаго чувства. Тогда реалисты и утилитаристы были бы успокоены, и самое мѣсто, занимаемое реальной живописью въ іерархіи Тэна, было бы полнѣе и яснѣе обозначено. Мало того, существуетъ возможность согласить

іерархію Тэна съ соціально-нравственными тенденціями въ живописи. Вы хотите служить прогресу посредствомъ пластическихъ изображеній—прекрасно! Но развѣ необходимо заключаться въ воспроизведеніи формъ одной болѣзненной, уродливой, смѣшной тѣлесности? Пишите самые чистые и высокіе типы вашей расы и эпохи, одушевляйте ихъ чистѣйшимъ огнемъ нравственныхъ совершенствъ, до какихъ только достигъ человѣческій духъ; вы будете точно также служить *цивическимъ* цѣлямъ, нравственному и даже, если хотите, матерьяльному преуспѣянію роднаго вамъ общества...

Кромѣ вопроса *полезности* крайне-реалистская школа раззадорится пожалуй и принципомъ *подчиненности*, проведеннымъ въ доктринѣ Тэна, какъ по области пластики, такъ и по сферѣ поэзіи. Тэнъ приходитъ къ выводу, что не только живописное, но и литературное изображеніе *отрицательныхъ* сторонъ тѣлесной формы или нравственнаго склада гораздо ниже сортомъ, чѣмъ такъ называемое *идеальное творчество*. Полное рѣшеніе этого вопроса въ соціологическомъ смыслѣ въ настоящее время еще невозможно, но въ чисто-творческомъ, *техническомъ* анализъ Тэна вполнѣ удовлетворителенъ. Поэтому, художниковъ во всѣхъ сферахъ искуства никакъ нельзя ставить на одну доску, какъ этого желали бы нѣкоторые мечтатели. И нигдѣ вѣрность опредѣленія Тэна такъ не подтверждается, какъ въ той области творчества, которую онъ не счелъ нужнымъ подвергать своему анализу, *въ театральномъ искуствѣ*. Есть множество театраловъ и знатоковъ (особливо у насъ въ Россіи), которые не желаютъ опредѣлять удѣльный вѣсъ различныхъ сценическихъ художниковъ. Для нихъ актеръ, сыгравшій хорошо Хлестакова или Подхалюзина, занимаетъ, какъ художникъ, какъ техникъ, совершенно одинаковое мѣсто съ артистомъ, способнымъ на высокое созданіе *героическихъ* лицъ, гдѣ проявляются высшія духовныя качества человѣческой природы. Такое нивелированіе до крайности невѣжественно. Нелѣпо утверждать, что артистъ, обладающій тѣлесными и духовными качествами, нужными для созданія высочайшихъ типовъ поэзіи, стоитъ нѣсколькими ступенями выше комика, если этотъ комикъ въ состояніи создать только отрицательные типы. Даже самая обыкновенная сценическая практика

показываетъ, что на сто хорошихъ комиковъ приходится два, три актера на героическія роли, имѣющія соотвѣтственныя достоинства.

Принципъ *подчиненности*, уставляемый Тэномъ, придется очень не по сердцу нѣкоторымъ изъ современныхъ словесниковъ, поставляющихъ себѣ задачей: выкапывать отовсюду разные посредственные продукты литературнаго и пластическаго творчества, въ особенности же литературныя вещи, противопоставляя ихъ крупнымъ произведеніямъ. Этотъ пріемъ облекается въ особаго рода *демократизмъ*. Резюмировать его можно такъ:

„Довольно намъ заниматься Шекспиромъ, Гомеромъ, Дантомъ, Рафаэлемъ, и Микель-Анджело. Есть множество памятниковъ народной и личной поэзіи, лежащихъ въ забросѣ и болѣе достойныхъ сочувствія!“

И начинаютъ они выкапывать разныхъ *шестистепенныхъ* итальянскихъ и провансальскихъ пѣснопѣвцовъ и слагателей легендъ, поднимать ихъ до небесъ, повторяя на разные лады, что колективно народное творчество выше художественно-единичнаго.

Но вѣдь творчество творчеству рознь. Иліада и Псалтырь тоже колективныя вещи; но они все-таки будутъ стоять на высшей ступени сравнительно съ разными „рѣдкостями“, какія отыскиваютъ теперь иные эрудиты.

Систематика Тэна и въ этомъ вопросѣ можетъ помочь установленію здороваго взгляда на значеніе *сатирическаго* элемента русской литературы. Ни одинъ изъ нашихъ публицистовъ не разрѣшитъ задачи научнымъ путемъ до тѣхъ поръ, пока соціологія не обработаетъ современной намъ эпохи; а это случится послѣ насъ. Чисто же художественная сторона русскаго литературнаго творчества можетъ уже быть введена въ обще-эстетическую систему. И нѣтъ никакого основанія придавать русской сатирѣ большее значеніе противъ сатиры французской, нѣмецкой или англійской литературы, гдѣ ей отведено, по художественно-технической іерархіи, низшее мѣсто, сравнительно съ творчествомъ идеальнымъ.

Всякій сознается, что, въ моихъ замѣткахъ, я отнесся къ Тэну безъ малѣйшаго желанія подкапываться во что-бы то ни стало подъ его авторитетъ. Напротивъ, я считаю появленіе Тэна въ области эстетики за одинъ изъ самыхъ яркихъ знаменій нашей позитивной

фазы. Самыя его недомолвки и противорѣчія выясняютъ настоятельную надобность бросить діалектическій процесъ анализа и синтеза, какой до сихъ поръ употреблялся въ нѣмецкой эстетикѣ. Съ доктриной Тэна стоитъ считаться. Ее надо очищать, это правда, но игнорировать ее смѣшно и нелѣпо. Она—авангардъ болѣе строгаго научнаго метода; она предтеча положительной систематизаціи, которая окончательно установитъ человѣческое творчество на законахъ біологіи и соціологіи.

Я знаю, что наши умники упрекнутъ меня въ желаніи натягивать все на систему положительнаго мышленія. Такой упрекъ — самая лучшая похвала, какой только можетъ желать интелигентный дѣятель. Въ нашей словесности и публицистикѣ довольно Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ; но, къ сожалѣнію, ихъ собственныя измышленія также мало принесли пользы дѣлу знанія и мысли, какъ и доморощенное пережевываніе нѣмецкихъ эстетикъ. Я кончу однакожъ вторичнымъ упоминаніемъ о покойномъ Аполонѣ Григорьевѣ. Надъ нимъ всѣ взапуски смѣялись, когда онъ попробовалъ опредѣлять, по аналогіи съ жизнію природы, значеніе русскихъ поэтовъ. Его пріемъ обличалъ такой же свѣтлый критическій умъ, какъ и пріемы Тэна, котораго считаютъ *своимъ* даже ненавистники нашего даровитаго и безвременно погибшаго критика.

П. Боборыкинъ.

Парижъ.

Октябрь, 1867 г.

ДВА РОМАНИСТА.

Критика «Петербургскихъ Трущобъ» В. В. Крестовскаго,—«Некуда», «Обойденныхъ», «Воительницы», «Чающихъ движенія воды» и «Расточителя» М. Стебницкаго.

I.

Не смотря на кажущуюся путаницу идей и направленій и не прекращающуюся борьбу литературныхъ партій и школъ, наша изящная словесность въ общемъ выводѣ представляетъ движеніе, довольно стройное. Будучи оторвана силою историческихъ обстоятельствъ отъ народной почвы и окружающей ее живой дѣйствительности, русская литература при первомъ толчкѣ, данномъ ей холмогорскимъ крестьяниномъ, невольно увлеклась иностранными писателями и стала черпать въ нихъ свое вдохновеніе. Корнель, Расинъ, Лафонтенъ, Шиллеръ, Вальтеръ-Скотъ, Байронъ — словомъ нѣтъ почти такого великаго генія изъ общей европейской литературы, который бы не получилъ у насъ своего такъ сказать представителя; даже нѣмецъ Гофманъ и тотъ нашелъ себѣ послѣдователя въ князѣ Одоевскомъ и другихъ. Такая масса великихъ талантовъ, сразу подѣйствовавшихъ на нетронутую русскую натуру, сильно, разумѣется, оживила нашу словесность, хотя и нельзя отрицать, чтобы она черезъ это не пострадала въ своемъ оригинальномъ развитіи. Послѣднее впрочемъ у нея было впереди: длинный рядъ реторическихъ одъ, ложно-классическихъ драмъ и псевдо-романтическихъ повѣстей скоро надоѣлъ нашему обществу; и вотъ мы замѣчаемъ, что уже въ довольно раннюю эпоху нашего геніальничанья началось возвратное движеніе отъ этой міровой поэзіи къ художественному воспро-

изведенію окружающей жизни. Самымъ жизненнымъ временемъ въ этомъ обратномъ движеніи было тотъ періодъ, когда жили великій поэтъ Пушкинъ, геніальный прозаикъ Гоголь и незабвенный критикъ Бѣлинскій; изъ слiянія этихъ трехъ дѣятельностей и образовалась та атмосфера, въ которой воспитались Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Писемскій, Толстой и другіе менѣе талантливые, хоть и столь же добросовѣстные знатоки русской жизни. Изъ нихъ-то и составилась такъ называемая натуральная школа, въ основу которой легло тщательное, почти естественно-историческое изученіе дѣйствительности и художественное воспроизведеніе ея въ типическихъ образахъ. Спускаясь послойно въ своемъ обозрѣніи окружающаго, школа эта, разумѣется, наткнулась и на народъ, пунктъ, въ которомъ и заключается исходъ къ сближенію книжной литературы съ литературой устной или народной.

Но рядомъ съ этой группой писателей натуральной школы явились у насъ въ послѣднее время еще двѣ серіи авторовъ — серія грубыхъ реалистовъ и серія новѣйшихъ романтиковъ. Первые образовались подъ неослабѣвшимъ еще въ пятидесятыхъ годахъ вліяніемъ Сеньковскаго, подъ навѣяннымъ этою мрачной эпохой настроеніемъ Чернышевскаго и вставленною въ тѣсныя нигилистическія рамки дѣятельностію Добролюбова. Изъ этого-то сложнаго источника и вышла вереница писателей, старавшихся придать повѣстямъ и романамъ тенденціозный характеръ. Отсюда Помяловскіе, Слѣпцовы, Успенскіе, Благовѣщенскіе, Рѣшетниковы, Михайловы, которые при всей даровитости, занимались не столько изученіемъ жизни, сколько втискиваніемъ разнаго рода идеекъ въ видѣнныя ими во снѣ происшествія и характеры. Но откуда же у насъ могли взяться романтики въ послѣднее время, когда вся наша литература съ перваго ея пробужденія склонна была скорѣе впасть въ грубую, безцеремонную копировку жизни, чѣмъ въ романтическую разорванность съ дѣйствительностію, когда даже геніальныя попытки Жуковскаго, привить къ намъ нѣмецкій романтизмъ, оказались неудачными? Неожиданно нахлынувшее на насъ наводненіе французскими романами—вотъ что должно считать причиною этого явленія. Всѣхъ главныхъ представителей новѣйшей французской романтики, надѣлавшей столько шума въ Европѣ, можно, конечно, признать дѣтьми Виктора Гюго: подоб-

но автору высоко-талантливаго произведенія Notre Dame de Paris, Евгеній Сю, Дюма и Феваль тоже отличались замѣчательнымъ богатствомъ фантазіи при совершенномъ небреженіи къ изученію жизни и самомъ безцеремонномъ обращеніи съ исторіею; живаго, поэтическаго чувства, которымъ одаренъ былъ Викторъ Гюго, имъ тоже недоставало; неудивительно поэтому, что всѣ великіе недостатки этого геніальнаго писателя доведены ими были до nec plus ultra. Примѣры преступленій и подвиговъ, пороковъ и добродѣтелей, невообразимой бѣдности и невѣроятнаго богатства—словомъ все, что могло громче кричать и бить по нервамъ неопытныхъ читателей, все это бралось на прокатъ и перетасовывалось по личному капризу и произволу. И Бѣлинскій недаромъ въ какомъ-то пророческомъ предвидѣніи предостерегалъ отъ этихъ ложно-романтическихъ отношеній къ жизни; но видно предостереженія его забылись. Переводы ихъ стали появляться даже въ лучшихъ нашихъ журналахъ; и вотъ мало-по-малу у насъ образовались свои собственные Дюма и Сю.

Указывая на излишества русскихъ романтиковъ французскаго покроя, мы отнюдь не думаемъ утверждать, что романтическій элементъ совсѣмъ неумѣстенъ въ нашемъ искуствѣ; напротивъ романтизмъ въ искуствѣ столь же необходимъ, какъ и реализмъ: романтизмъ есть элементъ молодости, свѣжести, новизны человѣческаго духа; и если онъ вообще труднѣе прививается къ нашей натурѣ, то это отъ того, что заимствуется отъ французскихъ или нѣмецкихъ романтиковъ, а не вытекаетъ изъ духа нашей народной поэзіи. Тургеневъ и Достоевскій доказали уже отчасти, что романтическій или движущій элементъ не въ состояніи ослабить реалистическаго знакомства съ жизнію. Не то вышло у нашихъ романтиковъ, подпавшихъ вліянію Гюго, Дюма и Сю. Знакомство съ жизнію, наблюдательность у нихъ отступили на второй планъ; и между тѣмъ какъ въ какомъ нибудь романѣ г. Писемскаго одна фраза подчасъ слагалась изъ нѣсколькихъ наблюденій, у романистовъ французскаго покроя попадались зачастую страницы, не заключавшія въ себѣ ни одного жизненнаго факта. Разумѣется, мы говоримъ только объ общемъ характерѣ ихъ произведеній; потому что въ частности прирожденное русскимъ талантамъ стремленіе къ наблюдательности, къ натурализму въ поэзіи беретъ нерѣдко верхъ; и посреди самыхъ разу-

хабистыхъ страницъ у нихъ встрѣчаются мѣста, отличающіяся самымъ добросовѣстнымъ изученіемъ жизни. Къ числу такихъ-то писателей, которыхъ наблюдательная способность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но которые въ тоже время впадаютъ въ большія романическія излишества, принадлежатъ — Крестовскій и Стебницкій съ ихъ послѣдователями. Повредить этимъ двумъ писателямъ мы не можемъ. Критика, какъ бы она ни была строга, вредитъ самой себѣ, если она не вѣрная; вѣрная же критика роняетъ только плохихъ авторовъ; а къ таковымъ отнести ужъ никакъ нельзя г. Крестовскаго съ г. Стебницкимъ.

Не смотря на своеобразность сочиненій этихъ двухъ писателей, оба они по странной случайности имѣютъ много общаго между собою. Темы ихъ романовъ, конечно, не одинаковы, въ выборѣ характеровъ они тоже рознятся и въ слогѣ имѣютъ свои особенности; но въ манерѣ писанія есть нѣчто такое, что невольно заставляетъ думать, что для нихъ прошло не безслѣдно то время, когда у насъ зачитывались романами Виктора Гюго, Сю и проч. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, на которыя мы укажемъ ниже, гг. Крестовскій и Стебницкій пишутъ нѣсколько торопясь; обоимъ имъ свойственно французскій charge, то есть преувеличеніе, аттака на нервы, хоть и не въ одинаковой степени: одному болѣе, другому менѣе; оба они наконецъ впадаютъ нерѣдко въ столь свойственную французскимъ писателямъ разрывчатость слога: начиная слишкомъ часто съ новой строки, они иногда многія страницы своихъ романовъ обращаютъ въ рядъ отрывистыхъ фразъ, изъ которыхъ каждая стремится стать какъ-бы отдѣльнымъ періодомъ. Недостатокъ этотъ, конечно, внѣшній и временный у гг. Крестовскаго и Стебницкаго; но онъ важенъ для насъ тѣмъ, что указываетъ на рядъ вліяній, которымъ они подвергались. И къ тому же этотъ недостатокъ вводитъ въ соблазнъ у насъ и другихъ. Эфектность слога черезъ эту разрывчатость, конечно, возрастаетъ, но за то совершенно теряется свойственная русской рѣчи плавность; такъ что еслибы появился какой нибудь журналъ съ необычайно широкими листами, то такія страницы въ романахъ получили бы видъ настоящихъ стиховъ. Читая такую прозу, невольно останавливаешься послѣ каждой фразы нѣсколько долѣе, чтобы перевести

духъ. У французовъ, не имѣющихъ твердаго ритмическаго стиха, такая проза, пожалуй, естественна, годится; но у насъ, при текучести сказочной прозы, она неумѣстна. Не нужно также забывать о той страшной погонѣ, на которую осуждено большинство французскихъ писателей. Жоржъ-Зандъ не даромъ жалуется въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, что журналисты не даютъ ей время додѣлывать романы, понукая ее, какъ лѣнивую лошадь. Но примѣръ лучше всего объяснитъ эту чисто-французскую слабость, въ которую впадаютъ и наши повѣствователи. Начнемъ хоть со Стебницкаго; вотъ напримѣръ довольно характерное мѣсто изъ описанія его героини, Лизы:

„Внутренній міръ Лизы совершенно непохожъ былъ на міръ Женни.

„Не было мира въ этой душѣ. Рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ своего и чужаго разума.

„Мертва казалась ей книга природы; на ея вопросы не давали ей отвѣта темные люди темнаго царства.

„Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ, ноющихъ вопросовъ, неумолчно взывавшихъ о скорѣйшемъ рѣшеніи.

„Ей тоже хотѣлось правды. Но этой правды она искала не такъ, какъ искала ее Женни.

„Она искала мира, когда мира не было въ ея костяхъ...

„Врожденныя симпатіи еще влекли ее въ семью Главацкихъ, но куда же годились эти мечтанія?

„Ей хотѣлось много понимать, учиться.

„Ее повезли на балы.

„Все это шло противъ ея желаній.“

У Крестовскаго тоже попадаются такія характерныя мѣста. Вотъ напримѣръ какъ у него описана сцена убійства, совершеннаго Германомъ Типнеромъ.

„Вдругъ онъ быстро поднялся со своего мѣста.

„Въ старческихъ взорахъ его засверкала ненавистная злоба, и въ тоже самое мгновеніе топоръ сверкнулъ въ воздухѣ надъ головой Пахомовны.

„Это за Луизу!.. Это за Христину! проскрипѣлъ онъ спершимся

отъ злобы голосомъ, нанося ей послѣдовательно одинъ за другимъ, два сильные удара въ голову.

„По второму удару Пряхина рухнулась на полъ.

„Изъ двухъ глубокихъ ранъ, раздробившихъ черепъ, хлынула кровь.

„На топорѣ остались частицы мозга.

„Германъ Типнеръ швырнулъ топоръ въ уголъ и, выйдя изъ ея квартиры, постучался у Спициной двери.

„Ему отворили."

У самихъ французскихъ романистовъ такіе пріемы еще разумѣется эфектнѣе; и они-то собственно и приготовили наше общество ко всевозможнымъ нравственнымъ истязаніямъ. Въ болѣе крупныхъ образцахъ этого рода читателю такъ и чувствуется, что авторъ дергаетъ его за нервы каждой своей фразой. Пытку эту при чтеніи собственно нашихъ романистовъ приходится переносить, конечно, рѣже; но для болѣе чувствительныхъ читателей и читательницъ достаточно немногихъ страницъ или главъ, чтобы заставить забыть о плавныхъ, округленныхъ періодахъ Тургеневскаго или Гончаровскаго стиля. Но это еще бы небольшая бѣда; вкусы у читателей бываютъ разные. Главная бѣда тутъ та, что эта манера писанія вліяетъ на таланты романистовъ: періоды ихъ хоть и удлиннялись, но перо, разъ ложно направленное, уже не теряетъ своего нервнаго, какъ-бы дергающаго движенія; а такимъ перомъ, надо полагать, не очень-то легко обрисовываются людскія страсти и человѣческіе характеры: отсюда происхожденіе ходульныхъ героевъ, неестественныхъ положеній и фальшивыхъ стиховъ. Все это есть ничто иное, какъ результаты недостаточной выработанности слога и неполноты наблюденій надъ жизнію.

II.

Коснувшись до нѣкоторыхъ общихъ чертъ, усвоенныхъ двумя нашими романистами гг. Крестовскимъ и Стебницкимъ, мы теперь разберемъ каждаго изъ нихъ порознь; и такъ какъ задача критики

состоитъ не въ томъ только, чтобы видѣть недостатки, то постараемся также поискать и достоинство. Обыкновенно думаютъ, что въ романѣ „Петербургскія Трущобы“ нѣтъ никакой идеи, но это несправедливо: идея напротивъ громадная, надломившая уже не одну голову въ многорѣчивой французской литературѣ. Эта идея заключается въ стремленіи сопоставить самые высшіе, благодеиствующіе классы общества съ самыми бѣдствующими и низко-поставленными; или иначе выражаясь — смѣшать сливки общества съ его подонками и эту смѣсь изобразить въ одной романической картинѣ. Увлекшись этой-то идеей, г. Крестовскій и долженъ былъ коснуться въ своемъ романѣ до всѣхъ граней, до всѣхъ крайнихъ положеній общественной жизни. Аристократы и сановники, арестанты и мазурики, ханжи и іезуиты, золотопромышленники и нищіе, хлысты и фальшивые монетчики, словомъ всѣ положенія, выходящія изъ обыденной жизни; все это было захвачено г. Крестовскимъ въ его многотомномъ романѣ, писанномъ на протяженіи многихъ годовъ и на разстояніи болѣе чѣмъ ста печатныхъ листовъ. Весь Петербургъ, по видимому, долженъ былъ отразиться на канвѣ его романа; однакожъ этого не вышло по той простой причинѣ, что середины-то Петербурга, его будничной дѣловой жизни въ романѣ не оказалось. Къ тому же Крестовскій, задавшись такой громадной задачей, не имѣлъ времени вполнѣ изучить всего, что онъ описывалъ. Мазурики и арестанты, то есть то, что труднѣе всего поддается изученію, у него напримѣръ изслѣдованы какъ нельзя лучше, золотопромышленники и аристократы — плохо. И по очень простой причинѣ: золотопромышленники съ нашимъ братомъ-литераторомъ не захотятъ пожалуй и знаться; аристократовъ русскому литератору еще труднѣе изучить. Обычный языкъ кровныхъ аристократовъ есть языкъ французскій; Крестовскій же былъ слишкомъ русскимъ человѣкомъ, чтобы изучить всѣ тонкости французской рѣчи: его аристократы всѣ очень худо говорятъ по-французски. Значитъ, настоящихъ аристократовъ, какихъ напримѣръ намъ показывалъ графъ Толстой, Крестовскій въ романѣ представить не могъ. Точно также не могъ онъ въ точности изобразить и многія другія положенія, затронутыя имъ въ Петербургскихъ Трущобахъ. Между тѣмъ авторъ разсчитывалъ нѣкоторымъ образомъ вывезти на своемъ ро-

манѣ-Левіафанѣ цѣлый Петербургъ: это съ одной стороны доказывается уже и тѣми подробностями о топографіи и разселеніи Петербурга, которыми испещренъ романъ. Подробности эти дѣйствительно хороши, вѣрны и интересны какъ для провинціала, такъ и для старожиловъ здѣшнихъ. Крестовскій знаетъ городъ Петербургъ, но не знаетъ еще и не изучилъ вполнѣ его жизни. И выполнима ли наконецъ для одного человѣка такая задача? Чтобы уловить жизнь, кипящую внутри многоэтажныхъ каменныхъ громадъ, разбросанныхъ съ чисто-русской удалью надъ финскими болотами, недостаточно даже быть и вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всеслышащимъ, чѣмъ былъ одинъ изъ героевъ г. Крестовскаго; одно же изученіе уличной жизни, обыкновенно легко дающееся, тѣмъ болѣе недостаточно. Русская пословица говоритъ—чтобъ узнать человѣка, нужно съѣсть съ нимъ десять пудовъ соли. Въ романѣ г. Крестовскаго однихъ героевъ можно насчитать не менѣе полсотни. Главная ошибка Крестовскаго, значитъ, состояла въ томъ, что онъ погнался за слишкомъ большимъ и былъ задавленъ самою громадностію, невыполнимостію задачи; и чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ больше запутывался, тѣмъ слабѣе становилась интрига и блѣднѣли характеры. Если начало Петербургскихъ Трущобъ довольно интересно, средина положительно хороша, то конецъ ихъ просто плохъ. Съ этимъ послѣднимъ, если не ошибаемся, согласны какъ противники, такъ и почитатели г. Крестовскаго.

Какъ же устроена, посмотримъ теперь, эта романическая машина, изъ чего состоитъ скелетъ или схема этого многотомнаго произведенія? Подвести подъ одинъ общій разсказъ и утопающихъ въ роскоши богачей, и умирающихъ съ голода нищихъ, какъ бы то ни было, дѣло нелегкое. Разсказы русскихъ романистовъ всѣ такъ просты и незамысловаты, что многосложная интрига романа Петербургскія Трущобы не можетъ не быть предметомъ особаго любопытства для критика. Гоголь напримѣръ построилъ свой романъ на томъ ничтожномъ происшествіи, что герой его, Чичиковъ ѣздитъ ради обогащенія по помѣщикамъ скупать мертвыя души. Гончаровъ въ Обломовѣ ограничивается только тѣмъ, что передаетъ читателямъ воспоминанія, привычки и знакомство героя и разсказываетъ, какъ онъ любилъ, страдалъ и наконецъ женился на простой женщинѣ. Ро-

маны Тургенева хоть и сложнѣе по интригѣ, но тоже очень легко передаются на какой нибудь страничкѣ сжатаго разсказа. Что же касается до новаго романа Достоевскаго, то это высоко-замѣчательное произведенiе можно обозначить одной фразой—анализъ душевныхъ впечатлѣнiй преступника съ чрезвычайно-чуткою совѣстью. Въ другихъ менѣе извѣстныхъ произведенiяхъ русскихъ белетристовъ тоже вездѣ замѣтенъ перевѣсъ изображенiя надъ разсказомъ, характеристики надъ интригой: такова ужъ видно жизнь наша, что не даетъ слишкомъ большаго простора для полнаго разгула воображенiя и смѣлой перетасовки происшествiй. Одинъ только г. Крестовскiй изъ извѣстныхъ русскихъ писателей сдѣлалъ въ этомъ отношенiи большое отступленiе и создалъ необыкновенно-сложную и запутанную интригу, которую, чтобъ оцѣнить, необходимо сжато и безъ утрировки разсказать.

Двое великосвѣтскихъ супруговъ, князь и княгиня Шадурскiе живутъ между собой не совсѣмъ ладно. Князь, главный виновникъ супружескаго несчастiя, оказывается обольстителемъ молодой княжны Чечевинской, а княгиня подъ влiянiемъ холодности мужа тоже состоитъ въ связи съ управителемъ ихъ дома, Морденко. Княжна Чечевинская при началѣ романа дѣлается матерью и подкидываетъ ребенка въ домъ Шадурскихъ. Секретъ мужа обнаруживается, но за этимъ не остается въ тайнѣ и секретъ жены. Шадурскiй застаетъ княгиню въ объятiяхъ Морденко (своего бывшаго крѣпостнаго человѣка), даетъ ему въ гнѣвѣ пощечину и за этимъ наноситъ такое же оскорбленiе и своей женѣ, бывшей, къ несчастiю, беременной. Послѣдняя не выноситъ этого удара; и вотъ такимъ образомъ выходитъ по остроумному распоряженiю автора, что въ одно и тоже время и у одной и той же акушерки оказываются двѣ жертвы жестокости Шадурскаго и раждаются на свѣтъ два существа (Маша и Вересовъ), которые и предназначены авторомъ для проведенiя читателя по всѣмъ мытарствамъ преступленiя и порока. Интрига въ добавокъ завязывается еще въ крѣпкiй узелъ тѣмъ, что какъ у семейства Шадурскихъ, такъ и у семейства Чечевинскихъ оказывается два врага: управитель Морденко и горничная Наташа. Морденко, получивъ пощечину и разойдясь съ княгиней, рѣшается во что бы то ни стало нажиться и потомъ отомстить всему роду Шадурскихъ;

а Наташа, жившая когда-то на положеніи незаконной дочери покойнаго князя Чечевинскаго, задумываетъ изъ мести, единственно изъ мести, обокрасть убитую горемъ княгиню. Злодѣйство устраивается; княгиня Чечевинская умираетъ, а Наташа вмѣстѣ съ любовникомъ своимъ Корозичемъ убѣгаютъ за границу. Фальшивые паспорты, для этого понадобившіеся, даютъ автору предлогъ къ описанію мошенническаго трактира Ерши, которое по правдивости и художественной отдѣлкѣ своей рѣшительно выскакиваетъ изъ всей этой путаницы происшествій. Еще напечатанное отдѣльно въ „Эпохѣ“, оно обратило на себя общее вниманіе.

Вслѣдъ за этимъ г. Крестовскій заставляетъ читателя перескочить черезъ цѣлыя двадцать лѣтъ. Наташа въ этотъ моментъ оказывается уже баронесой фонъ-Дерингъ. Она возвращается изъ-за границы вмѣстѣ съ австрійскимъ подданнымъ Корозичемъ и встрѣтившимся ей на дорогѣ княземъ Шадурскимъ. Наташа является очень разносторонней особой: Корозичъ служитъ для нея звеномъ, связывающимъ ее съ воровской асоціаціей, устроенною шулерами; черезъ Шадурскаго же она входитъ въ соприкосновеніе съ аристократическимъ міромъ. У стараго князя есть молодой сынъ, вполнѣ достойный своего батюшки. Увидя разъ на балѣ одну красавицу (Бероеву), мужъ которой былъ въ то время въ отъѣздѣ, молодой Шадурскій держитъ на счетъ ея чести пари; и при помощи великосвѣтской сводни, пожалованной авторомъ въ генеральши, и доктора Катцеля, умѣющаго прописывать какія-то таинственныя капли, выигрываетъ это пари. Исторія эта, разсказанная въ тонѣ негодованія, даетъ однакоже автору случай описать и физіологическое дѣйствіе шпанскихъ мушекъ, подмѣшанныхъ въ кофе Бероевой; а это въ свою очередь дѣйствуетъ на читателя не слабѣе, какъ и самая шпанская мушка или таинственныя капли, прописанныя докторомъ, то есть преимущественно на спинной мозгъ, а не на головной. Бероева, положимъ, должна была волею или неволею выпить предательскую чашку кофе; но читателю-то съ какой стати было подносить такое сильное возбудительное средство, какъ 194 стр. Петербургскихъ Трущобъ.

За всѣмъ этимъ въ романѣ слѣдуетъ довольно подробное и интересное описаніе петербургскихъ нищихъ, которое бы удалось авто-

ру еще болѣе, еслибы онъ не преувеличивалъ или не выставлялъ на-голо различныхъ безобразій и уродствъ. Но французская шаржировка происшествій и лицъ тутъ опять помѣшала ему воспользоваться собраннымъ матеріаломъ. Между нищей братьей оказывается между прочимъ и Морденко: стремясь въ видахъ мести къ скорѣйшему обогащенію, онъ не пренебрегаетъ также и христарадничаніемъ. Сердце его подъ вліяніемъ злобы на Шадурскаго уже до такой степени окаменѣло, что онъ любитъ только одного попугая; сына же своего отъ княгини Шадурской (Вересова) почти не признаетъ. И тотъ, благодаря вѣроломству отца, скоро попадаетъ въ тюрьму. Не лучшая участь постигаетъ и Машу, дочь Шадурскаго и княжны Чечевинской, родившейся на свѣтъ подъ одной кровлей съ Вересовымъ. Будучи отдана на руки своднѣ-генеральшѣ (Шпильце), Маша сначала попадаетъ въ идилическую среду старосвѣтскихъ обитателей Петербурга; потомъ, взятая обратно Шпильце, пристраивается въ любовницы къ молодому Шадурскому; причемъ происходитъ опять почти такая же сцена, какъ и съ Бероевой — сцена тѣмъ болѣе поразительная, что Шадурскій и Маша — братъ и сестра по отцѣ. Первый томъ оканчивается къ довершенію всего самымъ неожиданнымъ salto mortale. Бероева, почувствовавъ себя беременной, рѣшается на свиданіе съ молодымъ Шадурскимъ; осыпаетъ его упреками и говоритъ о будущемъ рожденіи ребенка; тотъ же вмѣсто отвѣта ни съ того ни съ сего распаляется страстью и бросается обнимать ее. Бероева выходитъ изъ себя и втыкаетъ ему въ горло вилку...

Къ началу втораго тома оказываются такимъ образомъ двое изъ героевъ Петербургскихъ Трущобъ заключенными въ тюрьму. Этотъ-то въ сущносси ничтожный предлогъ и даетъ автору случай къ написанію лучшихъ въ его романѣ главъ тюремной жизни (гл. I—XI т. II). Главы эти составлены такъ талантливо и съ такимъ добросовѣстнымъ изученіемъ жизни, что не блѣднѣютъ и при сравненіи съ Мертвымъ Домомъ Достоевскаго. Въ нихъ есть и художественная отдѣлка, и поэтическое воодушевленіе, и живая мысль; это-то собственно и заставляетъ насъ такъ строго относиться къ автору Петербургскихъ Трущобъ и требовать отъ его таланта болѣе, чѣмъ требуютъ отъ него его почитатели. А что онъ талантомъ

своимъ не дорожитъ, доказываетъ дальнѣйшая исторія Трущобъ. Слѣдуя за судьбою Вересова, авторъ разсказываетъ, какимъ истязаніямъ подвергался Вересовъ въ тюрьмѣ, какъ вышелъ оттуда на поруки и отвергнутый отцомъ остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Внезапно представившаяся тутъ картина голоднаго и безпріютнаго человѣка въ холодную зимнюю ночь посреди шумящаго и блестящаго города тоже возбуждаетъ въ читателѣ невольную симпатію къ таланту автора, вообще сильно проникнутаго горячимъ сочувствіемъ къ бѣдности. Но за этимъ, увы, г. Крестовскій совсѣмъ отдается на волю французской шаржировки происшествій. Бероеву во первыхъ онъ подвергаетъ самымъ невыносимымъ нравственнымъ страданіямъ: она мучится и за дѣтей, съ которыми въ разлукѣ, и за мужа, котораго обожаетъ и который ничего не знаетъ о ея положеніи; судьи, подкупленные врагами, тоже противъ нея; ее ожидаетъ самый жестокій приговоръ. Что же касается до ребенка Бероевой, родившагося отъ Шадурскаго, то его постигаетъ еще худшая участь: онъ продается въ берлогу къ нищимъ и тамъ подвергается страшной операціи язвленія горячимъ кипяткомъ — тяжелая сцена, которую не дай Богъ никому читать въ жизни, тѣмъ болѣе, что авторъ тутъ же описываетъ и довольно неприглядныя картины любви дряхлой старухи съ беззубымъ старикомъ и десятилѣтней дѣвочки съ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ.

Между тѣмъ Бероева, терзаемая страшными предчувствіями и тоскою по мужѣ и по дѣтямъ, рѣшается лишить себя жизни; но ее застаютъ въ ту самую минуту, когда она готова была повиснуть на петлѣ; какъ разъ въ тотъ же моментъ является и Бероевъ, только что возвратившійся изъ дальней поѣздки. Мужъ внутреннимъ чувствомъ угадываетъ, что жена невинна; дѣла Бероевой, благодаря признанію одного дворника, принимаютъ лучшій оборотъ. Но князья Шадурскіе, заинтересованные въ ея гибели, не зѣваютъ: дворника опаиваютъ дурманомъ и потомъ въ добавокъ еще душатъ подушкой подъ звуки мрачныхъ мошенническихъ пѣсень. Самъ же Бероевъ происками враговъ чуть-ли не попадаетъ въ крѣпость. Бероева такимъ образомъ безпомощна. Ее приговариваютъ къ ссылкѣ, везутъ на конную площадь. Измученная нравственной пыткой, она впадаетъ въ летаргію и ее наконецъ хоронятъ! Не ужасно ли все это, чита-

тель? Къ счастію, впрочемъ, при Бероевой оказывается серебрянный рубль, вещь теперь довольно рѣдкая и у живыхъ; слухъ объ этомъ-то обстоятельствѣ и подаетъ мысль разнымъ темнымъ личностямъ забраться къ ней въ могилу, чтобы добыть, неистощимый, по народному повѣрью, фармазонскій рубль. Въ темную, непроглядную ночь могила разрывается, и Бероева, посаженная въ гробу, получаетъ, какъ требовало того повѣрье, пощечину. Тутъ, впрочемъ, ударъ былъ кстати: она воскресла; мошенники же, забравшіеся въ могилу, чуть не умерли. Страхъ ихъ, впрочемъ, очень скоро разсѣеваютъ живщіе тутъ же на кладбищѣ фальшивые монетчики—графъ Каллашъ и докторъ Катцель. Составителю таинственныхъ капель пришлось такимъ образомъ, довольно кстати, лечить Бероеву отъ слишкомъ сильныхъ пріемовъ ужаса, которые задавалъ ей авторъ.

Въ третьемъ томѣ авторъ, обрисовывая петербургскую жизнь, старается сосредоточить вниманіе читателя на судьбѣ Маши. Прогнанная молодымъ Шадурскимъ, она поступаетъ въ услуженіе къ нѣмцамъ; тѣ, разумѣется, обращаются съ ней жестоко, потомъ она попадаетъ въ госпиталь, гдѣ тоже терпитъ отъ злоупотребленія начальства. Наконецъ она безъ мѣста и ей остается одно—идти и идти, куда глаза глядятъ; и она идетъ, не взирая на холодъ и ночь, и попадаетъ на барку. Туда же, какъ нарочно, судьба или вѣрнѣе авторъ приводитъ и несчастнаго Вересова, еще болѣе перезябшаго и голоднаго, чѣмъ сама Маша. Встрѣча этихъ двухъ юныхъ страдальцевъ, родившихся подъ одной кровлей, конечно неожиданна; но она даетъ автору случай описать припадки такого голода и холода, какіе едва-ли кто испыталъ въ Петербургѣ. Вересовъ въ остервененіи грызетъ кость, грѣется подлѣ собаки, тутъ же оказавшейся вмѣстѣ съ щенятами; а когда приходитъ Маша, то уговариваетъ ее забыть свой полъ и обнявшись руками и ногами какъ нибудь согрѣться. За этимъ, напитавшись кой-какими крохами, они попадаютъ къ ранней обѣднѣ. Тамъ встрѣчаютъ вмѣстѣ съ читателемъ Морденко, но уже не прежняго, униженно-выпрашивающаго падаяніе, а торжествующаго и ликующаго: онъ уже нажился настолько, что скупилъ всѣ векселя Шадурскихъ и готовитъ имъ страшную месть. У него просятъ пощады, но Морденко неумолимъ; самъ даже князь, главный его врагъ, не можетъ выпросить у него прощенія и изго-

няется съ позоромъ. Наконецъ, измученный двумя несовмѣстимыми въ одномъ человѣкѣ страстями—безпримѣрной скупостью и невѣроятной местью, Морденко умираетъ, заклиная своего сына Вересова отомстить за него! Не ужасно ли все это?

Въ перемежку съ этими же происшествіями весь третій томъ и часть четвертаго наполняется разсказами о мытарствахъ Маши по разнымъ притонамъ порока и нищеты; причемъ авторъ передаетъ такую огромную массу отдѣльныхъ разсказовъ и очерковъ, что не знаешь, право, зачѣмъ они нанизаны на такую ничтожную тему, какъ страданія Маши, не имѣющей въ сущности никакого характера, а потому и интереса для читателя. Какого нибудь разграниченія между выдуманнымъ и дѣйствительнымъ, преувеличеннымъ и правдоподобнымъ тутъ тоже нѣтъ: нелѣпое, а потому и неинтересное повсюду мѣшается съ правдивымъ и высокоинтереснымъ — свадьба идіотовъ съ превосходнымъ описаніемъ Вяземской лавры, характеръ Крысы, не слышавшей ни разу слова мать, съ чрезвычайно занимательными подробностями о Малинникѣ. Послѣднею степенью мытарства несчастной Маши оказываются дома терпимости, которые авторъ представляетъ уже совершенно въ фантастичномъ видѣ: описывается напримѣръ сцена розыгрыша бѣдной дѣвушки, нечаяннымъ свидѣтелемъ которой оказывается самъ отецъ, исправлявшій должность тапёра въ веселомъ домѣ. Увидя дочь, торжественно вводимую въ залу, онъ грянулся объ полъ, дѣвушку же, бросившуюся на помощь къ отцу, поволокли во внутреннія комнаты. Можетъ быть, г. Крестовскій объ этомъ гдѣ нибудь и слышалъ, но развѣ можно писать обо всемъ, что ни разсказывается. Романъ не кунсткамера, гдѣ показываются всевозможныя аномаліи, и не слѣдственная палата, гдѣ судятся за различныя преступленія: происшествіе, интересное въ стенографическомъ отчетѣ, теряетъ сейчасъ же свое значеніе и занимательность, если авторъ, отступая отъ точнаго текста, диктуемаго жизнью, не отдѣлитъ случайнаго отъ существеннаго, исключительнаго отъ типичнаго.

Развязка романа оказывается еще болѣе странною. Дѣло въ томъ, что по всѣмъ мытарствамъ разврата и порока водитъ безпріютную Машу нѣкая Чуха, живое воплощеніе человѣческаго безобразія; женщина эта, не смотря на старость, продаетъ себя за гроши, чтобы

быть каждый день пьяной. И это-то особа оказывается княжной Чечевинской, которую когда-то погубилъ Шадурскій, отецъ. Далѣе открывается, что венгерскій графъ Каллашъ, поддѣлыватель фальшивыхъ бумажекъ по професіи, есть никто иной, какъ родной братъ Чухи. Братъ и сестра встрѣчаются и вслѣдъ за этимъ закипаетъ новая месть. Чтобы зэставить стараго Шадурскаго жениться на Чухѣ и омыть такимъ образомъ свое преступленіе, его во первыхъ дѣлаютъ вдовцомъ при помощи какихъ-то смертоносныхъ капель, поднесенныхъ княгинѣ Шадурской тѣмъ же докторомъ Катцелемъ; а чтобы побудить къ самой женитьбѣ на Чухѣ, его убѣждаютъ, что баронеса Дерингъ, въ которую онъ влюбленъ, беременна отъ него и требуетъ для зачисленія своего младенца въ родъ Шадурскихъ его согласія на бракъ съ какою нибудь умирающей женщиной. Согласіе, наконецъ, получено; мнимо-умирающею оказывается, конечно Чуха и самое таинство брака происходитъ при постели мнимо-больной, послѣдняя остается все время въ креслѣ. И вотъ такимъ образомъ выходитъ, что Чуха, та самая Чуха, которая кричала въ притонахъ разврата — personne ne m'a donné nulle copek aujourd'hui, сдѣлалась княгиней Шадурской. Что же касается до графа Каллаша, то онъ гибнетъ въ свою очередь отъ руки убійцы въ каналахъ, проводящихъ нечистоты города Петербурга.

Что-же это такое? Романъ въ старомъ вкусѣ или сцена современнаго содержанія, подражаніе автору Альфы и Альдоны или погоня за Тремя Мушкатерами? Авторъ, по видимому, такъ увѣренъ въ снисходительности читателя, что не заботится и о правдоподобіи, безъ чего невозможенъ никакой серьезный интересъ въ белетристическомъ произведеніи. Ложь вездѣ мѣшается съ истиной, клевета на жизнь съ правдивой жалобой на нее; дикія, не имѣющія смысла преувеличенія съ суровыми и строгими описаніями. И куда-бы мы ни взглянули, вездѣ мы видимъ умъ бойкій, смѣлый, изобрѣтательный, но идушій по совершенно ложной дорогѣ. Ужели мы забыли литературныя преданія, завѣщанныя намъ Бѣлинскимъ? Да зачѣмъ онъ послѣ того жилъ, чтобы мы, оставивъ позади себя какой нибудь десятокъ лѣтъ, воротились къ подражанію легкимъ французскимъ писателямъ. Подражать Жоржъ Занду есть еще смыслъ, но слѣдовать въ писательствѣ за легкими французскими белетристами —

странно. Самъ Крестовскiй по способностямъ не ниже ихъ. Между ними и Крестовскимъ только та разница, что Крестовскiй хорошо разсказываетъ только то, что изучалъ въ жизни; о томъ же, чего онъ не видѣлъ своими глазами, а знаетъ только по наслышкѣ, онъ совсѣмъ не умѣетъ передавать; словомъ, Крестовскiй не умѣетъ врать ловко—чисто-русская черта, французы же часто врутъ безъ зазрѣнiя совѣсти, знакомы ли имъ или нѣтъ тѣ стороны жизни, до которыхъ они касаются. Крестовскiй до такой степени искрененъ по таланту, что въ томъ, что онъ описываетъ по наслышкѣ, оказывается даже незавиднымъ разскасчикомъ; эпизодъ у него тупо сталкивается съ эпизодомъ, глава наскакиваетъ на главу и весь ходъ дѣйствiя до такой степени дробится разнообразiемъ участи героевъ, что читатель рѣшительно не знаетъ, кѣмъ больше интересоваться. Къ этому еще нужно прибавить любимую авторомъ манеру поражать неожиданностiю въ родѣ напримѣръ: корзины съ цвѣтами, въ которой оказывается младенецъ, и потомъ, повернувъ круто назадъ, послѣдовательно раскрывать тайну происшествiя. Далѣе онъ утомляетъ тоже вниманiе слишкомъ длинными описанiями характеровъ жизни героевъ и слѣдующими затѣмъ разговорами, не выражающими нисколько этихъ характеровъ. А извѣстно, что характеры только и выясняются въ дiалогахъ, а не въ томъ, что думаетъ о нихъ писатель. Черезъ это большинство лицъ у г. Крестовскаго различается только по своимъ ролямъ въ разсказѣ и именамъ; хотя и нельзя сказать, чтобы между ними не было живыхъ личностей въ родѣ напримѣръ патрiарха мазовъ, Хлѣбонасущенскаго и многихъ фигуръ изъ быта арестантовъ и нищихъ. Далѣе не заслуживаетъ также подражанiя заимствованная имъ у французовъ манера ставить разныя подозрительныя и даже преступныя личности на ходули. Отсюда великолѣпный графъ Каллашъ, храбрѣйшiй капитанъ Ковровъ, аристократическая Наташа, двусмысленная генеральша фонъ-Шпильце и таинственный алхимикъ, докторъ Катцель. Можетъ быть, въ цивилизованной Францiи такiя явленiя естественны, но у насъ въ непросвѣщенной Россiи порокъ и преступленiя являются большею частiю безъ романическихъ прикрасъ. Что же касается до слога Петербургскихъ Трущобъ, то онъ отличается какою-то оригинальною и почти несвойственною перу автора рѣзкостiю. Въ первыхъ его

произведеніяхъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, замѣтна была напротивъ какая-то мягкость, поэтичность въ языкѣ, которой ужъ нѣтъ въ Трущобахъ. Перемѣна эта, конечно, зависѣла отъ самой темы романа и той стороны жизни, которую съ немалымъ самопожертвованіемъ г. Крестовскій долженъ былъ изучать. И надобно отдать ему справедливость, что въ мѣстахъ, выражающихъ страданіе описываемыхъ имъ пролетаріевъ, языкъ у него достигаетъ иногда замѣчательной силы, причемъ авторъ умѣетъ даже проникнуться какою-то жгучею и необыкновенно искреннею завистью, которая такъ свойственна подонкамъ общества, алчно взирающимъ на богатства. Словомъ, успѣхъ романа Крестовскаго вполнѣ объяснимъ: онъ основался на удачно выбранной темѣ, на гуманномъ отношеніи къ нашему пролетаріату и на явномъ, хотя и неудавшемся намѣреніи сбить спѣсь съ великихъ міра сего. И Крестовскій своимъ послѣднимъ произведеніемъ какъ нельзя яснѣе доказалъ двѣ вещи—что онъ имѣетъ несомнѣнный талантъ, но что избранный имъ родъ французскаго писательства никуда не годится для русской литературы.

III.

Къ числу писателей, таланты которыхъ покривились отъ огромнаго наплыва на нашу литературу иностранныхъ романовъ, принадлежитъ также и Стебницкій. Вообще намъ думается, что вліяніе переводныхъ сочиненій въ белетристическомъ родѣ далеко не такъ благодѣтельно какъ вліяніе сочиненій научныхъ, если переведенные романы и повѣсти не обладаютъ художественными и поэтическими достоинствами. Засоряя литературу они вмѣстѣ съ тѣмъ и портятъ вкусъ, а поражая неопытныхъ авторовъ своимъ успѣхомъ, отвлекаютъ ихъ отъ изученія окружающей среды. Англійскіе романы въ этомъ отношеніи еще лучше дѣйствуютъ. Имъ вопервыхъ почти нѣтъ никакой возможности подражать: юморъ, которымъ они проникнуты, есть качество природное и неподражаемое, а безчисленныя, тончайшія наблюденія надъ англійскою жизнію могутъ только побудить нашихъ авторовъ къ тщательному изученію своей собственной

русской жизни. И вотъ на счетъ г. Стебницкаго мы именно и думаемъ, что онъ въ своемъ эстетическомъ воспитаніи прихватилъ не только французскихъ романистовъ, но позаимствовалъ еще кое что и у Англичанъ. Жаль только, что это заимствованіе ограничилось одною манерою изложенія, какъ это особенно видно изъ его послѣдняго недоконченнаго романа. Если въ первомъ своемъ романѣ г. Стебницкій порывистъ и шаловливъ, какъ французъ, то въ последнемъ онъ имѣетъ видъ, страдающаго сплиномъ, и потому черезъчуръ распространяющагося англичанина:—собственно въ этомъ-то и заключается заимствованіе. Подобно многимъ англійскимъ романистамъ Стебницкій тоже построилъ своихъ „Чающихъ движенія воды" не на развитіи одной интриги или происшествія, а на послойномъ, такъ сказать, изложеніи жизни одного или нѣсколькихъ лицъ. Но этотъ родъ романтическихъ мемуаровъ или романтическихъ хроникъ требуетъ слишкомъ большой наблюдательности, а также и юмора, къ которому вовсе не склоненъ Стебницкій. Вслѣдствіе этого-то колебанія между французскими и англійскими романистами, а также и недостатка вѣры въ свою среду, въ свой народъ и въ свою размашистую чисто-русскую натуру произошло то, что талантъ его, сначала довольно ярко заблиставшій, начинаетъ какъ будто блекнуть. Первый его романъ есть конечно лучшее его произведеніе, послѣднее же—худшее. Романъ Некуда вышелъ уже вторымъ изданіемъ и, какъ слышно, расходится, критика наша поэтому сдѣлала большое упущеніе, не обративъ на него до сихъ поръ должнаго вниманія!

Первый томъ этого произведенія въ особенности хорошъ; отъ нѣкоторыхъ сценъ и страницъ его вѣетъ такой свѣжестію, что авторъ невольно заставлялъ ждать отъ себя очень многаго. Стиль этого тома, не смотря на французскую разрывчатость и шикарность слога тоже вездѣ отдѣланъ. Постановка характеровъ вѣрна и самые характеры обѣщали, при дальнѣйшемъ развитіи, сдѣлаться живыми личностями. Но этого къ несчастію не случилось. Вслѣдствіе, вѣроятно, необходимости торопиться вторымъ, за исключеніемъ конца и весь третій томъ написаны такъ сказать подъ диктовку; а можетъ быть и идея, одушевлявшая автора, нѣсколько ослабѣла. Упадокъ идеи или недостаточное проникновеніе ею очень нерѣдко бываетъ причиной, что авторы, заговорившіе сначала очень бойко, подъ ко-

нецъ утомляются и оканчиваютъ хуже, чѣмъ начали. Въ идеѣ, одной идеѣ, поэтическая она или научная, заключаются источникъ вдохновенія и никогда неослабѣвающій стимулъ человѣческой энергіи; и до тѣхъ поръ, пока она не созрѣла въ головѣ, никогда не слѣдуетъ начинать писать, какъ бы не великъ былъ запасъ наблюденій. Стебницкому же тѣмъ болѣе естественно было ослабѣть, что идея-то собственно была не его. „Некуда“ было какъ бы продолженіемъ Взбаламученнаго моря. Говоримъ это не въ упрекъ Стебницкому: за такимъ писателемъ, какъ г. Писемскій — никому пойдти было не стыдно; и къ тому же онъ свой, стоитъ съ нимъ на одной почвѣ и ближе, значитъ, къ намъ, чѣмъ Гюго и Дикенсъ. Бѣда тутъ только была та, что г. Писемскій коснулся нѣсколько второпяхъ, въ концѣ романа той неразрѣшимой еще ни однимъ писателемъ загадки, которая представляетъ кружокъ людей отрицательнаго направленія, и вотъ Стебницкій, какъ видно, не очень-то задумывался надъ изображеніемъ этой породы людей; а задуматься было надъ чѣмъ: лучшей темы для романа нельзя было избрать въ тотъ моментъ, какъ писалось Некуда. Самая даже мысль вожатаевъ этихъ новыхъ людей, мысль, выразившаяся въ стремленіи создать какое то фантастическое общество въ исторически развившейся средѣ заключала въ себѣ много романическаго. Недаромъ же въ самомъ дѣлѣ комунистическія теоріи подѣйствовали такъ благодѣтельно на развитіе французской романтики. Но тема, выбранная Стебницкимъ, требовала также и большаго умѣнья, отдѣлить главное отъ побочнаго, существенное отъ исключительнаго; между тѣмъ въ такомъ серьезномъ тонѣ у насъ къ этому предмету никто не относился кромѣ автора „Отцовъ и дѣтей“. Всѣ большею частію ограничивались только копированіемъ частностей или анекдотической стороной жизни нашихъ проказниковъ-прогресистовъ.

Разсказъ романа Некуда довольно простъ. Стебницкій подражалъ французамъ собственно не въ складѣ разсказа, а въ тонѣ, слогѣ и нѣкоторой сортировкѣ характеровъ. Двѣ подруги-институтки, Лиза Бахарева и Жени Гловацкая ѣдутъ по окончаніи своего ученія домой. По дорогѣ онѣ останавливаются у игумени, которая приходится теткой Лизѣ. Описывается пріютъ безмятежный, сама мать Агнія и случайно попавшая въ монастырь красавица изъ

мѣщанъ, Ѳеоктиста. Лиза по поводу послѣдней заводитъ съ теткой горячій споръ, который сразу раскрываетъ передъ читателемъ и пылкій умъ Лизы, и сдержанную, какъ бы онѣмѣвшую твердость матери Агніи. Послѣдняя однакожъ, не смотря на рѣзкости племянницы, не сердится и отпускаетъ дѣвушекъ съ полнымъ радушіемъ. Видно, что страсти, когда-то бушевавшія въ ней, давно уже затихли и осталась одна только способность повелѣвать: одного слова матери Агніи достаточно, чтобы поселить на время спокойствіе даже и между живущими въ мірѣ Бахаревыми. Въ семействѣ Бахаревыхъ, гдѣ очутилась институтка Лиза, не совсѣмъ ладно: оно состоитъ изъ добраго, но облѣнившагося помѣщика, жены его, страдающей столько же нервами, сколько и глупостью, и трехъ дочерей, сестеръ Лизы—дѣвушекъ, испорченныхъ матернимъ воспитаніемъ. Лиза такимъ образомъ сразу попадаетъ въ домашній адъ и ссорится съ матерью и сестрами. Одинъ только отецъ ее любитъ, да мать Агнія поддерживаетъ своимъ твердымъ словомъ. Но Лиза, разъ настроенная противъ родныхъ, не унимается: отгораживаетъ себя отъ всѣхъ въ домѣ, не хочетъ ни съ кѣмъ знакомиться и только изрѣдка навѣщаетъ Жени въ ея спокойномъ кружкѣ, да и то всегда внезапно и съ цѣлью добыть себѣ книгъ. Чтеніе однако ее не успокоиваетъ: ей очевидно нуженъ живой человѣкъ и она никого вокругъ себя не находитъ. Одинъ только лекарь Розановъ возбуждаетъ въ ней нѣкоторую симпатію. Розановъ этотъ изъ породы несчастныхъ супруговъ; живетъ въ вѣчномъ разладѣ съ женой, составляющей въ нѣкоторомъ родѣ копію съ матери Лизы. Капризы ея только грандіознѣе и чаще переходятъ въ скандалъ, отъ котораго Розановъ не знаетъ куда дѣваться и даже пьетъ по временамъ. Характеръ Розанова не вполнѣ додѣланъ, но поставленъ очень смѣло; потому что со стороны романиста нужно было много смѣлости, чтобы сказать прямо въ глаза обществу, что не одинъ супружескій деспотизмъ, но и грубая сила скандала дѣлаютъ часто невозможнымъ продолженіе семьи. Самъ Розановъ, по видимому, ближе всего подходитъ подъ главную мысль романа, и если изъ его поступковъ исключить все относящееся до семейной жизни, то можно сказать, что за Розановымъ кроется самъ авторъ: такъ много въ этомъ характерѣ субъективности и лиризма.

Подобно героямъ Байрона Розановъ есть какъ бы идеализація авторскихъ воззрѣній на жизнь; и еслибы г. Стебницкій могъ отдѣлиться отъ этой идеализаціи и стать на болѣе объективную точку, то изъ характера Розанова вышло бы нѣчто очень замѣчательное.

На зиму семейство Бахаревыхъ переѣхало въ городъ; но тамъ характеръ Лизы принялъ еще болѣе странное направленіе. Недовольная пустотою и плоскостями свѣтской жизни, она вдругъ уѣзжаетъ внезапно въ деревню, не сказавши ни слова роднымъ. Пріѣздъ молодой дѣвушки въ холодный и пустой домъ, гдѣ она никого не встрѣтила кромѣ эксцентричнаго лекаря Розанова и рабски-преданнаго ей учителя Помады, заключалъ, конечно, въ себѣ много романтически-неожиданнаго: но пасажъ этотъ сопровождается такими поэтическими подробностями, что нельзя не простить автору этого чисто-французскаго пріема. Особенно хорошо выглядываетъ въ этомъ романтическомъ этюдѣ описаніе залы пустаго, нетопленнаго дома, въ которомъ Лиза задумала провести зиму.

„Слабо освѣщала большую залу одна сальная свѣчка. Хорошо видѣнъ былъ только большой обѣденный столъ да два нижніе ряда нагроможденныхъ на немъ подъ самый потолокъ стульевъ, которые самымъ причудливымъ образомъ выставляли во всѣ стороны свои тоненькія, загнутыя ножки. А далѣе былъ мракъ, съ которымъ не хотѣлъ и бороться щедушный огонекъ свѣчки. Только взглянувши въ отворенную дверь гостиной, можно было почувствовать, что это не настоящій мракъ и что есть мѣсто, гдѣ еще темнѣе. Какъ ни слаба была полоска свѣта, падавшая на полъ залы сквозь рядъ высунутыхъ стульями ножекъ, но все-таки по этому полу, прямо къ двери гостиной, ползла громадная фантастическая тѣнь, напоминавшая какое-то многорукое чудовище изъ волшебнаго міра. Тонкія кривыя ножки выростали на тѣни по мѣрѣ удаленія отъ свѣчки, причудливо растягивались и не обрѣзывались, а какъ-то смѣшивались съ темнотою, словно пощупывая тамъ что-то или кого-то подкарауливая.“

Въ деревнѣ авторъ окружаетъ Лизу семействомъ Жени, жившимъ тутъ же по близости; но она всѣхъ дичится и только одного ограниченнаго и некрасиваго изъ себя Помаду держитъ при себѣ, чѣмъ то въ родѣ слуги. Онъ ей читаетъ вслухъ книги, исполняетъ

порученія, ходитъ какъ вѣрный песъ за своей госпожей. Онъ въ нее влюбленъ, но она къ нему болѣе чѣмъ равнодушна. Положеніе довольно оригинальное. Она наконецъ такъ зачитывается, что ко всѣмъ дѣлается равнодушна, не исключая и Жени; и понятно, что такое занятіе не очень-то успокоиваетъ ея воображеніе. Съ Розановымъ она продолжаетъ видѣться, но ему ужъ не до нея: онъ переноситъ страшную семейную пытку, отъ которой начинаетъ пить. Лиза является его спасительницей и заставляетъ его уѣхать въ Москву. Этимъ и оканчивается первый томъ.

Перенесясь вмѣстѣ со своимъ любимцемъ-героемъ въ столицу, Стебницкій вдругъ измѣняетъ какъ будто свой тонъ и, замедливши свой разсказъ, начинаетъ вдругъ показывать длинный рядъ худо снятыхъ фотографическихъ карточекъ, которыя онъ вынимаетъ изъ своего кармана или портфеля въ такомъ обиліи, что читатель наконецъ спрашиваетъ—да что-же это такое, копія съ дѣйствительной жизни или отчетъ о личныхъ знакомствахъ автора? Пріѣзжаетъ напримѣръ его герой въ Москву, поселяется у своего товарища Нечая—описывается Нечай; подлѣ товарища его живетъ коректоръ Араповъ — авторъ и коректора показываетъ; у Арапова много пріятелей, онъ и съ нихъ снимаетъ фотографическія карточки. Подвертывается Розанову знакомство съ маркизой, разыгрывающей роль русской мадамъ Ролланъ, съ докторомъ, мечтающимъ о женщинахъ-врачахъ, съ евреемъ, литографирующемъ запрещенныя рукописи, со старовѣромъ, неизвѣстно зачѣмъ-то сюда попавшимъ, и со всѣхъ тоже снимаются болѣе или менѣе вѣрные портреты. И замѣчательно, что во всей этой длинной исторіи Розановъ не играетъ почти никакой роли, а только развѣ закусываетъ гдѣ нибудь въ качествѣ наблюдателя или опонируетъ противъ разныхъ пародоксальныхъ фразъ, которыя сыплятся на него градомъ. Вслѣдъ за Розановымъ является въ Москву и Лиза съ родными; являются новыя знакомства, которыя авторъ тоже описываетъ то одной, то другой чертою характера, а иногда даже и какою нибудь привычкою. Передъ читателемъ развертывается длинный рядъ анекдотовъ и сценъ, имѣющихъ цѣлью обрисовать то время, когда происходили университетскія тревоги и разбрасывались разныя прокламаціи; но на самомъ дѣлѣ время это обрисовывается не совсѣмъ

ясно въ романѣ. Штриховъ и красокъ много, а между тѣмъ цѣльныхъ и живыхъ фигуръ почти нѣтъ; такъ что авторъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы свои наблюденія надъ нигилистическимъ муравейникомъ рѣшился совмѣстить въ трехъ или четырехъ характерахъ, а не дагеротипически снимать ихъ со множества отдѣльныхъ личностей. Дагеротипизмомъ, конечно, отличаются и англійскіе писатели, но качество это въ нихъ еще не главное достоинство. И къ тому же романы ихъ отнюдь не имѣютъ ни обличительнаго, ни полемическаго характера. Не то можно сказать о романѣ Некуда. Общій голосъ (мы не беремся рѣшить, на сколько онъ вѣренъ), что въ этомъ произведеніи затронуто очень много живыхъ личностей Таковъ пріемъ въ сущности не обиденъ и даже не новъ; потому что кто же кромѣ немногихъ можетъузнать, что это именно то, а не другое лице. Не новъ онъ потому, что еще Мольера упрекали въ такомъ заимствованіи; но то былъ Мольеръ, который дѣйствительно, говорятъ, умѣлъ держаться и подлинника жизни и схватывать въ ней типичное. Въ большинствѣ же случаевъ такой пріемъ указываетъ только на недостатокъ творчества въ авторѣ; чтобы обрисовать дѣйствительно существующее лице, не нужно много таланта, какъ ясно доказали расплодившіеся у насъ обличители. Существенное достоинство таланта именно и состоитъ въ умѣньи сортировать въ своемъ воображеніи людей, разсматривать ихъ по группамъ и по типическимъ особенностямъ и эти группы возводить въ характеры. Простымъ же копированіемъ жизни описать нельзя, бумаги не хватитъ. И къ тому же изучая только одинъ дѣйствительный характеръ ради изображенія какого нибудь героя, можно страшно ошибиться, взглянувъ на него съ одной стороны или подъ вліяніемъ своей идеи.

Среда, которую описываетъ такимъ образомъ авторъ, оказываетъ наконецъ свое дѣйствіе на два главныя дѣйствующія лица въ романѣ. Розановъ окончательно расходится съ этимъ диковеннымъ міромъ; Лизу же онъ втягиваетъ въ себя. Въ немъ, въ этомъ диковенномъ муравейникѣ, она видитъ какъ бы продолженіе того неопредѣленнаго броженія ума, которое развилось у нея вслѣдствіе безпорядочнаго чтенія. Особенно сильное вліяніе на Лизу оказываетъ нѣкая дѣвица Бертольди, обрисованная у автора почти художествен-

ными штрихами: ничего въ сущности не дѣлая, особа эта вѣчно озабочена и занята; мужскія привычки усвоены ею въ совершенствѣ; цинизмъ доходитъ до наивности, а безтолковая игра научными именами и фактами граничитъ почти съ тупоуміемъ. Эта то увѣренность въ произношеніи громкихъ фразъ и парадоксовъ, болѣе всего кажется и поражаетъ экзальтированную Лизу, не видѣвшую въ семьѣ ничего кромѣ дрязгъ. Чудачество и задоръ окружавшихъ ее людей кажется ей чѣмъ то новымъ и необыкновенно смѣлымъ; додомашняя же пошлостъ даетъ ей совершенно превратное понятіе о семейной жизни. И вотъ она рѣшается наконецъ на разрывъ съ семьй; передъ читателемъ развертывается одна изъ тѣхъ диковинныхъ драмъ, которыми такъ было богато послѣднее время. Изъ отцовскаго дома убѣгаетъ вдругъ на всегда взрослая красавица дочь и убѣгаетъ не по любви къ кому нибудь и не вслѣдствіе домашняго деспотизма, а просто потому, чтобы очутиться въ другой средѣ. Нельзя не отдать полной справедливости автору, что это столь замѣчательное явленіе, какъ бѣгство дѣвушки ради идеи, описано авторомъ со всѣмъ жаромъ и одушевленіемъ, на которое только способенъ талантливый и негодующій человѣкъ. Послѣдняя глава втораго тома, гдѣ изображена картина отчаянія отца, отъ котораго убѣжала, неизвѣстно куда и зачѣмъ, любимая дочь, можетъ быть названа лучшею въ романѣ.

Почти рядомъ съ этими-же описаніями разсказано какъ обрушилась бѣда на голову бѣднаго Розанова. Къ нему какъ снѣгъ на голову, неожиданно пріѣхала жена съ своими неистощимыми капризами и чисто геніальнымъ умѣніемъ оскандализировать семью. Видя какую-то особенную честь въ томъ, чтобы ее считали обиженной, она очень ловко нажаловалась на своего тирана-мужа его знакомымъ. Поставленный такимъ образомъ между трехъ огней, между любовью и дѣтей, ненавистью жены и непріязнью постороннихъ, Розановъ впадаетъ въ такой разладъ съ самимъ собою, что начинаетъ пить горькую; и мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать нѣсколько строкъ изъ картины этого трагическаго запоя.

„Въ одинокомъ нумеркѣ (куда онъ спрятался въ припадкѣ запоя) вечерѣло. Румяный свѣтъ заката черезъ крышу сосѣдняго дома весело и тепло смотрѣлъ между двухъ занавѣсокъ и освѣщалъ

спокойно сидящаго на диванѣ Розанова. Докторъ сидѣлъ въ вицъ-мундирѣ, какъ возвратился четыре дня тому назадъ изъ больницы и завивалъ въ рукахъ длинную полоску бумажки. Въ нумерѣ все было въ порядкѣ и самъ Розановъ тоже казался въ совершенномъ порядкѣ: во всей его фигурѣ не было и слѣда четырехдневнаго пьянства и лице его смотрѣло одушевленно и опрятно. Даже оно было теперь свѣжѣе и счастливѣе, чѣмъ обыкновенно. Это бываетъ у нѣкоторыхъ людей, страдающихъ запоемъ, въ первые дни ихъ болѣзни. Передъ Розановымъ стоялъ графинчикъ съ водкой, ломоть ржанаго хлѣба, солонка и рюмка. Въ комнатѣ была совершенная тишина. Розановъ вздохнулъ, налилъ себѣ рюмку водки, проглотилъ ее и принялъ снова свое покойное положенiе. Розановъ сталъ подниматься, но тотчасъ же сѣлъ и началъ отталкивать отъ себя что-то ногою.—Пожалуйте, сударь, позвалъ его лакей.—Ты прежде выкинь это, отвѣчалъ Розановъ, указывая пальцемъ лѣвой руки на полъ.—Что такое выкинуть?—Змѣйка, вонъ, вонъ, на полу змѣйка зелененькая, говорилъ Розановъ, указывая лакею на пустое мѣсто.“ Спасаетъ Розанова на этотъ разъ ужъ не Лиза, а одна вновь появившаяся въ разсказѣ дама; тоже какъ и Розановъ, изъ породы несчастныхъ супруговъ. Подъ конецъ впрочемъ авторъ устраиваетъ судьбу своего героя: Розановъ сближается съ своей спасительницей и расходится окончательно съ женой. Весь интересъ романа сосредоточивается затѣмъ на Лизѣ.

Въ третьемъ и послѣднемъ томѣ Лиза оказывается живущею въ одной изъ комунъ, о которыхъ у насъ въ послѣднее время шло такъ много толковъ. Почти весь этотъ томъ посвященъ описанiю разнаго рода перепетiй, происходившихъ въ жизни этого диковиннаго дома согласiя или вѣрнѣе дома раздора. Читатель какъ бы совсѣмъ уходитъ за предѣлы вѣроятнаго; и смотря на эти попытки молодаго человѣчества сплотниться въ какую-то безобразную семью, невольно чувствуешь тоску, особенно теперь, когда все это пронеслось какъ дымъ или тяжелый кошемаръ. Да неужели все это было, спроситъ быть можетъ провинцiалъ, вглядываясь въ этотъ пестрый калейдоскопъ интригъ изъ за идеи, волокитствъ ради дѣла и громко произносимыхъ фразъ подъ предлогомъ проведенiя истины? Не ужели существовало все это сожительство въ кучѣ и тянулись безконеч-

ные споры о томъ, имѣетъ-ли право каждый членъ безъ разрѣшенія комуны покупать вещи, можно или нѣтъ отдѣльному индивидууму принимать особо гостей и слѣдуетъ ли держать при себѣ слугъ и т. д. Да, все это было, и если почему нибудь кажется сомнительнымъ на полотнѣ романа, то это отъ того, что романистъ уже черезъ-чуръ держался подлинника жизни, черезъ-чуръ въѣдался въ каждую личность. Особенно замѣтно это въ изображеніи предводителя комуны, Бѣлоярцева. Такъ и чудится, что авторъ старается схватить не типъ его характера, а какъ бы уязвить и представить въ карикатурномъ видѣ этотъ странный образъ. Вообще г. Стебницкій совершенно не умѣетъ равнодушно относиться къ своимъ героямъ, забывая, что они ему ни друзья, ни враги, а болѣе или менѣе вѣрные проводники идей. По мѣрѣ приближенія къ концу торопливость, такъ ясно пробивающаяся въ слогѣ, все возрастаетъ: не только періоды, но и главы дѣлаются короче и авторъ, какъ бы запыхавшись, мечется въ разныя стороны и переноситъ читателя то въ тихую мирную семью, то въ бурную, безшабашную комуну, то на поле битвы польскихъ повстанцевъ, то въ редакцію отсталаго журнала, то заставляетъ читателя присутствовать при арестѣ политическаго преступника, то бударажитъ его нервы разсказомъ о самовольномъ паденіи молоденькой дѣвочки. Самое положеніе Лизы, наконецъ, теряетъ прежній интересъ, вѣроятно вслѣдствіе истощенія наблюденій автора надъ этимъ хорошо задуманнымъ характеромъ; положеніе это тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть вѣрнымъ до конца. Лиза остается неприкосновенной къ той грязи, которая вокругъ нея накипаетъ, и не прельщается ни однимъ изъ просвѣтителей-эмансипаторовъ. Въ ней даже развивается протестъ и недовольство новой жизнью; только встрѣча съ молодымъ Райнеромъ нѣсколько успокоиваетъ ея пытливо-страстную натуру. Но Райнеръ опасный человѣкъ: его, какъ и дѣда, авторъ подвергаетъ разстрѣлянію; Лиза не переноситъ несчастія и умираетъ. Больше съ нею ничего не оставалось дѣлать; потому что изъ этого сильно взбаломученнаго моря дѣйствительно было выйдти ей *некуда*.

Теперь для болѣе вѣрной характеристики таланта Стебницкаго намъ слѣдуетъ еще сказать о позднѣйшихъ его произведеніяхъ, тѣмъ болѣе, что г. Стебницкій не остановился на томъ, что было

имъ высказано въ романѣ Некуда. Но слѣдующее произведеніе: Обойденные, можетъ считаться, какъ бы продолженіемъ или развитіемъ идеи, набѣжавшей въ его странствованіи по взбаламученому морю. Уже его герой Розановъ представляется въ нѣкоторомъ родѣ обойденнымъ вслѣдствіе дурно сложившейся семейной обстановки; но Розановъ находитъ еще исходъ въ разрывѣ, съ женой и въ сближеніи съ другой столь же обойденной, супругой Калистратовой. Изъ двухъ злосчастныхъ союзовъ выходитъ такимъ образомъ одна счастливая пара. Въ романѣ, спеціально названномъ „Обойденные“, это нѣсколько исключительное положеніе усложняется, хотя характеры остаются почти тѣже. Роль несчастнаго супруга разыгрываетъ тутъ Долинскій—тотъ же самый Розановъ, только ужъ съ совершенно упавшей энергіей; роль же несчастной супруги исполняетъ Анна Михайловна, живущая, какъ и Долинскій, въ котораго она влюблена, въ рззводѣ. Счастіе впрочемъ выпадаетъ не на ея долю, а на долю ея младшей сестры Доры, такой же многочитающей дѣвушки, какъ и Лиза. При самомъ очевидномъ сходствѣ характеровъ обѣ онѣ отличаются совершенно противоположнымъ направленіемъ мыслей: Лиза не смотря на всю шаткость положенія въ средѣ двусмысленно живущей комуны остается неприкосновенной. Дора же, наперекоръ горячей привязанности къ сестрѣ, безпредѣльной любви этой послѣдней къ Долинскому и вопреки своему собственному дѣвичьему положенію увозитъ Долинскаго за границу подъ невиннымъ предлогомъ болѣзни и тамъ на свободѣ овладѣваетъ, что называется съ боя своимъ предметомъ. Такая рѣзкая перемѣна въ настроеніи главныхъ и сходныхъ между собою характеровъ романа Некуда и романа Обойденные, показываетъ, что авторъ хотѣлъ сказать въ послѣднемъ нѣчто противоположное своему первоначальному образу мыслей; а такой переворотъ въ міросозерцаніи, конечно, говоритъ, не въ пользу твердости убѣжденій автора. Даже во взглядѣ на ревность, эту столь долго занимавшую нашихъ литераторовъ человѣческую слабость, Стебницкій оказывается другаго мнѣнія и называетъ уже ревность качествомъ глупыхъ людей. Разбирать подробно „Обойденные“ мы впрочемъ не будемъ; такъ какъ произведенія этого мы уже касались въ статьѣ: „Суета Суетъ“. Скажемъ только кратко, что романъ, не смотря на многія поэтическія подробности и болѣе или менѣе

удачные эпизоды, въ цѣломъ не послужилъ ни къ чему другому, какъ къ ослабленiю впѣчатленiя произведеннаго Некуда.

Изъ дальнѣйшихъ белетристическихъ трудовъ Стебницкаго стоитъ тоже упомянуть о „Воительницѣ". Повѣсть очень веселая и оригинальная, но опять страдающая неудачнымъ выборомъ темы. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней оказывается женщина, занимающаяся непозволительнымъ сближенiемъ паръ. Въ печати неловко даже и назвать прямо, кто такая была эта особа, отъ лица которой ведется весь разсказъ; а между тѣмъ надъ ней потрачено не мало таланта и фигура ея представляется въ такомъ наивно-идеальномъ видѣ, что почти не вѣрится, чтобы авторъ болѣе одного раза видѣлъ такую личность. Въ повѣсти, впрочемъ, есть мѣста, отличающiяся и болѣе глубокимъ пониманiемъ свѣтлой стороны жизни— какъ напримѣръ сцена борьбы, падающей изъ-за нищеты женщины; но это же самое произведенiе пересыпано къ несчастiю и двусмысленными шуточками и разными приглядными сценками, которыя г. Стебницкiй выразительно называетъ словомъ—скоромь. Не явно ли, что на талантъ автора дѣйствуетъ нѣкоторымъ образомъ водоворотъ, крутящiйся жизни, и что онъ, не смотря на всю свою вражду къ цинизму, не можетъ вынырнуть изъ волнъ современнаго безобразiя.

Въ Островитянахъ, слѣдующихъ за Воительницей, авторъ спустился еще ниже въ своей белетристической дѣятельности. Г. Писемскаго, у котораго онъ вообще многому поучился, онъ тутъ ужъ совершенно оставляетъ и клонится на сторону чистѣйшей романтики. Тотъ родъ жизни, до котораго онъ здѣсь касается, по видимому даже мало знакомъ ему; и потому онъ опять, что называется въѣдается въ одну личность художника Истомина, котораго и казнитъ безъ милосердiя. Казнь эта такъ ясна, что становится даже жаль бѣднаго Истомина, не смотря на всю призрачность его фигуры. Послѣ, правда, онъ сжалился надъ своимъ героемъ; но отъ этого становится читателю не легче. Онъ видитъ все-таки, что это не болѣе какъ комедiя или вмѣстѣ съ тѣмъ мечта надъ жизнью.

О „Чающихъ движенiя воды" мы уже говорили и намъ остается прибавить только одно: романъ кромѣ растянутости страдаетъ еще и неудачнымъ выборомъ среды для дѣйствующихъ лицъ. Среда эта, сколько можно понять по началу, духовное сословiе, среда самая

неудобная для романиста. Къ тому же приготовленіе къ входу въ это сословіе подвергается теперь такимъ кореннымъ реформамъ, что Стебницкому при дальнѣйшемъ развитіи идеи пришлось бы или бить по задамъ, или отстаивать то, что ужъ не можетъ быть отстаиваемо. Библейскіе эпиграфы, которыми обставленъ романъ, тоже намъ думается, мало умѣстны: такіе эпиграфы шли бы для выраженія величія; качества же этого совсѣмъ нѣтъ въ фигурахъ дьячка Пизонскаго, грѣховодника Дѣева и проч.

Отъ романтической хроники, отличающейся затянутостью, авторъ совершенно неожиданно перешелъ къ драмѣ и этимъ сдѣлалъ самый большой быть можетъ въ своей литературной карьерѣ промахъ. Буря негодованія, разразившаяся надъ его пьесой, не соотвѣтствуетъ, конечно ошибкамъ этого произведенія: буря эта приготовлена была отчасти и памфлетнымъ свойствомъ его пера, а не однимъ только рожденіемъ на свѣтъ „Расточителя", тѣмъ не менѣе рождать его на свѣтъ Стебницкому не слѣдовало бы. Дѣтище это, прижитое имъ въ Литературной Библіотекѣ, вышло незаконное. Не слѣдуя никогда никакимъ тенденціямъ, Стебницкій въ Расточителѣ оказывается самымъ преданнымъ слугою вновь возникающаго направленія. Направленіе это еще не опредѣлилось; но при столь неожиданномъ обогащеніи дѣятелями оно, безъ сомнѣнія, скоро опредѣлится. Прелюбопытное должно выдти зрѣлище. Что касается до струи, вводимой въ этотъ журналъ Стебницкимъ вмѣстѣ съ шумомъ и трескомъ его драмы, то струя эта ужъ сама по себѣ прозрачна какъ воздухъ: вся разница, которая доселѣ существовала въ умахъ благомыслящихъ людей между самоуправленіемъ и самовластіемъ, судомъ гласнымъ и негласнымъ, какъ будто стушевывается передъ этимъ новымъ вѣяніемъ. И мірская сходка, и словесный судъ, здравый смыслъ общества, все блѣднѣетъ передъ тѣмъ идеальнымъ образомъ бумажнаго дѣлопроизводства, который вдохновлялъ Стебницкаго, когда онъ писалъ драму. Затрогивая міръ въ своей драматической экскурсіи, Стебницкій старается изобразить не необразованіе простолюдина, а врожденную глупость и неспособность къ общественности. „Уре, уре, полетѣла!" кричатъ у него мужики на галку, вертѣвшую хвостомъ въ назиданіе,—должно быть, сотрудниковъ Литературной Библіотеки. Гдѣ же это видано, чтобы мужики обратили вниманіе на столь привычный для

нихъ предметъ. Романистъ отъ нечего дѣлать, пожалуй, еще можетъ засмотрѣться на галку, но рабочій человѣкъ слишкомъ хорошо знакомъ съ нею съ дѣтства, чтобы наблюдать надъ ней, какъ еще она вертитъ хвостомъ.

Не оставаясь вѣрнымъ направленію журнала, авторъ съумѣлъ быть также вѣрнымъ и самому себѣ: его любимая идея о перекрестныхъ бракахъ или объ образованіи изъ двухъ несчастныхъ супружествъ одной счастливой пары опять всплываетъ наверхъ. Герой драмы, тоже какъ и въ предыдущихъ произведеніяхъ, мужъ злодѣйки-жены, а героиня — жена разбойника-мужа. На препятствіяхъ, которыми окружено это желаемое сближеніе, построенъ весь драматизмъ пьесы. Мы нисколько бы не порицали автора, еслибы онъ это дѣйствительно-возможное въ жизни положеніе выставилъ разъ; но говорить объ этомъ до трехъ разъ и притомъ обставлять обѣ пары такъ, какъ онъ это дѣлаетъ, болѣе чѣмъ странно. Положеніе это все-таки исключительное: если дѣти и при перестраиваніи одной семьи оказываются немалой помѣхой, то тѣмъ болѣе они могутъ затруднять при перестройкѣ двухъ семьей. Романисты отрицательной школы поступали въ такихъ экстренныхъ случаяхъ уже лучше: они просто дѣлали своихъ героевъ бездѣтными и за этимъ поступали съ ними, какъ имъ вздумается. Стебницкій, значитъ, пошелъ дальше ихъ.

Самая главная ошибка Стебницкаго заключается впрочемъ не въ томъ, что онъ написалъ „Расточителя", а въ томъ, что перешелъ отъ романическаго рода къ драматическому поприщу. Авторъ, долго упражнявшійся въ писаніи романовъ, едва ли можетъ превратиться въ настоящаго драматурга. Постройка драмъ и строченіе романовъ требуютъ совершенно различныхъ пріемовъ, романисту болѣе всего необходима наблюдательность надъ жизнью, драматургу же—знаніе человѣческаго сердца; талантъ перваго выражается преимущественно въ разсказѣ и описаніи жизни, талантъ же послѣдняго — въ дѣйствіи и разговорахъ. И вотъ потому-то романисты, которыхъ наблюдательность значительно истощилась, рѣшаются иногда выѣзжать на драмахъ; но такъ какъ имъ, къ несчастію, недостаетъ большей частію знанія человѣческаго сердца и пружинъ, которыми оно управляется, то драмы у нихъ обыкновенно бываютъ хуже романовъ. Это же самое произошло и со Стебницкимъ: въ драмѣ своей онъ

остался такимъ же романистомъ, какъ и прежде. Вмѣсто знанія человѣческаго сердца, у него оказалось только знаніе бенгалики; монологи его страшно-холодны, діалоги же пересыпаны анекдотами, прибаутками и двусмысленностями и пьеса мѣстами дышетъ такой утонченной чувственностію, что дѣлается непонятнымъ, какъ могъ взвалить авторъ этого рода наблюденія на шестидесятилѣтняго старика. „Вѣдь это, вѣдь это, говоритъ Князевъ, цѣлуя себѣ пальцы въ порывѣ страстнаго воспоминанія, вѣдь это сюпер-фейнъ. Это... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь.“ Далѣе, чтобы придвинуть драму болѣе къ современности, г. Стебницкій приплетаетъ къ своему Расточителю не только славянскихъ братій, новые суды, но и парижскій трактиръ Корещенко. Одинъ изъ его героевъ успѣлъ, пока онъ писалъ драму, возвратиться изъ Парижа и разсказать даже кое-что о надписяхъ, красующихся по сторонамъ вокзаловъ. Авторъ наконецъ дѣлаетъ въ своей пьесѣ метеорологичскія предсказанія и даже довольно вѣрныя; потому что зима дѣйствительно оказалась довольно холодная, какъ трактовали о томъ герои Стебницкаго еще лѣтомъ. Въ водевилѣ же прибаутки и прикрасы, пожалуй, еще бы шли, но въ драмѣ они просто показываютъ, что Стебницкій имѣетъ слишкомъ легкій взглядъ на сценическое искуство. Между тѣмъ г. Стебницкій, какъ слышно, пишетъ и критики, чуть-ли не также и въ пользу себѣ. И формулируя его значительно разсѣявшуюся и черезъ то ослабѣвшую дѣятельность можно сказать, что г. Стебницкій пишетъ одной рукой драму, другой романъ, а ногами критику. Не явно-ли, что онъ не знаетъ, что ему дѣлать?

Мы потому-то и остановились въ настоящую минуту на произведеніяхъ г. Стебницкаго и г. Крестовскаго, что они писатели далеко не исписавшіеся: они готовятъ міру два новые романа. Было бы поэтому жаль, еслибы они впали опять въ тѣ погрѣшности, на которыя мы указали. Публика наша хотя и снисходительна вообще къ писателямъ, не заботящимся о художественной обработкѣ, но за то же она и измѣнчива къ нимъ во вкусахъ. Игра въ популярность вещь очень опасная, особенно въ белетристикѣ. На нашемъ сравнительно недолгомъ вѣку снесено столько литературныхъ покойниковъ, что не хотѣлось бы еще ихъ видѣть. Въ теперешнее время, время національнаго возбужденія, слѣдо-

вать въ манерѣ писанія за французскими романистами и говорить народу прямо въ глаза, что онъ глупъ, безтактно и несправедливо Не глупъ онъ, когда вынесъ на своихъ плечахъ тысячелѣтнюю исторію; не глупъ онъ, когда во имя его тянутся къ намъ родственныя племена. Утверждать, что народъ—скоты, дурачье, какъ сдѣлалъ это драматургъ—Стебницкій, значило бы проклинать ту почву, на которой мы стоимъ. Въ г. Крестовскомъ еще больше вѣры въ свою среду и въ свой народъ, изъ котораго мы всѣ вышли. У г. Стебницкаго же почти презрѣніе проскользаетъ, когда онъ дотрогивается своимъ перомъ до народной жизни. Осторожнѣй, гг. белетристы! Мы уже не помѣщики, властвовавшіе крестьянами, и не чиновники, думавшіе только о своихъ выгодахъ. Ужели это помѣщичье или чиновничье отношеніе къ народу не исчезнетъ изъ литературы, когда его уже нѣтъ и въ жизни. Царь освободилъ его отъ египетской работы и далъ ему правый судъ, а гг. литераторы называютъ его дурачьемъ. Да что же послѣ того ему свобода икак ъ ему ей пользоваться, если бюрократія соединится съ писательствомъ?.. Будьте же, господа белетристы, болѣе русскими, то есть болѣе оригинальными, перестаньте рыться въ сору! Поэтъ-художникъ только и можетъ наполнить ту пустоту, которая остается внутри бойкоочерчиваемыхъ политическихъ круговъ; языкъ и литература только и могутъ связать въ одно цѣлое то, чего не въ силахъ сплотнить никакія секты или системы,—языкъ же вышелъ изъ народа. Какъ это мы теперь вдругъ хотимъ, чтобы многовѣтвистое древо литературы, раскинувшее свои цвѣты и листья въ воздухѣ, не питалось соками и почвой, изъ которой оно вышло?

Николай Соловьевъ.

НАШЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

(Окончаніе)

Дѣйствительныя причины существующихъ у насъ дороговизны, безденежья, застоя въ промышленности и другихъ экономическихъ затрудненій. Устранимость этихъ затрудненій путемъ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, развитію народной капитализаціи и кредита. Раціональность системы гр. Канкрина.

Представивъ доказательства, что бумажныя деньги не только представляютъ собою необходимое экономическое явленіе, но и составляютъ, какъ весьма вѣрно выразился знаменитый Рикардо, высшій родъ денегъ, мы должны теперь разсмотрѣть, въ какой степени основательны доводы тѣхъ, которые приписываютъ кредитнымъ билетамъ всѣ существующія у насъ экономическія и финансовыя затрудненія.

Для надлежащей оцѣнки такихъ доводовъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, когда и какъ возникли у насъ кредитные билеты и какимъ образомъ количество ихъ умножилось до настоящей ихъ цифры, которая кажется нашимъ экономистамъ несоразмѣрной съ потребностью въ нихъ.

Какъ извѣстно, до царствованія Екатерины II у насъ не было бумажныхъ денегъ. Преобладающею тогда монетой была мѣдная; серебрянныя же и золотыя монеты обращались тогда у насъ преимущественно только въ высшихъ слояхъ общества и въ высшихъ комерческихъ кружкахъ. Мѣдь стоила тогда около 8 р. сер. пудъ; но, не смотря на то, что изъ пуда мѣди чеканилось на 16 р. монеты, эта послѣдняя была еще слишкомъ тяжеловѣсна, чтобъ не быть неудобнымъ орудіемъ обращенія. Чтобъ устранитъ такое затрудненіе въ денежномъ обращеніи, Екатерина II повелѣла въ 1768 году учре-

дить асигнаціонный банкъ съ цѣлію выпуска билетовъ, или асигнацій, въ обмѣнъ и подъ обезпеченіе мѣдной монеты. Не смотря на то, что первоначально эти асигнаціи были достоинствомъ только въ 100, 75, 50 и не ниже 25 рублей, тѣмъ не менѣе публика приняла ихъ съ благодарностью, охотно брала ихъ сначала въ обмѣнъ на одну мѣдную, а потомъ и на золотую и серебряную монеты, такъ что къ 1774 году асигнацій было въ обращеніи уже на 20 миліоновъ, сумму очень значительную для того времени. Помня исторію Ло и боясь излишняго выпуска бумажныхъ денегъ, императрица приняла было мѣры остановить дальнѣйшій выпускъ асигнацій, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе роскоши, развивавшейся тогда, большихъ закупокъ за-границей и недостаточной внутренней производительности возникъ лажъ на серебро отъ 1 до 2%. Но отъ этого намѣренія необходимо было отказаться какъ по причинѣ надобностей государственнаго казначейства, такъ и по причинѣ учрежденія въ 1786 году заемнаго банка для раздачи ссудъ помѣщикамъ и городамъ. Войны съ Турціею, Швеціею, Польшею и Персіею также потребовали новыхъ выпусковъ асигнацій, такъ что въ 1796 году, т. е. въ годъ кончины императрицы Екатерины II, ихъ было уже въ обращеніи на сумму до 157 миліоновъ. Замѣтимъ къ слову, что многіе ставятъ въ упрекъ царствованію Екатерины II эти 157 миліоновъ; но можно ли при этомъ забывать, какъ много совершено этой великой государыней для блага и славы Россіи и притомъ въ то время, когда и матеріальныя, и всѣ остальныя силы и средства нашего отечества были такъ ограничены? Какъ уже было весьма основательно замѣчено однимъ умнымъ человѣкомъ, на однѣ мѣдныя деньги нельзя было бы сдѣлать все то, что было совершено Екатериной II. Замѣтимъ также, что изъ этихъ 157 мил. на однѣ ссуды помѣщикамъ и городамъ было употреблено до 53 мил. и одинъ учрежденный императрицей съ этою цѣлію заемный банкъ, конечно, принесъ болѣе пользы Россіи, чѣмъ на эти миліоны.

Нужды государства, въ особенности во время отечественной войны, были причиной, что съ тѣхъ поръ продолжались выпуски асигнацій, такъ что въ 1817 году ихъ уже находилось въ обращеніи на сумму до 836 мил., которая, благодаря мѣрамъ правительства, понизилась въ 1822 году до 577 мил. Конечно, хотя и не пропорціонально количеству обращавшихся асигнацій, но тѣмъ не менѣе съ умноженіемъ ихъ возвышался и лажъ на звонкую монету, который

и дошелъ въ 1814 г. до 400 %, т. е. асигнаціонный рубль стоилъ на серебро только 25 коп. Этотъ лажъ немного только измѣнялся до 1843 г., когда были введены у насъ кредитные билеты.

Какъ извѣстно, первоначально кредитные билеты выпускались только въ обмѣнъ на прежнія асигнаціи и на звонкую монету, количество которой все болѣе и болѣе возрастало у насъ со времени вступленія гр. Канкрина въ управленіе министерствомъ финансовъ. Такимъ образомъ съ 1843 по 1853 годъ включительно, т. е. когда у насъ былъ вполнѣ свободный размѣнъ, было выпущено кредитныхъ билетовъ всего на сумму 333 мил. р. сер. Восточная война стоила и намъ, какъ и нашимъ тогдашнимъ врагамъ, большихъ денегъ. Завѣтная мысль гр. Канкрина *составить капиталъ на черный для Россіи день* не была осуществлена. Тѣмъ не менѣе, благодаря между прочимъ системѣ гр. Канкрина, Россія при началѣ восточной войны была богата, по крайней мѣрѣ относительно, т. е. на столько, на сколько можетъ быть богатой страна еще мало устроенная, притомъ съ крѣпостнымъ правомъ и нѣкоторыми другими неблагопріятными для народнаго благосостоянія и государственнаго могущества условіями. Благодаря именно системѣ гр. Канкрина, системѣ, конечно, въ нѣкоторыхъ частностяхъ ошибочной, но тѣмъ не менѣе въ общей сложности здравой, въ основаніи которой лежало самое вѣрное и единственно ведущее къ дѣйствительнымъ успѣхамъ финансовое начало, а именно улучшеніе финансовъ путемъ развитія народнаго просвѣщенія, народной промышленности и народнаго благосостоянія вообще, благодаря этой системѣ, Россія была при началѣ восточной войны относительно богата, и у насъ обращались тогда не только бумажныя, но и металическія деньги, да кромѣ того былъ очень значительный, возросшій въ 1853 г. до 161,000,000 р. металическій фондъ. Замѣтимъ къ слову, что мы указываемъ на этотъ фондъ вовсе не потому, чтобъ онъ имѣлъ то магическое значеніе, какое приписываютъ такимъ фондамъ противники бумажныхъ денегъ, а потому, что онъ служилъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, если и не полнаго, то по крайней мѣрѣ относительнаго высокаго экономическаго достатка Россіи въ то время.

Понятно, что восточная война должна была намъ стоить дорого, и вотъ причина, почему въ 1855 и 1856 годахъ было выпущено такое значительное количество кредитныхъ билетовъ, что сумма ихъ возрасла къ 1857 году до 689 мил. Но можно смѣло утверждать,

что безъ такой мѣры нельзя было обойтись въ то время. Чтобъ найдти необходимыя для веденія войны денежныя средства, правительство могло прибѣгнуть только съ слѣдующимъ средствамъ: внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ, возвышенію налоговъ и выпускамъ кредитныхъ билетовъ; но успѣшные внѣшніе займы, въ особенности значительные, были тогда немыслимы; довольствоваться внутренними нельзя было уже потому, что большіе внутренніе займы поставили бы въ затрудненіе не только все наше народное хозяйство, но и кредитныя установленія, а возвышеніе налоговъ было бы мѣрой несвоевременной, тѣмъ болѣе, что благостояніе народа вовсе не умножалось отъ войны. Такимъ образомъ выпуски кредитныхъ билетовъ были неизбѣжны въ то время, какъ были напр. неизбѣжны выпуски подобныхъ же бумагъ въ недавнюю междоусобную войну въ сѣвероамериканскихъ штатахъ. Притомъ тогда существовали еще наши прежнія кредитныя установленія, и все лишнее для обращенія количество кредитныхъ билетовъ, которое создавалось такими выпусками ихъ, поступало въ эти установленія и превращалось въ нихъ въ ищущій помѣщенія свободный капиталъ, который, безъ вреда для народнаго хозяйства, могъ быть занятъ и правительствомъ. Такимъ образомъ, не смотря на значительные выпуски кредитныхъ билетовъ въ годы восточной войны, наше денежное обращеніе отъ того не ухудшилось и не могло ухудшиться.

Просимъ читателей обратить особое вниманіе на только-что сказанное здѣсь нами о томъ, что зло, которое могло бы возникнуть отъ значительныхъ во время восточной войны выпусковъ кредитныхъ билетовъ и создать у насъ излишество денежныхъ знаковъ, само-собою устранялось существованіемъ и дѣйствіемъ нашихъ прежнихъ кредитныхъ установленій. Вниманіе къ этому явленію необходимо потому, что, говоря о кредитныхъ билетахъ и ихъ количествѣ, наши экономисты обыкновенно до того увлекаются однимъ фактомъ, а именно значительными выпусками такихъ билетовъ въ 1855 и 1856 годахъ, что упускаютъ при этомъ изъ виду всѣ остальныя явленія въ нашемъ экономическомъ бытѣ и вовсе не обращаютъ вниманія на то, что зло, которое могло бы произойдти отъ излишняго количества кредитныхъ билетовъ, устранялось кредитными установленіями. Правда, такимъ образомъ создавался у нашей государственной казны долгъ именно путемъ внутренняго займа черезъ государственныя кредитныя установленія; но, во первыхъ, этотъ заемъ заключался такимъ обра-

зомъ на самыхъ легкихъ для государственной казны и для всего нашего народнаго хозяйства условіяхъ, а, во вторыхъ, когда нѣтъ капитала на черный день, тогда не бываетъ и возможности вести такую значительную и продолжительную войну, какъ напр. восточную или крымскую, безъ долговъ и займовъ. Правда и то, что, по правиламъ бывшихъ кредитныхъ установленій, такого рода заемъ могъ поставить эти установленія въ затруднительное положеніе, именно въ случаѣ исключительно-значительнаго обратнаго требованія вкладовъ со стороны публики; но такое затрудненіе легко было устранить тотчасъ-же по окончаніи войны, а именно внутреннимъ и притомъ даже не 5-ти, а $4^1/_2$ процентнымъ займомъ, который не только не поставилъ бы въ затрудненіе кредитныя установленія, но напротивъ, избавилъ бы ихъ отъ того затрудненія, въ какое ставилъ ихъ наплывъ вкладовъ во время войны. Но это другой вопросъ и не о немъ рѣчь теперь. Для насъ важно теперь то, что все лишнее для обращенія количество кредитныхъ билетовъ поступало въ видѣ вкладовъ въ кредитныя установленія.

Не смотря однако на столь явный и бросающійся въ глаза фактъ, экономисты наши упорно утверждаютъ, что во время восточной войны образовался и послѣ нея остался у насъ излишекъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи и что этотъ-то излишекъ и причиняетъ у насъ дороговизну. Это мнѣніе основывается лишь на томъ, что до восточной войны у насъ было кредитныхъ билетовъ въ обращеніи не болѣе какъ на 330 или 350 мил., послѣ же нея оказалось ихъ на сумму до 735 мил. въ 1857 г., а теперь ихъ до 657 мил. При этомъ экономисты наши опираются, по видимому, на науку, которая совершенно вѣрно доказываетъ, что при излишкѣ денежныхъ знаковъ возвышается цѣна на всѣ предметы купли и продажи; но вмѣстѣ съ тѣмъ они упускаютъ изъ виду, что у насъ нѣтъ и едва ли былъ когда либо такой излишекъ. Притомъ наука не говоритъ, что чѣмъ болѣе денежныхъ знаковъ, тѣмъ выше цѣны; а говоритъ, что умноженіе денежныхъ знаковъ возвышаетъ цѣны лишь *при равенствѣ другихъ условій*. По этому закону одно количество денежныхъ знаковъ еще ничего не значитъ. Умноженіе денежныхъ знаковъ можетъ быть неустранимой потребностью вслѣдствіе перемѣнъ въ хозяйственномъ бытѣ народовъ и даже можетъ совпадать съ удешевленіемъ цѣнъ: все зависитъ отъ условій рынка. Неужели паденіе цѣнъ на дома напр. въ Петербургѣ объясняется однимъ умно-

женіемъ количества кредитныхъ билетовъ? Вѣдь и по теоріи нашихъ экономистовъ слѣдовало бы быть наоборотъ, т. е. цѣны на дома должны бы были подняться, а не падать. Для опредѣленія необходимаго количества денегъ нужно знаніе всей совокупности экономическихъ условій страны, и тотъ, кто бы сталъ опредѣлять такое количество только однимъ какимъ либо изъ подобныхъ условій, высказалъ бы этимъ лишь крайнюю неспособность свою къ такому дѣлу. Не смотря на многочисленность и громадность мѣновыхъ сдѣлокъ въ Англіи, въ ней однако относительно менѣе денегъ, чѣмъ въ другихъ, менѣе ея промышленныхъ и богатыхъ, странахъ. Это именно потому, что и територія ея незначительна, и населеніе густо, и обороты быстры. Быстрота же этихъ оборотовъ обусловливается всѣмъ строемъ англійской жизни, самымъ характеромъ англичанъ, всею исторіей Англіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о денежномъ обращеніи у другихъ народовъ. И это явленіе обусловливается характеромъ, степенью развитія, бытомъ и жизнью вообще народа. Вотъ почему и о нашемъ денежномъ обращеніи нельзя правильно судить по англійскому или по какому либо другому. Мало того, даже по собственному нашему, но прежнему, денежному обращенію нельзя судить о нашемъ настоящемъ денежномъ обращеніи, потому что все наше настоящее уже во многомъ не походитъ на наше прошедшее. Многое измѣнилось въ бытѣ и строѣ нашей жизни со времени восточной войны, а потому и количество денежныхъ знаковъ не можетъ быть у насъ прежнее. Послѣ этой войны совершены у насъ такія реформы, которыя, какъ напр. освобожденіе крестьянъ и болѣе или менѣе тѣсно связанные съ нимъ замѣна барщины оброкомъ и переводъ натуральныхъ повинностей въ денежныя, положительно вызвали необходимость бóльшаго количества денегъ, чѣмъ было прежде. Кромѣ того со времени восточной войны и еще болѣе съ освобожденія крестьянъ трудъ, главнѣйшій факторъ производства, вздорожалъ у насъ, отчего все сдѣлалось и должно было сдѣлаться дороже прежняго, а потому и денегъ теперь требуется на все болѣе прежняго. Вспомнимъ при этомъ, что потребности у насъ растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ наша производительность, какъ это и бываетъ всегда въ такихъ странахъ, которыя очень увлекаются внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Тамъ же, гдѣ потребности растутъ быстрѣе производительности, тамъ всегда многое, если только не все, дорого, тамъ нужно и болѣе денегъ, чѣмъ при правильномъ хозяйствѣ. Словомъ, всѣ условія на-

шей жизни теперь таковы, что намъ необходимо имѣть теперь денегъ, и какъ средствъ къ жизни, и какъ орудій обращенія, болѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ изъ того, что со времени восточной войны у насъ кредитныхъ билетовъ на 350 или 400 мил. болѣе, чѣмъ было до нея, еще никакъ нельзя дѣлать вывода, чтобъ у насъ было слишкомъ много денежныхъ знаковъ въ обращеніи, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ теперь въ обращеніи золотой и серебряной крупной монеты, а ея было у насъ до восточной войны по крайней мѣрѣ на 400 мил., что съ 300 или 350 мил. кредитныхъ билетовъ составляетъ не менѣе 700 мил. руб., т. е. почти на 50 мил. болѣе, чѣмъ кредитныхъ билетовъ въ настоящее время. Ясно такимъ образомъ, что цифры и наши настоящія экономическія условія вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобъ было у насъ теперь слишкомъ много денежныхъ знаковъ. Цифры именно говорятъ, что денежныхъ знаковъ у насъ теперь менѣе, чѣмъ было ихъ до восточной войны, а настоящія экономическія условія нашего быта требуютъ большаго количества такихъ знаковъ, чѣмъ было ихъ у насъ прежде, до этой войны.

Что же создало у насъ дороговизну, которую экономисты наши приписываютъ единственно излишнему, по ихъ мнѣнію, количеству денежныхъ знаковъ? Дороговизну, отвѣчаемъ мы, создала у насъ прежде всего война, а именно уже тѣмъ, что уменьшила количество рабочихъ рукъ и капиталовъ. Во вторыхъ, дороговизну создало у насъ и наше экономическое увлеченіе послѣ войны, когда намъ показалось, что мы уже вполнѣ созрѣли для всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій, когда намъ захотѣлось вдругъ обогатить себя едва-ли не одними акціонерными компаніями. Кромѣ того дороговизну создалъ у насъ и дорогой трудъ, который вздорожалъ сначала вслѣдствіе войны, потомъ вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и наконецъ вслѣдствіе дешевки и всего того, къ чему она ведетъ и чѣмъ обусловливается. Затѣмъ дороговизну создала у насъ и дороговизна капиталовъ, а въ созданіи этой послѣдней въ значительной степени участвовала ликвидація кредитныхъ установленій. Далѣе дороговизну создало и продолжаетъ создавать у насъ отсутствіе достаточнаго развитія промысловъ, ремеслъ, заводской и фабричной промышленности. Наконецъ главная причина нашей дороговизны заключается въ отсутствіи экономіи, хозяйственности, въ нашемъ бытѣ и жизни вообще. Мы народъ несомнѣнно европейскій, но такъ и кажется, что мы бо-

лѣе дорожимъ внѣшнимъ лоскомъ европейской цивилизаціи, нежели добрыми свойствами ея. Поэтому если даже и не все, то многія изъ потребностей и расходовъ нашихъ болѣе или менѣе европейскія по размѣрамъ своимъ, а наши заработки, наша производительность, а потому и наши доходы далеко еще отстаютъ отъ европейскихъ. Каждому понятно, что мы далеко отстали отъ западной Европы между прочимъ и въ экономическомъ отношеніи; а гдѣ экономическая отсталость, тамъ и дороговизна, дороговизна даже и тогда, когда низки цѣны. У насъ и не было никогда или, по крайней мѣрѣ, не было давно дѣйствительной дешевизны: намъ только мерещилась она,—точно такъ же напр. какъ намъ передъ началомъ восточной войны мерещилось, что мы шапками закидаемъ французскую и англійскую арміи, — не говоря уже о другихъ. Да и не трудно понять, почему мерещилась намъ дешевизна, которой не было. Помѣщикъ, напр., продавалъ свой лѣсъ и хлѣбъ за безцѣнокъ, но ему казалось, что онъ въ барышѣ,—казалось именно потому, что крестьянинъ его и вырубитъ, и свезетъ лѣсъ, и произведетъ хлѣбъ, и довезетъ его до мѣста сбыта—*даромъ*. Да, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ многимъ казалось у насъ прежде, что въ Россіи трудъ былъ даровой, т. е. что у насъ было то, чего положительно не можетъ быть на свѣтѣ. Эта мнимая дешевизна труда отзывалась на всемъ мнимой же дешевизною, но дѣйствительной дороговизной. Но настало время одуматься и провѣрить свои счеты — настало время платить за трудъ и получать за него: оказалось, что не все такъ дешево, какъ чудилось. Да и гдѣ же и въ чемъ могутъ быть у насъ условія дѣйствительной дешевизны, результата развитаго труда, капитализаціи, экономіи, просвѣщенія и строгой правды въ жизни? Всему этому положено у насъ только начало, а результаты могутъ оказаться только въ будущемъ. Громадность и естественныя богатства нашей отечественной територіи тогда только принесутъ намъ существенную пользу, когда мы будемъ умѣть пользоваться ими, какъ пользуются болѣе насъ опытные народы естественными благами своихъ странъ. Страннымъ же должно казаться, что наши экономисты приписываютъ существующую у насъ дороговизну несуществующему излишку денежныхъ знаковъ, тогда какъ имъ-то именно, экономистамъ, слѣдовало бы доказывать нашему обществу, что у насъ неизбѣжна и должна быть дороговизна, какъ прямой ре-

зультатъ недостаточности всего того, чѣмъ обусловливается естественная и правильная дешевизна.

Кромѣ дороговизны экономисты приписываютъ кредитнымъ билетамъ еще другое зло. Они говорятъ, что у насъ нѣтъ теперь крупной золотой и серебряной монеты въ обращеніи именно потому, что бумажныя деньги всегда не только выталкиваютъ изъ обращенія звонкую монету, но и составляютъ причину отлива ея за границу. Но утверждать нѣчто подобное значитъ увлекаться только какимъ-либо фактомъ или положеніемъ науки, но не понимать ни факта, ни научнаго положенія. Бумажныя деньги, дѣйствительно, выталкиваютъ изъ обращенія металическія деньги, но это только потому, что публика вездѣ, въ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ, предпочитаетъ первыя вторымъ. Такое предпочтеніе основывается на томъ, конечно, что бумажныя деньги легче и менѣе объемисты, нежели металическія. Ясно, кажется, что дѣйствующая здѣсь сила не въ бумажныхъ деньгахъ, а въ томъ свойствѣ человѣка, по которому онъ постоянно стремится избавить себя по мѣрѣ возможности отъ лишняго бремени. Поэтому совершенно понятно, почему при обращеніи бумажныхъ денегъ происходитъ отливъ монеты въ кредитныя учрежденія. Но многіе изъ экономистовъ приписываютъ бумажнымъ деньгамъ и свойство причинять отливъ монеты за-границу и это именно на томъ основаніи, что будто бы съ введеніемъ бумажныхъ денегъ всегда умножается количество денегъ вообще, отчего все дорожаетъ, но деньги вообще и въ особенности золотая и серебряная монеты дешевѣютъ и, какъ выгодные въ такомъ случаѣ для иностранцевъ товары, вывозятся за-границу. Такой взглядъ на предметъ болѣе чѣмъ страненъ, но тѣмъ не менѣе его не трудно объяснить. До послѣдняго времени почти повсюду злоупотребляли бумажными деньгами, ихъ выпускали часто не въ соотвѣтственномъ денежному обращенію количествѣ, съ непроизводительными цѣлями и т. п. Кромѣ того такіе выпуски часто производились въ такое время, когда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, государства бѣднѣли. Такимъ образомъ, конечно, происходилъ отливъ монеты; но подобные отливы монеты были результатомъ не обращенія бумажныхъ денегъ, а обѣднѣнія странъ. Отливы монеты могутъ быть и тогда, когда даже вовсе нѣтъ въ странѣ бумажныхъ денегъ, но когда она по какимъ-либо причинамъ болѣе должна иностранцамъ, нежели имѣетъ получить съ нихъ. Между тѣмъ большинство экономистовъ, увлекаясь

возможностью злоупотреблять бумажными деньгами и дѣйствительно бывшими злоупотребленіями этими деньгами, выводитъ изъ нѣсколькихъ фактовъ законъ. Но на подобныхъ основаніяхъ можно построить какую угодно ложную теорію. Не смотря на геніальмый умъ и обширныя свѣденія напр. Макіавелли и Мальтуса, теоріи ихъ ложны и ложны именно потому, что построены на болѣе или менѣе частныхъ явленіяхъ.

Отчего же, спросятъ насъ, наша звонкая монета не только исчезла изъ обращенія, но и отлила за-границу? Оттого, отвѣчаемъ мы, что мы слишкомъ много задолжали и продолжаемъ должать, но въ тоже время слишкомъ мало производили и продолжаемъ слишкомъ мало производить. Наши потребности растутъ не по днямъ, а по часамъ, но далеко не такъ шибко растетъ наша производительность, а потому и наши доходы. Россія никогда не была и никогда не могла быть богатой капиталами страною, потому что богатыми капиталами могутъ быть только страны болѣе разсчетливыя и съ болѣе или менѣе высокимъ промышленнымъ развитіемъ. Не смотря однако на свою бѣдность въ капиталахъ, мы едва-ли не дѣлаемъ все для подавленія капитализаціи и почти ничего для ея развитія. Мало того, мы не бережемъ и своихъ небольшихъ капиталовъ, а напротивъ, опрометчиво рискуемъ ими. Одна акціонерная горячка стоила намъ не менѣе ста миліоновъ. Еще болѣе стоило намъ паденіе цѣнности разныхъ правительственныхъ бумагъ, а такое паденіе могло бы быть предупреждено. Сотни миліоновъ ушли отъ насъ за-границу на постройку желѣзныхъ дорогъ, на разныя другія закупки и на уплату государственныхъ долговъ. Не менѣе сотни миліоновъ прожито въ послѣднее десятилѣтіе и нашими путешественниками за-границей. Если подвести итогъ подъ эти суммы, то мы поймемъ, гдѣ теперь наша звонкая монета и почему нѣтъ ея теперь у насъ въ обращеніи. Ясно, что причина ея отлива не кредитные билеты: при нашемъ образѣ хозяйства значительная часть ея ушла бы за границу и въ томъ случаѣ, еслибы у насъ вовсе не было бумажныхъ денегъ. Но въ такомъ случаѣ намъ было бы еще хуже, чѣмъ теперь: у насъ оказался бы такой страшный недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, что поставилъ бы въ невыносимое затрудненіе все наше народное хозяйство. Правда, все тогда кромѣ денегъ было бы дешевле, чѣмъ теперь; но то была бы искуственная дешевизна, при которой не легче, чѣмъ при искуственной дороговизнѣ.

При дефицитахъ въ значительномъ числѣ частныхъ хозяйствъ неизбѣженъ и дефицитъ во всемъ народномъ хозяйствѣ, а съ нимъ неизбѣженъ и отливъ звонкой монеты за границу. А что дѣйствительно одно обращеніе бумажныхъ денегъ въ какой либо странѣ не обусловливаетъ собою отлива изъ нея монеты, то это доказывается какъ теоріей, такъ и практикой. Такъ напр. и у насъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ обращались сначала асигнаціи, а потомъ кредитные билеты, но тогда не наша монета уходила за-границу, а иностранная приливала къ намъ. Это именно потому, что тогда мы относительно болѣе производили и менѣе расходовали, чѣмъ теперь, а также и потому, что менѣе нынѣшняго предавались увлеченію какъ фритредерствомъ, такъ и космополитизмомъ капиталовъ, увлеченію, при которомъ каждая страна всегда производитъ менѣе, чѣмъ могла бы производить, и расходуетъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы ей это дѣлать.

Столь же превратно объясняютъ наши экономисты и существующій у насъ низкій вексельный курсъ. И въ такомъ курсѣ обвиняютъ они мнимое излишество обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ. Но каждый, кто слѣдитъ за вексельнымъ курсомъ, знаетъ, что онъ мѣняется и можетъ мѣняться не только каждый день, но и каждый часъ, и что онъ возвышается или понижается, притомъ иногда значительно, вовсе не отъ уменьшенія или умноженія количества бумажныхъ денегъ. При бо̀льшемъ ихъ количествѣ онъ можетъ быть иногда выше, чѣмъ при меньшемъ. Все зависитъ отъ того, каковъ международный счетъ страны, много-ли ей слѣдуетъ получать или доплачивать по этому счету, какова въ ней цѣна золоту и серебру и дешево или дорого обходится ей кредитъ, которымъ она пользуется. Такъ напр. нашъ нынѣшній вексельный курсъ выше прошлогодняго только потому, что мы въ настоящемъ году болѣе отпустили за-границу хлѣба, чѣмъ въ прошломъ году, и намъ поэтому приходится нынѣ менѣе доплачивать по своимъ международнымъ счетамъ, чѣмъ въ предшествующіе годы. Еслибъ нашъ вывозъ былъ еще значительнѣе, еслибъ въ особенности значительно уменьшился бы въ тоже время и привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, то вексельный курсъ нашъ стоялъ бы еще выше и это не смотря на количество кредитныхъ билетовъ. Намъ много приходится доплачивать по своимъ международнымъ счетамъ; доплата эта производится золотомъ и серебромъ или монетою изъ нихъ. Добываемое же нами количество

этихъ металловъ недостаточно для такихъ доплатъ; поэтому эти металлы у насъ теперь дороги, существуетъ на нихъ лажъ или, что тоже, премія или болѣе высокая цѣна; нужный же въ подобныхъ случаяхъ кредитъ намъ обходится тоже дорого, и вотъ причина, почему нашъ вексельный курсъ низокъ. Но изъ того, что высока у насъ цѣна золоту и серебру, еще нельзя выводить, какъ это однако дѣлается многими, чтобъ кредитные билеты, какъ деньги, были дешевы вслѣдствіе излишняго ихъ количества. Такой выводъ столь же неоснователенъ, какъ было бы неосновательно и мнѣніе, что будто нынѣшняя у насъ дороговизна напр. ржи происходитъ вслѣдствіе излишняго количества кредитныхъ билетовъ и ихъ безцѣненія; тогда какъ извѣстно, что нашъ нынѣшній урожай ржи недостаточный, но тѣмъ не менѣе немало вывезено ея за границу, и она по всему этому дорога. Кто слѣдитъ за вексельнымъ курсомъ, тотъ знаетъ, что онъ зависитъ не отъ бумажныхъ денегъ, а отъ международнаго счета или баланса государства. Въ этомъ отношеніи отсутствіе экономіи, капитализаціи и недостатокъ развитія промышленности всегда производятъ несравненно большее вліяніе, нежели бумажныя деньги. Какъ металическія, такъ и этого рода деньги могутъ вліять на вексельный курсъ только косвенно, а именно: черезъ вліяніе ихъ количества на всѣ или на нѣкоторыя изъ сторонъ народнаго хозяйства. Сами же по себѣ, и въ особенности когда количество ихъ не превосходитъ потребности обращенія, онѣ не могутъ имѣть вреднаго вліянія на курсъ. Вотъ почему, еслибъ напр. на всѣ построенныя у насъ желѣзныя дороги мы не занимали денегъ за-границей, а выпускали кредитные билеты, и еслибъ всѣ принадлежности такихъ дорогъ, по возможности, производили у себя дома— какъ это, замѣтимъ къ слову, и дѣлается въ другихъ странахъ,— то у насъ, конечно, значительно умножилось бы отъ того количество кредитныхъ билетовъ, которое однако могло бы тотчасъ же быть уничтожено, по мѣрѣ надобности, внутреннимъ займомъ, но вексельный курсъ былъ бы гораздо выше настоящаго, и это даже въ такомъ случаѣ, еслибъ количество кредитныхъ билетовъ было у насъ значительнѣе настоящаго.

Что же касается какъ мнѣнія о необходимости фиксаціи курса кредитныхъ билетовъ, такъ и мнѣнія объ отмѣнѣ обязательнаго курса ихъ, то оба эти мнѣнія опровергаются уже тѣмъ, что уже мы приводили въ опроверженіе мнѣній о существующей у насъ дороговизнѣ

и состояніи нашего вексельнаго курса, какъ слѣдствій будто бы излишняго количества кредитныхъ билетовъ. Требующіе фиксаціи курса кредитныхъ билетовъ воображаютъ, что цѣнность ихъ, какъ денегъ, не только въ международныхъ счетахъ, но и внутри государства обусловливается и опредѣляется вексельнымъ курсомъ, а такъ какъ онъ низокъ, то будто-бы и они упали въ цѣнѣ. Еслибъ это было такъ, то конечно и цѣны всѣмъ товарамъ должны бы были измѣняться ежедневно съ вексельнымъ курсомъ; но каждый знаетъ, что это не такъ и что этотъ курсъ непосредственно вліяетъ только на цѣны иностранныхъ товаровъ. Стало быть, фиксація кредитныхъ билетовъ требуется на основаніи того, чего нѣтъ. Нелогичность такого требованія свидѣтельствуется и тѣмъ, что оно обусловливается состояніемъ вексельнаго курса, который ежедневно мѣняется и на основаніи котораго, конечно, *нельзя фиксировать* курсъ кредитныхъ билетовъ. Столь же нелогично и непрактично мнѣніе о необходимости отмѣны обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ и замѣны этого курса свободнымъ, т. е. такимъ, который бы мѣнялся съ каждымъ днемъ соотвѣтственно колебаніямъ вексельнаго курса. Такое требованіе объясняется ничѣмъ инымъ, какъ смѣшеніемъ двухъ совершенно разнородныхъ предметовъ: вексельнаго курса и денегъ. Что же было бы у насъ въ такомъ случаѣ деньгами? Золото и серебро, равно какъ и монеты изъ нихъ, кромѣ размѣнной, у насъ теперь не деньги, а товары, а если и кредитнымъ билетамъ предоставить свободный, ежедневно мѣняющійся курсъ, то и они перестанутъ быть деньгами, а сдѣлаются товаромъ. Не значило ли бы это тоже, что ввести напр. аршины, длина которыхъ равнялась бы сегодня 13, завтра $12^1/_2$, послѣ-завтра 14-ти вершкамъ и такъ бы мѣнялась ежедневно, смотря по тому, каковъ товаръ и каковы обстоятельства рынка для него? Ясно, что требующіе отмѣны обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ не сознаютъ своего требованія и не понимаютъ, что такой курсъ не есть мѣра произвольная, которую можно создать или отмѣнить какимъ-либо административнымъ распоряженіемъ. Этотъ курсъ обусловливается всѣмъ настоящимъ состояніемъ нашего народнаго хозяйства. Онъ можетъ измѣниться только самъ собой, а именно тогда, когда явится возможность свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на монету и наоборотъ, а такая возможность можетъ быть лишь слѣдствіемъ улучшенія состоянія всего нашего экономическаго положенія.

Столь же, какъ предъидущія, превратно и мнѣніе, что будто бы при обязательномъ курсѣ кредитныхъ билетовъ невозможно развитіе нашей промышленности и привлеченіе къ намъ иностранныхъ капиталовъ. Не только наука, но и факты, какъ и слѣдуетъ тому быть, говорятъ совершенно другое и самымъ категорическимъ образомъ опровергаютъ это мнѣніе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ обращались сначала асигнаціи, а потомъ кредитные билеты, а между тѣмъ, благодаря системѣ гр. Канкрина, тогда развивалась наша промышленность, къ намъ приливала иностранная монета, иностранцы привозили къ намъ свои капиталы и заводили у насъ фабрики и заводы. Если же этого не дѣлаютъ иностранцы теперь, то это по той же причинѣ, по которой и русскіе капиталисты боятся устраивать фабрики и заводы, за недостаткомъ достаточной охраны для отечественныхъ произведеній отъ конкурренціи иностранныхъ. Кромѣ того и нынѣ приливаютъ къ намъ иностранные капиталы, напр. путемъ займовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Правда, эти капиталы обходятся намъ дорого, но это не вслѣдствіе обращенія у насъ кредитныхъ билетовъ, но совершенно отъ другихъ причинъ, а именно всѣхъ тѣхъ, по которымъ увеличился и продолжаетъ увеличиваться нашъ заграничный долгъ.

Столь же превратны и остальныя мнѣнія лицъ, которыя приписываютъ всѣ наши экономическія и финансовыя затрудненія кредитнымъ билетамъ и ихъ количеству. На первый взглядъ такая несостоятельность мнѣній не нѣсколькихъ, а положительно многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ не мало очень умныхъ и свѣдущихъ людей, должно казаться весьма странной и почти невѣроятной. Тѣмъ не менѣе она объясняется очень просто, а именно состояніемъ науки или, правильнѣе, направленіемъ преобладающей еще въ наукѣ школы, которую, какъ мы думаемъ, лучше всего называть англо-французской экономической школой. Характеристическая черта этой школы заключается въ томъ, что, увлекаясь, такъ сказать, экономическимъ механизмомъ и видя въ полной свободѣ и правильности его дѣйствія идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество, экономисты этой школы постоянно упускаютъ изъ виду свойства современнаго человѣка и существующихъ обществъ, равно какъ и всѣ вообще условія ихъ существованія въ прошедшемъ и настоящемъ. Они забываютъ, что идеально-прекрасный экономическій порядокъ вещей въ мірѣ возможенъ только при идеально-прекрасномъ нравственномъ по-

рядкѣ, что потому онъ можетъ осуществиться только при существованіи не такихъ людей, каковы нынѣшніе, а идеально-совершенныхъ, каковы, можетъ быть, будутъ дальніе потомки наши. Понятно, что подобное направленіе въ наукѣ, которая такъ тѣсно связана съ жизнью, какъ политическая экономія, не можетъ не вызывать протестовъ и притомъ даже въ самой наукѣ. Они и явились. Историческій методъ въ политической экономіи, представителемъ котораго служитъ Рошеръ, и американская экономическая школа, въ главѣ которой стоитъ Кэри, представляютъ собой въ сущности не что иное какъ протесты противъ преобладающей еще въ Европѣ англо-французской экономической школы. Къ сожалѣнію, эти протесты мало еще извѣстны большинству образованныхъ людей; а потому витіи англо-французской школы пользуются еще успѣхомъ, котораго не заслуживаютъ и который объясняется еще между прочимъ какъ тѣмъ, что крайніе теоретики всегда говорятъ больше, громче и смѣлѣе другихъ, такъ и тѣмъ, что, не смотря на всѣ похвалы цивилизаціи XIX вѣка, эта цивилизація, какъ извѣстно, еще не такъ высока, чтобъ избавлять человѣчество не только отъ всѣхъ, но и отъ крайне-ложныхъ увлеченій. Неудивительно поэтому, что и у насъ, въ Россіи, возможны подобныя увлеченія даже для передовыхъ по своему образованію людей. Если нѣкоторые изъ такихъ людей могли увлекаться даже соціализмомъ и комунизмомъ, то какъ не увлечься подобнымъ же людямъ теоріями англо-французской экономической школы? Она такъ сладко проповѣдуетъ экономическую свободу, что каждый либералъ (а кто же въ нашъ вѣкъ не либералъ?) долженъ непремѣнно увлекаться ею. Она и сторонники ея упускаютъ изъ виду только одно, а именно, что до каждой степени свободы надо дорости, а полную свободу надо заслужить, даже очень заслужить; а это не бездѣлица.

Итакъ причина нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій заключается не въ коренныхъ реформахъ послѣдняго десятилѣтія и не въ кредитныхъ билетахъ и ихъ количествѣ. Въ чемъ же заключается эта причина? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего опредѣлить эти затрудненія.

Какъ извѣстно, наши экономическія затрудненія въ сущности заключаются ни въ чемъ иномъ, какъ, во первыхъ, въ томъ безденежьѣ, которымъ выражается существующій для многихъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни; во вторыхъ, въ томъ безденежьѣ, на которое жалуются ремесленники, заводчики, фабриканты, купцы, зе-

млецѣльцы, землевладѣльцы и вообще производители и которое состоитъ въ недостаткѣ капиталовъ на производство, и, въ третьихъ, въ недостаткѣ кредита. Что же касается нашихъ финансовыхъ затрудненій, то они заключаются собственно какъ въ томъ, что у насъ постоянно оказываются дефициты въ государственномъ бюджетѣ, такъ и въ томъ, что, не смотря на эти дефициты, которые покрываются экстраординарными ресурсами, оказывается еще недостатокъ въ средствахъ у казны на необходимыя улучшенія по нѣкоторымъ частямъ государственной администраціи. Къ этимъ затрудненіямъ обыкновенно причисляютъ еще неразмѣнность нашихъ кредитныхъ билетовъ и нашъ низкій вексельный курсъ; но они не болѣе какъ слѣдствія уже перечисленныхъ нами затрудненій.

Нѣтъ ничего легче, какъ объяснить всѣ эти затрудненія. Причины ихъ сами, такъ-сказать, бросаются въ глаза, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые знакомы какъ съ экономическими законами, такъ и съ экономическимъ положеніемъ Россіи. Наше безденежье, какъ недостатокъ въ средствахъ къ жизни, представляетъ собою не что иное, какъ результатъ недостаточнаго развитія нашей производительности. Мы мало производимъ, мало заработываемъ, а потому-то и недостаточны наши заработки и наши доходы. Наши потребности умножаются, а наша производительность не развивается въ надлежащей степени. Наша дороговизна есть результатъ возвышенія цѣны на трудъ вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе нашей экономической неразвитости вообще и застоя нашей производительности въ настоящемъ въ особенности. Гдѣ неразвиты промыслы, тамъ всегда дороги всѣ произведенія; тамъ можетъ быть только кажущаяся дешевизна, какая и была у насъ при крѣпостномъ правѣ, но дѣйствительной дешевизны тамъ нѣтъ и быть не можетъ. Наша бѣдность въ капиталахъ обусловливается и вполнѣ объясняется издержками на восточную войну, учрежденіемъ разныхъ компаній во время акціонерной горячки, разными правительственными займами и, главное, нашею всегдашнею бѣдностью въ свободныхъ денежныхъ капиталахъ вслѣдствіе того, что мы вообще недостаточно бережливы и мало капитализируемъ. Стѣсненное положеніе нашего кредита объясняется какъ тѣмъ, что порядокъ вещей у насъ до послѣднихъ реформъ не представлялъ тѣхъ условій, которыя необходимы для развитія кредита, такъ и тѣмъ, что наши нынѣшнія кредитныя учрежденія мало соотвѣтствуютъ нашему экономическому и финансовому

состоянію. Что же касается дефицитовъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, то они неизбѣжны при недостаточности нашей производительности, нашей капитализаціи и нашей экономической неразвитости вообще. Словомъ, какъ мы говорили, наши частныя и общественныя потребности и расходы болѣе или менѣе близки по размѣрамъ своимъ къ западно-европейскимъ; но наша производительность не развивается соразмѣрно такимъ потребностямъ и расходамъ.

Конечно, такое экономическое состояніе ненормально, и дурно было бы, еслибъ нельзя было устранить такую анормальность. Къ счастію она устранима. Это можетъ быть вполнѣ доказано наукой и подтверждается нашей же собственною исторіею въ первой половинѣ текущаго столѣтія. И въ царствованіе императора Александра I Россія испытывала подобныя же затрудненія, каковы наши настоящія, и тогда всѣ жаловались у насъ на безденежье; и тогда не было у насъ размѣна, и вексельный курсъ нашъ былъ низокъ. Какъ извѣстно, правительство принимало всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ улучшить экономическое и финансовое состояніе государства; но это ему далеко не удавалось. Можно даже сказать, что чѣмъ значительнѣе были его усилія въ этомъ отношеніи, тѣмъ менѣе результаты соотвѣтствовали цѣли. Такъ продолжалось до вступленія гр. Канкрина въ управленіе министерствомъ финансовъ: съ этого времени дѣло приняло лучшій оборотъ. Наши ремесла, промыслы, фабрики, торговля и промышленность вообще начали тогда развиваться, жалобы на безденежье стали прекращаться, къ намъ начала приливать изъ-за границы звонкая монета, такъ что наконецъ сдѣлался возможенъ и размѣнъ. Само собой разумѣется, что разница въ результатахъ дѣятельности, съ одной стороны, гр. Канкрина, а съ другой, его предшественниковъ, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ системами, которымъ они слѣдовали. Такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ предполагать исторія нашихъ финансовъ того времени. Предшественники гр. Канкрина, подобно большинству нынѣшнихъ экономистовъ англо-французской школы, тоже приписывали всѣ наши тогдашнія экономическія и финансовыя затрудненія одной неразмѣнности асигнацій и увлекались въ большей или меньшей степени теоріей свободной торговли. Что же касается до гр. Канкрина, то онъ былъ чуждъ подобныхъ увлеченій и, благодаря своему практическому смыслу, понялъ, что улучшеніе какъ денежнаго обращенія, такъ и государственныхъ финансовъ обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ предваритель-

*

нымъ улучшеніемъ экономическаго состоянія народа, а не наоборотъ. Онъ понялъ также, что въ Россіи необходимо поощрять и развивать народный трудъ, промышленность и торговлю, а не жертвовать ими во имя теоріи, осуществленіе которой возможно только въ далекомъ будущемъ. Только такою практичностью взгляда на вещи и такою раціональностію системы объясняется успѣхъ мѣръ, принятыхъ гр. Канкриномъ.

Въ наше время, правда, многіе осуждаютъ систему, которой слѣдовалъ гр. Канкринъ; но за раціональность ея говорятъ не только ея результаты, но и наука, которая требуетъ уваженія къ историческимъ и всѣмъ остальнымъ условіямъ каждаго народнаго хозяйства, уваженія, безъ котораго каждый первый встрѣчный теоретикъ, какихъ много, могъ бы замѣнить собой истинно-государственнаго человѣка, какихъ всегда мало. Раціональность системы гр. Канкрина подтверждается и тѣмъ, что мы видимъ у себя въ настоящее время. Каждое изъ нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій имѣетъ одну или нѣсколько непосредственныхъ причинъ; тѣмъ не менѣе всѣ они происходятъ отъ одной, главной и основной причины, а именно отъ недостаточности нашего экономическаго развитія, которая объясняется какъ всею исторіей Россіи, такъ и тѣмъ, что исключая Петра Великаго и гр. Канкрина почти всѣ наши правительственныя лица придавали вообще торговлѣ и промышленности какое-то второстепенное значеніе, тогда какъ въ передовыхъ въ экономическомъ отношеніи странахъ почти всегда смотрѣли на этотъ предметъ совершенно иначе. Вся внѣшняя политика Англіи напр. представляетъ собою въ сущности не что иное, какъ политику покровительства англійской торговлѣ и промышленности. За самый принципъ свободы торговли Англія ухватилась только тогда, когда этотъ принципъ началъ соотвѣтствовать ея цѣлямъ и когда уже принципъ покровительства отечественной промышлености и торговлѣ, котораго придерживалась она болѣе и долѣе другихъ, уже не могъ оказывать ей прежней помощи. Понятно, что для Англіи принципъ свободной торговли дорогъ теперь не потому, что онъ вѣренъ и благотворенъ по своей сущности, а потому, что англійская торговля и промышленность не могутъ особенно выгодно для себя бороться съ торговлей и промышленностью другихъ странъ при охранной въ нихъ системѣ. Но это-то обстоятельство, какъ намъ кажется, и указываетъ на то, что если покровительственная система въ странахъ, гдѣ она еще необходима, какъ напр. у насъ въ Россіи,

невыгодна для Англіи, то выгодна для этихъ странъ. Вѣдь не изъ любви же къ другимъ народамъ проповѣдуетъ она имъ принципъ свободы торговли?? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это и тому подобное вполнѣ сознавалъ гр. Канкринъ, потому-то держался покровительственной системы. Да иначе онъ не успѣлъ бы устранить прежнихъ затрудненій, отъ которыхъ какъ ни старались, но не успѣли избавить Россію его предшественники. И ничѣмъ инымъ, думаемъ мы, какъ только охранной, соотвѣтственной нуждамъ и средствамъ Россіи, системой можно поднять нашу торговлю и промышленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить главную и основную причину всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Когда разовьются у насъ торговля и промышленность, тогда само собой устранятся и наше безденежье, и наша дороговизна; въ противномъ случаѣ они будутъ только расти и ничѣмъ инымъ намъ нельзя будетъ избавиться отъ нихъ. Всѣ мѣры противъ нихъ окажутся или вовсе безполезными, или мало-полезными, какими и оказывались онѣ у насъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Утверждая это, мы вовсе не увлекаемся охранной системой и знаемъ, что одной ея недостаточно для возможно-успѣшнаго устраненія нашихъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Для развитія экономическихъ силъ народа и приведенія финансовъ государства въ нормальное состояніе нужно еще и нѣчто другое кромѣ охранной системы, гдѣ она необходима, нужно именно еще кромѣ общихъ условій народнаго благосостоянія, которымъ уже и положены у насъ самыя прочныя основанія новѣйшими реформами, развитіе капитализаціи и кредита.

Развитіе капитализаціи тѣмъ необходимѣе для насъ, что у насъ почти вовсе нѣтъ теперь свободныхъ капиталовъ. Какъ мы говорили, Россія никогда не была и не могла быть особенно богатой денежными капиталами; тѣмъ не менѣе едва ли испытывала она такой недостатокъ въ капиталахъ, какъ въ настоящее время. Причина тому понятна: въ послѣднее десятилѣтіе значительная часть нашихъ прежнихъ сбереженій затрачена, а другая часть израсходована непроизводительно. Это лучше всего доказывается слѣдующими цифрами. Въ 4 года, т. е. съ 1856 по 1859 годъ включительно, устроено у насъ 81 общество съ капиталомъ въ 433½ милліоновъ; кромѣ того съ 1859 г. началась у насъ ликвидація государственныхъ кредитныхъ установленій и съ тѣхъ поръ выпущено 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ на 154 мил. и 5% банковыхъ билетовъ обоихъ выпусковъ на сумму,

превышающую 300 мил. Затѣмъ было выпущено 5⁰/₀ выкупныхъ свидѣтельствъ на $77^1/_2$ мил., $5^1/_2$⁰/₀ ренты на $75^1/_2$⁰/₀, билетовъ двухъ съ выигрышами займовъ на 200 мил., билетовъ государственнаго казначейства на 138 мил., облигацій С.-Петербургскаго и московскаго городскихъ обществъ болѣе чѣмъ на 50 мил. Итогъ однѣхъ приведенныхъ здѣсь цифръ доходитъ до 1,500 мил. Если же присоединить къ этой суммѣ цифры, опредѣляющія степень участія русскихъ капиталистовъ въ обществахъ и компаніяхъ, образовавшихся у насъ съ 1860 г., а также степень участія ихъ въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и въ нашихъ внѣшнихъ займахъ, то мы получимъ конечно, цифру не менѣе 2,000 мил. Понятно, что послѣ такой громадной затраты капиталовъ и притомъ въ такое короткое время у насъ должно ихъ оставаться очень мало. Еще понятнѣе сдѣлается намъ это тогда, когда мы вспомнимъ, что многіе и много у насъ потеряли въ это время отъ такой затраты капиталовъ уже тѣмъ, что, заплативъ за нѣкоторыя бумаги по номинальной ихъ цѣнѣ, не могутъ теперь получить за нихъ болѣе 70 и 75 за 100. Въ это же время значительно упала и цѣнность недвижимыхъ имуществъ вообще, а обезцѣненіе такихъ имуществъ, хотя и непрямо, но косвенно также уменьшаетъ количество свободныхъ капиталовъ.

Нашъ недостатокъ въ денежныхъ капиталахъ происходитъ, впрочемъ, не отъ одной усиленной затраты ихъ въ послѣднее десятилѣтіе, но еще и отъ слабости нашей капитализаціи. Русскій человѣкъ вообще, по природѣ ли своей или по воспитанію, не бережливъ, не предусмотрителенъ и не надѣленъ въ высокой степени тѣми качествами, которыя необходимы для успѣшной капитализаціи. Между тѣмъ народная капитализація составляетъ очень важное условіе народнаго благосостоянія. Это уже вполнѣ сознаютъ передовые люди въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ и вотъ причина, почему, не смотря на то, что напр. народы германскаго, англо саксонскаго и скандинавскаго племени бережливы отъ природы и въ особенности по воспитанію, правительства ихъ тѣмъ не менѣе заботятся о развитіи народной капитализаціи въ своихъ государствахъ. Знаменитый Гладстонъ напр. не только принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ улучшенію сберегательныхъ кассъ и доставленію народу возможно больше способовъ пользоваться этими кассами, но даже положилъ основаніе государственному застрахованію доходовъ и капиталовъ, мѣрѣ, которая значительно усиливаетъ побужденіе народа къ капитализаціи. Мы

думаемъ, что подобная мѣра не только осуществима во всѣхъ другихъ странахъ, но и оказалась бы въ высшей степени полезной для каждой изъ нихъ. Особенную пользу могла бы она принесть у насъ, въ Россіи. Это именно потому во первыхъ, что мы и относительно народной капитализаціи значительно отстаемъ отъ передовыхъ по цивилизаціи народовъ, а во вторыхъ потому, что нигдѣ, быть можетъ, развитіе народной капитализаціи не въ состояніи принесть столько пользы экономическому и финансовому положенію страны, какъ у насъ, въ Россіи. Конечно, наши сбереженія, при нашемъ безденежьѣ и недостаточномъ развитіи нашей промышленности, долго еще не будутъ имѣть порядочныхъ размѣровъ; но насъ много, а, какъ извѣстно, изъ небольшихъ суммъ составляются громадные капиталы (les petites bourses font de grands capitaux). Можно даже смѣло утверждать, что еслибъ наши кредитныя учрежденія соотвѣтствовали нашему быту и строю нашей жизни, то они могли бы собрать въ Россіи всѣ капиталы, необходимые для постройки въ ней желѣзныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію, наши кредитныя учрежденія не такъ устроены, чтобъ оказывать подобныя услуги государству; къ сожалѣнію также, вмѣсто того, чтобъ надлежащимъ образомъ служить доброму дѣлу развитія у насъ народной капитализаціи, большинство нашихъ экономистовъ увлекается и увлекаетъ наше общество афоризмомъ, что капиталы космополиты, изъ чего многіе, даже тѣ, кому бы ужъ вовсе не слѣдовало это дѣлать, выводятъ, что не бѣда, если нѣтъ своихъ капиталовъ, можно занять ихъ за-границей. Нечего сказать, славная находка! Мы заняли, значитъ, разбогатѣли!? Но бѣда въ томъ, что и самое красное словцо еще не дѣло. Капиталы космополиты, это правда, но космополитизмъ капиталовъ разумнѣе космополитизма людей, равнодушныхъ къ участи своего отечества: капиталы приливаютъ только туда, гдѣ упрочено положеніе мѣстныхъ, отечественныхъ капиталовъ, а этого нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ болѣе вѣры въ космополитизмъ капиталовъ, нежели въ собственную капитализацію. Для каждой страны несравненно выгоднѣе дороже платить за свои, нежели дешевле за чужіе капиталы. Недостатокъ своихъ капиталовъ свидѣтельствуетъ о недостаточности капитализаціи, которую, значитъ, необходимо развивать и поощрять, а это и достигается между прочимъ болѣе высокимъ процентомъ. И къ дѣлу развитія капитализаціи вполнѣ прилагается правило, высказанное еще физіократами: лучшее средство противъ дороговизны сама доро-

говизна. Съ афоризмомъ же, что капиталы космополиты, скорѣй дойдти каждой странѣ до ухудшенія, чѣмъ до улучшенія своего экономическаго состоянія. Это подтверждается и нашимъ собственнымъ опытомъ. Въ послѣднее время мы много занимали за-границей, но отъ того нисколько не увеличились ни наши экономическія средства къ существованію, ни наши средства на производство, и безденежье въ обоихъ видахъ своихъ не уменьшалось, а только увеличивалось у насъ съ каждымъ годомъ. Не то было бы при развитіи внутренней капитализаціи: она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабляла бы безденежье и понижала бы ростъ капитала.

Съ мѣрами къ развитію народной капитализаціи тѣсно связаны и мѣры къ развитію кредита, который повсюду и всегда растетъ съ развитіемъ капитализаціи. Крайне-стѣсненный кредитъ составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ причинъ какъ нашего безденежья и дороговизны у насъ капиталовъ, такъ и затруднительнаго положенія почти всѣхъ отраслей нашей промышленности. Чтобъ понять, каково состояніе нашего кредита, стоитъ только вспомнить, что ни одно ремесло такъ не процвѣтаетъ у насъ въ настоящее время, какъ ростовщичество. Кромѣ того повсюду кредитъ развивается съ каждымъ годомъ, а у насъ онъ все болѣе и болѣе падаетъ. Даже наше комерческое сословіе несчастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи. Причина тому, конечно, заключается какъ въ ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій до учрежденія новыхъ, такъ и въ нашемъ безденежьѣ и другихъ экономическихъ затрудненіяхъ. Многіе у насъ надѣялись, что съ закрытіемъ прежнихъ кредитныхъ установленій возникнутъ у насъ въ достаточномъ количествѣ новыя и частныя кредитныя учрежденія; но, какъ опытъ свидѣтельствуетъ, наши новыя и частныя кредитныя учрежденія, покуда по крайней мѣрѣ, далеко не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нихъ. Прежде напр. каждый порядочный купецъ имѣлъ кредитъ въ комерческомъ банкѣ, теперь же иной изъ самыхъ порядочныхъ купцевъ, который торгуетъ 10, 20 и болѣе лѣтъ и который въ это время успѣетъ уплатить повинностей до двухъ, трехъ тысячъ рублей и болѣе, можетъ не имѣть кредита въ государственномъ банкѣ даже на какую-нибудь сотню, другую рублей. Наше общество взаимнаго кредита тоже, конечно, не замѣняетъ собой для купечества прежняго комерческаго банка. Въ этомъ обществѣ преимущественно пользуются кредитомъ какъ тѣ лица, которыя очень

легко могли бы обойдтись безъ кредита этого общества, такъ и тѣ, которыя довольно счастливы, чтобъ имѣть рекомендацію такихъ лицъ. Для остальныхъ же это общество уже не общество взаимнаго кредита, а только ссудная подъ вѣрные залоги касса. Если хорошенько разобрать всѣ наши остальныя кредитныя учрежденія, созданныя между прочимъ, если только не преимущественно, съ цѣлію содѣйствія торговлѣ и промышленности кредитомъ, то окажется, что они преимущественно открываютъ кредитъ только тѣмъ, которые и безъ существованія такихъ учрежденій пользовались бы достаточнымъ кредитомъ; массѣ же торговаго сословія они не приносятъ надлежащей пользы. Поэтому-то, какъ извѣстно, и желаютъ почти всѣ у насъ или возстановленія прежнихъ кредитныхъ установленій, или замѣны государственнаго банка и другихъ кредитныхъ учрежденій такими, которыя болѣе соотвѣтствовали бы нуждамъ нашего общества въ кредитѣ. И дѣйствительно, намъ необходимы или правительственныя учрежденія въ родѣ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, но съ уставами, болѣе прежнихъ соотвѣтствующими настоящимъ нуждамъ нашего общества, или же полную свободу банковъ, которая немыслима при существованіи какого либо правительственнаго или привилегированнаго кредитнаго учрежденія. Такая перемѣна тѣмъ желательнѣе и была бы тѣмъ полезнѣе, что она болѣе согласовалась бы со всѣмъ ходомъ нашихъ дѣлъ и даже могла бы оказать существенную услугу нашей государственной казнѣ, а именно на томъ основаніи, что чѣмъ раціональнѣе устройство кредитныхъ учрежденій, тѣмъ дешевле капиталы. Такимъ образомъ облегчилось бы пользованіе капиталами и погашеніе долговъ. Какъ бы то ни было, но улучшеніе нашей кредитной системы тѣмъ необходимѣе, что съ развитіемъ цивилизаціи въ мірѣ повсюду растетъ и значеніе кредита. Что бы ни говорили нѣкоторые противъ предложеннаго Гильдебрантомъ дѣленія степеней развитія народныхъ хозяйствъ на натуральную, денежную и кредитную, но это дѣленіе основательно, а именно, какъ вообще потому, что основывается на дѣйствительныхъ фактахъ и свойствахъ народныхъ хозяйствъ въ различныя эпохи ихъ развитія, такъ въ частности и потому, что кредитъ составляетъ признакъ высшаго развитія этихъ хозяйствъ. Кредитъ не только экономическое явленіе, но и признакъ болѣе или менѣе высокой цивилизаціи. Потому-то именно и не могъ онъ у насъ до сихъ поръ развиваться безъ содѣйствія правительственныхъ кредитныхъ

учрежденій, что степень нашей цивилизаціи не высока. Потому-то также намъ и въ этомъ отношеніи не столько можетъ помочь какая-либо теорія свободы банковъ, сколько освобожденіе крестьянъ, устройство гласнаго суда и имъ подобныя реформы, отъ которыхъ улучшаются всѣ стороны народнаго быта. Нельзя и сомнѣваться въ томъ, что кредитъ можетъ быть теперь устроенъ у насъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Вопросъ теперь въ томъ, чтобъ нашлись люди, которые съумѣли бы приняться за это дѣло.

Такимъ образомъ устраненіе нашихъ экономическихъ затрудненій обусловливается возможно-успѣшнымъ развитіемъ у насъ промышленности, торговли, капитализаціи и кредита. Ничто въ сущности и не мѣшало бы у насъ тому, еслибъ только не было у насъ увлеченія фритредерствомъ и мнѣніемъ, что будто всѣ наши экономическія затрудненія происходятъ отъ кредитныхъ билетовъ и ихъ количества. Мы положительно утверждаемъ, что всѣ эти затрудненія происходятъ отъ тѣхъ же въ сущности причинъ, отъ какихъ произошли подобныя же у насъ затрудненія въ первой четверти текущаго столѣтія. Эти послѣднія затрудненія были устранены при посредствѣ системы, которой слѣдовало наше правительство въ послѣдующее время, т. е. въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, и которая въ сущности состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ содѣйствіи развитію отечественной промышленности и торговли посредствомъ необходимаго для нихъ покровительства. Ничѣмъ инымъ, какъ такою системой, могутъ быть устранены и наши настоящія затрудненія. И нѣтъ ничего легче, какъ понять и доказать это. Чѣмъ болѣе развивается промышленность и торговля, тѣмъ болѣе улучшается экономическое состояніе народа, тѣмъ болѣе у всѣхъ классовъ народа заработковъ и средствъ къ жизни, тѣмъ болѣе можетъ получать и государственная казна доходовъ путемъ налоговъ и повинностей, тѣмъ болѣе вообще способовъ у государства и общества на все для нихъ необходимое и полезное. Раціональность и благотворность такой системы подтверждается какъ нашимъ собственнымъ опытомъ, такъ и опытомъ другихъ странъ. Отъ недостаточнаго покровительства отечественной промышленности и торговлѣ ни одна страна въ мірѣ еще никогда и ничего не пріобрѣтала кромѣ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Самая теорія свободы торговли въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Англія, есть не что иное, какъ теорія покро-

вительства англійской промышленности и торговлѣ. Вся промышленная часть французскаго населенія уже теперь возстаетъ противъ торговаго трактата въ фритредерскомъ духѣ съ Англіей. Италія тоже уже сильно чувствуетъ на себѣ бремя своего недавняго увлеченія фритредерствомъ. Германцы болѣе проповѣдуютъ принципъ свободы торговли другимъ, нежели сами слѣдуютъ ему. Этимъ принципомъ увлекаются преимущественно теоретики, не вникающіе въ бытъ народа и въ условія, въ которыя поставила его исторія. Изъ практическихъ же людей за этотъ принципъ стоятъ только негоціанты, торгующіе иностранными товарами. Кромѣ этихъ лицъ всѣ остальныя точно также стоятъ за охраненіе отечественной промышленности и торговли, какъ стоятъ и за охраненіе своего отечества отъ враговъ. Иначе и не могутъ мыслить и дѣйствовать здравомыслящіе люди, которые понимаютъ, что независимость и благостояніе государствъ обусловливается не однѣми напр. военными силами, но также и всѣми остальными, а въ томъ числѣ и промышленными.

О. Шилль.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВАГОНА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Когда впервые возникали гражданскія общества, то отношенія людей между собою мало по малу установлялись обычаемъ. До существованія писанныхъ законовъ только и можно было указать на обычай, какъ на норму для правомѣрныхъ отношеній. Впослѣдствіи, когда юридическія отношенія дѣлались сложнѣе, то рѣшали дѣла по аналогіи, пока наконецъ установились писанные законы, опредѣлявшіе положительно образъ дѣйствій всѣхъ и каждаго и положившіе предѣлъ, за который переходить не дозволялось; самое слово законъ на это указываетъ (*за конъ*, конъ означаетъ предѣлъ). Законодательная власть проводитъ такимъ образомъ твердую, опредѣленную межу, отдѣляющую дѣйствія дозволенныя отъ недозволенныхъ. Тѣмъ не менѣе на практикѣ часто возникаютъ сомнѣнія въ примѣненіи закона въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ и на долю судебной власти выпадаетъ подведеніе, по добросовѣстному соображенію, даннаго случая подъ опредѣленный законъ. Въ одной области права, а именно въ отношеніяхъ международныхъ, господствуетъ до сихъ поръ много шаткости и неопредѣленности, и это, разумѣется, происходитъ отъ того, что нѣтъ ни международнаго кодекса, ни международныхъ охранительныхъ законовъ, ни международнаго трибунала. Правда, что во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ установлены права иностранцевъ, какъ личныя, такъ и по имуществу, опредѣлена подсудность ихъ и т. д.; но всѣ тѣ учрежденія, по которымъ по необходимости требуется предварительное соглашеніе съ иностранными державами, далеко еще не приведены въ удовлетворительную систему и порядокъ. Права иностранцевъ

опредѣляются исключительно государственнымъ правомъ той страны, гдѣ они проживаютъ, слѣдовательно права ихъ охраняются закономъ; но малѣйшее столкновеніе интересовъ одного государства съ интересами другаго тотчасъ же обнаруживаетъ шаткость и неопредѣленность постановленій. Принципъ, что самостоятельныя государства вполнѣ независимы во всѣхъ отношеніяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, несообразенъ, конечно, съ какою бы то ни было обязательною уступкою правъ одного государства въ пользу другаго. На основаніи трактатовъ существуютъ однако государственные сервитуты или повинности, вслѣдствіе которыхъ державныя права повиннаго государства подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ въ пользу государства или сосѣдняго, или по крайней мѣрѣ близкаго по географическому положенію. Нисколько еще нельзя утверждать, что заключеніемъ трактата, имѣющаго предметомъ установленіе повинности, государство стало-бы на нисшую ступень въ общей іерархіи державъ, или даже дѣлалось полусамостоятельнымъ; оно только ограничивается въ опредѣленныхъ державныхъ правахъ и то въ видахъ общественной пользы.

Число подобныхъ трактатовъ о взаимныхъ или одностороннихъ государственныхъ повинностяхъ до сихъ поръ довольно незначительно, а изъ этого происходитъ, что международныя отношенія чрезвычайно запутаны, особенно при столкновеніи интересовъ. По преимуществу это относится къ благодатной почвѣ Германіи, политическая чрезполосность которой уже обратилась въ поговорку. Бываютъ даже на практикѣ случаи, въ которыхъ возникаютъ самые затруднительные и сложные вопросы вслѣдствіе политическаго разъединенія Германіи. Очевидцами такого случая мы были въ іюлѣ нынѣшняго года, проѣзжая изъ Лейпцига по тюрингенской желѣзной дорогѣ, слѣдовательно черезъ Наумбургъ, Веймаръ, Эрфуртъ, Готу, въ Эйзенахъ. Въ вагонѣ третьяго класса съ нами сидѣло въ одномъ отдѣленіи трое пассажировъ, лейпцигскіе граждане, вздумавшіе играть въ карты тотчасъ послѣ того, какъ мы тронулись впередъ. Растянувъ между собою пледъ, они вынули изъ кармана карты и вскорѣ любимая въ Германіи игра Scat была въ полномъ ходу. Поѣздъ, конечно, иногда останавливался, но веселые игроки продолжали игру и только по временамъ тотъ или другой изъ нихъ

выходилъ, чтобы возвращаться съ кружкою пива, безъ котораго, какъ извѣстно, нѣмцы и дышать не могутъ. Часа два спустя мы остановились на станціи городка Кэзенъ, извѣстнаго своими соляными ваннами и принадлежащаго Пруссіи, какъ вдругъ къ вагону подошелъ жандармъ и заарестовалъ бѣдныхъ саксонцевъ за то, что они въ границахъ Пруссіи играли саксонскими картами. Оказалось, что прусскій таможенный чиновникъ ѣхалъ случайно, не по дѣламъ службы въ другомъ отдѣленіи того же вагона и вѣроятно, изъ особенной ревности къ службѣ, счелъ долгомъ донести о замѣченномъ имъ противозаконномъ поступкѣ. Съ попавшихся саксонцевъ немедленно потребовали шестьдесятъ талеровъ пошлины, такъ какъ они играли втроемъ, и пошлина съ каждой колоды картъ составляетъ, по прусскимъ законамъ, десять талеровъ. Бѣдные саксонцы не имѣли при себѣ этой суммы и поэтому ихъ задержали въ Кэзенѣ, но одинъ изъ нихъ ѣхалъ съ женою, которая могла продолжать путь, какъ не провинившаяся, и которой поручили выслать выкупныя деньги. Все это разбирательство производилось въ три или четыре минуты, такъ какъ поѣзду дольше и не слѣдовало стоять въ Кэзенѣ, но надъ этимъ случаемъ нельзя было не призадуматься. Во-первыхъ, если пошлина съ колоды картъ составляетъ десять талеровъ, то нельзя же съ каждаго игрока брать полную пошлину. Если даже на это сказать, что въ минуту остановки игроковъ полицейскою властью каждый держалъ въ рукѣ нѣсколько картъ, то все-таки виноватъ передъ закономъ только тотъ, кому принадлежали карты или который вынулъ ихъ изъ кармана. По крайней мѣрѣ противоположный взглядъ былъ бы совершенно противъ чувства справедливости (aequitas) того гуманнаго понятія римлянъ, право которыхъ перешло въ кодексы германскихъ государствъ или по крайней мѣрѣ послужило основаніемъ при составленіи нормъ положительнаго законодательства. Во вторыхъ, надобно не только очень твердо знать географію и даже съ большимъ вниманіемъ слѣдить во время поѣздки по желѣзной дорогѣ за картою, чтобы знать въ какихъ владѣніяхъ вы находитесь; поѣздка отъ Лейпцига до Эйзенаха продолжается всего только три часа и въ этотъ короткій промежутокъ времени проѣзжаютъ 1) по Саксоніи, т. е. отъ Лейпцига до прусской границы, 2) по Пруссіи, а именно

чрезъ города Мэрзебургъ, Наумбургъ и Кэзенъ, 3) по великому герцогству Веймарскому, т. е. чрезъ городъ Веймаръ, 4) опять по Пруссіи, именно черезъ г. Эрфуртъ, 5) по герцогству Готскому, т. е. чрезъ городъ Готу, 6) еще разъ по вел. гер. Веймарскому, т. е. г. Эйзенахъ. Во избѣжаніе непріятностей слѣдовало бы или отказаться вовсе отъ занятій и невинныхъ развлеченій, или же прерывать ихъ ежеминутно, чтобы убѣдиться, дозволены ли они еще на проѣзжаемой територіи и на сколько времени они запрещены, такъ какъ територія, на которой они разрѣшаются, послѣ очень короткаго времени снова наступитъ. Даже относительно чтенія путешественники должны быть осторожны: такъ напримѣръ любимый вездѣ еженедѣльный журналъ „Gartenlaube“, выходящій въ Саксоніи и имѣющій до 200,000 подписчиковъ, запрещенъ въ Пруссіи (хотя онъ тамъ и получается въ огромномъ числѣ экземпляровъ, но подъ другимъ титуломъ, т. е. „Monatshefte“). Надобно еще благодарить таможенныхъ чиновниковъ, дѣлающихъ въ неслужебное время доносы въ родѣ упомянутаго, что они не наблюдаютъ въ вагонахъ за мѣстностью, гдѣ вы закуриваете сигару, и не подвергаютъ васъ отвѣтственности, если вы докуриваете ее въ другомъ государствѣ, хотя и не въ сосѣднемъ, потому что вы ее закурите въ одномъ, а въ сосѣднемъ она только раскурится.

Въ виду такихъ непріятностей невольно возникаетъ вопросъ: какою же територіею въ юридическомъ смыслѣ слѣдуетъ считать вагонъ, проходящій чрезъ нѣсколько государствъ? Такъ какъ этотъ вопросъ, сколько намъ извѣстно, еще никогда не обсуждался, то по нашему мнѣнію, его должно разрѣшить по аналогіи. По принципамъ международнаго права судно всегда считается територіею того государства, которому оно принадлежитъ, все равно, находится ли оно въ водахъ свободныхъ, т. е. никому не принадлежащихъ, именно въ океанѣ и въ большихъ моряхъ, или же оно помѣщается въ гавани, исключительно принадлежащей извѣстному государству, потому что судно считается движущеюся територіею государства, или какъ говорятъ французскіе юристы: la continuation ou la prorogation du territoire. Правда, что всякое иностранное судно, вошедшее въ гавань или же только въ море, исключительно принадлежащее другому государству, подвергается кора-

бельной полиціи, корабельнымъ податямъ и подсудности того государства, но во всякомъ случаѣ это опредѣленіе международнаго права не касается кораблей только *проѣзжающихъ*, въ чемъ согласны всѣ публицисты, по крайней мѣрѣ по отношенію къ подсудности. Впрочемъ по шаткости международнаго права и едва ли не всѣхъ его постановленій нельзя назвать приведенное правило абсолютнымъ, и дѣйствительно оно иногда было оспариваемо, но по неимѣнію болѣе положительныхъ данныхъ надобно его признать правиломъ. Вагонъ, по нашему мнѣнію, также можно вполнѣ сравнить съ кораблемъ и назвать его также по примѣру французовъ prorogation du territoire или амбулянтною анклавою ([1]), и на него вполнѣ должно распространяться обязательное дѣйствіе законовъ того государства, которому онъ принадлежитъ. Полицейскія мѣры для всего поѣзда, разумѣется, обязательны, точно также какъ они обязательны не только для кораблей проѣзжающихъ, но и для лицъ, пользующихся правомъ внѣземельности, въ видахъ благосостоянія и предупрежденія опасности ([2]). Полицейскія мѣры по отношенію къ кораблю могутъ однако касаться только внѣшняго положенія корабля, но не того, что дѣлается въ каютѣ. Точно также полиція можетъ указать поѣзду желѣзной дороги мѣсто, гдѣ онъ долженъ остановиться; даже вагонъ не иначе впускается въ предѣлы какого-либо государства, какъ по предварительному соглашенію этого государства съ тою державою, которой принадлежитъ вагонъ, а потому административная власть заранѣе уже опредѣляетъ для него и мѣсто, и вообще условія, при которыхъ онъ впускается. Однако то, что дѣлается внутри вагоновъ, до вѣдомства полицейской власти не должно относиться. Если напримѣръ дозволено куреніе

([1]) Анклавою (enclave) называютъ часть какого-либо государства, отдѣленную отъ него по географическому положенію и окруженную со всѣхъ сторонъ иноземными владѣніями; напр. бывшее княжество Гогенцоллернъ есть прусская анклава, окруженная королевствомъ Виртембергскимъ и вел. герцогств. Баденскиmъ.

([2]) И это правило не абсолютное, напр. обязательная иллюминація домовъ при празднованіи побѣды не распространяется на помѣщенія, занимаемыя посольствами нейтральныхъ державъ.

въ вагонахъ, проѣзжающихъ по мѣстности, гдѣ куреніе вообще не терпимо, какъ это было еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Касселѣ, то по изложенному нами принципу куреніе внутри вагона, даже при открытыхъ окнахъ его, должно быть разрѣшено; въ теоріи даже выбрасываніе дымящихся еще окурковъ нельзя еще считать противозаконнымъ дѣйствіемъ, потому что запрещено только куреніе, но не бросаніе окурковъ.

Въ случаѣ безпорядковъ, пресѣченіе которыхъ не терпитъ ни минуты отлагательства, кондукторъ вагона по необходимости долженъ быть признаваемъ авторитетомъ, если только онъ на-лице, причемъ безразлично, отъ какого государства кондукторъ получаетъ жалованье, отъ того ли, которому принадлежитъ вагонъ, или отъ того, чрезъ которое проходитъ поѣздъ. Дѣйствуя не иначе, какъ по опредѣленнымъ инструкціямъ, кондукторъ составляетъ вагонную полицію и притомъ только во время движенія поѣзда. Съ момента остановки поѣзда и выхода пасажировъ изъ вагона власть его прекращается, такъ что она не только исключительно исполнительная, но и вдобавокъ срочная. Ступая на почву станціи, пасажиръ тѣмъ самымъ подвергается полицейскимъ правиламъ страны, которой принадлежитъ станція, подобно тому какъ матросъ, сошедшій на берегъ, неминуемо подвергается съ той минуты административнымъ распоряженіямъ прибрежья.

Власть кондуктора вагона однако нисколько не можетъ быть сравниваема съ властью капитана на суднѣ во время плаванія. Мы признаемъ вагонъ амбулантною мѣстностью, но такая мѣстность лишена того постояннаго административно-распорядительнаго надзора и исполнительнаго порядка, который свойственъ другой амбулантной мѣстности, а именно судну. Капитанъ корабля прямой и безусловный начальникъ всѣхъ лицъ на суднѣ, какъ принадлежащихъ къ экипажу, такъ и пасажировъ. Законы всѣхъ народовъ даютъ капитану чрезвычайно большую власть, безъ которой на кораблѣ порядка, конечно, быть не можетъ (1). Кондукторъ же вагона не на-

(1) Если на русскомъ кораблѣ совершено тяжкое преступленіе, напр. убійство, то капитанъ корабля не имѣетъ права произвести судъ надъ

чальникъ, онъ только блюститель порядка и власть его только исполнительная. Распорядительная по отношенію къ нему власть принадлежитъ разнымъ должностнымъ лицамъ на станціяхъ, преимущественно на главныхъ станціяхъ. По самой степени образованія кондукторовъ и положенія, занимаемаго ими въ обществѣ, нельзя признать за ними другой власти кромѣ той, которая принадлежитъ нисшимъ полицейскимъ служителямъ. Недостатокъ власти со стороны кондуктора и вообще отсутствіе распорядительной власти въ вагонѣ не лишаетъ однако послѣдняго того юридическаго значенія, которое ему принадлежитъ. Проѣздъ отъ одной станціи до другой продолжается минутъ десять, много пятнадцать, и съ минуты выхода пасажировъ изъ вагона они подвергаются, какъ мы сказали, распоряженіямъ власти той мѣстности, на которой они находятя. Жалуясь одинъ на другаго на станціи, пасажиры могутъ быть разсматриваемы какъ иностранцы, нанесшіе другъ другу обиду внѣ предѣловъ мѣстности, гдѣ подается жалоба.

Если вагонъ амбулантная анклава, то всѣ внутри его юридическія отношенія изъ области какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго права должны подлежать законамъ страны, которой принадлежитъ вагонъ. Слѣдовательно всякая юридическая сдѣлка, заключенная въ вагонѣ, должна быть признаваема состоявшеюся на територіи государства, владѣющаго вагономъ. Если на практикѣ иногда выходитъ иначе, то единственно потому, что вагонъ еще не пріобрѣлъ то юридическое вниманіе, которое ему должно принадлежать. Въ теоріи же контрактъ, заключенный въ вагонѣ, долженъ быть обсуживаемъ по законамъ мѣстности, которой принадлежитъ вагонъ. Изъ этого, разумѣется, исключается тотъ случай, когда предметъ договора недвижимое имущество, потому что тогда форумъ опредѣляется по положенію недвижимости. Положимъ, русскій и французъ заключаютъ условіе въ прусскомъ вагонѣ, проходящемъ въ это время черезъ Саксонію, то по нашей теоріи такія условія должны обусловливаться

убійцею, но можетъ только заковать его въ кандалы и передать его въ ближайшей гавани русскому консулу. Консулъ съ своей стороны препровождаетъ злодѣя въ Россію съ первымъ отходящимъ кораблемъ.

законами прусскими. Впрочемъ, по общему правилу, контрактъ долженъ обсуживаться по законамъ той мѣстности, гдѣ онъ приводится въ исполненіе, если между контрагентами не было договорено иное; такъ что если контрактъ приводится въ исполненіе тутъ же въ вагонѣ, то юридическія послѣдствія его должны быть обсуживаемы по законамъ собственника вагона. Это особенно касается до предмета сдѣлки, такъ какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ извѣстный предметъ можетъ подлежать отчужденію, а въ другихъ не можетъ. Равнымъ образомъ оно касается срока давности, который въ разныхъ странахъ можетъ не быть одинаковымъ, а именно для движимыхъ вещей въ однѣхъ мѣстностяхъ срокъ давности для уничтоженія дѣйствительности контракта шестидневный, въ другихъ странахъ онъ годовой и больше. Наконецъ въ мѣстностяхъ, гдѣ римское право пустило корни, дѣйствуетъ еще laesio enormis (въ германскомъ правѣ Verletzung über die Haelfte), т. е. право покупщика требовать уничтоженія контракта купли — продажи, если онъ докажетъ, что заплатилъ за вещь вдвое противъ настоящей стоимости ея, а также подобное право продавца движимаго имущества, если онъ получилъ за вещь вдвое меньше противъ дѣйствительной стоимости проданнаго предмета. Всякій другой фактъ, влекущій за собою юридическія послѣдствія, также долженъ обсуживаться по законамъ страны, которой принадлежитъ вагонъ. Напримѣръ ребенокъ, родившійся въ вагонѣ, долженъ считаться рожденнымъ въ государствѣ, которое владѣетъ вагономъ. Въ Англіи подобный взглядъ на вещь считался бы, вѣроятно, невѣрнымъ, потому что англичане признаютъ рожденными въ Англіи только тѣхъ, которые родились на моряхъ, исключительно принадлежащихъ Англіи; всѣхъ прочихъ, рожденныхъ хотя бы и на англійскихъ корабляхъ, но на чужомъ или также свободномъ морѣ, они считаютъ рожденными за границею. Къ счастію однако можно обойтись безъ согласія англичанъ, если примѣнить международный взглядъ ихъ на судно въ этомъ отношеніи къ вагону, потому что британскіе вагоны по географическимъ причинамъ никогда не могутъ выходить изъ Англіи или подвластной ей Шотландіи. Точно также ни одинъ иностранный вагонъ не можетъ входить въ Великобританію.

Особенно важно примѣненіе принятаго нами принципа относи-

тельно юрисдикціи вагона къ дѣламъ уголовнымъ, потому что законы уголовные, а именно мѣра, степень и роды наказаій гораздо болѣе различествуютъ другъ отъ друга въ разныхъ государствахъ, чѣмъ законы гражданскіе. Со времени существованія желѣзныхъ дорогъ (съ марта 1829 г.) былъ только одинъ случай уголовный, совершившійся во время поѣзда и сдѣлавшійся общеизвѣстнымъ, а именно убійство англійскаго купца Бриджа (въ 1864 г.) подданнымъ одного изъ германскихъ государствъ, Францомъ Мюллеромъ. Преступленіе совершилось въ окрестпостяхъ Лондона и преступника судили, разумѣется, по англійскимъ законамъ. Иначе не могло и быть, потому что въ данномъ случаѣ вопросъ о политическомъ значеніи вагона не могъ и возникнуть по причинамъ самымъ очевиднымъ. Другое дѣло, еслибы преступленіе случилось въ вагонѣ напр. французскомъ на прусской територіи, положимъ на пути между Кэльномъ и Парижемъ. Преступника въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, по нашей теоріи, судить по законамъ французскимъ, потому что онъ провинился на французской амбулантной анклавѣ. На это можно бы было возразить, 1) что первое полицейское слѣдствіе должно быть сдѣлано со стороны прусской полицейской власти, которая обязана по горячимъ слѣдамъ привести въ ясность все, что могло бы повести къ открытію виновнаго и къ обличенію его, потому что въ весьма многихъ случаяхъ горячіе слѣды суть единственные путеводители при розыскахъ, 2) что вагонъ хотя и анклава, но совершенно лишенъ мѣстныхъ властей, что во всякой анклавѣ непремѣнно существуетъ какая нибудь мѣстная власть, и если даже она иногда весьма ограничена, то все-таки она на основаніи данныхъ ей инструкцій можетъ пресѣчь всякіе безпорядки и непремѣнно составляетъ низшую по крайней мѣрѣ степень суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, 3) что слѣдовательно для вагона слѣдуетъ дѣлать исключеніе. Подобныя возраженія, однако, несправедливы. Нельзя отрицать, что первый полицейскій розыскъ и вообще первоначальныя мѣры со стороны охранительной власти должны быть предпринимаемы властями на територіи станціи, но это основывается лишь на принципѣ взаимности и общихъ дружескихъ отношеній европейскихъ государствъ между собою. Въ мирное время естественно существуютъ дружелюбныя отношенія между государствами, а изъ этого и выте-

каетъ принципъ обоюдной помощи. Примѣняя къ европейской семьѣ государствъ постановленія, имѣющія силу въ каждомъ изъ нихъ особо, нельзя не указать на то, что во всѣхъ государствахъ существуетъ опредѣленное число полицейскихъ округовъ, власть которыхъ ограничивается предѣлами округа. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ странахъ постановлено, 1) что въ случаѣ преслѣдованія воровъ, разбойниковъ и другихъ преступниковъ или бѣглыхъ за границу другаго округа мѣстная полиція не останавливаетъ преслѣдованій и въ сосѣднемъ округѣ и прекращаетъ ихъ тогда только, когда начнетъ дѣйствовать мѣстная того округа полиція; тоже самое соблюдается въ случаѣ наводненія или пожара лѣсовъ, а именно въ томъ случаѣ мѣстная полиція продолжаетъ взятыя противъ пожара или наводненія мѣры и въ сосѣднемъ округѣ и также прекращаетъ свои распоряженія тогда только, когда начнетъ дѣйствовать мѣстная полиція сосѣдняго округа, которой она должна дать знать о томъ немедленно. Въ русскомъ законодательствѣ это также высказано (ст. 2381 т. II Общ. губ. учр.) и въ противномъ случаѣ установленіе общаго порядка было бы, разумѣется, невозможно. Самое полицейское разбирательство, взысканіе съ виновнаго или представленіе его въ извѣстныхъ случаяхъ въ распоряженіе судебной власти, конечно, лежитъ на обязанности полиціи того округа, гдѣ совершено противозаконное дѣяніе, и только принципъ, что всѣ части государства составляютъ одно неразрывное цѣлое, стремящееся къ общему и всестороннему благосостоянію, допускаетъ расширеніе власти одного полицейскаго округа за предѣлы его. Этотъ же принципъ взаимной помощи и всеобщаго благосостоянія по необходимости долженъ быть признаваемъ существующимъ и между отдѣльным государствами, а изъ этого слѣдуетъ, что если въ вагонѣ совершено злодѣяніе, то, за недостаткомъ непосредственной мѣстной власти и по необходимости обличенія преступника по горячимъ слѣдамъ, станціонная мѣстная власть не только вправѣ, но и обязана произвести первое уголовное слѣдствіе и предпринять все, что находится въ малѣйшей связи съ возможностью открытія виновнаго. Отыскавъ его, или даже только подозрѣвая его, станціонная полиція должна немедленно дать знать обо всемъ полицейскимъ властямъ той страны, которой принадлежитъ вагонъ. Дѣйствуя субсидіарно, мѣстная стан-

ціонная власть только потому производитъ первоначальный розыскъ, что проволочка во вмѣшательствѣ полицейской власти могла бы чрезвычайно затруднять впослѣдствіе открытіе виновнаго, или даже сдѣлать такое открытіе невозможнымъ. Такимъ образомъ туже помощь, которую оказываетъ одинъ полицейскій округъ другому, или вообще сосѣдъ сосѣду, обязапа оказать и полиція одного государства другому. Въ теоріи нельзя выставить другаго принцина и, разумѣется, желательно, чтобъ онъ перешелъ и въ практику, т. е. чтобы станціонная полицейская власть непремѣнно вмѣшивалась бы въ открытіе виновнаго, но единственно на столько, на сколько это абсолютно необходимо, потомъ же предоставила бы судебныя рѣшенія тому государству, которому принадлежитъ вагонъ; для этой цѣли и для дальнѣйшаго уголовнаго слѣдствія вагонъ непремѣнно долженъ быть отправленъ въ свое государство. Такого рода отношенія должны имѣть мѣсто и между государствами, у которыхъ нѣтъ трактатовъ о выдачѣ преступниковъ. Извѣстно, что по общепринятому правилу иностранцы судятся по законамъ мѣстности, на которой совершили преступленіе, и тогда только выдаются государству, котораго они подданные, если между тою и другою державою заключенъ трактатъ о выдачѣ преступниковъ, или объ экстрадиціи. Понятіе о выдачѣ преступниковъ можетъ быть примѣняемо и къ совершенію преступленія въ вагонѣ, а именно, понятіе о выдачѣ можетъ возникнуть въ трехъ случаяхъ: 1) лице, совершившее преступленіе въ государствѣ, котораго оно подданный, скрывается въ другомъ государствѣ. 2) лице, совершившее преступленіе въ одномъ иностранномъ государствѣ, скрывается въ другомъ, также иностранномъ государствѣ, 3) лице совершаетъ преступленіе въ иностранномъ государствѣ и скрывается въ государствѣ своего подданства. Въ первыхъ двухъ случаяхъ преступники выдаются, если предшествовали конвенціи о выдачѣ ихъ, въ послѣднемъ же случаѣ не выдаются. Безъ конвенцій объ экстрадиціи европейская практика не выдаетъ злодѣевъ. Эти же правила, установленныя международными сношеніями, вполнѣ примѣняются и къ вагону, какъ къ анклавѣ или составной части опредѣленнаго государства. Положимъ, французъ совершилъ преступленіе въ прусскомъ вагонѣ и успѣлъ скрыться во Франціи; по изложенному принципу его не слѣдуетъ выдавать, потому что государство не выдаетъ соб-

ственныхъ своихъ подданныхъ. Но если французъ совершилъ преступленіе во французскомъ вагонѣ, проходящемъ напримѣръ между границею Франціи и г. Кэльномъ, и успѣлъ бѣжать, то, по поимкѣ его на прусской територіи, онъ долженъ быть выданъ Франціи, если только существуетъ конвенція о выдачѣ между Пруссіею и Франціею. Если же французу, по совершеніи преступленія въ прусскомъ вагонѣ, удастся бѣжать дальше и его схватятъ, положимъ, въ Швейцаріи, то Гельветическая республика обязана выдать его не Франціи, но Пруссіи, разумѣется, на томъ основаніи, что злодѣяніе совершено въ прусской анклавѣ, предполагая опять же, что существуетъ трактатъ о выдачѣ между Швейцаріею и Пруссіею. Исключеніе изъ означеннаго принципа составляетъ одна Англія, которая никогда не выдаетъ преступниковъ, такъ что если виновный успѣетъ бѣжать въ Англію, то онъ находитъ въ ней убѣжище. По отношенію, однако, къ международному значенію вагона можно установлять правила и безъ согласія Англіи, потому что до сихъ поръ еще не было англійскихъ вагоновъ на материкѣ Европы, за исключеніемъ развѣ заказанныхъ компаніями желѣзныхъ дорогъ или какимъ либо правительствомъ (но не англійскимъ) въ Великобританіи. По отношенію къ дѣламъ уголовнымъ чрезвычайно было-бы важно и даже необходимо, еслибы трактатами была установлена юрисдикція вагона. Быть можетъ, не для всѣхъ государствъ этотъ вопросъ имѣлъ бы практическое значеніе, потому что не изъ всѣхъ державъ вагоны переходятъ въ чужія владѣнія, но при быстромъ распространеніи желѣзныхъ дорогъ ([1]) онъ, конечно, пріобрѣтаетъ все больше практическое значеніе. Для Россіи юридическое значеніе вагона до сихъ поръ не служило предметомъ опредѣленія нормъ, потому что наши вагоны остаются въ Россіи или переѣзжаютъ за границу не далѣе какъ на разстояніи полу-версты (отъ политической границы Россіи и Пруссіи до станціи Эйткуненъ въ Пруссіи, и въ Границѣ, на рубежѣ Австріи), но тѣмъ не менѣе и на разстояніи этой полу-версты примѣняется значеніе вагона, какъ амбулантной

([1]) Въ продолженіе 28-лѣтняго существованія желѣзныхъ дорогъ построено ихъ въ одной Европѣ до 60,000 верстъ.

анклавы. Если когда нибудь настанетъ пора, что русскіе вагоны будутъ переходить не только въ европейскія государства, но въ сосѣднюю съ нами Персію, Турцію или—horribile dictu—въ Китай, то весьма будетъ важно, чтобъ гражданскія и уголовныя дѣла, имѣющія возникнуть въ вагонѣ русскомъ, но на територіи этихъ теократическихъ и отсталыхъ государствъ не рѣшались кораномъ, или изрѣченіями буддическихъ мудрецовъ, но нашими положительными законами.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что по отношенію юрисдикціи къ вагону, перешедшему изъ одного государства въ предѣлы другаго, необходимо раньше всего привести въ ясность, какому онъ принадлежитъ государству, и сообразно съ тѣмъ установить для него подсудность. Очень было-бы нелишнимъ, еслибъ на локомотивѣ поѣзда во избѣжаніе недоразумѣній и сомнѣній былъ выставленъ флагъ державы, которой онъ принадлежитъ. Обычай этотъ, какъ извѣстно, давно установился на судахъ, плавающихъ па моряхъ, какъ свободныхъ, такъ и въ особенности на водахъ, принадлежащихъ иноземной державѣ.

Однако не всѣ вагоны бываютъ государственные. Чаще всего въ западныхъ государствахъ рельсы и вагоны принадлежатъ частному обществу, получившему, разумѣется, концесію на постройку желѣзной дороги. Если напримѣръ построена иждивеніемъ компаніи желѣзная дорога по тюрингенскимъ владѣніямъ, то очевидно компанія получила разрѣшеніе отъ всѣхъ правительствъ, чрезъ владѣнія которыхъ проходятъ ея вагоны. Но было-бы невѣрно утверждать, что юридическія отношенія внутри вагоповъ должны сообразоваться съ законами мѣстности, чрезъ которую проходитъ поѣздъ въ минуту совершенія юридической сдѣлки. Если общество тюрингенской желѣзной дороги получило концесію отъ правительствъ саксонскаго, прусскаго, веймарскаго и готскаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что, во время проѣзда чрезъ владѣнія напр. веймарскія, пасажиры подвергаются при юридическихъ сдѣлкахъ веймарскимъ законамъ потому только, что концесію дало правительство веймарское. Положимъ, что двое русскихъ въ вагопѣ тюрингенской желѣзной дороги заключаютъ контрактъ (разумѣется, о движимомъ имуществѣ), то, конечно, невѣрно бы было предположить, что такой контрактъ заключенъ на

териториі веймарской. Подданство членовъ общества желѣзной дороги не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на юрисдикцію внутри вагона, потому что общество есть лице юридическое, а отдѣльные члены его ежедневно могутъ мѣняться. Это доказывается тѣмъ, что учредителями и акціонерами обществъ во всѣхъ государствахъ могутъ быть и собственные подданные, и иностранцы. Общество, получивъ концесію отъ разныхъ правительствъ, не сдѣлалось тѣмъ еще обществомъ исключительно прусскимъ, саксонскимъ, веймарскимъ и т. д., а изъ этого вытекаетъ, что вагоны такого общества не подлежатъ юрисдикціи одного опредѣленнаго государства, или даже многихъ государствъ разомъ, но что полицейскія, гражданскія и уголовныя отношенія внутри вагоновъ должны быть опредѣлены по взаимному соглашенію государствъ, давшихъ концесію. Это необходимо уже потому, что было бы невозможно и неисполнимо на практикѣ подвергать пасажировъ другимъ законамъ каждыя десять или пятнадцать минутъ, т. е. при чрезвычайно часто мѣняющихся територіяхъ. Невозможность эта доказывается тѣмъ, что въ юридическихъ отношеніяхъ непремѣнно должны преобладать точность и опредѣленность, и хотя въ теоріи отъ пасажира можно требовать знанія мѣстности, въ которой онъ находится, но на практикѣ такое знаніе предполагаетъ многія предварительныя свѣденія, особенно при проѣздѣ чрезъ благодатный, но чрезполосный тюрингенскій край. Тоже самое, впрочемъ, можно сказать о желѣзной дорогѣ средне-рейнской. Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдовало бы, чтобы государства, разрѣшающія частному обществу проѣздъ по ихъ владѣніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ установили бы по взаимному соглашенію юрисдикцію вагонныхъ пасажировъ. Справедливѣе всего было бы, еслибы государства въ такомъ случаѣ условились о подчиненіи пасажировъ юридическимъ нормамъ, дѣйствующимъ въ государствѣ, чрезъ которое проходитъ наибольшая часть желѣзной дороги. Можно бы было вдобавокъ выставить на поѣздѣ флагъ того государства, законоположенія котораго обязательны для пасажировъ.

М. Бульмерингъ.

БЕРЕЗОВСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ ([1]).

(1727 — 1741 г.).

Въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, среди дремучей тайги и пустынныхъ тундръ отдаленнаго сѣвера, на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки Сосвы, близъ впаденія ея въ Обь, пріютился небольшой городокъ Березовъ. Кругомъ его, на необозримыя пространства, тянутся съ одной стороны—первобытные хвойные лѣса, съ другой—

(¹) Источники: 1) Выписки изъ дѣлъ Государств. Архива. 2) Топографическое описаніе сѣверн. Урала. Д. Юрьева. Спб. 1852 г. стр. 82—89. 3) Описаніе Березовскаго края Н. Абрамова. Записки Географическаго Общ. 1857 г. кн. 12, стр. 362—381. 4) Путешествіе академика Делиля въ Березовъ въ 1740 г. П. П. Пекарскаго. Спб. 1865 г. стр. 22—25. 5) Описаніе Западной Сибири. И. Завалишина. М. 1852 г. стр. 258—271. 6) Отъ Тобольска до Березова, ст. К. Губарева. Современникъ. 1863 г. № 1, стр. 369—375. 7) Словарь достопамят. людей. Бантыша-Каменскаго. Спб. 1847 г. Ч. 2, стр. 410—420. 8) Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ князя П. Долгорукова. Спб. 1840 г. стр. 156—158. 9) Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow. Génève. 1867 г. Т. 1, р. 359—374. 10) Voyage politique, philosophique et litteraire, fait en Russie en 1788. Trad. du holland, par Chantereau. Paris. 1794. Т. 2, р. 20—38. 11) Ссылка князя Меншикова. Ст. Г. В. Есипова. Отеч. Зап. 1861 г. № 1, стр. 85—88. 12) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древ. Россійск. при Москов. Универ. М. 1864, кн. 1. Смѣсь, стр. 8—10. 13) Русскій Архивъ, издав. П. И. Бартеневымъ. М. 1866 г. № 1, стр. 38—46. 14) Тобольскія губернскія вѣдомости. 1857 г. № 22, стр. 406—408.

обширная луговая низменность, покрытая множествомъ озеръ, протоковъ и зыбкихъ болотъ. На всемъ лежитъ печать суроваго сѣвера. Унылая природа бываетъ облечена въ снѣжный саванъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ; жестокіе морозы доходятъ иногда до сорока-пяти градусовъ; холодъ захватываетъ дыханіе и превращаетъ выдыхаемый паръ въ иней; птицы падаютъ мертвыми; стекла въ окнахъ лопаются; земля и ледъ даютъ глубокія трещины. Погода отличается непостоянствомъ; воздухъ сыръ и туманенъ; небо всегда закрыто темными тучами; особенно часто свирѣпствуютъ частые бураны; единственное спасеніе путника или звѣря, застигнутыхъ этой вьюгою, — ложиться въ снѣгъ и терпѣливо ожидать, иногда по цѣлымъ суткамъ, ея конца. Ночи продолжительны и мрачны; лишь по временамъ мракъ сокращается величественнымъ явленіемъ полярнаго горизонта — сѣвернымъ сіяніемъ. Безмолвіе пустыни царствуетъ въ полутемномъ, занесенномъ снѣгомъ городкѣ. Только хвойныя деревья: кедръ, ель и сосна, по высокому росту и зелени, нѣсколько оживляютъ угрюмую картину этой вѣчной зимы.

Березовъ построенъ въ 1593 году, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ, для упроченія русскаго владычества надъ покоренными остяками. Названіе его произошло отъ находившагося вблизи остяцкаго селенія „Сугмутъ-Вожъ“, что означаетъ въ переводѣ — березовый городокъ. При основаніи своемъ Березовъ былъ обнесенъ рвомъ, валомъ и деревянной стѣной съ башнями, въ предосторожность отъ нападенія инородцевъ. Укрѣпленія эти существовали до 1806 года, когда ужасный пожаръ истребилъ не только ихъ, но и почти весь городъ. По описи, составленной въ 1727 году, въ Березовѣ числилось 400 дворовъ служилыхъ казаковъ, три церкви, воеводскій дворъ и приказъ; въ настоящее же время въ немъ всего 170 домовъ, большею частью деревянныхъ и полуразвалившихся, двѣ церкви и около тысячи человѣкъ жителей.

Отдаленность и пустынность Березова сдѣлали его почти съ самаго основанія мѣстомъ ссылки важныхъ государственныхъ преступниковъ. Мы сообщимъ здѣсь нѣсколько любопытныхъ свѣденій, которыя намъ удалось собрать, о замѣчательныхъ людяхъ, сосланныхъ въ Березовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1727 года въ Березовъ былъ привезенъ изъ Тобольска подъ конвоемъ капитана сибирскаго гарнизона Миклашевскаго и двадцати рядовыхъ знаменитый другъ и сподвижникъ Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ съ сыномъ Александромъ (13 л.) и дочерьми: Александрою (14 л.) и Маріею (16 л.), обрученною невѣстою юнаго императора Петра II. Ихъ помѣстили въ городскомъ острогѣ, передѣланномъ въ 1724 году изъ упраздненнаго Березовскаго мужскаго Воскресенскаго монастыря, монахи котораго были тогда же переведены въ Кандинскій монастырь. Слѣды свай и фундамента этого острога уцѣлѣли до сихъ поръ. Онъ стоялъ въ двадцати саженяхъ на западъ отъ нынѣшней Богородице-Рождественской церкви и былъ обнесенъ тыномъ изъ толстыхъ стоячихъ бревенъ. Наружность его представляла невысокое, длинное деревянное зданіе съ узкими закругленными вверху окнами, а внутренность была раздѣлена на четыре комнаты: одну изъ нихъ занялъ самъ Меншиковъ съ сыномъ, другую княжны Александра и Марія, третью прислуга, а въ четвертой хранились съѣстные припасы.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, властолюбивый и порочный во времена своего всемогущества, онъ явилъ въ ссылкѣ образецъ христіанской добродѣтели, твердости, смиренія и покорности волѣ Провидѣнія. Дома и при народѣ князь откровенно сознавался, что былъ виновенъ предъ своимъ государемъ и вполнѣ заслужилъ постигшее его тяжелое наказаніе; онъ видѣлъ въ немъ не кару, но милость неба, отверзшаго ему двери милосердія. Помышляя единственно о загробной жизни и спасеніи души, Меншиковъ посвятилъ остатокъ дней своихъ покаянію и молитвѣ. Скопивъ изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 р. асс. въ сутки) небольшую сумму, онъ соорудилъ на нее деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Иліи Пророка, причемъ работалъ самъ съ топоромъ въ рукахъ. Когда постройка была окончена, Меншиковъ принялъ на себя ничтожную должность церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности: ежедневно первымъ входилъ въ храмъ и послѣднимъ оставлялъ его; звонилъ въ колокола; пѣлъ на клиросѣ; говорилъ

иногда собравшимся прихожанамъ назидательныя поученія, почерпнутыя изъ божественнаго писанія. „Благо мнѣ Господи“ — повторялъ онъ безпрестанно въ молитвахъ, — „яко смирилъ мя еси!“ По возвращеніи изъ церкви Меншиковъ заставлялъ дѣтей своихъ читать священныя книги или передавалъ имъ любопытныя событія своей жизни, которыя они записывали. Неизвѣстно, куда дѣвалась эта рукопись, но березовскій мѣщанинъ Матвѣй Бажановъ, умершій въ 1797 году, 107 лѣтъ отъ рожденія, часто заставалъ Меншиковыхъ за этимъ занятіемъ. Князь любилъ бесѣдовать съ нимъ и однажды сказалъ ему между прочимъ: „вотъ ты сидишь со мною рядомъ и говоришь, а прежде наши вельможи, иностранные принцы и князья платили деньги за то, чтобъ попасть ко мнѣ во дворецъ, и каждое слово мое считали особою милостью. Теперь же самые дорогіе для меня гости — неимущіе!“

Такъ проводилъ время знаменитый ссыльный, котораго нѣкогда привѣтствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ словами: „мы въ Александрѣ видимъ Петра!“ — который возвелъ на престолъ Екатерину I и самовластно управлялъ Россіей въ первые дни царствованія Петра II. Позднее раскаяніе въ томъ, что онъ своими ошибками погубилъ дѣтей, и мучительная неизвѣстность объ ожидающей ихъ участи, терзали сердце Меншикова; душевная болѣзнь скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ 12 ноября 1729 года пятидесяти-шести лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ на берегу Сосвы близъ алтаря построенной имъ церкви. Быстрая Сосва, обмывая и обрывая въ этомъ мѣстѣ берега, давно уже сгладила всякій слѣдъ могилы свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго.

Княжна Марія недолго пережила отца; она скончалась въ томъ же году, 26 декабря.

Петръ II за десять дней до смерти вспомнилъ о своей бывшей невѣстѣ и, 9 января 1730 года, отдалъ приказаніе Верховному Тайному Совѣту — „освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова съ позволеніемъ жить, не въѣзжая въ Москву, въ деревнѣ дяди ихъ, Василья Арсеньева и дать имъ на прокормленіе сто дворовъ, пріискавъ изъ нижегородскихъ Меншиковыхъ деревень, а сына записать въ полкъ и отдать для обученія хорошему офицеру.“ Воля умиравшаго императора была исполнена уже императрицей Анной

Ивановной въ іюлѣ 1730 г. Она разрѣшила Меншиковымъ пріѣхать въ Москву, возвратила князю Александру Александровичу часть отцовскаго имѣнія и пожаловала ему чинъ прапорщика лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Княжна Александра Александровна была назначена фрейлиной и вскорѣ выдана замужъ за генерала-аншефа Густафа Бирона.

Въ 1825 году, почти черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Меншикова, тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, желая знать, гдѣ покоится прахъ любимца Петра I, поручилъ березовскому городничему Андрееву отыскать его могилу. Г. Андреевъ, въ свою очередь желая угодить губернатору, поспѣшилъ исполнить порученіе и донести, что онъ разспрашивалъ старожиловъ и узналъ отъ казака Шахова, бывшаго вожатымъ столѣтняго березовскаго мѣщанина Бажанова, что могила Меншикова находится невдалекѣ отъ берега Сосвы, на косогорѣ, у алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной Меншиковымъ. Городничій велѣлъ на указанномъ мѣстѣ вырубить землю. Въ глубинѣ трехъ аршинъ съ четвертью оказался гробъ, длиною въ сажень, обитый краснымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ, въ видѣ креста, на крышѣ. Его открыли; сняли ледъ, на вершокъ покрывшій тѣло усопшаго; приподняли шелковое покрывало: лежавшій въ гробу былъ высокаго роста, сухощавый, съ бритою бородой, безволосый, имѣлъ густыя брови; всѣ зубы сохранившіеся; одѣтъ въ халатѣ, стеганной шапочкѣ, подъ которою голова была обернута платкомъ; на ногахъ зеленыя туфли съ высокими каблуками, книзу съуживающимися. Гробницу тотчасъ закрыли и засыпали землей. Въ концѣ своего донесенія губернатору городничій однако прибавлялъ, „что не ручается, дѣйствительно-ли усопшій былъ князь Меншиковъ.“

Спустя полтора года послѣ этого, Бантышъ-Каменскій самъ пріѣхалъ въ Березовъ и приказалъ вновь раскопать могилу. „Когда открыли гробъ“, говоритъ онъ, „я увидѣлъ Меншикова, котораго тотчасъ узналъ по портрету, бывшему со мной; черты лица не измѣнились; но отъ прикосновенія воздуха тѣло все почернѣло; сукно, позументъ, покрывало, шапочка, халатъ подверглись тлѣнію. Отслушавъ литію и поклонившись праху великаго мужа, я велѣлъ, не вынимая гроба на поверхность, засыпать его землею.“

Такое свидѣтельство Бантыша-Каменскаго, казалось, уничтожало всякое сомнѣніе въ томъ, что открытый мертвецъ былъ дѣйствительно князь Меншиковъ. Однако новѣйшія изслѣдованія смотрителя березовскихъ училищъ и члена-кореспондента географическаго общества, г. Абрамова проливаютъ совершенно иной свѣтъ на это дѣло.

Изъ изслѣдованія г. Абрамова оказывается, что березовскій городничій, слишкомъ увлекшись желаніемъ угодить губернатору, не совсѣмъ вѣрно донесъ ему о тѣхъ подробностяхъ, которые сопровождали отрытіе могилы князя Меншикова и этимъ ввелъ Бантыша-Каменскаго въ престранное заблужденіе.

Многіе березовскіе жители, бывшіе очевидцами отрытія могилы городничимъ Андреевымъ, такъ передавали объ этомъ г. Абрамову въ 1842 году (черезъ 17 лѣтъ):

30 іюля 1825 года, въ жаркій день, начали разрывать могилу. Сначала докопались до двухъ маленькихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ ихъ, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ, и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробы младенцевъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. По снятіи ея увидѣли, что въ гробу съ обоихъ концевъ не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ лежалъ покрытый зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало было со всѣхъ сторонъ подложено подъ мертвеца, то, не тревожа его, разрѣзали атласъ по серединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій: лице бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу съуживающимися; переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи (¹). Могила оставалась цѣлый день открытою и лице совершенно почернѣло.

(¹) Такіе башмаки въ семисотыхъ годахъ носили женщины.

Сравнивая собранныя имъ свѣденія съ донесеніемъ городничаго Андреева и свидѣтельствомъ Бантыша-Каменскаго, г. Абрамовъ дѣлаетъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній: 1) Бантышъ-Каменскій, говоритъ онъ, сличивъ находившійся при немъ портретъ князя съ лицемъ покойника, призналъ его за Меншикова. Но могли ли сохраниться какія нибудь черты послѣ того, какъ покойникъ, остававшійся открытымъ въ теченіе всего іюльскаго жаркаго дня, совершенно почернѣлъ, а сукно, халатъ, шапочка и позументы, по словамъ самаго Бантыша-Каменскаго, подверглись тлѣнію? 2) Борода у покойника была обрита, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Меншиковъ съ перваго дня своей ссылки отпустилъ бороду и уже не брилъ ея. 3) Могила открыта на косогорѣ близъ алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной, какъ говоритъ городничій Андреевъ, а за нимъ и Бантышъ-Каменскій, Меншиковымъ. По вѣрнымъ же преданіямъ и сохранившимся актамъ извѣстно, что Меньшиковъ выстроилъ не Спасскую церковь, а Богородице-Рождественскую близъ острога государственныхъ преступниковъ. Церковь эта, какъ видно изъ дѣлъ березовской воеводской канцеляріи, сгорѣла 20 февраля 1764 г., на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника Петра Өедорова. Въ это время сгорѣли находившіеся при церкви богадѣльня и памятникъ на могилѣ Меншикова. 4) Хотя открытый гробъ и оказался длиною въ три аршина, но такъ какъ у него не было выдолблено вершка по три съ каждаго края, то длина трупа не могла превышать 2 арш. 5 верш., если принять въ соображеніе каблуки у башмаковъ, длиною въ полтора вершка, а князь Меншиковъ, какъ извѣстно, былъ ростомъ 2 арш. 12 верш. Наконецъ платье покойника, капоръ на головѣ, подвязанный лентою, башмаки изъ махровой зеленой матеріи могли принадлежать скорѣе женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ.

Приведенныя нами замѣчанія г. Абрамова такъ основательны и ясны, что послѣ нихъ становится очевидной ошибка Бантыша-Каменскаго, признавшаго неизвѣстнаго и нисколько непохожаго на Меньшикова мертвеца за трупъ любимца Петра I.

Что же побудило казака Шахова указать городничему Андрееву вмѣсто Меншиковой чужую могилу? По собственному сознанію Шахова, онъ былъ увѣренъ, что покойникъ, пролежавъ въ землѣ

98 лѣтъ, давно сгнилъ, а между тѣмъ ждалъ за такое открытіе награды отъ губернатора и кромѣ того полагалъ, что потомки князя будутъ усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами.

Но кто же этотъ покойникъ? Почему около него положены два младенческіе гробика, обитые одной и той же матеріей съ большимъ гробомъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшается слѣдующимъ, сохранившимся между многими березовскими жителями, преданіемъ:

Въ 1728 году, вскорѣ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Ѳедоръ Долгоруковъ ([1]). Онъ давно былъ влюбленъ въ княжну Марію Александровну и узнавъ о ея ссылкѣ, выпросился ѣхать за границу, а самъ, подъ чужимъ именемъ, явился въ мѣсто заточенія своей возлюбленной. Они были тайно вѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ, которому за это между прочимъ былъ подаренъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ. Въ лѣтнее время березовскіе жители часто видѣли князя Ѳедора и его жену прогуливающихся по берегу Сосвы, причемъ замѣчали, что она никогда не носила другаго платья кромѣ чернаго, почти всегда бархатнаго, съ окладкою изъ серебряной блонды. Черезъ годъ послѣ брака княгиня Долгорукова скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми близъ Спасской церкви.

Въ числѣ рѣдкостей, до сихъ поръ сохраняющихся въ бывшей Спасской церкви, нынѣ Воскресенскомъ березовскомъ соборѣ, находятся: 1) двѣ парчевыя священническія ризы со звѣздами св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, шитыя дочерьми Меншикова, и 2) золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтло-русыхъ волосъ. Медальонъ этотъ, по преданію, поступилъ въ церковь послѣ смерти князя Ѳедора Долгорукова. Волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ женѣ князя—княгинѣ Марьѣ Александровнѣ.

([1]) Есть основаніе думать, что князь Ѳедоръ былъ сынъ извѣстнаго князя Василія Лукича Долгорукова.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны Ивановны, въ іюлѣ 1730 года, въ Березовъ былъ присланъ въ заточеніе оберъ-гофмейстеръ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ съ женой Прасковьей Юрьевной (рожденной княжной Хилковой) и дѣтьми: княземъ Иваномъ (22 л.), съ женою Натальей Борисовной (рожденной графиней Шереметевой), Николаемъ (17 л.), Алексѣемъ (14 л.), Александромъ (12 л.) и княжнами: Екатериною (18 л.), Еленою (15 л.) и Анной (13 л.).

Извѣстно, что князь Алексѣй Григорьевичъ и старшій сынъ его, оберъ-камергеръ князь Иванъ были главнѣйшими виновниками паденія Меншикова и играли первостепенную роль при дворѣ императора Петра II, на котораго имѣли неограниченное вліяніе. Князь Алексѣй намѣревался даже выдать дочь свою, Екатерину замужъ за молодаго государя; но внезапная кончина послѣдняго разстроила этотъ бракъ. Тогда Долгоруковы, чтобы удержать за собою власть, составили отъ имени покойнаго императора подложное духовное завѣщаніе, гдѣ говорилось, что Петръ завѣщаетъ послѣ себя русскій престолъ обрученной невѣстѣ своей, княжнѣ Екатеринѣ; однако дружное и энергическое противодѣйствіе всѣхъ вельможъ заставило ихъ отказаться отъ столь дерзкаго замысла и уничтожить фальшивый актъ. Съ воцареніемъ Анны Ивановны фамилія Долгоруковыхъ, ненавидимая Бирономъ, подверглась страшнымъ гоненіямъ: всѣ они были лишены званій, чиновъ, орденовъ и имущества и сосланы въ отдаленныя мѣста имперіи. На долю семейства князя Алексѣя Григорьевича выпалъ Березовъ.

Тотъ же самый острогъ, гдѣ содержались Меншиковы, сдѣлался тюрьмой Долгоруковыхъ; по недостатку въ немъ помѣщенія князю Ивану Алексѣевичу съ женою былъ отведенъ для жительства дровяной сарай, наскоро перегороженный и снабженный двумя печками. Именнымъ указомъ императрицы было строжайше запрещено позволять Долгоруковымъ сообщаться съ жителями, имѣть бумагу и чернила и выходить куда либо изъ острога, за исключеніемъ церкви, да и то подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ. На пропитаніе ссыльныхъ отпускалось ежедневно по одному рублю на каждаго. Надзоръ за ними былъ ввѣренъ, нарочно присланному для этого изъ Тобольска, маіору сибирскаго гарнизона Петрову и бе-

резовскому воеводѣ Бобровскому, которые, на свое несчастіе, оказались людьми чрезвычайно добрыми. Тронутые положеніемъ и просьбами Долгоруковыхъ, они, не смотря на императорскій указъ, разрѣшили имъ принимать къ себѣ гостей, гулять по городу и даже посѣщать нѣкоторыхъ городскихъ чиновниковъ. Мы увидимъ далѣе, какъ дорого заплатили Петровъ и Бобровскій за свою снисходительность!

Княгиня Прасковья Юрьевна пріѣхала въ Березовъ совершенно больная и чрезъ нѣсколько недѣль умерла. Вслѣдъ за ней скончался и князь Алексѣй Григорьевичъ, удрученный несчастіемъ, годами и суровостью сибирскаго климата. Дѣти похоронили ихъ близъ Рождественской церкви, въ семи саженяхъ на западъ отъ ея алтаря, и соорудили надъ могилой деревянный памятникъ, который сгорѣлъ въ 1764 году; но обуглившіяся и полусгнившія окладныя бревна его, поросшія густымъ дерномъ, виднѣются до сихъ поръ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ послѣ смерти родителей остался старшимъ въ семьѣ. Къ сожалѣнію, поведеніе его не только не могло внушить къ нему уваженія младшихъ братьевъ и сестеръ, но напротивъ того имѣло на нихъ самое пагубное вліяніе. Сокрушаясь болѣе всего о потерѣ матеріальныхъ благъ, князь Иванъ старался залить свое горе виномъ и предался пьянству. Не обращая вниманія на слезы и мольбы страстно любившей его жены, онъ проводилъ дни и ночи въ обществѣ березовскихъ приказныхъ и мѣщанъ, напиваясь съ ними до безчувствія. Покинутая мужемъ, подвергаясь ежедневно оскорбленіямъ и всевозможнымъ непріятностямъ со стороны братьевъ и сестеръ князя Ивана, подобно ему пустымъ и испорченнымъ, добродѣтельная княгиня Наталья Борисовна находила утѣшеніе лишь около колыбели своихъ сыновей. Правительство не позволило ей даже имѣть наемную кормилицу, а изъ числа пяти женщинъ, отпущенныхъ съ ссыльными для услуженія, ни одна не годилась для этого. Наталья Борисовна, слабая здоровьемъ и убитая скорбію, была вынуждена раздѣлять обязанности матери съ коровой и такимъ образомъ вскормила князей Михаила и Дмитрія, которые появились на свѣтъ безъ помощи врача и бабки.

Бывшая „государыня-невѣста“, княжна Екатерина, не смотря на свою чрезмѣрную гордость, коротко сблизилась въ Березовѣ съ

*

офицеромъ тамошняго гарнизона, поручикомъ Овцынымъ. Связь эта дала поводъ искать благосклонности княжны одному тобольскому подъячему, Осипу Тишину, часто пріѣзжавшему въ Березовъ по дѣламъ службы. Какъ-то разъ, Тишинъ, напившись пьянымъ, выразилъ ей слишкомъ нескромно свои виды и желанія. Оскорбленная княжна пожаловалась на такую дерзость Овцыну, который вступился за предметъ своей страсти и, при помощи двухъ пріятелей, казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперова, жестоко избилъ Тишина. Послѣдній поклялся отомстить. Затаивъ неудовольствіе, онъ по прежнему продолжалъ посѣщать Долгоруковыхъ и нарочно заводилъ съ ними бесѣды объ императрицѣ и придворныхъ событіяхъ того времени, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ нихъ проговорится. Разсчеты Тишина оказались вѣрными. Болтливый князь Иванъ не замедлилъ попасть въ разставленную ловушку. Однажды, въ пылу возбужденнаго Тишинымъ спора, разгоряченный виномъ, онъ имѣлъ неосторожность сказать нѣсколько неуважительныхъ словъ о государынѣ и ея любимцѣ. Тишинъ сейчасъ же бросился къ маіору Петрову и заявилъ ему о слышанномъ. Благородный Петровъ не обратилъ на это вниманія и замялъ дѣло. Тогда Тишинъ отправился въ Тобольскъ и подалъ доносъ губернатору, которому разсказалъ также о послабленіяхъ, дѣлаемыхъ ссыльнымъ Петровымъ и Бобровскимъ. Губернаторъ рапортовалъ обо всемъ въ Петербургъ въ Тайную Канцелярію, откуда былъ немедленно командированъ въ Березовъ, для секретнаго изслѣдованія, гвардіи капитанъ Ушаковъ. Офицеръ этотъ съумѣлъ очень ловко скрыть настоящую цѣль своей поѣздки и увѣрилъ всѣхъ, что присланъ узнать въ какомъ положеніи находятся узники и по возможности облегчить ихъ участь: онъ всякій день навѣщалъ Долгоруковыхъ, обѣдалъ съ ними, гулялъ по городу и наконецъ, развѣдавъ что ему было нужно, уѣхалъ въ Тобольскъ. На другой же день послѣ отъѣзда Ушакова, согласно сдѣланному имъ распоряженію, князь Иванъ Алексѣевичъ былъ отдѣленъ отъ семьи и заключенъ въ особую тюрьму или, точнѣе, землянку, гдѣ ему давали грубой пищи на столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Княгиня Наталья Борисовна выплакала у караульныхъ солдатъ дозволеніе тайно по ночамъ видѣться съ мужемъ черезъ оконце, едва пропускавшее свѣтъ, и носила ему ужинъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1738-го года, въ темную дождливую ночь, къ Березову подплыло судно. На него въ глубокой тишинѣ были посажены: князь Иванъ Алексѣичъ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, Лихачевъ, Кашперовъ, березовскіе священники: Ѳедоръ Кузнецовъ, Илья Прохоровъ, Андрей, Тимофѣй, и Артемій Васильевы, дьяконъ Ѳедоръ Кокоулинъ и нѣкоторые другіе жители; всего тридцать-одинъ человѣкъ. Несчастныхъ привезли въ Тобольскъ и сдали тому же гвардіи капитану Ушакову, который явился теперь передъ ними грознымъ и неумолимымъ судьей. Слѣдствіе продолжалось недолго. Всѣ арестованные были обвинены въ сношеніяхъ и дружбѣ съ Долгоруковыми и наказаны: священники Кузнецовъ, Прохоровъ, братья Васильевы и дьяконъ Кокоулинъ, не взирая на заступничество митрополита сибирскаго Антонія Стаховскаго, высѣчены плетьми и сосланы въ Охотскъ въ каторжную работу: Бобровскій, Лихачевъ, Кашперовъ, Петровъ и Овцынъ разжалованы въ солдаты, биты кнутомъ и отправлены въ Оренбургъ; первые трое на службу, а послѣдніе въ каторгу. Какія наказанія постигли прочихъ, привезенныхъ въ Тобольскъ, березовцевъ, нѣтъ свѣденій. Извѣстно только, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся уже на родину.

Князь Иванъ Алексѣевичъ во время слѣдствія содержался въ тобольскомъ острогѣ прикованнымъ къ стѣнѣ съ кандалами на рукахъ и ногахъ. Нравственно и физически измученный, онъ впалъ въ какое-то особенное нервное состояніе, бредилъ на яву и разсказалъ даже то, чего у него не спрашивали—исторію сочиненія подложнаго духовнаго завѣщанія при кончинѣ Петра II. Неожиданное признаніе это повлекло за собой новое дѣло, къ которому оказались прикосновенными дяди князя Ивана, князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ. По повелѣнію Бирона, всѣ они были привезены въ Новгородъ, подвергнуты жестокимъ пыткамъ, и затѣмъ приговорены къ смерти: князь Иванъ колесованіемъ, а князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ отсѣченіемъ головы. Казнь совершилась 8 ноября 1739 года въ верстѣ отъ Новгорода, на Скудельничьемъ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоитъ теперь церковь во имя св. Николая чудотворца, построенная въ царствованіе императрицы Екатерины II родственниками казненныхъ.

Биронъ не пощадилъ также братьевъ и сестеръ князя Ивана

Алексѣевича; изъ нихъ, князья Николай и Александръ были наказаны кнутомъ и, по урѣзаніи языковъ, сосланы въ каторжную работу, первый въ Охотскъ, а второй въ Камчатку; князь Алексѣй отправленъ въ Камчатку же матросомъ; княжны Елена, Анна и Екатерина заключены въ разные монастыри.

Княгиня Наталья Борисовна оставалась въ Березовѣ до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны; получивъ свободу, она поселилась въ Петербургѣ въ домѣ брата своего, графа Петра Борисовича Шереметьева, который, наслѣдовавъ отъ отца слишкомъ восемьдесятъ тысячъ крестьянъ, удѣлилъ изъ нихъ сестрѣ только пятьсотъ. Наталья Борисовна рѣшилась хлопотать о возвратѣ ея дѣтямъ шестнадцати тысячъ душъ, конфискованныхъ у князя Ивана Алексѣевича и обратилась съ просьбой о содѣйствіи къ всемогущему тогда лейбъ-медику императрицы — Лестоку. Послѣдній изъявилъ готовность взяться за дѣло и ручался за успѣхъ; но потребовалъ въ вознагражденіе своихъ хлопотъ великолѣпные часы съ курантами, купленные графомъ Петромъ Борисовичемъ въ Лондонѣ за семь тысячъ рублей. Наталья Борисовна передала это брату и къ крайнему огорченію своему получила отъ него рѣшительный отказъ. Чудакъ не согласился пожертвовать часами, чтобы устроить будущность сестры и племянниковъ! Правительство возвратило дѣтямъ князя Ивана Алексѣевича всего лишь двѣ тысячи душъ. Окончивъ воспитаніе сыновей, княгиня Наталья Борисовна удалилась въ Кіевъ, во Фроловскую обитель, гдѣ и постриглась подъ именемъ Нектаріи. Она скончалась въ 1771 году.

Княжна Екатерина Алексѣевна была заточена въ Новгородскій Воскресенскій дѣвичій монастырь, извѣстный подъ именемъ Горицкаго. Здѣсь у выхода на такъ называемый черный дворъ, гдѣ находились конюшня, хлѣва и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домъ съ крошечными отверстіями вмѣсто оконъ и толстой дубовой дверью, окованной желѣзомъ, которая запиралась постоянно, и днемъ и ночью, двумя замками, внутреннимъ и наружнымъ. Въ этомъ домѣ, разгороженномъ на чуланчики, содержались секретныя колодницы, никѣмъ невидимыя кромѣ настоятельницы и приставницъ; только въ случаѣ опасной болѣзни какой либо изъ арестантокъ призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ. Княжна Екатерина

провела въ монастырѣ слишкомъ два года въ самомъ строгомъ заключеніи. Несчастіе нисколько не смягчило ея высокомѣрнаго и спѣсиваго характера. Однажды приставница, за что-то разсердившись на княжну, замахнулась на нее огромными четками изъ деревянныхъ бусъ, замѣнявшими иногда плетку. — „Уважь свѣтъ и во тьмѣ: я княжна, а ты холопка!“ — сказала Долгорукова и гордо посмотрѣла на приставницу. Послѣдняя смутилась и тотчасъ же вышла, забывъ даже запереть тюрьму; она дѣйствительно была изъ крѣпостныхъ. Въ другой разъ пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то генералъ, чуть ли не членъ тайной канцеляріи. Все засуетилось, забѣгало въ монастырѣ. Игуменья угощала гостя въ своихъ кельяхъ, подносила подарки, образа, вышиванья и т. д. Генералъ пожелалъ осмотрѣть тюрьму и колодницъ и вошелъ къ Долгоруковой: княжна оказала ему „грубость“: не встала и отвернулась отъ посѣтителя. Генералъ погрозилъ ей батогами и удалился, приказавъ игуменьѣ строже глядѣть за колодницей. Въ монастырѣ не знали, какъ еще строже смотрѣть? Думали, думали и надумались заколотить единственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая „государыня невѣста.“ Съ тѣхъ поръ боялись даже близко подпускать кого нибудь къ тюрьмѣ: двѣ монастырскія дѣвочки вздумали было посмотрѣть въ скважину наружной двери — ихъ за это больно высѣкли.

Императрица Елисавета Петровна, вступивъ на престолъ, приказала освободить княжну Екатерину и пожаловала ей званіе фрейлины. Уѣзжая изъ монастыря, Долгорукова очень любезно простилась съ игуменьей и монахинями и обѣщала не оставить обители посильными приношеніями. Она сдержала обѣщаніе и по временамъ присылала горецкимъ отшельницамъ денежныя милостыни и вклады разными вещами. Въ Петербургѣ княжна встрѣтилась со своими братьями и сестрами, также возвращенными изъ ссылки. Императрица весьма желала поскорѣе выдать Долгорукову замужъ, потому что народъ, не смотря на оффиціальныя запрещенія, по старой привычкѣ, продолжалъ называть ее „государыней-невѣстой.“ Однако пристроить княжну оказалось дѣломъ не легкимъ: березовскія похожденія ея и строптивый нравъ отталкивали всѣхъ жениховъ; притомъ же и она была слишкомъ разборчива. Только послѣ трех-

лѣтнихъ напрасныхъ стараній, удалось наконецъ выдать ее, въ 1745 году, за генералъ-аншефа графа Александра Романовича Брюса, который согласился на этотъ бракъ изъ личныхъ разсчетовъ. Вскорѣ послѣ свадьбы графиня Брюсъ отправилась въ Новгородъ поклониться праху своихъ казненныхъ родственниковъ. На возвратномъ пути въ Петербургъ она простудилась, заболѣла горячкой и черезъ нѣсколько недѣль умерла. Высокомѣріе не покинуло графини Екатерины Алексѣевны даже на смертномъ одрѣ: за два дня до кончины она приказала при себѣ сжечь всѣ свои платья и наряды для того, „чтобы послѣ нея никто не могъ ихъ носить!“

Изъ сестеръ „государыни-невѣсты“ княжна Елена вышла замужъ за князя Юрія Юрьевича Долгорукова, а княжна Анна осталась въ дѣвицахъ. Онѣ поселились въ Москвѣ, построили тамъ домовую церковь во имя Всемилостиваго Спаса и звали къ себѣ на житье пострадавшихъ изъ-за нихъ березовскихъ священниковъ; но изувѣченные священнослужители отказались и пожелали окончить свой вѣкъ на родинѣ. Долгоруковы пожертвовали въ березовскія церкви много богатыхъ вкладовъ; къ сожалѣнію, большая часть ихъ сгорѣла въ пожарѣ 1764 года. До настоящаго времени сохранились только двѣ священическія ризы со звѣздами ордена св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ да нѣсколько богослужебныхъ книгъ. На заглавномъ листѣ одной изъ послѣднихъ четкимъ почеркомъ написано: „1764 года сентября 1 дня эту книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовскомъ острогѣ, на поминовеніе своихъ родителей, представившихся тамо, княгиня Елена, князя Алексѣева дочь, Долгорукова.“

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1742 года Березовскій острогъ заключилъ въ свои стѣны еще одного знаменитаго ссыльнаго—вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

Этотъ замѣчательный государственный человѣкъ, принесшій столько пользы и славы Россіи, имѣлъ неосторожность возбудить противъ себя особенное нерасположеніе императрицы Елизаветы Петровны; при восшествіи ея на престолъ, онъ былъ арестованъ, преданъ суду, несправедливо обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ и

приговоренъ къ смертной казни, замѣненной потомъ пожизненнымъ заточеніемъ въ Сибири.

О пребываніи Остермана въ Березовѣ сохранилось немного свѣденій. Онъ былъ привезенъ сюда вмѣстѣ съ женою, графиней Марфой Ивановной, рожденной Стрѣшневой, подъ конвоемъ подпоручика лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Александра Ермолина и десяти гвардейскихъ солдатъ. Съ нимъ пріѣхали шесть человѣкъ прислуги: три лакея, поваръ и двѣ горничныя. На содержаніе Остермана и его жены было велѣно отпускать „изъ ближайшихъ къ мѣсту заключенія доходовъ“ по рублю, а служителямъ ихъ по десяти копѣекъ, каждому въ сутки. Въ Березовѣ Ермолинъ сдалъ арестантовъ „въ команду“ нарочно присланному изъ Тобольска поручику сибирскаго гарнизона Дорофею Космачеву, который получилъ при этомъ изъ сената особую инструкцію. Въ ней между прочимъ ему предписывалось: ежемѣсячно доносить въ Петербургъ о состояніи арестантовъ, содержать послѣднихъ „подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ;“ отпускать ихъ только въ церковь, „наблюдая однако, чтобы тамъ никто съ ними не разговаривалъ;“ не позволять имъ ни съ кѣмъ видѣться; не давать имъ чернилъ и бумаги; смотрѣть, чтобы служители ихъ не имѣли сношеній съ посторонними людьми и ходили бы въ городъ для закупки провизіи разъ въ сутки, не иначе какъ въ сопровожденіи солдатъ. „Ежели-жъ“ — говорилось въ инструкціи, — „иногда кто изъ нихъ въ подозрѣніи явится, то онаго запереть въ острогъ, въ особливое мѣсто и съ другими комуникаціи имѣть ему не велѣть и о дѣлахъ его доносить въ сенатъ; ежелибы случилось такое важное дѣло, которое бы времени не терпѣло, то объ ономъ накрѣпко тотчасъ изслѣдовать и виновныхъ подъ строжайшій караулъ взять и о томъ обстоятельно рапортовать въ сенатъ же.“

Вмѣстѣ съ арестантами Ермолинъ сдалъ также Космачеву, по описи, разныя вещи, отпущенныя съ ними высочайше учрежденной комисіей конфискацій изъ Петербурга (¹).

(¹) Мы находимъ нелишнимъ помѣстить здѣсь эту опись въ подлинникѣ:

Такъ какъ Остерманъ былъ лютеранинъ, то императрица приказала отправить въ Березовъ пастора, назначивъ ему жалованье по полтораста рублей въ годъ.

„Реестръ, сколько чего съ бывшимъ графомъ Остерманомъ и его женою принято:

„Образъ Богоматери „Неопалимыя купины“ безъ окладу; складни маленькіе рѣзные изъ кипарису безъ окладу; образъ семи отроковъ спящихъ, на маленькой доскѣ, въ окладѣ серебряномъ позолоченомъ; мощи святые въ ковчегѣ серебряномъ золоченомъ; образъ Успѣнія Богоматери на маленькой доскѣ; библія на нѣмецкомъ языкѣ; молитвенниковъ два; псалтырь слѣдованная маленькая.

„Казакинъ изорбатный, голубой, на подкладкѣ выбойчатой; двѣ пары платья, черныя, одинъ гарнитуромъ подбитъ, а другой стамедомъ, поношенныя; кафтанъ съ камзоломъ, парцицевые шелковые съ серебромъ клѣтчатые, пуговицы серебряные, штаны такіе-жъ; сюртукъ парчевый на песцовомъ мѣху съ позументомъ и съ пуговицами золочеными; четверо штановъ суконныхъ, одни коричневые, двое дымчатые поношенные, четвертые черные; епанча исподняя голубая стеганая атласная; юбка атласная жарная, стеганая, подложена стамедомъ; юбка изорбатная исподняя подложена выбойкой; юбка черная грезетовая верхняя; юбка гарнитуровая зеленая съ позументомъ серебрянымъ; юбка штофная черная верхняя; юбка гарнитуровая померанцевая; юбка гарнитуровая чижевая; шлафоръ свистуновый зеленый; шлафоръ камчатный голевой, сѣрогорючевый; шлафоръ камчатный голевый фіолетовый; шлафоръ гарнитуровый померанцевый; балахонъ желтый атласный, стеганый на подкладкѣ голубой; балахонъ камчатный синій на подкладкѣ; балахонъ камчатный фіолетовый; балахонъ, грезетовый черный; балахонъ атласный жарной на подкладкѣ; балахонъ штофный черный.

„Двѣнадцать паръ чулковъ женскихъ шелковыхъ и гарусныхъ разныхъ цвѣтовъ поношенныя; двѣ пары черевикъ штофныхъ, поношенныя; пара черевикъ, шитыхъ серебромъ; восемь скатертей новыхъ; четыре скатерти, подержанныхъ поровнѣе; шесть дюжинъ салфетокъ, въ томъ числѣ четыре дюжины одного сорта, а двѣ дюжины разныхъ; двѣ дюжины простынь холстинныхъ тонкихъ; восемнадцать наволокъ подушечныхъ холстинныхъ тонкихъ, въ томъ числѣ четыре малыя; двадцать-одна рубаха мужская голандскаго полотна; двѣ дюжины женскихъ рубахъ тонкихъ; шесть галстуховъ кисейныхъ; пять платковъ карманныхъ бумажныхъ; шесть косынокъ полотняныхъ, два корсета черные атласные на бѣлой байкѣ.

Остерманъ прожилъ въ мѣстѣ своего заточенія слишкомъ пять лѣтъ; въ теченіе всего этого времени онъ никуда не выходилъ изъ острога и кромѣ пастора никого не принималъ къ себѣ. Единственнымъ развлеченіемъ его было чтеніе библіи и, изрѣдка, короткихъ и по необходимости офиціальныхъ писемъ отъ сыновей (1). Графиня Марфа Ивановна, искренно любившая мужа, окружала его самыми нѣжными заботами, предупреждала всѣ его желанія, по не-

---

„Дюжина ложекъ серебряныхъ; дюжина ножичковъ съ вилками въ футлярѣ; дюжина блюдъ большихъ и малыхъ оловянныхъ; три дюжины тарелокъ оловянныхъ; шесть кострюлекъ мѣдныхъ большихъ и малыхъ; три котла мѣдныхъ съ крышками; чайникъ мѣдный большой; чайникъ мѣдный маленькій; маленькій котликъ мѣдный съ ручкой; иготъ мѣдная съ пестикомъ; горшечекъ мѣдный съ крышкою; сковородочка мѣдная съ крышкою, кувшинчикъ мѣдный маленькій; чашка оловянная маленькая съ ручкою; горшечикъ оловянный маленькій съ крышкою; двѣ сковороды желѣзныя.

„Перина пуховая съ подушками и одѣялами и пуховичекъ маленькій съ подушкой; шуба женская желтая тафтяная на бѣльемъ мѣху; епанечка черная гарнитуровая на лисьемъ мѣху; одѣяло полосатое атласное на байкѣ; одѣяло байковое; одѣяло синее камчатное на заячьемъ мѣху; ящикъ оклеенъ въ кожѣ, въ которомъ двадцать-двѣ стклянки съ разными медикаментами.

„Возокъ обитъ кожею, а внутри обитъ холстомъ бѣлымъ; сани обиты верхъ кожею, а внутри краснымъ сукномъ; двои сани обшивни.

„При означенномъ Остерманѣ людей, а именно: мужеска полу: лакеи Павелъ Васильевъ, Яковъ Ѳедоровъ и Андрей Васильевъ, поваръ Иванъ Степановъ; женска полу изъ турчанокъ: Настасья Яковлева и Катерина Яковлева.

Поручикъ Дорофей Космачевъ.

1742 года, марта 12 дня.

(1) У графа Остермана было двое сыновей; въ 1741 г. они служили капитанами въ Преображенскомъ полку и имѣли александровскія ленты; съ паденіемъ отца лишились лентъ и записаны тѣми же чинами въ армію. Изъ нихъ впослѣдствіи старшій, графъ Ѳедоръ Андреевичъ, былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и московскимъ генералъ-губернаторомъ; а младшій, графъ Иванъ Андреевичъ, государственнымъ канцлеромъ и президентомъ колегіи иностранныхъ дѣлъ.

волѣ скромныя, и старалась, какъ умѣла и могла, усладить его тягостную и плачевную жизнь. Остерманъ пріѣхалъ въ Березовъ въ крайне-болѣзненномъ состояніи. Страдая жестокими припадками хирагры и подагры, онъ почти не вставалъ съ постели; однако суровый березовскій климатъ благодѣтельно подѣйствовалъ на его здоровье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ поправился и началъ ходить сперва съ помощью костылей, а потомъ опираясь только на палку. Съ весны 1747 года болѣзнь внезапно возвратилась къ нему съ новой силой и скоро прекратила его страданія.

„Сего мая 5 дня", доносилъ сенату поручикъ Космачевъ, „состоящій у меня подъ карауломъ, бывшій графъ Андрей Остерманъ заболѣлъ грудью и голову обноситъ обморокъ, а сего-жъ мая 22 дня 1747 года, по полудни въ четвертомъ часу, волею Божіею умре."

Графиня Марфа Ивановна, послѣ кончины мужа получившая разрѣшеніе вернуться на родину, воздвигнула надъ его могилой памятникъ въ видѣ часовни. Памятникъ этотъ еще до сихъ поръ помнятъ многіе березовскіе старожилы. Часовня, длиною въ пять, шириною въ четыре аршина, построенная изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ, была покрыта въ двѣ доски со свѣсами, вырѣзанными разными фигурами. Съ восточной стороны находилась дверь, кверху полукруглая; съ южной узкое окно, почти подъ самою крышею; внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилою, катафалкъ и на немъ подобіе гроба; впереди икона съ лампадою и передъ ней налой.

Въ 1848 году начальникъ уральской экспедиціи, полковникъ Гофманъ, проѣзжая черезъ Березовъ и желая узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, велѣлъ бить шурфы. Когда рабочіе взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы и проникли до глубины десяти футовъ, то наткнулись на истлѣвшій гробъ, въ которомъ нашли остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами, лоскутьями шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и землею. Полковникъ Гофманъ тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ и, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была, вѣроятно, могила какого нибудь знатнаго человѣка, обратился за справ-

ками къ г. Абрамову. Послѣдній, по собраннымъ свѣденіямъ, рѣшилъ, что здѣсь покоится прахъ графа Остермана. Тогда полковникъ Гофманъ велѣлъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставилъ надъ нею черный колосальный величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней: графскою короною и латинскими буквами: H. O. (Heinrich Ostermann).

С. Н. Шубинскій.

ГОЛОСА НАРОДА.

(По поводу IV тома Сборника пѣсенъ г. Рыбникова)

Есть предметы въ области литературы, о которыхъ если заговорить, то чрезвычайно трудно бываетъ докончить. Богатство матеріала и не совсѣмъ завершенный сборъ его дѣлаютъ то, что почти за всякимъ новымъ явленіемъ въ этомъ родѣ оказывается необходимымъ прибавить къ разъ начатому обзору. Къ числу такихъ-то неистощимыхъ темъ принадлежатъ и произведенія устной или народной поэзіи: собраніе ихъ далеко еще не окончено, научная сторона этого предпріятія не додѣлана, и если мы рѣшились подвергнуть ихъ критическому разбору, то это только въ виду неотлагаемой надобности. Польскій вопросъ, крестьянская реформа и ясно выраженныя симпатіи родственныхъ намъ племенъ такъ подвинули наше общество въ сочувствіи къ народнымъ массамъ, что многіе явились какъ бы отставшими во всемъ, что касается внутренней жизни этихъ массъ; и этотъ ничѣмъ неизгладимый пробѣлъ въ образованіи иногда бываетъ такъ великъ, что человѣкъ чувствуетъ себя какъ въ лѣсу въ средѣ своего народа. Вооруженный всѣми доспѣхами цивилизаціи на борьбу за прогресъ, онъ оказывается въ тоже время лишеннымъ всякихъ средствъ къ сближенію съ народомъ и на этомъ основаніи можетъ только платонически нѣжничать съ нимъ или грубо проклинать его. Между тѣмъ исторически образовавшійся разрывъ между устной литературой и книжными печатными произведеніями нашего ума не прекращается, благодаря безграмотности простолюдина; и все наше національное возбужденіе ограничивается по этому

однимъ только отбоемъ или отгораживаніемъ народности отъ чуждыхъ притязаній; самое же развитіе народнаго или національнаго чувства не подвигается впередъ ни на шагъ. Нѣкоторые, чтобы пополнить какъ нибудь образовавшуюся вслѣдствіе отрицанія чуждыхъ формъ пустоту, смѣшиваютъ національное чувство съ религіознымъ; но они забываютъ, что сущность религіи, сущность христіанства заключается въ примиреніи народовъ, — почему и нѣтъ напримѣръ ни одного вѣроисповѣданія, котораго бы не держались нѣсколько народностей, и нѣтъ съ другой стороны націи, у которой бы не было одного основнаго, всепоглощающаго языка. Разъединеніе человѣчества на народности именно и происходитъ посредствомъ развѣтвленія языковъ. Всякое новое явленіе въ сферѣ непосредственнаго, неподдѣльнаго творчества мы поэтому считаемъ какъ новый органъ для питанія языка и развитія національнаго самосознанія. Появленіе четвертаго тома народныхъ пѣсенъ г. Рыбникова составляетъ, конечно, очень важное въ этомъ родѣ пріобрѣтеніе для литературы, и, высоко цѣня это новое доброе дѣло нашихъ собирателей, мы не можемъ не сдѣлать кое-какихъ добавленій къ тому, что мы уже сказали о народныхъ пѣсняхъ.

Переходя прямо къ дѣлу, мы скажемъ, что особенно важною для характеристики народныхъ богатырей оказывается въ сборникѣ Рыбникова былина объ Ильѣ Муромцѣ, этомъ собирательномъ лицѣ всего, что только простой человѣкъ могъ вообразить себѣ хорошаго о человѣческомъ достоинствѣ и человѣческихъ добродѣтеляхъ; обстоятельство очень важное, потому что, сколько бы мы не были глухи ко всему, что происходитъ въ интелектуальной жизни нашего народа, мы не должны оставаться равнодушными къ тому, что онъ считаетъ хорошимъ или дурнымъ. О томъ, что онъ есть въ дѣйствительности, мы узнаемъ отчасти изъ сочиненій нашихъ ученыхъ и белетристовъ; о томъ же, чѣмъ онъ хотѣлъ бы быть, можно только узнать изъ его собственныхъ произведеній. Это важно даже и съ практической точки зрѣнія. Попробуемъ же теперь дополнить еще одною чертою изъ вновь появившихся былинъ тотъ довольно характерный образъ, который представился намъ, когда мы говорили объ Ильѣ Муромцѣ.

Чтобы не нарушать эпическаго порядка, въ которомъ слѣдовали происшествія въ жизни Ильи-богатыря, мы скажемъ, что былина

эта относится къ тому моменту, когда Илья, пробужденный къ дѣятельности каликами перехожими, выѣхалъ въ первый разъ изъ дому. Очутившись въ чистомъ полѣ, Илья, какъ поетъ былина, увидѣлъ камень и отъ того камня три розстани, то есть три дороги или три мѣста разставанія. На камнѣ этомъ была надпись:

Въ первую розстань ѣхать—богату быть,
Во вторую розстань ѣхать—женату быть,
Женату быть, съ дѣвицей спать;
А въ третью розстань ѣхать—живу не быть,
Живу не быть, убиту быть.

Остановился тутъ Илья Муромецъ и закачалъ головою. Развѣ поѣхать въ тую разстань, гдѣ богату быть? Нѣтъ, почто мнѣ богатство! Нѣту у меня молодой жены, любимой семьи, малыхъ дѣтушекъ; некому у меня держать золотой казны, платья цвѣтнаго. Поѣхать развѣ въ тую разстань, гдѣ женату быть, женату быть, съ дѣвицей спать. Сталъ тутъ Илья Муромецъ и еще болѣе раздумался. Невеселыя мысли о прожитыхъ напрасно годахъ молодости видимо зашевелились въ его головѣ:

Прошла теперь вся моя молодость!
Молодую взять—чужая корысть,
Старую взять—на печи лежать.
Поѣду я, добрый молодецъ,
Въ тую розстань, гдѣ убиту быть.

Сколько затаенной грусти и неудержимаго безстрастія въ этихъ печальныхъ строкахъ! Не успѣлъ Илья оглядѣться, какъ слѣдуетъ, на Божій міръ и рѣшается уже сразу броситься на встрѣчу опасности, сразу убѣдиться, дѣйствительно ли ему смерть на роду не написана. Дѣло ему такимъ образомъ оказывается дороже жизни, одна изъ отличительныхъ чертъ истиннаго героя. Выѣхавши на такую опасную дорогу, Илья, какъ разсказывается въ былинѣ, встрѣчаетъ разбойниковъ и, вызвавъ ихъ на бой, побиваетъ всѣхъ до одного. Очистивъ эту розстань, Илья рѣшается ѣхать на вторую дорогу, то есть гдѣ женату быть. Тутъ неожиданно наѣзжаетъ онъ на палаты бѣлокаменныя и въ нихъ встрѣчаетъ поленицу, удалую женщину, забравшую въ плѣнъ уже не одного богатыря. Но эта

въ своемъ родѣ русская Тамара была впрочемъ гостепріимна и встрѣтила она его, съ честью:

Кормила его кушаньями сахарными,
Поила питьями заморскими,
Приводила въ спаленку драгоцѣнную;
И начала опять поить, кормить
И просить добраго молодца
На кроватку спать.

Илья однакожъ, угадывая, вѣроятно, ея злой умыселъ, не исполняетъ ея просьбы и самъ бросаетъ ее въ постель. Тутъ кроваточка подъ нею повертывается и она улетаетъ въ глубокіе погреба, гдѣ ужъ заключенъ былъ между прочими богатырями женскій прелестникъ Алеша Поповичъ. Илья Муромецъ, разумѣется, всѣхъ ихъ освобождаетъ, а коварную поленицу подвергаетъ наказанію. Такъ просто и выражется въ былинѣ опасность, которой можетъ подвергнуться богатырь — дѣятель, если слишкомъ польстится на женскую красоту.

Наконецъ ѣдетъ Илья въ тую розстань, гдѣ богату быть, и наѣзжаетъ на цѣлыя груды злата и сребра. Кажется, можно-бы было прельститься такимъ сокровищемъ и, отказавшись на время отъ труднаго путешествія, отложить въ сторону и самую цѣль или дѣло; такъ нѣтъ-же вотъ: не опутала его своими сѣтями коварная женщина, не оковали его своей силой злато и сребро. Онъ даже и не позарился на найденныя сокровища, а только овладѣвъ имъ, раздѣлилъ его по церквамъ да по сиротамъ бѣднымъ. Черта въ высшей степени замѣчательная и бросающая яркій свѣтъ на тотъ народный идеалъ, который представляется намъ въ Ильѣ Муромцѣ.

Но неужели же въ Ильѣ не было никакихъ положительныхъ стремленій, никакой опредѣленной, сосредоточенной начемъ нибудь страсти, и онъ, подобно представителю средневѣковаго рыцарства, Донъ Кихоту, хотѣлъ только подвиговъ и подвиговъ, не разбирая ихъ цѣли? Нѣтъ, нашъ Илья Муромецъ непохожъ былъ на средневѣковыхъ рыцарей, которыхъ вдохновлялъ то воображаемый образъ красавицы, то недосягаемая святыня гроба; его рыцарство имѣло

необыкновенно-практическій характеръ. Въ его душѣ была только одна страсть—это страсть къ землѣ. Когда Илья богатырь, очистивъ всѣ три розстани и побѣдивъ Соловья разбойника пріѣхалъ къ Владиміру, то послѣдній сталъ его ласково спрашивать:

Чѣмъ я тебя буду жаловать?
Бери у меня золотой казны;
Золотой казны не смѣтной,
Бери городовъ съ пригорками,
Бери деревень съ крестьянами,
Бери въ награду чинъ великій.

Илья однако въ отвѣтъ на все это отказался и отъ городовъ съ пригорками, и отъ деревень съ крестьянаии и отъ казны несмѣтной и попросилъ только у краснаго солнышка, чтобы ему дали земли и дали бы не болѣе не менѣе сколько нужно, чтобы прожить одному человѣку. Можетъ ли быть что скромнѣе и выше этой просьбы? Земли, земли больше ничего не нужно, говоритъ Илья богатырь, забывая и объ Идолищахъ поганыхъ, и о Соловьяхъ разбойникахъ и о прочей нечести, занимавшей прежде его силы. И дана ему эта земля, скажемъ мы, примѣняя къ настоящему эту сердечную и вмѣстѣ великую просьбу; и всѣ честные люди не могутъ нарадоваться, что у нашего Ильи Муромца есть по крайней мѣрѣ мѣсто, на которомъ онъ твердо стоитъ. Такимъ же мирнымъ настроеніемъ и практичностію стремленій отличается и характеръ другаго народнаго героя Добрыни. Ему тоже, если не забылъ читатель, сильно наскучила борьба съ разными Змѣями Горинычами и Маринами стравницами и задушевнымъ желаніемъ его было—не проливать крови напрасной, не слезить отцовъ и матерей и не вдовить молодыхъ женъ. Не странно ли послѣ того, что многіе трусливые люди видятъ что-то опасное въ пробужденіи къ умственной жизни нашего народа. Миръ и трудъ! вотъ лозунгъ, который написанъ въ душѣ простолюдина.

Изъ другихъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ четвертомъ томѣ сборника Рыбникова, замѣчательны намъ кажутся нѣкоторыя изъ напѣвовъ обрядно-драматическаго характера. Всѣ они очевидно новѣй-

шаго происхожденія, такъ что по этимъ отрывкамъ обрядной или драматической поэзіи, мы можемъ такимъ образомъ судить о силѣ неослабѣвшаго еще въ народѣ поэтическаго творчества; съ другой же стороны пѣсни эти послужатъ для насъ дополненіемъ къ тому, что мы сказали въ нашей статьѣ объ обрядной—языческой поэзіи.

Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ народными свадьбами, знаетъ конечно, что между обрядами, которыми обставляется этотъ торжественный для простолюдина моментъ, существуетъ обычай, слѣдуя которому невѣста, вставши рано утромъ въ день свадьбы, поетъ пѣсню. И вотъ напримѣръ какой драматическій монологъ записанъ у Рыбникова на этотъ случай:

Что это спятъ мои родители,
Что-то спятъ мои сердечные;
Они спятъ, не пробуждаются,
На корысти спятъ на радости.
Какъ вечоръ по поздну вечеру
До сыта наѣдалися,
До пьяна напивалися....
Время встать вамъ пробудитеся,
По деревнѣ печки топятся,
По дворамъ пѣтухи поютъ,
По полямъ пашутъ пахари...
Какъ вечоръ по поздну вечеру
Я ждала рожону матушку
Въ мягкой своей постелюшкѣ
На совѣтъ, думу крѣпкую.
Не могла я, горе, дождатися!
Ахти мнѣ тошнехонько
Мнѣ душѣ красной дѣвицѣ.

Далѣе невѣста задумывается надъ тѣмъ, что она видѣла во снѣ, и этимъ какъ бы старается отогнать отъ себя печальную мысль. Пѣснь эта кромѣ своей драматической постановки отличается еще довольно живымъ изображеніемъ всего окружающаго невѣсту. Читая

этотъ грустный поэтическій мотивъ, невольно представляются крѣпко спящая семья послѣ шумно проведенной ночи и молодая дѣвушка, вдругъ при первыхъ звукахъ пробуждающагося утра вскочившая съ постели и начавшая думать о близкомъ и рѣшительномъ для нея времени.

Еще большею живостью отношеній къ окружающему отличается прощанье невѣсты съ горницей, гдѣ она выросла:

Вамъ, пречестные святые образы,
Вамъ, косящатыя окошечки,
Вамъ, стекольчаты оконнички,
Вамъ, брусовы бѣлы лавочки!

Взываетъ невѣста, обращаясь то къ тѣмъ, то къ другимъ предметамъ, къ которымъ она привыкла съ дѣтства.

Походить здѣсь красной дѣвицѣ,
Походить, покрасоваться
Мнѣ недолго у родителей...
Часъ часочкомъ коротается.
Я пойду теперь, кручинная,
По полю пойду расхаживать,
Цвѣтно платье донашивать,
Черны чоботы дотаптывать.
Вы топчитесь, черны чоботы,
На моихъ на рѣзвыхъ ноженькахъ;
Ты носися, цвѣтно платьеце,
На моихъ на узкихъ плечикахъ!
Ты держися, красна красота,
На моей буйной головушкѣ,
Развивайся алы ленточки
На моей русой косынькѣ.

Теперь представьте, что все это поется въ дѣйствительности простой и едва разцвѣтшей дѣвушкой при самой будничной и бѣдной обстановкѣ, какая обыкновенно окружаетъ крестьянскій бытъ. Ка-

кова же должна быть сила воображенія и чувства у той женщины, которая безъ всякаго, вѣроятно, напряженія спѣла въ первый разъ эту пѣсню? Подобнаго рода свадебные монологи, прерываемые по временамъ діалогами и совершеніемъ различныхъ церемоній, существуютъ на всякій возможный случай, какъ бы не видоизмѣнялось положеніе невѣсты; такъ что эти лирическо-драматическія пѣсни не мертвая, заучиваемая форма, а живое отраженіе поэтической воспріимчивости и стремленіе дополнить голую дѣйствительность живыми образами фантазіи. Оказывается напримѣръ невѣста сиротой и въ народѣ сейчасъ же складывается соотвѣтственный тому напѣвъ:

Вы повѣйте, вѣтерочки,
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ,
Вы не свейте, вѣтерочки,
Со лѣсочка вершочковъ.
Ужъ вы свейте, вѣтерочки,
Со могилушекъ песочекъ.
Отворись ты, мать сыра-земля,
Расколись гробова доска,
Размахнись полотенчико.
Покажися красно-солнышко
Ты родитель, моя матушка...
Слушай же, моя добротушка!

Далѣе невѣста причитываетъ надъ могилой, какъ она стояла у заутрени, молилась самому Христу и просила архангеловъ, чтобы они приносили ея матушкѣ во тѣло бѣло душеньку, дыханье въ ретиво сердце, ходкость въ рѣзвыя ноги, маханье въ бѣлыя руки, чтобы ея чуткія уши опять стали бы слушать, ясныя очи смотрѣть, а уста говорить:

Ты вставай-ка красное солнышко,
Ты садись родитель, матушка,
Край высокой могилушки.
Ужъ я стану сиротинушка
Про свое горе высказывать...
Слушай же, родитель, матушка!

И вслѣдъ за этимъ она передаетъ тѣни своей умершей матери, какъ ей худо живется между чужими и какъ ей малоцѣнно ея цвѣт-

ное платьице, и злато — серебро, передъ благословеніемъ котораго она и проситъ у нея.

Необыкновенно оригинально тоже обращеніе невѣсты къ жениху, произносимое, очевидно, въ самый рѣшительный моментъ, то есть передъ поѣздомъ въ церковь.

Становись, младъ отецкій сынъ,
На одну со мною мостиночку.
Гляди вточь во ясныя очи,
Смотри впрямь во бѣлое лице!
Чтобъ жить тебѣ не каяться,
А мнѣ жить не плакаться.
Скажи, гдѣ я тебѣ прилюбилася,
Въ кое время приглянулася?
На горочкѣ ль катаючись,
На работѣ ль работаючи,
Аль во бесѣдушкѣ играючи?

Далѣе она говоритъ, что на горѣ у нея лице отъ вѣтру навѣяло, отъ того она и была румяна; на бесѣдушкѣ она была изукрашена, а на работѣ она испугалась его и отъ того кровь въ лицѣ разыгралась. Далѣе невѣста съ достоинствомъ говоритъ ему, чтобы онъ ея счастіе дешево не цѣнилъ, что у нея есть мать, родные и т. д. Нужно ли говорить здѣсь, что весь этотъ взрывъ вдругъ нахлынувшихъ желаній и чувствъ отличается далеко не тою забитостію, о которой у насъ привыкли говорить, касаясь до положенія женщины въ крестьянскомъ быту. Перевѣсъ горя въ свадебныхъ напѣвахъ, конечно, силенъ; но горе это, повторяемъ, навѣяно самымъ смысломъ обряда и отчасти покрывается яркими вспышками смѣлаго женскаго чувства.

Хорошъ тоже въ Сборникѣ напѣвъ, въ которомъ разсказывается какъ женихъ, пробираясь мимо батюшкина высокаго терема и матушкина зеленаго сада, подходитъ украдкой къ окошечку своей возлюбленной и, стуча тростью, говоритъ:

Ты душа-ль моя, душенька,
Душа-ль красна дѣвица!
Пріотворь, душа, окошечко,
Пріотдерни занавѣсочку:

Покажи-ка лице бѣлое,
Лице бѣлое, румяное,
Будто пороша снѣгу бѣлаго.

Такъ поэтически и картинно выражается нетерпѣніе жениха увидать поскорѣе посреди темной ночи бѣлое лице своей возлюбленной. А вотъ и довольно оригинальное и чрезвычайно веселое выраженіе того времени, въ которомъ сосредоточивается счастіе возлюбленной пары:

Ты зоря-ль моя, зорюшка
Зорюшка вечерняя, ай люли вечерняя!
Солнышко восхожее
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ горы,
Черезъ моря синія......
Тутъ лежала жердочка
Тонкая кленовая,
Гибкая сосновая.
Тутъ никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ..
Переходилъ добрый молодецъ
Переводилъ красну дѣвицу,
Переводя цѣловалъ, миловалъ.

Что касается до заговоровъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ, то они не особенно замѣчательны, въ сравненіи съ тѣмъ, что у насъ уже собрано въ этомъ родѣ. Только одинъ заговоръ бросается особенно въ глаза по мысли въ немъ заключающейся. Этотъ заговоръ отъ неправедныхъ судей, который въ старое безсудное время должно быть былъ въ большомъ ходу между простолюдинами. Въ заговорѣ поминается даже о стрѣльцахъ. Значитъ онъ очень древенъ и теперешніе строгіе судьи не могутъ конечно принять на свой счетъ, если простолюдинъ, считая несправедливость за явленіе нечистой силы продолжаетъ говорить: „И такъ бы судьи и на меня раба божія не могли бы худо зрѣть, очей и бровей своихъ повздынуть и лихими словами молвити и рукъ своихъ не подняти и въ крутости

сердца разгорѣтися и во влагости (неправедности) дѣла не произвести.“

Ну можно ли, скажите, не любить такую незлобливость сердца, такую простоту душевную? Заговаривающій не произноситъ даже слова обиднаго на неправедныхъ судей, а старается только себя оградить своимъ вѣщимъ словомъ отъ ихъ гнѣва и несправедливости. И этотъ заговоръ, это задушевное желаніе правды со стороны народа тоже теперь исполняется, какъ исполнилась его просьба о землѣ; такъ что теперь очередь дѣла стоитъ не столько за иниціаторами, сколько за исполнителями начатаго, то есть за простыми смертными. И въ томъ-то теперь и бѣда, что между послѣдними оказывается много не вѣрующихъ въ необходимость дальнѣйшаго развитія великой крестьянской реформы. Привычка быть такъ сказать приподнятымъ надъ народомъ, видѣть его въ зипунѣ, а себя во фракѣ, его немытымъ, небритымъ и неповоротливымъ, а себя облизанымъ и ловко полькирующимъ, эта-то привычка и создала теперь новыя препятствія для проведенія въ жизнь помянутой реформы. Многимъ изъ дѣтей боярскаго рода и разнымъ Алешамъ Поповичамъ показалось вдругъ, что простолюдинъ нашъ необыкновенно глупъ, и они пресерьезно стали даже объ этомъ разсуждать. Ужъ какая подумаешь дикая и пустая мысль! Кичиться передъ безграмотностію и безхитростностію мужика и чѣмъ же—какими нибудь на лету или въ путешествіяхъ схваченными свѣденіями и какъ флюгеръ колеблющимися то въ ту, то въ другрю сторону убѣжденіями. Выѣденнаго яйца не стоитъ все это, чѣмъ чванятся наши писатели-помѣщики и писатели-чиновники. Эти два рода авторской дѣятельности стали обозначаться у насъ теперь довольно ясно по разрушеніи помѣщичьяго и судейскаго произвола и національное настроеніе, въ какой бы скромной формѣ оно не проявлялось, разумѣется, для нихъ ножъ острый. Нѣкоторые болѣе усердные ревнители народнаго застоя доходятъ уже до того, что людей, безъ всякой задней мысли расположенныхъ къ простому человѣку обзываютъ на своемъ коварномъ ясыкѣ нигилистами, скрывающимися подъ овечьей шкурой. Но это уже просто нечестно; потому что возставать противъ всякой, какъ бы тамъ не выраженной симпатіи къ простолюдину значитъ прямо не желать ему добра и искать въ невѣжествѣ массъ спасенія отъ кре-

стьянской реформы. Но напрасны ихъ усилія—голоса народа, пробужденнаго къ дѣятельности волею Царя, раздаются все громче и громче; пѣсни его затрогиваютъ душу все сильнѣе и сильнѣе. Уже и въ оперѣ, и въ танцахъ, и въ живомъ словѣ стали проскользать проблески народнаго генія; и театръ недаромъ дрожитъ отъ рукоплесканій, когда на сцену выступаетъ народная жизнь, когда въ слухъ зрителей несется родная мелодія или когда царь-дѣвица воплощаетъ грацію русскихъ дѣвушекъ. Все это, видите, бьетъ по однѣмъ струнамъ, струнамъ звучащимъ въ глубинѣ нашей души и настраиваемымъ голосами народа.

Николай Соловьевъ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ВЪ СТАРИНУ.

(Окончаніе)

Заговоря о Лиговскомъ каналѣ, нельзя умолчать о довольно важной подробности.

Исключительное значеніе Ямской подгородной слободы рано развило въ ней значительную населенность; а раннее помѣщеніе при ней обширнаго кладбища, болѣе доступнаго во всѣ времена года,—чѣмъ зарѣчное Сампсоніевское,—придало этой мѣстности въ извѣстные часы дня большее оживленіе, чѣмъ на другихъ улицахъ, пользовавшихся большимъ значеніемъ. Хотя на Ямскомъ кладбищѣ, также какъ и на Сампсоніевскомъ, хоронились люди всѣхъ исповѣданій, но около 1712 года построена одна церковь православная.

Кромѣ ямскаго кладбища, древнѣйшаго изъ всѣхъ петербургскихъ, мѣста погребенія еще были: близъ Екатерингофа, на Выборгской сторонѣ при церкви Сампсона-Странноприимца, у слободы невскаго полка, бывшаго прежде подъ командою полковника Колтовскаго, давшаго имя полку и отъ полка самой мѣстности, гдѣ поселенъ былъ онъ (гдѣ проходитъ и теперь Колтовская улица, на сѣверо-западномъ концѣ Петербургскаго острова).

Три кладбища, кромѣ Невскаго монастыря, показываютъ уже значительную численность Петербурга въ послѣдніе годы жизни Петра I.

Дѣйствительно число обывателей столицы, разросшейся по Выборгской сторонѣ, островамъ Петербургскому, Васильевскому, Адмиралтейскому и за Фонтанкою, достигало до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Домовъ на Петербургскомъ и Васильевскомъ островахъ построено было болѣе тысячи, съ Литейною же и Выборгскою сторонами (со включеніемъ Охты), да съ Адмиралтейскимъ островомъ, въ итогѣ выходило свыше двухъ тысячъ. Конечно, дома эти были по большей части небольшіе, деревянные, одноэтажные, довольно простой наружности, но роскошь еще не успѣла проникнуть въ петербургское общество, потому, простыя, неприхотливыя жилища не казались особенно плохими. Въ нихъ уютность замѣняла пространство и численность помѣщеній.

Лучшею частью столицы оставался,—какъ и въ первые годы по основаніи города, — все еще Петербургскій островъ; а на немъ юго-восточный конецъ считался самымъ аристократическимъ столичнымъ уголкомъ. Здѣсь, на берегу Большой Невы, отъ Троицкаго собора къ Невкѣ, жили министры и первостепенные сановники государственные. Набережные дворы ихъ выходили насквозь на *Дворянскую* улицу, огибавшую эту часть острова почти паралельно берегамъ Невы и Невки до самаго Аптекарскаго острова.

Прибавимъ, что на Дворянской улицѣ и на набережной Большой Невы всезастроены были, по словамъ современниковъ *хоромы*, съ большими окнами и мезонинами надъ срединою домовъ, имѣвшихъ по десятку и болѣе даже оконъ въ рядъ. Были между деревянными постройками и каменныя; хотя большинство оказывалось—*фахтверковыхъ*, на видъ довольно приличныхъ, особенно при общей экономической застройкѣ и рѣзко напоминающихъ, въ частяхъ и въ общемъ, маленькіе приморскіе городки и мѣстечки Голандіи, да сѣверной Германіи. Скромные домики разсчетливыхъ бюргеровъ служили такимъ образомъ прототипами нашему невскому городку при Петрѣ Первомъ.

Разница, можетъ быть, заключалась въ маломъ развитіи здѣсь у насъ растительности,—по мѣстности довольно сырой еще и по недавности заселенія невскаго приморья. Впрочемъ садики или огороды, хотя въ миніатюрныхъ размѣрахъ, пестрѣли при каждомъ почти домикѣ, не успѣвая замаскировать своею жидкою зе-

ленью непокрытые тесомъ бревенчатые фасы службъ и домовъ (на свои дворы или къ сосѣдямъ), или перебить яркимъ пятномъ свѣжей растительности монотонную линію сѣрыхъ топорныхъ заборовъ въ излучистыхъ улицахъ, для которыхъ указъ о застройкѣ по линіи словно не имѣлъ никакой обязательности. Зная недостаточность обывателей, обстроившихъ слободы за гостиннымъ дворомъ (въ глубинѣ Петербургскаго острова), да въ сосѣдствѣ татарскими, взыскательный государь смотрѣлъ здѣсь на все сквозь пальцы, какъ бы не замѣчая нерегулярности, строго требовавшейся отъ построекъ домовладѣльцевъ на видныхъ улицахъ: по Большой Невѣ и главнымъ каналамъ Васильевскаго острова.

На этихъ мѣстахъ, обязательно розданныхъ богатымъ людямъ (обладателямъ сотень дворовъ крестьянъ), назначены были даже сроки для непремѣнной застройки, раньше окончанія которой невольные эти *столичные домохозяева* лишались права выѣзда изъ Петербурга безъ достаточнаго обезпеченія въ исправности работъ, въ ихъ отсутствіи. Обезпеченіемъ же принималась подписка уѣзжавшаго съ представленіемъ суммы денегъ, достаточной для окончанія работъ.

Такая административная мѣра, вызванная неисполнительностью получившихъ мѣста подъ дома царедворцевъ, какъ не кажется неотвратимою, на самомъ дѣлѣ однако все еще представляла,—впрочемъ Богъ уже вѣдаетъ какъ только, — возможность уклоняться отъ застройки назначеннаго пространства. Умѣнье и тутъ изворотиться было однако замѣчено правительствомъ и вызвало новые, еще болѣе строгіе наказы наблюдателямъ. Достигли ли они вполнѣ своей цѣли—другой вопросъ, судя по значительности пустыхъ интерваловъ въ островскихъ линіяхъ, разрѣшаемый развѣ отрицательно.

Между тѣмъ тогдашняя полицейская администрація, окрыляемая примѣромъ и руководственными наказами Петра I, никакъ не можетъ назваться дремавшею, какъ въ слѣдующія царствованія. Не была она также ни особенно своекорыстною, ни податливою на просьбы. А если при всемъ этомъ не могла сдѣлать многаго, вина уже не ея, а тогдашняго общества, еще не отвыкшаго отъ всевозможныхъ продѣлокъ и увертокъ.

Царская Русь воспитала не только въ народѣ, но даже и въ высшемъ классѣ эти несчастныя привычки, выказывающія такъ ярко и умственную, и нравственную ограниченность. Старобытное коснѣніе, привитое *московскою волокитою*, еще не разъ поднимало величаво голову и пережило Петра I, какъ онъ не энергически разшатывалъ рухлое зданіе общаго невѣжества и предразсудковъ. Не будь его, чего добраго, не отвыкли бы мы отъ прошлыхъ замашекъ и теперь еще?

Вотъ одинъ довольно яркій примѣръ уклоненій отъ обязанности, нисколько уже немудреной для исполненія.

Казалось, какими бы судьбами могло родиться у такого, по видимому, богомольнаго народа, какъ русскіе, своего рода нравственное неряшество, — беззаботливость что ли или лѣнь, — въ дѣлѣ религіозномъ, заставляющая людей, даже пожилыхъ, *уклоняться отъ исповѣди по десяткамъ лѣтъ?* Между тѣмъ мы имѣемъ бездну фактовъ, подтверждающихъ сотнями примѣровъ подобное положеніе, вызвавшее даже законъ *обязательности говѣнія по уставу церкви.* Еслибы что либо подобное случилось въ наше время, ничего не было бы удивительнаго; разрѣшеніе разомъ представилось бы въ формѣ развитія нигилистическаго ученія или чего либо другаго въ этомъ родѣ. Но подобное положеніе въ Петровской Руси — когда знакомство русскихъ съ западною наукою, на что обыкновенно привыкли взваливать всѣ грѣхи образованнаго класса, — когда знакомство это, повторимъ, было и оставалось еще покуда любимою идеальною мечтою царя одного, не имѣвшаго на своей сторонѣ ни одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ. Согласитесь, что подобнаго факта въ это время ничѣмъ другимъ нельзя объяснить кромѣ привычки ко всевозможнымъ уклоненіямъ отъ своихъ обязанностей, ясно и отчетливо между тѣмъ сознаваемыхъ.

Говорятъ, народъ русскій будто бы никогда не былъ религіознымъ, а только въ замѣнъ религіозности *привязаннымъ къ одной обрядности.* Не станемъ и этого отрицать, какъ подобная посылка не дика (если мы припомнимъ всѣ безкорыстныя жертвы, приносимыя народомъ во имя чистой вѣры); пусть бы существовала и одна обрядность. И тогда *по привычкѣ*, — если

обрядность эта развила ее (а иначе мы будемъ сами себѣ противорѣчить) —человѣкъ будетъ регулярнѣе еще исполнять условія наружнаго богопочитанія. А при этомъ мудрено найти, кромѣ подтвержденія нашей посылки, какое-либо друрое оправданіе высказанному факту; тѣмъ менѣе допущеніе противнаго. Стало быть, въ дѣлѣ *неисповѣди* приходится признать безразсудное упорство и уклоненіе, вошедшія въ привычку, разсудкомъ не одобряемую.

Между тѣмъ эта грустная черта народпаго характера дѣлала людей индиферентными ко всему, начиная отъ удобства и выгодъ своихъ и кончая дѣлами. Индиферентность русскихъ людей смотрѣла холодно и тупо на течь кровли, сырость, угаръ, холодъ и безобразіе жилищъ, непривлекательность одежды и обуви, непитательность (при самомъ излишествѣ) пищи, безразсчетную трату имущества; словомъ—на всѣ безпорядки и вокругъ, и въ нихъ самихъ. Человѣкъ дѣлался самъ себѣ въ тягость, между тѣмъ перемѣнить свой образъ дѣйствій не имѣлъ *силы воли*, плачась бездоказательно на безочастную судьбу свою.

Болѣзнь эта развивалась въ чудовищныхъ размѣрахъ въ Московской Руси къ концу XVII вѣка, чѣмъ частію и объясняется отрицательное способствованіе расколу—разбродомъ населенія по лѣсамъ и пустынямъ. Суровыя, энергическія мѣры Петра I *во время* остановили разложеніе общественнаго организма, а заря народнаго образованія заняла собою выраставшее поколѣніе, отвлекши его то службою, то наукою, съ превратнаго пути *отлынинванья*, начинавшагося съ пустяковъ.

Существованіе симптомовъ указанной нравственной болѣзни, видно изъ самыхъ распоряженій администраціи передъ—Петровской; мѣры принимаются половинныя, близорукія, несоотвѣтсвенность которыхъ съ дѣломъ и обстоятельствами не могли не сознавать безъ сомнѣнія сами распорядители. Время между тѣмъ день за днемъ идетъ, не принося улучшенія, а только раздувая пламень недовольства во всѣхъ и на все.

Въ Петербургѣ возврата болѣзни особенно чувствительнаго мы уже не примѣчаемъ, но за то противоположное здоровое состояніе выработывается медленно. Люди чиновные, пожилые, принадлежали къ поколѣнію, выросшему при московскихъ порядкахъ и сживше-

муся съ ними до того, что новое—*лучшее* имъ не вѣрилось и если не преслѣдовалось еще враждебно, то по неимѣнію на то силъ и возможности. Слѣдовательно одна система уклоненій и увертокъ и оставалась въ ихъ волѣ. Они отворачивались отъ всего, что возбуждало въ молодомъ поколѣніи дѣятельность физическую и моральную, прежде же всего чуждались иностраннаго, обзывая его по старинному *ересью*. Вмѣшательство правительства въ семейныя дѣла подобнаго люда должно было возбудить въ немъ безъ всякаго сомнѣнія гнѣвъ, конечно, безсильный; но безсиліе нанесть сколько нибудь существенный вредъ дѣйствіемъ требовало выхода и находило его въ злословіи, очернявшемъ прежде всего царя; а потомъ — все, чему высказывалъ монархъ-гонитель предразсудковъ свое сочувствіе. Этимъ объясняется возбужденіе фанатизма противъ всего добраго и полезнаго въ новыхъ порядкахъ. Вѣра служила мнимымъ знаменемъ недовольныхъ, а упорная сосредоточенность раскольниковъ давала партіи отрицанія средства длить безплодную борьбу. Правительство, конечно, знало *суть дѣла* и дѣйствовало энергически противъ раскола, особенно преслѣдуя его въ лицѣ мнимыхъ наставниковъ благочестія. Безпощадная кара ихъ, можетъ быть, переходила мѣру, но увлеченіе въ жару преслѣдованія мудрено остановить во время.

При всемъ томъ, безъ особыхъ личныхъ побужденій рядовые послѣдователи раскола, какъ ни отяготительно для нихъ было положеніе, принятое правительствомъ въ виду ожесточенія коноводовъ, послѣдователи раскола сами, повторимъ, вовсе не смотрѣли на Петра I, какъ на Антихриста, а на Петербургъ, какъ на адъ. Доказательствомъ могутъ служить промыслы и подрядничество раскольниковъ въ новой столицѣ. Здѣсь они богатѣли и вѣрныхъ средствъ пріобрѣтенія не чуждался практическій строй ума ихъ. Иное дѣло было съ главными, хотя и закулисными дѣятелями, отъ такихъ сдѣлокъ и сношеній всегда уклонявшимися; потому что для этого мудрено было жить въ Петербургѣ и подчиняться его порядкамъ; причемъ не мудрено было попасться.

Невелика бѣда; и безъ нихъ въ столицѣ всякаго народа было уже вдоволь, а больше всего служащихъ, разселеніе которыхъ на извѣстныхъ мѣстностяхъ обусловлено было волею правительства.

Мы замѣтили выше, что адмиралтейскій островъ отведенъ былъ для поселенія исключительно *служащихъ по морскому вѣдомству* съ-заведеніями разнаго рода техническихъ производствъ, нужныхъ для кораблестроенія и судоходства.

Васильевскій островъ — былъ по преимуществу назначенъ для науки и промышленности. Здѣсь поселены были въ сосѣдствѣ дома князя Меншикова (тамъ, гдѣ проходитъ теперь Загибенинъ переулокъ), иностранцы-мастеровые, собственно вызванные изъ Франціи и нанятые въ бытность царя въ Парижѣ въ 1716—17 г. По большинству между иностранцами, здѣсь поселенными, французовъ, ряды домовъ, построенныхъ для житья ихъ казною, носили имя *французской слободы*. Отъ того-то сюда на островъ назначено было перевести впослѣдствіи и кунсткамеру, достроивъ для ся помѣщенія дворецъ умершей царицы Прасковьи Ѳедоровны. Во второй линіи, здѣсь же, жилъ петербургскій губернаторъ, была посольская канцелярія, помѣщались служащіе въ колегіи иностранныхъ дѣлъ и на незастроенномъ пространствѣ острова, позади прорытыхъ каналовъ, ближе къ Черной рѣчкѣ, располагался лагеремъ ингерманландскій полкъ, имѣвшій походную церковь во имя Александра Невскаго. Наконецъ, при Галерномъ селеніи, въ 1721 году построена церковь Троицы. Такъ что на всемъ островѣ, съ церковью Воскресенія Христова при домѣ кн. Меншикова (стоявшею на самомъ берегу Невы, направо отъ всхода на бывшій Исакіевскій мостъ), всего было три храма православныхъ, а съ 1728 года завелся и лютеранскій приходъ.

На адмиралтейской сторонѣ тѣмъ временемъ уже засіялъ золоченнымъ шпицемъ Исакіевскій соборъ (близъ того мѣста, гдѣ теперь невская водокачальня). За Фонтанкою построены были еще двѣ церкви: св. Симеона (1712) и св. Пантелеймона (1718). Наконецъ на Петербургскомъ острову, кромѣ первопрестольнаго собора св. Троицы (замѣнившаго собою на время постройки изъ кирпича Петропавловскій соборъ (1715—1732), существовали еще три церкви: Успенскій соборъ, Матвѣя Апостола и Рождества Богородицы.

Всѣ эти храмы, также какъ и домовыя церкви у вельможъ и—на подворьяхъ, успѣли возникнуть во второмъ десятилѣтіи XVIII

вѣка, удовлетворивъ, хотя нѣсколько поздно, неотложной нуждѣ русскаго населенія, уже прибывавшаго тысячами.

Хотя численность русскихъ, исповѣдовавшихъ греко-россійскую вѣру, и сначала въ Петербургѣ оказывалась большею, чѣмъ итогъ всѣхъ другихъ исповѣданій, но не смотря на свое превосходство, всѣ первыя семь лѣтъ русскіе люди имѣли здѣсь, всего на все, одну только церковь,—Петропавловскій соборъ, т. е. меньше вчетверо, чѣмъ лютеране, успѣвшіе тѣмъ временемъ даже раздѣлиться на два прихода (собственно на лютеранскій всѣхъ народностей и—финскій).

Пасторъ при финской церкви, довольно рано сооруженной подлѣ католической ц., у Мойки, имѣлъ прихожанъ, жившихъ какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и въ окрестностяхъ, въ довольно значительномъ числѣ. Къ нему приписаны были всѣ подстоличныя имѣнія императрицы. Это обстоятельство сдѣлало между прочимъ пастора Майделина извѣстнымъ императорской фамиліи и было причиною порученія ему, одно время, главенства надъ другими евангелическими проповѣдниками въ Ингерманландіи.

Первый лютеранскій приходъ всѣхъ народностей завелся при церкви, построенной на пушечномъ дворѣ, въ крѣпости, одновременно почти съ Петропавловскимъ соборомъ и тоже во имя св. ап. Петра. Съ переводомъ литейнаго двора съ городскаго острова на мѣстность между Фонтанкою и Невою, и приходская лютеранская церковь переведена изъ крѣпости туда же, сохранивъ на новомъ мѣстѣ прозваніе храма св. Петра *на Невѣ*; потому что первое время стояла она въ близкомъ разстояніи отъ рѣки и только въ послѣдствіи помѣщена тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Аннинская кирка, давшая имя Кирочной улицѣ.

Второй лютеранскій приходъ—флотскій, вице-адмиралъ Крюйсъ сосредоточивалъ сперва въ своемъ домѣ, построивъ потомъ на дворѣ и небольшую для того деревянную кирху св. Петра и Павла (1710 г). Построенію этой кирки предшествовало совершеніе богослуженія въ залѣ въ теченіе не одного даже года. Церковь Крюйса стояла 19 лѣтъ и разобрана, обвѣтшавъ уже. При этомъ изъ одного прихода опять образовалось два новыхъ: одинъ Петропавлов-

скій при церкви, переведенной на нынѣшній Невскій Проспектъ, а другой на Васильевскомъ острову, открытый особо (1728 г).

Не меньше оказалось и исповѣдниковъ католицизма, имѣвшихъ впрочемъ одну только церковь, паства которой по составу своему раздѣлена была на четыре націи: итальянцевъ, французовъ, поляковъ и нѣмцевъ. Первое время предстоятелями этой сводной церкви были іезуиты; а потомъ—францисканцы.

Не вдаваясь теперь въ особенныя подробности о чужихъ исповѣданіяхъ, которымъ въ обзорѣ первоначальнаго состава здѣшняго населенія мы дали даже предпочтеніе передъ русскими, оставляя за ними починъ осѣдлости здѣсь, замѣтимъ только, что исповѣдники чужихъ вѣръ явились въ Петербургѣ, съ самаго начала его, какъ бы хозяевами, поселившимися тутъ на постоянное житье. Этого нельзя сказать о русскихъ, въ первые годы чуть не каждое лѣто перемѣнявшихся, за исключеніемъ трехъ—четырехъ постоянныхъ чиновниковъ, которыхъ можно было бы считать петербургскими аборигенами.

Какова была паства, таковы были и первые здѣшніе православные пастыри. Причетъ Петропавловскаго собора, вызванный изъ Ладоги, считая себя здѣсь во временной командировкѣ,—чуть не въ ссылкѣ,—мало заботился объ узнаніи своихъ прихожанъ, едва ли исповѣдывавшихся и, за недосугомъ, рѣдко посѣщавшихъ богослуженіе, не всегда къ тому же и отправляемое въ отсутствіе государя, при нѣмцѣ—комендантѣ и нѣмцахъ же офицерахъ. Въ оправданіе первоначальнаго причта нашего можно сказать многое, а прежде всего то, что священнослужители были лишены большинства случаевъ сношеній съ прихожанами; такъ какъ кромѣ погребеній и исповѣди (притомъ далеко не въ полномъ количествѣ лицъ, по дѣйствительному населенію) другихъ требъ отправлять было не для чего и не надъ кѣмъ. Служилые и рабочіе люди находились на кочевкѣ, также какъ и духовныя лица, безъ домашнихъ; слѣдовательно не было ни приращенія семействъ, ни браковъ, тогда какъ у иновѣрцевъ, переселенныхъ сюда съ семействами, все происходило своимъ порядкомъ.

Воинскій морской приказъ 19 сентября 1705 года за № 9 (см. Матер. для ист. русск. флота, ч. III, стр. 8) даетъ намъ,

на первый случай, итогъ 130 семействъ служащихъ иностранцевъ, начиная отъ капитановъ и доходя до „нѣмецкихъ матросовъ", которымъ велѣно „быть при Санктъ-Петербургѣ". Въ концѣ списка сдѣлана оговорка. «Еще *немалое почесть* (sic), *что* изъ Архангельскаго города будутъ близъ 150 человѣкъ. Сіе вышеописанное еще безъ всякихъ ремесленныхъ людей". А ремесленниковъ, требовавшихся для флота, судя по табели 1717 года іюля 1, бывало гораздо болѣе, чѣмъ собственно военнослужащихъ.

Слѣдовательно, если положимъ мы разомъ переселеніе сюда иностранцевъ въ 1705 году, круглымъ числомъ, въ пятьсотъ семействъ, то не сдѣлаемъ грубой ошибки и разойдемся съ дѣйствительностью развѣ въ десяткахъ и единицахъ.

А такой итогъ, на первый случай, представлялъ достаточную закваску иностраннаго элемента въ начинающемся городѣ.

Тотъ же документъ, который далъ намъ точныя данныя о переселеніи 130 служащихъ съ женами, между тѣмъ удостовѣряетъ насъ о переводѣ съ этими семейными людьми еще 200 лицъ *неженатыхъ*, безъ сомнѣнія не замедлившихъ въ Петербургѣ вступить въ бракъ съ туземными дѣвицами. По крайней мѣрѣ, исключая (стоящаго первымъ въ спискѣ) вице-адмирала Крюйса, большинство поименованныхъ оставили впослѣдствіи семейства и дѣти ихъ къ концу царствованія Петра I были уже взрослыми (дочери оказывались вышедшими замужъ). А это оправдываетъ вполнѣ нашу мысль о заключеніи ими браковъ съ туземками вскорѣ по переселеніи въ Петербургъ.

Нельзя не принимать также во вниманіе и того обстоятельства, что одновременно съ опредѣленіемъ служащихъ людей правительствомъ являлись сюда еще иностранцы и по собственной волѣ.

Конечно, въ первые годы Петербурга такихъ искателей на чужой сторонѣ прибытка и осѣдлости, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи (выдерживавшей тяжелую борьбу со шведскимъ воителемъ), было немного. За то во второй періодъ сѣверной войны послѣ Полтавской битвы, когда положеніе наше постоянно съ каждымъ лѣтомъ улучшалось, а слава шведовъ меркла, расположеніе искать въ Россіи работы,—посвящая своедосужество на службу въ новой столицѣ дальновиднаго царя,—достигло у сосѣдей нашихъ

*

нѣмцевъ, крайней степени возбужденія. При такомъ же настроеніи искателей мѣстъ, мы, въ свою очередь, могли уже выбирать людей лучшихъ, бракуя безцеремонно кандидатовъ въ мастера всѣхъ возможныхъ спеціальностей.

Впрочемъ наплывъ иностранцевъ сюда, особенно ощутительный, начался не ранѣе 1710 года. А до того, кромѣ состоящихъ въ нашей службѣ иностранныхъ офицеровъ, добровольно поселялись здѣсь ремесленники изъ разоренныхъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи, — особенно изъ Нарвы, — да бывшіе обыватели Ніэнсканца. Изъ нихъ только немногіе не возвратились на прежнее пепелище послѣ застройки Петербурга. Первые же переѣхавшіе сюда были по преимуществу купцы и ремесленники; за ними явились содержатели постоялыхъ дворовъ.

Какъ извѣстно, и въ XVII вѣкѣ эти три класса составляли все постоянное, коренное, населеніе стараго Ніэнсканца, въ который, какъ и въ Петербургъ, прежде и теперь наѣзжало постоянно чрезвычайное множество временныхъ обывателей, далеко несоразмѣрное съ количествомъ помѣщеній у коренныхъ жителей, только съ закрытіемъ навигаціи освобождавшихся отъ случайныхъ гостей своихъ.

Наѣзды временные, конечно, не исключали и постояннаго, какъ мы выше объяснили, приращенія петербургскаго населенія извнѣ.

Между тѣмъ, пока русскій чиновный людъ въ новую столицу наѣзжалъ медленно, особенно съ семействами, какъ доказываютъ неоднократно издаваемые понудительные царскіе указы, — въ Петербургъ являлись сотнями иностранцы со всѣхъ концевъ Германіи, но преимущественно изъ сѣверной ея части, искать счастія и достатка. Это былъ исключительно народъ молодой, большею частію безбрачный. Являлись они на чужую сторону чаще всего вооруженные кое-какими знаніями, предпріимчивостью, да отвагой, при одномъ добромъ желаніи трудиться и пріобрѣсти какое либо обезпеченіе подъ старость. Повторимъ прежде сказанное, что большинство такихъ искателей счастія были нѣмцы, не вызываемые и не нанимаемые предварительно, но сами являвшіеся сюда искать занятій. Разсчетъ ихъ оказывался вѣрнымъ: скоро находилась каждому работа и обезпеченіе по средствамъ и способностямъ. При занятіяхъ же своихъ, при-

шельцы скоро знакомились съ людьми, съ которыми входили въ соприкосновеніе, чаще всего у нихъ сами заискивали, а для большаго укрѣпленія наскоро составленныхъ связей, недолго раздумывая, и—женились здѣсь, не только на дѣвицахъ, но и на вдовахъ. Изъ современныхъ извѣстій оказывается, что уроженки Ніэнсканца, да Нарвы были первыми въ Петербургѣ невѣстами и даже довольно долгое время. Бракомъ, можно сказать, уже надежно закрѣплялись у пріѣзжихъ связи съ Петербургомъ.

Что касается до русскихъ, то они, напротивъ, бѣжали Петербурга, какъ чумы, и если привлекались въ него, то только грознымъ запрещеніемъ, подъ страхомъ отнятія помѣстьевъ и вотчинъ; бывшую причиною этого явленія грустную черту тогдашняго народнаго характера мы выяснили выше.

Конечно, слѣдуетъ разумѣть здѣсь дворянъ, какъ классъ наиболѣе вліятельный и по достатку своему способный для столичной жизни въ обществѣ. Если между нимъ по обстоятельствамъ, общественная жизнь долго не пускала корней, то нечего говорить, на сколько медленно прививалась она къ низшему, ремесленному классу соотечественниковъ, переселенному сюда изъ разныхъ мѣстностей средней и сѣверной полосы, изъ глуши посадовъ и деревень, а отнюдь не изъ городовъ. Еще меньше могли оказать вліяніе на складъ петербургской жизни тысячи работниковъ и военныхъ чиновъ, являвшихся сюда за дѣломъ и для службы, по диспозиціи. На нихъ, наоборотъ, должна была вліять наружность столицы и ея разноплеменныхъ обитателей, хотя вліяніе это могло скрываться цѣлые десятки лѣтъ, не выказываясь ни на чемъ особенно ощутительнымъ, измѣнявшимъ бы ихъ домашній бытъ или строй жизни, въ мѣстахъ постояннаго пребыванія. Западавшая въ душу мысль о лучшемъ складѣ жизни и потребностяхъ городской цивилизованной обстановки пробуждалась у побывавшихъ въ столицѣ только тогда уже, когда у нихъ скоплялся достатокъ. Мы это говоримъ о болѣе или менѣе достаточныхъ промышленникахъ и мелкомъ купечествѣ, у котораго рѣшеніе воспользоваться лучшими условіями жизни выражалось прямо переселеніемъ въ столицу, гдѣ такіе любители прогреса, вступая въ мѣстные купцы, принимали участіе во внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ оборотахъ, иногда достигавшихъ широкаго развитія. Нельзя впро-

чемъ не увидѣть и въ этой, съ перваго взгляда, утѣшительной частности, ничего выше довольно узкаго и слишкомъ матеріальнаго пониманія жизни. Человѣчное развитіе, начинающееся только съ основательнаго научнаго образованія, было еще далеко.

Могло его приготовить, исподоволь, одно народное образованіе, недостатокъ котораго, какъ говорилось выше, былъ существеннымъ и неотвратимымъ зломъ въ царско-московской Руси, выказававшемся при всякомъ, сколько либо полезномъ предпріятіи, государственномъ и общественномъ, всюду вредя успѣху дѣла, несомнѣнно выгоднаго.

Между тѣмъ по части народнаго образованія продолжительная война и коренное измѣненіе формъ администраціи, долго не давали государю возможности сдѣлать что либо существенное; особенно для самаго многочисленнаго класса подданныхъ—сельскаго населенія. Въ городахъ, какъ извѣстно съ 1714 г., уже заведены повсюду *цыфирныяшколы*, гдѣ одинъ или два учителя обучали: чтенію, письму и первымъ началамъ ариѳметики. Двѣ изъ такихъ школъ: одна при артилеріи, другая при адмиралтействѣ, были въ Петербургѣ въ довольно раннюю пору. Въ нихъ допускались учиться люди всѣхъ сословій, но преимущественно, конечно, дѣти нижнихъ чиновъ тѣхъ вѣдомствъ, на счетъ которыхъ содержались школы. Потому и выученные получали мѣста на службѣ, по распоряженію правительства, которое обезпечивало бѣднѣйшихъ учащихся содержаніемъ, одеждою и пріютомъ. Ученики извѣстной намъ *артилерной* школы опредѣлялись въ писаря по полкамъ и отсылались въ Москву къ Бидлоо учиться хирургіи. Исправно же изучившіе ариѳметику и начала геометріи назначались въ свою очередь учителями, да геодезистами. Что касается дворянъ, то усердіе государя о ихъ *образованіи* объяснялось изслѣдователями нашими почти въ смыслѣ гоненія на привилегированный классъ, даже скорѣе изъ видовъ утѣсненія его, чѣмъ для полученія ожидаемой пользы. Мы не раздѣляемъ этого, какъ и другихъ ошибочныхъ мнѣній о Петрѣ I, нашедшихъ себѣ поддержку въ обществѣ, Обязательность для дворянъ учиться тѣмъ спеціальнымъ знаніямъ, для которыхъ воля государя назначала избираемыхъ, было въ дѣйствительности мѣрою, скорѣе всего временною, вызываемою обстоятельствами, но отнюдь не прихотью и

не произволомъ самодержавнаго властителя. Что начальными, поверхностными знаніями не думалъ государь ограничить обученіе и служилыхъ дворянъ, всего лучше доказываетъ посылка ихъ за-границу для узнанія дѣла вполнѣ, не только теоретически, но и на практикѣ. Если же изъ нихъ немного выходило людей, подобныхъ Неплюеву, виноватъ конечно уже не царь Петръ, а также люди и обстоятельства.

Здѣсь слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что пансіонеры Петра I были при его преемникахъ надежными, чтобы не сказать единственными, руководителями русскихъ въ ремеслахъ и искуствахъ, которымъ обучали ихъ за-границею. Если же судьба послала на долю большинства этихъ добросовѣстныхъ тружениковъ неблестящія роли въ пору ретрограднаго движенія русской умственной жизни, наступившую со смертью великаго монарха;—мы должны еще болѣе цѣнить ихъ благородныя усилія. Конечно, наступитъ же время, когда заслуги каждаго изъ нихъ сдѣлаются извѣстными, благодаря добросовѣстнымъ разъисканіямъ. Тогда мы въ полной мѣрѣ убѣдимся, что этимъ темнымъ дѣятелямъ, а отнюдь не прославленнымъ именамъ иностранцевъ, одолжены русскіе люди сообщеніемъ прогресивнаго хода нашего образованія, при всемъ задерживаніи его и препятствіяхъ.

Если принимать за непреложную истину, что знаніе пріобрѣтается соревнованіемъ, а соревнованіе возбуждается поощреніями,—то подданные Петра I, его заграничные питомцы, должны были по теоріи вѣроятностей выйти мастерами своего дѣла; такъ какъ великодушный государь не былъ скупъ на поощреніе всего дѣйствительно добраго и полезнаго.

Какъ былъ онъ внимателенъ и какъ горячо принималъ къ сердцу всякій успѣхъ русскихъ, указываютъ намъ безчисленные анекдоты, сохраняющіе между прочимъ и характеристическія черты пріема возвращавшихся изъ-за-границы послѣ ученія.

Неплюевъ, самъ бывшій дѣйствующимъ лицомъ, не выдумалъ, конечно, что государь давалъ имъ, пріѣзжавшимъ, неизвѣстнымъ еще молодымъ людямъ, аудіенцію, чуть не торжественную, удостоивая личныхъ разспросовъ обо всемъ: что дѣлали и чему учились. Назначалъ и въ адмиралтейской колегіи экзамены, на которыхъ, тоже

самъ присутствовалъ, во все время. Спрашивалъ строго, давая вопросы неожиданные, и наконецъ, довольный отвѣтами двухъ изъ пріѣзжихъ, поцѣловалъ ихъ и обѣщалъ самъ объ нихъ позаботиться. Не прошло года, одинъ изъ экзаменуемыхъ, И. И. Неплюевъ, получилъ вдругъ важный постъ дипломата, сдѣлавшійся первымъ шагомъ къ его будущему возвышенію.

Могутъ замѣтить намъ, что пріемъ, сдѣланный Петромъ I русскимъ пансіонерамъ, возвратившимся изъ-за-границы, и заботливость государя узнать лично: какія научныя свѣденія пріобрѣли они, живя въ западной Европѣ, происходили вслѣдствіе исключительнаго занятія царя совершенствованіемъ флота,—любимаго его созданія?—Такое возраженіе имѣетъ свою долю вѣроятности, только обращая прямо вниманіе на личность Неплюева, моряка по професіи; таковы были и другіе возвратившіеся съ нимъ его товарищи. Между тѣмъ сущность дѣла при многостороннемъ изслѣдованіи представляетъ подобную идею далеко неосновательною. Не забудемъ, что экзамены, подобные Неплюевскому, да вѣроятно и пріемы,—ожидали всѣхъ русскихъ вообще, какой бы професіи не посвящали они свои способности за границею. Петръ I, какъ извѣстно, посылалъ вмѣстѣ съ назначаемыми для изученія навигаціи и ремеслъ, имѣвшихъ прямое только отношеніе къ кораблестроенію, русскихъ людей и для другихъ спеціальныхъ занятій, не имѣвшихъ ничего общаго не только съ морскою службою, но даже и *съ военною*.—Вѣдь мы знаемъ, что пансіонерами Петра I были и слушатели философіи въ Сорбонѣ (Горлецкій), и юристы (Постниковъ—докторъ правъ), и художники (Никитины, Матвѣевъ, Захаровъ, Устиновъ, Воробьевъ). Не отвергалъ государь просьбы объ образованіи даже и людей больше чѣмъ немолодыхъ—какъ Коровинъ (граверъ—переводчикъ, уже успѣвшій лѣтъ двадцать отслужить въ качествѣ подъячаго въ приказѣ и канцеляріяхъ, прежде чѣмъ вспало на мысль ему образованіе и сталъ онъ просить объ отправленіи его за-границу) (1). Еще разъ повто-

---

(1) Привезенъ былъ Коровинъ этотъ Кономомъ Никитичемъ Зотовымъ въ Парижъ въ качествѣ писца, для дѣловой кореспонденціи, но, скоро выучился французскому языку, даже занялся имъ спеціально, а потомъ сталъ изучать гравированіе. Для занятій тѣмъ и другимъ провелъ онъ

римъ, что всѣ эти лица по возвращеніи принимаемы были государемъ почти одинаково съ пріемомъ Неплюева; всѣ подвергались спеціальному экзамену отъ наличныхъ въ Петербургѣ спеціалистовъ по ихъ професіи и затѣмъ получали сперва содержаніе отъ казны *до мѣста*, а потомъ опредѣлялись и къ мѣсту, далеко не ничтожному, при жизни Петра I, достаточно обезпечивавшему ихъ въ средствахъ къ существованію.

Такую же заботливость объ образованіи и безпристрастную оцѣнку его со стороны Петра I ни къ чему иному отнести уже нельзя, какъ къ равной любви государемъ наукъ и искуствъ и къ желанію развить изученіе ихъ въ своемъ народѣ, притомъ не для роскошныхъ затѣй и самохвальства, какъ дѣлалось, смотря по обстоятельствамъ, при Аннѣ и Елизаветѣ;—а прямо съ практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу научныхъ знаній.

Другой цѣли не было и въ щедромъ наймѣ иностранцевъ для образованія русскихъ, нуждавшихся не въ одной наукѣ, не въ однихъ фабрикахъ и ремеслахъ, не въ одномъ образованіи войска и флота, но во всемъ, куда не взглянешь, начиная съ общежитія и удобствъ цивилизованной жизни и оканчивая книгопечатаніемъ, какъ сильнѣйшимъ проводникомъ образованности во всѣ классы общества.

Пансіонеры государя, какъ доказываютъ примѣры, по возвращеніи изъ за-границы дѣлались по большей части сторонниками иностранцевъ, любителями ихъ быта и домашней обстановки. Они, конечно, не могли не сознать на опытѣ превосходства того и другого надъ отечественнымъ,—до того даже, что простирали привязанность къ складу иноземной жизни до необходимости выбора въ супруги—непремѣнно иноземки же, а не русской. Такіе сводные браки, до царствованія Петра I не допускаемые церковью, съ его времени вошли въ обычай, переставъ казаться явленіями исключительными. Въ средѣ такихъ семействъ, полу-русскихъ, полу-иностранныхъ, условія быта складывались уже безъ сомнѣнія на европейскую манеру, на сколько позволяли тогдашнія средства мѣстнаго комфорта.

Пансіонеры Петра I, какъ извѣстно, принадлежали въ большин-

въ Парижѣ около 6-ти лѣтъ и, возвратясь, опредѣленъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ.

ствѣ къ дворянскому сословію, хотя и къ небогатымъ семействамъ. Были впрочемъ между молодыми людьми, вкусившими сладость цивилизованной жизни въ Голандіи, Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи и Германіи, и нѣсколько князей, которые, идя по слѣдамъ товарищей и дѣлая выборъ супругъ между иноземками, не стѣснялись нисколько незнатностью рода и происхожденія своихъ суженыхъ. Бывали при этомъ случаи, конечно (въ старину) немыслимые: *породненіе князя родовитаго съ* боцманомъ или много съ корабельнымъ мастеромъ—*плебеемъ*, *голандцемъ или англичаниномъ*. Слѣдовательно спѣсь древней аристократіи при подобныхъ щелчкахъ не могла особенно выказываться; въ замѣнъ же ея возникало равенство сословій.

Фактовъ, прямо и рѣзко выступающихъ въ этомъ отношеніи, положимъ, было немного; слѣдовательно и сознанія въ обществѣ: къ чему вели подобные союзы, они, положимъ, не возбуждали. Этому, по крайней мѣрѣ со стороны русскихъ, мѣшало сильно державшееся и поддерживаемое административными взысканіями—строгое *чинопочитаніе*.

Оно оказывается однако уже совершенно инымъ оттѣнкомъ, хотя однороднаго побужденія. Знатность рода въ былое время не нуждалась въ особенныхъ способностяхъ для постановленія лица выше многихъ, безконечно болѣе чѣмъ оно способныхъ и полезныхъ для службы государственной. Между тѣмъ, при дѣйствіи строгаго чинопочитанія петровскаго, въ ущербъ знатности происхожденія, часто пользовалось правительство талантомъ человѣка изъ народа, ставя его прямо на значительное мѣсто, по праву принадлежавшее его способностямъ, съ почетомъ, соотвѣтственнымъ заслугѣ и важности ожидаемой исполнительности.

Для поддержанія высказанной мысли припомнимъ внезапное возвышеніе извѣстнаго „прибыльщика“ Алексѣя А. Курбатова—изъ крѣпостныхъ людей боярина Шереметьева прямо въ дьяки оружейной палаты, или открытіе молодымъ государемъ въ сидѣльцѣ гостиннаго ряда П. П. Шафировѣ государственныхъ способностей будущаго вице-канцлера, не говоря уже о расторопномъ пирожникѣ А. Д. Меншиковѣ, взятомъ въ солдаты преображенскаго полка и спустя десять лѣтъ съ небольшимъ сдѣланномъ губернаторомъ но-

возавоеванной Ингріи. Едва ли когда, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, такъ быстро поднимались по административной лѣстницѣ чиновъ способные люди, какъ при Петрѣ I—русскіе. Умъ и наука, да распорядительность по службѣ были для рекомендаціи ихъ единственными всемогущими средствами. Науку водворялъ Петръ I, какъ необходимое подспорье государственной службѣ, а на усердіи и способностяхъ дѣятелей, посвящавшихъ себя службѣ, основывалъ великій монархъ всѣ надежды на будущее возвышеніе отечества.

Внѣшнія обстоятельства государства требовали прежде всего улучшенія оборонительныхъ средствъ, съ которыми бы Россія не только смирила своихъ кичливыхъ и завистливыхъ сосѣдей-недруговъ, но могла бы, полагаясь на свои силы, перейдти даже изъ оборонительнаго положенія, какъ постоянно было прежде, въ наступательное.

Попытки этого рода ближайшихъ царственныхъ предшественниковъ Петра Великаго можно назвать скорѣе неудачными, чѣмъ удачными и выгодными. Причина неуспѣха крылась не въ одной неспособности и неопытности воеводъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ недостаточномъ образованіи войска. Уже царь Алексѣй Михайловичъ, принимая къ сердцу отечественныя потери въ тяжелое время смутъ и междуцарствія, отъ которыхъ Россія не могла еще оправиться и въ его разумное правленіе, не щадилъ ни издержекъ, ни заботъ о правильномъ образованіи *ратнаго строя* и пушечнаго *наряда*. Онъ привлекъ въ русскую службу цѣлые отряды иноземцевъ, образовавшихъ полки солдатскіе и драгунскіе. Служба военная получила опредѣленныя правила съ переводомъ на нашъ языкъ иностраннаго устава „ратнаго строя пѣхотныхъ людей“. Передъ новыми полками регулярнаго войска стрѣлецкіе полки, заведенные Іоанномъ Грознымъ, не могли выдерживать невыгоднаго сравненія. Петръ I выросталъ, имѣя передъ глазами это превосходство иноземнаго строя и своею еще дѣтскою забавою,—заведеніемъ *потѣшныхъ*, съ которыми дѣлилъ досуги отрочества и юношества, уже далъ рано почувствовать, чего можно было ожидать въ позднѣйшемъ времени отъ его дѣятельности въ смыслѣ административномъ? – Обстоятельства своею неизбѣжною необходимостью только ускоряли мѣры предпріимчиваго государя для преобразованія войска. Впрочемъ самое это преобразованіе, вводя су-

щественно новыя формы и требованія въ порядокъ службы, не вымышляло здѣсь, какъ привыкли утверждать, ничего новаго касательно собиранія людей военныхъ съ земства. Обязательность не только поставки людей, но также снабженія поставляемыхъ хлѣбомъ и обмундировкою всегда лежала на земствѣ; такъ что *даточные* земскіе люди были тѣже рекруты, хотя они и нигдѣ не назывались этимъ именемъ. Самые стрѣльцы были изъ даточныхъ же земскихъ людей, получавшихъ изъ года въ годъ, по общей раскладкѣ съ общинъ, и земское продовольствіе, извѣстное подъ именемъ *стрѣлецкаго хлѣба*. Служба стрѣльцовъ различалась только *пожизненностью* отъ даточныхъ, выставляемыхъ къ веснѣ на время похода, съ осенью кромѣ рѣдкихъ случаевъ и оканчивавшагося. Тогда какъ разъ принятый въ службу (въ городовые или московскіе стрѣлецкіе полки) стрѣлецъ не могъ отбыть отъ ней и дѣти его съ потомствомъ измѣнить родъ занятій и жизни уже не имѣли права, оставаясь навсегда *стрѣлецкими дѣтьми*, *внуками* и пр. и сами служа стрѣльцами, гдѣ велѣно. Отбросьте европейскій строй у Петровскихъ солдатъ, необходимо съ правильнымъ обученіемъ подчиняемыхъ и болѣе строгой дисциплинѣ—и у васъ останутся въ идеѣ постоянныя войска въ родѣ стрѣльцовъ; и—наоборотъ. Стало быть, введеніе *солдатства*, рекрутчины, обязательности службы потомственно и проч. оказываются не Петровскими установленіями, а старинными русскими или, лучше сказать, *царско-московскими*. Петру I же принадлежитъ заведеніе большаго порядка и правильности въ формѣ самаго отбыванія военной повинности, на сколько доступно это было въ его тяжелое время.

Не говоря уже о другихъ главныхъ современныхъ нуждахъ, самая справедливость требовала прежде всего *повсемѣстнаго уравненія* въ поставкѣ людей натурою на службу великаго государя, чего при прежнемъ порядкѣ сбора людей не соблюдалось. Тогда только однѣ окрестности московскія безлюдились несоразмѣрными поборами при каждомъ походѣ, тягостный нарядъ котораго не касался отдаленныхъ мѣстностей, именно вслѣдствіе спѣшнаго набора. Между тѣмъ нигдѣ не видно, чтобъ эта повинность государственная считалась не повсемѣстно обязательною; исключенія были выпрашиваемы, по особымъ уваженіямъ, у государя духовными вла-

стями и относились собственно къ патріаршимъ, монастырскимъ или архіерейскимъ имѣніямъ въ чертѣ московскаго уѣзда. А это еще болѣе подтверждаетъ нашу идею о сборѣ людей въ окрестностяхъ Москвы почти исключительно въ большинствѣ случаевъ. Петръ I разложилъ на всю територію Россіи обязательность выставки людей на государственную службу по извѣстному проценту съ тысячи, сперва по существующей системѣ *подворной*, а потомъ, когда система эта оказалась (вслѣдствіе легкости допущенія ошибокъ) неприложимою къ дѣлу, *по наличному числу взрослаго мужескаго населенія*, *подушно*, какъ послѣдовало обложеніе государственными податями и всякаго рода другими повинностями.

Отъ иноземнаго названія новобранцевъ, которыми комплектовалась военная и морская силы, способъ поголовнаго учета процента поставки людей натурою названъ тогда рекрутчиною.

А на Петра I, ради иноземнаго названія новаго способа собранія людей, всклепали (впрочемъ не въ наши еще дни) новое обвиненіе въ злоупотребленіи, будто бы, монархическимъ правомъ — введеніемъ *неслыханно-угнетательнаго набора*, *ни съ чѣмъ несообразной повинности* и пр., *немыслимой дотого*, будто бы, *на Святой Руси*. Простое выясненіе дѣла уже показываетъ, на сколько правды въ пущенной тогда раскольниками клеветѣ на Петра I, дѣйствія котораго всегда сектанты искажали, представляя въ ужасающемъ видѣ.

Мы коснулись здѣсь этого вопроса не въ намѣреніи выяснять пользу или вредъ этого порядка (новаго совсѣмъ, или, какъ мы уже заявляли, давно существовавшаго), а для цѣлей другихъ, постороннихъ, нами преслѣдуемыхъ. Именно мы обязаны выставить вліяніе рекрутчины и ея послѣдствій обязательной пожизненной службы на сложеніе одной изъ новыхъ сторонъ народнаго быта, — *солдатства*. Оно, какъ извѣстно, со временъ Петра I развилось въ Петербургѣ значительно широко, придавъ жизни столицы особый отпечатокъ *строгой начальственной подчиненности и формальности*, отразившейся одно время на всемъ строѣ такъ называемаго *общества*, составленнаго исключительно изъ представителей администраціи всѣхъ степеней и значеній.

Это время по преимуществу были послѣдніе годы царствованія

Петра I, когда всѣ его совѣтники и всѣ видные дѣятели на различныхъ путяхъ центральнаго управленія были по преимуществу или люди военные, несшіе тягости походовъ и привыкшіе къ лагерной жизни, или, вслѣдствіе долгаго вліянія военныхъ порядковъ, сжившіеся съ ними до забвенія своихъ гражданскихъ привычекъ.

При такихъ условіяхъ естественно сложились и формы жизни, болѣе принаровленной къ военному обиходу съ его установленными разъ навсегда формальностями, всякое отступленіе отъ которыхъ должно было показаться болѣе значительнѣйшимъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ и, слѣдовательно, какъ неисполненіе принятаго, могло повлечь за собою даже взысканіе за отступленіе отъ порядка. Въ обязательномъ явленіи на празднества, въ непремѣнномъ надѣваніи такого или другаго костюма и пр. мы позволяемъ себѣ видѣть не болѣе не менѣе, какъ вліяніе военно-служебнаго класса на установляющіяся формы общежитія въ новой столицѣ. Съ другой стороны, строгая формалистика, подчиняющая своему игу всякое отправленіе жизни, не только общественной, но даже семейной, сама даетъ понять свое происхожденіе отъ учителей нашихъ—цивилизаторовъ. А они, иностранцы-цивилизаторы, отъ насъ, русскихъ людей, наставляемыхъ ими великодушно началамъ высокой науки общежитія, ревниво требовали буквальнаго слѣдованія тѣмъ порядкамъ, съ которыми на родинѣ своей, въ педантической еще, хотя далеко еще невысокоученой—Германіи, сжились они съ пеленокъ, каждую мелочь считая равно важною для общаго благоустройства.

П. Петровъ.

О ПАПСТВѢ.

(Окончаніе)

Изъ всѣхъ германскихъ племенъ только франки при первомъ же водвореніи въ римскихъ провинціяхъ тотчасъ приняли христіанство отъ римской церкви. По политическому положенію своему франки были въ то время средоточіемъ всего западно-германскаго міра, не смотря на злодѣйства, которыми покрыла себя царствовавшая тогда династія меровинговъ. Въ борьбѣ съ мусульманами, угрожавшими всему западному міру, съ паденіемъ меровинговъ возникла новая династія каролингская въ лицѣ Пипина. Побѣда надъ мусульманами доставила Пипину господство и первенство надъ многими германскими племенами, водворившимися на западѣ Европы. Папа Бонифацій, угрожаемый въ то время аравитянами, лонгобардами и также греками, естественно, обратился къ защитѣ сильнѣйшаго изъ государей и притомъ къ государю католической страны. Союзы между папами и франкскими государями постепенно дѣлались тѣснѣе и тѣснѣе въ виду взаимной пользы обѣихъ сторонъ и наконецъ пріобрѣли всеобъемлющее, всемірное значеніе. Одинъ изъ представителей новой династіи, Пипинъ Младшій, чувствуя необходимость высшей санкціи для утвержденія за нимъ королевской власти, искалъ этой санкціи у папы и въ замѣнъ ожидаемой имъ услуги оказалъ папѣ защиту отъ безпокойныхъ его сосѣдей, лонгобардовъ, принудивъ ихъ даже уступить папѣ часть владѣемой ими територіи, „изъ благоговѣнія къ св. Петру, для полученія прощенія грѣховъ своихъ“ — какъ говорилъ король. Ключи городовъ, отторгнутыхъ отъ лонгобардовъ въ пользу папы, король приказалъ положить на престолъ св. Петра (755 г. по Р. Х.) и далъ на эти города дарственную грамоту на имя св. Петра, утвердивъ такимъ образомъ свѣтскую

власть папскаго престола. Власть эта, какъ мы видимъ, получила свою *санкцію*, если только можно такъ выразиться о власти, которой приписывается самой божественное происхожденіе,—не болѣе какъ отъ франкскаго короля.

Преемникъ Пипина, Карлъ Великій продолжалъ поддерживать установившіяся отношенія къ папѣ и въ свою очередь окончательно освободилъ его отъ лонгобардовъ, присоединивъ лонгобардскія государства къ своему королевству. Затѣмъ, утвердивъ и съ своей стороны дарственную грамоту Пипина, Карлъ по личному приглашенію папы явился самъ въ Римъ, чтобы прочнѣе утвердить этотъ городъ за папою и обезопасить папу отъ всякихъ внутреннихъ попытокъ на его достоинство и власть. Устроивъ дѣла къ полному удовольствію папы, Карлъ потребовалъ, чтобы папа провозгласилъ его римскимъ императоромъ и возложилъ на него корону, что и было исполнено въ 800 г. съ небывалымъ великолѣпіемъ, при звукѣ трубъ и крикѣ римлянъ, увидавшихъ возрожденіе титла римскихъ императоровъ, уничтоженнаго три вѣка назадъ съ паденіемъ западной римской имперіи.

Событіе это, не заключавшее въ себѣ, по видимому, ничего кромѣ пустой формальности, особенно для франкскаго короля, для папы же послужившее не болѣе, какъ случайной опорой въ минуту превратности судьбы, послужило однако причиной громадныхъ послѣдствій. Обѣ стороны, т. е. папа и король, благодаря невѣжественному фанатизму тогдашняго общества, возвысили свое значеніе до невѣроятныхъ размѣровъ. Папа сдѣлался раздавателемъ титула римскаго императора, съ понятіемъ о которомъ сливалось понятіе о всемірномъ владычествѣ, король франкскій превратился въ властелина, имѣющаго право распространять свою власть на все, что не могло ему сопротивляться.

Хотя папство въ этотъ періодъ своей жизни и создало около себя могущественную императорскую власть, которой не могло не подчиняться какъ матеріальной силѣ и слѣдовательно значительно утратило свою независимость; но въ свою очередь, имѣя тоже и опору въ этой власти, папы получили возможность измѣнить свои зависимыя отношенія къ греческимъ императорамъ и пріобрѣсти церковное главенство на западѣ. Можетъ быть, безъ покровительства французскихъ

королей папы и не отдѣлились бы, какъ это послѣдовало въ началѣ IX вѣка, отъ востока, откуда доселѣ они получали свое признаніе.

Съ распространеніемъ власти Карла Великаго въ Германіи, съ развитіемъ французскихъ учрежденій въ земляхъ лонгобардскихъ и съ распространеніемъ вліянія папъ въ предѣлахъ Карла, мы видимъ соединеніе римскаго и германскаго элементовъ въ одно цѣлое, составившее всю сущность характера западной Европы.

Но по смерти Карла Великаго, при его преемникахъ, франкское государство начало клониться къ упадку и въ X и XI вѣкахъ первенствующая роль переходитъ отъ франковъ къ нѣмцамъ. Могущество германскихъ императоровъ опиралось между прочимъ и на духовенствѣ. Всѣ нѣмецкія завоеванія были въ тоже время и распространеніемъ христіанства, поэтому духовныя лица вездѣ облекались большою властію; епископы и абаты получали въ Германіи графскія и даже герцогскія права. Такъ какъ назначеніе въ духовныя должности принадлежало императорамъ, то, естественно, имъ выгодно было снабжать свѣтскими полномочіями обязанныхъ имъ людей. Столь важное значеніе духовнаго элемента въ нѣмецкой имперіи условливало отношенія императоровъ къ главѣ духовенства — римскому папѣ.

Сначала папы пользовались высшимъ авторитетомъ предъ императорами, но съ тѣхъ поръ какъ политическое первенство перешло къ нѣмцамъ, нѣмецкіе государи сдѣлались верховными повелителями папской власти въ большей степени, чѣмъ каролинги. Германскіе императоры возводили и назначали папъ, особенно когда выборы на папство сдѣлались доступными подкупу и вліянію фамильныхъ претензій итальянской аристократіи. Поставивъ папъ въ зависимость, германскіе императоры желали однако, чтобы папская власть пользовалась особымъ значеніемъ и папа признаваемъ былъ императорской властью какъ единственный примасъ всей христіанской церкви. Это признаніе утвердило за папами вообще то высокое значеніе въ Европѣ, котораго домогались папы и которое послужило впослѣдствіи исходной точкой борьбы между папствомъ и германской имперіей.

Духовное сословіе въ Германіи и германизированныхъ странахъ,

какъ сказано было выше, пользовалось значительной долей политической власти, чѣмъ и отличалось нѣмецкое духовенство отъ римскаго. Хотя нѣмецкое духовенство находилось въ зависимости отъ высшей свѣтской власти, т. е. отъ императора, но зависимость эта условливалась тѣмъ, на сколько сильна была эта власть сама по себѣ; въ слабыхъ же рукахъ власть эта не могла устоять противъ духовнаго авторитета, представлявшаго троякую силу: папскій санъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, повиновеніе всей католической паствы, считавшей себя прежде всего подданными папскаго престола, и наконецъ вліяніе на зависимыя отъ императора государства. Въ самыхъ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти крылось противорѣчіе, предвѣщавшее борьбу; папа пользовался повсюду верховной духовной властью и въ тоже время былъ въ подчиненіи отъ императора.

Сами обстоятельства указывали на возможность, чтобы духовный владыко міра не только освободился отъ зависимости свѣтской власти, но и подчинилъ ее себѣ. Въ это время является на папскомъ престолѣ человѣкъ отважный, рѣшительный, настойчивый, непоколебимый и вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидный и даровитый—Григорій VII. Увидѣвъ благопріятную минуту, онъ немедленно же приступилъ къ эмансипаціи папской власти. Церковный соборъ, по приказанію папы, издалъ постановленіе, что никакія духовныя званія не должны быть раздаваемы свѣтскими властями. Постановленіе это потрясло имперію въ самомъ ея основаніи, которое состояло именно въ соединеніи властей духовной и свѣтской, а узломъ ихъ соединенія была инвеститура. Это древнее право императоровъ было у нихъ отнято и самая власть тотчасъ же начала клониться къ упадку. Внутреннее разстройство нѣмецкой имперіи во время малолѣтства Генриха IV и возмущеніе нѣмецкихъ племенъ и бароновъ противъ этого государя облегчили приведеніе въ исполненіе папской реформы. Папа нашелъ союзниковъ въ баронахъ, которые были недовольны возвышеніемъ императорской власти и желали отъ него освободиться. Папа также былъ въ своемъ родѣ васаломъ имперіи и, смотря такимъ образомъ на свои отношенія къ императорамъ, объявилъ Германію избирательнымъ государствомъ, чрезъ что, естественно, герцогская власть должна была много выиграть; въ дѣлѣ инвеституры также

герцогскіе интересы сходились съ интересами папы, потому что папа не присвоилъ себѣ самаго избранія епископовъ, предоставивъ его мѣстнымъ капитуламъ, на которые высшее нѣмецкое дворянство имѣло большое вліяніе. Не смотря однако на всѣ благопріятствовавшія обстоятельства, папство долго и ожесточенно боролось, отстаивая реформу Григорія VII отъ стремленія имперіи возстановить прежній порядокъ, и только послѣ долговѣчныхъ усилій папы могли стать передъ свѣтскою властію съ равнымъ, если не превосходящимъ, авторитетомъ. Значеніе папъ дѣйствительно дѣлается высокимъ. Духовенство было вполнѣ въ ихъ рукахъ и притомъ вслѣдствіе внутренней реформы, установившей безбрачіе духовенства, оно обращено было всецѣло въ одинъ монашескій орденъ, въ которомъ строжайшая дисциплина приводила его въ безусловное подчиненіе папѣ. По мѣрѣ того, какъ папа дѣлался верховнымъ главою этого ордена, распоряжавшагося всѣми проявленіями народной жизни, государственная власть клонилась къ упадку. Папы захватили управленіе всѣми діоцезами и сравнивали своихъ легатовъ съ древними римскими проконсулами. Уже въ XII вѣкѣ одинъ духовный писатель говоритъ: „настанетъ то, что златыя статуи королевства совершенно распадутся и каждое государство обратится въ четверовластіе; тогда лишь церковь будетъ свободна отъ притѣсненій подъ защитою коронованнаго святителя“. Для исполненія этого пророчества немногаго недоставало въ XIII вѣкѣ. Императорская власть потеряла почти всякое значеніе, потому что васалы имперіи пользовались уже верховными правами и были суверенами въ предѣлахъ своихъ владѣній; соединяющая же центральная власть принадлежала почти исключительно папѣ, а въ дѣлахъ внутренняго укрѣпленія отдѣльныхъ и независимыхъ государствъ духовенство имѣло огромное вліяніе и значеніе. Распространеніе христіанства въ Европѣ увеличивало число подданныхъ и значеніе главы христіанства; безъ его участія не совершалось ни одно политическое предпріятіе и онъ повсюду встрѣчалъ себѣ безусловную покорность. Короли принимаютъ отъ него свои владѣнія въ видѣ лена, другіе отдаютъ себя подъ покровительство апостола Петра, а иногда папа просто отнимаетъ королевство отъ короля и передаетъ его другой фамиліи.

Этотъ моментъ папской власти былъ однимъ изъ важныхъ мо-

ментовъ развитія христіанской цивилизаціи въ Европѣ. Сѣверъ Европы, подъ вліяніемъ преобладанія духовнаго элемента, проникнулся христіанствомъ, и германскій міръ вступилъ въ тѣсное соединеніе съ римскимъ. Вся европейская жизнь обобщилась въ духовно-свѣтскомъ государствѣ.

Но съ паденіемъ имперіи, едва совершился этотъ переворотъ, возникаютъ новыя обстоятельства. Имперія въ соединеніи съ папствомъ преобладала надъ національностями; съ возникновеніемъ же народной и государственной раздѣльности и самостоятельности образовываются повсюду и мѣстные языки, которые неудержимо протѣсняются въ разнообразныя отрасли духовной дѣятельности, отстраняя космополитическое нарѣчіе церкви. Движеніе это было уже по своему началу противоположностью идеи церковнаго и государственнаго всемірнаго единства, идеи папства, и точно также какъ папская власть возникла, какъ историческая потребность, въ XIV вѣкѣ является послѣдовательно оппозиція этой власти въ пробудившемся въ народахъ чувствѣ самостоятельности и независимости. Французы, точно также какъ при каролингахъ первые содѣйствовали возвышенію папской власти, теперь первые оказали рѣшительное сопротивленіе притязаніямъ папы; съ полнымъ единодушіемъ французскій народъ возстаетъ противъ буллъ Бонифація VIII и выражаетъ согласіе совмѣстно съ королемъ противодѣйствовать преобладанію папства. За французами послѣдовали и нѣмцы; когда папы по прежнему стали нападать на императорскую власть, то курфирсты, собравшись на берегахъ Рейна, положили предпринять колективно мѣры къ утвержденію чести и достоинства государства. Стремленіемъ ихъ было утвердить независимость имперіи противъ притязаній папъ изданіемъ торжественнаго постановленія, которое вскорѣ и послѣдовало формально и отъ всѣхъ властей: императора, герцоговъ и курфирстовъ, объявившихъ единодушно несогласіе свое съ началами папскаго государственнаго права. Недолго медлила и Англія, чтобы освободиться отъ вліянія папы. И всѣ націи одна за другой, почувствовавъ свою самостоятельность, не хотятъ и слышать ни о какомъ высшемъ авторитетѣ; въ среднихъ классахъ общества папы не находятъ болѣе союзниковъ; вліяніе ихъ рѣшительно устраняется какъ государями, такъ и сословіями. Между

тѣмъ въ самомъ папствѣ обнаруживаются слабость и безпорядки, что даставило свѣтской власти возможность не только освободиться отъ папскаго преобладанія, но и пріобрѣсти уже обратное вліяніе на папъ. Такъ называемый великій церковный или папскій расколъ, обнаружившійся во время авиньонскаго плѣненія папъ, когда вмѣсто одного папы было три, имѣлъ послѣдствіемъ то, что государи и народы, смотря по обстоятельствамъ, приставали то къ одному, то къ другому папѣ; духовная власть сама собою не имѣла ни силы, ни возможности уничтожить расколъ и легко поддалась свѣтской власти; все это благопріятствовало преобладанію свѣтской власти и самостоятельности отдѣльныхъ государствъ. Не смотря на то, что духъ Григорія VII испарился изъ папства, папа все еще имѣлъ большое значеніе: императоръ водилъ подъ уздцы его коня, епископы Венгріи и Германіи продолжали писать въ своихъ титулахъ „милостію апостольскаго престола“, на сѣверѣ Европы все еще платили подать св. Петру, безчисленные пилигримы изъ всѣхъ странъ стекались на юбилей 1450 года; но если наружное значеніе папства продолжало еще держаться, то вѣра въ его авторитетъ, прежній жаръ, одушевлявшій христіанъ напримѣръ во время крестовыхъ походовъ, замѣнились холодностію. Другіе интересы занимали тогдашній міръ; это былъ періодъ, въ который европейскія государства послѣ продолжительной борьбы начинаютъ принимать опредѣленное и прочное положеніе.

Замѣтимъ здѣсь, что ограниченіе власти папъ, какъ мы видѣли, началось именно въ періодъ XV и начала XVI вѣка, слѣдовательно прежде реформаціи. Назначеніе на епископскія мѣста, по прежнему, сдѣлались принадлежностію государственной власти, доходы и имущества церкви также не могли не привлечь къ себѣ вниманія и корыстнаго покушенія королей; папы, видя свою слабость, не оказывали сопротивленія, теряя все то, что у нихъ отнимали. Такой порядокъ уже оправдывался образомъ мыслей тогдашняго общества, потому что церковное направленіе болѣе не преобладало въ жизни европейскихъ націй. Развитіе національности, образованіе государствъ выступало на сцену. Отношенія духовной и свѣтской власти должны были испытать отъ нарождавшагося порядка вещей сильныя перемѣны.

Измѣняясь въ своей исторической судьбѣ, папство измѣнялось также, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и въ самомъ себѣ, какъ учрежденіе духовное. Вмѣстѣ съ могуществомъ и богатствомъ, съ распространеніемъ своихъ владѣній, папство, т. е. сами папы и прочіе члены римской церкви, принимаетъ свѣтскій характеръ. Пышность двора, властолюбіе, интриги, развратъ, всякаго рода излишества и даже анти-религіозное направленіе умовъ появились въ средѣ римской церкви; папы перестали заботиться о духовныхъ интересахъ, а хлопотали лишь объ увеличеніи своихъ доходовъ; церковныя должности отдавались людямъ алчнымъ, порочнымъ и не подготовленнымъ. Религіозность начала ослабѣвать въ обществѣ и народныхъ массахъ. Но рядомъ съ всеобщимъ ослабленіемъ религіознаго элемента и церковнаго авторитета, въ самомъ центрѣ западной церкви возникаютъ свободная литература и искуство. Умы обратились къ изученію дохристіанской древности и въ произведеніяхъ греческихъ философовъ почерпали матеріалы для мышленія. Являются художники, литераторы, поэты, философы, спорятъ о томъ, есть ли душа и безсмертна ли она, и нерѣдко доходятъ до отрицанія души и ея безсмертія. Подобное направленіе умовъ начало распространяться повсюду въ образованной части Европы.

Оставленные на собственный произволъ въ религіозномъ отношеніи народы впали почти въ языческое суевѣріе, которое искало себѣ пищи въ обрядахъ, высшіе же классы обратились къ направленію анти-религіозному.

Когда прибылъ въ Италію юный Лютеръ, онъ крайне удивился тому, что увидѣлъ. Священники во время совершенія таинствъ въ богохульныхъ выраженіяхъ отрицали ихъ. Въ Римѣ было въ тонѣ высшаго общества противорѣчить христіанскимъ началамъ; тотъ не считался образованнымъ человѣкомъ, кто не держался мнѣній противныхъ христіанству. При папскомъ дворѣ только въ шутку говорили о догматахъ католической церкви, о текстахъ священнаго писанія; таинства же просто презирались.

Такимъ образомъ обнаруживается, что церковныя притязанія государей породили свѣтскость церкви; паденіе церковныхъ уставовъ— развитіе новаго умственнаго направленія, которое затронуло самыя основанія вѣры. Въ то время какъ въ Италіи развивалось это на-

правленіе подъ вліяніемъ древнихъ, по которымъ изучали и науки, и допытывались разрѣшенія высшихъ проблемъ человѣческаго духа, Германія принимаетъ въ новомъ направленіи участіе другимъ самостоятельнымъ путемъ. Одинъ изъ членовъ братства іеронимитовъ, Ѳома Кемпійскій образованіемъ школы содѣйствовалъ тому, что итальянское знаніе перенесено было въ Германію, но лишь со скромной цѣлью распространить его путемъ преподаванія, почему лучшіе умы направили свою дѣятельность къ составленію книгъ для образованія юношества, въ духѣ трудолюбія и воздержанія, служившемъ основнымъ правиломъ братства іеронимитовъ.

Не смотря на то, что нѣмецкое направленіе заимствовало свое начало изъ Италіи, разница между тѣмъ и другимъ доходитъ до противоположности. Въ Италіи литературное вольнодумство превратилось въ совершенное безвѣріе; въ Германіи же возникло тонкое богословіе и проникло въ литературу. Такимъ образомъ опозиція противъ церкви въ Италіи опиралась на литературу и науку, а въ Германіи—на тонкое богословіе и духовно-умозрительныя основанія; въ Италіи она была отрицательная и атеистическая, въ Германіи положительная и исполненная христіанскихъ началъ; тамъ она подрывала основаніе церкви, въ Германіи—возстановляла церковь, очищая ее отъ папскихъ злоупотребленій; въ Италіи пропаганда была ѣдкая сатирическая и подчинялась силѣ, въ Германіи она исполнена была непобѣдимаго самоотверженія и въ лицѣ Лютера дошла до самыхъ сильныхъ нападеній, которыя когда либо сдѣланы были на римскую церковь.

Рядомъ съ движеніемъ и успѣхами протестантства въ Германіи является и въ Италіи направленіе, имѣющее аналогію съ протестантствомъ; тамъ начали возникать, въ противоположность антихристіанскимъ обществамъ, другія общества, стремившіяся къ укрѣпленію религіозныхъ началъ и къ реформѣ въ церкви; между членами этихъ обществъ было много людей высоко даровитыхъ, которые имѣли большое вліяніе на образованные классы въ Италіи и овладѣли ихъ образомъ мыслей, направивъ его въ смыслѣ нѣмецкаго протестантства. Слѣдствіемъ этого новаго направленія общественнаго мнѣнія были требованія церковной реформы, которая бы образовала раціональное папство, ограниченное въ возможности дѣлать зло и

направленное лишь къ общему благу. Хотя папа, по видимому, соглашался на реформу, проектированную въ видѣ нѣсколькихъ артикуловъ, и послалъ одного изъ своихъ кардиналовъ на соборъ въ Регеснбургъ, въ которомъ участвовали и протестанты, однако никакого соглашенія между требованіями протестантовъ и предложеніями папы не состоялось, не смотря на то, что развратъ римскаго духовенства и монашескихъ орденовъ настойчиво вызывали реформу, которая по крайней мѣрѣ могла бы дисциплинировать церковную іерархію. Эта потребность и болѣе всего стремленіе противодѣйствовать распространявшемуся повсюду протестантству имѣли слѣдствіемъ образованіе новыхъ монашескихъ орденовъ съ строжайшей внутренней дисциплиной; но между всѣми ими суждена была значительная роль только одному, іезуитскому ордену, основанному испанскимъ рыцаремъ и крайнимъ мистикомъ Игнатіемъ Лойолой. Основнымъ началомъ этого ордена было во-первыхъ безусловное повиновеніе папѣ и затѣмъ обѣтъ вести постоянную и непримиримую войну со всѣмъ, что не подчиняется папѣ. Уставъ этого ордена утвержденъ былъ папой сначала съ нѣкоторыми ограниченіями въ 1540 г. и потомъ въ 1543—безусловно. Папы оперлись на іезуитовъ и содѣйствовали размноженію этого ордена, который, какъ увидимъ ниже, началъ повсюду войну противъ протестантовъ и потомъ противъ восточной церкви.

Между тѣмъ протестантскія мнѣнія продолжали быть ни признанными, ни опровергнутыми; необходимость соглашенія вызывала со стороны государей требованіе отъ папы другаго собора, въ созываніи котораго папа сначала медлилъ, потому что находилъ для себя опаснымъ преобладавшія въ то время мнѣнія, а потомъ рѣшился созвать тридентскій соборъ, надѣясь и на поддержку іезуитовъ, и на разныя политическія замѣшательства между протестантскими государями, которые при этихъ условіяхъ не могли дѣйствовать единодушно. И дѣйствительно этотъ соборъ съ участіемъ іезуитовъ отстоялъ во всемъ католическіе догматы и власть папъ, утвердивъ этимъ пошатнувшійся католицизмъ; протестантскія же мнѣнія были отвергнуты вполнѣ и всякое соглашеніе съ протестантами признано невозможнымъ. Тридентскій соборъ 1545 г. постановилъ, что

внѣ католичества съ папствомъ не можетъ быть никакой религіозной жизни.

Оставалось затѣмъ подумать о томъ, какими средствами искоренять „еретическія" мнѣнія и поддержать повиновеніе папской церкви. Плодомъ этой заботы является всемірная римская инквизиція. Форма этого страшнаго судилища заимствована была у доминиканскаго монашескаго ордена. Суду инквизиціи подвергались не дѣйствія, а совѣсть и убѣжденія; всякое уклоненіе отъ предписаннаго пониманія религіозныхъ предметовъ преслѣдовалось безъ пощады и милосердія; кругъ дѣйствій инквизиціи простирался всюду, гдѣ только признаваема была римская церковь. Подъ мучительными пытками и подъ угрозой казни инквизиція требовала отреченія отъ собственныхъ свободныхъ убѣжденій и признанія ихъ ложными, и какъ скоро обвиняемый не хотѣлъ измѣнить своей совѣсти, его осуждали на казнь.

Вооружившись инквизиціей и іезуитами, папство начало борьбу съ протестантствомъ, охватившимъ мало по малу всѣ страны западно-христіанскаго міра.

Преслѣдованія и ужасы инквизиціи прежде всего развились въ Италіи. Обоюдная ненависть политическихъ и религіозныхъ партій явилась на помощь инквизиторамъ; часто изъ желанія отмстить противнику обвиняли его въ ереси. Суевѣрные монахи имѣли въ рукахъ оружіе противъ всѣхъ мыслящихъ людей страны, пришедшихъ путемъ литературы къ религіозному направленію. Академія и другія высшія училища были закрываемы; вся литература подвергнута строгому надзору; никакая книга не могла быть ни вновь напечатана, ни перепечатана безъ дозволенія инквизиціи; книжныя лавки и таможни должны были всякую книгу, всякую рукопись представлять на просмотръ инквизиторамъ; для всеобщаго руководства изданы были каталоги запрещенныхъ книгъ, куда попали и сочиненія многихъ кардиналовъ; не только властямъ, но и частнымъ лицамъ велѣно было доносить о существованіи запрещенныхъ книгъ, которыя и сожигались на кострахъ; нѣкоторыя книги, какъ ни было огромно число ихъ экземпляровъ, истреблены были безъ остатка, такъ напримѣръ книги о дѣяніяхъ Іисуса Христа нигдѣ нельзя отыскать.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ духовенство пользовалось пособіемъ свѣтской власти. Такимъ образомъ преслѣдованія и грубая сила истребили въ Италіи зародыши религіознаго свободомыслія.

Въ этомъ положеніи дѣлъ, когда противники папства и поборники свободы поражены были силой, а догматы утверждены въ прежнемъ духѣ и церковная власть стерегла ихъ оковами, положенными ею на совѣсть и мысль, въ тѣсной связи съ этою властію возвышается и развивается орденъ іезуитовъ. Во всей Италіи іезуиты скоро овладѣли умами; сначала предназначивъ свою пропаганду для народной массы, они проложили себѣ однако путь и въ высшіе классы. Духовныя упражненія, предписываемыя уставомъ и правилами ордена, сдѣлались занятіемъ разныхъ принцесъ и другихъ знатныхъ лицъ. Іезуиты скоро проникли ко дворамъ государей, сдѣлались ихъ духовниками и совѣтниками, иначе говоря, овладѣли ихъ совѣстью и разумомъ. Стремясь къ развитію ордена, іезуиты захватывали повсюду въ свои руки общественное воспитаніе, учреждали колегіи, хотя первоначальное призваніе ордена опредѣлялось уставомъ лишь въ томъ, что члены ордена принимаютъ на себя обѣтъ постояннаго странствованія для исполненія порученій папы, чему уже противорѣчило учрежденіе колегій и преподаваніе наукъ. Но всѣ подобныя встрѣчавшіяся противорѣчія служили поводомъ къ дополненію уставовъ и были соглашаемы обыкновеннымъ іезуитскимъ способомъ.

Орденъ іезуитовъ по сущности своей является такимъ учрежденіемъ, которое, образуя собственный міръ, отрывало членовъ ордена отъ всѣхъ житейскихъ отношеній, захватывало человѣка себѣ всецѣло и формировало въ немъ совершенно особыя нравственныя начала, не находившія себѣ мѣста въ обыкновенныхъ общественныхъ отношеніяхъ; особенность ордена состояла еще и въ томъ, что уставы его не только благопріятствовали индивидуальному развитію, но и требовали его, а съ другой стороны совершенно сковывали и поглощали человѣка. Это противорѣчіе началъ выражается постоянно во всѣхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ.

Шестнадцатый вѣкъ носитъ на себѣ характеръ религіозной производительности; прежде только чувствовались противорѣчія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, а въ XVI вѣкѣ эти противорѣчія выра-

жаются уже въ дѣйствіяхъ. Распаденіе западной церкви не совпадаетъ съ реформаціей, а зародилось гораздо прежде, потому что мнѣнія утвердились не вдругъ и, какъ мы видѣли, сохранялась даже надежда на примиреніе, исчезнувшая окончательно только послѣ тридентскаго собора; съ этого времени западное христіанство раздѣляется на двѣ главныя формы: старую католическую и реформаціонную, которая въ свою очередь подраздѣлилась на лютеранство и кальвинизмъ, еще болѣе противорѣчащій католичеству, чѣмъ лютеранство. Эти три богословскія системы стремились утвердиться, каждая на принятомъ ею основаніи, вытѣснить прочія и распространиться на весь міръ. Отсюда вытекаетъ борьба, проходящая чрезъ всю послѣдующую исторію Европы и вспыхивающая то здѣсь, то тамъ, даже въ настоящее время.

Католицизмъ, сильный преданіемъ, по видимому, имѣлъ значительный перевѣсъ передъ народившейся реформаціей, но множество свѣтскихъ интересовъ, крайне недобросовѣстное искаженіе историческихъ документовъ, богословскія ереси и противорѣчія окружали и ограничивали его силу. Наиболѣе осязательное противорѣчіе было въ самихъ папахъ, въ ихъ личности и политикѣ; въ главахъ церкви и около нихъ нерѣдко укоренялся самый нерелигіозный образъ мыслей, вызывая опозицію и помогая реформаціи. Злоупотребленія всегда вызываютъ новый, лучшій порядокъ; зло есть провѣрка истины.

Для римской церкви вопросъ состоялъ въ томъ, могутъ ли строгія церковныя мѣры, могутъ ли іезуиты и инквизиція преодолѣть новое религіозное направленіе.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, болѣе или менѣе удовлетворительнымъ, служитъ вся исторія начавшейся борьбы.

Войны, имѣвшія смѣшанный характеръ политическихъ и религіозныхъ мотивовъ, потому что религіозныя движенія опирались почти всегда на политику и наоборотъ политическія тенденціи опирались на религіозныя партіи, а также притязанія папъ преобладать надъ свѣтскими государями, имѣли своимъ послѣднимъ результатомъ успѣхъ протестантства, которое проникло въ Англію, Нидерланды, Францію и даже отчасти Испанію. Нѣмецкіе солдаты, нерѣдко находившіеся на обѣихъ борящихся сторонахъ, распространяли протестантскую доктрину, углублявшуюся въ совѣсть и обособлявшую повсюду про-

тестантскій міръ отъ католическаго. Папа сильно хлопоталъ, чтобы возвратить Англію католической церкви, но чѣмъ настойчивѣе высказывалась претензія папы, тѣмъ болѣе обнаруживалось сопротивленіе со стороны партіи протестантовъ. Елизавета, королева англійская, оскорбленная требованіями папы и угрожаемая католической партіей, оперлась на протестантовъ и созвала парламентъ съ протестантскимъ большинствомъ, который въ нѣсколько мѣсяцевъ выполнилъ всѣ измѣненія, составившія существенный характеръ англиканской церкви; переворотъ этотъ не могъ не отразиться и на Шотландіи, гдѣ также образовалась сильная протестантская партія.

Въ Германіи папа, по древней непріязни къ австрійскому дому, сопротивлялся перенесенію центра имперіи на германскій востокъ, почему императоръ долженъ былъ опереться на протестантовъ, которые въ это время пріобрѣли управленіе многими германскими епископіями.

Такимъ образомъ сѣверъ Европы и Германія обратились къ протестантству; въ Польшѣ и Венгріи начиналось нравственное разложеніе вслѣдствіе борьбы двухъ религіозныхъ началъ; Женева сдѣлалась центромъ кальвинизма; въ Нидерландахъ и Франціи возникаютъ многочисленныя партіи подъ знаменемъ протестантовъ. Оставались только Италія и Испанія, въ которыхъ были задушены реформаціонныя мнѣнія и преобладало строго-церковное направленіе, однимъ словомъ—царствовалъ папа.

Но папство готовилось къ борьбѣ съ усиливавшимся врагомъ; созванъ былъ второй тридентскій соборъ, который укрѣпилъ, догматизировалъ іерархическій порядокъ въ церкви, возвысивъ соборнымъ приговоромъ власть и значеніе главы римской церкви. Католичество почувствовало себя обновленнымъ. Вступая въ борьбу съ протестантствомъ, оно имѣло за собой ту великую выгоду, что было сосредоточено, имѣло центръ, верховнаго главу, направлявшаго движенія; папа могъ не только соединить силы всѣхъ католическихъ государствъ и направить къ общей цѣли, но имѣлъ и собственное государство, достаточно сильное для того, чтобы оказать дѣлу существенное содѣйствіе. Церковная область получаетъ именно это значеніе; прежде она была лишь номинальной силой, а съ територіальнымъ увеличеніемъ она является и какъ дѣйствительная си-

ла, по своимъ финансовымъ, военнымъ и дипломатическимъ средствамъ.

Относительно умственнаго направленія папство также имѣетъ эпохи, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Въ эпоху, когда церковь приняла свѣтскій характеръ, преобладало направленіе критическое, философское, опиравшееся на изученіи древнихъ; со времени же инквизиціи и укрѣпленія католическихъ ученій соборными постановленіями начинаетъ проявляться въ литературѣ наклонность къ точнымъ наукамъ, къ математикѣ и естествознанію. Искуство, процвѣтавшее во вторую эпоху, клонится къ упадку. Вмѣсто простаго подражанія и заимствованія отъ древнихъ въ ученыхъ сочиненіяхъ второй эпохи обнаруживается научный методъ и самостоятельная разработка собранныхъ матеріаловъ. Но какъ всѣмъ научнымъ изслѣдованіямъ и вообще литературѣ положенъ былъ тѣсный предѣлъ цензурой инквизиціи, то искуство и мысль перестали быть оживляющимъ элементомъ; все приняло безжизненный схоластическій отпечатокъ. На общественной нравственности эта перемѣна умственнаго направленія отразилась тѣмъ, что вмѣсто прежней свободы и изящества появился формализмъ, регламентація, страсть къ титуламъ, вмѣсто стремленія къ истинѣ и красотѣ обществомъ овладѣваетъ честолюбіе, властолюбіе, страсть къ титуламъ. Только музыкѣ выпала доля удержаться отъ преслѣдованій церкви и даже соединиться съ ней; тридентскій соборъ хотя и возставалъ противъ свѣтскости музыкально-церковныхъ произведеній и вообще музыкѣ угрожало изгнаніе изъ церкви, но папа Пій IV, выслушавъ партитуру обѣдни, сочиненную Палестрино, призналъ музыку необходимостію богослуженія, и музыка осталась.

Происшедшія перемѣны умственнаго и нравственнаго направленія отразились въ свою очередь и на куріи. Въ первый періодъ языческій и свѣтскій характеръ преобладалъ въ конклавѣ и при дворѣ папъ; во второй, хотя и удерживаются эти-же внѣшнія формы, но получаютъ новое, церковно- духовное направленіе.

Началу борьбы съ протестантствомъ, какъ было уже замѣчено, предшествовала распространившаяся повсюду пропаганда іезуитовъ и ихъ школы. Пользуясь уже политическимъ значеніемъ, іезуиты, вездѣ, гдѣ только они не появлялись, искали поддержки въ свѣтской власти и нерѣдко ее находили, даже въ тѣхъ странахъ Германіи, гдѣ протестантскія мнѣнія были господствовавшими; они пользовались каждымъ политическимъ разладомъ въ странѣ между государями и сословіями и приставали къ той сторонѣ, которая болѣе представляла имъ выгодъ. Въ большей части случаевъ протестанты требовали отъ своихъ государей такихъ правъ, которыя ограничивали ихъ власть; іезуиты же предлагали помощь государямъ въ борьбѣ съ ихъ подданными за то только, чтобы они были призваны въ страну и получили свободу проповѣдывать и учреждать школы. Этимъ способомъ іезуиты втерлись почти вездѣ въ Германіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ поднялъ голову и католицизмъ, снова получившій опору въ свѣтскихъ властяхъ. Усилившись такимъ образомъ въ Германіи, католицизмъ началъ здѣсь смѣлыя нападенія на протестантство, а также въ Нидерландахъ и Франціи, гдѣ совершены были страшныя насилія, въ царствованіе нидерландскаго короля Филипа II и французской королевы Екатерины Медичи. Свирѣпая расправа герцога Альбы и варѳоломѣевская ночь служатъ незабываемыми воспоминаніями этого времени. Казни, изгнанія и конфискація имуществъ суть тѣ средства, которыми возстановлялъ себя католицизмъ отъ натиска протестантства.

Борьбу католичества съ протестантствомъ можно подраздѣлить на два періода: сначала борьба эта шла на западѣ Европы и кончилась въ однѣхъ странахъ, какъ напримѣръ во Франціи и нынѣшней Бельгіи, въ пользу католичества, а въ другихъ, какъ напримѣръ въ большей части Германіи, Англіи и проч. въ пользу протестантства; а потомъ католичество перенесло борьбу на восточную половину Европы и также восторжествовала въ Австріи, Баваріи и Польшѣ; на западѣ Европы обѣ стороны чувствовали себя утомленными борьбой и кончили тѣмъ, что во многихъ государствахъ допущена была терпимость обѣихъ вѣроисповѣданій во всѣхъ случаяхъ, т. е. когда господствующимъ было и протестантство; въ восточной Европѣ католицизмъ дѣйствовалъ ожесточенно и, какъ напримѣръ въ Польшѣ,

преслѣдовало иновѣріе до крайнихъ предѣловъ, какіе только были возможны.

Папы въ это время то возвышались надъ свѣтской властью, то становились къ ней въ подчиненное отношеніе; но о покореніи всего міра папской власти не могло уже быть и рѣчи.

Во время религіозныхъ войнъ, религіозная стихія проникала въ жизнь народовъ, сливаясь съ національной индивидуальностью каждаго народа; идеи, завоеванныя оружіемъ, перешли въ тѣло и кровь народовъ. Послѣдствіемъ этого было то, что съ обѣихъ сторонъ, государства явились выразителями не только политическихъ, но и церковныхъ разновидностей, о господствѣ же вѣроисповѣдныхъ формъ уже болѣе не заботились. Такимъ образомъ католицизмъ и папство вслѣдствіе развившагося религіознаго разномыслія и даже въ силу трактатовъ, на которыхъ отразилась религіозная особенность государствъ, поставлены въ такое положеніе, что всемірное господство папы и католической церкви представляется уже недостижимымъ.

Уничтоженіе затѣмъ іезуитскаго ордена, въ половинѣ XVIII-го вѣка, послѣдовавшее по вліянію протестантской партіи, которая въ то время преобладала въ правительственныхъ сферахъ сильнѣйшихъ государствъ западной Европы, и французская революція, а также слѣдующія за ней европейскія войны, казалось, порѣшили было съ папствомъ. Во Франціи въ началѣ революціи отняты были церковныя имущества и создана для духовенства гражданская конституція; вмѣсто назначеній на высшія духовныя должности, по порядку установленному конкордатами, опредѣлены народные выборы; вмѣсто владѣнія недвижимыми имѣніями назначено жалованье; монашескіе ордена были уничтожены, связи съ Римомъ прерваны. Католическая галиканская церковь такимъ образомъ организовалась безъ папы, хотя Франція желала, чтобы папа призналъ всѣ эти реформы, чего однако не послѣдовало. Отказъ папы и его непрерывавшіяся осужденія и угрозы привели къ тому, что вмѣсто намѣренія отложиться отъ него созрѣло стремленіе вовсе его уничтожить. Директорія признала, что теократическое правительство Италіи несовмѣстно съ интересами Франціи, и затѣмъ Римъ былъ занятъ и осажденъ. Пій VI, которому было 80 лѣтъ, просилъ лишь дозволенія умереть въ Ватиканѣ, но ему отвѣтили, что умереть можно вездѣ, и от-

везли его во Францію, гдѣ онъ умеръ въ 1799 г. Но въ Венеціи кардиналы избрали вновь папу Пія VII, въ 1800 г., пользуясь побѣдой коалиціи, во время итальянскихъ войнъ.

Когда настало торжество Наполеона I и революція французская приняла монархическое направленіе, онъ вошелъ въ соглашеніе съ Піемъ VII о возстановленіи во Франціи католической церкви въ связи съ папою. Наполеонъ I сдѣлалъ это изъ своего разсчета, но папа былъ радъ и на унизительную роль, лишь бы втереться во Францію съ какой бы то ни было ничтожной властью; подобная же роль предоставлена была папѣ и въ Италіи конкордатомъ 1801 г., который даже не былъ обнародованъ папой. Духовныя имѣнія повсюду въ западной Европѣ были отобраны и предоставлены Наполеономъ I свѣтскимъ государямъ, которымъ также предоставлено было и замѣщеніе духовныхъ должностей.

Папа надѣялся, что впослѣдствіи можно будетъ смягчить конкордаты, но его надежды не сбылись: императоръ возстановилъ папу, но не для него самого, а для того, чтобы, покоривъ себѣ папство, сдѣлать его орудіемъ своей власти. Онъ объявилъ себя „старшимъ сыномъ церкви“, какъ продолжаетъ величать себя и Наполеонъ III, и прибавилъ, что владѣетъ мечемъ для ея защищенія и не потерпитъ связи съ еретиками и раскольниками, напр. съ англичанами; въ особенности императору было пріятно называть себя преемникомъ Карла Великаго. Онъ признавалъ церковную область подаркомъ Карла папѣ и потому считалъ себя вправѣ требовать, чтобы папа не смѣлъ отдѣлять своей политики отъ политики Франціи. И нынѣшній Наполеонъ удерживаетъ за собою эту же роль, напр. въ польскомъ вопросѣ, гдѣ папа не отдѣляетъ своей политики отъ Франціи и даже дѣйствуетъ по ея наущенію. Отецъ и „старшій сынъ“ католической церкви, надо замѣтить, находятся въ странномъ союзѣ, который налагаетъ на отца обязанность повиноваться сыну.

Пій VII попробовалъ было возражать противъ требованій „сына“ и отлучилъ отъ церкви назначенныхъ свѣтскимъ правительствомъ епископовъ; но французскій сенатъ отвѣтилъ на это сопротивленіе присоединеніемъ церковной области къ Франціи; свѣтская власть папы признана несовмѣстною съ церковными правами; папѣ прика-

зано было присягнуть церковнымъ постановленіямъ Франціи и предоставлено было получать на содержаніе себя и колегіи кардиналовъ доходы съ недвижимыхъ имѣній на правахъ леннаго слуги имперіи. Такимъ образомъ власть папы надъ католическимъ міромъ внѣ Франціи перешла въ руки императора Наполеона I. Папа опять сдѣлалъ было попытку сопротивленія; но его насильно привезли во Францію и принудили отказаться отъ права утверждать епископовъ; потомъ отъ него потребовали, чтобы онъ согласился жить во Франціи и подтвердилъ постановленія французскаго сената. Папа согласился и на это. Онъ во всемъ покорился французской имперіи, сдѣлавшись орудіемъ новой династіи; чрезъ покоренную папскую власть предполагалось достигнуть подчиненія государствъ, еще не покоренныхъ.

Этотъ новый періодъ папства есть повтореніе зависимости папъ отъ нѣмецкихъ императоровъ, съ той лишь разницей, что нѣмецкіе императоры были представителями народовъ, преданныхъ христіанству, а революціонный періодъ Франціи и даже вообще легкомысленное отношеніе французовъ къ христіанству показываютъ, что папа находится въ зависимости отъ императора, представляющаго народъ съ языческимъ направленіемъ. Между романскимъ и германскимъ міромъ относительно религіи замѣчается различіе, проходящее послѣдовательно съ самаго начала церковной опозиціи: мы упоминали выше, что въ Италіи, подъ вліяніемъ изученія древности, возникло языческое направленіе, которое впослѣдствіи лишь видоизмѣнилось во Франціи; въ Германіи же протестантство возникло на почвѣ христіанства и даже нынѣшній раціонализмъ въ Германіи пріурочиваетъ себя къ христіанству, тогда какъ французская мысль увлечена назадъ къ древнему язычеству; протестанство же хотя и проникло во Францію, но въ незначительной степени.

Какъ скоро Европа начала реставрироваться послѣ наполеоновскихъ войнъ, возникаетъ опять и папство, но съ весьма умѣренными правами. Попытки опрокинуть папство принадлежали всегда католикамъ. Во время движенія 1848 г. итальянцы повторили бы эту обычную католическую привычку съ цѣлью овладѣть Римомъ, но французская республика, считающая Римъ подаркомъ, сдѣланнымъ лично папѣ Карломъ Великимъ, послала войска защитить фран-

цузскую територію; тоже самое сдѣлалъ недавно и Наполеонъ III по случаю попытки Гарибальди.

Вопросъ римскій и вопросъ о папствѣ суть два различные вопроса; первый изъ нихъ есть политическій въ тѣсномъ смыслѣ слова и лишь касается вопроса о реформѣ папской власти; второй же вопросъ стоитъ выше чисто-политическихъ вопросовъ и совершенно изолируется отъ вопроса о томъ, кому долженъ принадлежать Римъ, Италіи или Франціи. Съ вопросомъ о папствѣ связанъ весь строй Европы, даже странъ некатолическихъ, потому что папство условливаетъ прежде всего отношеніе къ свѣтской власти всѣхъ исповѣдующихъ католическую вѣру. Католическій принципъ таковъ, что видитъ только въ папѣ верховную власть, а свѣтскимъ правителямъ отводитъ подчиненную, второстепенную роль, слѣдовательно отъ положенія папской власти зависитъ то или другое значеніе всѣхъ свѣтскихъ государей.

Но вопросъ этотъ далеко не исчерпанъ даже теоретически, почему и разрѣшеніе его при настоящей разработкѣ вопроса едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ вопросъ о папствѣ находится въ рукахъ сильнѣйшей изъ католическихъ странъ, Франціи, и если вообще возможна какая-либо благопріятная реформа папства, то не прежде какъ когда Франція будетъ имѣть честное правительство, которое не будетъ относиться къ міровымъ вопросамъ съ точки зрѣнія узкихъ династическихъ интересовъ или интересовъ простаго честолюбія и властолюбія. А когда Франція будетъ имѣть такое правительство, это вопросъ ея внутренней политики; послѣдній же выводъ изъ этого будетъ таковъ: для благопріятной реформы папства нужна предварительно правительственная реформа во Франціи въ духѣ идей, основанныхъ на христіанствѣ, идей, которыя создали Америку и помогли разрѣшить не менѣе важные и сложные вопросы, чѣмъ папство.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Сущность русскихъ дипломатическихъ документовъ по восточному вопросу за два года —Политика Россіи въ этомъ вопросѣ.— Нужно ли намъ признавать необходимость цѣлости Турціи?—Не лучше ли дѣйствовать въ смыслѣ образованія отдѣльнаго независимаго государства изъ христіанскихъ племенъ?—Измѣнчивость французской политики въ восточномъ вопросѣ. Дипломатическія сношенія съ Франціей.—Образчики турецкаго благоустройства.—Разбойничья полиція.—Налоги, которые несутъ турецкіе христіане.—Послѣдняя декларація европейскихъ державъ.— Слухи о перемѣнѣ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.—Римскій вопросъ.—Запутанность политическихъ дѣлъ.—Мнѣнія, высказанныя во французскомъ законодательномъ корпусѣ о военной реформѣ, какъ признакѣ ожиданія войны.—Взрывъ кленкервельской торьмы въ Лондонѣ.—Значеніе феніанскаго движенія.—Сравненіе феніевъ съ поляками.— Извѣстіе объ отмѣнѣ habeas corpus.—Религіозная секта штундовцевъ въ Новороссіи.—Германизація края и способы ея.—Русскіе способы противодѣйствія религіознымъ сектамъ.—Остроумный совѣтъ провинціальнаго кореспондента для препятствованія германизаціи.—Нѣсколько данныхъ о нашей внѣшней торговлѣ.—Новыя правила для пріема дѣтей въ воспитательный домъ.—Нѣсколько мыслей по поводу этого закона и объ ожидаемыхъ отъ него послѣдствіяхъ.

Одновременно съ обнародованіемъ дипломатическихъ документовъ французскимъ, англійскимъ и итальянскимъ кабинетами, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ обнародовало нѣкоторые документы, касающіеся наиболѣе важныхъ для Россіи вопросовъ обще-европейской политики за два предшествовавшіе года. Нельзя не пожалѣть, что документы эти дѣлаются извѣстными русской публикѣ нѣсколько поздно, потому что отсутствіе правительственныхъ разъясненій объ иностранной

политикѣ Россіи нерѣдко служитъ причиной самыхъ разнообразныхъ, а иногда и превратныхъ толкованій политики Россіи въ нашихъ газетахъ. Journal de St. Pétersbourg, хотя и служитъ отголоскомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но недостаточно популяризируетъ свѣденія о томъ или другомъ направленіи русской политики въ европейскихъ вопросахъ. Настоящее опубликованіе дипломатическихъ документовъ, по видимому, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что тюльерійскій кабинетъ въ своей желтой книгѣ употребилъ ноздревскій способъ и нѣкоторую подтасовку, печатая свои дипломатическіе документы. Сравненіе желтой книги съ зеленою книгою итальянскаго правительства и съ русскими документами убѣждаетъ, что французское правительство утаило весьма многіе офиціальные акты по римскому и восточному вопросамъ. Оставляя въ сторонѣ римскій вопросъ, какъ недостаточно развившійся въ дипломатической формѣ, обратимся къ документамъ нашего правительства по восточному вопросу. Первый документъ касается вопроса о слитіи Дунайскихъ княжествъ. Съ изгнаніемъ князя Кузы русское правительство настаивало по этому вопросу, чтобы княжества были раздѣльны, чтобы не былъ избираемъ иностранный принцъ на мѣсто Кузы и чтобы во всемъ были соблюдены принципы трактата, по которому Молдавія и Валахія получили свою автономію. Политика эта, какъ извѣстно, шла въ разрѣзъ съ политикой западныхъ державъ и все осуществившееся на дѣлѣ признано Россіею только какъ совершившійся фактъ, но безъ всякаго съ ея стороны одобренія.

Собственно по восточному вопросу дипломатическая переписка начинается съ сентября прошлаго года, т. е. съ кандійскаго возстанія. Предусматривая турецкую расправу съ христіанами, князь Горчаковъ сначала обратился чрезъ нашего посланника въ Лондонѣ къ англійскому кабинету, предлагая своевременно обмѣняться мыслями съ англійскимъ правительствомъ по восточнымъ дѣламъ и заявивъ намѣренія и основныя начала русской политики въ этомъ вопросѣ. Но эти предложенія, какъ извѣстно, остались безъ послѣдствій во всемъ, что касается собственно Англіи, которая по прежнему стремится поддержать Турцію и, не обращая никакого вниманія на несчастное положеніе христіанъ на востокѣ, отдѣляетъ совершенно свою политику отъ политики Россіи. Надо замѣтить, что поведеніемъ англійскаго правительства усложняется весь ходъ восточнаго вопроса, потому что Порта, находя столь сильную опору въ англійской по-

литикѣ, только при этомъ и можетъ упорствовать и даже высказывать дерзость по отношенію къ Россіи. Аали-Паша требовалъ разъясненія чрезъ турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ, что значатъ слова князя Горчакова: «жребій брошенъ», которыя онъ сказалъ повѣренному Турціи, когда этотъ агентъ довелъ до свѣденія русскаго министра о намѣреніи Порты силой подавить возстаніе на островѣ Кандіи.

Традиціонная политика Россіи, какъ видно изъ обнародованныхъ документовъ, состоитъ въ томъ, чтобы турецкіе христіане постепенно и постоянно развивали свою автономію, оставаясь въ васальныхъ отношеніяхъ къ Турціи. Не пора ли Россіи измѣнить эту неопредѣленную политику на наиболѣе подходящую къ обстоятельствамъ? Кажется, опытъ достаточно убѣдилъ, что христіане не могутъ получить независимости, въ какихъ бы ограниченныхъ отношеніяхъ они не находились къ Турціи. Поэтому вмѣсто цѣлости турецкой имперіи было бы наиболѣе въ духѣ нашей религіи и въ духѣ русскаго безкорыстія настаивать на образованіи отдѣльнаго и независимаго отъ Турціи государства изъ всѣхъ христіанскихъ племенъ, которыя находятся подъ игомъ Турціи. Хотя наше правительство и заявляло, что оно принимаетъ за необходимое условіе требованія отъ Турціи реформъ ея цѣлость, но послѣдній опытъ показываетъ, что никакія реформы въ этомъ смыслѣ недостижимы и русскій народъ едва ли раздѣляетъ мнѣнія правительства по вопросу о цѣлости турецкой имперіи. Еслибы Россія искала завоеваній, то ея требованіе объ образованіи отдѣльнаго государства могло бы быть принято Европою недоброжелательно, но Россія можетъ дать Европѣ полную гарантію, что не воспользуется отъ Турціи ничѣмъ. Настаивать же въ интересахъ развитія христіанской цивилизаціи, въ интересахъ благосостоянія христіанскихъ подданныхъ Турціи, Россія имѣетъ права, равныя со всѣми державами, и ея безкорыстныя настоянія объ образованіи отдѣльнаго государства были бы въ глазахъ Европы не болѣе какъ свободно избраннымъ планомъ для достиженія цѣли, противъ которой не можетъ быть и возраженія. Пусть Европа придумываетъ всевозможныя комбинаціи, чтобы Россія не усилилась на счетъ Турціи, наше дѣло соглашаться на всѣ подобныя комбинаціи, лишь бы достигнута была цѣль христіанскаго преобладанія надъ исламизмомъ. Пусть новое государство дѣлается нейтральнымъ въ родѣ Бельгіи; пусть находится подъ протекторатомъ Англіи и Пруссіи, если Европа не хочетъ уступить этого покровительства надъ хри-

стіанами намъ, но лишь бы подавлено было мусульманство и проложенъ бы былъ широкій путь христіанской цивилизаціи въ среду мусульманскаго міра; о вліяніи и покровительствѣ католической Франціи мы не говоримъ, потому что двѣ могущественнѣйшія протестантскія державы, конечно, не допустили бы ни этого вліянія, ни вообще какого бы то ни было вмѣшательства Франціи въ дѣла востока. Россія должна пожертвовать своими политическими интересами, еслибъ таковые были, лишь бы предоставить торжество идеѣ и освободить христіанъ отъ мусульманскаго владычества; далекое же будущее зависитъ отъ законовъ исторіи, и если въ этомъ далекомъ и неизвѣстномъ будущемъ намъ суждено торжествовать на востокѣ, то никакія политическія ухищренія не лишатъ Россіи ея исторической судьбы, лежащей внѣ ограниченныхъ человѣческихъ соображеній.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о перемѣнчивой политикѣ Франціи въ восточномъ вопросѣ, заимствуя факты изъ обнародованныхъ нынѣ документовъ. Когда русскій посолъ, генералъ Игнатьевъ заявилъ Аали-Пашѣ о томъ, что русскія суда будутъ принимать спасающихся отъ турецкаго варварства кандіотовъ, французскій посланникъ Боньеръ воспротивился этому предложенію въ октябрѣ прошлаго года; англійскій посланникъ далъ уклончивый и двусмысленный отвѣтъ, а итальянскій присоединился къ предложенію г. Игнатьева; въ ноябрѣ же баронъ Будбергъ напротивъ писалъ князю Горчакову изъ Парижа, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ ему соглашеніе между Франціею и Россіею по поводу событій на востокѣ. Общія начала, высказанныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и сдѣланныя имъ увѣренія, что они прямо исходятъ отъ императора Наполеона, были приняты въ Петербургѣ съ полнымъ удовольствіемъ, при чемъ заявлены были мнѣнія русскаго правительства о способахъ разрѣшенія восточнаго вопроса. Въ кандійскомъ дѣлѣ русское правительство признало безполезными всякія паліативныя мѣры и предложило присоединить островъ Кандію къ Греціи съ тѣмъ, что еслибы это предложеніе показалось слишкомъ радикальнымъ, то сдѣлать островъ Кандію самоуправляющимся государствомъ, связаннымъ съ Портою только васальными отношеніями, подобно дунайскимъ княжествамъ. Русское правительство предложило эту сдѣлку, какъ мѣру переходную къ окончательному присоединенію острова Кандіи къ Греціи, которое въ всякомъ случаѣ рано или поздно окажется неизбѣжнымъ. Кромѣ того обращено было вниманіе Франціи на готовящееся

обширное возстаніе турецкихъ христіанъ. Полагая, что въ этомъ случаѣ ни одна христіанская держава не приметъ стороны Турціи, русское правительство предложило Франціи условиться въ главныхъ основаніяхъ политики по восточному вопросу. Въ этомъ духѣ начались переговоры русскаго кабинета съ французскимъ осенью прошедшаго года. Въ тоже время начались сношенія съ Австріею. Баронъ Бейстъ соглашался съ воззрѣніями русскаго правительства, выразивъ мнѣніе, что Австрія благопріятствуетъ желаніямъ христіанскаго населенія Турціи и одобряетъ автономію христіанскихъ племенъ съ условіемъ васальныхъ отношеній къ Портѣ. Послѣ этого Россія сдѣлала свои предложенія Англіи и сообщила о нихъ въ Берлинъ. Затѣмъ было сдѣлано предложеніе Турціи на счетъ присоединенія острова Кандіи къ Греціи. Въ февралѣ настоящаго года французскій посланникъ въ Петербургѣ, г. Талейранъ прочелъ князю Горчакову телеграмму маркиза Мутье, извѣщавшую о томъ, что представителю Франціи въ Константинополѣ поручено «убѣдить Порту въ нравственной и матеріальной невозможности сохранить за нею островъ Кандію и въ необходимости предоставить самому населенію острова рѣшеніе его участи». По видимому, слѣдовало ожидать полнаго соглашенія въ кандійскомъ вопросѣ между Франціею, Австріею и Россіею. Англія же не присоединилась къ этой политикѣ и въ этомъ слѣдовало видѣть неискренность французскаго правительства, потому что вообще оно едва-ли когда-либо отдѣлитъ свою дѣйствительную политику отъ англійской или, говоря иными словами, перестанетъ быть въ подчиненіи у Англіи. Послѣдствія совершенно оправдываютъ такой взглядъ. Когда князь Горчаковъ перешелъ къ вопросу объ остальныхъ турецкихъ христіанахъ, между Россіею и Франціею возникло разногласіе и начались старинные споры о томъ, достаточно-ли гарантируютъ христіанъ турецкія обѣщанія, выраженныя въ Гатти-Гумаюнѣ 1856 г. Франція доказывала, что документъ этотъ достаточенъ, Англія утверждала то-же. Между тѣмъ генералъ Игнатьевъ предложилъ въ Константинополѣ потребовать отъ Порты прекращенія военныхъ дѣйствій и послать особыхъ комисаровъ отъ иностранныхъ посольствъ присутствовать при преполагавшемся плебесцитѣ. Англія отказалась отъ участія въ этомъ предложеніи; французскій же посолъ, не смотря на видимую одинаковость политики французскаго и русскаго правительствъ по восточному вопросу, также не рѣшился принять предложенія генерала Игнатьева, но сообщилъ о немъ въ Парижъ и потребовалъ ин-

струкцій. Россія желала прекращенія военныхъ дѣйствій для наиболѣе удобнаго обсужденія общихъ мѣръ въ пользу турецкихъ христіанъ. Державы, кромѣ Англіи, присоединились къ Россіи въ отношеніи лишь прекращенія военныхъ дѣйствій на островѣ Кандіи; что-же касается до предоставленія гарантій турецкимъ христіанамъ и реформъ, необходимыхъ для улучшенія ихъ судьбы, то Франція придержалась прежняго своего взгляда. Затѣмъ вручена была Портѣ тождественная нота, составленная маркизомъ Мутье при содѣйствіи русскаго посланника. Въ нотѣ было высказано, что кровопролитіе на островѣ должно быть прекращено и что необходимо предоставить населенію острова рѣшить вопросъ о дальнѣйшей его судьбѣ. Англія не приняла участія въ составленіи этой ноты и, какъ надо думать, настояла на томъ, чтобы и Франція измѣнила свою политику. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года князь Горчакокъ напомнилъ г. Талейрану, что пора дать фактическія доказательства намѣреній тюльерійскаго кабинета, но вмѣсто этихъ доказательствъ начинаетъ обнаруживаться уклончивая политика тюльерійскаго кабинета. Нельзя-ли объяснить также эту перемѣну въ политикѣ Франціи тѣмъ, что императоръ французовъ считалъ необходимымъ показывать видъ сближенія съ Россіею для того, чтобы ожидавшееся въ то время посѣщеніе выставки Государемъ Императоромъ перешло въ совершившійся фактъ. Послѣ Зальцбургскаго свиданія князь Горчаковъ писалъ уже отъ 27 августа барону Будбергу, что свиданіе это ослабляетъ нравственное вліяніе Россіи и Франціи на Порту. За этимъ свиданіемъ дѣлается яснымъ, что Франція соединяетъ свою политику съ австрійскою, почему и всѣ переговоры въ Ливадіи и въ Константинополѣ не имѣли никакого благопріятнаго для христіанъ результата. Порта, какъ извѣстно, наотрѣзъ отказала въ присоединеніи Кандіи къ Греціи и вмѣсто изслѣдованія дѣла на мѣстѣ съ участіемъ представителей европейскихъ державъ провозгласила лишь срочную и весьма ограниченную амнистію, требуя отъ кандійцевъ безусловной покорности. Заключеніемъ переговоровъ является колективная декларація, составленная въ Петербургѣ, которою державы снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Турціи. Объ этомъ документѣ мы говорили уже въ прошедшемъ мѣсяцѣ.

Перемѣну французской политики объясняютъ кромѣ того и тѣмъ, что Австрія заявила себя преданною союзницею Франціи противъ усиливающейся Пруссіи.

Въ обнародованныхъ нынѣ дипломатическихъ документахъ содержится много обличительныхъ изслѣдованій о злоупотребленіяхъ въ Турціи. Такъ напр. говорится, что, за исключеніемъ только Константинополя, да двухъ или трехъ большихъ городовъ имперіи, турецкая полиція сама нарушаетъ общественный порядокъ и безопасность лицъ и имуществъ вмѣсто того, чтобъ ихъ охранять; она составляетъ одну изъ главныхъ причинъ страданій христіанскаго населенія. *Личный составъ полиціи обыкновенно набирается въ тюрьмахъ, между разбойниками и ворами*, которые избѣгаютъ преслѣдованія закона. Отсюда проистекаетъ постоянное соумышленничество между агентами администраціи и злодѣями. Получая недостаточное и неправильно уплачиваемое содержаніе, заптіи вознаграждаютъ себя вымогательствами и поборами съ населенія, которое боится больше появленія полицейскихъ агентовъ, чѣмъ разбойниковъ, и покупаетъ ихъ удаленіе посредствомъ денежнаго взноса. Еще не такъ давно адріанопольскія власти вынуждены были положить конецъ злодѣйствамъ Али-Пеклевана, полицейскаго чиновника, уличеннаго въ томъ, что, во время своихъ инспекторскихъ объѣздовъ во внутренности страны, онъ совершилъ много убійствъ и собралъ вымогательствами болѣе миліона піастровъ. Взиманіе податей, въ особенности-же десятой части съ сельскихъ продуктовъ, даетъ поводъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ. Колекторы и сборщики обкладываютъ подлежащихъ сбору безграничнымъ и безконтрольнымъ платежемъ; они налагаютъ на нихъ всевозможныя повинности, какъ для собственнаго своего содержанія, такъ и для отправленія подводной повинности подъ собранные продукты. Объ этомъ офиціально было заявлено во временномъ наказѣ объ управленіи Болгаріею, изданномъ въ 1860 г. великимъ визиремъ Мехемедъ-Киприсли-пашею. Параграфъ 5-й этого наказа запрещаетъ сборщикамъ и фермерамъ десятиннаго налога жить на счетъ деревень и требовать въ свою пользу какихъ бы ни было повинностей; по странному смѣшенію понятій о правосудіи, параграфъ этотъ грозитъ наказаніемъ закона не сборщикамъ, но тѣмъ «кто будетъ вынужденъ поставить имъ даромъ припасы или выполнять на нихъ работы». Откупная система, одно время уничтоженная, была возстановлена повсюду, а правительственные чиновники скрываютъ это отъ публики, прикрывая воспрещеніе брать на откупъ налоги вымышленными названіями. Сверхъ личныхъ податей, десятины, военнаго налога и мѣстныхъ повинностей всѣхъ родовъ, правительство

время отъ времени взимаетъ экстренную подать, называемую «имдадіе», или пожертвованіе въ пособіе султану и простирающуюся до 60% общей суммы всѣхъ прочихъ налоговъ. Подъ такимъ названіемъ собрана была въ ноябрѣ 1866 г. сумма въ 12,500,000 піастровъ въ дунайскомъ виляйетѣ. По слѣдующимъ цифрамъ можно судить, въ какой пропорціи налоги лежатъ на христіанскомъ населеніи имперіи Въ 1844 году сумма контрибуцій, собранныхъ съ Босніи, достигала 400,000 гульд. Въ настоящее время она равна 7,000,000, а между тѣмъ ни населеніе, ни благосостояніе края не сдѣлали замѣтныхъ успѣховъ въ этотъ промежутокъ времени.

Съ тѣхъ поръ какъ упомянутая декларація, освободивъ себя отъ отвѣтственности за будущность Турціи, т. е. иными словами, предоставивъ Турціи дѣйствовать такъ, какъ она хочетъ, чего именно, замѣтимъ здѣсь, Порта постоянно и добивается, восточный вопросъ, по видимому, остановился. По крайней мѣрѣ нѣтъ въ виду никакихъ фактовъ, которые бы свидѣтельствовали о какомъ либо движеніи его въ ту или другую сторону. Депеши послѣднихъ дней извѣщаютъ, что представители Россіи во Франціи, Австріи и Турціи отправились въ Петербургъ. Надо полагать, что съѣздъ этихъ дипломатовъ не останется безъ послѣдствій относительно обсужденія восточнаго вопроса. Изъ всей предъидущей политики нашего правительства по восточному вопросу видно, что Россія постоянно поддерживала этотъ вопросъ, обращая на него самымъ усерднымъ образомъ вниманіе Европы. Слѣдовательно если возможны какія либо дальнѣйшія комбинаціи по восточному вопросу, то онѣ должны выйти изъ русскаго кабинета. О съѣздѣ нашихъ дипломатовъ иностранныя газеты трактуютъ въ томъ смыслѣ, что это предвѣщаетъ, будто вскорѣ послѣдуетъ перемѣна въ управленіи нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Слухъ этотъ распространился и въ Петербургѣ съ добавленіемъ, что политика Россіи съ ожидаемой перемѣной приметъ воинственное направленіе. Но все это не болѣе какъ слухи, хотя во всякомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть въ съѣздѣ нашихъ дипломатовъ мѣру колективнаго обсужденія важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ.

Римскій вопросъ, подобно восточному, также остановился на такой точкѣ, съ которой не предвидится вскорѣ дальнѣйшаго движенія. Съ тѣхъ поръ какъ французскій государственный министръ Руэръ заявилъ въ законодательномъ корпусѣ, что Италія никогда не будетъ владѣть Римомъ, конференція, созываемая Франціею, дѣлается или вовсе невозможною, или не обѣщаетъ никакого благопріятнаго результата. Цѣлью этой конференціи въ настоящее время можетъ быть только укрѣпленіе свѣтской власти папы или огражденіе его неприкосновенности, болѣе прочное, чѣмъ достигаетъ этого сентябрьская конвенція. Италія, конечно, глубоко была оскорблена и поражена словами Руэра, оскорблена болѣе, чѣмъ самымъ вмѣшательствомъ Франціи въ римское дѣло, но Италія одна бороться съ Франціею не можетъ; что же касается до союзовъ, какъ наприм. съ Пруссіею, то, вѣроятно, такіе союзы еще не созрѣли. Папа недавно произнесъ алокуцію, въ которой упомянулъ съ восторгомъ, «о благородныхъ словахъ, сказанныхъ во французскомъ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ въ защиту правъ святаго престола, которыя были привѣтствованы одобреніемъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей»! Кромѣ того папа отозвался съ благодарностью о помощи, посланной «могущественнымъ императоромъ благородной Франціи» въ Римъ, и о храбрыхъ его солдатахъ «подъ командою ихъ отличныхъ начальниковъ, проливавшихъ свою кровь за папство при Ментанѣ и Монте-Ротондо». Святой отецъ въ порывѣ своей благодарности оказалъ императору Наполеону чисто медвѣжью услугу. Онъ обнаружилъ то, что французское правительство старалось замаскировать, именно участіе французскихъ войскъ въ дѣлѣ съ гарибальдійцами. Теперь нельзя уже сомнѣваться, что французскія войска не только охраняли его святѣйшество, но и сражались, проливая свою кровь за папство, какъ выразился Пій IX. Однимъ словомъ, французское правительство вмѣшалось прямо во внутреннія дѣла сосѣдняго государства, вступивъ безъ всякаго права въ чужіе предѣлы съ оружіемъ.

Настоящая запутанность политическихъ дѣлъ имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что маски почти сброшены и скрытыя намѣренія дѣлаются явными. Теперь смѣло можно назвать мыльнымъ пузыремъ политическую доктрину императора Наполеона о невмѣшательствѣ одного государства въ дѣла другаго. Онъ проповѣдуетъ эту доктрину тогда, когда не представляется надобности вмѣшиваться Франціи въ чьи-либо дѣла; самъ же онъ, какъ доказалъ на дѣлѣ, не

примѣняетъ къ себѣ ученія, которыя такъ энергично навязываетъ другимъ.

Не смотря на то, что нѣтъ въ виду симптомовъ, прямо угрожающихъ войной, нельзя однако вѣрить въ продолжительность мира. Вотъ что говорилось недавно во французскомъ законодательномъ корпусѣ при обсужденіи закона о военной реформѣ, которая, какъ извѣстно, требуетъ огромнаго увеличенія арміи въ военное время, т. е. возможности увеличивать армію во время самой войны. Самый этотъ проэктъ, какъ оказывается, есть результатъ какихъ либо тревожныхъ намѣреній императора Наполеона. Депутатъ Грелье сказалъ, что всеобщее равновѣсіе нарушено и не можетъ быть возстановлено ни усиліями правительствъ, ни согласіемъ народовъ и что оно будетъ возстановлено только посредствомъ войны; почему ораторъ и настаивалъ на принятіи закона, желая, чтобы Франція готова была встрѣтить войну. При этомъ онъ прибавилъ, однако, что въ будущемъ, *весьма близкомъ* времени слѣдствіемъ новаго военнаго закона окажется уменьшеніе военныхъ силъ Франціи, предполагая увеличеніе ихъ не для ближайшей, но для отдаленной войны. Маршалъ Маньянъ отозвался о проэктѣ закона, что принятіе его будетъ имѣть вліяніе на развитіе населенія и производительность и встревожитъ Европу. Опозиціонные ораторы, особенно Пикаръ и Жюль Фавръ, нападали на законъ. Пикаръ считаетъ его для мирнаго времени обременительнымъ, а для военнаго неудовлетворительнымъ; причемъ онъ намекнулъ, что законъ этотъ задуманъ послѣ битвы при Садовой. Кромѣ того ораторъ заявилъ желаніе, чтобы право объявленія войны предоставлено было законодательному корпусу, прибавивъ, что разсматриваемый законъ предназначается для поддержанія тайной политики, которая должна разоблачиться только въ минуту исполненія, между тѣмъ страна желаетъ открытой политики. Жюль Фавръ требовалъ относительно военнаго закона объясненія отъ правительства, признавъ недостаточными краткія объясненія, сдѣланныя Руэромъ, который только протестовалъ противъ толкованія закона въ смыслѣ приготовленія къ болѣе или менѣе далекой войнѣ. Министръ присовокупилъ, что еслибы правительство имѣло въ виду войну, то потребовало бы немедленнаго увеличенія силъ и не представило бы проэкта, по которому силы эти должны увеличиваться медленно и постоянно. Настоящій проэктъ, по увѣренію г. Руэра, не выражаетъ нисколько заботъ о войнѣ и правительство думаетъ только объ обез-

печеніи независимости отечества. Но слова и мысли опозиціонныхъ депутатовъ всегда заслуживаютъ большаго довѣрія, потому что они вообще стремятся къ открытой политикѣ, правительство же Наполеона III наоборотъ постоянно скрывало свои истинныя намѣренія и цѣли.

Недавно телеграфъ сообщилъ изъ Вѣны, что тамъ обнародованы новая конституція, утвержденная императоромъ, и основные законы объ общихъ правахъ гражданъ, о судебной и исполнительной власти и о политическомъ судѣ. Можно потерять счетъ австрійскихъ конституцій и различныхъ патентовъ; такъ часто онѣ создаются въ искуственной австрійской имперіи. Можно сказать положительно, что австрійская конституція мѣняется каждый разъ, какъ скоро мѣняется министерство. Эта послѣдняя конституція есть конституція барона Бейста, конституція дуализма и двусмысленнаго либерализма. По всей вѣроятности, въ слѣдующемъ выпускѣ нашего журнала мы будемъ уже имѣть случай говорить подробно о содержаніи новой австрійской конституціи, въ особенности по отношенію къ интересамъ и правамъ славянъ.

Въ Лондонѣ недавно совершилось происшествіе, которое обращаетъ на себя вниманіе не столько своей трагической стороной, сколько прикосновенностью этого происшествія къ политическоиу движенію ирландскихъ феніевъ. Мы говоримъ о взрывѣ стѣны Клеркенвельской тюрьмы, въ которой содержались феніи, арестованные во время слѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что казнь нѣсколькихъ феніевъ, обвиненныхъ въ возмущеніи, была причиной попытки освободить тѣхъ, которые находились подъ арестомъ. Правительство энергически разъискиваетъ виновныхъ, предлагая 300 фунт. стерлинговъ вознагражденія тому, кто доставитъ свѣденіе объ участникахъ взрыва, и обѣщаетъ помилованіе, если лице, которое доставитъ это свѣденіе, само состояло въ феніанскомъ заговорѣ. Заговоръ феніевъ это нѣчто въ

родѣ нашего польскаго возмущенія. Основные мотивы движенія феніевъ и поляковъ совершенно одинаковы, съ тою лишь разницею, что феніи суть католики подъ владычествомъ протестантскаго государства, а поляки католики подъ владычествомъ православнаго. Эти движенія католиковъ являются какъ продолженіе той борьбы католицизма съ реформаціею, которая началась съ XVII вѣка. Какъ феніи, такъ и поляки въ равной степени служатъ слѣпыми орудіями католицизма, воплотившагося въ монашествующіе ордена и папство. Изъ послѣднихъ лондонскихъ депешъ видно, что феніи намѣреваются, какъ ходятъ слухи, сдѣлать нападеніе на Осборнъ, куда потому и посланы двѣ гвардейскія роты. Депеша также сообщаетъ слухъ о намѣреніи правительства предложить остановку дѣйствія закона о личной неприкосновенности (habeas corpus). Депеша не объясняетъ, на какую мѣстность, на одну ли Ирландію или и на Англію предполагается распространить отмѣну закона о неприкосновенности. Во всякомъ случаѣ мѣра эта, если слухъ объ ней оправдается, будетъ доказывать, что англійское правительство имѣетъ дѣло съ заговоромъ весьма серьезнымъ и опасается значительныхъ безпорядковъ, потому что отмѣна habeas corpus есть крайняя мѣра въ сферѣ административныхъ дѣйствій правительства. Свобода совѣсти и уравненіе правъ католиковъ съ протестантами въ Англіи—начала, столь одобряемыя теоретически, приносятъ въ свободной Англіи плоды, далеко не отвѣчающіе благороднымъ упованіямъ, вытекающимъ изъ признанія безусловной нравственной свободы человѣка. Католичество пользуется свободой не для нея самой, а для того, чтобы завлекать въ свои сѣти людей другихъ вѣроисповѣдныхъ формъ, и имѣетъ постоянно въ виду преобладаніе католицизма и папства надъ всѣми другими исповѣданіями и надъ свѣтской властью государей. Съ тѣхъ поръ какъ католики пользуются полною свободою въ Великобританіи, пропаганда католицизма сопровождается весьма значительными успѣхами. Если протестантскій элементъ въ Англіи не съумѣетъ себя отстоять отъ напора католицизма, то англійской свободѣ и умственному величію Англіи не обойтись безъ потрясеній и задерживающихъ вліяній.

Въ одной изъ недавнихъ газетныхъ кореспонденцій изъ Новороссіи разсказывается объ открытой тамъ религіозной сектѣ *«штундъ»* или *часовники*, обращающей на себя особенное вниманіе какъ по религіозному характеру секты, такъ и по ея происхожденію. Названіе секты происходитъ отъ нѣмецкаго слова Stunde—*часъ*, что́ прямо указываетъ на ея происхожденіе изъ новороссійскихъ нѣмецкихъ колоній. Богослуженіе сектантовъ состоитъ въ чтеніи новаго завѣта, преимущественно по книгамъ, гдѣ имѣется русскій переводъ; многіе говорятъ проповѣди, поютъ *нѣмецкіе* псалмы; если случится при богослуженіи толковый нѣмецъ, то ему поручаютъ читать *нѣмецкую* библію съ тѣмъ, чтобы онъ читаемое переводилъ и объяснялъ; славянской же библіи не читаютъ, потому что не понимаютъ ея языка. Иконъ, праздниковъ и постовъ не признаютъ. На церковные обряды смотрятъ съ пренебреженіемъ, считая ихъ поповскимъ изобрѣтеніемъ, но всѣ требованія церкви наружно исполняютъ. Пьяницъ между сектантами почти нѣтъ. Другъ другу охотно помогаютъ. Кореспондентъ прибавляетъ, что обо всемъ этомъ производится слѣдствіе и нѣсколько человѣкъ штундовцевъ уже *посажено въ острогъ*.

Послѣдователи секты, какъ утверждаетъ кореспондентъ, состоятъ исключительно изъ малороссовъ.

Пѣніе *малороссами* псалмовъ на *нѣмецкомъ* языкѣ, чтеніе на этомъ же языкѣ библіи и распространеніе самой секты не въ городахъ, а въ селеніяхъ служатъ свидѣтельствомъ того, что германизація новороссійскаго края началась весьма успѣшно и пустила корни въ глубь страны. Секта, очевидно, имѣетъ протестантскій характеръ, потому что вся ея особенность, сколько можно заключить изъ кореспонденціи, состоитъ въ устраненіи богослужебныхъ формальностей, если не считать сектантствомъ нарушенія праздниковъ и постовъ, что весьма распространено въ среднемъ и высшемъ русскомъ обществѣ, особенно въ большихъ городахъ и столицахъ, и не считается сектантствомъ.

Итакъ передъ нами фактъ пропаганды, весьма сложной и сильной соединеніемъ и взаимодѣйствіемъ двухъ могущественныхъ элементовъ, дѣйствующихъ на нравственную сторону человѣка: языка и религіи. Германскій элементъ, какъ мы видимъ, распространяется путемъ религіознаго ученія, опирающагося на языкъ, и путемъ языка, имѣющаго опору въ распространяемомъ ученіи.

До сихъ поръ наши западныя окраины, исключая прибалтійскія

губерніи, испытывали на себѣ натискъ полонизма и католичества, теперь являются германизмъ и протестантская пропаганда. Имѣнія поляковъ, подлежавшія обязательной продажѣ къ 10 декабря, какъ извѣстно изъ газетъ, пріобрѣтены по большей части прибалтійскими дворянами нѣмецкаго происхожденія. Надо сказать, что мы пріобрѣли хорошее противоядіе противъ полонизма и католичества; но это нисколько не способствуетъ усиленію собственно-русскаго элемента. Краткость нашихъ замѣтокъ не дозволяетъ намъ вдаваться въ изслѣдованіе громаднаго философско-историческаго вопроса объ условіяхъ торжества той или другой народности и той или другой вѣроисповѣдной формы христіанства въ западной половинѣ Россіи, сдѣлавшейся издавна ареной религіозной и политическо-культурной борьбы между западомъ и востокомъ Европы; но нельзя не замѣтить, что одна репресивная политика въ дѣлѣ религіознаго разномыслія не можетъ доставить торжества ни русской народности, ни православію въ окраинахъ нашего отечества, соприкасающихся съ народностями европейскаго запада. Россія не могла избѣгнуть западной пропаганды, потому что идеи распространяются, не стѣсняясь територіальными границами; въ нашемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать продолженія тогоже натиска со стороны католичества и протестантства, подъ вліяніемъ котораго создалась вся исторія западной Россіи и новые симптомы котораго обнаруживаются постоянно. Если со стороны Россіи будетъ противопоставляться одно только производство полицейско-судебныхъ слѣдствій и сажаніе въ острогъ, однимъ словомъ, если въ дѣлахъ религіознаго разномыслія, которыя мы привыкли называть расколомъ и сектантствомъ, уголовное преслѣдованіе будетъ продолжать служить панацеей для доставленія торжества господствующей церкви и русской народности, то успѣхи наши въ будущемъ не могутъ не казаться сомнительными. Становые пристава, судебные слѣдователи и остроги суть самые худые проводники религіозныхъ убѣжденій, самые неестественные руководители совѣсти.

Авторъ приводимой нами кореспонденціи съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ сообщаетъ, что «объ этомъ производится слѣдствіе и нѣсколько человѣкъ штундовцевъ посажено въ острогъ.» Желательно знать, имѣетъ ли эта секта какое либо *противогосударственное* начало и въ чемъ содержится ея уголовная преступность, вызвавшая сажаніе въ острогъ. Судебный ли слѣдователь, или какая нибудь компетентная власть рѣшила, что секта штундовцевъ, исполняющихъ

наружно (будто слѣдователь или кто другой можетъ узнать и то, исполняется ли *внутренно*, въ совѣсти, тотъ или другой обрядъ) всѣ требованія церкви, до такой степени преступна, что противъ прозелитовъ должна быть принята *предварительная* мѣра и именно тюремное заключеніе.

Мы живемъ въ тяжелый въ нравственномъ отношеніи періодъ, въ періодъ самыхъ непроходимыхъ противорѣчій между идеями и дѣйствительностью. Многое, что прежде не было противорѣчіемъ господствовавшимъ идеямъ, теперь является вопіющимъ противорѣчіемъ. Это отличительная черта нашего времени и наиболѣе выражающаяся въ русской жизни. Скоро-ли настанетъ примиреніе этихъ противорѣчій?...

Кореспонденція, о которой мы говоримъ, содержитъ между прочимъ соображенія о томъ, какими средствами остановить германизацію Новороссіи; въ числѣ этихъ соображеній мы находимъ совѣтъ выселять постепенно нѣмецкихъ колонистовъ внутрь Россіи, въ разбросъ, т. е. мелкими группами, а въ замѣнъ ихъ поселять великоруссовъ, малороссовъ, болгаръ, молдованъ и проч. Мѣра эта обнаруживаетъ, что авторъ ея постоянно обитаетъ въ странѣ овцеводства и примѣняетъ къ культурнымъ вопросамъ способы распространенія той или другой породы овецъ. Насильственныя переселенія, каково предлагаемое переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ, окончательно потеряли всякій кредитъ въ государственномъ хозяйствѣ, они даже считаются невозможными и только могутъ приходить въ голову самымъ празднымъ изъ провинціальныхъ кореспондентовъ.

Департаментъ внѣшней торговли издалъ первую часть книги: «Виды россійской внѣшней торговли за 1866 г.,» заключающую въ себѣ свѣденія о торговлѣ на европейской границѣ. По сравненіи привоза и вывоза оказывается, что вывозъ превосходилъ количество привоза на сумму около 21 миліона рублей; въ теченіе же десятилѣтія привозъ увеличился на 75 миліоновъ, а вывозъ только на $51^2/_5$ мил. руб.; привозные товары состояли преимущественно изъ предметовъ роскоши или по крайней мѣрѣ второстепенныхъ потребностей, исключая машины, металическія издѣлія, хлопокъ и шерсть, которыя составляютъ для Россіи предметы необходимые.

Приводимъ нелишенный интереса выводъ о торговлѣ по государ-

ствамъ: въ послѣднія шесть лѣтъ привозъ къ намъ товаровъ изъ Англіи увеличился на 11³/₅ миліоновъ, или на 25°/o, а вывозъ туда нашихъ товаровъ поднялся на 25 миліоновъ, или на 30°/o, слѣдовательно въ Англію продано нами болѣе, чѣмъ куплено; съ Пруссіей наоборотъ, ввозъ товаровъ оттуда превосходитъ почти въ 2¹/₂ раза вывозъ нашихъ товаровъ, причемъ ввозъ почти утроился съ 1861 г., а вывозъ увеличился только на 40°/o. Слѣдуетъ замѣтить, что чрезъ прусскую границу привозится къ намъ значительная часть товаровъ французскихъ и англійскихъ, которыя считаются у насъ прусскими, потому что получаются чрезъ прусскую границу. Франція продаетъ намъ немного менѣе, чѣмъ покупаетъ у насъ; вообще же наши торговыя сношенія съ Франціей ослабѣли. Съ Голандіей ввозные обороты уменьшились и вывозъ увеличился почти на 30°/o, съ Турціей наоборотъ; съ Италіей и Австріей обмѣнъ почти не измѣнился.

Если принять въ соображеніе экономическое потрясеніе, послѣдовавшее за 19 февраля, и невыгодное положеніе нашихъ денежныхъ и финансовыхъ дѣлъ, то внѣшніе торговые обороты Россіи должны быть признаны успѣшными.

Нѣтъ сомнѣнія, что совершаемый нынѣ пересмотръ тарифа направленъ будетъ къ усиленію торговыхъ оборотовъ, потому что заявленная министерствомъ финансовъ цѣль пересмотра, состоящая въ увеличеніи таможеннаго дохода, не можетъ быть осуществима безъ расширенія торговыхъ оборотовъ.

Наша вывозная торговля ограничивается преимущественно сырыми произведеніями, какъ-то: хлѣбъ (въ 1866 году вывезено хлѣба на 74 мил.), ленъ, льняное сѣмя, сало, шерсть, лѣсной товаръ, пенька, щетина, скотъ, кожи и т. п; произведенія эти находятся въ прямой зависимости отъ сельско хозяйственной дѣятельности, которая именно и не вступила еще у насъ на нормальный путь; слѣдовательно мы вправѣ ждать громаднаго развитія нашихъ торговыхъ оборотовъ, какъ скоро сельско-хозяйственная дѣятельность въ Россіи послѣ реформы освоится съ новыми условіями, возникшими съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Въ 1856 г. вывезено было хлѣба на 56¹/₅ мил., въ 1860 г. на 63¹/₃, въ 1865 г. на 61¹/₃, а въ 1866 г. уже на 73³/₅ миліоновъ рублей; слѣдовательно если въ самое невыгодное, переходное время отпускъ хлѣба постоянно возросталъ, то съ улучшеніемъ сельско-хозяйственныхъ условій, чего

вправѣ ожидать Россія по мѣрѣ того, на сколько прежній порядокъ дѣлается болѣе и болѣе отдаленнымъ, заграничный отпускъ сельско-хозяйственныхъ произведеній не можетъ не возрастать.

Въ виду живыхъ фактовъ, которыми выражается успѣхъ нашего развитія, едва-ли могутъ имѣть мѣсто тѣ сомнѣнія и тотъ безнадежный песимизмъ, которые не такъ еще давно сбивали съ толку общественное мнѣніе страны.

Недавно опубликованы были правительствомъ особыя правила для пріема въ здѣшній воспитательный домъ дѣтей; правила эти предположено ввести въ дѣйствіе въ видѣ опыта на два года и притомъ не ранѣе какъ чрезъ три мѣсяца по распубликованіи, считая съ декабря, чтобы до того времени, независимо отъ офиціальнаго обнародованія, правила эти получили наибольшую извѣстность чрезъ журналистику.

Обѣ эти принятыя опекунскимъ совѣтомъ предосторожности доказываютъ, что новыя правила существенно измѣняютъ характеръ нашего филантропическаго учрежденія и что правительство дѣлаетъ только опытъ, вводя временно новыя правила, не будучи увѣрено въ томъ, что они достигнутъ доброй цѣли безъ всякихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для той доли общества, которая нуждается въ пособіи воспитательнаго дома, и вообще не отразятся вредно на несчастной судьбѣ дѣтей, обреченныхъ съ первыхъ моментовъ жизни на всѣ недостатки общественнаго воспитанія.

Мотивъ новаго закона, какъ объясняется въ указѣ сената, состоитъ въ томъ, чтобы сократить массу отдаваемыхъ въ воспитательный домъ дѣтей до крайнихъ предѣловъ, безъ нарушенія однако прямой и священной обязанности воспитательныхъ домовъ—спасать жизнь несчастно-рожденнымъ. Для этой цѣли, говоритъ указъ, оказались нынѣ необходимыми коренныя, хотя отнюдь не крутыя, мѣры, цѣль коихъ заключается въ томъ, чтобы: 1) сохраняя по прежнему тайну рожденія, уменьшить по возможности приносъ дѣтей, равно смертность и расходы, сопряженные съ накопленіемъ младенцевъ въ воспитательномъ домѣ; 2) затруднить всѣми средствами подложный приносъ законныхъ дѣтей подъ видомъ незаконныхъ и 3) открывать двери раскаянію дозволеніемъ получать дѣтей обратно. Для осуществленія этихъ мѣръ опекунскій совѣтъ получилъ утвержденіе проек-

тированныхъ имъ слѣдующихъ правилъ: 1) дѣтей, приносимыхъ въ воспитательный домъ въ первые десять дней по рожденіи, или съ видимыми признаками обрѣзанной пуповины, принимать безпрепятственно во всякое время дня и ночи, какъ это дѣлается и въ настоящее время; 2) младенцы, принятые въ домъ въ первые дни по рожденіи безъ метрическихъ свидѣтельствъ, возвращаются безвозмездно отдавшимъ ихъ матерямъ или другимъ лицамъ, лишь въ теченіе первыхъ шести недѣль со дня отдачи тѣхъ младенцевъ въ домъ; послѣ же сего срока они никогда не возвращаются; 3) дѣтей, приносимыхъ въ воспитательный домъ послѣ десятидневнаго срока по ихъ рожденіи или послѣ отпаденія пуповины, принимать не иначе, какъ крещеными, съ представленіемъ запечатаннаго конверта, въ коемъ должно быть вложено церковное метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи отдаваемаго въ домъ младенца, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ церковной печати и съ особой надписью на конвертѣ; 4) приносимые въ воспитательный домъ младенцы съ метрическими о ихъ рожденіи свидѣтельствами возвращаются родителямъ или родственникамъ не иначе, какъ по уплатѣ расходовъ, понесенныхъ воспитательнымъ домомъ по содержанію просимаго къ возвращенію ребенка какъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ дома, такъ и въ деревнѣ; 5) съ дѣтьми, присланными изъ родовспомогательнаго заведенія и больницъ, поступать сообразно съ вышеизложенными правилами и 6) подкидыши, т. е. дѣти, оставляемыя внѣ мѣстъ, назначенныхъ для приноса дѣтей, принимаются въ воспитательный домъ; но объ нихъ немедленно сообщается мѣстной полиціи для производства слѣдствія; а въ случаѣ открытія отца или матери подкинутаго дитяти оно возвращается по принадлежности; въ противномъ случаѣ оно принимается наравнѣ съ дѣтьми, приносимыми въ теченіе первыхъ десяти дней послѣ рожденія.

Признавая вполнѣ уважительными и причины, вызвавшія этотъ законъ, и цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, нельзя однако избавиться отъ сомнѣнія въ томъ отношеніи, можетъ ли быть достигнута цѣль закона вновь вводимыми правилами и не отразятся ли они вредно на судьбѣ дѣтей и нравственности людей, прибѣгающихъ къ воспитательному дому. Опекунскій совѣтъ желаетъ избавиться отъ дѣтей законныхъ, приносимыхъ подъ видомъ незаконныхъ. Очень можетъ быть, что число законныхъ дѣтей, отдаваемыхъ въ воспитательный домъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ число незаконныхъ; но новыя

правила вовсе не предупреждаютъ этого подлога, потому что въ первые десять дней по рожденіи принимаются дѣти по прежнему безъ всякихъ формальностей, слѣдовательно могутъ быть приносимы и законные; послѣ десяти-дневнаго срока требуются свидѣтельства о незаконности рожденія дѣтей; но тѣмъ, кто захотѣлъ бы подложнымъ образомъ принести законно-рожденнаго ребенка, послѣ 10-дневнаго срока, какъ это дѣлается нынѣ, едва ли трудно будетъ добыть для этого свидѣтельство, требуемое для незаконно-рожденныхъ дѣтей; свидѣтельства для сохраненія тайны рожденія остаются навсегда запечатанными, слѣдовательно не представляется никакого затрудненія принести законно-рожденнаго ребенка со свидѣтельствомъ, добытымъ отъ женщины, родившей незаконнаго ребенка, окрестившей его до 10 дней и отнесшей въ воспитательный домъ безъ свидѣтельства, которое затѣмъ можетъ быть передано для отдачи въ воспитательный домъ всякаго законно-рожденнаго ребенка. Подлоги и промыслъ подобными свидѣтельствами не только слѣдуетъ предположить, но необходимо допустить, что они немедлено явятся, потому что, какъ оказывается, подлогъ въ принесеіи законно-рожденныхъ дѣтей подъ видомъ незаконныхъ уже весьма распространенъ; что же касается наклонности къ легкому промыслу со стороны тѣхъ, кто будетъ добывать и сбывать свидѣтельства, то едва ли можно допустить, чтобы къ этому встрѣтились препятствія со стороны нравственности, съ юридической же стороны подобный промыселъ не представляетъ никакихъ опасеній и трудностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что воспитательный домъ со введеніемъ новыхъ правилъ будетъ принимать наибольшее число дѣтей до десятидневнаго возраста, по прежнему, незаконныхъ и законныхъ, потому что только этотъ способъ *вполнѣ* сохраняетъ тайну рожденія и ничѣмъ не стѣсняетъ; правила же о представленіи свидѣтельствъ о незаконности, получаемыхъ отъ священниковъ, безъ сомнѣнія, вызовутъ въ извѣстномъ размѣрѣ подлоги, именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сохраненіе тайны признаваемо будетъ необходимымъ, или даже дѣтоубійство, или подкидываніе дѣтей, въ случаяхъ крайней нужды и для избѣжанія расходовъ на крещеніе и полученіе свидѣтельствъ, что еще хуже подлоговъ.

Возвращеніе подкидышей тѣмъ матерямъ и даже отцамъ, которые уже рѣшились бросить своего ребенка куда попало, вызываетъ неодолимое сомнѣніе въ томъ, чтобы возвратъ подкидышей «по принадле-

жности» могъ имѣть какія нибудь другія послѣдствія кромѣ увеличенія случаевъ, оскорбляющихъ человѣчество.

Обратимся на минуту къ причинамъ, сдѣлавшимъ необходимымъ воспитательные дома. Эта причина или крайняя бѣдность, или крайняя безнравственность; другихъ причинъ, въ родѣ напримѣръ желанія, скрыть тайну рожденія, принимать нельзя въ наше время и въ особенности въ столицѣ, потому что тайна рожденіи можетъ быть очень хорошо скрыта и безъ воспитательнаго дома. Изъ этого слѣдуетъ, что опекунскій совѣтъ, желая сократить число приносимыхъ на воспитаніе дѣтей и предупредить подлогъ принесенія законныхъ вмѣсто незаконныхъ, рѣшился отдавать болѣе или менѣе значительное число дѣтей на жертву нуждѣ, или насильно оставлять дѣтей на рукахъ людей, хотя и не нуждающихся, но потерявшихъ всякую совѣсть и человѣчность. Такой взглядъ опекунскаго совѣта не имѣетъ оправданія, а никакого другаго взгляда, къ несчастію, нельзя сдѣлать на предположенное сокращеніе числа дѣтей, приносимыхъ въ воспитательный домъ. Безнравственность, которая является причиной злоупотребленій общественной благотворительностью, существуетъ независимо отъ воспитательнаго дома, и стремиться къ искорененію этой безнравственности репресивными мѣрами, отражающимися на участи дѣтей—напрасная мечта.

Одна изъ петербургскихъ газетъ замѣчаетъ, что въ послѣднее время, почти одновременно съ изданіемъ новыхъ правилъ для пріема дѣтей въ воспитательный домъ, начали повторяться частые случаи подкидыванія дѣтей и, что еще хуже, нахожденія мертвыхъ младенцевъ въ отхожихъ мѣстахъ, въ выгребныхъ ямахъ и въ коридорахъ домовъ. Правда, что законъ о новыхъ правилахъ еще не приведенъ въ дѣйствіе, но, конечно, онъ успѣлъ уже произвести извѣстное впечатлѣніе на темныя массы и притомъ впечатлѣніе смутное, безъ точнаго пониманія закона, особенно въ подробностяхъ его, и нельзя сомнѣваться, чтобы случаи подкидыванія и умерщвленія дѣтей, почти небывалые донынѣ въ Петербургѣ, не были послѣдствіемъ этого смутнаго впечатлѣнія, произведеннаго новыми правилами. Въ темную среду людей, несущихъ бремя нужды и труда, извѣстія объ общественныхъ событіяхъ и законахъ проникаютъ только путемъ слуховъ, сопровождаемыхъ обыкновенно превратными толкованіями и даже преднамѣренными искаженіями. Воспитательный домъ пользуется большою популярностью въ низшихъ классахъ, но нельзя сказать, чтобы

популярность эта была лестная для этого благотворительнаго учреждения; всѣ знаютъ, что есть казенное заведеніе, куда можно снести ребенка, не подвергаясь никакому преслѣдованію закона и сохранивъ тайну не только рожденія, но и самаго факта отдачи туда ребенка. Попеченіе правительства надъ этимъ заведеніемъ, попеченіе, которое, какъ предполагается, гарантируетъ возможно-лучшую участь ребенка, какъ-бы снимаетъ отвѣтственность съ совѣсти матерей, прибѣгающихъ къ воспитательному дому; но это въ сущности только іезуитская сдѣлка съ совѣстью, потому что рядомъ съ фактомъ, что ребенокъ не брошенъ среди дороги, всегда стоитъ сознаніе, даже увѣренность, что участь ребенка, отданнаго въ воспитательный домъ, нисколько не лучше того, еслибы ребенокъ оставленъ былъ среди дороги. Трудно повѣрить, изъ какихъ данныхъ и во сколько времени сложилось подобное убѣжденіе; но то, что оно глубоко вкоренилось въ массѣ, это фактъ, не безъизвѣстный всѣмъ, кто не изолированъ отъ общественной массы. Не только въ нисшихъ классахъ, но и въ среднихъ преобладаетъ увѣренность, что въ воспитательномъ домѣ все дѣлается только *на показъ*, что попеченіе, котораго требуетъ ранній младенческій возрастъ, и знаніе дѣла замѣняются тамъ бюрократической формалистикой.

Надо думать, убѣжденіе это сложилось подъ вліяніемъ преувеличенныхъ разсказовъ о случавшихся иногда злоупотребленіяхъ деревенскихъ спекулянтокъ, въ руки которыхъ нерѣдко попадаютъ дѣти изъ воспитательнаго дома, а также и изъ разсказовъ кормилицъ, побывавшихъ въ воспитательномъ домѣ, можетъ быть, на здоровой, но не всегда достаточно вкусной пищѣ, и изъ разсказовъ господъ чиновниковъ вѣдомства опекунскаго совѣта, которымъ извѣстны внутренніе порядки, не всегда выдерживающіе строгій критическій взглядъ; но во всякомъ случаѣ нѣкоторое недовѣріе къ администраціи воспитательнаго дома и къ существующимъ въ немъ порядкамъ, возникшимъ весьма давно и сохранившимся понынѣ, не смотря на преобладаніе вообще духа реформы въ послѣднее десятилѣтіе, имѣетъ значеніе такого факта, противъ котораго нельзя и возражать. Если прибавить къ этому общее недовѣріе къ гуманности и безупречности бюрократическаго управленія въ дѣлахъ общественной благотворительности и наклонность русскаго общества всячески обходить формальности и цензъ; то будетъ вполнѣ понятно, что новыя правила воспитательнаго дома, еще и не введенныя въ дѣйствіе, могли уже от-

разиться въ темной средѣ нужды и мрака рядомъ случаевъ подбрасыванія новорожденныхъ дѣтей и даже дѣтоубійства въ Петербургѣ, гдѣ прежде эти преступленія были весьма рѣдки.

За послѣдствія новыхъ правилъ для пріема дѣтей вообще нельзя не опасаться по многимъ причинамъ. Нравственная субстанція русскаго общества, особенно въ низшихъ слояхъ, еще крайне-незрѣла; нравственное и безнравственное у насъ является какъ бы случайностью; русская совѣсть крайне уступчива передъ напоромъ всякихъ сильныхъ вліяній практической жизни; подуетъ вѣтеръ въ одну сторону, и явленія тотчасъ обнаружатъ какое-то повѣтріе; добро и зло всегда проявляются у насъ эпидемически; на такомъ обществѣ всякая побудительная причина къ преступности можетъ обнаружиться такой массой фактовъ, которая превыситъ всякое ожиданіе. Было бы весьма печально, еслибы новыя правила опекунскаго совѣта явились побудительной причиной преступленій, которыя въ нашей уголовной статистикѣ всегда занимали лишь скромное мѣсто, именно дѣтоубійства и изверженія плода. Въ изслѣдованіяхъ г. Анучина о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь ([1]) видно, что за 9 лѣтъ, съ 1835 по 1843 г., по всей петербургской губерніи осуждено было къ ссылкѣ за дѣтоубійство всего 7 женщинъ и ни одного мужчины, а по московской губерніи только 2 женщины и ни одного мужчины; на этихъ данныхъ нельзя не видѣть вліянія воспитательныхъ домовъ; въ видѣ этихъ цифръ дѣлается поразительнымъ значительный рядъ этихъ преступленій въ самомъ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Прежній районъ петербургскаго воспитательнаго дома, до желѣзныхъ дорогъ и пароходства, ограничивался лишь окрестностями Петербурга; теперь же нѣсколько губерній, соединенныхъ со столицей новыми путями сообщенія, сдѣлались къ нему столь же близки, какъ и его окрестности; слѣдовательно и число питомцевъ воспитательнаго дома неминуемо должно было постоянно возрастать по мѣрѣ соединенія столицы съ губерніями новыми путями. Кромѣ того нѣсколько разъ повторявшійся голодъ въ сосѣдней Финляндіи; безпорядки въ западныхъ губерніяхъ; масса бывшихъ дворовыхъ людей, прекратившихъ съ 1863 г. обязательныя отношенія къ помѣщикамъ и значительно увеличавшихъ собою бездомный и безпріютный пролетаріатъ нашихъ

([1]) Матер. для уголовн. ст. Россіи Ч. 1, стр. 158.

столицъ и городовъ; даже крымская война и польское возстаніе, оставившія немало вдовъ и сиротъ; наконецъ увеличеніе народонаселенія столицы, въ которую привыкли стекаться со всѣхъ сторонъ нуждающіеся, не находящіе у себя дома ни работы, ни хлѣба, ни милостыни, особенно въ послѣднее время неурожая и даже голода во многихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи – все это вмѣстѣ взятое неизбѣжно должно было увеличить до огромныхъ размѣровъ число несчастныхъ, ищущихъ милосердія у дверей воспитательнаго дома. Нужда и несчастіе не справляются съ бюджетами, также какъ и природа, совершающая свое обычное обновленіе по неизмѣннымъ законамъ. Если опекунскій совѣтъ призналъ ненормальнымъ тотъ фактъ, что въ двери воспитательнаго дома нужда и несчастіе стучатся теперь чаще, чѣмъ было въ прежнее время, то это горькая и жалкая ошибка. Напропротивъ, было бы ненормальнымъ, еслибы съ измѣненіемъ условій жизни не измѣнялись и ея явленія. Но какой дастъ отвѣтъ воспитательный домъ нуждающимся и обремененнымъ, которые прибѣгаютъ къ его помощи, и тѣмъ ни въ чемъ неповиннымъ, новымъ пришельцамъ этого міра, которымъ воспитательный домъ, слѣдуя своей идеѣ, долженъ бы былъ замѣнять и грудь, и сердце матери и попеченія отца? Воспитательный домъ, по новымъ правиламъ, встрѣчаетъ этихъ пришельцевъ *пупочнымъ цензомъ* и требованіемъ бумажныхъ формальностей. Если ребенокъ принесенъ съ отпавшимъ пупкомъ, то его *право* на общественное призрѣніе и милосердіе подвергается произволу пріемщика или пріемщицы, которые могутъ произнести свое *мнѣніе*, что ребенокъ рожденъ 11 дней назадъ и потому безъ бумажныхъ формальностей не можетъ быть принятъ на общественное воспитаніе. Здѣсь нѣтъ дѣла ни до какихъ обстоятельствъ жизни; легко ли и даже возможно ли, по средствамъ, добыть требуемыя бумаги; кто мать, жива ли она, можетъ ли она удовлетворить требованіямъ формалистики, для воспитательнаго дома все равно — онъ затворяетъ свои двери и передъ больнымъ, а можетъ быть, и передъ голоднымъ ребенкомъ, если только есть сомнѣніе о томъ, 10 или 11 дней прошло съ минуты его рожденія. Сама жизнь становись въ струнку и вытягивай руки по швамъ передъ канцелярскимъ формализмомъ! А зачѣмъ эти бумаги, которыхъ требуютъ новыя правила? Для того, чтобы «отворить двери раскаянія» для матери, если она впослѣдствіи захочетъ взять ребенка. Но воспитательный домъ отдаетъ дѣтей всѣмъ, кто пожелаетъ, почему же мать или отецъ не иначе могутъ

взять своего ребенка, какъ представивъ прежде, именно при отдачѣ ребенка, *формальное* свидѣтельство объ имени ребенка и его происхожденіи.

Но говорить о правахъ или вообще объ идеѣ, лежащей въ основѣ правилъ, было бы излишне, потому что въ новыхъ правилахъ прямо говорится о цѣли сократить число питомцевъ, т. е., говоря иными словами, затруднить регламентаціей приносъ дѣтей, слѣдовательно многимъ отказать въ просимой помощи и оставить ихъ за порогомъ воспитательнаго дома. Дай Богъ, чтобы этотъ *пупочный цензъ* не сдѣлался оброчной статьей для пріемщицъ, что̀ возможно, такъ какъ въ опредѣленіи 10-дневнаго срока играетъ роль личное усмотрѣніе; иначе будетъ поводъ къ прямому и нескрываемому ропоту и притомъ *общественная* безнравственность порождаетъ всякую личную безнравственность.

Какая же участь будетъ достояніемъ тѣхъ дѣтей, передъ которыми по той или по другой причинѣ закроется дверь воспитательнаго дома?

Гдѣ они найдутъ себѣ пищу и призрѣніе, покуда будутъ исполняться эти формальности, если мать послѣ родовъ, не имѣя у себя слугъ, затруднится сама ходить за документомъ, или больна, или даже умерла? Пусть отвѣчаетъ на это опекунскій совѣтъ.

Съ общечеловѣческой же точки зрѣнія, пупочный цензъ и ограниченно-штатное число питомцевъ представляются въ невыгодномъ свѣтѣ.

Кажется, не нужно много говорить о причинахъ паденія женщины, потому что этотъ предметъ въ послѣднее время довольно изслѣдованъ. Печальный торгъ совѣсти съ голодомъ и холодомъ, съ безпомощностью и безотрадностью на пути жизни, торгъ, въ которомъ совѣсть идетъ или за кусокъ хлѣба, или за минуту неизвѣданнаго наслажденія—вотъ главныя причины незаконнаго дѣторожденія; если къ этому прибавить еще обольщеніе, притворство, обѣщанія со стороны мужскаго пола, то мы будемъ имѣть слишкомъ много причинъ, чтобы объяснить огромное число дѣтей, приносимыхъ въ воспитательный домъ. Женщина нерѣдко продаетъ послѣднее, т. е. себя, для того, чтобы существовать; мужчина нерѣдко подкупаетъ ее, не давая никакихъ обязательствъ относительно послѣдствій. А сколько, спросимъ здѣсь, есть мужчинъ, которые, посвящая себя высшимъ цѣлямъ жизни, т. е. наукѣ, службѣ обществу и въ особенности государству, и оставаясь въ школахъ до 22—25 лѣтъ, не въ состояніи ни имѣть семейства, ни обязываться содержать кого-бы то ни было кромѣ

себя; да и потомъ уже, имѣя не болѣе какъ одно дневное пропитаніе, вынуждаются не нравственными, а чисто практическими и естественными причинами пользоваться сближеніемъ съ женщинами, которыя поставлены въ необходимость не думать о послѣдствіяхъ этого сближенія?

Такія сильныя причины едва ли могутъ уступить регламентаціи новыхъ правилъ; въ противномъ же случаѣ правила эти, не достигая цѣли, должны отразиться на общественной нравственности весьма неблагопріятно.

Постоянно измѣняющіяся условія жизни, конечно, не допускаютъ неподвижности въ уставахъ общественныхъ учрежденій; но мы думаемъ, что пересмотръ правилъ для пріема дѣтей въ воспитательный домъ и желаніе примирить требованія жизни со средствами этого благотворительнаго учрежденія могли привести къ другимъ мѣрамъ, лучшимъ, чѣмъ тѣ, которыя утверждены новыми правилами.

Облегченные пути сообщенія, возложеніе на земство мѣстнаго общественнаго призрѣнія, наконецъ монастыри, которые могли бы быть утилизированы для первоначальнаго воспитанія дѣтей, и отсылка дѣтей въ восточныя губерніи Россіи, гдѣ не стѣсняются увеличеніемъ народонаселенія, все это могло бы быть предметомъ вниманія опекунскаго совѣта при разработкѣ вопроса о средствахъ для выполненія святой идеи воспитательнаго дома. Употребленіе, вмѣсто женскаго молока, сурогатовъ, какъ напримѣръ разбавленное коровье молоко или химическое молоко Либиха, а главное—сокращеніе штатовъ канцелярій и уменьшеніе блеска, вовсе не идущаго къ управленію филантропическимъ учрежденіемъ, также могли бы увеличить воспитательныя средства и избавили бы отъ необходимости прибѣгать къ мѣрамъ, далеко не гуманнымъ, каковы новыя правила.

Одно новое правило, именно о возможности получать дѣтей обратно родителями или родственниками, внушаетъ глубокое уваженіе къ началу, признающему естественное право родителей и на дѣтей, воспитанныхъ въ воспитательномъ домѣ, чего прежде не допускалось. Жаль только, что при этомъ не опредѣляется мѣра вознагражденія, которое должны вносить за получаемыхъ обратно дѣтей, и что это высокое начало не распространяется на дѣтей, приносимыхъ безъ свидѣтельствъ въ первые 10 дней послѣ рожденія и не полученныхъ обратно въ теченіе шести недѣль. Благотворность и милосердіе ни въ какомъ случаѣ не должны отнимать права, принадлежащаго че-

ловѣку по природѣ; если же не допустить въ одномъ случаѣ права матери взять обратно своего ребенка, допустивъ это въ другомъ случаѣ лишь подъ условіемъ соблюденія бумажной формальности, то это еще не значитъ, говоря словами правилъ, „отворить двери раскаянію". Купить ребенка за расходы на воспитаніе нельзя, этого римскаго понятія не допускаетъ христіанскій взглядъ на человѣка; слѣдовательно право матери взять обратно ребенка во всякомъ случаѣ, когда она пожелаетъ, не должно бы зависѣть отъ того, соблюдала ли она извѣстную формальность или нѣтъ, принося ребенка въ воспитательный домъ; право это выше всякихъ формальностей и не можетъ быть отмѣнено гражданскимъ закономъ, какъ исходящее изъ религіознаго воззрѣнія. Если частный человѣкъ принялъ на воспитаніе ребенка, то этимъ актомъ милосердія не уничтожается право матери на ребенка; почему же общественная благотворительность дѣлаетъ это право условнымъ?

Не требовать непремѣннаго вознагражденія за воспитаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда мать желаетъ взять ребенка обратно, было бы истиннымъ милосердіемъ и, конечно, не ослабило бы воспитательныхъ средствъ опекунскаго совѣта, если средства эти почерпаются въ большей или меньшей мѣрѣ изъ государственныхъ источниковъ, потому что каждый выросшій гражданинъ въ теченіе своей жизни оплачиваетъ государству болѣе, чѣмъ сколько обходится его воспитаніе. Каждая овца, воспитанная заводчикомъ, вознаграждаетъ его съ избыткомъ шерстью, которую онъ стрижетъ ежегодно; совершенно также и люди по отношенію къ государству, въ пользу котораго всякій уплатитъ путемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ гораздо болѣе, сколько стоитъ воспитаніе въ младенческомъ возрастѣ. Общественное выкармливаніе дѣтей даетъ государству новыхъ гражданъ, которые безъ того могли бы пропадать; слѣдовательно ни воспитательному дому, ни государству не было бы убытка отдавать матерямъ выкормленныхъ дѣтей—будущихъ гражданъ государства.

Сверхъ всего замѣтимъ, что благопріятнаго пересмотра правилъ воспитательнаго дома можно ожидать въ такомъ лишь случаѣ, когда въ этихъ правилахъ перестанутъ преслѣдовать нравственныя цѣли, ограничиваясь лишь цѣлью филантропическою, потому что вообще нравственные и соціальные вопросы стоятъ внѣ тѣсной сферы воспитательнаго дома.

Цена 2.00